РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. **ЯНВАРЬ.** 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Натальи Николаевны ПУШКИНОЙ,** жены А. С. Пушкина, въ 1837 г. Рисов. съ современной акварели П. Ѳ. Борель, гравировалъ въ Парижѣ г. Паннемакеръ.

II. Указатель личныхъ именъ въ XXXV и XXXVI томахъ «Русской Старины» изд. 1882 г. (*должно помѣстить при декабр. книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 г.*).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90-1

1883.
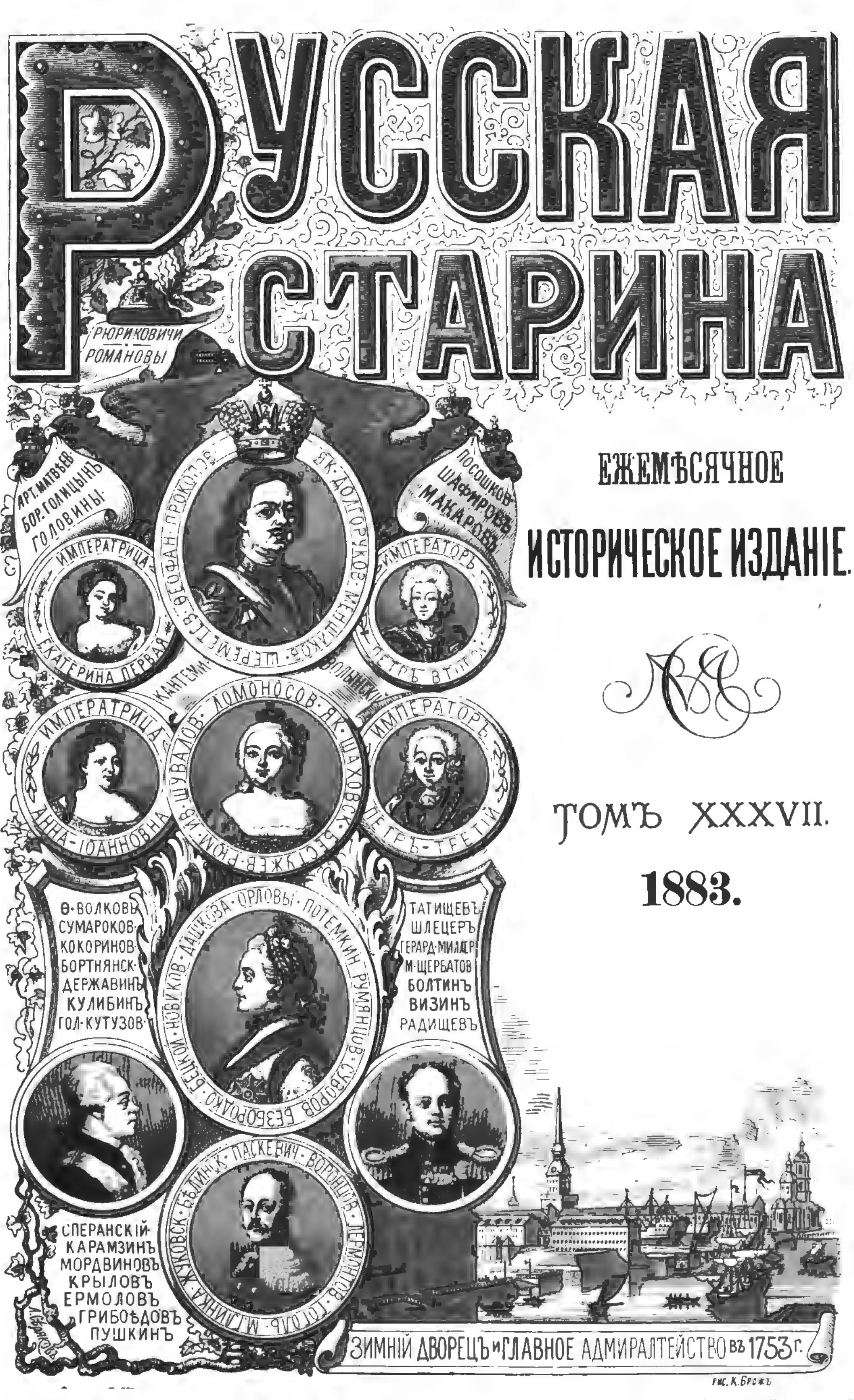
I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1883 г.

Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по оффиціальнымъ документамъ Н. Гиббенетъ. Ч. I. Спб. 1882 г. 270. Ц. 2 р.

Дѣло Никона давно привлекало вниманіе нашихъ историковъ, но ни разу не было изслѣдовано еще въ совершенной полнотѣ. Прежніе историки черпали свѣдѣнія о немъ, главнымъ образомъ, изъ иностранныхъ источниковъ. XI томъ Соловьева и въ этомъ вопросѣ составляетъ исходную точку въ другомъ направленіи изслѣдованій, основанныхъ преимущественно на документальныхъ свѣдѣніяхъ и матеріалахъ. Трудъ Соловьева вызвалъ отдѣльную монографію по дѣлу Никона, принадлежащую г. Субботину и дополняющую пропуски въ означенномъ сочиненіи. Одновременно съ тѣмъ В. И. Ламанскій напечаталъ большое извлеченіе по дѣлу Никона изъ государственнаго архива въ Запискахъ Спб. Археол. общ. по отдѣлу русской словесности и археологіи (т. 2). Но и это извлеченіе представляетъ лишь малую часть всѣхъ матеріаловъ. Поэтому въ 1875 г. въ археогр. коммисіи было сдѣлано предложеніе г. Штендманомъ издать полное собраніе документовъ по дѣлу Никона; но при этомъ было обращено вниманіе на матеріалы по тому же вопросу, хранящіеся въ москов. синодальной библіотекѣ, которыми, по ходатайству комитета, предположено было воспользоваться г. Штендману въ архивѣ синода (лѣтоп. зан. арх. ком. VI, 115—116, 132—134). Дальнѣйшій ходъ дѣла по изданію этихъ документовъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, хотя, какъ видно изъ протоколовъ коммисіи, въ то время находился и знающій редакторъ для нихъ, и средства на изданіе сборника. Очень жаль, если столь важнымъ матеріаломъ предпочтено что нибудь менѣе важное или уже разъ напечатанное въ другомъ мѣстѣ. Археогр. комитетъ издаетъ теперь «Историч. библіотеку», для которой матеріалы о Никонѣ послужили бы, конечно, украшеніемъ, тѣмъ больше, что въ этомъ же изданіи нашли уже мѣсто акты иверскаго монастыря, относящіеся къ тому же Никону.

Насколько важно систематическое и строго хронологическое изданіе документовъ по дѣлу Никона, лучшимъ подтвержденіемъ служитъ изслѣдованіе г. Гиббенета. Въ своемъ трудѣ послѣдній свидѣтельствуетъ, что во время пользованія покойнымъ Соловьевымъ документами о Никонѣ, послѣдніе, будучи писаны на столбцахъ, а потомъ развернуты, были склеены не въ порядкѣ, а потому представляютъ большую путаницу въ хронологіи, содержаніи и самомъ смыслѣ изложенія, тѣмъ болѣе затрудняющую изслѣдователя, что на бумагахъ не значится ни годовъ, ни мѣсяцевъ. «Вотъ почему, замѣчаетъ авторъ называемаго труда, я и открылъ въ дѣлѣ Никона много новыхъ документовъ; но это не легко дается; для этого требовалось, кромѣ навыка къ бѣглому чтенію столбцовъ, терпѣніе, время, долгія и усидчивыя занятія. Вслѣдствіе путаницы въ столбцахъ и у С. М. Соловьева въ исторіи смѣшаны два событія, хотя одного характера, но разнаго времени. Другія бумаги оказались вовсе пропущенными. Вообще объ этихъ матеріалахъ авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: «Въ дѣлѣ патріарха Никона есть документы, еще неизвѣстные въ печати, которые несомнѣнно прольютъ новый свѣтъ на событія столь отдаленной отъ насъ эпохи и обогатятъ науку новыми свѣжими свѣдѣніями, которыя могутъ воскресить въ лучшей памяти знаменитаго іерарха».

Разсматриваемое изслѣдованіе написано по этимъ матеріаламъ и во многихъ мѣстахъ исправляетъ и дополняетъ трудъ покойнаго историка, но изъ него не видно, чтобы авторъ воспользовался матеріалами синод. библіотеки, на которые было указано въ археографич. коммиссіи, а потому нельзя сказать, въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу. Свою основную точку зрѣнія авторъ высказалъ уже въ приведенныхъ выше словахъ. Въ другомъ мѣстѣ, приводя различныя мнѣнія о причинѣ разлада царя съ патріархомъ, авторъ замѣчаетъ: «Но изъ всѣхъ этихъ заключеній долженъ быть и общій выводъ такой: нѣтъ сомнѣнія, что первою причиною къ охлажденію ихъ дружбы были козни бояръ противъ Никона, что бояре вооружили царя противъ друга-патріарха; но когда и при какихъ обстоятельствахъ послѣдовалъ окончательный разрывъ ихъ дружбы—это остается еще не выясненнымъ; документовъ о такомъ прискорбномъ обстоятельствѣ нѣтъ и поэтому вопросъ о томъ остается открытымъ» (23—26).

РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
ТОМЪ XXXVII.
1883.
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
АРТ. МАТВѢЕВ
БОР. ГОЛИЦЫНЪ
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВ
ШАФИРОВЪ
МАКАРОВЪ
ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ВТ.
ИМПЕРАТРИЦА
АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ТРЕТІЙ
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД. МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
рис. К. Брожъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1883

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА,

супруга великаго поэта,

1830 — 1837.

приложение къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1883 г. томъ XXXVII.

ЗАПИСКИ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1831 гг.

АЛЕКСАНДРЪ I [1]).

I.

По утру въ 5 часовъ 12-го марта 1801 года, явился курьеръ адмиралтействъ-коллегіи съ словесною повѣсткою, что въ ночь императоръ Павелъ I скончался апоплексическимъ ударомъ, и велѣно всѣмъ явиться къ присягѣ въ Зимній дворецъ. Это крайне меня встревожило. Мною овладѣло сомнѣніе; я полагалъ, по молодости лѣтъ: не велѣлъ-ли это Павелъ объявить, чтобы узнать, обрадуются-ли, или опечалятся его подданные при извѣстіи о такой внезапной катастрофѣ? Я одѣлся наскоро, и во всей формѣ, съ пасмурнымъ лицомъ и тяжелымъ сердцемъ, направилъ путь къ Зимнему дворцу. Дорогой, мало-ли что бродило въ бѣдной головѣ моей. Вдругъ вспомнилъ я о томъ, что̀ происходило наканунѣ вечеромъ, который я провелъ у графа Головкина, странный случай, бывшій съ извощикомъ, и о томъ, что̀ видѣлъ въ домѣ графа Палена [2]). Все это смутило меня пуще. „Кто нынѣ дежурный флигель-адъютантъ?—спросилъ я самаго себя. Кажется,

---

[1]) См. первыя двѣ части Записокъ Я. И. де-Санглена: ч. I: „Царствованіе Екатерины II" и ч. II: „Павелъ I и его время" въ „Русской Старинѣ" изд. 1882 г., томъ XXXVI, (декабрь), стр. 443—498.

[2]) Эти подробности нами сохранены въ рукописи Я. И. де-Санглена.

Ред.

Арсеньевъ. Онъ долженъ все вѣрнѣе знать". Я вошелъ къ нему; онъ одѣвался; каммердинеръ его былъ французъ, который хорошо говорилъ по-русски. При немъ я не смѣлъ ничего сказать, кромѣ:

— „Ты, кажется, нынче дежурный?"

— „Да! отвѣчалъ Арсеньевъ; да ты, что-то, продолжалъ онъ, не въ своей тарелкѣ?"

— „Такъ, голова болитъ".

Онъ одѣлся, и я разсказалъ Арсеньеву о томъ, что̀ мнѣ объявлено. „Ради Бога, молчи, отвѣчалъ онъ; какъ же бы мнѣ, флигель-адъютанту, этого не знать? Выдумка какого либо пьяницы, мошенника, или сумашедшаго. Поѣдемъ вмѣстѣ во дворецъ" [1]).

Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ выѣзжающія изъ Михайловскаго дворца въ Зимній лейбъ-коляски [2]) съ разными пожитками.

— „Смотри", сказалъ я Арсеньеву.

„Да! отвѣчалъ онъ. Дворъ переѣзжаетъ изъ Михайловскаго въ Зимній дворецъ; тамъ сырость несносная. Карета готова, ѣдемъ".

Подъѣхавъ къ мосту, мы, по обыкновенію, вышли изъ кареты, взяли шляпу въ правую руку, въ лѣвую палку, и,—„лѣвой, правой",—промаршировали до главныхъ воротъ дворца и стали подъ сводомъ, чтобы не много оправиться. Крайне меня удивило, что въ караулѣ были не преображенцы, а лейбъ-гренадеры. Маіоръ, командовавшій карауломъ, подошелъ къ намъ и спросилъ Арсеньева:

— „Кого вамъ угодно?"

„Я дежурный флигель-адъютантъ".

— „Я спрашиваю: кого вамъ угодно?"

„Мнѣ угодно, отвѣчалъ Арсеньевъ съ досадою, вступить на дежурство къ императору".

— „Къ которому?" спросилъ маіоръ.

„Что за вопросъ? У насъ одинъ императоръ Павелъ".

— „Пожалуйте на гауптвахту".

А обратясь ко мнѣ, маіоръ спросилъ:

---

[1]) Мы узнали, что вся Милліонная улица была всю ночь подъ арестомъ, т. е. изъ живущихъ полиція никого не впускала и не выпускала.

[2]) Тогда все дворцовое было «лейбъ»: лейбъ-кострюльки, лейбъ-медики и проч. **Я. И. де-С.**

— „А вамъ что угодно?"

Отвѣтъ былъ уже готовъ:

„Иду къ адмиралу Кушелеву".

— „Онъ, нынѣшнюю ночь, переѣхалъ въ свой собственный домъ. Вы тамъ его найдете";—и оборотя мнѣ спину, пошелъ съ Арсеньевымъ на гауптвахту.

Радъ радехонекъ, что отдѣлался отъ маіора, пошелъ я къ экипажу. У монумента Петра I [1]), я остановился и размышлялъ: что мнѣ дѣлать, и какъ выручить Арсеньева? Вдругъ скачетъ карета во весь опоръ чрезъ мостъ, чего прежде не было. Смотрю: кто въ ней? Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ. Возвращаюсь опять къ подъѣзду; онъ только что выпрыгнулъ изъ кареты, и я уже стоялъ передъ нимъ и разсказалъ о случившемся. Уваровъ подозвалъ маіора, шепнулъ ему что-то на ухо, и Арсеньевъ явился.

— „Пойдемте, господа, сказалъ Уваровъ, мнѣ велѣно поднять (на катофалокъ) тѣло императора".

Мы подошли къ опочивальнѣ, у дверей которой стояли два часовыхъ Семеновскаго полка. Мы вошли.......

......Тѣло (опочившаго государя) окоченѣло. Я не могъ удержаться отъ слезъ, произнесъ про себя тихую молитву и поцѣловалъ руку скончавшагося вѣнценосца....... и выбѣжалъ изъ комнаты. На лѣстницѣ встрѣтилъ я особъ, назначенныхъ для поднятія тѣла, вмѣстѣ съ докторами.

Въ 10 часовъ утра, явился я въ Зимній дворецъ. Здѣсь всѣ залы были почти наполнены военными и гражданскими чиновниками. Въ первой залѣ ходили рука объ руку Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ съ Сперанскимъ, котораго тутъ увидѣлъ въ первый разъ. Среди залы, нѣсколько офицеровъ изъявляли радость свою, что будутъ по старому носить фраки и круглыя шляпы. Я вошелъ во вторую залу. Здѣсь сидѣлъ у камина гр. Н. А. Зубовъ, передъ нимъ стоялъ кн. Яшвиль. Ихъ окружали нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ я накануне вечеромъ видѣлъ у гр. Палена. Громко сказалъ Зубовъ Яшвилю.... (но) я отвернулся, ушелъ назадъ въ первую залу и увидѣлъ стоящаго въ дверяхъ великаго князя Константина Павловича, съ лорнетомъ въ ру-

[1]) У того монумента, что стоитъ предъ Михайловскимъ, нынѣ Инженернымъ, замкомъ. Ред.

кахъ, устремившаго взоръ на сидящихъ около камина; какъ будто про себя, но громко сказалъ онъ: „я всѣхъ ихъ повѣсилъ бы". Съ симъ словомъ, воротился онъ въ первую залу, а я за нимъ. Здѣсь уже начали приводить къ присягѣ, и всѣ другъ за другомъ подписывались. Вдругъ шумъ и говоръ утихли, генералъ Уваровъ расчищалъ дорогу для шедшаго за нимъ наслѣдника. Новый императоръ шелъ медленно, колѣна его какъ будто подгибались, волосы на головѣ были распущены, глаза заплаканы, смотрѣлъ прямо передъ собою, рѣдко наклонялъ голову, какъ будто кланялся; вся поступь его, осанка, изображали человѣка, удрученнаго горестію и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока . . . . Среди общей радости всѣхъ сословій, одинъ Александръ былъ печаленъ. . . . . видъ огорченнаго императора-сына пріобрѣлъ ему сердца всѣхъ.

По окончаніи присяги всѣ разошлись.

II.

Теперь я долженъ, на нѣсколько времени, обратить вниманіе читателя на самаго себя. За двѣ недѣли до кончины императора Павла, я, сжалясь надъ слезами жены, которая была за меня въ безпрерывномъ страхѣ, слыша, что тотъ или другой офицеръ несчастливъ или исключенъ—подалъ въ отставку, не взирая ни на просьбы друзей, ни на увѣщаніе начальства. По восшествіи же на престолъ Императора Александра, всѣ совѣтовали мнѣ просить о возвращеніи просьбы, мною поданной; но мнѣ казалось это не деликатнымъ. Что скажетъ государь?—думалъ я; не хотѣлъ служить отцу, а теперь просится въ службу. Никто, а я менѣе всѣхъ, не могъ выбить эту глупую идею изъ головы моей, молодой и неопытной. На второй недѣлѣ послѣ восшествія на престолъ, я былъ отставленъ. Теперь только пришло мнѣ въ голову спросить самаго себя: что дѣлать? Въ Петербургѣ оставаться было невозможно, и рѣшительно средствъ не было никакихъ. По долгомъ размышленіи, которое могло-бы быть и короче, рѣшился продавать мебель, все нужное, но во время путешествія безполезное, и потомъ уѣхать; но куда? Въ Нижегородской губер-

ніи была у меня пустошь, десятинъ 300. „Поѣдемъ, сказалъ я женѣ, заведемся тамъ хозяйствомъ, сдѣлаемся пахарями". Сосчитали деньги; нашли, что на дорогу денегъ не хватаетъ. Къ счастію, хорошій знакомый и пріятель А. П., вышедшій тоже, какъ и я, въ отставку, ѣхалъ въ свои Нижегородскія помѣстья. Онъ предложилъ ѣхать съ нимъ водою. Что думать? Куплена была большая разшива, которую мы раздѣлили на двѣ половины, и мы, съ женою и сыномъ, помѣстились вмѣстѣ съ А. П. на расшивѣ и поѣхали, чтобы посвятить дни свои хозяйству. Здѣсь планъ разширился: А. П. предложилъ мнѣ ѣхать къ нему, въ его село; и жить тамъ, пока я не учреждусь въ моей пустоши. Предложеніе было довольно деликатное; ибо онъ утверждалъ, что я могу ему быть полезнымъ, раздѣляя его деревенскіе труды. Какъ не согласиться, тѣмъ болѣе, что въ этомъ путешествіи явилась и цѣль!

Не буду докучать читателю описаніемъ продолжительнаго и скучнаго нашего путешествія. Однако Кострома обратила на себя мое вниманіе; мы здѣсь остановились отдохнуть. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы побывать въ Троице-Ипатьевскомъ монастырѣ. Здѣсь послѣдовало предварительное торжественное принятіе Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ предложеннаго ему престола московскаго царства; и какая простота! Мѣсто, на которомъ онъ стоялъ во время церемоніи, украшено дубовымъ балдахиномъ, на которомъ изображены рѣзной работы гербы всѣхъ тогдашнихъ воеводствъ и городовъ; на задней сторонѣ внутри этого простаго, даже неокрашеннаго, памятника, натянуто красное сукно, а на немъ изъ узенькаго, золотаго галуна поставлена литера *М*. Нѣтъ тутъ ни серебра, ни золота, все просто; а между тѣмъ, все возбуждаетъ почтеніе къ сему памятнику. Монахъ, меня водившій, разсказалъ мнѣ два интересные анекдота, которые я читателю передать хочу, ибо относятся къ Великой Екатеринѣ. Когда сія великая государыня посѣтила монастырь, то, вѣроятно, изъ желанія будто ей угодить, перемѣнили букву *М* на *Е*. Екатерина прогнѣвалась, вышла изъ церкви, и не прежде воротилась, какъ буква *Е* уже была замѣнена прежнею *М*, которая, по словамъ Екатерины, достойнѣе была занимать это мѣсто.

Другой анекдотъ доказываетъ, какъ умѣла Екатерина ува-

жать мнѣніе народа, даже суевѣріе его, и тѣмъ сдѣлалась Великою женою. Она уже стояла на мѣстѣ, на которомъ стоялъ ея предшественникъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ увидѣла порядочно одѣтую даму, приблизившуюся къ образу св. Богородицы; дама, помолившись, стала на колѣни и положила предъ иконою большой свертокъ бумаги. Это удивило Екатерину; она обратилась къ стоящему вблизи генералъ-адъютанту и приказала спросить у неизвѣстной дамы: что это за бумаги? Онъ возвращается и докладываетъ: „барыня эта подала просьбу Богородицѣ на ваше императорское величество“. Государыня, приказавъ ее подозвать, сказала: „за что вы меня такъ жестоко наказываете?—подаете на меня просьбу Пресвятой Богородицѣ“.—„Я нѣсколько разъ, отвѣчала барыня, осмѣливалась утруждать ваше величество, жалуясь на несправедливость судей, лишившихъ меня слѣдующаго мнѣ имѣнія. Не получая никакого отвѣта, я рѣшилась просить Пресвятую Богородицу“.—„Возьмите вашу просьбу назадъ, отдайте ее мнѣ; я сама разсмотрю ваше дѣло и отдамъ вамъ должную справедливость“. Дѣйствительно, государыня, разсмотрѣвъ ея дѣло, возвратила ей несправедливо отнятое у нея имѣніе и оштрафовала судей.

Подобный поступокъ привязываетъ болѣе сердца подданныхъ къ владыкамъ своимъ, нежели раздача наградъ, не всегда истинно заслужённыхъ.

Наконецъ, послѣ многихъ неудачъ, безпокойствъ и лишеній разнаго рода, мы приплыли къ мѣсту нашего назначенія, и, увы! скоро все то, о чемъ я мечталъ, все то, что мнѣ издалека казалось выгоднымъ, даже плѣнительнымъ, явилось на мѣстѣ неудобнымъ, или лучше совершенно невозможнымъ. Быстрое разрушеніе всѣхъ моихъ плановъ, и будущее, не представляющее мнѣ ничего утѣшительнаго, произвело сильное волненіе въ сердцѣ и повергло наконецъ въ болѣзнь. Жена тоже занемогла. Насъ перевезли больныхъ въ Нижній Новгородъ. Какъ насъ люди наши перетащили въ городъ, какимъ образомъ я, послѣ тяжкой горячки, первый началъ оправляться, потомъ жена моя,—не могу понять и доселѣ. Едва успѣлъ я встать на ноги, явились и заботы. Во время болѣзни нашей, люди, чтобы платить за квартиру, за лекарство и проч., продали почти всѣ наши пожитки, серебро, часы, и т. д.; но, къ счастью, уцѣлѣлъ фракъ, въ которомъ я прилично могъ явиться въ публику. Не зная никого, я

пошелъ прямо къ г. гражданскому губернатору, разсказалъ ему откровенно свое положеніе; но онъ уже объ ономъ былъ извѣщенъ. Г. гражданскій губернаторъ, принявъ меня ласково, открылъ мнѣ домъ свой, воскресилъ во мнѣ надежду и, наконецъ, по его вліянію, и стараніями М. Л., съ которымъ я познакомился у губернатора, дворянство выбрало меня въ засѣдатели совѣстнаго суда.

III.

Совѣстный судъ возстановленъ былъ императоромъ Александромъ послѣ кончины Павла I. Здѣсь явился случай, о которомъ разсказать почитаю обязанностію, ибо онъ имѣлъ сильное вліяніе на будущую судьбу мою. Въ Нижнемъ Новгородѣ жилъ человѣкъ, извѣстный своими странностями и своимъ богатствомъ. Это былъ отставной поручикъ Нармондскій; онъ ходилъ въ длинномъ, бархатномъ, русскомъ кафтанѣ, и проводилъ дни въ совершенномъ отчужденіи отъ людей. Я объ немъ слыхалъ, но никогда не видалъ. Въ одно утро рано, приходитъ ко мнѣ Нижегородскій полицеймейстеръ Кемпекъ, бывшій прапорщикъ прусской службы, слѣдовательно съ длинною по поясъ косою, и объясняетъ мнѣ слѣдующее: „г. Нармондскій въ несчастіи, а онъ мой благодѣтель. Пріѣхалъ сюда отставной маіоръ Т., купившій у наслѣдниковъ Нармондскаго за 5 т. р. асс. право получить имѣніе, состоящее изъ 2 т. душъ. Нашелъ въ гражданской палатѣ покровительство; она, по иску Т. [1]), требовала, чтобы Нармондскій явился и далъ отвѣтъ. Онъ ни того, ни другаго не сдѣлалъ, утверждая, что при жизни его, а еще менѣе за 5 т. р., нельзя купить имѣнія въ 2 т. душъ безъ обмана казны. Палата посадила его въ тюрьму. Нармондскій проситъ позволенія подать просьбу въ совѣстный судъ“. Судья, князь Г., былъ въ отсутствіи; а я, обрадовшись случаю защитить притѣсненнаго, сказалъ полицеймейстеру, что тутъ спрашивать нечего; пусть подаетъ. Между тѣмъ, отправилъ я эстафету къ князю съ слѣдующей запиской: „Пріѣзжайте, князь, какъ можно поспѣшнѣе;

---

[1]) Фамиліи здѣсь и далѣе скрыты подъ заглавныя буквы самимъ де-Сангленомъ. Ред.

здѣсь давятъ невиннаго; онъ подалъ въ судъ просьбу, и я уже началъ дѣйствовать. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе, чтобы не вырвали у насъ изъ рукъ добраго дѣла". Князь тотчасъ прискакалъ; мы вытребовали дѣло изъ гражданской палаты и, по извѣстной статьѣ учрежденія, немедленно освободили Нармондскаго. Маіоръ Т. не желалъ судиться въ совѣстномъ судѣ; а мы, по этому самому нежеланію судиться по совѣсти, отказали Т. въ искѣ его, съ прописаніемъ всей беззаконности онаго. Т. поѣхалъ въ Петербургъ и принесъ жалобу г. министру юстиціи на князя и на меня; слѣдствіемъ чего было, что насъ потребовали въ Петербургъ. Краснорѣчіе наше, жаръ, съ которымъ защищали мы невинность, осрамили маіора Т. Ему отказано было, а меня повелѣно принять въ службу, и я помѣщенъ былъ въ Москву, въ удѣльную контору, товарищемъ совѣтника.

IV.

Тогда удѣльной экспедиціи подвластны были нѣсколько губерній, что́ все составляло 80 т. душъ. Боже мой! съ какимъ восторгомъ спѣшилъ я въ Москву, чтобы скорѣе вступить въ должность и сдѣлаться защитникомъ и покровителемъ 80 т. душъ. Я мечталъ уже быть дѣйствительно ихъ благодѣтелемъ. Меня въ этомъ сильнѣе обрадовало то, что, при отпускѣ, г. министръ удѣловъ сказалъ мнѣ: „пишите прямо ко мнѣ: я поставилъ въ Москвѣ совѣтникомъ человѣка стараго, но почтеннаго. Вы молоды, дѣятельны; вамъ довѣряю участь значительной части людей. Я надѣюсь на васъ; пишите прямо ко мнѣ". Чего же лучше? я этому повѣрилъ и радовался заботливости министра о человѣчествѣ. Увидимъ послѣдствія.

Начальникъ удѣльной экспедиціи, совѣтникъ К.,—былъ человѣкъ добрый, мягкій, но безъ всякой энергіи и воли, довольно простоватый, старый и занимался болѣе подправкою, масляною краскою, испорченныхъ картинъ у графовъ Шереметева и Мусина-Пушкина. Это составляло его кредитъ; но его поддерживала еще хитрая его жена, находившаяся въ тѣсной связи съ извѣстной тогда Прасковьей Степановной, любимицею министра удѣловъ. Презрѣнная эта связь заставила меня презирать и совѣтника, и

жену его, пользовавшихся такимъ гнуснымъ кредитомъ, даже и всѣхъ товарищей и служащихъ въ экспедиціи, которые ползали предъ начальникомъ изъ этой подлой связи. Въ самомъ дѣлѣ, я бранился съ подчиненными, и неоднократно заставлялъ возвращать крестьянину насильно у него взятое. Спустя недѣлю послѣ вступленія моего въ должность, явилась въ судъ крестьянка села Коломенскаго, бросилась предъ совѣтникомъ на колѣна и просила защиты. „Отдаютъ, говорила она, по мірскому приговору, мужа моего, отца пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, въ рекруты, чтобы спасти богатаго крестьянина, на которомъ очередь, отъ рекрутства". Совѣтникъ обратился къ секретарю, который объявилъ, что дѣлать нечего, ибо это сдѣлано по мірскому приговору. „Какъ нечего? вскричалъ я; вызвать голову, и узнать отъ него, справедлива-ли жалоба крестьянки, и дать ей бѣдной утѣшеніе, что просьба ея не осталась безъ вниманія". Секретарь сказалъ совѣтнику: „это только умножитъ дѣла".—„А зачѣмъ мы тутъ, сказалъ я, если не для того, чтобы подавать помощь обиженнымъ?" Что я ни говорилъ, какъ, изъ жалости, ни заступался за эту бѣдную женщину,—все было не впопадъ. Совѣтникъ объявилъ крестьянкѣ, что въ этомъ случаѣ дѣлать нечего, ибо все учинено законно, по мірскому приговору, и экспедиція далѣе входить не можетъ. Крестьянка пошла со слезами, а я, по окончаніи присутствія, поскакалъ въ село Коломенское прямо къ головѣ; распрося его подробно обо всемъ, не состоитъ-ли этотъ крестьянинъ въ какомъ либо дурномъ замѣчаніи и, получа отъ него отвѣтъ отрицательный, я представилъ ему всю несправедливость ихъ поступка и увѣщевалъ его собрать мірскую сходку и уговорить крестьянъ перемѣнить этотъ безсовѣстный приговоръ. На другой день, пріѣхалъ ко мнѣ голова съ объявленіемъ, что первый приговоръ уничтоженъ; богатый крестьянинъ, на котораго была очередь, представилъ за себя купленнаго имъ съ воли рекрута, и мужъ просительницы освобожденъ. Я очень обрадовался спасенію отца малолѣтняго семейства; а онъ, въ простотѣ сердца, сказалъ: „какой ты, батюшка, страдательный". Немедленно послѣ сего я увѣдомилъ г. министра, согласно приказанію его, о моемъ поступкѣ, сдѣланномъ единственно изъ человѣколюбія.

Съ первой почтой получилъ я отъ г. министра отвѣтъ, въ которомъ сказано: „отдавая полную справедливость движеніямъ

сердца вашего, долженъ вамъ замѣтить, что успѣхи каждаго присутственнаго мѣста зависятъ отъ согласія и единодушія всѣхъ членовъ".

Что такое? Слѣдовательно мнѣ не должно поступать по движенію сердца, которое однакоже одобряется. Воля г. министра; но я не понимаю, и, вопреки мнѣнію его превосходительства, буду дѣйствовать, какъ совѣсть и честь повелѣваютъ; а тамъ, да будетъ воля Господня! Вскорѣ явился случай, въ которомъ могъ привесть въ исполненіе обнаруженныя мною правила.

Полученъ былъ въ экспедиціи рапортъ о продолжающемъ бунтѣ въ Карповскомъ приказѣ, куда уже до меня отправленъ былъ второй товарищъ совѣтника, и былъ встрѣченъ крестьянами розгами, и выгнанъ изъ селенія. Генералъ-губернаторъ, графъ Салтыковъ, собирался послать военную команду для усмиренія. Экспедиція дала мнѣ указъ—ѣхать въ селеніе Карпово для усмиренія бунтовщиковъ. Я явился къ графу Салтыкову, просилъ его не отправлять военный караулъ, а позволить мнѣ ѣхать одному.

— „Васъ убьютъ", сказалъ мнѣ графъ.

„Я не думаю, ваше сіятельство!"

Графъ. „Они обѣщались убить перваго, кто пріѣдетъ изъ Москвы".

Я: „Это ясно доказываетъ, что крестьяне имѣютъ важныя причины быть недовольными; а я не успѣлъ еще обратить на себя ихъ негодованіе".

Графъ, улыбаясь, „Статься можетъ. Поѣзжайте съ Богомъ, и если возвратитесь, пріѣзжайте прямо ко мнѣ".

Я немедленно нанялъ лошадей, взялъ съ собою чиновника изъ экспедиціи, и, въ сопровожденіи своего человѣка, пустился въ путь.

Къ ночи мы пріѣхали въ Брельскій (?) приказъ, откуда до Карповскаго оставалось только 8 верстъ. Голова Брельскій разсказалъ мнѣ, что въ этотъ же день была въ Карповѣ мірская сходка, на которую вышелъ священникъ со крестомъ, желая ихъ усмирить; но они, поколотя его порядочно, сказали: „убирайся, въ Москвѣ убили архіерея, а тебя щелчкомъ отправимъ на тотъ свѣтъ". Голова разсказалъ мнѣ еще и другія подробности, и окончилъ прошеніемъ не ѣхать, ибо они поклялись, если кто изъ экспедиціи пріѣдетъ, взяточника убить. Утро вечера мудренѣе, сказалъ я: выспл̣юсь и потомъ съ Богомъ, а ты, голова, выбери мнѣ че-

ловѣкъ восемь понятыхъ людей, здоровыхъ, съ веревками за пазухой, чтобы ѣхали со мною верхомъ; это только для того, чтобы проводить меня до приказа проселкомъ, и чтобъ объявили тебѣ, если меня убьютъ.

На другой день, вставъ рано по утру, велѣлъ закладывать, и съ восемью понятыми отправился я въ село Карпово. Чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ понятыхъ вскричалъ: „вотъ и село Карпово". Подъѣхавъ къ оному, приказалъ я понятымъ скрыться въ первой избѣ, оставя одного при себѣ, а прочимъ ожидать моего приказанія. Едва успѣлъ я поровняться съ церковью, какъ ударили въ набатъ. Я послалъ понятаго на колокольню съ приказомъ, сильнѣе бить. Между тѣмъ, изъ дома, находящагося противъ церкви, вышелъ ко мнѣ священникъ, весь избитый. Онъ повторилъ мнѣ то, что я уже слышалъ въ Брели, и совѣтовалъ мнѣ воротиться, потому что крестьяне дали другъ другу слово убить перваго пріѣзжаго изъ удѣльной экспедиціи. „Не бойтесь, отвѣчалъ я; готовьтесь отслужить молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ за здравіе всемилостивѣйшаго государя нашего"; а самъ сталъ на паперти при входѣ въ церковь. Явился съ колокольни понятой съ объявленіемъ, что со всѣхъ сторонъ валитъ народъ такъ, что пыль столбомъ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени прибыли тысячи, и когда подошли къ церкви: „здравствуйте, господа, сказалъ я имъ; я самъ велѣлъ бить сильнѣе въ набатъ, чтобы вы скорѣе пришли, и собрать васъ къ молебну; пойдемте!" — и самъ пошелъ впередъ. Всѣ хлынули за мною, и менѣе чѣмъ въ четверть часа, уже въ церкви мѣста не было. Началось молебствіе, и по окончаніи онаго, приказалъ я чиновнику, при мнѣ находящемуся, прочитать указъ, данный на мое имя изъ экспедиціи, чтобы разобрать причины неудовольствія крестьянъ. Не выходя изъ церкви, обратился я къ народу, сказавъ громко: „теперь пойдемте въ приказъ". Я шелъ бодро; подлѣ меня блѣдный, едва дышущій чиновникъ, а за нами народъ. Слишкомъ шумливый говоръ народа заставилъ меня остановиться и закричать: „смирно"! и все смолкло. Пришли. Я вошелъ въ приказную избу; она была такъ тѣсна, что едва 20 человѣкъ могли въ ней помѣститься. Я велѣлъ вынести столъ въ поле, сундукъ съ бумагами, расчетами и проч., и стулъ для себя. Когда это было исполнено, потребовалъ я смѣненнаго самовольно крестьянами го-

лову, выборнаго писаря и проч. Явился высокорослый, дюжій, рыжій крестьянинъ и сказалъ: „Я выбранъ міромъ головой; всѣ прочіе, прежніе, по мірскому приговору, лежатъ скованы".—Гдѣ?— „Подлѣ приказа".—У кого ключи?—„А хоть-бы и у меня-ста".— —Такъ пойдемъ, братъ, со мною; мнѣ нужно допросить стараго голову.

Мы вошли въ избу, въ которой былъ самый тягостный духъ; ибо, уже 3 недѣли, эти несчастные лежали другъ подлѣ друга на соломѣ. „Подай мнѣ ключъ", сказалъ я.—Онъ пріостановился. „Подавай, вскричалъ я, или худо будетъ"; и постучалъ шпагой по полу. Онъ подалъ ключъ. „Раскуй ихъ".—Онъ это исполнилъ. Когда всѣ были раскованы, велѣлъ бывшему головѣ сковать новаго, и, по окончаніи сей церемоніи, вышелъ со всѣми освобожденными къ народу, сказавъ ласково: „вы поступили противузаконно, самовольно смѣнивъ начальниковъ, утвержденныхъ указомъ экспедиціи въ силу высочайшей воли. Я теперь дѣло поправилъ, а ихъ привелъ къ вамъ къ отчету".—Мы ихъ не хотимъ, подай намъ новаго!! закричалъ народъ.—„Я вамъ ихъ и не отдаю, сказалъ я; а они нужны, чтобы ихъ счесть. Ребята! нуженъ порядокъ, дѣлайте что прикажу; новый вашъ голова скованъ;—и показалъ имъ ключъ. Въ противномъ случаѣ,—указывая на вытребованныхъ мною понятыхъ изъ Брели,—кто первый безъ моего спросу заговоритъ, велю связать. Станьте въ кучку по деревнямъ вокругъ стола и выбирайте изъ каждой деревни по одному человѣку, которому вы вѣрите, чтобы я могъ его распрашивать". Они начали другъ на друга посматривать.—„Что вы стоите? вскричалъ я; чтó приказано, то дѣлать!"—Спросилъ освобожденнаго голову, какъ зовутъ деревни. Онъ началъ называть, а я устанавливать крестьянъ вокругъ стола. Потомъ выбрали они по одному говоруну изъ каждой деревни; каждый сталъ ближе къ столу. Я сталъ распрашивать и узналъ, что неудовольствіе ихъ проистекало отъ сильныхъ сборовъ, сверхъ подушныхъ и оброчныхъ.

— Подай мнѣ, сказалъ я головѣ, отчетность въ деньгахъ.

— Вотъ это дѣло!! закричалъ народъ.

— Молчать! — закричалъ я въ свою очередь, и началъ считать; громко читалъ каждую издержку. Тому-то столько, за это столько; самъ я записывалъ каждую издержку, вывелъ итогъ, и ужаснулся! Въ три года, сверхъ подушныхъ и оброчныхъ, дорож-

ныхъ и прочихъ узаконенныхъ (сборовъ), собрано было и издержано 36 т. руб. асс.! Если что̀ оправдывало бывшаго голову, это то, что онъ раздавалъ чиновникамъ деньги при избранномъ отъ міра особомъ счетчикѣ и волостномъ писарѣ. Окончивъ это, я собралъ всѣ эти документы грабежа и объявилъ народу, что я представлю ихъ въ экспедицію. Тутъ приступилъ я, вслѣдствіе даннаго мнѣ указа, къ тому, чтобъ узнать о зачинщикахъ этого безпорядка. Это продолжалось очень долго и безъ успѣха. Наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія, бросился я на одного, который больше всѣхъ кричалъ. —Это ты, сказалъ я, и велѣлъ его связать.—Какъ это онъ узналъ?—огласилось въ народѣ. Для удостовѣренія болѣе не нужно было. Я взялъ его къ допросу, и онъ назвалъ 8 человѣкъ зачинщиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и скованный мною голова. Всѣхъ ихъ велѣлъ я, немедленно, отправить въ экспедицію въ Москву. Прочій народъ пригласилъ въ село, выкатилъ имъ, на знакомство, бочку вина, и пошло празднество.

Не дождавшись окончанія онаго, я уѣхалъ въ Москву, подалъ въ экспедицію подробный рапортъ о моихъ дѣйствіяхъ, съ приложеніемъ всѣхъ документовъ, и старался, въ огражденіе бѣдныхъ крестьянъ, выставить, что единственно тяжкіе и незаконные сборы заставили выйдти изъ терпѣнія, а не своевольство или желаніе быть бунтовщиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстилъ г. министра о происшедшемъ, съ приложеніемъ копій, за скрѣпой, со всѣхъ документовъ, представленныхъ въ экспедицію, и просилъ, сколь возможно, смягчить участь бѣдныхъ, угнетенныхъ крестьянъ.

Явилось все иначе, и неожиданно,—какъ будто моей поѣздки не бывало. Указомъ департамента удѣловъ предписано было г. совѣтнику ѣхать со мною на мѣсто, чтобы удостовѣриться вполнѣ о дѣйствіяхъ бунтовщиковъ, и предать зачинщиковъ всей строгости законовъ. Симъ указомъ бездѣйствіе совѣтника, и всѣ виновники неудовольствія крестьянъ были отстранены (отъ отвѣта).

V.

Возвратясь въ Москву, я подалъ въ отставку. Цѣлый годъ меня не отставляли; наконецъ явился ко мнѣ на квартиру Московскій почтъ-директоръ К., служащій подъ вѣдѣніемъ того-же министерства, и, отъ имени г. министра, предложилъ мнѣ перейдти

въ почтамтъ, гдѣ я получать буду то же жалованье, которое получалъ въ экспедиціи, и что экспедиція мнѣ выдастъ годовое жалованье; сверхъ того обѣщалъ мнѣ въ почтамтѣ квартиру и дрова, чего я впрочемъ не получилъ. Не подозрѣвая никакого обмана, я не согласился,—какъ вдругъ узналъ, что я нахожусь въ спискѣ чиновниковъ, служащихъ въ почтамтѣ. Къ счастію, по знакомству съ ректоромъ Московскаго университета, Ч., услышалъ я, что велѣно, по высочайшему повелѣнію, отъискать чиновника, который бы могъ читать публично тактическія лекціи, и что уже одинъ маіоръ, К. д'А., явился, и ему назначено въ такой-то день читать пробную лекцію. Я просилъ Ч. назначить мнѣ такую же пробную лекцію послѣ маіора К. д'А. По извѣщенію ректора, явился я въ назначенный день. Присутствовали всѣ профессора; изъ постороннихъ слушателей были И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, кн. А. И. Вяземскій, оберъ-полиціймейстеръ Балашовъ, нѣсколько военныхъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, и гг. студентовъ.

Кураторомъ московскаго университета былъ тогда М. Н. Муравьевъ. Обѣ лекціи были къ нему отправлены; мои удостоились утвержденія, и приказано было, каждую мою лекцію, хорошо переписанную, отправлять въ Петербургъ.

Чрезъ нѣсколько времени былъ и самъ вызванъ въ Петербургъ, и опредѣленъ къ генералъ-адъютанту князю П. М. Волконскому, который тогда съ графомъ Ливеномъ дѣлилъ портфейль военный, ибо военнаго министра еще не было. Это продолжалось не долго. Графа Ливена отправили посланникомъ въ Лондонъ, а князя Петра Михайловича послали путешествовать по Европѣ. Мнѣ велѣно быть его спутникомъ. Здѣсь большая для меня непріятность была та, что вездѣ, куда князь ни представлялся, всѣ почитали меня даннымъ ему для совѣтовъ. Это произвело нѣкоторое охлажденіе со стороны князя. Наконецъ, въ Берлинѣ явился случай, который уже озлобилъ князя противъ меня. Французы тогда господствовали въ Берлинѣ. Князь и я приглашены были къ коменданту Берлина Сентъ-Гиллеру. За обѣдомъ зашла рѣчь объ Аустерлицкомъ сраженіи; князь не осторожно началъ утверждать будто Аустерлицкое сраженіе не было проиграно. Всѣ французскіе генералы, бывшіе за столомъ, опровергали мнѣніе князя, который не могъ подкрѣпить никакимъ доказательствомъ высказанное имъ, но стоялъ крѣпко на своемъ.

Это взбѣсило французскаго гусарскаго генерала Ruffin, который сказалъ слѣдующую нескромную фразу:

— „Dans le bulletin sur la journée d'Austerliz il est dit: l'empereur de Russie était entouré de trente sots, étiez vous, mon prince, du nombre?"

Къ крайнему моему удивленію, князь молчалъ; я всталъ изъ-за стола и сказалъ: „Chez nous, quand on invite les français à diner, ce n'est pas pour leur dire des choses désagréables".

Тотъ же генералъ Руфинъ вскричалъ: „Bravo, m-r le major! on voit bien que le sang français coule encore dans vos veines".

Я отвѣчалъ: „Vous vous trompez, général, je suis russe et c'est un russe, qui a l'honneur de vous parler".

— „Ne voudriez vous pas, par hazard, vous battre avec nous tous?" продолжалъ тотъ же генералъ.

„Pourquoi pas, messieurs, mais l'un après l'autre".

Тогда комендантъ, который во все время чѣмъ-то занималъ князя, подлѣ него сидящаго, закричалъ: „Du champagne! Buvons à la santé du major russe et la paix sera faite. Nos empereurs sont amis, leurs sujets doivent l'être aussi!"

Переводъ. „Въ бюллетенѣ объ Аустерлицкомъ сраженіи сказано, что императоръ Россіи былъ окруженъ тридцатью дураками; не были ли и вы въ числѣ ихъ, князь?" (Къ крайнему моему удивленію князь молчалъ: я всталъ изъ-за стола и сказалъ:) «Если у насъ приглашаютъ французовъ къ обѣду, то отнюдь не съ тѣмъ, чтобы говорить имъ непріятности". (Тотъ же генералъ Руфинъ отвѣчалъ:) „Браво! г. маіоръ, сейчасъ видно, что въ вашихъ жилахъ течетъ еще кровь француза". (Я отвѣчалъ:) „вы ошибаетесь генералъ, я русскій и съ вами имѣетъ честь говорить русскій".—„Ужъ не захотите ли вы драться съ нами со всѣми", (продолжалъ тотъ же генералъ). „Я согласенъ, господа, только по очереди". (Тогда комендантъ, который во все время чѣмъ-то занималъ князя, подлѣ него сидящаго, закричалъ:) «шампанскаго! Выпьемъ за здоровье русскаго маіора и миръ будетъ заключенъ. Наши императоры друзья и подданные ихъ должны быть тѣмъ же!»

Веселье возстановилось, какъ будто ничего не было. Съ этого дня, я приглашаемъ былъ на всѣ парады, ученья и проч. Я этого анекдота не разсказалъ бы, если бы онъ не имѣлъ важнаго послѣдствія на судьбу мою. Весьма натурально, что, послѣ сего происшествія, отношенія князя со мною становились со дня на день хуже. Ему хотѣлось, кажется, холоднымъ со мною обращеніемъ, иногда даже отрывисто грубымъ, вывесть меня изъ терпѣнія, чтобы я просился обратно въ Петербургъ. Но я замѣтилъ

это, и притворился будто ничего не замѣчалъ. Такимъ образомъ доѣхали мы до Дрездена, гдѣ прожили съ мѣсяцъ. Чрезъ недѣлю ознакомились съ лучшими домами; опять оказывали предпочтеніе мнѣ. Это пуще возбудило негодованіе князя. Однакоже мы доѣхали еще вмѣстѣ до Теплица. Здѣсь объявилъ мнѣ князь, что онъ болѣе во мнѣ нужды не имѣетъ, и спросилъ: не имѣю ли я желанія ѣхать къ семейству моему въ Петербургъ? Я изъявилъ мою благодарность князю и готовность ѣхать обратно въ Петербургъ. Онъ снабдилъ меня письмомъ къ государю императору, объявя, что отрекомендовалъ меня его величеству выгоднѣйшимъ образомъ. Посланникъ снабдилъ меня надлежащимъ видомъ, и я благополучно прибылъ къ своему семейству въ Петербургъ. На другой день, явился я къ графу Аракчееву, который теперь былъ военнымъ министромъ.

— „Я доложу, сказалъ мнѣ графъ, о прибытіи вашемъ государю, и спрошу: куда его величеству угодно будетъ васъ опредѣлить", и взялъ у меня письмо князя къ государю.

Въ тотъ же день высочайшимъ приказомъ повелѣно было мнѣ состоять при г. военномъ министрѣ, графѣ Аракчеевѣ; а на третій день потребовалъ меня графъ къ себѣ, чтобы объявить мнѣ высочайшій выговоръ, сдѣланный по письму генералъ-адъютанта князя Волконскаго, который писалъ, что, „по ненадежнымъ" моимъ правиламъ, отправляетъ меня обратно.

Я спросилъ графа: „позволено-ли будетъ мнѣ оправдываться?"

Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Эхъ, любезный другъ, совѣтую вамъ слѣдовать русской пословицѣ: съ сильнымъ не дерись, съ богатымъ не тягайся; впрочемъ вы оправданы, ибо въ семъ же письмѣ онъ высказалъ себя подлецомъ, ибо нищенски выпрашиваетъ у государя себѣ денегъ,—какъ будто у него ихъ нѣтъ! а вамъ сдѣланъ выговоръ для формы, потому что жалуется генералъ-адъютантъ".

Теперь я числился при графѣ, но никакихъ порученій не имѣлъ. Чтобы не безполезно проводить время, началъ я издавать историческіе и тактическіе отрывки. Это изданіе подало мысль издавать военный журналъ, который порученъ былъ Рахманову. Онъ просилъ меня быть участникомъ въ журналѣ; но я отказался и по выходѣ нѣсколькихъ тетрадей моихъ отрывковъ, я, обиженный тѣмъ, что не мнѣ поручили военный журналъ, подалъ въ отставку, которую и получилъ.

Я теперь жилъ собственными трудами: переводилъ, иногда сочинялъ, и, сверхъ того, былъ поддерживаемъ, деликатнымъ образомъ, соученикомъ, съ которымъ нѣсколько лѣтъ мы были въ дружбѣ. Память этого человѣка мнѣ священна.

VI.

Открылась мнѣ вновь дорога на службу. А. Д. Балашовъ сдѣланъ былъ исправляющимъ должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора; я его зналъ еще въ Ревелѣ, гдѣ, въ царствованіе Павла, онъ былъ военнымъ губернаторомъ. Я явился къ нему, и онъ предложилъ мнѣ службу при немъ. Я не иначе согласился, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ сперва узналъ мнѣніе обо мнѣ государя, ибо я былъ ему оклеветанъ кн. Волконскимъ. Балашовъ сказалъ мнѣ при первомъ свиданіи: „я докладывалъ государю. Его величество изволилъ улыбнуться и сказать:—„я знаю, Волконскій приревновалъ его къ женѣ своей, и онъ на него налгалъ“; и я былъ опредѣленъ при военномъ губернаторѣ, который поручилъ мнѣ иностранное отдѣленіе.

Когда учреждена была адресъ-контора, то я сдѣланъ начальникомъ иностраннаго отдѣленія оной. За труды мои при учрежденіи адресъ-конторы и установленнаго въ ней порядка, я пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

Теперь открылось мнѣ новое поприще: учреждаются министерства. Сперва ихъ было четыре, потомъ начали умножаться, и наконецъ назначалось министерство полиціи. Такъ какъ напередъ извѣстно было, что государь назначалъ на это мѣсто Балашова, то Сперанскій поручилъ ему составить для себя учрежденіе этого министерства. Балашовъ поручилъ этотъ трудъ мнѣ. Я, соображаясь съ учрежденными уже министерствами и съ лучшими твореніями о полиціи, написалъ этотъ уставъ, который Балашовъ отправилъ Сперанскому на разсмотрѣніе. Я удивился, когда Балашовъ возвратилъ мнѣ мое сочиненіе безъ малѣйшаго со стороны Сперанскаго замѣчанія, и съ сей минуты Балашовъ поставленъ былъ на ряду со всѣми тогда славившимися иностранными министрами полиціи. Уставъ этотъ былъ утвержденъ государемъ. Балашовъ сдѣланъ былъ министромъ полиціи, а

я—правителемъ особенной его канцеляріи, и былъ на равныхъ правахъ съ директорами департаментовъ.

Въ этомъ званіи, я съ Балашовымъ жилъ въ добромъ согласіи, и я не могъ довольно имъ нахвалиться,—какъ вдругъ явились обстоятельства, отъ меня независящія. Натурально, что я старался, всѣ заготовляемые для государя доклады писать сообразно тому, какъ Балашовъ мнѣ говорилъ, что государь ихъ любитъ, т. е. чтобы доклады были какъ можно болѣе сокращены, переписаны четкою красивою рукою и на хорошей бумагѣ. По словамъ Балашова, государь объявилъ ему, что особенная канцелярія имѣетъ преимущества предъ всѣми департаментами. Одинъ разъ, министръ сказалъ мнѣ съ видомъ неудовольствія: „только ваши доклады сходятъ, а прочіе, изъ другихъ департаментовъ, я привезъ". Чрезъ нѣсколько времени объявилъ онъ мнѣ, возвратясь отъ государя: „Поздравляю васъ", и ироническая улыбка явилась на устахъ его, „государь приказалъ вамъ исправить доклады прочихъ департаментовъ". Хотя я и видѣлъ, что мнѣ предстоитъ бѣда, т. е. неминуемая ссора съ министромъ, но дѣлать было нечего, а самолюбіе не позволяло пренебрегать докладами. Однажды Балашовъ съ величайшимъ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ: „государь приказалъ мнѣ брать васъ съ собою въ Царское Село, чтобы вы, въ случаѣ неисправности, поправляли доклады другихъ департаментовъ", и прибавилъ еще: „только ваши доклады и хороши".

Съ сего времени я уже всегда ѣздилъ съ министромъ въ Царское Село.

Однажды, въ Царскомъ-же Селѣ, Балашовъ, вышедъ отъ государя, объявилъ мнѣ: „государь желаетъ васъ видѣть; пойдемте въ садъ; тамъ мы его встрѣтимъ". Такъ, дѣйствительно, и было; государь, поровнявшись съ нами, остановился и разговаривалъ съ Балашовымъ о погодѣ, перемѣнахъ, которыя желаетъ сдѣлать во дворцѣ, въ саду, и во все время разговора смотрѣлъ пристально въ лорнетъ на меня.

Когда государь удалился, Балашовъ съ иронической улыбкой сказалъ мнѣ: „поздравляю васъ; вы теперь съ государемъ познакомились".

— „Да! отвѣчалъ я, какъ статуя, на которую смотрятъ; ваше превосходительство забыли сказать про меня, что я, какъ статуя Мемнона, издаю звуки при появленіи солнца".

Балашовъ кисло улыбнулся, и мы возвратились въ кавалерскія наши комнаты. Наконецъ, объявилъ мнѣ Балашовъ: „государь спрашивалъ меня, не пожелаете ли вы быть полицеймейстеромъ въ Петербургѣ. Я отвѣчалъ,—продолжалъ Балашовъ: что это мѣсто можетъ (быть) для васъ не годится: вы добротою своею и религіозностію все можете испортить".

Я поблагодарилъ Балашова за столь лестный для меня отзывъ. Не менѣе того, я уже готовился подать въ отставку, во избѣжаніе худшаго, — какъ внезапно слѣдующій неожиданный случай, встрѣтившійся со мною, остановилъ меня.

Иностранцу шевалье de Vernègues затруднялись выдавать билетъ для прожитья въ С.-Петербургѣ. Шевалье прибѣгнулъ ко мнѣ. Я объ этомъ доложилъ Балашову.

— „Скорѣе, сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, прикажите ему выдать билетъ; это тайный дипломатическій агентъ Людовика XVIII; постарайтесь съ нимъ познакомиться поскорѣе; чрезъ него мы можемъ многое узнать".

Vernègues сдѣлался вскорѣ у меня человѣкомъ домашнимъ. Онъ разсказывалъ мнѣ о связяхъ своихъ съ графами Толстыми и Армфельтомъ, и что послѣдній желаетъ со мною познакомиться: „Il est tout aussi enchanté, сказалъ онъ мнѣ, de votre caractère chevaleresque, que moi; allons un jour chez lui".

Переводъ: «Онъ восхищается вашимъ рыцарскимъ характеромъ, точно также какъ и я; сходимъ когда нибудь къ нему».

Я сообщилъ это Балашову, который поощрялъ меня вступить съ ними въ связь. На отвѣтъ мой, что я боюсь знакомиться съ людьми хитрыми, крещеными во всѣхъ дворцовыхъ интригахъ, Балашовъ просилъ меня убѣдительно продолжать это знакомство. Теперь посѣщали меня и графъ Армфельтъ, и Vernègues. Долго оба интригана скромничали; наконецъ графъ Армфельтъ началъ пересказывать мнѣ свои разговоры съ императоромъ, и просилъ меня быть осторожнымъ съ Балашовымъ, ему ничего не довѣрять, ибо онъ въ сильномъ подозрѣніи у императора. Я довелъ и это до свѣдѣнія Балашова.

— „Вретъ онъ, сказалъ министръ полиціи; онъ самъ въ подозрѣніи у императора, и мнѣ поручено имѣть за нимъ строгій надзоръ".

Я испугался. Кто изъ нихъ правъ? Не оба-ли? Тогда я попадусь между двухъ огней,—и рѣшился отнынѣ слушать и молчать.

Бываютъ въ жизни случаи, гдѣ никакая человѣческая осторожность и предусмотрительность ничего сдѣлать не могутъ; какая-то скрытная, неизвѣстная намъ сила влечетъ насъ, и горе тому, который ей будетъ сопротивляться.

VII.

Въ декабрѣ 1811 года, по полудни въ 6 часовъ, входитъ дежурный офицеръ съ докладомъ, что Зиновьевъ желаетъ меня видѣть. Я думалъ, что это другъ Балашова, толстый, высокій ростомъ, камергеръ Зиновьевъ, который снабжалъ министерскій столъ фруктами, и велѣлъ ему отказать. Дежурный воротился съ объявленіемъ, что Зиновьевъ утверждаетъ будто имѣетъ крайнюю нужду до меня. Входитъ низенькій, тоненькій человѣкъ, который требуетъ говорить со мною на-единѣ. На вопросъ мой: съ кѣмъ имѣю честь говорить?—онъ отвѣчалъ: „я камердинеръ его величества". Я ввелъ его въ свой кабинетъ, гдѣ онъ вручилъ мнѣ записку, слово въ слово слѣдующаго содержанія:

— „Не имѣвъ возможности васъ видѣть сегодня, можетъ быть и завтра, я желаю, чтобы вы написали мнѣ: въ чемъ состояло повелѣніе министра, касательно извѣстной бумаги, которую выполнить вамъ было невозможно?—Вы ничего не опасайтесь, но сохраните въ тоже время надлежащую умѣренность къ министру".

Можно вообразить мой испугъ: это была рука императора! слѣдовательно Балашовъ на меня жаловался, вѣроятно и очернилъ. Не зная, въ первую минуту, что дѣлать, я просилъ Зиновьева доложить государю, что я немедленно долженъ идти съ докладами къ министру, который уже два раза за мною присылалъ, и вручилъ ему извѣстную бумагу (циркуляръ), которая могла государю все объяснить; ибо, кромѣ ссоры за этотъ циркуляръ, я другой—съ министромъ не имѣлъ.

Идучи къ министру, думалъ я: не пересказать ли ему это происшествіе? Но казалось не благоразумнымъ довѣрять тайну тому, который меня обнесъ. Я промолчалъ. Возвращаясь домой, вручаютъ мнѣ записку отъ Vernègues:

„Monsieur le comte Armfelt me prie de vous annoncer que ce soir le vallet de chambre de l'Empereur viendra vous chercher. Soyez prêt. Brûlez ce papier. Vernègues".

Дѣйствительно, Зиновьевъ опять явился съ объявленіемъ: государь васъ ожидаетъ.

„Я только прощусь съ женою и дѣтьми", отвѣчалъ я.

— „Сдѣлайте милость, никому о томъ не говорите; государь именно это запретилъ", но я не послушался.

Подъ предлогомъ переодѣться, я пошелъ къ женѣ, просилъ не безпокоиться. „Вѣроятно, меня обнесли, говорилъ я ей; можетъ быть, куда нибудь ушлютъ; но я увижу государя и буду просить объ отправленіи всѣхъ васъ ко мнѣ", слеза навернулась, и я простился. Почему не пришла мнѣ другая мысль по-отраднѣе, не знаю; почему именно пришла эта, тоже не знаю. Не первая-ли записка, и не описаніе ли, сдѣланное мнѣ Балашовымъ о характерѣ императора, были тому причиною? Не знаю. Какъ бы то ни-было, я ничего добраго не ожидалъ, и несчастная эта мысль рѣшила будущія мои отношенія къ государю.

Мы сѣли съ камердинеромъ въ сани, и насъ подвезли къ маленькому подъѣзду. Повели меня по множеству лѣстницъ, въ самый верхъ Зимняго дворца. Зиновьевъ ввелъ меня въ небольшую комнату, въ которой стояли комоды и шифоньеры, и просилъ тутъ подождать. Нигдѣ не было свѣчъ; темнота эта наводила на меня страхъ. Это утвердило меня въ моихъ мысляхъ, что буду отправленъ. Какая несправедливость!—думалъ я. На бѣду, пришелъ мнѣ на память маркизъ Поза и разговоръ его съ Филиппомъ; и я въ положеніи маркиза,—сказалъ я про себя, и рѣшился высказать въ эту роковую минуту ту же твердость и возвышенность духа, которую высказалъ маркизъ. Кромѣ самой рѣзкой правды—ничего!

Наконецъ, сквозь щель двери, въ другой комнатѣ проявился свѣтъ, зажигали свѣчи. Дверь отворилась, и императоръ стоялъ передо мною. Я поклонился.

Государь, съ удивительно милостивою улыбкою, сказалъ мнѣ: „Entrez, je vous prie".

Я вошелъ, императоръ самъ притворилъ дверь, и, подхватя меня подъ руку, велъ по комнатѣ къ стоящему у стѣны пюльпитру, и, остановясь, сказалъ:

— „J'ai desiré faire votre connaissance, pour vous demander quelques renseignements sur des articles, que je ne puis bien concevoir, et que vous devez connaître“.

Не полагаетъ ли императоръ, по фамиліи моей, что я французъ? думалъ я, и отвѣчалъ:

— „Государь! я русскій, и свободнѣе объясняюсь на отечественномъ языкѣ, нежели на французскомъ“.

Государь, какъ будто, обрадовался, засмѣялся, сказавъ: „очень радъ; вѣдь и я русскій; будемъ говорить по русски“. Погодя немного, императоръ продолжалъ:

— „Вы имѣли, я думаю, случай замѣтить, что я вашими трудами доволенъ. Писанные вами доклады не задерживались“.

Я поклонился.

— „Мнѣ нужно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія. Балашовъ жаловался на васъ, но я хорошенько не понялъ, въ чемъ дѣло состояло?“

— „По долгу моему, я часто дѣлаю представленія г. министру, которыя не всегда принимаются съ тою благосклонностью, какой бы требовала чистота моихъ намѣреній. Впрочемъ мнѣ неизвѣстно, въ чемъ состояла жалоба г. министра“.

— „Изъ присланной вами бумаги я вижу, что вы догадались. Вы, кажется, не хотѣли, вопреки желанію министра, контрасигнировать бумаги, имъ подписанныя?“

„Дѣйствительно, г. министръ приказалъ мнѣ заготовить циркуляры ко всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, чтобы составить ревизскія сказки всѣмъ раскольникамъ, находящимся въ ихъ губерніяхъ. Я осмѣлился представить, что подобная мѣра можетъ раскольниковъ испугать, возжечь фанатизмъ, который пробуждать всегда опасно; можетъ даже породить въ нихъ мысль, что расколъ получаетъ законную силу; и тогда число ихъ значительно умножится. Наконецъ, полагалъ, что подобнаго циркуляра безъ высочайшаго повелѣнія отправить невозможно. Министръ съ негодованіемъ объявилъ мнѣ: „я не совѣта у васъ просилъ, а требовалъ исполненія“. Циркуляры были заготовлены, но я воспользовался статьею учрежденія министерствъ, въ силу которой я имѣлъ право не контрасигнировать.

— Вы очень хорошо сдѣлали. Балашовъ все желаетъ болѣе и болѣе пространства для своего министерства; онъ хочетъ завладѣть всѣмъ и всѣми. Это мнѣ нравиться не можетъ.

Я молчалъ.

— Вы не имѣете причины бояться; можете говорить прямо. Чтò мы говорить будемъ, останется между нами.

„Не страхъ, государь, меня удерживаетъ; я не осмѣлюсь говорить о томъ, чего не знаю и чего доказать не могу“.

— Такъ отзывался объ васъ Армфельтъ, а прежде и самъ Балашовъ, который становится мнѣ крайне подозрителенъ. Вы знаете Сперанскаго?

„Нѣтъ, государь, я съ нимъ незнакомъ“.

— Вы можете познакомиться.

„Это, государь, не такъ легко. Какой предлогъ могу я имѣть для знакомства съ человѣкомъ, стоящимъ на столь возвышенномъ постѣ? Развѣ только подъ предлогомъ искать его покровительства, обманывать и сдѣлаться презрительнымъ въ собственныхъ своихъ глазахъ“.

— Почему же? Я поручилъ то же самое (Балашову) и имѣю отъ него донесеніе.

„Я предоставляю каждому поступать и расчитываться съ своею совѣстію, какъ ему угодно; но я примѣнять своей къ обстоятельствамъ не умѣю“.

— А если бы польза отечества того требовала?

„Я прямо пошелъ бы противъ того, который только задумалъ бы причинить оному вредъ; но, подъ личиною сисканія себѣ покровительства, вонзить другому кинжалъ въ сердце я не способенъ. Рано или поздно, откровенность моя взяла бы верхъ, и я бы все испортилъ“.

Императоръ поцѣловалъ меня въ лобъ, сказавъ:

— Балашовъ не такъ думаетъ. Вотъ его донесеніе; читайте громко.

Я началъ читать; содержаніе донесенія было слѣдующее: „Балашовъ, по высочайшему повелѣнію, пріѣхалъ знакомиться къ Сперанскому“. Я замолчалъ.

Государь спросилъ:

— Что вы остановились?

Я повторилъ „знакомиться“. Государь улыбнулся и приказалъ продолжать:

„Балашовъ пишетъ: пріѣхавъ наканунѣ, вечеромъ въ 7 часовъ, къ Сперанскому, былъ онъ объятъ ужасомъ. Въ передней

тускло горѣла сальная свѣча, во второй большой комнатѣ тоже; отсюда ввели его въ кабинетъ, гдѣ догорали два восковые огарка; огонь въ каминѣ погасалъ. При входѣ въ кабинетъ, почувствовалъ онъ, что полъ подъ ногами его трясся, какъ будто на пружинахъ, а въ шкафахъ, вмѣсто книгъ, стояли стклянки, наполненныя какими-то веществами. Сперанскій сидѣлъ въ креслахъ передъ большимъ столомъ, на которомъ лежало нѣсколько старинныхъ книгъ, изъ которыхъ онъ читалъ одну, и увидя Балашова, немедленно ее закрылъ. Сперанскій, принявъ его ласково, спросилъ: „какъ вздумалось вамъ меня посѣтить?" и просилъ сѣсть на стоящее противъ его кресло, такъ что столъ оставался между ними. Балашовъ взялъ предлогомъ желаніе посовѣтоваться: нельзя-ли дать министерству полиціи болѣе пространства? Оно слишкомъ сжато; даже въ нѣкоторой зависимости отъ другихъ министерствъ; такъ что для общей пользы трудно дѣйствовать свободно. Много говорили о тогдашней полиціи Фуше; и наконецъ Сперанскій, при вторичной просьбѣ Балашова о расширеніи круга дѣйствій министерства, сказалъ ему: „развѣ со временемъ можно будетъ сдѣлать это"—прибавя: „вы знаете мнительный характеръ императора. Tout ce qu'il fait, il le fait à demi". Потомъ, говоря далѣе объ императорѣ, замѣтилъ: „il est trop faible pour régir et trop fort pour être régi".

Переводъ: «Все что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается имъ въ половину». «Онъ слишкомъ слабъ, чтобы управлять и слишкомъ силенъ, чтобы быть управляемымъ».

Балашовъ заключилъ свое донесеніе просьбой, къ Сперанскому болѣе не ѣздить.

Пока я читалъ, государь какъ будто всматривался въ меня, прислонясь къ стоящему пюльпитру, подлѣ котораго находился я. Государь спросилъ: „какъ вы это находите?"

Я молчалъ.

— Говорите откровенно.

„Ваше величество! я въ комнатахъ Сперанскаго не бывалъ, и занимается-ли онъ, какъ министръ (Балашовъ), кажется, подозрѣваетъ, чернокнижествомъ,—не знаю. Но вотъ, что меня удивляетъ: говорятъ, Сперанскій человѣкъ умный; какъ рѣшился онъ, при первомъ знакомствѣ, и съ кѣмъ? — съ министромъ полиціи, такъ откровенно объясняться? Впрочемъ, та же фраза была сказана прежде

о Людовикѣ XV:—это повтореніе". Я довольствовался сими намеками, не желая явно повредить ни Балашову, ни Сперанскому, тѣмъ болѣе, что я во всемъ этомъ полагалъ мелкую дворцовую интригу, которая сама собой распадется. Однако внутренно негодовалъ на Балашова, который не посовѣстился представить такое пошлое, но вмѣстѣ съ тѣмъ злобное донесеніе на благодѣтеля своего; ибо Сперанскій помогъ возвести его на степень министра полиціи, далъ ему даже право начертать учрежденіе министерства полиціи, которое писалъ я; и даже безъ поправки, Сперанскій представилъ этотъ проэктъ на утвержденіе государя.

— Балашовъ и Сперанскій ошибаются, сказалъ государь; меня обмануть можно,—я человѣкъ, но не надолго, и для нихъ есть дорога въ Сибирь.

Кажется государь высказалъ это съ горяча, ибо, улыбаясь, прибавилъ:

— Мы разсмотримъ это съ вами. Я рѣшительно никому не вѣрю.

Испуганный этимъ отзывомъ, я молчалъ.

— Однако же не мѣшаетъ вамъ смотрѣть поближе за Балашовымъ; что̀ узнаете, скажите мнѣ.

„Государь! Онъ мой начальникъ".

— Я беру это на себя.

„Государь! не прогнѣвайтесь, если вѣрноподданный осмѣлится умолять васъ, не доводить его до презрѣнія къ самому себѣ. Нѣтъ тайны, которая не была бы явна. Если злой умыслъ скрывается въ Балашовѣ или Сперанскомъ, то онъ противъ истины не устоитъ; все развернется само изъ себя".

Государь отступилъ на шагъ отъ меня, потомъ подошелъ, и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: „прекрасно! но Армфельтъ ошибся; вы—не на своемъ мѣстѣ".

„Нужда, государь! семейство, мѣста не избираютъ, повинуются обстоятельствамъ, случаю, но на всякомъ мѣстѣ можно благородно поступать".

— Ваши правила, ваша откровенность, мнѣ нравятся, и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онѣ мнѣ необходимы; смотрите не перемѣняйтесь; мы часто будемъ видѣться!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, подошелъ я къ государю и сказалъ: „прискорбно мнѣ будетъ утаить отъ министра

тотъ важный часъ, въ который я имѣлъ счастіе предстать предъ моимъ государемъ. Осмѣливаюсь испросить на то приказанія вашего императорскаго величества“.

— Вы болѣе знать должны Балашова, нежели я; но вы меня компрометтируете; я въ свое время это ему самъ скажу.

„Воля вашего величества будетъ исполнена“.

Я поклонился; государь, улыбаясь, сдѣлалъ прощальный знакъ, прибавя: „мы скоро увидимся“.

VIII.

Ровно въ 12 часовъ ночи возвратился я домой, и признаюсь, какъ будто, отуманенный всѣмъ слышаннымъ мною. Къ чему все это? Не серьезнѣе-ли все, чѣмъ я прежде предполагалъ? Чѣмъ этотъ узелъ развяжется? И что, и чѣмъ я тутъ? Однако сплетеніе этихъ интригъ меня пугало? Какъ противъ нихъ устоять? Ну! пусть будетъ, что судьбѣ угодно, сказалъ я, и успокоился.

На другой день пріѣхалъ графъ Армфельтъ прямо изъ дворца, и едва вошелъ въ комнату, какъ вскричалъ: „qu'avez vous fait, mon cher?“

„Moi, m-r le comte?“

— Oui, vous.

„Veuillez bien me l'expliquer?“

— Sa Majesté vous a manifesté le désir pour que vous fassiez connaissance avec Speransky et que vous surveillez cet autre coquin Balacheff et vous avez osé refuser net!!

„Il faut qu'il y ait un mésentendu, m-r le comte. Un sujet russe ne peut rien refuser à son empereur, mais vu la clémence et la justice de son souverain, il lui est permi d'exposer les raisons qui l'empêchent de faire ce que la conscience lui défend“.

— D'un seul coup vous avez renversé ce que vos amis et la fortune vous avaient préparé!

„Mais les amis auraient dû se convaincre auparavant si j'ai, les qualités requises pour remplir des fonctions contraires à mes principes et à ma réligion“.

— Ah, mon cher, avec ces bêtises on ne fait pas fortune, mais on la perd!

„Il est à savoir si je ne préferrerai pas cette perte à tous les hochets d'une fortune qui m'avilierait à mes propres yeux".

— Tout ceci est bel et bon dans les romans, mais détestable dans la vie telle, qu'elle est, où le mal remporte sur le bien. Est ce à force de vertus, que Speransky et Balacheff sont devenus ce qu'ils sont? Ecoutez moi tranquillement. L'empereur ne peut vouloir que le bien et pour y parvenir, il faut qu'il sache tout et qu'il connaisse les gens qui l'entourent. Quel autre moyen a-t-il que celui de les surveiller?

„D'accord, je trouve cependant plus juste de les surveiller avant de les élever si haut et puis chercher les surveillants dans la foule où il en plait, mais ne point proposer ces moyens d'existence à des gens qui ont le courage de vivre pour une idée et de mourir pour un mot".

— Vous êtes incorrigible, pensez-y. Vous avez femme et enfants, et avec ces belles idées vous n'irez pas loin; voyez le resultat, l'empereur ne vous n'appelera plus, et la fortune vous tourne le dos.

„M-r le comte, terminons une conversation qui ne peut être agréable à aucun de nous deux, d'autant plus que je suis comme vous venez de le dire incorrigible".

— Oui, vous l'êtes et un jour vous vous en repentirez, car les souverains aiment l'élévation, mais pas les sujets aux idées trop élévées. Remarquez cela.

„Si je ne gagnerai pas l'amour de mon souverain, a u moins je garderai, comme homme, son estime et l'un vaut bien l'autre".

— Adieu! je vous enverrai Vernègues. Peut être parviendra-t-il a vous faire entendre raison et vous faire comprendre le mal que vous faites à votre famille.

Переводъ:—«Что вы надѣлали, мой другъ»?

„Я, графъ?"

— Да, вы.

„Потрудитесь объясниться"!

— Е. В. высказалъ вамъ свое желаніе, чтобы вы познакомились со Сперанскимъ и наблюдали бы за другимъ негодяемъ, Балашовымъ, и вы осмѣлились отказать на-отрѣзъ.

„Тутъ кроется недоразумѣніе, графъ. Русскій подданный ни въ чемъ не можетъ отказать своему государю, но зная великодушіе и милосердіе своего монарха, онъ имѣетъ право высказать причины, препятствующія ему дѣлать то, что запрещаетъ ему совѣсть".

— Вы разомъ разрушили все то, что подготовили вамъ друзья и сама судьба ваша.

„Но друзья должны были бы сперва убѣдиться въ томъ, имѣю ли я необходимыя качества для исполненія обязанностей, противныхъ моимъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ“.

— Полноте, другъ мой, съ этими глупостями не составишь карьеры, но погубишь ее.

„Дѣло въ томъ, что я предпочту, можетъ быть, отказаться отъ всѣхъ прелестей такой карьеры, которая уронитъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ“.

— Все это прекрасно въ романахъ, но непригодно въ жизни таковой, какъ она есть на дѣлѣ, гдѣ зло всегда торжествуетъ надъ добромъ. Развѣ Сперанскій и Балашовъ достигли своего настоящаго положенія благодаря своей добродѣтели? Выслушайте меня хладнокровно. Императоръ можетъ желать только добра, а для того, чтобы достигнуть этого, онъ долженъ знать все и знать также людей, окружающихъ его. Какимъ же путемъ онъ можетъ достигнуть этого, какъ не слѣдя за ними?

„Согласенъ; однако я нахожу болѣе справедливымъ наблюдать за ними прежде, нежели они будутъ поставлены на столь высокій постъ; наконецъ слѣдуетъ избирать надсмотрщиковъ изъ толпы, гдѣ ихъ можно набрать массу, но не предлагать подобное средство къ существованію людямъ, которые имѣютъ храбрость жить для идеи и могутъ умереть за одно слово“.

— Вы неисправимы! подумайте объ этомъ. У васъ есть жена и дѣти, а съ подобными убѣжденіями не уйдешь далеко; вотъ вамъ результатъ: императоръ болѣе не пригласитъ васъ и счастье отворачивается отъ васъ!

„Прекратимъ этотъ разговоръ, графъ, который не можетъ быть пріятенъ для насъ обоихъ, тѣмъ болѣе что, какъ вы сказали, я неисправимъ“.

— Да, вы неисправимы, и со временемъ раскаетесь въ этомъ, такъ какъ монархи любятъ все возвышенное, но не любятъ подданныхъ со слишкомъ возвышенными идеями, замѣтьте это.

„Если я не заслужу любви моего государя, по крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ, буду пользоваться его уваженіемъ; а одно стóитъ другаго“.

— Прощайте, я пришлю къ вамъ Вернега. Можетъ быть онъ скорѣе убѣдитъ васъ и лучше разъяснитъ вамъ какое зло вы дѣлаете своей семьѣ.

Изъ этого разговора понять можно, какого рода было участіе Армфельта въ этомъ дѣлѣ, и ошибку его отрекомендовать меня, кажется, государю, какъ человѣка способнаго на подлое шпіонство за Сперанскимъ и Балашовымъ. Теперь понялъ я вполнѣ и слова государя: „Армфельтъ ошибся“. Наконецъ, изъ этого разговора я понять могъ, что Армфельтъ и Балашовъ оба играютъ прежалкую роль и, желая подслужиться, запутываютъ только самихъ себя.

Вечеромъ поздно, явился Vernègues. Вѣроятно, зная неудачу Армфельта, далъ всему другой оборотъ. Утверждалъ, будто государь восхищенъ моею откровенностью. На вопросъ мой: отъ кого онъ слышалъ? отвѣчалъ: „отъ Армфельта“.

„Странно, сказалъ я, что графъ мнѣ этого не сообщилъ“.

Vernègues: Le comte vous aime beaucoup et a le désir le plus vif de vous seivir, mais il gâte un peu par sa vivacité. Attaché de coeur et d'âme à la personne de l'empereur il voudrait l'entourer de gens comme vous, et s'il ne réussit pas tout de suite, le voilà qui s'emporte.

Я: Je vous dirai franchement, mon cher Vernègues, le comte devrait mettre moins d'empressement à me servir, car le parquet glissant de la cour n'est pas fait pour moi.

Vernègues. Allons, ne vous découragez pas. Suivez seulement les conseils du comte; c'est un vieux routinier, qui connait parfaitement le parquet sur lequel il danse. Et il possède complètement la confiance de l'empereur.

Я: Je n'en doute pas, mais cela ne m'arrange nullement de jouer un rôle équivoque, sans savoir où cela peut mener.

Vernègues. Asperate, encore quelques jours et nous saurons à quoi nous en tenir.

Я: Grand merci! Vous et le comte vous me faites jouer à colin-maillard sans qu'il y ait quelqu'un qui crie: feu, gare, et je me trouve près d'un précipice.

Vernègues. Mon Dieu, prenez patience! Je vais vous confier un secret: il y aura un grand changement. La Russie sera sauvée, et c'est nous qui auront la gloire d'y avoir contribué.

Я: La Rûssie sera sauvée, mais où est le péril?

Vernègues. Attendez le dénoûment. Deux ennemis de la Russie tomberont et avec eux Napoléon. L'année 1812 sera une année mémorable dans les fastes de la Russie.

Я: Vous me lancez là une quantité d'idées qui m'embrouillent et je ne sais comment m'y retrouver. Au reste dans la carrière que vous m'avez ouverte, je me suis mis dcs le premier pas hors du drame, car le comte m'a dit affirmativement que l'empereur ne m'appelera plus.

Vernègues. Comment! il vous a dit cela? Онъ задумался, потомъ прибавилъ: pas un mot, à qui que soit, du secret, que je vous ai confié.

Я: Vous pouvez être sûr qu'il sera scrupuleusement gardé, car je serais très embarrassé de communiquer un secret que je ne comprend pas.

Переводъ. Вернегъ: Графъ чрезвычайно любитъ васъ и какъ нельзя болѣе желаетъ быть вамъ полезнымъ, но онъ не много портитъ дѣло своею горячностью. Преданный душою и тѣломъ государю, онъ хотѣлъ бы окружить его людьми, подобными вамъ, и если это не удается ему сразу, то онъ выходитъ изъ себя.

Я: Скажу вамъ откровенно, любезный Вернегъ, что графу не слѣдовало бы такъ усердно заботиться обо мнѣ, такъ какъ скользкій дворцовый паркетъ созданъ не для меня.

Вернегъ: Полно, не теряйте бодрости. Слѣдуйте только совѣтамъ графа. это старый рутинеръ, прекрасно знающій атмосферу, въ которой онъ вращается, къ тому же онъ пользуется полнымъ довѣріемъ государя.

Я: Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но мнѣ совсѣмъ не охота играть двусмысленную роль, не зная къ чему это можетъ привести.

Вернегъ: Asperate, еще нѣсколько дней и мы будемъ знать въ чемъ дѣло.

Я: Благодарю покорно! вы съ графомъ заставляете меня играть въ жмурки и никто не закричитъ мнѣ берегись! а у меня подъ ногами пропасть.

Вернегъ: Боже мой, имѣйте терпѣнье. Я сообщу вамъ секретъ; намъ предстоитъ большая перемѣна. Россія будетъ спасена и намъ будетъ принадлежать слава, что мы этому способствовали.

Я: Россія будетъ спасена, но какая же ей грозитъ опасность?

Вернегъ: Подождите развязки. Два противника Россіи падутъ, а вмѣстѣ съ ними падетъ и Наполеонъ. 1812 годъ будетъ памятнымъ годомъ въ лѣтописяхъ Россіи.

Я: Вы подали мнѣ множество мыслей, среди которыхъ я теряюсь, не находя правильнаго исхода. Впрочемъ въ карьерѣ, которую вы подготовили мнѣ, я съ перваго шага сталъ внѣ борьбы, такъ какъ графъ сказалъ мнѣ положительно, что государь болѣе не призоветъ меня.

Вернегъ: Какъ, онъ сказалъ вамъ это? Прошу васъ никому не говорить ни слова о томъ секретѣ, который я вамъ довѣрилъ.

Я: Можете быть увѣрены, что я сохраню его добросовѣстно, такъ какъ мнѣ было бы трудно передать секретъ, котораго я не понимаю.

Мы разстались; но разговоръ этотъ приподнималъ немного тайную завѣсу, скрывающую будущее; но кто эти два врага Россіи? Сперанскій и Балашовъ что-ли? И какъ это все похоже на комплотъ! И противъ кого? Наполеонъ, такъ и быть. Но Сперанскій и Балашовъ для чего? Потому и дипломатика тутъ замѣшалась; а дипломатика и интрига есть поле, на которомъ Армфельтъ отличался при разныхъ Европейскихъ дворахъ. Vernègues и Армфельтъ работали, слѣдовательно, для Бурбоновъ.

На другой день вечеромъ, я былъ съ докладомъ у министра; я замѣтилъ, что онъ слушалъ безъ вниманія. Я хотѣлъ уже удалиться, но министръ приказалъ мнѣ подождать, и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, сказалъ мнѣ:

— Я въ странномъ положеніи; Сперанскій впалъ у императора въ подозрѣніе. Государь, который мнѣ ввѣряетъ всѣ тайны свои, приказалъ мнѣ имѣть надъ нимъ бдительный надзоръ. Наконецъ, желалъ, чтобы я съ нимъ познакомился поближе и старался бы вывѣдать его мнѣніе на счетъ государя и прочаго. Я исполнилъ его волю, былъ у Сперанскаго, и доложилъ словесно, что̀ видѣлъ и слышалъ. Императоръ былъ очень доволенъ, и приказалъ все изложить на бумагѣ.

Тутъ разсказалъ мнѣ Балашовъ всѣ ужасы, претерпѣнные имъ въ комнатахъ Сперанскаго, и слово въ слово все то, что я уже зналъ.

— Теперь, продолжалъ министръ, кажется, государь сомнѣвается въ истинѣ словъ моихъ. Не довольствуется моими показаніями, и требуетъ все доказательствъ. Я, право, не знаю, что дѣлать? Мнѣ хочется васъ на это употребить.

„Меня, ваше превосходительство? Вы знаете, какъ мало я на это способенъ, не ловокъ. Идти прямо — я смѣло пойду; но идти кривыми путями — это лабиринтъ, въ которомъ я растеряюсь. Да и войдетъ ли Сперанскій въ такую со мною откровенность, какъ съ вами. Вы оба находитесь на такомъ постѣ, что можете другъ съ другомъ откровенно объясняться; а я Сперанскаго только одинъ разъ видѣлъ, и то издалека“.

— Я могъ бы дать вамъ къ нему письмо, чтобы представить ему нѣкоторыя затрудненія по министерству полиціи, и просилъ бы отъ моего имени, какъ бы все получше устроить.

„Что-же будетъ, ваше превосходительство? Сперанскій станетъ ли со мною говорить? Вѣрно, скажетъ: хорошо, я самъ съ министромъ переговорю; слѣдовательно, все останется по прежнему“.

— Вы не хотите? я скажу Бологовскому, онъ друженъ съ Магницкимъ, а этотъ съ Сперанскимъ.

„Вотъ это ближе къ дѣлу, если Бологовской на это согласится“.

— Онъ меня любитъ, и сомнѣнія нѣтъ; прощайте!

Что дальше, то хуже,—думалъ я, выходя отъ министра полиціи; me voilà entre deux feux! просто хоть бѣжать. Однако мнѣ жаль было Балашова. Вотъ, что значитъ хитрить и поставить себя по произволу своему въ фальшивое положеніе! Вынуждену быть лгать, и, можетъ быть, такъ запутаться, что и выхода не будетъ.

IX.

Является Зиновьевъ, съ приказаніемъ прибыть къ государю, который принялъ меня въ тѣхъ же комнатахъ.

— Я былъ такъ занятъ эти дни, что не могъ васъ видѣть. Съ Балашовымъ у васъ дурно?

„Правда, государь! я не пользуюсь болѣе прежнимъ расположеніемъ министра".

— Какая тому причина? сказалъ государь, улыбаясь.

„Навѣрно этого сказать не могу".

— Не знаетъ-ли онъ, что вы у меня бываете?

„Онъ мнѣ даже о томъ не намекнулъ".

— Я считалъ Балашова умнѣе; хочетъ служить и мнѣ, и себѣ, и споткнулся. Всѣ его донесенія самыя пошлыя, и это заставляетъ меня болѣе и болѣе его подозрѣвать.

Я молчалъ.

— Вездѣ ловлю Балашова во лжи. Онъ говорилъ мнѣ, что употребляетъ доктора Эллизена, какъ франкъ-масона, для присмотра за Сперанскимъ; между тѣмъ слышно, что Бологовской безпрерывно ѣздитъ отъ Балашова къ Магницкому, а отъ этого къ Сперанскому и Балашову.

„Государь! Эллизенъ мой докторъ; я его хорошо знаю. Защищать невиннаго — есть долгъ каждаго честнаго человѣка, особенно предъ августѣйшимъ лицемъ императора. Эллизенъ не рѣшится на подобный поступокъ".

— А какъ вы думаете о Бологовскомъ?

„Я зналъ его въ Москвѣ, по дому князя Козловскаго, который женатъ на его сестрѣ; вижу здѣсь у министра, съ которымъ онъ съ малолѣтства друженъ".

— Вы знаете, что такое Бологовской? (Государь объяснилъ, что Бологовской одинъ изъ злодѣевъ и что этотъ человѣкъ назвалъ его отца): voilà le tyran....... Каково-же мнѣ теперь знать связь между министромъ полиціи, Магницкимъ, и Сперанскимъ и Бологовскимъ, qui n'a ni foi, ni loi, donc est capable de tout!!

Государь началъ ходить по комнатѣ, остановился и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вы франкъ-масонъ, или нѣтъ?

„Я въ молодости былъ принятъ въ Ревелѣ; здѣсь, по приказанію министра, посѣщалъ ложу Астрея".

— Знаю; это ложа Бебера. Онъ честный человѣкъ; братъ Константинъ бываетъ въ ложѣ его. Вамъ извѣстны всѣ петербургскія ложи?

„Кромѣ ложи Астреи, есть ложа Жеребцова, Шарьера и Лабзина".

— А Сперанскаго ложу вы забыли?

„Я объ ней, государь, никакого понятія не имѣю".

— Можетъ быть; по мнѣнію Армфельта, эта ложа иллюминатовъ, и Балашовъ утверждаетъ, что они лѣтомъ собираются въ саду у Розенкампфа, а зимою у того и другаго въ домѣ. Нельзя-ли вамъ поступить въ эту ложу?

„Государь! Если это въ самомъ дѣлѣ орденъ иллюминатовъ, то оный совершенно различенъ отъ франкъ-масонскаго; здѣсь каждая ложа доступна каждому франкъ-масону; но надобно быть иллюминату, чтобы вступить въ ихъ собраніе".

— Балашовъ самъ вступилъ въ ложу Жеребцова.

„Знаю, государь, отъ самаго министра, и удивляюсь, какимъ образомъ министръ полиціи принятъ въ сотрудники и собраты".

Государь засмѣялся.

— Я думаю, не трудно будетъ на почтѣ перехватить переписку иллюминатовъ съ головою ихъ Вейсъ-Гауптомъ? Балашовъ говоритъ, что Сперанскій регентомъ у иллюминатовъ.

„Я сомнѣваюсь, государь, какъ могъ онъ узнать тайну, которая такъ строго соблюдается между иллюминатами".

— Почему не вступили вы въ ложу Жеребцова?

„Я предпочелъ ритуалъ нѣмецкій. Онъ проще; французскій слишкомъ сложенъ, театраленъ и несоотвѣтствуетъ настоящей цѣли франкъ-масонской".

— Я не постигаю: въ чемъ состоитъ эта цѣль?

„Слова: иллюминатъ, франкъ-масонъ обратились, какъ будто, въ брань; но въ корнѣ своемъ, ложи не иное что, какъ школа духовнаго развитія и возвышенія человѣка. О злоупотребленіяхъ молчу; гдѣ ихъ нѣтъ?"

— А для этого и надобно, чтобъ тайныхъ ложъ отъ прави-

тельства не было; а ложа Сперанскаго или Розенкампфа должна обратить на себя вниманіе полиціи.

„Если бы вашему императорскому величеству угодно было спросить обо всемъ самаго Сперанскаго: я почти увѣренъ, что онъ во всемъ открылся бы вашему величеству“.

— Это еще вопросъ. Онъ человѣкъ чрезвычайно тонкій и хитрый; долженъ бы самъ мнѣ въ томъ сознаться. Однако вы его порядочно отстаиваете.

„Государь! я Сперанскаго не знаю; и самъ онъ то подтвердить можетъ. Я не думаю отстаивать Сперанскаго, а человѣка, который оклеветанъ быть можетъ. Нужны ясныя, неоспоримыя доказательства. И предъ кѣмъ клеветать? Предъ государемъ, владыкою всѣхъ насъ, предъ которымъ, какъ передъ Богомъ, ничего скрытаго быть не должно“.

Государь поцѣловалъ меня въ лобъ, сказавъ: „а за себя вы еще лучше заступаетесь“.

Но я уже вошелъ въ жаръ, и прибавилъ: „я могу Сперанскаго обвинить въ томъ, что онъ взялся не за свое дѣло; ибо нововведенныя министерства, à la Françoise, à l'anglaise, à la Suisse, не пустили и долго не пустятъ корней на землѣ русской; но опутать его клеветой, я нахожу не приличнымъ, не благороднымъ, низкимъ“.

Государь, взявъ меня за руку, отвѣчалъ:

— Ваши правила дѣлаютъ вамъ честь, и для того прощаю вамъ эту благородную вспышку. Aussi vous ai-je attaqué [1])! Но вы людей не знаете; не знаете, какъ они черны, неблагодарны, и какъ они умѣютъ во зло употреблять нашу довѣренность. Къ чему было Сперанскому вступать въ связь съ министромъ полиціи? Онъ былъ у меня въ такой довѣренности, до которой Балашову никогда не достигнуть, а можетъ быть никому. Одинъ— пошлый интриганъ, какъ я теперь вижу; другой уменъ; но умъ, какъ интрига, могутъ сдѣлаться вредными.

Я молчалъ. Государь приказалъ подать чаю и подчивалъ меня. Много шутилъ; сказалъ про Армфельта:

—„Онъ хлопочетъ, прислуживается, чтобы урвать у меня на приданое побочной дочери своей“.—Про Балашова: „вышелъ го-

[1]) (Переводъ): За это я и нападалъ на васъ.

лубчикъ изъ нечистенькаго домика, притворился пьянымъ и будочникъ поколотилъ". Про Vernègues: „c'est l'amant déclaré de madame la comtesse T......" Наконецъ прибавилъ: „Il faut employer Бологовской pour les exterminer tous".

Переводъ. Про Vernèges: „это извѣстный любовникъ графини Т...... „Нужно воспользоваться Бологовскимъ для того, чтобы всѣхъ ихъ уничтожить".

Отпуская, государь приказалъ мнѣ прислать въ запечатанномъ пакетѣ полученное отъ Груннера, берлинскаго оберъ-полицій-мейстера, учрежденіе франкъ-масонскихъ ложъ.

—„Зиновьевъ—человѣкъ вѣрный и живетъ въ Михайловскомъ дворцѣ; вы присылайте мнѣ, коли что нужно будетъ, краткую записку чрезъ него".

X.

Чрезъ нѣсколько дней является Бологовской, и проситъ у меня совѣта: продолжать-ли ему быть посредникомъ между Балашовымъ, Магницкимъ и Сперанскимъ, ибо это ему кажется опаснымъ?

Я: Да развѣ ты ихъ сводишь?

Бологовской. Балашовъ меня просилъ; какъ отказаться?

Я: Такъ что же! Я думаю, и та и другая партія тобою довольны?

Бологовской. Да! Да мнѣ даютъ такія вещи переносить, которыя меня пугаютъ. Какъ бы не попасть въ бѣду?

Я: Вотъ это дѣло другое; по моему, лучше бы было вовсе съ ними не связываться.

Бологовской. Неужели Балашовъ меня выдастъ?

Я: А почему же бы и не такъ? Вѣдь онъ министръ полиціи.

Бологовской. Ну! такъ тѣ меня поддержатъ.

Я: А какъ никто?

Бологовской. Ты меня пугаешь.

Я: Совсѣмъ нѣтъ! а говорю только то, что случиться можетъ. Такъ, по моему, лучше бы не связываться съ хитрецами. Пусть сами дѣлаютъ, какъ хотятъ.

Мы разстались. Чрезъ нѣсколько часовъ Бологовской возвращается и говоритъ мнѣ: „Сперанскій и Магницкій велѣли тебѣ сказать: если ты еще будешь такъ дурно отзываться о Балашовѣ, то они доведутъ это до (его) свѣдѣнія, и тебѣ будетъ дурно".

„Спасибо! сказалъ я; можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ ошибся. Имъ лучше все знать должно".

Вотъ новое доказательство, сказалъ я самому себѣ, что никто остановить не можетъ быстраго натиска колеса судьбы, и горе тому, кто, желая остановить это стремленіе, ухватится за спицы! Будетъ безъ рукъ, безъ ногъ, пожалуй, безъ головы.

Этотъ день былъ предшественникомъ бурь. Балашовъ разсказалъ мнѣ:

— Государь прогнѣвался на жену Н. З. Хитрово, которая, бывъ у Коленкура на вечеринкѣ, принесла ему при всѣхъ скамейку, чтобы онъ уложилъ на нее свою больную ногу. Велѣно имѣть за Хитрово бдительный надзоръ. Не знаю: кто донесъ объ этомъ государю. Государь думаетъ, что это имѣетъ связь со Сперанскимъ; ибо Воейковъ, правитель канцеляріи военнаго министра, въ связи съ Магницкимъ.

Относительно меня, я подозрѣвалъ самаго Балашова въ этомъ доносѣ. Онъ имѣлъ привычку, подобныя услуги приписывать неизвѣстному, или тому, на кого былъ сердитъ. Но я молчалъ; потомъ сказалъ: „жаль, что государя тревожатъ подобными разсказами, часто не очень вѣрными, но всегда производящими непріятное впечатлѣніе".

Балашовъ. Что дѣлать? Безъ этого обойтиться нельзя.

Я: Могу ошибаться, но, по моему мнѣнію, право, не стоитъ того, чтобы присматривать за русскими; поболтаютъ, покритикуютъ; можетъ быть, и побранятъ; а дойдетъ до дѣла, всѣ: „падамъ до ногъ". Просто, послать такихъ говоруновъ на экзекуцію розгами къ Лаврову и дѣло съ концомъ.

Балашовъ. Такъ вы полагаете, что шпіонство не нужно?

Я: За иностранцами, — согласенъ; но за русскими, — нѣтъ! Вообще замѣтилъ я, что у насъ шпіонство дѣлается après coup; тутъ и надзоръ; а я полагаю, лучше предупредить зло, нежели вѣрить однимъ доносамъ, которые подвергать надобно изслѣдованію, строгому разсмотрѣнію, а кто донесетъ лживо, того наказывать.

Балашовъ. Вы, кажется, берете на себя слишкомъ много; не хотите ли свои законы издать? Что вы такъ смѣло говорите? Между нами не можетъ быть ни пріязни, ни дружбы; разстояніе слишкомъ велико.

Я: Я почелъ долгомъ отвѣчать на вопросъ вашего превосхо-

дительства, не мечтая ни о дружбѣ, ни о пріязни; впредь буду молчать.—И вышелъ.

Пріѣхали ко мнѣ Армфельтъ съ Vernègue'омъ.

— Vous avez gagné du terrain dans l'esprit de Sa Majesté, mais il y a du mauvais. Sa Majesté en me parlant de vous, m'a dit: je ne puis jamais avoir raison avec lui.

Я: J'espère que c'est un simple badinage de la part de Sa Majesté, car il n'a qu'à trancher le mot à ordonner, et je dois exécuter.

Vernègues. Oui, mais vous êtes un peu récalcitrant, vous avez toujours des objections.

Я: Apparemment parce qu'on me permet de les faire et qu'il les trouve fondées sur le vrai.

Армфельтъ. Mais, mon cher, il est question de faire un chemin, et je vous annonce que vous resterez comme vous êtes. Vous avez un exemple: Каразинъ qu'a-t-il gagné? Il a aussi voulu faire le moraliste, il est vrai, dans d'autres circonstances; il a voulu changer, c'etait trop tard. Je vous prie de me dire: pourquoi prendre si chaudement le parti de Speransky et de Balachoff?

Я: M-r le comte! Est ce qui c'est prendre le parti d'un quelqu'un, que de ne point accepter les calomnies les plus sottes et les plus extravagantes. Ne vaut il pas mieux attaquer de front? Pour ce qui regarde Balachoff, il est mon chef; quel besoin ai-je d'accabler un homme qui se condamne lui même par les plus plattes dénonciations? Que diriez vous si l'on vous calomniait et que j'aille souffler les étincelles qui tomberaient sur vous?

Армфельтъ. Vous voulez sauvez quelqu'un sans penser que cela tombera sur vous. Vous ne sauvrez personne, et vous couperez votre carrière.

Я: Je ne veux qu'une chose, d'aller droit conformément à mes principes. Le résultat ne me regarde pas, car il ne dépend pas de moi.

Армфельтъ къ Vernègue'у: Vous voyez, il n'y a rien à faire!

Vernègues. M-r le comte, il ne peux plus changer de conduite; changer serait se perdre aux yeux de l'Empereur.

Армфельтъ ко мнѣ: Je crois que Sa Majesté vous appelera

ce soir ou demain. Balachoff lui à presenté un document incontestable de la felonie de Speransky, et vous n'aurez plus rien à dire. Adieu.

Vernègues. Remarquez bien, mon chèr! Pour faire fortune auprès des rois, il faut leur cacher qu'on a plus de vertu qu'eux et même leur exposer un coté faible pour leur faire croire, qu'ils nous surpassent.

Переводъ.—Вы выиграли во мнѣніи монарха, но ваши дѣла не очень хороши; Е. В., говоря о васъ, сказалъ мнѣ: съ нимъ я никогда не могу сдѣлать по своему.

Я: Надѣюсь, что это не болѣе какъ шутка со стороны Е В., такъ какъ ему стòитъ только сказать рѣшительно, приказать, и я долженъ исполнить.

Вернегъ. Да, но вы немного упрямы и на все имѣете возраженія.

Я: Безъ сомнѣнія, потому, что мнѣ дозволяютъ высказывать ихъ и находятъ, что онѣ основаны на истинѣ.

Армфельтъ. Но, другъ мой, вамъ необходимо сдѣлать карьеру и я предсказываю вамъ, что вы не пойдете далеко. Вы имѣете примѣръ въ Каразинѣ: что онъ выигралъ? Онъ также хотѣлъ читать нравоученія, правда при другихъ обстоятельствахъ, хотѣлъ передѣлать, но было уже поздно. Скажите мнѣ, пожалуйста, почему вы такъ горячо принимаете сторону Сперанскаго и Балашова?

Я: Ваше сіятельство, развѣ не вѣрить самой глупой, самой невѣроятной клеветѣ значитъ брать чью либо сторону? Не лучше ли напасть на человѣка открыто? Что же касается Балашова, то онъ мнѣ начальникъ; какая мнѣ надобность обвинять человѣка, который осуждаетъ самъ себя самыми гнусными доносами? Что бы сказали, если бы васъ оклеветали, а я бы еще болѣе сталъ раздувать пламя?

Армфельтъ. Вы хотите кого нибудь спасти, не думая, что это падетъ на васъ же. Вы никого не спасете и испортите себѣ карьеру.

Я: Я желаю только одного: дѣйствовать согласно моимъ убѣжденіямъ. Результатъ меня не касается, такъ какъ онъ не зависитъ отъ меня.

Армфельтъ къ Вернегу. Видите, что тутъ ничего не подѣлаемъ.

Вернегъ. Ваше сіятельство, онъ не можетъ измѣнить своего образа дѣйствій; измѣнить его значило бы уронить себя въ глазахъ императора.

Армфельтъ ко мнѣ. Я думаю, что Е. В. пригласитъ васъ къ себѣ сегодня вечеромъ или завтра. Балашовъ представилъ ему несомнѣнное доказательство вѣроломства Сперанскаго и вамъ не останется болѣе ничего сказать. Прощайте!

Вернегъ. Замѣтьте, мой другъ, для того, чтобы выиграть во мнѣніи монарховъ, слѣдуетъ скрывать отъ нихъ, что мы добродѣтельнѣе ихъ и даже слѣдуетъ выказать имъ свои слабыя стороны, чтобы они могли думать, что сами они превосходятъ насъ.

Боже мой! думалъ я, если эти хитрецы правы, то справедлива русская пословица: „близь царя—близь огня“.

Вечеромъ принесены были мнѣ всѣ бумаги, захваченныя у Хитрово, въ минуту его отправленія. Какъ я ни рылся, но нигдѣ

и тѣни того не было, о чемъ мнѣ Балашовъ объявлялъ. Однѣ только письма Константина Павловича, которыя компрометировали не Хитрово, а супругу его,—не говоря о многочисленныхъ другихъ интригахъ. Я почелъ долгомъ, чрезъ Зиновьева, довести это обстоятельство до свѣдѣнія государя. Велѣно было, чрезъ Зиновьева, ихъ представить. Я получилъ нѣкоторыя обратно, съ приказаніемъ вручить ихъ г. министру, для доклада. Я представилъ ихъ, при реэстрѣ всѣхъ прочихъ бумагъ, г. министру.

— Есть-ли тутъ записки Воейкова? спросилъ Балашовъ.

„Есть, отвѣчалъ я, но все пустыя, относящіяся болѣе, какъ и прочія, къ Аннѣ Михайловнѣ Хитрово“.

— Не было карты Россіи? спросилъ министръ.

„Въ числѣ присланныхъ ко мнѣ бумагъ ея нѣтъ“.

— Да! я и забылъ, прибавилъ Балашовъ.—Я ее представилъ государю. Слава Богу, сказалъ онъ, кажется, сомнѣнія государя на мой счетъ исчезли. Жаль, очень жаль, что изъ Кіева получено съ контрактовъ письмо на имя Сперанскаго, которое его сильно компрометируетъ.

Я: Бѣднаго Сперанскаго тѣснятъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, вся эта шутка государю надоѣстъ, и его, какъ Хитрово, отправятъ. Любопытно было бы узнать: догадывается-ли Сперанскій, чтò за спиной его дѣлается?

Балашовъ. Не думаю; все что нибудь да проскользнуло-бы, но онъ хорошъ съ Кочубеемъ и Мордвиновымъ. Они его поддержатъ.

Я: Неужели онъ на нихъ надѣется? Въ роковую минуту всѣ откажутся.

Балашовъ. Какъ вы рѣшаетесь судить о людяхъ, стоящихъ на столь возвышенныхъ постахъ? Въ нихъ, вѣрно, болѣе возвышенія, нежели въ людяхъ, стоящихъ на среднихъ или низкихъ ступеняхъ службы.

Я догадался, хотя и поздно, что Балашовъ завелъ весь этотъ разговоръ, чтобы меня какъ нибудь кольнуть, и отвѣчалъ:

„Виноватъ, ваше превосходительство! Правда, трудно нашему брату судить о людяхъ, стоящихъ такъ высоко“.

Балашовъ, обрадовавшись, сказалъ:—тутъ нужно знать всѣ обстоятельства подробно, быть въ связи съ людьми, которые на высотѣ, быть въ довѣріи у государя, а не быть подчинену частному лицу.

Я промолчалъ и откланялся.

Возвратясь домой, я крайне на себя досадовалъ, увидя, что выхожу совершенно изъ своего характера; прежде не скрывалъ ничего, говорилъ всегда правду, какъ она мнѣ казалась и какъ ее чувствовалъ. Теперь притворялся, соглашался съ безразсудствомъ. Это меня до такой степени безпокоило, что я рѣшился проситься въ отставку.

На другой день, въ 6 часовъ по полудни, я призванъ былъ къ государю.

XI.

— „Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, сказалъ императоръ, сколько происшествій! Кто могъ бы подумать, что русскій Хитрово могъ сдѣлаться прислужникомъ Коленкура? Хорошъ и Воейковъ! Какъ выпустить изъ рукъ карту съ означеніемъ маршрута арміи въ Вильну“.

„Я, государь, этой карты не видалъ“.

— „Она у меня, сказалъ государь“.

„Не выкрадена-ли эта карта у Воейкова?“ отвѣчалъ я.

— „Нѣтъ! она прислана къ Магницкому, который ее передалъ Хитрово. Спасибо Балашову, который перехватилъ“.

„Государь! я Воейкова не знаю; но удивляюсь, какъ на это рѣшиться“.

— „Странно, что не только Воейковъ, но и самъ военный министръ, утверждаютъ, что на посланной къ Магницкому картѣ никакихъ знаковъ карандашемъ не было; слѣдовательно, Хитрово чертилъ самъ. Но всё, Воейковъ виноватъ“.

„Конечно. Хитрово могъ бы ее купить у книгопродавца и чертить по своей волѣ“.

— „Вы военнаго министра не знаете? я хочу васъ съ нимъ сблизить. Онъ человѣкъ честный и отличный генералъ“.

Я поклонился.

— „Вотъ еще новость“; и, съ сими словами, подалъ государь мнѣ распечатанное письмо. Я прочиталъ надпись: „его высокопревосходительству м. г. Михаилу Михаиловичу Сперанскому. Въ С.-Петербургъ“.—Съ боку приписано: „со вложеніемъ 80 т. руб. ассигн.“

Пока я разсматривалъ конвертъ, государь смотрѣлъ на меня пристально.

— „Что вы такъ разсматриваете“?

„Это получено не по почтѣ, печатей казенныхъ нѣтъ“.

— „Балашовъ мнѣ письмо представилъ; прочтите“.

Это письмо было изъ Кіева съ контрактовъ, въ которомъ поляки благодарили за всѣ доставленныя имъ выгоды, и въ знакъ благодарности просили принять посылаемыя 80 т. р. асс.

— „Что скажете“?

— Судя по конверту, не знаю: могли-ли тутъ уложиться 80 т. Но если могли, представлены-ли вашему величеству?

Государь ударилъ себя въ лобъ, сказавъ: „какъ мнѣ это на умъ не пришло? Письмо было уже распечатано“.

„Слѣдовательно, и деньги у него“.

— „Прекрасно! Я ихъ потребую; а вамъ легко съ Сперанскимъ познакомиться; вы важную оказали ему услугу“.

Я видѣлъ, что не столько относилось ко мнѣ, какъ съ досады на неудачу, и отвѣчалъ:

„Мнѣ хотѣлось бы, государь! хоть счесть эту сумму, ибо я никогда такой огромной въ рукахъ не имѣлъ“.

Государь улыбнулся.

— „Я доставлю вамъ это удовольствіе, если Балашовъ мнѣ деньги принесетъ, въ чемъ, однако, сомнѣваюсь, — онъ самъ до нихъ охотникъ“.

Я молчалъ.

Государь взялъ листокъ бумаги, что-то написалъ, свернулъ и, запечатавъ, сказалъ мнѣ: „отдайте это завтра Гурьеву. Кстати, купите мнѣ „Походы эрцъ-герцога Карла“;—это большое изданіе съ картами. — Прощайте“.

Едва успѣлъ дойти до дверей, какъ государь меня воротилъ.

— „Я было и забылъ вамъ возвратить франкмасонскія бумаги. Завтра вы будете разъѣзжать по моимъ дѣламъ“.

И возвращая бумаги, вручилъ мнѣ не запечатанную записку съ сими словами: „Покажите эту записку Беберу, а въ первый разъ предложите сами въ ложѣ, чтобы онъ выбранъ былъ гроссъ-мейстеромъ. Беберъ и вы мнѣ отвѣчать будете во всемъ томъ, что въ ложѣ происходить будетъ; но чтобъ моего имени въ ложахъ не было. Относительно протоколовъ ложъ, представляйте

ихъ мнѣ чрезъ министра полиціи. Показавъ записку Беберу, вы мнѣ ее возвратите“.

Вотъ слово въ слово содержаніе записки: „Je suppose que le but de la loge est noble et tend à la vertu, que les moyens à y parvenir sont fondés sur la stricte morale et que toute tendance politique en est proscrite. En ce cas la loge jouira de la bienveillance générale, avec laquelle, d'après le sentiment de mon coeur, je protège tous les braves et fideles sujets, dévoués à son Dieu, à l'état et à moi. Mais pour savoir si la societé maçonique est conforme au but que je lui suppose, j'ordonne que les travaux et protocols de chaque loge me soient exposés afin de me procurer les éclaircissements nécessaires sur la legislation, le maintien du bon ordre et la direction des affaires. En cas de désordre il faut que je sache à qui m'en prendre“.

Переводъ. Я полагаю, что цѣль ложи благородная и стремится къ добру, что средства къ достиженію его основаны на строгой нравственности и что ложи исключаютъ всякую политическую тенденцію. Въ такомъ случаѣ она будетъ пользоваться общей благосклонностью, съ которою я по моимъ чувствамъ покровительствую всѣмъ вѣрнымъ и честнымъ подданнымъ, преданнымъ Богу, государству и Мнѣ. Но чтобы знать согласуется ли масонское общество съ той цѣлью, которую я въ немъ предполагаю, я повелѣваю, чтобы мнѣ представлялись труды и протоколы всякой ложи, которые доставятъ мнѣ надлежащія разъясненія относительно законодательства, поддержанія порядка и управленія дѣлами. Въ случаѣ безпорядковъ мнѣ необходимо знать кого слѣдуетъ въ нихъ винить.

XII.

На другой день, поѣхалъ я къ Беберу, который крайне испугался, но утѣшился, узнавъ, что я съ нимъ вмѣстѣ буду. Отъ него былъ у военнаго министра, который сказалъ мнѣ по нѣмецки:

— „Это все глупости; сердятъ государя, а въ этомъ вашъ Балашовъ великій мастеръ. Разстаться съ Воейковымъ мнѣ прискорбно будетъ: я къ нему такъ привыкъ“.

Отсюда поѣхалъ я къ министру финансовъ. Тотчасъ ввели меня въ кабинетъ, и я вручилъ ему императорскую записку. Гурьевъ спросилъ у меня: „когда угодно вамъ получить деньги“? Этотъ вопросъ меня ошеломилъ. Но я спохватился, сказавъ:

„Государю угодно, чтобы я ихъ нынѣ получилъ“.

— Вѣроятно это вамъ?

„Мнѣ приказано ихъ представить государю“.

Тотчасъ велѣно было одному чиновнику ѣхать со мною въ казначейство, гдѣ мнѣ немедленно выдали 5 т. р. асс. Я просто ничего не понималъ. Отправить-ли мнѣ деньги чрезъ Зиновьева? Но приказа не было. Рѣшился дождаться призванія.

Вдругъ пришла мысль: не дано-ли это мнѣ, и не оканчивается-ли тѣмъ моя придворная служба? Признаюсь: мысль это меня радовала; но денегъ безъ приказа оставить у себя нельзя. Дождусь: если не пришлетъ государь за мною, отправлю чрезъ Зиновьева.

Отношенія мои къ Балашову становились со дня на день хуже и затруднительнѣе. Онъ ко всему придирался и негодованіе свое обнаруживалъ такъ не ловко, что я могъ догадываться: вѣрно онъ узналъ объ отлучкахъ моихъ.

Здѣсь нужно, для поясненія, обратиться къ самому себѣ. Положено было, чтобы я вручалъ министру доклады, представляемые государю, всякій вечеръ въ 7 часовъ. Теперь, въ этотъ часъ сталъ меня требовать къ себѣ государь; какую причину я могъ поставить на видъ министру? Незадолго предъ тѣмъ, выпросилъ я себѣ въ товарищи Фока. Онъ женатъ былъ на дочери доктора Фреза въ Москвѣ. Фрезъ былъ докторомъ покойной моей матери, которая была крайне имъ довольна. Какъ будто въ память усопшей матери, я предложилъ Фоку быть при мнѣ, а онъ занималъ незначительное мѣсто дежурнаго офицера, для записки получаемыхъ и отправляемыхъ министромъ писемъ. Я уповалъ, что онъ, изъ благодарности, меня не выдастъ. Частыя мои отлучки заставили меня открыться Фоку, и я предоставилъ ему, во время моихъ отлучекъ, ходить къ министру съ докладами, которые особенной важности не заключали [1]).

---

[1]) Съ Фокомъ читатели „Русской Старины“ хорошо знакомы. Этотъ весьма образованный, тонкій и весьма хитрый человѣкъ. владѣвшій отлично иностранными языками, пріобывши, съ легкой руки Я. И. де-Санглена, многими годами въ службѣ по секретной полиціи, былъ впослѣдствіи правою рукою шефа жандармовъ, гр. А. Х. Бенкендорфа. Обширныя донесенія Фока своему начальнику въ 1826 г. напечатаны, въ переводѣ съ французскаго, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г., томъ XXXII, стр. 161—194, 303—336, 519—560.

Вечеромъ въ 7 часовъ, я былъ призванъ къ государю. У маленькаго подъѣзда, принялъ меня Зиновьевъ съ сими словами: „Государь приказалъ предъ вами извиниться; неожиданно пріѣхалъ военный министръ съ нужными дѣлами. Государь проситъ васъ здѣсь подождать“. Онъ ввелъ меня въ маленькую уборную государя, гдѣ онъ изволилъ ежедневно переодѣваться послѣ прогулки. „Государь приказалъ васъ подчивать“, сказалъ Зиновьевъ, и, дѣйствительно, подали чаю, сухарей, и проч., даже царскую трубку, которую я преисправно выкурилъ.

Въ 9 часовъ провелъ меня Зиновьевъ въ первый разъ въ большой кабинетъ императора.

— Мнѣ нельзя было, сказалъ государь, не принять военнаго министра, но впрочемъ я, какъ хозяинъ, велѣлъ васъ угощать.

Я поклонился.

— Намъ болѣе прятаться нечего. Балашовъ, видно, догадался, хотя явно не говоритъ, а очень хвалитъ Фока. Что это за человѣкъ?

„Онъ человѣкъ, государь, не дурной; но вѣроятно, обольщенный важными выгодами въ будущемъ, онъ меня, своего благодѣтеля, выдалъ“.

— Это не рекомендація, однако доказываетъ человѣка способнаго. Интриганы въ государствѣ также полезны, какъ и честные люди; а иногда первые полезнѣе послѣднихъ.

Развязывая пакеты, думалъ я: не очень же выгодно быть честнымъ человѣкомъ и, правду сказать, немного испугался этого отзыва.—Во первыхъ, вручилъ я государю „Походы принца Карла“, и, при книгѣ, росписку Клостермана, что заплатилъ 200 р. ас.

— У меня примѣта: я никогда при себѣ денегъ не держу, но я прикажу вамъ ихъ отдать, сказалъ государь.

Во вторыхъ, возвратилъ обратно данную записку Беберу и доложилъ, что Беберъ выбранъ гроссъ-мейстеромъ, а я его товарищемъ.

— Поздравляю, сказалъ государь, улыбаясь.

Наконецъ подалъ запечатанный пакетъ съ деньгами.

— Это что?

„Полученные по приказанію вашего величества деньги отъ министра финансовъ“.

— Эти деньги слѣдуютъ не мнѣ, отдайте ихъ супругѣ вашей, она будетъ умѣть съ ними распорядиться.

Я принесъ государю мою благодарность за себя, за жену и дѣтей. Государь, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Les petits cadeaux entretiennent l'amitié.

„Если это такъ, государь, то съ моей стороны, для поддержки милостиваго вашего императорскаго величества расположенія, уже никакихъ средствъ нѣтъ.

Государь засмѣялся.

— Я вами доволенъ, сказалъ онъ, этого достаточно; жаль, что у васъ все испортилось съ Балашовымъ, это вамъ повредить можетъ.

„Я поступалъ, государь, согласно съ повелѣніемъ совѣсти и чести, а въ доказательство, что я ничего не ищу, кромѣ ихъ удовлетворенія, осмѣливаюсь просить позволенія подать въ отставку“.

— Пока я живъ этого не будетъ; но все бы лучше, еслибы вы умѣли сохранить и расположеніе Балашова. Впрочемъ, вамъ бояться нечего.

„Государь! я давно желалъ прибѣгнуть къ вашему величеству съ этой просьбой, теперь осмѣливаюсь повторить вамъ оную“.

Государь нахмурилъ чело и отвѣчалъ:

— Я этого не люблю; что разъ рѣшилъ, того не перемѣняю.

Я замолчалъ. Государь сѣлъ въ кресло и началъ чинить перо. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, сказалъ: „садитесь“, указывая на мѣсто подлѣ себя. Я поклонился. Онъ повторилъ:

— Садитесь сюда. Я немного крѣпокъ на ухо.

Я сѣлъ.

— Изъ донесенія графа Растопчина о толкахъ московскихъ, я вижу, что тамъ ненавидятъ Сперанскаго, полагаютъ, что онъ, въ учрежденіяхъ министерствъ и совѣта, хитро подкопался подъ самодержавіе“. Государь остановился, потомъ продолжалъ: „графъ Марковъ отзывается о немъ дерзко, и предсказываетъ ужасную будущность, которую нанесетъ Наполеонъ Россіи. Здѣсь, въ Петербургѣ, Сперанскій пользуется общею ненавистью, и вездѣ въ народѣ проявляется желаніе ниспровергнуть его учрежденія. Слѣдовательно, учрежденіе министерствъ есть ошибка. Кажется, Сперанскій не совсѣмъ понялъ Ла-Гарпа, моего наставника, котораго люблю и почитаю, какъ только благодѣтеля любить и чтить возможно. Я дамъ вамъ этотъ планъ. Сравните оный съ учрежде-

ніемъ, и скажите ваше мнѣніе о министерствахъ. Ла-Гарпъ писалъ по французски, и вы пишите на томъ же языкѣ.

Пока я завертывалъ сочиненіе Ла-Гарпа въ бумагу, государь позвонилъ и вошедшему камеръ-лакею приказалъ дать что-нибудь ужинать. Подали, государь выкушалъ рюмку шамбертенъ, отвѣдалъ жареныхъ рябчиковъ, леща, желе, и подчивалъ меня. Мы во все время стояли, государь былъ очень веселъ и шутилъ на счетъ своихъ приближенныхъ.

— Хорошо я окруженъ, говорилъ онъ: - Козадавлевъ плутуетъ, жена его собираетъ дань. Балашовъ мнѣ 80 тысячъ рубл. не даетъ. Я приступаю, онъ утверждаетъ, что пакетъ найденъ безъ денегъ. Все ложь! Графъ Т...... твердитъ уроки Армфельта и Вернега, который живетъ съ его женой. Волконскій безпрестанно проситъ взаймы 50 тыс. на 50 лѣтъ безъ процентовъ. На силу я съ нимъ сошелся на 15 тыс. безъ возврата. Вотъ все какіе у меня помощники! [1]).

„Я смѣнилъ бы ихъ".

— Развѣ новые лучше будутъ? Эти уже сыты, а новые затѣмъ же все пойдутъ.

Я воротился около двухъ часовъ по полуночи домой, и весь разговоръ этого вечера палъ мнѣ тяжело на душу. И такъ, говорилъ я самъ себѣ, Армфельтъ правъ... съ справедливостію не далеко уѣдешь: передай я Балашову первое мое свиданіе съ государемъ, что мнѣ было имъ запрещено, путь къ такъ называемому возвышенію, хоть и безсовѣстному, былъ бы открытъ. Больно мнѣ было подумать, что Александръ Павловичъ предпочиталъ интригу . . . . .

На другой день (ко мнѣ) пріѣхалъ Армфельтъ.

Я. И. де-Санглепъ.

[Продолженіе въ слѣдующей книгѣ].

Сообщ. 7-го іюля 1882 г. генер.-лейтен. М. И. Богдановичъ.

---

[1]) Напомнимъ по этому поводу, что горькія жалобы императора Александра Павловича на его приближенныхъ, за время гораздо ранѣе описываемыхъ событій, приведены въ извѣстной книгѣ гр. М. А. Корфа: „Восшествіе на престолъ императора Николая". Ред.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА

въ 1831—1837 гг.

Біографія великаго человѣка никогда не можетъ быть закончена послѣднимъ словомъ: поэтому, несомнѣнно, что и та масса свѣдѣній, которая представлена на страницахъ «Русской Старины» съ 1870 г. по 1882 г. включительно [1]) о жизни, авторской дѣятельности и общественномъ положеніи А. С. Пушкина, въ теченіи времени еще будетъ пополняться многими данными, частію уже имѣющимися въ распоряженіи редакціи, частію ей обѣщанными. Нынѣ къ «пушкинской литературѣ» нашего изданія мы присоединяемъ біографическій очеркъ супруги Пушкина—Наталіи Николаевны. Приложенный при настоящей, январьской, книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 г. ея портретъ—ксилографическая копія съ акварели А. П. Брюллова въ 1836 г. (Письмо о ней Пушкина, см. «Вѣстникъ Европы». 1878 г., мартъ, стр. 33). Ред.

I.

Пламенный темпераментъ Пушкина, вмѣстѣ съ типическими чертами его лица, съ самаго отрочества великаго поэта обличалъ въ немъ африканскую кровь правнука «арапа Петра Великаго». Страсти развивались въ немъ одновременно съ поэтическимъ дарованіемъ, и первымъ опытомъ тринадцатилѣтняго Пушкина, первымъ лепетомъ его музы были: нѣжная пѣсенка къ «Деліи», неоконченное посланіе

[1]) См. списокъ статей и матеріаловъ о Пушкинѣ—помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ"—въ концѣ настоящей статьи. Ред.

къ ней же и стансы «Измѣны» [1]). Въ этихъ трехъ произведеніяхъ, слабыхъ—какъ первые шаги младенца, говорилось о пріютѣ любви, о страстномъ желаніи, о мученіяхъ страстей и т. п. По стихамъ трудно было угадать въ отрокѣ будущаго великаго поэта, но неоспоримо то, что они могутъ служить доказательствомъ слишкомъ ранняго развитія Пушкина. Тому очень много содѣйствовало первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ. Отецъ Александра Сергѣевича, человѣкъ хорошо образованный, знатокъ французской литературы, отлично знакомый съ классиками и эротическими поэтами XVII и XVIII вѣковъ, имѣлъ весьма порядочную библіотеку, доступъ въ которую былъ не возбраненъ его дѣтямъ. Со всей алчностью любознательности вкушая отъ этого древа познанія добра и зла, молодой Пушкинъ рано ознакомился съ тѣми произведеніями, въ которыхъ вельможи дворовъ Людовика XIV, регента и Людовика XV находили источникъ наслажденій, можетъ быть и изящныхъ, но далеко не нравственныхъ. Читая Генріаду Вольтера, отрокъ, тайкомъ, пробѣгалъ Орлеанскую дѣвственницу; послѣ Расина, Корнеля и Кребильона-отца, развлекался чтеніемъ Кребильона-сына; наконецъ, отъ слащаваго Гресса переходилъ къ игривому Парни, распаляя дѣтское свое воображеніе поэзіею эротическою, которую, въ наше время, откровенно называютъ порнографіей. Ко времени поступленія своего въ лицей, Пушкинъ, опытный не по лѣтамъ, усвоилъ взглядъ на любовь, далеко не юношескій и совершенно чуждый германскаго идеализма, который онъ постоянно осмѣивалъ въ лицейскомъ своемъ товарищѣ В. К. Кюхельбекерѣ — страстномъ поклонникѣ Шиллера и вообще поэтовъ-идеалистовъ нѣмецкой школы.

Изъ всѣхъ высшихъ образовательныхъ заведеній царствованія Александра I, лицей былъ отраднымъ изъятіемъ изъ тѣхъ суровыхъ, спартанскихъ правилъ, которыя служили основами для всѣхъ прочихъ, не выключая и университета. Можно ли было въ эту эпоху педагогической «аракчеевщины» найдти подъ стать лицею воспитательное заведеніе, директоръ котораго, подобно Е. А. Энгельгардту, на вопросъ военнаго начальника (графа Коновницына, или Кутузова)—на вопросъ: почему у одного изъ воспитанниковъ разстегнута куртка? отвѣтилъ бы такъ покойно: «потому что ему послѣ игры, вѣроятно, жарко» [2]). Воспитанники кадетскихъ корпусовъ были спартанцами; лицеисты—аѳинянами. Сравнительная свобода, имъ предоставленная, отсутствіе тѣлесныхъ наказаній, кротость и гуманность

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1880 г. Томъ I, стр. 1—5.

[2]) См. Р. А 1872 г. стр. 1484. Воспоминаніе объ Е. А. Энгельгардтѣ.

въ обхожденіи начальства; духъ братства, соединявшій лицеистовъ въ добрую, единомыслящую семью — всѣ эти благопріятныя условія для нравственнаго развитія воспитанниковъ, имѣли однако же и свою обратную сторону. Недостаточный надзоръ за лицеистами, дававшій имъ возможность пошаливать, ихъ знакомство съ дачниками и жителями Царскаго Села, сближеніе старшихъ курсовъ съ гусарами, квартировавшими въ этомъ городкѣ, безспорно давали просторъ и возможность молодымъ людямъ предаваться нѣкоторому разгулу.

Давъ полную волю пылкимъ своимъ страстямъ, Пушкинъ, въ теченіе пяти лѣтъ нѣжнѣйшей юности (1815—1820), за два года до выпуска, и по выпускѣ изъ лицея, былъ неукротимымъ шалуномъ, жаждалъ и искалъ наслажденій, предаваясь имъ беззавѣтно. Страстностью, жгучестью таланта запечатлѣны и всѣ произведенія поэта этого пятилѣтняго періода его жизни. Влюбчивый, какъ Херубинъ—Бомарше, смѣясь надъ платонизмомъ, Пушкинъ-лицеистъ, затѣмъ—членъ «Арзамаса», страстный театралъ, любитель хорошаго вина, картъ, холостыхъ пирушекъ и кутежей, былъ неразборчивъ въ своихъ ухаживаньяхъ, мѣняя предметы своей страсти съ непостоянствомъ рѣзваго мотылька; воспѣвая ихъ, онъ ни мало не заботился: будутъ-ли поняты и по достоинству оцѣнены его прелестныя стихотворенія. За послѣдніе три года его пребыванія въ лицеѣ Пушкинъ написалъ сто тридцать пять стихотвореній [1]); изъ нихъ пятьдесятъ пять—эротическихъ, и въ томъ числѣ не мало подражаній Парни и нѣжныхъ посланій къ предметамъ страсти влюбчиваго поэта. Скромныхъ мадригаловъ не много; неразборчивый поэтъ бросалъ цвѣты вдохновенія и свѣтскимъ барынямъ, и барышнямъ, и едва знакомымъ съ русскимъ языкомъ гувернанткамъ и безграмотнымъ горничнымъ. Въ 1814—1817 годахъ благосклонностью поэта пользовались поочередно: Наталья, крѣпостная актриса графа В. В. Толстаго [2]); Марія Смитъ, гувернантка въ семействѣ Е. А. Энгельгардта, воспѣтая Пушкинымъ подъ именемъ «Лилы» [3]); Наташа—горничная княжны Волконской; наконецъ, какая-то Моськина [4]). Изъ этихъ красавицъ

---

[1]) Считаемъ только напечатанныя и вошедшія въ собраніе его сочиненій. Съ рукописными, въ печати невозможными, ихъ число, конечно, нѣсколько болѣе. П. К.

[2]) Томъ I, стр. 25—29, „Къ Натальѣ" и „Къ молодой актрисѣ".

[3]) Тамъ же, стр. 132—„Слово милой", „Лилѣ"; стр. 150,—„Къ молодой вдовѣ".

[4]) Т. I, стр. 151 „Къ Наташѣ"; стр. 174,—„Съ позволенія сказать".

самою суровою и неприступною оказалась г-жа Марія Смитъ, рожденная Шаронъ-Ларозъ, вышедшая впослѣдствіи за г. Паскаля. Она очень обидѣлась на Пушкина за его стихи «Къ молодой вдовѣ» и пожаловалась Энгельгардту, что послужило поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ къ нему Пушкина. Несравненно снисходительнѣе къ шалуну была горничная княжны Волконской, Наташа; но и тутъ дѣло не обошлось безъ жалобы: Пушкинъ по ошибкѣ поцѣловалъ въ темномъ коридорѣ ея престарѣлую госпожу, по жалобѣ которой было наряжено цѣлое слѣдствіе [1]).

По выходѣ своемъ изъ лицея до несчастной высылки изъ Петербурга, Пушкинъ, вращаясь въ свѣтскомъ, литературномъ и театральномъ кружкахъ, былъ хотя и вѣтренъ, и непостояненъ, но какъ-то болѣе разборчивъ въ предметахъ нѣжныхъ — и всегда неудачныхъ своихъ искательствъ. Здѣсь, помимо влюбчивости, поэтомъ руководило чувство изящества и строгаго приличія. Этими чувствами проникнуты его стихи къ А. А. Олениной, княгинѣ Е. И. Голицыной, въ альбомъ артистки Е. А. Сосницкой [2]), въ которую онъ былъ влюбленъ не менѣе страстно, какъ и въ танцовщицу Истомину. Какъбы гнушаясь порочной любви, поэтъ, въ это-же время, бросилъ горькій ядовитый упрекъ «Прелестницѣ» (Штейнгель) [3]), не помѣшавшій ему, однако, попрежнему смѣяться надъ идеалистами, съ ихъ заоблачными, цѣломудренными мечтами. Въ посланіи своемъ къ «Ѳ. Ф. Юрьеву», поэтъ чистосердечно высказалъ свои воззрѣнія на любовь:

А я—повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ,
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній ..

По отзывамъ лицъ, близко знававшихъ Пушкина, въ его матеріализмѣ, въ его насмѣшкахъ надъ платонизмомъ, было много напускнаго, такъ какъ послѣдній весьма часто бываетъ личиною самой пылкой чувственности. Встрѣча поэта, въ домѣ А. Н. Оленина, съ Анною Петровною Кернъ [4]) произвела на него глубокое впечатлѣніе, которое могло-бы имѣть на него укрощающее вліяніе, если-бы вскорѣ затѣмъ не послѣдовала его высылка въ южную Россію.

---

[1]) Томъ I, библіографическія примѣчанія, стр. 520—521.
[2]) Томъ I, стр. 198, 199, 211.
[3]) Стр. 206.
[4]) См. „Русская Старина“ изд. 1879 г. Томъ XXV, стр. 383—385. Томъ XXVI, стр. 505—519.

Шесть лѣтъ скитаній, а затѣмъ пребыванія въ деревенской глуши (1820 — 1826 гг.) въ цвѣтѣ лѣтъ, при быстромъ развитіи мощнаго, дивнаго таланта, окончательно сформировали нравственный складъ Пушкина. Въ его изгнаніи разгадка многихъ странностей и противорѣчій его характера. Глубоко оскорбленный, озлобленный, поэтъ бросился въ кипучій омутъ наслажденій, исторгая изъ его глубины— подобно драгоцѣннымъ перламъ—прелестнѣйшія, поэтическія произведенія. Талантъ его, въ томъ-же огнѣ страстей, платилъ дань кипучей молодости, предаваясь разгулу, играя жизнію, какъ-бы не зная цѣны ни ей, ни своему прекрасному дарованію, Пушкинъ не терялъ однако своего достоинства человѣческаго. Сферы, въ которыхъ обыкновенный человѣкъ могъ отупѣть и окончательно развратиться, не повліяли на геніальнаго поэта и въ его пламенномъ сердцѣ оставался неприкосновенный уголокъ, въ которомъ теплилась божественная искра чистой поэзіи. Прелестные дары ея мы находимъ именно въ тѣхъ стихотвореніяхъ Пушкина, которыя были написаны имъ въ Крыму, на Кавказѣ и въ Бессарабіи. Почти въ каждомъ изъ нихъ звучатъ прелестныя, глубоко прочувствованныя строфы, посвященныя воспоминанію о чистой, идеальной любви къ какому-то дѣвственному призраку...

Во второй половинѣ мая 1820 года Пушкинъ—больной, глубоко разстроенный—находился въ Екатеринославлѣ. Сюда, проѣздомъ на Кавказъ, прибылъ герой 1812 года, генералъ Н. Н. Раевскій, съ сыномъ и двумя младшими дочерьми. Искренно сочувствуя изгнаннику, Раевскій предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ на Кавказъ—и четыре мѣсяца Пушкинъ былъ неразлучнымъ спутникомъ Раевскихъ, проведя ихъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ имѣніи Раевскихъ—Каменка, въ Кіевской губерніи. Здѣсь онъ познакомился со старшими дочерьми Николая Николаевича—Екатериною и Еленою [1]). Послѣдняя, шестнадцатилѣтняя красавица, высокая, стройная блондинка съ прелестными голубыми глазами, скромная, застѣнчивая — произвела на поэта глубокое — не чарующее, но вѣрнѣе—отрезвляющее впечатлѣніе. Въ ней, въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ онъ видѣлъ воплощеніе музы, вдохновлявшей поэта къ созданію чистѣйшихъ, дѣвственно-прелестныхъ стихотвореній. Не только въ стихотвореніяхъ 1820 г., но и во многихъ произведеніяхъ Пушкина послѣдующихъ лѣтъ мы нахо-

[1]) Екатерина Николаевна — была замужемъ за М. Ѳ. Орловымъ, Елена—скончалась дѣвицею въ Италіи, въ началѣ 1850-хъ годовъ, Марія— была супругою князя С. Г. Волконскаго, которага сопровождала въ ссылку. Самою младшею изъ сестеръ была Софія, въ 1820 г.—ребенокъ. П. К.

димъ строфы, имѣющія автобіографическое значеніе. Елена Николаевна, зная въ совершенствѣ англійскій языкъ, переводила на французскій Байрона и ВальтеръСкотта, но недовольная своими трудами, разрывала свои переводы. Пушкинъ, найдя случайно клочки бумагъ, обнаружилъ тайну скромной переводчицы... Разставшись съ семействомъ Раевскихъ, Пушкинъ любилъ вызывать въ своемъ воображеніи этотъ прелестный призракъ, припоминая самые маловажные эпизоды своего пребыванія въ семействѣ Раевскихъ. Съ чувствами раскаянія онъ оглядывался на дни первой юности, пережитые такъ дурно. Онъ высказалъ ихъ въ своей элегіи «Погасло дневное свѣтило», написанной во время плаванія по Черному морю, въ сентябрѣ 1820 г. [1]). Затѣмъ въ Юрзуфѣ были имъ написаны: «Увы, зачѣмъ она блистаетъ», «О, дѣва-роза, я въ оковахъ»; въ Каменкѣ: «Нереида» и «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» [2]). Изъ нихъ «Нереида» была въ 1824 году напечатана А. А. Бестужевымъ въ его «Полярной Звѣздѣ» съ ошибками.

„Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою, полубогиня—грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала!"

А прелестная элегія: «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда»—напечатана была съ тремя заключительными стихами:

Когда на хижины сходила почи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ—подругамъ называла.

Эта нескромность со стороны Бестужева очень разсердила Пушкина: «Конечно, я на тебя сердитъ», писалъ онъ ему изъ Одессы (отъ 12-го января 1824 г.) [3]), «и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хотя до завтра. Ты напечаталъ, именно, тѣ стихи, о которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла-бы смысла. Велика важность! а какой-же смыслъ имѣетъ: «Какъ ясной влагою полубогиня грудь вздымала», или: «Съ болѣзнью и тоской твои

---

[1]) Томъ I, стр. 317—318. См. изд. 1882 г. соч. Пушк. т. VII, стр. 164 и т. I, стр. 304.

[2]) То-же, стр. 321—322.

[3]) Сочиненія Пушкина. Томъ VII, Москва, 1882, стр. 163—164.

глаза?» и проч. [1]) Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами и мнѣ грустно видѣть, что со мной поступаютъ, какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности!»

Тому-же свѣтлому воспоминанію Пушкинъ посвятилъ одну изъ окончательныхъ строфъ Бахчисарайскаго фонтана [2]):

Я помню столь-же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ,
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! долго-ль, узникъ томной,
Тебѣ оковы лобызать
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать!

Успѣхъ «Бахчисарайскаго фонтана» въ печати не усладилъ однакоже досады Пушкина на нескромность Бестужева. 29-го іюня 1824 года [3]), въ письмѣ изъ Одессы, онъ опять укорялъ его:

—«Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюбленъ безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно-ли вывѣшивать на показъ свои.....? Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней «Здѣздѣ», напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи. Чортъ дернулъ меня еще написать не кстати о Бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки и припоминать тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что-жъ она подумаетъ, видя съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей? Обязана-ли она знать, что она мною не названа; что письмо распечатано Булгаринымъ; что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики»....

Въ одну изъ прогулокъ Елены Николаевны Раевской по берегу Чернаго моря, сильный прибой волнъ разсыпался пѣною у ея ногъ. Это, само по себѣ ничтожное, обстоятельство глубоко врѣзалось въ

---

[1]) Пушкинъ указываетъ на грубыя опечатки.

[2]) Томъ I, стр. 433.

[3]) Томъ VII, стр. 166—167 и томъ I, библіогр. примѣч., стр. 565.

память Пушкина [1]) и онъ припомнилъ его въ XXXIII строфѣ первой главы своего «Онѣгина»:

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ и проч.

Такимъ образомъ великій поэтъ долго не разставался съ воспоминаніями о своей чистой идеальной любви къ Е. Н. Раевской, но оно не удерживало Пушкина отъ разгульнаго образа жизни въ кругу разнообразнаго «пестраго» населенія Кишинева и Одессы. Онъ расточалъ свою любовь кокетливымъ молдаванскимъ куконицамъ, еврейкамъ, гречанкамъ, цыганкамъ... Не подлежитъ сомнѣнію, судя по нѣкоторымъ намекамъ самаго Пушкина въ его «Цыганахъ», что онъ нѣкоторое время проживалъ въ таборѣ, увлеченный страстью къ какой-то Маріулѣ. Извѣстныя всему Новороссійскому краю прелестницы Майеръ, Майгинъ [2]), какъ въ Спб. Ольга Массонъ [3]) точно также пользовались его благосклонностью. Его элегія г-жѣ Ризничъ («Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты») проникнута самой искренней, непритворной страстью... Въ исходѣ 1820-хъ годовъ поклонники Пушкина готовы были вѣрить, что онъ самъ былъ героемъ кроваваго событія, воспѣтаго въ «Черной Шали»... что, разумѣется, вздоръ. Но вѣрно то, что въ Кишиневѣ и въ Одессѣ непрестанныя любовныя похожденія Пушкина смѣнялись частыми оргіями, игрою, задорными столкновеніями съ молдованскими боярами, шуллерами и провинціальными «бреттёрами» [4]). Не давая, можетъ быть, отчета и себѣ самому—въ силу какихъ побужденій, онъ принималъ горячее участіе въ дѣлѣ греческаго возстанія; вступилъ въ масонскую кишиневскую ложу [5]), близко сошелся съ нѣкоторыми изъ членовъ «южныхъ славянъ»... наконецъ имѣлъ три дуэли, рискуя погибнуть отъ руки людей—не стоившихъ его мизинца!

Слухи о шалостяхъ и странномъ образѣ жизни Пушкина въ Новороссійскомъ краѣ не мало вредили ему, какъ человѣку, въ общественномъ мнѣніи обѣихъ столицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ годомъ, имя его, какъ поэта, пріобрѣтало болѣе и болѣе громкую извѣстность. Насколько вся грамотная Россія восхищалась его про-

---

[1]) Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи Княгиня М. Н. Волконская (томъ II, изд. 1879 г., стр. 373, 394 и др.) влагаетъ разсказъ объ этомъ въ уста младшей сестры Елены Николаевны, упуская изъ виду, что Маріи Николаевнѣ въ 1820 году было лишь 14 лѣтъ. П. К.

[2]) (Maignine) см. томъ VII, стр. 182—183.

[3]) Томъ I, стр. 312—„Олинькѣ Массонъ"—писано въ Спб

[4]) „Пушкинъ въ Южной Россіи", Р. А. 1866 г., стр. 1128—1132, 1135, 1160—1170.

[5]) „Русская Старина" изд. 1879 г. Томъ XXVI, стр. 521—522.

изведеніями, появлявшимися въ печати, настолько въ безсильной злобѣ негодовали на него люди, которыхъ онъ язвилъ своими эпиграммами, расходившимися по рукамъ въ множествѣ списковъ. Одна изъ таковыхъ, направленная на князя М. С. Воронцова [1]), подала поводъ къ высылкѣ Пушкина изъ Новороссійскаго края въ его родовое имѣнье Михайловское, Псковской губерніи, подъ надзоръ полицейской и духовной властей.

Жизнь свою въ Михайловскомъ поэтъ самъ охарактеризовалъ въ своемъ посланіи къ А. Н. Вульфу (отъ 20 сентября 1824 г.) [2]):

Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни—любви посвящены,
Ночью—царствуютъ стаканы;
Мы-же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ обширномъ біографическомъ очеркѣ «А. С. Пушкинъ», напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1879 и 1880 гг. томъ XXV—XXVIII), мы съ достаточною подробностью разсказали о его любви къ А. П. Кернъ и о нѣжныхъ, пріязненныхъ отношеніяхъ къ дочерямъ П. А. Осиповой, владѣтельницы Тригорскаго...

Наконецъ въ 1826 году царское слово возвратило Пушкину давно желанную свободу: ему былъ всемилостивѣйше разрѣшенъ въѣздъ въ обѣ столицы. Съ исхода декабря до мая 1827 года онъ прожилъ въ Москвѣ; посѣтивъ Петербургъ, на лѣто отправился въ деревню; зиму 1827—1828 года проводилъ поперемѣнно въ столицахъ—и, наконецъ, въ Москвѣ, на балу встрѣтилъ будущую свою супругу—Наталію Николаевну Гончарову—тогда шестнадцатилѣтнюю красавицу, впервые выѣхавшую въ большой свѣтъ... Эта встрѣча рѣшила дальнѣйшую участь Пушкина.

II.

Семейство Гончаровыхъ—стариннаго дворянскаго рода, было довольно многочисленно и въ эпоху знакомства съ Пушкинымъ не особенно богато. Дѣдъ Наталіи Николаевны, Аѳанасій Николаевичъ, въ царствованіе Павла I славился по всей Москвѣ богатствомъ, радушіемъ и произведеніями своихъ заводовъ — полотнянаго и писчебу-

---

[1]) См. томъ I, стр. 452 и „Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 291—294.

[2]) Томъ VII, стр. 237.

мажнаго. Въ бытность царской фамиліи на коронаціи императора Павла Петровича въ Москвѣ, А. Н. Гончаровъ представилъ цесаревичу Константину Павловичу въ подарокъ превосходнаго верховаго коня, за котораго Гончарову была пожалована осыпанная бриллiантами табакерка [1]). На «Полотняномъ заводѣ» (имѣніе Гончарова) воздвигнута была его владѣльцемъ бронзовая статуя Екатеринѣ II, о чемъ, конечно, было не безъизвѣстно при дворѣ, гдѣ у Гончарова было не мало знакомыхъ и даже родственниковъ, въ числѣ которыхъ были Загряжскіе, графъ С. А. Строгановъ и А. Д. Балашевъ. Но въ царствованіе государя Николая Павловича имѣнія Гончарова были уже далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, а сына его — Николая Николаевича—и въ порядочномъ разстройствѣ. Семейство послѣдняго состояло изъ трехъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ Наталія Николаевна была среднею (старшая — Александра, младшая—Катерина) [2]). Самъ Н. Н. Гончаровъ, человѣкъ хорошо воспитанный, виртуовъ на скрипкѣ (ученикъ знаменитаго Роде) [3]), страдалъ, къ несчастію, разстройствомъ умственныхъ способностей. Главою семьи былъ дѣдушка, Аѳанасій Николаевичъ, а первымъ по немъ лицомъ—его невѣстка, Наталія Ивановна. Воспитаніе своихъ внучекъ старикъ предоставилъ ихъ родительницѣ и оно, по ея понятіямъ, было безукоризненно, такъ какъ основами таковаго положены было основательное изученіе танцевъ и знаніе французскаго языка лучше своего, роднаго. Соблюденіе строжайшей нравственности и обрядовъ православной церкви служило дополненіемъ высокаго идеала «московской барышни»—прелестнымъ и граціознѣйшимъ образцомъ которой Наталія Николаевна имѣла полное право назваться.

Очарованный ею, съ первой-же встрѣчи на балѣ, Пушкинъ обратился съ просьбою къ графу Ѳ. И. Толстому (извѣстному подъ прозвищемъ «Американца»)—ввести его въ домъ Гончаровыхъ. Достойно вниманія, что съ этимъ-же самымъ Толстымъ, стариннымъ знакомымъ Гончаровыхъ, за девять лѣтъ тому назадъ, Пушкину предстояла дуэль, окончившаяся, по счастію, примиреніемъ [4]). Такимъ образомъ въ домъ будущей своей жены, за которую онъ погибъ на поединкѣ, великій поэтъ былъ введенъ человѣкомъ, съ которымъ

---

[1]) Воспоминанія графа Е. Ѳ. Комаровскаго, Р. А. 1867 года, стр. 234, 235 и 756.

[2]) Въ нѣкоторыхъ біографіяхъ, младшею изъ трехъ сестеръ невѣрно показана Наталія Николаевна.

[3]) Воспоминанія графа Е. Ѳ. Комаровскаго стр. 756.

[4]) Поводомъ къ дуэли послужила эпиграмма Пушкина, по нескромности кн. А. А. Шаховскаго попавшая въ руки графа Толстаго. П. К.

когда-то намѣревался стрѣляться. На знакомство съ Пушкинымъ Гончаровы выразили полнѣйшее согласіе.

Принятый очень любезно, съ должнымъ вниманіемъ къ его громкой извѣстности, пользуясь приглашеніемъ Гончаровыхъ посѣщать ихъ,—Пушкинъ бывалъ у нихъ очень часто; но, по отзывамъ очевидцевъ [1]), былъ очень не говорливъ, застѣнчивъ и неловокъ. Никто не могъ бы угадать тогда въ Пушкинѣ творца «Онѣгина», бойкаго на слово, остроумнаго, веселаго собесѣдника, когда-то блиставшаго въ петербургскихъ и одесскихъ гостиныхъ. Но въ это самое время въ Пушкинѣ происходилъ нравственный переломъ; страстная любовь къ Наталіи Николаевнѣ захватила его на рубежѣ, отдѣлявшемъ бурную юность отъ возраста мужества: разсудокъ вступалъ въ свои права, удерживая страсти въ извѣстныхъ предѣлахъ, направляя ихъ къ высокой цѣли супружества. Взглядъ поэта на этотъ важный вопросъ человѣческой жизни совершенно измѣнился въ самое короткое время. Не говоря уже о его юныхъ лѣтахъ, замѣтимъ, что не далѣе какъ за два года до встрѣчи своей съ Н. Н. Гончаровой, Пушкинъ зло смѣялся надъ брачною жизнію, съ юношескимъ легкомысліемъ относясь къ взаимнымъ обязанностямъ супруговъ. Проведя лѣто 1828 г. въ Михайловскомъ, (Псковск. губ.), осень въ Малинникахъ, (Тверск. губ.), имѣніи А. Н. Вульфа, зиму съ 1828 на 1829 годъ—опять въ Москвѣ, Пушкинъ, на этотъ разъ, посѣщая Гончаровыхъ, уже не скрывалъ своихъ видовъ на Наталію Николаевну и обратился къ посредничеству графа Ѳ. И. Толстаго и супруги извѣстнаго археолога, А. П. Малиновской. Ихъ ходатайство было однако же не успѣшно: Наталія Ивановна Гончарова, дама весьма своеобычная, и въ мнѣніяхъ своихъ, если не твердая, то упрямая, не отвѣчая прямымъ отказомъ, не скрыла однако же своего предубѣжденія къ Пушкину. Поводомъ къ тому послужилъ недавній съ нимъ разговоръ, въ которомъ поэтъ неуважительно отозвался о покойномъ императорѣ Александрѣ Павловичѣ (память котораго особенно чтили въ семействѣ Гончаровыхъ), и, кромѣ того, дозволилъ себѣ подшучивать надъ чувствами набожности и благочестія, зная, что у Наталіи Ивановны въ домѣ есть особая образная со множествомъ иконъ [2]). Не отвѣчая, какъ мы сказали, прямымъ отказомъ на предложеніе Пушкина, мать Наталіи Николаевны, ссылаясь на ея молодость, отложила до времени вопросъ о сватовствѣ. Это происходило въ исходѣ апрѣля 1829 года. Получивъ

[1]) Р. А. 1881 г. № II, стр. 497—498, въ выноскѣ.

[2]) Р. А. 1881 г., № II, стр. 498.

отвѣтъ матери Гончаровой, Пушкинъ писалъ ей 1-го мая [1]) по французски:

«На колѣнахъ, проливая слезы благодарности, долженъ бы я писать къ вамъ, теперь, по передачѣ мнѣ графомъ Толстымъ вашего отвѣта. Это не отказъ; вы дозволяете мнѣ надѣяться; однако-же, если я еще ропщу, если къ чувствамъ благополучія примѣшиваются грусть и огорченіе, не обвиняйте меня въ неблагодарности. Но, простите нетерпѣнію сердца страдающаго и (упоеннаго?) счастіемъ. Я ѣду сію-же минуту, унося въ глубинѣ души моей образъ небеснаго существа, обязаннаго вамъ жизнію. Если вамъ угодно дать мнѣ какія либо приказанія, благоволите сообщить ихъ графу Толстому, который ихъ мнѣ перешлетъ. Благоволите, милостивая государыня, принять дань глубокаго моего уваженія—Пушкинъ».

Въ томъ-же маѣ мѣсяцѣ [2]) Пушкинъ отправился въ Тифлисъ, а отсюда въ дѣйствующую армію Паскевича въ Азіатскую Турцію; 22 августа изъ Тифлиса поѣхалъ обратно въ Москву, куда и прибылъ къ первымъ числамъ сентября, а 12 октября выѣхалъ въ Петербургъ. Во все это время, замѣтимъ, онъ находился подъ секретнымъ надзоромъ полиціи.

Слѣдующіе шесть мѣсяцевъ (съ октября 1829 по апрѣль 1830 года) можно назвать самыми мучительными въ холостой жизни Пушкина. Родительница и дѣдъ Наталіи Николаевны медлили рѣшительнымъ отвѣтомъ на его предложеніе. Въ началѣ 1830 года онъ писалъ (на французскомъ языкѣ) г-жѣ Гончаровой [3]):

«Теперь, милостивая государыня, когда вы изволили разрѣшить мнѣ писать къ вамъ, я берусь за перо съ такимъ-же волненіемъ, какъ бы находясь въ присутствіи вашемъ. Мнѣ нужно высказать вамъ столь многое, что чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ грустнѣе и безотраднѣе мои мысли. Изложу ихъ во всей искренности и безсвязности, умоляя васъ о терпѣніи и, въ особенности, о снисхожденіи.

«Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, ея красота была едва замѣчена въ свѣтѣ; я полюбилъ ее, у меня голова пошла кругомъ, я просилъ ея руки. Вашъ отвѣтъ, при всей его неясности, на мгновеніе лишилъ меня разсудка; въ ту-же ночь я отправился въ армію. Спросите меня зачѣмъ, клянусь, что и самъ не знаю; но невольная тоска гнала меня изъ Москвы: я не могъ-бы вынести ни вашего, ни

---

[1]) Р. А. 1881, № II, стр. 496.

[2]) Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ мартѣ мѣсяцѣ, намѣреваясь отправиться на Кавказъ, но до 1-го мая пробылъ въ Москвѣ.

[3]) Р. А. 1881, № II, стр. 497—499.

ея присутствія. Я писалъ къ вамъ; надѣялся; ждалъ отвѣта; его не приходило. Проступки первой моей юности предстали моему воображенію, тяжки они были, но клевета ихъ еще преувеличила; слухъ о нихъ сдѣлался, къ несчастію, достояніемъ общей молвы. Вы могли дать имъ вѣру, на это я не смѣлъ жаловаться, но былъ въ отчаяніи.

«Сколько мученій ожидало меня по возвращеніи! [1]) Ваше молчаніе, холодный видъ, пріемъ Н., столь легкій, невнимательный... у меня не хватило духу объясниться. Я уѣхалъ въ Петербургъ со смертью въ душѣ. Я чувствовалъ, что игралъ очень жалкую роль; я былъ робокъ впервые въ жизни, а робость въ человѣкѣ моихъ лѣтъ не можетъ нравиться молодой особѣ возраста вашей дочери. Одинъ изъ моихъ друзей поѣхалъ въ Москву, привезъ мнѣ оттуда благосклонное слово, возвратившее мнѣ жизнь, а теперь, когда нѣсколько милыхъ словъ, которыми вы меня удостоили, должны были бы восхитить меня, я несчастнѣе, чѣмъ когда-либо.

«Только привычка и продолжительная близость могли бы снискать мнѣ расположеніе вашей дочери. Могу надѣяться на ея привязанность со временемъ, но во мнѣ нѣтъ ничего, чтобы ей нравиться. Если она согласится отдать мнѣ свою руку, я буду видѣть въ этомъ лишь невозмутимое равнодушіе ея сердца. Но будетъ ли это спокойствіе продолжительно въ ней, окруженной восхищеніемъ, поклоненіями, соблазнами? Ей скажутъ, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить союзъ болѣе равный, блестящій, ея достойнѣйшій. Искренно ли будутъ эти внушенія, неизвѣстно; но что она повѣритъ ихъ искренности—это несомнѣнно. Не пробудится-ли въ ней раскаяніе? Не будетъ-ли она смотрѣть какъ на помѣху, какъ на обманщика-похитителя? Не возчувствуетъ-ли она отвращенія ко мнѣ? Богъ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть затѣмъ, чтобы оставить ее блестящею вдовою, свободною завтра же въ выборѣ себѣ другаго мужа, эта мысль—адъ!

«Поговоримъ о состояніи. Я не придаю ему никакого значенія, до сихъ поръ моего было мнѣ достаточно. Будетъ-ли его достаточно женатому? Ни за что на свѣтѣ я не потерплю, чтобы жена моя вѣдала лишенія, не занимала мѣста тамъ, гдѣ призвана блистать, веселиться.

---

[1]) По разсказу С. Н. Гончарова, Пушкинъ пріѣхалъ съ Кавказа въ Москву раннимъ утромъ, когда г-жа Гончарова еще спала и ея семейство сидѣло за чаемъ. Вдругъ раздался стукъ на крыльцѣ и вслѣдъ за тѣмъ въ столовую влетѣла калоша изъ прихожей, гдѣ раздѣвался Пушкинъ. При входѣ въ комнату первый его вопросъ былъ о Натальѣ Николаевнѣ. За нею пошли, но она не смѣла выйдти къ Пушкину безъ позволенія матери, которая еще спала. Ее разбудили и она приняла Пушкина въ постели. П. К.

Она въ правѣ этого требовать. Чтобы удовлетворить ея желаніямъ, я готовъ пожертвовать ей всѣми привычками, всѣми страстями жизни моей, существованіемъ совершенно свободнымъ, обильнымъ случайностями. Но, во всякомъ случаѣ, не будетъ-ли она роптать, если ея положеніе въ свѣтѣ будетъ не столь блестяще, насколько она того достойна и насколько я того-бы желалъ?

«Таковы отчасти мои тоскливыя опасенія. Трепещу при мысли, что вы признаете ихъ слишкомъ основательными. Есть еще одно, которое не могу рѣшиться довѣрить бумагѣ... [1]). Благоволите, милостивая государыня, принять дань моей совершенной преданности и высокаго почтенія. Пушкинъ. Суббота, (1830)».

Слишкомъ два мѣсяца длились переговоры съ дѣдомъ и матерью Гончаровой; наконецъ 6 апрѣля 1830 года (въ день свѣтлаго Воскресенія), на формальное предложеніе Пушкина ему отвѣчали давно желаннымъ согласіемъ. Дѣдушка, Аѳанасій Николаевичъ, проживавшій въ своемъ имѣніи «Полотняный Заводъ», прислалъ заочное свое благословеніе и 15 мая (въ Вознесеніе) послѣдовала формальная помолвка Пушкина съ Наталіею Николаевною Гончаровою [2]).

Теперь, прежде чѣмъ перейдти къ разсказамъ о Пушкинѣ, до февраля 1831 года нареченномъ женихѣ, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ привести, въ видѣ афоризмовъ, выдержки изъ двухъ его писемъ къ друзьямъ, относящіяся до его воззрѣній на супружескую жизнь, въ 1826 году:

«Правда ли, что Баратынскій женится? Боюсь за его умъ. Законная жена—родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ я увѣренъ, что ты гораздо былъ бы умнѣе, если бы лѣтъ еще десять былъ холостой. Бракъ холодитъ душу». (24 мая 1826 г.) [3]).

«Чортъ побери вашу свадьбу; вашу свадьбу чортъ побери! Когда друзья мои женятся—имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но, такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и въ огнь вѣчный» [4]).

Иными глазами взглянулъ великій поэтъ на брачную жизнь черезъ четыре года, какъ увидимъ изъ послѣдующихъ выдержекъ.

---

[1]) Не трудно догадаться, что Пушкина тревожила мысль: нѣтъ-ли у него соперника и не занято-ли уже сердце Натальи Николаевны.

[2]) Въ предисловіи къ письмамъ Пушкина («Вѣстникъ Европы», январь 1878 г., стр. 9, днемъ формальнаго предложенія показано 21 апрѣля.

[3]) Томъ VII, стр. 41.

[4]) Тамъ же, стр. 140.

Время до своей свадьбы Пушкинъ провелъ большею частію въ разлукѣ съ невѣстою. Пробывъ въ Москвѣ до 16 іюля 1830 года, онъ до 9 декабря жилъ попеременно въ Петербургѣ и Болдинѣ, затѣмъ возвратился и оставался въ Москвѣ до самой своей свадьбы [1]). Хлопотливый образъ жизни и тревожное, весьма часто грустное, настроеніе духа явствуютъ изъ его писемъ къ своимъ друзьямъ и къ невѣстѣ.

Въ Петербургѣ Пушкина ожидали оффиціальные визиты къ знатной невѣстиной роднѣ, о чемъ онъ увѣдомлялъ Наталью Николаевну письмами отъ 20-го и 30-го іюля [2]). Сквозь холодную вѣжливость въ нихъ просвѣчиваетъ искренняя нѣжность... «Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы предъ бѣлокурой Мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей»... Къ хлопотамъ по закладу въ опекунскій совѣтъ 200 душъ крестьянъ, подаренныхъ С. Л. Пушкинымъ своему сыну на свадьбу, примѣшивались и другія по дѣламъ А. Н. Гончарова, о переплавкѣ статуи Екатерины II, о выдачѣ ему какой-то субсидіи отъ министра финансовъ, графа Канкрина. Проѣздомъ изъ Петербурга въ Болдино (Нижегородской губерніи) Пушкинъ отъ 14 августа увѣдомилъ А. Н. Гончарова объ исполненіи даннаго имъ порученія. Смерть дяди Пушкина, Василія Львовича, ускорила его отъѣздъ изъ Москвы въ послѣдній день августа. Отъѣзду предшествовала размолвка Александра Сергѣевича съ будущею тещею. Она, къ вопросу сердца, жизни и смерти великаго поэта примѣшала денежный и, очевидно, грозила жениху формальнымъ отказомъ. Уѣзжая въ Болдино, Пушкинъ, чрезъ частное лицо, отправилъ Наталіи Николаевнѣ слѣдующую записку:

«Я отправляюсь въ Нижній безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подъ всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права, - а я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья; во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что-же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться. А. П.» [3]).

По прибытіи въ Болдино въ самомъ грустномъ настроеніи духа,

---

[1]) Р. А., 1876 г., № 6, стр. 236—237. По офиціальнымъ донесеніямъ полиціи, имѣвшей за нимъ тайный надзоръ—до 1833 года.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1878 г., январь, стр. 11—13.

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1878 г., январь, стр. 13—14.

Пушкинъ былъ разобщенъ съ Москвою, по случаю появленія въ низовыхъ губерніяхъ, до того времени небывалой заразы—холеры. Быстрыми шагами, издѣваясь надъ карантинами, эпидемія приближалась къ Москвѣ. Замкнутый въ деревенской глуши, «странѣ грязи, чумы и пожаровъ», заботясь о денежныхъ дѣлахъ, тревожась объ участи невѣсты, усиленно работая, наконецъ, ради поправки своихъ средствъ—Пушкинъ страдалъ невыносимо. Письма отъ невѣсты и ея матери отчасти его успокоили относительно свадьбы, хотя и отложенной. «Наша свадьба», писалъ онъ своей невѣстѣ отъ 30 сентября—«повидимому все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами—развѣ это не самая дрянная шутка, которую судьба могла придумать?..» «Позвольте мнѣ васъ обнять? это нисколько не заворно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантиновъ...» [1]). Извѣстіе о томъ, что холера проникла въ Москву, еще болѣе прежняго встревожила Пушкина. Маскируя душевную свою тревогу шутками, онъ писалъ невѣстѣ, что пріѣдетъ къ ней,—чтобы миновать карантины—черезъ Вятку и Архангельскъ. Сѣтованіями на разлуку наполнены всѣ его письма къ невѣстѣ до самаго кануна его отъѣзда въ Москву, 2 декабря [2]).

Шутливый, какъ бы беззаботный въ письмахъ своихъ къ невѣстѣ, Пушкинъ, проживая въ Болдинѣ, глубоко вдумывался въ вопросъ о предстоящей своей свадьбѣ. Къ этому времени относятся слѣдующія строки, имъ набросанныя [3]).

«Участь моя рѣшена... Та, которую любилъ я цѣлые два года, которую вездѣ, первую, отыскивали глаза мои, съ которой встрѣча казалась мнѣ блаженство(мъ), — Боже мой, она почти моя. Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей! Ожиданіе замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ—все это ничего не значитъ.

«Жениться — легко сказать! Большая часть людей видятъ въ женитьбѣ шали, взятыя въ долгъ, новую карету и розовый шлафрокъ; другіе—приданое и степенную жизнь; третьи женятся—такъ, — потому, что всѣ женятся; потому, что имъ 30 лѣтъ. Спросите ихъ, что такое бракъ—они скажутъ вамъ пошлую эпиграмму.

«Я женюсь, т. е. я жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ... Я удвоиваю жизнь; я стану ду-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы»—ibid. стр. 15.

[2]) Ibid. стр. 20.

[3]) Сочиненія Пушкина, изд. 1882 г.

мать мы. Счастіе есть цѣль жизни, но я никогда не хлопоталъ о счастіи: я могъ обойдтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его?

...«И такъ, это уже не тайна двухъ сердецъ. Сегодня эта была новость домашняя, завтра будетъ площадная. Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны—печатается въ сальной типографіи, продается потомъ въ книжной лавкѣ и разбирается въ журналѣ».

Новый 1831 годъ Пушкинъ встрѣтилъ въ Москвѣ, откуда, за недѣлю до своей свадьбы (именно 10 февраля), писалъ Н. И. Кривцеву [1]):

«Ты—безъ ноги, а я—женатъ, или почти. Все, чтобы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю какъ люди, и, вѣроятно, не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія (?). Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью».

18 января, изо дня въ день за мѣсяцъ до своей свадьбы, Пушкинъ получилъ поразившее его извѣстіе о смерти его самаго дорогаго друга, барона А. А. Дельвига (скончавшагося въ Петербургѣ 14 января). «Вотъ первая смерть, мною оплаканная», писалъ онъ П. А. Плетневу [2]). Эта тяжкая утрата какъ бы побуждала великаго поэта отдать свое сердце всецѣло юной супругѣ, и ее обязывала замѣнить ему вѣрнаго друга. Пушкинъ шелъ къ вѣнцу еще съ заплаканными глазами, подъ гнетомъ невыносимой грусти и тяжелыхъ предчувствій. Мы уже говорили о зловѣщихъ примѣтахъ, сопровождавшихъ брачный обрядъ, на которыя онъ обратилъ вниманіе [3]); но помимо ихъ было еще нѣсколько случайныхъ совпаденій, какъ бы намекавшихъ на безвременную кончину новобрачнаго Пушкина.

Въ письмѣ своемъ отъ 24 февраля къ А. Н. Гончарову [4]), извѣ-

[1]) Соч. Пушкина, изд. 1882 г. Томъ VII, стр. 184—185.
[2]) Томъ VII, стр. 289.
[3]) «Русская Старина», изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 148.
[4]) Р. А. 1881, № II, стр. 504.

щая дѣдушку своей жены о «своемъ счастіи», препоручая себя его «отеческому благорасположенію», Пушкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, упомянулъ: «что касается до памятника [1]), то будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго...»

Въ письмѣ къ Плетневу отъ того же числа [2]):

«Я женатъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось. Это состояніе для меня такъ ново, что кажется я переродился. Память Дельвига есть единственная тѣнь моего существованія».

Грустному настроенію духа Пушкина въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ супружеской его жизни не мало способствовало бѣдствіе, постигшее тогда обѣ столицы, всю Россію: холера, прекратившаяся въ Москвѣ, свирѣпствовала въ Петербургѣ. Новобрачные Пушкины, проживая въ Царскомъ Селѣ, разобщенномъ со столицею карантиномъ, получали однако же ежедневно извѣстія объ ужасахъ эпидеміи и ея многочисленныхъ жертвахъ, между которыми случались и знакомые. Какъ ни старался развлекаться великій поэтъ, безотвязная мысль о смерти его не покидала. Въ письмѣ изъ Царскаго Села къ Плетневу (въ іюнѣ 1831 г.) [1]), предостерегая его отъ хандры, онъ писалъ:

...«Хандра хуже холеры; одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди—умретъ и Жуковскій, умремъ и мы»...

Приступая къ очерку семейной жизни великаго поэта, замѣтимъ, что его женитьба подала поводъ къ пошлой напраслинѣ, чтобы не сказать—клеветѣ. Въ множествѣ списковъ и даже чуть-ли не въ неценвурныхъ заграничныхъ сборникахъ сохраняется очень грязное, непристойное стихотвореніе «Первая ночь», сочиненное яко бы Пушкинымъ въ первые дни его супружества. Надобно было слишкомъ дурно знать поэта, его благородное сердце, его взглядъ на жену, чтобы допустить мысль о подобномъ цинизмѣ!.. Порнографическій перлъ, ему приписываемый, былъ сочиненъ А. Полежаевымъ. Въ недавнее время возникло справедливое сомнѣніе и въ томъ, что Пушкинымъ были написаны слѣдующія пошлыя вирши на его жену:

Для твоего поэта
Насталъ великій постъ!
Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта,

---

[1]) Рѣчь шла о памятникѣ Екатеринѣ II на Полотняномъ заводѣ; онъ очень занималъ дѣдушку Гончаровой; сначала онъ намѣревался его переплавить, потомъ продать. Эту статую Екатерины II, Пушкинъ, въ письмахъ къ невѣстѣ, называетъ la grand'maman du zavod.

[2]) Соч. Пушкина, изд. 1882 г., томъ VII, стр. 290. П. К.

Я былъ такъ простъ:
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ.

Вирши эти, конечно, не Пушкина [1]). Между тѣмъ утверждали, будто въ нихъ заключается намекъ поэта на толпу обожателей и поклонниковъ, слѣдовавшихъ за Натальею Николаевною на балахъ и въ собраніяхъ, а также будто бы намекъ на родню жены, довольно многочисленную: обѣ ея сестры и братъ жили съ Пушкиными. Впослѣдствіи убійца поэта, Дантесъ, подшучивая надъ нимъ, когда онъ появлялся въ собраніяхъ съ женою и обѣими свояченицами, перефразировалъ каламбуръ стиховъ: Voici le pacha à trois queues (вотъ трехвостный (трехбунчужный) паша)!

III.

Къ числу терній супружества, по практическимъ выводамъ народной мудрости, принадлежатъ «свекровь» и «теща», въ большинствѣ случаевъ не особенно симпатичныя невѣсткамъ и зятьямъ. Послѣднее было съ Пушкинымъ: столкновеніе съ тещею не замедлило. Поводомъ къ нему послужило свотовство его знакомаго, Александра Юрьевича Поливанова, за старшую дочь Гончаровой, Александру Николаевну. Пушкинъ ходатайствовалъ за Поливанова предъ дѣдушкою, Аѳанасіемъ Николаевичемъ. Это разгнѣвало г-жу Гончарову, которая написала къ дочери своей, новобрачной Пушкиной, письмо очень дерзкое и для него оскорбительное. Видимое желаніе тещи поселить разладъ въ домѣ молодыхъ было, едва-ли, не главною причиною отъѣзда Пушкиныхъ въ Петербургъ, а затѣмъ въ Царское Село, откуда Пушкинъ, 26 іюня 1831 года, писалъ г-жѣ Гончаровой слѣдующее [2]):

«Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Натали, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ Аѳанасію Николаевичу притязаніе г-на П(оливанов)а. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ-ли предложеніе г-на Поливанова принято, или нѣтъ—это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете

---

[1]) Они впервые были напечатаны Н. В. Гербелемъ въ Р. А. 1876 г. № 10 стр. 223.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1878 г., январь, стр. 21—22.

къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и, осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

«Я былъ вынужденъ оставить Москву въ избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ-концовъ могли бы нарушить болѣе, чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но повидимому я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и съумѣю его обезпечить.

«При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться на счетъ развода, или чего нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что предполагалось сдѣлать въ отношеніи Натали; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, не смотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ вамъ въ займы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій и послушный слуга Александръ Пушкинъ».

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ лѣтомъ 1831 года пребывали дворъ и наше высшее общество, Александръ Сергѣевичъ познакомилъ свою молодую жену съ милой, любезной А. О. Смирновой († 1882), В. А. Жуковскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, А. И. Тургеневымъ, съ семействами Олениныхъ, графовъ Віельгорскихъ и др. Приводимъ разсказъ А. О. Смирновой изъ ея воспоминаній о пребываніи Пушкиныхъ въ Царскомъ Селѣ [1]).

«Пушкинъ съ молодой женой поселился въ домѣ Китаева на Колпинской улицѣ. Жуковскій жилъ въ Александровскомъ дворцѣ, а фрейлины помѣщались въ большомъ дворцѣ. Тутъ они оба взяли привычку приходить ко мнѣ по вечерамъ, т. е. передъ собраніемъ у императрицы, назначенномъ къ 9 часамъ. Днемъ Жуковскій занимался

---

[1]) Р. А. 1871 г., № XII, стр. 1877.

съ великимъ княземъ, или работалъ у себя; Пушкинъ писалъ, именно свои сказки, съ увлеченіемъ; такъ какъ я ничего не дѣлала, то и заходила въ домъ Китаева. Наталья Николаевна сидѣла обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинетъ былъ наверху, и онъ тотчасъ насъ зазывалъ къ себѣ. Кабинетъ поэта былъ въ порядкѣ. На большомъ кругломъ столѣ, передъ диваномъ, находились бумаги и тетради, часто несшитыя, простая чернилица и перья; на столикѣ графинъ съ водой, ледъ и банка съ крыжовниковымъ вареньемъ, его любимымъ. (Онъ привыкъ въ Кишиневѣ къ дульчецамъ). Волоса его обыкновенно еще были мокры послѣ утренней ванны и вились на вискахъ; книги лежали на полу и на всѣхъ полкахъ. Въ этой простой комнатѣ, безъ гардинъ, была невыносимая жара; но онъ это любилъ, сидѣлъ въ сюртукѣ безъ галстуха. Тутъ онъ писалъ, ходилъ по комнатѣ, пилъ воду, болталъ съ нами, выходилъ на балконъ и прибиралъ всякую чепуху на счетъ своей сосѣдки, графини Ламбертъ. Иногда читалъ намъ отрывки своихъ сказокъ и очень серьезно спрашивалъ нашего мнѣнія.—Вечеромъ, въ 5 или 6 часовъ, онъ съ женой ходилъ гулять вокругъ озера, или я заѣзжала въ дрожкахъ за его женой; иногда и онъ садился на перекладину верхомъ и тогда былъ необыкновенно веселъ и забавенъ. У него была неистощимая mobilité de l'esprit (подвижность ума)»...

Освободивъ свою жену отъ враждебнаго ему вліянія ея матери, Пушкинъ занялся перевоспитаніемъ молодой, неопытной Наталіи Николаевны. Выше мы уже упоминали о существовавшемъ въ исходѣ двадцатыхъ годовъ воспитаніи московскихъ барышенъ. Типическими его основами были: основательное знаніе французскаго языка, въ ущербъ русскому, кокетливость, жеманство....

„Словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой!"

смѣсь напыщенности «жеманницъ» отеля Рамбуйлье (les précieuses) съ излишне щекотливою стыдливостью московскихъ просвирень... Трудною задачею задался великій поэтъ: изъ офранцуженной, загаженной свѣтскими предразсудками жеманной барышни онъ желалъ создать истинно русскую жену, чуждую притворства, кокетства, откровенную съ мужемъ,—какъ съ единственнымъ другомъ, защитникомъ, руководителемъ. Въ этой откровенности Пушкинъ видѣлъ самый надежный залогъ семейнаго согласія и единодушія. Строгій ценворъ разговоровъ постороннихъ лицъ со своею женою, блюститель ненарушимаго приличія въ отношеніяхъ къ своей женѣ всѣхъ ея знакомыхъ, самъ Пушкинъ, въ интимныхъ разговорахъ съ нею и въ перепискѣ. придерживался простонароднаго склада рѣчи, называя вещи

собственными именами, дозволяя себѣ иногда довольно «скоромныя» выраженія. Беззавѣтной откровенностью своей русской удалой рѣчи, Пушкинъ прививалъ къ уму и сердцу своей жены искренность, естественность... И вотъ разгадка того, въ сущности мнимаго цинизма его писемъ къ женѣ, появленіемъ которыхъ въ недавнее время въ печати [1]), такъ скандализировалась часть нашей читающей публики. Языкъ его писемъ къ женѣ—тотъ-же самый, на которомъ онъ писалъ брату, кн. Вяземскому, Дельвигу, Плетневу и къ другимъ, немногимъ своимъ друзьямъ. Его перья, по разнообразію языка, были подобны стрѣламъ Аполлона... Однимъ перомъ поэтъ писалъ свои дивныя стихотворенія, инымъ—письма къ друзьямъ;—еще того болѣе инымъ, ядовитымъ—свои сатиры и эпиграммы. Языкъ его былъ тѣмъ проще, чѣмъ откровеннѣе была рѣчь; свѣтскія фразы, вѣжливости, любезности или, на оборотъ, «картели», великій поэтъ писалъ на французскомъ языкѣ.

Пріемъ, употребленный имъ для преобразованія нравственнаго строя жены, достигъ своей цѣли. Истинно свѣтская женщина въ высшемъ кругу, въ которомъ она была принята съ перваго-же года своего замужества, Наталія Николаевна, до послѣдней минуты Пушкина, была съ нимъ младенчески чистосердечна, не утаивая отъ мужа ни своихъ мыслей, ни разговоровъ съ посторонними лицами. Къ несчастію, эта искренность весьма часто бывала причиною столкновеній Александра Сергѣевича съ людьми, въ которыхъ онъ, быть можетъ и напрасно, подозрѣвалъ непочтительныхъ наглецовъ, или дерзкихъ волокитъ за своею женою [2]). Наконецъ, эта-же излишняя откровенность ея, конечно, не мало содѣйствовала несчастной дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

Въ біографическомъ очеркѣ незабвеннаго поэта мы привели не мало извлеченій изъ его писемъ къ женѣ за весь шестилѣтній періодъ его супружества (см. „Русскую Старину“ изд. 1880 г.). Избѣгая повтореній, мы обратимъ вниманіе читателя исключительно на личность Наталіи Николаевны.

Ко времени кровавой катастрофы, жена Пушкина, мать четырехъ малютокъ, была искренно привязана къ нему, и, предупреждая его желанія, готова была, безъ всякаго сожалѣнія, покинуть шумную столицу, со всѣми ея развлеченіями, и удалиться съ мужемъ и дѣтьми въ деревенскую глушь Михайловскаго, или Болдина. Она была без-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1878 г., январь, стр. 7—46, и мартъ стр. 1—38.

[2]) О размолвкѣ Пушкина съ графомъ В. А. Сологубомъ см. „Русская Старина“ изд. 1880 г. Томъ XXVIII, стр. 320—324.

упречна передъ Пушкинымъ во всѣхъ намекахъ гнусной клеветы, измышленной его врагами. Эта клевета уязвила великаго поэта до откровеннѣйшей глубины сердца; но самая чистота и безукоризненность его жены требовала кровавой мести... Дуэль, по мнѣнію Пушкина, была роковою необходимостью. Въ вопросѣ о добромъ имени Пушкина поставлены были на карту двѣ жизни: и мужа, и жены. Если бы Наталія Николаевна была виновна, мужъ, быть можетъ, поступилъ-бы съ нею, какъ Отелло съ Десдемоною.

Память Наталіи Николаевны не нуждается въ оправданіяхъ, но для потомства не должны оставаться въ тайнѣ тѣ невыразимыя душевныя муки, которыя ей суждено было вынести въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня дуэли Пушкина, 27-го января 1837 года.

Въ этотъ страшный день, Наталія Николаевна, отъ которой мужъ ея умѣлъ непроницаемо скрыть предстоявшій ему поединокъ, отправилась въ коляскѣ прокатиться по Дворцовой набережной. Въ четвертомъ часу ея коляска повстрѣчалась съ санями, въ которыхъ на мѣсто поединка ѣхалъ Пушкинъ съ своимъ секундантомъ, Константиномъ Карловичемъ Данзасомъ. Послѣдній узналъ Наталію Николаевну: «встрѣча эта», по его словамъ, «могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука, а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону».

Спокойно возвратясь домой, Наталія Николаевна, съ сестрою и дѣтьми, готовилась садиться за столъ, ожидая Пушкина... И около шести часовъ, въ ворота дома княгини Волконской на Мойкѣ (гдѣ жили Пушкины) медленно въѣхала извощичья карета; старый слуга Пушкина, предупрежденный Данзасомъ, побѣжалъ на парадное крыльцо (подъ воротами)—и черезъ нѣсколько минутъ внесъ Александра Сергѣевича въ его кабинетъ, гдѣ онъ самъ раздѣлся, перемѣнилъ бѣлье и легъ на диванъ. И теперь, среди жесточайшихъ страданій, Пушкина не покидала мысль о женѣ.

Въ то время, какъ его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войдти; но онъ, громкимъ голосомъ, закричалъ: n'entrez pas; il y a du monde chez moi (не входите, у меня гости). Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый... [1])

Первое слово его женѣ, когда внесли его въ комнату раненаго и положили на диванъ, было слѣдующее:

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. 1882 г.. Томъ VII. Послѣдніе дни, описаніе Жуковскаго, стр. 425.

— Какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня! Будь покойна: ты невиновата; я знаю, что ты невиновата [1]).

Она, видимо, была поражена и удалилась какъ-то безсознательно»... [2])

Помощь опытныхъ, первѣйшихъ врачей столицы не замедлила. Не взирая на всѣ ихъ старанія, мученія Пушкина были до того невыносимы, что къ вечеру 27 января онъ намѣревался застрѣлиться [3]). При всемъ томъ, до послѣдняго своего вздоха, въ полной памяти и самосознаніи онъ заботился о женѣ и ея спокойствіи.

— Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ, говорилъ онъ доктору Спасскому—„не скрывайте отъ нея въ чемъ дѣло; она не притворщица; вы ее хорошо знаете... Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ [4])“. Въ это время уже собрались князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и Жуковскій. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе, иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ея видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ, когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. «Жена здѣсь?» говорилъ онъ—«отведите ее». Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. «Что дѣлаетъ жена»? спросилъ онъ однажды у Спасскаго. «Она, бѣдная, безвинно терпитъ... въ свѣтѣ ее заѣдятъ» [5]).

Жену призывалъ онъ часто, но не позволялъ ей быть безотлучно при себѣ, а ее увѣрялъ онъ, что раненъ въ ногу, и доктора, по требованію его, въ томъ-же ее удостовѣрили. Когда мучительная боль вырывала невольно крики изъ груди его, отъ которыхъ онъ, по возможности, удерживался, зажимая ротъ свой, онъ всегда прибавлялъ:

— Бѣдная жена! бѣдная жена!—и посылалъ докторовъ успокоивать ее.

Въ эти два дня онъ только и начиналъ говорить, что о ней и о государѣ [6]).

---

[1]) Томъ VII, письмо кн. П. А. Вяземскаго, стр. 440.

[2]) Послѣдніе дни жизни Пушкина, разсказъ К. К. Данзаса (брошюра Амосова). Спб. 1863, стр. 28.

[3]) Тамъ-же, стр. 32.

[4]) Томъ VII, описаніе Жуковскаго, стр. 427.

[5]) Томъ VII, стр. 427.

[6]) Томъ VII, письма кн. Вяземскаго, стр. 441.

Около пяти часовъ утра 28 января мученія больнаго дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра.

«Что было-бы съ бѣдною женою, если-бы она въ теченіи этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она, въ совершенномъ изнуреніи, лежала въ гостиной у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той-же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, что-бы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стенаніе за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стеналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобы ее не испугать [1])».

По утишеніи страданій, онъ пожелалъ увидѣть жену, проститься съ нею. «Жену... просите жену!» сказалъ Пушкинъ. Она съ воплемъ горести бросилась къ страдальцу. Это зрѣлище у всѣхъ извлекло слезы. Несчастную надо было отвлечь отъ одра умирающаго» [2]).

Къ полудню страдальцу не только пооблегчало, но, судя по пульсу и температурѣ, доктора невольно предались какой-то смутной надеждѣ на спасеніе Пушкина. Кажущееся улучшеніе въ его состояніи длилось весь день 28 января.

Однажды онъ спросилъ у Даля: «кто у жены моей?» Даль отвѣчалъ: «много людей принимаютъ въ тебѣ участіе—зала и передняя полны». «Ну, спасибо, отвѣчалъ онъ;—однако-же поди, скажи женѣ, что все, слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ...» [3]).

Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: «который часъ?» И на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ: «долго-ли... мнѣ... такъ мучиться?.. Пожалуйста... поскорѣй!» Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: «скоро-ли конецъ?» и всегда прибавлялъ: «пожалуйста, поскорѣй». Но вообще (послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа) онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками, или отрывисто кряхтѣлъ,

---

[1]) Описаніе Жуковскаго, томъ VII, стр. 429.

[2]) Разсказъ И. Т. Спасскаго, томъ VII, стр. 447.

[3]) Описаніе Жуковскаго. Томъ VII, стр. 432.

но такъ, что почти его не могли слышать. «Терпѣть надо, другъ; дѣлать нечего, сказалъ ему Даль,—но не стыдись боли своей, стонай: тебѣ будетъ легче». «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ перерывчиво,—нѣтъ... не надо... стонать... жена... услышитъ... смѣшно-же... чтобъ этотъ... вздоръ... меня... пересилилъ... не хочу!» [1]).

Ночь на 29 число прошла довольно спокойно; но въ 5 часовъ утра Арендтъ объявилъ Жуковскому, что все кончено и что больному не пережить дня. Въ два часа по полудни Пушкинъ попросилъ моченой морошки.

Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: «позовите жену, пускай она меня покормитъ». Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «ну, ну, ничего... слава Богу, все хорошо; поди». Спокойное выраженіе лица и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая отъ радости. «Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому,—онъ будетъ живъ, онъ не умретъ!» А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни [2]).

Пушкина возвратилась въ кабинетъ въ самую минуту его смерти...

Наталья Николаевна Пушкина была красавица. Увидя умирающаго мужа, она бросилась къ нему и упала передъ нимъ на колѣни; густыя, темно-русыя букли въ безпорядкѣ разсыпались у ней по плечамъ. Съ глубокимъ отчаяніемъ она протянула руки къ Пушкину, толкая его и рыдая вскрикивала: «Пушкинъ!.. Пушкинъ, ты живъ!» Картина была разрывающая душу! [3]).

Съ минуты кончины великаго поэта при вдовѣ его находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгоновы. «Не буду разсказывать, что сдѣлалось съ бѣдною женою», писалъ В. А. Жуковскій въ своемъ письмѣ отцу Пушкина [4]).

Еще въ первый-же день предсмертныхъ страданій Александра Сергѣевича, Арендтъ сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ прекрасное и утѣшительное слово объ этомъ несчастномъ приключеніи:

— Для Пушкина жаль, что онъ не былъ убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы;—но для чести жены его—это счастье,

---

[1]) Описаніе Жуковскаго. Томъ VII, стр. 434—435. Разсказъ В. И. Дал . стр. 452.

[2]) Описаніе Жуковскаго, стр. 435. В. Т. Спасскій, стр. 448—449.

[3]) К. К. Данзасъ въ брошюрѣ Амосова, стр. 38.

[4]) Описаніе Жуковскаго. Томъ VII, стр. 437—438.

что онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ.

Эти слова въ устахъ Арендта, который не имѣлъ никакой личной связи съ Пушкинымъ и былъ при немъ, какъ былъ-бы онъ при каждомъ другомъ въ томъ-же положеніи,—удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его разсѣянность, его привычку къ подобнымъ сценамъ, чтобы понять всю силу его впечатлѣнія [1]).

«Дай Богъ намъ, каждому, имѣть такую кончину, писалъ князь П. А. Вяземскій [2]), — о томъ, что было причиною этой кровавой и страшной развязки—говорить много нечего. Многое осталось въ этомъ дѣлѣ темнымъ и таинственнымъ для насъ самихъ. Довольно намъ имѣть твердое, задушевное убѣжденіе, что жена Пушкина непорочна и что мужъ ея жилъ и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ; что любовь и ласковость къ ней не измѣнились въ немъ ни на минуту.

«Пушкина въ гробъ положили и зарѣзали жену его — городскія сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургскихъ салоновъ, безыменныя письма. Пылкая, страстная душа его, африканская кровь, не могли вытерпѣть раздраженія, произведеннаго сомнѣніями и подозрѣніями общества.

«....Наталья Николаевна очень слаба; о горести ея и говорить нечего. Она тотчасъ просила меня написать ему (отцу Пушкина) о случившемся несчастіи, но, право, я ни духа, ни силы физической писать не имѣлъ. Наталья Николаевна ожидаетъ брата старшаго изъ Калужской губерніи и поѣдетъ съ нимъ и съ семействомъ своимъ тотчасъ въ Калужскую губернію. Скажи ему, что всѣ порядочные люди, начиная отъ царской фамиліи, пріемлютъ въ ней живѣйшее участіе, убѣждены въ ея невинности и признаютъ всю эту исторію какимъ-то фаталитетомъ, который невозможно объяснить и невозможно было предупредить. Анонимныя письма причина всего; онѣ облили горячимъ ядомъ раздражительное сердце Пушкина: ему съ той поры нужна была кровавая развязка».

Больная, убитая горемъ, вдова Пушкина была не въ состояніи проводить его останковъ въ Святогорскій монастырь, но утѣшалась мыслію, что К. К. Данзасъ [3]), бывшій сотоварищъ Пушкина, его секундантъ, свидѣтель его послѣднихъ минутъ, проводитъ его до могилы.

---

[1]) Письма кн. Вяземскаго Томъ III, стр. 442.

[2]) Тамъ-же, стр. 444—445.

[3]) Государь дозволилъ ему оставаться въ домѣ Пушкина во все время агоніи послѣдняго и присутствовать при его отпѣваніи.

Объ этомъ Наталія Николаевна обратилась къ императору съ убѣдительнѣйшею просьбою, которая, однако-же, чрезъ графа Бенкендорфа была отклонена, такъ какъ Данзасъ подлежалъ, за участіе свое въ дуэли, отвѣтственности предъ судомъ. Въ провожатые гроба Пушкина, императоръ Николай назначилъ А. И. Тургенева [1]). Это назначеніе имѣло глубокій, хотя, можетъ быть, и случайный смыслъ. А. И Тургеневу покойный Пушкинъ былъ обязанъ опредѣленіемъ своимъ въ лицей, а вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ образованіемъ и развитіемъ.

Положеніе вдовы Пушкина, обезпеченное монаршими милостями въ матеріальномъ отношеніи, было ужасно въ отношеніи нравственномъ. Убитая горемъ, она укоряла себя сама въ томъ, что была причиною поединка, и хотя большинство друзей Пушкина старалось разубѣдить ее въ томъ и успокоить укоры ея чистой, но встревоженной совѣсти—страстные его поклонники заочно осыпали ее упреками, выражая громко сомнѣнія въ ея невиновности. Въ этихъ сомнѣніяхъ ихъ поддерживали злѣйшіе враги Пушкина, истинные виновники его смерти. Съ именемъ его вдовы сопрягались неосновательныя оскорбительныя понятія о ней, какъ о женщинѣ легкомысленной, бездушной кокеткѣ, любившей только наряды, балы и т. п. Въ подтвержденіе клеветы вымышлялись анекдоты, будто-бы доказывавшіе невѣрность Наталіи Николаевны ея мужу. Въ началѣ 1840-хъ годовъ ходили по рукамъ два, три списка стихотвореній на смерть Пушкина, наполненные дерзкими нападками на доброе имя его вдовы и язвительными ей упреками. Авторами стихотвореній называли Жуковскаго (!!), Кольцова и чуть-ли ни Лермонтова, смѣшивая эти стишонки съ его превосходнымъ стихотвореніемъ, за которое онъ былъ сосланъ на Кавказъ. Тѣмъ не менѣе было не мало простяковъ, вѣрившихъ въ подлинность апокрифовъ.

Злословіе умолкло по вступленіи Наталіи Николаевны во второй бракъ съ генералъ-маіоромъ Петромъ Петровичемъ Ланскимъ. Всеобщее уваженіе и искренняя любовь Петербургскаго общества къ Наталіи Николаевнѣ, при ея возвращеніи въ свѣтъ, сопровождали ее и въ могилу. Она скончалась 26 ноября 1863 года, на пятьдесятъ второмъ году отъ рожденія.

П. П. Каратыгинъ.

---

[1]) Томъ VII, стр. 422 и брошюра Амосова, стр. 67—68.

Примѣч. отъ Ред.: За первыя тринадцать лѣтъ нашего изданія (1870—1882) въ тридцати шести томахъ „Русской Старины“ напечатаны слѣдующія статьи, посвященныя памяти А. С. Пушкина:

1879 г. Томы XXIV и XXV, изд. 1880 г. Томы XXVII и XXVIII. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Полный сводъ матеріаловъ для его біографіи, съ приложеніемъ писемъ, записокъ и проч. (При немъ три портрета Пушкина, геліогравюры: въ юности,—съ гравюры Геймана 1822 г., въ лѣтахъ мужества—съ гравюры Уткина по оригиналу Кипренскаго 1827 г., и ксилографія Л. А. Сѣрякова: «Пушкинъ въ гробу—1837—съ рисунка, снятаго съ натуры и сообщеннаго артистомъ П. А. Каратыгинымъ; сверхъ того три факсимиле съ писемъ къ А. П. Кернъ и къ барону Геккерену).

1877 г. Томъ XVIII. Евдокія Андреевна Ганнибалъ 1731—1753.

1875 г. Томъ XIII. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ: воспоминанія о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ.

1870 г. Томъ I. Разсказъ о предсказаніи Пушкину въ 1818 году насильственной смерти.

1880 г. Томъ XXVIII. Посланіе къ А. Ѳ. Орлову.

1872 г. Томъ VI. Воспоминанія П. А. Каратыгина: Пушкинъ въ 1819 году

1878 г. Томъ XII. Карточный должокъ Пушкина 20 ноября 1819 г.

1880 г. Томъ XXVIII. Письмо къ П. Б. Мансурову.—Воспоминанія А. М. Каратыгиной, рожденной Колосовой, о знакомствѣ съ Пушкинымъ 1819—1837 гг.

1871 г. Томъ III. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ: его отношенія къ Пушкину.

1882 г. Томъ XXXIII. Письма Пушкина къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву. 1820—1825 гг.

1878 г. Томъ IX. Судьба V главы „Евгенія Онѣгина“.

1880 г. Томъ XXVIII. Письма Пушкина къ Н. И. Гнѣдичу, 1820—1830 гг.

1880 г. Томъ XXIX. А. С. Пушкинъ: „взглядъ на новую русскую исторію XVIII вѣка“ (подлинная рукопись 1822 года).

1871 г. Томъ IV. Письма И. Н. Скобелева о Пушкинѣ 1822—1824 гг.

1876 г. Томъ XV. 1880 г. Томъ XXVIII. Встрѣчи и знакомства разныхъ лицъ съ Пушкинымъ съ 1824 по 1837 годъ.

1871 г. Томъ III—въ примѣчаніяхъ къ поэмѣ „Войнаровскій“ — отрывки изъ писемъ къ А. С. Пушкину К. Ѳ. Рылѣева 1825 г.

1873 г. Томъ VII. Воспоминанія Т. П. Пассекъ: Пушкинъ въ Москвѣ на коронаціи 1826 г.

1874 г. Томъ X. А. С. Пушкинъ по бумагамъ III Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, статья Мих. Максимовича Попова, новые матеріалы для біографіи Пушкина 1826—1837 гг. Характеристика поэта и критическая оцѣнка его произведеній съ точки зрѣнія опекавшаго надъ поэтомъ III-го Отдѣленія—съ А. Х. Бенкендорфомъ во главѣ.—Анекдоты.—Представленіе поэта императору Николаю Павловичу. Элегія—„Андрей Шенье“.—Письма Бенкендорфа.—Цензура и „Борисъ Годуновъ“—и т. д.

1874 г. Томъ IX. Эпизодъ изъ жизни А. С. Пушкина 21 и 23 апрѣля 1828 г. Приговоръ суда по дѣлу объ элегіи Андрей Шенье 27 августа 1828 г.

1882 г. Томъ XXXIII. Объявленіе рѣшенія по дѣлу объ элегіи „Андрей Шенье“ 1826—1831 гг.

1882 г. Графъ Ланжеронъ и А. С. Пушкинъ 1829—1837 гг.

1880 г. Томъ XXVIII. „Моя родословная“, стихотвореніе, напечатанное по подлинной рукописи автора.

1875 г. Томъ XV. Дневникъ В. К. Кюхельбекера: отзывы о произведеніяхъ Пушкина.

1871 г. Томъ IV. Отношенія къ А. С. Пушкину Булгарина и Греча въ 1830—1836 гг.

1880 г. Томъ XXIX и 1881 г. Томъ XXXI. А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ 1830—1837 гг.

1882 г. Томъ XXXV. Наталія Николаевна Гончарова (съ приложеніемъ ксилографіи Паннемакера съ акварельнаго портрета академика Гау)—1830 г.

1871 г. Томъ III. Письма А. С. Пушкина къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому 14 декабря 1832, 1-го мая и 3 іюня 1834, 26 января и 2 апрѣля 1835 гг.

1870 г. Томъ I. Два разсказа о Пушкинѣ 1832—1833. Письма къ М. Л. Яковлеву 3 іюля 1834 г.

1874 г. Томъ X. «Мѣдный всадникъ»—анекдотъ 1812 г., давшій Пушкину идею написать эту поэму.

1880 г. Томъ XXVIII. Пять писемъ 1830—1836 гг. Пушкинъ и учитель Жобаръ въ 1836 г.

1870 г. Томы I и II. Записки М. И. Глинки: его знакомство съ Пушкинымъ; встрѣчи у В. А. Жуковскаго.—Шуточный канонъ на „Жизнь за Царя“—четверостишіе Пушкина.

1881 г. Томъ XXXI. Посѣщеніе университета А. С. Пушкинымъ.—Слухъ о его дуэли на похоронахъ студента Н. Н. Греча.—Отпѣваніе Пушкина въ Конюшенсой церкви 1837 г.

1881 г. Томъ XXXII. Записка А. И. Тургенева о дуэли Пушкина.

1875 г. Томъ XIV. Письмо князя Петра Андреевича Вяземскаго о кончинѣ Пушкина.

1880 г. Томъ XXIX. Письма артиста В. А. Каратыгина къ П. А. Катенину о дуэли, кончинѣ и похоронахъ Пушкина.

1874 г. Томъ XI. Восточная поэма на смерть Пушкина.

1880 г. Томъ XXIX. Дантесъ—убійца Пушкина.

Секретное.

№ 78.

ДѢЛО

об учрежденiи тайнаго полицейскаго надзора за прибывшимъ временно въ Оренбургъ поэтомъ титулярнымъ совѣтникомъ Пушкинымъ.

Началось 23-го октября 1833 г.
Рѣшено 24-го октября 1833 г.

На 4 полулистахъ.

(*См. на оборотѣ*).

Извлечено изъ архива бывшей канцелярiи оренбургскаго генералъ-губернатора.

С. Ж. № 186.

Получ. 23 октября.

Секретно.

УПРАВЛЕНІЕ
НИЖЕГОРОДСКАГО
ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА.

КАНЦЕЛЯРІЯ.
ЧАСТЬ ГРАЖДАНСКАЯ.
столъ 2-й.

---

9 октября 1833 г.
№ 337.
Нижній Новгородъ.

На этой бумагѣ, рукою бывшаго тогда военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Перовскаго, сдѣлана слѣдующая помѣта:

«Отвѣчать, что сіе отношеніе получено чрезъ мѣсяцъ по отбытіи г. Пушкина отъ сюда, а потому хотя во время кратковременнаго его въ Оренбургѣ пребыванія и не было за нимъ полицейскаго надзора, но какъ онъ останавливался въ моемъ домѣ, то я тѣмъ лучше могу удостовѣрить, что поѣздка его въ Оренбургскій край не имѣла другаго предмѣта, кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій. 23 окт.».

Г. Оренбургскому военному губернатору.

С.-Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, отъ 20 минувшаго сентября за № 264, увѣдомилъ меня, что по Высочайше утвержденному положенію государственнаго совѣта, объявленнаго предмѣстнику его предписаніемъ г. с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора отъ 19 августа 1828 г., № 211, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ извѣстнаго поэта титулярнаго совѣтника Пушкина, который 14 сентября выбылъ въ имѣніе его, состоящее въ Нижегородской губерніи. Извѣстясь, что онъ, Пушкинъ, намѣренъ былъ отправиться изъ здѣшней въ Казанскую и Оренбургскую губерніи, я долгомъ считаю о вышесказанномъ извѣстить ваше превосходительство, покорнѣйше прося, въ случаѣ прибытія его въ Оренбургскую губернію, учинить надлежащее распоряженіе о учрежденіи за нимъ во время его пребыванія въ оной секретнаго полицейскаго надзора за образомъ жизни и поведеніемъ его.

Военный губернаторъ *Бутурлинъ.*

Секретарь *Княжнинъ.*

Примѣчаніе. Черновой отвѣтъ, находящійся въ дѣлѣ и составленный изъ вышеприведенной надписи, помѣченъ 21-го октября (1833 г.).

Сообщилъ **А. Львовъ.**

ОСТЗЕЙСКІЕ БАРОНЫ ПРЕДЪ ШВЕДСКИМЪ КОРОЛЕМЪ

въ XVII стол.

«..... Они обрекли себя на неблагодарную борьбу съ исторіей, на вѣчное противорѣчіе съ дѣйствительностью...»

«Рижскія письма» Ю. Ѳ. Самарина. «Русь», 1882, № 9.

Историческій матеріалъ нашихъ прибалтійскихъ окраинъ чрезвычайно интересенъ и богатъ фактами для сравненія настоящаго времени съ прошлымъ. Особенно много поучительнаго заключаетъ въ себѣ та эпоха, когда Лифляндія [1]) была подчинена Шведскому владычеству. Характеристическія черты нашего остзейскаго дворянства и бюргерства—упорное отстаиваніе своей автономіи, своихъ стародавнихъ порядковъ; постоянное увѣреніе о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и въ то же время болѣе или менѣе явная систематическая оппозиція распоряженіямъ, исходящимъ отъ высшаго правительства—однимъ словомъ, «балтійская политика» особенно ярко и осязательно высказывается въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя относятся къ царствованію героя 30 лѣтней войны Густава Адольфа. Превосходною иллюстраціей столкновенія сильной монархической власти съ остзейской олигархіей, борьбы самодержца съ своими неподатливыми подданными, встрѣтили мы въ послѣдней книжкѣ историческаго изданія Beiträge zur Kunde Est,-Liv-und Kurlands. B. III, H. I, 1882, въ статьѣ, озаглавленной «Конфликты (споры) нашей родины съ Густавомъ Адольфомъ». Авторъ этой статьи В. Грейфен-

[1]) Какъ извѣстно, этимъ именемъ обозначается въ хроникахъ не одна нынѣшняя Лифляндская губернія, но и Эстляндія. А. А.

гагенъ, какъ видно, завзятый остзейскій патріотъ, воспользовался протоколами, сохранившимися въ ревельскихъ архивахъ, какъ намъ кажется, съ цѣлью выставить угнетенное положеніе своей страны, подъ гнетомъ «просвѣщеннаго деспотизма» [1]), не подозрѣвая, повидимому, что, цитируя рѣчи шведскаго государя, онъ представляетъ намъ яркую и правдивую характеристику своей родины и своихъ земляковъ. Читая эти грозныя и запальчивыя рѣчи героя-короля, нельзя не замѣтить ту огромную разницу, которая существуетъ между шведскимъ владычествомъ и русскимъ, между крутыми мѣрами шведскихъ государей и кроткою отческою снисходительностію русскихъ монарховъ къ историческимъ недостаткамъ иногда черезъ чуръ строптивыхъ остзейцевъ. Главнымъ поводомъ къ столкновеніямъ (конфликтамъ) Густава Адольфа съ оппозиціоннымъ эстляндскимъ рыцарствомъ и городомъ Ревелемъ служили, съ одной стороны, постоянная нужда войнолюбиваго короля въ деньгахъ и солдатахъ, съ другой—нежеланіе помочь ему тѣмъ и другимъ.

Какъ не дешево обходилось остзейцамъ покровительство шведскихъ государей видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго перечня расходовъ, причиненныхъ Ревелю полугодовымъ пребываніемъ въ его стѣнахъ супруги короля, Маріи Элеоноры. Тотчасъ по прибытіи ея въ городъ (въ 1626 г.) поднесены ей были въ серебряномъ сосудѣ 500 венгерскихъ червонцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ королева потребовала заимообразно 3000 талеровъ и чтобы ея дворъ былъ снабжаемъ всѣми необходимыми жизненными припасами. Сверхъ того, такъ какъ королева опасалась, чтобы въ городъ не занесена была чума, уже появившаяся въ Любекѣ, то всѣмъ прибывавшимъ съ запада торговымъ судамъ входъ въ Ревельскую гавань былъ запрещенъ, отъ чего торговля должна была потерпѣть значительные убытки. Вскорѣ послѣ того явился король съ требованіемъ отъ рыцарства 20 тысячной субсидіи, которую однакожъ сбавилъ до 12 т. талеровъ.

Въ этомъ же году представлены были королемъ къ рыцарству требованія уже инаго характера, выраженныя въ слѣдующихъ «пропозиціяхъ». Во 1-хъ, несмотря на то, что онъ ужъ 15 лѣтъ считается ихъ государемъ [2]), они, дворяне, по сіе время не присягали ему на

---

[1]) Это нѣсколько разъ встрѣчающееся выраженіе въ статьѣ г. Грейфенгагена, относящееся къ рѣчамъ Густава Адольфа, употребляется имъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ впопадъ, ибо эпитетъ „просвѣщенный“ начали приставлять къ деспотизму гораздо позже, уже послѣ деспотическаго царствованія Людовика XIV.

[2]) Какъ извѣстна Эстляндія подчинилась шведскимъ королямъ въ 1561 г., при отцѣ Густава Адольфа, Эрихѣ XIV. А. А.

вѣрность. Далѣе, въ 3-мъ пунктѣ, рекомендуя вниманію представителей рыцарства народное образованіе, спрашивается, что они сдѣлаютъ съ отнятыми отъ монастырей помѣстьями и какая часть доходовъ съ нихъ будетъ употреблена на содержаніе «профессоровъ». Въ пунктѣ 4-мъ предлагается подумать о реформѣ судопроизводства. Въ 5-мъ—о средствахъ для содержанія гарнизона, охраняющаго ихъ страну. 6-мъ пунктомъ объявляется «контрибуція» въ 12 т. талеровъ и конная служба (Rossdenst) весьма неудовлетворительными. Точно также король остался недоволенъ «контрибуціей», которую платилъ ему городъ Ревель.

Эти-то «пропозиціи» и послужили поводомъ къ продолжительнымъ пререканіямъ и ссорѣ между королемъ и ландратскою коллегіей и магистратомъ. На этотъ разъ гроза, минуя дворянство, разразилась надъ представителями города. Разсерженный ихъ отказомъ ввести у себя налогъ на сельскія произведенія, привозимыя въ городъ (der kleine Zoll), Густавъ Адольфъ отнесся къ бюргерамъ весьма строго и съ такой угрозой: «Вы, ссылаясь на ваши привиллегіи, противитесь мнѣ, такъ жрите же (fresst Sie auf) эти привиллегіи, кормитесь ими! Клянусь Всевышнимъ, я лишу васъ моего покровительства. Если вы откажетесь ввести у себя этотъ налогъ, то я не позволю впускать въ городъ ни одной бочки пива [1]) и корзину съ хлѣбомъ повѣшу передъ вашими глазами такъ высоко, что вы у меня ее не достанете. Увидимъ, кто изъ насъ можетъ болѣе надосадить другъ другу. Во всѣхъ вашихъ портахъ объявлю я свободную торговлю. Какая мнѣ польза отъ вашихъ толстыхъ стѣнъ и башенъ? для продолженія войны [2]) мнѣ нужны деньги. Живите, наслаждайтесь въ вашихъ большихъ домахъ, а я еще постараюсь вамъ порядочно насолить. Не одно только королевство должно принимать участіе въ покрытіи расходовъ, причиненныхъ обороною города и по содержанію въ немъ постояннаго гарнизона; вы также обязаны помочь ему, и дураки (Narren) вы будете, если откажете мнѣ въ этомъ... Я предпочитаю вашему безполезному городу любое мѣстечко, приносящее мнѣ пользу. Половина Европы мнѣ враждебна и потому я не безпокоюсь о томъ, что вы также можете сдѣлаться моими врагами». При вторичномъ возраженіи магистрата, гнѣвъ короля еще болѣе увеличился и онъ сказалъ бургомистру: «Если вы мнѣ не дадите того, что я требую, то я превращу вашъ городъ въ груду камней; я уйду,

---

[1]) Зналъ же Густавъ Адольфъ чѣмъ пронять упорныхъ нѣмцевъ; обходиться безъ пива для нѣмца немыслимо.

[2]) Съ Польшей изъ-за Лифляндіи. А. К.

но прикажу моей артиллеріи прилѣпить къ вашимъ стѣнамъ такіе патенты [1]), что, смотря на нихъ, вы выглядите всѣ свои глаза. Вашихъ вожаковъ-то я повытурю изъ ихъ большихъ домовъ и посажу туда простыхъ рыбаковъ; съ этими-то я ужъ слажу».

Вслѣдъ за этою гнѣвною рѣчью читаемъ въ магистратскомъ протоколѣ: «Проливая слезы и тужа, согласились мы на введеніе налога, но съ условіемъ отмѣны Сундской пошлины и постановивъ просить объ отсрочкѣ». Изъ протоколовъ нельзя усмотрѣть—чѣмъ кончились препирательства съ городомъ. Что же касается «пропозицій», сдѣланныхъ дворянству, то для ихъ разсмотрѣнія король назначилъ коммиссію. Между ея членами особенно выдавался епископъ (шведскій) Рудбекъ, котораго г. Грейфенгагенъ, ярый защитникъ остзейской автономіи, называетъ представителемъ «просвѣщеннаго деспотизма». Автора, повидимому, особенно возмущаетъ то обстоятельство, что королевскій представитель въ своихъ офиціальныхъ сношеніяхъ съ эстляндскимъ рыцарствомъ употреблялъ не нѣмецкій а государственный, шведскій языкъ. На просительный протестъ рыцарства, достойный представитель правительства далъ такой категорическій отвѣтъ: «Полагаю, что всѣ вѣрноподданные обязаны приспособляться къ своему государю, а я вижу, что ландраты требуютъ, чтобы Его Величество король и его знатные чины принимали въ соображеніе ихъ удобства. Ежели гг. ландраты и рыцарство ничему не научились въ своей юности, то пусть учатся въ старости: не Богъ вѣсть что за важные господа». Рѣчь—достойная сильнаго правительства [2])!

Но относильно «пропозицій» рыцарство не сдавалось и представители его, въ 1629 г., отправились въ Стокгольмъ—просить самаго короля объ отмѣнѣ его тяжкихъ требованій. Но у себя дома храбрый Густавъ Адольфъ еще менѣе церемонился съ ослушниками своей воли. «Вы жалуетесь на тяготу, которую несете, сказалъ онъ имъ, но подѣломъ вамъ: вы не хотѣли внимать рѣчамъ доброжелательнаго отца, теперь подчиняйтесь вотчиму.... Всѣмъ извѣстно, какъ дурно вы обошлись съ моими предложеніями и комисарами. Клянусь истиннымъ Богомъ, еслибъ я имѣлъ дѣло не съ людьми, честно исполнившими

---

[1]) Вѣроятно, король разумѣлъ подъ этимъ словомъ пресловутыя остзейскія привиллегіи.

[2]) Подумаешь, какъ въ прежнее время просто и быстро рѣшались важные государственные вопросы! Въ наши дни подобный же вопросъ, возникшій по поводу сношеній остзейскихъ губернаторовъ съ город. думами на государственномъ языкѣ, долженъ былъ проходить черезъ нѣсколько инстанцій и былъ рѣшенъ не ранѣе какъ по прошествіи цѣлаго года. А. К.

свой долгъ на войнѣ [1]), то я бы лишилъ васъ не добра (Güter) вашего, но снялъ бы съ васъ головы (Hälser)». Затѣмъ король упрекалъ рыцарство, что оно «при непорядкахъ родилось и воспитано, а потому и не желаетъ подчиниться порядку».

Не менѣе горькихъ истинъ пришлось депутатамъ выслушать отъ короля на второй его аудіенціи. «Стояли мы передъ королемъ, записано въ протоколахъ оберландгерихта, блѣднѣя и краснѣя и дрожа слушали рѣзкія и запальчивыя рѣчи Его Величества. Упрекалъ онъ нашихъ земляковъ въ такихъ недостаткахъ и порокахъ, что послѣ того, какъ говорится, и собака не возьметъ отъ насъ куска хлѣба. Е. В—ство не отнималъ отъ лифляндцевъ качествъ хорошихъ солдатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обзывалъ ихъ самыми грубыми нецокладистыми и неразумными изъ всѣхъ людей. Нападая на нихъ и уничтожая все наше земство (Landschaft), въ присутствіи всего государственнаго совѣта, Его В—ство говорилъ: «а! вы хотите подражать Далекарлійцамъ [2]): они, подобно вамъ, кичились своей свободой, лезли на драку и фыркали (Schnauben)... я ихъ смирилъ, такъ что могу ихъ «обмотать вокругъ пальца»; тоже самое прійдется мнѣ сдѣлать и съ вами, иначе дѣла не прійдутъ въ надлежащій порядокъ». Затѣмъ король обратился къ депутатамъ рыцарства съ упрекомъ: какъ они осмѣлились явиться къ нему безъ достаточныхъ полномочій [3]) для окончанія дѣла. «Предоставляя мнѣ пользованіе нѣкоторыми регаліями, вы думали замазать мнѣ ротъ», продолжалъ онъ; «ландраты писали мнѣ, что вы снабжены необходимыми полномочіями; вижу я какія это полномочія; точно также ка̀къ вы у себя дома лгали и обманывали меня, ка́къ вы надсмѣялись надъ моими комисарами, какъ свѣтскими, такъ и духовными; вы также сюда явились съ намѣреніемъ надуть меня (mir eine Nase anzudrehen) и по вашему старому мерз-

[1]) И въ наше время за остзейскимъ дворянствомъ охотно признаютъ достоинство хорошихъ, исполнительныхъ служакъ; но однѣ военныя заслуги не удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ вѣрнаго слуги государя и отечества. Какъ очень вѣрно замѣтилъ Ю. Ѳ. Самаринъ, многіе иностранцы (авантюристы), вступившіе въ русскую военную службу, исполняли свои обязанности не хуже остзейцевъ.

[2]) Жители шведской провинціи Далекарліи, основываясь на своихъ привилегіяхъ, дарованныхъ имъ Густавомъ Вазою, пытались неоднократно возставать противъ распоряженій Густава Адольфа. Замѣчательно, что въ то время зачинщиковъ бунта ссылали въ Ингерманландію, нынѣшнюю Петербургскую губернію, вслѣдствіи чего шведскій историкъ Гейеръ называетъ ее шведскою Сибирью.

[3]) Депутаты дворянства отзывались на нѣкоторыя требованія короля, что они на то̀ не уполномочены,—тактика, которой остзейцы любили придерживаться и въ позднѣйшее время, находясь подъ русскимъ владычествомъ.

А. К.

кому обычаю затянуть дѣло» [1]). Не смягчили прогнѣваннаго государя отвѣты депутатовъ, представленные въ «крайне вѣрноподданническихъ выраженіяхъ». Его Величество, занесено въ протоколъ, продолжалъ чертыхаться, (gaben uns viel Teufel), приказалъ молчать намъ (das Maul halten): мы-де-не государственные совѣтники, что осмѣливаемся увѣрять и разубѣждать его. Не обращая вниманія на увѣренія депутатовъ, что они будучи вѣрными подданными Е. В—ства, также связаны присягою своей отчизнѣ [2]), король повторилъ имъ: «вы пустые крикуны (Maulmacher); кто не хочетъ слушаться отца, тотъ послушается вотчима. Знай я, что вы такіе грубіяны (grobe Leute), не давалъ бы и не утверждалъ вашихъ привиллегій, а послалъ бы васъ ко всѣмъ чертямъ. Вы жалуетесь на morbum (болѣзнь), а о cura (средствахъ) предупредить ее, ничего знать не хотите. Что вы воображаете себѣ? Вы думаете, кажется, что имѣете дѣло съ себѣ равнымъ, а не съ государемъ вашимъ. Надъ дѣйствіями вашими блюдетъ король. Я знаю, чего заслуживаютъ тѣ подданные, которые осмѣливаются противиться своему государю. Я не попущу этого; мои требованія должны быть исполняемы, не хочу быть колоколомъ безъ языка (пустозвономъ). Что мнѣ ваши 20 т. талеровъ, которыми вы сопровождаете ваши жалобы! Я съ одного (шведскаго) прихода (Socken) столько же могу получить. Вы думаете отдѣлаться этой милостыней... Если вы не одумаетесь, то я съумѣю смирить подобныхъ вамъ упрямцевъ».

Какъ повѣствуютъ депутаты, король заключилъ эти слова крѣпкой клятвой, присовокупивъ, что когда нибудь пріѣдетъ къ намъ на цѣлый годъ и научитъ насъ повиноваться, уйметъ горлопановъ (breiten Mäuler) и, если на то пойдетъ, сдѣлаетъ насъ мягкими, «уваривъ въ собственномъ нашемъ красномъ сокѣ». Далѣе король говорилъ: «Будьте увѣрены, всѣ расходы по вашей странѣ у меня приказано записать и вы ихъ выплатите, хотя бы вамъ пришлось продать всю вашу провинцію. Вы пишите, что такъ какъ вы обы-

---

[1]) Этотъ остзейскій «обычай» процвѣтаетъ и въ наше время. Введеніе, въ прибалтійскихъ губерніяхъ городоваго положенія 1870 г. успѣли они затянуть на цѣлыхъ 8 лѣтъ. Извѣстно также съ какимъ искуствомъ оттягивается ими введеніе земской реформы и общихъ судебныхъ установленій. Даже введеніе мироваго суда, не смотря на высочайшій указъ, откладывалось уже два раза.

[2]) У остзейцевъ нѣтъ отчизны, въ томъ смыслѣ, какой это слово имѣетъ у насъ. Для бюргера ее замѣняетъ городъ, въ которомъ онъ пользуется правомъ гражданства; для дворянина его сословіе и родовая вотчина; наконецъ для того и другаго существуетъ какая-то абстрактная отчизна, къ которой влечетъ ихъ сочувствіе, но сочувствіе безплодное—они знаютъ это сами—и которое никогда не перейдетъ въ дѣло. Рижскія письма Ю. Ѳ. Самарина. «Русь» № 9, 1882 г. А. К.

ватели окраины, рубежники, то съ вами слѣдовало бы обращаться помягче, и даже даете понять въ вашихъ писаніяхъ, что мысли ваши могутъ обратиться и въ другую сторону. Знаю, вы— преданные цесарцы; вамъ хочется перемѣнить правительство! но я найду средство отучить васъ отпадать и перебѣгать къ другимъ, такъ что вы не снесете у меня вашихъ головъ (dass euch die Hälser in den Nacken sollen liegen)». Но когда депутаты возразили: къ чорту цесаря и всѣхъ его сторонниковъ, Боже храни в. к. величество и весь королевскій домъ и Швецію, то Густавъ Адольфъ, нѣсколько смягчившись, продолжалъ:

«Я знаю васъ за простыхъ и хорошихъ людей, и отношу ваше упрямство лишь къ вашей простотѣ и неразсудливости [1]). На этотъ разъ я не взыщу съ васъ, только прошу образумиться».

Далѣе король попрекалъ рыцарство тѣмъ, что оно домогается права свободнаго у себя выбора суперинтендента. Депутаты отвѣчали, что, если его в—ству не угодно даровать имъ это право, то пусть останется все по старому. Гнѣвъ короля обнаружился снова, когда, на его предложеніе, подумать о болѣе цѣлесообразномъ употребленіи насильственно отмѣненнаго дворянствомъ церковной десятины, ему отвѣчали, что это невозможно, ибо десятина выкуплена уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ. «Если вы не одумаетесь, сказалъ король, то худо вамъ будетъ; страна изрыгнетъ (euch ausspeien) и проклянетъ васъ» и проч. и проч.

Между прочимъ король упрекалъ рыцарство въ поползновеніи закрѣпостить шведскихъ и финскихъ крестьянъ. [Вѣроятно, здѣсь разумѣются шведы, которыми и понынѣ заселены нѣкоторые острова Финскаго залива, прилегающіе къ Эстляндіи. Финны же, какъ извѣстно, заселяли мѣстность за Нарвой и всю Ингерманландію. О закрѣпощеніи эстовъ нѣмцами, Густавъ Адольфъ смолчалъ; вѣроятно, онъ считалъ это дѣло уже непоправимымъ. Извѣстно однако-жъ, что въ инструкціи, данной губернатору Флемингу, предмѣстникамъ короля наказывалось «смотрѣть за тѣмъ, чтобы нѣмецкіе господа съ эстонскимъ населеніемъ обращались кротко» [2])]. «Кто осмѣлится ихъ закрѣпостить,

---

[1]) Мудрый государь на сей разъ очень ошибался. Остзейцы—народъ себѣ на умѣ: не по глупости отстаивали они всегда такъ упорно свои привилегіи, а единственно потому, что съ этими привилегіями связано ихъ господство надъ другими національностями и ихъ личные матеріальные интересы.

[2]) См. Geschichte der dem Russ. Kaiserthum einverleibten deutschen (?) Ostseeprovinzen. Richter. Th. I, Bd. II. Вѣроятно, пунктъ о кроткомъ обращеніи былъ помѣщенъ въ наказѣ не безъ основанія. Судя по настоящему времени, можно себѣ представить каково было это обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными 250 лѣтъ тому назадъ. А. К.

угрожалъ король, того, если будетъ жалоба, я самаго обращу въ крѣпостнаго и въ острастку для другихъ велю ему отрѣзать носъ и уши».

Въ остальныхъ рѣчахъ короля, сказанныхъ въ этой замѣчательной аудіенціи, останавливаютъ на себѣ вниманіе его совѣты: «водворить должный порядокъ въ судахъ и на ландтагахъ, искоренять между крестьянами содомскій грѣхъ, учить нѣмцевъ и эстовъ страху Божію и удерживать ихъ отъ злыхъ и языческихъ дѣлъ». Упоминалъ онъ также объ иныхъ нехорошихъ обычаяхъ, о лучшемъ воспитаніи юношества, особенно женщинъ, у которыхъ очень «дурные нравы и манеры (sich nicht zu schicken wissen)». Изъ этихъ наставленій должно заключить, что въ то время шведская культура стояла на гораздо высшей степени, чѣмъ прославленная культура нашихъ остзейскихъ культуртрегеровъ. Далѣе, когда король потребовалъ, чтобы депутаты высказали свое мнѣніе по затронутымъ имъ предметамъ, то послѣдніе отозвались, что «не знаютъ что̀ отвѣчать, ибо не затѣмъ къ нему посланы».

Прощаясь съ депутаціей и благословляя ее, король ей снова положилъ на душу, чтобы рыцарство какъ слѣдуетъ все исполнило и не возбуждало его королевскаго гнѣва.

Читая объ этихъ «конфликтахъ» шведскаго правительства съ остзейскимъ дворянствомъ и бюргерами, нельзя не вспомнить правдиваго отзыва Ю. Ѳ. Самарина объ остзейцахъ: «они обрекли себя на неблагодарную борьбу съ исторіей, на вѣчное противорѣчіе съ дѣйствительностью». Почти такой же порядокъ вещей, который возмущалъ прямую душу короля-героя; почти тѣ же самые вопросы о реформѣ—судовъ, народнаго образованія, отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, - которые занимали правительство 250 лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе историческаго упрямства остзейцевъ, остаются не разрѣшенными или рѣшенными не вполнѣ и по наши дни. Можно себѣ представить каковы были и есть остзейскіе порядки, если ихъ считали уже отжившими лица, дѣятельность которыхъ относится къ эпохѣ средневѣковаго феодализма и грубости нравовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Густавъ Адольфъ обладалъ достаточною энергіей, чтобы настоять на томъ, что̀ онъ считалъ полезнымъ для своихъ подданныхъ и переломить упрямство остзейцевъ. Но исполненію его мудрыхъ предначертаній помѣшали, сперва увлекшая его на поле битвы 30-ти лѣтняя война, а затѣмъ преждевременная, столь желанная для нѣмцевъ, смерть его, какъ говорятъ, отъ руки убійцы.

А. Колыванскій.

РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ.

ИСТОРІЯ ЕГО ПЕРЕВОДА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ

въ 1860—1861 гг.,

разсказанная В. В. Стасовымъ.

Лѣтомъ 1882 г. Румянцовскій музей праздновалъ 50 лѣтъ своего существованія. Изъ нихъ первыя 30 лѣтъ съ небольшимъ онъ прожилъ въ Петербургѣ, остальные годы въ Москвѣ. Въ Москву онъ былъ переведенъ въ 1861—1862 году. Наврядъ-ли кто теперь знаетъ, какъ и почему совершился этотъ переводъ. Но исторія этого дѣла представляетъ нѣсколько интересныхъ подробностей, которыя навѣрное будутъ любопытны многимъ у насъ. Тутъ рисуются образъ мыслей, характеры, взгляды, понятія людей тогдашняго времени, однихъ въ хорошую, другихъ въ дурную сторону. Случай заставилъ меня играть нѣкоторую роль въ этомъ дѣлѣ, и потому мнѣ извѣстны, какъ очевидцу и свидѣтелю, разныя подробности, вовсе неизвѣстныя многимъ другимъ. Поэтому я и считаю полезнымъ сохранить эти факты на страницахъ «Русской Старины». Мнѣ кажется, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ значеніе вполнѣ историческое. Что же касается до большинства оффиціальныхъ фактовъ, также до сихъ поръ не появившихся еще въ печати, то они почерпнуты мною изъ подлинныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ министерства народнаго просвѣщенія и Румянцовскаго музея.

I.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ мнѣ случилось часто бывать въ Румянцовскомъ музеѣ. Я задумалъ тогда сочиненіе, гдѣ намѣренъ былъ изслѣдовать происхожденіе и характеръ главныхъ славянскихъ архитектурныхъ и орнаментальныхъ стилей, а для этого мнѣ нужно было

начать съ того, чтобъ изучить рисунки славянскихъ рукописей, какъ самыхъ надежныхъ для моей цѣли, самыхъ разнообразныхъ и неизмѣнныхъ памятниковъ древности. Понятно, что свои розысканія я долженъ былъ начать раньше всего съ великолѣпныхъ собраній нашей Публичной библіотеки и Румянцовскаго музея. Поэтому я дѣлилъ все свободное свое время пополамъ, и половину его проводилъ въ читальной залѣ библіотеки, а половину—въ читальной залѣ Румянцовскаго музея.

Никакая разница не могла быть поразительнѣе той, которую представляли оба эти учрежденія. Публичная библіотека уже лѣтъ съ десять шла тогда на всѣхъ парахъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе хорошѣла и разцвѣтала, съ каждымъ днемъ становилась все блестящѣе, полнѣе и привлекательнѣе. Съ 1849 года директоромъ ея сдѣлался баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, и представлялъ собою образецъ того, до какой высоты можно довести великое общественное дѣло, когда на его ростъ и развитіе положишь всѣ свои силы, когда сдѣлаешь его главнымъ дѣломъ своей жизни, когда думаешь о немъ и день и ночь, и не щадишь для него никакихъ трудовъ и заботъ. Баронъ Корфъ былъ членомъ государственнаго совѣта, сверхъ того засѣдалъ во множествѣ большихъ и малыхъ комитетовъ, бравшихъ у него много времени, но главное его дѣло была постоянно—Публичная библіотека. Онъ любилъ ее со страстью, преданъ былъ ей безпредѣльно, и потому въ короткое время достигъ успѣховъ самыхъ неожиданныхъ и самыхъ великолѣпныхъ. Значительныя покупки цѣлыхъ коллекцій, и большихъ и малыхъ собраній книгъ и рукописей шли непрерывной полосой однѣ за другими, пожертвованія частныхъ лицъ книгами и рукописями сыпались со всѣхъ сторонъ; но въ то же время обновился и весь внѣшній видъ библіотеки: залы ея, изъ мрачныхъ и запущенныхъ, какими были много десятковъ лѣтъ, превратились въ свѣтлыя, привѣтливыя; публика начала ходить толпами въ открытую для всѣхъ публичную читальную залу, долгое время пустынную и почти никому неизвѣстную; количество людей, занимающихся тамъ, стало возрастать тысячами. Въ теченіе 1850-хъ годовъ, Публичная Библіотека сдѣлалась однимъ изъ самыхъ популярныхъ, самыхъ общеизвѣстныхъ и общелюбимыхъ мѣстъ русской публики, желающей и нуждающейся заниматься дѣломъ. Можно сказать, Публичная библіотека сдѣлалась даже чѣмъ-то моднымъ.

Какая разница Румянцовскій музей! Это былъ старый барскій домъ, запущенный и позабытый, состарившійся безъ поправокъ, словно старинный садъ, когда-то свѣтлый и чудесный, но гдѣ теперь всѣ

дорожки заросли и одичали, гдѣ разрослась дремучая зелень, и гдѣ ходишь въ густомъ жракѣ и унылоль запустѣніи. Когда, бывало, придешь въ Румянцовскій музей, тебя обдавало холодомъ и тоскою, начиная уже съ лѣстницы его, съ сѣней, гдѣ стѣны были точно въ крѣпости, почти въ сажень толщиной, и немногія окна, глубоко посаженныя, пропускали скудный и мрачный свѣтъ, какъ въ тюрьмѣ. Большая зала наверху, когда-то бальная и парадная зала графа Румянцева, представляла образецъ запущенности и разрушенія. Высокіе своды, темные и скучные, были наполнены трещинами и пятнами, всѣ полы покривились и потрескались, и когда одинъ изъ немногихъ посѣтителей проходилъ по этой залѣ и по другимъ, съ нею смежнымъ, раздавался трескъ и скрипъ разсохшагося дерева. Печально глядѣли, мѣстами, трофеи изъ прежней великой дѣятельности графа Румянцева — группы веселъ, копій, стрѣлъ, луковъ и колчановъ, привезенныхъ изъ кругосвѣтныхъ путешествій, снаряженныхъ Румянцевымъ на свой собственный счетъ. Трофеи эти стояли теперь печально и пустынно въ огромной темноватой залѣ, наклоняясь надъ небольшими витринами, стариннаго покроя, временъ Наполеона I, гдѣ покоились пыльныя и осиротѣлыя коллекціи минералловъ, когда-то тоже собранныя Румянцевымъ съ разныхъ концовъ свѣта, а теперь необозрѣваемыя ничьимъ глазомъ. Маленькая читальная зала, помѣщавшаяся въ одномъ изъ угловъ бывшей квартиры графа Румянцева, заключала всего нѣсколько столовъ, желтаго дерева, съ чорной кожаной покрышкой вверху, вдвинутыхъ среди тѣсной толпы книжныхъ шкафовъ и старинныхъ креселъ, тоже желтаго дерева, загромоздившихъ комнату. Въ комнатѣ этой, какъ и во всѣхъ другихъ въ домѣ, полы скрипѣли и коробились, было холодно и тоскливо, зимой всѣ окна были затянуты густымъ инеемъ, и пропускали лишь тусклый матовый свѣтъ; самъ воздухъ былъ тоже какой-то старинный, пахло чѣмъ-то затхлымъ и архивнымъ. Но все выкупалось тѣми чудесными сокровищами, для которыхъ приходили люди въ этотъ старинный, забытый амбаръ. Никого не интересовали книги графа Румянцева: все это были, почти сплошь, изданія прошлаго вѣка, устарѣлыя, рѣдко нынче уже кому нужныя, давно обогнанныя и упраздненныя новою наукою, и потому печально тлѣвшія въ старыхъ своихъ переплетахъ на полкахъ старыхъ своихъ шкаповъ: ихъ уже больше никто теперь не спрашивалъ. За то рукописи, собранныя Румянцевымъ цѣною долгихъ усилій и тратъ, собранныя въ теченіи многихъ лѣтъ со страстью знатока и глубокимъ знаніемъ искренняго ученаго, рукописи всѣхъ эпохъ русской исторической жизни, часто съ великолѣпными и драгоцѣнными миніатюрами, заключали

интересъ колоссальный. Ихъ собраніе было, конечно, одною изъ величайшихъ достопримѣчательностей Петербурга, это было нѣчто такое, чѣмъ нашъ городъ могъ гордиться наравнѣ съ Эрмитажемъ, съ Публичной Библіотекой, однимъ словомъ, со всѣмъ, что только у насъ есть самаго великаго, самаго значительнаго, самаго рѣдкаго и самаго великолѣпнаго. Да прибавьте къ этому, что этакое-то чудесное, глубоко-національное собраніе, которымъ Петербургъ могъ славиться передъ цѣлой Европой, было накоплено громадными усиліями и громадными затратами одного единственнаго частнаго человѣка, и завѣщано имъ своему народу! Какой славный, какой рѣдкій монументъ русской гражданской доблести, какой чудный памятникъ истиннаго историческаго русскаго человѣка. Навѣрное такія мысли наполняли голову многихъ, приходившихъ проводить долгіе часы надъ рукописями покойнаго государственнаго канцлера; навѣрное многіе изъ нихъ съ глубокимъ почтеніемъ осматривали стѣны и залы, среди которыхъ Румянцевъ копилъ для русскаго народа свои сокровища, и забывали печальный видъ опустѣлаго, состарившагося, глубоко-обвѣтшалаго, совсѣмъ опустившагося барскаго дома на Невѣ. Не разъ мнѣ приходилось вести разговоръ въ этомъ смыслѣ съ прилежными посѣтителями Румянцовскаго музея, когда, послѣ пробившаго звонка, мы спускались внизъ по лѣстницѣ, чтобъ уходить вонъ.

И вотъ, однажды, зимой съ 1860 на 1861 годъ, пришелъ ко мнѣ въ Публичную библіотеку одинъ знакомый, весь вѣкъ возившійся съ книгами и рукописями, самъ ревностный собиратель и уже собственникъ довольно богатой коллекціи. Онъ былъ въ сильномъ негодованіи, онъ былъ почти въ ярости. «Знаете-ли, что теперь дѣлается? сказалъ онъ, отведя меня въ сторону. Румянцовскій музей хотятъ выбросить вонъ изъ Петербурга. Увѣряютъ, что онъ здѣсь ненуженъ, что онъ тутъ совершенно лишній. Его хотятъ выпроводить въ Москву, чтобъ онъ тамъ сдѣлался началомъ большой публичной библіотеки».—«Какъ, можетъ-ли быть?»—«Да, это уже дѣло рѣшенное. Уже и представленіе пошло. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ станутъ перевозить музей въ Москву, а домъ Румянцева продадутъ!»—Я былъ пораженъ. Какъ? продавать историческій, народный памятникъ! Продавать домъ Румянцева, пожертвованный русскому народу, одинъ изъ рѣдкихъ монументовъ великой любви и преданности народу, глубокаго желанія быть ему въ самомъ дѣлѣ полезнымъ! Я былъ глубоко пораженъ, я не вѣрилъ, чтобъ такой варварскій проэктъ могъ существовать, чтобъ рѣшено было приводить въ исполненіе такую невозможную, на мои глаза, вещь.

Я сообщилъ невообразимую новость нѣсколькимъ молодымъ лю-

дямъ, столько-же, какъ и я, цѣнившимъ Румянцовскій музей, и видѣвшимъ въ немъ народную славу. Они тоже не хотѣли вѣрить, но пришлось намъ повѣрить, когда мы пошли за справками, и тотчасъ-же убѣдились, что да, правда, намѣреніе уничтожить Румянцовскій музей въ Петербургѣ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, и что дѣло въ ходу, хотя содержится подъ порядочнымъ секретомъ. Это глубоко возмущало насъ. Изъ числа этихъ знакомыхъ мнѣ всего ближе былъ тогда Владиміръ Ив. Ламанскій, съ которымъ мы постоянно встрѣчались въ Публичной библіотекѣ (онъ состоялъ тамъ въ числѣ молодыхъ «вольнотрудящихся», заведенныхъ въ то время барономъ Корфомъ): насъ соединяли многіе общіе интересы, общіе научные и отечественные взгляды, мы были пріятели. Убѣдившись оба, что Румянцовскому музею дѣйствительно грозитъ опасность, и что времени терять нечего, мы рѣшили, что надо попробовать остановить это некрасивое дѣло, если есть еще какая-нибудь возможность.

II.

Мы начали съ того, что повидались со всѣми главными учеными петербургскими, академиками и профессорами, и передали имъ новость про Румянцовскій музей. Всѣ были поражены не меньше нашего, и точно также не хотѣли, сначала, даже вѣрить. «Какъ это возможно? спрашивалъ по очереди каждый изъ нихъ. По секрету, одной канцеляріей, никого изъ ученыхъ даже не спросивши, не давши даже знать ни академіи, ни университету? нѣтъ, это такъ нелѣпо,— это просто невозможно!» Однако, каждому изъ нихъ скоро приходилось убѣдиться, что это не пустой слухъ, и что въ самомъ дѣлѣ Румянцовскій музей собираются увезти изъ Петербурга. Общему негодованію, общему удивленію всѣхъ этихъ ученыхъ не было предѣловъ. Стали думать: что-же предпринять, что дѣлать? и рѣшили, что всего лучше будетъ печатно заявить, въ самыхъ умѣренныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, какъ это дѣло нехорошо, какъ оно не идетъ. Въ этомъ случаѣ ничуть не противился даже такой, вообще столько консервативный и осторожный человѣкъ, какъ профессоръ и академикъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій: со сверкающими отъ досады черными глазами своими, и осунувшимся умнымъ лицомъ, онъ объявилъ, что переводить Румянцовскій музей вонъ изъ Петербурга, да еще не спросивши мнѣнія тѣхъ, до кого это всего болѣе касается—это дѣло просто нестерпимое, постыдное. Печатные протесты были въ то время въ большомъ ходу у насъ вездѣ, и къ нимъ часто при-

бѣгали люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ настроеній. Самъ Срезневскій совѣтовалъ поставить во главѣ протестующихъ—знаменитаго Востокова, во первыхъ, какъ одного изъ капитальнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, а потомъ еще, какъ человѣка, очень близко стоявшаго къ графу Румянцеву, въ послѣдніе годы его жизни, и еще при немъ начавшаго писать свое знаменитое сочиненіе: «Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцовскаго музеума». Какъ ни старъ и дряхлъ онъ былъ въ то время, но, разсказывалъ намъ дня два-три спустя Срезневскій, и онъ тоже пришелъ въ великое негодованіе при извѣстіи объ увезеніи Румянцовскихъ собраній изъ Петербурга.

Протестъ получилъ слѣдующій видъ:

Заявленіе.

«Въ Петербургѣ пронесся слухъ, что Румянцовскій музей будетъ переведенъ въ Москву, самое зданіе продано, а собраніе рукописей, книгъ и прочія коллекціи переданы въ Московскій университетъ. Главное значеніе музея заключается въ его рукописяхъ, незамѣнимыхъ, какъ единственныхъ въ своемъ родѣ. Долгомъ считаемъ выразить наше убѣжденіе, что такое нарушеніе правъ Петербурга на одинъ изъ его лучшихъ историческихъ памятниковъ было бы невознаградимою потерею для здѣшнихъ изслѣдователей русской исторіи и древности.

А. Востоковъ.—Н. Буличъ.—Н. Благовѣщенскій.—А. Вицынъ.—К. Кавелинъ — Н. Костомаровъ. — В. Ламанскій. — П. Пекарскій. — А. Пыпинъ.— И. Срезневскій.—В. Стасовъ.—М. Сухомлиновъ".

Напечатать этотъ протестъ назначено было въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», самой распространенной тогда газетѣ. Редакторомъ ея былъ тогда Очкинъ; онъ съ большимъ одушевленіемъ обѣщался тотчасъ-же напечатать принесенное ему мною «Заявленіе», но на слѣдующій-же день прислалъ мнѣ его назадъ, съ записочкой, гдѣ было сказано, что къ великому его горю со стороны цензуры оказалось совершенно неожиданно сопротивленіе, и что намъ всего лучше было бы объясниться съ предсѣдателемъ петербургскаго цензурнаго комитета.

Нечего дѣлать, мы съ В. И. Ламанскимъ отправились разыскивать господина предсѣдателя. Это былъ генералъ-лейтенантъ баронъ Медемъ. Онъ жилъ близь Спаса Преображенія (Литейной части). Насъ приняли тотчасъ-же, не смотря на то, что баронъ обѣдалъ. Онъ вышелъ къ намъ въ кабинетъ, продолжая что-то жевать. Это былъ живой, добрый старичокъ, въ артиллерійскомъ мундирѣ, со стоящими торчмя волосами на головѣ, съ нѣмецкимъ сухимъ и формальнымъ видомъ, но суетливый и подвижной. Онъ былъ съ нами очень любезенъ, и привѣтливо выслушалъ насъ. Къ несчастію, съ первыхъ словъ оказалось, что онъ очень глухъ, и намъ пришлась на

долю трудная задача, громкимъ голосомъ и съ значительными разстановками выкрикивать по нѣскольку разъ, въ наклоненное къ намъ генеральское ухо, нашу просьбу и наши доводы. Какой неловкій способъ упрашивать и убѣждать! Баронъ сказалъ намъ, что знаетъ это дѣло,.... что ему уже докладывали...., что они разсматривали...., что можетъ быть и совершенно правы ученые..... что можетъ быть онъ и самъ желалъ-бы Румянцовскому музею оставаться въ Петербургѣ...., но извѣстіе о переводѣ его—вѣдь это только слухъ.... какъ-же можно опровергать слухъ?.... а главное, какъ-же можно этакъ— скопомъ, скопомъ!...» Мы старались убѣждать г. генералъ-лейтенанта на всѣ манеры, .и со стороны исторической, патріотической, ученой,—нѣтъ, ничто не помогало, и онъ только все повторялъ: «скопомъ.... скопомъ!.... нѣтъ, нельзя.... нельзя!... Намѣреніе гг. ученыхъ прекрасное, я его понимаю,—но—скопомъ, скопомъ...!» Такъ мы больше ничего отъ него и не услышали. Мы пожали другъ другу руки съ пріятными улыбками и разстались.

Чтобъ избѣжать грознаго «скопа», мы попробовали напечатать въ двухъ-трехъ газетахъ, за подписью одного человѣка, небольшія статьи о переводѣ Румянцовскаго музея—цензура тоже не позволила, и статьи остались на столѣ у редакторовъ.

Такъ какъ въ несостоявшемся «заявленіи» участниковъ былъ цѣлый десятокъ, и всѣ были крайне недовольны неудачей, понятно, что каждый заговорилъ и скоро вѣсть объ этомъ дѣлѣ разнеслась по Петербургу. Всего болѣе были огорчены академія и университетъ. Между студентами университета было тогда не мало очень образованныхъ молодыхъ людей, принимавшихъ близко къ сердцу все, что было посерьезнѣе и поважнѣе изъ современныхъ дѣлъ, касавшихся общества. По тогдашнимъ привычкамъ, на студентскихъ сходкахъ, то въ аудиторіяхъ, то въ большой университетской залѣ, нерѣдко шли пренія объ интересахъ дня. Въ число предметовъ преній попалъ однажды и вопросъ о Румянцовскомъ музеѣ. Собраніе произошло, какъ мнѣ разсказывали, очень оживленное. Толковали очень долго, и много молодыхъ ораторовъ перебывало на каѳедрѣ. Рѣшили представить попечителю о томъ, какъ студенты петербургскаго университета жалѣютъ о переносѣ Румянцовскаго музея въ Москву, и что они почтительнѣйше просятъ попечителя представить г. министру выраженіе ихъ искренняго сожалѣнія. Но это заявленіе осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Такъ какъ мы, черезъ знакомыхъ, провѣдали изъ министерства народнаго просвѣщенія, что дѣло это будетъ обсуждаться въ комитетѣ министровъ, то была составлена мною записка и представлена Е. И. В.

великому князю Константину Николаевичу, въ надеждѣ, что быть можетъ она послужить разъясненію вопроса и наклонить рѣшеніе въ ту сторону, которая казалась самою справедливою и естественною петербургскому ученому сословію. Вотъ главныя мѣста этой записки:

«Почти уже окончательно рѣшено перевести Румянцовскій музей изъ Петербурга въ Москву, коллекціи рукописей, книгъ и проч. передать въ московскій университетъ, а самый домъ продать съ публичнаго торга или по вольнымъ цѣнамъ. Если-бы это дѣйствительно осуществилось, такой деспотическій поступокъ былъ бы столько же вреденъ для Петербурга, сколько безполезенъ для Москвы; во всякомъ случаѣ онъ не основанъ на правильномъ логическомъ соображеніи, что̀ настоящая записка и постарается доказать.

При первой вѣсти о грозномъ будущемъ распоряженіи, петербургское ученое сословіе немедленно же составило актъ протеста, но его не позволили напечатать въ газетахъ. Статьи, написанныя противъ переведенія музея, также не были допущены до печати. Чего бы однако надо было опасаться, еслибъ переведеніе музея было дѣйствительно мѣрою такою естественною и полезною? Къ чему тайна, когда оно, по своей естественности и очевидной пользѣ, должно было встрѣтить общее сочувствіе? Между тѣмъ, никакое ученое сословіе—ни академія, ни университетъ, не были спрошены, тогда какъ, казалось бы, имъ всего ближе было знать, нуженъ или безполезенъ въ Петербургѣ Румянцовскій музей.

Конечно, прежде всего является вопросъ: на основаніи какихъ причинъ, и для какой надобности предположено перевести Румянцовскій музей изъ Петербурга въ Москву?

Говорятъ: это должно быть сдѣлано потому, что въ Москвѣ необходимо устроить публичную библіотеку, а Румянцовскій музей въ Петербургѣ лишній: имъ пользуются слишкомъ мало, а въ Москвѣ, напротивъ, будутъ пользоваться много; тамъ онъ послужитъ основаніемъ, ядромъ будущей публичной библіотеки, около котораго станутъ группироваться будущія приращенія.

Но оба эти резона въ полной мѣрѣ не логичны. Какая же связь между тѣмъ, что въ Москвѣ надо устроить публичную библіотеку и что въ Петербургѣ есть Румянцовскій музей? Неужели московская библіотека не можетъ быть основана безъ Румянцовскаго музея, и только одинъ Румянцовскій музей можетъ сдѣлать то, что явится на свѣтъ московская публичная библіотека? Никто, конечно, не станетъ спорить противъ того, что Москвѣ библіотека нужна, и можно только жалѣть, что ея тамъ до сихъ поръ нѣтъ. Но за что же лишать, по этому случаю, Петербургъ того, что принадлежитъ ему вслѣдствіе событія историческаго—патріотическаго подвига государственнаго канцлера графа Румянцова, лишать Петербургъ того, что составляетъ его гордость?

Дѣйствительно ли Румянцовскій музей такъ необходимъ для Москвы, что безъ него ея бибіотека вовсе не можетъ даже основаться? Такое мнѣніе было бы совершенно несправедливо. Румянцовскій музей вовсе не есть такая библіотека, какъ многія другія. Его главное значеніе состоитъ преимущественно въ русскихъ рукописяхъ. Конечно, въ этомъ музеѣ есть также нѣсколько тысячъ печатныхъ книгъ, но все устарѣлыхъ, и по большей части все спеціальныхъ. Ими въ настоящее время не находитъ надобности пользоваться Петербургъ, безъ сомнѣнія не будетъ пользоваться и Москва. Какой же это

«основной фондъ» для будущей московской библіотеки? Совершенно иное дѣло рукописи Румянцовскаго музея. Онѣ заключаютъ такія разнообразныя сокровища для русской исторіи, филологіи, искусства, которыя никогда не состарятся и много вѣковъ будутъ родникомъ русскаго знанія и изслѣдованій. Это знаютъ всѣ люди, занимающіеся русской наукой. Когда дѣло идетъ о Румянцовскомъ музеѣ, надо прежде всего имѣть представленіе именно объ однѣхъ только рукописяхъ его. Но этого не случилось съ составителями проекта о переводѣ музея изъ Петербурга въ Москву. Они думали только о почтенной цифрѣ печатныхъ книгъ, а о русскихъ его рукописяхъ вовсе и не думали. Они о нихъ начисто забыли.

Но что касается русскихъ рукописей, то Москва ими гораздо богаче, чѣмъ Петербургъ. Въ Синодальной (патріаршей) библіотекѣ, въ библіотекѣ Синодальной типографіи, въ библіотекахъ при многихъ монастыряхъ и соборахъ (библіотеки: Чудова монастыря, Архангельскаго собора и т. д., наконецъ три громадныхъ библіотеки Троицко-Сергіевской лавры), также въ собраніяхъ многихъ частныхъ лицъ находится такое громадное количество русскихъ рукописей, которое оставляетъ далеко за собою количество русскихъ рукописей, находящихся въ Петербургѣ, а именно только въ Публичной библіотекѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ и въ Академіи Наукъ, вмѣстѣ взятыхъ. Почему же нѣсколько рукописей Румянцовскаго музея стали вдругъ такъ необходимы для процвѣтанія Москвы? Московская публичная библіотека можетъ и должна основаться и безъ нихъ.

Говорятъ, будто въ Москвѣ сокровища Румянцовскаго музея будутъ полезнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ [1]). За что такое униженіе Петербурга, за что такое непомѣрное превозносеніе Москвы? И кто можетъ быть не то, что судьею, а пророкомъ въ этомъ вопросѣ? Для этого нужна была бы какая-то невообразимая и невиданная коммисія, которая рѣшила бы, что все сдѣланное до сихъ поръ петербургскими учеными, на основаніи Румянцовскихъ рукописей, мало или ничтожно, а Москва будетъ работать совершенно иначе. Не надо забыть того, что классическія сочиненія, хотя бы одного только Востокова, почти исключительно опираются на Румянцовскій музей.

Судить о пользѣ или безполезности музея по цифрѣ посѣтителей—понятіе, достойное лишь канцелярскаго чиновника. Много посѣщаемое учрежденіе можетъ приносить мало пользы, и, наоборотъ, мало посѣщаемое можетъ приносить пользу громадную. Коллекція же рукописей есть коллекція исключительная, которую никогда нельзя сравнивать съ коллекціею печатныхъ книгъ, и особенно съ коллекціею книгъ общедоступныхъ, общеполезныхъ. Петербургская Публичная библіотека посѣщается, безъ сомнѣнія, людьми самыхъ разнообразныхъ сословій, интересовъ, общественнаго положенія и склада, но нельзя не сознавать того, что она, сравнительно говоря, болѣе всего приноситъ (покуда) пользы учащемуся юношеству и недостаточнымъ людямъ, болѣе всего нуждающимся въ изданіяхъ общеобразовательныхъ и элементарныхъ

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ своей записки я старался опровергнуть одинъ изъ тогдашнихъ доводовъ въ пользу перенесенія Румянцовскаго музея, изложенный въ одномъ изъ тѣхъ оффиціальныхъ документовъ, которые должны были явиться на обсужденіе комитета гг. министровъ, и которые напечатаны у насъ, въ извлеченіи, ниже. В. С.

(каковы: курсы, руководства, лексиконы, атласы, компендіи и т. д.) Отдѣлите всю эту массу читателей, принося которымъ пользу Публичная библіотека не можетъ не гордиться—отдѣлите эту главную массу читателей, и посмотрите тогда: много ли останется въ числѣ посѣтителей библіотеки такихъ людей, которые работаютъ въ ней какъ ученые, а не какъ студенты, кадеты и всяческіе ученики? Количество такихъ ученыхъ будетъ небольшое, а если взять только тѣхъ, которые приходятъ заниматься однѣми рукописями, то число ихъ будетъ еще микроскопичнѣе, т. е. будетъ равняться числу посѣтителей Румянцовской библіотеки. Такой или подобный результатъ дадутъ, безъ сомнѣнія, всѣ европейскія библіотеки: рукописями могутъ заниматься лишь немногіе. Потому-то нѣтъ ничего нелогичнѣе и несправедливѣе, какъ сравнивать цифру посѣтителей Румянцовскаго музея съ цифрой посѣтителей Публичной библіотеки.

Если бы возможно было слѣдовать той странной логикѣ, что надо передавать рукописи туда, гдѣ ими «будутъ больше заниматься», то, переводя русскія рукописи Румянцовскаго музея изъ Петербурга въ Москву, надобно было бы, для полной послѣдовательности, передать всѣ французскія рукописи изъ Петербургской публичной библіотеки — въ Парижъ, всѣ англійскія — въ Лондонъ, всѣ нѣмецкія—въ Берлинъ и Вѣну: вѣдь тамъ ими будутъ, пожалуй, больше заниматься, чѣмъ здѣсь!

Любопытно было-бы также узнать: мыслимо-ли было-бы, чтобъ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ или Вѣна согласились-бы отправить въ Реймсъ, Ліонъ, Бордо или Гавръ,—въ Іоркъ, Дублинъ, Эдинбургъ или Оксфордъ,—въ Лейпцигъ, Кассель, Іену или Штутгардъ—одну изъ своихъ капитальныхъ библіотекъ, да еще преимущественно состоящую изъ наидрагоцѣннѣйшихъ рукописей?

Конечно—никогда!

Говорятъ тоже: у насъ нѣтъ денегъ на то, чтобъ поддерживать въ должномъ видѣ Румянцовскій музей. Но тогда пусть будетъ объявлена публичная подписка, и вѣрно соберется довольно рублей на то, чтобъ починить домъ—да еще какой домъ! Домъ историческій, домъ, пожертвованный русскому народу государственнымъ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ, домъ, гдѣ онъ жилъ и собиралъ многіе десятки лѣтъ великія интеллектуальныя сокровища для образованія и возвышенія этого народа!

Впрочемъ, въ такомъ крайнемъ средствѣ, общемъ народномъ сборѣ, не предстоитъ, кажется, пока надобности. Достаточно было бы продать все излишнее въ Румянцовскомъ зданіи, все то, что собственно не принадлежитъ къ храненію коллекцій графа Румянцова (какъ-то части дома по Галерной, гдѣ помѣщаются многочисленныя квартиры, отдаваемыя въ наймы, лавки, конюшни, сараи и т. д.), и, безъ сомнѣнія, получится значительная сумма, которая дастъ возможность не только починить главный корпусъ, но содержать и ремонтировать его впослѣдствіи, изъ процентовъ вырученнаго капитала. Нѣтъ сомнѣнія, еслибъ приходило въ ветхость и разрушеніе какое-нибудь другое публичное зданіе, посвященное общественнымъ пользамъ, наприм. министерство, казарма, банкъ,—навѣрное это зданіе было-бы починено, и изъ-за недостатка средствъ не было-бы переведено въ Казань или Одессу. Почему Румянцовскій музей заслуживаетъ менѣе попеченій?

И такъ, можно оказать всю необходимую Москвѣ пользу, ничуть не ограбляя Петербургъ: эта страшная жертва вовсе ни на что не нужна Москвѣ. Пусть только будетъ разрѣшено Москвѣ устроить у себя публичную библіотеку, и, безъ сомнѣнія, со всѣхъ сторонъ посыплются приношенія, подарки, потянутся вагоны съ цѣлыми коллекціями книгъ, которыя и составятъ тотъ фондъ, который нуженъ большой публичной библіотекѣ.

Но кромѣ всѣхъ этихъ доводовъ есть еще одинъ, самый важный, который, несмотря на это, былъ совершенно позабытъ авторами проекта о переводѣ Румянцовскаго музея изъ Петербурга въ Москву. Это именно тотъ, что Румянцовскій музей есть собственность не казенная, а народная. Канцлеръ Румянцовъ завѣщалъ русскому народу и всѣ сокровища науки, имъ собранныя, и домъ, гдѣ самъ жилъ. Всякій народъ гордится такими фактами своей исторіи, всякій народъ старается увѣковѣчить не только фактъ, но и все, что относится къ высокой личности, его произведшей. Въ Парижѣ или Лондонѣ не только никому не пришло-бы въ голову спустить «по вольной продажѣ» домъ Румянцова, но его берегли-бы на вѣки вѣковъ какъ зѣницу ока, его держали-бы чуть не подъ стеклянымъ колпакомъ. Быть можетъ назвали бы именемъ Румянцова сосѣднюю улицу, площадь. У насъ—собираются вычеркнуть его вонъ посредствомъ аукціона!

Румянцовскій музей извѣстенъ всей Европѣ, и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, онъ вытертъ вонъ, какъ резинкой.

Какой примѣръ и наука будущимъ патріотамъ, когда они будутъ знать, что у насъ нѣтъ ничего твердаго, ничего прочнаго, что у насъ все что угодно можно сдвинуть, увезти, продать!

Года два назадъ, въ Лондонѣ зашла рѣчь о томъ, чтобъ по крайней тѣснотѣ мѣста перевести Британскій музей изъ одного квартала Лондона въ другой. И что-же? Общественное мнѣніе поднялось одной массой, парламентъ былъ засыпанъ представленіями и просьбами о томъ, чтобъ этого не дѣлали. «Какъ! трогать Британскій музей съ мѣста, заговорили всѣ. Нѣтъ, это не хорошо, этому не слѣдуетъ быть. Пускай скупаютъ кругомъ дома, кварталы, по какой-бы то ни было цѣнѣ, но чтобъ Британскій музей не былъ тронутъ съ мѣста». Такъ оно и сдѣлалось. Все только потому, что тамъ понимаютъ, что̀ такое значитъ историческое чувство, уваженіе сердечнаго патріотизма отдѣльвыхъ лицъ, народная гордость. Въ Лондонѣ-бы не стали справляться съ буквой какого-то завѣщанія, не стали-бы доискиваться, съ ревностью буквоѣда, что̀ Румянцовъ сказалъ, и чего не договорилъ въ своемъ завѣщаніи. Посмотрѣли-бы на дѣло въ общей его сложности, и больше всего похлопотали-бы о томъ, чтобъ пожертвованное народу достояніе не ѣздило съ квартиры на квартиру, и чтобъ заключающій его домъ остался на вѣки цѣлъ.

Кажется, и у насъ тоже, еслибъ не было запрещено въ печати разсуждать объ этомъ дѣлѣ, всѣ высказались-бы точно также».

Эта записка была прочтена если не всѣми, то многими изъ тѣхъ, кто, спустя нѣсколько недѣль, долженъ былъ рѣшать участь Румянцовскаго музея.

III.

Какая была главная причина перенесенія Румянцевскаго музея изъ Петербурга въ Москву? Откуда родилась эта мысль, и что заставляло такъ сильно на ней настаивать? Неужели положеніе его зданій было, дѣйствительно, такое отчаянное и безнадежное, а затраты, необходимыя на его реставрированіе, до того велики, что ничего другаго не оставалось, какъ покончить съ этимъ дѣломъ въ Петербургѣ, и перенести заключающіяся тамъ коллекціи въ Москву?

Въ отвѣтъ на это надо сказать, что въ настоящемъ случаѣ дѣло шло далеко не столько о пользахъ самаго Румянцевскаго музея, сколько о цѣляхъ постороннихъ, для осуществленія которыхъ музей являлся очень хорошимъ предлогомъ и помощью. Собственно самъ Румянцевскій музей не интересовалъ никого изъ тѣхъ, кто въ 1860—61 годахъ распорядился его судьбою. Поэтому-то ничего не было легче, какъ ссылаться на его запущенность и несчастное состояніе, для того, чтобъ возможно было эксплуатировать эту запущенность и несчастное состояніе въ пользу стоявшихъ въ ту минуту на очереди вопросовъ.

Главнымъ аргументомъ являлась, прежде всего, вѣтхость Румянцевскаго музея. И, надо признаться, домà Румянцевскаго музея, дѣйствительно, были вѣтхи и требовали сильныхъ реставрацій, и на это, безъ сомнѣнія, требовалось употребить довольно крупныя суммы. Но нельзя сказать, чтобъ не было возможности привести его въ прочный видъ и должный порядокъ, и тѣмъ сохранить надолго. Все дѣло состояло въ томъ, что не только въ 1860-мъ и 1861-мъ годахъ, когда надъ Румянцевскимъ музеемъ разразилась катастрофа, но уже и гораздо прежде, лѣтъ за 15—20, на него слишкомъ мало обращали вниманія всѣ тѣ начальства, отъ которыхъ онъ по очередно зависѣлъ, и, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не сознавали его цѣнности и значенія. Отношеніе къ Румянцевскому музею было всегда, со стороны начальствъ, чисто формальное, лишенное всякой симпатіи и уваженія. Это было нѣчто въ родѣ отношенія равнодушной мачихи къ нелюбимой падчерицѣ.

Прежде всего надо сказать нѣсколько словъ о самомъ домѣ графа Румянцева. Это необходимо для дальнѣйшихъ соображеній нашихъ.

Домъ Румянцевскаго музея (на Англійской набережной, близь нынѣшняго Николаевскаго моста) былъ старый домъ. Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ купилъ его въ 1802 году, за 80,000 рублей ассигн., отъ англійскаго купца Ѳомы Вара; но и тогда это былъ уже домъ не новый. Самъ Варъ купилъ его, отъ поселеннаго въ Петер-

бургѣ англичанина-же, Фаркварсама, еще въ 1789 году. Безъ сомнѣнія, Румянцевъ не оставилъ его въ прежнемъ видѣ, произвелъ въ немъ многія значительныя перемѣны, въ томъ числѣ устроилъ огромную залу въ два свѣта (проломавъ потолокъ, отдѣлявшій бель-этажъ отъ верхняго этажа), и вообще превратилъ зданіе изъ скромнаго дома частнаго человѣка, купца, въ парадный, во вкусѣ Наполеоновскаго времени, домъ важнаго государственнаго человѣка, богача и аристократа, у котораго бывалъ самъ императоръ, весь петербургскій большой свѣтъ и толпы знатныхъ иностранцевъ. Самъ канцлеръ помѣщался въ бель-этажѣ, и въ залахъ, около его собственныхъ жилыхъ покоевъ, помѣщались всѣ его великолѣпныя коллекціи рукописей и книгъ, но эти собранія не имѣли еще вида правильной библіотеки, и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ священнику И. И. Григоровичу знаменитый митрополитъ Евгеній говоритъ, что очень ему трудно пользоваться рукописными и книжными сокровищами графа Румянцева, потому что, хотя онъ ихъ охотно сообщаетъ и показываетъ всѣмъ нуждающимся, но онѣ разбросаны по заламъ, и къ нимъ нѣтъ никакого указателя. Въ 1824 году, домъ графа Румянцева подвергся новымъ, очень существеннымъ измѣненіямъ: по порученію графа, бывшаго уже въ то время государственнымъ канцлеромъ, архитекторъ Вас. Алекс. Глинка, незадолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ-за границы, составилъ проектъ передѣлки дома, и проектъ этотъ былъ, по тогдашнимъ понятіямъ, настолько хорошъ и даровитъ, что академія художествъ дала за него Глинкѣ званіе академика. По новому проекту, скоро потомъ приведенному и въ исполненіе, фасадъ съ Невы былъ украшенъ колоннадой по бель-этажу, съ широкимъ фронтономъ вверху; въ нижнемъ этажѣ устроены были сѣни съ входною дверью съ Невы, (до тѣхъ поръ пріѣздъ къ дому черезъ ворота былъ только съ Галерной [1]). Въ этомъ, за-ново устроенномъ домѣ, графъ Румянцевъ постоянно жилъ, когда только не находился въ путешествіяхъ, или-же не гостилъ въ великолѣпномъ имѣніи своемъ Гомель.

Послѣ смерти канцлера, 3-го января 1826 года, его братъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, какъ отъ имени брата, такъ и отъ своего собственнаго имени, принесъ этотъ домъ со всѣми его коллекціями въ даръ отечеству. При этомъ, во всеподданнѣйшей своей просьбѣ, отъ 3-го ноября 1827 г., на

---

[1]) Вышеприведенныя историческія свѣдѣнія о домѣ гр. Румянцева сообщены мнѣ нашимъ неутомимымъ изслѣдователемъ и знатокомъ петербургской старины, П. Н. Петровымъ. В. С.

имя Государя Императора, онъ писалъ: «Всемилостивѣйшій Государь! Братъ мой покойный, изъявляя мнѣ желаніе свое о составленіи музеума изъ библіотеки и другихъ вещей, имъ собранныхъ, предоставилъ мнѣ выполнить оное по моему произволенію. Вслѣдствіе сего спѣшилъ я, Всемилостивѣйшій Государь, привесть къ окончанію предназначенное мною къ тому строеніе...» Изъ этихъ словъ мы узнаемъ, что въ это время Румянцевскій домъ подвергся нѣкоторымъ приспособленіямъ для будущаго музея: по всей вѣроятности тутъ всего болѣе надо разумѣть устройство шкаповъ и другихъ помѣщеній, необходимыхъ для библіотеки, но нельзя сомнѣваться, что при этомъ случаѣ были также произведены нѣкоторыя реставраціи дома, теперь уже оказывавшагося не совсѣмъ молодымъ и свѣжимъ. Въ маломъ домѣ также были произведены въ то время графомъ С. П. Румянцевымъ исправленія, но не существенныя, а только съ тою цѣлью, чтобы скорѣе устроить доходъ для музея, посредствомъ отдачи въ наемъ квартиръ.

Послѣ образованія Румянцевскаго музея, домъ простоялъ лѣтъ 20 безъ починокъ и поправокъ. Но съ 1847 года начинаются жалобы директора его, князя Одоевскаго (назначеннаго на эту должность 16 іюля 1846 года), начинаются настойчивыя его представленія о необходимости починокъ и ремонтовъ,—и все понапрасну: представленія князя Одоевскаго оставались безъ всякаго удовлетворенія. Директоръ императорской публичной библіотеки, дѣйствительный тайный совѣтникъ Д. П. Бутурлинъ, которому былъ подвѣдомственъ также и Румянцевскій музей, отвѣчалъ на представленія, что «нельзя выходить изъ положенной суммы на содержаніе музеума при назначеніи ремонтныхъ работъ». А «положенная сумма» была очень невелика, и ни на какія существенныя исправленія и починки ея не могло хватать ни въ какомъ случаѣ. Въ своемъ представленіи Бутурлину отъ 22 мая 1847 г. князь Одоевскій, между прочимъ, говорилъ: «Сколько можно было высчитать приблизительно изъ дѣлъ, съ 1839 по 1846 г. включительно, употреблено на ремонтъ домовъ (большаго—съ музеемъ, и малаго, съ квартирами, отдававшимися въ наемъ) до 8,300 рублей, изъ коихъ до 4,000 руб., должно полагать, на починку печей,—издержка, съ каждымъ годомъ возобновляющаяся... Залы музеума штукатурной и малярной работой не были исправлены съ 1839 г., кромѣ минералогической залы и залы А, исправленныхъ въ 1844, и портретной—въ 1845 г...»

При директорѣ императорской публичной библіотеки, баронѣ М. А. Корфѣ, система излишней скупости въ отношеніи къ Румянцевскому музею продолжалась все по старому: еще въ 1851 году было

признано крайне необходимымъ исправить крышу обоихъ домовъ, но это не состоялось, «по недостатку средствъ», и вмѣсто того, она въ 1854 году была только окрашена. Въ 1856 году, послѣ усиленныхъ представленій князя Одоевскаго о томъ, что «полы въ комнатахъ на набережную пропускаютъ холодъ», было, наконецъ, дозволено сдѣлать новыя смазки, и т. д. Всѣ эти мелкія подробности показываютъ. какъ систематично и постоянно Румянцевскій музей былъ отдаваемъ въ жертву медленному подтачиванію и порчѣ со всѣхъ сторонъ; то, что въ 1840-хъ годахъ могло быть поправлено маленькими средствами, все болѣе и болѣе старѣлось и вѣтшало, такъ что въ концѣ 1850-хъ годовъ требовало уже тратъ довольно значительныхъ. Однакоже ни изъ одного изъ всѣхъ требованій князя Одоевскаго нельзя заключить, чтобъ эти траты должны были оказаться громадными, или чтобъ музей требовалъ перестройки самой коренной. Это мы увидимъ еще далѣе.

Но съ чего начался вопросъ о переводѣ Румянцевскаго музея, кто первый предложилъ эту идею, какія были тѣ важныя причины, которыя вдругъ побудили тѣхъ, отъ кого Румянцевскій музей зависѣлъ, взяться не за исправленіе его зданій, а за уничтоженіе его въ Петербургѣ и воскрешеніе его въ Москвѣ? Главныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ было нѣсколько и у каждаго изъ нихъ были свои резоны и свои побудительныя причины.

Первый поднялъ голосъ — самъ директоръ Румянцевскаго музея, князь В. Ѳ. Одоевскій. Выбившись, наконецъ, изъ силъ, и не зная за что приняться, когда всѣ его самыя настоятельныя представленія оставлялись безъ вниманія и безъ удовлетворенія, а предполагавшаяся одно время продажа малаго Румянцевскаго дома или розыгрышъ въ лотерею не осуществлялись, онъ въ апрѣлѣ 1860 года подалъ записку, гдѣ снова перечислялъ всѣ недостатки Румянцевскихъ зданій, и предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) Всѣ зданія музеума продать; на вырученную сумму пріобрѣсти домъ въ Москвѣ (если нельзя будетъ получить казеннаго) и, расположивъ въ немъ коллекціи музеума, образовать изъ нихъ первое основаніе московской публичной библіотеки, или 2) передать зданіе и коллекціи, словомъ весь музей въ полномъ его составѣ, но съ сохраненіемъ его наименованія и надписи на фронтонѣ, одному изъ ученыхъ обществъ, какъ напримѣръ географическому или археологическому, если онѣ изъявятъ на то свое согласіе; или, наконецъ, 3) ассигновать заимообразно сумму, потребную на капитальныя исправленія зданій музеума, съ обязанностью для онаго уплатить ее въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Строительная контора при министерствѣ двора, на обсужденіе

которой переданы были эти предложенія, образовала особую коммисію, изъ ея членовъ: генералъ-маіора Палибина, полковника Красовскаго, и архитекторовъ Собольщикова (состоявшаго архитекторомъ при публичной библіотекѣ и возводившаго тогда въ ней новую читальную залу), Кракау и Ухтомскаго. Эта коммисія осмотрѣла Румянцевскіе дома 20-го мая 1860 года, нашла ихъ, какъ это и прежде всегда оказывалось при осмотрахъ, въ состояніи крайне неудовлетворительномъ, и въ заключеніи своемъ высказала, что если признано будетъ нужнымъ сохранить музей въ нынѣшнемъ помѣщеніи, то для этого надо продать малый домъ; если отъ этой продажи предвидѣлась-бы въ результатѣ сумма, слишкомъ недостаточная для капитальной передѣлки, тогда, по мысли князя Одоевскаго, продать оба дома Румянцева, купить домъ въ Москвѣ и передать туда всѣ коллекціи Румянцевскаго музея, для того чтобъ этимъ положить основаніе московской публичной библіотеки. Но въ то же время коммисія рѣшительно высказывалась противъ мысли князя Одоевскаго о передачѣ коллекцій и домовъ Румянцева въ географическое или археологическое общество, потому что коммисія полагала, что у этихъ обществъ нѣтъ на то достаточныхъ средствъ; вмѣсто этого, коммисія предлагала, какъ «простѣйшее и удобнѣйшее средство, передать рукописи и книги Румянцевскаго музеума въ петербургскую Публичную библіотеку, помѣстивъ ихъ въ особомъ отдѣленіи, съ названіемъ «Румянцевское», а коллекціи монетъ и прочія художественныя произведенія—въ императорскій Эрмитажъ, сохранивъ и здѣсь всѣмъ симъ предметамъ названіе „Румянцевскихъ". Засимъ оба дома музеума продать, а деньги обратить на какой-либо предметъ благаго просвѣщенія, съ удержаніемъ и въ этомъ дѣлѣ имени жертвователя".

Это мнѣніе коммисіи было представлено на Высочайшее усмотрѣніе, но Государь Императоръ 2-го іюля 1860 г., не разрѣшая еще окончательно вопроса, повелѣлъ передать его на разсмотрѣніе директора Публичной библіотеки, барона М. А. Корфа. Почти въ то же самое время передано, на его же предварительное заключеніе, представленіе московскаго попечителя, генералъ-маіора Н. В. Исакова, министру народнаго просвѣщенія, Е. И. Ковалевскому, о переводѣ Румянцевскаго музея въ Москву.

Генералъ Исаковъ, со времени назначенія своего попечителемъ московскаго округа, ревностно былъ преданъ своему дѣлу, и въ короткое время съ большою энергіею выполнилъ множество превосходно задуманныхъ и въ высшей степени благихъ мѣръ на пользу этого округа. Но при этомъ онъ постоянно считалъ одною изъ главныхъ задачъ своихъ—создать въ Москвѣ публичную библіотеку на подо-

біе петербургской, приводившей его тогда въ восторгъ, какъ вообще все русское общество. Но денегъ изъ казны на это предпріятіе не могло быть отпущено, не взирая на всѣ его просьбы и домогательства, и потому, когда представилась въ перспективѣ возможность къ осуществленію дорогой для него идеи, подъ видомъ предложенія князя Одоевскаго на счетъ уничтоженія Румянцевскаго музея въ Петербургѣ, и возстановленія его въ Москвѣ—генералъ Исаковъ, понятнымъ образомъ, съ жаромъ ухватился за эту идею, и употребилъ всѣ свои силы на то, чтобъ достигнута была желанная развязка.

Въ представленіи своемъ министру народнаго просвѣщенія отъ 7 декабря 1860 года, генералъ Исаковъ писалъ:

«Настоящее положеніе музея покойнаго графа Румянцева въ С.-Петербургѣ приводитъ къ мысли о возможности осуществить давно уже всѣми сознанную необходимость учрежденія публичнаго музея и библіотеки въ Москвѣ. Императорская Публичная библіотека въ Петербургѣ находится въ такомъ блистательномъ положеніи, что всякое другое подобное-же учрежденіе, подлѣ нея, теряетъ все свое значеніе, и существованіе его дѣлается безполезнымъ. Публичная библіотека, располагая значительными средствами, дѣлаетъ ежегодно замѣчательнѣйшія пріобрѣтенія по всѣмъ отраслямъ печатанія; въ нее, какъ въ главный центръ, сносятся и драгоцѣнности частныхъ лицъ, и отдаются рѣдкости, пріобрѣтаемыя правительствомъ; и хотя сходная по началамъ основанія съ Румянцевскимъ музеемъ, по степени развитія своего и принятымъ размѣрамъ, первая натурально обрекаетъ послѣдній на совершенное запустѣніе, и въ настоящее время музей Румянцева представляетъ то-же, чѣмъ онъ былъ въ началѣ своего основанія, т. е. собраніе, доступное средствамъ частнаго, богатаго человѣка, которое, не смотря на все желаніе придать ему интересъ публичнаго учрежденія, никѣмъ не посѣщается. Въ самомъ дѣлѣ, кому встрѣтится надобность, при своихъ ученыхъ занятіяхъ, прибѣгать къ частному, не спеціальному собранію, когда съ такою легкостью и съ такими удобствами можно пользоваться матеріалами несравненно полнѣйшаго и такъ отлично устроеннаго книгохранилища, какъ императорская Публичная библіотека? Этимъ-то и объясняется причина безпрестанно увеличивающагося числа посѣтителей послѣдней, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается совершенная безполезность поддержанія нѣсколькихъ однородныхъ учрежденій въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, особенно когда такое поддержаніе требуетъ значительныхъ денежныхъ пожертвованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальная обстановка Румянцевскаго музея, въ настоящее время, вызываетъ необходимость перенесенія хранящихся въ немъ предметовъ въ другое мѣсто; но такое перемѣщеніе, съ какими-бы пожертвованіями оно ни было сдѣлано, оставаясь въ Петербургѣ, не принесетъ никакой пользы «благому просвѣщенію». Предметы, хранящіеся въ музеѣ, не составляютъ какой-либо спеціальности, и по свойству своему не могутъ быть переданы тому или другому спеціальному заведенію, а имѣютъ въ себѣ зачатокъ публичнаго музея, который можетъ со временемъ развиться въ большомъ размѣрѣ, если придать къ нему отдѣлы по другимъ отраслямъ человѣческихъ знаній, не нарушая между тѣмъ его характера нераздѣльности и сохраняя имя учредителя.—Для перемѣщенія музея

нѣтъ мѣста въ Императорской Публичной библіотеки, да ей и нѣтъ разсчета пріобрѣтать дублеты имѣющихся уже въ ней вещей; перенести его въ Эрмитажъ также нѣтъ никакой нужды, потому что библіотека сего послѣдняго никѣмъ не посѣщается и, слѣдовательно, тамъ онъ снова будетъ жертвою полнаго невниманія публики; передать его какому нибудь спеціальному заведенію, именно только потому, что въ немъ можетъ быть найдется для него мѣсто, значитъ опять-таки обречь его на забвеніе и безполезность, и потому, чтобы дать ему назначеніе болѣе полезное, чѣмъ настоящее, слѣдуетъ положить его въ основаніе публичному всестороннему книгохранилищу.. .»

Далѣе, высказавъ очень основательные и вполнѣ неоспоримые доводы на счетъ необходимости учредить публичную библіотеку въ Москвѣ, московскій попечитель говорилъ:

«Вотъ почему, если взять все вышесказанное въ соображеніе и присоединить предстоящую возможность положить всему этому основаніе въ Москвѣ, перенесеніемъ учрежденія, никому болѣе въ Петербургѣ ненужнаго и безполезнаго, то самыя слова завѣщателя, характеризующія назначеніе его дара «на благое просвѣщеніе», не могутъ не отвергнуть мысли, чтобы обширный смыслъ пользованія имъ былъ заключенъ въ тѣсную рамку одного города. Окружающія въ то время завѣщателя обстоятельства не могли поселить въ немъ мысли учредить собраніе свое въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Петербурга, но время и успѣхи измѣнили мѣстныя нужды и принесенный даръ остается достояніемъ всей Россіи, и если-бы ему суждено было, постепенно переносясь, положить основаніе, въ нѣсколькихъ пунктахъ пространной имперіи, учрежденіямъ, подобнымъ Публичной императорской библіотекѣ, то можно-ли не сознаться, что лучшей участи нельзя желать памяти всякаго завѣщателя. Чья предсмертная мысль не была бы утѣшена, предвидя, что основаніе, заложенное имъ на берегахъ Невы, разростется со временемъ въ храмѣ просвѣщенія по отдаленнымъ мѣстамъ отечества?...»

Въ заключеніи своей записки, генералъ Исаковъ указывалъ на тѣ матеріальныя средства, помощью которыхъ можно было бы водворить Румянцевскій музей въ Москвѣ, въ домѣ Пашкова, гдѣ до тѣхъ поръ помѣщалась 4-я московская гимназія, и дать ему возможно бо́льшее развитіе.

Съ своей стороны, директоръ Императорской Публичной библіотеки, баронъ М. А. Корфъ, имѣлъ не мало побудительныхъ причинъ къ тому, чтобъ быть довольнымъ переводомъ Румянцевскаго музея изъ Петербурга въ Москву. И во-первыхъ, сколько онъ со страстью любилъ и цѣнилъ созданную, можно сказать, имъ петербургскую Публичную библіотеку, столько же мало онъ любилъ и цѣнилъ Румянцевскій музей. Ему казалось невозможнымъ, чтобъ этотъ музей, лишенный матеріальныхъ средствъ для новыхъ покупокъ, могъ еще на своемъ вѣку процвѣсти и развиться. Онъ казался ему осужденнымъ на неизбѣжный застой и гибель. Представленія о тратахъ на его поддержаніе, какъ неудобоисполнимыя, только безпокоили его

и утомляли, и онъ, естественнымъ образомъ, ничего такъ не желалъ, какъ избавиться отъ него. Присоединить его къ Публичной библіотекѣ—для этого въ библіотекѣ не было свободнаго мѣста, да притомъ въ Румянцевскомъ музеѣ, въ числѣ книгъ, было много повтореній того, что̀ уже въ библіотекѣ было. Именно поэтому, когда императоръ Николай, однажды, особенно озабоченный судьбою Румянцевскаго музея, въ 1851 году Высочайше повелѣлъ сообщить барону Корфу мысль свою: нельзя-ли перевезть книги и всѣ вещи этого музея въ Императорскую публичную библіотеку, помѣстивъ ихъ въ особомъ отдѣленіи, подъ названіемъ «Румянцевскаго», а всѣ дома музеума продать, обративъ вырученную сумму въ пользу Публичной библіотеки, то баронъ Корфъ словесно представилъ императору свои возраженія и дѣло не состоялось.

IV.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ Румянцевскому музею, баронъ Корфъ могъ только радоваться случаю сбыть его съ рукъ. Поэтому, въ представленіи министру отъ 31 декабря 1860 года, онъ высказалъ слѣдующія соображенія, тѣмъ болѣе интересныя, что здѣсь заключается нѣчто въ родѣ критической оцѣнки коллекцій Румянцевскаго музея, съ точки зрѣнія тогдашнихъ распорядителей его судебъ: «Въ настоящее время возникаютъ новые вопросы: 1) имѣетъ-ли правительство право продавать зданіе музеума? 2) имѣетъ-ли оно право разрушить совокупный составъ самыхъ коллекцій, образующихъ этотъ музеумъ? [1]) Первый изъ этихъ вопросовъ не можетъ, кажется, быть разрѣшенъ иначе, какъ утвердительно. Въ актахъ о передачѣ графомъ Румянцевымъ домовъ и коллекцій въ собственность правительства, нигдѣ не выражено условія ни о томъ, чтобы коллекціи, образующія музеумъ, были неразрывно на вѣчныя времена, связаны съ самимъ зданіемъ, въ коемъ онѣ были тогда помѣщены, ни о томъ, чтобы онѣ составляли непремѣнно одно съ тѣмъ зданіемъ цѣлое. Мысль эта не представлялась ни самому завѣщателю, ни брату его, исполнителю его воли, какъ явствуетъ изъ старѣйшаго, по времени, акта въ настоящемъ дѣлѣ—всеподданнѣйшаго прошенія отъ 3 ноября 1827 года, въ которомъ графъ

---

[1]) Этотъ второй вопросъ возникалъ, для барона Корфа, вслѣдствіе предложенія князя Одоевскаго раздать разнообразныя коллекціи графа Румянцева различнымъ ученымъ обществамъ. Б. С.

Сергій Румянцевъ выразился такъ: «Братъ мой покойный, изъявляя мнѣ желаніе свое о составленіи музеума изъ библіотеки и другихъ вещей, имъ собранныхъ, предоставилъ мнѣ выполнить оное по моему произволенію. Въ слѣдствіе сего спѣшилъ я, всемилостивѣйшій государь, привесть къ окончанію предназначенное къ тому строенію». Въ указѣ правительствующему сенату 22 марта 1828 года сказано: «Находящіеся здѣсь въ Петербургѣ, 1-й адмиралтейской части, 4-го квартала, подъ №№ 229 и 196 дома, купленные покойнымъ государственнымъ канцлеромъ, графомъ Румянцевымъ, у англійскаго купца Ѳомы Вара, и завѣщанные имъ вновь учрежденному общественному ученому заведенію, которое долженствуетъ именоваться Румянцевскимъ музеумомъ, повелѣваемъ: въ исполненіе сей воли владѣльца, хотя лишь словесно имъ изъявленной, но утверждаемой свидѣтельствомъ его брата и единственнаго наслѣдника, д. т. с. графа Румянцева, признавать отнынѣ собственностью министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы сіи дома и принадлежащія къ нимъ мѣста, а равно и всѣ доходы съ оныхъ, были всегда употребляемы ни на что иное, какъ на содержаніе или умноженіе коллекцій Румянцевскаго музеума». Изъ отношенія графа Сергія Румянцева отъ 28 сентября 1828 года на имя министра народнаго просвѣщенія, князя Ливена, видно положительно, что, напримѣръ, малый домъ музеума графъ Румянцевъ «никогда не почиталъ надобнымъ собственно для музеума», а «первая мысль моя, продолжалъ онъ, была продать оный, и вырученныя деньги внесть при сдачѣ, какъ капиталъ, могущій всегда быть полезнымъ. Мнѣ кажется, что и ваша свѣтлость [1]) то-же самое теперь сдѣлать можете, поелику въ употребленіи сего другаго дома не настоитъ для музеума необходимости, а пользоваться онымъ для дохода хлопотнѣе, нежели выручить капиталъ, на всякіе нужды готовый». Что музеумскія зданія никогда и со стороны правительства не считались неразрывно связанными съ коллекціями, то̀ доказывается также многими актами. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 13 марта 1830 года министръ народнаго просвѣщенія выразился такъ: «вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивѣйше принять приношеніе д. т. с. графа Румянцева, состоящее изъ различныхъ ученыхъ собраній и двухъ домовъ, что̀ все досталось ему по наслѣдству послѣ брата его, государственнаго канцлера графа Румянцева, и высочайше повелѣть соизволили: наименовавъ сіи собранія Румянцевскимъ музеумомъ, принять его въ вѣ-

---

[1]) Князь Ливенъ, министръ народнаго просвѣщенія въ 1828 году.

домство министерства народнаго просвѣщенія». Въ первоначальномъ учрежденіи Румянцевскаго музеума, обнародованномъ 23 іюля 1833 года, сказано: «§ 1. Оставленное покойнымъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ собраніе печатныхъ книгъ, рукописей, монетъ, минераловъ и другихъ рѣдкостей назначается для общественнаго употребленія, именуясь, по высочайшей волѣ, Румянцевскимъ музеумомъ». Но если изъ сближенія всѣхъ этихъ актовъ и по разуму ихъ слѣдуетъ, что самое строеніе, какъ называлъ графъ Румянцевъ зданіе нынѣшняго музеума, можетъ быть отдѣлено отъ коллекцій, безъ нарушенія воли завѣщателя, и симъ разрѣшается первый изъ вышепредложенныхъ вопросовъ, то тѣми-же актами доказывается, въ отношеніи ко второму вопросу, что самыя коллекціи ни подъ какимъ предлогомъ разрознены быть не могутъ, ибо единственно симъ коллекціямъ, а не занимаемому ими дому присвоено, неоднократно обнародованною высочайшею волею, названіе «Румянцевскаго музеума», очевидно предполагающее ихъ не въ раздробленномъ, а въ цѣльномъ составѣ. Отдѣлить какую-либо часть отъ этого собранія, или разсортировать его гдѣ и какимъ-бы то ни было образомъ, значило-бы разрушить самую идею, которую имѣлъ завѣщатель, передавая его въ собственность правительства. Да и дѣйствительно: каждая изъ коллекцій этого собранія не представляетъ особой, по крайней мѣрѣ численной, значительности. Такъ, напримѣръ, многія изъ славяно-русскихъ рукописей принадлежатъ къ чрезвычайнымъ рѣдкостямъ, служатъ необходимымъ пособіемъ для всѣхъ работъ по русской исторіи и приводятся въ свидѣтельство во всякой сколько-нибудь серьезной книгѣ по этой части, но число ихъ не велико, не болѣе 508; нумизматическій кабинетъ, заключающій въ себѣ также величайшія рѣдкости, равномѣрно не великъ, и скромно помѣщается въ пяти небольшихъ витринахъ; подобно ему и минералогическій кабинетъ отличается не количествомъ, а лишь красотою экземпляровъ; этнографическая коллекція можно сказать ничтожна, но имѣетъ свое, весьма важное, значеніе именно въ Румянцевскомъ музеумѣ, ибо связана съ воспоминаніемъ о частномъ русскомъ человѣкѣ, снарядившемъ на свой счетъ кругосвѣтную экспедицію, съ именами Лисянскаго, Крузенштерна, Коцебу, и съ названіемъ Румянцевскихъ острововъ. Общій составъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ разнообразныхъ, но почему либо замѣчательныхъ, дробей указываетъ не на одинъ тонкій умъ, знаніе дѣла и любовь къ наукамъ и искусствамъ въ собирателѣ, но и на особую цѣль его собранія, и скрѣпляется его именемъ, столь народнымъ въ Россіи. Разрознить эти коллекціи значило бы, уничтоживъ цѣну всего приношенія, нарушить

и волю завѣщателя, утвержденную царскимъ словомъ, а такое нарушеніе не только остановило-бы всякое желаніе со стороны другихъ богатыхъ частныхъ людей къ подобнымъ же подвигамъ, и не только подало бы поводъ къ самымъ неблагопріятнымъ толкамъ, но и въ существѣ дѣла было бы положительнымъ укоромъ для правительства...» «Переводъ Румянцевскаго музея въ Москву, говорилъ далѣе баронъ Корфъ, полагаю, не только не произведетъ никакихъ неблагопріятныхъ пересудовъ въ публикѣ, но, напротивъ, встрѣтитъ общее сочувствіе».

Кромѣ общихъ, изложенныхъ до сихъ поръ, причинъ, побуждавшихъ барона Корфа сильно сочувствовать мысли о переводѣ Румянцевскаго музея въ Москву, у него было еще и нѣсколько спеціальныхъ: онъ надѣялся, что изъ числа суммъ, вырученныхъ за продажу домовъ и которыя онъ опредѣлялъ приблизительно въ 300,000 руб., добрыя двѣ трети (около 200,000 рублей), будетъ отдано дорогой его Публичной библіотекѣ. на нѣкоторыя новыя покупки и предпріятія, которыхъ онъ тогда сильно желалъ. Въ заключеніи своего представленія министру двора онъ предлагалъ: «1) всѣ Румянцевскія коллекціи передать въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, для перемѣщенія ихъ въ нераздѣльномъ составѣ въ Москву. 2) Принадлежащіе въ Петербургѣ Румянцевскому музеуму дома продать съ публичнаго торга или по вольнымъ цѣнамъ. 3) Изъ вырученной суммы, 100,000 перевезти въ Москву нераздѣльно съ самимъ музеумомъ, а остальную употребить: а) на пріобрѣтеніе драгоцѣнной коллекціи Фирковичей, которые безъ сомнѣнія сдѣлаютъ уступку изъ запрошенной цѣны 175,000 рублей [1]); б) на пріобрѣтеніе другой еще, весьма также драгоцѣнной, и, можно сказать, единственной въ мірѣ коллекціи купца Каратаева, за которую онъ проситъ 10,000 рублей, и имѣетъ уже предложеніе отъ Британскаго музеума на 9500 рублей [2]), и в) на изданіе въ свѣтъ нѣкоторыхъ каталоговъ императорской Публичной библіотеки [3]), долженствующихъ принести огромную пользу

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о громадной и несравненной коллекціи древнихъ еврейскихъ рукописей, собиравшейся караимами Фирковичами въ Европѣ и на Востокѣ въ теченіи 30 почти лѣтъ, и предложенной ими въ то время Публичной библіотекѣ для покупки.

[2]) Здѣсь говорится о превосходной и рѣдкой коллекціи старопечатныхъ русскихъ книгъ, числомъ около 500, собранной купцомъ Каратаевымъ въ теченіи 25 лѣтъ

[3]) Здѣсь имѣлось, всего болѣе, въ виду изданіе каталога «Rossica», т. е. коллекціи сочиненій иноязычныхъ писателей о Россіи, задуманной, основанной и собранной барономъ Корфомъ, въ удивительной полнотѣ, въ теченіи 10-лѣтняго управленія его Публичною библіотекою, начиная съ 1849 по тогдашній 1860-й годъ. В. С.

наукѣ и славу самой Россіи, но которыхъ изданіе было до сихъ поръ останавливаемо совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ къ тому средствъ».

Можно-ли обвинять всѣхъ трехъ этихъ дѣятелей, князя В. Ѳ. Одоевскаго, генерала Н. В. Исакова и барона М. А. Корфа за дружныя ихъ усилія уничтожить въ Петербургѣ Румянцевскій музей? Конечно, нѣтъ. Намѣренія ихъ были чисты и благородны, со своей точки зрѣнія они были правы и желали одного хорошаго—но дѣло только въ томъ, что точка зрѣнія-то у нихъ была не вѣрная, и что, употребляя всѣ свои силы на достиженіе, каждый, своихъ спеціальныхъ намѣреній и желаній, они упускали изъ виду многія самыя существенныя стороны вопроса, и, вовсе того не подозрѣвая, предлагали то, чего вовсе не слѣдовало и нельзя было предлагать.

Князь Одоевскій доходилъ даже до того, что предлагалъ Румянцевскій музей не только передать въ Москву, но даже передать географическому или археологическому обществу, совершенно позабывъ, что еще именнымъ высочайшимъ указомъ 22-го марта 1828 года вновь образованный Румянцевскій музей былъ признанъ навсегда государственною собственностью, значитъ не могъ уже болѣе переходить во владѣніе отдѣльныхъ ученыхъ обществъ, которыхъ даже и существованіе вовсе не навсегда обзпечено.

Генералъ Н. В. Исаковъ доказывалъ, что Румянцевскій музей, оставаясь въ Петербургѣ, «не принесетъ никакой пользы благому просвѣщенію», что онъ въ Петербургѣ «никому болѣе не нуженъ и безполезенъ»—предсказаніе уже слишкомъ смѣлое и опредѣленіе для одного человѣка, отдѣльно взятаго, наврядъ-ли возможно, и все это потому только, что, съ жаромъ заботясь объ учрежденіи Публичной библіотеки въ Москвѣ, и имѣя прежде всего въ виду книги, генералъ Исаковъ упустилъ изъ виду великолѣпное собраніе Румянцевскихъ рукописей, и, повидимому, приписывалъ имъ лишь слишкомъ малое значеніе.

Баронъ М. А. Корфъ точно также впадалъ въ эту самую ошибку и, въ то же время, вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ и генераломъ Н. В. Исаковымъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ правѣ переносить Румянцевскій музей, по произволенію, куда угодно. Онъ былъ убѣжденъ, конечно, вполнѣ искренно, что этимъ ничуть не нарушается воля завѣщателя, покойнаго канцлера графа Румянцова; онъ старался доказывать, что если разсматривать подлинныя слова, выразившія эту волю, въ нихъ нигдѣ не найдешь той мысли, чтобъ Румянцевскій музей долженъ былъ оставаться навѣки въ неразрывной связи съ домомъ Румянцева и городомъ Петербурга,—но при этомъ онъ оставлялъ совершенно въ сторонѣ и то, что въ словахъ обоихъ братьевъ

графовъ Румянцевыхъ нигдѣ не было высказано, чтобъ пожертвованныя ими коллекціи могли быть устроены гдѣ угодно, въ Петербургѣ или другомъ городѣ нашего отечества, а высказать это было бы такъ легко, хотя бы графу Сергѣю Румянцову! Нѣтъ, въ совершенную противуположность доводамъ барона Корфа, документальные факты убѣждаютъ, что графы Румянцовы имѣли въ виду спеціально одинъ только городъ Петербургъ, и не предназначали своихъ собраній никакому другому городу въ Россіи.

Въ минуту передачи музея правительству, графъ Сергѣй Румянцовъ имѣлъ въ виду продать только «малый» домъ, и никогда «большой», главный. Оно и понятно: въ «маломъ» домѣ жили, при канцлерѣ, его родственники (тетка Нарышкина и другіе), знакомые и прислуга. Поэтому онъ нисколько не считалъ его существеннымъ, и предлагалъ министру просвѣщенія, князю Ливену, продать его. Но ничего подобнаго онъ никогда и нигдѣ не высказывалъ про «большой», про «главный» домъ, гдѣ прежде жилъ и собиралъ свои сокровища канцлеръ Румянцовъ, и который онъ пожелалъ передать своему отечеству.

Надо замѣтить, что послѣ смерти канцлера, его братъ, графъ Сергѣй, имѣлъ первоначально въ виду предназначить свои коллекціи исключительно въ пользу «учащемуся юношеству благороднаго сословія». Во всеподданнѣйшей просьбѣ своей отъ 3 ноября 1827 года онъ говорилъ: «Заведенія таковыя, когда назначаются ко всеобщему употребленію, бываютъ сопряжены завсегда съ затрудненіями и неудобствами, рано или поздно ихъ разрушающими; для избѣжанія сего жребія желалъ-бы я, всемилостивѣйшій государь, чтобы пользованіе всего того, что музеумъ содержитъ, было распространено единственно на юношество благородное, воспитывающееся въ учрежденіяхъ, столь отечески призираемыхъ вашимъ императорскимъ величествомъ. Драгоцѣнный разсадникъ россійскаго рыцарства будетъ тогда не только пользоваться средствами ученія, но отъ императорскаго покрова пріобрѣтать прочность и умноженіе сихъ пособій. Ласкаюсь я даже, всемилостивѣйшій государь, и тою надеждою, что высочайшій юноша государь наслѣдникъ, оказывающій теперь уже самое горячее покровительство сей современной ему молодости, будетъ предъ вами, всемилостивѣйшій государь, всегдашнимъ еще за нее предстателемъ...» Именно вслѣдствіе такого предназначенія графомъ Сергѣемъ Румянцевымъ Румянцевскаго музея для учащагося юношества, были, по высочайшему повелѣнію, назначены для пріема отъ него музея два лица: министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, и главный директоръ пажескаго и кадетскихъ корпусовъ,

генералъ-адъютантъ Демидовъ, первый—какъ завѣдующій всѣми гражданскими, второй—какъ завѣдующій всѣми военными учебными заведеніями. Но уже спустя немного дней, въ запискѣ, поданной начальнику главнаго штаба, отъ 28 ноября 1827 года, генералъ-адъютантъ Демидовъ писалъ: «Отдавая справедливость сему великодушному пожертвованію и будучи исполненъ равнаго уваженія къ первому государственному сословію, я поставляю, однако-же, долгомъ моимъ изъяснить, что таковымъ назначеніемъ музея на пользу русскаго дворянства, обучающагося въ государственныхъ заведеніяхъ, стѣсняется польза, которую могло-бы принести въ кругу учености столь знаменитое заведеніе, ибо музеумъ графа Румянцева по составу своему принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ заведеніямъ, которыя подаютъ матеріалъ и способы для глубокихъ ученыхъ розысканій по части исторіи, этнографіи, археологіи, нумизматики и другихъ высшихъ свѣдѣній, не принадлежащихъ къ кругу образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Если-же означенный музеумъ переданъ будетъ въ вѣдомство начальства корпусовъ съ тѣмъ, чтобы оный открытъ былъ для всѣхъ желающихъ пользоваться пособіями, въ томъ хранящимися, тогда управленіе онаго составитъ особенную обязанность для начальства корпусовъ, а содержаніе онаго, сколько предвидѣть можно, потребуетъ издержекъ. Вслѣдствіе сего я полагаю, что оное заведеніе, какъ по употребленію ученыхъ пособій, въ ономъ находящихся, такъ и по экономическому управленію онаго, съ большею удобностью могло-бы быть передано въ министерство народнаго просвѣщенія». На сдѣланное ему вслѣдствіе этого предложеніе, графъ С. П. Румянцевъ далъ свое согласіе, и музей поступилъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Но при этомъ онъ объявилъ, что «польза отъ заведеній, подобныхъ сему музеуму, бываетъ вѣрнѣе и дѣйствительнѣе, когда они доступнѣе для многихъ, а потому онъ желаетъ, чтобы Румянцевскій музеумъ былъ общественнымъ и открытъ для публики, хотя одинъ разъ въ недѣлю; также чтобы россійская академія имѣла свои публичныя засѣданія въ большой залѣ музеума, и чтобы всѣ прочія ученыя и высшія учебныя заведенія могли пользоваться всѣми предметами, въ музеѣ находящимися, а книги брать подъ росписку своихъ начальствъ...» (Отношеніе товарища министра народнаго просвѣщенія, Д. Н. Блудова, къ министру народнаго просвѣщенія, адмиралу Шишкову, отъ 9 марта 1828). Этотъ послѣдній документъ не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что у графа Румянцева не было въ головѣ даже и мысли о возможности перенесенія музея изъ Петербурга въ другое мѣсто, а потому и не имѣлъ ни малѣйшей надобности выражать «запрещеніе»

перемѣщать свой музей изъ Петербурга въ другое мѣсто: безъ сомнѣнія, ни Россійская академія, ни иныя петербургскія ученыя и учебныя заведенія, имъ упоминаемыя, никогда не имѣли въ виду трогаться изъ Петербурга, а значитъ не могъ трогаться съ мѣста и Румянцевскій музей, гдѣ даритель желалъ основать навсегда ихъ засѣданія.

Сверхъ того, въ именномъ указѣ 22 марта 1828 года было высказано, что «домà Румянцевскаго музеума и принадлежащія къ нимъ мѣста, а равно всѣ доходы съ оныхъ должны быть всегда употребляемы только на содержаніе и умноженіе коллекцій Румянцевскаго музеума». Доходы съ домовъ и мѣстъ навсегда—это также показываетъ намѣреніе, чтобъ эти дома и мѣста оставались неприкосновенными. Такимъ образомъ, вполнѣ ясна мысль, какъ завѣщателя графа Румянцева, такъ и самаго правительства, принявшаго его даръ.

Румянцевскій домъ явно считался «прикрѣпленнымъ» къ Румянцевскому музею, а оба они—прикрѣпленными къ Петербургу. Поэтому, всѣ доводы барона Корфа въ противоположномъ направленіи являлись явными натяжками, и насильственнымъ извращеніемъ истинныхъ намѣреній и желаній завѣщателей.

Однакоже, возвратимся къ прерванному, на минуту, изложенію хода дѣла о переводѣ Румянцевскаго музея изъ Петербурга въ Москву.

V.

Разсмотрѣвъ представленіе директора Публичной библіотеки, министръ двора призналъ всѣ изложенные въ немъ доводы вполнѣ основательными, и внесъ дѣло въ комитетъ министровъ.

Въ засѣданіи 9 мая 1861 г. комитетъ министровъ единогласно призналъ, что «по буквальному смыслу имѣющихся въ дѣлѣ актовъ (всеподданнѣйшаго письма графа С. П. Румянцева 3 ноября 1827 г., высочайшаго рескрипта на его имя 3 января 1828 г. и именнаго высочайшаго указа сенату 22 марта 1828 г.) въ нихъ не видно непремѣннаго условія, чтобы принадлежащія музеуму коллекціи были неразрывно связаны съ самыми зданіями онаго, равно о всегдашнемъ оставленіи того музеума въ Петербургѣ, а потому и переводъ его въ другое мѣсто можетъ быть признанъ не противорѣчащимъ волѣ учредителей музеума». Что касается втораго вопроса, о переводѣ Румянцевскаго музеума именно въ Москву, комитетъ находилъ, что «дальнѣйшее оставленіе музеума въ занимаемомъ имъ зданіи, безъ капитальныхъ

исправленій, на которыя музеумъ не имѣетъ ни запаснаго капитала, ни другихъ средствъ, представляется невозможнымъ. Вмѣстѣ съ симъ, переводъ Румянцевскаго музеума въ Москву, въ домъ 4-й гимназіи, на основаніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ генералъ-маіора Исакова и одобренныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, въ совокупности съ предположеніемъ объ учрежденіи въ томъ-же домѣ публичной библіотеки и музеума, въ которыхъ ощущается въ Москвѣ столь настоятельная надобность, представляется дѣломъ удобнымъ, и вполнѣ соотвѣтствующимъ цѣли завѣщателя, выраженной въ сдѣлавшейся историческою фронтонной надписи «На благое просвѣщеніе». По симъ уваженіямъ комитетъ, также единогласно, полагалъ, по окончаніи, на основаніи высочайшаго повелѣнія, строительною конторою министровъ императорскаго двора, оцѣнки какъ домовъ музеума, такъ и принадлежащей онымъ земли, произвести торги и означенныя зданія продать, обративъ затѣмъ вырученную сумму въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія». Въ заключеніи своего положенія, комитетъ министровъ входилъ въ подробности объ употребленіи суммъ, вырученныхъ отъ продажи домовъ Румянцевскаго музея, на устройство и содержаніе его въ Москвѣ, но при этомъ, по большинству голосовъ, полагалъ, что изъ общей суммы не должно быть отдѣляемо никакой части на пріобрѣтеніе коллекцій Фирковича и Каратаева для императорской Публичной библіотеки, такъ какъ въ именномъ высочайшемъ указѣ отъ 22 марта 1828 г. выражено условіе, чтобы «дома Румянцевскаго музеума и принадлежащія къ нимъ мѣста, а равно всѣ доходы съ оныхъ были всегда употребляемы ни на что иное, какъ на содержаніе или умноженіе коллекцій Румянцевскаго музеума», а пріобрѣтенія для Публичной библіотеки являлись «совершенно чуждою для Румянцевскаго музея надобностью».

На журналѣ комитета послѣдовала собственноручная государя императора резолюція: „согласенъ съ большинствомъ“.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Румянцевскій музей былъ переведенъ въ Москву, а драгоцѣнныя коллекціи Фирковичей и Каратаева были куплены, для Публичной библіотеки, по высочайшему повелѣнію, на суммы государственнаго казначейства.

Что-же касается до самыхъ домовъ Румянцевскаго музея въ Петербургѣ, то прошло много времени въ напрасныхъ вызовахъ, черезъ газеты, покупателей. Очень долго никто на торги не являлся, и только уже гораздо позже перевода музея въ Москву, съ 1862-го на 1863-й годъ, дома эти были куплены бывшимъ редакторомъ «Сына Отечества», Старчевскимъ. Онъ пустилъ дома на частныя квартиры, но,

по слухамъ, траты его на передѣлки вовсе не достигали тѣхъ громадныхъ цифръ, какими всегда грозили архитекторы и строительныя коммисіи, когда, прежде того, рѣчь заходила о починкахъ Румянцевскаго музеума.

VI.

Пока рѣшалась, въ началѣ 1861 года, участь Румянцевскаго музеума, я, что̀ касается до меня лично, чуть-чуть не поплатился очень тяжко за то участіе, которое принялъ-было съ самаго начала въ его судьбѣ. Баронъ Корфъ, подъ начальствомъ котораго я тогда служилъ, случайно узналъ о заявленіяхъ петербургскихъ академиковъ и профессоровъ, назначавшихся для печати, и о запискѣ, написанной и назначенной для членовъ комитета министровъ; онъ узналъ, что во всемъ этомъ я также принималъ участіе, вмѣстѣ съ другими. Это показало̀сь ему чѣмъ-то въ родѣ измѣны или предательства съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи всей моей службы при немъ онъ постоянно осыпалъ меня знаками своей искренней симпатіи и самаго сердечнаго расположенія. Онъ мнѣ высказалъ это въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Публичную библіотеку. Я былъ глубоко пораженъ и огорченъ, но тотчасъ-же написалъ ему довольно объемистую записку, гдѣ высказывалъ свои резоны, и старался не столько свою собственную личность выгородить, сколько выяснить то дѣло, которое казалось мнѣ справедливымъ. Я твердо былъ убѣжденъ, что баронъ Корфъ, всегда благородный, честный и великодушный, всегда дающій своимъ подчиненнымъ высказываться и не стѣсняющій ихъ никакою начальническою рутиною, если не согласится съ моимъ образомъ мыслей, то, по крайней мѣрѣ, оцѣнитъ его мотивы. И я не ошибся. На поляхъ моей записки (помѣченной его рукою: „8-го марта 1861 г.“) баронъ Корфъ сдѣлалъ отмѣтки карандашемъ, которыя я храню, какъ драгоцѣнный матеріалъ для біографіи его, какъ одного изъ самыхъ свѣтлыхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Я представлю здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ отмѣтокъ; онѣ имѣютъ и прямое отношеніе къ изложенному выше дѣлу Румянцовскаго музея, и живо обрисовываютъ прекрасную, гуманную, симпатичную личность барона Корфа, представлявшаго такое свѣтлое и блестящее исключеніе среди общаго бюрократическаго нашего міра прежняго времени. Высказавъ, въ началѣ, какъ мнѣ мучительно видѣть измѣненіе, съ его стороны, въ отношеніи ко мнѣ, послѣ стольких лѣтъ величайшей симпатіи, довѣрія и даже привязанности, которыми я гордился, я продолжалъ:

„Я, конечно, съ самаго же начала предвидѣлъ эту тяжкую минуту объясненія, которая сегодня для меня наступила. Я никогда не думалъ избѣгать ея, но вопросъ для меня состоялъ только въ томъ: искать-ли съ вашимъ высокопревосходительствомъ объясненія по этому дѣлу, какъ можно раньше, или какъ можно позже? Все меня принуждало къ послѣднему — я такъ и поступилъ. Мое величайшее несчастіе заключается въ томъ, что я слишкомъ поздно узналъ о проектѣ перевода Румянцевскаго музея въ Москву: я узналъ о немъ только тогда, когда все дѣло было уже окончательно рѣшено, и представленіе находилось въ рукахъ у государя императора. Еслибъ мнѣ удалось узнать о томъ хотя въ самую послѣднюю минуту, я бы кажется сдѣлалъ все возможное, чтобъ задержать представленіе. Я бы въ ту же минуту бросился къ вамъ, просилъ бы, умолялъ бы, и говорилъ бы: ради Бога, ваше высокопревосх., остановите это представленіе. Если это дѣло совершится, оно будетъ для Петербурга — вредно, для Москвы — безполезно, лично для васъ — будетъ пятномъ въ вашей біографіи, столь чистой, благородной и славной — вотъ что́ я говорилъ бы. Но было уже поздно. Представленіе было послано. Поправить было уже нечѣмъ. Послѣ этого я спрашиваю: къ чему послужило бы искать объясненія съ вами по этому предмету, когда не было уже возможности возвратиться назадъ? Къ чему послужило бы тогда мое о немъ представленіе вамъ? Я былъ бы только связанъ по рукамъ и по ногамъ, и не былъ бы болѣе въ состояніи спасать самое дѣло, помогать ему сколько могу. Спасать же его — я считалъ долгомъ совѣсти, признавая эго національнымъ“...

Противъ этихъ строкъ баронъ Корфъ написалъ:

„Обязанность ваша, какъ вѣрнаго русскаго, была, конечно, думать болѣе о дѣлѣ, нежели о моемъ лицѣ; но смѣю васъ завѣрить моимъ словомъ, что съ моей стороны никогда не было бы препятствія свободѣ вашихъ дѣйствій, если бы вы и послѣ моего представленія сообщили мнѣ о вашихъ сомнѣніяхъ“.

Далѣе я излагалъ свое убѣжденіе, что не могъ баронъ Корфъ, по собственному только почину, прійти къ мысли сдѣлаться вдругъ „мачихой“ Румянцевскаго музея, выбросить его вонъ изъ Петербурга (подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ мало пользы здѣсь приноситъ!), велѣть продать съ публичнаго торга монументъ историческій — домъ, гдѣ жилъ самъ Румянцевъ и который онъ подарилъ русскому народу; я выражалъ мысль, что его къ этому склонили люди, смотрящіе на національные музеи, какъ на связки канцелярскихъ дѣлъ или аристократическую посуду, которыя можно по волѣ какого-нибудь директора департамента или метръ д'отеля перебрасывать изъ одного мѣста въ другое, что его къ этому уговорили великосвѣтскія и служебныя его связи. Противъ этихъ строкъ баронъ Корфъ написалъ:

„Никогда еще я не покорялся подобнымъ причинамъ. Меня „уговорило“ только желаніе быть полезнымъ Россіи, а не моему углу“.

Въ концѣ я говорилъ, что теперь у насъ у всѣхъ слишкомъ мало чувства историческаго: но и мы всѣ скоро уразумѣли-бы истину,

когда насъ научили-бы уму-разуму иностранныя газеты, начавшія-бы вдругъ насмѣхаться надъ нами и нашимъ переваживаніемъ изъ одного города въ другой такихъ монументовъ, которые они у себя держали-бы чуть ни подъ стекломъ. Я кончалъ такъ:

„И потому я рѣшился: что бы сначала ни подумали, въ чемъ бы меня сначала ни обвиняли, примкнуть къ оппозиціи, стараться всѣми силами, чтобъ это дѣло рухнуло и не оставило никакого слѣда.... потому что дорожу чувствомъ законности и національнаго уваженія къ такому подвигу, какъ Румянцевскій. Но какой бы ни былъ результатъ, я чувствую, что дѣйствовалъ честно и справедливо, и что работалъ на дѣло общее и на дѣло частное, ваше собственное, дѣло вашей репутаціи, для выставленія которой во всемъ ея истинномъ свѣтѣ я не задумался бы рѣшиться на что нибудь и еще болѣе трудное и тягостное".

Противъ этихъ строкъ баронъ Корфъ написалъ:

—„Не могу иначе какъ благодарить за это, хотя смѣю думать, что образъ дѣйствія могъ бы быть и другой".

Послѣ этого, баронъ Корфъ возвратилъ мнѣ свое прежнее расположеніе, и самыя симпатичныя, самыя душевныя отношенія его ко мнѣ не нарушались болѣе до самаго конца его жизни.

В. В. Стасовъ.

С.-Петербургъ.
1882 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II

въ эпоху войны 1855 г.

Печатаемыя здѣсь новыя данныя для жизнеописанія Императора Александра II и исторіи его царствованія, за исключеніемъ весьма немногихъ изъ нихъ отрывковъ, впервые являются въ печати. Письма эти драгоцѣнны для освѣщенія нравственной личности незабвеннаго Государя, пережившаго, въ первые же мѣсяцы по восшествіи его на престолъ, величайшія испытанія, какія только могутъ выпасть на долю державнаго вождя. Молодой Государь оказался вынужденнымъ продолжать губительнѣйшую войну, не имъ начатую,— продолжать, имѣя во главѣ армій духомъ немощныхъ, растерянныхъ полководцевъ, каковыми оказались кн. М. Д. Горчаковъ въ Севастополѣ и кн. И. Ѳ. Паскевичъ—во главѣ западной арміи; съ войсками, плохо вооруженными, ежедневно таявшими подъ адскимъ огнемъ непріятеля сильнаго и искуснаго. Средства къ оборонѣ почти истощены; самыя извѣстія съ мѣста боя Государь получаетъ зачастую не иначе, какъ чрезъ Парижъ, такъ какъ по Россіи даже еще телеграфъ оказался не вполнѣ проведеннымъ...

Но Верховный Вождь—вполнѣ на высотѣ достоинства монарха русскаго государства. Онъ вѣруетъ въ правоту своего дѣла, горячо вѣруетъ въ преданность и несокрушимость своего народа и, весь охваченный пламенемъ войны, не хочетъ ни на одну пядь поступиться достоинствомъ и честью Россіи...

Это драгоцѣнное собраніе документовъ сообщено намъ 4-го января 1882 года — маститымъ историкомъ „Восточной войны 1853 — 1856 годовъ“, М. И. Богдановичемъ. Ред.

Императоръ Александръ Николаевичъ—князю М. Д. Горчакову [1]).

С.-Петербургъ, 8-го марта 1855 г.

...Въ Вѣнѣ начались переговоры безъ участія Пруссіи, вопреки ея желаніямъ. Я бѣды въ этомъ не вижу, ибо чѣмъ болѣе ее оскорбляютъ, тѣмъ болѣе она льнетъ къ намъ, и потому съ этой стороны мы можемъ считать себя обезпеченными. Эрцъ-герцогъ Вильгельмъ уѣхалъ отсюда, какъ кажется, съ добрыми намѣреніями. Я высказалъ ему всю истину и просилъ передать молодому императору, чтò я надѣюсь, онъ и исполнитъ. Не смотря на всѣ его дружескія увѣренія, я никакой вѣры къ нему не имѣю и потому ожидаю и готовлюсь на худшее.

Въ прошедшую субботу отдали мы послѣдній долгъ останкамъ нашего общаго Благодѣтеля [2]).—Что во мнѣ происходило вы легко поймете. Здоровье бѣдной матушки, благодаря Бога, поддерживается.

Обнимаю васъ, любезный князь, отъ души: да благословитъ васъ Богъ. Всѣмъ нашимъ мой поклонъ.

Васъ искренно любящій Александръ.

С.-Петербургъ, 20-го марта 1855 г.

....Я совершенно одобряю намѣреніе ваше дѣйствовать съ терпѣніемъ и осторожностію до прихода подкрѣпленій; оно вполнѣ согласно съ моими мыслями. Три новыхъ укрѣпленія [3]), возведенныхъ подъ носомъ непріятеля, есть уже весьма важный результатъ; жаль только, что устройство ихъ не было исполнено тремя мѣсяцами раньше, на что незабвенный нашъ благодѣтель неоднократно указывалъ князю Меншикову. Въ то время и уронъ былъ бы вѣроятно не столь значительный, какъ теперь. Дай Богъ только, чтобы намъ удалось въ нихъ удержаться [4]).

---

[1]) Слова, напечатанныя разрядкой, подчеркнуты въ подлинникахъ.

[2]) Императоръ Николай Павловичъ.

[3]) Упомянутыя здѣсь государемъ укрѣпленія назывались: Селенгинскій и Волынскій редуты и Камчатскій люнетъ.

[4]) Нѣчто подобное предлагалъ также князь Варшавскій въ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 13-го ноября 1854 г. Императоръ Николай отвѣчалъ свѣтлѣйшему слѣдующее (17-го ноября): „Твой планъ обороны, слово отъ слова, тотъ, который я уже не разъ просилъ Меншикова принять, но до нынѣ безъ успѣха, а зачѣмъ не знаю? Между тѣмъ время течетъ, и резервы къ непріятелю подоспѣютъ, намъ же нечего болѣе посылать! Изъ этого увидишь, что ничего еще хорошаго предвидѣть нельзя“. Ред.

Вѣнскіе переговоры продолжаются; первые два пункта рѣшены довольно удовлетворительно, о 3-мъ, самомъ главномъ, идутъ теперь разсужденія, которыя сомнѣваюсь, чтобы привели къ хорошему результату, ибо, сколько извѣстно, претензіи союзниковъ невыполнимы [1]). Главный вопросъ будетъ въ томъ: устоитъ ли Австрія и объявитъ ли она себя неутральною или рѣшительно присоединится къ нашимъ врагамъ. Я готовлюсь къ худшему и потому рѣшилъ составить среднюю армію на Волынѣ [2])....

С.-Петербургъ, 29-го марта 1855 г.

....Въ Вѣнѣ покуда новаго ничего нѣтъ; переговоры остановились на самомъ важномъ 3-мъ пунктѣ; враги наши желали, чтобы инціатива предложеній была сдѣлана мною, дабы потомъ взвалить на меня вину разрыва. Я приказалъ отвѣчать имъ, что буду ожидать ихъ предложеній—посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Повторяю, что я ничего хорошаго не предвижу....

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля.

....И такъ вотъ уже 7-й день какъ продолжалось бомбардированіе [3]). Да подкрѣпитъ Богъ геройскихъ защитниковъ Севастополя, уповаю на его милость, что онъ благословитъ наши усилія отстоять его и можетъ быть нанести рѣшительный ударъ незваннымъ гостямъ.

Скажите нашимъ молодцамъ, что я и вся Россія ими гордимся и что нашъ незабвенный благодѣтель за нихъ молится и вѣрно свыше также радуется ихъ геройству.

---

[1]) Припомнимъ здѣсь четыре пункта, послужившіе предметомъ переговоровъ въ Вѣнѣ: 1-й пунктъ. Отмѣна русскаго покровительства надъ дунайскими княжествами. 2-й пунктъ. Свободное плаваніе по Дунаю. 3-й пунктъ. Ограниченіе нашего владычества на Черномъ морѣ. 4-й пунктъ. Льготы, предоставленныя христіанамъ.

[2]) Средняя армія была поручена генералъ-адъютанту Панютину, командовавшему 2-мъ пѣхотнымъ курпусомъ.

[3]) Упомянутое здѣсь второе десяти-дневное бомбардированіе Севастополя началось 28-го марта (9 апрѣля), на второй день Свѣтлаго праздника. У насъ въ эти десять дней выбыло изъ строя 6,120 человѣкъ. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ князя М. Д. Горчакова отъ 3-го апрѣля 1855 г., главнокомандующій доносилъ:

„Гарнизонъ Севастополя дѣйствуетъ съ величайшимъ геройствомъ, среди адскаго огня, продолжающагося безпрерывно уже седьмыя сутки. Это говорю я по истинѣ, какъ передъ Богомъ". Ред.

Что во мнѣ происходитъ при чтеніи подробностей этого неслыханнаго бомбардированія, вы легко поймете. Крайне сожалѣю о потерѣ людей и столь многихъ отличныхъ офицеровъ. Да воздастъ имъ Всемогущій Богъ въ той жизни за молодецкую ихъ смерть.

....Переговоры Вѣнскіе, какъ кажется, вмѣсто мира будутъ имѣть результатомъ войну съ Австріею. Предложеніе союзниковъ по 3-му пункту таковы, что мы ихъ принять не можемъ. Завтра должно рѣшиться положеніе Австріи; послѣдняя надежда Горчакова была на аудіенцію у императора. Я же съ своей стороны, какъ давно вамъ писалъ, ожидаю худшаго, т. е. разрыва съ Австріею. Слѣдовательно, будущая недѣля будетъ для насъ рѣшительная на всѣхъ пунктахъ имперіи.

На тя, Господи, уповаемъ, да не постыдимся во вѣки....

С.-Петербургъ, 20-го апрѣля 1855 г.

....Послѣднія депеши изъ Вѣны весьма неудовлетворительны; предложенія союзниковъ по 3-му пункту таковы, что мы рѣшительно не можемъ ихъ принять. Австрія же, не смотря на всѣ свои обѣщанія, поддерживаетъ претензіи нашихъ враговъ [1]) и Горчаковъ не могъ доселѣ добиться давно просимой имъ аудіенціи у императора. Изъ всего этого я заключаю, что на дняхъ мы должны получить рѣшительныя извѣстія изъ Вѣны, т. е. что Австрія намъ также объявитъ войну.

Надѣюсь, что Пруссія устоитъ, ибо въ противномъ случаѣ положеніе наше будетъ еще опаснѣе теперешняго.....

С.-Петербургъ, 26-го апрѣля 1855 г.

....Признаюсь, весьма больно получать чрезъ Парижъ прежде вѣсти о томъ, что дѣлается у насъ передъ Севастополемъ [2]), благодаря подводному телеграфу изъ Балаклавы въ Варну.

Надѣюсь, что въ первыхъ числахъ мая и нашъ телеграфъ будетъ готовъ до Николаева, тогда, по крайней мѣрѣ, мы будемъ на вторыя сутки получать ваши донесенія.

---

[1]) Императоръ Николай, изъявивъ согласіе на открытіе вѣнскихъ переговоровъ, настаивалъ на томъ, чтобы не было предложено ничего несовмѣстнаго съ честію и правами Россіи. Императоръ Францъ-Іосифъ обязался въ томъ честнымъ словомъ.

[2]) Въ упомянутой здѣсь телеграфической депешѣ сообщалось извѣстіе о взятіи французами заваловъ передъ 5-мъ бастіономъ, вечеромъ 19-го апрѣля (1-го мая). Ред.

....Изъ Вѣны новаго ничего нѣтъ; конференція мнимо еще существуетъ, но, послѣ отъѣзда Росселя и Друэна, вновь не собиралась и Горчаковъ доселѣ еще не былъ принятъ императоромъ. — Видно совѣсть не чиста.

С.-Петербургъ, 2-го мая 1855 г.

....Изъ Вѣны мы ничего не имѣемъ еще рѣшительнаго. На-дняхъ конференція должна вновь собраться, для выслушанія австрійскихъ предложеній на 3-й пунктъ, съ которыми, какъ кажется, союзники не совершенно согласны. Я остаюсь при прежнемъ своемъ убѣжденіи, что всѣ эти переговоры были одна фарса и что кончится все-таки общей войной съ Австріею и частью Германіи; говорю частью, ибо покуда надѣюсь еще, что Пруссія устоитъ...

Царское Село, 8-го мая 1855 г.

....На счетъ отвѣтственности вашей предъ Россіею, если суждено Севастополю пасть—совѣсть ваша можетъ быть спокойна; вы наслѣдовали дѣла не въ блестящемъ положеніи, сдѣлали съ вашей стороны, для поправленія ошибокъ, все, что было въ человѣческой возможности; войска подъ вашимъ начальствомъ покрыли себя новою славою, безпримѣрною въ военной исторіи, чего же больше?—Прочее въ волѣ Божіей! [1]).

Бросить теперь же Севастополь, не дождавшись штурма, хотя, можетъ быть, съ одной стороны и предоставляетъ нѣкоторыя выгоды, но съ другой оно столь затруднительно въ физическомъ исполненіи, и въ моральномъ отношеніи можетъ имѣть столь пагубныя послѣдствія, что я радуюсь, что вы мысли этой не дали ходу.

....То, что вы пишете военному министру на счетъ уступокъ съ нашей стороны при вѣнскихъ переговорахъ, для скорѣйшаго дости-

---

[1]) Для характеристики князя М. Д. Горчакова и его плачевной стратегіи приведемъ нижеслѣдующій отрывокъ изъ письма его военному министру, князю В. А. Долгорукову, обрисовывающій его полнѣйшій упадокъ духа:

„Je ne sais pas quel crime, moi ou les miens, nous avons commis pour avoir mérité d'avoir reçu le fatal héritage que m'a laissé Menschikoff; mais le fait est que ma position sera bien cruelle si l'ennemi a un peu de bon sens et de nerf... J'attends de Votre amitié que Vous me justifierez dans l'opinion de mon pays des revers sanglants que nous pourrons éprouver. Vous savez mieux que personne qu'il n'y a pas de ma faute“. Ред.

женія мира, нами уже сдѣлано поколику оно совмѣстно съ достоинствомъ Россіи. На дальнѣйшія уступки я ни подъ какимъ видомъ не соглашусь, ибо вотъ уже второй годъ, что благодаря этой системѣ, вмѣсто того, чтобы удержать Австрію въ прежнемъ направленіи, она дѣлалась все невоздерженнѣе въ своихъ требованіяхъ и, наконецъ, почти совершенно передалась на сторону нашихъ враговъ. При всемъ томъ, видя теперь, что мы не боимся войны съ нею, я не полагаю, чтобы она рѣшилась открыто дѣйствовать противъ насъ.

Посему разрѣшаю вамъ, если вы признаете нужнымъ, передвинуть часть южной арміи къ Перекопу, или даже въ самый Крымъ. Рѣшаюсь на это въ томъ уваженіи, что лучше рисковать временно жертвовать Бессарабіею, чѣмъ потерять Крымскій полуостровъ, котораго обратное овладѣніе будетъ слишкомъ затруднительно или даже невозможно...

Царское Село, 14-го мая 1855 г.

....Австрійскія новыя предложенія на 3-й пунктъ, о которыхъ такъ давно говорятъ, намъ еще неизвѣстны; онѣ должны быть представлены конференціи на-дняхъ, но я путнаго ничего не ожидаю. Да подкрѣпитъ насъ Богъ!..

Царское Село, 25-го мая 1855 г.

....Сегодня получили мы изъ Вѣны извѣстіе объ окончательномъ закрытіи переговоровъ, вслѣдствіе отказа союзниковъ на принятіе австрійскихъ предложеній. Любопытно будетъ знать, на что рѣшится теперь Австрія. На-дняхъ должно все объясниться.

Дай Богъ, чтобы до того въ Крыму мы могли имѣть успѣхъ. Надѣюсь на милость Божію и на васъ...

Царское Село, 30-го мая 1855 г.

....Послѣднія извѣстія изъ Вѣны, благодаря Бога, весьма удовлетворительны; теперь есть, кажется, надежда, что Австрія останется нейтральною, если только достанетъ ей довольно твердости, чтобы устоять противъ всѣхъ угрозъ союзныхъ державъ, которыя употребятъ вѣроятно всѣ возможныя средства, дабы вовлечь ее въ войну съ нами.

Если надежды эти сбудутся, въ чемъ, къ сожалѣнію, послѣ столь

многихъ горестныхъ опытовъ, я полнаго удостовѣренія не имѣю, то положеніе наше значительно улучшится и тогда можно будетъ еще болѣе васъ усилить для нанесенія рѣшительнаго удара врагамъ нашимъ на югѣ... [1]).

Императоръ Александръ Николаевичъ—князю Варшавскому.

Царское Село, 25-го мая 1855 г.

Такъ какъ военныя обстоятельства въ Крыму принимаютъ все болѣе и болѣе грозный видъ, то я долженъ былъ рѣшиться, любезный князь Иванъ Ѳедоровичъ, разрѣшить князю Горчакову притянуть къ себѣ все, что онъ сочтетъ для себя нужнымъ изъ войскъ Южной арміи. Въ слѣдствіе этого онъ уже двинулъ къ Перекопу три дивизіи: 7-ю дѣйствующую, 7-ю и 15-ю резервныя. Такимъ образомъ у генералъ-адъютанта Лидерса осталось, кромѣ $3^1/_2$ легкихъ кавалерійскихъ дивизій, всего только одна 15-я пѣхотная дивизія и нѣсколько резервныхъ бригадъ.

Изъ сего вы усмотрите, что южная армія въ теперешнюю минуту почти не существуетъ и если союзники предпримутъ что либо со стороны Бессарабіи, то намъ придется отступить безъ боя. Считая сохраненіе Крыма вопросомъ первѣйшей важности, я долженъ былъ изъ двухъ золъ выбрать меньшее, и жертвуя, можетъ быть, временно Бессарабіею, употребить всѣ усилія для нанесенія союзникамъ, если Богъ поможетъ, рѣшительнаго удара въ Крыму.

Оставлять мнимую южную армію въ теперешнемъ ея положеніи на долгое время также нельзя, поэтому я приказалъ часть войскъ, предназначавшихся въ составъ средней арміи, передвинуть на югъ, а именно: запасную дивизію 4-го пѣхотнаго корпуса и 4-ю и 5-ю пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею [2])...

---

[1]) Трудно было ожидать побѣдъ отъ полководца, не имѣвшаго никакой вѣры въ собственныя мысли и смотрѣвшаго на себя, какъ на козла отпущенія чужихъ прегрѣшеній, о чемъ онъ не переставалъ твердить военному министру. Въ письмахъ своихъ онъ является какимъ-то плачущимъ Іереміей, сокрушеннымъ старцемъ, взывающимъ даже къ смерти, какъ къ избавительницѣ отъ гнетущей его дѣйствительности. Одно появленіе его въ Севастополѣ было равносильно обреченію города-славы на гибель. Зная князя Горчакова по подвигамъ дунайской кампаніи, войска приняли его въ Крыму съ ледянымъ равнодушіемъ. Такъ повѣствуетъ даже столь скромный въ своихъ сужденіяхъ историкъ, какъ М. И. Богдановичъ („Восточная война“ 1853—1856).

[2]) Въ іюнѣ 1855 г. 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи были также двинуты въ Крымъ. Ред.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова—Императору Александру Николаевичу.

Лагерь при Инкерманѣ, 27-го мая 1855 г.

...... Положеніе мое начинаетъ дѣлаться отчаяннымъ. 25-го непріятель открылъ усиленную канонаду; мы отвѣчали ему съ успѣхомъ и взорвали нѣсколько пороховыхъ погребовъ, а также засыпали много амбразуръ; ночью онъ произвелъ бомбардированіе сильнѣйшее, чѣмъ когда либо; на другой день онъ возобновилъ канонаду, а въ 7 час. вечера повелъ на приступъ три дивизіи, не считая резервовъ, противъ контръ-апрошные редуты наши: Камчатской, Селенгинской и Волынской. Бой завязали самый кровавый; но превосходство непріятеля было слишкомъ велико, и намъ удалось окончательно отбить только одну батарею между Селенгинскимъ редутомъ и бастіономъ № 1. Непріятель понесъ огромный уронъ—дѣйствительно бо́льшій, чѣмъ мы. Но числительное превосходство его столь несоразмѣрно, что потеря для него нечувствительна. Что наши дрались славно, доказательствомъ тому: выбитіе непріятеля изъ Камчатскаго редута, которымъ онъ овладѣлъ только послѣ введенія въ дѣло свѣжихъ резервовъ; взятіе до 275 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ; взятіе у непріятеля двухъ горныхъ орудій, имъ въ поле вывезенныхъ, и наконецъ овладѣніе батареею по ту сторону Килленбалки. Но какая отъ этого польза?! Редуты съ 50 орудіями, хотя большею частію и заклепанными, остались въ рукахъ непріятеля, и что всего хуже, черезъ нѣсколько дней онъ устроитъ на нихъ или около, батареи, которыя пресѣкутъ всякое дневное, а можетъ быть и ночное сообщеніе по бухтѣ; наконецъ у меня съ имѣющимся и ожидающимся порохомъ не болѣе 135,000 выстрѣловъ, по 6 іюня; а тамъ порохъ будетъ подходить малыми, весьма малыми количествами; этого менѣе, чѣмъ на 10 дней, если отвѣчать огню непріятеля хотя въ умѣренной соразмѣрности.

Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе 20,000, урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасъ подумать!

Всемилостивѣйшій государь! — Прибывъ сюда тому восемь недѣль назадъ, я засталъ непріятеля мнѣ превосходнаго числомъ въ неприступной съ тылу укрѣпленной позиціи, охватывающаго городъ своими апрошами и редутами по всему объему его, и находящагося уже въ 60 саженяхъ отъ 4-го бастіона. Теперь послѣ 8 недѣль уто-

мительнѣйшей осады, послѣ выдержанія неслыханнаго бомбардированія, причинившаго намъ огромную потерю въ людяхъ, и особенно въ штабъ- и оберъ-офицерахъ, я вижу непріятеля сново усилившагося, и безпрестанно продолжающаго получать новыя подкрѣпленія. Онъ угрожаетъ прервать сообщенія по бухтѣ, и пороху у меня на десять дней. Я въ невозможности болѣе защищать этотъ несчастный городъ.

Государь, будьте милостивы и справедливы! Отъѣзжая сюда, я зналъ, что обреченъ на гибель, и не скрылъ это передъ лицемъ вашимъ. Въ надеждѣ на какой либо неожиданный оборотъ, я долженъ былъ упорствовать до крайности; но теперь она настала; мнѣ нечего мыслить о другомъ, какъ о томъ: какъ вывести остатки храбрыхъ Севастопольскихъ защитниковъ, не повергнувъ болѣе половины ихъ гибели. Но и въ этомъ мало надежды. Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что можетъ быть отстою полуостровъ. Богъ и В. В. свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч. кн. Горчаковъ [1]).

---

[1]) Въ письмѣ къ военному министру отъ того же 27-го мая 1855 г., іереміады князя Горчакова вылились еще несравненно краснорѣчивѣе въ нескончаемыхъ воздыханіяхъ. Полководецъ ожидаетъ спасенія только отъ холеры и чумы!!!—подобно тому, какъ на Дунаѣ онъ тщетно ломалъ себѣ голову для изобрѣтенія средства побить врага, но не находилъ ничего. («Je me casse la tête pour voir s'il n'y aurait pas moyen de tenter quelque mouvement agressif utile.... Je n'ai encore rien trouvé, peut-être cela viendra-t-il).

Inkermann, 27 mai 1855.

.... Tombé malade avant hier—j'avais cru que Dieu me le pardonne—qu'il m'avait pris en pitié et m'accordait la faveur de ne pas être témoin des suites désastreuses que mon mauvais sort me prépare. Il n'en a pas été ainsi, que sa volonté s'accomplisse. Comment tirer de l'horrible impasse, où nous sommes les 40,000 hommes qui risquent d'être enlevé d'assaut sans avoir de retraite. J'ai attendu jusqu'à l'extrémité pour me décider à évacuer Sevastopol; peut-être ai-je eu tort; mais ne devais-je pas tenir cette ville fatale tant qu'il me restait la moindre lueur d'espoir que quelque circonstance inattendue: la paix, le choléra ou la peste me viendraient en aide. Comment m'y prendrai-je pour l'évacuer, je ne le sais pas encore moi-même, je vous l'écrirai dans trois jours; du reste cette résolution est encore un secret. L'ennemi a été peu nombreux et stupide pendant huit mois; est-ce ma faute s-il a augmenté presque du triple et s'il n'est plus aussi imbécile qu'il l'était.

Inkermann, 31 mai.

.... Je me suis décidé pour le moment à attendre encore quelques jours avec l'évacuation de Sevastopol.

.... Depuis l'armée de Pierre le Grand sur le Pruth, aucune armée russe ne s'est trouvé dans une passe aussi mauvaise que celle où se trouve présentement la mienne. Je crois qu'il n'y á pas de ma faute..... Ред.

Императоръ Александръ Николаевичъ—князю М. Д. Горчакову.

Царское Село, 4-го iюня 1855 г.

Послѣднее письмо ваше, любезный князь, отъ 27-го числа, съ донесенiемъ о взятiи непрiятелемъ, послѣ кровопролитнаго боя, нашихъ контръ-апрошныхъ редутовъ, сдѣлало на меня самое грустное впечатлѣнiе, хотя я уже и былъ къ сему приготовленъ телеграфическими депешами.

Положенiе Севастополя дѣлается чрезъ это еще болѣе критическимъ и мысль вашу оставить этотъ несчастный городъ я понимаю;—но какъ исполнить ее, не подвергнувъ гибели бо̀льшей части его храбраго гарнизона. Вотъ что, признаюсь, озабочиваетъ меня до крайности.

Изъ послѣдняго телеграфическаго донесенiя вашего отъ 31-го числа, я усмотрѣлъ, что непрiятель ограничивался покуда перестроенiемъ одного только Камчатскаго люнета и, по словамъ флигель-адъютанта Олсуфьева, можно полагать, что съ усиленiемъ нашихъ батарей на Сѣверной сторонѣ, ему трудно будетъ укрѣпиться на Инкерманскихъ высотахъ; посему я еще не теряю надежды, что съ Божiею помощью можно будетъ вамъ удержаться, по крайней мѣрѣ, до прихода 7-й дивизiи.

Если же, по волѣ Всевышняго, Севастополю суждено пасть, то я вполнѣ на васъ надѣюсь, что со вновь прибывающими къ вамъ тремя дивизiями, вамъ удастся отстоять Крымскiй полуостровъ.

Защитники Севастополя, послѣ 9-ти мѣсячной не бывалой осады, покрыли себя неувядаемой славой, неслыханной въ военной исторiи; вы съ вашей стороны сдѣлали все, что человѣчески было возможно;—въ этомъ отдастъ вамъ справедливость вся Россiя и вся Европа; слѣдовательно, повторяю вамъ, что уже вамъ писалъ—совѣсть ваша можетъ быть покойна.

Уповайте на Бога и не забывайте, что съ потерею Севастополя, все еще не потеряно. Можетъ быть, суждено вамъ въ открытомъ полѣ нанести врагамъ нашимъ рѣшительный ударъ...

Поручаю вамъ поблагодарить нашихъ молодцовъ за бой 26-го числа; скажите имъ, что я въ нихъ увѣренъ отъ генерала до солдата, что они не посрамятъ чести русской.

Васъ искренно любящiй Александръ.

15-го iюня 1855 г.

...Вы уже знаете о радостномъ впечатлѣнiи, произведенномъ на меня извѣстiемъ о геройскомъ отбитiи штурма 6-го числа.

Воздавъ отъ глубины сердца благодареніе Всевышнему, повторяю вамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ мою искреннюю и душевную благодарность. Безпримѣрные защитники Севастополя покрыли себя въ этотъ день еще новою неувядаемою славою. Скажите имъ, что я и вся Россія ими гордимся.

Военный министръ сообщаетъ вамъ о наградахъ главнымъ вашимъ сотрудникамъ [1]); о прочихъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ вашихъ представленій. Нижнимъ чинамъ, кромѣ того, что вы, вѣроятно, уже дали отъ себя, я посылаю еще по три знака отличія военнаго ордена на роту и 40 знаковъ для раздачи артиллерійской прислугѣ на батареяхъ.

Брянскому егерскому полку, также отличившемуся въ семъ дѣлѣ, приказалъ я именоваться вашимъ именемъ; да послужитъ оно вамъ новымъ доказательствомъ моей искренней и сердечной признательности за ваше самоотверженіе и неусыпную ревность, съ коими вы всегда исполняли и исполняете, среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, всѣ порученія, довѣреніемъ незабвеннаго нашего благодѣтеля и моимъ на васъ возлагаемыя...

Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божіею помощью, что рѣчи не будетъ больше...

Всеподдан. письмо князя Варшавскаго—императору Александру Николаевичу.

Варшава, 30 іюня (12 іюля) 1855 г.

Всемилостивѣйшій государь! По послѣднимъ извѣстіямъ отъ князя Горчакова изъ Вѣны видно, что Австрія покорилась необходимости, понявъ наконецъ свое положеніе, боясь банкрутства и увѣрившись въ безсиліи западныхъ державъ! [2]). Позвольте, всемилостивѣйшій го-

---

[1]) За отбитіе штурма 6-го іюня 1855 г. пожалованы были слѣдующія награды: орденъ св. Георгія 3-й степени генераламъ князю Васильчикову и Тотлебену; графу Сакену и адмиралу Нахимову аренда; орденъ св. Владиміра 2-й степени генералу Хрулеву; шпагу, украшенную бриліантами, контръ-адмиралу Панфилову и генералъ-маіору Шульцу; чинъ генералъ-лейтенанта генераламъ Бутурлину и Семякину; чинъ генералъ-маіора полковнику Шейдеману; супруга генералъ-адъютанта Коцебу была назначена кавалерственной дамой. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ, пожаловано по два рубля.

[2]) 12 (24) іюня 1855 г. распущены были въ Австріи резервы 3-й и 4-й армій, стоявшихъ въ Галиціи, Буковинѣ и Трансильваніи. Дефицитъ простирался въ то время до 100 милліоновъ гульденовъ.

Ред.

сударь, имѣть счастіе принести поздравленіе съ двумя событіями: съ оборотомъ въ Австріи дѣлъ и съ блистательно отбитымъ штурмомъ 6 (18) іюня. Геройское дѣло сіе не только покрыло славой нашъ храбрый гарнизонъ, но имѣло для насъ несомнѣнную пользу, доказавъ хвастливымъ врагамъ, что 9-ти мѣсячныя усилія ихъ остались тщетными. Что я ни думалъ, не могу постигнуть, что предпримутъ союзники, послѣ столь жестокаго пораженія, кажется, что едва-ли они осмѣлятся предпринять что либо важнаго.—Къ несчастію я бывалъ въ отбитыхъ штурмахъ и знаю, какое нравственное вліяніе производитъ неудача на солдата, на офицера и даже на генерала. Наша пѣхота первая въ свѣтѣ, но и она подвергается сему вліянію. Можетъ быть, что союзники и предпримутъ новый штурмъ, но вѣроятно будутъ опять отбиты и едва ли дойдутъ до гласиса. По извѣстіямъ о послѣднемъ штурмѣ кажется, что французы въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ, и то малыми частями, доходили до рва, доказательствомъ сему служитъ малое число плѣнныхъ. Если союзники не выходили до сихъ поръ въ поле, то уже вѣроятно не выйдутъ, ибо встрѣтятъ тѣ же препятствія, т. е. они имѣютъ мало кавалеріи и полевой артиллеріи...

Императоръ Александръ Николаевичъ—князю М. Д. Горчакову.

11-го августа 1855 г. [1]).

...Огромная потеря нашихъ славныхъ войскъ безъ всякаго результата меня крайне огорчаетъ... Но какъ все это ни прискорбно, я не унываю, а, покоряясь безропотно волѣ Божіей, не теряю надежды, что Онъ насъ не оставитъ и что подъ конецъ все-таки наша возьметъ. Разсуждая хладнокровно о теперешнемъ положеніи вещей, я нахожу, что неудача 4-го числа ни въ чемъ не перемѣнила наше взаимное положеніе относительно Севастополя...

Повторяю вамъ, что если суждено Севастополю пасть, то я буду считать эпоху эту только началомъ новой настоящей кампаніи...

[1]) Письмо это было написано Государемъ, по полученіи донесенія отъ князя Горчакова о несчастномъ сраженіи при Черной 4 (16) августа, въ заключеніи котораго главнокомандующій говорилъ: „в. и. в. надобно быть готовымъ на все". Ред.

Императоръ Александръ Николаевичъ—князю Варшавскому.

Царское Село, 19-го августа 1855 г.

.....Послѣднія извѣстія наши изъ Севастополя отъ 16-го вечера; послѣ несчастнаго дѣла 4-го числа ничего особеннаго тамъ не происходило, кромѣ усилившагося бомбардированія, отъ котораго верки наши значительно страдали и уронъ доходилъ въ сутки до 1,000 человѣкъ; теперь огонь сталъ слабѣе и потеря меньше.

Что изъ этого будетъ—трудно предугадать. Неудачная попытка на Черной доказала, что атаковать намъ союзниковъ съ теперешними силами, не ослабляя огромнаго гарнизона крѣпости, трудно, если не невозможно. Между тѣмъ геройскій гарнизонъ Севастополя, съ каждымъ днемъ, таитъ и верки наши приходятъ въ такое положеніе отъ близкаго огня непріятельскаго, что мы уже не успѣваемъ ихъ исправлять.

Весьма желательно, чтобы Севастополь могъ удержаться до октября, ибо къ тому времени Горчаковъ получитъ значительное подкрѣпленіе дружинами ополченія, которыми предполагается дополнить растаявшіе полки 3-хъ или 4-хъ баталіоннаго состава. Тогда будутъ, можетъ быть, шансы въ нашу пользу для наступательныхъ дѣйствій.

Но я не скрываю отъ себя всю трудность положенія Севастополя и потому готовлюсь къ мысли, что можетъ быть придется, для спасенія остатковъ его гарнизона, уничтоживши, по мѣрѣ возможности, наши укрѣпленія и пожертвовавъ остатками нашего флота, очистить южную сторону и ограничиться обороною сѣверной. Разумѣется, къ этой отчаянной мѣрѣ прибѣгнуто будетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Надѣюсь на милость Божію, что до этого не дойдетъ. Но и тогда я не буду считать дѣло потеряннымъ, а какъ началомъ новой кампаніи.

Въ политическомъ отношеніи новаго ничего нѣтъ. Послѣднія депеши изъ Вѣны, вамъ извѣстныя, по моему, доказываютъ только то, въ чемъ я никогда не заблуждался, т. е. что, не смотря на теперешнее обезоруженное положеніе Австріи, намъ на нее долго надѣяться нельзя. До будущей весны, я считаю себя однако обезпеченнымъ съ этой стороны и это уже много. А къ тому времени Богъ знаетъ, что можетъ еще произойти.

Будемъ же крѣпиться, молиться и уповать на помощь свыше. Съ нами Богъ, да не постыдимся во вѣки.

До скораго свиданія.

Обнимаю васъ, любезный князь, отъ всей души. Александръ.

Матушка и жена посылаютъ вамъ сердечный поклонъ.

Москва. 5-го сентября 1855 г.

......По телеграфу вы уже знаете, что я рѣшился ѣхать отсюда въ Николаевъ, поэтому отложилъ поѣздку свою въ Варшаву, до болѣе благопріятнаго времени [1]).

Мнѣ необходимо видѣться съ Лидерсомъ и, если можно, съ самимъ Горчаковымъ, даже условиться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Притомъ считаю сердечною обязанностію лично благодарить славныя войска наши за геройскую оборону Севастополя. Они долгъ свой исполнили свято! не ихъ вина, что труды ихъ не были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ.

......Не смотря на всѣ успокоительныя свѣдѣнія объ уменьшеніи ея арміи [2]), я предвижу, въ особенности теперь, послѣ потери Севастополя, что рано или поздно мы ее встрѣтимъ въ рядахъ враговъ нашихъ. Дай Богъ, чтобы я ошибся въ моихъ опасеніяхъ, но гораздо лучше быть готову къ худшему и принять заблаговременно всѣ мѣры осторожности, чѣмъ быть взяту въ расплохъ.

Посреди сихъ тяжкихъ обстоятельствъ, сердцу моему было отрадно въ родной Москвѣ встрѣтить завѣтный радушный пріемъ. — Да поможетъ намъ Богъ, какъ въ 1812 году, выдержать до конца испытаніе, свыше намъ ниспосылаемое. Я не унываю, а надѣюсь на милость Божію и на общее сочувствіе нашей Руси къ правому нашему дѣлу......

Сообщ. **М. И. Богдановичъ.**

---

[1]) Императоръ Александръ полагалъ быть 17-го сентября 1855 г. въ Варшавѣ, если политическія и военныя обстоятельства не воспрепятствуютъ этой поѣздкѣ.

[2]) Т. е. австрійской арміи. Ред.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

Глава третья [1]).

Записки его объ управлении Сѣверо-Западнымъ краемъ и объ усмирении въ немъ мятежа,

1864 и 1865 гг.

I.

Покончивъ съ мятежемъ и водворивъ полное спокойствіе въ краѣ, я призналъ необходимымъ поѣхать въ Петербургъ и лично доложить Государю о настоящемъ положеніи края и о принятыхъ мною къ обрусѣнію онаго мѣрахъ; при чемъ возобновить и ходатайство мое объ освобожденіи меня отъ дальнѣйшаго управленія тѣмъ краемъ по причинѣ крайне разстроеннаго здоровья.

Я тѣмъ болѣе признавалъ необходимымъ оставить край, что высшее правительство, успокоившись на счетъ мятежа, начинало по прежнему прибѣгать къ мѣрамъ снисхожденія и уступчивости, признавая даже полезнымъ снять въ скоромъ времени военное положеніе и многихъ изъ высланныхъ въ Россію возвратить въ край. Это мнѣніе распространяли и поддерживали преимущественно министръ внутреннихъ дѣлъ, а также шефъ жандармовъ кн. (В. А.) Долгоруковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ кн. (А. М.) Горчаковъ и нѣкоторые другіе государственные сановники, осо-

---

[1]) Первыя двѣ главы Записокъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 года, томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387—432 и декабрь, стр. 623—644. Ред.

бенно же Петербургскій военный генералъ-губернаторъ кн. (А. А.) Суворовъ, который до такой степени увлекался мыслью о снисхожденіи польскимъ революціонерамъ, что, можно сказать, почти бѣсновался: удерживалъ, подъ видомъ болѣзни, многихъ изъ важныхъ преступниковъ-поляковъ, ссылаемыхъ даже въ каторжную работу, на пути ихъ въ Петербургѣ [1]), дозволялъ имъ свиданія, принималъ просьбы и повсюду ходатайствовалъ за нихъ, осуждая во всеуслышаніе дѣйствія управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ. Увлеченіе его въ пользу польскихъ мятежниковъ было такъ сильно, что когда, по открывшимся связямъ Литовскихъ революціонеровъ съ таковыми же поляками и русскими въ Петербургѣ, нѣкоторыя лица были тамъ арестованы по указанію Виленской слѣдственной коммисіи и требовались въ Вильну для слѣдствія и суда, то кн. Суворовъ давалъ имъ возможность скрываться, а нѣкоторые, какъ напримѣръ, Юндзилъ, одинъ изъ важнѣйшихъ преступниковъ, при покровительствѣ кн. Суворова, ушелъ изъ подъ ареста и отправился за-границу [2]).

Петербургское начальство было до такой степени преисполнено мыслію снисхожденія и помилованія поляковъ, что многія самыя положительныя указанія на участіе нѣкоторыхъ лицъ въ Петербургѣ въ заговорахъ противъ правительства не только остались безъ изслѣдованія, но не было принято противъ нихъ никакихъ мѣръ; такимъ образомъ многіе бѣжали изъ Петербурга и извѣстный Іосафатъ Огрызко, главный агентъ мятежа въ Петербургѣ, былъ оставленъ на свободѣ и безъ всякаго присмотра, не смотря на сдѣланныя противъ него положительныя указанія еще въ половинѣ 1863 года, и онъ былъ присланъ въ Вильну лишь въ концѣ 1864 года, по особому сильному уже настоянію моему.

Надо замѣтить, что во всѣхъ министерствахъ, а въ особен-

---

[1]) Напр. Венцловичъ, хромой, осужденный на каторгу, еще въ 1865 году преспокойно проживалъ въ Знаменской гостинницѣ въ С.-Петербургѣ.

Гр. М. Н. М.

[2]) Трудно сказать, въ какой степени вѣрно обличеніе и нападки въ этомъ отношеніи гр. Муравьева на кн. Суворова и другихъ. Но то несомнѣнно, что, какъ мы уже замѣтили въ «Русской Старинѣ», жестокость гр. Муравьева тоже заставляла его увлекаться, но это увлеченіе было другаго рода, оно ввергало его въ самыя лютыя излишества. См. примѣч. въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 года, декабрь, стр. 638. Ред.

ности финансовъ и почтовомъ, весьма важныя и вліятельныя должности были заняты поляками. Въ министерствѣ финансовъ (нѣкоторые) директора департаментовъ—явно способствовали полякамъ и чрезъ гг. Огрызко, Наржимскаго [1]) и иныхъ, размѣщали преимущественно поляковъ по (нѣкоторымъ) должностямъ внутри Россіи и особенно въ Западномъ краѣ. Такимъ образомъ элементы польскаго мятежа вездѣ были разносимы внутри Россіи; были губерніи, въ которыхъ, кромѣ акцизныхъ, многія полицейскія должности, по допущенію министра внутреннихъ дѣлъ, были заняты поляками и сверхъ того, по его же распоряженію, не смотря на мои указанія и протестаціи, значительная часть поляковъ, высланныхъ внутрь имперіи, были размѣщены почти по всѣмъ городамъ центральныхъ нашихъ губерній, распространяя повсюду заразу польскаго мятежа и неудовольствіе на правительство.

Все это въ совокупности и нестройное, скажу болѣе, вредное направленіе главныхъ правительственныхъ дѣятелей въ Петербургѣ, побудило меня рѣшительно все высказать Государю Императору и просить объ освобожденіи меня отъ управленія тѣмъ краемъ.

25-го апрѣля 1864 г., прибылъ я въ С.-Петербургъ и вынесъ съ большимъ трудомъ дорогу, такъ что по пріѣздѣ я болѣе недѣли не могъ быть у Государя.

Въ Петербургѣ я былъ встрѣченъ большимъ сочувствіемъ русскихъ людей, не смотря на устраиваемое почти оффиціально противодѣйствіе петербургскихъ властей и особенно генералъ-губернатора, кн. А. А. Суворова. Нерасположеніе поименованныхъ лицъ было явное—и потому я твердо рѣшился все высказать Государю. Послѣ столь успѣшнаго подавленія мятежа и возстановленія, смѣю сказать, достоинства русскаго правительства не только въ Западномъ краѣ, но и въ Европѣ, я могъ ожидать со стороны Государя бо́льшаго привѣтствія, особенно, ежели вспомнить, что годъ тому назадъ я былъ посланъ со страхомъ и надеждою Государемъ, полагавшимся единственно на меня (!!) для

---

[1]) У него содержалось, а можетъ быть и до сихъ поръ содержится въ квартирѣ, кн. М......, которая, кажется, ему приходится родственницей.
1866 г. Гр. М. Н. М.

сохраненія Сѣверо-Западнаго края за Россіей, ибо Царство Польское считали (??) какъ бы потеряннымъ для насъ [1]).

Чрезъ недѣлю послѣ прибытія моего, когда нѣсколько возстановились силы мои, я—еще полубольной—явился къ Государю, который, повидимому, не находилъ нужнымъ оказать мнѣ особое вниманіе во время моей болѣзни.

Я сухо встрѣтился съ Государемъ и, хотя онъ меня благодарилъ за прекращеніе мятежа, но такъ лаконически, что явно видно было вліяніе лицъ, мнѣ противодѣйствующихъ. Повидимому, все было забыто (?) Государемъ, какъ событія въ апрѣлѣ 1863-го года, когда онъ просилъ меня принять управленіе краемъ, такъ и все, что было сдѣлано для блага и чести Россіи.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объяснить Государю мою рѣшимость оставить край, какъ по причинѣ совершенно разстроеннаго здоровья, такъ и по явному несогласію со мною правительственныхъ лицъ въ системѣ дѣйствій; тогда Государь нѣсколько измѣнился—онъ представлялъ мнѣ о необходимости оставаться еще въ краѣ и продолжать управленіе онымъ.

Я ему высказалъ о принятой мною системѣ и о противодѣйствіи здѣшнихъ властей, при чемъ заявилъ Его Величеству, что не могу принять на себя дальнѣйшее управленіе краемъ, доколѣ не будетъ утвержденъ правительствомъ рядъ предположенныхъ мною мѣръ къ водворенію въ немъ русской народности. Государь созналъ необходимость сего и поручилъ мнѣ прислать ему прямо записку. Нездоровье мое препятствовало мнѣ заниматься дѣломъ, какъ бы я этого хотѣлъ, и я сказалъ Государю, что постараюсь это выполнить, не надѣясь впрочемъ, по причинѣ нездоровья, скоро окончить этотъ трудъ. Государь просилъ меня, однако же, ускорить этимъ, потому что онъ самъ, въ маѣ мѣсяцѣ (1864 г.), съ Императрицею полагаетъ ѣхать за-границу и желаетъ, чтобы я къ тому времени былъ въ Вильнѣ.

Разставшись съ Государемъ, повидимому, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ,—вѣроятно по наружности (?),—я занялся ска-

---

[1]) Таковое самомнѣніе гр. М. Н. Муравьева и увѣренность въ томъ, что государь такъ именно смотрѣлъ до его назначенія въ Вильну, на вопросъ о Царствѣ Польскомъ, совершенно опровергается перепискою Александра II съ намѣстникомъ въ Царствѣ, напечатанною нами въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., декабрь, стр. 553—584. Ред.

заннымъ дѣломъ и какъ здоровье мое было дѣйствительно очень разстроено, я заявилъ Государю о необходимости имѣть помощника по гражданскому управленію и воспользоваться двумя или тремя мѣсяцами отдыха для леченія, на что Государь и изъявилъ согласіе.

Я неоднократно имѣлъ свиданія и разговоры объ устройствѣ края съ разными правительственными лицами; мнѣ сильно сочувствовали, но, къ сожалѣнію, большинство высшихъ лицъ увлекалось полонизмомъ и идеями сближенія со взглядами европейскихъ державъ на нашъ Западный край. Они не знали ни исторіи края, ни настоящаго его положенія, а еще того менѣе не знали ни польскаго характера, ни всегдашнихъ враждебныхъ тенденцій его къ Россіи. Они не могли понять мысли объ окончательномъ слитіи того края съ Россіей, они считали его польскимъ (?), ставя ни во что все русское, господствующее тамъ числомъ, населеніе. Они думали и чувствовали и дѣйствовали по наущенію поляковъ и вообще ихъ пропаганды, которая проникала во всѣ слои петербургскаго общества и занимала даже значительныя должности.

Извѣстно, что бо̀льшая часть русской аристократіи, воспитанная въ идеяхъ европейскихъ, безъ чувства уваженія къ своей религіи и своему отечеству, всегда дѣйствовала безъ убѣжденій, согласно господствующему направленію на Западѣ. Для нихъ Россіи и православной религіи нѣтъ, они космополиты, безцвѣтные и безчувственные для пользы государства, и первое мѣсто у нихъ занимаютъ ихъ собственныя выгоды и своя личность. Вотъ та среда главныхъ правительственныхъ лицъ, съ которою мнѣ предстояло бороться, чтобъ провести свою систему дѣйствій въ краѣ [1]).

---

[1]) Писано въ апрѣлѣ 1866-го года. Должно однако замѣтить, что гр. М. Н. Муравьевъ только въ послѣднія десять лѣтъ жизни, если вѣрить гр. Д. Н. Блудову, сталъ являть особенно сильную религіозность. Вотъ что̀ разсказываетъ одно весьма близкое лицо къ гр. Д. Н. Блудову и чему онъ былъ свидѣтелемъ.

Въ бытность государя Александра II въ Москвѣ на коронаціи, въ 1856 г., вдругъ весьма утороплено и смущенно является къ гр. Д. Н. Блудову— Мих. Ник. Муравьевъ.

— Я къ вамъ являюсь съ извѣстіемъ о чрезвычайной бѣдѣ, заговорилъ Михаилъ Николаевичъ.

— „Что, что такое?“ встревожился гр. Д. Н. Блудовъ.

Среди министровъ я имѣлъ усердныхъ помощниковъ русскаго дѣла: министра государственныхъ имуществъ (А. А.) Зеленого, военнаго—(Д. А.) Милютина, путей сообщенія—Мельникова и юстиціи—(Д. Н.) Замятнина.

Остальные всѣ были въ пользу поляковъ и горячіе ихъ заступники. Нѣкоторые только изъ нихъ оставались равнодушными къ той и другой сторонѣ.

Имѣя въ виду, что встрѣчу сильное противодѣйствіе своимъ предположеніямъ, я призналъ необходимымъ представить Государю всю картину настоящаго дѣла, частью на словахъ, но болѣе на бумагѣ, изложивъ въ видѣ Записки о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо-Западнаго края, которую я и доставилъ къ Государю въ собственныя руки, для предварительнаго прочтенія, 14-го мая 1864 г.

Я не находилъ возможнымъ продолжать управленіе ввѣреннымъ мнѣ краемъ, ежели не будутъ утверждены главные изъ представленныхъ мною началъ, о чемъ и заявилъ Государю.

Государь, чрезъ два дня, по прочтеніи записки, выразилъ предварительное согласіе на главные предметы, въ ней изложенные; но рѣшительно отвергалъ мысль объ обязаніи лицъ, высланныхъ изъ края за политическія преступленія, къ продажѣ ихъ секвестрованныхъ имѣній въ опредѣленный срокъ съ тѣмъ, чтобы они не могли уже водвориться въ краѣ. Изъ этого ясно видно (?), какъ слабо было стремленіе къ водворенію русскаго начала въ Сѣверо-Западномъ краѣ и сколь сильно было противодѣйствіе всему полезному Россіи со стороны главныхъ правительственныхъ дѣятелей, окружавшихъ Государя, такъ что мысль эта, возобновленная неоднократно министромъ государственныхъ имуществъ и

„Помилуйте, несчастіе случилось громадное: вчера въ Успенскомъ соборѣ, по какой-то ужасной оплошности, впустили Турка—и тотъ преспокойно осматривалъ соборъ!"

— Такъ что же дѣлать?

„Какъ что? Надо немедля вновь освятить церковь!"

— „Ну, Михаилъ Николаевичъ, что Турокъ вошелъ въ храмъ—право, еще бѣда не большая"—добродушно замѣтилъ гр. Блудовъ и, успокоивъ своего гостя, его проводилъ къ выходу.

Вотъ, каковъ Муравьевъ-то! сказалъ гр. Блудовъ, обращаясь къ присутствующему: мнѣ доподлинно и давно извѣстно, что онъ никогда ni foi, ni loi не имѣлъ, а между тѣмъ, какимъ теперь сталъ крайне-православнымъ!! Ред.

преемникомъ моимъ, генераломъ Кауфманомъ, была окончательно утверждена лишь въ декабрѣ 1865 г., при томъ еще съ бо̀льшими ограниченіями правъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія.

Видимый переломъ мыслей Государя въ отношеніи необходимости системы, принятой мною къ обрусѣнію сѣверо-западнаго края, совершился болѣе, какъ черезъ годъ по оставленіи мною тамошняго края управленія,—такъ была сильна оппозиція и польская пропаганда въ самомъ Петербургѣ среди правительственныхъ лицъ.

Въ представленной мною Государю запискѣ я съ полною откровенностію и ясностію высказалъ необходимость измѣнить систему правительства и сознать всю ошибочность правительственныхъ мѣроположеній и системы уступчивости, которая въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ утвердила въ краѣ польскій элементъ и приготовила все къ мятежу.

Записка была, по Высочайшему повелѣнію, разсмотрѣна въ семидневный срокъ въ комитетѣ министровъ; много было оппозиціи и противодѣйствія со стороны почти всѣхъ министровъ; но они не смѣли еще рѣшительно отвергнуть предложенныя мною мѣры: главныя изъ нихъ прошли безъ измѣненій; другія же—съ нѣкоторымъ ослабленіемъ чрезъ измѣненія смысла ихъ неправильною редакціею, но тѣмъ не менѣе съ окончательнымъ утвержденіемъ Государя главныхъ изъ предложенныхъ мною мѣроположеній въ отношеніи возвышенія православнаго духовенства, увеличенія его окладовъ, упраздненія римско-католическихъ монастырей, замѣшанныхъ въ мятежѣ, ограниченія правъ римско-католическаго духовенства на постройку костеловъ и на назначеніе ихъ къ должностямъ безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, уничтоженія польскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, повсемѣстнаго введенія русскихъ школъ, увеличенія содержанія русскимъ чиновникамъ, прибывающимъ въ край, принятія рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію польской пропаганды и всѣхъ наружныхъ признаковъ владычества польскаго элемента въ краѣ, возможно бо̀льшаго ограниченія въ назначеніи лицъ польскаго происхожденія на должности въ западномъ краѣ и многихъ иныхъ мѣръ, содѣйствующихъ вышепрописаннымъ цѣлямъ, и въ особенности оставленіемъ безъ возраженія всѣхъ принятыхъ мною мѣръ

по устройству крестьянъ въ сѣверозападномъ краѣ и данныхъ мною къ руководству повѣрочнымъ коммисіямъ инструкцій, (такъ какъ все это въ совокупности, ежели не вполнѣ утверждено, то и не отвергнуто)—мнѣ была дана возможность надѣяться быть еще полезнымъ въ краѣ и потому, при видимомъ желаніи Государя, чтобы я продолжалъ управлять онымъ, я рѣшился отправиться въ Вильну и прибылъ туда 25 мая 1864 года.

II.

Выше уже сказано, что Государь и Императрица собирались ѣхать за-границу и потому мнѣ надобно было спѣшить возвратомъ въ Вильну, дабы приготовить имъ спокойное шествіе и полное огражденіе отъ могущей быть опасности при политическомъ броженіи умовъ.

27-го мая 1864 г. Государь и Государыня изволили имѣть ночлегъ въ Динабургѣ, а 28-го проѣхали чрезъ Вильну, имѣли обѣденный столъ въ Ковнѣ и того-же числа прибыли на ночлегъ въ Пруссіи, въ Эйдкуненъ.

Государя и Императрицу я встрѣтилъ въ Вильнѣ на дебаркадерѣ желѣзной дороги. Они изволили быть совершенно довольны устройствомъ пріема въ Динабургѣ и въ Вильнѣ и изъявили мнѣ свою благодарность, причемъ Государь изволилъ высказать желаніе свое, на обратномъ пути въ Россію, въ іюлѣ, сдѣлать смотръ войскамъ въ Вильнѣ или Ковнѣ, о чемъ онъ и заявилъ уже и въ Динабургѣ, прежде свиданія со мною, и потому, хотя я и представлялъ ему о неудобствѣ дѣлать въ настоящее время смотръ, но, за сдѣланнымъ уже оглашеніемъ, онъ не считалъ возможнымъ отмѣнить рѣшеніе.

Возвращаясь въ Вильну, я былъ встрѣченъ всѣми служащими, повидимому, съ большою радостію, ибо они опасались, что я въ Петербургѣ откажусь отъ управленія краемъ. Я воспользовался благопріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ вниманіемъ Государя ко мнѣ и утвержденіемъ главныхъ изъ представленныхъ мною предположеній, и немедленно приступилъ къ выполненію оныхъ, такъ что въ продолженіи 1864 г. почти всѣ прописанныя выше мѣроположенія приведены были въ исполненіе, упразднено

болѣе 30 католическихъ монастырей, закрыто много устроенныхъ произвольно филіальныхъ костеловъ и ненужныхъ приходовъ, устраиваемыхъ среди православнаго населенія, съ цѣлію совращенія въ католицизмъ, распредѣлено до 400 т. руб. сер. ежегодной прибавки къ жалованью православнаго духовенства, прекращено повсемѣстно въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и во всѣхъ школахъ и публичныхъ учрежденіяхъ употребленіе польскаго языка, и рядомъ послѣдовательныхъ циркуляровъ дѣйствія римско-католическаго духовенства подчинены строжайшему контролю мѣстныхъ властей.

Совокупнымъ введеніемъ всѣхъ этихъ учрежденій поднялся духъ русскихъ дѣятелей и православнаго духовенства въ краѣ. И простой народъ сталъ содѣйствовать къ устройству православныхъ церквей, на сооруженіе коихъ отпущены были мною значительныя суммы изъ контрибуціонныхъ сборовъ; словомъ, видимо ожило въ краѣ русское дѣло и православіе; повсюду распространилось убѣжденіе о бывшей русской народности въ такъ называемомъ поляками „забранномъ краѣ"; мысль о возрожденіи русской народности въ ономъ сдѣлалась почти всеобщею, даже и евреи начали учиться по-русски, для чего устроены школы въ губернскихъ городахъ, католики тоже начали учиться по-русски, ибо это имъ вмѣнено было въ обязанность и за ними учреждено наблюденіе мѣстнаго начальства. Православныя церкви начали вездѣ сооружаться и сами католики, особенно въ Минской губерніи, цѣлыми приходами переходили въ православіе, съ обращеніемъ ихъ костеловъ въ православныя церкви. Крестьянское дѣло, т. е. работы повѣрочныхъ коммисій, шли успѣшно, и благосостояніе крестьянъ значительно улучшалось; польскіе-же паны почувствовали, что имъ нельзя бороться съ правительствомъ и уступили ему, не дѣлая на мѣстахъ никакой оппозиціи и перенося свои враждебныя дѣйствія въ столицу, гдѣ все болѣе и болѣе распространялся польскій элементъ, подъ покровительствомъ русскихъ, утратившихъ всякое уваженіе къ своей національности и прародительской вѣрѣ. Одинъ Государь съ малымъ числомъ мною вышеназванныхъ правительственныхъ лицъ поддерживали русское начало, тогда какъ министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ, явнымъ образомъ покровительствовали польскимъ революціонерамъ подъ предлогомъ будто-

бы неправильнаго ихъ преслѣдованія и угнетенія и что, покончивши съ мятежемъ, надо протянуть имъ дружелюбную руку для взаимнаго сближенія, т. е. они хотѣли слѣдовать той же гибельной системѣ, которая послѣ кампаніи 1812 г., мятежа 1831 г., частныхъ возстаній 1848 г., послужила къ ободренію ихъ противъ насъ и была причиною столь грознаго, повсемѣстнаго возстанія въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1863 году.

Передъ отъѣздомъ моимъ, въ 1864 году, въ Вильну, я докладывалъ Государю о необходимости для меня нѣкотораго отдыха и просилъ о назначеніи мнѣ помощника по гражданской части, ибо разстроенное мое здоровье видимо не позволяло мнѣ надѣяться на продолжительное управленіе тѣмъ краемъ. Государь согласился на это и на сдѣланное мною для сего указаніе на свиты его величества генерала Потапова, хотя онъ впрочемъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, мало свѣдущемъ въ гражданскомъ управленіи; это было сдѣлано съ согласія князя Долгорукова, который, какъ кажется, съ удовольствіемъ отпускалъ его отъ себя. (Потаповъ былъ управляющимъ III-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи и начальникомъ штаба корпуса жандармовъ). Но такъ какъ князь Долгоруковъ былъ долженъ ѣхать съ Государемъ и возвратиться въ Петербургъ не прежде іюля мѣсяца, 1864 г., то до того времени было отложено это назначеніе.

III.

Пребываніе Государя въ Вильнѣ.

Въ іюлѣ 1864 года Государь возвращался изъ-за-границы и 7-го числа ввечеру прибылъ въ Вильну для предположеннаго смотра войскъ. Государь остановился въ занимаемомъ мною дворцѣ, былъ весьма привѣтливъ и милостивъ и назначилъ на слѣдующій день, 8 іюля, въ 7-мъ часу утра, смотръ войска на полѣ за Зеленымъ мостомъ, съ тѣмъ, чтобы прямо со смотра ѣхать на желѣзную дорогу, въ Динабургъ, гдѣ также назначенъ былъ смотръ.

Его величество назначилъ столь скорый выѣздъ свой изъ Вильны, вслѣдствіе отзывовъ моихъ о неудобствѣ оказывать какое нибудь снисхожденіе и привѣтствіе польскому шляхетству, которое ожидало съ нетерпѣніемъ проѣзда Государя и надѣялось испро-

сить себѣ различныя снисхожденія и помилованія, но оно сильно въ этомъ ошиблось: никто изъ польскаго дворянства не былъ удостоенъ пріемомъ Государя и даже римское духовенство, надѣявшееся, что онъ удостоитъ посѣщеніемъ соборъ св. Станислава, и ожидавшее его на паперти съ крестомъ и хоругвями, осталось при своемъ ожиданіи, и Государь проѣхалъ мимо, не обративъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Государь, напротивъ того, изволилъ посѣтить нашъ православный Свято-Духовъ монастырь, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ, со всѣмъ духовенствомъ, и при выходѣ изъ онаго удостоилъ принять губернаторовъ и прочихъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ. Государь изволилъ быть совершенно доволенъ смотромъ войскъ и, дѣйствительно, надо удивляться, какимъ образомъ резервные батальоны, едва сформированные и въ продолженіи болѣе года находившіеся раздробленными на мелкіе отряды по всему краю, могли съ такимъ успѣхомъ, въ столь короткое время, представиться его величеству, какъ вполнѣ опытныя въ военномъ строѣ войска. Хотя и съ большимъ трудомъ, я сопровождалъ Государя верхомъ. Государь Императоръ, изъявивъ удовольствіе свое всѣмъ войскамъ, неожиданно обратился ко мнѣ и, скомандовавъ Пермскому полку на караулъ, удостоилъ меня салютомъ и назначеніемъ шефомъ Пермскаго полка. Это такъ было для меня неожиданно, что я вдругъ и понять не могъ, чему приписать отдачу чести мнѣ самимъ Государемъ передъ фронтомъ; такъ что, отъѣзжая съ мѣста смотра въ коляскѣ вмѣстѣ съ Государемъ, я ему ни слова не говорилъ объ этомъ столь неожиданномъ для меня событіи и уже по отъѣздѣ Государя изъ Вильны узналъ, что назначенъ шефомъ полка, съ наименованіемъ его моимъ именемъ — отличіе, которое считается между военными однимъ изъ бо́льшихъ, которое можно дать командующему войсками.

Въ Динабургѣ Государь изволилъ имѣть обѣденный столъ и послѣ того былъ произведенъ смотръ собравшимся тамъ двумъ полкамъ и артиллеріи. Его величество остался и тамъ доволенъ войсками и приказалъ объявить мнѣ оттуда по телеграфу свою благодарность.

Во время кратковременнаго пребыванія Государя въ Вильнѣ, я удостоился, однако, дозволенія сдѣлать его величеству личный докладъ, хотя и очень поздно, ввечеру 7-го іюля 1864 г.

Я представилъ его величеству словесно настоящее положеніе края, необходимость продолженія принятыхъ мною мѣръ къ обрусенію онаго и объ оставленіи настоящаго военнаго положенія въ той же силѣ, отнюдь не допуская никакихъ помилованій и снисхожденій, о которыхъ, какъ было слышно, дѣлались нѣкоторыя предположенія по случаю приближавшейся свадьбы Наслѣдника. Повидимому, Государь вполнѣ раздѣлялъ мои предположенія и остался всѣмъ совершенно доволенъ; одни поляки и римское духовенство остались недовольны тѣмъ, что не только не удостоились вниманія Государя, но даже не были допущены во дворецъ, тогда какъ крестьяне, во множествѣ стекшіеся изъ разныхъ губерній съ благодарственными адресами Государю, были милостиво приняты его величествомъ, съ объясненіемъ ихъ обязанностей въ отношеніи правительства и закона.

Такимъ образомъ проѣздъ Государя Императора черезъ Вильну произвелъ самое благопріятное, въ нравственномъ отношеніи, вліяніе на положеніе края. Поляки пріуныли, и надежды на помилованіе на время исчезли; но партія враговъ Россіи въ Петербургѣ не дремала; тамъ еще болѣе усилились возгласы противъ системы управленія сѣверо-западнымъ краемъ. Шайка неблагонамѣренныхъ, враждебныхъ дѣятелей къ пользамъ Россіи еще болѣе усилилась въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1864 г.

IV.

Къ августу мѣсяцу 1864 г. прибылъ въ Вильну и вновь назначенный помощникъ мой, генералъ (Александръ Львовичъ) Потаповъ. По причинѣ нездоровья и необходимости леченія минеральными водами, я вынужденъ былъ передать ему значительную часть управленія краемъ.

Надо думать, что генералъ Потаповъ имѣлъ уже къ тому времени секретныя порученія отъ высшихъ правительственныхъ лицъ, ибо хотя онъ сначала и казался совершенно раздѣляющимъ мою систему дѣйствій, вѣроятно съ цѣлью выиграть мое довѣріе, но скоро значительно измѣнился и сталъ тайно противодѣйствовать дѣлаемымъ распоряженіямъ, стараясь при томъ снискать, разными снисхожденіями, расположеніе поляковъ. Но все это долго

дѣлалось тайно, съ возможною негласностью, почти до того времени, когда я, въ мартѣ мѣсяцѣ 1865 г., предполагалъ ѣхать въ Петербургъ и совершенно оставить край, ибо съ одной стороны здоровье мое все разстраивалось, а съ другой—получаемыя изъ Петербурга свѣдѣнія меня удостовѣряли, что Государь увлеченъ партіею русскихъ-полякующихъ и изъявлялъ явное охлажденіе къ принятымъ мною мѣрамъ и системѣ управленія; при томъ всѣ высшія петербургскія власти видимо клонились къ испрошенію помилованія мятежниковъ, противъ чего я постоянно возражалъ и воздерживалъ, вопреки преобладавшаго въ Петербургѣ польскаго направленія. Неуступчивость моя еще болѣ возстановляла петербургскія власти; къ тому надо полагать, что Потаповъ разными секретными донесеніями старался представлять съ невыгодной стороны весь ходъ управленія сѣверо-западнымъ краемъ.

Ходъ крестьянской реформы въ краѣ, столь успѣшный по своимъ послѣдствіямъ и служащій краеугольнымъ камнемъ къ водворенію въ немъ русской народности, былъ поводомъ моихъ бо̀льшихъ обвиненій. Министръ внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ и многія другія высшія лица представляли Государю, что главные дѣятели на мѣстахъ по крестьянскому дѣлу суть люди вредные, преданные системѣ соціалистовъ и разрушающіе всякій общественный порядокъ. Обвиненіе это еще болѣе поддерживалось всею польскою шляхтою и нѣмецкими баронами, которые увидѣли, что имъ нельзя продолжать систему тяжкаго угнетенія крестьянъ и отнимать у нихъ тѣ угодья, которыми поселяне многіе годы пользовались, и лишать ихъ всѣхъ средствъ къ существованію. Возгласы эти и польское, такъ сказать, „посполитое рушенье“ въ Петербургѣ были такъ сильны, что, повидимому, нѣсколько поколебали незадолго предъ симъ оказавшаго мнѣ полное довѣріе Государя.

Имѣя все это въ виду, также и то, что главныя распоряженія по устройству края были уже, по бо̀льшей части, приводимы съ большимъ успѣхомъ въ исполненіе и что правительству останется только продолжать начатое, я рѣшился, тотчасъ по окончаніи рекрутскаго набора, т. е. въ мартѣ 1865 г., отправиться въ Петербургъ, съ твердымъ намѣреніемъ болѣе не возвращаться, ибо считалъ неудобнымъ и неприличнымъ продолжать, при полномъ разстройствѣ здоровья моего, такое управленіе, которое петер-

бургскія власти желали ниспровергнуть для водворенія вновь польскихъ началъ.

Борьба моя съ Петербургомъ не могла имѣть успѣха, какъ это прежде было, ибо, по слухамъ, поколебленъ былъ и самъ Государь въ своемъ довѣріи ко мнѣ. Я хотѣлъ лично въ этомъ удостовѣриться и, выѣхавъ 18-го марта 1865 г., прибылъ 19-го въ Петербургъ, но совершенно больной, такъ что я нѣсколько дней по прибытіи не могъ представиться Государю.

Въ это время меня многіе посѣщали и я еще болѣе удостовѣрился въ справедливости дошедшихъ до меня свѣдѣній о направленіи правительственныхъ идей въ отношеніи западнаго края. До такой степени поколеблены были всѣ начала, прежде принятыя и удостоенныя одобренія Государя, что съ высочайшаго соизволенія сообщена была мнѣ воля его величества о помилованіи многихъ мятежниковъ, сосланныхъ, по приговору военныхъ судовъ, въ Сибирь, и даже о возвращеніи многихъ изъ нихъ изъ внутреннихъ губерній. Главные правительственные дѣятели хотѣли повести Государя опять къ системѣ всепрощенія по случаю предполагавшагося въ скоромъ времени бракосочетанія Государя Наслѣдника [1]).

Недальновидность или, лучше сказать, слѣпота взглядовъ людей, приближенныхъ къ Государю, была такъ велика и приверженность ихъ къ идеямъ европейскимъ, враждебнымъ Россіи, до такой степени превосходили природное чувство каждаго честнаго человѣка любить свое отечество и жертвовать всѣмъ для пользы его, что они рѣшились настойчиво ходатайствовать о возвращеніи сѣверо-западному краю всѣхъ прежнихъ правительственныхъ льготъ для свободнаго дѣйствія польской пропаганды и утвержденія въ ономъ народности польской (!!?), ибо они, въ слѣпотѣ своей, не признавали край тотъ русскимъ и стремились къ тому, чтобъ дать ему, какъ прежде полагали, отдѣльную автономію, сообразно предположеніямъ Веліопольскаго, чувства коего и понятія они и по-днесь (апрѣль, 1866 г.) раздѣляютъ (!?).

Главныя лица, дѣйствовавшія въ семъ смыслѣ, были: министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, человѣкъ не безъ способностей, но космополитъ и преданный одной мысли и желанію воспользо-

---

[1]) Въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича. Ред.

ваться европейскою извѣстностью и похвалой, хотябъ то было со вредомъ для Россіи....

От ъ редакціи «Русской Старины». Прервемъ здѣсь рѣчь суроваго экс-диктатора виленскаго и вставимъ нѣсколько словъ для установленія правильнаго взгляда на сущность его приговора о людяхъ.

Мы сохранили отзывъ гр. М. Н. Муравьева о его политическомъ противникѣ, именно потому, что самая рѣзкость его изобличаетъ несостоятельность оцѣнки, дѣлаемой Муравьевымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если его отзывъ хотя на половину справедливъ, то какъ же гр. Муравьевъ не вспомнилъ, что никто другой, какъ именно онъ самъ весьма и весьма подвинулъ на служебной дорогѣ П. А. Валуева и его отличилъ своимъ самымъ полнымъ довѣріемъ и дружбою въ 1858—1861 гг. Не онъ-ли, М. Н. Муравьевъ, въ бытность свою, именно въ эти года, министромъ государственныхъ имуществъ, поставилъ П. А. Валуева—сперва начальникомъ одного, а затѣмъ двухъ департаментовъ. Но этого мало, По представленію Муравьева П. А. Валуевъ удостоенъ званія статсъ-секретаря, т. е. наипочетнѣйшаго званія, какого только можетъ достигнуть гражданскій чиновникъ въ Россійской имперіи!

Затѣмъ въ высшей степени любопытно то обстоятельство, что не только до назначенія своего въ Вильну. нѣтъ, въ самой Вильнѣ, вплоть до полнаго подавленія вооруженнаго мятежа, т. е. съ мая по сентябрь мѣсяцъ 1863 г. Муравьевъ не иначе какъ съ полнѣйшею признательностью относился къ дѣятельному содѣйствію г. Валуева въ дѣлѣ замиренія края.

Доказательство предъ нами: въ нашемъ громадномъ собраніи историческаго матеріала мы сохраняемъ точныя копіи съ оффиціальныхъ подлинныхъ собственноручныхъ писемъ М. Н. Муравьева къ тогдашнему, въ 1863 г., министру внутреннихъ дѣлъ,—именно за 1863-й годъ, т. е. за тотъ самый годъ, за который мечетъ въ 1866 г. громы въ министра М. Н. Муравьевъ.

Что-же писалъ Михаилъ Николаевичъ своему, будто бы заклятому, политическому противнику? Вотъ письма Муравьева:

28 мая 1863 г. Вильна.

„М. Г. Петръ Александровичъ! Повидимому начинаютъ смиряться непокорные. Нѣсколько примѣровъ смертныхъ казней произвели желаемое дѣйствіе: объ нихъ поставлены въ извѣстность всѣ жители губерній. Я полагаю, что теперь можно будетъ на нѣкоторое время пріостановиться исполненіемъ подобныхъ приговоровъ.

„Признаюсь, что крѣпко тяжело и грустно быть вынужденнымъ утверждать смертные приговоры, какъ-бы нарочно оставленные безъ разрѣшенія въ продолженіе почти шести мѣсяцевъ. Безнаказанность доходила до того, что никто не вѣрилъ въ Вильнѣ, что я рѣшусь приказать исполнить смертный приговоръ. Я вы-

нужденъ былъ по этой причинѣ исполнить еще два приговора, и теперь послѣ казни Колышки, а въ Динабургѣ—графа Платера, партія мятежниковъ, по крайней мѣрѣ въ Вильнѣ, пріуныла и въ особенности духовенство.

„30-го числа будетъ большая процессія по случаю праздника; увидимъ какъ это исполнится; я процессію разрѣшилъ съ отвѣтственностію духовенства.

„Отъ епископа Красинскаго еще отвѣта не имѣю; онъ занемогъ отъ боязни. Но буду требовать отъ него скорѣйшихъ распоряженій.

„Въ уѣздахъ начинаютъ формировать сельскіе караулы; крестьяне вездѣ разположены въ пользу правительства и озлоблены противъ мятежниковъ; ежели удастся вселить въ нихъ довѣріе къ правительственной власти, тогда мятежъ скоро будетъ укрощенъ. Теперь я объ этомъ наиболѣе озабочиваюсь, и вездѣ учреждается, на основаніи данной мною инструкціи, особое военное уѣздное управленіе, которое оградило бы сельское населеніе отъ злодѣйствъ, дѣлаемыхъ мятежниками.

„Пишу вамъ коротко, некогда еще составить полнаго обзора положенія края, но кажется, что дѣло пойдетъ къ лучшему; всему главная помѣха Царство Польское, оттуда идетъ все дурное.

„Прошу васъ доложить Государю сообщаемыя мною въ семъ письмѣ свѣдѣнія, ежели вы, впрочемъ, признаете это нужнымъ.

„Второй часъ ночи, оканчиваю письмо, пора на отдыхъ.

„Примите увѣренія въ искренней преданности и уваженіи М. Муравьевъ.

«28 мая 1863 г. Вильна».

Письмо это было доложено императору Александру II и Государь повелѣлъ: передать ген. Муравьеву, что его величество за все сдѣланное можетъ только сказать спасибо и радуется, что открывается надежда къ улучшенію положенія дѣлъ, и желаетъ успѣха и силъ.

«31 августа 1863 г. Вильна».

„М. Г. Петръ Александровичъ! Очень благодаренъ в. п. за ходатайство о наградахъ; обо всѣхъ получилъ уже увѣдомленіе, кромѣ тѣхъ, которые состоятъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ; не понимаю отъ чего это можетъ произойти;

неужели Александръ Алексѣевичъ (Зеленой) не захотѣлъ исполнить моего ходатайства?

„Вчера я получилъ увѣдомленіе о всемилостивѣйшей наградѣ орденомъ Андрея Первозваннаго. Это произвело хорошій эфектъ и повидимому приняла въ этомъ участіе и благонамѣренная партія поляковъ. Да! мнѣ дорого милостивое вниманіе Государя, которое конечно буду стараться всѣми силами поддержать и заслужить.

„Дѣла идутъ здѣсь болѣе и болѣе успѣшно. Все оканчивается, смиряется, даже и въ Ковенской губерніи шайки расходятся и сообщенія возстановлены. Послѣ сдѣланнаго объявленія о помилованьи, сотни повстанцевъ возвращаются съ повинною изъ шаекъ.

„Теперь надобно уже думать о будущемъ устройствѣ края, для предупрежденія весною новыхъ попытокъ революціонной партіи. Это вопросъ не легкій, и надобно скоро за него приняться.

„Я желалъ объясниться съ генер. Потаповымъ объ устройствѣ въ уѣздахъ жандармскихъ командъ, ибо это необходимо для предупрежденія, на будущее время, безпорядковъ. Но, къ сожалѣнію, Потаповъ не можетъ теперь сюда прибыть. Теперь войду съ нимъ по этому дѣлу въ переписку. Также и объ возможномъ уничтоженіи секретныхъ обществъ, наполняющихъ весь край, и наконецъ о бывшихъ въ сношеніяхъ съ таковыми же въ велико-русскихъ губерніяхъ, и въ особенности—съ военной академіи и университетами; ибо почти вся здѣшняя молодежь въ общемъ заговорѣ, и ею наполнены были всѣ шайки, надъ которыми командовали наши бѣглые офицеры.

„Теперь почти совершенно прекращенъ мятежъ, но надобно уничтожить корень онаго. Главная опора наша въ здѣшнемъ краѣ есть сельское населеніе: надобно скорѣе его устроить.

„Вы пишите мнѣ, что не раздѣляете мыслей о распространеніи на Бѣлоруссію указа 1-го марта 1863 г., (объ обяз. выкуп.); но признаюсь, что я теперь еще болѣе убѣдился въ необходимости этой мѣры. Въ Бѣлоруссіи польскіе помѣщики едва-ли не болѣе намъ враждебны, чѣмъ въ литовскихъ губерніяхъ: совершенно необходимо, и притомъ сколь возможно скорѣе, освободить крестьянъ отъ всякой отъ нихъ зависимости. Я объ этомъ нынѣ же вхожу съ представленіемъ, и прошу васъ поддержать мое ходатайство; эта мѣра

теперь совершенно необходима, тѣмъ болѣе, что она уже допущена въ юго-западныхъ губерніяхъ; надобно рѣшиться однимъ разомъ покончить съ помѣщиками польскаго происхожденія, утвердивъ на прочномъ основаніи независимость сельскаго населенія.

„Наша единственная сила и опора въ здѣшнемъ краѣ есть одно сельское населеніе; ежели мы его упустимъ, то надобно будетъ проститься на всегда съ краемъ, ибо здѣшніе помѣщики [1]) и римско-католическое духовенство намъ будутъ всегда враждебны; ихъ надобно совершенно обезсилить, коснувшись самаго чувствительнаго для нихъ предмета: ихъ доходовъ и преобладанія надъ крестьянами [2]). Впрочемъ обо всемъ въ свое время сообщу вамъ свои подробныя соображенія.

„Вы мнѣ пишите" что желали бы командировать Макова въ Кіевъ [3]); убѣдительно прошу васъ его оставить здѣсь, онъ мнѣ совершенно необходимъ, ибо только теперь начали свои дѣйствія повѣрочныя коммисіи, и необходимо ими руководить, и вездѣ увеличить число оныхъ и мировыхъ посредниковъ. Мнѣ некогда самому этимъ заниматься, а дѣло чрезвычайно важно и необходимо руководствовать на огромномъ пространствѣ 6-ти губерній. Я могу поручить это одному Макову; съ отъѣздомъ же его отсюда все дѣло остановится и мы рискуемъ новыми въ семъ краѣ безпорядками и неустройствами. Лучше въ одномъ мѣстѣ дѣло

---

[1]) Въ своемъ увлеченіи, а въ моментъ диктовки этихъ записокъ и въ болѣзненномъ раздраженіи, Муравьевъ забылъ тотъ фактъ, что бѣлорусское дворянство представляетъ мѣстами довольно сплошное дворянство чисто русское. Со временъ Екатерины II и Александра I здѣсь находятся громадныя имѣнія: Чернышевыхъ, Раевскихъ, Кутузовыхъ, Голицыныхъ, Львовыхъ, Михельсона, Жуковскихъ, Корвинъ-Круковскихъ, Киновичей, Паскевичей, Витгенштейновъ и вообще много владѣльцевъ либо вполнѣ русскаго, либо нѣмецкаго происхожденія. Еще поразительно увлеченіе Муравьева по отношенію къ увѣреніямъ его (см. на стр. 144 и 150), что нѣкоторые изъ министровъ русскихъ и вообще близкихъ къ императору Александру II лицъ—готовы были дать автономію Литовскому краю, предать его совершенно Польшѣ!! Откуда только взялъ гр. Михаилъ Николаевичъ—столь нелѣпыя предположенія? Ни въ одной книгѣ, ни въ одной статьѣ, ни въ единомъ документѣ мало-мальски имѣющемъ серьезное значеніе—съ самаго 1861-го года—мы ничего, чтобы мало-мальски подкрѣпляло эти увѣренія Муравьева—не находимъ.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Л. С. Маковъ былъ выбранъ и командированъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевымъ, къ Муравьеву для содѣйствія ему въ трудахъ по крестьянскому дѣлу. Ред.

установить на прочномъ основаніи, чѣмъ въ двухъ мѣстахъ взяться за дѣло и ничего не сдѣлать. Притомъ, въ политическомъ отношеніи, Литовскій край труднѣе и опаснѣе для правительства, а потому и надобно намъ исключительно имъ заняться. Еще разъ прошу оставить здѣсь Макова. Безъ него я не ручаюсь за успѣхъ дѣла. Онъ самъ ѣдетъ въ Петербургъ на три дня и лично все вамъ объяснитъ.

„Оканчиваю письмо моею искреннею благодарностію за ваше обязательное содѣйствіе въ удовлетвореніи моего ходатайства о наградахъ и вообще по всѣмъ дѣламъ ввѣреннаго мнѣ управленія.

„Амурскій [1]) здѣсь былъ... Я вамъ писалъ объ Тимашевѣ, полагаю, что онъ здѣсь былъ бы полезенъ. Что же касается до графа... то онъ, сколько я его знаю, сюда не пригоденъ.

„Прошу принять увѣренія въ чувствахъ искренняго моего уваженія и преданности. М. Муравьевъ.

31 августа 1863 г. Вильна.

От ъ Ред. „Русск. Старины". Въ приведенныхъ письмахъ Муравьевъ дѣлится съ г. Валуевымъ своими планами, проситъ его помощи, благодаритъ уже за оказанное ему „содѣйствіе вообще по всѣмъ дѣламъ ввѣреннаго" Муравьеву края, расточаетъ увѣренія въ чувствахъ „искренняго уваженія", но прошло съ небольшимъ два года—и тотъ же Муравьевъ клеймитъ предъ потомствомъ того же государственнаго дѣятеля.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что къ отзывамъ гр. М. Н. Муравьева о современныхъ ему дѣятеляхъ, отзывамъ, помѣщеннымъ въ его посмертныхъ запискахъ, будущій историкъ литовско-польской послѣдней смуты и борьбы съ ней Россіи долженъ отнестись съ величайшею осторожностью. Не правы ли мы были, указавъ въ предисловіи къ помянутымъ запискамъ на то, что Муравьевъ писалъ ихъ въ полнѣйшемъ раздраженіи, когда, быть можетъ, уже и болѣзнь, - пять мѣсяцевъ спустя низведшая его въ могилу,—затемняла ясность его ума и помрачала память.

Многолѣтняя служба гр. П. А. Валуева Россіи и ея Государямъ принадлежитъ исторіи; она можетъ вызывать, какъ всякая государственная и общественная дѣятельность, различные отзывы; но самому рѣзкому, полному чисто личнаго озлобленія отзыву о немъ Муравьева, безпристрастный историкъ всеконечно противопоставитъ всѣмъ извѣстный фактъ высокаго постояннаго довѣрія и тѣ отличія, которыя являлъ къ Петру Александровичу Валуеву, Государь-Освободитель Александръ II въ теченіи болѣе нежели двадцати лѣтъ (1860—1881 гг.).

Обратимся однако къ прерванному нами разсказу графа Михаила Николаевича Муравьева.

[1]) Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій.

Князь (Василій Андреевичъ) Долгоруковъ, шефъ жандармовъ, человѣкъ честный и добрый, но въ высшей степени бездарный, не имѣющій никакихъ положительныхъ убѣжденій, хотя лично и преданный Государю; но по слабости характера и малому разумѣнію, увлеченный идеями космополитизма и направляемый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, князь (А. М.) Горчаковъ, въ полномъ смыслѣ слова (говорунъ); но имѣющій однакоже желаніе и стремленіе быть русскимъ. Онъ уступалъ Европѣ въ то время, когда долженъ былъ дѣйствовать, и въ существѣ держался системы г. Валуева, т. е. полагалъ необходимымъ дать Царству Польскому, не исключая и западныхъ губерній, полную отдѣльную автономію. Но когда, въ 1863 году, заговорила вся Россія, и, можно сказать, требовала отъ правительства самостоятельности и твердаго отпора Европѣ на всѣ столь унизительные и обидные, простираемыя къ Россіи, требованія и когда дѣла въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ шли удовлетворительно, т. е. мятежъ видимо былъ подавленъ, тогда только (?) кн. Горчаковъ рѣшился дать самостоятельный отзывъ европейскимъ державамъ и отказать во всѣхъ ихъ требованіяхъ. Нельзя не отдать ему полной справедливости въ этомъ дѣйствіи. Онъ этимъ поступкомъ вышелъ изъ среды Долгорукихъ и заслужилъ общую похвалу и расположеніе Россіи, но впослѣдствіи, не взирая на это, онъ склонялся опять къ упомянутымъ выше своимъ сподвижникамъ... Ему нужно было расположеніе (ихъ) для поддержанія себя на скользкомъ поприщѣ, ибо въ концѣ 1864 года значительно было поколеблено довѣріе къ нему Государя его неосторожными разговорами и неумѣреннымъ самолюбіемъ во время пребыванія Государя заграницей, такъ что одно время онъ самъ думалъ, что не останется на мѣстѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ личностей были еще нѣкоторыя второстепенныя, окружавшія (1863—1866 г.) Государя, но тѣмъ не менѣе производившія самое вредное вліяніе по польскому вопросу.

Министръ почтъ, (Иванъ Матвѣевичъ) Толстой, человѣкъ въ высшей степени (не даровитый), но пользующійся расположеніемъ Государя, ибо находился въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, которые,

по распоряженію покойнаго Государя Николая Павловича, воспитывались съ Наслѣдникомъ престола [1]). Хотя Толстой не имѣлъ вліянія на дѣла государственныя, но въ интимныхъ своихъ разговорахъ съ государемъ вредилъ (?) русскому дѣлу, стараясь поддерживать систему въ пользу поляковъ.

Предсѣдатель комитета министровъ, князь (Павелъ Павловичъ) Гагаринъ, человѣкъ двусмысленный и невѣрный въ своемъ направленіи, измѣняющій его, соображаясь съ болѣе или менѣе выгодными для него политическими обстоятельствами. Въ 1863—1864 гг. кн. Гагаринъ дѣйствовалъ въ пользу русскаго дѣла; но съ 1865 г. онъ совершенно предался противоположной партіи и направленію, перебѣгая по временамъ то въ ту, то въ другую сторону, смотря по тому направленію, которое получають (1866 г.) нѣкоторыя дѣла вслѣдствіе особаго указанія Государя.

Графъ (Викторъ Никитичъ) Панинъ, начальникъ II-го отдѣленія—также человѣкъ колеблющійся въ мнѣніяхъ своихъ, хотя и чрезвычайно способный; но, къ сожалѣнію, кривотолкъ и рѣдко въ сужденіяхъ своихъ конецъ его рѣчи сходствуетъ съ началомъ. Онъ держится болѣе направленія европейскаго и нѣмецкой партіи, будучи женатъ на нѣмкѣ изъ Лифляндіи. Къ русскому дѣлу онъ довольно холоденъ и равнодушенъ и ищетъ только быть въ милости у государя, не дорожа никакими мнѣніями своими.

Еще одинъ изъ вліяющихъ людей въ совѣтахъ царскихъ (1866 г.)—предсѣдатель департамента государственной экономіи, генералъ-адъютантъ (Константинъ Владиміровичъ) Чевкинъ, человѣкъ умный, русскій въ душѣ и всегда готовый помочь русскому дѣлу, къ сожалѣнію мелочной, во всю долговременную службу не произведшій ничего полезнаго (!!?) и служившій болѣе тормазомъ администраціи (!!).

Изъ остальныхъ министровъ: (Д. Н.) Замятинъ—юстиціи, и Мельниковъ—путей сообщенія, люди благородные, но мало способные воспроизводить что-либо полезное; тѣмъ не менѣе оба они и генералъ-адъютантъ Чевкинъ постоянно дѣйствовали къ утвер-

---

[1]) Толстой не воспитывался съ Наслѣдникомъ, но, по покровительству графини Тизенгаузенъ, сопровождалъ его высочество въ первую заграничную поѣздку. П. А. Мухановъ, 1871 г.

жденію русскихъ началъ въ сѣверо-западномъ краѣ и сколь возможно противодѣйствовали партіи космополитовъ и внутреннихъ враговъ Россіи.

Но главные дѣятели русскаго дѣла въ совѣтахъ царскихъ были и есть (въ 1863—1866 гг.)—министръ государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютантъ (Александръ Алексѣевичъ) Зеленой, и военный министръ, генералъ-адъютантъ (Д. А.) Милютинъ.

Зеленой съ характеромъ прямымъ, рѣшительнымъ, благороднымъ, въ душѣ въ высшей степени русскій, съ самоотверженіемъ посвятилъ себя поддержанію русскаго начала въ сѣверо-западномъ краѣ и той системы, которая была мною введена въ тамошнее управленіе. Онъ, не взирая ни на какія сильныя противодѣйствія высшихъ властей, настойчиво утверждалъ въ мысляхъ Государя необходимость побороть польское начало въ западномъ краѣ. Не одинъ разъ его благонамѣренныя и настойчивыя усилія были отринуты Государемъ; но онъ не останавливался и все шелъ тѣмъ-же путемъ.

Такимъ же образомъ министръ военный, (Д. А.) Милютинъ, замѣчательно къ тому же умный, съ конца 1863 г. увидѣлъ бездну, къ которой привела насъ польская партія и русскіе космополиты. Событія 1863 года во многомъ измѣнили его взгляды и онъ, вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Зеленомъ и съ братомъ своимъ,—статсъ-секретаремъ Николаемъ Милютинымъ—посланнымъ въ Царство Польское для устройства тамъ крестьянскаго дѣла и русскаго управленія,—всѣми силами стремился къ ниспроверженію польскаго вліянія, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Западномъ краѣ.

Въ такомъ положеніи засталъ я Петербургское управленіе въ послѣдній пріѣздъ мой въ 1865 г. Я не говорю о Суворовѣ, какъ о человѣкѣ совершенно пустомъ, и потому что о немъ было довольно сказано выше; но тѣмъ не менѣе онъ постоянно вредилъ русскому дѣлу своею лживою (?) болтливостью во всѣхъ слояхъ общества и даже при дворѣ, гдѣ съ снисхожденіемъ выслушивали его наивныя лепетанія, тѣмъ не менѣе вредныя для общаго русскаго дѣла. Надо замѣтить, что къ тому времени польская партія соединилась съ нѣмецкою, которая также имѣла въ Петербургѣ сильныхъ своихъ агентовъ и защитниковъ.

V.

Увидѣвъ настоящее положеніе дѣлъ въ Петербургѣ и вполнѣ сознавая, что правительство наше желало бы само измѣнить систему дѣйствій въ угодность Европѣ и врагамъ нашимъ внутри имперіи, которые имѣли значительный перевѣсъ въ общемъ мнѣніи въ Петербургѣ и, узнавъ, что Государь безъ неудовольствія приметъ мое ходатайство объ увольненіи отъ управленія сѣверо-западнымъ краемъ, я рѣшился, при первомъ свиданіи съ его величествомъ, окончательно выразить взглядъ мой на все дѣло.

Когда я почувствовалъ облегченіе отъ усталости и болѣзни, я просилъ аудіенціи у Государя и удостоился быть принятымъ 24-го марта 1865 г. При этомъ я имѣлъ въ виду, служа вѣрою и правдою Россіи и Государю, служить, но не переслуживать.

Съ этими мыслями и твердыми убѣжденіями я явился къ Государю, преисполненный внутреннимъ сознаніемъ, что я съ самоотверженіемъ, усердіемъ и полною преданностью Государю и Россіи выполнилъ свою обязанность.

Государь, по обыкновенію, принялъ меня милостиво и привѣтствовалъ благодарностью за все сдѣланное. Когда я началъ ему объяснять о положеніи края, онъ меня выслушивалъ безмолвно и, какъ мнѣ показалось, довольно равнодушно, при чемъ, какъ бы невольно, вырвались у него нѣкоторые упреки, что въ краѣ русскіе чиновники не хороши, что въ числѣ мировыхъ посредниковъ много соціалистовъ и что отъ этого терпитъ общественный порядокъ; при чемъ онъ отзывался съ невыгодной стороны о нѣкоторыхъ губернаторахъ. Изъ словъ Государя, несвойственныхъ даже его обыкновенной деликатности въ обращеніи, въ особенности со мною, послѣ столь успѣшнаго исполненія тяжкой возложенной на меня обязанности укрощенія польскаго мятежа, я еще болѣе убѣдился въ справедливости дошедшихъ до меня свѣдѣній о перемѣнѣ мыслей Государя въ отношеніи ко мнѣ и къ моей системѣ дѣйствій. Я увидѣлъ, что польская партія и сочувствующія оной нѣкоторыя русскія правительственныя власти успѣли овладѣть мнѣніемъ Государя. Я увидѣлъ, что продолже-

ніе службы моей въ сѣверо-западномъ краѣ не принесло-бы никакой пользы для дѣла, но на всякомъ шагу были бы препоны въ исполненіи мѣроположеній къ обрусѣнію края, польская партія восторжествовала-бы и, послѣ уничтоженія польскаго мятежа въ краѣ, я вынужденъ былъ-бы его впослѣдствіи оставить съ униженіемъ и большими личными непріятностями.

Выслушавъ упомянутыя выше слова Государя, я рѣшительно отвергъ оныя, доказывая, что это есть выдумка Петербургской польской партіи и нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, которыхъ я и назвалъ, и засимъ высказалъ Государю, что я полагалъ бы болѣе удобнымъ, еслибъ его величество съискалъ человѣка, который могъ бы меня замѣнить; что разстроенное здоровье не дозволяетъ мнѣ съ успѣхомъ продолжать управленіе; что я, какъ кажется, выполнилъ свои обязанности успѣшно и добросовѣстно: смирилъ мятежъ и сдѣлалъ что могъ для водворенія русской народности въ краѣ, а потому и полагаю себя въ правѣ просить у его величества освобожденія отъ тяжкихъ обязанностей, исполняемыхъ мною въ теченіи двухъ лѣтъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, и нѣкотораго отдыха для поправленія здоровья.

Государь, милостиво поблагодаривъ меня за все сдѣланное, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ показалось, безъ затрудненія и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ согласился на мое ходатайство, но съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ, чтобы я нѣсколько повременилъ, чтобы дать ему время найти мнѣ преемника. При чемъ его величество изволилъ обратиться ко мнѣ съ вопросомъ—кого бы я полагалъ назначить генералъ-губернаторомъ въ Вильну?

Я ему указалъ на двоихъ: на Хрущова, какъ помощника моего по военному управленію, и на генералъ-адъютанта Кауфмана, благонадежность и русскія тенденціи котораго я довольно хорошо узналъ при неоднократныхъ поѣздкахъ его въ Вильну и Варшаву. О генералѣ Кауфманѣ, какъ о директорѣ канцеляріи военнаго министерства, я предварительно говорилъ съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, котораго я также, какъ и генералъ-адъютанта Зеленого, предварилъ, что буду рѣшительно настаивать у Государя объ увольненіи меня отъ должности генералъ-губернатора. О Потаповѣ же я сказалъ, что полагаю,

что онъ не будетъ годиться на эту должность и не захочетъ остаться помощникомъ ни у того, ни у другаго.

Государь мнѣ отвѣчалъ, что какъ онъ прикажетъ Потапову, такъ онъ это и исполнитъ, ибо Хрущову нуженъ помощникъ по гражданской части, хотя-бы на нѣкоторое время. Государь изволилъ отозваться съ отличной стороны о Хрущовѣ и о Кауфманѣ, особенно о послѣднемъ.

Послѣ этого Государь еще нѣсколько говорилъ со мною вообще объ управленіи краемъ, но очень милостиво и безъ малѣйшихъ упрековъ, хотя я ему очень рѣзко выставлялъ всѣ вредныя попытки польской и нѣмецкой партій къ недопущенію утвердить въ Сѣверо-западномъ краѣ русское владычество; при чемъ я изъяснилъ его величеству, что край тотъ удерживается за нами силою оружія и надо-бы его теперь возсоединить нравственно-политически-религіознымъ русскимъ элементомъ; что 30-ть лѣтъ тому назадъ, когда я былъ губернаторомъ въ Могилевѣ и Гроднѣ, край былъ болѣе русскимъ и что теперь онъ совершенно ополяченъ по милости правителей края, не понимавшихъ потребностей Россіи и не умѣвшихъ противодѣйствовать хитрой польской пропагандѣ при ослабленіи, въ отношеніи поляковъ, общихъ правительственныхъ мѣръ, особенно въ послѣднія десять лѣтъ.

Государь не вполнѣ на это соглашался, а въ особенности на то, что въ послѣднее время онъ, т. е. край, болѣе ополячился.

Я это ему доказывалъ фактами и убѣдительно просилъ не отступать отъ принятой уже системы возрожденія въ краѣ православія и русской народности, при чемъ я повторилъ Его Величеству мысль о необходимости возстановить границы Царства Польскаго съ Западными губерніями, ибо необходимо обывателямъ губерній сихъ доказать фактически, что правительство не допускаетъ мысли о соединеніи сихъ губерній съ Царствомъ Польскимъ; но Государь и этотъ разъ отвергъ мысль о возстановленіи границы.

Послѣ продолжительнаго разговора, вполнѣ милостиваго со стороны Государя, Его Величество изволилъ предложить мнѣ остаться у него обѣдать; но я такъ былъ утомленъ, что просилъ освободить меня отъ этого и возвратился домой.

Въ тотъ же день посѣтили меня (Д. А.) Милютинъ и Зеленой, которымъ я объявилъ окончательное рѣшеніе дѣла.

Оставляя край, я очень хорошо зналъ, что вѣсть объ этомъ произведетъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на русскихъ и произведетъ общую радость поляковъ, какъ въ Западномъ краѣ, такъ и въ Петербургѣ; но, съ другой стороны, увѣренъ былъ, что польская безумная радость возродитъ сильное негодованіе русскихъ и что самъ Государь скоро убѣдится въ необходимости продолженія строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ по управленію Западнымъ краемъ.

Таковому обороту благопріятствовали сами обстоятельства.

На мѣсто Кіевскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Анненкова, который, какъ извѣстно, по ограниченному своему разуму, не принималъ почти никакихъ мѣръ къ подавленію польскаго элемента во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Безакъ, съ твердою рѣшимостью принять введенную мною систему управленія и во ввѣренномъ ему краѣ. Генералъ-адъютантъ Милютинъ и Зеленой его направляли и облегчали ему всѣ средства къ утвержденію въ томъ краѣ русской народности; хотя министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, старался этому препятствовать (?); но попытки сего послѣдняго были неудачны, тѣмъ болѣе, что радостные возгласы и манифестаціи поляковъ объ оставленіи мною Сѣверо-Западнаго края уже значительно потревожили Государя и побудили скорѣе назначить мнѣ преемника.

Государь рѣшился выбрать генералъ-лейтенанта Хрущова, человѣка честнаго, чисто-русскаго и вполнѣ раздѣляющаго мысль о необходимости уничтоженія польскаго элемента въ краѣ, но, конечно, еще мало знакомаго съ гражданскимъ управленіемъ; поэтому Государь имѣлъ въ виду оставить при немъ на время помощникомъ генерала Потапова. Очевидно, что Потаповъ не могъ-бы долго оставаться въ этой должности, ибо онъ былъ, какъ выше объяснено, увлеченъ польскою партіею и старался быть популярнымъ изъ угожденія нѣкоторымъ правительственнымъ властямъ въ Петербургѣ.

Министръ внутрен. дѣлъ желалъ воспользоваться сими обстоятельствами и представилъ Государю, для пользы будто бы дѣла,

установить въ Вильнѣ двойственное управленіе, т. е. назвать Хрущова—главнымъ начальникомъ края, а Потапову, въ качествѣ помощника, поручить исправленіе должности генералъ-губернатора. Словомъ, онъ хотѣлъ создать управленіе—противорѣчащее и невозможное въ практическомъ исполненіи, тогда какъ, напротивъ того, въ томъ краѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, надо имѣть твердое и сосредоточенное управленіе въ полномъ смыслѣ слова. Валуевъ въ этомъ духѣ написалъ даже инструкцію, которую и представилъ Государю.

Военный министръ, узнавъ о стремленіи мин. внутр. дѣлъ ослабить власть главнаго начальника края, который былъ въ то же время распорядителемъ всѣхъ находящихся тамъ войскъ, энергически представилъ Государю о неудобствѣ сего предположенія и, какъ между тѣмъ, до самаго Государя доходили самые тревожные слухи о проявляющихся въ томъ краѣ польскихъ революціонныхъ и противуправительственныхъ манифестаціяхъ, то Государь рѣшился, по предложенію (Д. А.) Милютина, командировать на мѣсто генералъ-адъютанта Кауфмана, для узнанія на мѣстѣ о дѣйствительности неблагопріятныхъ слуховъ и о предварительномъ соглашеніи Хрущова и Потапова на приведеніе въ исполненіе комбинаціи министра внутреннихъ дѣлъ.

Кауфманъ былъ командированъ за четыре дня до Пасхи, т. е. 31-го марта 1865 г., и остановленъ былъ, до его возвращенія, заготовленный приказъ о назначеніи Хрущова.

Генералъ-адъютантъ Кауфманъ возвратился вечеромъ наканунѣ Пасхи и привезъ самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о возродившихся между поляками надеждахъ на ослабленіе правительственныхъ мѣръ, каковыя надежды поддерживались видимымъ умышленнымъ покровительствомъ польскаго элемента генераломъ Потаповымъ, въ теченіи 2-хъ недѣль, истекшихъ со времени оглашенія слуха о томъ, что я оставляю край; при чемъ генералъ-адъютантъ Кауфманъ заявилъ Государю, что комбинація министра внутреннихъ дѣлъ неудобопримѣнима; что Хрущовъ, на основаніи оной, не признаетъ возможнымъ управлять краемъ и что Потаповъ желаетъ пользоваться, подъ наименованіемъ помощника, всѣми правами генералъ-губернатора.

Потаповъ, встревоженный тѣмъ, что комбинація министра вну-

тренних дѣлъ не принята Хрущовымъ и что его оставятъ помощникомъ безъ всякихъ особыхъ правъ, вручилъ Кауфману письмо для доставленія Государю, коимъ онъ просилъ, не рѣшая дѣла, дозволить ему лично прибыть въ Петербургъ для объясненій.

Такимъ образомъ, изготовленный уже къ 4-му апрѣля 1865 г. приказъ о назначеніи Хрущова главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края и объ увольненіи меня съ возведеніемъ въ графское достоинство, былъ на время отложенъ. По телеграфу было дано знать Потапову, что ему разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ.

VI.

5 го числа апрѣля 1865 г., въ первомъ часу по полудни, я былъ принятъ на испрошенной мною аудіенціи у Государя, ибо я желалъ, чтобы праздниками вышли нѣкоторыя награды чиновникамъ, а не могъ прежде того сдѣлать представленія, и узнать у Государя окончательное рѣшеніе объ оставляемомъ мною краѣ.

Государь принялъ меня довольно сухо и когда я ему объяснялъ еще разъ о положеніи края, то онъ болѣе молчалъ, не дѣлая особыхъ возраженій, кромѣ, впрочемъ, о томъ, что между русскими чиновниками есть много людей ненадежныхъ. Я ему повторилъ прежде мною сказанное, присовокупивъ, что въ огромной массѣ, болѣе 1,000 человѣкъ прибывшихъ чиновниковъ, конечно, должны быть и неблагонадежные, но они тотчасъ возвращаемы были на родину, наибольшее же число ненадежныхъ были отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое вовсе не заботилось о томъ, чтобы содѣйствовать благоустройству края.

Государь мнѣ также заявилъ о томъ, что онъ приказалъ вызвать Потапова и о комбинаціи министра внутреннихъ дѣлъ, въ отношеніи устройства тамъ управленія.

Я доказывалъ Государю невозможность исполненія этого на практикѣ.

Государь молчалъ.

Я хвалилъ генералъ-адъютанта Кауфмана и сказалъ, что если Государю неугодно будетъ назначить Хрущова, то лучше поручить управленіе съ полными правами генералу Кауфману. Въ продолженіи аудіенціи я представилъ Государю краткую записку о предположеніяхъ къ продолженію принятыхъ мною мѣръ по управленію краемъ. Въ запискѣ этой я наиболѣе упиралъ на введеніе русскаго элемента и уменьшеніе вліянія католицизма. (См. приложенія).

Государь записку эту оставилъ у себя.

Наконецъ, въ концѣ аудіенціи, я представилъ Государю докладъ со всеподданнѣйшею просьбою о награжденіи нѣкоторыхъ лицъ въ бывшемъ моемъ управленіи. Государь самъ изволилъ просмотрѣть наградный списокъ и сказалъ, что наградить всѣхъ не можетъ, потому что нѣкоторые въ истекшемъ году получили награды и что этимъ нарушается принятый порядокъ.

Я возразилъ Его Величеству, что самое управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ въ послѣдніе два года выходило изъ общаго порядка и что, конечно, служба тамъ въ продолженіи двухъ лѣтъ можетъ равняться съ десятками лѣтъ таковой же внутри имперіи.

Тогда Государь изволилъ, отдавая мнѣ списокъ, сказать, чтобы я передалъ его по порядку министру внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго представленія.

Усматривая изъ всего этого нежеланіе Государя исполнить мое ходатайство о наградѣ, я взялъ списки и, влагая ихъ въ портфель, сказалъ, что „такъ какъ, повидимому, Вашему Величеству не угодно наградить этихъ чиновниковъ, какъ это вы прежде изволили дѣлать, а потому я считаю это дѣло уже конченнымъ“.

Государь, по всегдашней деликатности своей и сердечной добротѣ, почувствовалъ до какой степени мнѣ былъ непріятенъ его отказъ и указанное имъ направленіе чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, а потому тогда же взялъ у меня списки эти и сказалъ: „оставьте ихъ у меня, я ихъ разсмотрю“.

На другой же день я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ сказанные списки съ увѣдомленіемъ, что Государь изволилъ утвердить всѣ мои представленія.

Послѣ разговоровъ съ Государемъ о дѣлахъ края, я спрашивалъ его о намѣреніяхъ относительно поѣздки за границу для свиданія съ императрицей. Онъ мнѣ сказалъ, что еще положительно ничего сказать не можетъ, что свадьба Государя Наслѣдника предполагается осенью, что впрочемъ, получаемыя о ходѣ его болѣзни свѣдѣнія не совсѣмъ благопріятны... Тогда Государь не имѣлъ еще грустнаго извѣстія, полученнаго того же 5-го числа о совершенно безнадежномъ положеніи Государя Наслѣдника [1]).

Я съ Государемъ простился и онъ еще разъ благодарилъ меня за управленіе краемъ и за пользу, которую я принесъ Россіи.

VII.

Пріѣздъ генерала Потапова въ Петербургъ.

Генералъ Потаповъ прибылъ сюда (въ Петербургъ) ввечеру 5-го апрѣля, т. е. въ понедѣльникъ на Пасхѣ, и тотъ же вечеръ послѣ посѣщенія князя Долгорукова, явился ко мнѣ, весьма встревоженный ходомъ дѣла. Потаповъ мнѣ выражалъ свою твердую рѣшимость не принимать званія помощника Хрущова иначе какъ съ правами генералъ-губернатора.

Я ему доказывалъ несообразность этого требованія и невозможность его исполненія и онъ, крайне разстроенный, оставилъ меня, при чемъ увѣрялъ въ своей неизмѣнной преданности ко мнѣ и твердомъ намѣреніи неуклонно слѣдовать введенной мною системѣ. Онъ старался скрыть всѣ сдѣланныя имъ въ отсутствіе мое отступленія отъ данныхъ мною предписаній.....

Потаповъ сообщилъ мнѣ при семъ случаѣ грустное, полученное изъ Ниццы, извѣстіе о безнадежномъ состояніи Государя Наслѣдника, что Государь изволитъ отправляться 6-го числа ввечеру въ Ниццу, и потому князь (В. А.) Долгоруковъ проситъ меня отложить, до возвращенія Государя, ходатайство мое объ оставленіи края.

Я поручилъ генералу Потапову передать князю Долгорукову, что такъ какъ назначеніе мое было сдѣлано по волѣ Госу-

---

[1]) Цесаревича Николая Александровича.

даря, и что увольненіе мое имъ уже предположено, а потому буду ожидать окончательныхъ приказаній по сему предмету отъ Государя.

Генералъ Потаповъ мнѣ также заявилъ, что 6-го числа поутру въ 12-мъ часу назначено особое совѣщаніе у Государя, въ которое онъ будетъ призванъ для окончательнаго разрѣшенія предложенной министромъ внутреннихъ дѣлъ комбинаціи, которую, какъ видно было изъ словъ генерала Потапова, сильно поддерживалъ и князь Долгоруковъ, и на которую соглашался генералъ Потаповъ, полагая получить права генералъ-губернатора, и тѣмъ самымъ продолжать принятую имъ систему примиренія съ поляками и оставленія края того по прежнему, подъ вліяніемъ польской пропаганды, съ объявленіемъ амнистіи замѣшаннымъ въ мятежѣ, какъ этого желали князь Долгоруковъ и министръ внутреннихъ дѣлъ.

VIII.

Совѣщаніе у Государя.

Дѣйствительно, 6-го числа апрѣля 1865 г., поутру, было совѣщательное засѣданіе у Государя, состоявшее изъ Долгорукова и министра внутреннихъ дѣлъ, съ призывомъ Потапова, въ которомъ они обсуждали способъ приведенія въ исполненіе комбинаціи г. Валуева о правахъ генерала Потапова на генералъ-губернаторство. Потаповъ же излагалъ все, что могъ, въ невыгоду настоящаго управленія краемъ, и (доказывалъ) необходимость дать ему по этой причинѣ, хотя въ качествѣ помощника, полныя права генералъ-губернатора.

Военный министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, хотя и былъ приглашенъ для участія въ совѣщаніи, но онъ ожидалъ окончанія предварительныхъ переговоровъ съ Потаповымъ въ аванзалѣ, и призванъ былъ къ совѣщанію уже послѣ подготовительныхъ преній и разныхъ (объясненій) Потапова. Генералъ-адъютанту Милютину предложена была, въ присутствіи Государя, комбинація министра внутреннихъ дѣлъ, которую онъ рѣшительно

отвергъ, признавая невозможнымъ отдѣлять въ то время и въ томъ краѣ военную власть отъ гражданской.

По выслушаніи довольно продолжительныхъ съ обѣихъ сторонъ объясненій, Государь отвергъ комбинацію министра внутреннихъ дѣлъ, и согласно съ мнѣніемъ (Д. А.) Милютина, предположилъ назначить главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края Кауфмана вмѣсто Хрущова, котораго Потаповъ старался представить Государю съ невыгодной стороны, называя его недовольно благовоспитаннымъ, чтобъ управлять краемъ. Потапову же Государь предназначилъ оставаться въ Вильнѣ въ распоряженіи генерала Кауфмана, впредь до его усмотрѣнія.

По окончаніи сего совѣщанія, Государь поручилъ Милютину лично заявить мнѣ свое желаніе, чтобъ я сохранилъ управленіе краемъ еще на нѣкоторое время, пока будутъ сдѣланы изъ Ниццы, куда онъ отправляется, всѣ дальнѣйшія распоряженія объ освобожденіи меня отъ управленія краемъ. Самъ же Государь, въ тотъ же вечеръ, поспѣшно отправился въ Ниццу, а генералъ-адъютанту Кауфману, котораго онъ предъ тѣмъ призывалъ для объявленія своего рѣшенія, поручилъ быть у меня и заявить о его назначеніи начальникомъ края, что Кауфманъ и исполнилъ слѣдующаго 7-го числа.

6-го апрѣля, послѣ совѣщанія, былъ у меня Потаповъ весьма короткое время и ничего не передалъ о послѣдствіяхъ онаго, сказавъ только, что ѣдетъ ввечеру въ Вильну, въ одномъ поѣздѣ съ Государемъ, и тамъ останется до окончательнаго назначенія начальника края; при чемъ онъ заявилъ, что будетъ еще предъ отъѣздомъ ввечеру у меня для полученія дальнѣйшихъ наставленій.

Ввечеру 6-го числа Потаповъ, дѣйствительно, былъ у меня, спрашивалъ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, которыя онъ полагалъ нужнымъ сдѣлать, и я ему оныя разрѣшилъ; при чемъ онъ старался скрыть свои намѣренія и увѣрялъ меня въ своей искренней преданности и въ полномъ сочувствіи къ введенной мною системѣ управленія, заявляя однако-жъ, что онъ не останется въ краѣ и не далѣе, какъ недѣли черезъ три, явится ко мнѣ въ деревню, на что испрашивалъ моего разрѣшенія. . . .

7-го числа генералъ Кауфманъ былъ у меня, разсказалъ мнѣ обо всемъ бывшемъ въ послѣдніе дни и о своемъ назначеніи въ

Сѣверо-Западный край, равно и о всѣхъ (дѣйствіяхъ) Потапова, который всѣми силами старался удержать за собою власть генералъ-губернатора; но такъ какъ ему это не удалось, то онъ негодовалъ за то, что оставленъ въ распоряженіи генерала Кауфмана, что онъ и не старался скрыть, разсказывая стороннимъ лицамъ и даже нѣкоторымъ начальникамъ губерній, по пріѣздѣ въ Вильну, что ему будутъ предоставлены права генералъ-губернатора.

Но я довольно уже говорилъ о генер. Потаповѣ......... Скажу только, что въ продолженіе тѣхъ трехъ недѣль, которыя онъ былъ въ Вильнѣ, т. е. до назначенія въ приказѣ генерала Кауфмана, онъ (былъ) за настоящаго уполномоченнаго правителя края, унижалъ и преслѣдовалъ (??) все русское и старался снискать расположеніе поляковъ всѣми возможными уступками снисхожденіями и потворствомъ польскимъ и римско-католическимъ тенденціямъ.

IX.

Высочайшій рескриптъ.

17-го апрѣля 1865 г. состоялся въ Ниццѣ высочайшій указъ о назначеніи на мѣсто меня главнымъ начальникомъ сѣверозападнаго края ген.-адъют. фонъ Кауфмана. Правительство опасалось, что съ оставленіемъ мною края возникнутъ вновь надежды поляковъ на перемѣну системы дѣйствій и возбудится между ними стремленіе къ новымъ попыткамъ отторгнуть край тотъ отъ Россіи. Опасеніе правительства было основательно: поляки радовались моему увольненію; вездѣ заявлены были громогласныя манифестаціи радости и революціонные гимны; вездѣ показался трауръ; польскій языкъ сдѣлался вновь общимъ для польскаго населенія; явно показывалось презрѣніе ко всему русскому и даже къ лицамъ, занимающимъ служебныя мѣста; словомъ все ознаменовало новую эру польской жизни и пропаганды въ краѣ, покровительствуемой (?) генер. Потаповымъ. Русскіе люди были въ отчаяніи, видѣвши, что плодъ толикихъ трудовъ и усилій въ продолженіи двухъ лѣтъ о возстановленіи русской народности и

православія въ краѣ долженъ рушиться; многіе даже собирались оставить край, но обнародованный данный мнѣ рескриптъ съ возведеніемъ меня въ графское достоинство, въ которомъ ясно и положительно выражены всѣ мои дѣйствія по возстановленію русской народности въ краѣ, нѣсколько ободрилъ русскихъ, какъ въ западномъ краѣ находившихся, такъ и вообще въ Россіи; ибо почти повсемѣстное и общее было въ Россіи опасеніе, что съ оставленіемъ мною сѣверо-западнаго края, онъ сдѣлается снова чуждымъ и враждебнымъ Россіи; но благое Провидѣніе, всегда покровительствующее Россіи, иначе рѣшило дѣло!

Скоро надежды поляковъ рушились.

Вновь назначенный начальникъ края, хотя съ нѣмецкою фамиліей, но истинно православный и русскій, рѣшившись принять на себя тяжкую обузу управленія сѣверо-западнымъ краемъ, далъ себѣ твердый обѣтъ не отступать отъ введенной мною системы дѣйствій и во чтобы то ни стало водворить въ краѣ русскую народность и православіе.

Польская и нѣмецкая партіи, какъ въ Петербургѣ, такъ и на мѣстахъ, были изумлены, увидѣвъ, что дѣйствія новаго начальника края нисколько не оправдываютъ ожиданій, коими они себя льстили. Дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль, какъ генералъ Кауфманъ не нашелъ нужнымъ оставлять въ Вильнѣ генерала Потапова, который отправился за границу, и русскіе люди увидѣли, что дѣло идетъ по прежнему, съ полнымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ всему русскому и православному со стороны новаго начальника края.

Окончивъ такимъ образомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1865 г., занятія мои по управленію сѣверо-западнымъ краемъ Россіи, здоровье мое было такъ уже разстроено, что я не въ силахъ былъ заниматься ничѣмъ серьезно и мнѣ необходимы были долговременный отдыхъ и леченіе, на что я и получилъ соизволеніе Государя Императора; но жизнь моя политическая, въ смыслѣ водворенія въ западномъ краѣ русскихъ началъ, и во время отсутствія моего изъ онаго, нисколько не прекратилась.

Съ оставленіемъ края я получилъ моральную, превыше всего для меня, награду: сочувствіе и благодарность Россіи и всѣхъ русскихъ людей, прибывшихъ въ край и посвятившихъ себя на

святое и великое дѣло обрусѣнія онаго и утвержденія тамъ православія.

Сочувствіе Россіи и русскихъ дѣятелей на славномъ поприщѣ моральнаго и политическаго покоренія сѣверо-западнаго края постоянно продолжалось и ознаменовалось адресами и телеграммами ко мнѣ; извѣщеніемъ обо всѣхъ болѣе или менѣе пріятныхъ для русскаго дѣла въ томъ краѣ событіяхъ: возведенія православныхъ храмовъ, обращенія католиковъ въ православіе, устройства новыхъ школъ; обо всемъ этомъ сообщали мнѣ изъ разныхъ мѣстъ края русскіе люди и на празднествахъ постоянно вспоминали обо мнѣ,—словомъ, имя мое сдѣлалось знаменемъ русскихъ въ томъ краѣ, и, хотя отсутствующій, я былъ моральнымъ дѣятелемъ въ довершеніи начатаго русскаго дѣла, столь достохвально поддерживаемаго (1866 г.) новымъ начальникомъ края.

Независимо всѣхъ сихъ отдѣльныхъ заявленій русскихъ людей, я удостоился получить въ разное время, въ 1865 и 1866 годахъ, отъ разныхъ сословій, корпорацій и управленій великолѣпно отдѣланные альбомы съ портретами русскихъ дѣятелей, доставленные мнѣ особо присланными депутаціями. (См. приложенія).

Обо всѣхъ сказанныхъ манифестаціяхъ искренняго ко мнѣ расположенія русскихъ людей и благодарности за общія понесенныя съ ними труды на пользу отечества были въ свое время обнародованы въ разныхъ вѣдомостяхъ и журналахъ и потому я ихъ здѣсь и не описываю; но не могу не высказать, что всѣ эти манифестаціи и заявленія русскаго чувства составляютъ для меня высшую изъ всѣхъ наградъ, которыя я могъ получить въ своей жизни. Это выше всего, что могло дать мнѣ правительство, ибо ленты и звѣзды суть награды рядовыя, которыя даются весьма часто по искательству и интригамъ, безъ разсмотрѣнія настоящихъ заслугъ. Заявленіе же благодарности Россіи, удостоившей меня многочисленными адресами во время борьбы съ мятежемъ и крамолою въ сѣверо-западномъ краѣ и присылка святыхъ иконъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи во время управленія краемъ и даже послѣ того, также радушныя и сердечныя заявленія благодарности русскими людьми, коими я былъ удостоенъ значительно послѣ оставленія мною управленія, т. е. когда я уже не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на дѣла службы,—составляютъ

такія награды, которыя превосходятъ все, что можетъ получить человѣкъ, который посвятилъ себя на служеніе Отечеству!

Богъ благословилъ меня этимъ счастіемъ, которое, еще разъ скажу, превыше всѣхъ правительственныхъ наградъ: его никто не можетъ ни дать, ни взять.

Графъ Мих. Ник. Муравьевъ.

4-го апрѣля 1866 г.
С.-Петербургъ.

Городъ Петроковъ.

Въ декабрьской книгѣ многоуважаемаго журнала „Русская Старина" изд. 1882 г., въ донесеніи генералъ-адъют. Сухозанета отъ 27 мая 1861 г., на стр. 581, вкралась опечатка: въ донесеніи этомъ сказано, что при провозѣ по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ тѣла умершаго намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, князя М. Д. Горчакова, были выставлены почетные караулы въ Скерневицахъ, Пеотровкѣ, Ченстоховѣ и Границѣ: Во всемъ привислинскомъ краѣ нѣтъ мѣстности съ названіемъ „Пеотровка". Очевидно въ донесеніи такъ названъ городъ, называвшійся въ то время Піотрковомъ (Piotrkow), а съ обращеніемъ его въ 1866 году въ губернскій городъ, называющійся нынѣ Петроковомъ.

3-го декабря 1882 г.

Сообщ. **М. И. Городецкій.**

Изъ альбома редакціи «Русской Старины» [1])

Знакомые (стр. 283).

„Педагогъ Василій Андреевичъ Золотовъ, родился въ Москвѣ въ 1804 г, воспитывался въ Ришельевскомъ Лицеѣ въ Одессѣ, потомъ заканчивалъ свое образованіе въ Московскомъ Университетѣ; началъ свою педагогическую дѣятельность съ 19 февраля 1824 года; обратился къ распространенію грамотности въ народѣ съ 1855 г., что продолжаетъ и до сихъ поръ".

В. Золотовъ.

20-го сентября 1879 г.
С.-Петербургъ.

Примѣч. См. о кончинѣ В. А. Золотова далѣе въ этой книгѣ „Русской Старины" на стр. 176.

---

[1]) Это нашъ весьма обширный альбомъ автографовъ и автобіографическихъ замѣтокъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей, артистовъ. Онъ постоянно пополняется съ 1870-го года. Ред.

ПУГАЧЕВЪ НА КАВКАЗѢ

въ 1772 году.

При разборѣ по распоряженію князя М. С. Воронцова, въ 1846—1850 гг., архивовъ въ Моздокѣ, Кизлярѣ, Ставрополѣ и Георгіевскѣ, въ первомъ изъ нихъ были отысканы любопытные документы о пребываніи Пугачева на Кавказѣ, о чемъ ни у Пушкина, ни у Рычкова, сколько мнѣ извѣстно, не упоминается. Документы эти, за исключеніемъ рапорта есаула Агафонова полковнику Иванову, были напечатаны въ малоизвѣстномъ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Ставропольской губерніи» (см. выпускъ II, стр. 175—180.—Ставрополь. 1869 г.); печатая ихъ вновь и полностью на страницахъ «Русской Старины», упомянемъ, что заключающіяся въ этихъ документахъ свѣдѣнія относятся къ эпохѣ, предшествовавшей началу открытыхъ дѣйствій мятежника.

Ад. П. Верже.

25-го іюля 1882 года.
Тифлисъ.

I.

Рапортъ есаула Агафонова полковнику Иванову.

От 9-го февраля 1772 года.

Сего февраля 8-го дня пойманъ нашего полка козаками близь города Моздока невѣдомой какой человѣкъ, который по допросу оказался войска Донскаго Зимовейской станицы, служащій козакъ Емельянъ Пугачевъ, изъ которой онъ, Пугачевъ, прошлаго 1771 года декабря 21-го дня, безъ всякаго письменнаго вида, бѣжалъ; а только имѣетъ у себя, отъ Терскаго семейнаго войска, съ приложеніемъ войсковой печати и за подписаніемъ войсковаго атамана Павла Татаринцова, для проѣзда до новопостроенной Ищорской станицы, на одной верховой лошади, для нуждъ, срокомъ на три недѣли, видъ; да отъ показанной же Ищорской, Наурской и Галюгаевской станицъ отъ станичныхъ атамановъ и стариковъ въ Государственную военную коллегію, о прибавленіи имъ денежнаго жалованья и провіанта, доношеніе; также отъ тѣхъ же трехъ станицъ онъ, Пугачевъ, одобренъ и ихъ войсковыхъ атамановъ подпискою; отъ которыхъ онъ, для проѣзда своего до С.-Петербурга, получилъ и денегъ 20 рублей; изъ коихъ уже имъ, Пугачевымъ, употреблено на разные потребы 7 руб. 50 коп.; печать сдѣланная изъ свинца на имя войска Донскаго и прочія письменныя дѣла, который козакъ Пугачевъ, имѣющіяся при немъ шашка, малахай лисій, кушакъ бѣлый шелковый основанный, куница; печать также и письменныя дѣла. денегъ 12 руб. 50 коп. при семъ въ вашему высокобл—дію и посылаются и обо всемъ вашему высокобл—дію при рапортѣ.

II.

1772 года февраля 9-го дня, представленный Моздокскаго козачьяго полка отъ полковаго есаула Агафонова при рапортѣ, пойманный того полка козаками, бѣглый человѣкъ при допросѣ отвѣтомъ показалъ:

Зовутъ де его: Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, родился онъ Донскаго войска въ Зимовейской станицѣ, гдѣ будучи по возрастѣ и службу продолжалъ; а прошлаго 1771 года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, изъ той Зимовейской станицы, не желая болѣе въ Донскомъ войскѣ продолжать службы, бѣжавъ, не захватывая нигдѣ учрежденныхъ заставъ, проѣхалъ прямо съ Дону степью къ переведеннымъ въ здѣшнія мѣста на поселеніе сказочнымъ козакамъ въ Ищорскую станицу; гдѣ отдохнувъ у тамо живущаго малороссіянина Харитона, а чей прозывается, не знаетъ, поѣхалъ оттуда прямо въ Дубовскую станицу; прибывъ же въ оную, явился тамо войсковому атаману Павлу Татаринцову съ тѣмъ, чтобы просить о принятіи и о приписаніи его въ семейное войско козакомъ. А что онъ бѣглый Донской козакъ, того ему Татаринцову необъявлялъ, но утаилъ; объявилъ же такъ, что будто бы онъ прибылъ въ прошломъ году съ прибывшими сказочными козаками; который атаманъ Татаринцовъ, по его просьбѣ, его Пугачева въ число Терское семейное войско и приписалъ въ Дубовскую станицу; откуда, по просьбѣ же его, отпущенъ онъ Пугачевъ былъ съ даннымъ отъ него Татаринцова билетомъ въ помянутую станицу Ищорскую. А будучи тамъ съ недѣлю, по собраніи отъ всѣхъ прибывшихъ сюда на поселеніе сказочныхъ козаковъ, то есть Голюгаевской, Ищорской и Наурской, атаманъ и старики согласно просили его Пугачева, чтобы онъ взялъ на себя ходатайство за нихъ о испрошеніи имъ въ государственной военной коллегіи къ произвожденію денежнаго жалованья и провіанта противъ Терскаго семейнаго войска козаковъ: почему де онъ Пугачевъ, взявъ отъ нихъ на проѣздъ 20 руб. денегъ, ѣхать въ Москву и согласился. И какъ де онъ, отправился для того въ путь свой изъ Ищорской станицы, поѣхалъ въ Моздокъ для покупки харчу и прочаго, то по выѣздѣ изъ того Моздока за рогаткою, козаками пойманъ и приведенъ къ вышеобъявленному есаулу Агафонову, гдѣ и отданъ подъ караулъ; печать же свинцовая, подъ видомъ Донскаго войска, дѣлана помянутой Ищорской станицы козаками; называемыми Ларіономъ Арбузовымъ и Петромъ Никитинымъ, сыномъ Чумаковымъ; кромѣ ихъ Арбузова и Чумакова про ту печать, что она ему отдана, той станицы атаманъ и никто незналъ. Приложенные же при рапортѣ означеннаго есаула Агафонова въ государственную военную коллегію также и заручная о бытіи ему, Пугачеву, по желанію тѣхъ сказочныхъ козаковъ, войсковымъ у нихъ атаманомъ подписка писана, съ повелѣнія, какъ выше значится, всѣхъ станицъ трехъ атамановъ и стариковъ, козакомъ Ищорской станицы Иваномъ Поповымъ; другой же билетъ, данный ему отъ Каргалинской станицы, по повелѣнію той же станицы атамана Максима Макарова, за рукою писаря Григорія Осипова, явился у него потому, что онъ Пугачевъ, реченнымъ войсковымъ атаманомъ Татаринцовымъ, опредѣленъ былъ прежде въ ту Каргалинскую, а потомъ въ Дубовскую станицу. А изъ денегъ, данныхъ ему отъ прежде писанныхъ сказочныхъ 20 руб. 7 р. 50 к. издержалъ онъ, Пугачевъ, на покупку; а 12 р. 50 к. отобраны упоминаемымъ есауломъ

Агафоновымъ; а въ томъ де допросѣ онъ показалъ самую сущую правду. Къ сему допросу, вмѣсто бѣглаго изъ Донскаго войска козака Емельяна Пугачева, за неумѣніемъ имъ грамотѣ, по его прошенію, Моздокскаго козачьяго полка сотникъ Иванъ Сафроновъ руку приложилъ.

III.

Высокоблагородному и высокопочтенному господину полковнику и Моздоцкому коменданту Александру Ѳедотовичу Иванову.

Рапортъ.

Февраля 13-го дня, 1772 года.

Сего числа поданнымъ къ плацъ-маіорскимъ дѣламъ состоящій на гаубтвахтѣ господинъ капитанъ Раванской рапортомъ представилъ, что сего февраля подъ 13-е число, по полуночи въ 9 часовъ, выпросясь у часоваго 1-й роты, у солдата Венедикта Лаптева, Донскаго войска казакъ Емельянъ Пугачевъ, который содержался на гаубтвахтѣ подъ карауломъ и изъ подъ часовъ сихъ, видно согласясь, бѣжали; и примѣтами, казакъ: лицомъ смугловатъ, волосы стриженные, борода небольшая, окладистая, черная; росту средняго; въ синемъ китайчатомъ бешметѣ, въ желтыхъ сапогахъ. А солдатъ росту малаго, волосы на головѣ курчатые, небольшіе, свѣтлорусые, лицомъ бѣлъ, рябоватъ. Оной же казакъ содержался на стулѣ съ цѣпью и съ замкомъ, которое стуло оставилъ у нужника съ тремя цѣпочными звенами; а три звена и замокъ снесъ съ собою. Послѣ-жъ онаго солдата осталось ружье со штыкомъ и съ кремнемъ, погоны, сума патронная съ перевѣзью, въ ней патроновъ съ пули двадцать одинъ; собственныхъ же—башмаки новые, чулки шерстяные ветхіе, тулупъ овчинный ветхій одинъ, хлѣба печенаго фунтовъ съ семь, — о чемъ вашему высокоблагородію рапортую. Плацъ-маіоръ Иванъ Повѣскинъ.

IV.

Рапортъ полковн. Иванова полковнику Паркеру

отъ 20-го февраля 1772 года, № 99.

Моздокскаго козачьяго полка есаулъ Агафоновъ, при рапортѣ своемъ, представилъ мнѣ поймавнаго того полка казаками бѣглаго человѣка, который допросомъ здѣсь показалъ: зовутъ де его Емельяномъ Ивановъ сынъ Пугачевъ; родился онъ Донскаго войска въ Зимовейской станицѣ, гдѣ будучи по возрастѣ и службу продолжалъ; а прошлаго де 1771 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, изъ той Зимовейской станицы, не желая болѣе въ Донскомъ войскѣ продолжать службу, бѣжавъ, незахватывая ни гдѣ учрежденныхъ заставъ, проѣхалъ прямо съ Дону степью къ переведеннымъ въ здѣшнія мѣста на поселеніе сказочнымъ козакамъ въ Ищорскую станицу; гдѣ отдохнувъ у малороссіянина Харитона, а какъ де прозывается незнаетъ, поѣхалъ оттуда прямо семейнаго войска въ Дубовскую станицу; прибывъ же въ оную явился войсковому

атаману Павлу Татаринцову; за тѣмъ, чтобы просить о принятіи и о приписаніи его въ то семейное войско козакомъ; а что онъ бѣглый Донской козакъ того ему, Татаринцову, необъявилъ; а сказалъ де ему, что будто онъ прибылъ въ прошломъ году съ прибывшими сказочными козаками. Которой де атаманъ Татаринцовъ, по просьбѣ его, Пугачева, въ число Терское семейное войско прежде въ Каргалинскую, а потомъ въ Дубовскую станицу и приписалъ; откуда по просьбѣ же его былъ отпущенъ съ даннымъ отъ него Татаринцова билетомъ въ помянутую Ищорскую станицу. И будучи де тамъ съ недѣлю, по согласію съ нѣкоторыми изъ тѣхъ сказочныхъ, принялъ онъ на себя быть у нихъ войсковымъ атаманомъ и бывъ въ государственной военной коллегіи просить о произвожденіи имъ, сказочнымъ козакамъ, противъ Терскаго семейнаго войска, козакамъ жалованья и провіанта; и куда де получа отъ нихъ денегъ двадцать рублей и поѣхалъ. Но будучи въ Моздокѣ, искупя себѣ все потребное, по выѣздѣ изъ того Моздока, Моздокскаго полка козаками пойманъ и представленъ въ Моздокскую комендантскую канцелярію; но въ воровствахъ же и въ разбояхъ онъ, Пугачевъ, никогда не бывалъ; а схватя же его, Пугачева, за тѣмъ, чтобы впредь при первой оказіи съ допросомъ его отправить на разсмотрѣніе къ вашему выс—дію я и намѣренъ былъ. Но оный будучи подъ карауломъ на гауптвахтѣ, въ ночное время выпрося вышедъ де для натуральной нужды на дворъ, видно сговорясь до того съ часовымъ солдатомъ Венедиктомъ Лаптевымъ, сего февраля противъ 14-го числа, оба бѣжали; о чемъ въ здѣшнемъ мѣстѣ, а равно и у сказочныхъ и публикація учинена. Козаки же, кои къ выбору его въ войсковые атаманы и о прошеніи о прибавленіи имъ жалованья и провіанта согласіе имѣли, всѣ другіе здѣсь, а нѣкоторые въ станицахъ въ собраніи нещадно батажьемъ наказаны. А билетъ, данный ему отъ атамана Татаринцова и отъ Каргалинской станицы при семъ представляю.

V.

1772 года января 25 дня Терскаго семейнаго войска, жительствующій въ Дубовской станицѣ, Донской козакъ Емельянъ Ивановъ отпущенъ изъ благополучнаго мѣста войска Терскаго семейнаго до новопостроенной Ищорской станицы, на одной верховой лошади, для своихъ нуждъ, срокомъ на три недѣли; которому козаку Иванову, для свободнаго чрезъ учрежденные сухопутные караулъ и форпостъ, пропуску и обратно къ войску семейному, данъ сей видъ; въ вѣрность же сего и войсковая печать приложена. На подлинномъ подписалъ войсковой атаманъ и депутатъ Павелъ Татаринцовъ.

VI.

1772 года января 18-го дня Терскаго семейнаго войска, Каргалинской станицы. козакъ Емельянъ Ивановъ отпущенъ изъ благополучнаго мѣста въ Ищорскую станицу для собственной своей нужды, котораго, по учрежденнымъ форпостамъ господамъ форпостнымъ командирамъ пропускать безъ задержанія туда и обратно. Вмѣсто атамана Максима Макарова, по его велѣнію, писарь Григорій Осиповъ подписался.

Сообщ. Ад. П. Верже.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА

8 апрѣля 1836 г.

· Въ находящейся еще въ рукописи исторической запискѣ о театральных представленіяхъ въ Россіи, составленной Д. И. Ребезовымъ, находится ряд любопытныхъ документовъ, не появлявшихся еще нигдѣ въ печати. Къ числ ихъ относится и печатаемое ниже письмо безсмертнаго М. И. Глинки къ быв шему директору императорскихъ театровъ А. М. Гедеонову.

Письмо это написано по случаю представленія въ дирекцію партитуры оперы «Иванъ Сусанинъ» (Жизнь за Царя); оно служитъ выраженіемъ н только отношеній знаменитаго композитора къ директору, но отчасти характе ризуетъ современныхъ Глинкѣ русскихъ оперныхъ пѣвцовъ московской труппы Вотъ что М. И. Глинка писалъ А. М. Гедеонову [1]).

— «Ваше Превосходительство Милостивый Государь! Имѣя чест представить при семъ оперу мною сочиненную, всепокорнѣйше прош оную, буде окажется достойною принять на сдѣшній театръ. Конди ціи отдаю совершенно на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства считая однакоже необходимымъ довести до свѣденія Вашего, чт опера сія въ настоящемъ ее видѣ можетъ быть дана токмо на С. Петербургскомъ театрѣ; ибо писавъ оную я соображался съ голосами пѣвцовъ сдѣшней труппы. И потому вынужденнымъ нахожусь обра титься къ Вашему Превосходительству съ всепокорнѣйшею просьбо объ исходатайствованіи у Высшаго начальства, чтобы представляема мною опера принадлежала токмо репертуару С.-Петербургскихъ теат ровъ, Дирекція же Московскихъ театровъ не могла распоряжатьс оною безъ моего руководства, ибо безъ весьма значительныхъ пере дѣлокъ для приспособленія ролей къ голосамъ тамошнихъ пѣвцовъ сію оперу невозможно дать на Московскомъ театрѣ.

Съ искреннимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю чест быть Вашего Превосходительства Милостивый Государь всепокорнѣй шій слуга Михайла Глинка».

8-го апрѣля 1836 года.

Изъ труда Д. И. Ребезова, равно какъ и изъ Записокъ Глинки, издан ныхъ редакціей „Русской Старины", видно, что эта опера до посвященія ея чрезъ посредство А. М. Гедеонова, покойному Государю Николаю Павловичу носила названіе „Иванъ Сусанинъ" и что было бы ошибочно предпо лагать, что она уже получила названіе „Жизнь за Царя", когда была на бросана вчернѣ.

[1]) Письмо напечатано съ буквальною точностью. М. П.

Пользуюсь случаемъ выразить Д. И. Ребезову, за предоставленіе мнѣ копіи съ настоящаго письма М. И. Глинки, мою искреннюю признательность, равно какъ и сказать нѣсколько словъ объ исторической запискѣ, въ которой это письмо находится.

Трудъ г. Ребезова основанъ не только на сочиненіяхъ, изъ которыхъ многія сдѣлались теперь библіографическою рѣдкостью, но и на рукописныхъ матеріалахъ, не появлявшихся еще въ печати. А именно, въ этомъ почтенномъ трудѣ собраны свѣдѣнія о театральныхъ зрѣлищахъ въ Россіи съ 1659 года; есть любопытные разсказы о представленіяхъ кіевскихъ бурсаковъ, мистеріяхъ, драмахъ и многомъ другомъ, заимствованномъ имъ изъ „Древней Россійской Вивліоѳики" Новикова и друг. источниковъ. Авторъ пользовался также записками Сумарокова, находящимися въ „Отечественныхъ запискахъ" 1822 года и другими сочиненіями, относящимися къ исторіи нашего театра. Кромѣ исторической записки, Д. И. Ребезовъ составилъ сборникъ законоположеній по театральной части съ 1756-го по 1870-й годъ.

Было бы желательно, чтобы этотъ обширный и любопытный трудъ не оставался долго въ портфелѣ автора, такъ какъ наша литература, въ области театральнаго искусства, не отличается богатствомъ дѣльныхъ сочиненій.

Мих. Пѣтуховъ.

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

1848 г.

Въ вышедшей 1-го октября 1882 года X книгѣ «Русской Старины» стр. 202, помѣщена статья подъ заглавіемъ: Скобелевы. Въ статьѣ этой, между прочимъ, описывается игра въ карты, происходившая у бывшаго коменданта С.-Петербургской крѣпости, генерала отъ инфантеріи Ивана Никитича Скобелева, съ генералъ-адъютантомъ Иваномъ Онуфріевичемъ Сухозанетомъ 1-мъ (сказано «тоже безногимъ»), свидѣтелемъ которой былъ ключарь Петропавловскаго крѣпостнаго собора, протоіерей Григорій Алексѣевичъ Добротворскій, давшій Скобелеву совѣтъ сдѣлать удачный ходъ, вслѣдствіе коего Сухозанетъ обремизился, за что и разсердился на протоіерея. Сей послѣдній, разсказывая своему знакомому объ этомъ происшествіи и о томъ, какъ Скобелевъ за него вступился, выразился будто бы такъ: —«Вотъ, батенька, какихъ страстей я набрался — оба генерала, оба безногіе, а другъ на друга замахиваются, точно два пѣтуха».

Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, дѣйствительно, былъ безъ ноги, лишившись ея во время войны противу польскихъ мятежниковъ въ 1831 году; что же касается до генерала отъ инфантеріи Скобелева, то тутъ, очевидно, вкралась обмолвка со стороны составителя этой статьи. Называя Ивана Никитича безногимъ, онъ вложилъ и въ уста Григорія Алексѣевича Добротворскаго рѣчь, подтверждающую

это названіе, котораго онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не давалъ Скобелеву, такъ какъ, будучи съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и встрѣчаясь почти ежедневно, могъ очень хорошо видѣть, что почтенный комендантъ ходилъ на собственныхъ своихъ двухъ ногахъ. Это могло произойти или отъ смѣшиванія его съ другимъ комендантомъ, бывшимъ его предмѣстникомъ, генералъ-адъютантомъ Александромъ Яковлевичемъ Сукинымъ, дѣйствительно безногимъ,--или же отъ того, что самъ Иванъ Никитичъ былъ хотя и съ обѣими ногами, но безъ лѣвой руки и безъ двухъ пальцевъ на правой рукѣ, коихъ онъ лишился во время войны противу польскихъ мятежниковъ въ 1831 г. [1]).

На картинкѣ, приложенной къ изданной въ 1844 г. книгопродавцемъ Фариковымъ книгѣ, подъ заглавіемъ: Переписка и разсказы русскаго инвалида, соч. генерала отъ инфантеріи Скобелева, изображенъ онъ самъ, какъ сказано въ помѣщенномъ въ концѣ 1-й части этой книги объясненіи, сидящимъ на барабанѣ, въ минуту операціи отнятія у него лѣвой руки. По этому случаю онъ отдалъ приказъ по командуемой имъ дивизіи, въ коемъ, между прочимъ, сказалъ:

—«Для меча и штыка къ защитѣ правъ батюшки Бѣлаго Царя и славы святаго намъ отечества, среди храбрыхъ товарищей, и трехъ, по милости Божіей, оставшихся у меня пальцевъ, съ избыткомъ достаточно».

Въ послѣдніе годы своего служебнаго поприща генералъ Скобелевъ, по занимаемымъ имъ должностямъ: директора Чесменской военной богадѣльни и коменданта С.-Петербургской крѣпости, находился въ частыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ военнымъ министромъ, генералъ-адъютантомъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Чернышевымъ, который, уважая его за боевыя заслуги, всегда съ удовольствіемъ выслушивалъ его оригинальныя, рѣзкія, но правдивыя рѣчи, за что также постоянно благоволилъ къ нему и императоръ Николай Павловичъ.

Въ числѣ многихъ сему примѣровъ, особенно доказываетъ это одинъ случай, уже переданный на стр. «Русской Старины», но столь давно, что не грѣхъ его пересказать вновь, («Русская Старина», изд. 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 548—550):

Въ 1848 году, за какую-то вину, былъ посаженъ въ С.-Петербургскую крѣпость прапорщикъ л.-гв. егерскаго полка Браккель.

[1]) Здѣсь исправляется, дѣйствительно, забавная обмолвка и описка: и от. Добротворскій, и от. Ф., да и редакція „Русской Старины“ очень хорошо знали и знаютъ, что знаменитый „Русскій-инвалидъ“, дѣдушка умершаго героя М. Д. Скобелева, былъ калѣка, да только безрукій, а не безногій. Ред.

1-го ноября того года комендантъ крѣпости, генералъ отъ инфантеріи Скобелевъ, писалъ къ военному министру письмо, въ коемъ изложилъ, что «Офицеръ этотъ, заключенный на восемь мѣсяцевъ въ казематѣ, образуя собою слабаго, щедушнаго, юнаго нѣмца, принявшій опредѣленное ему наказаніе съ чувствомъ вполнѣ кающагося грѣшника всего болѣе за нанесеніе удара родителямъ, проживающимъ, по словамъ его, въ Ригѣ, слезами и тоскою наводитъ страхъ. Боже упаси, если ко всему встрѣченному присоединится холера и онъ умретъ; нѣмцы подумаютъ, что уморили его въ крѣпости. Браккель виноватъ по молодости и неопытности; но онъ, какъ видно, сформированъ на благородную стать, съ чувствами возвышенными и похвальными», — а потому Скобелевъ просилъ «ходатайства о переводѣ Браккеля въ мѣсто менѣе грозное».

По доведеніи этого письма до свѣдѣнія императора Николая І-го, его величество положилъ на немъ слѣдующую высочайшую резолюцію:

—«Старику Скобелеву я ни въ чемъ не откажу; надѣюсь, что послѣ его солдатскаго увѣщанія виновному, изъ Браккеля выйдетъ опять хорошій офицеръ. Выпустить и перевесть—въ армейскій полкъ тѣмъ же чиномъ».

Имѣя случаи неоднократно видѣть Ивана Никитича и слышать его своеобразныя выраженія въ разговорахъ, я сохранилъ въ своей памяти выдающуюся его физіономію и частое нервное подергиваніе его лѣвымъ плечомъ, вслѣдствіе ампутаціи руки.

Онъ умеръ 18-го февраля 1849 года.

Съ почтеннымъ отцомъ протоіереемъ Григоріемъ Алексѣевичемъ Добротворскимъ я, какъ постоянный прихожанинъ Покровско-коломенской церкви, въ теченіи болѣе 40 лѣтъ, имѣлъ случай познакомиться во время нахожденія его, послѣ службы при Петропавловскомъ соборѣ въ крѣпости, настоятелемъ означенной церкви, съ октября 1855 года по 15 декабря 1859 года, т. е. по день его кончины.

Манеры и рѣчь его были довольно рѣзки и иногда казались даже грубы, но подъ этою жесткою наружною оболочкою скрывалась самая теплая душа.

При исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, онъ отличался особеннымъ безкорыстіемъ и всегда былъ расположенъ къ совершенію духовныхъ требъ у людей бѣдныхъ, не отказывался откушать радушно предлагаемой ими послѣ разныхъ христіанскихъ обрядовъ, какъ напримѣръ крестинъ, молебновъ, свадебъ, похоронъ и тому подобныхъ случаевъ, скромной хлѣба-соли или выпить чашку чаю, бесѣдуя съ ними въ это время, и своимъ назидательнымъ разговоромъ поучая ихъ переносить нужду и горе съ христіанскимъ смиреніемъ и терпѣ-

ніемъ; при этомъ мало того, что отказывался отъ всякой вещественной благодарности за трудъ свой, но нерѣдко даже отъ небольшаго своего достатка помогалъ неимущимъ въ крайности.

За то при погребеніи его множество облагодѣтельствованныхъ имъ бѣдняковъ провожало его въ могилу своими благословеніями.

Александръ Павлов. Петровъ.

Отъѣздъ архіепископа Иринея изъ Вологды

25 мая 1848 г.

Въ „Русской Старинѣ" напечатано много матеріаловъ, относящихся до интересной личности архіепископа Иринея Нестеровича и его печальной судьбы. Въ октябр. кн. 1882 г. сводъ одной изъ серіи таковыхъ матеріаловъ заканчивается такъ: «изъ дальнѣйшей судьбы преосв. Иринея извѣстно, что онъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ велъ жизнь строго подвижническую и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ глубокое уваженіе со стороны жителей Вологды. Впослѣдствіи онъ получилъ разрѣшеніе на архіерейское служеніе и потомъ переведенъ въ Толгскій монастырь».

Помѣщаемая ниже замѣтка служитъ дополненіемъ приведенныхъ указаній, разсказывая словами современника-вологжанина о любви мѣстныхъ жителей къ архіеп. Иринею и о торжественномъ отъѣздѣ его изъ Вологды въ Толгскій монастырь. Оказывается, что опальный архіепископъ оставлялъ Вологду не какъ печальный изгнанникъ, а какъ любимый пастырь, покидающій свою паству. Въ пользу его ума и сердца свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ пріобрѣлъ искреннее расположеніе и любовь всѣхъ классовъ населенія въ Вологдѣ, при чемъ простой народъ, какъ мнѣ доводилось неоднократно слышать, смотрѣлъ на него, какъ на мученика, страдающаго безвинно отъ своихъ враговъ.

Вотъ современная замѣтка одного вологжанина объ отъѣздѣ Иринея изъ Вологды.

„Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года вологжанъ занималъ близкій отъѣздъ любимаго ими преосвященнаго Иринея въ Ярославскую Толгскую обитель,—которыхъ онъ также очень любилъ и былъ знакомъ почти со всѣми—и съ богатыми, и съ бѣдными, и съ образованными, и съ простолюдинами: ибо одни приходили къ нему, что бы получить его архипастырское благословеніе и насладиться его просвѣщенною, душе-полезною бесѣдою, другіе также приходили за благословеніемъ и вмѣстѣ за вещественною милостынею, ибо онъ не отказывалъ никому въ возможной помощи. Прощаясь съ вологжанами, въ послѣднее время онъ совершалъ литургіи во всѣхъ, особенно чтимыхъ нами, храмахъ: въ соборѣ, у Спаса, на Горбачевскомъ кладбищѣ и во всѣхъ церквахъ Прилуцкой обители, и въ то же время посѣщалъ наиболѣе уважаемыхъ имъ своихъ знакомыхъ. 13-го мая, посѣтивъ нашу гимназію, онъ благословилъ воспитанниковъ ея иконою князя Іосафа и блаженнаго Василія, спасо-каменскихъ вологодскихъ чудотворцевъ, завѣщая на прощаньи подражать глубокому смиренію и небесной мудрости этихъ угодниковъ божіихъ.

„Утромъ 25 мая торжественный колокольный звонъ на всѣхъ городскихъ колокольняхъ возвѣстилъ отъѣздъ преосвященнаго Иринея. На пути онъ заѣзжалъ въ Воскресенскій соборъ, во Всеградскую церковь Спаса и въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ Радости въ тюремномъ замкѣ, и вездѣ церкви были полны народа, жаждавшаго еще разъ получить его пастырское благословеніе. Въ деревнѣ Горкѣ, гдѣ преосвященный Ириней прощался съ преосвященнымъ Евлампіемъ епиек вологодскимъ, оглянувшись на городъ, который виденъ былъ, какъ на блюдѣ, онъ благословилъ его въ послѣдній разъ".

Сообщилъ А. Е. Мерцаловъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЗОЛОТОВЪ.

† 12-го декабря 1882 г.

Въ 1860-хъ годахъ, при общемъ возрожденіи русской жизни, вопросъ о народной школѣ, о распространеніи грамотности въ сельскомъ населеніи получилъ необыкновенное оживленіе и общество русское, идя на встрѣчу великой миссіи Александра II, спѣшило помочь Государю-Освободителю въ дѣлѣ освобожденія, а именно оно стремилось вывести народъ изъ оковъ мрака и невѣжества; тогда именно, въ 1860-хъ годахъ, имя Золотова съ чувствомъ уваженія и признательности произносилось повсюду въ Россіи. Не было города, волости, не было деревни—куда бы ни проникали его азбуки, его таблицы буквъ и слоговъ, его подвижныя буквы, его объясненія, столь понятные и доступные, способовъ обученія грамотѣ.

Въ 1862-мъ году бывшій министръ народн. просв., высоко-уважаемый А. В. Головнинъ командировалъ, въ числѣ другихъ педагоговъ и писателей, В. А. Золотова для обозрѣнія народныхъ училищъ; результатомъ его поѣздки, вдоль всей Россіи на югъ, былъ весьма обстоятельный и интересный отчетъ. Время это намъ очень памятно, такъ какъ пишущій эти строки былъ такъ же и тогда же командированъ для изслѣдованія вопроса о положеніи народныхъ школъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній... Тогда же мы сблизились съ В. А. Золотовымъ. Добрый, кроткій, беззавѣтно преданный дѣлу народнаго образованія, Василій Андреевичъ былъ чистымъ, симпатичнымъ представителемъ народнаго учителя и вполнѣ сердечнымъ ревнителемъ воспитанія малютокъ. И какъ онъ любилъ дѣтей! 8-го декабря 1882 г. уже на смертномъ одрѣ, прощаясь съ нами, онъ чуть слышнымъ шопотомъ говорилъ намъ не о себѣ, не о своихъ дѣлахъ, нѣтъ! о дѣтяхъ ввѣреннаго его заботамъ «Дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ Импер. Человѣколюб. Общества» директоромъ котораго онъ состоялъ до самой кончины.

Обширныя записки этого русскаго народнаго учителя и воспитателя, (рукоп. въ 4 д. 415 стр.), 9-го октября 1879 года переданы имъ въ распоряженіе «Русской Старины» и мы будемъ имѣть случай говорить о В. А. Золотовѣ. Здѣсь же съ глубокою скорбію занося день его кончины на страницы нашего изданія, отъ души скажемъ, что память о немъ будетъ безсмертна въ лѣтописи народнаго образованія. Ред.

14-го декабря.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ РАЗГРОМЪ

1854—1855.

Вѣдомость о числѣ выбывшихъ изъ строя: убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ воинскихъ чинахъ въ дѣлахъ противъ непріятеля, войскъ 4-го пѣхот. корпуса, со дня прибытія въ Крымъ,

съ октября 1854 г. по 1 сентября 1855 г.

(*См. на оборотъ*).

ЗВАНІЕ ВОЙСКЪ.	Убитыхъ.						Раненыхъ и кон-		
	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.
10-й Пѣхотной дивизіи.									
Екатеринбургскаго пѣхотн. полка.	1	10	45	9	455	—	7	79	298
Тобольскаго.	—	5	29	9	316	1	5	60	302
Томскаго Егерскаго	1	9	58	16	476	—	7	47	188
Колыванскаго	—	6	45	10	351	1	7	50	300
Итого. .	2	30	177	44	1,598	2	26	236	1,088
11-й Пѣхотной дивизіи.									
Селенгинскаго пѣхотнаго полка. .	1	6	36	10	527	2	7	28	250
Якутскаго	2	8	58	10	629	1	7	52	164
Охотскаго Егерскаго. . . .	—	11	92	11	1,134	1	8	58	228
Камчатскаго.	1	13	41	11	481	3	4	59	248
Итого. . .	4	38	227	42	2,771	7	26	197	890
12-й Пѣхотной дивизіи.									
Азовскаго пѣхотнаго полка. . .	2	17	53	20	513	—	4	48	173
Днѣпровскаго	1	4	12	4	154	—	—	23	58
Украинскаго Егерскаго	1	12	75	21	532	1	4	36	125
Одесскаго.	2	9	51	9	448	—	5	44	174
Итого. .	6	42	191	54	1,647	1	13	151	530
4-го Стрѣлковаго баталіона. . .	—	—	8	1	62	—	—	4	39
4-го Сапернаго.	—	2	7	—	45	—	1	9	27
4-й Артиллерійской дивизіи.									
10-й пѣшей бригады.	—	2	1	1	43	—	5	8	21
11-й » »	—	—	4	—	30	—	1	8	38
12-й » »	—	—	1	—	1	—	1	1	3
Итого. . .	—	2	6	1	74	—	7	17	62
Всего. . .	12	114	616	142	6,197	10	73	614	2,636

Сверхъ того выбыло изъ строя отъ огня 9 генераловъ 4-го корпуса.

Всего же, во всѣхъ частяхъ 4-го пѣхотнаго корпуса—**36,878** ч.

Вѣрно: Начальникъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ Казляниновъ

1855 года октября 1-го.

Г. Бахчисарай, штабъ-квартира 4-го пѣхотнаго корпуса.

…туженныхъ.			Безъ вѣсти пропавшихъ.						ВСЕГО.					
Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.
85	3,120	3	—	—	23	4	242	1	8	89	366	98	3,817	4
62	2,818	8	—	—	—	—	—	—	5	65	331	71	3,134	9
27	2,641	2	—	—	1	—	96	—	8	56	247	43	3,213	2
74	2,688	5	—	—	15	4	227	—	7	56	360	88	3,266	6
248	11,267	18	—	—	39	8	565	1	28	266	1,304	300	19,430	21
38	2,278	1	—	—	7	—	51	—	8	34	293	48	2,856	3
37	1,912	4	—	1	7	3	134	—	9	61	229	50	2,675	5
57	1,908	2	—	3	21	11	86	—	8	72	341	79	3,126	3
66	2,261	6	2	2	2	1	43	—	7	74	291	78	2,785	9
198	8,359	13	2	6	37	15	314	—	32	241	1,154	255	11,444	20
28	1,298	—	—	—	17	1	92	—	6	65	243	49	1,903	—
17	634	1	—	—	—	—	26	—	1	27	70	21	814	1
29	907	3	—	—	—	—	—	—	5	48	200	50	1,439	4
32	1,178	—	—	—	2	—	36	—	7	53	227	41	1,662	—
106	4,017	4	—	—	19	1	154	—	19	193	740	161	5,818	5
2	358	—	—	—	—	—	5	—	—	4	47	3	425	—
—	340	3	—	1	6	—	26	—	1	12	40	—	411	3
1	142	1	—	—	—	—	—	—	5	10	22	2	185	1
1	173	6	—	—	—	—	3	—	1	8	42	1	206	6
1	4	—	—	—	—	—	—	—	1	1	4	1	5	1
3	319	7	—	—	—	—	3	—	7	19	68	4	396	7
557	24,660	45	2	7	101	24	1,067	1	87	735	3,353	723	31,924	56

ЗВАНІЕ ВОЙСКЪ.	Убитыхъ.						Раненыхъ и кон-		
	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.
10-й Пѣхотной дивизіи.									
Екатеринбургскаго пѣхотн. полка.	1	10	45	9	455	—	7	79	298
Тобольскаго.	—	5	29	9	316	1	5	60	302
Томскаго Егерскаго	1	9	58	16	476	—	7	47	188
Колыванскаго	—	6	45	10	351	1	7	50	300
Итого. .	2	30	177	44	1,598	2	26	236	1,088
11-й Пѣхотной дивизіи.									
Селенгинскаго пѣхотнаго полка. .	1	6	36	10	527	2	7	28	250
Якутскаго	2	8	58	10	629	1	7	52	164
Охотскаго Егерскаго. . . .	—	11	92	11	1,134	1	8	58	228
Камчатскаго.	1	13	41	11	481	3	4	59	248
Итого. . .	4	38	227	42	2,771	7	26	197	890
12-й Пѣхотной дивизіи.									
Азовскаго пѣхотнаго полка. . .	2	17	53	20	513	—	4	48	173
Днѣпровскаго	1	4	12	4	154	—	—	23	58
Украинскаго Егерскаго	1	12	75	21	532	1	4	36	125
Одесскаго.	2	9	51	9	448	—	5	44	174
Итого. .	6	42	191	54	1,647	1	13	151	530
4-го Стрѣлковаго баталіона. . .	—	—	8	1	62	—	—	4	39
4-го Сапернаго.	—	2	7	—	45	—	1	9	27
4-й Артиллерійской дивизіи.									
10-й пѣшей бригады.	—	2	1	1	43	—	5	8	21
11-й » »	—	—	4	—	30	—	1	8	38
12-й » »	—	—	1	—	1	—	1	1	3
Итого. . .	—	2	6	1	74	—	7	17	62
Всего. . .	12	114	616	142	6,197	10	73	614	2,636

Сверхъ того выбыло изъ строя отъ огня 9 генераловъ 4-го корпуса.

Всего же, во всѣхъ частяхъ 4-го пѣхотнаго корпуса — **36,878** ч.

Вѣрно: Начальникъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ Казляниновъ

1855 года октября 1-го.

Г. Бахчисарай, штабъ-квартира 4-го пѣхотнаго корпуса.

…туженныхъ.			Безъ вѣсти пропавшихъ.						В С Е Г О.					
Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.
85	3,120	3	—	—	23	4	242	1	8	89	366	98	3,817	4
62	2,818	8	—	—	—	—	—	—	5	65	331	71	3,134	9
27	2,641	2	—	—	1	—	96	—	8	56	247	43	3,213	2
74	2,688	5	—	—	15	4	227	—	7	56	360	88	3,266	6
248	11,267	18	—	—	39	8	565	1	28	266	1,304	300	19.430	·21
38	2,278	1	—	—	7	—	51	—	8	34	293	48	2,856	3
37	1,912	4	—	1	7	3	134	—	9	61	229	50	2,675	5
57	1,908	2	—	3	21	11	86	—	8	72	341	79	3,126	3
66	2,261	6	2	2	2	1	43	—	7	74	291	78	2,785	9
198	8,359	13	2	6	37	15	314	—	32	241	1.154	255	11.444	20
28	1,298	—	—	—	17	1	92	—	6	65	243	49	1,903	—
17	634	1	—	—	—	—	26	—	1	27	70	21	814	1
29	907	3	—	—	—	—	—	—	5	48	200	50	1,439	4
32	1,178	—	—	—	2	—	36	—	7	53	227	41	1,662	—
106	4,017	4	—	—	19	1	154	—	19	193	740	161	5,818	5
2	358	—	—	—	—	—	5	—	—	4	47	3	425	—
—	340	3	—	1	6	—	26	—	1	12	40	—	411	3
1	142	1	—	—	—	—	—	—	5	10	22	2	185	1
1	173	6	—	—	—	—	3	—	1	8	42	1	206	6
1	4	—	—	—	—	—	—	—	1	1	4	1	5	1
3	319	7	—	—	—	—	3	—	7	19	68	4	396	7
557	24,660	45	2	7	101	24	1,067	1	87	735	3,353	723	31,924	56

Примѣчаніе. Части 4-го пѣхотнаго корпуса выступили изъ Бессарабіи въ Крымъ, въ концѣ сентября и въ октябрѣ мѣсяцахъ 1854 г., въ слѣдующемъ наличномъ составѣ:

12 пѣхотная дивизія . . .	11,318	человѣкъ.
10 » »	12,220	»
11 » »	9,740	»
4 стрѣлковаго баталіона. .	616	»
4 сапернаго » . .	820	»
4 артиллерійская дивизія .	380	»
Итого .	35,094	человѣка.

Вѣрно: Начальникъ штаба 4 пѣхотнаго корпуса, полковникъ Казляниновъ.

Слѣдовательно, число пострадавшихъ отъ непріятельскаго огня въ теченіи года превышаетъ число наличныхъ чиновъ корпуса на 1784 человѣка. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые изъ числа раненыхъ и контуженныхъ, по излѣченіи, возвращались въ ряды и были ранены потомъ еще не одинъ разъ, и еще, что всѣ части корпуса были два раза комплектуемы въ теченіи года.

Сообщ. въ 1882 г. генер.-адъют. Казлянинов.

Примѣчаніе. Долгомъ считаемъ поблагодарить г. Казлянинова за сообщеніе этого документа, въ высшей степени краснорѣчиво свидѣтельствующаго о доблестной службѣ 4-го корпуса во время Крымской кампаніи.

Ред.

1783—1883

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

1783—1852.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

Очерки профессора П. А. Висковатова и доктора К. К. Зейдлица.— Письма В. А. Жуковскаго.

27-го января
1883.

ЗВАНІЕ ВОЙСКЪ.	Убитыхъ.						Раненыхъ и кон		
	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.
10-й Пѣхотной дивизіи.									
Екатеринбургскаго пѣхотн. полка.	1	10	45	9	455	—	7	79	29
Тобольскаго.	—	5	29	9	316	1	5	60	30
Томскаго Егерскаго	1	9	58	16	476	—	7	47	18
Колыванскаго	—	6	45	10	351	1	7	50	30
Итого. .	2	30	177	44	1,598	2	26	236	1,08
11-й Пѣхотной дивизіи.									
Селенгинскаго пѣхотнаго полка. .	1	6	36	10	527	2	7	28	25
Якутскаго	2	8	58	10	629	1	7	52	16
Охотскаго Егерскаго. . . .	—	11	92	11	1,134	1	8	58	22
Камчатскаго.	1	13	41	11	481	3	4	59	24
Итого. . .	4	38	227	42	2,771	7	26	197	89
12-й Пѣхотной дивизіи.									
Азовскаго пѣхотнаго полка. . .	2	17	53	20	513	—	4	48	17
Днѣпровскаго	1	4	12	4	154	—	—	23	5
Украинскаго Егерскаго	1	12	75	21	532	1	4	36	12
Одесскаго.	2	9	51	9	448	—	5	41	17
Итого. .	6	42	191	54	1,647	1	13	151	53
4-го Стрѣлковаго баталіона. . .	—	—	8	1	62	—	—	4	3
4-го Саconverted Сапернаго.	—	2	7	—	45	—	1	9	2
4-й Артиллерійской дивизіи.									
10-й пѣшей бригады. . . .	—	2	1	1	43	—	5	8	2
11-й » »	—	—	4	—	30	—	1	8	3
12-й » »	—	—	1	—	1	—	1	1	
Итого. . .	—	2	6	1	74	—	7	17	6
Всего. . .	12	114	616	142	6,197	10	73	614	2,63

Сверхъ того выбыло изъ строя отъ огня 9 генераловъ 4-го корпуса.

Всего же, во всѣхъ частяхъ 4-го пѣхотнаго корпуса—**36,878** ч.

Вѣрно: Начальникъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ Казлянинов

1855 года октября 1-го.

Г. Бахчисарай, штабъ-квартира 4-го пѣхотнаго корпуса.

тушенныхъ.			Безъ вѣсти пропавшихъ.						В С Е Г О.					
Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.
85	3,120	3	—	—	23	4	242	1	8	89	366	98	3,817	4
62	2,818	8	—	—	—	—	—	—	5	65	331	71	3,134	9
27	2,641	2	—	—	1	—	96	—	8	56	247	43	3,213	2
74	2,688	5	—	—	15	4	227	—	7	56	360	88	3,266	6
248	11,267	18	—	—	39	8	565	1	28	266	1,304	300	19,430	21
38	2,278	1	—	—	7	—	51	—	8	34	293	48	2,856	3
37	1,912	4	—	1	7	3	134	—	9	61	229	50	2,675	5
57	1,908	2	—	3	21	11	86	—	8	72	341	79	3,126	3
66	2,261	6	2	2	2	1	43	—	7	74	291	78	2,785	9
198	8,359	13	2	6	37	15	314	—	32	241	1,154	255	11,444	20
28	1,298	—	—	—	17	1	92	—	6	65	243	49	1,903	—
17	634	1	—	—	—	—	26	—	1	27	70	21	814	1
29	907	3	—	—	—	—	—	—	5	48	200	50	1,439	4
32	1,178	—	—	—	2	—	36	—	7	53	227	41	1,662	—
106	4,017	4	—	—	19	1	154	—	19	193	740	161	5,818	5
2	358	—	—	—	—	—	5	—	—	4	47	3	425	—
—	340	3	—	1	6	—	26	—	1	12	40	—	411	3
1	142	1	—	—	—	—	—	—	5	10	22	2	185	1
1	173	6	—	—	—	—	3	—	1	8	42	1	206	6
1	4	—	—	—	—	—	—	—	1	1	4	1	5	1
3	319	7	—	—	—	—	3	—	7	19	68	4	396	7
557	24,660	45	2	7	101	24	1,067	1	87	735	3,353	723	31,924	56

Примѣчаніе. Части 4-го пѣхотнаго корпуса выступили изъ Бессарабіи въ Крымъ, въ концѣ сентября и въ октябрѣ мѣсяцахъ 1854 г., въ слѣдующемъ наличномъ составѣ:

12 пѣхотная дивизія . . .	11,318 человѣкъ.
10 » »	12,220 »
11 » »	9,740 »
4 стрѣлковаго баталіона. .	616 »
4 Саперпаго » . .	820 »
4 артиллерійская дивизія .	380 »
Итого .	35,094 человѣка.

Вѣрно: Начальникъ штаба 4 пѣхотнаго корпуса, полковникъ Казляниновъ.

Слѣдовательно, число пострадавшихъ отъ непріятельскаго огня въ теченіи года превышаетъ число наличныхъ чиновъ корпуса на 1784 человѣка. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые изъ числа раненыхъ и контуженныхъ, по излѣченіи, возвращались въ ряды и были ранены потомъ еще не одинъ разъ, и еще, что всѣ части корпуса были два раза комплектуемы въ теченіи года.

Сообщ. въ 1882 г. генер.-адъют. Казлянииновъ.

Примѣчаніе. Долгомъ считаемъ поблагодарить г. Казлянинова за сообщеніе этого документа, въ высшей степени краснорѣчиво свидѣтельствующаго о доблестной службѣ 4-го корпуса во время Крымской кампаніи.

Ред.

1783—1883

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

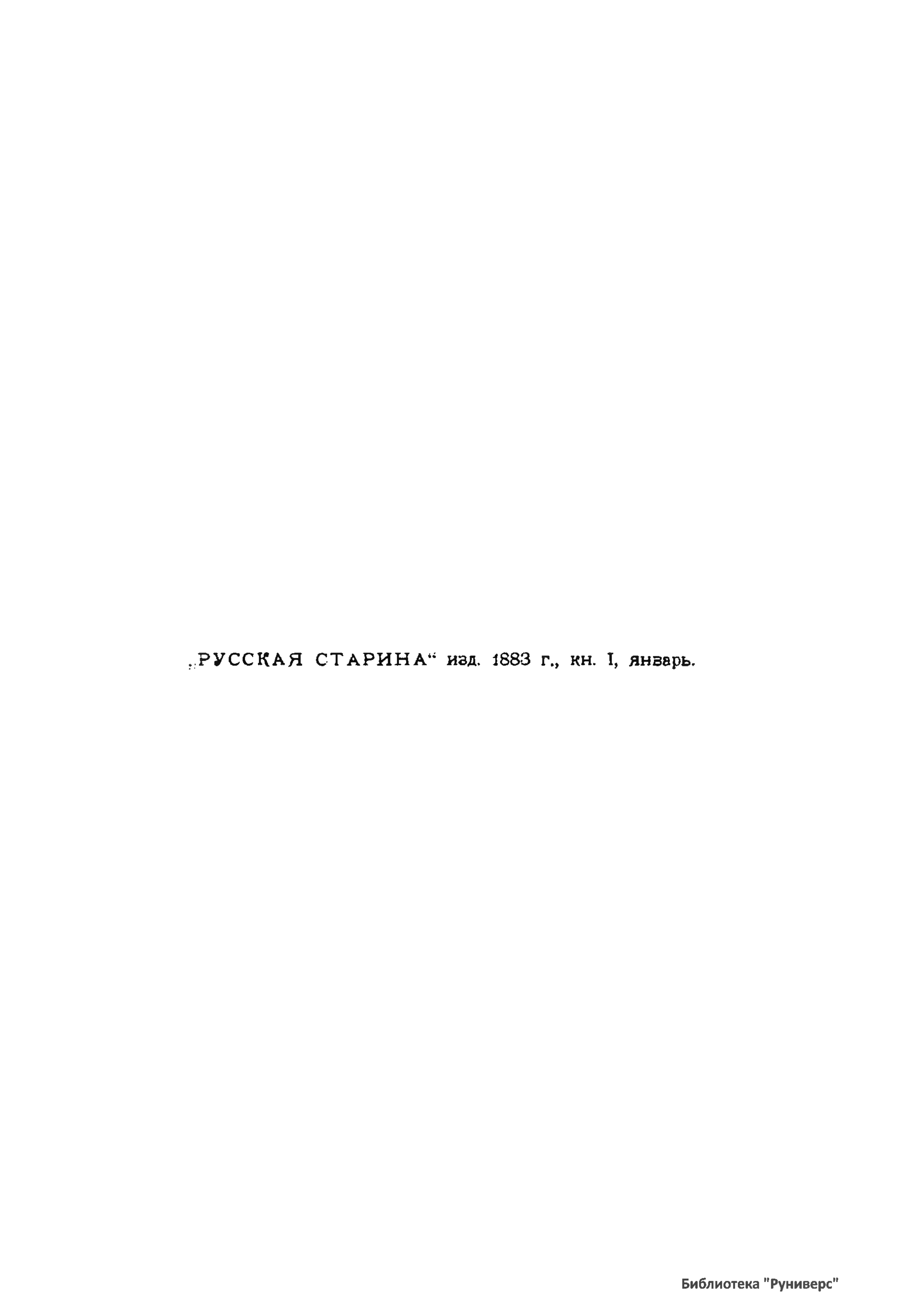
1783—1852.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

Очерки профессора П. А. Висковатова и доктора К. К. Зейдлица.—
Письма В. А. Жуковскаго.

27-го января
1883.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1883 г., кн. I, январь.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

Столѣтняя годовщина дня рожденія.

27-го января 1883 года минетъ сто лѣтъ дню, когда въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, отъ бѣдной рабыни, плѣнной турчанки, родился Василій Андреевичъ Жуковскій. Бѣднякъ помѣщикъ Кіевской губерніи, Андрей Григорьевичъ Жуковскій, далъ имя безродному мальчику, которому судьба предназначила стать воспитателемъ цѣлыхъ поколѣній русскаго юношества, стать въ странѣ виднымъ поэтомъ и преобразователемъ языка, стать руководителемъ юношескихъ дней государя душевнаго и любящаго, государя, вынесшаго на плечахъ своихъ великое освобожденіе закрѣпощенныхъ милліоновъ. Не малое, конечно, вліяніе имѣлъ Василій Андреевичъ на развитіе мягкихъ и гуманныхъ струнъ души молодаго наслѣдника престола. Въ жизнеописаніи Императора Александра II, тамъ, гдѣ будетъ сказано слово о развитіи и образованіи характера его—часто и съ уваженіемъ—будетъ произнесено имя Василія Андреевича Жуковскаго.

Да! сослужилъ этотъ человѣкъ — въ полномъ и высокомъ значеніи слова—великую службу Россіи и не на одномъ только поприщѣ литературномъ.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Такъ произнесло свое сужденіе крылатое поэтическое слово Пушкина. Первый вѣкъ теперь минуетъ и, полагаю я, мужъ

исторіи скажетъ о значеніи Жуковскаго свое вѣское, справедливое слово. Вѣрю я, что русскіе люди, приносившіе лепту на памятникъ Пушкину, съ любовью собирающіеся воздвигнуть монументъ Царю, который чудесно встанетъ „въ вѣкахъ" все величественнѣе и лучезарнѣе, не забудутъ еще и въ наши дни человѣка, бывшаго учителемъ двухъ лицъ русской славы—свободнаго поэта и Царя-Освободителя. Славные люди сами воздвигаютъ себѣ „памятникъ нерукотворный". Дѣло потомства—свидѣтельствовать о своемъ пониманіи, воздвигая монументы изъ камня и металла!

«Страданіемъ душа поэта зрѣетъ!»
Жуковскій.

Написать о Жуковскомъ слѣдуетъ подробную біографію, а не очеркъ. Краткихъ его характеристикъ довольно. Написать полную біографію можно будетъ—лишь когда появится въ свѣтъ многое, что еще хранится въ рукописяхъ въ частныхъ и государственныхъ архивахъ, или ждетъ критической обработки.

Самое полное, что написано было о Жуковскомъ, принадлежитъ перу К. К. Зейдлица: Wassily Andrejewitsch Joukowsky im russischen Dichterleben [1]).

Въ этомъ трудѣ, писанномъ преданнымъ другомъ, рѣчь идетъ болѣе о домашней и внутренней жизни поэта, о развитіи его таланта, тѣсно связующагося съ характеромъ человѣка.

Г. Зейдлицъ, переведя свою книгу на русскій языкъ съ нѣмецкаго, озаглавилъ ее: „Очеркъ развитія поэтической жизни Жуковскаго" [2]). Покойный Котляревскій, исправляя рукопись, поставилъ вмѣсто жизни — „дѣятельности". Заглавіе Зейдлица больше подходитъ къ смыслу сочиненія. Г. Ефремовъ, предпосылая тщательно составленному изданію сочиненій Жуковскаго (1878 г.) небольшой біографическій очеркъ, пользовался главнымъ образомъ біографіею г. Зейдлица.

Лишнимъ было бы здѣсь возстановлять въ памяти читателя факты изъ жизни Жуковскаго, но такъ какъ редакція „Рус-

---

[1]) Zweite Ausgabe, Mitau, 1872.

[2]) Помѣщено въ „Журналѣ Мин. Народн. Просв." за 1869 годъ.

ской Старины“ собирается издать вполнотѣ письма поэта, только частью знакомыя публикѣ изъ біографическаго очерка его друга, и такъ какъ письма эти касаются эпизода любви поэта къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, то я считаю не лишнимъ попытаться— описать, въ краткихъ чертахъ, ходъ и значеніе этого эпизода, имѣвшаго столь рѣшительное вліяніе на судьбу Жуковскаго.

Незаконный сынъ помѣщика тульской губерніи, Аѳанасія Ивановича Бунина, маленькій Жуковскій былъ принятъ въ господскій домъ только по смерти единственнаго законнаго наслѣдника мужескаго пола. Нѣсколько дочерей и внучекъ Буниныхъ баловали Васеньку, въ то время, какъ мать его, турчанка Сальха, послѣ крещенія названная Елисаветой Дементьевной, стоя, выслушивала приказанія и, развѣ только изрѣдка, украдкой, могла расточать материнскія ласки отнятому у нея сыну.

Нѣтъ сомнѣнія, что, не смотря на окружавшую ласку семейства Буниныхъ, чувствительный мальчикъ ощущалъ ложность положенія. Былъ же моментъ, когда оно открылось ему. Еще въ дневникѣ своемъ, 30-ти лѣтнимъ мужемъ, поэтъ замѣчаетъ: „то, что называется истинною жизнью, мнѣ незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери; въ то время, когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства, она меня оставила [1]). Я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдалена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ. Семейнаго счастія для меня не было, всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души“... Эта „другая мать“ была дочь Буниныхъ, Екатерина Аѳанасьевна Протасова. Гораздо старше Жуковскаго годами—она не допускала съ его стороны братскихъ отношеній. Жуковскій и называлъ ее—то „теткой“, то—„матерью“.

Толпу бранили всѣ поэты—
Хвалили всѣ домашній кругъ,

говоритъ Лермонтовъ; не знаю, справедливо-ли оно вообще, но относительно Жуковскаго вторая строка выражаетъ, что главнымъ образомъ наполняло его душу.

---

[1]) Сальха умерла одновременно съ женою Аѳан. Иван. Бунина, задолго опередившаго ее. П. В.

Можетъ быть именно потому, что настоящихъ радостей семейныхъ Жуковскому съ дѣтства не пришлось извѣдать, онъ такъ болѣзненно жаждалъ семейнаго счастія и такъ нѣженъ и поэтиченъ въ его описаніяхъ.

Еще на старости лѣтъ онъ рѣшается извѣдать его, когда молодая дѣвушка, въ порывѣ поэтическаго восторга, признается ему въ любви. Не выдержалъ поэтъ на закатѣ дней своихъ и попытался схватить, что всю жизнь не давалось ему—на мгновенье поблекнулъ тогда даже образъ „Маши", всю жизнь сопровождавшій его и... дорого заплатилъ онъ за эту попытку найдти въ старости, еще съ молодою женою, „гармонію двухъ душъ" и семейное счастіе.

Не извѣдавъ въ дѣтствѣ радостной семейной жизни и все-таки примыкая къ ней, Жуковскій, любящей душой, привязался къ тѣмъ изъ родныхъ, которые, испытавъ горе, какъ бы нуждались въ ласкѣ и покровительствѣ. Екатерина Аѳанасьевна, младшая дочь Бунина, въ 1792 году вышла за мужъ за Андрея Ивановича Протасова. Бракъ былъ несчастливъ. Протасовъ спекуляціями да картами разстроилъ все состояніе жены. Овдовѣвъ въ 1805 г., Екатерина Аѳанасьевна съ дочерьми, Машей 12 лѣтъ и Александрой 10, при самыхъ скудныхъ средствахъ къ жизни, повела уединенное существованіе. Дѣтямъ надо было дать воспитаніе, а сама Екатерина Аѳанасьевна получила его въ весьма скудныхъ размѣрахъ; она дѣвушкой прожила цѣлые годы въ Сибири со старшею сестрою, бывшею за мужемъ. Это время не могло благотворно отозваться на ея развитіи. Видя необходимость помочь, Жуковскій, тогда уже окончившій курсъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и много работавшій надъ самообразованіемъ, ревностно принялся учить племянницъ своихъ. Каждый день изъ Мишенскаго отправлялся пѣшкомъ въ Бѣлевъ къ ученицамъ своимъ, которыхъ направлялъ въ духѣ нѣмецкаго романтизма, подъ вліяніемъ коего состоялъ самъ. Къ 1808 году Жуковскій, уже получившій нѣкоторую извѣстность, принимаетъ на себя редакцію „Вѣстника Европы", но, видя невозможность „реформировать вкусъ публики на свой ладъ", уже въ 1810 г. возвращается въ Мишенское. Онъ опять отдаетъ свое время Протасовымъ,—завѣдуетъ даже ихъ дѣлами и сооружаетъ для нихъ домъ въ „Муратовѣ", близь Бѣлева, куда и переѣзжаетъ семья.

Въ это время „Маша“ Протасова все болѣе и болѣе становится дорогою поэту. Въ немъ зрѣетъ долго скрываемая мысль жениться на ней, сдѣлать семью Протасовыхъ своею семьей. Пѣсни, слагаемыя въ это время Жуковскимъ, всѣ проникнуты любовью къ Машѣ. Только въ 1812 году онъ рѣшился переговорить съ Екатериной Аѳанасьевной, не открывши еще чувства своего къ Машѣ. Екатерина Аѳанасьевна приняла признаніе поэта болѣе, чѣмъ сурово и настрого запретила ему кому либо сообщать о своемъ чувствѣ, тѣмъ болѣе — дочерямъ. Замолкли радостныя пѣсни поэта,—жалоба, тоска и отчаяніе слышатся въ новыхъ; а когда въ сосѣднемъ имѣніи Плещеевыхъ „Черни“, въ присутствіи съѣхавшихся знакомыхъ, было пропѣто стихотвореніе Жуковскаго „Пловецъ“, положенное на музыку хозяиномъ дома, Екатерина Аѳанасьевна увидѣла въ этомъ намеки на чувство Жуковскаго и намѣреніе ослушаться приказаній. Поэтъ былъ вынужденъ оставить родину и записаться въ ополченіе. Вернувшись больнымъ изъ-подъ Малаго Ярославца, Жуковскій еще разъ пытался смягчить сердце матери, но безуспѣшно. Въ это время „Маша“ узнала о чувствѣ къ ней поэта. Суровое отношеніе матери сильно подѣйствовало на нее. Всегда нѣжная ея природа не вынесла удара. Дѣвушка серьезно заболѣла и, кажется, въ то время было положено основаніе болѣзненности, которая и свела ее потомъ въ раннюю могилу.

Тщетны были попытки друзей помочь Жуковскому, тщетно самъ Филаретъ заявлялъ, что—судя по церковнымъ книгамъ—нѣтъ причины не допускать брака. Екатерина Аѳанасьевна, непризнававшая въ Жуковскомъ брата, упорно стояла на томъ, что Маша все-же ему родная племянница, а по законамъ православной церкви браки между столь близкими родными не допускаются. Не слишкомъ образованная—только въ позднихъ лѣтахъ черезъ дѣтей своихъ и Жуковскаго она нѣсколько пополнила сильные пробѣлы своего воспитанія—Екатерина Аѳанасьевна тѣмъ крѣпче держалась разныхъ предразсудковъ, а религіозность видѣла во внѣшней обрядности. Къ этому относится выписка изъ дневника Жуковскаго, начинающаяся разсужденіемъ о томъ, что „говѣть — не значитъ ѣсть грибы“ и т. д.

Въ концѣ 1813 года пріѣхалъ къ Жуковскому А. Ѳ. Воейковъ. Онъ прикинулся другомъ поэта, выказывая искреннюю готовность

ему помочь; но, втершись въ довѣріе къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ и ставъ женихомъ ея дочери, Александры, началъ интриговать противъ Жуковскаго. Екатерина Аѳанасьевна, какъ бы обрадовавшись тому, что получила теперь опору въ семьѣ, стала выказывать непріязнь къ Жуковскому, такъ что вынудила его уѣхать изъ Муратова. Не смотря на то, Жуковскій по прежнему оставался вѣрнымъ другомъ семьѣ; а когда свадьба Воейкова была отложена изъ-за неимѣнія денегъ, онъ продалъ все, что у него было, и отдалъ деньги (11 тысячъ рублей) въ приданое Александрѣ Андреевнѣ.

Василій Андреевичъ прошелъ черезъ страшную душевную борьбу. Онъ рѣшился встать къ Машѣ въ самыя идеальныя отношенія. Нравственно она была его, ею онъ жилъ и вдохновлялся. Переписка съ Машею есть самый лучшій комментарій для уразумѣнія характера нашего поэта. Отрѣшившись отъ мысли упрочить свое семейное счастіе женитьбою на Машѣ, Жуковскій рѣшительно объявилъ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ, что онъ, какъ братъ ея, не только на словахъ хочетъ пользоваться правомъ печься объ участи семьи. Никакія оскорбленія и затрудненія не останавливали его въ заботахъ о тѣхъ, которыхъ онъ считалъ своею семьею, но и это ему старались возбранять, и когда Жуковскій попытался было поселиться въ Дерптѣ, куда переѣхала семья Протасовыхъ, вслѣдъ за Воейковымъ, сдѣланнымъ профессоромъ русской словесности при дерптскомъ университетѣ, ему сдѣлали пребываніе тамъ невозможнымъ.

Тогда только поэтъ рѣшился послѣдовать зову друзей своихъ,— Тургенева, Блудова, Уварова, Вяземскаго и др., и поселиться окончательно въ Петербургѣ и при дворѣ. Но часто онъ еще наѣзжалъ въ Дерптъ посмотрѣть на дорогую семью.

Между тѣмъ дѣйствія Воейкова стали таковыми, что отъ него страдала не только жена, но и вся семья. Опору она получила, наконецъ, въ лицѣ домашняго врача, профессора (потомъ ректора университета) Майера. Честный и твердый характеръ этого человѣка вселялъ Воейкову уваженіе и нѣкоторую робость. Екатерина Аѳанасьевна задумала выдать за него „Машу". Вотъ тутъ-то началась для Жуковскаго жестокая внутренняя драма. Однако, убѣдившись въ необходимости для Маши постоянной опоры и увѣрившись въ уважительности характера Майера, онъ объяснился

съ нимъ и далъ Машѣ свое благословеніе. Но и тутъ Жуковскій побѣдилъ въ себѣ эгоизмъ,—онъ сталъ выше его и сохранилъ ту же горячую любовь къ идеалу своему. Маша вышла замужъ за Майера въ 1817 году. Отъ брака родилась дочь, Екатерина, а 9-го марта 1823 года Марья Андреевна скончалась при вторичныхъ родахъ отъ чахотки.

Въ послѣдній разъ Жуковскій видѣлъ Машу за десять дней до смерти. Онъ, въ концѣ февраля 1823 года, проводилъ Александру Андреевну Воейкову съ дѣтьми въ Дерптъ и оставался тамъ двѣ недѣли; марта 9-го онъ простился съ нею, не предчувствуя, что это было послѣднимъ свиданіемъ. Къ этому относится стихотвореніе Жуковскаго, озаглавленное:

«9-го марта 1823 года».

Ты предо мною
Стояла тиха,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила,
Какъ рай, спокойна;
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь! [1])

Смерть Маши была страшнымъ ударомъ для Жуковскаго. Маша была стимуломъ его литературной дѣятельности. Въ само-

[1]) См. соч., т. III, стр. 491.—Маша похоронена была на русскомъ кладбищѣ въ Дерптѣ. Жуковскій нарочно купилъ у города землю немного впереди кладбища. (Теперь она вошла въ ограду и стѣснена другими могилами). У К. К. Зейдлица есть изображеніе одинокой могилы „Маши“, сдѣланное Жуковскимъ въ 1823 году. На ней еще нѣтъ ни креста, ни бронзовой доски, которыя потомъ были поставлены Василіемъ Андреевичемъ. П. В.

отверженной любви къ ней черпалъ онъ и силу, и вдохновеніе. Теперь не стало того, что поддерживало его личную жизнь, а любящая его натура требовала нѣжную дружбу, ей необходимо было опереться на нее. Теперь для него стала самымъ близкимъ человѣкомъ двоюродная сестра Маши, Авдотья Петровна.

Авдотья Петровна, по рожденію Юшкова, была внучка Аѳ. Ив. Бунина (дочь Варвары Аѳанасьевны Буниной, вышедшей за Петра Николаевича Юшкова); она, слѣдовательно, приходилась Жуковскому тоже родною племянницей, какъ и Маша. Авдотья Петровна, вышедшая первымъ бракомъ за Кирѣевскаго, была матерью извѣстныхъ дѣятелей нашихъ, славянофиловъ—Ивана и Петра Кирѣевскихъ. Вторымъ бракомъ она вышла за Елагина.

Уже въ 1813 году Авдотья Петровна была главнымъ повѣреннымъ Жуковскаго во всѣхъ треволненіяхъ его и мученіяхъ, перенесенныхъ при стараніяхъ жениться на Машѣ. Теперь она еще больше прежняго становится другомъ убитаго горемъ поэта.

До самой своей кончины Жуковскій не только писалъ Авдотьѣ Петровнѣ, но и посылалъ ей на сохраненіе цѣлые ящики своей переписки [1]).

Другимъ близкимъ другомъ поэта сталъ докторъ К. К. Зейдлицъ. Онъ еще студентомъ познакомился съ Жуковскимъ на „комершѣ" въ 1815 г. Будучи ассистентомъ Майера, онъ часто бывалъ у него и даже жилъ въ его домѣ. Тамъ видался онъ съ Жуковскимъ и былъ свидѣтелемъ событій семейной драмы. Съ Карломъ Карловичемъ Жуковскій оставался до послѣднихъ дней въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ; и когда уѣхалъ за границу, то докторъ Зейдлицъ былъ устроителемъ его домашнихъ дѣлъ. Жуковскій повѣрялъ вѣрному другу все, что переживалъ, и письма къ Карлу Карловичу проливаютъ свѣтъ на послѣдній періодъ жизни поэта [2]).

---

[1]) Старшій сынъ Авдотьи Петровны—отъ втораго брака—Василій Алексѣевичъ Елагинъ, женился на дочери „Маши", Екатеринѣ Ивановнѣ Майеръ.

[2]) К. К. Зейдлицъ родился 6-го марта 1798 года, слѣдовательно, былъ моложе Жуковскаго на 15 лѣтъ. Окончивъ въ 1821 году курсъ въ дерптскомъ университетѣ, со степенью доктора, Зейдлицъ переѣхалъ въ Петербургъ на службу въ госпиталь морскаго министерства. Въ 1823 г. былъ посланъ въ Астрахань бороться съ холерною эпидеміею. Въ 1826 г. поѣхалъ за границу заниматься въ Парижѣ и Монпелье. Въ это время прибыла съ дѣтьми Ал. Андр Воейкова въ Швейцарію, очень больная. Жуковскій и графъ Перовскій

Когда Зейдлицъ въ 1836 году навсегда поселился въ Дерптѣ, Жуковскій не разъ пріѣзжалъ къ нему помолиться на могилѣ „Маши“. Онъ полагалъ даже провести остатокъ дней своихъ въ Дерптѣ; здѣсь писалъ онъ многіе изъ своихъ произведеній и къ мечтамъ о поселеніи въ Дерптѣ относится извѣстное мѣсто въ началѣ V главы его „Ундины“, законченной въ этомъ городѣ въ 1836 году:

— Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случалось въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру,
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага
Первой чистой любви, на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живется такъ сладко, здѣсь сердцу будетъ пріятно....

Изъ-за границы Жуковскій не разъ поручалъ Зейдлицу нанимать помѣщенія и даже однажды послалъ въ Дерптъ всю утварь и мебель. Желаніемъ его было умереть въ Дерптѣ и быть похороненнымъ возлѣ „Маши“; онъ даже приготовилъ себѣ мѣсто подлѣ ея могилы.

Авдотья Петровна Елагина, скончавшаяся въ Дерптѣ въ 1878 г., послѣ полуторогодоваго пребыванія, передала вѣрному другу поэта многія драгоцѣнныя письма, писанныя къ ней Жуковскимъ. Біографъ его, противъ чаянія, доживщій до 100-лѣтняго юбилея друга, теперь рѣшился подѣлиться ими съ публикой.

(генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края) дали необходимыя средства на эту поѣздку. Воейкова скончалась въ 1828 г., въ Ниццѣ, и была схоронена Зейдлицомъ на русскомъ кладбищѣ въ Ливорно. Оторвавшись отъ ученыхъ занятій въ Ризѣ, гдѣ Зейдлицъ впервые ознакомилъ ученыхъ съ употребленіемъ стетоскопа, тогда только что примѣнявшагося въ Парижѣ, Зейдлицъ отвезъ дѣтей Воейковой въ Россію и затѣмъ поспѣшилъ въ дѣйствующую армію Дибича, гдѣ былъ назначенъ главнымъ врачемъ, а потомъ дѣйствовалъ въ чумномъ госпиталѣ въ Адріанополѣ и при Орловѣ—въ Константинополѣ. Записки объ этомъ времени изданы Зейдлицомъ въ 1854 г. на нѣмецкомъ языкѣ: Zur Erinnerung an den Türkischen Feldzug aus dem Jahre 1828—1829.

Сдѣланный потомъ главнымъ докторомъ морскаго госпиталя въ Петербургѣ, Зейдлицъ въ 1836 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Дерптѣ. Сюда неоднократно пріѣзжалъ Жуковскій. Много вещей и работъ его хранится у друга нашего поэта. П. В.

Передавая эпизодъ любви Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ, я удерживался отъ всякаго сужденія, передалъ лишь то, что казалось мнѣ нужнымъ для бо́льшаго уразумѣнія значенія писемъ.

Печатая ихъ, я старался сохранить правописаніе. Слогъ и обороты фразъ, особенно въ первыхъ письмахъ, поражаютъ германизмами. Видно, поэтъ тогда находился всецѣло еще подъ вліяніемъ первыхъ учителей дѣтства—нѣмцевъ, а затѣмъ нѣмецкой литературы, которой такъ много занимался.

Сужденіе о письмахъ и обо всей эпохѣ, въ нихъ выражающейся, предоставляю тому, кто напишетъ болѣе полную монографію о жизни и дѣятельности поэта.

К. К. Зейдлицъ хранитъ нѣсколько изображеній Жуковскаго. Одинъ портретъ, высланный ему уже слѣпымъ поэтомъ, около 1850 года, переданъ мною въ редакцію „Русской Старины“, равно какъ и портретъ Марьи Андреевны Протасовой, сдѣланный около 1817 года Зенфомъ. Подъ своимъ портретомъ поэтъ собственноручно подписалъ послѣдній стихъ изъ драматической поэмы его „Камоэнъ“:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

Въ поэмѣ этой, любимомъ созданіи Жуковскаго, встрѣчается много намековъ на отношенія его къ Марьѣ Андреевнѣ.

Дерптъ,
15-го ноября 1882 г.

Пав. А. Висковатовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПИСЬМАМЪ В. А. ЖУКОВСКАГО [1]).

Въ 1868 году составилъ я „Очеркъ поэтической жизни В. А. Жуковскаго", на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Главная цѣль моя была познакомить читателей съ идеальнымъ, благороднымъ и чистымъ образомъ человѣка, которому вручено было воспитаніе нашего, въ Бозѣ почившаго, императора Александра II.

Вас. Андр. Жуковскій, безъ сомнѣнія, имѣлъ благотворное вліяніе на развитіе кроткаго и любящаго характера своего питомца, будущаго Царя-Освободителя.

Выпуская въ свѣтъ очеркъ свой, я надѣялся, что онъ послужитъ къ разъясненію мотивовъ поэзіи Жуковскаго, полной неподдѣльной романтической прелести и патріотической теплоты. Я желалъ, чтобы очеркъ мой вызвалъ болѣе правильный взглядъ на человѣка, сослужившаго Россіи и русской литературѣ памятную службу. Я думалъ, что трудъ мой послужитъ къ установленію правильной оцѣнки дѣятеля, на котораго молодое поколѣніе литераторовъ часто глядѣло съ предвзятой, односторонней точки зрѣнія.

Въ самомъ началѣ уже пришлось мнѣ извѣдать противодѣйствіе своимъ надеждамъ. Приступая къ печатанію труда своего, я обратился къ почитаемому мною, извѣстному въ литературномъ мірѣ—теперь уже умершему — профессору русской словесности при Дерптскомъ университетѣ, А. Котляревскому, прося его пересмотрѣть мою рукопись и исправить погрѣшности противъ пра-

---

[1]) Писано къ профессору Павлу Александр. Висковатову. Ред.

вилъ русскаго языка. Г. Котляревскій, просмотрѣвъ рукопись, настаивалъ на томъ, чтобы изъ нея были выброшены нѣкоторыя страницы, особенно касавшіяся религіозныхъ чувствъ писателя и придворной его жизни, какъ не имѣющихъ интереса для русскихъ читателей. „Сверхъ того—писалъ онъ мнѣ—онѣ могутъ подать поводъ къ неприличнымъ выходкамъ и насмѣшкамъ въ нашей quasi демократической печати". Полагаясь на сужденіе профессора, которому русская читающая публика должна была быть болѣе извѣстна, чѣмъ мнѣ, съ 1840-хъ годовъ поселившемуся въ прибалтійскомъ краѣ, я выкинулъ изъ рукописи всѣ указанныя мѣста. Такимъ образомъ мой „очеркъ", писанный на русскомъ языкѣ и помѣщенный въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1869 годъ, оказался скорѣе лишь извлеченіемъ изъ моей книги, вышедшей по нѣмецки. Этотъ характеръ статья получила еще въ бо̀льшей степени оттого, что многое было выброшено изъ нея и редакторомъ названнаго журнала.

Я надѣюсь, что мнѣ еще удастся напечатать отдѣльнымъ изданіемъ весь трудъ мой о Жуковскомъ и послужить имъ, когда образуется комитетъ для сооруженія памятника Василію Андреевичу. Я увѣренъ, что наступающій столѣтній юбилей дня рожденія поэта вызоветъ организацію такого комитета. Тогда будетъ случай отдать въ распоряженіе его, для изданія, невидавшія еще свѣта, письма Жуковскаго къ роднымъ и ко мнѣ.

Послѣ этого могутъ спросить меня, почему же я теперь, ко дню юбилея, рѣшился издать нѣкоторыя письма поэта изъ числа переданныхъ мнѣ покойною Авдотьей Петровной Елагиной? Въ предисловіи къ нѣмецкому изданію моей книги я писалъ: „Біографія Василія Андреевича Жуковскаго имѣетъ двоякій интересъ,—не только для Россіи, но и для образованной Европы—во первыхъ, потому, что она рисуетъ жизнь замѣчательнаго русскаго лирика, имѣвшаго давно признанное вліяніе на ходъ русской литературы; а, во вторыхъ, потому, что она даетъ возможность проникнуть въ идеальную, благородную, ясную душу того человѣка, которому было ввѣрено воспитаніе государя нашего Александра II и къ памяти котораго вся царская семья относится—я бы сказалъ съ любовію, граничащей съ сыновнимъ уваженіемъ (an kindliche Pietät grenzende Liebe)". Что касается высказанныхъ мною о Жуковскомъ мыслей, то профессоръ Котляревскій, еще

въ 1868 году, выразилъ по поводу ихъ мнѣніе, что въ русскую печать стало проникать направленіе, противуположное тому, которое такъ успокоительно дѣйствовало въ началѣ нашего столѣтія. Какъ уже замѣчено, я послѣдовалъ его совѣту: „чтобы гусей не раздразнить", и рѣшился не печатать многаго изъ писемъ. Настанетъ время,—думалъ я тогда,—когда письма увидятъ свѣтъ и войдутъ онѣ добрымъ вкладомъ въ исторію русской литературы.

Какъ бы въ возмездіе за малую любовь многихъ лицъ изъ русскаго общества къ дѣятельности Жуковскаго, я, вскорѣ по выходѣ труда своего, получилъ черезъ А. Берга, русскаго генеральнаго консула въ Лондонѣ, первый отзывъ о книгѣ моей. То былъ отзывъ образованной иностранки — воспитательницы дѣтей королевы Викторіи: „я не подозрѣвала, писала она, что поэтъ Жуковскій былъ такимъ высоко-идеальнымъ человѣкомъ. Изъ книги Зейдлица воспитанницы мои могутъ вынести убѣжденіе, какіе между русскими встрѣчаются прекрасныя личности".

Совершенно не такъ отнесся къ Жуковскому, прочитавъ мою характеристику, одинъ изъ редакторовъ извѣстнаго періодическаго изданія. Не знаю, виновато-ли въ томъ мое сочиненіе, или составъ мозга и нравственный уровень этого почтеннаго редактора, но только, пріѣхавъ въ Дерптъ, съ цѣлію воспользоваться отъ меня нѣкоторыми письмами Жуковскаго, онъ имѣлъ безстыдство — въ разговорѣ спросить, лукаво прищуривая глазки:—„да подлинно-ли отношенія Василія Андреевича къ Марьѣ Андреевнѣ были такъ чисты, какъ вы ихъ выставляете?" — На такой, оскорбительный для памяти Жуковскаго, вопросъ я могъ отвѣтить только тѣмъ, что захлопнулъ портфель съ письмами дорогаго друга и славнаго поэта, замкнулъ ихъ въ ящикъ и, молча поклонившись гостю, вышелъ изъ своего кабинета въ садъ.

Этотъ эпизодъ заставилъ меня опять подумать о томъ, что слѣдовало бы, въ дополненіе къ очерку моему, издать и письма Жуковскаго. Будучи въ то время серьезно нездоровъ, я поручилъ Екатеринѣ Ивановнѣ Елагиной и сыну ея издать современемъ, когда меня не станетъ, письма дорогаго дѣятеля, обязавъ ихъ притомъ никогда не выдавать писемъ упомянутому литератору.

Теперь — противъ ожиданія своего — доживаю я до столѣтняго юбилея дня рожденія Жуковскаго, и рѣшаюсь передать вамъ, Павелъ Александровичъ, письма, касающіяся важнѣйшей эпохи

внутренняго развитія Василія Андреевича, и письма по поводу отношеній поэта къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. Вы изъявили готовность помочь мнѣ въ ихъ изданіи. Предоставляя вамъ ихъ напечатать, гдѣ считаете удобнымъ, я ставлю только условіемъ, чтобы онѣ не были переданы вышеназванному издателю. Можетъ быть вы сочтете удобнымъ передать ихъ въ редакцію „Русской Старины", снабдивъ по своему усмотрѣнію нѣкоторыми примѣчаніями. Это же письмо мое къ вамъ пусть будетъ предисловіемъ послѣдняго, еще уцѣлѣвшаго, современника и друга Жуковскаго, къ задушевнымъ письмамъ изъ поры горя и нравственнаго торжества въ жизни русскаго поэта.

Отдавая теперь въ печать письма и имѣя въ виду опредѣленную эпоху изъ жизни Жуковскаго, я счелъ удобнымъ раздѣлить эти письма на четыре группы, согласно періодамъ прожитыхъ поэтомъ треволненій.

Къ первому періоду относятся письма и выписки изъ дневника, писанныя въ 1813 и 1814 годахъ. Жуковскій тогда, послѣ болѣзни, перенесенной въ дѣйствующей арміи, вернулся къ роднымъ и попытался еще разъ склонить Екатерину Афанасьевну Протасову дать согласіе на бракъ съ дочерью ея, Марьей Андреевной.

Ко второму періоду: письма къ Марьѣ Андреевнѣ и другимъ, — когда поэту пришлось отказаться отъ своихъ задушевныхъ надеждъ и желаній (1815 г.).

Къ третьему періоду — когда Марья Андреевна выходитъ замужъ за профессора, а потомъ ректора Дерптскаго университета, Майера.

Къ четвертому періоду—переписка съ Машею послѣ выхода ея замужъ за Майера, до ея кончины (1823 г.).

Докторъ Карлъ Карловичъ Зейдлицъ.

Дерптъ.
7-го ноября 1882 года.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО.

№ 1.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской [1]).

Въ іюлѣ 1813. Начало письма въ Черни, остальное въ Мишенскомъ.

«Я пишу къ вамъ для того что на словахъ или не все скажу, или не буду имѣть ни случая ни времени или не буду умѣть довольно ясно выразиться или отъ противорѣчія потеряю изъ памяти то что сказать былъ намѣренъ. Къ тому же сказанное забывается а написанное остается.

Наше путешествіе въ Долбино признаюсь пугаетъ меня и за васъ и за прочихъ. Я былъ бы совершенно покоенъ, когда бы могъ быть увѣренъ, что вы захотите дать волю разсудку, дабы побѣдить то впечатлѣніе, которое натурально долженъ произвести первый взглядъ на Долбино [2]). Очень понимаю, что весьма тяжело возвратиться въ такое мѣсто, гдѣ все напоминаетъ о миломъ человѣкѣ; но я не понимаю, какъ можно давать волю надъ собою печальному чувству, не понимаю какъ можно даже находить наслажденіе въ этомъ раздраженіи горести. А этого то я отъ васъ и боюсь. Какъ вы ни говорите, но имѣя много настоящей чувствительности, вы имѣете и слишкомъ распаленную голову; ничто до сихъ поръ не заставляло васъ думать о излѣченіи этой болѣзни, которая право, можетъ имѣть жестокое вліяніе и на вашу жизнь и на судьбу вашихъ дѣтей. Пускай бы люди, у которыхъ нѣтъ души трудились надъ тѣмъ, чтобы имѣть поддѣланныя чувства, вамъ какая нужда прибавлять къ тому что имѣете отъ природы. И не смотря на то, ваше воображеніе любитъ трудиться надъ изобретеніемъ новыхъ горестей, чтобы произвести въ душѣ такія чувства, которыхъ нѣтъ и не должно быть въ натурѣ и которыя самыя натуральныя должны наконецъ уничтожить. Возвращеніе въ Долбино естественно должно возбудить горестное воспоминаніе. Но этаго довольно. Что перейдетъ за эту границу то будетъ неестественное, а поддѣланное. Не думайте чтобы я здѣсь говорилъ о притворствѣ. Нѣтъ! я никогда не замѣчалъ въ васъ притворства; но поддѣланнымъ чувствомъ

---

[1]) Мать извѣстныхъ Ивана и Петра Кирѣевскихъ, по второму мужу Елагина, скончалась въ Дерптѣ въ 1878 году.

[2]) Жуковскій имѣетъ въ виду тяжелое впечатлѣніе, которое должно было произвести на Авдотью Петровну Долбинское имѣніе, въ которомъ жила она съ своимъ мужемъ. Кирѣевскій скончался 1-го ноября 1812 года, заразившись тифомъ въ больницѣ, которой завѣдывалъ и гдѣ выказалъ необыкновенную самоотверженность. П. В.

называю такое, которое съ усиліемъ, стараясь раздражать и питать свою горесть, наконецъ производишь въ душѣ и которое дѣйствуетъ на нее столь-же сильно какъ и настоящее, еще сильнѣе потому что ему помогаетъ воображеніе, которое, произведя его старается и укоренить. Боюсь, что вы ожививъ свою горесть воспоминаніемъ, къ ней привяжитесь, начнете ее разтравлять, можетъ быть сочтете что вы обязаны ей предаваться, что не имѣть ее есть оскорбленіе вашей должности, вашей любви; такимъ образомъ прошедшее возобновится и вы насильно себя приведете въ то самое положеніе, въ какое привела бы васъ новая потеря подобная прежней. Признаюсь, я боюсь, чтобы вы не имѣли вредной мысли, что горесть есть обязанность, что стараться ее уменьшить есть нѣкоторымъ образомъ преступленіе, и что напротивъ весьма достойно вашего характера ее усиливать и продлить сколько можно. Прошу васъ, милая, выйтти изъ заблужденія. Горесть не есть воспоминаніе, она разлучая насъ съ жизнію переселяетъ изъ міра въ гробъ и связываетъ съ мертвыми союзомъ нимало ихъ недостойнымъ. Воспоминаніе есть союзъ другаго рода: это милое товарищество, котораго и смерть не разрываетъ, завѣщаніе, по которому мы одни исполняемъ то что прежде исполняли вдвоемъ. Скажите жъ! развѣ вамъ не оставлено никакого завѣщанія? а естьли оставлено, то горесть не естьли первая преграда къ его исполненію, особливо неумѣренная, усиленная воображеніемъ и никогда непозволенная горесть? На это ни съ какою діалектикою не можете вы сдѣлать сноснаго возраженія. И на что же возраженіе? Дѣло не о томъ чтобы вамъ или мнѣ быть правымъ! но о нашемъ общемъ добрѣ, о нашемъ общемъ счастіи? И такъ самолюбіе въ сторону! подумайте о томъ, что я вамъ говорю; согласитесь, естьли найдете, что я правъ (но дай Богъ чтобы я былъ не правъ! тѣмъ меньше труда!) и agissez en consequence.

До сихъ поръ написано было въ Черни. Нашъ разговоръ въ коляскѣ меня нѣсколько успокоилъ. Вы за одно со мною старались опровергать Сашу, слѣдовательно во многомъ вы со мною согласны. Но весь мой страхъ не безъ основанія; и я доскажу что былъ сказать намѣренъ. Одно только прошу васъ какъ доказательства дружбы: непоказывайте никому этого письма. Оно для васъ однѣхъ. Мнѣ будетъ очень больно естьли кому нибудь вздумается надо мною пошутить и найтти мое посланіе къ вамъ страннымъ. Право я пишу для того, что боюсь вашей поѣздки въ Долбино и думаю что нибудь своимъ письмомъ сдѣлать.

Вы спросите чего я отъ васъ требую? Я требую чтобы вы себя переломили; чтобы вы давъ волю настоящей горести въ первую минуту, рѣшительно отказались отъ всего того, что можетъ ее уси-

лить; не останавливались бы на ней мыслями; избѣгали бы всякаго случая возобновить ее; думали бы о томъ что у васъ есть а не о томъ что вы потеряли и наконецъ чтобы вы уничтожили вредную, фальшивую мысль, что горесть есть должность. Стараться быть счастливою, сколько возможно, есть ваша обязанность ибо вы мать (не говоря уже о прочихъ вашихъ связяхъ). Увѣрте жъ себя одинъ разъ навсегда, что воспитывая своихъ дѣтей для счастія и стараясь сберечь для нихъ оставленное имъ состояніе въ наилучшемъ порядкѣ, вы самымъ убѣдительнымъ образомъ докажете, что память ихъ отца вамъ дорога. Но чтобы имѣть въ этомъ успѣхъ, надобно сохранить душевный покой, беречь его какъ нѣкоторую драгоцѣнность, а не стараться его разстроивать. Боюсь что мое требованіе покажется вамъ неизполнительнымъ, но я бы желалъ—и ваше согласіе было бы для меня самымъ неоспоримымъ знакомъ дружбы—я бы желалъ, чтобы вы не ходили въ церковь, во все время вашего пребыванія въ Долбинѣ. Кто ручается за слѣдствія сильнаго впечатлѣнія. Взгляните на себя! но естьли и надѣетесь на свои силы; то можете ли ручаться за тетушку и особливо за Машу [1]). У одной всякой день болитъ голова. Другой здоровье на волоскѣ. Скажите-жъ, какъ не отказаться отъ обряда (который самъ по себѣ безполезенъ и только есть наружный знакъ воспоминанія) когда можно почти навѣрное предсказать, что онъ будетъ имѣть на нихъ вредное дѣйствіе. Теперь всякое новое потрясеніе пагубно для Маши; Форъ [2]) говоритъ: il est bien tems de prendre des precautions serieuses. Слѣдовательно всего болѣе надобно думать какъ бы поправить испорченное; а не прибавлять къ старому новое, которое тѣмъ будетъ сильнѣе, что должно дѣйствовать на силы уже истощенныя. Еще одинъ какой нибудь чувствительный ударъ и тогда можетъ быть уже ничего направить не будетъ возможно. Подумайте-жъ, естьли вы нѣкоторымъ образомъ сдѣлаетесь причиною этаго ужаснаго несчастія? Что васъ тогда утѣшитъ! При-

---

[1]) Тетушкой Жуковскій звалъ Екатерину Аѳанасьевну Протасову, рожд. Бунину — мать Маши, хотя она собственно приходилась ему сестрою; но разница лѣтъ была такъ велика, что Жуковскій съ дѣтства называлъ ее—то „матерью", то—тетушкой. Онъ всю жизнь говорилъ ей „вы", тогда какъ она ему „ты", см. Zeidlitz Wassily Andr. Joukoffsky, Mitau, 1872, zweite Auflage, pag. 11.

Маша—Марья Андреевна Протасова—только въ концѣ 1812 или началѣ 1813 года узнала о томъ, что Жуковскій просилъ ея руки у матери и что та ему отказала и вынудила уѣхать и поступить въ ополченіе. Марья Андреевна серьезно захворала. Zeidlitz, тамъ же, стр. 49 и 44.

[2]) D-r Faure взятъ былъ въ плѣнъ подъ Малымъ Ярославцемъ и жилъ у Плещеева, въ его имѣніи Черни. Онъ скоро привыкъ къ русскимъ и просился у военнаго министра на русскую службу. П. В.

знаюсь, мнѣ очень жаль что нашъ отъѣздъ не былъ еще отсроченъ. Только что начала она лѣчиться, а уже и готово новое горе: слезы, ночи безъ сна, унылость все это для нее ядъ! Милая, вы ее искренно любите, вы всегда объ ней думаете, вы точно находите счастіе въ привязанности къ ней—въ этомъ я увѣренъ. Но вамъ недостаетъ постоянства въ вашей къ ней довѣренности. Иногда ваша susceptibilité бываетъ причиною огорченія и для нее и для васъ. Зачемъ давать воображенію волю и принимать его выдумки за правду. Особливо съ Машею должно быть какъ можно осторожнѣе. Вы знаете что все падаетъ прямо къ ней на сердце и въ немъ остается; она скрываетъ всякое огорченіе въ самой себѣ. Бездѣльное волненіе, при такомъ нѣжномъ здоровьѣ, есть пріемъ яда; а этотъ ядъ, мало по малу скопляясь, наконецъ подѣйствуетъ. Посмотрите на нее. Эта слабость право меня ужасаетъ. Милая, вамъ можно быть ея хранителемъ. Дайте-жъ мнѣ слово, что съ этой минуты даже и тогда не огорчите ее своимъ упрекомъ, когда-бы имѣли на то право. Естьли и можетъ она сдѣлаться передъ вами виновною, то конечно не отъ недостатка дружбы и вѣрно на одну минуту. Но ея спокойствіе—это должно быть для васъ главное. На спокойствіи основана ея жизнь. Душевное волненіе для нее пагубно — какъ же ужасно быть его причиною. Вы все можете дѣлать для ея сбереженія! Вы имѣете столько способовъ ее счастливить—на что же то что составляетъ ея счастіе, ваша дружба бываетъ источникомъ и огорченія. Я очень понимаю, что можно и въ дружбѣ быть ревнивымъ (новое доказательство привязанности) но огорченія ревности всегда несправедливы; скрывая ихъ, живѣе доказываешь свою привязанность. Лучше простить недождавшись оправданія, нежели обнаруживъ свое огорченіе разстроить спокойствіе милаго человѣка, особливо когда знаешь что всякое душевное волненіе ему вредно. На вашемъ мѣстѣ при всякой досадѣ я говорилъ-бы себѣ: *или я ошибаюсь или нѣтъ! Но огорчу ее вѣрно, лучше же пожертвовать своимъ неудовольствіемъ*. Я увѣренъ что противъ такой мысли никакая досада устоять не можетъ—иначе нѣтъ и дружбы. Такимъ образомъ вы будете не только ей другомъ но и въ полномъ смыслѣ хранителемъ ея жизни. Не правду ли жъ я говорилъ дорогою, что *счастіе ваше въ вашихъ рукахъ*. Чтобъ быть счастливою въ дружбѣ вамъ стоитъ только не давать воли первымъ движеніямъ досады и быть не столько взыскательною. Я это говорю не для того, чтобы васъ обвинять, но для того единственно, что почитаю необходимымъ сказать вамъ искренно мое мнѣніе. Или я очень ошибусь въ васъ, или ваша дружба ко мнѣ должна за это усилиться. Напримѣръ вы иногда говорите: *я не хотѣла бы никого любить; всего лучше не имѣть привязанности и прочее.*

Все это чрезвычайно оскорбительно и несправедливо; и можетъ служить не только къ огорченію но современемъ охладить и самую дружбу, которая не можетъ существовать безъ полной довѣренности. Я смотрю съ удовольствіемъ на васъ когда вы съ такою заботливостію приготовляете лѣкарства для Маши, но иногда мнѣ кажется это печальнымъ противорѣчіемъ: ваши огорчительныя ссоры, основанныя на бездѣлицахъ, не должны-ли назваться ядомъ, который уничтожаетъ дѣйствіе этихъ лѣкарствъ! Разрушать одною рукою то, что сдѣлала другая! День, проведенный въ слезахъ, которыя надобно еще скрывать и ночь безъ сна тоже для Маши что день болезни. Однимъ словомъ для сохраненія ея жизни и вашего счастія должны вы напередъ пожертвовать всѣми будущими досадами, должны рѣшиться ихъ не имѣть, даже и тогда не имѣть, когда-бы было на то право. Такое пожертвованіе дастъ вамъ полное и счастливое спокойствіе и самая ваша дружба отъ этого должна увеличиться. Какое счастіе для васъ быть ея хранителемъ. Веселость души нужнѣе для нее всѣхъ Форовыхъ лѣкарствъ, и вы владѣете этимъ вѣрнымъ лѣкарствомъ. Вы созданы для того чтобы быть ею любимою; вашъ характеръ даетъ вамъ на то право. Истребите-жъ изъ него все то что можетъ это право уничтожить.

Я не говорю уже ни слова о томъ, какъ необходимо принять предписанный Форомъ regime. Хотя и сбирался говорить объ этомъ весьма пространно. Я думалъ сначала что это предписаніе будетъ пренебрежено и Форовъ совѣтъ сочтенъ неосновательнымъ. Но теперь я спокоенъ съ этой стороны. Кажется у васъ положено слушаться доктора. Теперь остается одно: постоянство; исполнять всегда, что начато однажды. Есть-ли нѣтъ болѣзни, то изъ этаго не слѣдуетъ еще что нѣтъ нужды и въ предосторожности. Напротивъ при такомъ хиломъ здоровьѣ, каково Машино, нужно имѣть осторожность неусыпную и не оставлять безъ замѣчанія ни малѣйшей бездѣлицы: Форъ говоритъ, что онъ ручается за ея сохраненіе только тогда, когда все и всегда было исполняемо. И отъ васъ зависитъ, чтобы это все было исполняемо всегда. Но не забывать что безъ душевнаго лѣкарства не можетъ дѣйствовать и тѣлесное.

P. S. Баронесса [1]) (я слышалъ) говорила что не худо бы пригласить къ вамъ въ Долбино Николы Гастунскаго [2]) протопопа, думая что его присутствіе послужило бы къ вашему успокоенію. Тетушка

---

[1]) Баронесса Марья Алексѣвна Черкасова, жившая въ Володьковѣ по сосѣдству съ Долбинымъ, очень благочестивая женщина.

[2]) Старинный соборъ во имя Николая Гастунскаго, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бѣлева. П. В.

нашла это излишнимъ и очень справедливо. А мнѣ это было и досадно. Почему же человѣкъ одѣтый въ рясу и имѣющій имя протопопа можетъ имѣть на васъ болѣе вліянія нежели наша общая польза, нежели видъ вашихъ дѣтей, нежели собственный разсудокъ, который запрещаетъ вамъ всякое излишество и говоритъ вамъ что избѣгать всякаго безполезнаго разстройства души есть ваша должность. Признаюсь, ничто такъ меня не трогаетъ и не возбуждаетъ моего почтенія какъ спокойная твердость чувствительнаго человѣка, рѣшившагося исполнять свою обязанность, ничему не поддаваясь и ничто такъ не пріятно какъ имѣть такое почтеніе къ своимъ друзьямъ.

Самое дѣйствительное лѣкарство отъ огорченія есть занятіе. Это я много разъ испыталъ на себѣ. Вы имѣете два такихъ занятія, которыя могли бы служить для васъ на всю жизнь источникомъ пріятнѣйшей дѣятельности: воспитаніе вашихъ дѣтей и хозяйство. По сію пору я еще не замѣтилъ чтобы вы и тѣмъ и другимъ занимались какъ должно. О послѣднемъ не говорю, потому что не могу никакого подать совѣта въ такомъ дѣлѣ котораго не знаю; что же касается до перваго, то вамъ нельзя же вообразить, чтобы вы имѣли всѣ свѣденія и опытность нужныя для воспитанія. Прочитывать въ день по страницѣ съ Петрушей и съ Ваничкой незначитъ еще ихъ воспитывать. Естьли гдѣ нужна метода и одна постоянная система, то конечно въ воспитаніи, ибо здѣсь каждый шагъ, каждая ошибка могутъ имѣть важнѣйшее слѣдствіе на цѣлую жизнь дѣтей. Скажите жъ имѣете ли вы какую нибудь методу. Ее можно только занять изъ чтенія хорошихъ книгъ и изъ чтенія порядочнаго; а вы читаете Ифланда, переписываете ноты или (Helas!) мои стихи. Надобно вамъ самимъ нѣсколько времени поучиться чтобы сдѣлаться полезною для дѣтей. Для сыновей вашихъ будутъ со временемъ открыты университеты, а для дочери вы одни. Для чего же не стараетесь скоплять нужныя свѣденія для воспитательницы. Одной материнской привязанности недовольно. И въ самомъ образованіи нравственности нужна метода. Чтобы получить ее надобно спроситься съ книгами: въ нихъ собраны чужіе опыты, которые можно принаровить къ своимъ обстоятельствамъ. Займитесь же сперва воспитаніемъ, какъ наукой, для себя, потомъ будете исполнять прочитанное на дѣлѣ. А это занятіе наполнитъ пріятнѣйшимъ образомъ вашу жизнь, и съ нимъ душевное спокойствіе не разлучно. Только порядокъ и постоянство.

Еще разъ прошу: этаго письма отнюдь никому не показывать. Исполненіе этой просьбы будетъ доказательствомъ искренней дружбы».

№ 2.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ (Елагиной).

(1813, Мишенское, въ іюлѣ. Изъ одной комнаты въ другую).

«Я ходилъ, ходилъ по залѣ въ надеждѣ, что вы выйдете, наконецъ потерялъ терпѣніе и вздумалъ къ вамъ написать. Машѣ непремѣнно надобно пробыть нѣсколько времени въ глазахъ доктора; это особенно нужно при началѣ лѣченія; вы видите сами, что вы ничего не умѣете дѣлать; надобно чтобы онъ научилъ.

Вмѣсто Долбина ѣхать бы въ Чернь и тамъ пробыть недѣли полторы или двѣ. Это и потому нужно, что для первыхъ дней пребыванія въ Долбинѣ Машѣ надобны большія силы; я увѣренъ что ей почти такъ же будетъ грустно тамъ какъ и вамъ самимъ. Эта грусть право помѣшаетъ лѣченію. Надобно привести здоровье нѣсколько въ порядокъ. Не понимаю какъ это могло не прійтти намъ въ голову еще въ Черни. Успѣхъ лѣченія зависитъ отъ начала его. Но вы видите что оно въ началѣ идетъ худо. Вмѣсто того чтобы гару [1]) имѣла желанное дѣйствіе, мы теперь принуждены останавливать ее дѣйствіе: двѣ бѣды вмѣсто одной. Къ тому же еще и мучительное страданіе. Прибавте къ этому новую грусть и все испортится. То что васъ зоветъ въ Долбино, милая, можетъ быть отложено. Пріѣдемъ туда черезъ двѣ недѣли; но по крайней мѣрѣ ужъ съ одной стороны сердце будетъ на мѣстѣ. Для вашего собственнаго спокойствія это необходимо. Я не знаю достанетъ ли у васъ довольно силъ что бы снести два огорченія. Быть въ Долбинѣ и видѣть ея страданія—эти двѣ грусти право несносны. Настойте-жъ милая на томъ, что бы ѣхать въ Чернь. Не слушайте Маши! она всемъ готова для васъ жертвовать; потому то и не должно принимать такихъ пожертвованій. Я не знаю какъ тетушка могла сказать, что они могутъ быть тамъ въ тягость, тамъ, гдѣ за величайшее счастіе почитаютъ ихъ любить и все для нихъ дѣлать. Какъ бы то ни было теперь совсемъ не время ѣхать въ Долбино. Настойте съ твердостью. Ѣхать въ Долбино совсемъ не ѐсть необходимость, а быть въ Черни право необходимо. Возмете ли на себя отвѣчать за слѣдствія? Для васъ все равно: ѣхать ли завтра или черезъ двѣ недѣли въ Долбино; а для нее право не все равно. Не подумайте чтобы я считалъ за нужное васъ въ этомъ случаѣ уговаривать; я знаю что вы этаго желаете сами, что вы ужъ сдѣлали предложеніе. Но я желаю только, чтобы

[1]) Неразборчиво. П. В.

вы настояли рѣшительнѣе и не откладывали. Естьли ѣхать, такъ ѣхать завтра или позно, позно послѣ завтра. Нынче бы послать въ Чернь, чтобы намъ прислали въ Дольцы подставу; вы своихъ лошадей отошлете въ Долбино; они будутъ дожидаться насъ въ Каменовѣ тогда, когда мы поѣдимъ назадъ. J'ai eu la betise de dire un mot sur ce depart. J'ai mal fait. Selon ma coutume ordinaire je gate les choses dont je me mele. Tachez de remedier a ce mal» [1]).

№ 3.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ.

Въ іюлѣ (безъ числа) вѣроятно 1813 г., въ Мишенскомъ.

«Ваше милое письмо, которое очень меня тронуло, еще болѣе утвердило меня въ мысли, что вы имѣете высокую душу и прекрасное сердце. Но я не могу не сдѣлать замѣчаній на нѣкоторыя мѣста: „нѣтъ ни одной счастливой минуты, которую бы я не промѣняла на то, чтобы быть тамъ; сильнаго впечатлѣнія это на меня сдѣлать не можетъ—я перенесла сильнѣе“. Простите, милая, я васъ огорчаю, но не могу не сказать того что думаю. Ваше чувство для меня понятно, я цѣню его настоящимъ образомъ, его источникъ благородный, но право разсудокъ ему противится. Оно есть для меня новое доказательство, что вы привязаны къ своей горести, и намѣрены ее питать. Что же въ свѣтѣ можетъ усилить ее болѣе, какъ не предметъ, столь печальный, возбуждающій такія горестныя мысли! Не удаляться отъ него значитъ самой стараться раздражать свою болезнь. Быть тамъ! Скажите, милая, что будете тамъ дѣлать? чего вы будете тамъ искать? Неужели утѣшенія? или силъ для перенесенія печали своей? „Сильнаго впечатлѣнія это на меня сдѣлать не можетъ“. Что-жъ вы это говорите? Можно-ли такъ себя обманывать? Какое же впечатлѣніе? неужели пріятное? Нѣтъ милая, я бы очень былъ счастливъ, когда бы могли вы рѣшиться пожертвовать на этотъ разъ только своимъ намѣреніемъ. Дайте еще волю времени и мыслямъ. Когда вы болѣе обдумаете всѣ выгоды своего положенія, когда болѣе утвердитесь въ мысли что вы можете быть еще истинно счастливы — тогда можете дать себѣ полную свободу. А теперь бы смотрѣть за собою какъ за младенцемъ; и пуще

---

[1]) Жуковскій настоялъ на своемъ: въ Долбино не поѣхали, и горестное возвращеніе на то мѣсто, гдѣ Авдотья Петровна жила съ покойнымъ мужемъ, состоялось не прежде февраля 1814 г. П. В.

всего не говорить: „нѣтъ ни одной счастливой минуты, которой бы не промѣняла на то, чтобы быть тамъ". Это языкъ горести разгоряченной воображеніемъ! Ваше мѣсто не тамъ—ибо тамъ все говоритъ о потерѣ, все возбуждаетъ отвращеніе къ жизни—(а такого рода мысли и чувства вамъ запрещены), ваше мѣсто подлѣ вашихъ дѣтей; вотъ милые памятники, при нихъ вы находите спокойствіе души, надежду и самымъ чистымъ образомъ удовлетворяете своей чувствительности! Но что можете вы сказать гробу? и еще болѣе: что скажетъ онъ вамъ? Этотъ языкъ ужасенъ! Естьли бъ вы могли переломить себя и не удовлетворять сильному влеченію сердца, которое право требуетъ отъ васъ поступка, противнаго вашему спокойствію! И тѣмъ болѣе это пожертвованіе нужно, что вамъ нельзя будетъ скрыться отъ другихъ; тѣ васъ не выпустятъ изъ глазъ, а я опять напомню о состояніи Машина здоровья. Теперь спокойствіе для нея нужнѣе нежели когда нибудь: ей необходимо нужно возвратить потерянныя силы.

Слѣдующая фраза написана точно вами: „для меня довольно того чувства, что она мнѣ теперь все на свѣтѣ, и что отъ нее не буду требовать ничего". Вы забыли прибавить, что и вы для нее все; и что вамъ уже ничего болѣе не осталось отъ нее требовать: ибо вы все имѣете. Для такой связи каковы ваши, нужна только довѣренность, ею она укоренится, ею она будетъ пріятна, и сдѣлается вѣрнымъ счастіемъ на всю вашу жизнь.

Вы говорите, что ваша недѣятельность вразсужденіи воспитанія дѣтей и хозяйства сокрушаетъ васъ. Но почему же дѣятельность не въ вашей власти. Вы можете заняться чтеніемъ безъ всякаго помѣшательства и все расположеніе времени, нужнаго для этаго занятія, зависитъ единственно отъ васъ; читая книги о воспитаніи, которыхъ и у васъ и у меня довольно, вы будете собирать нужныя свѣденія (дѣти между тѣмъ будутъ въ вашихъ глазахъ и ничто ихъ испортить не можетъ), въ годъ или въ полтора много можно набрать свѣденія—время между тѣмъ не уйдетъ и все еще можно будетъ привести въ исполненіе. Этимъ и въ Муратовѣ и въ Долбинѣ можете заниматься съ одинакимъ успѣхомъ. Что же касается до хозяйства, то надобно непремѣнно найтти человѣка, которому бы поручить его; за нимъ можете вы наблюдать, но онъ будетъ имѣть на рукахъ главные хлопоты. Для васъ же воспитаніе пусть будетъ главнымъ занятіемъ. Прочія занятія будутъ только отдохновеніемъ. Въ этомъ случаѣ Маша вамъ помощникъ, самый усердный и такого рода занятіе ей самой не только будетъ пріятно, но и весьма полезно. Оно будетъ замѣною того чего ее лишаютъ и замѣною самою сладостною. Быть вамъ товарищемъ, вашимъ сотрудникомъ въ такой

милой должности! Это можетъ быть между вами иного рода связью и самою тѣсною. Вы будете и здѣсь не одни.

Для чего я все это пишу? Собственнаго счастія, того, которое мнѣ нужно, я имѣть не буду! Мнѣ остается только видѣть его въ вашемъ миломъ кругѣ—оно все будетъ моимъ. Когда буду его находить вокругъ себя, тогда и работа будетъ для меня наслажденіемъ! Даже и для моей славы должны вы стараться быть сколько можно счастливѣе! Безъ душевнаго спокойствія нельзя трудиться съ успѣхомъ. „En vous suppliant d'être heureuses autant que possible je plaide ma propre cause".

№ 4.

Изъ дневника Жуковскаго.

22-го февраля 1813 или 1814-го года [1]).

12 февраля былъ для меня день счастія и восхитительной надежды. Я поѣхалъ въ этотъ день изъ Муратова съ тѣмъ, чтобы увидѣться съ Иваномъ Владиміровичемъ [2]). Дорога показалась мнѣ короткою, хотя я ѣхалъ изъ Муратова на нѣсколько дней и не зналъ когда возвращусь. Эта исторія васильквихъ крестинъ оживила меня. Я увидѣлъ что они имѣютъ довѣренность къ характеру Ивана Владиміровича и рѣшились ему открыться. Я ѣхалъ съ веселыми мыслями. Болѣе нежели когда нибудь мнѣ весело было смотрѣть на ясное небо, которое было также прекрасно, какъ надежда, которою въ ту минуту украшалось мое будущее, я не молился, но чувствовалъ, что Богъ, сирытый за этимъ яснымъ небомъ, меня видѣлъ и это чувство было сильнѣе всякой молитвы. Я право съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе, быть его достойнымъ своею жи-

[1]) Это и слѣдующій отрывокъ изъ дневника въ соч. Зейдлица, стр. 49, отнесены къ 1813 году. Заболѣвъ послѣ сраженія подъ Краснымъ, Жуковскій вернулся на родину 6-го янв. 1813 г., но попытка склонить Екатерину Афанасьевну къ согласію на бракъ съ дочерью ея не удалась. Въ началѣ 1814 года, какъ видно по письмамъ, Жуковскій еще разъ напрягаетъ всѣ силы свои подѣйствовать на Екатерину Афанасьевну черезъ вліятельныхъ родныхъ и знакомыхъ, даже Воейковъ (см. ниже письмо 5-го мая) долженъ былъ содѣйствовать. Планъ обѣщалъ удачу. Нѣсколько строкъ изъ дневника были помѣщены въ біогр. Жуковскаго, соч. Зейдлица, стр. 51.

[2]) Лопухинъ масонъ, очень любимъ былъ Александромъ I; извѣстенъ своимъ человѣколюбіемъ. Пользовался большимъ уваженіемъ у Екатерины Аѳанасьевны; любилъ Жуковскаго и много хлопоталъ объ устройствѣ его счастія. П. В.

знію въ благодарность за то счастіе, которое онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой живой надеждѣ. О! я въ эту минуту только чувствовалъ что можно быть счастливымъ въ этой жизни. Другая мысль несказанно меня радовала. Я видѣлъ въ будущемъ ни одно неизъяснимое счастіе принадлежать ей, дѣлить съ нею жизнь и все; я видѣлъ тамъ самого себя, совсемъ не такимъ каковъ я теперь, лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ. То счастіе, которое дастъ мнѣ она совсемъ должно меня преобразовать; съ привязанностію къ жизни должно во мнѣ родиться сильнее, дѣятельное желаніе воспользоваться жизнію въ совершенствѣ—а какъ же иначе ею воспользоваться, какъ не усовершенствовавъ себя во всемъ добромъ. Эта надежда нѣкогда увидѣть самого себя лучшимъ, восхитительна. Мнѣ представляется какъ будто сквозь какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. Одна уже надежда даетъ мнѣ большую привязанность къ религіи, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастіе было прочно и чисто! Какъ мысль о Богѣ сладостна и ободрительна, когда представить себя въ его присутствіи вмѣстѣ съ нею. Я точно похожъ теперь на человѣка, который видѣлъ одинъ только сонъ прекрасной жизни и въ то же время зналъ что это сонъ, что имъ не наслаждается и вдругъ чувствуетъ что къ нему подходитъ ангелъ чтобы его разбудить и сказать: «проснись, чтобы жить». И онъ готовъ жить съ полнымъ понятіемъ о жизни, съ полною готовностью ею воспользоваться [1]), какъ человѣкъ слѣпой отъ рожденія знавшій только по слуху о красотахъ міра и вдругъ получающій зрѣніе. Для меня все еще въ жизни будетъ новымъ и я приготовленъ лишеніемъ къ полной радости. Теперь имѣю такую надежду, готовъ благодарить промыселъ и за прежнія горести. Онѣ достойная цѣна такого счастія. Безъ нихъ можно было бы его бояться и ему не довѣрять. Заплативъ за него дорого, имѣешь нѣкоторое право надѣяться, что оно будетъ постоянно. О! теперь вѣра становится милѣйшею моею мыслею—вѣрить для меня теперь необходимо. Вѣра есть то святое убѣжище, въ которое переношу счастіе въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать тогда болѣе всего будешь укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ. Пускай нашъ творецъ, нашъ благотворитель, источникъ и хранитель нашего счастія, будетъ между нами третьимъ. Съ нимъ и въ немъ наше счастіе будетъ невредимо. И жизнь нарожденная въ такомъ союзѣ должна быть раемъ или вѣрнымъ къ нему приготовленіемъ. И мое сердце полно предчувствіемъ такой жизни. Я не обманулся. Ив. Влад.,

---

[1]) Не разборчиво. П. В.

которому я открылъ свои обстоятельства, одобрилъ меня. При моемъ отъѣздѣ отъ него онъ меня благословилъ. Дни, проведенные у него, только что утвердили меня въ томъ расположеніи, съ какимъ я къ нему поѣхалъ. Съ нетерпѣніемъ жду той минуты, въ которую счастіе дастъ мнѣ новую жизнь. Это возможное преобразованіе самого себя радуетъ меня на равнѣ съ тою надеждою, которая представляетъ мою Машу моимъ ангеломъ спутникомъ, участникомъ чистой, невинной жизни. Никто кромѣ матери не будетъ свидѣтелемъ такой жизни; но она будетъ тѣмъ сладостнѣе—ибо она будетъ нашею собственностію. О! какъ для меня теперь понятно лучшее имя Бога: Отецъ! Оно будетъ въ моей семьѣ, будетъ ея защитникомъ, будетъ учредителемъ нашей жизни. И какъ теперь Маша для меня безцѣнна: только съ нею такая жизнь для меня возможна. Не могу порядочно объяснить себѣ теперешняго моего понятія о будущемъ: какое-то темное предчувствіе чего-то необыкновенно счастливаго. Вижу передъ собою самую тихую и вмѣстѣ самую дѣятельную жизнь. Тихую потому что она ограничится самымъ тѣснымъ кругомъ, гдѣ будетъ нашимъ свидѣтелемъ и судіею одна мать; дѣятельную потому что вся обратится на себя—столько чувствъ, которыя во мнѣ погибали даромъ, вдругъ получатъ свободу: вдругъ имѣть всѣ святѣйшія связи, о которыхъ я имѣлъ одно только понятіе безъ отвѣта и понятіе грустное потому что оно давало только мнѣ чувствовать ихъ недостатокъ (чувство ужасное—особливо когда оно соединено съ чувствомъ одиночества, нестерпимымъ въ виду той семьи, гдѣ желалъ бы имѣть все и гдѣ всего лишенъ незаслуженнымъ подозрѣніемъ—и сверхъ всего этого вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на однихъ словахъ и наружныхъ обрядахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастіе, ея необходимая подпора, истинная жизнь, чувство до сихъ поръ мало мнѣ знакомое, убитое одиночествомъ и унылостью, заглушенное непривязанностію къ жизни. Такъ ангелъ Маша, вѣра, источникъ всякаго добра, освѣтитель всякаго счастія! Что сравнится съ такимъ пріобрѣтеніемъ? И какъ не обожать того кому будешь имъ обязанъ—а это ты! Вѣрить вмѣстѣ съ тобою благому провидѣнію и ему вручить въ тебѣ свою жизнь и всѣ свои надежды! До сихъ поръ я часто замѣчалъ въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи—я ея никогда неотвергалъ, но она казалась мнѣ причиною всѣхъ утратъ моей жизни, и я не отдѣлялъ ея отъ того предразсудка, который лишалъ меня всего! Но суевѣріе не религія! И теперь въ какомъ новомъ свѣтѣ ее вижу! Какъ почитаю ее необходимою для истиннаго счастія! И это будетъ даръ моей Маши! Вмѣстѣ съ нею искать въ религіи прямаго блага, вмѣстѣ съ нею готовиться здѣшнею жизнію для будущей; имѣть одну эту цѣль и ни о чемъ постороннемъ не заботиться—я

чувствую, что сердце необыкновенно распространяется и какъ будто хочетъ принять въ себя то, чего никогда въ немъ небыло. Могу ли не почитать ее средствомъ избраннымъ отъ промысла, дабы дать мнѣ способъ удостоиться гражданства въ Божьемъ градѣ. Я говорю безъ всякой мечтательности! Нѣтъ! Это не можетъ быть мечтою! Это для насъ двухъ! Въ эту тайну никто кромѣ взора нашей матери не проникаетъ! Такое наслажденіе жизнію, невидимое никѣмъ, будетъ нашимъ безъ раздѣла. Наша жизнь должна быть тихая и скрытая отъ свидѣтелей. О! такое счатіе не есть призракъ! оно внутри сердца! въ немъ только можетъ быть ощущаему, и не должно выходить изъ него наружу. Жить въ самихъ себѣ, ограничить себя скромною умѣренностью, имѣть простыя и постоянныя занятія и устремить свою дѣятельность на исполненіе своихъ обязанностей—вотъ прямая жизнь! Что передъ нею исканіе суетныхъ и перемѣнчивыхъ благъ! Вѣрю и вѣрю съ чувствомъ, что Богъ меня хранитъ и что онъ готовъ причислить меня къ семьѣ своихъ избранныхъ, которые узнаютъ его по своему счастію.

№ 5.

Изъ дневника Жуковскаго.

25-го — 26-го февраля 1813 или 1814 г. Муратово.

Говѣть не значитъ: есть грибы, въ извѣстные часы класть земные поклоны и тому подобное [1]), это одинъ обрядъ, почтенный потому только, что онъ установленъ давно, но пустой совершенно есть-ли имъ только и ограничится говѣнье. Оно имѣетъ для меня совсѣмъ другое значеніе. Въ эти дни болѣе нежели въ другіе должно быть въ самомъ себѣ, обдумать прошедшую жизнь, разсматривать настоящее и мыслить о будущемъ и все это въ присутствіи Бога. Вотъ что есть постъ. И такъ только а не иначе можно себя приготовить къ священному таинству исповѣди и причастія.

Смотря на прошедшее вообще (частныя, мѣлкія недостатки и проступки въ сторону) я не имѣю причины упрекать себя ни въ чемъ такомъ, чтобы оставляло на всю жизнь раскаяніе; не и только. Всю прошедшую жизнь мою можно назвать потерянною—для меня потерянною; я могъ бы быть совсѣмъ не то что я теперь. Начинать быть новымъ теперь поздо; можно бы быть лучшимъ—вѣроятно что и то

[1]) Относится къ Екат. Аѳан., отличавшейся нѣкоторымъ формализмомъ религіозныхъ убѣжденій. П. В.

не удастся. Но при всей безплодности прошедшаго мое будущее могло бы быть прекрасно. Есть-ли я ничѣмъ не воспользовался въ жизни, то по крайней мѣрѣ ничто во мнѣ не испорчено — я готовъ жить и жить прекрасно. Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ — а то что называется истинною жизнью мнѣ еще незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери — въ то время когда началъ чувствовать счастіе сыновняго достоинства, она меня оставила; я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ; семейственнаго счастія для меня не было; всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; не смотря на нѣкоторые признаки дружбы я сомнѣвался часто существуетъ-ли эта дружба и всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной: сказать себѣ дружбы нѣтъ! я не могъ рѣшительно, этому противилось мое сердце; сказать себѣ, что она есть, этому многое, слишкомъ многое противилось. На что было рѣшиться? скрывать все въ самомъ себѣ, и терпѣть, и даже показывать видъ, что всемъ доволенъ — принужденіе слишкомъ тяжелое при откровенности моего характера, который однако отъ навыка сдѣлался и скрытнымъ. Причина всему этому одна — приди все въ порядокъ — и все перемѣнится, искренность и довѣренность сами собою возобновятся; унылость исчезнетъ — останется думать только о томъ, какъ бы жизнь была спокойна и сообразна съ волею Промысла. Но эта одна причина.... долженъ-ли я ее стыдиться? Могу-ли себя упрекать? О нѣтъ! я теперь сужу себя безпристрастно! Совѣсть моя спокойна: я не желаю ни невозможнаго, ни непозволеннаго. Въ этомъ никто не переувѣритъ меня — исполнится-ли то, что одно можетъ дать мнѣ счастіе, это къ несчастію зависитъ не отъ меня а отъ другихъ; но для меня останется по крайней мѣрѣ увѣреніе что я искалъ его не въ низкомъ, не въ томъ что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни — не будетъ его, не будетъ и прочаго; не моя вина. Останется дожить какъ нибудь положенный срокъ, который вѣроятно будетъ и не долгъ. Жаль жизни — такой, какъ я ее представляю, тихой, ясной, дѣятельной, посвященной истинному добру; но того, что обыкновенно называютъ жизнію, того совсѣмъ не жаль — и чемъ скорѣе тѣмъ лучше. Тогда бы могъ я упрекать себя за прошедшее, когда бы употреблялъ непозволенныя средства исполнить свои надежды — нѣтъ! я хотѣлъ и хочу счастія чистаго. Я берегъ одну надежду. Покорностію и терпѣніемъ думалъ купить себѣ исполненіе. И это исполненіе было бы не дорого куплено, хотя во всѣ послѣдніе года не помню дня истинно счастливаго; сколько же

печальнаго! а все вмѣстѣ—удѣлъ незавидный. Мысль, что все можетъ перемѣниться, что настоящее замѣнится прекраснымъ будущимъ была моею подпорою,—но эти мысль не помѣшала мнѣ пріобрести совершеннаго равнодушія къ жизни, которое наконецъ сдѣлалось главнымъ моимъ чувствомъ: чувство убійственное для всякой дѣятельности. Какъ хотѣть быть добрымъ въ жизни, считая и самую жизнь ненужною? Самая вѣра не ослабѣваетъ-ли при такомъ равнодушіи. Другимъ нужно несчастіе чтобы привести въ силу ихъ душевныя качества. Мнѣ напротивъ нужно счастіе—то счастіе, которое можетъ быть моимъ, ибо нѣтъ общаго для всѣхъ счастія. Въ немъ одномъ вижу свое преобразованіе.

Таково мое прошедшее. Что же въ настоящемъ? Все еще одна надежда. Но должно-ли этому такъ остаться? Нѣтъ! надобно выйдти изъ нерѣшимости. Но доказательствомъ, что моя надежда не есть виновная, служитъ то дѣйствіе, которое производитъ на душѣ моей вѣроятность ея исполненія. Ею пробуждаются лучшія чувства и не знаю какая-то живая, сладостная вѣра. необходимость любить Провидѣніе и на него полагаться. Какъ былъ счастливъ для меня тотъ день — не помню лучшаго во всей жизни — въ который я рѣшился говорить съ Иван. Влад. Во мнѣ было увѣреніе что онъ оправдаетъ мою привязанность. А это представило мнѣ вѣроятность, что я буду счастливъ: чувство точно воскресительное для моей души. Я видѣлъ передъ собою не одно исполненіе желанія — этого было бы мало, и счастіе не въ томъ; нѣтъ я видѣлъ передъ собою новую жизнь, видѣлъ себя тѣмъ, чѣмъ бы я желалъ быть — не автоматомъ, напрасно живущимъ въ божіемъ свѣтѣ. Сердце у меня билось, когда смотрѣлъ на чистое небо и я мысленно давалъ клятву быть достойнымъ своею жизнью божества, обѣщающаго мнѣ такое счастіе въ своемъ мірѣ: я чувствовалъ необходимость болѣе любить его, къ нему все относить, ибо въ немъ видѣлъ крѣпость своего счастія. Религія есть благодарность. Въ эту минуту твердая вѣра представлялась мнѣ ясно нужнѣйшею потребностію человѣческаго сердца. Это живое чувство не обмануло меня; я увѣренъ что оно есть голосъ Божій — Иванъ Влад. одобрилъ меня. Съ тѣхъ поръ на душѣ у меня спокойнѣе. Я увѣренъ въ чистотѣ моей надежды и въ настоящемъ ничто не пугаетъ меня.

Но будущее! оно пугаетъ меня одною своею неизвѣстностію. Я могу здѣсь дать себѣ отчетъ въ однихъ только намереніяхъ. Ихъ исполненіе не въ моей власти. Но мои намеренія моя собственность и здѣсь всякое постороннее право изчезаетъ. Здѣсь можетъ судить одинъ только тотъ, кто читаетъ въ глубинѣ сердца. Пускай же читаетъ

онъ въ моемъ. Я не боюсь его взора и то чего желаю его достойно, есть лучшее, что могу принесть ему въ жертву. Истинное достоинство человѣка въ его мысляхъ и чувствахъ. Онѣ невидимы для другихъ, но извѣстны сердцевѣдцу. То, чего желаю, не сдѣлало-ли бы мою жизнь лучшею? Слѣдственно не есть-ли оно невинно и свято? Какія мои намѣренія? Имѣть драгоцѣннѣйшія связи; ихъ сохраненію посвятить свою жизнь; спокойствіе души, усовершенствованіе сердца, дѣятельность, мнѣ свойственная, самая религія—все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души! Что иное можетъ мнѣ быть замѣною. Не желай невозможнаго, скажутъ. Но чтобы перестать желать того, что сдѣлало бы жизнь счастливою надлежитъ увѣриться въ его невозможности. Я ее здѣсь не вижу, не видалъ и никогда видѣть не буду. Самъ бросить своего счастія не могу: пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ; тогда по крайней мѣрѣ не я буду причиною своей утраты. Жертвовать собою не значитъ еще соглашаться что жертва необходима и угодна Богу, которому ее насильно приносятъ. Онъ далъ мнѣ совѣсть. Отъ чего же эта совѣсть спокойна, когда я разсматриваю желанія своего сердца и разсматриваю ихъ въ увѣреніи, что у меня есть строгій свидѣтель; отъ чего представляя исполненными свои намѣренія чувствую въ себѣ самую чистую радость, вижу себя лучшимъ? Неужели это доказательство, что мои намѣренія дурныя? А какое другое правило вѣрнѣе въ сужденіи о самомъ себѣ. Я же не одинъ; прекрасные люди, истинные христіяне одобряютъ меня; а мнѣніе противящееся мнѣ само по себѣ сомнительно и для тѣхъ которые его имѣютъ. Естли бы человѣку, совершенно равнодушному надлежало произнести приговоръ, чтобы онъ сказалъ? Одно мнѣніе поддерживаетъ истинный христіанинъ, но оно разрушаетъ счастіе: другое, ему противное мнѣніе, также истинный христіанинъ защищаетъ и оно даетъ счастіе—которое справедливо?... Безъ сомнѣнія то, на которой сторонѣ счастіе, ибо оно имъ оправдывается. Такъ бы долженъ былъ рѣшить безпристрастный, но нашъ судья мать [1]).

Мои намѣренія достойны моего Творца и моя молитва къ нему: чтобы онъ исполненіемъ ихъ далъ мнѣ единственный способъ его удостоиться въ жизни, или чтобы скорѣе взялъ отъ меня обратно жизнь, совершенно безплодную. Вотъ вся моя исповѣдь".

[Продолженіе слѣдуетъ].

Сообщ. **К. К. Зейдлицъ**.

---

[1]) Мать Марьи Андреевны—Екат. Аѳан. Протасова. П. В.

L

Профессоръ и академикъ

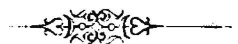
ЯКОВЪ КАРЛОВИЧЪ ГРОТЪ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯЯ

УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1882.

Очеркъ жизни.—Юбилей.—Высочайшій рескриптъ.—Адресы.—Привѣты.—
Списокъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ.

изъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, кн. I.
1883.

6-го сентября 1882-го года отечественныя наука, литература и педагогика, чрезъ посредство многихъ и видныхъ своихъ представителей, праздновали пятидесятилѣтній юбилей Якова Карловича Грота.

Государь Императоръ осчастливилъ юбиляра милостивымъ Высочайшимъ рескриптомъ.

Рѣдко, весьма рѣдко, удается видѣть на Руси чествованіе золотой свадьбы русскихъ людей съ наукой; очень немногіе изъ нашихъ тружениковъ не падаютъ подъ бременемъ труда на своей нивѣ, болѣе или менѣе задолго до пятидесятилѣтней годовщины начала ихъ дѣятельности.

Тѣмъ пріятнѣе занести на страницы нашего изданія тотъ фактъ, что торжество 6-го сентября 1882 г. выпало на долю одного изъ достойнѣйшихъ русскихъ ученыхъ и писателей, человѣка, снискавшаго къ себѣ всеобщее уваженіе въ теченіи болѣе, чѣмъ полувѣковой дѣятельности, какъ педагога, наставника, писателя и ученаго.

„Русская Старина", сохраняющая на своихъ страницахъ множество данныхъ для оцѣнки дѣятельности замѣчательныхъ русскихъ людей, помѣщаетъ нынѣ нѣсколько документовъ къ біографіи профессора и акадамика Я. К. Грота, приводя ихъ частью изъ весьма мало извѣстной брошюры, частью изъ летучихъ листовъ газетъ, частью изъ рукописей. Но въ особенности съ наиполнѣйшимъ удовольствіемъ помѣщаемъ мы, въ сообщеніи почтеннаго библіографа С. И. Пономарева, полный списокъ отдѣльныхъ трудовъ, т. е. книгъ, статей, переводовъ, разсказовъ и стихотвореній Я. К. Грота за LII года, именно съ 1830-го по 1882-й годъ включительно.

Списокъ этотъ, объемля собою 342 нумера, драгоцѣненъ для справокъ и краснорѣчивѣе самыхъ выспреннихъ выраженій свидѣтельствуетъ какъ плодотворно для науки и литературы, какъ неустанно трудился и продолжаетъ трудиться одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ русскихъ академиковъ.

Да пребудетъ эта жизнь еще долго и долго примѣромъ любви къ наукѣ и Россіи, которой столь безукоризненно прослужилъ болѣе полувѣка нашъ глубоко-уважаемый маститый ученый и писатель. Ред.

I.

Въ февралѣ 1856 г. въ V-мъ томѣ „Извѣстій II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ“, доброй памяти П. А. Плетневъ помѣстилъ весьма интересный очеркъ: „О профессорѣ и академикѣ Я. К. Гротѣ“. Рѣдкій экземпляръ оттиска этой статьи предъ нами (8 д., 18 стр.) и мы изъ него приводимъ нѣсколько главнѣйшихъ фактовъ, относящихся до нашего юбиляра.

Яковъ Карловичъ род. 15-го декабря 1812 г. Отецъ его былъ весьма образованный человѣкъ, (чиновникъ въ министерствѣ финансовъ), и столь совершенно зналъ иностранные языки, что, въ числѣ немногихъ другихъ лицъ, приглашаемъ былъ ко двору для бесѣдъ съ малолѣтнимъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Дѣдъ Якова Карловича, опредѣленный въ 1760 г. пасторомъ въ Екатерининскую церковь на Васильевскомъ Острову, былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Ему принадлежитъ обширное сочиненіе: „Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи“; другъ ученыхъ и подвижникъ науки, онъ ревностно проповѣдывалъ, между прочимъ, въ защиту оспопрививанья, за что получилъ отъ Екатерины II золотую медаль; онъ же учредилъ первое въ Россіи Общество застрахованія жизни. Потерявъ на 6-мъ году отца, Яковъ Карловичъ былъ прекрасно подготовленъ своею матерью въ благородный пансіонъ Царскосельскаго лицея, куда поступивъ, скоро отличилъ себя успѣхами въ наукахъ и въ особенности необыкновенно быстрою способностію изучать языки. 26-го августа 1826 г. Я. К. Гротъ переведенъ въ Императорскій Царскосельскій лицей,

при выпускѣ изъ котораго въ іюнѣ 1832 г. получилъ первую золотую медаль. Начало службы было въ канцеляріи комитета министровъ, затѣмъ въ государственной канцеляріи. „Но чѣмъ болѣе открывалось Я. К. Гроту выгодъ по гражданской службѣ,— пишетъ его біографъ П. А. Плетневъ,—тѣмъ живѣе чувствовалъ Яковъ Карловичъ, что теряетъ изъ вида поприще, на которое всегда смотрѣлъ, какъ на свое призваніе. Расширеніе знаній ученыхъ, филологическихъ и лингвистическихъ составляло единственную усладу его послѣ утомительныхъ трудовъ службы“. Съ января 1838 года Я. К. сближается съ ред.-изд. „Современника“ и дѣлается усерднымъ сотрудникомъ этого журнала. Сближеніе и общія занятія съ П. А. Плетневымъ „довершили влеченіе чиновника къ трудамъ чисто умственнымъ. Гротъ тогда уже готовъ былъ пожертвовать всею будущностію своею, лишь бы свободно предаться любимому дѣлу“. Тщетно П. А. Плетневъ, по собственному его свидѣтельству, „представлялъ ему, Я. К., разныя непріятныя случайности, которыя могутъ послѣдовать для молодого человѣка отъ внезапной перемѣны его положенія. Но Гротъ оставался при своемъ намѣреніи“.... Въ 1840 году Я. К. вступаетъ ординарнымъ профессоромъ русскаго языка и словесности въ Александровскій университетъ въ Финляндіи. Отнынѣ дѣятельность его, какъ ученаго филолога, какъ писателя, пріобрѣтаетъ всеобщую извѣстность въ русскомъ ученомъ и литературномъ мірѣ; о значеніи ея и обширности краснорѣчиво свидѣтельствуетъ длинный списокъ его трудовъ, появлявшихся въ 1840—1852 гг. въ печати.

Въ 1852 году Гротъ приглашенъ въ Императорскій Александровскій лицей на каѳедру русской словесности и тогда же въ преподаватели наукъ къ Августѣйшимъ Дѣтямъ; вскорѣ послѣ того, въ 1855 г., второе Отдѣленіе императорской академіи наукъ избрало Якова Карловича въ число своихъ членовъ.

Въ началѣ 1853 года г. Гротъ переселился въ Петербургъ [1]). Для бывшаго профессора финляндскаго университета обстоятельство это было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ въ то самое время пересматривался уставъ этого университета и назначенная для того коммисія, состоявшая исключительно изъ финляндцевъ,

---

[1]) Послѣдующія свѣдѣнія приводимъ изъ Записки, вполнѣ не появлявшейся еще въ печати. Ред.

съумѣла положить конецъ отдѣльному преподаванію русской исторіи: осталась только каѳедра русскаго языка и словесности, которую, по выходѣ Я. К. Грота, и занялъ бывшій при немъ экстраординарнымъ профессоромъ С. И. Барановскій.

Въ Петербургѣ началась для г. Грота новая жизнь, нелегкая по множеству лежавшихъ на немъ обязанностей. Два утра въ недѣлю проводилъ онъ на лекціяхъ въ лицеѣ, а остальные четыре посвящены были занятіямъ съ покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и августѣйшимъ братомъ его, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, которымъ онъ преподавалъ языки русскій съ церковно-славянскимъ, нѣмецкій, исторію и географію. Въ лѣтніе же мѣсяцы, во время пребыванія Высочайшаго двора въ загородныхъ мѣстахъ, занятія эти еще усложнялись и становились ежедневными, такъ какъ, за отсутствіемъ нѣкоторыхъ преподавателей, Я. К. Гротъ исполнялъ и ихъ обязанности. Со вступленіемъ великаго князя Николая Александровича, 8-го сентября 1859 года, въ совершеннолѣтіе, участіе г. Грота въ воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ кончилось. Въ 1862 г. онъ оставилъ и лицей, чтобы посвятить всю свою дѣятельность академіи наукъ.

Съ появленіемъ въ журналѣ Русская Бесѣда, въ 1859 году, „Записокъ Державина“, для академика Грота настала пора возвратиться къ изслѣдованіямъ надъ этимъ писателемъ, которыя еще въ 1845 г. печатались въ „Современникѣ“, но были прерваны именно за недостаткомъ этого біографическаго матеріала. Назначенный по смерти И. И. Давыдова предсѣдательствующимъ II-го Отдѣленія академіи, П. А. Плетневъ съ радостію принялъ мысль г. Грота заняться полнымъ критическимъ изданіемъ знаменитаго лирика XVIII вѣка, и составленный Яковомъ Карловичемъ планъ такого изданія, въ повременномъ порядкѣ, съ историческими и литературными примѣчаніями, былъ одобренъ Отдѣленіемъ. Родственники поэта и другія лица, въ рукахъ которыхъ хранились всѣ бумаги и письма его, сочувственно откликнулись на предпріятіе академіи, и вскорѣ въ кабинетѣ издателя очутился весь уцѣлѣвшій домашній и служебный архивъ Державина. Приготовительная разработка этихъ матеріаловъ, въ связи съ исторіею событій, въ которыхъ поэтъ участвовалъ, продолжалась болѣе трехъ лѣтъ. Много времени потребовало, съ одной стороны, изу-

ченіе всей, относившейся къ Держа́вину литературы, а съ другой—отысканіе подлинныхъ документовъ въ Государственномъ архивѣ, гдѣ академикъ по этому поводу прослѣдилъ, между прочимъ. всю эпоху Пугачевскаго бунта и собралъ для исторіи ея множество матеріаловъ, впослѣдствіи имъ изданныхъ. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ, для подготовленія полной біографіи поэта, посѣщалъ мѣста́, гдѣ попеременно протекала жизнь Державина, именно приволжскія губерніи отъ Казани до Саратова, Петрозаводскъ, Тамбовъ и Званку. Наконецъ, задача изданія еще усложнялась тѣмъ, что къ тексту стихотвореній опредѣлено было приложить рисунки, найденные въ большомъ количествѣ при рукописяхъ поэта. Къ печатанію приготовленнаго по такому обширному плану роскошнаго изданія приступлено было въ началѣ 1863 года, и въ послѣднихъ числахъ декабря появился первый томъ, успѣхъ котораго превзошелъ всѣ ожиданія издателя: къ концу января 1864 года, т. е. въ теченіи одного мѣсяца, изъ академіи продано было книгопродавцамъ, на чистыя деньги, около 300 экз., что̀ конечно, по сравненію съ обыкновеннымъ ходомъ продажи академическихъ изданій, было очень много. Съ того времени почти ежегодно появлялось по одному тому, и въ 1872 году, VII-мъ томомъ, содержащимъ труды Державина въ прозѣ, закончилось изданіе самыхъ сочиненій его. Въ 1880-мъ вышла и біографія поэта, составившая VIII-ой, самый обширный, томъ всего изданія, выпущенный въ то же время и въ видѣ отдѣльнаго труда, подъ заглавіемъ: „Жизнь Державина, описанная по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ“. Теперь отпечатанъ уже и скоро выйдетъ IX-й, послѣдній, томъ, содержащій разныя дополненія и приложенія къ предъидущимъ томамъ.

Работая надъ изданіемъ Державина, г. Гротъ не оставлялъ однакожъ своихъ любимыхъ изслѣдованій по родному языку, которыя и изданы были въ 1873 году отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ Филологическія Разысканія. Вскорѣ понадобилось второе изданіе этой книги. По этому поводу одна изъ статей ея, именно статья о правописаніи, была совершенно переработана авторомъ, такъ какъ онъ считалъ необходимымъ присоединить къ ней ученіе о звукахъ на основаніи новѣйшихъ физіологическихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ къ русскому языку въ первый разъ приложено было то плодотворное направленіе, которое въ

послѣдніе годы получило столь обширное развитіе въ Западной Европѣ. Передѣланная въ такомъ смыслѣ статья разрослась въ цѣлую книгу, такъ что второе изданіе Филологическихъ Разысканій появилось въ 1876 году уже въ двухъ томахъ. Въ настоящее время и этого изданія давно уже нѣтъ въ продажѣ. Сколько извѣстно, г. Гротъ предполагаетъ скоро приступить къ третьему, которое, вѣроятно, опять будетъ значительно пополнено.

Въ 1865 году празднованіе столѣтней годовщины смерти Ломоносова послужило началомъ цѣлаго ряда чествованій знаменитыхъ русскихъ людей прошлаго времени. Академія наукъ не осталась чужда какъ этому, такъ и послѣдовавшимъ затѣмъ литературнымъ празднествамъ: въ 1866 году она устроила торжественное собраніе въ честь Карамзина; въ 1867 г. Отдѣленіе русскаго языка и словесности почтило особымъ засѣданіемъ память митрополита Евгенія; въ 1868 г. Академія наукъ праздновала столѣтній юбилей Крылова; въ 1872 г.—двухсотлѣтнюю годовщину дня рожденія Петра Великаго. Во всѣхъ этихъ академическихъ торжествахъ Я. К. Гротъ принималъ дѣятельное участіе произнесеніемъ рѣчей, составленныхъ имъ на основаніи собственныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Кромѣ того, къ юбилею Карамзина имъ было приготовлено, вмѣстѣ съ покойнымъ Пекарскимъ, изданіе большого собранія писемъ исторіографа къ И. И. Дмитріеву, а по поводу юбилея Евгенія Болховитинова издалъ онъ рядъ писемъ преосвященнаго къ Державину и другимъ лицамъ [1]). За этимъ послѣдовало имъ же исполненное по рукописямъ, сохранившимся въ семействѣ графовъ Капнистовъ, изданіе сочиненій и писемъ Хемницера съ біографіею, которая первоначально была напечатана въ „Русской Старинѣ“.

Въ 1872 году, по случаю смерти Пекарскаго, русское Историческое общество предложило Я. К. Гроту принять на себя продолженіе изданія бумагъ Екатерины II, два первые тома которыхъ были напечатаны покойнымъ академикомъ. Давно уже съ особеннымъ интересомъ изучая жизнь и царствованіе геніальной

[1]) Съ удовольствіемъ вспоминаемъ, что изъ нашихъ собственныхъ собраній матеріаловъ для русской литературы, мы предоставили Я. К. Гроту нѣсколько документовъ къ біографіямъ Державина, Крылова, а изъ сообщенныхъ нами писемъ митрополита Евгенія Болховитинова въ трудѣ г. Грота составилось нѣсколько печатныхъ листовъ. Ред.

императрицы, Гротъ принялъ предложеніе и сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ историческаго общества. Болѣе пяти лѣтъ посвятилъ онъ на занятія для этой цѣли въ государственномъ архивѣ и напечаталъ съ своими примѣчаніями: во 1-хъ, бумаги Екатерины отъ 1771 до 1774 года, составившія XIII томъ Сборника названнаго общества; во 2-хъ, полное собраніе писемъ Екатерины II къ извѣстному энциклопедисту Гримму на французскомъ языкѣ (XXIII томъ Сборника) и въ 3-хъ, письма Гримма и Дидро къ императрицѣ, вошедшія въ составъ XXXIII тома того же изданія.

Занятія по изданію Державина и Историческому обществу подали Гроту поводъ написать множество монографій, относящихся преимущественно къ Екатеринѣ II и напечатанныхъ частью въ академическихъ изданіяхъ, частью въ „Русской Старинѣ", въ „Русскомъ Архивѣ" и въ журналѣ „Древняя и Новая Россія". Не исчисляемъ ихъ, такъ какъ всѣ онѣ вошли въ помѣщаемый при настоящей запискѣ указатель трудовъ академика Грота. Въ послѣднее время онъ предпринялъ изложить въ системѣ все содержаніе замѣчательной переписки Екатерины II съ Гриммомъ, и значительная часть этого труда, въ двухъ статьяхъ, уже появилась въ Сборникѣ II-го Отдѣленія Академіи наукъ. Между тѣмъ въ бумагахъ одного частнаго лица, имено Н. Р. Фурмана, отыскалось большое собраніе недостающихъ писемъ Гримма, которыя и были поднесены имъ Государю Императору. Переданныя затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, въ государственный архивъ, онѣ будутъ также изданы подъ наблюденіемъ Грота. Въ изданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности напечатана недавно статья его: „Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ". Къ поддержанію сношеній Грота съ Швеціею служатъ предпринимаемыя имъ, отъ времени до времени, путешествія въ эту страну. Въ послѣдній разъ онъ посѣтилъ ее въ 1877 г., въ качествѣ депутата Академіи наукъ на 400-лѣтнемъ юбилеѣ упсальскаго университета, и здѣсь, къ удивленію шведовъ, произнесъ рѣчь на ихъ родномъ языкѣ; на прощальномъ же ужинѣ, данномъ королемъ Оскаромъ II депутатамъ, собравшимся въ числѣ болѣе 60-ти человѣкъ изъ разныхъ странъ Европы, Гротъ, по назначенію самого короля, произнесъ отъ имени всѣхъ депутатовъ, импровизованную на французскомъ

языкѣ рѣчь, которая заслужила общее одобреніе. По случаю празднованія въ Лундѣ памяти двухъ скандинавскихъ поэтовъ: Эленшлегера и Тегнéра, бывшаго профессоромъ тамошняго университета, нашъ соотечественникъ, какъ переводчикъ Фритіофссаги, былъ избранъ въ почетные доктора̀ этого университета, а вслѣдъ затѣмъ приглашенъ въ члены стокгольмскаго историческаго общества и въ сотрудники издаваемаго тамъ энциклопедическаго словаря.

Въ 1862 году академикъ Плетневъ вынужденъ былъ, вслѣдствіе упорной болѣзни, переселиться въ Парижъ, гдѣ онъ уже и до того, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, искалъ облегченія отъ своихъ страданій. Черезъ два года его не стало. Такъ какъ около того времени уставъ академіи, по иниціативѣ тогдашняго президента ея, графа Блудова, пересматривался составленною изъ среды ея коммисіею и въ положеніи Отдѣленія русскаго языка и словесности предполагалось сдѣлать коренныя измѣненія, то члены его не сочли нужнымъ имѣть до этой реформы предсѣдательствующаго, и завѣдываніе дѣлами Отдѣленія, съ 1862 года, было поручено Гроту, который съ той поры, въ продолженіи двадцати лѣтъ, и исполнялъ эту обязанность.

Наконецъ, нельзя умолчать о дѣятельности Грота въ дѣлѣ сооруженія памятника Пушкину. Когда, послѣ первой удачи въ въ сборѣ пожертвованій на этотъ предметъ, усердіе начинателей его охладѣло и по прошествіи девяти лѣтъ предпріятіе вовсѣмъ было пріостановилось, Гротъ, въ собраніи товарищей 19-го октября 1871 года, снова поднялъ вопросъ о памятникѣ, и тогда рѣшено принять серьезныя мѣры къ осуществленію первоначальной мысли. Тутъ же составленъ былъ планъ учрежденія особаго комитета изъ бывшихъ лицеистовъ, который и дѣйствительно образовался подъ почетнымъ предсѣдательствомъ тогдашняго попечителя лицея, покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Вслѣдствіе обращенія къ обществу, написаннаго Я. К. Гротомъ, и распоряженій, въ которыхъ главное участіе принадлежало ему и брату его, нынѣ статсъ-секретарю К. К. Гроту, а также покойному Н. А. Шторху, какъ товарищу принца Ольденбургскаго по IV Отдѣленію собственной его величества канцеляріи—возобновленная подписка внезапно приняла успѣшный ходъ и вскорѣ дала блестящіе результаты. Комитетъ энергически принялся за выполне-

ніе своей задачи, и во все время его существованія Я. К. Гротъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ, постоянно исполняя обязанности секретаря по составленію протоколовъ засѣданій и по распоряженіямъ при конкурсахъ на изготовленіе проэктовъ памятника. Когда же, наконецъ, въ 1880 году, работы были благополучно приведены къ концу, то, при отсутствіи другихъ членовъ, ему, вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ Ѳ. П. Корниловымъ выпало на долю быть представителемъ комитета при открытіи въ Москвѣ памятника. Академикомъ Гротомъ былъ составленъ и прочитанъ въ залѣ московской городской Думы отчетъ объ этомъ знаменитомъ сооруженіи.

II.

6-го сентября 1882 г. русская наука и литература праздновала пятидесятилѣтній юбилей Я. К. Грота. Не повторяемъ подробностей описанія этого торжества, тогда же напечатанныхъ во многихъ русскихъ газетахъ. Приводимъ изъ нихъ лишь нѣсколько привѣтовъ, обращенныхъ къ высокочтимому юбиляру.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

ДАННЫЙ НА ИМЯ АКАДЕМИКА, ТАЙНАГО СОВѢТНИКА ГРОТА.

Яковъ Карловичъ! Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей служебной дѣятельности, посвященной всецѣло литературѣ, наукѣ и преподаванію. Исполняя въ теченіи многихъ лѣтъ обязанности профессора въ гельсингфорскомъ университетѣ, а затѣмъ и въ александровскомъ лицеѣ, вы своимъ постоянствомъ въ трудѣ, даромъ изложенія и душевными качествами имѣли благотворное вліяніе на учащіяся поколѣнія. Впослѣдствіи вы были призваны преподавать русскій языкъ и словесность въ Бозѣ почившему Цесаревичу Николаю Александровичу и Мнѣ; неусыпнымъ усердіемъ къ дѣлу вы заслужили признательность незабвенныхъ Нашихъ Родителей. Труды ваши по званію члена академіи наукъ и русскаго историческаго общества справедливо оцѣнены по ихъ ученому достоинству и отличаются, сверхъ другихъ качествъ, безпристрастіемъ и глубоко-нравственнымъ чувствомъ. Мнѣ особенно пріятно въ столь знаменательный для васъ день выразить вамъ сердечную признательность и пожелать, чтобы силы ваши надолго сохранились для пользы отечественной науки.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано.

«и искренно уважающій васъ АЛЕКСАНДРЪ».

6-го сентября 1882 года.

Александровскій лицей поднесъ юбиляру слѣдующій адресъ:

„Яковъ Карловичъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совѣтъ лицея, награждая васъ первою золотою медалью и отпуская на поприще общественной дѣятельности, возлагалъ на васъ лучшія надежды. Эти надежды не остались тщетными. Вы отблагодарили лицей: въ теченіи десяти лѣтъ вы были украшеніемъ лицея, но уже не въ качествѣ ученика, а какъ профессоръ. Лицей не забудетъ вашей профессорской дѣятельности, не забудетъ онъ и рѣчи, которую вы нѣкогда произнесли въ немъ на торжественномъ актѣ и которую можно счесть одною изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ русской литературѣ. Вы вдвойнѣ принадлежите лицею, и онъ гордится этимъ. Въ настоящій торжественный день пятидесятилѣтія вашего служенія государству и обществу совѣтъ лицея является передъ вами съ искреннимъ поздравленіемъ и желаніемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности еще на многіе годы».

Сочленъ юбиляра по академіи наукъ А. Ѳ. Бычковъ, произнесъ блестящую рѣчь, выслушанную присутствующими съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Приводимъ ее изъ „Правительственнаго Вѣстника“:

«Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ вы, глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ, покинувъ скамью царскосельскаго лицея, гдѣ въ то время были такъ живы преданія о Пушкинѣ, вступили на служебное поприще. Предъ вами лежала широкая и торная дорога къ отличіямъ и почестямъ, по которой уже успѣшно шли лицейскіе воспитанники предшествовавшихъ вашему выпусковъ; но вы черезъ нѣсколько лѣтъ предпочли ей другую, болѣе скромную и спокойную, и, смѣю сказать, болѣе надежную и едва ли не болѣе блистательную. Вы отдали себя всецѣло литературѣ и наукѣ, и этому вашему выбору, этому благородному предпочтенію, мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ и прекрасный переводъ Фритіофъ-саги, передающій всѣ поэтическія красоты этого перла скандинавской литературы, и ученыя разысканія въ области русскаго языка, и образцовое изданіе твореній поэта «Фелицы», дающее богатый матеріалъ для внутренней исторіи царствованія Екатерины II, и драгоцѣнную переписку этой великой государыни съ разными лицами и особенно съ барономъ Гриммомъ, и тщательное изданіе басень Хемницера и писемъ Карамзина къ Дмитріеву.

«Какъ эти, такъ и другіе ваши многочисленные труды, простой перечень которыхъ заняль бы нѣсколько печатныхъ страницъ, отвели вамъ мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія, которое вы по праву стяжали вашимъ 45-лѣтнимъ служеніемъ отечественному слову, вашею слишкомъ 25-лѣтнею непрерывною и неустанною дѣятельностью въ средѣ императорской Академіи Наукъ. Въ послѣднемъ отношеніи ежегодные отчеты по Отдѣленію русскаго языка и словесности являлись живыми и неподкупными глашатаями передъ просвѣщеннымъ нашимъ обществомъ о вашихъ трудахъ по званію академика, и оно, всегда чуткое при оцѣнкѣ истинно полезныхъ дѣятелей, уже давно присоединило ваше имя къ именамъ тѣхъ членовъ этого высшаго ученаго учрежденія, которыхъ, по пользѣ, принесенной ими нашему отечеству, знаетъ и уважаетъ всякій образованный русскій.

«Но еще до вступленія вашего въ академію наукъ была по достоинству оцѣнена ваша профессорская дѣятельность, какъ въ гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ, гдѣ вы знакомили студентовъ не только съ русскимъ языкомъ, но и съ прошлыми судьбами нашего отечества, такъ и въ Александровскомъ лицеѣ,—дѣятельность, оставившая много свѣтлыхъ воспоминаній въ слушателяхъ этихъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній.

«Мнѣ не слѣдовало бы здѣсь касаться вашихъ нравственныхъ качествъ, глубокочтимый юбиляръ, но я не посмѣлъ пройти молчаніемъ того, что извѣстно всѣмъ намъ, а именно, что вы постоянно стоите за все прекрасное, полезное, справедливое и честное; что вы дорожите успѣхами отечественнаго просвѣщенія, потому что любите Россію; что вы уважаете и цѣните отечественныхъ ученыхъ; что вы науку ставите выше всего и выдѣляете ее изъ обыденныхъ отношеній, весьма часто мелочныхъ и себялюбивыхъ; наконецъ, что вы ни на шагъ не отступили отъ того, что сами слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ сказали:

Я передъ ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатный...

«И вы не нарушили этого прекраснаго обѣта.

«Принося вамъ искреннее поздравленіе какъ отъ себя, такъ и отъ имени отсутствующихъ товарищей по Отдѣленію, съ сегодняшнимъ, многознаменательнымъ для васъ днемъ, я присоединяю къ моему привѣтствію сердечное желаніе, которое безъ сомнѣнія раздѣлитъ каждый, кому не чуждо умственное движеніе въ Россіи, чтобы вы продолжали еще десятки лѣтъ столь же успѣшно, какъ и доселѣ, трудиться надъ воздѣлываніемъ того поля, съ котораго сняли такую богатую жатву, и чтобы ваша полувѣковая ученая дѣятельность служила молодымъ поколѣніямъ поучительнымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ трудиться для науки и на пользу родины».

Не менѣе замѣчательную рѣчь произнесъ академикъ и профессоръ М. И. Сухомлиновъ:

„Глубоко уважаемый Яковъ Карловичъ! Сочлены ваши по второму Отдѣленію Академіи наукъ привѣтствуютъ васъ братскимъ привѣтомъ съ пройденнымъ вами поприщемъ, ознаменованнымъ такими важными, такими драгоцѣнными вкладами въ русскую науку и литературу. Многіе годы вашего безупречнаго прошлаго посвящены академіи наукъ, съ которою вы сжились, и которую, по крайней мѣрѣ для нашего поколѣнія, нельзя себѣ представить безъ васъ. Имя ваше пользуется громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ Россіи. Вашимъ трудамъ и заслугамъ отдавалась должная справедливость именно тогда, когда всего живѣе выступаетъ потребность почтить заслуги наи-

болѣе выдающихся дѣятелей науки и просвѣщенія. С.-Петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, возвелъ васъ въ степень доктора русской словесности, на основаніи того параграфа устава, по которому возводятся въ степень доктора знаменитые ученые. Московскій университетъ избралъ васъ почетнымъ членомъ при чествованіи памяти великаго русскаго поэта девятнадцатаго столѣтія.

„Намъ, членамъ втораго Отдѣленія, излишне было бы входить въ оцѣнку изумительно многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ вашихъ. Мы постоянно пользуемся ими въ нашихъ работахъ, а потому и нѣтъ надобности повторять словами то, что̀ доказывается и подтверждается самимъ дѣломъ. Близкое же знакомство съ вашимъ благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій налагаетъ на насъ обязанность упомянуть о той сторонѣ вашей дѣятельности, которая вполнѣ извѣстна только сочленамъ вашимъ по Академіи наукъ.

„Какъ въ лѣтописи научныхъ трудовъ и предпріятій академіи, такъ и въ лѣтописяхъ академической жизни имя ваше сохранится навсегда съ подобающимъ ему значеніемъ. Право на это вы пріобрѣли отзывами и заявленіями своими по вопросамъ академической жизни. Всѣ заявленія ваши проникнуты уваженіемъ къ закону и законности и самою горячею заботливостью о чести и достоинствѣ академіи. Вы считаете обязанностью русскаго академика содѣйствовать вступленію въ академію достойныхъ русскихъ ученыхъ, и съ благородною ревностью заботитесь о томъ, чтобы удержать въ академіи тѣхъ изъ русскихъ ученыхъ, которые рѣшаются преждевременно покинуть ее къ ущербу и для академіи, и для науки. Суть вашихъ дѣйствій и стремленій можно выразить такимъ образомъ: „академія есть академія наукъ и существуетъ въ Россіи и для Россіи“. Руководясь этимъ началомъ, вы остаетесь вѣрны и основной мысли Петра Великаго, учредившаго Академію наукъ, и лучшимъ преданіямъ академіи, связаннымъ съ именами Эйлера, Бэра и другихъ свѣтилъ европейской науки; вмѣстѣ съ тѣмъ вы стоите на твердой почвѣ закона, какъ это блистательно доказывается достопамятнымъ постановленіемъ государственнаго совѣта, состоявшимся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

„Государственный совѣтъ недавнимъ своимъ постановленіемъ уничтожилъ тѣ преграды, которыя могли бы возникнуть для вступленія русскихъ ученыхъ въ академію. При этомъ академія впервые названа дорогимъ для нея именемъ, которымъ она называлась когда-то и которое давнымъ-давно исчезло. Государственный совѣтъ называетъ академію „русскою академіею наукъ“ и находитъ, что „весьма желательно, чтобы доступъ въ академію для русскихъ, подвизающихся на ученомъ поприщѣ, не былъ ограниченъ, но, напротивъ того, подвергся нѣкоторому расширенію“. Необходимость сего очевидна. Въ теченіи прошедшихъ съ изданія послѣдняго академическаго устава пятидесяти лѣтъ, ознаменовавшихся вообще большими успѣхами просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ, наука пріобрѣла себѣ въ немъ значительное число преданныхъ и талантливыхъ тружениковъ. Между ними нерѣдко встрѣчаются имена, пользующіяся европейскою извѣстностію. Несомнѣнно, что этой національной нашей силѣ, болѣе чѣмъ кому либо другому, приличествуетъ мѣсто въ россійской академіи наукъ“.

„Честь и слава русскимъ ученымъ, потрудившимся для науки и для Россіи въ истекшее пятидесятилѣтіе. Въ ряду этихъ незабвенныхъ тружениковъ науки вамъ принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Трудами своими

вы проложили путь для послѣдующихъ поколѣній русскихъ ученыхъ, соединенныхъ съ вами внутреннею, живою связью.

Вы — утромъ вышли на работу,
Они — въ одиннадцатый часъ.

„Мудрый Хозяинъ вертограда", распредѣляющій часы работы и жизни человѣческой, да сохранитъ васъ для новыхъ трудовъ на избранномъ вами поприщѣ. Дай Богъ, чтобы ваши труды и заслуги, ваши взгляды и мнѣнія встрѣчали всегда и всюду то искреннее, непритворное сочувствіе и то безграничное довѣріе, которымъ вы пользовались и пользуетесь въ средѣ ближайшихъ вашихъ товарищей—бывшихъ и настоящихъ членовъ втораго Отдѣленія Академіи наукъ".

Изъ нѣсколькихъ другихъ рѣчей и привѣтовъ, обращенныхъ къ Я. К Гроту 6-го сентября 1882 г., приводимъ еще слѣдующіе:

Привѣтственный адресъ Я. К. Гроту отъ юго-славянской академіи наукъ и художествъ, въ Загребѣ.

Ваше превосходительство, позвольте и нашей академіи, которая гордится тѣмъ, что вы принадлежите къ ея средѣ, присоединиться къ общей радости, заявляемой всею ученою Россіею по случаю совершившейся 6-го (18-го) сентября годовщины вашей пятидесятилѣтней высоко-заслуженной дѣятельности на поприщѣ преподаванія и науки. При этомъ позвольте академіи выразить свое искреннее желаніе—да сохранитъ васъ Господь Богъ еще на многіе годы здоровымъ и бодрымъ, на пользу вашему великому Отечеству, всему славянству и наукѣ.

Загребъ, 24-го сентября 1882 года.

Д-ръ К. Рачкій, предсѣдатель. Д-ръ Б. Шулекъ, секретарь.

Привѣтствіе, сказанное отъ имени историко-филологическаго института инспекторомъ его, Н. П. Некрасовымъ.

«Яковъ Карловичъ! Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ, выражая предъ вами свое глубокое уваженіе къ вашимъ полезнымъ трудамъ по русской филологіи, привѣтствуетъ день вашего пятидесятилѣтняго юбилея и искренно желаетъ, чтобы какъ ваша жизнь, такъ и соединенная съ нею ваша почтенная научная дѣятельность длилась еще долго и долго на пользу отечественнаго просвѣщенія».

Телеграмма его императорскаго высочества герцога Николая Максимильяновича Лейхтенбергскаго.

(Переводъ съ французскаго): «Жалѣю, что не зналъ ранѣе о днѣ пятидесятой годовщины вашей ученой дѣятельности, чтобы присоединиться къ выразившимъ вамъ свои симпатіи и уваженіе, чувства, которыя я всегда питалъ къ вамъ съ самаго дѣтства. Да сохранитъ васъ Богъ надолго для славы науки въ Россіи. Герцогъ Николай Лейхтенбергскій».

Телеграмма изъ Москвы отъ имени Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

«Искренно сожалѣемъ, что не можемъ лично принести вамъ поздравленіе и спѣшимъ выразить вамъ отъ лица Историческаго общества и общую радость по случаю сегодняшняго праздника, и глубокую признательность за ваше неутомимое сотрудничество и сочувствіе. Дай Богъ вамъ еще много лѣтъ трудиться на пользу русской науки».

А. А. Половцевъ и Г. Ф. Штегманъ.

Вотъ прекрасное слово Я. К. Грота, обращенное къ его сочленамъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, какъ выраженіе признательности за ихъ привѣтъ и сочувствіе къ его полувѣковой дѣятельности:

«Считаю для себя особеннымъ счастьемъ, сказалъ онъ между прочимъ, что ближайшіе мои сотоварищи, непосредственные свидѣтели моего образа дѣйствій въ академической сферѣ, такъ вѣрно поняли начала, которымъ я болѣе 25-ти лѣтъ неуклонно слѣдовалъ въ своихъ отношеніяхъ къ академіи вообще и къ нашему Отдѣленію въ частности. Дѣйствовать открыто и прямо, чуждаться всякой интриги, вести дѣла коллегіально, законно и безпристрастно, уважать свободу мнѣній и слова, идти навстрѣчу всякому добросовѣстному труду, всякому справедливому желанію, наконецъ энергически охранять честь учрежденія, которому великій его основатель завѣщалъ высокую цѣль служить наукѣ на пользу Россіи и Русскаго народа,—таковы были правила, которыя я всегда считалъ обязательными для каждаго честнаго академика, помня при томъ святое апостольское слово: плодъ правды сѣется въ мирѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я однакожъ сознавалъ, что стремленіе къ миру должно имѣть свои предѣлы, что въ дѣлахъ общественныхъ правда не можетъ быть приносима въ жертву миру и что когда предстоитъ выборъ между ними, то предпочтеніе должно быть безъ колебанія отдаваемо правдѣ. Знаю, что такой образъ мыслей и дѣйствій нравится не всѣмъ, что часто выгоднѣе было бы идти путемъ противоположнымъ; но ваше гласное одобреніе, многоуважаемые товарищи, придаетъ мнѣ новыя силы для продолженія моей академической дѣятельности въ томъ же духѣ. Горжусь тѣмъ, что къ ней отнеслось сочувственно и русское общество, все что въ немъ есть добраго, честнаго и благороднаго».

II-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ выражено желаніе, чтобы описаніе юбилея академика Грота было напечатано какъ въ Сборникѣ Отдѣленія, такъ и особою брошюрою.

Изъ многихъ писемъ и телеграммъ, полученныхъ Я. К. Гротомъ въ день его юбилея, помѣщаемъ нашъ привѣтъ:

Эстляндской губерніи, Merekюль, 6 сентября 1882 г.

„М. г. Яковъ Карловичъ! Весьма сожалѣю, что отсутствіе мое изъ С.-Петербурга лишило меня удовольствія лично и своевременно принести мое поздравленіе вамъ, искренно уважаемый Яковъ Карловичъ, съ L-ою годовщиною вашей ученой, литературной и педагогической дѣятельности.

„Исполняя это настоящимъ письмомъ, присоединяю привѣтъ редактора „Русской Старины" къ многочисленнымъ привѣтамъ, къ вамъ въ сей день обращеннымъ.

„Въ этихъ привѣтахъ сочувствія, глубокаго уваженія и признательности—да обрѣтете вы новыя силы и энергію къ продолженію на многіе и многіе годы вашей плодотворной дѣятельности!

„Труды ваши въ области исторіи отечественной словесности, монументальныя изданія, подъ вашею ученою редакціею исполненныя—пребудутъ навсегда образцовыми. А ваша преданность наукѣ,—ваше сочувствіе ко всѣмъ ея труженикамъ—навсегда сохранятъ къ вамъ чувства безпредѣльнаго уваженія.

„Съ признательностью вспоминаю, какъ 13 лѣтъ тому назадъ, при основаніи моего изданія „Русская Старина", я встрѣтилъ въ васъ поддержку и ободреніе въ вашихъ совѣтахъ и въ вашихъ статьяхъ и сообщеніяхъ, коими и въ послѣдующіе годы вы украшали мое изданіе..."

„Душевно преданный Михаилъ Семевскій".

Заключимъ настоящій сводъ нѣкоторыхъ матеріаловъ къ описанію дня 6 сентября 1882 г. указаніемъ на фактъ, весьма многознаменательный и едвали ни единственный въ лѣтописи отечественной науки и тѣхъ почестей, которыя когда либо воздавались наидостойнѣйшимъ ея подвижникамъ: Яковъ Карловичъ Гротъ, уже состоявшій (если не ошибаемся съ 1880 года) почетнымъ членомъ Московскаго университета, по случаю его юбилея—избранъ одновременно почетнымъ членомъ еще трехъ различныхъ университетовъ, а именно: С.-Петербургскаго, Кіевскаго и Казанскаго. Каждый изъ нихъ прислалъ юбиляру дипломъ съ весьма сочувственными заявленіями. Варшавскій университетъ прислалъ Я. К. Гроту весема лестный и тепло написанный адресъ.

Оставался однако-жъ одинъ существенный пробѣлъ въ этихъ многочисленныхъ привѣтствіяхъ: въ нихъ не принялъ никакого участія Финляндскій университетъ, при которомъ Я. К. двѣнадцать лѣтъ занималъ каѳедру. Дѣло разъяснилось тѣмъ, что этотъ университетъ, пропустивъ срокъ, по случайной ошибкѣ, въ означеніи дня юбилея, рѣшился отложить свое привѣтствіе до 15 декабря,

когда юбиляру должно было исполниться семьдесятъ лѣтъ. Дѣйствительно, въ этотъ день къ академику Гроту явился отъ имени Александровскаго университета секретарь его канцлера (нынѣ цесаревича великаго князя Николая Александровича) баронъ Грипенбергъ, и вручилъ Якову Карловичу слѣдующій адресъ университетскаго Совѣта, написанный по шведски:

Адресъ Гельсингфорскаго университета.

[Переводъ со шведскаго]. Хотя скоро исполнится тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ вы, въ качествѣ профессора, принадлежали Александровскому университету; хотя въ Совѣтѣ его нѣтъ уже никого изъ прежнихъ сотоварищей вашихъ; хотя смерть уже похитила наибольшую часть самыхъ близкихъ вамъ финляндскихъ друзей; но неизмѣнно и безъ ущерба живетъ, въ дорогомъ преданіи отъ старшихъ университетскихъ поколѣній къ младшимъ, уваженіе къ вашей личности и благодарность за то, что вы сдѣлали на пользу нашего храма наукъ.

Эти чувства, эти воспоминанія пробуждаются съ особенною живостью теперь, когда мы можемъ принести вамъ почтительное поздравленіе по случаю достиженія вами, съ полнымъ сохраненіемъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, преклоннаго 70-ти лѣтняго возраста. Потребность выразить вамъ эти мысли ощущается тѣмъ сильнѣе, что только неблагопріятная случайность недавно лишила финляндскій университетъ удовольствія офиціально привѣтствовать васъ, вмѣстѣ съ столь многими другими учеными обществами, въ годовщину вашего пятидесятилѣтняго служенія.

Позвольте припомнить знаменательныя обстоятельства, впервые привязавшія ваше участіе, ваше сочувствіе къ самымъ дорогимъ интересамъ нашей родины. Прибывъ, правда, еще молодымъ гостемъ, но уже извѣстнымъ и уважаемымъ за литературные труды и талантливые переводы изъ лучшихъ произведеній финской и шведской поэзіи,—прибывъ на двухсотлѣтній юбилей нашего университета, вы почтили его памятною книгой, которая своимъ привлекательнымъ изложеніемъ и цѣннымъ содержаніемъ доставила вамъ не только самую теплую признательность всѣхъ нашихъ литературныхъ и академическихъ круговъ, но и милостивое расположеніе, распространявшееся и на предметъ книги—нашъ древній университетъ—со стороны августѣйшаго его канцлера, впослѣдствіи Императора Александра II, достославной и любезной памяти.

Около помянутаго времени бывъ назначены профессоромъ русской исторіи, языка и литературы при Александровскомъ университетѣ, вы успѣли, частью тщательно приготовляемыми лекціями, частью изданіемъ хорошихъ учебниковъ и другихъ трудовъ, возбуждать въ молодежи охоту къ этимъ, въ нашемъ положеніи столь важнымъ для насъ предметамъ. Въ то же время мнѣнія, которыя вы подавали, и вашъ образъ дѣйствій въ университетскомъ Совѣтѣ, какъ свидѣтельствуютъ и теперь еще наши акты, постоянно отличались искреннѣйшею гуманностью и просвѣщеннымъ усердіемъ къ правдѣ, закону и праву.

Такъ, при возраставшихъ къ вамъ симпатіяхъ вашихъ товарищей и слу-

шателей, протекло 12 лѣтъ, когда милостью Государя и благоволеніемъ канцлера вы были призваны въ столицу къ участію въ воспитаніи двухъ старшихъ сыновей Цесаревича, великихъ князей Николая и Александра. Оба августѣйшіе воспитанники ваши впослѣдствіи были также канцлерами Александровскаго университета.

Не только это счастливое обстоятельство, но и качества вашей многообъемлющей и плодотворной авторской дѣятельности по исторіи, лингвистикѣ и литературѣ при первенствующемъ ученомъ учрежденіи Имперіи, а равно ваша дружеская и ученая переписка съ нашими знаменитыми современными писателями. Рунебергомъ, Ленротомъ и др., наконецъ ваши по временамъ повторявшіяся посѣщенія Финляндіи доставляли намъ удовольствіе всегда видѣть въ васъ высокоуважаемаго почетнаго члена нашего университета.

Провидѣніе, давшее вамъ силы совершить столь же важные, сколько и славные труды, да поддерживаетъ еще долго, долго ваше здоровье и любовь къ занятіямъ на пользу изслѣдованія и науки, на радость вашего отечества и того университета, который пожалъ богатые плоды отъ трудовъ вашей юности и съ благодарными благожеланіями слѣдитъ за вашею старостью.

Отъ имени Александровскаго университета Совѣтъ его.

(Слѣдуютъ подписи: ректора д-ра Лагуса и 19-ти профессоровъ).

Гельсингфорсъ, 15 (27) декабря 1882 г.

Таковое признаніе ученыхъ заслугъ и неразрывная съ нимъ оцѣнка высоконравственныхъ качествъ академика-профессора, писателя и прежде всего человѣка,—оцѣнка, произносимая шестью высшими разсадниками науки въ нашемъ отечествѣ, есть наиславнѣйшая и наипочетнѣйшая награда, какую только возможно въ немъ получить за полувѣковое служеніе.

Ред.

20-го декабря 1882 г.
С.-Петербургъ.

Примѣчаніе. Въ виду предстоящаго изданія Академіей Наукъ описанія торжества 6-го сентября 1882 г., мы опустили здѣсь многія подробности и относящіеся къ нему документы, какъ-то: адресы, письма, привѣтственныя телеграммы. Долгомъ однако считаемъ замѣтить, что С.-Петербургская Городская Дума, въ послѣдніе годы столь сочувственно отзывающаяся на каждое проявленіе уваженія русскаго общества къ заслугамъ его наидостойнѣйшихъ дѣятелей,—поздравила, чрезъ г. городскаго голову И. И. Глазунова, Якова Карловича Грота съ пятидесятилѣтнею годовщиною его славнаго служенія наукѣ и дѣлу образованія русскаго юношества. Ред.

III.

СПИСОКЪ

СОЧИНЕНІЙ, ПЕРЕВОДОВЪ И ИЗДАНІЙ

академика

Я. К. ГРОТА.

I. Отдѣльно напечатанные труды.

а) на русскомъ языкѣ.

1. Фритіофъ, скандинавскій богатырь. Поэма Тегнера въ русскомъ переводѣ. Гельсингфорсъ 1841, 12°, 207 и 3 ненум. стр.—Второе, исправленное, изданіе: Фритіофъ, скандинавскій витязь. Съ прилож. перев. первоначальной исландской саги. Воронежъ, 1874, 8°, IV, 170 и 29 стр. (Отдѣл. оттискъ изъ «Сборн. Скандинавской поэзіи»).

2. Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Имп. Александровскаго университета. Гельсингфорсъ, 1842, 8°, 303 и 15 нен. стр.

Въ немъ статья изд.: «Воспоминанія Александровскаго университета», стр. 1—113.

3. Указатель содержанія «Современника» за десятилѣтіе съ 1836 по 1845, Спб. 1846, 8°, 79 стр. (изданъ редакц. «Современника» въ 1846 г.).

4. Переѣзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео. Путевыя Записки. Спб. 1847, 12°, XVII и 242 стр.

5. Литературные Опыты. Кн. 1. Чтеніе для юношества. Гельсингфорсъ, 1848, 8°, 160 и IV нен. стр. (Собраніе статей и стихотвореній Грота, напечат. въ журналѣ «Звѣздочка»).

6. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Съ примѣч. и указат. издали Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866, 8°, XII, 483, 0214 и 3 ненум. стр.

7. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Спб. 8°. Роскошное изданіе въ девяти томахъ: Томъ I. Стихотворенія, ч. I. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта, съ портретами и снимками, 1864, L, и 812 стр. Томъ II. Стихотворенія, ч. II. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта. 1865, XIV и 736 стр. Томъ III. Стихотворенія, ч. III. Съ портретомъ Д. А. Державиной и пятью виньетками. 1866, XXII и 784 стр. Томъ IV. Драматическія сочиненія. Съ указателемъ къ первымъ четыремъ томамъ. 1867, XII, 861 и 3 ненум. стр. Томъ V. Переписка (1773—1793). Съ портретомъ Державина и четырьмя таблицами снимковъ. 1869,

LXIV, 924 и 2 ненум. стр. Томъ VI. Переписка (1794—1816) и «Записки». Съ портретомъ Державина, 1871, XXX, 904 и 2 ненум. стр. Томъ VII. Сочиненія въ прозѣ. 1872, XVII, 157 и 3 нен. стр. Томъ VIII. Біографія Державина. Съ портретомъ, рисунками и снимкомъ. 1880, XIII, 1043 и 1 ненум. стр. Издана въ тоже время въ видѣ отдѣльнаго труда, подъ заглавіемъ: «Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ описанная Я. Гротомъ».

8. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе (безъ рисунковъ). Содержаніе томовъ и ихъ заглавія тожественны съ роскошнымъ изданіемъ. Томъ I, 1868, XXXV, 542 и 2 ненум. стр. Томъ II, 1869, VI и 464 стр. Томъ III, 1870, XVI и 642 стр. Томъ IV, 1871, VI и 724 стр. Томъ V, 1876, LIX и 939 стр. Томъ VI, 1876, XXVIII и 840 стр. Томъ VII, 1878, XIV и 661 стр.

9. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XIII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ. (1762–1774). Спб. 1874. LII и 471 стр.

10. (То же заглавіе). Томъ XXIII. Спб. 1878, VIII и 734 стр. Изданъ въ тоже время отдѣльно, подъ заглавіемъ: Lettres de Catherine II à Grimm. Письма императрицы Екатерины II къ Гримму (1774—1796). По порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества издалъ акад. Я. Гротъ.

11. (То же заглавіе). Томъ XXXIII. Спб. 1881, IV и 439 стр. Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Стр. 503—535: Семь писемъ Дидро къ Екатеринѣ II. Тѣ и другія письма изданы также отдѣльно, первыя особымъ томомъ, помѣченнымъ 1880 годомъ, вторыя брошюрою съ означеніемъ 1881 года: Sept lettres de Diderot à l'Impératrice Catherine II, publiées sous les auspices de la Société Impériale pour l'histoire de Russie par J. Grot.

12. Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біографическою статьею и прим. Я. Грота. Къ тексту приложены: портретъ Хемницера и снимки съ его почерка. Спб. 1873, V и 434 стр.

13. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе Я. Грота. Спб. 1873, 8°, 162 стр. (Эта книга есть отдѣльное изданіе одной части слѣдующаго за симъ):

14. Филологическія разысканія. Матеріалы для словаря, грамматики и исторія русскаго языка. Спб. 1873, VIII и 668 стр.

15. Той же книги второе, значительно дополненное, изданіе, въ двухъ томахъ: Томъ I. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб. 1876, VIII и 526 стр. Томъ II. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра В. донынѣ. Спб. 1876, XII, 460 и 2 ненум. стр. (Совершенно переработанное изданіе нумера 13-го).

б) на шведскомъ языкѣ.

16. Calender till minne af Kejserliga Alexanders-Universitetets andra secularfest... J. Grot. Helsingfors, 1842, 339 и 15 ненум. стр. Статья издателя въ переводѣ съ русскаго: Minnen af Alexanders-Universitetet, стр. 1—131. (Тоже самое, что здѣсь подъ № 2).

17. Theoretisk och praktisk Lä ro bok i ryska sproket. Första kursen (för begynnare). Helsingfors. 1848. Той же книги 2-е изданіе: Andra upplagan. Helsingfors. 1849, VIII и 117 стр.

18. Rysk Läsebok, innehollande smärre arbeten pa prosa och vers af J. Grot. Helsingfors, 1848, 160 и 5 ненум. стр. Приложеніе: Lexikon till Rysk Läsebok. IV и 71 стр. Той же книги

2-е изданіе, тамъ же, 1856, 153 и 4 нен. стр. Приложеніе: Lexikon, VIII и 77 стр. Было и 3-е изданіе.

19. Handbok i Ryska Rikets historia, af J. Grot. Första Häftet. Ryssland före det Moskovitiska väldets uppkomst. Helsingfors. 1850, XII и 86 стр. Подъ тѣмъ же заглавіемъ: Andra Häftet. Det Moskovitiska väldet. Helsingfors. 1851.

20. Подъ наблюденіемъ Я. К. Грота, въ 1846 и 1847 гг., напечатанъ былъ въ Гельсингфорсѣ, при его участіи въ окончательной обработкѣ, Шведско-русскій словарь въ двухъ томахъ, 8°, составленный при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ. Ч. I. A—L, 1846. 684 и 8 ненум. стр.; ч. II. M—Ö, 1847. 645 стр.

II. Статьи, напечатанныя въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ.

1830 г.

21. Замѣтка профессора Тилло о «Курсѣ французской литературы» Ферри-де-Пиньи (съ франц.). Литер. Газета барона Дельвига 1830. № 29, стр. 233—234.

1838 г.

22. Жанъ-Поль Фридрихъ Рихтеръ. Подписано: Л. В. (Лицейскій воспитанникъ). Изъ Quarterly Review. Современ. 1838, т. X, стр. 66--90.

1839 г.

23. Знакомство съ Рунебергомъ. Совр. 1839, т. XIII, стр. 5—57.

24. О переводѣ Фауста, сдѣланномъ Губеромъ. Соврем. 1839, т. XIII, стр. 73—78.

25. Поэзія и миѳологія Скандинавовъ. Отеч. Зап. 1839, т. IV, № 6, отд. II, Науки, стр. 1—38.

26. Зимніе Цвѣты, шведскій альманахъ. Соврем. 1839, т. XIV, стр. 5—20.

1840 г.

27. О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народа во внутренности края (переводъ статьи Рунеберга и его стиховъ «Вечеръ на Рождество»). Соврем. 1840, т. XVII, стр. 5—31.

28. Гельсингфорсъ. Соврем. 1840, т. XVIII, стр. 5—82.

29. Путешествіе Врангеля по Сибири. Соврем. 1840, т. XVIII, стр. 103—122; подписано: Г.

30. О финнахъ и ихъ народной поэзіи. Соврем. 1840, т. XIX, стр. 5—101.

31. Литературныя новости въ Финляндіи. Письмо изъ Гельсингфорса (безъ подписи). Здѣсь, между проч., переводы: статьи Аттербома о значеніи университетовъ, и прекрасныхъ стиховъ неизвѣстнаго финскаго поэта Государю Наслѣднику. Соврем. 1840, т. XX, стр. 24—85.

32. Воспоминанія Александровскаго университета (см. выше, подъ № 2, и на шведскомъ языкѣ, подъ № 16).

1841 г.

33. Жизнь Тегнèра, описанная Францèномъ (съ шведскаго). Соврем. 1841, т. XXI, стр. 52—81; подпис. Г.

34. Стрѣлки оленей, поэма Рунеберга. Соврем. 1841, т. XXII, стр. 49—67.

35. Надежда, поэма Рунеберга. Соврем. 1841, т. XXIV, стр. 49—89.

1842 г.

36. Привѣтствіе Государю Наслѣднику Александру Николаевичу, при посѣщеніи имъ гельсингфорскаго университета, по званію канцлера его. Соврем. 1842, т. XXVII, стр. 11—14.

37. Листки изъ скандинавскаго міра (Исторія Петра Великаго, соч. Шюслера; о происхожденіи имени и государства русскаго, соч. Францèна; финны; Францèнъ; замѣтки о Россіи

и Ломоносовѣ, шведскаго писателя; Альмквистъ) [1]. Соврем. 1842, т. XXVIII, стр. 29—51.

1843 г.

38. Листки изъ скандинавскаго міра (замѣтки о Россіи, шведскаго писателя; Тегнѣръ; стихи Мармье; сочиненіе г. Дершау). Соврем. 1843, т. XXIX. стр. 84—107.

39. Кастрѣнъ и Левротъ въ Русской Лапландіи. Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 145—160.

40. Листки изъ скандинавскаго міра (два трагическія происшествія; отзывъ нѣмца о романахъ Фредерики Бремеръ; вниманіе финляндскихъ листковъ къ русской литературѣ; сочиненіе проф. Вассера о бракѣ; драмы шведскаго короля Густава III; путешествіе Кастрена по Россіи; Альмквистъ; Оссіанъ въ шведскомъ переводѣ). Соврем. 1843, т. XXX, стр. 218—240 и 331—340.

41. Рѣчь по случаю рожденія великаго князя Николая Александровича, произнесенная въ торжеств. собраніи Гельсингфорскаго университета 15 октября 1843 года. Соврем. 1843, т. XXXII, стр. 199—211.

1844 г.

42. Листки изъ скандинавскаго міра (замѣчанія финляндскихъ филологовъ о русской грамматикѣ и русскомъ народѣ; финскіе крестьяне; Альмквистъ; Цигнеусъ о финляндской войнѣ 1741—1742 г., о правописаніи географическихъ именъ Финляндіи; книжная торговля въ Финляндіи; сочиненіе Ленстрема о Пушкинѣ. Соврем. 1844, т. XXXIII, стр. 121—155.

43. Разсказы изъ шведской исторіи (изъ сочиненія Фрюкселя). Соврем. 1844, т. XXXV, стр. 225—278.

44. Литературныя замѣтки и выписки. (Гете и русскіе поэты; мысли Аттербома объ исторіи литературы; академикъ Кругъ; упсальскій университетъ; исправленный Шекспиръ). Соврем. 1844, т. XXXV, стр. 279—297.

45. О романѣ «Семейство», соч. Фредерики Бремеръ. Москвитян. 1844, ч. II, № 3, стр. 171—186.

1845 г.

46. Черты изъ жизни княгини Екатерины Романовны Дашковой. Соврем. 1845, т. XXXVII, стр. 5—32.

47. Воспоминанія о войнѣ 1808 г. и путешествіи императора Александра I-го по Финляндіи (изъ шведской писательницы Вакляинъ). Соврем. 1845, т. XXXVII, стр. 274—290.

48. Державинъ: первые 34 года его жизни. Соврем. 1845, т. XXXVII, № 2, стр. 121—184.

49. Участіе Державина въ С.-Петерб. Вѣстникѣ. Соврем. 1845, т. XXXVIII, № 4, стр. 38—87.

50. Фелица и Собесѣдникъ любителей росс. слова. Соврем. 1845, т. XL, стр. 113—150 и 225—263.

51. Объ основныхъ формахъ русскаго глагола. Соврем. 1845, XXXVIII, стр. 269—363.

52. Очерки старинныхъ нравовъ Швеціи. Соврем. 1845, т. XXXIX, стр. 321—338.

1846 г.

53. Ученая бесѣда въ Гельсингфорсѣ. Соврем. 1846, т. XLII, стр. 252—269.

1847 г.

54. О произношеніи буквъ е, ѣ, э. Спб. Вѣдом. 1847, № 173.

55. Некрологъ генерала Теслева (вице-канцлера Гельсингфорскаго университета). Спб. Вѣдом. 1847, № 284.

56. Изъ дневника, веденнаго въ Швеціи (1847). Спб. Вѣдом. 1848,

---

[1] Въ рядѣ статей подъ заглавіемъ «Листки изъ скандинавскаго міра» мы указываемъ замѣтки, наиболѣе важныя по содержанію. С. П.

№№ 77, 81, 84, 95, 104, 106, 120, 122 и 123.

57. Стокгольмъ (1847). Москвит. 1849, ч. V, окт., стр. 239—258.

58. Прогулка по Готскому каналу (1847). Сѣверн. Обозрѣніе. 1849, № 1, стр. 470—488.

59. Прогулка по Готенбургу (1847). Звѣздочка, 1848, ч. XXV, стр. 110—113.

60. Отъ Веттера до Венера (изъ дневника, веденнаго въ Швеціи въ 1847 г.). Отеч. Зап. 1850, т. LXVIII, Смѣсь, стр. 203—220.

1848 г.

61. Одертъ Гриппенбергъ (Финл. педагогъ). Спб. Вѣдом. 1848, №№ 91 и 92.

62. Можно ли питаться мясомъ? (По поводу статьи В. С. Порошина). Спб. Вѣдом. 1848, № 248.

63. Разборъ сочиненія князя П. А. Вяземскаго «Фонъ-Визинъ». Спб. Вѣдом. 1848, №№ 281, 282 и 283.

1849 г.

64. О русскихъ журналахъ. Русск. Инвалидъ, № ? (см. первые мѣсяцы).

65. Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники? Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, т. LXII, № 5, стр. 100—130 (и отдѣльн. оттиски [1]).

66. Очерки изъ финляндскихъ походовъ 1808 и 1809 гг.: статья 1. Спб. Вѣдом. 1849, №№ 79, 80, 81, 82; статья 2. Спб. Вѣдом. 1849, № 101; статья 3. Соврем. 1855, т. LI, май, отд. IV стр. 1—14.

1850 г.

67. Замѣтка о книгѣ Цигнеуса: «Bidrag till de nordeuropeiska folkslagens historia». (Матеріалы для исторіи сѣверно-европейскихъ народовъ, собранные во Франціи и Италіи). Журн. Мин. Нар. Просв. 1850, т. LXV, отд. VI, стр. 46—54.

1851 г.

68. Письма съ береговъ Чернаго моря (професс. Лагуса, перев. съ шведскаго). Спб. Вѣдом. 1851, №№ 271, 273, 277, 283 и 287.

69. Ученые диспуты въ Александровскомъ университетѣ. Извлеченіе изъ русскихъ лѣтописей, изд. на шведскомъ языкѣ. Литературные вечера въ Гельсингфорсѣ. Журн. Мин. Народн. Просв. 1851, ч. LXX, отд. VII, стр. 62—70.

70. Разборъ книгъ: Hertiginnan af Finland, соч. Топеліуса (Герцогиня Финляндская, романтизированный разсказъ, съ приложеніемъ исторіи финляндской войны 1741—1743 гг.), и Bidrag till Nordens sjukdomshistoria, соч. Ильмони. (Матеріалы для исторія болѣзней въ Сѣверной Европѣ). Журн. Мин. Нар. Просв. 1851, т. LXXI, отд. VI, стр. 31—38.

1852 г.

71. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка. Журн. Мин. Нар. Просв. 1852, т. LXXIV, № 6. стр. 97—137.

72. Областныя великорусскія слова, сродныя съ скандинавскими. Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1852; Матеріалы для словаря, т. I, л. III, стр. 38—48.

73. Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія. Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1852. Матеріалы для словаря, т. I, л. V, стр. 65—68.

74. Замѣчанія по поводу «Опыта областнаго великорусскаго словаря». Извѣстія II отд. Ак. Наукъ. 1852. Матеріалы для словаря, т. I, л. VII, стр. 113—120.

75. Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря. Извѣстія

---

[1]) Большая часть статей, порядочнаго объема, помѣщавшихся съ этого времени въ Ж. М. Н. Пр. и въ другихъ, особенно академическихъ изданіяхъ, печатались и отдѣльными оттисками, хотя это здѣсь не всегда означено при заглавіяхъ. С. П.

II отд. Ак. Наукъ, 1852, т. II, л. I, II, стр. 9—15.

76. Некрологъ Кастрѣна. Спб. Вѣдом. 1852, № 10.

1853 г.

77. Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, т. LXXVII, № 1, стр. 1—17.

78. О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Журн. Мин. Нар. Просв., т. LXXVII, № 2, стр. 119—178.

79. Замѣчанія о спряженіи русскаго глагола. Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1853, т. II. Матеріалы для словаря и грамматики, л. XXV, стр. 391—399.

80. Дополнительное замѣчаніе о спряженіи русскаго глагола. Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1853, т. III, л. VIII, IX, стр. 141—144.

1854 г.

81. Россія и Англія (замѣтка со стихами Хомякова). Сѣв. Пчела, 1854, апр. 20, № 87.

1855 г.

Очерки финляндскаго похода 1809 г. (было уже указано подъ № 66, въ Современникѣ 1855, май).

82. О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ. Извѣстія II отд. Ак. Н. 1856, т. V, вып. II, прибавленія, стр. 337—348.

83. Сравнительныя замѣчанія о русскихъ словахъ. Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1856, т. V, вып. II, прибавл., стр. 348—354.

84. Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка. Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1856, т. VI, вып. I, стр. 19—34.

85. Рѣчь при выпускѣ XXI курса воспитанниковъ Александровскаго Лицея, 6 іюня 1856 года. Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856—1857 годъ, Спб. 1856, стр. 33—47.

1857 г.

86. Грамота герцога Карла къ царю Θеодору Іоанновичу, найденная въ Стокгольмскомъ архивѣ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1857, т. XCIII, № 3, стр. 347—355.

87. Автографъ Пушкина (19-е октября 1825 г.). Изв. II отд. Ак. Н. 1857, т. VI, вып. IV, стр. 326—336.

1858 г.

88. Замѣтка о значеніи идеаловъ въ воспитаніи. Журн. для воспитанія, 1858, т. IV, стр. 207—210.

89. Въ какихъ изданіяхъ наша литература особенно нуждается? Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. 1, стр. 17—26. Тоже въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1858, ч. XCVIII, стр. 174—184.

90. Словари областныхъ нарѣчій. Изв. II отд. Ак. Н. 1858, т. VII, вып. II, стр. 81—95.

91. О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія. Изв. II отд. Ак. Н., 1858, т. VII, вып. III, стр. 161—200.

92. Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря. Изв. II отд. Ак. Н. 1858, т. VII, вып. IV, стр. 241—256.

93. Разборъ поэмы Никитина «Кулакъ». Изв. II отд. Ак. Н. 1858, т. VII, вып. 4, стр. 289—313. Есть и отд. оттиски, 8°, 1—38 стр.

1859 г.

94. Гимнастика въ Петербургѣ. Спб. Вѣдом. 1859, № 12.

95. Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря, статья 2-я, (см. здѣсь № 92). Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1859, т. VIII, вып. III, стр. 203—214. Та же статья въ Русской Бесѣдѣ 1859 г. кн. VI, 1—52, по заглавіемъ: «Мысли Якова Гримма о національномъ словарѣ».

96. Рѣчь къ выпускнымъ воспитанникамъ Александровскаго лицея на актѣ 24 мая 1859 г. Спб. Вѣд. 1859, № 136. (Отд. оттиски стр. 1—11); Моск. Вѣдом. 1859, № (?). Извѣст. II отд. Ак. Наукъ, т. VIII, вып. 3, стр. 235—240.

97. Планъ академическаго изданія сочиненій Державина. Спб. Вѣдом. 1859, мая 14, № 103; Извѣстія II отд. Ак. Н., 1859, т. VIII, вып. 2, стр. 81—89 (и отд. оттиски); Журн. Мин. Нар. Просв. 1859, ч. CII, стр. 177—183.

98. Рукописи Державина и Н. А. Львова. Спб. Вѣдом. 1859, дек. 9, № 268; Моск. Вѣдом. 1859. № 295; Извѣст. II отд. Ак. Н. 1860, т. VIII, вып. 4, стр. 241—260 (и отд. оттиски).

99. Читалагайскія оды Державина. Библіограф. замѣтки 1859, № 16, стр. 482—495 (и отд. оттиски).

1860 г.

100. Литературный вечеръ 10 января 1860 года въ С.-Петербургѣ. Спб. Вѣдом. 1860, № 9; Моск. Вѣдом. 1860, № 11; Журн. Мин. Нар. Просв. 1860, т. CV, стр. 95—98.

101. Литва или Скандинавія? Отеч. Зап. 1860, т. CXXIX, № 4, отд. 1, стр. 377—388.

102. О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія. Статья II (см. здѣсь № 91). О переходѣ ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ. Извѣстія II отд. Ак. Н. 1860, т. VIII, вып. 5, стр. 361—373.

103. Жизнь Державина (до вступленія его въ службу). Русск. Вѣстн. 1860, т. XXVI, № 7, стр. 331—378, и № 8, стр. 397—400 (отд. оттиски).

1861 г.

104. Замѣтка о русской журналистикѣ. Русск. Вѣстн. 1861, т. XXXI, № 2, Литер. Обозр., стр. 905-911.

105. Рѣчь на юбилеѣ князя П. А. Вяземскаго (2 марта 1861 года). Извѣстія II отд. Ак. Н. 1860, т. IX, вып. 5, стр. 342—345. «Юбилей 50 л. литературной дѣятельности князя П. А. Вяземскаго», Спб. 1861, 8°, стр. 45—49.

106. О ходѣ въ 1860 году приготовительныхъ работъ по изданію Державина. Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 128—139.

107. Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ во время заграничнаго путешествія. Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 139—160.

108. По поводу вопроса о признакахъ спряженія русскихъ глаголовъ. Отвѣтъ на письмо Билярскаго. Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 261—264.

109. Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи. Спб. Вѣдом. 1861, № 109 (и отд. оттиски).

110. Критическія замѣтки о письмахъ Карамзина и Грибоѣдова.—Два слова объ Академіи Наукъ. Русск. Вѣстн. 1861, апрѣль, т. XXXII, Литер. Обозр., стр. 145—152.

111. Критическая замѣтка объ «Исторической хрестоматіи новаго періода русской словесности (отъ Петра I до нашего времени)», составл. А. Галаховымъ, Спб. 1861, т. I. Изв. II отд. Ак. Н., т. X, вып. II, л. 235, стр. 152.

112. Матеріалы для біографіи Державина. Дѣятельность и переписка его во время Пугачевскаго бунта. Учен. Зап. II отд., 1861, кн. VII, вып. 1, стр. 1—169 (и отд. оттиски).

113. Объ авторѣ «Митюхи Валдайскаго» (П. Н. Семеновѣ). Библіограф. Записки 1861, № 15, стр. 447—457.

1862 г.

114. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова. Со снимкомъ съ почерка Бибикова. Зап. Ак. Наукъ, 1862, т. 1, кн. 1, № 4, стр. 1—65 (и отд. оттиски)

115. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Матеріалы для исторіи русскаго образованія. Со снимками почерковъ Су-

марокова и Ломоносова. Зап. Ак. Н. 1862, т. I, № 1, стр. 1—52

116. Изъ дорожнаго дневника, веденнаго за границей (лѣтомъ 1860 г.). Русск. Вѣстн. 1862, № 1, стр. 383—410; № 2, стр. 731—746.

117. Записка о дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Державина (собранныхъ въ Тамбовѣ и на Волгѣ). Записки Ак. Н. 1862, т. II, кн. 1, стр. 29—44 (и отд. оттиски).

118. По поводу толковъ о правописаніи. Соврем. Лѣтоп. 1862, іюль, № 28, стр. 1—4.

119. Занятія Пушкина (архивныя, особенно по исторіи Пугачевскаго бунта). Къ матеріаламъ для его біографіи. Русск. Вѣстн. 1862, № 12, стр. 636—645.

1863 г.

120. Дешево купленное эстетическое наслажденіе. Моск. Вѣд. 1863, № 31.

121. Замѣтка о народномъ лечебникѣ. Сѣверн. Пчела 1863, № 72.

122. Библіографическая замѣтка объ одѣ «Богъ». Зап. Ак. Наукъ 1863, т. III, кн. 1, стр. 39—45. Переведена на нѣмецкій языкъ въ Archiv für Wissensch. Kunde von Russland, Band XXIV, Heft 1, стр. 177—184. См. въ этомъ же изданіи замѣтку Грота, Heft 4, стр. 687.

123. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Переписка Императрицы Екатерины II съ граф. П. И. Панинымъ. Зап. Ак. Наукъ 1863, т. III, кн. 1, № 4, стр. 1—37 (и отд. оттиски).

124. Поѣздка въ Петрозаводскъ и на Кивачъ. Зап. Акад. Наукъ 1863, т. IV, кн. 1, стр. 51—63 (и отд. отт.).

125. Званка и могила Державина. Соврем. Лѣтоп. 1863, № 33, стр. 4—6.

126. Державинъ и графъ Петръ Панинъ. Спб. Вѣдом. 1863, №№ 208 и 210 (и отд. оттиски 12 д. л., стр. 1—43).

1864 г.

127. Некрологъ академика А. Х. Востокова. Спб. Вѣдом. 1864, февраля 9, № 33.

128. Похороны Востокова. Спб. Вѣдом. 1864, № 38.

129. Некрологъ графа Д. Н. Блудова. Спб. Вѣдом. 1864, № 43.

130. Воспоминаніе о Гоголѣ. Русскій Арх. 1864, № 2, стр. 177—180.

131. Критическая замѣтка объ «Исторической хрестоматіи новаго періода русской словесности», А. Галахова, т. II, Спб. 1864. Спб. Вѣдом. 1864, № 305.

132. Откуда слово Кремль. Зап. Ак. Наукъ, 1864, т. VI, кн. 1, стр. 203—211. Нѣмецкій переводъ съ сокращеніями въ Archiv für wiss. Kunde v. Russland, Band XXIV, Heft 2, стр. 247 и слѣд.

133. Годовщина основанія Царскосельскаго лицея. Спб. Вѣдом. 1864, № 239.

134. Извлеченія изъ писемъ Илличевскаго къ Фусу. Русск. Арх. 1864, № 10, стр. 1050—1076.

135. Критическія замѣтки о Русскомъ Архивѣ. Спб. Вѣд. 1864, № 210.

136. Отчетъ по Отдѣленію русск. языка и словесности за 1864 г. (съ характеристикой графа Блудова, Востокова и Шевырева). Торжеств. Собраніе Имп. Ак. Н. 29 дек. 1864; Отчеты Ак. Н. по Отд. Русск. яз. и словесн. Спб. 1866, стр. 401—427.

1865 г.

137. Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный въ торжественномъ собраніи Акад. Наукъ 6 апрѣля 1865 года. Зап. Ак. Н. 1865, т. VII, кн. II, стр. 220—258 (и отд. оттиски). Былъ напечатанъ и въ разныхъ газетахъ.

138. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ (Котляревскаго). Русск. Арх. 1865, стр. 1400—1402.

139. Годовщина дня основанія Цар-

скосельскаго Лицея (со стихами). Русскій Арх. 1866, № 1, стр. 127—131.

140. Замѣтка о Русскомъ Архивѣ. Спб. Вѣдом. 1865, № 303. (См. здѣсь № 135).

141. Отчетъ по Отдѣленію русск. языка и словесности за 1865 годъ (съ некрологами К. И. Арсеньева и П. А. Плетнева). Торж. Собраніе Имп. Ак. Наукъ, 29 дек. 1865 г. Спб. 1866, стр. 51—62. Отчеты Ак. Н. по Отд. русск. яз. и словесн. Спб. 1866, стр. 431—451.

142. Характеристика Державина, какъ поэта. Торж. собраніе Имп. Ак. Н. 29 дек. 1865, стр. 87—103; Русскій Вѣстн. 1866, т. 61, № 2, стр. 450—469; Сборн. отд. русск. яз. и слов. 1867, т. I, № 4, стр. 1—25.

1866 г.

143. Некрологъ П. А. Плетнева. Спб. Вѣдом. 1866, № 1.

144. О Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ. Моск. Вѣдом 1866, № 102, мая 21; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1867, т. 1, № 5, стр. 1—16.

145. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Спб. Вѣдом. 1866, №№ 323 и 324, (съ тѣми сокращеніями, съ какими рѣчь была читана въ Академіи); перепеч. и въ нѣк. др. изданіяхъ. Полная рѣчь: Торж. собраніе Имп. Ак. Н. 1 декабря 1866 г., въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина, Спб. 1867, стр. 7—45. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. 1867, т. 1, № 10, стр. 1—60. Нѣмецкій переводъ въ Centralblatt für slavische Litteratur und Bibliographie, 1867, №№ 9—12.

1867 г.

146. Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка. Журн. М. Нар. Просв. 1867, № 4, т. CXXXIV, стр. 20—76. Позднѣе вошло въ «Филологическія разысканія», Спб. 1876, томъ 1, стр. 61—131 (здѣсь № 15).

147. Замѣтка о топографическихъ названіяхъ вообще. Журн. М. Н. Пр. 1867, ноябрь, т. CXXXVI, стр. 617—628.

148. Переписка преосв. Евгенія съ Державинымъ (въ приложеніяхъ: письма Евгенія къ гр. Хвостову и К. К. Гирсу). Сборн. Отд. р. яз. и словесн. 1868, томъ V, вып. 1, стр. 65—216 (и отд. оттиски).

1868 г.

149. Литературная жизнь Крылова. Спб. Вѣдом. 1868, №№ 34, 36 и 37; Сборникъ Отд. р. яз. и слов. 1869, томъ VI, стр. 1—28 [1]).

150. Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ (съ тремя приложеніями). Сборникъ Отд. р. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 29—47. (Прежде было въ Спб. Вѣдом.).

151. Сатира Крылова и его «Почта Духовъ». Вѣстн. Евр. 1868, № 3, стр. 203—224. Полнѣе въ Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 109—134.

152. Замѣтка о пасторѣ Гротѣ (дѣдѣ академика). Сборникъ Отд. р. яз. и слов. 1868, т. V, вып. 1-й, стр. 289—292.

153. Сельская школа (изъ Рязанской губ.). Соврем. Лѣтоп. 1868, № 28, стр. 10—12.

154. Отзывъ о русско-французскомъ словарѣ Макарова. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1868, т. II, стр. XXI—XXVI. (Сравни отзывы Акад. Броссе и Грота о французско-русскомъ словарѣ Макарова, Сборникъ Отд. р. яз. 1870, т. VII, стр. LXVII—LXVIII).

155. Разборъ брошюры: «Die Lehre vom russischen Accent, von Dr. L.

---

[1]) Статьи, которыя печатались и въ Запискахъ Ак. Наукъ, и въ Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов., внесены здѣсь, по большей части, только съ обозначеніемъ тома Сборника. С. П.

Kayssler, Berlin, 1866. Ж. М. Н. Просв. 1869, янв., ч. CXLI, стр. 239—251.

1869 г.

156. Разборъ Исторіи р. литературы, А. Галахова, т. II. Спб. 1868, Журн. М. Н. Просв. 1869, февраль ч. CXLI, стр. 476—496.

157. Къ исторіи шведской войны въ 1788 г. Русск. Арх. 1869, № 1, стр 111—124.

158. Рѣчь объ университетскомъ образованіи, произнесенная на юбилейномъ обѣдѣ С.-Петерб. университета, 9 февр. 1869 г., и письмо о томъ къ М. И. Сухомлинову. Юбилейный актъ Импер. Спб. университета, Спб. 1869, стр. 166—171.

159. Замѣтка о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 279—286.

160. По поводу учрежденія въ Петербургѣ Гимнастическаго Общества. Голосъ 1869, № 319; подпис. —ъ.

161. Петръ Александровичъ Плетневъ. По поводу статьи И. С. Тургенева «Литературный Вечеръ у Плетнева». Русск. Арх. 1869, стр. 2067—2089.

162. Разборъ Толковаго Словаря Даля. (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, чит. 29 дек. 1869 г.) Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1870, т. VII, № 10, стр. 1—60: тоже, съ сокращеніями, въ Спб. Вѣдом. 1870, №№ 2 и 4.

163. Дополненія и замѣтки къ Толковому Словарю Даля. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1870, т. VII, № 10, стр. 90—112.

1870 г.

164. Россія и Европа на желѣзныхъ дорогахъ. Соврем. Лѣтоп. 1870, № 34, стр. 6—7; подпис.: Проѣзжій.

165. П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. «Русская Старина», историческое изд. 1870, т. II, книга X, стр. 379—414 (и отд. отт.).

166. Еще два слова о приписанной Крылову баснѣ «Обѣдъ у Медвѣдя». (Доказательства, что басня, напечат. въ «Русской Старинѣ», дѣйствительно написана Крыловымъ). «Русская Старина» изд. 1870, т. II, книга X, стр. 414—416, подпис.: «Читатель».

167. Нѣсколько замѣтокъ на письма митроп. Евгенія къ Македонцу и Н. И. Зиновьева къ своему сыну.—Р. Арх. 1870, № 10, стр. 1768—1776.

168. Изъ поѣздки въ Воронежъ (Провинціальная печать). Вѣстн. Евр 1870, № 11, стр. 141—159.

169. Замѣтка гимназическаго учителя для мыслящихъ собратій. Спб. Вѣд. 1870, № 333; подпис.: «Русскій учитель»..

1871 г.

170. Замѣтки о дѣятельности петерб. гимнастическаго общества. Спб. Вѣдом. 1870, № 279; 1871 г. № 114 и 1872, №№ 122, 128.

171. Замѣтки о привилегированныхъ закрытыхъ заведеніяхъ. Спб. Вѣдом. 1871, № 42, въ отдѣлѣ «Хроника», подпис.: «Русскій учитель».

172. Замѣтка о «Русскихъ народныхъ пѣсняхъ», собранныхъ П. В. Шейномъ. Спб. Вѣдом. 1871, № 43.

173. Въ чемъ сущность вопроса о классицизмѣ (по поводу статьи А. Н. Бекетова). Голосъ 1871, № 102.

174. О возобновленіи подписки на памятникъ Пушкину. Спб. Вѣдом. 1871, № 104.

175. По поводу вопросовъ о предметахъ общаго образованія (отвѣтъ М. М. Стасюлевичу). Спб. Вѣдом. 1871, № 117.

176. Изъ Ряжска (за подписью X.). Спб. Вѣдом. 1871, № 196.

177. Дмитрій Степановичъ Протопоповъ. (Некрологъ). Спб. Вѣдом. 1871, № 278.

178. Библіографическія замѣтки объ изданныхъ въ Тифлисѣ книгахъ: «Бакинская губернія» и «Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ» (подпис. Г.). Спб. Вѣдом. 1871, № 349.

179. Къ исторіи ссылки Сперанскаго. (Двѣ замѣтки о генералѣ А. В. Воейковѣ). Русск. Арх. 1871, № 12 стр. 2073—2078 и 2121—2124.

180. Иванъ Ивановичъ Хемницеръ (1745—1784). Новыя о немъ извѣстія по рукописнымъ источникамъ. Читано въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1871 г. (вошло въ изданіе «Сочиненій и переписки Хемницера», см. выше № 12). «Русская Старина», историч. изданіе, 1872, книга II, стр. 215—234.

1872 г.

181. Замѣтка о нищихъ на Васильевскомъ острову (подп. «Островитянинъ»). Спб. Вѣдом. 1872, № 26.

182. Памятная книжка Хемницера. «Русская Старина», истор. изд. 1872, книга IV, стр. 612—623.

183. Филологическая замѣтка о словѣ апстъ и о названіяхъ нѣкоторыхъ днѣпровскихъ пороговъ. Журн. М. Нар. Просв. 1872, т. CLX, № 4, стр. 288—294.

Замѣтка о спб. гимнастическомъ обществѣ. Спб. 1872, №№ 122, 128 (см. здѣсь № 170).

184. Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ. Спб. Вѣдом. 1872, авг. 1, № 268; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, стр. 55—59.

185. Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. Читано въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 31 мая 1872 года. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, № 3, стр. 1—56 (и отд. отт.).

1873 г.

186. Екатерина II въ своей литературной перепискѣ. Правит. Вѣстн. 1873, № 287; Сборн. Импер. Русск. Истор. Общества, т. XIII, Спб. 1874, стр. XII—XXVI.

187. Замѣтка о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ русскаго языка. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, стр. LXII—LXV.

188. Воспоминаніе о Вл. Ив. Далѣ (съ извлеченіями изъ его писемъ). Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, стр. 37—54. (Статьи о Пекарскомъ и Далѣ напечатаны и отдѣльными оттисками, подъ общимъ заглавіемъ: «Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ». Спб. 1873. 8°, стр. 37—59).

1874 г.

189. Первенцы Лицея и его преданія. «Складчина», лит. сборникъ. Спб. 1874. (б. 8°), стр. 339—376.

190. Библіографическая замѣтка о нѣмецкомъ переводѣ басень Крылова, сдѣланномъ Ф. Лэве. Спб. Вѣдом. 1874, № 61.

191. Видѣніе Валы (изъ Сеймундовой Эдды). Образцовыя произведенія скандинавской поэзіи, изд. редакціи Филологическихъ Записокъ, ч. 1. Воронежъ, 1875, стр. 29-38.

192. Желѣзно-дорожная замѣтка (подп. «Пассажиръ 2 класса»). Спб. Вѣдом. 1874, № 248.

1875 г.

193. Воспитаніе Екатерины II. Древн. и Нов. Россія 1875, № 2, стр. 110—125.

194. Отзывъ Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ. Ея часовыхъ дѣлъ мастеръ Фази. «Русская Старина», истор. изд. 1875, кн. XI, стр. 587—590.

195. Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горгенсѣ (по датскимъ извѣстіямъ). «Русская Старина», историч. изд. 1875, книга IV, стр. 760—768.

196. Рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ въ честь В. Я. Буняковскаго. Описа-

ніе празднованія докторскаго юбилея вице-президента Академіи Наукъ. Спб. 1876, стр. 27—30.

197. Старина Царскосельскаго Лицея: 1) Малиновскій и Вальховскій; 2) Матюшкинъ. 3) Лицейскія годовщины. Русск. Арх. 1875, № 4, стр. 479—493.

198. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1876, т. XV, и отд. отт.; стр. 1—144.

Письмо о брошюрѣ И. Валькова (псевд.): «Сборник правил р. правописанія» и проч. Голосъ 1875, № 279.

1876 г.

199. Привѣтствіе академику Ф. Ф. Бранту въ день его юбилея. Спб. Вѣдом. 1876, № 13; нѣмецкій переводъ St. Petersb. Zeitung 1876, № 13.

200. Разборъ книгъ: «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ», И. Бодуэна де Куртенэ. Варшава 1875, и «Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго», Е. Бѣлявскаго, М. 1875. Журн. М. Нар. Просв. 1876, № 1, т. CLXXXIII, стр. 190—204.

201. Воспоминаніе о графѣ Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ. «Русская Старина», историч. изд. 1876, книга II, стр. 422—425.

202. Екатерина II и Густавъ III, ст. 1. Древняя и Новая Россія 1876, № 2, стр. 105—129. (См. здѣсь № 208).

203. Библіографическая замѣтка о Каспіи академика Дорна. Спб. Вѣдом. 1876, № 62.

204. Старина Царскосельскаго Лицея. Графъ М. А. Корфъ. Де-Будри. Еженедѣльныя бесѣды. Русск. Арх. 1876, I, стр. 481—487.

205. «Горе-Богатырь», Екатерины II. Братская Помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Спб. 1876, стр. 185—190. Вошло потомъ въ приложенія къ статьѣ «Екатерина II и Густавъ III», въ Сборн. Отд. р. яз. и слов. (см. здѣсь № 208).

206. Письмо изъ Рима (сент. 1876 г.). Славянскій Сборникъ, 1877, т. II, Отд. III, стр. 17—23.

1877 г.

207. Эпизодъ изъ Пугачевщины. Древн. и Нов. Россія 1877, № 3, стр. 230—248. (Вошло потомъ въ біографію Держ. Соч. его, т. VIII).

208. Екатерина II и Густавъ III, статья 2-я. «Русская Старина», историч. изд. 1877, книга III, стр. 403—417. Обѣ статьи, слитыя вмѣстѣ и дополненныя приложеніями, напечатаны въ Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878 г., т. XVIII, № 1, стр. 1—115.

209. Замѣтка къ статьѣ «Герцогиня Кингстонъ», «Русская Старина», изд. 1877, книга III, т. XVIII, стр. 417—418.

210. Некрологъ Рунеберга. Спб. Вѣдом. 1877, апр. 28, № 116.

211. Филологическія занятія Екатерины II. Р. Арх. 1877, № 4, стр. 425—442.

212. Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой. Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. т. XX, 1877, стр. 525—542. (Вошло потомъ, съ перемѣнами, въ біографію Держ. Соч. его, т. VIII).

213. Рѣчь на шведскомъ языкѣ, произнесенная въ Упсалѣ отъ имени Академіи Наукъ на юбилеѣ тамошняго университета 6 сентября (26 авг.). 1877 г. Nya Dagligt Allehanda 15 (3) сентября 1877; Helsingfors Dagblad 7—19 сент. 1877. Въ русскомъ переводѣ въ статьѣ «Воспоминанія о 400 лѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета» (см. ее далѣе, подъ № 215).

214. Рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная на ужинѣ въ Дротнингольмѣ, въ отвѣтъ королю Оскару II, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депу-

татовъ, 8 сент. (28 авг.) 1877. Nya Dagligt Allehanda 15 (3) сент. 1877. Перепеч. въ Journal de St.-Pétersbourg 14 (26) сент. 1877, № 242. Въ русскомъ переводѣ напечатана въ Сѣв. Вѣстникѣ 15 сент. 1877, № 137 и въ Моск. Вѣдом. 18 сент. 1877, № 231.

215. Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Спб. Вѣд. 1877, №№ 251, 254 и 263 (отъ лица русскаго очевидца); Полнѣе: Зап. Акад. Наукъ 1877, т. XXXI, № 1; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 2, стр. 1—67.

1878 г.

216. Рѣчь по случаю празднованія 150-ти-лѣтняго юбилея Спб. Вѣдомостей. Спб. Вѣдом. 1878, №№ 17 и 18.

217. Письмо къ редактору «Новаго Времени» о нашей журналистикѣ. Новое Время 1878, янв. 19, № 680.

218. Замѣтка о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 8, стр. 1—22. Первоначально на нѣмецкомъ языкѣ въ Archiv für slavische Philologie, 1878. Band III, Heft 1, p. 138—151: Ueber die Natur einiger Laute im Russischen.

219. Отчетъ о присужденіи преміи графа Кушелева-Безбородко за біографію князя А. А. Безбородко, соч. Н. И. Григоровича. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 7, стр. 1—34.

220. Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (съ литограф. снимкомъ). Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 4, стр. 1—32. Послѣдняя статья—о происхожденіи Екатерины I—въ шведскомъ переводѣ г. Вестрина напечатана въ Historiskt Bibliotek 1880, Heft III, p. 571—587.

221. Гриммъ и г-жа Д'Эпинe. Русск. Арх. 1878, № 8, стр. 463—471.

222. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (некрологъ). Новое Время 1878, ноября 19, № 980; Моск. Вѣдом. 1878, № 297; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, стр. IX—XI.

223. Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Спб. Вѣдом. 1879, №№ 19 и 20; Сборн. Отд. р. яз и слов. 1880, т. XX, № 5, стр. 10—30.

1879 г.

224. О словѣ «шпильманъ» въ старинныхъ русскихъ памятникахъ. Русск. Филолог. Вѣстникъ 1879, № 1, стр. 35—38.

225. По поводу замѣтки о словѣ «шпильманъ». Новое Время 1879, № 1200.

226. Замѣтка о брошюрѣ «Die Sylben-analyse als sprachliches Lehr-und Lern-Mittel, von Cleary. Русск. Филолог. Вѣстн. 1879, № 1, стр. 103—105.

227. Замѣтки о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій. (Указанія на неправильности въ Сравнительной грамматикѣ Миклошича). Филолог. Записки 1879, вып. I, стр. 1—6.

1880 г.

228. Къ вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи. Филолог. Зап. 1880, вып. V, стр. 11—16.

229. Личность Пушкина. Читано въ торжеств. собраніи Общества Любителей, Росс. Словесности, 7 іюня 1880 г. въ Москвѣ. Новое Время 1880, іюня 24, № 1551. Перепеч. въ книгѣ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», Спб. 1881, стр. 233—248.

230. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья первая. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, № 1, стр. 1—130.

1881 г.

231. Еще замѣтка къ записанной Пушкинымъ былинѣ о Стенькѣ Разинѣ, Русь 1881, февр. 6, № 13, стр. 17—18.

232. Пѣснь Пушкина о Стенькѣ Разинѣ, Русь 1881, февр. 20, № 15, стр. 16—17.

233. Переписка Пушкина съ Плетневымъ. Вѣстн. Евр. 1881, № 3, стр. 5—18.

234. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья вторая. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1881, т. XXI, № 4, стр. 1—300.

235. Замѣтка о брошюрѣ «Etymologische Beiträge и проч. von Dr. Haag. Zürich. 1880. Филолог. Зап. 1881, вып. IV—V, стр. 12—15.

236. Новооткрытый памятникъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ (описаніе путешествія Пальмквиста). Моск. Вѣдом. 1881, № 236.

237. По вопросу о прекращеніи торговли въ воскресные дни. Воронежскій Телеграфъ 1881 г., сент. 4, № 100.

238. Эрикъ Лаксманъ. По поводу книги г. Лагуса: «Erik Laxman, hans lefnad, resor, forskningar och brefvexling». Helsingfors. 1880. Спб. Вѣдом., 1881, №№ 320 и 321; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX. № 1, стр. 1—22.

239. Изъ міра шведской и финской поэзіи. Юбилейная книжка. Премія къ Собранію романовъ Ел. Н. Ахматовой. Спб. 1881, стр. 147—170.

240. Разборъ словаря областнаго Архангельскаго нарѣчія, составленнаго А. О. Подвысоцкимъ. (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи). Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, стр. XVII—XXXV.

1882 г.

241. Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, № 3, стр. 1—38.

III. Статьи для дѣтскаго чтенія,

помѣщенныя

въ журналѣ А. О. Ишимовой

«Звѣздочка».

1842 г. часть I.

242. Что такое исторія? (стр. 81—97).

243. Праздникъ Рождества въ Финляндіи (стр. 163—169).

244. Праздникъ въ Александровскомъ университетѣ (стр. 211—216).

1842 г., ч. II.

245. Что такое географія (стр. 1—13).

246. Епископъ Францéнъ (стр. 79—102).

247. Письмо отъ Вѣрочки къ Варенькѣ и отъ Наташи къ Вѣрочкѣ (стр. 145—155).

1842 г., ч. III.

248. Жизнь и страданіе (стр. 36—72).

249. Первое письмо о русской исторіи (стр, 73—95).

250. Портреты и силуэты (стр. 96—103).

251. Наказаніе (стр. 129—138).

252. Пчелы (стр. 145—167).

1842 г., ч. IV.

253. Перелетныя птицы (стр. 49—61).

254. Русскія примѣчательности (стр. 81—99).

255. О зимнемъ снѣ растеній и животныхъ (стр. 155—172).

1843 г., ч. V.

256. Второе письмо о русской исторіи (стр. 1—44).

1843 г., ч. VI.

257. Письмо къ читателю (1 апрѣля), стр. 1—11.

258. Князь Я. Ѳ. Долгоруковъ (стр. 81—110).

1843 г., ч. VII.

259. Странный обычай (стр. 15—18).

260. Вечеръ въ физическомъ кабинетѣ (19—36).

261. Румянцовы. Статья 1 (15—83). Статья 2 (стр. 97—121). Статья 3 (стр. 195—211).

262. Троицкій Соборъ (стр. 87—94).

1843 г., ч. VIII.

263. Водолазный колоколъ и барометръ (1—12).

1844 г., ч. XII.

264. Панины. (стр. 75—84).

1845 г., ч. XIII.

265. Бибиковъ (стр. 1—3).

1845 г., ч. XV.

266. Изъ писемъ учителя къ ученикамъ (стр. 3—15).

267. Маленькая психологическая сцена (стр. 168—172).

1845 г., ч. XV и XVI.

268. Первыя главы русской исторіи (стр. 63—84 и 153—165).

1845 г., ч. XVI.

269. Изъ біографіи Франклина (стр. 124—128).

270. Птичка. Письмо къ другу (стр. 178—183).

1846 г., ч. XVII.

271. Разговоры Василія Дмитріевича съ Алексѣемъ (стр. 112—121, и часть XVIII, стр. 81—87).

1847 г., ч. XXI.

272. Прогулка въ Пальдамо (стр. 69—105). (Вошло потомъ въ книгу: «Переѣзды по Финляндіи»).

1848 г., ч. XXV.

273. Плутархъ. Изъ Вильменя (стр. 61—74).

274. Прогулка по Готенбургу (стр. 100—113).

Въ журналѣ «Звѣздочка»

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

1846 г.

275. Маленькая философка (ч. II, стр. 65—69).

276. Дѣтскія письма (ч. III, стр. 58—62).

277. Негро и Васька, два друга (ч. V, стр. 70—81).

Въ журналѣ М. Ѳ. Ростовской:

«Семейные Вечера»,

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

278. Начало Руси, № 2, стр. 28—32 и № 10, стр. 466—472.

Сверхъ того въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ заведеній» въ 1855 и 1856 гг. напечатаны были Гротомъ, съ сокращеніями, для малолѣтнихъ великихъ князей Николая и Александра Александровичей, слѣдующіе разсказы: 1) Капитанская дочка; 2) Путешествіе въ Арзерумъ, Пушкина; 3) Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро, Основьяненка, и 4) Послѣднее сраженіе Фигнера, Незѣдомскаго.

IV. Стихотворенія:

а) помѣщенныя въ «Современникѣ».

1838 г.

279. Мазепа, поэма Байрона, т. IX, стр. 94—128.

1839 г.

280. Изъ шведскихъ поэтовъ, т. XIII, стр. 16—50.

1840 г.

281. Вечеръ на Рождество (изъ Рунеберга), т. XVII, стр. 28—30.

282. На гробницу младенца, т. XVIII, стр. 254.

283. Изъ народнаго эпоса, Калевала, т. XIX, стр. 89—96.

284. Привѣтствіе финляндскимъ литераторамъ, т. XX, стр. 17—19, въ статьѣ «Двухсотлѣтній юбилей Александровскаго университета» (Плетнева, см. и въ его «Сочиненіяхъ», т. 1, стр. 440—442).

1841 г.

285. Перо, т. XXI, стр. 222—224.

286. Маркизъ М. А. де-Траверсе, ibid. стр. 231—239.

287. Борго, т. XXII, стр. 176—180.

288. Приговоръ, ibid. стр. 186.

289. Опасеніе, ibid. стр. 190.

290. Обращеніе къ Фритіофу. (Изъ письма къ А. О. Ишимовой), томъ XXIII, стр. 47—49, первой нумераціи, въ статьѣ (Плетнева) о переводѣ Фритіофа.

291. Жребій, ibid., стр. 166.

292. Вопросъ, ibid., стр. 177.

293. Изъ поэмы Рунеберга «Надежда», ib. т. XXIV, стр. 61—70, первой нумераціи.

294. Новый Домъ (изъ Уланда), ib. 70—71.

1842 г.

295. Привѣтствіе Государю Наслѣднику, изъ Линсѣва, т. XXVII, стр. 17, первой нумераціи.

1843 г.

296. Паукъ (изъ Стагнасіуса), т. XXIX, стр. 268.

1846 г.

297. Подражаніе притчѣ о птицахъ и лиліяхъ, томъ XLIII, стр. 211—212.

б) помѣщенныя въ другихъ изданіяхъ.

1842 г.

298. Радость Вейнемейнена. Въ Альманахѣ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета, стр. 105—111.

299. Путешествіе на юбилей (переводъ съ шведскаго, стихотвореніе Франдена), тамъ же, стр. 117—132.

1848 г

300. Кульневъ. Спб. Вѣдом. № 82, (изъ Рунеберга).

1859 г.

301. Царское Село. Русск. Бесѣда, кн. 6, стр. 6—8.

302. Скальдъ (изъ Рунеберга), тамъ же, стр. 9—10.

1860 г.

303. Въ альбомъ Государю Наслѣднику Николаю Александровичу. Русск. Вѣстн. № 1 и 2, стр. 391.

1861 г.

304. Добрая память. Русск. Вѣстн. № 4, стр. 701—702.

305. Памяти Пушкина, тамъ же, № 9, стр. 300—302. (Напечатано также въ Памятной книжкѣ Лицея).

1866 г.

306. Въ день годовщины основанія Царскосельскаго Лицея. Русск. Архивъ, № 1, стр. 127.

1878 г.

307. В. Я. Буняковскому, въ день его юбилея, 7 мая. Спб. Вѣдом. № 126.

в) Стихотворенія для дѣтей,

помѣщенныя въ журналѣ „Звѣздочка“.

1842 г., ч. I.

308. Новый годъ, стр. 43—45. Вечеръ на Рождество (перепечатанъ изъ Современника, см. здѣсь № 281).

309. Насъ семеро, съ англійскаго, изъ Вордсворта, стр. 131—134.

1842 г., ч. II.

310. Херувимъ, стр. 14—17.

311. Зеркало, съ шведскаго, изъ Францéна, стр. 133—134.

312. Звѣзды, съ шведскаго, изъ Францéна, стр. 136—137.

313. Чижикъ, стр. 50, отд. II.

1842 г., ч. III.

314. Къ рѣчкѣ (съ шведскаго, изъ Рунеберга), стр. 106—107.

1842 г., ч. IV.

315. Могу ли я увидѣть Бога (съ шведскаго), стр. 173—175.

316. Малый ученикъ (съ нѣмецкаго, изъ Рюккерта), отд. II, стр. 72—74.

1843 г., ч. V.

317. Бабочка, отд. II, стр. 67—73.

1843 г., ч VI.

318. Счастливая старость, (съ англійскаго, изъ Соути), стр. 78—79.

319. Цвѣтокъ, стр. 205—207.

1843 г., ч. VII.

320. Шляпа, стр. 122—123.

321. Пѣсенка, (съ шведскаго), отд. II, стр. 47—47.

1844 г., ч. IX.

322. Подарокъ, отд. II, стр. 1—3.

1845 г., ч. XIII.

323. Пѣсня передъ зеркаломъ, стр. 160—161.

1845 г., ч. XV.

324. Письмо изъ деревни, стр. 1—2.

325. Печаль, стр. 153—154.

1845 г., ч. XVI.

326. Желаніе, стр. 43—44.

1845 г., ч. XVIII.

327. Порядокъ, стр. 11.

328. Притча о блудномъ сынѣ, стр. 78—80.

329. Пѣснь финскаго стрѣлковаго баталіона, стр. 100—101.

330. Къ другу, стр. 145—146.

1846 г., ч. XIX.

331. Терпѣніе (съ нѣмецкаго), стр. 51—52.

1846 г., ч. XX.

332. Шестнадцатилѣтнему стихотворцу, стр. 93—94.

333. Г-ну С. Н., стр. 191—192.

1847 г., ч. XXI.

334. Воспоминаніе старика, стр. 54—55.

г) въ журналѣ «Звѣздочка»

для младшаго возраста.

1845 г., ч. I.

335. Пѣсня, стр. 143—144.

336. Зимнее веселье, стр. 190—191.

1845 г., ч. III.

337. Смерть, стр. 101.

1846 г., ч. V.

338. Пѣсня при захожденіи солнца (съ нотами), стр. 96.

339. Трудъ, стр. 138—139.

1846 г., ч. VI.

340. Привѣтствіе новому товарищу, стр. 61.

341. Маленькій кустъ (съ нѣмецкаго), стр. 71.

1846 г., ч. VIII.

342. Свѣтлякъ (изъ Францéна), стр. 57—58.

IV.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СПИСКѢ СОЧИНЕНІЙ И СТАТЕЙ

академика

Я. К. ГРОТА.

(цифры указываютъ нумера въ спискѣ).

Сообщ. С. И. Пономаревъ.

2 ноября 1882 г.

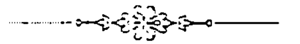
1832—1882.

Николаевская

АКАДЕМІЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ЕЯ ОСНОВАНІЯ.

Высочайшій рескриптъ.—Адресъ С.-Петербургской Городской Думы.—
Привѣты и рѣчи.

28-го ноября
1882.

28-го ноября, въ 12 часовъ дня, въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба состоялся торжественный актъ и пріемъ депутацій — по случаю чествованія пятидесятилѣтней годовщины основанія Академіи.

Торжество это почтили своимъ присутствіемъ два генералъ-фельдмаршала великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи и явились депутаціи отъ учрежденій и обществъ, военный и другіе министры, военные агенты иностранныхъ государствъ, а также всѣ находящіеся въ Петербургѣ бывшіе и настоящіе воспитанники Академіи. Актъ открылся рѣчью начальника академіи.

Генералъ-адъютантъ Драгомировъ, въ своей блестящей и полной интереса рѣчи, очертилъ жизнь академіи за протекшее полустолѣтіе, остановился на дѣятельности И. О. Сухозанета, съ чувствомъ глубокой благодарности припомнилъ просвѣщенное вліяніе на жизнь заведенія графа Я. И. Ростовцева, указалъ на значеніе для академіи графа Д. А. Милютина, какъ профессора и какъ военнаго министра, на дѣятельность А. П. Карцова, А. Н. Леонтьева, и заключилъ рѣчь свою убѣжденіемъ, что дальнѣйшая дѣятельность академіи будетъ заключаться лишь въ развитіи и продолженіи дѣла, уже установленнаго на прочныхъ основаніяхъ.

По окончаніи рѣчи генералъ-адъютанта Драгомирова, встрѣченной громкими рукоплесканіями, начался пріемъ депутацій, назначенныхъ отъ различныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ для поднесенія адресовъ академіи по случаю пятидесятилѣтней годовщины ея дѣятельности, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) С.-Петербургская городская Дума [1]); 2) Императорская Академія Наукъ; 3) Главное Управленіе Военно-Учебныхъ Заведеній; 4) Морская Академія; 5) Гидро-

---

[1]) Въ ею избранной депутаціи: Городской Голова—И. И. Глазуновъ и Гласные: П. В. Жуковскій, Д. А. Поливановъ и М. И. Семевскій.

графическій Департаментъ; 6) Императорскій Московскій Университетъ; 7) Императорская Академія Художествъ; 8) Императоркое С.-Петербургское Вольное Экономическое Общество; 9) Горный Институтъ; 10) Константиновскій Межевой Институтъ; 11) Императорская Военно-Медицинская Академія; 12) Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія; 13) Императорскій Александровскій Лицей; 14) Императорскій С.-Петербургскій Университетъ; 15) Николаевская Инженерная Академія; 16) Михайловская Артиллерійская Академія; 17) Горный Ученый Комитетъ; 18) Технологическій Институтъ; 19) Императорское Училище Правовѣдѣнія; 20) Императорское Русское Географическое Общество; 21) Императорское Русское Техническое Общество; 22) Военно-Юридическая Академія; 23) Императорскій Историко-Филологическій Институтъ; 24) редакція журнала „Русская Старина“ [1]).

Адресы, въ которыхъ указывалось на полувѣковую боевую и ученую дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба, подготовленныхъ академіею, встрѣчались громкимъ одобреніемъ присутствовавшихъ, причемъ съ особымъ одушевленіемъ было принято заявленіе профессора Московскаго университета г. Цингера объ избраніи генералъ-адъютантовъ Обручева и Драгомирова почетными членами университета.

Николаевская Академія Генеральнаго Штаба—конечно издастъ полное и подробное описаніе торжества 28-го ноября 1882 г., въ каковое описаніе войдутъ всѣ адресы и привѣты, въ сей день къ ней обращенные. Въ виду этого помѣщаемъ здѣсь только три документа.

I.

Высочайшая грамота.

Нашей Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

Въ 1832 году, по мысли и волѣ Блаженной памяти Дѣда Нашего Императора Николая I, учреждена Императорская Военная Академія, переименованная въ 1855 году въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба.

Въ теченіи полувѣка Академія съ честью выполняла важное назначеніе, указанное ей Августѣйшимъ ея учредителемъ. Усердною и основательною подготовкою спеціально-образованныхъ офицеровъ и самостоятельными научными трудами своихъ профессоровъ она обезпечила русской арміи всѣ отрасли службы генеральнаго штаба, со-

---

[1]) См. „Русскій Инвалидъ“ 1882 г., 30-го ноября, № 267.

дѣйствовала развитію въ нашемъ отечествѣ военныхъ познаній и практическому примѣненію современныхъ требованій военнаго искусства, и создала цѣлый рядъ полезныхъ дѣятелей, съ достоинствомъ подвизавшихся и подвизающихся, какъ въ войсковомъ начальствованіи и дѣлахъ военнаго управленія, такъ и на поприщѣ науки и на обширныхъ работахъ геодезическихъ.

Ревностная служба и плодотворное участіе образованныхъ Академіею офицеровъ въ военныхъ дѣйствіяхъ славной Нашей арміи, въ особенности же, въ распространеніи русскаго владычества на Кавказѣ и на Азіятскихъ окраинахъ и въ боевыхъ подвигахъ послѣдней турецкой войны, не разъ вызывали милостивые отзывы Императора Николая I и незабвенной памяти Родителя Нашего.

Вспоминая нынѣ съ признательностію о сихъ заслугахъ, Намъ пріятно выразить Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, въ день пятидесятилѣтняго ея юбилея, Наше особое Монаршее благоволеніе.

Надѣемся, что и на будущее время Академія не ослабѣетъ въ стремленіяхъ своихъ къ развитію военныхъ наукъ и къ добросовѣстному подготовленію офицеровъ, поступающихъ въ нее для окончанія своего образованія. Сохраняемъ увѣренность, что и Генеральный Нашъ Штабъ, своими военными познаніями и неутомимыми трудами, какъ и прочностью своихъ нравственныхъ началъ, всегда будетъ достоинъ того высокаго довѣрія, которое предоставляется ему въ исполненіи многообразныхъ его обязанностей и которое онъ неуклонно оправдывалъ своею честною, доблестною и преданною службою Престолу и Отечеству.

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ".

Въ Гатчинѣ.
26-го ноября 1882 г. [1])

Контрасигнировалъ: Военный Министръ, Генералъ-Адъютантъ Ванновскій.

II.

Адресъ С.-Петербургской Городской Думы

Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

С.-Петербургская городская Дума, въ засѣданіи 24-го ноября 1882 г.,—единодушно постановила: въ виду предстоящаго 28-го ноября празднованія пятидесятилѣтней годовщины основанія Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба,—представить чрезъ избранную

---

[1]) „Русскій Инвалидъ" 1882 г., ноября 28-го, № 266.

Думою депутацію адресъ, какъ выраженіе чувствъ глубокаго уваженія представителей общественнаго управленія столицы къ заслугамъ Академіи [1]).

Основанная въ 1832 году государемъ Николаемъ Павловичемъ, Императорская Военная Академія, нынѣ Николаевская Академія Генеральнаго Штаба, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, дала высшее научное образованіе 1329 офицерамъ.

Изъ этого числа военно-ученыхъ дѣятелей весьма многіе постепенно заняли высшія военныя должности и посты. Въ бывшія войны, офицеры-академики принимали славное участіе въ бою со врагомъ, и до 80-ти изъ нихъ кровью запечатлѣли службу свою Отечеству и Государю.

Съ окончаніемъ въ 1856 году восточно-крымской войны начались реформы въ Бозѣ почившаго императора Александра II, распространившіяся вскорѣ и на военное вѣдомство. Подлѣ Государя ближайшимъ его сподвижникомъ и исполнителемъ его воли, на посту военнаго министра, является графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ,— двадцать лѣтъ съ величайшею честью занимавшій этотъ постъ.

Во исполненіе мудрыхъ предначертаній Императора Александра II, преобразованія коснулись рѣшительно всѣхъ сторонъ военнаго дѣла. Намъ, гражданамъ, хорошо извѣстно, какъ близко соприкасается военное дѣло со всѣми сторонами народной и обще-государственной жизни. Исполнителями въ разработкѣ великихъ реформъ въ военномъ бытѣ, затѣмъ органами, проведшими эти реформы въ жизнь, были по преимуществу офицеры генеральнаго штаба. Нѣтъ возможности перечислить весь рядъ ихъ трудовъ, но довольно вспомнить о введеніи обще-воинской повинности, объ установленіи сокращеннаго срока военной службы, вмѣсто 25-ти — 6 лѣтъ, — объ образованіи войскъ—какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, — во всѣхъ отношеніяхъ, на совершенно новыхъ основахъ,—и проч.

Но не въ однѣхъ реформахъ по военному вѣдомству принимали непосредственное участіе питомцы Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

Почти нѣтъ вѣдомства, въ которомъ они не потрудились бы съ честью и славою. Въ эпоху освобожденія крестьянъ многіе изъ нихъ

---

[1]) Въ засѣданіи С.-Петербургской Думы 24-го ноября 1882 г. слушалось предложеніе 23-хъ гласныхъ о чествованіи со стороны представителей общественнаго управленія столицы юбилея Николаев. Академіи Ген. Штаба. Въ развитіе этого предложенія, нами, въ качествѣ Гласнаго Думы, была сказана рѣчь о заслугахъ и значеніи этой Академіи. Предложеніе 23-хъ гласныхъ и наша рѣчь напечатаны въ „Новомъ Времени“ 1882 г. №№ 2421 и 2423, и помѣщены въ „Извѣстіяхъ Спб. Думы“, въ журналѣ засѣданія Думы. Ред.

были членами губернскихъ комитетовъ, мировыми посредниками. Части военно-судебная, военно-учебная, учрежденіе „Краснаго Креста“ вызвали множество трудовъ со стороны офицеровъ генеральнаго штаба.

Каждое ученое общество въ Россіи, начиная съ Академіи наукъ, гордится тѣмъ, что въ составѣ своихъ сочленовъ имѣетъ питомцевъ Николаевской Академіи. Почти 500 лицъ, изъ кончившихъ военно-академическій курсъ, внесли свои вклады въ сокровищницу науки.

Заслуги офицеровъ генеральнаго штаба на окраинахъ Россіи въ особенности велики. На Кавказѣ, въ Средней Азіи, на границахъ съ Китаемъ, въ Восточной Сибири—они являются на высшихъ административныхъ постахъ, а также военными агентами и дипломатами съ весьма важными порученіями.

Піонеры Европейской цивилизаціи въ глубинѣ Средней Азіи, они упрочиваютъ тамъ значеніе Россійской Имперіи. Въ средѣ ихъ мы, представители города, съ гордостью видимъ почетнаго гражданина С.-Петербурга, Николая Михайловича Пржевальскаго.

Въ длинномъ ряду славныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ Николаевской Академіи, ярко блещутъ имена: графа Д. А. Милютина, Діомида Пассека, Радецкаго, Обручева, Драгомирова, Леера, Черняева, Скобелева, Столѣтова, Куропаткина, Модеста Ив. Богдановича, Стрѣльбицкаго, дипломата графа Игнатьева (Хива, Бухара, Пекинъ и Санъ-Стефано)...... Не перечисляемъ прочихъ офицеровъ генеральнаго штаба, потрудившихся на поприщѣ науки или доблестно подвизавшихся на ратномъ полѣ во славу Россіи и ея Державнаго Вождя.

Настоящій адресъ, представляемый С.-Петербургскою Городскою Думою, въ торжественный день празднованія пятидесятилѣтней годовщины основанія Николаевской Академіи генеральнаго штаба, да пребудетъ въ лѣтописи оной выраженіемъ полнаго уваженія и сочувствія представителей общественнаго управленія столицы къ заслугамъ этого высшаго въ Россіи военно-образовательнаго учрежденія.

Подписали депутаты избранные Думою: И. Глазуновъ. М. Семевскій. П. Жуковскій. Д. Поливановъ.

III.

АДРЕСЪ НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

от редакціи историческаго журнала

«Русская Старина».

Къ привѣтамъ, обращеннымъ въ торжественный день, 28-го ноября 1882 г., къ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба, редакторъ журнала „Русская Старина“, посвященнаго разработкѣ памятниковъ

отечественной исторіи, позволяетъ себѣ присоединить и свой сердечный привѣтъ.

Таковые монументальные историческіе труды, какъ сочиненія Д. А. Милютина, М. И. Богдановича, князя Н. С. Голицына и другихъ профессоровъ Военной, а затѣмъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба и офицеровъ-академиковъ, пребудутъ украшеніемъ не только военной, но и вообще исторической литературы, а „Военно-Энциклопедическій Лексиконъ" барона Людвига Ивановича Зедделера навсегда останется драгоцѣннымъ справочнымъ изданіемъ при историческихъ розысканіяхъ.

Многочисленныя описанія губерній и областей Россіи, составленныя офицерами Генеральнаго штаба, заключаютъ много важныхъ данныхъ не только для географіи и статистики, но и для мѣстной археологіи и исторіи края, безъ которыхъ немыслима разработка общей исторіи нашего Отечества.

Да продлится на многія и многія поколѣнія плодотворная дѣятельность Николаевской академіи, которая въ теченіе полувѣка постоянно вызывала къ себѣ выраженія всеобщаго сочувствія и глубокаго къ ней уваженія.

Редакторъ-издатель историческаго журнала „Русская Старина"

Михаилъ Семевскій.

28-го Ноября 1882 г.
С.-Петербургъ.

Въ отвѣтъ на поднесенные адресы, начальникъ академіи генералъ-адъютантъ, почетный членъ Императорскаго Московскаго Университета М. И. Драгомировъ обратился къ депутаціямъ со слѣдующими словами:

«Академія приноситъ глубокую благодарность всѣмъ почтившимъ празднованіе ея полувѣковой годовщины своимъ присутствіемъ. Она гордится тѣми адресами, которые были поднесены ей вами, гг. избранные депутаты избранныхъ корпорацій. Эти адресы свидѣтельствуютъ и сочувствіе общества къ скромной дѣятельности академіи, и признаніе той истины, что наука едина, не взирая на разнообразныя цѣли, преслѣдуемыя различными ея отдѣлами. Какъ армія есть плоть отъ плоти и кость отъ костей народа, также точно и военная наука есть плоть отъ плоти и кость отъ костей науки общей. Пойдемъ же рука въ руку въ преслѣдованіи одной общей всѣмъ наукамъ великой цѣли: въ таинственныя туманныя глубины жизни вносить свѣточъ разумѣнія на пользу и славу всѣмъ намъ равно дорогой, нашей святой великой родины».

Этою рѣчью закончился торжественный актъ въ академіи.

О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ НА
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ,“
БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го января 1883 г. журналъ «Всемірная Иллюстрація» начнетъ XV годъ (т. е. томы XXIX XXX) своего существованія. Извѣстность, пріобрѣтенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы, **еженедѣльно** (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго **двойного** листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена **роскошными рисунками** изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Цѣна годовому изданію «Всемірной Иллюстраціи» на 1883 г.

Безъ дост. въ Петербургѣ.	13 р. — к.	Съ дост. въ С.-Петербургѣ	14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ.	14 » 50 »	Съ пер. въ Москву и др. гор.	16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искуства, и пр. и пр., однимъ словомъ: **цивилизацію, нравы и обычаи народовъ ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача «Всемірной Иллюстраціи»—изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событій во всѣхъ сферахъ политической и обществен. жизни.

Каждый годъ «Всемірной Иллюстраціи» представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА

каждый до 500 печат. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“

изъ англ. каленкора, съ золотыми тиснен. по рис. художника К. Брожа. **Цѣна покрышки для переплета** на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 26 томовъ „Всемірной Иллюстраціи“:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. каленкоровомъ перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII), и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ., тиснен. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки. 1874 г. (т. XI и XII), 1875 г. (т. XIII и XIV), 1876 г. (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній), 1879 г. (т. XXI и XXII); 1880 г. (т. XXIII и XXIV) и 1881 г. (т. XXV и XXVI)—по 9 р. безъ перес. кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Эти 26 томовъ „Всемірной Иллюстраціи“ представляютъ собою полную **иллюстрированную за тринадцать лѣтъ всемірную исторію** и, кромѣ того, **полный обзоръ въ области всѣхъ наукъ и искусствъ**, слѣдовательно должны-бы были занимать видное мѣсто въ каждой хорошей библіотекѣ.

Главная Контора Редакціи „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., № 16, противъ Гостинаго Двора.

Отдѣленіе Конторы находится въ Москвѣ, на Большой Лубянкѣ, д. оптика Трындина.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскія и иностранные журналы и газеты.

О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи).

Съ 1 января 1883 года **„Модный Свѣтъ“** начнетъ XVI годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ **„Модный Свѣтъ“** въ **1883** году будетъ выходить также въ трехъ изданіяхъ

☞ **въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ и будетъ заключать въ себѣ втеченіе года:**

Болѣе **3.000** рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пардессю, пальто, рукодѣлій и проч., въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскраш. рисунки канвов., тамбурн. и друг. работъ. Рисунки въ русск. вкусѣ.

Болѣе **300** выкроекъ на **12** большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или **12** для **I** изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинки для II изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.

36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинокъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками, и спеціально для дѣтей особое приложеніе съ рисунками, выкройками и проч., подъ названіемъ „Дѣтскій отдѣлъ“, для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

„Хорошій тонъ“ или совѣты и указанія на всѣ случаи общ. жизни женщины.

Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія и „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

☞ **Подписчикамъ «Моднаго Свѣта» на 1883 годъ редакція дастъ слѣдующія безплатныя преміи:**

1) **Альбомъ раскрашенныхъ рисунковъ для канвовыхъ работъ.** Выпускъ второй.

2) **Альбомъ національныхъ Русскихъ и Славянскихъ костюмовъ, съ раскрашенными детальными рисунками и выкройками.**

3) **Дамскій Календарь на 1883 г.** со многими практич. и полезными совѣтами, памятнымъ листкомъ и проч. и проч

4) Для подписчиковъ на III-е изданье—**12 нумеровъ «Дѣтскаго Отдѣла»**, со многими рисунками, вырѣзными выкройками, интереснымъ чтеніемъ для дѣтей и проч. и проч.

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1883 г.:

I изданію, съ 12 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**5** р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—**6** р. **50** к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи **7** р.

II изданію, съ 24 раскрашен. Парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—**6** р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—**7** р. **50** к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи **8** руб.

III изданію, съ 36 раскрашен. парижск. картинками, 12 №№ **„Дѣтскаго отдѣла“ и со всѣми приложеніями:** въ С.-Петербургѣ безъ достав.—**8** р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—**9** р. **50** к., съ пересылкою во всѣ города Россійк. Имперіи **10** р.

Редакція «Моднаго Свѣта» въ С.-ПБ. Бол. Садовая ул., д. № 16, противъ Гостинаго двора.

„Модный Свѣтъ“ выходитъ и разсылается четыре раза въ мѣсяцъ, т. е. 48 нумеровъ въ годъ.

„Модный Свѣтъ“ имѣетъ подписчиковъ больше, чѣмъ всѣ модные русскіе журналы въ совокупности, — лучшее доказательство его достоинствъ.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора **Павла Петровича**;—императора **Александра Николаевича**;—императрицы **Маріи Александровны**;—профессора **Н. И. Пирогова**;—академика **Л. А. Сѣрякова**;—**Хаджи-Мурата**;—**М. И. Голенищева-Кутузова** (1775 г.);—историка-профессора **С. М. Соловьева**; профес. **Д. И. Ростиславова** (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона **Гейсмара**;—архіепископа **Филарета Гумилевскаго.**

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственноручныя отмѣтки императора **Александра II** на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста **М. А. Фонъ-Визина** (1807 г.).—Воспоминанія декабриста **А. П. Бѣляева**.—Записки **Д. И. Завалишина**.—Записки князя **Н. С. Голицына**.—Воспоминанія **В. В. Стасова** (Училище Правовѣдѣнія въ 1838—1843 гг.).—Записки **Сельскаго Священника**.—Императоръ **Николай Павловичъ**: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ **Александръ II** († 1-го марта 1881 г.).—Императрица **Марія Александровна** (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ **Пироговъ**, біографич. очеркъ профессора **Бертенсона**.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. **А. И. Барятинскій** и Кавказская война, 1815 — 1879 гг., — историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—**Филаретъ Гумилевскій**, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ.—**И. П. Голевъ** 1805—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Ѳедоръ Михайловичъ **Достоевскій** въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя **Н. А. Орлова**: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій — бывшаго крѣпостнаго крестьянина **Н. Н. Шипова** (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича **Порошина**; 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала **А. Е. Попова** (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академики граверы: **Л. А. Сѣряковъ**—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—**И. П. Пожалостинъ**—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи **И. К. Айвазовскаго**.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія **Н. И. Куликова**.—И. А. Крыловъ и его басня „Конь“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки **И. Е. Селиванова** (1859 и 1864—1867 гг.)—Графъ Н. П. Румянцовъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова.—Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.)—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусствъ помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—**восемь рублей** съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

Вотъ и все, что пока можно сказать по поводу новаго изслѣдованія (впрочемъ пока оно занимаетъ всего 163 стр., а затѣмъ, 167—270 стр. заняты приложеніями). Въ шести напечатанныхъ главахъ изложены событія отъ начала разрыва патріарха съ царемъ до конца 1662 года. Слѣдуетъ полагать, что защита избраннаго лица найдетъ въ слѣдующей части болѣе подтвержденій и оснований.

Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Изслѣд. Г. Перетятковича. Одесса. 1882. 400 стр. съ картою. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящій трудъ представляетъ продолженіе изданнаго авторомъ въ 1877 г. изслѣдованія, подъ заглавіемъ: „Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ", очерки изъ исторіи края и его колонизаціи (Москва, 331). Разница лишь въ томъ, что во второй части авторъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, колонизацію края (до 1708 г.— т. е. времени перваго раздѣленія Россіи по губерніямъ), какъ важнѣйшее явленіе въ исторіи низоваго Поволжья за этотъ періодъ времени. Съ другой стороны, въ этой книгѣ авторъ больше пользуется архивными матеріалами (писцовыми, раздаточными и межевыми книгами, актами монастырей въ Москвѣ и Архивомъ мин. юстиціи), а въ приложеніяхъ помѣщаетъ выдержки изъ описей второй половины XVII вѣка (стр. 371—395), содержащія въ себѣ свѣдѣнія о средней зажиточности крестьянъ того времени въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ имѣніяхъ Поволжья. На основаніи собранныхъ данныхъ, авторомъ составленъ указатель и карта поселеніямъ, возникшимъ въ разсматриваемый періодъ, которыя отмѣчены на ней особеннымъ цвѣтомъ сравнительно съ поселеніями, существовавшими въ Поволжьѣ до XVII вѣка, что, до извѣстной степени, указываетъ на характеръ и направленіе самой колонизаціи вообще. Въ четырехъ главахъ, на которыя раздѣлена книга, авторъ разсматриваетъ постепенное заселеніе края, разные виды колонизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ касается вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ ними, какъ вопросы объ отношеніи русскаго населенія къ инородческому, распространеніе христіанства между инородцами, хозяйственныя условія края, положеніе крестьянъ, инородцевъ и служилыхъ людей въ этомъ краѣ. Пользуясь архивными матеріалами, автору удалось указать на нѣкоторые новые черты и факты въ исторіи колонизаціи и крестьянства Поволжья.

В. И.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ профес. Брикнера. Изд. А. С. Суворина.

Получивъ отъ издателя первую часть этого изящнаго изданія (въ б. 8 д. 145 стр.), долгомъ считаемъ сообщить здѣсь о томъ удовольствіи, какое доставилъ намъ просмотръ этой книги. Текстъ принадлежитъ одному изъ серьезныхъ ученыхъ, хорошо знакомому съ литературою отечественной исторіи, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ и извѣстному какъ составитель нѣсколькихъ обстоятельныхъ трудовъ по русской исторіи. Въ типографскомъ отношеніи изд. ничего не оставляетъ желать лучшаго; но драгоцѣннѣйшимъ украшеніемъ книги служитъ множество политипажей, рѣзанныхъ лучшими граверами и при томъ, что самое важное, по рисункамъ въ большинствѣ составляющихъ наиточнѣйшее воспроизведеніе гравюръ и портретовъ эпохи Петра Великаго.

Настоящій выпускъ объемлетъ событія до Азовскихъ походовъ включительно. Искренно желаемъ, дабы это изданіе, необходимость котораго давно ощущалась, было доведено до конца и чтобы наше общество и разныя учрежденія, вѣдающія общія и спеціальныя средне-учебныя заведенія, озаботились пріобрѣтеніемъ этой книги. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ лучше подарка, какой можно было бы сдѣлать ученику или ученицѣ средне-учебн. заведенія успѣшно переходящему изъ класса въ классъ, либо окончившему курсъ, какъ подарить такое великолѣпное изданіе. Все сочиненіе будетъ состоять изъ 6-ти частей съ 250 гравюрами. Цѣна 12 руб., съ пересылкою 14 руб.; допускается плата съ разсрочкою. Кто имѣетъ мало-мальски понятіе о томъ, какихъ громадныхъ издержекъ (не говоря уже о хлопотахъ и заботахъ), съ которыми сопряжено подобное изданіе и въ особенности его художественная часть, тотъ легко пойметъ, что при единовременной затратѣ со стороны издателя громадныхъ суммъ, цѣна объявленная имъ на «Иллюстрированную исторію Петра Великаго», очень скромна

Ред.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. ФЕВРАЛЬ. 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ великой княгини **Маріи Ѳеодоровны**, супруги цесаревича Павла Петровича, 1782 г. Весьма точный снимокъ, исполненный г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ съ гравюры, сдѣланной въ Парижѣ въ 1782 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, д. № 1.

1883.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1883 г.

Историческій очеркъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Составилъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Н. П. Глиноецкій. Спб. 1882, VII+361, I—VII приложенія 363—365 и особыя приложенія 1—101, всего 43 листа 8° и 14 портретовъ.

Составитель этого очерка былъ приглашенъ конференціей академіи къ составленію этого труда къ предстоявшему 26 ноября 1882 г. 50-лѣтнему юбилею академіи. Такъ какъ до того исторія ея должна была войти въ составъ исторіи русскаго генеральнаго штаба, составляемой, и до царствованія императора Николая I уже изданной, Н. П. Глиноецкимъ, то ему пришлось не только измѣнять прежнюю его программу исторіи академіи, но и изложить отдѣльный очеркъ ея иначе, придавъ иное, особенное, развитіе нѣкоторымъ предметамъ и вопросамъ въ ней и приложивъ бо̀льшое число необходимыхъ приложеній. Вслѣдствіе того, самый историческій очеркъ академіи раздѣленъ на 10 главъ, изъ которыхъ первыя 4 посвящены 22-лѣтнему управленію академіей генералъ-адъютанта Сухозанета (1832—1854); 2 слѣдующія главы—9-тилѣтнему (1854—1863) состоянію академіи въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній, при чемъ военная академія въ 1855 г. была преобразована въ Николаевскую академію генеральнаго штаба; 2 главы —20-лѣтнему (1863—1882) состоянію академіи въ вѣдомствѣ генеральнаго штаба, самое положеніе котораго въ это время совершенно измѣнилось. Въ 1 главу вошелъ перечень главныхъ мѣръ, принятыхъ по административной и учебной частямъ и пр. въ послѣдніе 4 года (1879—1882), и наконецъ послѣдняя 10-я глава заключаетъ въ себѣ нѣкоторые общіе итоги дѣятельности академіи и учениковъ ея въ 50 лѣтъ ея существованія. Въ семи приложеніяхъ помѣщены штаты, положенія, таблицы и пр. т. п., а въ особыхъ приложеніяхъ въ концѣ—списки членовъ академіи, лицъ административной и учебной частей ея, офицеровъ, кончившихъ курсъ въ ней, ученыхъ и литературныхъ трудовъ профессоровъ и офицеровъ ея. Въ концѣ очерка приложены 14 литографированныхъ портретовъ: императоровъ Николая I, Александра II и Александра III, в. к. Михаила Николаевича и генераловъ: барона Жомини, Сухозанета, барона Зеддлера, Ренненкампфа, графа Ростовцева, Стефана, Баумгартена, графа Милютина, Леонтьева и Драгомирова.

Изъ предисловія составителя и особенно изъ внимательнаго и тщательнаго разсмотрѣнія обширнаго и въ высокой степени интереснаго труда его легко можно убѣдиться во всей трудности, соединенной съ составленіемъ его работы. Необходимо было разобрать, изслѣдовать и критически разработать громадную массу оффиціальныхъ матеріаловъ академическаго архива за цѣлыхъ 50 лѣтъ; привесть ихъ въ систематическій порядокъ; освѣтить надлежащимъ образомъ и изложить, не въ сухой и холодной формѣ, но въ живой, одушевленной теплымъ участіемъ къ предмету. И строгая справедливость требуетъ сказать, что все это было исполнено составителемъ труда съ несомнѣнными талантомъ, искуствомъ и успѣхомъ. Его обширный и въ высшей степени почтенный трудъ составляетъ, въ одно и то же время, вполнѣ удачное исполненіе довѣреннаго порученія конференціи академіи, прекрасный даръ памяти этой послѣдней къ ея юбилею, и цѣнный вкладъ въ исторію ея, а также русскаго генеральнаго штаба, русской арміи, и въ отечественную исторію.

Кн. Н. С. Голицынъ.

Louis XV et Elisabeth de Russie. Etude sur les relations de la France et de la Russie au XVIII-me siècle. Par Albert Vandal. Paris. 1882. 446.

Въ послѣднее время все чаще стали появляться сочиненія на франц. языкѣ, посвященныя Россіи. Въ ряду ихъ заслуживаютъ вниманія особенно труды, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII вѣка (La question d'orient au XVIII-e siècle, par Albert Sorel, Paris, 1878 г., 317 p.; étude sur l'histoire diplomatique de l'Europe de 1648—1791, par le compte de Barral, Paris, 1880, T. I, 386 р. и др.). Правда, въ бо̀льшей части этихъ трудовъ свѣдѣнія о Россіи не идутъ далѣе исторіи Россіи Рамбо, сборника трактатовъ Мартенса и матеріаловъ, изданныхъ русскимъ историческимъ обществомъ, благодаря тому, что

29-ОЕ ЯНВАРЯ

Читано въ Большомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ на юбилейномъ въ память В. А. Жуковскаго спектаклѣ, 30-го января 1883 г.

Въ пору зависти и злобы,
Эгоизма и клеветъ;
Въ дни, когда корыстью грубой
Безпощадно скованъ свѣтъ;

***

Въ дни презрительныхъ насмѣшекъ
Надъ созданьями мечты,
Надъ завѣтнымъ идеаломъ
Чистой, вѣчной красоты;

***

Въ дни сомнѣній ядовитыхъ,
Злыхъ вопросовъ, мрачныхъ думъ,
Отъ которыхъ сохнетъ сердце,
Стынетъ кровь, мятется умъ,—

***

Мы съ глубокою отрадой
Память чествуемъ того,
Кто всегда стоялъ на стражѣ
Благороднаго всего;

***

Кто, душою чистъ и кротокъ,
Полный свѣжихъ, теплыхъ силъ,
И другихъ любить, и вѣрить,
И надѣяться училъ;

Кто изъ низменнаго міра
Заблужденья и грѣха
Уносилъ въ иное царство
Силой чуднаго стиха,—

***

Царство мысли просвѣтленной,
Царство любящей души,
Созидающей благое
Въ поэтической тиши;—

***

Кто кидалъ въ родную землю
Съ вдохновеннаго пера
Сѣмена высокой правды,
Примиренья и добра...

***

Слава вѣчная поэту!
Пусть въ прекрасный этотъ день
Съ нашихъ лицъ сбѣжитъ безслѣдно
Всякой грѣшной думы тѣнь;

***

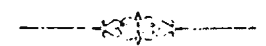
Пусть въ нашъ свѣтлый праздникъ мысли,
Праздникъ сердца,—хоть на часъ
Мягче, чище и свѣтлѣе
Станетъ каждый между насъ.

***

И, житейскихъ треволненій
Отряхнувъ тяжелый гнетъ,
Въ безмятежномъ мірѣ духа
Хоть на время отдохнетъ!

Петръ Вейнбергъ.

С.-Петербургъ
29 и 30 января 1883 г.

Marie Federowna de Wirtemberg Grande Duchesse de Russie en costume François, née le 25. oct. 1759. Marié en 1776. à Paul Petrowitz Grand Duc de Russie vue à Paris en mai 1782

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 26 АВГУСТА 1882 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ [1]).

Предварительныя дѣйствія по разсмотрѣнію губернскихъ проектовъ положеній о крестьянахъ.

I.

„Планъ разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ крестьянскихъ положеній".

Къ осени 1858 года ожидалось поступленіе проектовъ положеній изъ открытыхъ прежде другихъ комитетовъ по устройству быта крестьянъ. Между тѣмъ ни плана дальнѣйшаго направленія работъ, ни даже учрежденія для разсмотрѣнія ожидаемыхъ проектовъ не было. Планъ былъ необходимъ, потому что нельзя было издавать положенія о крестьянахъ по каждой губерніи особо. Учрежденіе хотя и было,—коллегіальное присутствіе земскаго отдѣла, но оно проектировалося до выхода перваго рескрипта, не могло удовлетворить потребности дѣла, явившейся вслѣдствіе иного, а не того направленія крестьянскаго вопроса, которое предполагалось во время ходатайства министра внутреннихъ дѣлъ объ образованіи земскаго отдѣла.

Мысль о томъ и о другомъ меня занимала въ теченіи лѣта 1858 года. Послѣдствіемъ сложныхъ моихъ докладовъ министру

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г., т. XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., т XXXIII, январь, стр. 227—258; мартъ, стр. 561—596; т. XXXIV, апрѣль, стр. 105—154; май, стр. 389—426; т. XXXVI, октябрь, стр. 131—154; ноябрь, стр. 221—252.

о дальнѣйшемъ ходѣ крестьянскаго дѣла была представленная С. С. Ланскимъ Государю, въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ, особая записка, озаглавленная: „О порядкѣ разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ крестьянскихъ положеній". Записка эта [1]) заключалась въ слѣдующемъ:

„Въ настоящее время одинъ изъ комитетовъ по устройству быта крестьянъ (нижегородскій) уже окончилъ возложенное на него порученіе [2]). Два другіе: московскій и петербургскій оканчиваютъ свои работы [3]). Правительству изъ офиціальныхъ донесеній извѣстно, что проекты положеній о крестьянахъ, составленные сими комитетами, значительно уклоняются отъ цѣли, высочайшею волею Вашего Императорскаго Величества указанной,—постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго состоянія и въ то же время обезпеченія быта крестьянъ на будущее время".

„Проекты эти, также какъ и тѣ, которые представлены будутъ остальными комитетами, заключаютъ въ себѣ двѣ существенныя части: 1) опредѣленіе личныхъ правъ крестьянъ, съ административнымъ устройствомъ сельскихъ обществъ, и 2) правила о надѣленіи крестьянъ усадебными и полевыми угодьями, съ назначеніемъ выкупа за усадьбы и повинностей за пользованіе полевыми угодьями".

„Составленіе и утвержденіе первой части крестьянскаго положенія, для какой бы то ни было губерніи, должно быть признано и для всѣхъ остальныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что права состоянія крестьянъ и сельское ихъ устройство въ основаніи своемъ должны имѣть однѣ и тѣ же начала для цѣлой Россіи; точно также какъ эти права и устройство одинаковы для всѣхъ

---

[1]) Сохранившійся у меня черновой экземпляръ писанъ моей рукой.

[2]) Въ спискѣ губернскихъ комитетовъ, приложенномъ къ «Сборнику правит. распоряженій», въ послѣдней графѣ отмѣчалось: „когда представлены проекты положеній"; противъ нижегородскаго комитета отмѣчено «25 октября 1858 г.» Въ земскомъ отдѣлѣ получались свѣдѣнія о закрытіи комитетовъ гораздо прежде, потому что проекты представлялись съ заключеніемъ губернаторовъ, но на писаніе губернаторскихъ мнѣній требовалось болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

[3]) Петербургскій былъ, дѣйствительно, вторымъ (его проектъ былъ представленъ 3 ноября), а третьимъ былъ не московскій (3 февраля 1859), а симбирскій (1 января), не считая окончившихъ свои занятія въ ноябрѣ и декабрѣ четырехъ западныхъ губерній, проекты которыхъ поступили въ общія коммиссіи: виленскую и ковенскую. Я. С.

крестьянъ: государственныхъ, удѣльныхъ, заводскихъ и другихъ. Посему едва-ли удобно будетъ въ настоящее время подвергнуть отдѣльному разсмотрѣнію въ этомъ отношеніи только три проекта. и, на основаніи ихъ, составить правила, которыя должны обратиться въ общія для всѣхъ губерній узаконенія. Это неудобно, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ. Во первыхъ, въ проектахъ трехъ означенныхъ комитетовъ правительство будетъ имѣть, какъ замѣчено было выше, предположенія, далеко не соотвѣтствующія предначертанной цѣли. Во вторыхъ, если, при разсмотрѣніи, всѣ несоотвѣтствующія цѣли постановленія будутъ исправлены надлежащимъ образомъ, (за это едва ли можно теперь поручиться,—при неясномъ сознаніи всѣхъ многоразличныхъ сторонъ столь важнаго и сложнаго дѣла),—въ такомъ случаѣ работы остальныхъ комитетовъ по сему предмету должны быть вовсе оставлены, какъ прежнія (?). Слѣдовательно, комитеты сіи лишаются права выразить свои мнѣнія, изъ которыхъ, можетъ быть, нѣкоторыя будутъ совершеннѣе тѣхъ, которыя правительство уже имѣетъ въ виду".

„При такомъ положеніи дѣла, остается одно средство: принявъ въ соображеніе мнѣнія нижегородскаго, петербургскаго и московскаго комитетовъ о всѣхъ предметахъ, не относящихся къ надѣлу землей и повинностямъ, составить изъ нихъ одну общую редакцію, или исправленную согласно видамъ правительства или снабженную, по крайней мѣрѣ, замѣчаніями. Эти проектированныя правила немедленно разослать во всѣ губернскіе комитеты на заключенія, для представленія которыхъ назначить 2-хъ мѣсячный срокъ. Такимъ образомъ въ мартѣ мѣсяцѣ можно будетъ получить мнѣнія самыхъ послѣднихъ комитетовъ, которые открываются въ декабрѣ. Предполагаемый срокъ можно признать вполнѣ достаточнымъ, если принять въ соображеніе, что гораздо легче дать заключеніе о готовомъ уже проектѣ, чѣмъ составлять его вновь, при томъ же большая часть комитетовъ будетъ въ половинѣ или даже въ концѣ своихъ работъ".

„Что же касается до второй части общаго крестьянскаго положенія, т. е. до надѣла землей и опредѣленія повинностей, то она необходимо должна быть соображена съ частными особенностями каждой губерніи. Но, съ другой стороны, эти частныя особенности, свойственныя не одной какой либо губерніи, а цѣлой мѣстности, къ которой каждая губернія принадлежитъ. Губерніи въ

этомъ отношеніи группируются на нѣсколько мѣстностей или полосъ, имѣющихъ одинаковыя или почти одинаковыя хозяйственныя и промышленныя условія. По предварительнымъ соображеніямъ оказывается возможнымъ сгруппировать губерніи въ девять болѣе или менѣе однохарактерныхъ мѣстностей.....“

Далѣе слѣдовалъ общій очеркъ мѣстностей, съ приложеніемъ особаго „списка губерніямъ по мѣстностямъ и срокамъ окончанія составленія проектовъ крестьянскихъ положеній“. Я не буду подробно перечислять мѣстности и губерніи, скажу только, что въ общемъ видѣ это раздѣленіе на мѣстности вошло въ труды редакціонныхъ коммисій и затѣмъ въ самыя „Положенія о крестьянахъ“, съ нѣкоторыми только измѣненіями, на необходимость которыхъ указало дальнѣйшее изученіе предмета и дальнѣйшее развитіе дѣла. Такъ, всѣ западныя губерніи кіевскаго и виленскаго генералъ-губернаторствъ, съ присоединеніемъ Минской губерніи, въ нашемъ планѣ были поставлены въ одну группу, а при разработкѣ предмета въ редакціонныхъ коммисіяхъ потребовалось составить особыя положенія для юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній, съ прибавленіемъ къ послѣднимъ четырехъ уѣздовъ Витебской губерніи. Двѣ малорусскія губерніи у меня составляли одну группу и для нихъ однѣхъ впослѣдствіи было составлено особое положеніе. Что же касается до остальныхъ велико и ново-русскихъ губерній, то они, какъ въ планѣ земскаго отдѣла, такъ и въ постановленіяхъ редакціонныхъ коммисій, были раздѣлены на слѣдующіе полосы: черноземную, нечерноземную, лѣсную и степную, съ тѣмъ только оттѣнкомъ, что въ „планѣ“ были двѣ черноземныя, двѣ нечерноземныя и двѣ степныя мѣстности, которыя впослѣдствіи признано было возможнымъ соединить въ одну черноземную, въ одну нечерноземную и въ одну степную полосы. Кромѣ того въ „планѣ“ я причислялъ ту или другую губернію къ извѣстной мѣстности по общему характеру, а при составленіи доклада о надѣлахъ землей въ редакціонныхъ начинаніяхъ я причислялъ части одной и той же губерніи къ разнымъ полосамъ, какъ, напримѣръ, части губерній Рязанской, Тамбовской, Тульской были отнесены: однѣ къ черноземной, а другія къ нечерноземной полосамъ, а Нижегородская губернія была распредѣлена между тремя полосами: черноземной, нечерноземной и лѣсной.

Послѣ очерка раздѣленія губерній на мѣстности, въ пред-

ставленномъ Государю всеподданнѣйшемъ докладѣ о порядкѣ разсмотрѣнія проектовъ было сказано:

„Въ трехъ изъ означенныхъ мѣстностей, къ которымъ принадлежатъ губерніи: С.-Петербургская, Московская и Нижегородская, по одному губернскому положенію или готово, или скоро будетъ окончено. Съ постановленіями, заключающимися въ этихъ проектахъ, о надѣлахъ землей и повинностяхъ, слѣдуетъ поступить способомъ, подобнымъ предположенному для первой части крестьянскаго положенія о личныхъ правахъ и сельскихъ устройствахъ, съ той только разницей, что замѣчанія должны быть сдѣланы по каждой губерніи и препровождены не во всѣ губерніи, а въ тѣ только, къ которымъ принадлежитъ та или другая изъ означенныхъ губерній. Губернскимъ комитетамъ предложить: или ограничиться однимъ заключеніемъ, или составить вновь положеніе, если который нибудь изъ нихъ найдетъ одно заключеніе недостаточнымъ“.

„Изъ соображенія назначенныхъ сроковъ видно, что первыя губернскія положенія будутъ получены здѣсь (въ Петербургѣ), а вслѣдъ за симъ и разосланы по мѣстностямъ въ концѣ каникулъ“ (1858), „или въ началѣ будущаго года. Постановленія же послѣднихъ губерній получаются: изъ пяти мѣстностей въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, а изъ остальныхъ четырехъ въ іюлѣ будущаго 1859 года“.

До сихъ поръ записка министра внутреннихъ дѣлъ имѣла цѣлію исправленіе умышленныхъ и неумышленныхъ ошибокъ „Программы“, которая заставила 46 губернскихъ комитетовъ выписывать права состоянія изъ свода законовъ и работать въ комитетахъ двухъ смежныхъ, совершенно сходныхъ, губерній, безъ всякой связи между собой и безъ всякихъ указаній со стороны правительства. Предъидущія и послѣдующія постановленія и распоряженія главнаго комитета едва ли ни еще болѣе спутывали и затрудняли работы губернскихъ комитетовъ, дѣлая невозможнымъ правильное и успѣшное развитіе дѣла. Къ этого рода дѣйствіямъ главнаго комитета въ особенности принадлежали: объявленія совершенной необязательности для комитетовъ сдѣланныхъ въ дополнительныхъ министерскихъ къ рескриптамъ отношеніяхъ разъясненій, запрещенія не только гласности, но даже печатанія и литографированія комитетскихъ постановленій, стѣсненія циркулярныя и т. п. Конецъ же записки посвященъ установленію

порядка разсмотрѣнія крестьянскихъ положеній въ Петербургѣ. „Затѣмъ“, — представлялъ министръ Государю, — „весьма важно установленіе порядка разсмотрѣнія: сначала первой, общей для всѣхъ губерній, части крестьянскаго положенія [1]), а потомъ второй—по разнымъ мѣстностямъ или полосамъ“ [2]).

„Въ первомъ случаѣ не столько необходимо содѣйствіе мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, какъ во второмъ. Но, съ другой стороны, едва-ли было бы удобно совершенно отказаться отъ призыва ихъ къ этому труду. Посему весьма полезно было бы поручить предварительное разсмотрѣніе первой общей части крестьянскаго положенія особой коммисіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, составленной: изъ 9-ти дворянъ-помѣщиковъ, по числу полосъ, на которыя будутъ раздѣлены губерніи, и нѣсколькихъ чиновниковъ, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ. Кандидатовъ въ члены этой коммисіи изъ дворянъ-помѣщиковъ поручить представить начальнику каждой губерніи по одному; а выборъ изъ нихъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ. Срокъ окончательнаго составленія проекта общей части крестьянскаго положенія можно назначить также 2-хъ мѣсячный. Слѣдовательно, эта часть положенія, по разсмотрѣніи ея въ главномъ комитетѣ, въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцѣ (1859 г.), можетъ быть представлена на высочайшее вашего величества утвержденіе. Обстоятельства покажутъ: представится ли возможность или необходимость немедленно обнародовать ее, или ожидать окончанія второй особенной части“.

„Что же касается до составленія и разсмотрѣнія сей послѣдней, то, по мѣрѣ полученія проектовъ постановленій о надѣлѣ, открывать также здѣсь, въ Петербургѣ, коммисіи по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Каждая изъ этихъ коммисій должна состоять: 1) изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, по два отъ каждаго, избранныхъ членами комитетовъ; 2) изъ такого же числа членовъ, по назначенію губернаторовъ, но съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ, и 3) особаго предсѣдателя или члена, назначеннаго непосредственно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Срокъ для каждой изъ этихъ коммисій можно положить 4-хъ мѣсячный. Такъ

---

[1]) Въ трудахъ редакціонныхъ коммисій: «Общее положеніе о крестьянахъ».

[2]) «Мѣстныя положенія». Я. С.

какъ послѣднія изъ нихъ должны будутъ открыться въ іюлѣ, то послѣдніе проекты второй части, по мѣстностямъ, должны быть окончены въ ноябрѣ" (1859 г.). „Обстоятельства покажутъ: представится ли возможность и необходимость вносить ихъ въ главный комитетъ всѣ вмѣстѣ или каждый проектъ особо. Въ первомъ случаѣ, можно подвергнуть проекты по мѣстностямъ общимъ соображеніямъ коммисіи, подобной той, какая будетъ образована для составленія общаго проекта первой части положенія о личныхъ правахъ крестьянъ".

Всеподданнѣйшая записка о дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго дѣла была представлена С. С. Ланскимъ Государю въ Гатчинѣ, незадолго до возвращенія или вскорѣ по возвращеніи Я. И. Ростовцова изъ заграницы. Государь оставилъ у себя эту записку, которая, затѣмъ, уже не возвращалась въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Изъ сохранившейся у меня черновой записки, по другому предмету, о чемъ будетъ сказано ниже, видно, что Государь передалъ нашу записку въ главный комитетъ, одобривъ предварительно высказанную въ ней мысль, и что записка эта была заглушена въ главномъ комитетѣ.

II.

Возвращеніе Я. И. Ростовцова изъ заграницы. — „Всеподданнѣйшія его письма".—Значеніе Ростовцова въ крестьянскомъ дѣлѣ.

По возвращеніи Я. И. Ростовцова, съ нимъ произошла видимая перемѣна. Онъ явился не тѣмъ уже Ростовцовымъ, который съ Панинымъ и Муравьевымъ писалъ начала уѣзднаго управленія, а съ Позеномъ—программу для губернскихъ комитетовъ. Онъ изъ реакціонеровъ сдѣлался ревностнымъ прогрессистомъ и отчаяннымъ эмансипаторомъ, характеризуя свои дѣйствія и слова тѣмъ энтузіазмомъ, которымъ онъ отличался во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Что было причиной такого обращенія? . . . . . трудно сказать, по крайней мѣрѣ въ настоящее время [1]).

Былъ одинъ человѣкъ, который могъ имѣть вліяніе на измѣ-

[1]) Здѣсь въ копіи, намъ доставленной, тщательно вымарано 25 строкъ. Ред.

неніе направленія Я. И. Ростовцова въ крестьянскомъ дѣлѣ; это былъ Николай Арсеньевичъ Жеребцовъ. О частыхъ ихъ свиданіяхъ гдѣ-то за-границей, лѣтомъ 1858 года, и о разговорахъ о крестьянскомъ дѣлѣ я слышалъ въ разное, впрочемъ, время отъ нихъ обоихъ. Н. А. Жеребцовъ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 1840-хъ годовъ былъ спеціальнымъ по кадастру вице-директоромъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и потомъ виленскимъ губернаторомъ. Онъ составилъ большую книгу на французскомъ языкѣ о Россіи, названіе которой я теперь не припомню [1]). Онъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, съ достоинствами и недостатками чисто русскими. Онъ былъ уменъ, образованъ и зналъ Россію очень хорошо; но былъ тщеславенъ и самолюбивъ. Онъ всегда старался устраиваться такъ, чтобы онъ первенствовалъ, а окружающіе его признавали его превосходство. Поэтому онъ былъ дурнымъ подчиненнымъ, но хорошимъ начальникомъ, съ открытымъ, добродушнымъ и любезнымъ обхожденіемъ. Онъ способенъ былъ горячо приняться за дѣло; но подъ условіемъ, чтобы онъ и порученное ему дѣло торжествовали и были предметами постояннаго вниманія и одобренія. Если же дѣло требовало скромной, продолжительной работы. борьбы съ препятствіями и жертвы со стороны личнаго самолюбія, то онъ отказывался отъ него. Такъ онъ поступилъ съ кадастромъ; этими же свойствами личнаго характера Жеребцова объяснялся его разрывъ съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ (Мирковичемъ). Очень легко понять, что Жеребцовъ сочувственно и горячо отнесся къ крестьянскому вопросу, въ особенности въ первое время его появленія; но онъ скорѣе принадлежалъ къ партіи помѣщичьей, чѣмъ къ ревностнымъ защитникамъ освобожденія крестьянъ. У него не было той преданности къ дѣлу, того самоотверженія, того стремленія къ достиженію цѣли, которыми проникнуты были дѣятели по освобожденію крестьянъ; но, съ другой стороны, онъ не могъ, какъ и многіе другіе образованные помѣщики, помириться съ тою дорогой, по которой хотѣли вести крестьянское дѣло графъ Панинъ, Муравьевъ и Позенъ. Я не

---

[1]) Я зналъ его лично, потому что, въ началѣ моей службы по кадастру, онъ былъ однимъ изъ высшихъ моихъ начальниковъ. Я ѣздилъ съ нимъ по Воронежской губерніи. Я. С.

знаю навѣрно, но весьма вѣроятно, что Жеребцовъ указывалъ Якову Ивановичу, какъ на единственное средство разрѣшенія крестьянскаго вопроса, выкупъ, мысль о которомъ въ то время была уже въ большомъ ходу. Кромѣ того, Якову Ивановичу не могло быть неизвѣстнымъ, что то направленіе дѣла, которое онъ до тѣхъ поръ поддерживалъ, не встрѣчаетъ сочувствія: ни въ образованныхъ сферахъ нашего общества вообще, ни среди самихъ дворянъ-помѣщиковъ; а онъ принадлежалъ къ людямъ, необыкновенно чувствительнымъ къ общественному мнѣнію. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что онъ не только отъ Жеребцова, но и отъ многихъ русскихъ слышалъ за-границей, что сохраненія обязательныхъ отношеній не желаютъ сами помѣщики и что прекращеніе этихъ отношеній посредствомъ выкупа—самый желательный исходъ дѣла.

При томъ добросовѣстномъ изученіи дѣла, которому онъ предался, онъ не могъ не перечитать всего того, что было напечатано въ нашихъ журналахъ по крестьянскому вопросу, а бо̀льшая часть этихъ статей была за прекращеніе обязательныхъ отношеній посредствомъ выкупа.

Наконецъ, и что всего важнѣе, Ростовцовъ слышалъ, прежде своей поѣздки заграницу, изъ устъ самаго Государя, жалобы на князя Орлова и его помощниковъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, подобныхъ Муравьеву и Панину. Если жалобы эти высказывались Государемъ за годъ передъ тѣмъ, въ Киссингенѣ, графу Киселеву, а Императрицей—нѣсколько мѣсяцевъ послѣ графу Бобринскому и Н. А. Милютину, то болѣе, чѣмъ правдоподобно предположить, что Государь часто и горько жаловался самому близкому и довѣренному къ нему человѣку на свое безпомощное положеніе и тѣмъ возбуждалъ Я. И. къ содѣйствію ему въ этомъ дѣлѣ. Нельзя однако не замѣтить, что всѣхъ этихъ причинъ, даже и самой главной изъ нихъ, послѣдней, было-бы не достаточно къ совершенному измѣненію направленія Ростовцова въ крестьянскомъ дѣлѣ, если бы онъ былъ неспособенъ къ воспринятію вліянія всѣхъ исчисленныхъ благопріятныхъ для дѣла обстоятельствъ. Я болѣе склоненъ думать, что его содѣйствіе противникамъ освобожденія происходило отъ совершеннаго незнакомства его съ дѣломъ. По поводу „программы“, я уже упомянулъ, что Ростовцовъ какъ-бы невольно, по своему невѣдѣнію, попалъ въ число реакціонеровъ и игралъ тамъ второстепенную роль. Его обще-

ственныя и родственныя отношенія, также какъ его прошедшее и тогдашнее настоящее, не связывали его такими неразрывными узами съ представителями помѣщичьихъ интересовъ, какими были связаны князь Орловъ, графъ Панинъ и даже Муравьевъ и Позенъ. Ему были почти чужды интересы и крупныхъ, и мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ немъ не было тѣхъ началъ противудѣйствія крестьянскому дѣлу, отъ которыхъ трудно было избавиться большинству помѣщиковъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ. И тѣ, и другіе для того, чтобы понять мысль Государя объ освобожденіи крестьянъ и содѣйствовать его исполненію, должны были отказаться отъ всѣхъ своихъ вѣрованій, а это такъ трудно, въ особенности, для людей извѣстнаго возраста. Наконецъ, едва-ли возможно совершенно отказать Я. И. Ростовцову въ прогрессивномъ направленіи, которое было закопано (?) между здравыми и ложными понятіями въ его предположеніяхъ объ устройствѣ кадетскихъ корпусовъ. Нельзя также забывать, что онъ измѣнилъ людямъ 14-го декабря (1825 г.) не за ихъ прогрессивныя идеи, а за ихъ замыслы о низпроверженіи монархической власти и о покушеніи на жизнь самаго государя. Онъ въ 1858 году считаетъ своей обязанностію оправдаться въ взводимыхъ на него по крестьянскому дѣлу обвиненіяхъ передъ однимъ изъ оставшихся тогда въ живыхъ декабристовъ (княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ).

Поэтому предположеніе, что Ростовцовъ искренно сочувствовалъ освобожденію крестьянъ, не можетъ показаться невѣроятнымъ.

Послѣ всего сказаннаго дѣлается понятнымъ, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ приближенныхъ и пользующихся довѣріемъ Государя лицъ, могъ скорѣе и легче понять, что Государь желаетъ разрѣшить крестьянскій вопросъ: на дѣлѣ, а не на бумагѣ, безпристрастно, а не односторонне, и при томъ: „не откладывая въ длинній ящикъ“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Я. И., уѣзжая за границу въ началѣ лѣта 1858 года, кромѣ собственнаго его побужденія, имѣлъ порученіе отъ Государя особенно заняться изученіемъ крестьянскаго дѣла. Это доказывается самымъ тономъ писемъ, которыми Ростовцовъ хочетъ успокоить Государя, предсказывая благопріятный исходъ задуманнаго преобразованія, что въ свою очередь свидѣтельствуетъ какъ много государь говорилъ съ Я. И. о крестьянскомъ дѣлѣ. Въ то время, когда Ростовцовъ

писалъ заграницей „всеподданнѣйшія письма о разрѣшеніи крестьянскаго вопроса (первое письмо помѣчено: „Вильбадъ, 17-го (29) августа“, а четвертое и послѣднее: „Дрезденъ, 3-го (15) сентября“), государь ѣздилъ по губерніямъ (отъ 10-го августа до 9-го сентября) [1]) и говорилъ тѣ рѣчи, которыя были приведены въ одной изъ предъидущихъ главъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что о своей поѣздкѣ государь говорилъ съ Я. И. до отъѣзда его за границу и писалъ къ нему туда. Во всякомъ случаѣ Ростовцову были извѣстны послѣдствія царскаго путешествія.

Слова самодержавнаго монарха, обращенныя къ дворянству, въ которыхъ онъ является, смотря по обстоятельствамъ, то милостивымъ, то грознымъ, но постоянно твердымъ, слова, въ которыхъ онъ называетъ крестьянскій вопросъ „близкимъ его сердцу“, а отъ дворянъ „требуетъ, чтобъ они дали ему возможность стоять“ за нихъ, могли совершенно убѣдить Ростовцова въ твердой рѣшимости государя окончить начатое дѣло безпристрастно.

А высочайшее повелѣніе, состоявшееся по безпорядкамъ, возникшимъ въ нижегородскомъ комитетѣ, и по дѣлу Коменскаго во Владимірской губерніи, служили доказательствомъ, что, несмотря на препятствія, государь не только не падаетъ духомъ, но все болѣе и болѣе проникается непоколебимой твердостію.

Эти обстоятельства, безъ сомнѣнія, способствовали развитію того гражданскаго мужества, съ которымъ выступилъ Ростовцовъ на сцену исторической дѣятельности, какъ главный помощникъ царя-освободителя въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ.

„Всеподданнѣйшими письмами“, онъ, съ своей стороны, доставлялъ государю утѣшеніе и подкрѣплялъ его въ преодолѣніи препятствій и затрудненій, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу. Государь послѣ того, что онъ слышалъ и читалъ противъ задуманнаго имъ преобразованія, не могъ не прочесть съ особеннымъ удовольствіемъ заключительныя слова „всеподданнѣйшихъ писемъ“, выражающія теплую надежду на благопріятный исходъ дѣла. Авторъ этихъ писемъ говоритъ: „молю Бога, что-бы вѣрованіе мое оправдалось; но если все вышеизложенное, обработанное и

[1]) Хотя путешествіе Государя продолжалось до 20 сентября, но время съ 9 до 20 сентября 1858 г. употреблено было на поѣздку въ Варшаву и возвращеніе въ Петербургъ. Я. С.

улучшенное [1]), приведется въ исполненіе, то исходъ крестьянскаго вопроса представляется мнѣ въ радужномъ видѣ: крестьяне получатъ свободу полную, и даже не въ слишкомъ продолжительномъ времени; они зачнутъ богатѣть; цѣнность помѣщичьихъ имѣній возрастетъ быстро, а при добросовѣстности и образованности мѣстной полиціи, закоренившіяся злоупотребленія зачнутъ исчезать; оба сословія будутъ ограждены въ своихъ интересахъ"...

Осенью 1858 года дворъ жилъ въ Гатчинѣ, а С. С. Ланской, по обыкновенію, на Аптекарскомъ острову, на дачѣ министра внутреннихъ дѣлъ, съ которой онъ перебирался въ городъ весьма поздно. Проѣзжая черезъ городъ изъ Гатчины къ себѣ на дачу, въ дни своихъ докладовъ (по пятницамъ), онъ обыкновенно заѣзжалъ въ домъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Каждый разъ, онъ посылалъ за мной и лично передавалъ мнѣ всеподданнѣйшіе доклады по земскому отдѣлу. Въ одну изъ этихъ пятницъ, послѣ врученія мнѣ своихъ докладовъ, Сергѣй Степановичъ, передавая какой-то большой пакетъ, сказалъ съ своей саркастически-добродушной улыбкой:

— „Прочтите что̀ въ этомъ пакетѣ находится и забудьте то, что вы прочтете; а вечеромъ пріѣзжайте ко мнѣ на дачу: мы потолкуемъ съ вами о томъ, что тутъ написано".

— Какъ же я буду говорить съ вами, если я долженъ забыть то, что прочту, отвѣчалъ ему я, улыбаясь.

Пакетъ, переданный мнѣ Ланскимъ, заключалъ въ себѣ сдѣлавшіяся вскорѣ столь извѣстными „всеподданнѣйшія письма" Якова Ивановича Ростовцова. То, что С. С. передавалъ мнѣ такъ таинственно и съ обязательствомъ соблюденія секрета, не было уже тайной для многихъ, въ чемъ я убѣдился въ тотъ же день, обѣдая вмѣстѣ съ (Н. А.) Милютинымъ и княземъ (Д. А.) Оболенскимъ. Они мнѣ передавали то, что было имъ извѣстно объ этихъ письмахъ по слухамъ, доходившимъ изъ Гатчины; но я не выдалъ имъ секрета, наложеннаго на меня министромъ, что письма эти въ то время находились у меня. Изъ Гатчины, между прочимъ, были извѣстія, что „всеподданнѣйшія письма" будутъ имѣть вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла; а также, между прочимъ, что

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. Я. С.

Муравьевъ принимается тамъ съ замѣтною холодностію, а С. С. Ланской, напротивъ, весьма милостиво и радушно.

Торопливость, съ которою Сергѣй Степановичъ потребовалъ отъ меня разсмотрѣнія „всеподданнѣйшихъ писемъ", объясняется тѣмъ. что онъ на другой день приглашенъ былъ въ Гатчино, вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцовымъ, на предварительное совѣщаніе по поводу этихъ писемъ. Дѣло состояло въ томъ, что Государь, усвоивъ себѣ нѣкоторыя мысли, изложенныя въ письмахъ, хотѣлъ, проведя ихъ съ помощію Ростовцова и Ланского чрезъ Главный Комитетъ, облечь въ форму высочайшихъ повелѣній.

По пріѣздѣ вечеромъ на дачу, я не могъ удержаться, чтобы не поздравить своего министра съ новымъ благопріятнымъ поворотомъ крестьянскаго дѣла и подробно объяснилъ ему содержаніе писемъ, съ указаніемъ на общій ихъ характеръ, заключающійся въ несомнѣнномъ искреннемъ сочувствіи къ дѣлу, и на нѣкоторыя изъ частныхъ предположеній, которыя, если будутъ приведены въ дѣйствіе, то принесутъ несомнѣнную пользу предпринятому преобразованію; а также доложилъ о нѣсколькихъ невѣрностяхъ и недостаткахъ, которые слѣдовало: одни разъяснить, другіе исправить, а третьи устранить.

Чтеніе „всеподданнѣйшихъ писемъ" производило странное впечатлѣніе. Видно было, что авторъ ихъ несомнѣнно желалъ освобожденія крестьянъ, искренно сочувствовалъ дѣлу, которое онъ называлъ „святымъ", готовъ былъ посвятить ему всѣ свои способности, душевно скорбилъ о затруднительномъ безпомощномъ положеніи Государя и всѣмъ готовъ былъ пожертвовать для того, чтобы вывести его изъ этого положенія. Въ этихъ видахъ онъ предлагалъ рядъ мѣръ, ведущихъ дѣйствительно къ освобожденію крестьянъ и къ улучшенію ихъ быта; но рядомъ съ этимъ онъ ставилъ такія предположенія, которыя уничтожали совершенно благое стремленіе къ правильному направленію дѣла. Что было причиной такого неяснаго, сбивчиваго представленія предмета? Дипломатическія ли соображенія, клонившіяся къ тому, чтобы не разрывать связей съ противной партіей, чтобы не подать ей повода усилить крикъ о раззореніи помѣщиковъ, объ уничтоженіи дворянства, о революціонномъ направленіи и т. п. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что эти соображенія вполнѣ соотвѣтствовали характеру Я. И. Ростовцова, который видимымъ добродушіемъ, пыл-

костію и шутками достигалъ того, чего нельзя было достигнуть яснымъ представленіемъ цѣли, къ которой онъ стремился. Но къ этимъ соображеніямъ примѣшивалось, въ значительной степени, совершенная неподготовленность къ дѣлу, незнаніе котораго въ основныхъ началахъ и въ подробностяхъ такъ часто высказывается во „всеподданнѣйшихъ письмахъ".

Авторъ „писемъ" не только не признавалъ невозможнымъ безземельное освобожденіе крестьянъ; но считалъ необходимымъ, чтобы, по освобожденіи, „крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшился". Онъ доходилъ до того, что предоставлялъ „мірской общинѣ" право жалобы губернатору или начальнику уѣзда, въ томъ случаѣ, „если бы состояніе крестьянина въ повинностяхъ его, какъ личныхъ, такъ и денежныхъ, не улучшилось противу прежняго. Въ то время Я. И. Ростовцовъ общій выкупъ крестьянскаго надѣла признавалъ невозможнымъ и имѣлъ самое неясное понятіе о кредитной выкупной операціи; не указывалъ на другіе частные способы пріобрѣтенія крестьянами ихъ земельнаго надѣла въ собственность, допуская содѣйствіе къ этому правительства общественныхъ кредитныхъ учрежденій и частныхъ банковъ. Въ „письмахъ" проводилась мысль, что власть помѣщика должна замѣниться властію міра, такъ чтобы „домашняя власть надъ личностію крестьянъ и надъ хозяйственнымъ ихъ бытомъ сосредоточилась бы въ мірѣ и его избранныхъ". Хотя помѣщикъ, по „всеподданнѣйшимъ письмамъ", все еще оставался „начальникомъ общины", но предполагалось, что онъ будетъ „и имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личности". Если же міръ не согласится съ помѣщикомъ, то дѣло передается мировому судьѣ, который долженъ избираться крестьянами изъ помѣщиковъ. Относительно тѣлесныхъ наказаній авторъ „писемъ" упомянулъ, что, „во всякомъ случаѣ, о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе", потому что это было бы „пятномъ" для законодательства о крестьянахъ. Яковъ Ивановичъ писалъ Государю, что крестьянамъ слѣдуетъ предоставить гражданскія права, равныя со всѣми свободными подданными сословіями, и между прочимъ: право жалобы и право свободнаго вступленія въ бракъ, единственно только съ согласія родителей и по благословенію церкви. По „всеподданнѣйшимъ письмамъ" дворовые люди включаются въ составъ общинъ, съ возложеніемъ обязанности

на помѣщиковъ надѣлить дворовыхъ людей землей и устроить для нихъ усадьбы, слѣдовательно дворовые люди сравнивались съ крестьянами.

Но рядомъ съ этими предположеніями,—изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ о дворовыхъ людяхъ, шли далѣе того, что дѣйствительно потомъ, при изданіи Положеній, послѣдовало,—стояли соображенія о мѣрахъ другаго, совершенно противоположнаго, свойства. Не говоря уже о томъ, что „домашняя власть“ помѣщика надъ личностію крестьянъ и хозяйственнымъ ихъ бытомъ передавалась міру; но власть помѣщика, „какъ начальника общины“, сохраняла, по предложенію Я. И., большое значеніе, и притомъ также съ сохраненіемъ патріархальнаго характера. Въ силу этой власти помѣщикъ могъ принять жалобу отъ всякаго крестьянина, недовольнаго міромъ. „Оскорбленіе помѣщика, равно какъ и члена его семейства, судятся какъ преступленіе уголовное; въ семъ случаѣ оскорбленіе самаго помѣщика равняется оскорбленію отца“. Авторъ „писемъ“ предлагалъ, при освобожденіи крѣпостныхъ, даровать имъ право свободныхъ податныхъ сословій, но въ то же время сохранялъ за помѣщикомъ право: „оставить при себѣ дворовыхъ, въ томъ числѣ и мастеровыхъ, при домѣ или фабрикѣ, сколько онъ пожелаетъ“ [1]).

Точно также не соотвѣтствовало правамъ свободнаго состоянія оставленіе за помѣщикомъ права ссылки. Ростовцовъ предполагалъ, что удаленіе изъ имѣнія, по требованію помѣщика, крестьянина, „признаннаго вреднымъ и опаснымъ“, должно было производиться со всѣмъ его семействомъ; при чемъ удаленное семейство водворялось на казенныхъ земляхъ губерніи, несмежной съ той, въ которой оно жило. По „всеподданнѣйшимъ письмамъ“ проектировались, кромѣ уголовныхъ карательныхъ мѣръ, особыя наказанія, не только для отдѣльныхъ крестьянъ, для добросовѣстныхъ и для старостъ, но и для цѣлаго міра, если бы онъ оказался виновнымъ. Особенно оригинально придуманное авторомъ „писемъ“ наказаніе цѣлаго міра „за общій развратъ и буйство“: за это уѣздный начальникъ могъ приговорить міръ къ „высылкѣ на государственныя работы, срокомъ на два до шести мѣсяцевъ, отъ 2-хъ до 5-ти крестьянъ со ста по жеребью“.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. Я. С.

Такимъ образомъ право свободнаго состоянія уничтожалось для отдѣльныхъ личностей властію міра и помѣщика, а для самаго общиннаго міра властію помѣщика и уѣзднаго начальника. Этотъ общій гнетъ увеличивался не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ предполагавшимся тогда устройствомъ уѣзднаго управленія и учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ. Я. И. въ своихъ „всеподданнѣйшихъ письмахъ“ защищалъ и развивалъ тѣ же самыя начала этихъ двухъ установленій, которыя были изложены въ одной изъ предъидущихъ главъ. Его любимая въ то время мечта была объ уѣздныхъ начальникахъ; въ своихъ „письмахъ“ относительно этой должности онъ пошелъ далѣе началъ, опубликованныхъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 16 мая 1858 г. Онъ, между прочимъ, высказывалъ, что „права и обязанности начальника уѣзда должны быть тѣ же самыя, какъ губернатора въ губерніи; что весьма было бы полезно на первое, по крайней мѣрѣ, время назначать на должности уѣздныхъ начальниковъ флигель-адъютантовъ, камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и что „содержаніе уѣздныхъ начальниковъ возвысить, по крайней мѣрѣ, до трехъ тысячъ рублей серебромъ“ [1]). Кромѣ того, онъ предполагалъ раздѣленіе уѣздовъ на станы уничтожить и возстановить прежнихъ засѣдателей, съ тѣмъ чтобы они жили, по прежнему, въ уѣздномъ городѣ.

Въ своихъ „всеподданнѣйшихъ письмахъ“ Я. И. продолжалъ доказывать необходимость назначенія временныхъ генералъ-губернаторовъ, съ властію „чисто политической“ [2]).

Я опять позволю себѣ повторить, что въ искренности сочувствія Я. И. Ростовцова къ крестьянскому дѣлу нельзя усумниться; не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что нѣкоторыя неясности и противорѣчія въ его „письмахъ“ были допущены имъ съ намѣреніемъ, для того, чтобы „гусей не раздразнить“, но къ сожалѣнію также очевидно и малое его знакомство съ дѣломъ, въ которомъ ему суждено было играть такую важную роль. Какъ новое доказательство этого, я приведу нѣсколько выписокъ изъ его „всеподданнѣйшихъ писемъ“:

Невозможность выкупа Я. И. доказывалъ тѣмъ, что „выкупъ

---

[1]) Въ опубликованныхъ началахъ—2 т. рублей.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. Я. С.

земли у помѣщиковъ правительствомъ обошелся бы ему до милліарда рублей серебромъ. У правительства нѣтъ и малой части такихъ баснословныхъ богатствъ; выпускъ же облигацій или заемъ въ такую сумму произвелъ бы въ Россіи финансовую революцію; сверхъ того, русскій крестьянинъ, за исключеніемъ малаго числа губерній и нѣкоторыхъ промышленныхъ мѣстностей, не понялъ бы билета (sic) для выкупа земли въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и сказалъ бы: „вотъ-те и свобода, оброку надбавили!" Далѣе онъ прибавлялъ, что „не слѣдуетъ дѣлать выкупа по одной системѣ и по одному и тому же финансовому разсчету для всѣхъ, дабы не подчинить однѣмъ и тѣмъ же условіямъ финансовымъ [1]) разнообразныя мѣстныя условія нашего разноплеменнаго отечества". Начало соображеній о выкупѣ, хотя невѣрно, но понятно; что же касается до конца, то трудно понять, что хотѣлъ сказать этимъ авторъ „писемъ". Очевидно, что, при выкупѣ, могла быть одна только система, на видоизмѣненіе которой не могло имѣть вліянія разнообразіе мѣстныхъ и племенныхъ условій, какъ бы разнообразіе это ни было велико. Цѣна выкупа могла быть и, дѣйствительно, была неодинакова; но разсчеты и условія выкупа были и есть одни и тѣ же.

Разсуждая о способѣ будущаго владѣнія крестьянами земли, которая имъ будетъ отведена, онъ совершенно справедливо приходилъ къ заключенію, что слѣдуетъ оставить то, которое тогда существовало, т. е. общинное, въ бо̀льшей части Россіи; такъ же справедливо говоритъ, что переходъ отъ общиннаго къ личному владѣнію слѣдуетъ предоставить историческому развитію. Но затѣмъ слѣдуетъ сужденіе, которое можно было услышать отъ государственнаго дѣятеля только въ такомъ незрѣломъ государствѣ, какъ наше.

„Если русское общество", писалъ Яковъ Ивановичъ, ощутитъ потребность въ раздробленіи поземельной собственности на отдѣльныя лица, то пособить этому будетъ очень не трудно: тогда, въ извѣстный моментъ, достаточно будетъ одного высочайшаго указа, чтобы міръ раздѣлилъ свои угодія между своими сочленами, въ постоянное владѣніе сихъ послѣднихъ".

Та же неподготовленность къ государственнымъ занятіямъ, та же наивность человѣка, не знакомаго съ государственнымъ строемъ,

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. Я. С.

та же вѣра въ возможность созданія твердой власти, на патріархальныхъ началахъ, проявляется въ предположеніи снабдить начальника уѣзда, кромѣ „административной инструкціи“, еще „нравственною“, которая должна была состоять въ слѣдующемъ: „наивозможная вѣжливость съ помѣщиками и защита ихъ правъ; любовь къ крестьянамъ, но любовь отца: и благодушная, и строгая; предупрежденіе и прекращеніе нравственными мѣрами столкновеній помѣщиковъ съ крестьянами; неукоснительное исполненіе закона; нелицемѣрный судъ; преслѣдованіе и искорененіе взяточничества лицъ подчиненныхъ“. Авторъ „всеподданнѣйшихъ писемъ“ не подозрѣвалъ, что флигель-адъютанты и камеръ-юнкеры, облеченные въ званіе начальниковъ уѣздовъ, получатъ, по его предположеніямъ, ту же крѣпостную власть, уничтоженія которой онъ такъ искренно желалъ. Ему въ голову не приходило, что любовь отца можетъ быть только къ однимъ дѣтямъ. Ему было неизвѣстно, что съ властію проектированныхъ имъ уѣздныхъ начальниковъ несовмѣстимо „неукоснительное исполненіе закона“. Онъ считалъ возможнымъ, что административный чиновникъ, и притомъ такой, какимъ онъ его предполагалъ, можетъ быть: „нелицепріятнымъ судьей“. Онъ думалъ, что нравственная сентенція „о преслѣдованіи и искорененіи взяточничества“ можетъ имѣть благія послѣдствія.

Не смотря на все это, значеніе Якова Ивановича Ростовцова въ крестьянскомъ дѣлѣ громадное; безъ его преобладающаго участія въ разрѣшеніи этого вопроса, Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось начатое преобразованіе.

Никто изъ окружающихъ Государя людей не желалъ освобожденія крестьянъ такъ искренно и такъ полно, какъ Яковъ Ивановичъ; никто, можетъ быть, не былъ преданъ Государю, какъ онъ. Государь никому не довѣрился бы въ крестьянскомъ дѣлѣ настолько, насколько онъ вѣрилъ Ростовцову. Это дало возможность сему послѣднему искать правильнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса вездѣ, даже въ заграничныхъ изданіяхъ нашихъ эмигрантовъ, признаваемыхъ политическими преступниками. Онъ, не возбуждая подозрѣнія, могъ призвать къ участію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса людей либеральныхъ, можетъ быть единственно только для того, чтобы воспользоваться ихъ знаніями и способностями, и потомъ вовсе устранить ихъ отъ участія въ дѣлѣ. Это не согласно съ правилами высо-

кой нравственности, но еще хуже было бы, если бы эти люди, которые вынесли на своихъ плечахъ крестьянское дѣло, вовсе не были допущены до участія въ немъ. Дѣло было этихъ людей, понимающихъ всю важность предпринятаго преобразованія и знающихъ дѣло въ главныхъ его основаніяхъ и подробностяхъ, при довѣріи, въ которомъ имъ не отказывалъ Ростовцовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, исправлять его невѣрныя понятія и пополнять его незнаніе.

Между прочимъ, одной изъ задачъ моего послѣдующаго разсказа будетъ представить, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній, степень вліянія каждаго изъ сотрудниковъ Якова Ивановича на ходъ дѣла и степень личныхъ трудовъ каждаго изъ нихъ, словомъ „воздать каждому по дѣламъ его", съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ и съ устраненіемъ вліянія симпатій и антипатій и безъ всякаго поползновенія присвоивать себѣ то, что принадлежитъ другимъ.

Въ своихъ „письмахъ" Я. И. Ростовцовъ касался не только существа предмета, но и формальной стороны его. Онъ еще не дошелъ до убѣжденія, — которое было высказано въ „Запискѣ о порядкѣ разсмотрѣнія положеній", представленной министромъ внутреннихъ дѣлъ,—что не можетъ быть для каждой губерніи особаго крестьянскаго положенія; но онъ уже ставилъ вопросъ: „не слѣдуетъ-ли обнародовать всѣ положенія вмѣстѣ, для сличенія единства системы и коренныхъ постановленій и для употребленія лучшихъ мыслей каждой губерніи на пользу всѣхъ [1]).

Онъ еще не признавалъ, подобно министерству внутреннихъ дѣлъ, необходимости образованія особыхъ коммисій для разсмотрѣнія губернскихъ положеній; но онъ считалъ уже полезнымъ, кромѣ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, участіе въ разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ, въ качествѣ экспертовъ же, опытныхъ деревенскихъ хозяевъ, знающихъ сельскій бытъ различныхъ полосъ Россіи, людей, непоставленныхъ въ необходимость отстаивать односторонніе интересы помѣщиковъ своей губерніи". Онъ предполагалъ приглашать въ учрежденную при Главномъ Комитетѣ коммисію, въ качествѣ экспертовъ, какъ депутатовъ, такъ и опытныхъ хозяевъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. Я. С.

думало образовать изъ нихъ особыя коммисіи: одну для общаго и нѣсколько для мѣстныхъ положеній.

Авторъ „всеподданнѣйшихъ писемъ“ сознавалъ уже, что коммисія одна не въ состояніи справиться съ дѣломъ, но не хотѣлъ предоставить министерству, какъ это слѣдовало, инціативу въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ видахъ усиленія коммисіи и въ видахъ прекращенія отдѣльной дѣятельности министерства, Яковъ Ивановичъ писалъ: „осмѣливаюсь полагать, что коммисіи должно помогать все министерство внутреннихъ дѣлъ“. Далѣе онъ говоритъ, что „въ коммисіи, кромѣ исправляющаго должность статсъ-секретаря **Жуковскаго**, долженъ быть ему помощникомъ и чиновникъ отъ министерства, особенно способный и знающій; онъ долженъ присутствовать при всѣхъ совѣщаніяхъ коммисіи“.

III.

Сближеніе Я. И. Ростовцова съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.— Вопросъ о сохраненіи за крестьянами „настоящаго надѣла“.—Гатчинскія совѣщанія.

Затаенная мысль Я. И. Ростовцова стать во главу крестьянскаго дѣла и обратить министерство внутреннихъ дѣлъ изъ враждующаго соперника въ полезнаго помощника, заставила его сдѣлать первые шаги къ сближенію съ министерствомъ. Вѣроятно, по его докладу, С. С. Ланской былъ приглашенъ Государемъ къ участію въ совѣщаніяхъ по поводу „всеподданнѣйшихъ писемъ“. А. И. **Левшина** не хотѣли сдѣлать членомъ учрежденной при главномъ комитетѣ коммисіи; это, по всей вѣроятности, не желалъ и С. С. Ланской, въ особенности послѣ поѣздки его товарища, т. е. А. И. Левшина, по губерніямъ. Онъ не могъ быть въ коммисіи по высокому своему положенію, наравнѣ съ С. М. Жуковскимъ, въ качествѣ дѣлопроизводителя. Затѣмъ оставался одинъ я.

Ростовцовъ до крестьянскаго дѣла не зналъ меня лично и едва-ли ни въ первый разъ видѣлъ меня у С. С. Ланского во время первыхъ совѣщаній объ уѣздныхъ учрежденіяхъ. Такъ какъ онъ слѣдилъ за движеніемъ нашей журналистики по крестьянскому вопросу, то ему вѣроятно болѣе или менѣе были извѣстны: и мои послѣднія статьи „о поземельномъ владѣніи въ Россіи“, и моя полемика съ Ивановымъ. Но едва-ли не всего болѣе онъ

узналъ обо мнѣ изъ заграничныхъ разговоровъ своихъ съ Н. А. Жеребцовымъ, который зналъ меня по моей кадастровой службѣ, какъ одинъ изъ ближайшихъ моихъ начальниковъ, и благоволилъ ко мнѣ. Желаніе Я. И. войти со мной въ непосредственныя сношенія обнаружились еще во время пребыванія его, лѣтомъ 1858 года, заграницей. Въ разговорахъ о размѣрѣ крестьянскаго надѣла землей, Жеребцовъ совѣтовалъ Я. И. прибѣгнуть къ способу, который считался возможнымъ въ началѣ кадастровыхъ работъ, именно къ опредѣленію нормальныхъ потребностей средняго крестьянскаго семейства, съ тѣмъ чтобы, сообразно этимъ потребностямъ, отвести крестьянскому семейству такое количество земли, какое необходимо для удовлетворенія его нуждъ. Я давно уже признавалъ эту задачу неисполнимой; но бывшій мой начальникъ этого не зналъ и полагался на меня въ подкрѣпленіе своей мысли. Ростовцовъ написалъ объ этомъ Буткову, который по этому случаю изъявилъ желаніе со мной познакомиться. Желаніе это было передано мнѣ Степаномъ Михайловичемъ Жуковскимъ.

При нашемъ свиданіи В. П. Бутковъ сообщилъ мнѣ о предложенномъ Н. А. Жеребцовымъ способѣ опредѣленія размѣра крестьянскаго надѣла, спросивъ меня какого я мнѣнія объ этомъ.

Я представилъ подробныя соображенія о томъ, что исполненіе подобной задачи повело бы за собой, посредствомъ произвольныхъ цифръ, произвольное опредѣленіе размѣра крестьянскихъ надѣловъ. Затѣмъ, на основаніи шаткихъ, не подлежащихъ точному опредѣленію численныхъ данныхъ, которыя оказались бы разнообразными не по разнообразію мѣстностей, а по разнообразію взглядовъ исполнителей, пришлось бы: то отрѣзывать часть крестьянскаго надѣла, то прирѣзывать къ нему недостающее количество изъ господскихъ земель. Такимъ образомъ, произошло бы общее потрясеніе въ распредѣленіи земель между господскими и крестьянскими угодьями. Если бы опредѣленіе крестьянскаго надѣла повсемѣстно было сдѣлано одностороннее, въ пользу помѣщиковъ, и если бы, вслѣдствіе того, пришлось бы повсемѣстно уменьшать крестьянскіе надѣлы, то исполнить это, по моему мнѣнію, было бы совершенно невозможно. Подобное дѣйствіе повело бы общее, самое упорное, сопротивленіе крестьянъ. Въ заключеніе, я прибавилъ, что самымъ лучшимъ мѣриломъ: какой надѣлъ необходимъ для крестьянина, служитъ тотъ размѣръ земельнаго надѣла, которымъ онъ пользуется дѣйствительно. Въ моемъ разговорѣ съ

Бутковымъ, выраженіе: „настоящій надѣлъ“ было произнесено въ первый разъ передъ однимъ изъ правительственныхъ лицъ, которыя были противъ направленія земскаго отдѣла въ крестьянскомъ дѣлѣ. Около этого же времени, но, кажется, попозже, приводилась и доказывалась та же мысль во всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу предположенія графа Бобринскаго о надѣлѣ всѣхъ крестьянъ по 2½ десятины на душу, о чемъ я упомянулъ въ одной изъ предъидущихъ главъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, мой разговоръ съ В. П. Бутковымъ сообщенъ имъ былъ Я. И. Ростовцову заграницу. Я не знаю какое это сообщеніе имѣло вліяніе на тогдашнія убѣжденія Я. И., но, какъ бы то ни было, въ своихъ „всеподданнѣйшихъ письмахъ“ онъ обходитъ вопросъ о надѣлѣ: кажется, онъ не могъ еще усвоить себѣ понятія о необходимости оставленія крестьянамъ „настоящаго ихъ надѣла“, но въ то же время не рѣшался дѣлать какихъ-либо предположеній о размѣрѣ крестьянскихъ угодій.

По возвращеніи изъ заграницы, Я. И. самъ сдѣлалъ первые шаги къ сближенію со мной. Въ октябрѣ (1858 г.), въ то время, когда наше представленіе по поводу возбужденнаго тверскимъ комитетомъ вопроса о значеніи выраженія: „усадебная осѣдлость“ и о выкупѣ земельнаго надѣла было уже разсмотрѣно въ главномъ комитетѣ и о послѣдствіяхъ этого разсмотрѣнія я уже зналъ и отъ С. С. Ланского, и С. М. Жуковскаго, Я. И. прислалъ ко мнѣ чиновника просить меня, чтобы я заѣхалъ къ нему.

Онъ меня встрѣтилъ словами: „я васъ обезпокоилъ для того, чтобы передать вамъ о счастливомъ исходѣ вашего (т. е. министерства внутреннихъ дѣлъ) представленія по тверскому комитету о выкупѣ и просить васъ сообщить объ этомъ Алексѣю Михайловичу Унковскому“ (тверскому губернскому предводителю дворянства, который въ то время былъ въ Петербургѣ).

Это, видимо, былъ одинъ только предлогъ къ приглашенію меня; Ростовцовъ не могъ не знать, что послѣдствія разсмотрѣнія министерскаго представленія очень хорошо были извѣстны: и мнѣ, и Унковскому, который нарочно для этого пріѣхалъ. Затѣмъ, послѣ этого вступленія, онъ передалъ мнѣ поклонъ отъ Н. А. Жеребцова и сейчасъ же перешелъ къ вопросу о крестьянскомъ надѣлѣ.

Я ему подробно развилъ мысль о необходимости сохраненія за крестьянами того земельнаго надѣла, которымъ они пользовались,

т. е. въ то время „настоящаго ихъ надѣла“. При этомъ я указалъ на невѣрную постановку вопроса, когда спрашивали: „какимъ количествомъ земли слѣдуетъ надѣлить крестьянъ“? Сущность крѣпостного права и законы о крѣпостномъ состоянiи требовали, чтобы крестьяне были надѣлены землей; и они дѣйствительно и повсемѣстно имѣли постоянный надѣлъ, подлежавшiй измѣненiю въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ исключенiя. Приводя соображенiя, которыя я высказалъ въ разговорѣ съ Бутковымъ, и тѣ, которыя были изложены во всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу проекта графа Бобринскаго о выкупѣ, я доказывалъ Якову Ивановичу, что слѣдовало принять за общее правило, что у крестьянъ остается „настоящiй ихъ надѣлъ“; но изъ этого общаго правила должно допустить исключенiя, потому что въ дѣйствительности встрѣчались такiе надѣлы, въ особенности въ мѣстностяхъ степныхъ и лѣсныхъ, которые: или чрезмѣрно велики, или вовсе не имѣютъ границъ. Для этихъ случаевъ необходимо установить законныя нормы, выше которыхъ крестьянскiй надѣлъ не можетъ идти, и потому все количество, превышающее эти нормальные размѣры, по требованiю помѣщика, должно быть отрѣзываемо отъ крестьянъ и присоединено къ господскимъ землямъ. Слѣдовательно, вопросъ заключался не въ томъ: сколько надлежало дать крестьянамъ земли, а сколько въ извѣстныхъ случаяхъ отнять у нихъ.

Сколько я помню, Я. И. слушалъ меня сочувственно; но не выражалъ положительнаго согласiя съ моими доводами, хотя вслѣдъ за симъ сдѣлался горячимъ защитникомъ „настоящаго надѣла“.

Съ этого времени начинается довѣрiе Я. И. ко мнѣ въ крестьянскомъ дѣлѣ, а съ моей стороны полное сочувствiе къ его дѣятельности и стремленiе къ поддержанiю хорошихъ отношенiй между имъ и С. С. Ланскимъ, который при постоянномъ милостивомъ обращенiи съ нимъ Государя и при особенной предупредительности Ростовцова, не ропталъ на то, что на долю его, министра внутреннихъ дѣлъ, приходится не вести крестьянское дѣло, а помогать въ этомъ другому человѣку.

С. С. Ланской, вѣроятно, утѣшалъ себя также мыслiю, что дѣло становится на хорошую дорогу.

Въ гатчинскихъ совѣщанiяхъ, о которыхъ было упомянуто выше, кромѣ Государя, Я. И. Ростовцова и С. С. Ланского, никто не принималъ участiя. На эти совѣщанiя не были приглашены

не только Муравьевъ и Панинъ, но даже и князь Орловъ, отъ котораго до тѣхъ поръ Ростовцовъ никогда не отдѣлялся.

Довольный такимъ довѣріемъ Государя, Сергѣй Степановичъ Ланской забылъ, что онъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, представилъ Государю свою записку „о порядкѣ разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ“ и составленный въ министерствѣ планъ разсмотрѣнія, пополнивъ пробѣлъ во „всеподданнѣйшихъ письмахъ“ о предварительномъ разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ до внесенія ихъ въ главный комитетъ. Но планъ этотъ вовсе не былъ принятъ въ соображеніе при гатчинскихъ совѣщаніяхъ. Добродушный Сергѣй Степановичъ не имѣлъ силы воли напомнить Государю о представленной имъ запискѣ, а въ виды Ростовцова не входило давать ходъ, въ то время, чему-либо, кромѣ его „всеподданнѣйшихъ писемъ“. Во первыхъ, онъ изъ самолюбія не хотѣлъ дѣлиться ни съ кѣмъ славой поставить дѣло на надлежащую дорогу; а во вторыхъ, ему сначала необходимо было укрѣпить дѣло за учрежденной при главномъ комитетѣ коммисіей, которой онъ былъ членомъ; между тѣмъ въ представленномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ планѣ предполагалось открыть коммисія для разсмотрѣнія проектовъ положеній при министерствѣ. Второй мотивъ могъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если Яковъ Ивановичъ въ то время сознавалъ необходимость учрежденія, подобнаго открытымъ впослѣдствіи „редакціоннымъ коммисіямъ“; всего вѣроятнѣе, онъ не убѣдился доводами, изложенными въ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, и думалъ, что дѣло можетъ обойтись при существованіи одной, образованной при главномъ комитетѣ, коммисіи, подъ условіемъ, что этой коммисіи будетъ „помогать все министерство внутреннихъ дѣлъ“.

Послѣдствіями гатчинскихъ совѣщаній были: 1) извлеченія изъ „всеподданнѣйшихъ писемъ“, отпечатанныя особой брошюрой, и 2) рядъ вопросовъ, составленныхъ предварительно Ростовцовымъ при содѣйствіи Буткова.

Какъ извлеченіе изъ „писемъ“, такъ и „вопросы“ были разосланы членамъ главнаго комитета. „Вопросы“ были такъ составлены, чтобы отвѣты на нихъ разрѣшали двѣ задачи: во первыхъ, опредѣленіе внѣшняго порядка разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ, и, во вторыхъ, установленіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ, которыя могли послужить руководствомъ при составленіи законоположеній о крестьянахъ.

IV.

Засѣданіе главнаго комитета 18 октября 1858 г. и Высочайше утвержденный 26 октября журналъ этого засѣданія объ опредѣленіи внѣшняго порядка разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ.—Связь земскаго отдѣла съ коммиссіей при главномъ комитетѣ и назначеніе меня въ эту коммиссію.—Засѣданія главнаго комитета 19, 24 и 29 ноября и высочайше утвержденный 4 декабря журналъ этихъ засѣданій объ основаніяхъ, которыя должны были служить руководствомъ при разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ.—Ростовцовъ становится во главу либеральнаго движенія въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Разрѣшеніямъ вопросовъ, составленныхъ на основаніи „всеподданнѣйшихъ писемъ", посвящено было четыре засѣданія главнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Государя.

При открытіи, 18-го октября 1858 г., перваго изъ этихъ засѣданій,—какъ сказано въ журналѣ комитета,—Государь выразилъ, что „въ настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, когда работы нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ уже оканчиваются и должны поступить на разсмотрѣніе главнаго комитета и учрежденной коммисіи, необходимо опредѣлить порядокъ или послѣдовательность занятій ихъ по этому важному дѣлу вообще".

„Въ сихъ видахъ",—далѣе излагалось въ журналѣ,—„Государь Императоръ изволилъ воспользоваться нѣсколькими письмами по этому предмету, которыя, съ высочайшаго разрѣшенія Его Величества, были писаны изъ за-границы нынѣшнимъ лѣтомъ, находившимся тамъ членомъ главнаго комитета, генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ. Имѣя въ виду, что въ сихъ письмахъ есть много весьма дѣльныхъ и полезныхъ мыслей и предположеній, Его Императорское Величество изволилъ поручить генералъ-адъютанту Ростовцову составить подробное изъ нихъ извлеченіе въ систематическомъ порядкѣ. Извлеченіе сіе напечатано и разослано ко всѣмъ членамъ комитета на ихъ разсмотрѣніе".

Засимъ было приступлено къ обсужденію тѣхъ изъ помѣщенныхъ въ этомъ извлеченіи предположеній, кои опредѣляютъ порядокъ разсмотрѣнія, утвержденія и обнародованія положеній губернскихъ комитетовъ и вообще работъ, главному комитету предстоящихъ. Послѣ того слѣдуютъ самыя правила, въ которыхъ особенно замѣчательны выписываемые мной буквально 1-й и 3-й пункты:

„1. При разсмотрѣніи и, впослѣдствіи, при обнародованіи всѣхъ законодательныхъ по настоящему дѣлу работъ, соблюсти-

непремѣнно три условія: а) чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ; б) чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены, и в) чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не поколебалась, отчего ни на минуту же и общественный порядокъ не нарушался".

2-мъ пунктомъ возлагалась на министра внутреннихъ дѣлъ обязанность циркулярно сообщить губернаторамъ, чтобы комитеты, при представленіи своихъ проектовъ, объявляли, „чѣмъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ улучшится въ будущемъ". Изъ приведеннаго выше циркуляра министра видно, что министерство, исполняя эту обязанность, потребовало: свѣдѣній объ улучшеніи участи крестьянъ „въ отношеніи какъ личныхъ правъ, такъ и хозяйственнаго ихъ быта".

Это раздѣленіе имѣло важное практическое примѣненіе: оно устраняло соображенія, что хотя хозяйственный бытъ и не улучшается, но право свободныхъ состояній достаточно вознаграждаетъ крестьянъ за потери матеріальныя.

3-й пунктъ журнала главнаго комитета состоялъ въ слѣдующемъ:

„3. По мѣрѣ поступленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ конченныхъ губернскими комитетами проектовъ, сіе министерство должно разсматривать каждый проектъ отдѣльно; порядокъ при этомъ: а) нѣтъ ли въ нихъ какихъ либо отступленій отъ началъ и указаній, высочайше утвержденныхъ собственно для крестьянскаго вопроса; б) нѣтъ ли въ немъ отступленій вообще отъ духа государственныхъ узаконеній, и в) дѣйствительно ли улучшается имъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ чемъ именно".

4-мъ и 5-мъ пунктами опредѣлялся порядокъ разсмотрѣнія въ коммисіи при главномъ комитетѣ и въ самомъ комитетѣ внесенныхъ туда министромъ внутреннихъ дѣлъ губернскихъ проектовъ, съ его замѣчаніями. При чемъ было сказано: „отъ ближайшаго усмотрѣнія коммисіи и главнаго комитета будетъ зависѣть, при окончательномъ сводѣ всѣхъ губернскихъ проектовъ и частныхъ замѣчаній на оные, составить одно общее для всей России положеніе, съ необходимыми по разнымъ мѣстностямъ дополненіямъ, измѣненіями и частными положеніями".

6-мъ, 7-мъ, 8-мъ и 9-мъ пунктами установлялся порядокъ составленія въ министерствахъ и разсмотрѣніе въ коммисіи и въ главномъ комитетѣ „разныхъ законоположеній, необходимыхъ для успѣшнаго дѣйствія" крестьянскихъ положеній.

10-мъ пунктомъ разрѣшалось коммисіи и главному комитету приглашать, вызывая для этого, если представится надобность, изъ губерній, „не только членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, (экспертовъ), кои своими познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ могутъ принести пользу разсматривающемуся дѣлу".

11-й пунктъ составляетъ отвѣтъ на возбужденный во „всеподданнѣйшихъ письмахъ" вопросъ о содѣйствіи министерства внутреннихъ дѣлъ состоящей при главномъ комитетѣ коммисіи. „По обширности работъ",—сказано въ этомъ пунктѣ,—„предстоящихъ коммисіи и главному комитету, и по ограниченію способовъ ихъ канцелярій, министерство внутреннихъ дѣлъ обязано оказывать полное содѣйствіе сей канцеляріи. Одинъ изъ чиновниковъ этого министерства, способный и опытный въ сельскомъ хозяйствѣ, назначается, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ государственнымъ секретаремъ, въ помощь управляющему дѣлами учрежденной при главномъ комитетѣ коммисіи".

Въ заключеніи этого журнала, высочайше утвержденнаго 26-го октября 1858 г., говорилось о тѣхъ предположеніяхъ, изложенныхъ во „всеподданнѣйшихъ письмахъ", которыя требовали предварительно разсмотрѣнія главнаго комитета; именно: 1) о мірской общинѣ, 2) о способахъ пріобрѣтенія крестьянами земли въ собственность, 3) объ уѣздныхъ учрежденіяхъ и 4) о временныхъ генералъ-губернаторахъ. Нѣкоторые пункты этого заключенія были уже приведены выше, какъ, напримѣръ, о выкупѣ и генералъ-губернаторахъ; о другихъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

По обыкновенію, принятому въ высшихъ нашихъ учрежденіяхъ, заготовленные проекты журналовъ посылаются на предварительное разсмотрѣніе тѣхъ министровъ, вѣдомства которыхъ эти журналы особенно касаются; такъ было поступлено съ проектомъ журнала засѣданія 18 октября. По полученіи въ министерствѣ этого проекта, я заготовилъ для министра особую записку, въ которой было сказано, что „въ дополненіе... слѣдовало бы опредѣлить нѣкоторыя подробности, принявъ въ соображеніе поданную министромъ внутреннихъ дѣлъ записку, предварительно одобренную его величествомъ и заслушанную въ главномъ комитетѣ: „О порядкѣ разсмотрѣнія проэктовъ губернскихъ крестьянскихъ положеній". „Объ означенной запискѣ (говорилось далѣе) вовсе не упомянуто въ журналѣ главнаго комитета; между тѣмъ въ ней подробно изло-

жены способы упрощенія и ускоренія хода дѣла, безъ всякаго вреда для дѣла и коренныхъ основаній крестьянскаго вопроса". Въ концѣ было сказано: „безъ установленія напередъ порядка и безъ рѣшительныхъ заключеній, разсмотрѣніе отдѣльныхъ проектовъ увеличитъ собой массу сырыхъ матеріаловъ, съ которыми трудно будетъ справиться впослѣдствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ откроются пропуски, отступленія и противорѣчія. Все это необходимо пополнить, исправить и согласить, но для перваго необходимо собраніе мѣстныхъ свѣдѣній, для втораго—предварительное установленіе коренныхъ, но достаточно подробныхъ, началъ, а для послѣдняго совершенное знакомство съ разными мѣстностями Россіи. Замѣчанія эти не имѣли непосредственныхъ послѣдствій; но едва ли можно отрицать, что мнѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ не (?) имѣли вліянія на послѣдующія затѣмъ мнѣнія Я. И. Ростовцова по крестьянскому дѣлу [1]).

Журналомъ, утвержденнымъ 26 октября 1858 г., инициатива по крестьянскому дѣлу переносилось изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ учрежденную при главномъ комитетѣ коммисію, гдѣ распорядителемъ дѣла становился Я. И. Ростовцовъ. Муравьевъ былъ усмиренъ, графъ Панинъ покорялся волѣ государя, такъ явно выраженной въ пользу Я. И., а С. С. Ланской, со времени гатчинскихъ совѣщаній, дѣйствовалъ за одно съ авторомъ „всеподданнѣйшихъ писемъ".

Обезпечивъ преобладаніе свое въ коммисіи, которая заключала въ себѣ самаго министра внутреннихъ дѣлъ, Я. И. оставалось только всѣ силы министерства, предназначенныя для крестьянскаго дѣла, обратить къ содѣйствію коммисіи. Поэтому всѣ старанія его были направлены къ тому, чтобы, при исполненіи высочайшаго повелѣнія о прикомандированіи къ коммисіи одного изъ чиновниковъ министерства, былъ назначенъ я, потому что въ моемъ вѣдѣніи, какъ непремѣннаго члена, завѣдывающаго дѣлами земскаго отдѣла, сосредоточивалась вся канцелярія отдѣла.

Довольно трудно сказать, что болѣе побуждало Я. И. въ желаніе пріобрѣсти во мнѣ сотрудника: эти-ли сейчасъ изложенныя соображенія, или убѣжденіе, что я, по своимъ знаніямъ народнаго быта и условій сельскаго хозяйства, буду полезенъ для дѣла.

---

[1]) Очевидн), что Я. А. Соловьевъ хочетъ сказать, что мнѣнія министерства вн дѣлъ имѣли положительно вліяніе на послѣдующую дѣятельность Я. И Ростовцова по крестьянскому дѣлу. Ред.

В. П. Бутковъ вошелъ совершенно въ мысль Я. И., а С. М. Жуковскій, по нашимъ отношеніямъ, желалъ моего сотрудничества. Вслѣдствіе всего этого и послѣ предварительныхъ переговоровъ, сначала со мной, а. потомъ съ С. С. Ланскимъ, Ростовцовымъ, Бутковымъ и Жуковскимъ, было официально написано государственнымъ секретаремъ министру внутреннихъ дѣлъ о командированіи въ коммисію чиновника отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Разумѣется въ этой бумагѣ обо мнѣ не было упомянуто, но А. И. Левшинъ, передавая ее мнѣ, сказалъ: „прочтите—въ этой бумагѣ вы увидите вашъ портретъ".

На опредѣленіе внѣшняго порядка разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ потребовалось одно только засѣданіе главнаго комитета (18-го октября); остальныя три (19, 24 и 29 ноября 1858 г.) были посвящены установленію: „основаній, которыя должны (были) служить руководствомъ при разсмотрѣніи проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ".

Надо было постоянное присутствіе государя во всѣхъ трехъ засѣданіяхъ, чтобы получить отъ главнаго комитета удовлетворительные отвѣты на предложенные для его обсужденія вопросы. Журналъ этихъ засѣданій, утвержденный государемъ 4 декабря 1858 г., начинался слѣдующимъ вступленіемъ:

„Его величество изволилъ изъяснить, что, при предстоящемъ разсмотрѣніи составленныхъ по губерніямъ положеній въ учрежденной при главномъ комитетѣ коммисіи, необходимо, чтобы коммисіи были указаны тѣ главныя начала, которыми она должна при этомъ руководствоваться, равно какъ и главный комитетъ, при окончательномъ обсужденіи предположеній коммисіи. Слѣдуя симъ основаніямъ, коммисія будетъ повѣрять поступившія въ оную работы губернскихъ комитетовъ, отвергая тѣ предположенія, кои будутъ съ оными несогласны. Впрочемъ, если бы коммисія, при разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ, нашла, что заключающіяся въ нихъ предположенія, хотя и несогласны съ указанными основаніями, но дѣйствительно полезны и потому могутъ быть приняты, то отъ нея будетъ зависѣть представлять о такихъ предположеніяхъ на высочайшее усмотрѣніе Государя Императора чрезъ главный комитетъ".

Затѣмъ слѣдуютъ отвѣты на предложенные комитету вопросы въ формѣ правилъ, которыя давались въ руководство какъ коммисіи, такъ и главному комитету. Такъ какъ эти правила слу-

жили главнымъ руководствомъ во все продолженіе послѣдующаго хода крестьянскаго дѣла, то онѣ приводятся здѣсь буквально:

„1) При обнародованіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ, предоставляется симъ крестьянамъ право свободныхъ сельскихъ сословій: личныя, по имуществу и по праву жалобы".

„2) Крестьяне сіи входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ".

„3) Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдываетъ и этими угодьями".

„4) Власть надъ личностію крестьянина, по исполненіи или по порученіи имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. При опредѣленіи подробностей устройства міра и учрежденій, посредствомъ коихъ онъ долженъ дѣйствовать, а также отношеній міра къ помѣщику, обратить вниманіе: а) на постановленія по сему предмету, изложенныя въ Св. Зак., и б) на IX главу программы, данной въ руководство губернскихъ комитетовъ, сообразивъ: можетъ-ли сія глава оставаться въ прежней силѣ или слѣдуетъ ее измѣнить".

„5) Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей".

„6) Міръ отвѣчаетъ круговой порукой за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленіи повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ.

„7) Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками. Для сего слѣдуетъ: а) сообразить какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій, и б) опредѣлить условія прекращенія срочно-обязаннаго положенія крестьянъ.

При семъ Государь императоръ соизволилъ высочайше повелѣть: „а) чтобы съ будущаго 1859 года все превышеніе съ доходовъ съ государственныхъ имуществъ противъ настоящаго поступало на содѣйствіе помѣщичьимъ крестьянамъ къ выкупу ихъ угодій"; „б) чтобы коммисія сообразила: можно-ли прекращеніе срочно-обязаннаго положенія опредѣлить такъ: „срочно-обязанное положеніе прекращается, какъ для міра вообще, такъ и для крестья-

нина отдѣльно, когда они: или цѣлымъ обществомъ, или поодиночно, выкупятъ у помѣщика ту землю, которая вслѣдствіе высочайшихъ рескриптовъ будетъ опредѣлена въ пользованіе, или когда крестьянинъ выкупитъ у помѣщика такія угодья, которыя, на основаніи тѣхъ же высочайшихъ рескриптовъ, могутъ обезпечивать ему исправную уплату податей и повинностей".

„8) При обнародованіи положеній постановить, что земли не населенныя, принадлежащія дворянамъ, могутъ пріобрѣтать и впередъ, на основаніи существующихъ постановленій, лица всѣхъ сословій, если же на землѣ будутъ водворены крестьяне, то лица, имѣющія нынѣ права владѣть имѣніями населенными, могутъ пріобрѣтать покупкою и такія земли, съ тѣмъ только, чтобы, при самой покупкѣ имѣнія, одновременно съ совершеніемъ купчей, крестьяне, въ имѣніи водворенные, получили въ собственность усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья за выкупъ по полюбовному соглашенію. При этомъ обсудить и опредѣлить мѣры, кои должны быть приняты для огражденія крестьянъ отъ притѣсненій со стороны помѣщика, особенно при уплатѣ опредѣленнаго, по взаимному соглашенію выкупа".

„9) Подобныя же условія предоставить заключать и самимъ помѣщикамъ, буде пожелаютъ".

„10) Мелкопомѣстнымъ дворянамъ, кои при освобожденіи крестьянъ понесутъ убытки или разстройство въ хозяйствѣ, оказать нѣкоторое пособіе со стороны правительства".

„11) При разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ сообразить и опредѣлить способы и порядокъ устройства дворовыхъ людей, и наконецъ:

„12) Способствовать всѣми возможными мѣрами къ огражденію большаго сельскаго хозяйства, но безъ стѣсненія личной свободы крестьянъ и безъ нарушенія тѣхъ правъ, кои будутъ имъ дарованы, оказывая всемѣрно покровительство устройству и малыхъ хозяйствъ, дабы сохранить нашу земледѣльческую промышленность и устранить всякое опасеніе въ доставленіи хлѣба, нужнаго для продовольствія войска и городовъ, и поддержать нашу хлѣбную торговлю съ иностранными государствами".

Въ заключеніе государь изволилъ предоставить коммисіи: въ тѣхъ случаяхъ, когда, при исполненіи возложенныхъ на нее обязанностей, встрѣтятся вопросы, требующіе разъясненій, входить

съ представленіями въ главный комитетъ, коему и испрашивать на такіе вопросы разрѣшенія его величества.

Сравнивая изложенныя во „всеподданнѣйшихъ письмахъ" предположенія съ тѣми началами, которыя были положены въ основу будущаго развитія крестьянскаго дѣла журналомъ главнаго комитета, утвержденнымъ 4-го декабря 1858 г., можно замѣтить значительное различіе между благими, но неясными намѣреніями автора „писемъ" и положительными правилами, вышедшими изъ главнаго комитета.

Съ этого времени начинается содѣйствіе Якову Ивановичу Ростовцову всѣхъ людей, сочувствующихъ освобожденію крестьянъ. Но первый разъ особенно полезное содѣйствіе оказалъ Константинъ Владимірoвичъ Чевкинъ, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Я. И. и который, вслѣдствіе убѣжденій своего друга, начиналъ склоняться къ предоставленію крестьянамъ земельнаго ихъ надѣла на выкупъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ, сколько я помню, тогда не возвращался еще изъ за границы. Канцелярія была также настроена въ пользу новаго направленія: Степанъ Михайловичъ Жуковскій—вслѣдствіе искренней своей преданности великому преобразованію, а В. П. Бутковъ, получивши выговоръ отъ Государя за разговоры во время лѣтней своей поѣздки и убѣдившись въ несомнѣнной милости Ростовцова у Государя, всѣ усилія употреблялъ, чтобы показать свою ревность; а когда онъ хотѣлъ—онъ могъ быть очень полезенъ, по своей находчивости и умѣнью проводить дѣла чрезъ канцелярскія подробности, устраняя препятствія, которыя могли возникнуть отъ затронутыхъ самолюбій. Бутковъ былъ всегда самымъ вѣрнымъ указателемъ политическаго настроенія высшихъ сферъ; поэтому его обращеніе на путь, указываемый „всеподданнѣйшими письмами", служило яснымъ доказательствомъ прочности дѣла, и силы того человѣка, который былъ непосредственной причиной измѣненія направленія въ крестьянскомъ вопросѣ. Замѣчательно также то, что коммисія, образованная съ цѣлію надзора за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и удержанія его отъ чрезмѣрныхъ стремленій въ пользу крестьянъ—дѣлалась защитницей крестьянскаго вопроса и не только не отвергала, какъ прежде, содѣйствіе министерства, но радушно призывала его на помощь себѣ. Это была одна изъ тѣхъ неожиданностей, которыми сопровождалось крестьянское дѣло во время всего его хода.

Я. А. Соловьевъ.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

Глава четвертая [1]).

Записки его объ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ и объ усмиреніи въ немъ мятежа,

1864 и 1865 гг.

I.

О моральномъ и политическомъ вліяніи польскаго мятежа на край и на Россію.—О дѣйствіяхъ въ сосѣдственныхъ областяхъ, т. е. въ Царствѣ Польскомъ, Юго-западномъ краѣ и Прибалтійскихъ провинціяхъ.—Вліяніе въ оныхъ польской пропаганды.—О настоящей и будущей системѣ дѣйствій, необходимой для окончательнаго обладанія Сѣверо-Западнымъ краемъ.

Когда Государю угодно было поручить мнѣ управленіе сѣверо-западнымъ краемъ, почти повсемѣстно уже взволнованнымъ мятежемъ, сосѣднія съ нимъ области, т. е., Царство Польское и Юго-Западный край, а въ особенности первое представляло полное разрушеніе правительственной власти, да и въ Юго-Западномъ краѣ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, еще въ декабрѣ 1862 года, генералъ-адъютантъ Анненковъ, не понимавшій положенія ввѣренной ему страны и не имѣющій (1866 г.) вѣрнаго взгляда на польскую интригу вообще и на всегдашнее стремленіе ея къ мятежу, такъ ослабилъ управленіе, впрочемъ давно распущен-

[1]) Первыя три главы Записокъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 года, томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387 – 432 и декабрь, стр. 623 — 644; изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 131—166. **Ред.**

ное предмѣстникомъ его, кн. Васильчиковымъ, что даже Кіевъ, колыбель православія, въ коемъ лишь до 600 жителей обоего пола католическаго исповѣданія, былъ волнуемъ польскими мятежными манифестаціями и русскіе не находили себѣ защиты отъ поляковъ. Въ Волынской же и Подольской губерніяхъ мятежъ сильно распространялся, не смотря на противодѣйствіе сельскаго населенія, по преимуществу православнаго, ибо во всѣхъ Юго-западныхъ губерніяхъ католиковъ 450 тыс., при населеніи православномъ до 5 милліоновъ.

Сельское населеніе, по слабости и неразумѣнію дѣла Кіевскимъ главнымъ начальствомъ, нисколько не воспользовалось благодѣтельною волею Государя о прекращеніи крѣпостнаго состоянія. Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 года не только не былъ приведенъ въ исполненіе; но, по ходатайству помѣщиковъ, были посылаемы войска для понужденія крестьянъ къ платежу усиленныхъ оброковъ по неправильно составленнымъ уставнымъ грамотамъ, за что и подвергали ихъ сильнымъ наказаніямъ, подъ предлогомъ неповиновенія помѣщикамъ, которые большею частію содѣйствовали мятежу. Такимъ образомъ русское православное населеніе, преданное Государю и Россіи и твердо удерживающее прародительскую вѣру, содѣйствовавшее къ удержанію порядка въ краѣ и доводящее до свѣдѣнія правительства о всѣхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ пановъ, по безсмыслію главнаго мѣстнаго начальства, бывшаго подъ вліяніемъ польской интриги и пропаганды, было сильно угнетаемо, и болѣе даже, чѣмъ до манифеста 19-го февраля 1861 года.

Негодованіе русскихъ людей, бывшихъ въ Юго-западномъ краѣ, и всего русскаго населенія было общее.

Поляки явно торжествовали, польское направленіе взяло верхъ и Юго-западный край, почти весь населенный русскими православными людьми, сдѣлался игралищемъ польской интриги и мятежа. Во многихъ уѣздахъ формировались шайки мятежниковъ и только по милости и содѣйствію крестьянъ, оные вынуждены были скоро расходиться, а паны были представляемы правительству. Польскіе мятежники такъ открыто дозволяли себѣ дѣйствовать противъ правительства, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 г. на пароходѣ „Кумиръ“, шедшемъ изъ Кіева, были перевозимы въ

Пинскій уѣздъ, какъ мною прежде было сказано, мятежные новобранцы и оружіе.

Вся Сѣверная часть Кіевской и Волынской губерній была до такой степени оставлена безъ всякаго начальства, что изъ оной постоянно вторгались мятежныя шайки въ сосѣдніе уѣзды Гродненской и Минской губерній и, по мѣрѣ уничтоженія, они находили въ лѣсахъ на Волыни вѣрное убѣжище.

Съ западной стороны Царство Польское представляло еще болѣе печальное зрѣлище—тамъ господствовали полная правительственная (?) анархія и правильно учрежденный подземный польскій жондъ. Управленіе маркиза Веліопольскаго объяснено уже выше; — но не могу однакожъ пройти молчаніемъ о томъ вредномъ вліяніи, какое управленіе это имѣло на Высочайше ввѣренный мнѣ край. Ненаказанность, полная свобода дѣйствія мятежникамъ, уничтоженіе всего русскаго и даже самаго войска, которое, по волѣ самаго начальства, должно было выносить всевозможныя оскорбленія отъ поляковъ, — все это придавало такую смѣлость и дерзость полякамъ, что шайки ихъ постоянно вторгались въ предѣлы ввѣреннаго мнѣ края и тѣмъ поддерживали развившійся въ краѣ мятежъ, не говоря уже о томъ, что главный центральный жондъ Варшавскій сосредоточивалъ въ себѣ все революціонное управленіе Западнымъ краемъ.

Очевидно, что мятежъ должно было окончить подавленіемъ онаго въ Царствѣ Польскомъ и преимущественно въ самой Варшавѣ, тогда успокоились бы и наши западныя губерніи; но на дѣлѣ вышло иначе: въ Царствѣ Польскомъ мятежъ разгорался болѣе и болѣе и къ подавленію его не принималось никакихъ (!?) благоразумныхъ мѣръ и потому мнѣ пришлось бороться съ мятежемъ не въ однѣхъ сѣверозападныхъ губерніяхъ, но полагать преграду развитію онаго и въ сосѣднихъ областяхъ Царства Польскаго и Юго-западныхъ губерніяхъ. Мнѣ надо было, не взирая на усиливавшійся мятежъ въ сосѣднихъ областяхъ, уничтожить оный во ввѣренномъ мнѣ краѣ и тѣмъ самымъ положить начало и основаніе подавленія мятежа и въ Царствѣ Польскомъ.

Положеніе мое было тѣмъ затруднительнѣе, что мнѣ надо было бороться противу цѣлой системы превратнаго управленія Царствомъ Польскимъ; отбиваться отъ постоянно оказываемаго

противодѣйствія многихъ русскихъ властей въ Петербургѣ и ввести систему управленія совершенно противоположную всѣмъ тѣмъ взглядамъ, которые въ теченіе десятковъ лѣтъ имѣло наше высшее правительство, и въ то же время укротить мятежъ, охватившій весь край и поддерживаемый объясненными выше неблагопріятными обстоятельствами и надеждою на чужеземное пособіе.

Дѣйствительно, въ то время вся Западная Европа, а въ особенности Англія и Франція, явно поддерживали польскую интригу. Польскіе революціонные комитеты открыто дѣйствовали во многихъ городахъ Европы, посылали мятежникамъ пособіе, деньгами и оружіемъ, и агентовъ, раздувавшихъ мятежъ въ краѣ.

При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ мнѣ надо было скорѣе подавить мятежъ, ибо всякая медленность въ дѣйствіяхъ придавала оному силу, увеличивала надежду на иностранное пособіе и на скорое объявленіе войны Франціею, которая постоянно угрожала тѣмъ Россіи.

Прибалтійскія губерніи, управляемыя слабымъ и малосмыслящимъ дѣло генералъ-губернаторомъ, барономъ Ливеномъ, оказывали явное сочувствіе польскимъ революціонерамъ. Они свободно укрывались въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ съ разными фальшивыми пашпортами, носили трауръ и разные революціонные знаки, словомъ перенесли польскую пропаганду въ тотъ край, и тамошнее начальство всѣми зависящими отъ него средствами старалось укрывать и покровительствовать польскихъ выходцевъ, снабжая ихъ даже заграничными пашпортами.

Содѣйствіе польскимъ революціонерамъ въ Прибалтійскихъ провинціяхъ было такъ сильно, что я долженъ былъ принять строгія полицейскія мѣры противъ привоза оружія, пороха и проѣзда эмиссаровъ по желѣзной (дорогѣ) изъ Риги въ Динабургъ. Никакія мои сношенія съ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ не могли уменьшить враждебныхъ къ намъ стремленій властей тѣхъ губерній.

Необходимо было сильнымъ ударомъ поразить мятежъ; надо было доказать полякамъ и всему шляхетскому населенію въ краѣ, что правительство рѣшилось дѣйствовать твердо и неотступно,

карая крамолу и клятвопреступленіе; необходимы были на первыхъ порахъ жертвы, чтобы устрашить распорядителей мятежа, привыкшихъ видѣть въ правительствѣ нашемъ слабость и пользоваться полною ненаказанностью. Послѣ изданія мною строгихъ, положительныхъ распоряженій съ преподаніемъ мѣръ къ укрощенію мятежныхъ дѣйствій въ краѣ, польскіе революціонеры, всегда смѣлые при слабости правительства и, напротивъ того, трусливые и смиренные—padam do nóg—при энергическихъ дѣйствіяхъ начальства, скоро начали покоряться правительственной власти, водворяемой въ краѣ, и мятежъ сталъ утихать. Сельское же населеніе, преимущественно православное, всегда преданное правительству, постепенно стало сочувствовать принятымъ мѣрамъ и содѣйствовало къ укрощенію мятежа. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ, какъ въ бо̀льшей части ввѣреннаго мнѣ края водворилось нѣкоторое спокойствіе и мятежники нравственно и вещественно ослабѣли и потеряли духъ. Въ Царствѣ Польскомъ, т. е. въ управленіи его сдѣлалась наконецъ реакція. Оно вынуждено было принять введенную мною систему дѣйствій.

Съ принятіемъ мѣръ (въ Царствѣ Польскомъ) сообразно данныхъ мною для сѣверозападнаго края инструкцій, мятежъ сталъ утихать и въ Царствѣ Польскомъ.

Европа скоро увидѣла, что всѣ разсказы и возбужденія польскихъ эмигрантовъ о всеобщемъ будто-бы народномъ польскомъ возстаніи во всемъ западномъ краѣ была наглая ложь; что народъ и бо̀льшая часть населенія вовсе не сочувствуютъ мятежу и что возстаніе это есть плодъ интригъ партіи революціонеровъ, шатавшейся по Европѣ и пользующейся сочувствіемъ польскаго шляхетства и ксендзовъ, но отнюдь не народа.

Быстро совершенное мною усмиреніе края остановило стремленіе европейскихъ державъ къ поддержанію несчастной будто-бы польской націи, которая въ видѣ націи не существовала въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, отчего и самые порывы польскихъ революціонеровъ значительно ослаблены были и въ самомъ Царствѣ Польскомъ, въ особенности когда правительство наше рѣшилось, хотя и поздно, т. е. въ исходѣ іюля мѣсяца 1863 г., дать дипломатическими нотами рѣшительный отпоръ неумѣст-

нымъ и оскорбительнымъ для Россіи притязаніямъ западныхъ державъ.

Успѣхъ, увѣнчавшій дѣйствія мои по укрощенію мятежа, хотя и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе на Государя и оживилъ духъ русской партіи, придавъ ей еще болѣе силы въ Петербургѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилъ число ярыхъ враговъ моихъ и въ особенности поклонниковъ польской пропаганды, которые не столь страшны были въ западномъ краѣ, какъ въ самомъ Петербургѣ и Россіи, ибо, къ сожалѣнію, въ то время Россія обуреваема была общимъ духомъ необузданнаго либерализма, своеволія и вражды ко всякому начальству и власти; поляки этимъ пользовались и повсюду, гдѣ только могли, въ Россіи, а въ особенности въ столицахъ нашихъ, присоединяли къ своимъ революціоннымъ кружкамъ русскихъ безумцевъ, увлекавшихся идеею свободы и необузданности. Такимъ образомъ Петербургъ былъ издавна, т. е. еще съ 1862 г., центромъ польской пропаганды и многіе изъ нашихъ правительственныхъ властей были игралищемъ польской интриги, которая прикрывала себя личиною либерализма и тѣхъ реформъ, которыя были приняты правительствомъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія.

1863-й годъ тѣмъ замѣчателенъ былъ въ особенности, что польскій мятежъ не только открылъ глаза правительству на западный край; но обнаружилъ то несвойственное правительству положеніе, въ которомъ находилось управленіе западными нашими губерніями, болѣе принадлежавшими Польшѣ, чѣмъ Россіи. Польское возстаніе произвело сильный нравственный переворотъ и въ Россіи. Увлекавшаяся либерализмомъ и вообще демократическими началами русская молодежь какъ бы очнулась въ виду предстоявшей государству опасности отъ своеволія и дѣйствій Польши и угрозъ западныхъ державъ. Общее негодованіе на польское возстаніе значительно подавило и умѣрило демократическія стремленія въ Россіи и былъ возбужденъ всеобщій духъ патріотизма и желаніе идти на помощь правительству къ подавленію польской крамолы. Увлеченная польскою пропагандою русская молодежь во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ какъ бы отрезвилась. Всѣ безпокойствія и противуправительственныя манифестаціи въ универси-

тетахъ и иныхъ учебныхъ заведеніяхъ сами собой прекратились. Молодые гвардейскіе офицеры, также зараженные духомъ либерализма, измѣнили направленіе свое, а въ особенности тѣ, которые прибыли въ Вильну въ составѣ 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій; они скоро увидѣли куда вела ихъ польская интрига и такъ называемая легальность [1]), проповѣдуемая поляками. Они убѣдились, что это есть чистый обманъ враговъ нашихъ, которые подъ защитой легальности, требуемой ими отъ правительства нашего, производили безнаказанно въ краѣ всевозможныя неистовства. Скорый опытъ имъ указалъ, что проповѣдуемыя поляками: вольность, ровность (равенство), неподлеглость (независимость)—есть чистый обманъ, коимъ они прикрывали свое стремленіе господствовать надъ краемъ и надъ всѣми сословіями, какъ это происходило въ былыя времена Рѣчи Посполитой. Они стремились, подъ предлогомъ ойчизны и сказанной вольности, ниспровергнуть правительство, какое-бы оно ни было, чтобы безнаказанно владычествовать, какъ это было въ давнія времена польскаго шляхетства.

Русскіе, прибывшіе въ край, скоро убѣдились въ этомъ и съ самоотверженіемъ жертвовали собою для уничтоженія польской крамолы въ краѣ и упроченія русской народности. Этотъ приливъ и отливъ русскихъ въ Сѣверо-Западный край ознакомилъ и Россію съ положеніемъ дѣлъ въ той странѣ. Россія наконецъ увидѣла, что пора правительству очнуться и вступиться за права русскихъ въ своихъ Западныхъ окраинахъ.

1863 годъ есть, конечно, одинъ изъ счастливѣйшихъ для Россіи тѣмъ нравственнымъ переворотомъ, который онъ произвелъ, какъ въ неумѣренныхъ либеральныхъ тенденціяхъ, овладѣвшихъ

---

[1]) Необходимо сохранить это слово, какъ выражающее понятіе противуположное законности. Легальность есть то внѣшнее поклоненіе буквѣ закона, которое во всѣхъ подчиненныхъ польской кознѣ обществахъ, выработалось, при вліяніи римскаго и всѣхъ другихъ чуждыхъ правъ, къ ущербу правдѣ, и на ней зиждущейся законности. Легальность въ этомъ смыслѣ также непохожа на законность, какъ право не похоже на правду, и цивилизація на просвѣщеніе, хотя онѣ между собою также близки, какъ внѣшность человѣка къ его внутреннему, какъ оболочка къ внутреннему содержанію. Примѣчаніе А. Рачинскаго.

тогда русскою публикою, такъ въ особенности тѣмъ, что поляки намъ сами открыли своими дѣйствіями всѣ свои давно задуманные замыслы и коварный планъ дѣйствій къ усыпленію нашего правительства и къ отторженію Западныхъ нашихъ губерній отъ кореннаго отечества — великой Россіи.

Нравственное настроеніе населенія Сѣверо-Западнаго края въ началѣ 1863 года было самое враждебное Россіи. Я разумѣю здѣсь такъ называемую польскую интелигенцію, т. е. ксендзовъ и шляхту; даже многіе русскіе помѣщики и чиновники православнаго исповѣданія, издавна водворившіеся въ краѣ, слѣдовали общему стремленію польской пропаганды, такъ что на многихъ изъ нихъ нельзя было полагаться. Замѣчательно, что въ 1862 г., въ числѣ минскаго дворянства, составившаго протоколъ о присоединеніи той губерніи къ Царству Польскому, было нѣсколько русскихъ православныхъ. Съ прискорбіемъ долженъ сказать, что и въ числѣ мятежныхъ шаекъ попадались туземные русскіе православные, которые совсѣмъ уже ополячились.

Грустное это явленіе доказываетъ сколько правительство должно быть осторожно и какъ обдуманно дѣйствовать при водвореніи русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и что необходимо водворять ихъ не отдѣльными., не имѣющими между собою сношеній землевладѣльцами, но, по возможности, группами въ ближайшихъ между собою мѣстностяхъ. Въ противномъ случаѣ мѣры правительственныя къ водворенію русскаго элемента въ краѣ не достигнутъ своей цѣли, какъ это указалъ опытъ—Екатерининскихъ и Александровскихъ водвореній. Вотъ причина почему я въ представленныхъ мною соображеніяхъ преимущественно указывалъ на возможно бо́льшее заселеніе края русскими, въ ближайшихъ между собою мѣстностяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ небольшими участками земли отъ 500 до 1000 десятинъ, дабы въ тѣхъ мѣстностяхъ могло составиться прочное земство съ русскими началами [1]).

---

[1]) Пока не тронуто польское начало участковаго черезполоснаго землевладѣнія у большинства населенія — дробныхъ собственниковъ крестьянъ, — нечего и думать о водвореніи русскихъ бытовыхъ началъ. Всякій рус-

Съ прекращеніемъ вооруженнаго мятежа въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ въ 1863 году, еще съ бо́льшимъ усиліемъ дѣйствовали слѣдственныя коммисіи къ раскрытію тайныхъ заговоровъ польской пропаганды, какъ внутри края, такъ и внѣ онаго, въ Россіи.

Въ 1864 г. были обнаружены уже сношенія польскихъ революціонеровъ съ нашими столицами и открыты глубоко обдуманные замыслы къ ниспроверженію власти нашей въ томъ краѣ; но всего этого не было достаточно, чтобъ заставить главныхъ петербургскихъ правительственныхъ дѣятелей убѣдиться въ необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію польской пропаганды и къ обрусѣнію края. Одинъ Государь и нѣсколько лицъ, упомянутыхъ мною выше, поддерживали принятую мною систему къ утвержденію въ краѣ русской народности. Никакіе доводы, основанные на фактахъ, не были достаточны, чтобы поколебать космополитическія тенденціи Валуева, шефа жандармовъ, кн. Долгорукова, и многихъ иныхъ. Хотя край и смирился по наружности, но бой былъ перенесенъ въ Петербургъ, откуда я съ большимъ трудомъ могъ добиться, чтобы мнѣ выслали нѣсколько лицъ, обличенныхъ въ заговорахъ противъ правительства и составлявшихъ центръ польскихъ кружковъ въ столицѣ. Видимо было, что дальнѣйшее управленіе краемъ становилось невозможнымъ и что надо было поразить враговъ Россіи въ самой столицѣ.

1865 годъ былъ переходный [1]) для ожидаемаго перелома въ управленіи Западнымъ краемъ. Поляки, какъ и всегда, сами помогли правительству нашему. Они радостно бѣсновались, когда я

скій землевладѣлецъ, поселившійся въ средѣ ополяченнаго по быту народа, сдѣлается лишь представителемъ дурной стороны европейской цивилизаціи, которая выразилась у поляковъ въ себялюбивомъ раздѣленіи дробныхъ собственниковъ на враждебныя между собою хозяйственныя единицы. Ergo — и проч.

[1]) А. Киркоръ только въ 1867 году осмѣлился ходатайствовать въ Петербургѣ, въ Мин. Вн. Д., объ изданіи польской на русскомъ языкѣ газеты, съ названіемъ „Переходъ", при чемъ залогъ вносилъ кн. Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ; въ 1869 г., со вступленіемъ Потапова на виленское ген.-губернаторство, Киркоръ безъ перехода, прямо приступилъ къ изданію „Новое Время".

Примѣчанія А. Рачинскаго.

оставлялъ край, и надѣялись, при поддержкѣ петербургскихъ властей, возбудить правительство противу введенной въ краѣ системы управленія, столь добросовѣстно поддерживаемой преемникомъ моимъ, генералъ-адъютантомъ Кауфманомъ. Они надѣлали столько глупостей, выражая въ разныхъ видахъ свои стремленія къ отдѣленію отъ Россіи, что, наконецъ, и самъ Государь убѣдился въ необходимости продолжать введенную систему управленія и распространить оную на Юго-Западный край, куда назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантъ Безакъ.

Система дѣйствій генерала Безака, согласованная съ принятыми уже въ Сѣверо-Западномъ краѣ мѣрами, произвела самые благопріятные результаты [1]). Польскій элементъ сталъ видимо смиряться передъ принятыми правительствомъ рѣшительными мѣрами, въ особенности при введенныхъ вновь мѣроположеніяхъ въ Юго-Западномъ краѣ по устройству быта крестьянъ, соображаясь съ тѣми, которыя были введены во ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ.

Въ исходѣ 1865 года мин. госуд. имущ., ген.-адъют. Зеленой, нашелъ удобнымъ и возможнымъ возобновить сдѣланное мною еще въ 1864 году представленіе объ обязательной продажѣ секвестрованныхъ имѣній и о водвореніи русскихъ землевладѣльцевъ въ краѣ. Государь, столь рѣшительно, неоднократно, отвергавшій эту мѣру въ 1864 году, не только что согласился на оную, но даже утвердилъ, 10-го декабря 1865 года, рѣшительную, весьма полезную мѣру [2]) о воспрещеніи польскимъ землевладѣльцамъ во всемъ Западномъ краѣ продавать свои имѣнія лицамъ польскаго происхожденія.

Государь до такой степени убѣдился въ необходимости водворенія русскаго элемента въ краѣ, что даже 1-го января 1866 года,

---

[1]) Между кіевскимъ и виленскимъ генералъ-губернаторами, въ 1865 и 1866 гг., происходилъ непрерывный обмѣнъ мыслей и предположеній къ соглашенію какъ по частнымъ вопросамъ, такъ и еще болѣе—по коренному вопросу водворенія русскаго землевладѣнія.

[2]) Испорченную въ основаніи тѣмъ, что прибалтійскихъ культуртрегеровъ всемилостивѣйше повелѣно считать равноправными съ нами, лицами русскаго (?) происхожденія. Примѣчанія А. В. Рачинскаго.

въ отвѣтъ на поздравленіе Его Величества съ новымъ годомъ, онъ благодарилъ обоихъ генералъ-губернаторовъ, съ изъясненіемъ своей воли и непреложнаго желанія окончательно обрусить тотъ край.

Такимъ образомъ 1865-й годъ былъ переходный для русскаго дѣла въ Западномъ краѣ, и начинается новая эра болѣе самостоятельныхъ дѣйствій правительства съ цѣлью окончательнаго нравственнаго и политическаго слитія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей.

Въ 1864-мъ году, представляя Государю Императору записку по нѣкоторымъ вопросамъ касательно будущаго устройства Сѣверо-Западнаго края, я съ положительностью и настойчивостью выставилъ необходимость убѣдиться въ томъ, что Сѣверо-Западный край не есть польскій; но что онъ ополяченъ вслѣдствіе ошибокъ нашего правительства. Мысль эта до такой степени была противна взглядамъ нашихъ правительственныхъ лицъ, что въ комитетѣ министровъ бо̀льшая часть членовъ онаго, и самъ предсѣдатель, кн. Гагаринъ, старались оставить оную безъ отвѣта и заключенія, и хотя они согласились на предположенія мои объ устройствѣ русскихъ школъ въ краѣ, объ уничтоженіи польскаго языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, о замѣщеніи польскихъ чиновниковъ, о преграждeніи польской пропаганды, о недозволеніи строить костеловъ и каплицъ и назначать ксендзовъ въ приходы безъ дозволенія главнаго мѣстнаго начальства; но на все это соглашались послѣ большой оппозиціи и преній. Улучшеніе же быта православнаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ и возведеніе церквей породило значительныя возраженія...... и вопросы эти были рѣшены только державною волею Государя. Что же касается мѣроположеній моихъ о продажѣ секвестрованныхъ имѣній, то этотъ вопросъ рѣшительно былъ отвергнутъ, также какъ и объ измѣненіи римскаго конкордата 1847 года, на что намъ давала полное право произнесенная папою бранная алловуція противъ Государя и вообще противъ нашего правительства. Послѣдствія еще лучше выказали тенденціи римскаго двора, и папа въ 1866 году собственною властью выслалъ изъ Рима нашего посланника и все посольство; но, къ сожалѣнію, еще теперь (4-го апрѣля 1866 г.) колеблятся

въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на счетъ измѣненія конкордата [1]).

Что же касается до предположеній моихъ, чтобы и внутри Россіи не занимать полицейскія и почтовыя мѣста польскими чиновниками, а въ министерствахъ не допускать ихъ до болѣе значительныхъ должностей, ибо вліяніе ихъ очевидно вредно для правительства, то на это послѣдовала въ комитетѣ министровъ резолюція: „сообщить министрамъ для соображенія". Эти соображенія, повидимому, продолжаются и донынѣ (4 апрѣля 1866 г.), такъ какъ всѣ болѣе значительныя мѣста, какъ въ Петербургѣ, такъ и внутри Имперіи, заняты поляками.

Независимо отъ сего, я представлялъ и нѣкоторымъ образомъ требовалъ разрѣшенія правительствомъ сдѣланныхъ мною распоряженій по устройству быта крестьянъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ; послѣ весьма продолжительныхъ споровъ и противодѣйствія, наконецъ комитетъ (министровъ) долженъ былъ согласиться со мною и утвердить тѣ мѣроположенія, которыя производили общій крикъ польскихъ владѣльцевъ, желавшихъ удержать полную возможность угнетать крестьянъ, лишивъ ихъ лучшихъ угодій, ибо они вполнѣ чувствовали, что съ совершеннымъ прекращеніемъ вліянія ихъ на крестьянъ, владычество ихъ въ краѣ совершенно прекратится, и сельское населеніе, преданное правительству, всегда будетъ служить оплотомъ противъ стремленій польской пропаганды [2]).

---

[1]) Въ 1868-омъ году колебанія прекратились; кон (?) позднѣе разрушены: церковныя дѣла римскихъ подданныхъ въ Россіи вручены наблюденію Министра Вн. Д., что ставитъ успѣхъ или неуспѣхъ дальнѣйшихъ, непрерываемыхъ наступаній Рима къ Россіи въ зависимость отъ личнаго взгляда сего сановника; послѣ общей полемики отъ расторженія конкордата, виленскіе ксендзы выражали удовольствіе, что догма и канонъ, т. е. внутренняя жизнь римокатоликовъ въ Россіи лучше сохраняется при невѣжествѣ о нихъ новыхъ браздъдержателей.

[2]) Съ 1869 года начались ревностныя старанія Виленскаго генералъ-губернатора, А. Л. Потапова, о возстановленіи посредствомъ вліянія пановъ на крестьянъ, введеніемъ сихъ послѣднихъ въ предѣлы легальнаго по отношенію къ первымъ землевладѣнія. Тутъ-то разъединенная, дробная, участковая, чрезполосная собственность является подспорьемъ для стремленій поляковъ и полякующихъ. Примѣчанія А. В. Рачинскаго.

Хотя такимъ образомъ въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года болѣе или менѣе прошли предложенныя мною мѣры, которыя впрочемъ и до того времени были мною бо́льшею частію приведены уже въ исполненіе, ибо онѣ были неотложно необходимы во время самаго разгара мятежа для укрощенія онаго; но взятое съ правительства какъ бы насильственно согласіе оставило во многихъ правительственныхъ лицахъ враждебное настроеніе къ введенной мною системѣ управленія, и потому я не только не получалъ никакой поддержки изъ Петербурга; но, напротивъ того, употребляемы были всѣ мѣры къ возможному противодѣйствію. Такимъ образомъ прошелъ 1864-й годъ, которымъ я однако же воспользовался, чтобы привести въ исполненіе всѣ испрошенныя мною мѣроположенія.

Сочувствіе и готовность русскихъ людей, прибывшихъ въ край, къ утвержденію въ ономъ русской народности и православія было такъ велико, что я въ продолженіе времени менѣе года успѣлъ утвердить въ краѣ тѣ начала и мѣроположенія, которыя выше прописаны.

Къ началу 1865 года во всѣхъ гимназіяхъ учителя были уже русскіе, такъ что преподаванія польскаго языка въ школахъ уже не было; съ содѣйствіемъ духовенства, мировыхъ посредниковъ учебное вѣдомство открыло повсемѣстно народныя школы, которыхъ было уже болѣе 600. Преподавателями въ нихъ были русскіе семинаристы, коихъ прибыло въ край нѣсколько сотъ изъ внутреннихъ губерній по сношеніямъ моимъ съ епархіальными епископами. Во всѣхъ почти городахъ начали строить на суммы, данныя правительствомъ, и особенно на контрибуціонные деньги, каменныя православныя церкви, также и въ деревняхъ; нѣкоторыя даже въ началѣ 1865 года были освящены. Устроены были церковные совѣты изъ крестьянъ и вообще прихожанъ православныхъ, которые дѣятельно способствовали построенію церквей и деньгами, и работой. Духовенство православное видимо воодушевилось и усердно содѣйствовало. Мною испрошено было оному значительное пособіе по 400,000 рублей въ годъ изъ контрибуціонныхъ суммъ, такъ что всѣ приходскіе сельскіе священники получили ровное содержаніе до 280 руб. сер., а городскіе до 700 руб. Чиновники русскіе всѣхъ вѣдомствъ въ 1864 году

получили уже добавочное жалованье въ 50% изъ контрибуціонныхъ суммъ. Мировымъ посредникамъ также увеличено содержаніе по 500 руб., такъ что всѣ русскіе дѣятели, будучи вполнѣ обезпечены, трудились вѣрою и правдою къ утвержденію русскаго дѣла въ краѣ. . . . .

Графъ Мих. Ник. Муравьевъ.

Кончено къ 4-му апрѣля 1866 года.
С.-Петербургъ.

Макѣевъ.

Въ статьѣ моей объ артистѣ О. А. Петровѣ, помѣщенной въ XI книгѣ „Русской Старины" изд. 1882 г., вмѣсто слова Макаровы слѣдуетъ читать: Макѣевы.

В. Ястребовъ.

Елисаветградъ.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БЕРГЪ.

† 6-го января 1875 г.

I.

У человѣка, многое испытавшаго и видѣвшаго, но по той или другой причинѣ оставившаго оффиціальную дѣятельность, невольно рождается мысль, что подѣлившись своими воспоминаніями, онъ, быть можетъ, принесетъ пользу [1]). Однимъ онѣ послужатъ предостереженіемъ, другимъ дадутъ матеріалъ для разработки той или другой эпохи, для болѣе вѣрной оцѣнки той или другой личности. Подобныя воспоминанія очевидцевъ могутъ быть полезны и для историческаго труда, если онѣ касаются такихъ дѣятелей, общественное и служебное положеніе которыхъ возбуждало въ свое время общее вниманіе. Къ числу подобныхъ дѣятелей принадлежитъ покойный намѣстникъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ.

Едва ли кому извѣстно начало служебной его карьеры, съ тѣми подробностями, какія намъ удалось слышать отъ него лично, тогда же дословно нами записанныя.

---

[1]) Въ помѣщенной въ декабрьской книгѣ „Русской Старины" изд. 1882 г. статьѣ: „Событія въ Варшавѣ въ 1860 и 1861 годахъ", оказались слѣдующія описки: 1) Первые казненные въ Варшавѣ назывались: Жарскій и Кощишевскій, а не Нарскій и Котильшевскій. 2) На стр. 541 слѣдуетъ читать Кининскій, а не Калинскій. 3) На стр. 545, статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго былъ Тымовскій, а не Тымковскій и 4) на страницѣ 569 Савицкій названъ Савинымъ. Кромѣ того, при просмотрѣ г. П*** статьи П. П. Карцова, замѣчены нѣкоторыя неточности, не измѣняющія впрочемъ смысла и содержанія изложеннаго въ статьѣ.

Вотъ что разсказалъ о себѣ гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ:

— «Передъ отечественною войною 1812-го года я былъ на старшемъ курсѣ въ Дерптскомъ университетѣ. Заслышавъ о намѣреніи Наполеона поработить Россію, всѣми нами овладѣлъ воинственный духъ, а потому бо̀льшая часть старшихъ студентовъ оставила университетъ, съ цѣлью поступить въ военную службу. Помню, что съ этимъ намѣреніемъ, вмѣстѣ со мною, отправились въ Ковно человѣкъ десять. Тамъ мы узнали, что армія стягивается къ Вильнѣ, куда ожидали прибытія Барклай-де-Толли, а затѣмъ и Государя. Тѣ, которые были побогаче, отправились въ Петербургъ, для поступленія въ гвардію, я же стремился въ авангардъ, и на послѣдніе гроши, кое какъ, въ жидовскомъ фургонѣ, дотащился до Вильны. Тамъ, расправшивая офицеровъ, которыхъ безцеремонно останавливалъ на улицѣ, я узналъ, что начальникомъ авангарда назначенъ Эссенъ, старинный и близкій знакомый моихъ родителей; и что главная квартира находится въ Слонимѣ. Нанять подводу было не на что; и вотъ я, съ котомкою за плечами, а мѣстами и съ сапогами на палкѣ, босой, пробрался пѣшкомъ до Слонима. Подходя къ нему, меня тревожила мысль, гдѣ преклонить голову и какъ добиться поступленія на службу. На счастье встрѣчаю знакомаго уланскаго офицера, изъ курляндцевъ. Узнавъ меня, онъ былъ пораженъ видомъ обтрепавшагося въ дорогѣ студента, ищущаго пріюта. По его указанію, на другой день, я отправился къ Эссену. Старикъ принялъ меня, сидя въ бѣломъ халатѣ передъ зеркаломъ; камердинеръ завивалъ ему парикъ. Таковъ былъ 70 лѣтній начальникъ авангарда! Спросивъ мою фамилію и откуда я, онъ сказалъ:

— «Хотя я могъ бы теперь отмстить твоей матери, за то что она отказала мнѣ, когда я сваталъ ее, но принимаю тебя. Приходи сегодня обѣдать».

Въ поношеномъ сюртучишкѣ, явился я въ назначенный часъ и, войдя въ столовую, очутился въ большомъ обществѣ. Къ обѣду были приглашены всѣ командиры полковъ, входившихъ въ составъ авангарда. Между ними особенно выдавался князь Васильчиковъ, впослѣдствіи предсѣдатель государственнаго совѣта, въ 1840-хъ годахъ. Помѣстившись на дальнемъ концѣ стола, возлѣ адъютанта изъ остзейцевъ, я сидѣлъ какъ на иголкахъ, но ѣлъ преисправно, потому что отъ самой Ковно питался булкою и двумя кружками пива въ день. Въ серединѣ обѣда Эссенъ обратился къ присутствовавшимъ съ словами:

— Не хочетъ-ли кто изъ васъ, господа, взять къ себѣ вотъ этого рекрута?—и указалъ на меня.

— Дайте его мнѣ—отвѣчалъ Васильчиковъ.

— Нѣтъ; ваши гусары споятъ его, да ему и не по карману;—а затѣмъ, обратясь къ адъютанту, спросилъ:

— Кто у насъ въ передовомъ отрядѣ?

— Калужскій полкъ,—было отвѣтомъ.

— Ну такъ туда и зачислить его,—рѣшилъ старикъ.

Покуда меня обмундировывали, не помню при какой пѣхотной части, я былъ приглашенъ землякомъ-уланомъ жить у него и отъ нечего дѣлать, всякій день, ходилъ въ штабъ отряда помогать писарямъ переписывать бумаги. Вскорѣ штабные замѣтили, что я недурно черчу, доложили Эссену, что было бы полезно удержать меня при штабѣ; онъ согласился и такимъ образомъ, хотя первый надѣтый мною мундиръ былъ калужскій, но долго потомъ мнѣ не довелось видѣть моего полка.

Вскорѣ убѣдились, что Екатерининскій генералъ, съ завитымъ парикомъ, едва имѣвшій силу сидѣть на конѣ, не можетъ быть начальникомъ авангарда. Эссена смѣнили; но чтобы не обижать старика, его назначили генералъ-губернаторомъ Риги. Представьте себѣ мое огорченіе, когда я узналъ, что онъ беретъ меня съ собою. Это было въ началѣ 1812-го года и никому тогда не приходило въ голову, чтобы военныя дѣйствія коснулись Риги. Между тѣмъ, не знаю за какія отличія, а можетъ быть и просто по недостатку офицеровъ, въ началѣ іюня я былъ произведенъ въ прапорщики калужскаго полка. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ непріятельскій отрядъ, подъ начальствомъ прусскаго генерала (кажется Граверта) подошелъ къ Двинѣ и расположился лагеремъ верстахъ въ 12-ти выше города. Не знаю по чьимъ соображеніямъ, но конечно не по инициативѣ генералъ-губернатора, составилось предположеніе атаковать Граверта одновременно съ фронта и съ фланга, со стороны рѣки. Для этого нужно было отыскать бродъ, существовавшій, по словамъ мѣстныхъ жителей, у непріятельскаго лагеря. Порученіе это возложили на меня, какъ знающаго латышскій языкъ. Переодѣтый чухонцемъ, три ночи бродилъ я съ проводникомъ вдоль праваго берега Двины, покуда удалось перейти рѣку у самаго лагеря и убѣдиться въ полной безпечности непріятеля. Въ ночь, назначенную для подхода къ его позиціи, мнѣ было приказано, по отысканному мною броду, провести два баталіона и на разсвѣтѣ, какъ только услышу выстрѣлы съ фронта, броситься на лагерь. Съ замираніемъ сердца, спустился я, въ головѣ колонны, въ воду. Страхъ, что я могу завести отрядъ въ глубину и погубить его, вмѣстѣ съ опасеніемъ, что насъ могутъ замѣтить, овладѣлъ мною. Больше всего злила меня лошадь ѣхавшаго за мною маіора, пробо-

вавшая ржать; я велѣлъ затянуть ей морду поводьями. Къ счастію, время движенія было разсчитано чрезвычайно удачно. Первый пушечный выстрѣлъ наступавшихъ съ фронта раздался въ то время, когда мы поднимались къ лагерю. Безпечность въ немъ простиралась до того, что ближайшіе часовые были заколоты прежде, чѣмъ успѣли выстрѣлить. Съ крикомъ «ура!» бросились два баталіона на палатки.

Въ Ригѣ всѣ знали о предпринятомъ нападеніи и считали, что отъ его исхода зависила участь города. Съ ранняго утра народъ толпами валилъ за заставу, чтобы узнать о результатѣ. Всѣ колокольни, всѣ крыши были покрыты зрителями, слѣдившими за направленіемъ пушечнаго дыма. Какъ только я убѣдился въ побѣдѣ, то понесся къ Ригѣ доложить Эссену объ успѣхѣ аттаки. Я встрѣтилъ его въ трехъ верстахъ отъ заставы, въ великолѣпной коляскѣ, запряженной шестерикомъ.

Разспросивъ меня о происходившемъ, онъ велѣлъ подать дорожный портфель и, не выходя изъ экипажа, принялся писать. Отдавая мнѣ запечатанный конвертъ, генералъ-губернаторъ сказалъ:

— Поѣзжай въ Петербургъ и лично вручи это письмо государю.

Чтобы городская публика не задержала меня разспросами, мнѣ было приказано прямо ѣхать на почту. Не смотря на то, что фельдъегерская тройка въ карьеръ несла меня по улицамъ, я не избѣжалъ оваціи: крики «ура! побѣда!» маханье платками, провожали меня по всему городу.

День и ночь летѣлъ я въ Петербургъ. У нарвской заставы ко мнѣ приставили двухъ казаковъ для конвоированія до дома генералъ-губернатора, которымъ былъ тогда почтенный старикъ Венявитиновъ. Дежурный адъютантъ хотѣлъ взять отъ меня пакетъ, но я не отдалъ, говоря, что мнѣ приказано лично вручить его государю. То же самое пришлось повторить и Венявитинову.

— Ну, мой любезнѣйшій, сказалъ онъ, въ такомъ случаѣ тебѣ придется подождать государя; онъ теперь въ Финляндіи и возвратится дня черезъ два. А такъ какъ въ городѣ распускаютъ разные нелѣпые слухи объ арміи, то мнѣ приказано всѣхъ присылаемыхъ изъ нея не выпускать никуда, до обратнаго отправленія. Поэтому и тебѣ нужно оставаться въ этомъ домѣ до возвращенія императора. Адъютантъ укажетъ тебѣ особую комнату.

Сильно не понравилось мнѣ это любезное арестованіе.

— Помилуйте, отвѣчалъ я, за что же мнѣ быть въ заперти, когда я привезъ извѣстіе о побѣдѣ и мнѣ приказано доставить донесеніе немедленно.

— Какъ о побѣдѣ! вскрикнулъ удивленный Венявитиновъ. Это

первая радостная вѣсть. Я даже боялся спросить о Ригѣ, думая не взята-ли она. Въ такомъ случаѣ не удерживаю. Поѣзжай скорѣй въ Финляндію. Ты вѣроятно застанешь еще государя въ Гельсингфорсѣ.

Вышло иначе. Государь возвращался сутками раньше. На второй станціи отъ Выборга, я встрѣтилъ передоваго фельдъегеря. Онъ объявилъ, что его величество въ нѣсколькихъ верстахъ за нимъ и совѣтывалъ мнѣ лучше дожидать на станціи. Черезъ нѣсколько минутъ коляска императора остановилась у крыльца. Онъ вышелъ изъ нея вмѣстѣ съ княземъ П. М. Волконскимъ. Послѣдній, проходя мимо меня, спросилъ: вы откуда? и какъ только услышалъ, что изъ Риги, отъ Эссена, то вырвавъ у меня пакетъ, пошелъ за государемъ, въ комнату налѣво. Между тѣмъ подлетѣли другіе экипажи и я моментально былъ затертъ лицами свиты, вмѣстѣ съ которою, самъ не знаю какъ, очутился въ комнатѣ, изъ сѣней на право, гдѣ и прижался у окна. Никто не обращалъ на меня вниманія. Черезъ отворенныя изъ сѣней двери обѣихъ комнатъ было видно, какъ государь, сидя у стола, внимательно читалъ письмо Эссена, при чемъ два раза перекрестился. Затѣмъ князь Волконскій, войдя въ комнату, гдѣ была свита, громко сказалъ: «прапорщикъ Бергъ къ Государю!» Я пошелъ за нимъ; его величество, увидя мою совершенно статскую фигуру, улыбнулся и говоритъ:

— «Эссенъ пишетъ, что вы вели обходную колонну и можете передать подробности дѣла».

— Могу, ваше величество, отвѣчалъ я.

По моему выговору, вѣроятно, было замѣтно, что я плохо говорю по русски, такъ какъ государь спросилъ:

— «Какъ вамъ легче объясняться, по французски, или по нѣмецки?»

Смекнувъ, что толковое объясненіе на нѣмецкомъ языкѣ не будетъ вмѣнено нѣмцу въ достоинство, я отвѣтилъ, что мнѣ удобнѣе говорить по французски.

— «Вотъ какъ! замѣтилъ государь, ну такъ разсказывайте».

— Дайте мнѣ карандашъ и бумагу,—обратился я къ Волконскому.

Его передернуло, но всетаки онъ подалъ мнѣ то и другое.

Набрасывая кроки мѣстности, я въ то же время объяснялъ ходъ боя и когда кончилъ, то государь сказалъ:

— «Хорошо, ступайте!»

Уходя на прежнее мѣсто, къ окну правой комнаты, я ясно слышалъ обращенныя къ Волконскому слова его величества:

— «Бойкій юноша, изъ него будетъ толкъ. Перевести его за отличіе въ литовскій полкъ».

Кто-то изъ стоявшихъ возлѣ меня лицъ свиты, полагая, что я

понимаю, что такое литовскій полкъ и гдѣ онъ, обратился ко мнѣ съ словами:

— Поздравляю васъ, прапорщикъ, гвардейскимъ офицеромъ.

— Какъ гвардейскимъ! почти закричалъ я, я не хочу въ гвардію, она всегда въ резервѣ, а я желаю быть въ дѣлахъ. Для того я и бросилъ университетъ, чтобы служить въ авангардахъ.

Всѣ засмѣялись и было слышно, какъ государь, улыбаясь, говорилъ Волконскому:

— «Слышишь, отказывается! спроси его чего онъ желаетъ?»

Волконскій, съ досадой на лицѣ, подошелъ ко мнѣ съ словами:

— Какъ вы смѣете отказываться отъ гвардейскаго мундира! Это дерзость! Извольте же говорить, чего вы хотите?

— Хочу въ колоновожатые, было моимъ отвѣтомъ.

Если бы въ ту минуту я понималъ, что колоновожатые, какъ офицеры генеральнаго штаба, состоятъ въ вѣдѣніи Волконскаго, то конечно не посмѣлъ бы высказать такъ просто и откровенно моего желанія.

Вновь возвратясь изъ комнаты, гдѣ былъ государь, князь продолжалъ:

— Извольте, вы будете зачислены въ колоновожатые. Черезъ три дня явитесь ко мнѣ для отправленія въ Петрозаводскъ, гдѣ вы будете состоять при генералѣ, формирующемъ резервы.

Какъ ни былъ я неопытенъ, все-таки понялъ, что Петрозаводскъ не Вильна и что меня наказываютъ за мою смѣлость. Но объясняться было некогда, такъ какъ государь выходилъ уже, чтобы сѣсть въ коляску. Все кинулось за нимъ и я остался на крыльцѣ одинъ, ошеломленный, не зная, что дѣлать.

Возвратясь въ Петербургъ, являюсь прямо къ генералъ-губернатору и, со слезами на глазахъ, умоляю его помочь моему горю. Старикъ съ участіемъ отнесся къ моему положенію.

— Скверно, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,—очень плохо! Волконскій не проститъ вамъ, что помимо его желанія попали въ генеральный штабъ; не нюхать вамъ пороха во всю войну!

Я заплакалъ.

— Вотъ какъ я могу помочь вамъ,—продолжалъ Вязмитиновъ.— Такъ какъ я не получалъ еще отъ Волконскаго увѣдомленія объ отправленіи васъ въ Петрозаводскъ, то вы мнѣ ничего объ этомъ не говорили. Понимаете? Но я имѣю повелѣніе не задерживать курьеровъ изъ арміи и немедленно возвращать ихъ, какъ только будутъ экстренныя депеши. Приготовьтесь; черезъ часъ вы отправитесь къ Барклай-де-Толли.

Я едва не бросился Вязмитинову на шею, какъ къ моему спасителю. Черезъ часъ я уже летѣлъ по смоленскому тракту, а Волконскій, при суетѣ того времени, вѣроятно и забылъ о мнѣ.

Спустя три года, я возвратился изъ Парижа, въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, но затѣмъ долго не имѣлъ повышеній. До генеральскаго чина Волконскій не только никогда не говорилъ со мною, но даже не замѣчалъ меня. Только послѣ аральской экспедиціи, когда я являлся ему, онъ принялъ меня довольно ласково, и съ тѣхъ поръ, не могу жаловаться, князь сдѣлался внимателенъ къ моей службѣ.

Вотъ вамъ разсказъ о томъ, почему я нѣсколько минутъ могъ считаться офицеромъ Литовскаго полка и почему теперь (въ 1865 г.) Государю угодно было пожаловать мнѣ мундиръ этого полка».

Приведенный разсказъ графа Берга происходилъ во время поѣздки его со мною изъ Эйдкунена на прусскій конскій заводъ, находящійся въ 70 верстахъ отъ этого города. Это было вызвано случайностью. При поѣздкахъ Государя Александра II заграницу, во время происходившихъ въ Польшѣ безпорядковъ, и при возвращеніи его, обыкновенно посылали изъ Варшавы въ Эйдкуненъ или въ Ландворово роту одного изъ полковъ 3-й гвардейской дивизіи. Рота эта сопровождала намѣстника до Эйдкунена и потомъ конвоировала царскій поѣздъ до Ландворова. Такъ было и въ іюлѣ мѣсяцѣ 1865 года. По прибытіи въ Вержболово, мы узнали, что возвращеніе Его Величества отложено, а потому графу Бергу пришлось пробыть тамъ три дня. Чтобы чѣмъ либо развлечь себя, онъ придумалъ поѣздку на конскій заводъ, пригласивъ и меня съ собою.

II.

Кто долго служилъ при графѣ Бергѣ, тотъ долженъ былъ убѣдиться, что если покойный фельдмаршалъ замѣчалъ человѣка способнаго, то, подъ видомъ особеннаго къ нему вниманія, заваливалъ его работою и порученіями, не относящимися къ его прямымъ обязанностямъ. Въ подобномъ случаѣ намѣстникъ не стѣснялся отдавать избранному видимое предпочтеніе даже передъ старшими его начальниками, что нерѣдко ставило временно ласкаемаго въ неловкое положеніе и надѣляло его завистниками. На всякаго работавшаго для него Бергъ смотрѣлъ какъ на матеріалъ, какъ на силу, которую стоило беречь, покуда эта сила пригодна для его цѣли. Подчинен-

ный дѣлецъ былъ въ его глазахъ нѣчто въ родѣ лимона, годнаго только до тѣхъ поръ, покуда изъ него не выжать сокъ; разъ же это сдѣлано, лимонъ слѣдуетъ бросить. Подъ давленіемъ подобнаго взгляда, много лицъ, несомнѣнно полезныхъ для русскаго дѣла въ Польшѣ, было удалено только потому, что они твердо стояли за это дѣло и не мѣняли своихъ убѣжденій въ угоду графу. Бездарныхъ и мало къ чему способныхъ онъ оставлялъ въ покоѣ и даже награждалъ за покорность тому направленію мѣстной политики, которая очень часто мѣнялась начальникомъ края. Были и такіе примѣры, что личности, уличенной въ явномъ переходѣ къ партіи, не симпатизировавшей его направленію, онъ продолжалъ покровительствовать, потому что опасался подобной личности, или для того, чтобы говорили, что онъ платитъ добромъ за зло.

Для доказательства того, какъ быстро мѣнялась система управленія послѣдняго намѣстника въ Царствѣ, коснемся того времени, когда графъ Бергъ вступилъ въ эту должность, и прослѣдимъ за первыми тремя годами ея направленія, сохраняя при этомъ полное безпристрастіе и излагая одни факты.

Назначеніе графа Берга, въ мартѣ 1863 года, помощникомъ главнокомандующаго и намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, было принято войсками сочувственно. Сочувствіе происходило не оттого, чтобы войска знали графа, но оттого, что его назначеніе избавляло ихъ отъ другаго кандидата на ту же должность, графа Сумарокова, котораго молва сулила Варшавѣ. Сумароковъ писалъ коменданту князю Бебутову о приготовленіи ему квартиры. Въ войскахъ еще помнили то время, когда онъ временно начальствовалъ ими, при чемъ обнаруживалъ явное расположеніе къ панамъ и шляхтѣ и всегда держалъ ихъ сторону. Кромѣ того, до Варшавы дошли слухи, будто Сумароковъ говорилъ въ Петербургѣ, что для прекращенія возстанія и успокоенія края нужно прежде всего срыть цитадель и уничтожить памятникъ на Саксонской площади, поставленный въ честь «павшихъ за вѣрность своему Государю». И это говорилось въ то время, когда поляки, по ночамъ, нападали на спящія роты и среди дня, изъ-за угла, убивали русскихъ.

Положеніе графа Берга, какъ помощника главнокомандующаго, было вполнѣ пассивное. Присутствуя при докладахъ, онъ ко всему прислушивался, но рѣдко высказывался. Но вотъ фактъ, характеризующій его взглядъ, какъ военнаго. Возвратившійся изъ экспедиціи генералъ докладывалъ намѣстнику о ея результатѣ, въ присутствіи графа Берга и между прочимъ сказалъ, что не могъ продолжать преслѣдованія разбитой банды, потому что имѣлъ предписаніе своего

начальника, барона Корфа, возвратиться въ Варшаву къ назначенному дню католическаго праздника Божьяго Тѣла. Графъ Бергъ, отозвавъ генерала въ сторону, сказалъ ему:

— Знаете-ли, генералъ, я вамъ совѣтую никогда въ военное время не руководствоваться тѣми предписаніями, которыя пишутся не на бивакѣ, а въ штабѣ. Какъ бы ни казались онѣ умными въ кабинетѣ, въ полѣ очень часто выходятъ глупыми. Въ 1825 году я былъ начальникомъ экспедиціи къ Аральскому морю. Мнѣ надавали въ Оренбургѣ массу инструкцій и предписаній. Но когда въ степи оказалось, что ни одного изъ нихъ нельзя исполнить, не нарушая здраваго смысла, то я ихъ спряталъ въ чемоданъ и сталъ дѣйствовать по личному усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами. По возвращеніи изъ экспедиціи я былъ произведенъ за отличіе въ слѣдующій чинъ.

Кто-то разъ спросилъ графа, почему онъ, при громадности своихъ занятій, не проситъ себѣ помощника? Онъ отвѣтилъ:

— Какъ бы вамъ ни было трудно, никогда не просите себѣ помощника. Назначеніе помощника равносильно приказанію укладывать чемоданы.

Отъѣздъ великаго князя Константина Николаевича изъ Варшавы совершился въ то время, когда поляки, видя невозможность бороться бандами, перемѣнили способъ своихъ дѣйствій. Ихъ революціонная дѣятельность приняла характеръ убійствъ изъ-за угла, совершаемыхъ организованною партіею кинжалистовъ и жандармовъ-вѣшателей. Докторъ Мессершмидтъ раненъ на Маршалковской улицѣ; возлѣ университета убитъ полиціантъ, другой раненъ на Медовой, а на Краковскомъ предмѣстьѣ полковникъ К....; иностранецъ Германъ заколотъ въ Европейской гостинницѣ; на генерала Трепова сдѣлано нападеніе возлѣ управленія оберъ-полиціймейстера. Наконецъ, 7-го сентября, графъ Бергъ на себѣ испыталъ новую систему поляковъ продолжать возстаніе. Покушеніе на него, сдѣланное изъ дома Замойскаго, изображено кистью художника Шарльмана на картинѣ, поднесенной графу военнымъ обществомъ. Эта картина не вполнѣ вѣрна истинѣ.

При взрывѣ первыхъ брошенныхъ бомбъ, графъ, сидѣвшій въ коляскѣ, вскочилъ и схватился рукою за плечо кучера, останавливавшаго испугавшихся лошадей, а сидѣвшій рядомъ адъютантъ выскочилъ изъ экипажа и уже тогда получалъ приказаніе взять конвойныхъ и не выпускать никого изъ дома, до прихода войскъ. Художникъ такъ и представилъ эту сцену на эскизѣ, но графъ приказалъ измѣнить. Вышло невѣрно; да и неестественно, чтобы кто либо, при всей своей личной храбрости, во время неожиданныхъ вокругъ его

взрывовъ, не приподнялся въ экипажѣ, а оставался бы въ позѣ человѣка, катающагося по улицѣ. Истина нисколько не уменьшила бы вѣры въ извѣстную личную храбрость графа, доказанную Остроленкой и Волей.

Послѣ этого событія, Бергъ круто измѣнилъ систему дѣйствій противъ мятежниковъ. Всѣ пойманные и уличенные въ намѣреніи совершить убійство были одновременно повѣшаны, въ числѣ 7-хъ, на различныхъ площадяхъ Варшавы; въ слѣдственныхъ и военно-судныхъ коммисіяхъ энергически принялись за раскрытіе преступленій; начальникамъ военныхъ отдѣловъ въ губерніяхъ приказано за малѣйшее нарушеніе правилъ военнаго положенія накладывать чувствительные денежные штрафы. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что къ ноябрю 1865 года уличныя убійства прекратились, бандъ больше не было, исчезли жандармы-вѣшатели и все, по крайней мѣрѣ по наружности, приняло покорный властямъ порядокъ.

Но подобная энергія намѣстника, по преслѣдованію виновныхъ и по возстановленію русскаго вліянія, продолжалась не долго. Въ половинѣ 1866 г. уже начало замѣчаться ослабленіе необходимыхъ мѣръ и переходъ на польскую сторону. Графъ Замойскій, по ходатайству намѣстника, возвращенъ изъ ссылки; помѣщикъ Родванъ, терзавшій крестьянъ за то, что они были проводниками войскъ, приговоренный судомъ къ смертной казни, водворенъ въ своемъ имѣніи, подъ надзоръ полиціи. Князь Черкасскій предварялъ начальниковъ отдѣловъ, что намѣстникъ недоволенъ ими, за то, что они строги съ ксендзами, хотя эта строгость была основана на утвержденной всего годъ назадъ инструкціи. Вскорѣ сдѣлалось яснымъ, что мѣстная политика обращается въ двуличную. Поляки тотчасъ смекнули это. Они начали давать обѣды въ честь намѣстника и графъ принималъ приглашенія, несмотря на то, что кромѣ его съ адъютантомъ и двухъ-трехъ полу-польскихъ генераловъ, никто изъ русскихъ приглашаемъ не былъ. Русское общество очень хорошо сознавало, что это дѣлалось для того, чтобы написать въ Петербургъ, что примиреніе совершилось и все обстоитъ благополучно. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить напримѣръ устройство, президентомъ города г. Витковскимъ, бала наканунѣ новаго года и разыгранной на этомъ балѣ комедіи. Происшествіе это заслуживаетъ подробнаго описанія.

Изъ подожженной поляками ратуши, осенью президентъ переселился въ великолѣпный намѣстниковскій палацъ, гдѣ для охраны его помѣщены были двѣ роты, отданныя въ полное распоряженіе Витковскаго. За три дня до бала разнеслась молва, что палацъ будетъ сожженъ, а потому мало кто вѣрилъ, чтобы затѣя Витковскаго

осуществилась, но все таки въ русскомъ обществѣ было условлено непремѣнно быть на балѣ и тѣмъ доказать, что оно не боится ни угрозъ, ни стращаній.

31-го декабря, съ утра, палацъ окружили полиціантами и несмотря на это, въ сумерки, были подожжены деревянныя лѣстницы флигелей, но благодаря распорядительности нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ, поджогъ былъ потушенъ въ самомъ началѣ. Съ 10-ти часовъ залы стали наполняться всевозможнымъ сбродомъ, созваннымъ Витковскимъ изъ мастерскихъ и магазиновъ Варшавы. Вмѣсто пановъ-помѣщиковъ и польскихъ обывателей изъ дворянъ, мы встрѣчали тамъ каретниковъ и сапожниковъ. Вокругъ стѣнъ сидѣли разныя Ривки и Руфки, въ рогатыхъ чепцахъ, поверхъ париковъ и черныхъ засаленныхъ шапочекъ.

Разъ что балъ былъ принятъ намѣстникомъ, немногочисленному русскому обществу, скрѣпя сердце, пришлось поддержать его.......

Долго ждали намѣстника; только около 12-ти часовъ гр. Бергъ вошелъ въ аванзалъ, окруженный небольшою свитою, въ которой были и два флигель-адъютанта. Витковскій встрѣтилъ его сіятельство и поднесъ отъ города адресъ. Въ немъ говорилось, что граждане Варшавы просятъ намѣстника засвидѣтельствовать Государю о ихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и вслѣдъ затѣмъ сказалъ рѣчь на польскомъ языкѣ. Гр. Бергъ не только допустилъ это, но отвѣчалъ русскому генералу по французски. Интересно и то, что президента и намѣстника, во время ихъ рѣчей, окружали человѣкъ 40 видныхъ молодыхъ людей, однообразно одѣтыхъ въ черные фраки и бѣлые галстуки. Эти мнимые паны низко кланялись при всякомъ поклонѣ президента и видимо ни слова не понимали изъ того, что говорилъ онъ. Оказалось, что это были переодѣтые полиціанты. Обойдя залы, намѣстникъ уѣхалъ.

Комедія кончилась ужиномъ, во время котораго, собранная Витковскимъ публика, въ благодарность за то, что онъ кормитъ ее, при крикахъ «кохаемся» (да любимъ другъ друга) провозглашала тосты за русскихъ. На другой день, молодаго русскаго чиновника, за то что онъ отказался брататься съ подошедшимъ къ нему подпившимъ мастеровымъ-полякомъ, гр. Бергъ приказалъ выслать изъ Варшавы.

Вообще по части баловъ какъ-то не счастливилось гр. Бергу. При возвращеніи Государя въ 1867 году, съ парижской выставки, русское общество давало ему балъ въ своемъ клубѣ. Намѣстнику вновь захотѣлось показать, что поляки измѣнились, что всякая вражда ихъ къ русскимъ исчезла и что они составляютъ съ нами одно общество, одинаково преданное своему Государю. Съ этою цѣлью графъ

выразилъ желаніе, чтобы на балъ было приглашено до 100 польскихъ семействъ. Старшины клуба заявили, что они не могутъ взять на себя приглашеніе, потому что вовсе не знаютъ лицъ, помѣщенныхъ намѣстникомъ въ присланный имъ списокъ, а приглашать незнакомыхъ считаютъ неудобнымъ. Графъ разсердился. Разными путями хотѣлъ онъ склонить старшинъ и вліятельныхъ членовъ клуба согласиться на его предложеніе. Для этого онъ требовалъ ихъ поодиночкѣ къ себѣ, уговаривалъ, убѣждалъ, но достигъ лишь того, что на созванномъ экстренномъ собраніи старшинъ, было рѣшено: послать намѣстнику не сто, а 40 чистыхъ билетовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ адресовалъ и разослалъ ихъ кому желаетъ.

Не смотря на столь явный протестъ, приглашеніе состоялось. Нѣкоторые изъ званныхъ явились, въ томъ числѣ и извѣстная графиня Потоцкая, но всѣмъ имъ пришлось быть не совсѣмъ въ пріятномъ положеніи, такъ какъ никто изъ старшинъ и хозяевъ бала не занимался ими. Государь, вскорѣ по прибытіи, совершенно случайно узналъ, что все доложенное ему о прекращеніи вражды поляковъ къ русскимъ несправедливо. Раскрылось это слѣдующимъ образомъ.

Увидя одну изъ лично извѣстныхъ ему русскихъ дамъ, его величество, подходя къ ней, сказалъ:

— «Мнѣ пріятно возобновить наше знакомство; я помню нашу первую встрѣчу, нѣсколько лѣтъ назадъ, на балѣ во Псковѣ».

— Весьма счастлива, Государь, что вамъ угодно было вспомнить объ этомъ.

— «Вы не живете въ Варшавѣ; скажите, какъ же вы проводите время въ провинціальномъ городѣ?»

— Сколько возможно стараемся разнообразить его въ кругу нашей военной семьи.

— «Но, вѣроятно, теперь вы уже познакомились съ польскими помѣщиками, бываете у нихъ и они у васъ?» спросилъ Государь.

— Нѣтъ, Ваше Величество! Это для насъ, несмотря на всѣ попытки, рѣшительно невозможно,—отвѣчала дама.

— «Почему же? Мнѣ доложено, что все отдѣлявшее русское общество отъ польскаго кончилось и что поляки видимо ищутъ сліянія».

— Это не вѣрно, Государь, и вотъ доказательство,—продолжала дама. Въ нашемъ городѣ существуетъ клубъ. Было рѣшено встрѣтить новый годъ вмѣстѣ, на балѣ, къ участію въ которомъ были приглашены и польскія дамы, но ни одна не пріѣхала.

— «Однако я вижу здѣсь нѣсколько извѣстныхъ польскихъ фамилій,—замѣтилъ Государь».

— Онѣ не заявляли желанія быть здѣсь, Ваше Величество, а приглашены намѣстникомъ.

— «Это другое дѣло; теперь я понимаю это примиреніе, — было отвѣтомъ Государя».

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другое.

Желаніе выставить все въ благопріятномъ для поляковъ видѣ и скрыть дѣйствительное ихъ настроеніе доходило до того, что графъ часто увѣрялъ очевидцевъ въ противномъ тому, что происходило передъ ихъ глазами.

III.

Въ 1870 году, въ концѣ іюня, Государя ожидали въ Варшаву, по случаю открытія памятника фельдмаршалу Паскевичу. Все тотъ же Витковскій подбилъ графа Берга просить Его Величество принять балъ отъ жителей Варшавы. Сначала послѣдовало соизволеніе на принятіе бала. Между тѣмъ всѣ мало-мальски вліятельныя польскія фамиліи, заслыша о подпискѣ на балъ, поспѣшили уѣхать въ свои помѣстья. Другіе были до того дерзки, что вмѣстѣ съ прошеніемъ объ увольненіи за-границу, присылали, кто 5, кто 10 руб., для включенія ихъ въ число подписавшихся на балъ, отъ котораго уѣзжали. Чтобы какъ нибудь собрать необходимую сумму, Витковскій допустилъ къ подпискѣ всѣ сословія и въ ратушу толпами повалили евреи и ремесленники, внося по злотому (15 коп.). Подобная вещь не могла не оскорбить русское общество, что сдѣлалось извѣстнымъ въ Эмсѣ, равно какъ и то, что для встрѣчи Государя строится на Іерусалимской аллеѣ тріумфальная арка. Черезъ нѣсколько дней получена была депеша, что Его Величество не принимаетъ бала и не желаетъ видѣть арку, а вслѣдъ за этимъ возвратился изъ Эмса офицеръ, посланный туда за приказаніями относительно предстоявшихъ смотровъ и маневровъ.

— Ну что говорятъ въ Эмсѣ? спросилъ графъ возвратившагося.

— Больше все разспрашивали, ваше сіятельство, о готовящемся балѣ и о постройкѣ тріумфальной арки,—отвѣчалъ командированный.

— Какой арки?—воскликнулъ Бергъ.—О какой аркѣ вы говорите? Все это сплетни, никакой арки не было и не будетъ!

Дѣйствительно, недостроенная арка была сломана въ одну ночь по полученіи депеши; но какъ же увѣрять, что ея не было, того, кто вмѣстѣ съ графомъ не разъ проѣзжалъ тамъ, гдѣ она строилась.

Во время рѣдко даваемыхъ обѣдовъ и еще болѣе рѣдкихъ баловъ,

равно какъ и при оффиціальныхъ пріемахъ, намѣстникъ оказывалъ потомъ особенное вниманіе къ полякамъ, въ явный ущербъ того, что слѣдовало бы оказывать многимъ заслуженнымъ русскимъ. Приведу для примѣра эпизодъ, случившійся съ генералъ-адъютантомъ Паткулемъ. На большомъ обѣдѣ въ за̀мкѣ его посадили ниже какого-то неимѣющаго чина поляка. Паткуля это взбѣсило; онъ подозвалъ къ себѣ распоряжавшагося размѣщеніемъ приглашенныхъ адъютанта и громко сказалъ ему:

— Доложите намѣстнику, что вы не имѣете понятія о приличіи. Какъ вы могли, въ день имянинъ Государя, посадить его генералъ-адъютанта ниже этой польской обезьяны.

Сряду послѣ обѣда, съ тѣмъ же Паткулемъ произошелъ такой случай. Бельгійскій консулъ, богатый еврей Лессеръ, онъ же и содержатель посуднаго магазина на Банковой площади, обратился къ князю Черкасскому съ просьбою познакомить его съ Паткулемъ.

— Напрасно трудитесь, князь, представлять его, я уже покупалъ у этого господина кострюли,—отвѣтилъ раздраженный передъ обѣдомъ Паткуль.

Съ 1868 года потворство полякамъ дошло до того, что многіе изъ полезныхъ русскихъ дѣятелей, вслѣдствіе невозможности бороться съ интригами, гнѣздившимися въ за̀мкѣ, оставили Варшаву. Во всѣхъ вѣдомствахъ обнаруживались продѣлки, клонившіяся къ явному ущербу казны и русскихъ интересовъ. Ложные доносы, сплетни, іезуитскія продѣлки ксендзовъ,— все это начало снова практиковаться въ видѣ заслуги передъ «отчизной». Особенно отличалось этимъ почтовое вѣдомство, управляющій которымъ, Фетистовъ, въ 1869 году, открылъ правильно организованную шайку мелкихъ чиновниковъ, вскрывавшихъ и прочитывавшихъ секретныя бумаги и частныя письма русскихъ, выписки изъ которыхъ, невѣдомымъ путемъ, попадали то въ замокъ, то въ заграничныя газеты. Все это подтвердилось разслѣдованіемъ; но когда Фетистовъ настаивалъ о преданіи виновныхъ суду, то намѣстникъ ограничился переводомъ ихъ въ другіе города, а Фетистову было предложено перейти на службу въ Россію.

Подобная система управленія только что усмиреннымъ краемъ тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что рядомъ въ Литвѣ не было и тѣни послабленій. Не смотря на это, число подвергшихся смертной казни, по конфирмаціямъ Муравьева, было меньше, чѣмъ въ Польшѣ. Приведемъ случай, лучше всего проводящій параллель между двумя дѣятелями западныхъ окраинъ.

Выше было упомянуто о проѣздѣ въ 1864 г. Государя изъ за границы черезъ Вержболово, куда выѣзжалъ для встрѣчи его вели-

чества графъ Бергъ, съ ротою почетнаго караула. Государю угодно было приказать ему и пишущему эти воспоминанія ѣхать съ царскимъ поѣздомъ въ Вильно, для присутствія на смотру. Это обстоятельство доставило намъ случай видѣть тамъ Берга и Муравьева вмѣстѣ. По пріѣздѣ въ Вильно, болѣе всего поражало полное невниманіе къ намѣстнику Царства. Не смотря на то, что о его пріѣздѣ въ одномъ поѣздѣ съ Государемъ было телеграфировано впередъ, никто не позаботился ни объ экипажѣ для него, ни о его квартирѣ. Если бы то и другое не было предложено ему однимъ изъ знакомыхъ генераловъ, то намѣстнику Царства пришлось бы ночевать въ вокзалѣ, куда прибыли около полуночи.

На другой день, въ 7 часовъ утра, мы отправились во дворецъ, прямо на половину Государя. Въ пріемной комнатѣ находилось нѣсколько лицъ свиты и прусскій военный агентъ генералъ Лоонъ. Вошедшій вслѣдъ за нами Муравьевъ, взявъ графа Берга подъ руку, провелъ его въ слѣдующій залъ. Намъ было видно, какъ они тамъ очень дружески о чемъ то толковали.

— Посмотрите, сказалъ Лоонъ, обращаясь ко мнѣ,—какъ они воркуютъ точно голубки, а между тѣмъ кому же неизвѣстно, что они ненавидятъ другъ друга.

Мнѣ показалось досаднымъ такое замѣчаніе иностранца и я отвѣтилъ:

— Это случается, генералъ, не только между отдѣльными лицами, но и между цѣлыми націями.

По окончаніи смотра, въ 10 часовъ утра, Государь былъ уже въ вокзалѣ, чтобы ѣхать далѣе. Громадное сборище военныхъ и гражданскихъ чиновъ стояло передъ царскимъ поѣздомъ. Его величество стоялъ на открытой, изящной платформѣ, а передъ нимъ, на приставной, устланной краснымъ сукномъ, лѣсенкѣ, стояли два его представителя, державшіе въ своихъ рукахъ бразды правленія Литвы и Польши. Это были низенькій и толстый Муравьевъ и высокій, сухой Бергъ. Передъ отходомъ поѣзда Муравьевъ мигнулъ стоявшему вдали полковнику; тотъ какъ пуля очутился возлѣ него, и получилъ такое приказаніе:

— Велите приготовить комнату, я буду здѣсь завтракать съ графомъ Бергомъ.

По отъѣздѣ Государя, никто не разъѣзжался; на вопросъ, почему всѣ остаются въ вокзалѣ? намъ отвѣчено: какъ же можно уѣхать, когда начальникъ края еще здѣсь?

Черезъ нѣсколько минутъ, ко мнѣ подошелъ полицеймейстеръ, говоря, что начальникъ края проситъ меня съ нимъ завтракать.

Въ небольшой, смежной съ общей залой, комнатѣ, сидѣли: графъ Бергъ, Муравьевъ, его начальникъ штаба, и еще два незнакомыхъ мнѣ лица, помню только, что было шесть. Когда всѣ заняли мѣста, между намѣстникомъ и Муравьевымъ начался слѣдующій разговоръ:

— Такъ-то, графъ, говорилъ Муравьевъ, трогая рукою Берга,—все-таки пришлось взяться за насъ стариковъ, а вѣдь мы Бородино помнимъ.

— Да, правда, правда! отвѣтилъ графъ. Только жаль, что государь приказалъ опять отдѣлить отъ васъ Августовскую губернію къ Царству Польскому. У васъ въ ней все устроено, а мнѣ придется назначать новыхъ уѣздныхъ начальниковъ, передвигать войска.

— И у васъ пойдетъ все какъ слѣдуетъ, да и труда-то тамъ предстоитъ не много, потому что пановъ я поубралъ, осталось человѣкъ 5 или 6, небольше, отвѣтилъ Муравьевъ.

— Ну, а какъ духовенство? спросилъ Бергъ.

Муравьевъ очень хорошо зналъ, что августовскій епископъ, графъ С...., жившій въ Сейнахъ, товарищъ графа Берга, по дерптскому университету, и что они въ постоянной перепискѣ.

— Да духовенство, отвѣчалъ онъ, тоже сидитъ смирно; молодыхъ, т. е. охотниковъ до политическихъ проповѣдей, я повывелъ, остались пожилые, но и имъ конечно вѣрить не слѣдуетъ. Впрочемъ, въ августовской губерніи остался одинъ порядочный плутъ—это сейнскій епископъ. Вообразите какую онъ на дняхъ выкинулъ штуку: пишетъ мнѣ, чтобы я позволилъ ему пріѣхать въ Вильну, лично выразить Государю свои вѣрноподданническія чувства. Каковъ! Мнѣ-то онъ смѣетъ говорить о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Я и отвѣтилъ ему надписью на томъ же письмѣ: «Сиди въ Сейнахъ, покуда цѣлъ».

Можно себѣ представить каково было Бергу выслушивать подобное о своемъ пріятелѣ и притворяться равнодушнымъ. Но этимъ не кончилось. Въ перемежку съ любезностями, разговоръ коснулся Варшавы.

— Теперь, Михаилъ Николаевичъ, говорилъ Бергъ, вы должны отдать мнѣ визитъ, пріѣхать въ Варшаву.

— О, непремѣнно, отвѣчалъ Муравьевъ, мнѣ крайне интересно взглянуть на нее. Говорятъ вы тамъ чудеса натворили, украсили городъ и веселите общество.

— Я угостилъ бы васъ прекрасной французской труппой, выписанной на лѣто изъ Парижа.

— Французской? А русская-то есть у васъ?

— Это трудно, — нѣсколько смѣшавшись продолжалъ графъ Бергъ, — хорошихъ русскихъ актеровъ такъ мало; впрочемъ у насъ бываютъ очень удачные спектакли любителей.

— А по-моему,—возразилъ Муравьевъ,—ужъ если выписывать, такъ лучше бы русскихъ. Имъ бы не грѣхъ было заплатить и вдвое, чѣмъ потѣшать поляковъ французами.

Послѣ этого разговоръ видимо не вязался. Желая поддержать его и перевести на другое, графъ началъ такъ:

— Передъ выѣздомъ, я былъ порадованъ фактомъ, доказывающимъ, какіе встрѣчаются въ нашей арміи прекрасные и распорядительные офицеры. Простой армейскій подпоручикъ, въ калишскомъ отдѣлѣ, поймалъ важнаго политическаго преступника, котораго розыскивали болѣе года. Этому офицеру приказано было наблюдать за сосѣднимъ монастыремъ. Гуляя, онъ замѣтилъ, что тамъ трубочистъ всякій день чиститъ одну и ту же трубу. Оказалось, что это переодѣтый монахъ, опускающій на веревкѣ пищу преступнику, скрытому въ кельѣ, дверь въ которую замуравлена. Я представилъ его въ поручики.

— А преступника? спросилъ Муравьевъ.

— Его, конечно, будутъ судить.

— И дѣло затянется, продолжалъ Муравьевъ, а тутъ пойдутъ запросы, просьбы о помилованіи. По-моему, графъ, если человѣкъ несомнѣнно стóитъ веревки, такъ и вздернуть его поскорѣй; оно и короче, и назидательнѣе для подражателей. Но скажите, что же монастырь?

— Монастырь... отвѣчалъ запинаясь Бергъ, что-жъ монастырь... я наложилъ на него большой денежный штрафъ.

— И это напрасно, заключилъ Муравьевъ, я бы приказалъ его сжечь и мусоръ сравнять съ землею.

Всѣ эти пилюли подносились съ приправою всевозможныхъ любезностей, доходившихъ даже до поцѣлуевъ.

Это было послѣднее свиданіе Берга съ М. Н. Муравьевымъ. Когда черезъ три года, сообщили о смерти послѣдняго, то графъ отвѣтилъ: «странно! по моему онъ былъ вовсе не старъ».

Подобное заключеніе о человѣкѣ, которому было болѣе 70 лѣтъ, довольно оригинально; но графъ Бергъ былъ того мнѣнія, что молодыхъ и старыхъ людей нѣтъ, что можно быть старикомъ въ 30 лѣтъ и молодымъ въ 80, а что есть только люди здоровые и больные, способные и неспособные.

Дѣятельность и проворство Берга были изумительны. Съ 7 часовъ утра онъ принималъ доклады по различнымъ отраслямъ управленія краемъ; въ 10 часовъ, принявъ рапорты коменданта и оберъ-полицеймейстера, онъ до полудня занимался съ начальникомъ штаба, потомъ принималъ представляющихся и просителей, затѣмъ засѣдалъ въ окружномъ совѣтѣ, въ учредительномъ комитетѣ, или въ которой либо изъ различныхъ спеціальныхъ коммисій; а съ 3-хъ часовъ до 6 опять шли доклады правителя канцеляріи, начальника жандармскаго управленія или управляющихъ отдѣлами внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, почтоваго вѣдомства и т. д. При этомъ онъ еще находилъ время почти ежедневно своеручно писать Государю, производить смотры, присутствовать на праздникахъ полковъ, объѣзжать городъ и лагери, посѣщать различныя заведенія, принимать и отдавать визиты, изрѣдка обѣдать въ русскомъ клубѣ, появляться на гуляньяхъ, часто бывать въ театрѣ, совершать прогулки верхомъ. Ходилъ онъ такъ быстро, что сопровождавшіе его, даже молодые люди, едва успѣвали за нимъ.

Если бы побольше правдивости и поменьше эгоизма и сноровокъ, заставлявшихъ его дѣйствовать не такъ, какъ требовали русскіе интересы, а ради желанія угодить тому или другому направленію, то графъ Бергъ могъ бы принести громадную пользу. Обладая быстрымъ, находчивымъ умомъ и необычайною энергіею, имѣя за собою опытность 50-лѣтней, крайне разнообразной дѣятельности, съ задатками замѣчательной силы воли, онъ представлялъ собою одну изъ выдающихся личностей минувшаго царствованія. Нужно принять во вниманіе, что гр. Бергъ вступалъ въ управленіе краемъ среди полной неурядицы, порожденной возстаніемъ, и вскорѣ послѣ такихъ правителей, какими были: обратившійся почти въ дѣтство князь Горчаковъ, больной мечтатель графъ Ламбертъ и безпечный bon-vivant Лидерсъ.

Что касается командованія и управленія войсками, то гр. Бергъ обладалъ всѣми качествами главнокомандующаго. Не вдаваясь въ мелочи, онъ все касающееся военнаго быта понималъ практически, принималъ близко къ сердцу, умѣлъ отличать знаніе и усердіе, зналъ и любилъ солдата и, гдѣ было нужно, энергически отстаивалъ интересы арміи.

Сообщ. П. П. Карцовъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА

по перепискѣ съ 14-го февраля 1861 г. по 15-е іюня 1862 г.

III [1]).

Изъ Варшавы въ Москву.

2-го іюня 1861 г.

(Гр. Адлербергу). Замедленіе прибытія Платонова съ утвержденными реформами и не публикація по нынѣ оныхъ не благопріятно дѣйствуетъ на умы. Ген.-ад. Сухозанетъ.

3-го іюня.

(Государю) Рудановскій доноситъ, что въ Сувалкахъ все совершенно спокойно, какъ нельзя лучше; слѣдствіе начато. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Москвы въ Варшаву.

3-го іюня.

Курьеръ съ моимъ письмомъ и съ указами о новыхъ учрежденіяхъ къ вамъ отправился въ ночь съ 31 мая (12 іюня) на 1 іюня (13). Платоновъ выѣдетъ изъ Петербурга во вторникъ, а графъ Ламбертъ черезъ 2 недѣли. Радъ, что въ Сувалкахъ все спокойно. Александръ.

Изъ Варшавы въ Москву.

4-го іюня.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день все по городу было спокойно.

Оставивъ на мѣстахъ всѣ войска, въ городѣ расположенныя, произведенъ мною вчера смотръ остальнымъ, на плацѣ Брони, въ числѣ 14 баталіоновъ,

---

[1]) См. начало этой переписки, именно: императора Александра II съ кн. М. Д. Горчаковымъ, въ „Русской Старинѣ" изд. 1882 г., томъ XXXVI, декабрь, стр. 553—584. Сообщ. изъ бумагъ кн. М. Д. Горчакова и ген.-ад. Сухозанета ген.-ад. А. А. Баранцовъ.

4 сотенъ своднаго казачьяго полка и 5 пѣшихъ батарей; пѣхота и казаки хороши, а артиллерія отлична. Фельдъегерь изъ Москвы до 6 часовъ съ $^1/_2$ утра еще не прибылъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

4-го іюня.

Фельдъегерь изъ Москвы прибылъ въ 1 часъ по полудни. Ген.-ад. Сухозанетъ.

7-го іюня. 6 ч. утра.

Вчера же опубликованъ указъ о Государственномъ Совѣтѣ Царства, войска сняты съ площадей, купеческій рессурсъ открытъ. Послѣдующіе указы будутъ опубликованы въ слѣдующіе дни по 10-е іюня включительно. Въ городѣ все совершенно спокойно и веселѣе. Ген.-ад. Сухозанетъ.

7-го іюня.

Адъютантъ мой кап. Унковскій отправленъ курьеромъ въ Петербургъ сего вечера въ 6 часовъ, прибудетъ въ Царское 10-го къ $6^1/_2$ час. утра. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Крюково, на станцію Никол. жел. дор.

9-го іюня.

Имѣю счастіе донести, что вчерашній день все по городу было спокойно. Но, къ прискорбію, въ Саксонскомъ саду буйственная молодежь не перестаетъ дерзкими выходками обнаруживать неповиновеніе. Нахожусь въ необходимости оставить открытыми въ садъ только два сквозные входа, учредить при оныхъ военный постъ и усиленное полицейское наблюденіе. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

12-го іюня.

По случаю празднованія сочельника Иванова дня, по обычаю края, жители должны бы собраться на мосту для бросанія вѣнковъ въ Вислу; вчера вмѣсто моста было сборище въ 20,000 человѣкъ на Повонзковскомъ кладбищѣ для украшенія вѣнками могилъ убитыхъ 27-го февраля. Не стѣсняя сего, приняты были мѣры наблюденія и осторожности; все исполнилось смирно, съ пропѣтіемъ лишь патріотическаго гимна. О чемъ имѣю счастіе донести. Ген.-ад. Сухозанетъ.

13-го іюня.

По повелѣнію Государя Императора представить ген.-ад. гр. Адлербергу 2. Немедленно переслать съ фельдъегеремъ въ Красное Село.

По совѣщаніи о представленіи въ члены Совѣта признали единогласно не именовать пока епископа Фіалковскаго, о чемъ поспѣшаю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Краснаго Села въ Варшаву.

14-го іюня.

Курьеръ отправляется къ вамъ завтра. Назначеніемъ Фіалковскаго пріостановлюсь до полученія письменныхъ объясненій. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

18-го іюня.

Замедленіе прибытія графа Ламберта съ цѣлью изученія дѣлъ Царства въ Петербургѣ, по мнѣнію моему, невозвратная для пользы службы и его самаго потеря времени. Здѣсь въ одинъ день больше узнаетъ о положеніи и потребностяхъ края, чѣмъ занимаясь имъ продолжительно въ Петербургѣ. Присутствіе его здѣсь, во время выборовъ, пребыванія Платонова и соображенія Потапова о полиціи, признаю необходимымъ, какъ въ настоящій моментъ быть при дѣлѣ человѣку, предназначенному для сего края. Ген.-ад. Сухозанетъ.

19-го іюня.

Хотя особенно важнаго ничего не произошло, но волненіе черни усиливается, съ явнымъ намѣреніемъ довести дѣло до крайности, дабы разстроить хорошее направленіе благомыслящихъ. Вѣроятно буду вынужденъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, но выдержу до объявленія состава Государственнаго Совѣта, ибо таковое при существованіи крайнихъ мѣръ будетъ положительно безуспѣшно. Ожидаю указовъ. За сопротивленіе полицейской и воинской стражѣ предаю военному суду. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

19 го іюня.

Курьеръ вашъ прибылъ сегодня утромъ. Завтра подпишу указы о назначеніи въ Совѣтъ. Надѣюсь, что до полученія ихъ вы не будете вынуждены прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Въ случаѣ необходимости этимъ однако не останавливайтесь. Графа Ламберта отправлю по возвращеніи Платонова.—Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

20-го іюня.

Вчера по освященному издревле обычаю, постановленіями церковными допускаемому, на Повонзковскомъ кладбищѣ было весьма значительное сборище для поминокъ за умершихъ, въ томъ числѣ и въ честь павшихъ въ послѣднія событія. Все кончилось покойно, въ городѣ поутихло вѣроподобно вслѣдствіе убѣжденія принятыхъ мѣръ; волненіе бывшее, въ воскресеніе, отчасти приписать можно значительному числу пьяныхъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

20-го іюня.

Назначенія въ совѣтъ утверждены. Указы будутъ отправлены съ курьеромъ въ четвергъ утромъ и до полученія ихъ можете о томъ объявить, если признаете нужнымъ. Когда Потаповъ отправится обратно? Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

21-го іюня.

Генералъ Потаповъ прибылъ только вчера въ 4 часа по полудни, пробудетъ здѣсь не менѣе недѣли. Существовавшее по нынѣ обмундированіе варшавской полиціи необходимо измѣнить; отправленіе частичками выбранныхъ для оной людей испрашиваю пріостановить до возвращенія Потапова. Замедленіе скоро ожидавшагося устройства полиціи вынуждаетъ меня впередъ до учрежденія оной возложить на войска возстановленіе тишины и порядка въ городахъ; вслѣдствіе чего возобновилъ и дополнилъ инструкцію, данную войскамъ покойнымъ кн. Горчаковымъ о недопущеніи и разсѣяніи сборищъ; отнынѣ виновные въ противозаконныхъ поступкахъ, признаваемыхъ мною за политическіе, на основаніи указа 1833 г., будутъ предаваемы военному суду. Назначеніе членами будетъ сообщено частно; для формальнаго же объявленія дождусь указовъ. Вчерашній день все по городу было совершенно спокойно, о чемъ имѣю счастіе донести. Ген.-ад. Сухозанетъ.

23-го іюня.

Вчера поздно вечеромъ попытки сборища хотя и дѣлались, но принятыми мѣрами безъ усиленія устранены. Впрочемъ все спокойно. Ген.-ад. Сухозанетъ.

23-го іюня.

Вчерашнія сборища, какъ и всѣ предшествовавшія, начинали постоянно собираться подъ предлогомъ молиться передъ статуею Божіей Матери. Ген.-ад. Сухозанетъ.

25-го іюня.

Ксендзъ Нарушевичъ, за правильное дѣйствіе въ маѣ, въ Александровскомъ костелѣ, подвергся всѣмъ возможнымъ преслѣдованіямъ отъ нарушителей спокойствія, что привело его въ положеніе, близкое помѣшательству. Полагая отправить его подъ опекою благонадежнаго чиновника въ Виши, признаю необходимымъ, до возвращенія оттуда, пріостановить объявленіе о назначеніи его членомъ совѣта, на что испрашиваю соизволенія. Ген.-ад. Сухозанетъ.

25-го іюня.

№ 64. До публикаціи назначенія членовъ я еще старался имѣть убѣжденіе, всѣ ли примутъ. Глинскій подъ благовиднымъ предлогомъ отказывается. Скарбекъ колеблется. Испрашиваю соизволенія не публиковать не принявшихъ, вмѣсто коихъ дополнительно представлю. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

26-го іюня.

На пріостановленіе объявленія о назначеніи Нарушевича согласенъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

26-го іюня.

Вопреки предсказанной на вчерашній день демонстраціи, вездѣ въ городѣ было совершенно спокойно, чему могъ способствовать проливной дождь отъ 4 до 6 часовъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

26-го іюня.

Разрѣшаю васъ дѣйствовать согласно телеграмма вашего № 64.

Въ чемъ заключались предсказанія безпорядковъ на вчерашній день? Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

26-го іюня.

№ 66. Предсказанія заключались въ весьма усиленной въ разныхъ пунктахъ народной манифестаціи. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

27-го іюня.

Депеша ваша № 66 ничего не объясняетъ. Желаю знать, что было поводомъ народной усиленной демонстраціи и въ чемъ она заключалась. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

27-го іюня.

Вчера въ городѣ повсемѣстно было совершенно спокойно, броженіе умовъ ослабѣваетъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

27-го іюня.

Демонстраціи предсказывались на Повонзкахъ, Лешнѣ и даже противъ замка, но какъ онѣ не состоялись, то больше положительныхъ объясненій

о поводѣ предсказаній дать не могу. Полагаю же, что онѣ другихъ причинъ не имѣютъ, какъ обычное желаніе производить безпорядки и держать правительство въ постоянной тревогѣ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

28-го іюня.

Генералъ Потаповъ и фельдъегерь Гнидинъ отправились вчера въ 8 часовъ вечера. По городу повсемѣстно было совершенно спокойно, чернь примѣтно затихла. Ген.-ад. Сухозанетъ.

29-го іюня.

Вчера по городу повсемѣстно было спокойно, дѣйствіе наставленій очевидно, даже пѣнія по костеламъ уменьшаются. Ген.-ад. Сухозанетъ.

30-го іюня.

Вчера въ городѣ все было совершенно тихо, частые дожди повреждаютъ хлѣба, вчера проливной сдѣлалъ значительный провалъ въ улицѣ Долгой. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

30-го іюня.

Потаповъ и курьеръ прибыли. Положеніе о полиціи для Варшавы представить на мое утвержденіе чрезъ Совѣтъ Управленія. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

30-го іюня.

Повелѣніе представить проэктъ преобразованія полиціи чрезъ Совѣтъ встрѣтитъ важныя затрудненія и пагубное замедленіе. Признавая безотлагательное осуществленіе сего дѣла главнымъ обезпеченіемъ порядка, рѣшаюсь отправить завтра курьера съ подробнымъ донесеніемъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

1-го іюля.

Вчера по городу было повсемѣстно совершенно спокойно. Третьяго дня бурнымъ ливнымъ дождемъ въ четырехъ мѣстахъ въ городѣ причинило значительные провалы въ улицахъ, съ опасностью для домовъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

1-го іюля.

Желаю, чтобы Платоновъ воротился немедленно по окончаніи возложеннаго вами на него дѣла. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

2-го іюля.

Вчера въ городѣ было совершенно спокойно. На Лешной у кармелитовъ съ понедѣльника, въ продолженіи недѣли, по давнему обычаю, будутъ происходить религіозныя служенія въ честь статуи Божіей Матери. Фельдъегерь отправленъ вчера въ 9 часовъ вечера. Ген.-ад. Сухозанетъ.

3-го іюля.

Вчера въ городѣ все было тихо и спокойно. Платонова предполагаю отпустить 9-го числа. Ген.-ад. Сухозанетъ.

4-го іюля.

Вчера въ городѣ было все совершенно спокойно, даже въ 3 костелахъ храмовыхъ праздниковъ Богородицы Скаплерной народъ пѣлъ одни только гимны чисто религіозные. Ген.-ад. Сухозанетъ.

4-го іюля.

Проектъ о полиціи единогласно Совѣтомъ управленія принятъ. Испрашиваю утвержденія и Высочайшаго повелѣнія на счетъ обмундированія. Выборы необходимо будетъ отложить до прибытія полиціи, хотя порядокъ очевидно установляется. Ген.-ад. Сухозанетъ.

4-го іюля.

Интрига пропаганды не допустить составиться (совѣту управленія) опровергнута. Сегодня совѣтъ окончательно установленъ. Всѣ наличные въ Варшавѣ члены отдѣленій съ чинами канцелярій присутствовали и приведены къ присягѣ.

Всѣ безъ изъятія наличные члены въ Варшавѣ въ первый разъ со времени несчастныхъ событій надѣли мундиры и прибыли къ обѣду; даже разбитый параличемъ Ѳома Потоцкій велѣлъ себя привезти въ креслѣ.

Рѣчи открытія совѣта и за обѣдомъ приняты съ сочувствіемъ.

Имѣю счастіе донести, что сегодняшній день вполнѣ удовлетворяетъ ожиданіямъ Вашего Императорскаго Величества. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

5-го іюля, 9 ч. утра.

Курьеръ вашъ прибылъ.—Проектъ о полиціи утверждаю.—Полагаете ли для сего нужнымъ указъ?—На счетъ обмундированія графъ Ламбертъ получилъ мое приказаніе.—Курьера не могу къ вамъ отправить прежде воскресенья. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

5-го іюля.

Вчера въ городѣ все было совершенно покойно. Богослуженія въ церквахъ храмовыхъ праздниковъ происходили чинно и съ пѣніемъ только дозволенныхъ съ давняго времени гимновъ; порядокъ и спокойствіе очевидно утверждаются, и смѣю надѣяться, что это происходитъ уже отъ убѣжденія въ необходимости и пользѣ онаго. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

5-го іюля, 4½ часа по полудни.

Вчерашній и сегодняшній ваши телеграммы меня радуютъ. Дай Богъ, чтобы оно было началомъ лучшаго времени. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

6-го іюля.

Въ городѣ все совершенно спокойно; назначеніями членовъ, такъ и состава канцеляріи совѣта, всѣ очень довольны; даже непріязненные журналы отдаютъ справедливость.—Положеніе о полиціи, будучи можетъ быть только временнымъ усиленіемъ оной, не требуетъ указа. Ген.-ад. Сухозанетъ.

7-го іюля.

Графъ Ламбертъ представляетъ 8-го числа образцы обмундированія полиціи. Считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества, что блаженной памяти государь повелѣлъ въ 1833 году членамъ бывшей польской депутаціи сохранить навсегда мундиръ, въ коемъ они имѣли счастіе представляться, т. е. съ малиновымъ воротникомъ и обшлагами, и что таковые въ послѣдствіи присвоены были всѣмъ чиновникамъ и неслужащимъ дворянамъ; фельдмаршалъ собственною волею замѣнилъ малиновый цвѣтъ краснымъ, но депутаты до ихъ кончины сохраняли мундиръ съ малиновымъ приборомъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа (Александріи) въ Варшаву.

7-го іюля.

Депешу о мундирахъ не слѣдовало ни въ какомъ разѣ пускать по телеграфу нешифрованною, ибо воля моя на этотъ счетъ вамъ давно извѣстна, за что дѣлаю вамъ строгое замѣчаніе. Притомъ оно и неправильно. Въ 1832 г. малиновый цвѣтъ былъ сохраненъ исключительно однимъ депутатамъ, бывшимъ въ Петербургѣ. Всѣмъ же прочимъ чиновникамъ и неслужащимъ дворянамъ былъ присвоенъ, не по капризу фельдмаршала, а по Высочайшей волѣ, общій русскій мундиръ съ вновь утвержденнымъ гербомъ для Царства на пуговицахъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

10-го іюля.

Платоновъ и фельдъегерь отправились вчера въ 9 часовъ вечера; первый прибудетъ въ Петербургъ 12-го къ вечеру—второй 12-го утромъ представитъ донесеніе мое вашему императорскому величеству. Ген.-ад. Сухозанетъ.

10-го іюля.

Вчера въ городѣ была изъ низшаго сословія молодежи кратковременная демонстрація у англинскаго консула, съ выраженіемъ благодарности англинскому народу за сочувствіе къ Польшѣ. Поведеніе консула отлично. Онъ крайне огорченъ, называя это сумасброднымъ поступкомъ. Толпа разсѣялась до прибытія войска. Поступку сему не даю никакого національнаго значенія. Ген.-ад. Сухозанетъ.

10-го іюля.

Желая ридикюлизировать сумасбродную вчерашнюю демонстрацію къ англинскому консулу и вмѣстѣ съ симъ дать ему доводъ моего вниманія за его дѣйствія, я пригласилъ сегодня къ обѣду, что онъ вполнѣ оцѣнилъ и донесъ о семъ своему правительству. Ген.-ад. Сухозанетъ.

11-го іюля.

Панихида Чарторижскому совершена съ благочиніемъ безъ проповѣди и національныхъ гимновъ; служилъ епископъ Платеръ. Епископъ Фіалковскій только присутствовалъ.

При выходѣ епископа Фіалковскаго чернь закричала виватъ, благомыслящими тотчасъ прекращенный; потомъ на пути чернь выпрягла его лошадей и привезла домой, имѣя на себя знаки троура. Епископъ Фіалковскій благонамѣренною рѣчью заставилъ знаки снять, и только тогда благословилъ народъ, покойно удалившись.

Я убѣжденъ, что разрѣшеніемъ панихиды устранены произвольныя во всѣхъ костелахъ панихиды съ беззаконнымъ своеволіемъ, чему воспротивиться силою внутри храмовъ было бы невозможно. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа (Александріи) въ Варшаву.

11-го іюля.

Дѣйствіе ваше относительно англинскаго консула одобряю, равно и разрѣшеніе панихиды Чарторижскому, надѣясь, что послѣ этого никакія другія демонстраціи не будутъ допускаемы.

Отправленіе курьера отложилъ до прибытія Платонова. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

11-го іюля.

Вчера въ городѣ все было спокойно. Въ 5 часовъ вечера надъ Вислою произошла частная драка, для прекращенія коей, по значительному скопищу народа, было необходимо участіе роты пѣхоты. Главный виновный арестованъ, какъ ослушникъ полиціи. Ген.-ад. Сухозанетъ.

11-го іюля.

Четвергъ 13-го, лютеранское богослуженіе за спасеніе короля прусскаго; консулъ приглашаетъ присутствовать, но не имѣя дипломатическаго характера, онъ едва-ли въ правѣ дѣлать это офиціально; по сіе время полагалъ послать генералъ-губернатора и моихъ адъютантовъ; но по участію нашему къ лицу, испрашиваю повелѣнія не быть ли самому со штабомъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

12-го іюля.

Прилично быть вамъ самимъ.—Курьеръ вашъ прибылъ утромъ. Жду Платонова завтра. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

13-го іюля.

Всѣ главные административные начальники были увѣдомлены, что я буду присутствовать при молебствіи. Кромѣ Фундуклея, Масона, Еноха и Карницкаго, никого изъ поляковъ не было. Всѣ наличные въ городѣ генералы были.

Я пригласилъ консула съ помощникомъ, старшихъ генераловъ и поименованныя лица къ обѣду, провозгласилъ тостъ за здравіе короля, друга и дяди вашего величества. Ген.-ад. Сухозанетъ.

14-го іюля.

Вчера по городу было все тихо и спокойно.

Донесено полиціею, что въ ночь съ 12-го на 13-е толпа бродягъ, скрывавшаяся подъ воротами трактира, напала на жандарискаго поручика Вржесневскаго, при выходѣ изъ онаго послѣ ужина, и нанеся ему побои, разбѣжалась. Производится слѣдствіе по подозрѣнію на лица, ужинавшія въ томъ же трактирѣ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

14-го іюля, 4 часа по полудни.

Курьеръ отправился въ 2 часа. Отсутствіе поляковъ на церемоніи 13-го числа не могу одобрить. Приключеніе съ жандармскимъ офицеромъ заслуживаетъ примѣрнаго наказанія виновныхъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

15-го іюля.

Вчера въ городѣ все было совершенно тихо и спокойно. Пилсудскій съ образцами обмундированія полиціи поздно вечеромъ прибылъ.

При всѣхъ усиліяхъ ранѣе 1-го сентября новая полиція въ дѣйствіи не будетъ. Необходимо отсрочить до того времени выборы. Ген.-ад. Сухозанетъ.

15-го іюля.

Всеподданнѣйше имѣю счастіе благодарить за превосходнѣйшую форму обмундированія Варшавской полиціи. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

18-го іюля.

Выборы по городу Варшавѣ отложить до окончательнаго устройства новой полиціи. Графъ Ламбертъ отправится въ будущій вторникъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

18-го іюля.

Віелопольскій письмомъ ко мнѣ, съ сегодняшнимъ курьеромъ въ копіи представленномъ, проситъ увольненія. Главная причина тому рѣшенія мои противъ злоумышленниковъ внѣ правилъ мѣстнаго судебнаго порядка.

Віелопольскій проситъ отправить въ Петербургъ своего сына, камеръ-юнкера, въ случаѣ если вашему величеству угодно будетъ знать подробнѣе причины его просьбы.

Завтра отправляю Томсона съ моимъ возраженіемъ на неправильныя, по мнѣнію Віелопольскаго, дѣйствія мои, для законодательнаго въ Имперіи, а не здѣсь, разсмотрѣнія. Ген.-ад. Сухозанетъ.

19-го іюля.

Если бы ваше величество признали возможнымъ разрѣшить прибытіе въ Петербургъ молодаго Віелопольскаго, то нужно бы дать мнѣ знать шифрованнымъ телеграмомъ, чтобы онъ успѣлъ исполнить порученіе отца еще до отъѣзда графа Ламберта 25-го числа; можно предположить, что Віелопольскій при этомъ случаѣ выскажется совершенно. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Краснаго Села въ Варшаву.

20-го іюля.

Весьма сожалѣю о намѣреніи Віелопольскаго. Буду ожидать ваше объясненіе. Сынъ его можетъ быть сюда.—Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ назначаю ген.-ад. Герштенцвейга. На его мѣсто предлагаю вамъ ген.-маіора графа Гейдена или ген.-лейтен. Непокойчицкаго. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

20-го іюля.

По совершенному изученію въ званіи предсѣдателя кодификаціонной коммисіи всѣхъ военныхъ постановленій, ген.-лейтен. Непокойчицкій нынѣ болѣе отвѣчаетъ предположенному мѣсту, но его нужно бы поберечь въ начальники штаба Лидерса, на случай войны.

Генер.-маіоръ графъ Гейденъ, по природнымъ дарованіямъ, молодости и въ особенности по чину генер.-маіора, обезпечиваетъ на болѣе продолжительное время военное министерство. Ген.-ад. Сухозанетъ.

21-го іюля.

Имѣю счастіе донести: вчера въ городѣ все было совершенно тихо и спокойно; крестьяне имѣнія Ополье поручикомъ Мухановымъ, равномѣрно убѣжденіемъ, безъ насилія, приводятся въ повиновеніе. Ген.-ад. Сухозанетъ.

22-го іюля, 7 ч. утра.

Имѣю счастіе принести вашимъ императорскимъ величествамъ всеподданнѣйшее поздравленіе отъ вѣрной вамъ 1-й арміи и отъ меня со днемъ тезоименитства августѣйшей государыни императрицы.

Возобновляя прежде существовавшій порядокъ, назначенъ мною сего числа въ 10½ часовъ утра общій съѣздъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ въ замкѣ, для принесенія поздравленія и потомъ торжественное служеніе въ соборѣ и церковный парадъ. Вчера по городу все было совершенно тихо и спокойно. Ген.-ад. Сухозанетъ.

22-го іюля, 3½ ч. по полудни.

Особенно многочисленный съѣздъ всѣхъ званій въ замкѣ, для принесенія поздравленія со днемъ тезоименатства Государыни Императрицы, даетъ мнѣ смѣлость, въ дополненіе къ телеграму сего утра, принести всеподданнѣйшее поздравленіе и отъ благомыслящаго сословія края. Ген.-ад. Сухозанетъ.

22-го іюля.

Камеръ-юнкеръ графъ Віелопольскій сегодня въ 3 часа по полудни будетъ въ Петербургѣ;—въ статсъ-секретаріатѣ 25-го числа утромъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

25-го іюля.

Вчера въ Саксонскомъ саду толпа народа помяла и оборвала полиціанта, остановившаго мальчика, который продавалъ экземпляры сбора запрещенныхъ гимновъ, и освободила мальчика. Подобныя дѣйствія полиціи въ буйной и многочисленной толпѣ есть дѣло невозможное.

На сегодня и на послѣдующіе дни обѣщаны религіозныя по улицамъ шествія; принимаю мѣры предупрежденія оныхъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

25-го іюля.

Имѣю счастіе донести: по случаю праздника Преображенія и отправленія массы богомольцевъ на поклоненіе Божіей Матери въ Ченстохово, была исполнена процесія изъ костела Паулиновъ на Старомъ Мѣстѣ, 3 версты за городъ за Вольскую и Іерусалимскую заставы. Я съ полковникомъ Ефимовичемъ безъ конвоя верхами выѣхали оной на встрѣчу, проѣхавъ сквозь тѣсные ряды 20,000-го сборища шагомъ; лично убѣдился въ совершенномъ порядкѣ религіознаго благочинія и (во) всякомъ отсутствіи какого либо политическаго значенія. Ген.-ад. Сухозанетъ.

27-го іюля, 8 ч. 55 м. утра.

Имѣю счастіе принести В-мъ И-мъ В-мъ вѣрноподданническое поздравленіе съ днемъ рожденія Государыни Императрицы отъ вѣрныхъ вамъ: арміи, меня и благомыслящаго сословія края. Всѣ принесемъ въ соборномъ храмѣ мольбы наши о долголѣтіи и благоденствіи В-хъ В-въ. Вчера въ городѣ было совершенно тихо и спокойно. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Петергофа въ Варшаву.

27-го іюля, 5¼ ч. пополудни.

Благодаримъ за поздравленіе.

Желаю, чтобы Віелопольскій оставался при занимаемыхъ должностяхъ, до пріѣзда графа Ламберта. О дальнѣйшемъ я поручилъ ему лично съ нимъ объясниться. Онъ выѣдетъ во вторникъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петергофъ.

28-го іюля.

Къ прискорбію обязываюсь донести, что въ слѣдствіе дѣйствія духовенства, чернью въ храмахъ Божіихъ допускается безчинство, съ коимъ уже и оно справиться не можетъ. Вчера въ кафедральной церкви, предъ окончаніемъ обѣдни, собралась толпа и пѣніемъ гимновъ нарушено благочиніе до такой степени, что всѣ чиновники и духовенство оставили костелъ прежде окончанія молебствія.

Ночью малочисленныя шайки по улицамъ каменьями били стекла иллюминованныхъ оконъ. Должны были употребить войска для разогнанія, арестовано 7. Подробности въ послѣдствіи, по собраніи болѣе положительныхъ свѣдѣній и обнаруженія главныхъ виновныхъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

29-го іюля.

Нарушители порядка подъ нелѣпыми предлогами собирались на Медовой, немедленно безъ затрудненія разсѣеваемые. Для подавленія уличныхъ безпорядковъ и предупрежденія предсказываемыхъ демонстрацій, ставлю вновь

войска на площадяхъ; немедленное прибытіе графа Ламберта необходимо. Здоровье мое очень не хорошо. Ген.-ад. Сухозанетъ.

30-го іюля.

Имѣю счастіе донести: вчера въ городѣ все утихло и день прошелъ въ совершенномъ порядкѣ и спокойствіи. Ген.-ад. Сухозанетъ.

30-го іюля.

Циркулирующими и на углахъ приклеенными воззваніями приглашаются на завтра въ костелы для празднованія народнаго торжества «Соединенія Литвы» и большой вечерней иллюминаціи.

Объявляю нынѣ публикаціею, что сего не допущу, употребляя и мѣры убѣжденія духовенствомъ, на что оное, какъ кажется, подается. Назимова я о принятыхъ мною мѣрахъ увѣдомляю.

На 3-е августа, день Наполеона, тѣ же воззванія. Ожидаю результата завтрашняго дня; противъ 3-го августа еще ничего не предпринимаю. Ген.-ад. Сухозанетъ.

31-го іюля.

Имѣю счастіе донести: вчера въ городѣ сохранено должное спокойствіе. Сегодня соединены къ сборнымъ пунктамъ войска для предупрежденія безпорядковъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Краснаго Села въ Варшаву.

31-го іюля.

Дай Богъ, чтобы принятыя вами мѣры предупредили вновь ожидаемые безпорядки. Графъ Ламбертъ задержанъ важными дѣлами. Отправится въ пятницу утромъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

1-го августа.

Вчерашній день, благодаря грозному присутствію войскъ, порядокъ въ городѣ нарушенъ не былъ, хотя волненіе было весьма значительное. Но дамы были въ цвѣтныхъ платьяхъ, лавки были заперты, вечеромъ была иллюминація внутри комнатъ. Словомъ такого рода проявленія, кои не могутъ быть предупреждены и остановлены, ни полиціею, ни силою оружія; арестовано 30 человѣкъ. Ген.-ад. Игнатьевъ, отправляющійся нынѣ, лично о всемъ доложить можетъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

2-го августа.

Взводомъ (сборомъ?) всѣхъ войскъ въ городѣ на 30-е іюля и произведенными арестами достигнута цѣль прекращенія волненія. Вчера городъ былъ въ совершенномъ порядкѣ и спокойствіи. Ген.-ад. Сухозанетъ.

3-е августа.

Имѣю счастіе донести: вчера въ городѣ все было совершенно тихо и спокойно. Сегодня по случаю праздника Успѣнія Божіей матери должно ожидать большаго стеченія народа по костеламъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

4-е августа.

Вчера въ городѣ, не смотря на значительное стеченіе народа въ костелахъ по случаю праздника, кромѣ обыкновенныхъ гимновъ, никакихъ безпорядковъ, равно вечеромъ иллюминаціи или какой демонстраціи произведено не было. На Повонзковскомъ кладбищѣ, по обыкновенію праздничныхъ дней, собралось значительное число народа, пропѣты гимны надъ убитыми и спокойно разошлись.

Вообще тишина и порядокъ возстановлены; физіономія города удовлетворительна. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

4-го августа, 10 ч. вечера.

Слава Богу, что вчерашній день прошелъ благополучно. Письмо съ Игнатьевымъ получилъ сегодня утромъ.—Гр. Ламбертъ отправится только въ понедѣльникъ утромъ. Въ системѣ дѣйствій не хочу никакой перемѣны и прошу васъ этимъ руководствоваться до его пріѣзда, не допуская, ни подъ какимъ видомъ, никакихъ демонстрацій и своеволій. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

5-го августа.

Имѣю счастіе донести: вчера въ городѣ было все совершенно покойно и (въ) желаемомъ порядкѣ. Ген.-маіоръ Потаповъ прибылъ вечеромъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

6-го августа, 7 ч. 45 м. пополуночи.

Вчера въ городѣ все было отлично покойно, ни малѣйшаго признака безпорядка; хотя демагогія удостовѣряетъ, что на это ею дано приказаніе, но я приписываю единственно грозной мѣрѣ 31-го іюля и произведеннымъ здѣсь до 14 лицъ арестованіямъ.

Въ губернскихъ городахъ тою же мѣрою, одновременно, все удержано въ желаемомъ порядкѣ.

Отправленіе ксендзовъ и неблагонадежныхъ людей въ имперію и казематы крѣпостей, до пріѣзда графа Ламберта, не стѣсняясь, по прежнему продолжать буду. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

6 августа, 7½ часовъ вечера.

Энергическія мѣры одобряю.—Графъ Ламбертъ отправится во вторникъ утромъ съ моимъ письмомъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Тулу.

8-го августа.

Имѣю счастіе донести: въ городѣ было совершенно тихо и спокойно.

Вновь арестовано 5 человѣкъ съ непозволительными кушаками въ видѣ затяжныхъ веревокъ съ кольцомъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Харьковъ, для отправленія въ Чугуевъ.

12-го августа, 2 часа по полуночи.

Имѣю счастіе донести: вчера графъ Ламбертъ прибылъ въ 11 часовъ вечера. Въ городѣ все было совершенно спокойно, повода къ уличнымъ арестованіямъ не было.

Арестовано въ квартирахъ 6 руководителей, съ забраніемъ бумагъ; надѣюсь открыть связь ихъ сообщниковъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

IV.

Изъ Варшавы въ Харьковъ.

13-го августа.

Имѣю счастіе донести: вчера въ городѣ было все совершенно спокойно, повода къ уличнымъ арестованіямъ не было. Вступилъ въ управленіе краемъ и арміею. Графъ Ламбертъ.

Изъ Харькова въ Варшаву.

14-го августа.

Дай Богъ, чтобы вступленіе твое въ управленіе было въ добрый часъ. Открылось ли что важное въ послѣдствіе арестованій, о которыхъ доносилъ ген.-ад. Сухозанетъ въ послѣднемъ своемъ телеграмѣ? Александръ.

Изъ Варшавы въ Харьковъ.

14-го августа.

Въ городѣ спокойно. Генералъ Герштенцвейгъ прибылъ вчера. Военный министръ выѣзжаетъ въ 6 часовъ утра сегодня.

При арестованіи четырехъ лицъ въ національной одеждѣ, толпа, бросая каменьями въ полиціянтовъ, случайно ушибла легко подполковника Болицкаго, но разошлась при появленіи роты. Графъ Ламбертъ.

Изъ Варшавы въ Полтаву.

15-го августа.

Въ городѣ спокойно, войска сняты съ площадей. Сегодня назначенъ въ замкѣ общій пріемъ гражданскихъ властей. Письмо къ Вашему Величеству отправлено вчера съ фельдъегеремъ въ Бендеры. Отвѣтъ на телеграмъ изъ Харькова.

Розысканія продолжаются, но важныхъ открытій по сю пору не предвижу. Графъ Ламбертъ.

Изъ Варшавы въ Елисаветградъ.

16-го августа.

Въ городѣ спокойно, вчера былъ общій пріемъ гражданскихъ чиновъ въ замкѣ, ничего особеннаго по этому случаю доложить не имѣю. Вчера же вечеромъ прибылъ въ Варшаву сенаторъ Платоновъ.

Для проѣзда Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича чрезъ Царство Польское никакихъ распоряженій не дѣлаю. Графъ Ламбертъ.

Изъ Варшавы въ Одессу.

19-го августа.

Къ похоронамъ умершаго будто бы отъ ранъ, полученныхъ въ апрѣлѣ, присоединилось на пути до 5,000 человѣкъ; процессія слѣдовала въ порядкѣ отъ церкви Св. Креста на Повонзковское кладбище. Пропѣвъ гимны, разошлись. Графъ Ламбертъ.

20-го августа.

Въ городѣ спокойно, происшествій не было. Въ какія мѣста изволите приказать телеграфировать? Графъ Ламбертъ.

Изъ Одессы въ Варшаву.

20-го августа, въ 8 часовъ вечера.

Вчера по пріѣздѣ въ Одессу нашелъ письмо твое отъ 14 (26) ч. Первыя распоряженія твои одобряю, но послѣдующіе телеграмы твои доказываютъ продолжающееся своеволіе. Оно далѣе терпимо быть не должно, ни въ Варшавѣ, ни въ провинціяхъ, и потому требую, чтобы тѣ мѣстности, которыя ты сочтешь нужнымъ, были объявлены на военномъ положеніи.

Въ маршрутѣ моемъ измѣненія нѣтъ, но до Ливадіи я вездѣ буду двумя днями позже.

Константинъ Николаевичъ черезъ Польшу не поѣдетъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Бендеры.

21-го августа.

Особыхъ произшествій не было.

Вѣсти изъ западныхъ губерній производятъ замѣтное волненіе умовъ: объявленія о панихидахъ въ церквахъ ходятъ по рукамъ. Графъ Ламбертъ.

Изъ Варшавы въ Одессу.

22-го августа.

Вчера особеннаго волненія въ городѣ не замѣчалось, но въ церквахъ были Богослуженія по случаю произшествій въ Вильнѣ, преувеличенныхъ агитаторами; трауръ усилился и лавки оставались во время службы запертыми. Графъ Ламбертъ.

Изъ Одессы въ Варшаву.

22-го августа, 11 часовъ утра.

Сегодняшній телеграмъ еще болѣе убѣждаетъ меня въ необходимости строгихъ мѣръ, дабы таковыя были приняты одновременно какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ.

Курьера въ Варшаву отправилъ третьяго дня вечеромъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Симферополь. Эстафетою въ Севастополь.

23-го августа.

Въ городѣ спокойно.

Объявлять военное положеніе теперь нѣтъ повода, потому что положеніе не измѣнилось къ худшему, не смотря на то, что войска сняты; къ тому же наружная полиція еще не устроена, тайной полиціи нѣтъ, и мы сами мало ознакомились съ дѣломъ. Не мудрено, что будетъ волненіе въ день взятія Варшавы, но въ этомъ опасности не предвижу; объявленіемъ же военнаго положенія волненій не предотвратить, а въ случаѣ необходимости войска у насъ всегда въ готовности. Не столько опасаюсь уличныхъ демонстрацій, сколько выборовъ.

Прошу Ваше Величество, по изъявленному Вами согласію, назначить генерала Хрулева на мѣсто генерала Липранди, и если на это соизволите, то къ 30-му августа. Графъ Ламбертъ.

Изъ Севастополя въ Варшаву.

24-го августа, въ 10 часовъ пополудни.

Въ день взятія Варшавы никакихъ демонстрацій не допускать, и если не смотря на принятыя мѣры таковыя состоятся, то Варшаву объявить

непремѣнно въ военномъ положеніи. Тѣмъ же руководствоваться и въ прочихъ мѣстностяхъ и приступить къ немедленному обезоруженію жителей. Александръ.

Изъ Варшавы въ Симферополь. Эстафетою въ Ливадію, чрезъ Бахчисарай.

25-го августа.

Въ городѣ спокойно.

О назначеніи маркиза Віелопольскаго главнымъ директоромъ коммисіи юстиціи представилъ въ Петербургъ; благоволите утвердить по телеграфу, не ожидая представленія, и соизволить на назначеніе его же вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта къ 30 августа, о чемъ осчастливьте меня отвѣтомъ. Графъ Ламбертъ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

25-го августа.

Испрашиваю повелѣнія Вашего Величества, по телеграфу, управляющему Военнымъ Министерствомъ о назначеніи по списку и высылки изъ гвардіи 100 нижнихъ чиновъ въ варшавскую полицію, о чемъ ему сегодня писано. Крайне необходимо. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

25-го августа.

На назначеніе Хрулева вмѣсто Липранди согласенъ [1]), равномѣрно и на представленіе о Віелопольскомъ въ ком. юстиціи и вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта къ 30 августа. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

27-го августа.

Истекшій день прошелъ спокойно, манифестацій нигдѣ не было, на Волю никто не ходилъ. По случаю исправленій въ православномъ соборѣ, преосвященный совершалъ обѣдню и молебствіе въ Лазенковской церкви; послѣ молебствія былъ церковный парадъ отъ смоленскаго уланскаго полка. Въ каѳедральномъ соборѣ совершалъ богослуженіе суфреганъ, все обошлось хорошо и благочиніе во всѣхъ костелахъ не нарушалось даже пѣніемъ гимновъ; вечеромъ казенныя зданія были иллюминованы; весь день лавки оставались отпертыми, народъ ходилъ по улицамъ спокойно, войскъ нигдѣ выставлено не было, вечеромъ ходили одни патрули. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ города

---

[1]) Сколько извѣстно, повелѣніе о Хрулевѣ было Государемъ немедля отмѣнено. Ред.

произошелъ незначительный шумъ отъ евреевъ, которые по духу фанатизма, стали бить стекла въ лавкахъ своихъ единовѣрцевъ, не прекратившихъ торговлю по случаю еврейскаго праздника. Но безпорядки эти не имѣютъ ни политическаго характера, ни особеннаго значенія. Нѣкоторые изъ нарушителей уже арестованы; къ арестованію главныхъ зачинщиковъ приняты мѣры.

Вчерашній день подаетъ нѣкоторую надежду, что партія порядка усиливается. Графъ Ламбертъ.

28-го августа.

Въ Варшавѣ спокойно; въ г. Ленчица уличный безпорядокъ, назначаю слѣдствіе. Если все справедливо, объявлю тамъ военное положеніе; подробности донесу. Графъ Ламбертъ.

30-го августа.

Совѣтъ, по представленію Веліопольскаго, призналъ полезнымъ преобразовать оффиціальную газету Царства Польскаго, дабы чрезъ оную дѣйствовать на успокоеніе умовъ. Редакцію улучшить, причемъ неоффиціальныя статьи издавать на одномъ Польскомъ языкѣ безъ русскаго текста. Ускореніе сего преобразованія нахожу нужнымъ, но оно не можетъ быть допущено безъ высочайшаго разрѣшенія; благоугодно ли соизволить? Гр. Ламбертъ.

31 го августа.

Въ городѣ спокойно. Вчера въ церквахъ производилось Богослуженіе въ порядкѣ, (кромѣ) каѳедральнаго католическаго собора, гдѣ нѣсколько лицъ нарушили благочиніе, запѣвъ возмутительные гимны; виновные разыскиваются.

Такого рода безчинія нѣтъ возможности обуздать пока не будетъ устроена полиція; однако онѣ начинаютъ ослабѣвать, не пользуясь сочувствіемъ большинства. Графъ Ламбертъ.

31-го августа.

Крайне нуждаясь въ благонадежныхъ лицахъ, испрашиваю повелѣнія о присылкѣ въ мое распоряженіе: генералъ-маіоровъ: Дренякина, генеральнаго штаба Циммермана, артиллеріи—Костандулаки, полковника жандармскаго Левенталя. Графъ Ламбертъ.

2-го сентября.

Въ городѣ спокойно.

Долгомъ поставляю себѣ испрашивать Всемилостивѣйшаго соизволенія Вашего Величества, во вниманіе къ исключительнымъ трудамъ войскъ, въ Царствѣ расположенныхъ, сдѣлать обычное представленіе къ наградамъ въ двойномъ числѣ противъ нормы. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

3-го сентября, 8 часовъ вечера.

Изъ просимыхъ лицъ можетъ быть отправленъ въ твое распоряженіе одинъ только жандармскій полковникъ Левенталь. Къ наградамъ по арміи разрѣшаю представить въ томъ же размѣрѣ, какъ по гвардіи въ нынѣшнемъ году.

Изъ Литвы, со времени объявленія военнаго положенія, извѣстія удовлетворительныя, что меня еще болѣе подтверждаетъ въ необходимости принятія той же мѣры въ Царствѣ, въ случаѣ возобновленія подобныхъ безчинствъ, какъ въ варшавскомъ соборѣ 30-го августа. Давно пора ихъ прекратить. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

4-го сентября, въ 1 ч. ночи.

Въ городѣ спокойно; въ Калишѣ произошло 30-го августа столкновеніе толпы съ патрулью, по случаю не иллюминаціи. Посланный туда генералъ Паулучи доносилъ, что порядокъ возстановленъ.

Сегодня отправлю фельдъегеря съ письмомъ къ Вашему Величеству. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

4-го сентября, 10½ часовъ утра.

Городъ Калишъ объявить въ военномъ положеніи. Виновныхъ въ столкновеніи 30-го августа судить по полевому уголовному уложенію и приговоры привести въ исполненіе немедля, о чемъ донести по телеграфу. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

4-го сентября, въ 4 часа 30 м. дня.

Въ калишскомъ происшествіи виноваты болѣе солдаты Низовскаго полка. О замѣщеніи полковаго командира я сообщилъ г.-а. Милютину. Объявить военное положеніе невозможно, ибо будетъ противно сдѣланнымъ уже мною распоряженіямъ по сему дѣлу. Соизвольте на отмѣну повелѣнія.

Передъ выборами военное положеніе испортитъ навсегда дѣло, избѣгаю до крайности. Подробнѣе въ письмѣ къ Вашему Величеству, посланномъ сегодня. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

4-го сентября, 11½ часовъ вечера.

Согласенъ повременить объявленіемъ военнаго положенія до полученія подробностей съ ожидаемымъ курьеромъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

5-го сентября, 10 часовъ утра.

Вчера нѣсколько человѣкъ изъ мести выбили стекла въ одной лавкѣ.

Виновные арестованы; въ помощь полиціи усиливаю патрули.

Между партіями разъединеніе, ссоры, мстительность.

Не отвергаю необходимости придти къ военному положенію, но предоставьте, Государь, выбрать время; ажитаторы рады вывести насъ изъ терпѣнія. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

5-го сентября, $8^1/_2$ час. вечера.

Радъ, что ты наконецъ самъ убѣдился въ необходимости военнаго положенія. Ажитаторы уже слишкомъ долго привыкли разсчитывать на наше терпѣніе, которое они приписываютъ нашей слабости и нерѣшимости. Еще разъ повторяю тебѣ: пора положить этому конецъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

6-го сентября, 2 ч. 20 м. ночи.

Волненіе въ Варшавѣ усиливается, принимая характеръ борьбы между крайнею и умѣренною партіями. Вчера и сегодня публично нанесены оскорбленія нѣкоторымъ обывателямъ, не сочувствующимъ безпорядкамъ; двѣ лавки разбиты толпою, которая разсѣялась при появленіи войска. Объявить тотчасъ военное положеніе не могу безъ вреда дѣлу; выжидаю благопріятнаго момента, но его не пропущу. Графъ Ламбертъ.

7-го сентября, 1 ч. 20 м. ночи.

Передъ разбитою вчера лавкою собралась толпа, но ничего не сдѣлавъ, была разогнана полиціею при содѣйствіи самыхъ обывателей.

Другихъ происшествій не было.

Получивъ отказъ въ просимыхъ назначеніяхъ, испрашиваю повелѣнія прислать въ мое распоряженіе генераловъ: графа Крейца 2-го, Самсонова 2-го, Лауница 2-го и свиты вашего величества князя Багратіона. Мнѣ необходимы помощники на случай военнаго положенія. Графъ Ламбертъ

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

7-го сентября.

Борьбою между крайнею и умѣренною партіями должно стараться воспользоваться, не допуская однако никакихъ своеволій.

На присылку Самсонова 2-го, Лауница 2-го и кн. Багратіона согласенъ. Графъ же Крейцъ 2-й имѣется въ виду для другаго назначенія. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

8-го сентября.

Имѣю счастіе принести В-мъ И-мъ В-мъ всеподданнѣйшее поздравленіе отъ 1-й арміи и отъ меня, со днемъ рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ городѣ спокойно. Выборы начинаются съ понедѣльника.

Есть слухи о составленіи адресовъ. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

8-го сентября, 3 часа пополудни.

Искренно благодаримъ за поздравленіе.

Во время моего путешествія на Кавказъ, т. е. съ 10-го по 26-е сентября, телеграфировать мнѣ въ Ливадію только въ самыхъ экстренныхъ и нужныхъ случаяхъ и означать на депешахъ: для немедленнаго доставленія Его В-ву.

Ген.-ад. Милютину телеграфировать ежедневно о происходящемъ въ Царствѣ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

8-го сентября, 11 ч. 50 м. вечера.

Основываясь на телеграмѣ 24-го августа, сдѣланы уже нѣкоторыя соотвѣтствующія повелѣнію Вашего Величества распоряженія; не могу также разсчитывать на согласіе генерала Липранди просить увольненія отъ должности. Посему не благоугодно ли будетъ повелѣть, не ожидая просьбы, назначить генерала Липранди членомъ военнаго совѣта и поспѣшить назначеніемъ Хрулева. Для меня дорога каждая минута. Графъ Ламбертъ.

9-го сентября, 1 часъ ночи.

№ 214. Въ городѣ спокойно. Вчера Богослуженіе нигдѣ прервано не было.

Испрашиваю предоставить мнѣ власть, въ случаѣ объявленія военнаго положенія, отдавать подозрительныхъ людей, замѣченныхъ въ безпорядкахъ, въ военную службу въ счетъ будущаго набора, а по неспособности въ оной, ссылать на жительство въ отдаленныя губерніи. Графъ Ламбертъ.

Въ Варшаву.

9-го сентября, 6 часовъ вечера.

О Липранди и Хрулевѣ распоряженіе уже сдѣлано. Разрѣшаю дѣйствовать на основаніи твоего телеграма № 214. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать результатовъ выборовъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

27-го сентября, 1 ч. 30 м. ночи.

Выборы кончаются чрезъ 6 дней. Завтра похороны архіепископа Фіалковскаго. Могутъ (быть) безпорядки. Испрашиваю повелѣнія по телеграфу: полицейскихъ чиновъ, поставленныхъ для соблюденія порядка, считать военными часовыми, впредь до особаго повелѣнія. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

28-го сентября, 5 часовъ вечера.

Сегодня въ часъ воротился благополучно съ Кавказа.

Полицейскихъ чиновъ при исполненіи ихъ обязанностей службы считать военными часовыми. Письмо отъ 22 го (4-го) ч. получилъ. Дѣйствія твои одобряю. Буду отвѣчать на дняхъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

28-го сентября.

Выносъ тѣла епископа Фіялковскаго въ каѳедральный соборъ совершился съ необычайною торжественностью, стеченіе публики огромное; въ процесіи несли значительное число знаменъ съ эмблематическими возмутительными изображеніями. Все происходило тихо, въ большомъ порядкѣ. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

29-го сентября, 8 часовъ пополудни.

Я крайне недоволенъ появленіемъ, при похоронахъ Фіялковскаго, знаменъ съ возмутительными изображеніями и что онѣ были допущены. Если выборы въ Варшавѣ окончены, то военное положеніе объявить не медля. Тѣмъ же руководствоваться и на провинціи при повтореніи подобныхъ демонстрацій. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

30-го сентября, 2 часа ночи.

Ходятъ тревожные слухи о Петербургѣ. Состояніе умовъ очень не хорошо. Вскорѣ военное положеніе сдѣлается неизбѣжнымъ. Графъ Ламбертъ.

1-го октября, 2 ч. 15 м. пополудни.

Въ слѣдствіе сдѣланныхъ распоряженій сборище въ м. Гродле не состоялось. Въ Варшавѣ положеніе дѣлъ не измѣнилось. Буду дѣйствовать согласно указаніямъ Вашего Величества. Графъ Ламбертъ.

2-го октября.

Въ предупрежденіе новыхъ возмутительныхъ заявленій по случаю памяти о Костюшкѣ, долженствующей праздноваться завтра, я призналъ необходимымъ безъотложно объявить все Царство на военномъ положеніи. Въ городѣ войска занимаютъ свои мѣста нынѣшнею же ночью. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

2-го октября, $11^1/_2$ часовъ утра.

Дай Богъ, чтобы объявленіе всего Царства на военномъ положеніи произвело тотъ результатъ, котораго я давно ожидаю. Каково твое здоровье? Да подкрѣпитъ тебя Господь. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

3-го октября, 2 ч. 20 м. ночи.

Вчерашній день прошелъ спокойно. Отправленъ курьеръ къ Вашему Величеству.

На сегодня возвѣщена манифестація въ память Костюшки; приняты мѣры къ воспрепятствованію.

Здоровье мое плохо. Графъ Ламбертъ.

4-го октября, 4 ч. 15 м. ночи.

Вчера три церкви, въ которыхъ собралось для возвѣщенія служенія и пѣли возмутительные гимны, были окружены военною силою; изъ одной изъ нихъ публика вышла скрытымъ ходомъ, въ другихъ упорствовала оставаться до поздней ночи.

Въ эту минуту производится въ нихъ силою арестованіе всѣхъ мужчинъ. Сильное волненіе; уличныя скопища разсѣевались патрулями и кавалерійскими разъѣздами. Графъ Ламбертъ.

5-го октября, 3 часа ночи.

Въ городѣ спокойно.

Изъ арестованныхъ въ церквахъ 1,600 человѣкъ, бо̀льшая часть освобождена по старости или малолѣтству. Арестованіе это произвело въ духовенствѣ сильное негодованіе; хочетъ церкви въ Варшавѣ закрыть. Графъ Ламбертъ.

5-го октября, 9 ч. 30 м. утра, (получ.) 7 ч. 35 м. вечера.

Ген.-ад. Герштенцвейгъ застрѣлился утромъ въ 7 часовъ, умираетъ. Болѣзнь моя такъ усиливается, что ненадеженъ. Ради Бога, пришлите тотчасъ кого нибудь на наши мѣста. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

6-го октября, 1 часъ пополудни.

Крайне огорченъ самоубійствомъ Герштенцвейга и твоимъ нездоровьемъ. Полагаю послать въ Варшаву ген.-ад. Лидерса. Вытребовалъ его сюда изъ Одессы. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

6-го октября, 2 часа ночи.

День прошелъ спокойно.

Всѣ церкви закрыты духовенствомъ, противудѣйствую его вліянію сколько могу.

Ген.-ад. Герштенцвейгъ живъ, но въ безнадежномъ положеніи; замѣщается ген.-ад. Мерхилевичемъ. Графъ Ламбертъ.

7-го октября, ночью 2 ч. 30 м.

День прошелъ благополучно. Н. А. Герштенцвейгу нѣсколько лучше. Вчера отправилъ курьера къ Вашему Величеству. Графъ Ламбертъ.

8-го октября, 2 ч. 30 м. ночи.

Въ городѣ спокойно.

Церкви заперты, не знаю какъ пройдетъ сегодняшній день. Графъ Ламбертъ.

9-го октября, 2 ч. 35 ночи.

Строгія мѣры приносятъ замѣтную пользу; сегодняшній день прошелъ совершенно спокойно, не смотря на закрытіе церквей духовенствомъ; полицейскій порядокъ возстановляется. Въ нынѣшнюю ночь будутъ арестованы многіе изъ главныхъ ажитаторовъ. Буду продолжать въ томъ же духѣ. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

9 го октября, въ полдень.

Слава Богу, что военное положеніе начинаетъ приносить пользу, которую отъ него ожидалъ.—Ген.-ад. Лидерсу передалъ лично мои приказанія.—Дней черезъ 6 онъ будетъ готовъ къ отправленію.—Живъ-ли Герштенцвейгъ и каково твое здоровье? Завтра отправляемся моремъ въ Николаевъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Ливадію.

10-го октября, 12 ч. 5 м. ночи.

Въ городѣ совершенно спокойно. Но церкви заперты. Арестовано 10 человѣкъ ажитаторовъ. Ген.-ад. Герштенцвейгъ живъ, но очень страдаетъ Здоровье мое хуже и хуже. Графъ Ламбертъ.

Изъ Ливадіи въ Варшаву.

Ген.-ад. Сухозанету. 10-го октября, 6 ч. вечера.

Искренно благодарю васъ за готовность временно замѣстить графа Ламберта до пріѣзда ген.-ад. Лидерса. Прошу васъ дѣйствовать безъ всякаго послабленія, и не допускать ни подъ какимъ видомъ никакихъ своеволій. Виновныхъ судить по военому положенію и приговоры приводить въ исполненіе немедля. Александръ.

Изъ Варшавы въ Николаевъ.

11-го октября, 9 ч. 45 м. утра. Получ. въ Ливадіи 12 ч. 45 м. пополудни.

Въ Варшавѣ и провинціяхъ совершенно спокойно; возмутительныя и эмблематическія явленія всякаго рода исчезли.

Ген.-ад. Сухозанетъ прибылъ вчера въ 12 часовъ ночи и вступаетъ сегодня въ исправленіе должности. Выѣзжаю за границу въ 11 часовъ вечера. Графъ Ламбертъ.

11-го октября, № 270, получена въ Ливадіи 3 ч. 15 м. ночью 12-го октября.

Маркизъ Віелопольскій подалъ въ отставку. Нахожу необходимымъ отъ имени Государя его удержать. Графъ Ламбертъ.

ПОѢЗДКА ПОДЪ ПЛЕВНУ

въ 1877 году.

Посвящается памяти Михаила Дмитріевича Скобелева.

Послѣ третьей Плевны, т. е. несчастнаго приступа 30 августа, нервное настроеніе русскаго общества достигло крайней степени. Я не выдержалъ и поѣхалъ на театръ войны, чтобы собственными глазами посмотрѣть положеніе дѣла. Не буду описывать длинной дороги отъ Москвы до Яссъ. Начиная приблизительно отъ станціи Раздѣльной, движеніе впередъ все болѣе и болѣе замедлялось скопленіемъ поѣздовъ, военныхъ и встрѣчныхъ санитарныхъ, которые были наполнены ранеными. Въ Кишиневѣ, гдѣ между приходомъ и отправкою поѣзда прошло часа два или три, я успѣлъ навѣстить генерала Драгомірова, который лежалъ тамъ съ больною ногою, прострѣленною на Шипкѣ. Супруга его вручила мнѣ ящикъ съ чаемъ для Зимницкаго госпиталя.

Въ Яссахъ пришлось ждать цѣлый день слѣдующаго поѣзда. Тутъ на вокзалѣ я встрѣтилъ знакомаго мнѣ полковника Сытенка, начальника желѣзно-дорожнаго батальона. Благодаря его любезности, я успѣлъ не только посѣтить огромный баракъ-госпиталь, расположенный близь станціи и биткомъ набитый ранеными и больными, подлежавшими дальнѣйшей отправкѣ, т. е. въ Россію, но и осмотрѣть весь городъ Яссы съ его окрестностями. Къ вечеру выѣхалъ Бухарестскій поѣздъ.

По утру, когда взошло солнце и вагоны катились по широкой Румынской равнинѣ, невдалекѣ, почти параллельно съ нами, показалась шоссированная дорога, по которой двигалась русская походная колонна. Погода была ясная и сухая; солнечные лучи играли на

штыкахъ; люди шли бодро; офицеры верхами составляли группы впереди и позади колонны. Не хочу скрывать своего тогдашняго ощущенія: какая-то слеза умиленія стояла въ глазахъ при видѣ роднаго войска, шедшаго на святое дѣло. Но на театрѣ войны или вблизи его однѣ ощущенія должны часто смѣняться другими. Вспоминаю иную картину, уже при моемъ возвращеніи, въ той же Румыніи, на дорогѣ между Зимницею и Журжевомъ. Небо покрыто тучами, мороситъ дождь; посреди глубокой вечерней темени лошади медленно тащатъ телѣжку, а возница едва разбираетъ дорогу. На встрѣчу стали попадаться группы какихъ-то тѣней, которыя все спрашивали, далеко-ли до ближней деревни. Это были русскіе солдаты, усталые, промокшіе; они въ потьмахъ плелись по грязи до слѣдующаго привала. Но вернемся къ Бухарестскому поѣзду. Помянутое впечатлѣніе, произведенное русскою колонною, было вслѣдъ затѣмъ нѣсколько испорчено шумнымъ обществомъ русской молодежи, которая ѣхала въ сосѣднемъ вагонѣ; но, будучи, какъ говорится, на-веселѣ, не ограничивалась имъ, а посѣщала и другіе вагоны. Оказалось, что это были юнкера или воспитанники юнкерской школы, выпущенные въ офицеры и отправлявшіеся въ дѣйствующую армію. Источникомъ ихъ шумной веселости послужило жалованье, выданное впередъ или не въ зачетъ (хорошо не помню). Передъ Румынскою публикою, конечно, было нѣсколько неловко; приходилось говорить своимъ сосѣдямъ-румынамъ о крайней молодости, о томъ, что всѣ эти юноши будутъ храбро драться и, вѣроятно, далеко не всѣ вернутся на родину (что безъ сомнѣнія буквально потомъ исполнилось). Изъ разговоровъ съ сосѣдями-Румынами, равно дамами и мущинами, я узналъ, что всѣ они сильно побаиваются, какъ бы турки не прорвались на эту сторону Дуная и не произвели всякаго рода опустошеній и плѣненій.

Въ Бухарестѣ, при въѣздѣ въ городъ, таможенные чиновники обшарили мои вещи и едва пропустили помянутый ящикъ съ чаемъ. Затѣмъ долго пришлось разъѣзжать по городу, отыскивая какой-нибудь пріютъ; такъ все было полно русскимъ офицерствомъ, преимущественно штабнымъ или нестроевымъ, интендантствомъ и множествомъ агентовъ, особенно еврейскихъ, по продовольствію войскъ и другимъ статьямъ военной надобности. Со станціи я взялъ извощика изъ русскихъ скопцевъ, которыхъ тамъ очень много, и, благодаря возможности объясняться съ нимъ по-русски, наконецъ нашелъ себѣ какую-то полусвѣтлую комнатку въ одной гостинницѣ средней руки, чистотою конечно не отличавшейся.

Въ этомъ городѣ, съ которымъ былъ уже прежде знакомъ, на сей разъ пробылъ полтора сутокъ. Прежде всего я отправился въ русское генеральное консульство. Когда спросилъ г. консула, нужно-ли запастись отъ него бумагою для пропуска за Дунай, онъ отвѣчалъ, что это необходимо, а иначе меня, какъ частное лицо, не пропустятъ. На слѣдующій день къ 12 часамъ онъ обѣщалъ приготовить мнѣ нужную бумагу. Услыхавъ, что въ томъ же домѣ консульства, въ сосѣднихъ комнатахъ, проживаетъ русскій канцлеръ, я пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобы видѣть и слышать одного изъ крупныхъ дѣятелей нашей современной исторіи, котораго никогда прежде не видалъ. Но на посланную карточку получилъ отвѣтъ, что князь сейчасъ уѣзжаетъ на прогулку и принять меня не можетъ [1]).

Въ этотъ день, не встрѣтивъ никого изъ знакомыхъ или благопріятелей, я не собралъ никакихъ свѣдѣній о театрѣ войны; а могъ только наблюдать движеніе и жизнь на улицахъ, въ магазинахъ и ресторанахъ. Видѣлъ, какъ русское золото и серебро сыпалось вездѣ щедрою рукою. На другой день въ назначенный часъ явился въ генеральное консульство; но тамъ никто и не думалъ приготовить мнѣ какую-либо бумагу; консулъ былъ съ кѣмъ-то занятъ, и очевидно ему было не до меня въ такое суетливое время. Я рискнулъ ѣхать безъ бумаги, и часа черезъ три сѣлъ на Журжевскій поѣздъ, отправляв-

---

[1]) По этому поводу припомню подобный же случай. Въ 1868 году я былъ въ Варшавѣ и осматривалъ ея древности. Главную достопримѣчательность ея составляетъ старый королевскій дворецъ, въ которомъ жилъ намѣстникъ графъ Бергъ. Думаю: въ 1864 году былъ въ Вильнѣ, и случайно попалъ на утренній пріемъ къ Муравьеву; теперь посмотрю на другаго усмирителя польскаго мятежа и вмѣстѣ одного изъ главныхъ германизаторовъ Привислянскаго края. Прошу доложить обо мнѣ и посылаю свою карточку. Не тутъ-то было. Ко мнѣ вышелъ адъютантъ, очевидно также изъ нѣмцевъ, и спросилъ, что мнѣ нужно отъ графа? Я отвѣчалъ, что ничего болѣе какъ позволеніе осмотрѣть дворецъ и преимущественно его старину. Адъютантъ пошелъ, и принесъ мнѣ это позволеніе; при чемъ далъ въ провожатые служителя-поляка. (Руссій элементъ во дворцѣ существовалъ только въ видѣ военнаго караула). Графъ Бергъ уже умеръ; такъ я его и не видалъ. Напомню и еще нѣчто подобное. Въ 1878 году въ Москвѣ я пожелалъ присутствовать на одномъ торжественномъ раутѣ, чтобы поближе взглянуть на главныхъ современныхъ правителей; но не могъ добиться приглашенія отъ чиновниковъ, щедро разсылавшихъ его налѣво и направо. Я тогда возропталъ печатно, что вызвало порицаніе со стороны нѣкоторыхъ органовъ нашей прессы, которые, конечно, заподозрили во мнѣ честолюбивыя стремленія.

Д. И.

шійся до Фратешти. Это былъ поѣздъ преимущественно военный и вѣроятно оплачиваемый русскимъ правительствомъ. Билетовъ никто не спрашивалъ; различія между классами тутъ не существовало. Всѣ садились куда и какъ попало. Поѣздъ шелъ медленно съ большими остановками на какихъ-то бѣдныхъ станціяхъ съ буфетами, предлагавшими незатѣйливыя яства и напитки, въ родѣ водки и колбасы. Уже поздно вечеромъ добрались мы до Фратешти. Журжево въ то время страдало отъ бомбъ, прилетавшихъ съ другой стороны Дуная, изъ Рущука; а потому поѣздъ невсегда доходилъ до конца желѣзнаго пути. У станціи ожидала толпа извощиковъ. Я выбралъ одного румынскаго болгарина съ легкой телѣжкой (каруццой), запряженной тремя маленькими лошадками, и сторговалъ его за сколько-то полуимперіаловъ отвезти меня въ Болгарію, именно въ Горный Студень, гдѣ тогда находилась главная квартира. Мы ѣхали всю ночь; передъ утромъ остановились въ какомъ-то довольно большомъ румынскомъ селеніи, названія котораго не помню. Тутъ болгаринъ, никуда не заѣзжая, на улицѣ покормилъ своихъ лошадокъ, и затѣмъ продолжалъ путь. Наружный характеръ страны, по крайней мѣрѣ въ этой части Румыніи, не показывалъ ни значительной культуры, ни довольства или густоты населенія. По мѣрѣ движенія впередъ сказывалась близость театра войны, особенно въ видѣ павшихъ воловъ и лошадей, которые были только отодвинуты немного въ сторону отъ дороги и почему-то оставались неубранными.

Часовъ въ десять или одинадцать утра я пріѣхалъ въ румынское селеніе или городокъ Зимницу, лежащій на лѣвой сторонѣ Дуная, насупротивъ болгарскаго города Систова. Около Зимницы въ открытомъ полѣ расположенъ былъ довольно обширный госпитальный лагерь Краснаго Креста, состоявшій изъ разной величины палатокъ. Тутъ я провелъ часа два. Благодаря помянутому ящику съ чаемъ, назначенному для этого госпиталя, мнѣ было оказано нѣкоторое вниманіе; сестры милосердія даже напоили меня чаемъ; а смотритель госпиталя сводилъ меня въ кухонный баракъ, гдѣ въ огромныхъ котлахъ кипѣли щи или борщъ, варившійся для больныхъ, и предложилъ отвѣдать горячаго борщу. Принимая меня за корреспондента, онъ выразилъ надежду, что я одобрительно отзовусь о хозяйственной сторонѣ госпиталя; охотно даю этотъ отзывъ въ настоящее время, хотя и нѣсколько поздно. Больные, наполнявшіе палатки, несомнѣнно пользовались свѣжимъ воздухомъ; но наступало осеннее время, и я полагаю, что по ночамъ они страдали отъ холоду. Изъ большаго барака, гдѣ производились хирургическія операціи и накладывались

гипсовыя повязки, раздавались стоны и вопли, съ непривычки наводившіе немалую тоску.

Спустившись съ высокаго берега къ понтонному мосту, наведенному черезъ Дунай, я былъ остановленъ часовымъ, который потребовалъ мой видъ и пропускъ. У меня оказалось письмо князя В. А. Черкасскаго (теперь уже покойнаго), начальника временнаго гражданскаго управленія въ Болгаріи. Письмо, написанное на печатномъ бланкѣ мѣсяцевъ за пять назадъ, заключало въ себѣ отвѣтъ на мое желаніе прибыть въ главную квартиру, желаніе, которое въ то время не было приведено въ исполненіе. Этого письма оказалось достаточно, и меня пропустили.

Городъ Систово, съ его каменными домиками, лѣпившимися на высокомъ берегу Дуная, на сей разъ я миновалъ, потому что спѣшилъ въ тотъ же день добраться до Горнаго Студня. Благодаря сухой погодѣ, дорога не представляла трудностей, и мы ѣхали довольно скоро. Только время отъ времени мой болгаринъ останавливался, набиралъ стеблей и листьевъ кукурузы, остававшейся неубранною въ поляхъ, и давалъ ее пожевать своимъ лошадкамъ; при чемъ считалъ непремѣнною обязанностію подергать или потянуть ихъ за уши. Очевидно это былъ гигіеническій пріемъ, общеупотребительный въ тѣхъ краяхъ. Въ какой-то деревенькѣ мы сдѣлали маленькій привалъ на улицѣ или на площади, чтобы покормить лошадокъ. Тутъ я нагналъ одну изъ частей гвардіи, двинутой тогда на театръ войны, именно Измайловскій полкъ. Я сѣлъ на пригоркѣ возлѣ дороги, и смотрѣлъ на растянувшіяся полковыя колонны. Солдаты имѣли спокойный, бодрый видъ; только полковой обозъ, повидимому, представлялъ нѣкоторыя затрудненія, и большія неуклюжія повозки, нагруженныя разнымъ добромъ, иногда застрѣвали въ какихъ-нибудь ямкахъ, такъ что доставляли не мало возни людямъ. Между тѣмъ недалеко отъ меня присѣла группа офицеровъ, и изъ долетавшихъ до меня разговоровъ я могъ убѣдиться въ ихъ воинственномъ настроеніи. Такъ, по поводу какого-то замѣчанія о Туркахъ, одинъ юноша сказалъ, что онъ на ихъ счетъ запасся хорошей шашкой, и ударилъ по ея рукояти. Но когда полкъ прошелъ, и я приблизился къ другой группѣ, которая собралась неподалеку отъ моей телѣжки и состояла повидимому изъ лицъ, расквартированныхъ въ этой деревенькѣ, то здѣсь убѣдился, что армейскіе чины безъ особаго удовольствія встрѣчали шедшую къ нимъ на помощь гвардію. Она молъ воспользуется плодами нашихъ трудовъ и нашей крови; ей достанутся и главная слава, и главныя награды. Извѣстно, какъ впослѣдствіи гвардія геройскими

и кровопролитными подвигами стяжала свои лавры. Но пусть тѣ, отъ кого зависитъ, на будущее время постараются устранить этотъ недостатокъ дружбы между войскомъ простымъ и привиллегированнымъ.

Время уже близилось къ вечеру, когда я добрался до Горнаго Студня, селенія, расположеннаго посреди лощинъ и овраговъ. Разыскавъ мѣсто, гдѣ былъ отдѣльный небольшой лагерь чиновниковъ временнаго гражданскаго управленія, я остановился подлѣ хижины, которую занималъ князь Черкасскій. Онъ куда-то отъѣхалъ и еще не возвращался. Я расчиталъ своего возницу, и сталъ дожидаться князя. Низенькая хижина, въ которой онъ помѣщался, по мѣстному обычаю, была наполовину выкопана въ землѣ; но она отличалась отъ другихъ чистотою и опрятностію, и глиняный полъ ея былъ устланъ свѣжею соломою. Причисленные къ нему офицеры и чиновники его канцеляріи располагались кругомъ въ простыхъ холстинныхъ палаткахъ. Спустя полчаса, послышался конскій топотъ, и на сѣромъ пожиломъ конѣ подъѣхалъ князь Черкасскій, въ полувоенномъ костюмѣ и въ невысокихъ сапогахъ со шпорами. Послѣ того, какъ мы видѣлись въ Москвѣ, онъ замѣтно посѣдѣлъ и похудѣлъ; усиленные труды и заботы уже наложили свою печать на его умную физіономію. Когда я ему сообщилъ о своемъ намѣреніи ѣхать подъ Плевну, онъ отвѣчалъ, что безъ особаго спеціальнаго разрѣшенія изъ главной квартиры меня туда не пропустятъ; на этотъ счетъ тамъ очень строго; слѣдовательно мнѣ нужно ждать возвращенія Великаго князя главнокомандующаго, который только-что уѣхалъ туда-же, подъ Плевну, и вернется неизвѣстно когда, во всякомъ случаѣ не ранѣе трехъ, четырехъ дней. Такое препятствіе меня нѣсколько озадачило, ибо въ Горномъ Студнѣ, какъ оказалось, дѣлать было нечего, и ожиданіе представлялось довольно тягостнымъ.

Разумѣется, тотчасъ возникъ вопросъ, куда меня пріютить. Нашлась свободная койка въ одной палаткѣ, именно у г. Станишева, родомъ болгарина, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ еще въ Москвѣ. По сосѣдству съ нашимъ лагеремъ оказался довольно сносный ресторанъ, устроенный въ довольно большой палаткѣ маркитантомъ главной квартиры, гдѣ и можно было утолить голодъ. Хотя днемъ солнце даже пекло, но ночи были уже холодныя, и я порядкомъ зябъ въ небольшой легкой палаткѣ, снизу продуваемой вѣтромъ. Слѣдующее утро провелъ въ прогулкахъ по Горному Студню и его окрестностямъ; видѣлъ издали Государя Императора, какъ онъ на дворѣ занимаемаго имъ домика завтракалъ, окруженный свитою;

съѣздилъ на помянутой верховой лошади князя Черкасскаго въ одну деревеньку, въ которой нѣкоторое время находилась главная квартира Государя Цесаревича; посѣтилъ съ княземъ калмыцкія кибитки Краснаго Креста, гдѣ между прочимъ полюбовался на студентовъ-медиковъ, добровольно отправившихся на театръ войны. Раза два заходилъ въ ресторанъ; нѣсколько разъ принимался пить чай съ хозяиномъ своей палатки или съ обитателями сосѣднихъ палатокъ. Вскорѣ я убѣдился, что для русскихъ людей на театрѣ войны главная отрада—это чай.

Во время чаепитій я, между прочимъ, сталъ собирать свѣдѣнія о томъ, какія-же существуютъ тамъ средства сообщенія. Оказалось, что для меня собственно никакихъ средствъ не представлялось, и что эта часть есть самая затруднительная даже для военныхъ чиновъ. Надобно было или купить себѣ лошадь, которую содержать было очень не легко, или ждать такъ называемой оказіи, а иначе путешествовать пѣшкомъ или на волахъ съ какимъ-либо обозомъ. Подобная перспектива, съ возможностію на неопредѣленное время быть отрѣзаннымъ отъ возвращенія въ Россію, конечно, не мало меня встревожила. Я побѣжалъ разыскивать своего вчерашняго возницу-болгарина, и нашелъ его совершенно готовымъ уѣхать. Онъ стоялъ подлѣ своей запряженной телѣжки, и поджидалъ, не найметъ-ли кто его на обратный путь, т. е. въ Румынію. Такое замедленіе оказалось для меня счастливою случайностію. Я постарался остановить болгарина, и поспѣшилъ къ князю Черкасскому, которому сообщилъ о своемъ рѣшеніи ѣхать немедленно подъ Плевну, хотя бы это и было сопряжено съ рискомъ. В. А. не сталъ болѣе меня удерживать, и тотчасъ написалъ для меня нѣсколько рекомендательныхъ записокъ къ разнымъ лицамъ, окружавшимъ Великаго князя главнокомандующаго. Пока онъ писалъ, я пригласилъ болгарина въ палатку, и, съ помощію г. Станишева, сначала убѣдилъ его везти меня подъ Плевну и оттуда обратно въ Румынію, а затѣмъ столковался въ цѣнѣ, которую онъ запросилъ было сверхъ всякой мѣры. Но за сколько золотыхъ я его нанялъ, теперь въ точности не помню.

Было уже часовъ пять по полудни, когда я простился съ кн. Черкасскимъ, и выѣхалъ по направленію къ Плевнѣ, до которой отъ Горнаго Студня приблизительно верстъ пятьдесятъ. Почти на половинѣ этого разстоянія находится селеніе Булгарени, въ которомъ я долженъ былъ остановиться на ночлегъ, имѣя записку отъ князя Черкасскаго къ капитану Паули, завѣдывавшему здѣсь питательнымъ

пунктомъ. Нужно замѣтить, что эти благодѣтельные пункты были учреждены отъ Краснаго Креста по главнымъ путямъ на театрѣ войны для того, чтобы доставлять отдыхъ, пищу, перевязки и вообще медицинскую помощь раненымъ и больнымъ, которые постоянно эвакуировались съ мѣста дѣйствія. Они находились въ вѣдѣніи князя Черкасскаго, а онъ для административныхъ потребностей имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторое количество гвардейскихъ офицеровъ.

Помнится, въ сумеркахъ мы проѣзжали чрезъ какое-то большое селеніе, исключительно турецкое; возвращавшійся съ пастьбы скотъ столпился у деревенскаго колодца; тутъ же лѣниво и апатично копошились люди, повидимому не обращавшіе никакого вниманія на проѣзжихъ. На этой дорогѣ къ Булгаренямъ я имѣлъ одно непріятное приключеніе, окончившееся, впрочемъ, благополучно. Такъ какъ уже смерклось, и мой возница спѣшилъ добраться до ночлега, то онъ началъ усердно погонять своихъ лошадокъ; мы ѣхали по неровной мѣстности, изрытой долинами и оврагами. Тележка часто подпрыгивала на ямкахъ и кочкахъ и иногда неслась по крутой извилистой дорожкѣ, которую едва можно было различить въ полутьмѣ. Разъ спустились мы вскачь съ какой-то покатости въ тинистую лощину, черезъ которую былъ наброшенъ хворостъ. Но едва лошади ступили на эту обманчивую настилку, какъ по самую грудь ушли въ трясину. Туда сюда, но, какъ говорится, ни съ мѣста. При наступившей абсолютной темнотѣ положеніе оказалось критическимъ. Мой болгаринъ почти плакалъ, и отчаянно суетился около лошадей, проклиная свое согласіе везти меня подъ Плевну. Я рѣшилъ идти впередъ пѣшкомъ, и, если можно, найдти какую-либо помощь. Перебравшись кое-какъ по настланному хворосту, ощупью пошелъ по дорогѣ. Вдругъ гдѣ-то налѣво отъ нея мелькнулъ огонекъ; я направился въ ту сторону. Огонекъ исчезъ; но я продолжалъ идти, и скоро могъ различить въ темнотѣ какую-то широко раскинувшуюся массу. Затѣмъ услыхалъ людской говоръ. Черезъ минуту все объяснилось. Безформенная масса обратилась въ ряды артилерійскихъ фургоновъ и лафеты съ орудіями. Это была слѣдовавшая куда-то артиллерійская бригада, остановившаяся на ночлегъ въ открытомъ полѣ. Говоръ происходилъ отъ группы солдатъ, которая лежала на привалѣ и еще не успѣла заснуть; а огонь мелькнулъ тогда, когда они закуривали свои трубки. Разумѣется, я разсказалъ имъ о своемъ приключеніи, и просилъ помощи. Тотчасъ отобралось десятокъ молодцовъ, и, съ разрѣшенія офицера, отправились со мною, захвативъ фонарь.

Когда мы подошли къ мѣсту событія, на немъ не оказалось ни лошадей, ни телѣжки; а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него болгаринъ снова запрягалъ свою каруццу. Пока я ходилъ за помощью, ему какъ-то удалось всѣхъ лошадей по очереди вытащить изъ трясины. Потомъ, будучи не въ состояніи повернуть увязшую телѣжку, онъ привязалъ къ ея задку хвосты своихъ коней, и они вытащили ее на сухую почву. Находчивость, достойная греческаго Одиссея. Но оставалось разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ переправиться на другую сторону тинистой лощины? Мы пошли по ея берегу, отыскивая болѣе сухое мѣсто для переправы. Дѣйствительно, дно ея становилось суше; но чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ болѣе превращалась она въ безконечный оврагъ съ крутыми берегами. Тогда пришлось снова выпрячь лошадей и перевести ихъ въ поводу; солдаты на рукахъ спустили телѣжку на дно оврага и втащили ее на другую сторону. Выѣхавъ снова на дорогу, я поблагодарилъ артиллеристовъ и продолжалъ путь. Разумѣется, нельзя было не посѣтовать при этомъ, что въ районѣ расположенія русскихъ войскъ пути сообщенія были такъ неисправны.

Спустя около часу, мы достигли Булгарень.

Большой полотняный баракъ и нѣсколько маленькихъ палатокъ подлѣ него тотчасъ обнаружили мѣсто питательнаго пункта. Я заглянулъ въ баракъ; онъ былъ разгороженъ на разныя отдѣленія, но казался пустъ; рѣзкій вѣтеръ съ шумомъ колебалъ его холстинныя или клеенчатыя стѣны и покрышку. Въ одномъ углу, отдѣленномъ пологомъ, горѣла свѣча: какой-то молодой писарь сидѣлъ тамъ за столомъ и составлялъ отчетныя вѣдомости. Отъ него я узналъ, что капитанъ Паули перебрался изъ палатки въ деревню вслѣдствіе наступившихъ холодовъ, такъ какъ онъ заболѣлъ лихорадкою. По указанію писаря, я нашелъ дворъ и ту избу, гдѣ помѣщался капитанъ, и здѣсь присталъ съ своей каруццой. Запретивъ будить больнаго хозяина, я поручилъ деньщику отдать ему письмо Черкасскаго по утру, когда онъ встанетъ; а себѣ попросилъ послать соломы въ сѣняхъ или въ передней избѣ, и скоро заснулъ довольно крѣпко.

По утру, когда я всталъ, хозяинъ уже былъ предупрежденъ обо мнѣ помянутымъ письмомъ, и любезно упрекнулъ меня за то, что я не велѣлъ его разбудить. У него въ это время былъ еще его товарищъ по гвардіи, капитанъ Владиміровъ, тоже командированный въ распоряженіе князя Черкасскаго и состоявшій административнымъ начальникомъ того болгарскаго округа или уѣзда, въ которомъ мы на-

ходились. Онъ собирался объѣзжать свой округъ и направлялся также въ сторону Плевны; поэтому предложилъ ѣхать вмѣстѣ. Мало того, онъ радушно предоставилъ въ мое распоряженіе свою верховую лошадь для поѣздки собственно въ Плевненскій лагерь, чѣмъ значительно облегчилъ мнѣ эту поѣздку. Хозяинъ угостилъ насъ пріятною бесѣдою, чаемъ и завтракомъ; послѣ чего мы отправились въ путь. Я сѣлъ съ капитаномъ Владиміровымъ въ его телѣжку, запряженную парою бойкихъ лошадокъ, которыхъ онъ пріобрѣлъ на мѣстѣ; сзади была привязана верховая лошадь, а далѣе за нами слѣдовалъ мой болгаринъ съ своей каруццой. Разумѣется, я пользовался случаемъ узнать все, что меня интересовало, и что могли мнѣ сообщить оба капитана.

Часа черезъ два или два съ половиною мы достигли селенія Радишева, въѣхали на какой-то дворъ, и вошли въ избу. Тутъ сидѣла группа офицеровъ, которые, употребляя техническое выраженіе, рѣзались въ карты. Мой спутникъ обратился къ одному изъ нихъ, хозяину избы, молодому человѣку съ польской фамиліей, и рекомендовалъ ему меня, по порученію капитана Паули. Молодой офицеръ кивнулъ мнѣ головой; сказалъ что-то въ родѣ того, что онъ учился по моимъ книгамъ; затѣмъ повернулся спиною, и продолжалъ игру. Мы вышли на дворъ, посидѣли на крыльцѣ; но, не видя никакихъ знаковъ вниманія, перебрались съ своими телѣжками на какой-то другой дворъ, гдѣ, помнится, стояла команда жандармовъ, и тутъ пристали. Здѣсь я долженъ былъ оставить своего болгарина, и отсюда уже верхомъ ѣхать къ Плевнѣ, отстоявшей верстъ на семь.

Спутникъ мой досталъ откуда-то мѣдный или жестяной чайникъ, тутъ-же на дворѣ вскипятилъ воду и сдѣлалъ чай. Напившись и съѣвъ по куску сыру, который у насъ обоихъ оказался въ запасѣ, мы распрощались. Оставивъ дорожный сакъ въ телѣжкѣ и привязавъ свои пледы къ сѣдлу, я выѣхалъ изъ деревни. Капитанъ показалъ мнѣ дорогу. Ѣхать приходилось между полями и нивами, съ которыхъ былъ снятъ хлѣбъ. Часть пути я сдѣлалъ съ какимъ-то гусаромъ, проѣзжавшимъ не помню куда. Потомъ въѣхалъ на какое-то возвышеніе, и передо мною открылась часть русскихъ линій, облегавшихъ Плевну съ сѣверовосточной стороны. Мѣстность имѣетъ здѣсь весьма неровную, волнообразную поверхность. Переѣзжая съ пригорка на пригорокъ, я попалъ въ какое-то лагерное расположеніе, состоявшее изъ палатокъ и землянокъ. Одни солдаты носили воду изъ ближняго ручья, другіе варили пищу, третьи копали землю для своихъ землянокъ, четвертые сооружали новое укрѣпленіе въ видѣ люнета.

Однимъ словомъ, шла обыденная лагерная дѣятельность въ тылу передовыхъ траншей, откуда изрѣдка слышались выстрѣлы, которыми сторожевыя цѣпи обмѣнивались съ непріятелемъ.

Я, наконецъ, подъ Плевной, куда такъ стремился. Но пока не вижу никакой Плевны, не вижу непріятеля. Любопытно то, что всѣ разговоры о строгомъ воспрещеніи являться сюда кому-либо постороннему, безъ особаго пропуска, оказались напрасными. У меня не только никто не потребовалъ пропуска, но и просто никто не полюбопытствовалъ узнать, что я за человѣкъ.

Продолжая шажкомъ объѣзжать разбросанные тамъ-сямъ лагери, устроенные большею частію по скатамъ или въ глубинѣ долинъ и слѣдовательно скрытые отъ глазъ непріятеля, я вдругъ очутился передъ батареей изъ восьми пушекъ довольно большаго калибра. По сторонамъ ея виднѣлись траншеи со стрѣлками, а впереди довольно крутой обрывъ. Я слѣзъ съ лошади и попросилъ артиллерійскую прислугу вызвать начальника батареи. Ко мнѣ вышелъ небольшаго роста блондинъ, назвавшій себя капитаномъ Ивановымъ. Я отрекомендовался. Но прежде нежели успѣлъ сказать, зачѣмъ пріѣхалъ подъ Плевну, капитанъ, очевидно неусмотрѣвшій ничего необыкновеннаго въ моемъ любопытствѣ, любезно повелъ меня на свою батарею, и тотчасъ принялся все объяснять и показывать. Оказалось, что я попалъ на центральную или одну изъ центральныхъ батарей. Солнце уже садилось, и капитанъ поспѣшилъ воспользоваться его послѣдними лучами, чтобы показать мнѣ Плевну и непріятельскія укрѣпленія.

Съ этого возвышеннаго пункта, на разстояніи верстъ пяти, шести, открывался небольшой городъ Плевна, расположенный въ долинѣ между обнаженными холмами, посреди которыхъ оттѣнялись его бѣлые домики и минареты, съ нѣсколькими зелеными деревьями. Плевну я разсмотрѣлъ при помощи бинокля, сообщеннаго мнѣ начальникомъ батареи. Только при той же помощи могъ я различить сѣрыя линіи невысокихъ валовъ, обозначавшихъ непріятельскіе ложементы и редуты, расположенные на скатахъ возвышенностей по другую сторону растилавшейся у нашихъ ногъ долины. Кромѣ этихъ валовъ не было видно никакихъ признаковъ непріятеля.

Узнавъ о томъ, что я еще не имѣю никакого пріюта на ночь, г. Ивановъ тотчасъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей землянкѣ, гдѣ онъ помѣщался съ своимъ помощникомъ. Я конечно съ удовольствіемъ принялъ предложеніе; но предварительно желалъ представиться въ главной квартирѣ. Распросивъ о направленіи пути, который велъ къ мѣсту расположенія Великаго князя, я скоро нашелъ это мѣсто.

Помню, что мнѣ пришлось проѣзжать мимо лагеря того корпуса, которымъ командовалъ генералъ Криднеръ, и я увидалъ прохаживающуюся около палатокъ высокую, нѣсколько сгорбленную фигуру этого генерала, покрытаго лаврами Никополя и терніями второй Плевны.

Великій князь главнокомандующій съ своею свитою и казацкимъ конвоемъ занималъ особый пригорокъ. Меня направили къ дежурному офицеру, которому я и вручилъ свои двѣ или три рекомендательныя записки отъ князя Черкасскаго, для передачи кому слѣдуетъ. Но оказалось, что и записки эти не были необходимы. Едва въ главной квартирѣ узнали о моемъ пріѣздѣ, какъ мнѣ было оказано всякое радушіе.

Сначала вышелъ ко мнѣ сѣдовласый генералъ съ черными, еще сохранявшими свой блескъ, глазами. Это оказался Непокойчицкій, начальникъ главнаго штаба. Онъ же доложилъ обо мнѣ Великому князю главнокомандующему, который пожелалъ немедленно меня видѣть и распросилъ о цѣли моего пріѣзда. Межъ тѣмъ уже смерклось. На свѣжемъ воздухѣ, посреди палатокъ, стояли накрытые столы, поставленные въ одинъ рядъ. Великій князь милостиво пригласилъ меня отобѣдать и указалъ мнѣ мѣсто недалеко отъ себя, посреди своей свиты. Я и прежде слышалъ о его привѣтливости и простотѣ обращенія; а теперь на самомъ себѣ испыталъ эти привлекательныя качества, благодаря которымъ за столомъ господствовали непринужденность и даже веселость. Бесѣду, помнится, особенно оживляли сидѣвшіе насупротивъ Великаго князя генералъ Д. И. Скобелевъ (отецъ) и князь Имеретинскій.

Послѣ обѣда Великій князь ушелъ въ свою палатку. Общество разбилось на группы. Мнѣ случилось тутъ вести разговоръ какъ съ военными генералами, такъ и съ лицами другихъ профессій, состоявшихъ при главномъ штабѣ, напримѣръ съ медикомъ его высочества (не помню фамиліи) и съ драгоманомъ Макѣевымъ. Между прочимъ Непокойчицкій замѣтилъ мнѣ, что Плевна не представляетъ большаго интереса; что мнѣ лучше было бы съѣздить на Шибку, гдѣ можно любоваться великолѣпной горной природой.

„Ахъ, генералъ, до живописныхъ ли видовъ намъ теперь! Сокрушили вы насъ троекратной Плевной“—думалъ я въ эту минуту. Но, конечно, не отвѣтилъ такъ откровенно.

Межъ тѣмъ на обѣденныхъ столахъ былъ поданъ чай, и бо̀льшая часть общества снова усѣлась вокругъ нихъ, безъ соблюденія ранговъ, а гдѣ кому пришлось, такъ какъ Великій князь тутъ не при-

сутствовалъ. Разговоры касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Между прочимъ кто-то къ слову дружески-шутливо посовѣтовалъ юному дежурному офицеру жениться тотчасъ по окончаніи войны. Тотъ серьезно началъ увѣрять, что ни за что не женится такъ рано. По этому поводу бесѣда незамѣтно склонилась на женщинъ и на любовь—вѣчно всѣмъ близкіе и общедоступные вопросы, которые всегда занимали и будутъ занимать человѣчество, особенно въ долгіе вечерніе часы лагернаго досуга. Разговоръ этотъ, какъ и подобаетъ хорошему обществу, велся въ весьма приличной, даже изящной формѣ, со всѣми признаками рыцарственныхъ отношеній къ прекрасному полу.

Вечеръ былъ довольно теплый и тихій. Небольшое пространство, тускло освѣщенное нѣсколькими свѣчами, со всѣхъ сторонъ ограничивалось густою темнотою; такъ что, сидя въ пріятномъ обществѣ, на минуту можно было забыть бѣдствія войны и самое сосѣдство губительной Плевны. Но она о себѣ напомнила.

Вдругъ посреди ночной тишины послышалось нѣсколько выстрѣловъ гдѣ-то въ правой сторонѣ русскихъ линій. Выстрѣлы начали учащаться и скоро перешли въ горячую перестрѣлку, такъ что приковали къ себѣ общее вниманіе. Самъ Великій князь вышелъ изъ палатки, и, помѣстясь на краю пригорка на складномъ стулѣ, прислушивался къ пальбѣ. Позади сгруппировалась его свита, кто стоя, кто присѣвъ на землю. Громъ непрерывной пальбы нѣкоторое время шелъ crescendo; происходившіе отъ выстрѣловъ огоньки подобно молніямъ рѣзали мглу и разсыпались искрами. И слухъ, и зрѣніе поражались грандіознымъ впечатлѣніемъ. Можно было подумать, что въ той сторонѣ кипѣла ожесточенная битва. Но вотъ пальба постепенно стала ослабѣвать, и наконецъ затихла. Снова водворились мракъ и тишина. Послѣ оказалось, что никакого серьознаго столкновенія въ ту ночь не было; а на Гривицкомъ редутѣ, занятомъ Румынами, произошла ложная тревога, и открылась пальба, на которую Турки отвѣчали изъ своего ближняго редута. Нужно замѣтить, что Гривицкій редутъ былъ отнятъ у Турокъ же, и что они нѣсколько разъ пытались воротить его внезапными ночными нападеніями. Слѣдовательно означенная тревога, можетъ быть, въ сущности имѣла основаніе, и предупредила новую попытку непріятеля.

Меня оставили ночевать въ лагерѣ Великаго князя. Притомъ же такъ поздно, въ потьмахъ, отыскивать батарею Иванова было весьма неудобно. Когда я разсказалъ въ главномъ штабѣ о своей встрѣчѣ съ нимъ, то узналъ, что этотъ скромный и по наружности невидный

капитанъ пользовался репутаціей весьма храбраго и превосходнаго артиллериста. Тогда мнѣ невольно припомнился типъ артиллериста Тушина, прекрасно очерченный въ романѣ графа Толстаго «Война и миръ».

Меня поручили начальнику конвоя, казацкому полковнику, и онъ на ночь далъ мнѣ пріютъ въ палаткѣ одного изъ своихъ офицеровъ. Палатка была хотя и очень легкая, но хорошо прилажена, и когда мы улеглись, казакъ какъ-то наглухо приметалъ веревочкой ея дверку, такъ что вѣтеръ почти въ нее не проникалъ. Лошадь моя между тѣмъ пользовалась обществомъ конвойныхъ казацкихъ коней.

Съ восходомъ солнца конвойный лагерь былъ уже на ногахъ. Наканунѣ полковникъ обѣщалъ нарядить одного молодаго хорунжаго (или корнета), хорошо знавшаго мѣстность и расположеніе войскъ, чтобы проводить меня по русскимъ линіямъ и объяснить все, что можно. Но въ это утро, какъ нарочно, на хорунжаго пало дежурство при главной квартирѣ. Мнѣ дали въ провожатые двухъ казаковъ. Передъ выѣздомъ изъ лагеря я обратился къ Скобелеву-отцу съ вопросомъ, гдѣ и какъ могу видѣть его сына. Димитрій Ивановичъ отвѣчалъ, что съ этимъ вопросомъ лучше обратиться къ князю Имеретинскому, извѣстному другу Михаила Димитріевича. Князь Имеретинскій сообщилъ мнѣ, что въ это утро должна происходить рекогносцировка генерала Тотлебена, по окончаніи которой онъ будетъ обѣдать у Скобелева-сына. Князь именемъ сего послѣдняго любезно пригласилъ меня явиться къ тому же времени, т. е. къ пяти часамъ, въ главную квартиру Шестнадцатой дивизіи, которою командовалъ Михаилъ Димитріевичъ Скобелевъ.

Сначала я поѣхалъ съ своими казаками на лѣвый флангъ нашей арміи. Мы пробирались пашнями, лугами, мелкимъ кустарникомъ по пересѣченной мѣстности мимо нашихъ линій, которыя шли ломаною дугою параллельно съ земляными укрѣпленіями турецкой арміи и впереди состояли изъ ровиковъ со стрѣлками или такъ называемыхъ ложементовъ, далѣе люнетовъ, батарей и проч.; а за этими передовыми линіями и за пригорками, какъ я сказалъ, были мѣстами расположены лагери отдѣльныхъ частей. Солнце спряталось и небо покрылось облаками. Поэтому непріятельскія земляныя укрѣпленія я едва могъ различать. Но за то время отъ времени слышалъ рѣзкій, непріятный свистъ турецкихъ гранатъ, которыя большею частію перелѣтали черезъ переднія линіи и ударялись въ землю между ними и лагерями. На одной батареѣ я остановился и по приглашенію ея начальника вошелъ въ его землянку, гдѣ тотчасъ мнѣ былъ предложенъ

кусокъ колбасы и стаканъ чаю—этой, какъ я сказалъ, неизмѣнной отрады русскихъ людей на театрѣ войны. Начальникъ батареи (къ сожалѣнію—не помню его фамиліи) охотно далъ мнѣ всѣ объясненія, о которыхъ я просилъ, и въ качествѣ очевидца-участника разсказалъ нѣсколько печальныхъ эпизодовъ изъ битвы 30-го августа.

Нужно замѣтить, между прочимъ, что день этой битвы и канунъ ея были ненастны. Русскимъ солдатамъ, штурмовавшимъ высоты, приходилось взбираться по чрезвычайно вязкой глинѣ; понятно, что такое обстоятельство оказывало весьма неблагопріятное для насъ вліяніе на ходъ дѣла. Непріятель имѣлъ всѣ средства знать заранѣе о предстоявшемъ штурмѣ и приготовиться. Уже одно движеніе санитарныхъ повозокъ и устройство перевязочныхъ пунктовъ не могли скрыться отъ его вниманія, т. е. отъ вниманія его шпіоновъ. Затѣмъ планъ атаки и общее ею руководство остались для меня неясны, не смотря на всѣ разспросы. Это можно объяснить только тѣмъ, что они не были ясны и для самихъ участниковъ боя. Разумѣется, если бы мы одержали побѣду, то побѣдители нашлись бы немедленно. Общественное мнѣніе свалило главную вину пораженія на втораго начальника штаба, генерала Левицкаго. Но дѣйствительная степень этой вины, кажется, осталась невыясненною. Я спрашивалъ, между прочимъ, зачѣмъ поспѣшили приступомъ 30-го августа, имѣя недостаточныя для того силы? Зачѣмъ не подождали гвардіи, которая была уже на пути въ Болгарію? На эти вопросы также не получилъ удовлетворительныхъ объясненій.

Побывъ нѣсколько минутъ на скатѣ холма, на которомъ была устроена батарея, и посмотрѣвъ на Плевну, которую тутъ видѣлъ ближе, чѣмъ наканунѣ, я продолжалъ объѣздъ. Но, помнится, казаки не повели меня далѣе на крайній пунктъ лѣваго фланга, отзываясь, что тамъ слишкомъ близко отъ турецкихъ траншей, и что непріятельскіе стрѣлки какъ разъ снимутъ (съ сѣдла) мое благородіе [1]). Мы повернули назадъ, т. е. къ центру и правому флангу; но поѣхали туда другими, кратчайшими тропинками.

Около центра русскаго расположенія на одномъ возвышеніи я увидалъ снова Великаго князя главнокомандующаго и его свиту; сошедши съ коней, они въ бинокли наблюдали за парламентёрнымъ отрядомъ, который медленно двигался гдѣ-то вдали по шоссейной

---

[1]) При началѣ объѣзда старшій казакъ вѣжливо освѣдомился о томъ, какъ слѣдуетъ ко мнѣ обращаться: „ваше благородіе“ или „ваше высокоблагородіе“? Д. И.

дорогѣ, пролегавшей въ долинѣ. Въ этотъ день драгоманъ Макѣевъ съ нѣсколькими кавалеристами и трубачами, подъ парламентёрнымъ флагомъ, былъ посланъ для переговоровъ съ Османъ-пашею о заключеніи на нѣсколько часовъ перемирія, нужнаго для уборки труповъ, лежавшихъ между двумя воюющими арміями. Когда отрядъ скрылся изъ виду, главнокомандующій и его свита сѣли на коней и отъѣхали. Тутъ опять попалъ я на батарею Иванова. Но его въ эту минуту на ней не было; меня встрѣтилъ помощникъ его князь Вадбольскій и попенялъ мнѣ за то, что я не пріѣхалъ ночевать, а они соорудили было для меня и постель.

Во время своего объѣзда на нѣкоторыхъ пунктахъ я останавливался, сходилъ съ лошади и вступалъ въ разговоръ съ офицерами, которые отвѣчали мнѣ не только охотно, но и любезно. Наконецъ я добрался до Гривицкаго редута, гдѣ кончались русскія войска и начинались румынскія. Этотъ редутъ, названный отъ имени близъ лежавшей и тогда разоренной деревни, представлялъ круглое земляное укрѣпленіе въ два или три яруса, вооруженное пушками. Внутренность его была занята Румынами. Ихъ большія бараньи шапки только издали придавали имъ воинственный видъ; вблизи же они отличались апатичными, задумчивыми физіономіями. Впрочемъ въ эту войну ихъ небольшая армія вела себя очень недурно. Наружный валъ редута составлялъ третій, самый нижній его ярусъ, внутри котораго оказался уже не румынскій, а русскій гарнизонъ, какъ болѣе надежный. Тутъ я и остался нѣсколько минутъ такъ какъ могъ говорить съ русскими солдатами. Валъ, съ помощью фашинника, былъ устроенъ съ амбразурами или бойницами для стрѣльбы. Посмотрѣвъ въ эти отверстія, я увидалъ въ близкомъ разстояніи (шаговъ за двѣсти) турецкій редутъ. Отсюда постоянно слышались выстрѣлы, и пули безпрерывно ударялись въ обшивку Гривицкаго укрѣпленія. Очевидно Турки не жалѣли патроновъ; съ русской стороны, наоборотъ, при мнѣ совсѣмъ не было выстрѣловъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ за валомъ лежали тамъ-сямъ кучи какихъ-то разноцвѣтныхъ тряпокъ. Это были трупы Турокъ, отбитыхъ при какомъ-то ихъ нападеніи, остававшіеся непогребенными. Самихъ труповъ уже нельзя было разсмотрѣть, а виднѣлись только клочья ихъ одежды.

Въ Гривицкій редутъ, расположенный на возвышеніи, вела снизу траншейная дорога, т. е. защищенная со стороны непріятеля невысокимъ валомъ, мѣстами менѣе чѣмъ въ ростъ человѣческій. Я посѣтилъ редутъ въ сопровожденіи одного казака; другой казакъ оставался съ лошадьми. Во время двукратнаго прохожденія по этой

дорогѣ непріятельскія пули часто свистѣли надъ головою, и тутъ я на себѣ испыталъ невольныя подергиванія головы, какія, по разсказамъ, бываютъ у людей непривычныхъ, еще необстрѣленныхъ.

Этимъ редутомъ я закончилъ свой объѣздъ русскихъ линій, начатый часовъ въ 8 утра, и вернулся въ лагерь главной квартиры часамъ къ 4-мъ пополудни. Въ палаткѣ, гдѣ я ночевалъ, вокругъ складного стола сидѣли нѣсколько конвойныхъ офицеровъ и сокращали свою скуку съ помощью картъ—какъ извѣстно весьма распространенное времяпровожденіе въ лагерной или военной жизни. Не знаю, насколько это занятіе распространено въ другихъ европейскихъ арміяхъ. Едва я присѣлъ, чтобы немного отдохнуть, какъ казацкій ротмистръ уже досталъ откуда-то бутылку шампанскаго и принялся угощать случайнаго гостя; сему послѣднему, чтобы не обидѣть радушныхъ хозяевъ, пришлось пить шипучее вино натощакъ. Затѣмъ я распростился съ доброю компаніей, и поѣхалъ въ лагерь Скобелева, куда мнѣ дали провожатаго.

Я нашелъ Михаила Дмитріевича уже за столомъ посреди довольно многочисленнаго общества въ просторной, обитой коврами палаткѣ; вблизи ея играла военная музыка. Прежде чѣмъ войти, попросилъ о себѣ доложить, и ко мнѣ тотчасъ вышелъ молодой, худощавый, стройный генералъ, съ коротко остриженными русыми волосами и длинными бакенбардами. Я не утерпѣлъ, и заключилъ его въ объятія, выразивъ удовольствіе, что вижу героя, на котораго обращено вниманіе цѣлой Россіи. Онъ любезно усадилъ меня за столъ. Кромѣ Э. И. Тотлебена и князя Имеретинскаго, тутъ присутствовали полковники, адъютанты и вообще штабъ Шестнадцатой дивизіи. Центромъ общества въ данную минуту очевидно былъ Тотлебенъ, только что прибывшій подъ Плевну въ качествѣ начальника осадной арміи, хотя номинальное начальство оставалось за румынскимъ княземъ Карломъ. Не знаю, всегда ли Эдуардъ Ивановичъ былъ такъ словоохотливъ; но на этотъ разъ его рѣчи, можно сказать, лились рѣкою; а остальное общество, и въ особенности Скобелевъ, съ глубокимъ почтеніемъ внимало его занимательнымъ разсказамъ и умнымъ разсужденіямъ. Разсказы его касались бо́льшею частію Севастопольскихъ воспоминаній. Между прочимъ онъ сообщилъ свое свиданіе и разговоръ съ Омеръ пашею въ Вѣнѣ, по поводу того, какъ генералъ, стяжавшій себѣ репутацію, потомъ обыкновенно боится потерять ее и дѣлается поэтому нерѣшителенъ и медлителенъ. Далѣе почему-то рѣчь зашла объ Углицкомъ полку, и тутъ онъ заговорилъ о духѣ русскихъ солдатъ, о желательной способности генераловъ поддерживать этотъ

духъ умѣньемъ сказать, при случаѣ, что-либо ободряющее или напоминающее боевую славу полка. Затѣмъ разговоръ склонился на дѣйствіе нашей артиллеріи. По этому поводу Эдуардъ Ивановичъ распространился о сосредоточенномъ огнѣ, т. е. о совокупномъ дѣйствіи всѣхъ батарей, направленныхъ въ извѣстный моментъ на какой либо одинъ непріятельскій пунктъ; что должно производить страшноразрушительное дѣйствіе.

Тутъ князь Имеретинскій, вообще произведшій на меня впечатлѣніе симпатичнаго генерала, обратился къ Скобелеву; припомнилъ, какъ они недавно брали вмѣстѣ Ловчу, и прибавилъ, что хотя дѣло кончилось полною удачею, но что ему казалось, чего-то въ ихъ дѣйствіяхъ недоставало, и только теперь онъ понялъ, что недоставало именно сосредоточеннаго артиллерійскаго огня.

Интересная и поучительная бесѣда Тотлебена продолжалась нѣкоторое время и послѣ обѣда, удерживая все общество въ томъ же почтительномъ вниманіи вокругъ стола. Очутившись случайно въ этомъ обществѣ, я тотчасъ почувствовалъ, что попалъ въ самый военный нервъ нашей арміи, и что тутъ люди живутъ и дышатъ своей спеціальностью. Всегда какъ-то пріятно встрѣчать офицера, который не исполняетъ только повинность, а отъ души преданъ военному искусству; моряка, который любитъ море; преподавателя, который одушевленъ своимъ предметомъ, и т. д.

Уже наступилъ темный вечеръ, когда Тотлебенъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Имеретинскимъ, который назначенъ былъ начальникомъ его штаба. Вслѣдъ за ними большею частію разошлись полковники и другіе штабъ офицеры.

М. Д. Скобелевъ, дотолѣ державшій себя скромно и чинно, теперь далъ волю своимъ впечатлѣніямъ; а онъ очевидно былъ очень впечатлителенъ. Онъ принялся расточать похвалы Тотлебену, разсказывалъ какъ они поутру дѣлали рекогносцировку позицій, какъ непріятели обратили на нихъ вниманіе и начали посылать имъ гранаты, и какъ при этомъ держалъ себя новый начальникъ, шутливо замѣтившій, что Турки его привѣтствуютъ. Да, j'ai trouvé mon maître — повторялъ Михаилъ Дмитріевичъ извѣстную фразу генерала Массены о Наполеонѣ I. Сохранились ли у него эти первыя впечатлѣнія до конца войны, мнѣ неизвѣстно.

Кто-то вошелъ и что-то доложилъ генералу. Выслушавъ докладъ, Скобелевъ громко выразилъ неудовольствіе на то, что полтораста вновь прибывшихъ солдатъ часа два стояли въ ожиданіи распоряженій, потому что никто не рѣшился безпокоить генераловъ во вре-

мя обѣда. Онъ немедленно вышелъ, и вѣроятно личною заботливостію о солдатахъ спѣшилъ, такъ сказать, загладить невольную передъ ними вину. Съ полчаса онъ былъ въ отсутствіи, занятый какими-то хлопотами. «Куропаткинъ! Куропаткинъ!» раздавался время отъ времени голосъ Скобелева, который призывалъ къ себѣ начальника штаба своей дивизіи.

Вернувшись въ палатку, онъ продолжалъ разговоръ со мною о послѣднихъ событіяхъ и о войнѣ вообще; причемъ отдавалъ справедливость турецкой арміи; а Османъ-пашу просто называлъ великимъ полководцемъ за то, что онъ ловко «остановилъ наше нашествіе».

— «Когда окончится война, поѣду съ нимъ знакомиться, непремѣнно поѣду!» восклицалъ Скобелевъ.

Съ своей стороны я пытался противорѣчить, и замѣтилъ, что эта величина создана нашими ошибками. Опять не знаю, сохранилъ ли впечатлительный генералъ свое высокое мнѣніе объ Османѣ до конца войны. Однако въ отзывахъ о русскомъ предводительствѣ онъ со мною былъ сдержанъ, и не позволялъ себѣ никакого злословія о личностяхъ. Я спросилъ, между прочимъ, зачѣмъ 30 августа, если у насъ были недостаточныя силы, мы серьезно атаковали непріятеля почти на всѣхъ пунктахъ, вмѣсто того, чтобы всю силу удара сосредоточить на одномъ или двухъ, а на остальныхъ ограничиться демонстраціями. Онъ согласился, что такъ было бы лучше; но воздержался отъ дальнѣйшихъ объясненій; такъ что я на этотъ счетъ не пріобрѣлъ отъ него болѣе подробныхъ свѣдѣній. Замѣчу мимоходомъ, что въ послѣднее время я мало слѣдилъ за военной литературой о кампаніи 1877 года. Можетъ быть, эти обстоятельства, которыя тогда были для меня неясны, теперь уже достаточно разъяснены.

Но за то, когда зашла рѣчь о приходѣ гвардіи, Скобелевъ откровенно высказался противъ ея привиллегированнаго отношенія къ арміи, и вообще говорилъ въ томъ же смыслѣ, о которомъ замѣчено выше. Я было попытался напомнить о томъ, что теперь не время возбуждать пререканія, что въ виду непріятеля надобно забыть домашніе счеты и т. п., но встрѣтилъ со стороны присутствующихъ такой отпоръ, что долженъ былъ прекратить разговоръ на эту тему. Снова обращаю вниманіе кого слѣдуетъ на этотъ щекотливый предметъ, на сей разъ имѣя за себя авторитетъ Скобелева. Особенно обращаю вниманіе на систему назначенія армейскихъ полковыхъ командировъ изъ гвардіи.

Мы продолжали сидѣть маленькимъ кружкомъ; на столѣ стояло нѣсколько недопитыхъ за обѣдомъ бутылокъ съ виномъ и пивомъ.

Обѣдъ и напитки повидимому доставлены были какимъ-то маркитантомъ нѣмцемъ или евреемъ, судя по тому, что хозяинъ обращался къ нему понѣмецки. Скобелевъ предложилъ еще выпить шампанскаго, и, несмотря на мою оппозицію, уже позвалъ было маркитанта. Но вдругъ перемѣнилъ намѣреніе, и сказалъ:

— «Нѣтъ, ненадо. Убрать прочь все это со стола! Вы, пожалуй, подумаете, что мы тутъ занимаемся пьянствомъ. А мы сегодня просто праздновали прибытіе Тотлебена».

Весьма подвижный, генералъ мало сидѣлъ, а болѣе разговаривалъ, стоя или ходя по палаткѣ. Иногда онъ выходилъ, чтобы присмотрѣть за чѣмъ-нибудь или сдѣлать какое-либо распоряженіе. Тогда снова въ ночной тишинѣ раздавался кликъ: «Куропаткинъ, Куропаткинъ!» И капитанъ Куропаткинъ, если былъ въ палаткѣ, бѣжалъ на зовъ своего начальника. Это былъ небольшаго роста красивый брюнетъ, съ живыми черными глазами и несомнѣнными признаками даровитости. Очевидно генералъ и его начальникъ штаба, состоявшій еще въ чинѣ капитана, умѣли какъ-то во взаимныхъ отношеніяхъ соединять служебную дисциплину съ дружескимъ товарищескимъ чувствомъ, которое возникло между ними еще въ Туркестанѣ.

Относительно меня, впрочемъ, капитанъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Куропаткинъ обнаружилъ, если не подозрительность, то нѣкоторое недоумѣніе. Онъ все интересовался знать, зачѣмъ я пріѣхалъ и не имѣю-ли я отъ кого-нибудь спеціальнаго порученія. Особенно съ этими вопросами обращался онъ ко мнѣ, когда Скобелевъ уходилъ изъ палатки. Очевидно онъ не довѣрялъ тому, чтобы можно было частному человѣку, хотя бы спеціалисту по русской исторіи, пріѣхать въ армію по собственному побужденію, безъ особыхъ заднихъ мыслей. Такое недовѣріе мнѣ нѣсколько не понравилось; но само по себѣ оно не представляло ничего страннаго.

Узнавъ, что я уѣзжаю въ ту же ночь, Михаилъ Димитріевичъ нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ остаться въ его лагерѣ и побыть съ ними дня три четыре. Но я былъ связанъ условіями и сроками о своихъ лошадяхъ, какъ верховой, такъ и троичныхъ, и опасался за свои сообщенія, т. е. за скорое возвращеніе въ отечество, если отдамся въ этомъ отношеніи на произволъ случая. Да и вообще не желалъ никого обременять своей особой. При томъ же никакого дѣла въ слѣдующіе дни не предвидѣлось. Была только обычная лагерная жизнь. Въ ближайшемъ будущемъ предстояло полное обложеніе Плевны, и паденіе ея считалось дѣломъ времени, о чемъ съ увѣренностію говорилось въ данномъ кружкѣ.

Время шло уже за полночь. Въ палаткѣ кромѣ меня оставались только Скобелевъ и Куропаткинъ. Я сталъ собираться въ дорогу, когда вошелъ полковникъ Тихменевъ, на сей разъ въ партикулярномъ платьѣ, повидимому также внѣ службы стоявшій съ Скобелевымъ на товарищеской ногѣ. Онъ началъ сообщать сему послѣднему по французски о какихъ-то слухахъ на счетъ имѣющихъ быть перемѣнъ въ командованіи, и между прочимъ сказалъ, что Михаилу Димитріевичу хотятъ поручить четвертый корпусъ. Я потому и запомнилъ этотъ разговоръ, что, если не вскорѣ, то впослѣдствіи онъ дѣйствительно получилъ названный корпусъ.

Генералъ велѣлъ дать мнѣ казака въ провожатые до Радишева, и я распрощался съ дорогимъ хозяиномъ. Это было единственное мое съ нимъ свиданіе. Ни прежде, ни послѣ я съ нимъ не встрѣчался, хотя онъ бывалъ въ Москвѣ; также какъ не встрѣчался потомъ ни съ однимъ изъ тѣхъ военныхъ, которые названы въ моемъ разсказѣ. Нигдѣ люди такъ легко не знакомятся и не сближаются какъ на театрѣ войны. Но во время мира мы всѣ сидимъ по своимъ угламъ; тутъ разныя спеціальности рѣдко сообщаются другъ съ другомъ.

Небо совершенно заволоклось тучами. Ночь была очень темная, накрапывалъ дождикъ. Слѣдуя за своимъ провожатымъ, я шагомъ пробирался по лощинамъ, пашнямъ и пригоркамъ. Часамъ къ тремъ утра мы добрались до Радишева, гдѣ ожидалъ меня болгаринъ. Соснувъ немного въ какомъ-то углу на соломенной постели, которую мнѣ уступилъ одинъ жандармъ, я съ своимъ болгариномъ выѣхалъ въ обратный путь.

Въ Булгарени я воротился въ то-же утро и опять нашелъ у капитана Паули его товарища Владимірова, которому съ благодарностію возвратилъ верховую лошадь. Тутъ случился одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые можно подстроить развѣ только на сценѣ. Едва мы начали бесѣду, какъ дверь хижины отворилась, и на порогѣ появился тотъ самый молодой офицеръ, которому Паули адресовалъ насъ въ Радишевѣ. Не отвѣчая на его поклонъ, (товарищъ конечно успѣлъ передать о помянутомъ пріемѣ) хозяинъ встрѣтилъ молодаго человѣка суровымъ упрекомъ, чѣмъ не мало сконфузилъ и его, и меня. Офицеръ немедлонно исчезъ. Я нашелъ, что невозможно требовать отъ Поляковъ какихъ-либо любезныхъ намъ пріемовъ; если они честно исполнятъ свой служебный долгъ, и то было бы слава Богу.

Часа черезъ два я распростился съ этими добрыми людьми, и отправился по дорогѣ, ведущей прямо въ Систово, т. е. минуя Горный Студень. Ясная, сухая погода кончилась какъ разъ наканунѣ,

и началось ненастье; такимъ образомъ я еще до выѣзда изъ Болгаріи имѣлъ случай убѣдиться, какъ тяжелы и затруднительны были тамъ сообщенія въ дождливое время. Отъ Булгарень до Систова, приблизительно верстъ тридцать, моя тройка ѣхала по крайней мѣрѣ часовъ десять: до того сдѣлалась дурна дорога. Послѣднія пять верстъ пролегали по низменному берегу Дуная; тутъ колеса и копыта лошадей такъ глубоко уходили въ рыхлую размокшую почву. что эти пять верстъ мы тащились ровно пять часовъ. Въ Систово мы взобрались уже заполночь. Городокъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Нѣсколько разъ мы застрѣвали въ грязныхъ ямкахъ его неровныхъ извилистыхъ улицъ; а одинъ разъ такъ основательно, что вылезли только съ помощью проходившихъ мимо троихъ солдатъ Никуда не заѣзжая, мой возница остановился на какой-то рыночной площади, распрегъ лошадей и тутъ ихъ покормилъ, пока я дремалъ въ полусидячемъ положеніи, укрываясь зонтикомъ и пледами отъ мелкаго моросившаго дождя.

Когда разсвѣло, мы спустились опять внизъ, на берегъ Дуная, и поѣхали къ понтонному мосту; но тутъ скоро очутились въ критическомъ положеніи. Недалеко было до моста, какихъ нибудь версты полторы или двѣ, но низменная полоса, заключенная между рѣкою и крутымъ, почти отвѣснымъ берегомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе съуживалась. Дорога, пролегавшая по этой полосѣ, оказалась сплошь загроможденною перепутавшимися военными обозами на лошадяхъ и на волахъ, которые стояли неподвижно, глубоко погрузясь въ вязкій илъ. Мы попробовали было объѣхать эти обозы, но тутъ же застряли и остановились въ недоумѣніи, что предпринять. Наконецъ, кто-то надоумилъ насъ, что лучше проѣхать къ мосту вѐрхомъ, т. е. горою. Съ большими усиліями вылѣзли мы изъ грязи и повернули назадъ; поднялись опять въ городъ, проѣхали по его неправильнымъ, волнообразнымъ улицамъ, отчасти замощеннымъ острымъ булыжникомъ, и выѣхали на другую сторону. Отсюда мы вновь спустились къ берегу и, наконецъ, добрались до того моста, который велъ изъ Болгаріи. Другой, рядомъ наведенный, мостъ велъ въ Болгарію. Долго послѣ того меня преслѣдовала картина завязшихъ на берегу Дуная обозовъ, съ безконечною вереницею рогатыхъ воловъ и измученныхъ, тощихъ коней, нервно вздрагивающихъ подъ ударами бича. Мнѣ чудилось, что эти обозы и доселѣ не выбрались на просторъ изъ вязкой тѣснины.

Только къ полудню мы перебрались на другой берегъ, въ Зимницу; на сей разъ проѣхали ее не останавливаясь; а потомъ сдѣлали

привалъ опять въ томъ же большомъ румынскомъ селеніи, котораго названіе я забылъ. Какъ въ этомъ селеніи, такъ и вообще по дорогѣ, я все встрѣчалъ разныя части гвардіи, двигавшіяся на театръ войны. Ночью, помнится, мы остановились передохнуть на дорогѣ въ открытомъ полѣ посреди густой темени и опять подъ мелкимъ дождемъ. А на слѣдующее утро добрались, наконецъ, до Журжева, и такъ удачно, что пріѣхали за пять минутъ до отхода желѣзнодорожнаго поѣзда въ Бухарестъ. Иначе пришлось бы ждать до слѣдующаго дня. Тутъ я простился съ своимъ болгариномъ; надо полагать, что мы разстались довольные другъ другомъ; на прощаньѣ онъ крѣпко пожалъ мою руку и пожелалъ счастливаго дальнѣйшаго пути. Мы имѣли теперь полное право выразить взаимное удовольствіе: онъ заработалъ хорошія деньги, а я, благодаря ему, успѣлъ скоро и благополучно исполнить свое намѣреніе, т. е. побывать подъ Плевною. Вообще мой возница представлялъ любопытный болгарскій типъ, выработанный долгими и тяжкими страданіями подъ варварскимъ игомъ. Трудолюбіе, умѣренность и экономность его замѣчательны. Какъ онъ прокармливалъ своихъ лошадей и чѣмъ самъ питался все это время — я, право, не могъ хорошо понять. Изъ того, что заработалъ, едва-ли онъ истратилъ хотя десятую долю.

Разъ добравшись до желѣзнаго пути, я конечно могъ уже безъ особыхъ препятствій и приключеній воротиться въ отечество. Но на бѣду (о которой впрочемъ теперь не сожалѣю), мнѣ вздумалось направить это возвращеніе не чрезъ Бессарабію и югозападную Россію, а чрезъ Галицію. Во-первыхъ, уже испытавъ въ той сторонѣ весьма медленное движеніе поѣздовъ, загроможденныхъ санитарнымъ и военнымъ матеріаломъ, я думалъ выиграть время на болѣе быстрыхъ галиційскихъ поѣздахъ. Главное же, мнѣ давно хотѣлось посѣтить городъ Галичъ и познакомиться съ его древностями, а затѣмъ дня на два, на три остановиться во Львовѣ, повидаться тамъ съ нѣкоторыми учеными изъ Русскихъ и Поляковъ и запастись мѣстными новостями по русско-польской исторіи. Но, какъ извѣстно, въ Галичѣ я былъ арестованъ и препровожденъ въ львовскую тюрьму. Объ этомъ случаѣ теперь не буду распространяться, такъ какъ въ свое время о немъ было напечатано довольно. Прибавлю только, что испытанная отъ австрійскихъ поляковъ обида ни на волосъ не измѣнила моего представленія о Полякахъ вообще. Я все также считаю ихъ даровитымъ и симпатичнымъ Славянскимъ племенемъ, имѣющимъ богатую, достойную внимательнаго изученія исторію.

25*

Прошло около пяти лѣтъ послѣ разсказанной поѣздки подъ Плевну. Подробности ея уже начали покрываться туманомъ забвенія; какъ вдругъ неожиданная и тяжелая потеря нашего національнаго героя оживила въ памяти то время, когда я видѣлъ его въ самомъ разгарѣ блестящей воинской дѣятельности. Его славному имени посвящаю свое небольшое воспоминаніе.

Д. И. Иловайскій.

Октябрь 1882 года.

ЗАПИСКИ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1831 гг.

АЛЕКСАНДРЪ I.

XIII [1]).

— Eh bien, mon cher, сказалъ мнѣ Армфельтъ. Je vous l'ai predit et vous n'avez pas voulu écouter ni moi ni Vernègues. Ce coquin de Balachoff, justement parce qu'il est coquin, s'est dressé et est inébranlable sur son poste. On le craint et je commence à croire que Speransky est un honnête homme, parceque c'est lui et vous qui payerez les pôts cassés.

Я: Qu'y a-t-il à faire? Mais je puis vous assurer que, si la chose était à recommencer, je n'agirais pas autrement.

Армфельтъ. Monsieur, votre mère aurait du vous mettre au monde du temps des chevaliers de la table ronde.

Я: C'est du sarcasme, je vois très bien le gouffre devant moi; tombons s'il le faut, mais n'abandonnons pas nos principes.

Армфельтъ. Tout n'est pas perdu encore. L'empereur vous a commandé un papier sur les ministères, arrangez bien Speransky, cela plaîra.

---

[1]) См. первыя двѣ части Записокъ де-Санглена: «Екатерина II» и «Павелъ I» въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., томъ XXXVI, декабрь, стр. 443—498, и часть третью: «Александръ I и его министры», главы I—XII, въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 1—46.

Я: Vous me faisiez l'honneur de me nommer chevalier de l'ancienne roche et maintenant vous me recommandez les bassesses de notre temps simplement pour parvenir. Est ce que cela vaut bien la peine, quand la vie et tout ce qui l'entoure ne vaut pas le sou.

Армфельтъ. Je voudrais comprendre la philosophie qui vous a inculqué ces principes. Encore si vous pouviez sauver quelqu'un, d'accord, mais je vous dis, c'est impossible; et vous allez vous perdre, et pour qui?

Я: Pour la bonne cause, pour l'auguste vérité.

Армфельтъ. Pa-per-la-pap! Sachez que Speransky, fautif ou non, doit être immolé, c'est indispensable pour rallier la nation au chef de l'état et pour une guerre qu'il faut rendre nationale?!

Я: C'est possible, mais pourquoi avoir recours à des moyens méprisables. Supposons qu'on me le propose et de grand coeur je me donne en holocauste. Mourir pour une bonne cause est un sort digne d'envie.

Армфельтъ. Et ceux aux quels vous avez à faire, sont ils à la même hauteur? Comprennent-ils l'élan généreux du devouement chevaleresque? Donc quels sont les autres moyens que les souverains peuvent avoir si non la dénonciation, la calomnie etc. etc. Faites moi l'amitié de jetter votre philosophie au diab'e et vivre comme nous.

Я: Avec plaisir, car je suis décidé à prendre congé.

Армфельтъ. Encore une bêtise. Adieu.

(Переводъ). „Ну что, любезный другъ, я предсказывалъ вамъ, а вы не хотѣли слушать ни меня, ни Вернега. Негодяй Балашовъ, потому именно, что онъ негодяй, утвердился на своемъ посту и сталъ несокрушимымъ. Его боятся и я начинаю думать, что Сперанскій честный человѣкъ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ вами за все поплатится.

Я: Что дѣлать! Но увѣряю васъ, что я не дѣйствовалъ бы иначе, если бы дѣло это можно было передѣлать сначала.

Армфельтъ. Ваша матушка, милостивый государь, должна была произвести васъ на свѣтъ въ эпоху рыцарей „Круглаго стола".

Я: Это злая насмѣшка; я отлично вижу пропасть, раскрывающуюся подо мною; упадемъ въ нее, если нужно, но не откажемся отъ своихъ убѣжденій.

Армфельтъ. Не все еще потеряно. Императоръ приказалъ вамъ составить докладъ о министерствахъ; отдѣлайте хорошенько Сперанскаго, это понравится.

Я: Вы сдѣлали мнѣ честь, назвавъ меня рыцаремъ, человѣкомъ прямымъ и честнымъ, а теперь совѣтуете мнѣ дѣйствовать съ подлостью, свойственною нашему вѣку, только для того, чтобы составить себѣ карьеру. Стоитъ ли это ...та, когда жизнь и все окружающее не стоитъ гроша.

Армфельтъ. Я хотѣлъ бы постичь философію, внушившую вамъ подобныя убѣжденія. Не говорю, если бы вы еще могли спасти кого нибудь, но повторяю: вамъ это невозможно, изъ-за кого же вы себя погубите?

Я: За правое дѣло, за святую истину.

Армфельтъ. Тра-та-та! Знайте, что Сперанскій, виновенъ ли онъ или нѣтъ, долженъ быть принесенъ въ жертву; это необходимо для того, чтобы привязать народъ къ главѣ государства и ради войны, которая должна быть національною.

Я: Можетъ быть; но къ чему же прибѣгать къ недостойнымъ средствамъ. Предположимъ, что мнѣ это предложатъ, тогда я съ радостью принесу себя въ жертву. Умереть за правое дѣло—участь достойная зависти.

Армфельтъ. Но люди, съ коими вы имѣете дѣло, стоятъ ли они на такой же высотѣ? Понимаютъ ли великодушный порывъ рыцарскаго самоотверженія? И такъ, какія же иныя средства могутъ быть у монарховъ, какъ не доносъ, клевета и т. п. Сдѣлайте милость, бросьте вашу философію къ чорту и живите такъ, какъ мы живемъ.

Я: Съ удовольствіемъ, такъ какъ я рѣшилъ выйти въ отставку.

Армфельтъ. Новая глупость. Прощайте.

Этотъ разговоръ открылъ мнѣ тайну, что Сперанскій назначенъ неминуемо быть жертвою, которая, подъ предлогомъ измѣны, и по питаемой къ нему ненависти, должна соединить всѣ сословія и обратить, въ предстоящей войнѣ, всѣхъ къ патріотизму.

Публика, подстрекаемая тайною, ибо явнаго преступленія не было, толковала все по своему, называла Сперанскаго измѣнникомъ, а меня открывшимъ его небывалое преступленіе.

Балашовъ уже не требовалъ меня къ себѣ, какъ только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Фокъ найтиться не умѣлъ. Я, увидя это, сдалъ Фоку, какъ товарищу, всѣ текущія дѣла, а себѣ предоставилъ доклады государю. Балашовъ теперь распространялъ, не знаю—по повѣленію-ли, или отъ себя, чрезъ своихъ агентовъ, самые нелѣпые слухи о связяхъ моихъ съ Коленкуромъ, съ сосланнымъ Хитрово и проч., а между тѣмъ выказывалъ себя другомъ Магницкаго и Сперанскаго.

XIV.

11 числа марта 1812 года, призванъ я былъ неожиданно утромъ къ Государю.

—„Кончено! сказалъ государь,—и какъ мнѣ это ни больно, но съ Сперанскимъ разстаться долженъ. Я уже поручилъ это

Балашову, но я ему не вѣрю, и потому велѣлъ ему взять васъ съ собою. Вы мнѣ разскажете всѣ подробности отправленія".

„Я въ подобныхъ отправленіяхъ никогда не участвовалъ".

—„Въ нынѣшнемъ случаѣ это такъ должно быть".

„Позвольте, государь, просить у васъ милости".

—„Что такое?"

„Балашовъ такъ связанъ съ Сперанскимъ и Магницкимъ, что вынужденъ будетъ имъ дѣлать снисхожденіе, которое, по моимъ правиламъ, имъ оказывать не слѣдуетъ. Это обстоятельство навсегда меня поссоритъ съ Балашовымъ, и я навлеку себѣ сильнаго врага".

—„Вамъ до этого дѣла нѣтъ. Я вамъ приказываю: это нужно для меня, ибо я увѣренъ, что вы отъ меня ничего не скроете. Впрочемъ, предоставьте Балашову дѣлать, что онъ хочетъ; а мнѣ скажете, что̀ сдѣлано будетъ".

„Повинуюсь волѣ вашего величества".

—„Такъ и должно! Я вами доволенъ и, въ доказательство моего довѣрія къ вамъ, скажу, что я спрашивалъ Сперанскаго—участвовать ли мнѣ лично въ предстоящей войнѣ? Онъ имѣлъ дерзость, описавъ всѣ воинственные таланты Наполеона, совѣтовать мнѣ собрать боярскую думу, предоставить ей вести войну, а себя отстранить. Что же я такое? Нуль! Изъ этого я вижу, что онъ подкапывался подъ самодержавіе, которое я обязанъ вполнѣ передать наслѣдникамъ моимъ. Балашовъ васъ извѣститъ, когда ѣхать. Смотрите, чтобъ я все зналъ. Прощайте".

Едва успѣлъ я дойти до двери, какъ государь меня воротилъ:

—„Чтобы никто этого не зналъ! ибо Сперанскій и Магницкій ничего не знаютъ".

XV.

17 марта, въ 5 часовъ вечера, потребовалъ (меня) къ себѣ министръ, и съ улыбкой, выказывающею неудовольствіе, сказалъ мнѣ:

—„Мы нынче вечеромъ ѣдемъ съ вами путешествовать".

Я: Куда это, ваше превосходительство?

Балашовъ: Отправлять кое-какихъ пріятелей.

Я: Моихъ?

Балашовъ: Ну, нѣтъ!

Я: Кого же?

Балашовъ: Сперанскаго, Магницкаго и Бологовскаго!

Я: Ваше превосходительство никогда меня въ подобныхъ случаяхъ не употребляли.

Балашовъ (съ горькой улыбкой): Государю такъ угодно! Я докладывалъ, что вы на это не способны; предлагалъ Лаврова, графа Васильева и даже П. В. Кутузова, но государю, кромѣ васъ, никого не угодно.

Я: Позвольте рапортоваться больнымъ.

Балашовъ: Нельзя!

При семъ словѣ вбѣгаетъ, безъ доклада, Магницкій, весь не свой. Увидя меня, онъ быстро взглянулъ, какъ будто испугался, и кивнулъ на меня Балашову головою; но Балашовъ сказалъ: „ничего, что вамъ угодно?“

Магницкій: Вы обѣщали мнѣ маршрутъ.

Балашовъ: Да, вотъ онъ!

Магницкій (поблагодаря поклономъ): Сдѣлайте одолженіе...

Балашовъ (не давъ ему договорить): Все будетъ сдѣлано, не безпокойтесь, съ вами ѣдетъ избранный мною отличный офицеръ.

Магницкій: А маршрутъ женѣ моей?

Балашовъ: Вы не должны съѣзжаться. Ей другой маршрутъ данъ будетъ.

Магницкій: Покорно васъ благодарю.

Магницкій вышелъ, поклонясь одному Балашову, который сказалъ мнѣ: „въ 7 часовъ будьте здѣсь. Мы вмѣстѣ ѣдемъ“.

„Вотъ какъ исполняются приказанія государя“, сказалъ я про себя. Они ничего знать не должны, и предупреждены. Балашовъ самъ себя поставилъ въ такое положеніе, что не можетъ не высказать благодѣтелямъ своимъ готовности имъ услужить, и показывая себя ихъ другомъ, умножаетъ преступленіе свое противъ государя! Что-бы ни было, у меня съ Балашовымъ кончено. Кто съ порокомъ ужиться и ему служить можетъ, тотъ самъ долженъ быть порочень. Развѣ нельзя было Сперанскаго отставить? На что было придавать видъ преступленія, когда виновность ясно не доказана? Въ нововведеніяхъ Сперанскій повиновался высшей волѣ; хотя скрытно, онъ, можетъ быть, имѣлъ европейскую

цѣль, какъ и Лагарпъ. Что же будетъ со мною, которому объявлено, что интригантъ нужнѣе честнаго человѣка!

До 7 часовъ, приводилъ я въ порядокъ всѣ бумаги по канцеляріи: секретныя государевы заперъ у себя, обошелъ всѣ отдѣленія, столы и, приведя все въ порядокъ, заготовилъ, по обыкновенію, дневной отчетъ; рапортъ министру подписалъ, заставилъ подписать Фока, и въ 7 часовъ пошелъ къ министру.

Аккуратно въ 7 часовъ вступилъ я въ кабинетъ министра.

XVI.

—„Пора! сказалъ онъ, я думаю насъ давно ожидаютъ".

Мы сѣли въ большія, запряженныя тройкой, сани, подлѣ саней скакали полицейской команды унтеръ-офицеръ и два драгуна. Всѣ скакали во весь опоръ. Сперва пріѣхали мы къ Магницкому.

Онъ встрѣтилъ насъ въ передней, ввелъ насъ во вторую комнату, и, указавъ на дверь, сказалъ: „не угодно-ли? тутъ кабинетъ". Мы вошли.

Здѣсь все прибрано было какъ для торжества.

—„Не нужно-ли вамъ чего нибудь взять съ собою?" спросилъ министръ.

—„Право, не знаю, отвѣчалъ Магницкій, развѣ этотъ пакетъ съ нѣкоторыми письмами".

—„Возьмите", сказалъ министръ.

Магницкій посмотрѣлъ на меня; я молчалъ. Онъ взялъ порядочную связку и уложилъ въ дорожный портфейль, а Балашовъ прибавилъ: „посмотрите, не нужно-ли что еще?"

—„Нѣтъ! возразилъ Магницкій, это все текущія дѣла и черновыя бумаги, которыя мнѣ ни на что не нужны".

Мы вышли.

Балашовъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „сдѣлайте одолженіе, эту дверь запечатать", и подалъ мнѣ сургучъ и печать.

Принесли свѣчку, и я исполнилъ приказаніе министра.

У меня тряслись руки, вся кровь кипѣла во мнѣ; Магницкій и Балашовъ это замѣтили, посмотрѣли другъ на друга, и потомъ съ негодованіемъ на меня. Магницкій просилъ насъ въ гостиную, гдѣ находилась жена его и дѣти. Всѣ усѣлись; обо мнѣ никто

не думалъ. Я сталъ къ печкѣ, посреди комнаты, похожей болѣе на большую залу, нежели на гостиную.

Балашовъ разсказывалъ что-то, но такъ тихо, что я ничего слышать не могъ. Магницкій горячился; движеніями, жестами выказывалъ негодованіе и посматривалъ на меня, но ни единаго слова до меня не доходило. Наконецъ, встали.

Магницкій просилъ Балашова доложить государю, что ему ѣсть нечего, прибавя: „Ему стыдно будетъ, когда человѣкъ съ звѣздою станетъ, какъ поденщикъ, рубить дрова для прокормленія своего семейства".

Балашовъ отвѣчалъ: „все доложено будетъ, успокойтесь".

Магницкій продолжалъ: „у меня нѣтъ ни денегъ, ни шапки, ни теплыхъ сапогъ".

—„Я вамъ привезу шапку, сапоги, а сколько вамъ нужно денегъ?"

— Сдѣлайте милость, привезите хоть тысячи три; нужно оставить женѣ, взять на дорогу, да и пріѣхавши въ Вологду, нужны деньги. Кто мнѣ ихъ тамъ дастъ?

—„Все будетъ; я тотчасъ возвращусь".

Балашовъ хотѣлъ ѣхать. Магницкій собирался провожать, а я оставался у печки.

Возвратясь, Магницкій сказалъ громко женѣ своей: Quel bonheur, ma chère amie, d'avoir un ami, comme Balachoff! Que ferions nous dans ces circonstances desastreuses?

Жена тоже благодарила Бога за такого вѣрнаго друга. „C'est, comme vous l'avez entendu, ce diable d'Armfeld, qui nous à préparé cet abime et encore un monsieur, au quel nous n'avons rien fait et que je ne veux pas nommer.

Это меня взорвало.

— „Je suis très étonné, m-r Магницкій, сказалъ я, que vivant presque à la cour, vous avez eu si peu de perspicacité et que vous vous êtes endormi avec complaisance, surtout les faux rapports et les fausses assurencces d'amitié qu'on vous a prodigué".

Магницкій стоялъ, какъ громомъ пораженный.

— Au nom du ciel, dites-mois un mot seulement, est-ce Воейковъ, qui exile avec nous?

Я молчалъ и смотрѣлъ на него съ негодованіемъ.

— Ayez-pitié de nous, monsieur, de cet enfant, воскликнула жена его, проливая слезы, dites-nous: est-ce Воейковъ?

—„A quoi peut cela vous servir maintenant?“ отвѣчалъ я.

— Peut-être cela nous sauvra, возразилъ Магницкій.

Жена его при сихъ словахъ готова была пасть на колѣна предо мною. Я поддержалъ ее и, растроганный, отвѣчалъ:

—„Бологовской part avec vous“.

Магницкій сильно ударилъ себя въ лобъ: Ah, les traitres! j'y suis, вскричалъ Магницкій, Dieu, quelle infamie!!

Онъ началъ быстро ходить по комнатѣ, приговаривая: le coquin, l'infame et sot de Бологовской qui a encore donné dans le panneau.

(Переводъ): „Какое счастье, другъ мой, имѣть друга, подобнаго Балашову. Что бы мы стали дѣлать при этихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ?“ Жена тоже благодарила Бога за такого вѣрнаго друга. „Эту горькую участь (abime) уготовалъ намъ, какъ вы слышали, проклятый Армфельтъ и еще одинъ господинъ, которому мы ничего не сдѣлали и котораго я не хочу назвать“. Это меня взорвало „Меня крайне удивляетъ, г. Магницкій, сказалъ я, что живя почти при дворѣ, вы были столь недальновидны и благодушно довѣряли всѣмъ ложнымъ донесеніямъ и всѣмъ лживымъ увѣреніямъ дружбы, которыя вамъ расточали“. Магницкій стоялъ, какъ громомъ пораженный. „Ради Бога, скажите мнѣ одно только слово, Воейковъ отправляется въ ссылку съ нами?“ Я молчалъ и смотрѣлъ на него съ негодованіемъ. „Сжальтесь надъ нами, надъ этимъ ребенкомъ, воскликнула жена его, проливая слезы, скажите намъ: Воейковъ-ли?“ „Какая вамъ будетъ отъ этого польза теперь“, отвѣчалъ я. „Можетъ быть это спасетъ насъ“, возразилъ Магницкій. Жена его при сихъ словахъ готова была пасть на колѣни предо мною. Я поддержалъ ее и растроганный отвѣчалъ: „Бологовской ѣдетъ съ вами“. Магницкій сильно ударилъ себя въ лобъ. „Ахъ измѣнники! Теперь я догадался, вскричалъ Магницкій, Боже, какая низость“. Онъ началъ быстро ходить по комнатѣ, приговаривая: „негодяй, подлецъ, а дуракъ Бологовской еще поддался обману“.

Потомъ, подбѣжалъ ко мнѣ, сказавъ: „Сперанскій еще не входилъ къ государю, позвольте мнѣ написать ему двѣ строчки“.

— Могу-ли это вамъ запретить? отвѣчалъ я. Вы выйдите въ другую комнату, куда я, изъ приличія, за вами не пойду, и безъ позволенія моего, можете дать знать Сперанскому, что вамъ угодно.

Онъ выбѣжалъ въ боковую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ воротился, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: Quel malheur pour nous, monsieur, que nous n'avons pu faire votre connaissance plutôt!

(Переводъ): Какое несчастіе для насъ, что мы не могли познакомиться съ вами раньше.

Я молчалъ.

Теперь свободно говорили при мнѣ мужъ и жена о постигшемъ ихъ несчастьи.—Онъ упрашивалъ жену скорѣе пріѣхать въ Вологду, а продажу ихъ вещей поручить кому либо, и вырученными деньгами заплатить Балашову. Наконецъ, утѣшались скорымъ свиданіемъ.

Вотъ пріѣхалъ и Балашовъ, и привезъ съ собою все обѣщанное. Магницкій вырвалъ у него шапку изъ рукъ, надѣлъ ее на голову, сталъ передъ зеркаломъ, сказавъ женѣ:

— Voyez, ma chère amie, suis-je bien coiffé par la police?

— Eh! On ne peut plus admirablement,—отвѣчала жена, улыбаясь сквозь слезы.

(Переводъ): Взгляните, мой другъ, хорошо ли принарядила меня полиція?—О, какъ нельзя лучше...

Балашовъ вручилъ ему деньги, сказавъ: „вы мнѣ ихъ отдадите, когда можно будетъ".

Магницкій отвѣчалъ: „жена прикажетъ продать наши вещи; что̀ выручится, то вамъ доставлено будетъ; коли не вся сумма выйдетъ, отвѣчаю я".

Балашовъ, кажется, удивился сухости отвѣтовъ; началъ прощаться; потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „отправьте Михаила Леонтьевича, я вамъ оставлю сани; а самъ долженъ ѣхать къ Сперанскому, чтобы тамъ чего не было; по отправкѣ Магницкаго, тотчасъ пріѣзжайте къ Сперанскому".

Я поклонился, но понялъ, что онъ спѣшилъ для того, чтобы отправить Сперанскаго безъ меня.

Кибитка и квартальный были готовы, начали укладывать; все это было медленно, и не мудрено: жена старалась удержать мужа хотя нѣсколько минутъ долѣе; я не торопилъ.

— Vous verrez: ce coquin de Balachoff, сказалъ мнѣ Магницкій, est allé encore tromper Speransky".

(Переводъ): „Вы увидите, что негодяй Балашовъ, сказалъ мнѣ Магницкій, еще пошелъ обманывать Сперанскаго".

Наконецъ настала минута прощанія.

У меня слеза навернулась, я вышелъ въ другую комнату.

Магницкій выбѣжалъ, бросился мнѣ на шею, сказавъ: „Боже мой! зачѣмъ я васъ не прежде узналъ? И въ этомъ онъ,

злодѣй, виноватъ". Прижалъ меня въ послѣдній разъ къ груди и поспѣшно побѣжалъ съ лѣстницы. Ни жена, ни сынъ, его не провожали; я одинъ шелъ за нимъ. По просьбѣ его, сказалъ я квартальному, чтобы онъ не забылъ кого везетъ; „и если получу отъ его превосходительства малѣйшую жалобу, то по ней строго взыскано будетъ".

Обнялись еще разъ съ Магницкимъ.

— „Вы, въ несчастіи, усладили послѣднія мои минуты, въ Петербургѣ, сказалъ онъ мнѣ; прощайте, да вознаградитъ васъ Богъ"!

Я скорѣе сѣлъ въ сани и въ 11 часовъ ночи подъѣхалъ къ дому Сперанскаго. Въ передней увидѣлъ я двухъ лакеевъ, одѣтыхъ по дорожному, въ шубахъ, теплыхъ сапогахъ и проч.

На вопросъ мой: „что вы за люди"? (они отвѣчали:)

— Мы ѣдемъ съ бариномъ въ Нижній Новгородъ.

Я вошелъ въ комнату, — родъ залы, гдѣ на диванѣ сидѣлъ Балашовъ; передъ нимъ столикъ, на которомъ догорала сальная свѣча. Я отрапортовалъ ему объ отправленіи Магницкаго. „Жена, сынъ Магницкаго, приказали всѣмъ кланяться".

Балашовъ: Признаюсь, я отъ того уѣхалъ, что не могъ быть свидѣтелемъ такой трогательной сцены.

Я притворился, будто повѣрилъ. „Да! сказалъ я, быть свидѣтелемъ подобной сцены не очень пріятно, но поучительно, если, какъ отцу семейства, примѣнить видимое къ самому себѣ. Впрочемъ, за исключеніемъ разлуки, какое спокойствіе, хладнокровіе, твердость духа! Неужели преступникъ можетъ на себя надѣть такую благородную маску"?

Балашовъ всталъ, началъ ходить, вдругъ остановился, сказавъ: „Странно, что Сперанскій все еще не возвращается отъ Государя".

Я: Мнѣ приходитъ на умъ смѣшная мысль, а съ тѣмъ вмѣстѣ — не очень утѣшительная. Ну! если онъ оправдается и, вмѣсто Сперанскаго, отправлены будутъ ваше превосходительство и я, вашъ усердный слуга?

Балашовъ: Признаюсь: эта мысль, пока я одинъ былъ, тревожила и меня. Чего добраго? Ни на что полагаться нельзя.

Я: Если это случится, ваше превосходительство, то вы будете во мнѣ имѣть вѣрнаго и веселаго спутника.

Балашовъ: Какъ такъ?

Я: Ничего не было бы забавнѣе подобной траги-комической развязки сей продолжительной драмы. Намъ велятъ отправлять, вдругъ отправятъ насъ!

Балашовъ старался прикрыть смѣхомъ свое смущеніе. Но весьма замѣтно было, что ему не до смѣха. Въ этомъ тонѣ продолжался разговоръ, какъ въѣхала на дворъ карета.

— „Это онъ"!—сказалъ Балашовъ; взялъ шляпу въ руки и сталъ подлѣ меня.

Сперанскій вошелъ; на лицѣ его ничего не было примѣтно; онъ держалъ въ рукахъ портфейль и съ спокойнымъ духомъ сказалъ:

— „Извините, господа! меня государь задержалъ". Потомъ, обратясь къ Балашову, спросилъ:

— „C'est apparement M-r de Sanglin"?

(Переводъ). „По всей вѣроятности это г. де-Сангленъ"?

На отвѣтъ Балашова, что это такъ, Сперанскій подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, сказавъ: „Je suis bien fâché, monsieur, de n'avoir pu faire votre connaissance plutôt".

(Переводъ). „Весьма сожалѣю, милостивый государь, что мнѣ не удалось познакомиться съ вами раньше".

Балашовъ на меня покосился; а я отвѣсилъ Сперанскому поклонъ.

Сперанскій прибавилъ: „Au reste, j'emporterai avec moi un bon souvenir de vous".

(Переводъ). „Впрочемъ я всегда сохраню о васъ пріятное воспоминаніе".

Балашовъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

Сперанскій обратился къ Балашову и сказалъ: „Не угодно ли войти въ мой кабинетъ?" и пошелъ впередъ. Балашовъ, крайне смущенный, сказалъ мнѣ тихо: „дайте мнѣ съ нимъ переговорить наединѣ, только на $1/2$ часа, потомъ васъ призову".

Мнѣ Балашовъ сталъ жалокъ и презрителенъ. „Какъ вамъ угодно",—отвѣчалъ я сухо. Балашовъ пошолъ за Сперанскимъ, а я сѣлъ на канапе противъ дверей кабинета. Натурально, Балашовъ меня не призывалъ; двери кабинета часто растворялись людьми, которые выносили чемоданы и проч., а потомъ видно было, что жгли въ каминѣ бумаги.

Тогда, какъ и теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, не могу понять, какъ Сперанскій на это рѣшился. Положимъ, что всѣ сожженныя и отложенныя бумаги были невинны; но этимъ поступкомъ онѣ обращались, по крайней мѣрѣ, въ подозрительныя. Если онѣ были невинны, то Сперанскому должно было непремѣнно меня пригласить; ибо уже вѣрно Балашовъ ему сказалъ, что, по приказанію государя, я избранъ быть свидѣтелемъ всего. Какъ бы то ни было, Сперанскому собственно для себя должно было требовать, чтобы я былъ при томъ. Одинъ разъ, лакеи слишкомъ растворили дверь; я не удержался и сказалъ:

— „Попросите Михаила Михайловича, чтобы поменѣе бумагъ жгли. Здѣсь становится невыносимо жарко". Что скажетъ, думалъ я, коли не государь, такъ публика? И не долженъ ли самый приверженный Сперанскому человѣкъ, нехотя, получить подозрѣніе, которое, по отъѣздѣ Сперанскаго, обратится у всѣхъ въ убѣжденіе, что сожженныя и увезенныя бумаги содержали преступные замыслы? Поневолѣ скажешь: „это какъ-то не такъ". Относительно меня, признаюсь, я радъ, что Балашовымъ не былъ призванъ, ибо я не удержался бы и была бы непріятная сцена.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго времени, Сперанскій и Балашовъ вышли изъ кабинета. Первый взялъ свѣчку, и пригласилъ Балашова и меня въ домовую контору. Я поклонился и не трогался съ мѣста.

— „Пойдемте", сказалъ мнѣ Сперанскій ласково.

Я отвѣчалъ: „Я, ваше превосходительство, отъ нечего дѣлать обошелъ всѣ комнаты, и, кромѣ столовъ и запертыхъ шкафовъ, ничего не видалъ".

— Нѣтъ, ничего, сказалъ Сперанскій, пойдемте вмѣстѣ.

Сперанскій намъ описывалъ, какія именно хранятся дѣла въ каждомъ шкафѣ; и обойдя три или четыре комнаты, мы возвратились опять въ прежнюю залу.

Сперанскій и Балашовъ ходили взадъ и впередъ по этой залѣ; первый съ хладнокровіемъ, спокойствіемъ и твердостію духа, которыя внушили мнѣ къ нему уваженіе. Балашовъ ходилъ подлѣ него, какъ мальчикъ, который труситъ: не знаетъ-ли учитель, сколько онъ напроказничалъ!

Первыя слова Сперанскаго были: „Дай Богъ, чтобы отъѣздъ

мой обратился государю и Отечеству въ пользу! Прошу довести до свѣдѣнія его величества, что уѣзжаю съ пламеннымъ желаніемъ счастія ему и Россіи.

Балашовъ: Кто будетъ у насъ государственнымъ секретаремъ?

Сперанскій: Желаю, чтобы выборъ палъ на достойнаго и знающаго человѣка.

Балашовъ: Кажется, Оленинъ назначенъ.

Сперанскій (пожавъ плечами): Для меня интереснѣе бы знать: кто будетъ главнокомандующій въ эту отечественную войну?

Балашовъ: Доселѣ еще ничего неизвѣстно.

Сперанскій: Надобно молить Бога, чтобы все кончилось ко благу Россіи.

Разговоръ какъ-то не клеился; все было отрывисто. Балашову хотѣлось, кажется, что-то вывѣдать; а Сперанскій стоялъ, какъ будто, на-стражѣ.

Балашовъ: Неугодно ли вамъ проститься съ дочерью вашею?

Сперанскій: Нѣтъ! это слишкомъ меня растрогало бы. Я просилъ государя, завтра ихъ отправить ко мнѣ.

Балашовъ: Не нужно ли вамъ еще чего либо?

Сперанскій: Благодарю васъ, я все поручилъ Цеймерну, онъ управляетъ всѣми моими дѣлами. Однако не пора-ли мнѣ ѣхать и дать вамъ, господа, покой?

Балашовъ: Яковъ Ивановичъ! запечатайте кабинетъ; вотъ вамъ и печать.

Я подозвалъ частнаго пристава Шипулинскаго; онъ принесъ свѣчку и веревочку завязать замокъ, а я приложилъ печать.

Сперанскій и Балашовъ молча ходили по комнатѣ. Вдругъ Сперанскій остановился, сказавъ: „Мы забыли, Александръ Дмитріевичъ, взять изъ кабинета другой портфёль?“

Балашовъ: Распечатайте, Яковъ Ивановичъ!

Я стоялъ неподвижно.

Балашовъ: Что же? я васъ просилъ распечатать.

Я: Два раза запечатать и распечатать я права не имѣю.

Балашовъ указалъ Шипулинскому жестомъ, и этотъ, посмотря на меня, распечаталъ. Балашовъ и Сперанскій вошли въ кабинетъ и притворили дверь. Чрезъ нѣсколько время воротились оба, а Сперанскій съ еще больше и туже перваго набитымъ

портфелемъ. Балашовъ, обратясь ко мнѣ съ насмѣшливою улыбкою, сказалъ: „извольте запечатать".

— Во второй разъ, отвѣчалъ я, не смѣю.

Балашовъ приказалъ опять Шипулинскому. а самъ держалъ свѣчку, и кабинетъ вторично былъ запечатанъ.

Балашовъ (съ сердцемъ): Вы забываетесь!

Я: Вы правы, ваше превосходительство, кто-то изъ насъ забывается, не исполняя свято своихъ обязанностей; жалѣю, что Михаилъ Михайловичъ далъ Государю и Россіи поводъ подозрѣвать, что эти портфѣли содержатъ въ себѣ такіе предметы, которые скрывать нужно.

Сперанскій, вѣроятно, не желая быть свидѣтелемъ распри, обратился къ Балашову: „прощайте, Александръ Дмитріевичъ, благодарю васъ"; и оба обнялись: „прощайте, Яковъ Ивановичъ", сказалъ Сперанскій.

Я поклонился.

Балашовъ пошелъ провожать Сперанскаго, а я остался въ залѣ. Балашовъ возвратился назадъ, и съ гнѣвнымъ тономъ сказалъ мнѣ: „на что это похоже? Что подумаетъ объ васъ Сперанскій?"

Я: Я этого не знаю, ибо никогда не забочусь о томъ, что̀ скажутъ люди, а что̀ скажетъ моя совѣсть.

Балашовъ: Это что значитъ?

Я: То, что, если-бы Сперанскій былъ отцемъ моимъ, я поцѣловалъ-бы у него руку, поплакалъ-бы о разлукѣ съ нимъ, о его несчастіи, но тотчасъ-бы запечаталъ его кабинетъ, и не далъ-бы вынесть ни одного листочка.

Балашовъ: Не понимаю, что вы хотите сказать? Но прошу не забываться.

Я: Между нами все кончено. Я съ вами не служу; слѣдовательно, вы мнѣ болѣе не начальникъ, а я не подчиненный.

Балашовъ: Хорошо! Но сперва поѣдемте къ Бологовскому.

Я: У Бологовскаго печатать нечего; его просто велѣно такъ отправить. Позвольте предоставить вамъ одному удовольствіе отправить сына благодѣтельницы вашей, Мироніи Петровны Бологовской.

Балашовъ: Знайте, что вы имѣете во мнѣ, и на всегда, непримиримаго врага!

Я: Очень знаю, и очень благодаренъ.

Балашовъ: Увидимъ, когда ни одинъ изъ моихъ товарищей не захочетъ имѣть васъ при себѣ, и, кромѣ гоненія, вы ничего не увидите!

Я: Это-то мнѣ и нужно; вы выкажете себя въ настоящемъ видѣ; а рано или поздно, правда восторжествуетъ.

Балашовъ сѣлъ въ карету, а я въ сани.

Пріѣхавъ домой, тотчасъ послалъ за Фокомъ, чтобы онъ немедленно принялъ всѣ дѣла, согласно рапорту, заготовленному министру и имъ подписанному, о которомъ говорено прежде.

XVII.

На другой день, въ 12 часовъ утра, былъ я потребованъ къ Государю, и принятъ былъ въ большомъ кабинетѣ.

— „Балашовъ сказалъ мнѣ, что онъ крайне вами не доволенъ, и что даже ни онъ съ вами, ни вы съ нимъ служить не хотите. Я догадываюсь"...... Государь засмѣялся. „Донесеніе его какъ-то не ясно, сбивчиво, а сваливаетъ вину на васъ, что вы не умѣли быть ему помощникомъ".

„Я первый отказался съ нимъ служить, ваше величество! Я горжусь тѣмъ, что не умѣлъ быть помощникомъ ему. Онъ дѣйствовалъ одинъ; а я былъ, и то иногда только, зрителемъ.

— „Вы не можете себѣ представить какой былъ вчера тяжкій день для меня! Я Сперанскаго приблизилъ къ себѣ, возвелъ его, и имѣлъ къ нему полную довѣренность, и вынужденъ былъ его сослать. Я плакалъ". И въ сію минуту, дѣйствительно, слеза навернулась на глазахъ его величества.

Я молчалъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ Государь сказалъ: „Разскажите мнѣ подробно, что̀ и какъ все было".

Я началъ свое повѣствованіе, какъ уже подробно мною разсказано. Когда я дошелъ до того, что Балашовъ поѣхалъ за шапкою, теплыми сапогами и деньгами для Магницкаго, Государь подхватилъ:

— „Этого мнѣ Балашовъ не сказывалъ, вѣрно хочетъ съ меня эти деньги воротить, ибо очень трогательно разсказывалъ мнѣ положеніе Магницкаго; но я будто ничего не понимаю".

Когда я дошелъ опять до Магницкаго, который сталъ предъ зеркаломъ и, надѣвъ на голову шапку, сказалъ женѣ своей „suis-je bien coiffé par la police? Eh?[1]) государь громко засмѣялся, прибавя: „онъ остеръ, уменъ, но ужасно вѣтренъ". Далѣе Государь какъ будто удивился, что Балашовъ оставилъ меня одного у Магницкаго, а самъ поѣхалъ къ Сперанскому, сказавъ: „и этого мнѣ Балашовъ не говорилъ".

При разсказѣ о томъ, что на вопросъ Магницкаго, ѣдетъ ли Воейковъ съ нами? я отвѣчалъ: не Воейковъ, а Бологовской, и что Магницкій просилъ у меня позволенія написать Сперанскому нѣсколько словъ..... Государь съ гнѣвомъ прервалъ рѣчь мою: „если это сдѣлано изъ состраданія, то оно въ нынѣшнемъ случаѣ неумѣстно, даже преступно! и привело меня въ величайшее затрудненіе, ибо когда Сперанскій вошелъ ко мнѣ и началъ раскрывать портфёль, а я сказалъ ему: „не нужно, Михаилъ Михайловичъ, у меня есть другое дѣло, о которомъ съ вами переговорить хочу", и каково же было мое удивленіе, когда онъ мнѣ хладнокровно отвѣчалъ: „Государь! я все знаю; по выходѣ моемъ отъ васъ, я буду отправленъ въ Нижній Новгородъ. Но позвольте воспользоваться послѣднею минутою, въ которую имѣю счастіе быть передъ вами, и тѣмъ изъявить вѣрноподданническую мою преданность". Тутъ началъ онъ мнѣ описывать Балашова такими красками, которыя меня ужаснули.—Это вы открыли ему глаза".

— Я не могъ, государь, объявлять Магницкому, чтобы онъ поѣхалъ къ Балашову просить маршрутъ; не могъ объявить и Сперанскому, что онъ поѣдетъ въ Нижній-Новгородъ, ибо я этого не зналъ и знать не могъ; я даже и тогда не зналъ, когда мнѣ Балашовъ вечеромъ объявилъ съ нимъ вмѣстѣ ѣхать—отправлять пріятелей. Надобно узнать: по чьему совѣту люди Сперанскаго были одѣты по-дорожному и знали, что ихъ господинъ ѣдетъ въ Нижній-Новгородъ. Сверхъ того, Балашовъ, очерня меня Магницкому, выдумалъ сказку о Воейковѣ. Я, видя отчаяніе Магницкаго и его семейства, и что онъ окруженъ клеветою, и растроганный слезами его семейства, высказалъ правду, чтобы стряхнуть съ себя клевету Балашова.

— „Какъ бы то ни было, я вамъ этого простить не могу. Что же было далѣе?"

---

[1]) Хорошо ли принарядила меня полиція?

Теперь я разсказалъ мой разговоръ съ Балашовымъ до пріѣзда Сперанскаго.

Это крайне веселило императора.

Онъ сказалъ: „Это едва-ли не было бы лучше".

„Но не для меня, Государь!"

Императоръ улыбнулся.

— „А все-таки нужно было Сперанскаго выслать. Доказательствомъ тому то, что весь Петербургъ обрадовался ссылкѣ его. Меня уже поздравляли; люди—мерзавцы: тѣ, которые вчера утромъ ловили улыбку Сперанскаго, нынѣ поздравляютъ меня съ отправленіемъ его. Скажите мнѣ, въ какомъ расположеніи духа онъ поѣхалъ?"

„Въ чрезвычайно спокойномъ, Государь! Я такъ удивился его хладнокровію, что полагалъ: не будетъ-ли онъ прощенъ, или не получилъ-ли въ томъ увѣреніе отъ вашего императорскаго величества?".

Потомъ разсказалъ все до приглашенія Сперанскимъ въ кабинетъ и до просьбы Балашова дать ему полчаса переговорить наединѣ со Сперанскимъ.

— „Вамъ не должно было на это соглашаться".

„Государь! Онъ былъ моимъ начальникомъ и ваше величество запретили мнѣ вмѣшиваться въ его дѣла; а приказали только довести до вашего свѣдѣнія что увижу и услышу".

— „Это такъ! Но могъ ли я предполагать, чтобы Балашовъ рѣшился на подобный поступокъ".

Видно было, по движеніямъ и суровому выраженію лица Государя, что онъ былъ крайне недоволенъ,—мною ли, или Балашовымъ, или обоими?—Богъ вѣсть!

Крайне меня удивило, что, во время моего донесенія, государь началъ меня опять распрашивать; старался, повидимому, сбить меня съ толку; добивался, кажется, что-то узнать, мнѣ неизвѣстное. Чтобы это было? думалъ я. Натуральная и обыкновенная мнительность государя, или не прилгалъ-ли чего-либо Балашовъ, по злобѣ на меня, и тѣмъ поколебалъ мнѣніе государя обо мнѣ? Не знаю, но что-то похожее на то и другое. Но когда я разсказалъ, что послѣ запечатанія дверей, они были вновь распечатаны, чтобы вынести оттуда толсто набитый портфейль, Государь, какъ будто, вышелъ изъ себя:

— „Какой бездѣльникъ! Петръ I отрубилъ бы ему голову свое-

ручно; а я попозже произведу его изъ поповъ въ діаконы! Мнѣ Паленъ не нуженъ!!"

Здѣсь я объявилъ его величеству послѣднія слова Сперанскаго, т. е. желаніе его императору и отечеству благополучія и успѣховъ, прибавя, что, судя по тону, слова эти проистекали отъ сердца, ибо сказаны были съ чувствомъ.

— „Вѣрю, сказалъ государь, въ немъ нѣтъ злобы, онъ способенъ къ добру, религіозенъ; и я никогда не замѣчалъ въ немъ пристрастія, а еще менѣе вражды къ кому-либо".

Государь любопытствовалъ знать: какова была минута прощанія Сперанскаго съ Балашовымъ. Я разсказалъ подробно то, что уже было объяснено мною выше. Наконецъ, разсказалъ и мое прощаніе съ Балашовымъ.

— „Это вспышка—благородная, но не умна и не осторожна; а что вы самовольно сдали дѣла Фоку, вы только себѣ причинили вредъ, и этимъ возбудили непримиримаго врага".

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, государь милостиво сказалъ мнѣ:

— „Завтра вечеромъ въ 7 часовъ придите въ секретарскую и ожидайте моего призыва".

Разсказавъ все это подробно, по долгу совѣсти и чести, обязанъ я, сверхъ сценическаго моего представленія: замѣтить, что 1) Балашовъ, кажется, никакъ не рѣшился бы, не имѣя отъ государя приказанія, истребить собственноручныя записки его величества къ Сперанскому. Симъ, вѣроятно, воспользовался Балашовъ, чтобы выручить и свои записочки къ Сперанскому, а чтобы это осталось скрытно, не нужно было призывать меня въ кабинетъ.

2) Я не могу не упомянуть для исторической вѣрности объ одномъ слухѣ, за достовѣрность котораго не отвѣчаю, но упомянуть долженъ потому, что это пересказывалось на ухо въ большихъ кругахъ: будто Барклай-де-Толли отправилъ Воейкова къ государю съ маршрутомъ всей арміи въ Вильну и съ означеніемъ порядка марша каждаго корпуса. Сперанскій зналъ, что императоръ этого ожидалъ, и былъ съ докладомъ у Государя, когда объявили о Воейковѣ. Сперанскій выходитъ изъ кабинета, и увидя Воейкова, отвѣчалъ: вотъ онъ!—„Пожалуйте"! сказалъ Сперанскій, и пошелъ съ этой бумагой обратно въ кабинетъ. Воейковъ, возвратясь домой, нашелъ у себя замшевую кису, наполненную червонцами. Онъ представилъ оную Барклаю, который довелъ

все до свѣдѣнія императора. Если что-нибудь изъ этой исторіи справедливо, за исключеніемъ червонцевъ, то этимъ можетъ изъясниться причина, за которую Воейковъ лишился мѣста и за его связь съ Николаемъ Захаровичемъ Хитрово.

Теперь, когда эта драма разыграна до конца, прояснилось, не знаю—всѣмъ ли, играющимъ тутъ роль, или только мнѣ,—слѣдующее:

Государь, вынужденный натискомъ политическихъ обстоятельствъ вести войну съ Напалеономъ на отечественной землѣ, желалъ найти точку, которая, возбудивъ патріотизмъ, соединила бы всѣ сословія вокругъ его. Для достиженія сего, нельзя было ничего лучше придумать измѣны противъ государя и отечества. Публика,—правильно или неправильно—все равно, давно провозгласила по всей Россіи измѣнникомъ Сперанскаго. На кого могъ выборъ лучше пасть, какъ не на него. Нужно только было раздуть эту искру, чтобы произвесть пожаръ. Государь довѣрилъ эту тайну графу Армфельту, величайшему интриганту, который въ разныхъ дворахъ никогда самъ лично себя не выставлялъ, а всегда дѣйствовалъ косвенно чрезъ другихъ. Онъ, какъ мы видѣли, дѣйствовалъ чрезъ Вернега; оба имѣли въ виду дѣйствовать за бурбоновъ. Армфельтъ сперва отрекомендовалъ государю Балашова, какъ министра полиціи и честолюбиваго хитреца, которому польститъ эта довѣренность, и которому настоящей цѣли высказывать не должно. Балашовъ ошибся, получивъ отъ государя повелѣніе имѣть за Сперанскимъ строгій надзоръ; принявъ за истину мнимую измѣну Сперанскаго и, оберегая себя, почелъ нужнымъ скрыть связь свою съ Сперанскимъ. Армфельтъ, ненавидѣвшій Балашова, про котораго говаривалъ: „ce petit lieutenant de police veut être un homme d'Etat; quel ridicule!“ хотѣлъ, при сей вѣрной оказіи, свергнуть и его, но ошибся; отрекомендовалъ государю меня, полагая, что я, изъ желанія возвышенія, готовъ буду обнаруживать всѣ шашни Балашова и изъ личныхъ выгодъ напасть на Сперанскаго.—Балашовъ вторично ошибся, выбравъ, для мнимаго знакомства съ Сперанскимъ и Магницкимъ, Бологовскаго. Бологовской, разъѣзжая по Петербургу отъ одного къ другому и къ Сперанскому, возбудилъ въ государѣ недовѣрчивость, который натурально все провѣдовалъ чрезъ своихъ шпіоновъ, въ которыхъ, увы, недостатка у него не было. Когда я выступилъ на сцену, Балашовъ уже такъ запутался, что государь ему болѣе

не довѣрялъ; и Армфельтъ заготовилъ уже для него un exil temporaire. Государь, найдя во мнѣ откровенность, которую я почиталъ необходимою предъ императоромъ, кажется, обрадовался. Государь получилъ письма отъ графовъ Маркова и Растопчина, въ которыхъ припутали Вейсгаупта, Розенкампфа и другихъ. Все это поколебало сильнѣе государя противъ Сперанскаго. Это путало и запутало все, и чѣмъ болѣе насъ было въ движеніи, тѣмъ болѣе въ публикѣ было толковъ, догадокъ и сказокъ на счетъ насъ и Сперанскаго, которому уже другаго имени не было, какъ— измѣнникъ! слѣдовательно цѣль достигнута.

Моя ошибка была, что не вникая въ характеръ государя, я не видѣлъ въ немъ человѣка, а одного императора, передъ которымъ, какъ предъ Богомъ, ничего скрывать не должно и которому никакихъ выгодъ нѣтъ обманывать своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ всѣ актеры, кромѣ царя, который былъ одинъ дѣятеленъ, и который одинъ съ Армфельтомъ направлялъ таинственно весь ходъ драмы, остались въ дуракахъ. Мы дѣйствовали, какъ телеграфы, нити которыхъ были въ рукахъ императора. Изъ чего хлопотали!?—О томъ, что давно рѣшено было въ умѣ государя и чего они не знали и не догадались.

Всѣ наши ссоры, разъѣзды помогли только болѣе раздуть ненависть публики къ Сперанскому!

Сперанскаго, Магницкаго и Бологовскаго сослали.—Балашовъ лишился министерства, но остался генералъ-адъютантомъ.— Армфельтъ остался при Финляндіи. Морально пострадали я и Воейковъ; ибо Армфельтъ и Балашовъ и наконецъ самъ государь назвали меня будто изобличившимъ Сперанскаго въ измѣнѣ, которой поистинѣ не было; но насъ не сослали, не отставили, а, лиша мѣстъ, отправили въ армію, и тѣмъ набросили на насъ пасмурную тѣнь.

Государь приказалъ мнѣ, 26 марта 1812 г., ѣхать въ Вильну къ военному министру Барклаю де-Толли. Все шло такъ поспѣшно, что уже 27 марта я выѣхалъ изъ С.-Петербурга и пріѣхалъ въ Вильну 14 апрѣля 1812 года.

Я. И. де-Санглєнъ.

Сообщ. 7-го іюля 1882 г. **М. И Богдановичъ.**

[Продолженіе слѣдуетъ.]

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг. [1]).

1829 г.

Адріанополь, 12 сентября.

Благоволите, Государь, принять мою вѣрноподданническую и глубокую благодарность за новыя милости, которыми Вы удостоили почтить меня и жену мою, по случаю взятія Адріанополя. Но признаюсь, что В. В. еще гораздо болѣе наградили меня Вашимъ письмомъ отъ 1-го сентября. Ваше «спасибо» навсегда запечатлѣется въ моемъ сердцѣ, равно какъ и правило: приписывать все Господу Богу, быть спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе больше, чѣмъ когда либо. Да, Государь, я благодарю Бога за то, что умѣю понимать эти правила,—чѣмъ обязанъ дорогимъ моимъ родителямъ и августѣйшему примѣру монарховъ, къ которымъ Господу, по непостижимымъ путямъ Его, угодно было приблизить меня, столь необычайнымъ образомъ. Надѣюсь на Бога, что въ скоромъ времени ратификація мирнаго договора избавитъ меня отъ помышленій о военныхъ операціяхъ; но я отнюдь не стану терять изъ вида ихъ возможности.

Я задержалъ фельдъегеря на одинъ день, надѣясь, что турецкая ратификація можетъ прибыть сегодня; но долѣе уже не могу его задерживать.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г., т. XXX, стр. 105—130; т. XXXII, стр. 287—302, 705—720. Изд. 1882 г., т. XXXIV, стр. 155—176; т. XXXVI, стр. 77—94.

Киселевъ приказалъ Гейсмару опять перейти за Дунай около Рахова и занять Врацу; самъ онъ намѣревался послѣдовать за нимъ, съ резервомъ. Я написалъ ему, что бы остановился; но въ случаѣ, если бы Скутарійскій паша, помимо всякаго вѣроятія, не остановилъ своего движенія на Филиппополь (о чемъ я уже весьма серьёзно приказалъ предупредить его), то мы поставимъ его между огней и этимъ, при помощи Божіей, окажемъ великую услугу европейской Турціи, освободивъ ее отъ скопища солдатъ-разбойниковъ, предводимыхъ начальникомъ, измѣнившимъ своему государю. Долженъ былъ я, также, послать ген. Сухозанета въ Демотику, что бы снова обезоружить этотъ городъ, не хотѣвшій принять нашихъ улановъ, возвращавшихся изъ Изеполя. Къ счастію, это обошлось безъ пролитія крови; а между тѣмъ, показать такой примѣръ всегда хорошо. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ былъ, кажется, отчасти виноватъ ген. Шереметевъ, который и получилъ заслуженный имъ выговоръ за самовольныя дѣйствія при освобожденіи греческихъ рабовъ.

Здоровье Толля, къ несчастію, снова начало слабѣть весьма чувствительнымъ образомъ, и онъ въ особенности страдаетъ нравственно, помышляя о своемъ многочисленномъ семействѣ и видя внезапную кончину многихъ, знакомыхъ ему, генераловъ и полковниковъ. Такъ какъ это удивительно дѣйствуетъ на его пылкое воображеніе, то я, вмѣстѣ съ докторами, полагаю, что продолжить его пребываніе здѣсь значило бы подвергнуть его существенной опасности. И такъ, я возьму уже на свою отвѣтственность разрѣшеніе ему отправиться въ путь, дабы перемѣною воздуха и, въ особенности, надеждою увидѣться съ своимъ семействомъ, спасти для В. В-ва столь отличнаго и преданнаго слугу,—не смотря на страшную пустоту, которую я буду ощущать по удаленіи моего перваго, лучшаго и усерднѣйшаго помощника и друга.

На первое время постараюсь вести дѣло непосредственно съ начальниками различныхъ отдѣловъ и надѣюсь, что Богъ подкрѣпитъ мое здоровье, которое, къ несчастію, не всегда соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ. Повторяю В. В-ву, что изъ числа лицъ, могущихъ занимать подобное мѣсто, знаю только Нейдгардта, къ которому буду имѣть довѣріе и съ которымъ привыкъ работать,—потому что Киселевъ не захочетъ вернуться къ этой должности.—Я ни отъ кого не буду отказываться, потому что убѣжденъ, что на службѣ люди должны приспособляться къ своимъ обязанностямъ и имѣть достаточно твердую совѣсть и волю для поддержанія законовъ, данныхъ Государемъ; но я имѣлъ въ виду лишь ту степень сердечнаго довѣрія, которымъ могъ бы пользоваться какъ рычагомъ весьма сильнымъ и весьма полезнымъ,—и я высказалъ это съ тою же откровенностію, съ какою говорилъ Вамъ,

что увѣренъ въ Толлѣ, усердіе коего къ дѣлу превзошло даже мои ожиданія.

Алексѣй Орловъ, не смотря на его исполинское здоровье, все-таки захворалъ мѣстною лихорадкою; но, къ счастію, она не злокачественна, и ему уже гораздо лучше. Онъ повергается къ стопамъ В. В-ва, равно какъ Паленъ и Толль.

Послѣ ратификаціи, я сдѣлаю все, что можно, для отправки войскъ согласно начертанію, которое В. И. В-во мнѣ сообщили. Въ настоящее время, и пока мы не устроимся хорошенько на нашихъ зимнихъ квартирахъ, мнѣ понадобится однако удержать за Балканами 7-ю дивизію и одну Бугскую бригаду. Надѣюсь, что въ теченіи зимы имъ возможно будетъ послѣдовать за своими корпусами.

Полагаю тоже необходимымъ, до нашего возвращенія, оставить 17-ю дивизію при будущемъ 3-мъ корпусѣ, а 10-ю при 5-мъ, для избѣжанія весьма значительныхъ маршей и контръ-маршей.—О всемъ этомъ напишу гр. Чернышеву подробно, съ ближайшимъ фельдъегеремъ.

Адріанополь, 15 и 16 октября 1829 г.

(Переводъ съ французскаго). Вопреки моимъ желаніямъ, вѣроломство Скутарійскаго паши повлекло за собою тѣ послѣдствія, которыхъ я заранѣе вынужденъ былъ опасаться, вслѣдствіе недостатка энергіи, которымъ турки, вообще, отличаются при веденіи своихъ дѣлъ. Положительныя и неоднократныя его завѣренія, соединенныя съ свойственнымъ ему коварствомъ, понудили Киселева и Гейсмара дѣйствовать согласно смыслу данныхъ имъ инструкцій; послѣдній, быть можетъ, даже слишкомъ увлекся, — но увлекся хорошимъ военнымъ принципомъ: идти впередъ, что бы лучше видѣть. Такимъ-то образомъ, отряды ихъ прибыли въ Габрово и въ окрестности Софіи и овладѣли послѣдними дорогами черезъ Балканы, бывшими еще во власти турокъ.

Движеніе Киселева, слава Богу, не повлекло за собою столкновенія съ турецкими войсками; но арнауты Скутарійскаго паши стали стрѣлять по войскамъ Гейсмара, хотѣвшимъ пройти черезъ занятое ими дефиле; поэтому генералъ сей взялъ ихъ окопы съ 3-мя пушками, потерявъ при этомъ одного офицера убитымъ и нѣсколько солдатъ ранеными. Уронъ албанцевъ былъ тоже, кажется, весьма незначителенъ. Гейсмаръ велѣлъ возвратить имъ отнятые у нихъ обозы и запретилъ преслѣдовать ихъ. Я же, кромѣ того, приказалъ возвратить имъ и пушки, какъ взятыя послѣ заключенія мира, а наши войска

отвести на прежнія позиціи, такъ какъ Скутарійскій паша остался на своей. Но отступать я приказалъ не ранѣе, какъ ген. Лошкаревъ займетъ Журжево; ибо я опасаюсь, что медленность, съ которою, въ этомъ случаѣ, вел. визирь исполняетъ повелѣнія своего правительства, находится отчасти въ зависимости отъ родственныхъ связей съ Албанскимъ пашею.

Имѣя въ виду, что султанъ дѣйствуетъ, кажется, весьма чистосердечно,—что хатти-шерифъ касательно Сербіи написанъ условленными выраженіями,—что 100 т. червонцевъ торговаго вознагражденія прибыли сюда и частію уже приняты,—что повелѣніе очистить Журжево повторено, и что урокъ, данный Скутарійскому пашѣ, научитъ визиря скорому послушанію,—я уже началъ движеніе 2-го корпуса; а вслѣдъ за симъ, какъ только получу извѣстіе о сдачѣ Журжева, поведу войска на зимнія квартиры.

Турецкіе уполномоченные, кажется, довольны прямотою нашихъ дѣйствій въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ; прибытіе же ратификацій, которыя фельдъегерь Князевъ привезъ вчера, преисполнила мѣру ихъ удовольствія. Завтра мы обмѣняемся ратификаціями, и я считаю возможнымъ уже предварительно, съ этимъ же курьеромъ, сообщить о семъ В. И. В-ву; но не посылаю еще офиціальнаго рапорта, изготовленіе коего, вмѣстѣ съ упаковкою, потребуетъ 48 ми часовъ; полагаю послать его съ полковникомъ Будбергомъ.

До сего мѣста я написалъ вчера, дабы не потерять ни одной минуты послѣ обмѣна ратификацій. Я только что возвратился съ этого важнаго обряда и весьма счастливъ, что могу принести Вамъ, Государь, мои вѣрноподданническія поздравленія.

Всевышній, благословивъ великодушныя стремленія В. В-ва въ этой войнѣ, да сотворитъ, по милости Своей, что бы миръ сей былъ продолжительнымъ и всеобщимъ. Европа весьма нуждается въ томъ, что бы всѣ старанія направлены были на устройство внутреннихъ дѣлъ, болѣе или менѣе запущенныхъ вслѣдствіе ложной политики завистниковъ славы Вашей и славы Россіи, которыя между собою нераздѣльны,—политики, обратившейся во вредъ отчасти самимъ же противникамъ этимъ.

Адріанополь, 29 октября 1829 г.

(Переводъ съ французскаго). Извѣстія, которыя имѣю счастіе представить сегодня, черезъ гр. Нессельроде, имѣютъ всѣ характеръ успокоительный. Дѣло, происшедшее у Бейбурта, достойно

сожалѣнія, по потерямъ въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ, послѣ заключенія мира; но сами турки виноваты, потому что не отослали Дюгамеля ранѣе. Я надѣюсь, что этотъ важный урокъ, данный имъ гр. Паскевичемъ, будетъ имѣть столь же хорошіе послѣдствія въ Азіи, какія здѣсь имѣло небольшое дѣло Гейсмара; потому что послѣ него и послѣ движенія Киселева къ Габрову, а Ридигера противъ Мустафы-паши, турки, албанцы и даже греки сдѣлались гораздо сговорчивѣе, видя, что хотя къ ихъ глупостямъ относятся и снисходительно, но надъ бравадами ихъ смѣются и умѣютъ наказывать, если онѣ превышаютъ мѣру. Подобно сему, кажется, и замедленіе сдачи Журжева происходило, въ началѣ, отъ подозрительности турецкаго правительства, не считавшаго ратификацію обезпеченною,—а повидимому и вслѣдствіе нѣкіихъ злокачественныхъ дипломатическихъ интригъ, поддерживаемыхъ партіею недовольныхъ и партіею греческою, которыя обѣ желаютъ новаго разрыва. Вел. визирь воспользовался неясностію первоначальныхъ приказаній, думая выслужиться этимъ передъ султаномъ и для сохраненія благовиднаго предлога къ сношеніямъ съ Скутарійскимъ пашею, въ коемъ сохраняетъ для себя поддержку. Вопреки всему этому, и сколько я уже не имѣлъ случаевъ видѣть двуличность восточныхъ людей, не думаю, что бы послѣ нынѣшнихъ, весьма точныхъ, повелѣній султана и послѣ офиціальнаго заявленія Решида-паши объ отданіи имъ приказа сдать Журжево, – что крѣпость эта намъ уже не сдана, или не будетъ сдана черезъ нѣсколько дней.—Давно пора было бы развести войска по зимнимъ квартирамъ, тѣмъ болѣе, что нынѣшнею осенью опять начались дожди.

Здѣшніе уполномоченные, получившіе повелѣнія оставаться тутъ до моего отъѣзда (что́ очень хорошо для побужденія вел. визиря къ поспѣшности), а равно и всѣ, ихъ окружающіе, вполнѣ довольны. По случаю ратификаціи мира, я устроилъ для нихъ фейерверкъ; затѣмъ прибыли богатые подарки, которыми В. В. удостоили ихъ; и наконецъ третьяго дня, я произвелъ передъ ними парадъ и маневры восьми полковъ 16-й и 18-й пѣх. дивизій (каждый въ составѣ одного слабаго баталіона) и 4-го Бугскаго полка, при 24-хъ орудіяхъ. Восхищеніе, этимъ смотромъ произведенное, было весьма сильно.

Полагая, что В. И. В-ву будетъ пріятно имѣть извѣстія изъ Константинополя отъ очевидца, я воспользовался отправкою нѣкоторыхъ бумагъ, что бы послать туда адъютанта Бутурлина; онъ прибылъ какъ разъ во-время и присутствовалъ на балу, который данъ былъ сэромъ Гордономъ, по случаю заключенія мира. Всѣ подробности, имъ

сообщенныя, весьма интересны, равно какъ и разсказы о всеобщемъ удивленіи великодушію В. В-ва, высказываемымъ и турками, и иностранцами, и всѣми партіями.

Въ Константинополѣ мнѣнія, повидимому, весьма разрозненны. Партія, преданная султану и идеямъ, которыя (какъ бы онѣ ни погрѣшали въ частностяхъ) однѣ только способны поддерживать это дряблое зданіе въ качествѣ европейскаго государства,—партія эта, кажется, весьма слаба. Большинство утомлено нововведеніями, часто пустяшными, всегда стѣснительными и нерѣдко противными религіи и обычаямъ. Есть еще партія (теперь представляющая меньшинство, но, послѣ бѣдствій войны, начинающая дѣйствовать смѣлѣе), это—бывшіе янычары, жаждущіе отомстить за кровь своихъ товарищей и пролить ее еще во стократъ болѣе, дабы пограбить и достигнуть власти. Партія сія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возвышается въ общественномъ мнѣніи. Это—турецкіе якобинцы! Мнѣ кажется заслуживающимъ величайшаго вниманія такое положеніе Оттоманской имперіи, о которомъ не только сообщаютъ мнѣ всѣ лица, посылаемыя въ Константинополь, но въ которомъ я могъ удостовѣриться особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся въ странѣ, населенной всѣми существующими партіями, сдерживаемыми лишь силою заявленной Вами воли. Меня не удивитъ, если Лондонскій кабинетъ,—столь быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ, когда дѣло касается общихъ интересовъ,—имѣя точныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ, станетъ дѣйствовать въ духѣ весьма отличномъ отъ того, который заставлялъ его поддерживать Порту. Я полагаю, что для насъ было бы весьма важно знать настоящее по сему предмету мнѣніе Сенъ-Джемскаго кабинета.

Я только что хотѣлъ отправить сего фельдъегеря, какъ прибылъ другой, посланный изъ Петербурга, 13-го числа. Повергая къ стопамъ В. И. В-ва глубокую мою благодарность за медали, которыя Вы изволили мнѣ прислать, ровно какъ за милости, дарованныя моимъ главнымъ и достойнымъ помощникамъ, я спѣшу употребить всѣ мои старанія, что бы хорошо исполнить повелѣнія Ваши, касающіяся измѣненій въ гарантіяхъ. Я уже представлялъ В. В-ву тѣ причины, по которымъ считаю невозможнымъ начинать переговоры о семъ съ здѣшними делегатами, послѣ ратификаціи, такъ какъ они не имѣютъ на то необходимыхъ полномочій, а особенно потому, что они слишкомъ робки для того, что бы заводить рѣчь о чемъ нибудь выходящемъ изъ предѣловъ ихъ инструкцій.

Посему думаю, что лучшимъ и быстрѣйшимъ средствомъ будетъ —поручить это дѣло гр. Орлову. Желаю отъ всей души, что бы ему,

съ его изворотливостію и знаніемъ дѣла, и при помощи искусныхъ внушеній, добиться согласія на занятіе Карса и Бабадага, взамѣнъ княжествъ, а, особенно—уступки азіятскихъ провинцій и флота, въ счетъ денегъ, которыя должны быть уплочены. Но я долженъ еще разъ, съ полною откровенностію, повторить В. И. В-ву, что считаю эту задачу безконечно-трудною. Я продолжаю опасаться (вопреки доводамъ, изложеннымъ въ только что полученной мною нотѣ графа Нессельроде), что одна лишь Австрія и тѣ континентальныя державы, которымъ не хотѣлось бы ссориться съ нею (чего имъ вовсе и не понадобится изъ-за такой бездѣлицы), смотрятъ съ нѣкоторою завистію на продолжительное занятіе княжествъ; да и эту зависть можно будетъ устранить, объявивъ о назначеніи туда господаря и очиститъ эту страну отъ нашихъ войскъ, какъ только реформы въ оной сдѣлаютъ это возможнымъ; потому что для насъ вполнѣ достаточно одной Силистріи съ хорошо устроеннымъ мостомъ и военною дорогою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подати, взимаемыя съ княжествъ, безъ всякой иной враждебной мѣры, послужатъ намъ обезпеченіемъ капитальной суммы вознагражденія, въ скорѣйшей уплатѣ которой сама Австрія будетъ тогда заинтересована. Это мнѣніе мое можетъ быть ошибочнымъ, но я долженъ его высказать передъ В. И. В-омъ. Одинъ или два моста на Дунаѣ никогда не могутъ повести къ измѣненіямъ въ военныхъ операціяхъ, ибо обладая Силистріею, мы обладаемъ и всѣмъ Бабадагомъ; а Кистенджи не можетъ устоять противъ сколько нибудь серьёзной атаки. Впрочемъ, Мангалія и Коварна (особенно, послѣдняя) представляютъ болѣе удобные порты; а Варна, съ нѣсколькими временными укрѣпленіеми тотчасъ же доставитъ намъ лучшій и надежнѣйшій опорный пунктъ для наступательныхъ дѣйствій, если бы обстоятельства насъ къ тому понудили.—При этомъ случаѣ, не стану скрывать отъ В. И. В-ва моихъ опасеній, какъ бы Австрія, (которую я никогда не признаю вѣроломною, но всегда и споконъ-вѣка—подозрительною и коварною) не постаралась возбудить между нами новые поводы къ раздору, дабы разрушить союзъ морскихъ державъ, который такъ для нея неудобенъ и который, не смотря на малую успѣшность трактата 6-го іюля, все-таки повелъ (конечно, вопреки ея желанію) къ самымъ блестящимъ результатамъ.

Осмѣлюсь еще выразить мое мнѣніе, что по восточнымъ вопросамъ,—при настоящихъ обстоятельствахъ, и пока настойчивостію В. В-ва не будетъ созданъ превосходный силами флотъ,—мы должны дѣйствовать въ согласіи съ нашими морскими союзниками. Имъ хо-

чется пріобрѣсти выгоды для торговли; но эта же торговля составляетъ и нашу главнѣйшую выгоду.

Вопреки всѣмъ этимъ соображеніямъ, продиктованнымъ безграничнымъ усердіемъ подданнаго, В. В. будьте увѣрены, что я сдѣлаю все для меня возможное для успѣшнаго осуществленія проэкта относительно гарантій, согласно послѣднимъ повелѣніемъ, сообщеннымъ мнѣ вице-канцлеромъ; и я, опять-таки, радуюсь, что предложилъ Вамъ Орлова, который, зная дѣло и достойный полнаго довѣрія, въ состояніи будетъ, при помощи Божіей, довести это до желаемаго конца.

Императоръ Николай—гр. Дибичу [1]).

С.-Петербургъ, 27 ноября.

(Переводъ). Вотъ уже около пяти недѣль, что я не могъ писать вамъ, любезный другъ. Вамъ, конечно, уже извѣстна та глупая причина, которой я обязанъ былъ чѣмъ-то въ родѣ горячки, державшей меня около четырехъ недѣль въ постелѣ и сдѣлавшей меня достойнымъ принадлежать къ С.-Петербургской инвалидной командѣ,—потому что я не только не имѣлъ возможности пошевелиться, но былъ совершенно неспособенъ заниматься, и даже слушать разговоры о дѣлахъ. Но вотъ уже недѣля, какъ я, благодаря Бога, нахожусь въ полномъ выздоровленіи и пріятель мой Эдуардъ [2]) изображаетъ изъ себя генеральнаго докладчика по государственнымъ дѣламъ. Жена же моя, во время моихъ лихорадочныхъ припадковъ, была столь одолжительна, что читала мнѣ все, что я могъ слушать, въ томъ числѣ и ваши три письма, предшествовавшія курьеру, привезшему извѣстіе о сдачѣ Журжи.—Поговоримъ о вашихъ письмахъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, съ какою радостію и удовольствіемъ я видѣлъ и оцѣнилъ весь вашъ образъ дѣйствій, какъ относительно уполномоченныхъ, такъ и вообще относительно всѣхъ вашихъ сношеній съ Константинополемъ. Нечаянное прибытіе Халиля-паши, конечно, стѣснительно; но если тутъ есть заднія мысли, или же, если есть послѣдствіе какой нибудь англійской интриги—надъ ними и трясись! Но мы съумѣемъ преодолѣть ихъ лицемѣріе и разрушить любезные разсчеты нашихъ любезныхъ друзей—прошу не прогнѣваться.

[1]) Писано рукою гр. В. Ѳ. Адлерберга, но подписано самимъ Государемъ.
[2]) Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ. Ред.

Всѣ распоряженія, сдѣланныя вами, любезный другъ, относительно возвращенія войскъ и, именно, 2-го корпуса, такъ согласны съ тѣмъ, чего я желалъ, что кажется какъ будто мы соображали это вмѣстѣ, въ извѣстномъ вамъ кабинетѣ, гдѣ надѣюсь вскорѣ увидѣться съ вами. Не могу однако скрыть отъ васъ, что извѣстія о чрезвычайно суровой погодѣ, которая, по слухамъ, господствуетъ въ Бессарабіи и на всемъ нашемъ югѣ, серьезно меня пугаютъ по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя это можетъ оказать на здоровье войскъ въ странѣ, лишенной всякаго пріюта, и въ которой, при всемъ желаніи, нельзя доставить войскамъ необходимой помощи для огражденія ихъ отъ холода и непогодъ.—Поговоримъ о Нейдгардтѣ. Боюсь, что мы, помимо нашего желанія, надѣлали глупостей. Не знаю какъ, но должно быть были недоразумѣнія во всемъ веденіи этого дѣла. Какъ только вы написали, что желаете имѣть его при себѣ, я принялъ мѣры, чтобы онъ могъ къ вамъ поѣхать,—если бы только это оказалось возможнымъ. Уже въ Тульчинѣ я засталъ его настолько больнымъ, что онъ просилъ меня уволить его въ отпускъ, какъ только гвардія вернется изъ лагеря. Въ то время, какъ вы мнѣ писали, что бы просить его къ себѣ, онъ только что получилъ свой отпускъ и черезъ нѣсколько дней прибылъ сюда. При первомъ же свиданіи я объявилъ ему о томъ, чтó его касается и нашелъ его хотя весьма больнымъ, но готовымъ исполнить всякое порученіе, какое я заблагоразсудилъ бы ему дать; но мнѣ достаточно было его увидѣть, что бы понять, что это было бы почти безполезною жертвою и что онъ, можетъ статься, не вынесъ бы и одного путешествія. Мнѣ казалось, что я довольно ясно сказалъ вамъ это и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ вашего сообщенія о томъ, кого избрали на его мѣсто. Но затѣмъ я вижу изъ вашего письма, что вы все еще разсчитывали на его скорое прибытіе и, кажется, думаете, что дѣло уладилось. Посему повторяю, что тутъ я не могу исполнить вашего желанія; тѣмъ болѣе, что это была бы лишь иллюзія. Кромѣ того мнѣ кажется, любезный другъ, что необходимость имѣть его при себѣ теперь уже не столь велика, какъ въ то время, когда вы впервые просили меня объ этомъ; отношенія наши къ Турціи день ото дня становятся дружественнѣе; никакихъ военныхъ дѣйствій не предвидится; часть нашихъ войскъ уже вернулась въ предѣлы имперіи, а слѣдовательно и дѣйствующая армія настолько же уменьшилась. И такъ, въ занимаемой вами странѣ остается только сдѣлать административныя распоряженія, которыя —какъ бы важны онѣ ни были—не требуютъ, кажется мнѣ, присутствія такого человѣка, какъ Нейдгардтъ. Развѣ въ числѣ способ-

ныхъ офицеровъ, находящихся еще въ вашей арміи, не сыщется кого нибудь, кто бы могъ (для того, чтó еще остается сдѣлать) исполнять должность начальника Главнаго Штаба. Признаюсь вамъ, что мой выборъ въ этомъ случаѣ палъ бы на начальника штаба 3-го корпуса, Горчакова, котораго храбрость, усердіе и отличное знаніе фронта представляютъ, повидимому, всѣ качества, нужныя для исполненія этой обязанности, при настоящихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ не думайте, что я настаиваю на его выборѣ болѣе, тѣмъ на всякомъ другомъ, который вамъ казался бы подходящимъ; но, повторяю: мой выборъ палъ бы на него. И такъ, любезный другъ, выбирайте и, не ожидая моего утвержденія, какъ только вашъ выборъ будетъ сдѣланъ, считайте это дѣло поконченнымъ.

Очень радъ, что Орловъ наконецъ уѣхалъ, хотя одобряю побужденія, заставившія васъ не отсылать его ранѣе. Пора уже, что бы въ Константинополѣ увидѣли лице, носящее русскій мундиръ, наблюдающее за собственными нашими дѣлами; да и пора намъ самимъ яснѣе видѣть, чтò тамъ подстраиваютъ наши пріятели. Я узналъ, что васъ, такъ же какъ и меня, взбѣсило появленіе англійскаго фрегата на Черномъ морѣ; это еще штука во вкусѣ нашихъ лондонскихъ друзей. Меня это такъ разсердило, что я чуть было опять не схватилъ лихорадки; надѣюсь, что это не отразилось на посланныхъ вамъ вслѣдствіе сего приказаніяхъ и что вы найдете, что я былъ правъ, требуя подобнаго возмездія. Пускай-ка нашъ пріятель Орловъ поратоборствуетъ.

Полагаю, любезный другъ, что на сей разъ довольно для бѣдняка-инвалида, съ трудомъ еще подписывающаго свое имя. Боюсь даже, что бы вы не нашли какихъ нибудь слѣдовъ лихорадки въ самомъ слогѣ моего письма; но что же дѣлать?—всему свое время, и я начинаю опять впадать въ дѣтство, хотя говорятъ, что я не такъ давно еще и вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ. То только вѣрно, что я васъ все-таки очень люблю, и очень радъ, что могу вамъ выразить это, хотя и чужою рукою, но тѣмъ же горячимъ сердцемъ, которое васъ любитъ и уважаетъ, съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ, и которое не измѣнится до конца жизни.

Вашъ душею и сердцемъ Н.

St. Pétersbourg, ce 27 Novembre.

Voilà mon cher ami, près de cinq semaines que je n'ai pu vous écrire. Vous savez déja surement la bête de raison à laquelle je dois de m'avoir attiré une éspèce de fièvre chaude, qui m'a tenu près de quatre semaines au lit et qui m'a rendu digne d'appartenir à la С.-Петербургская инвалидная команда·

car non seulement j'étais dans l'impossibilité de me mouvoir, mais parfaitement incapable de m'occuper, ni même entendre parler d'affaire. Me voila, graçe au bon Dieu, depuis huit jours complettement reconvalescent, et l'ami Edouard fait le Генеральный докладчикъ по Государственнымъ дѣламъ; et ma femme, pendant mes accés de fièvre a eu la complaisance de faire le lecteur de tout ce qui m'étais possible d'entendre; de ce nombre sont vos trois lettres qui ont précedés l'arrivée du courrier porteur de la nouvelle de la reddition de Giurgewo. Venons à vos lettres. Je n'ai pas besoin de vous dire, avec quel plaisir et quel contentement j'ai vu et apprecié toute votre conduite, tant à l'égard des plenipotentiaires, qu'en général dans toutes vos relations avec Constantinople. L'arrivée subite d'Halil-Pacha est sûrement importun; mais s'il y a des arrière-pensées, ou bien, si c'est l'effet de quelque intrigue anglaise — надъ ними и трясись. Nous saurons bien confondre leur fausseté et déjouer les aimables calculs de nos aimables amis,—прошу не прогнѣваться.

Tous vos arrangemens, mon cher ami, pour le retour des trouppes, et nommément du 2-me corps, sont si parfaitement conformes à ce que j'ai désiré, que nous avons l'air de les avoir combiné ensemble, dans certain cabinet, où j'éspére sous peu vous revoir. Cependant, je ne saurais vous cacher que les nouvelles de la saison si extraordinairement rigoureuse, qu'il fait, dit-on, en Bessarabie et dans tout notre midi, m'effraye sérieusement sur les conséquences dont ça peut être pour l'état sanitaire d'une trouppe, dans un pays dénué de tout abri, et où, avec la meilleure volonté, il est impossible de procurer à la trouppe le secours néçéssaire pour se garantir du froid et des intempéries de la saisons. Venons à l'article sur Neidhardt. Je crains que nous n'ayons fait des bêtises sans le vouloir. Je ne sais comment, mais il faut qu'il y aît eu du mésentendu dans la manière dont toute l'affaire a été traité. Dès que vous m'eutes écrit sur votre désir de l'avoir près de vous, j'ai pris des mésures, pour, qu'en cas que la chose fut possible, il put se rendre près de vous. Déja à Toultchine je l'avais trouvé si souffrant, qu'il me pria de lui accorder un sémestre sitôt que la Garde serait rentrée du camp. Au moment où vous m'écriviez pour le demander, il venait d'obtenir son sémestre et peu de jours après il arriva ici. Dés ma première entrevue, je le mis au fait de ce que le regardait et je le trouvais, quoique très souffrant, prêt à remplir telle commission que je jugerais à propos de lui donner; mais il me suffit de le voir, pour me convaincre que ce serait un sacrifice à peu près inutile et qu'il ne résisterait peut-être même pas au voyage seul. Je croyais vous l'avoir assez clairement dit et attendais avec impatience que vous me disiez, qui vous avez choisi pour le remplacer. Depuis, je vois par votre lettre que vous comptiez toujours sur sa prochaine arrivée et que vous semblez croire que la chose est convenue; je vous répète donc qu'il m'est impossible de satisfaire en ça votre désir, d'autant plus que ce ne serait qu'une illusion. De plus il me parait, mon cher ami, que le besoin de l'avoir près de vous, n'est pas si urgent qu'il le fut au moment où vous m'en fites la première demande. Nos relations avec la Turquie deviennent de plus en plus amicales; aucune opération militaire ne parait probable; une partie de nos trouppes est déja rentrée dans la frontière de l'Empire et, par conséquent, l'armée diminuée d'autant; reste à faire donc, dans le pays que vous occupez, que des opérations administratives, qui, toute importantes qu'elles sont, n'exigent pas, il me parait, l'assistance d'un homme comme

Neidhardt. Est-ce que dans le nombre des officiers distingués, qui font encore partie de votre armée, il ne s'en trouverait pas qui pourraient, pour ce qui reste à faire, remplir les fonctions de chef d'état-major. Mon choix en pareil cas tomberait, je vous l'avoue, sur Gortchakof, chef d'état-major du 3-me corps, dont la bravoure, le zéle et la parfaite connaissance du front paraissent réunir toutes les qualités neçessaires pour remplir ces fonctions dans les circonstances du moment; au reste, ne croyez pas que j'insiste sur lui plus que sur tout autre qui serait à votre convenance, mais j'avoue, je vous le répéte,—mon choix tomberait sur lui. Ainsi donc, cher ami, faites votre choix et, sans attendre ma confirmation, considérez la chose comme faite, sitôt que votre choix soit arreté.

Je suis enchanté qu'Orlof soit enfiin parti,—tout en approuvant les raisons qui vous ont engagé à ne pas le faire partir plustôt. Il était déja temps qu'on vit à Constantinople un uniforme russe soigner nos propres affaires, et que nous vissions clair dans ce que nos amis nous y fagotaient. J'apprends que vous avez été tout aussi furieux que moi de l'apparition de la fregatte anglaise dans la mer Noire; c'est encore un tour de la façon de nos amis de Londre. Ma fureur en a été telle que j'ai failli en reprendre la fiévre, et j'éspére que les ordres que je vous ai adressé en conseqnence ne s'en ressentent pas, et que vous aurez trouvé que j'ai eu raison d'éxiger des répressailles pareilles. L'ami Orlof n'a qu'à s'escrimer.

Enfin, mon cher ami, j'éspère qu'en voila assez pour un pauvre diable d'invalide qui signe encore avec peine son nom; je crains même que vous ne trouviez quelque trâce de fiévre dans le style de ma lettre; mais, que voulez vous; chaque chose son temps, et moi je recommence à retomber dans l'enfance, quoiqu'on dise qu'il n'y a pas bien longtemps que j'en suis sorti; le fait est que je vous aime toujours beaucoup et que je suis enchanté de pouvoir vous le dire, quoique traçé d'une autre main, mais aussi par le même coeur chaud qui vous aime et vous estime depuis que nous sommes ensemble et qui ne changera qu'avec la vie. A vous de coeur et d'âme N.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

Бургасъ, 6 декабря 1829 г.

Благоволите принять мои поздравленія съ сегодняшнимъ праздникомъ, въ который столько вѣрныхъ подданныхъ, съ обновленнымъ усердіемъ, возносятъ къ престолу престоловъ свои молитвы о Вашемъ счастіи и августѣйшемъ здравіи.

Извѣстія изъ Константинополя, сообщаемыя мною сегодня графу Нессельроде, будутъ—надѣюсь—пріятны В. И. В-ву.

Пріемъ, сдѣланный гр. Орлову, превзошелъ наши ожиданія. Личное поведеніе султана, образъ его выраженій, относительно намѣренія добросовѣстно выполнить мирныя условія, и устраненіе, съ пер-

выхъ же шаговъ, политическаго этикета — все это весьма хорошіе предвѣстники.

Крайняя вѣжливость Ховрева-паши и поведеніе Рейсъ-эффендія, повидимому, склоняющагося къ нашей политикѣ, которую онъ, можетъ быть, считаетъ (и весьма справедливо) гораздо болѣе благопріятною для порты, нежели политику современнаго Карфагена,—все это кажется мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ для Орлова, котораго твердый и прямодушный образъ дѣйствій заслуживаетъ, по моему мнѣнію, величайшихъ похвалъ.

Контръ-адмиралъ Соколовскій былъ у меня третьяго дня; для встрѣчи Рибопьера онъ приготовляетъ корабль «Парменіонъ», а засимъ поднимаетъ свой флагъ на «Пантелеймонѣ», который остается у него одинъ, потому что «Эривань» отосланъ имъ нѣсколько дней тому назадъ, по причинѣ находившагося на этомъ кораблѣ слишкомъ большаго числа лихорадочныхъ. Впрочемъ, у больныхъ этихъ нѣтъ никакой заразы,—какъ и у всѣхъ тѣхъ, которые отправлены съ береговъ Румиліи, потому что гнилая лихорадка—не чума, и принимаются всѣ, человѣчески-возможныя мѣры для того, что бы не отсылать ни одного человѣка, не только имѣющаго признаки заразы, но даже подозрительнаго въ этомъ смыслѣ. Къ великому счастію, мы, во всей Румиліи, имѣемъ лишь весьма мало больныхъ такого рода.

Я просилъ у адмирала Грейга дать фрегатъ, для возвращенія гр. Орлова. Онъ только сегодня, т. е. черезъ два мѣсяца, отвѣтилъ мнѣ, что назначаетъ для сего «Эривань». Но такъ какъ судно это отплыло уже нѣсколько дней тому назадъ, не ожидая никакого приказанія съ моей стороны, то надѣюсь, что г. адмиралъ прикажетъ быть на готовѣ какому нибудь другому фрегату; ибо я полагаю, что не соотвѣтствуетъ достоинству чрезвычайнаго посла В. И. В-ва оставаться на Босфорѣ безъ военнаго пристанища.

Я не считаю себя въ правѣ повторять г. адмиралу Грейгу изъясненіе подобнаго требованія, если отсылаютъ даже тѣ суда, которыя подчинены мнѣ непосредственно, сообщая мнѣ объ этомъ уже потомъ; но считаю долгомъ всенижайшую мою просьбу представить прямо В. И. В-ву, и полагаю крайне необходимымъ, что бы на будущее время сухопутныя и морскія силы (разъ, что онѣ должны содѣйствовать достиженію одной и той же стратегической цѣли) имѣли одного начальника; замѣшательства, которыя возникнутъ въ противномъ случаѣ, всегда будутъ имѣть болѣе или менѣе пагубныя послѣдствія.

Холода, которые 20-го ноября достигли такой силы, что замерзъ Дунай, а тотчасъ затѣмъ и Одесскій рейдъ, превратились въ оттепель, и зима дѣлается, повидимому, довольно сырою. Не смотря на это, болѣзни, благодаря Бога, начинаютъ прекращаться, по крайней мѣрѣ здѣсь.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМІЯ

въ 1834—1848 гг.

Воспоминанія князя Н. С. Голицына о его службѣ въ Академіи.

Въ виду столь недавно отпразднованнаго торжества—26 ноября 1882 г.— пятидесятилѣтія со дня учрежденія Николаевской академіи генеральнаго штаба, бывшей императорской военной академіи, читателямъ „Русской Старины", конечно, особенно пріятно встрѣтить на страницахъ нашего изданія воспоминанія объ этой академіи одного изъ старѣйшихъ, уважаемыхъ и одного изъ первыхъ, по времени, ея профессоровъ—князя Н. С. Голицына, нынѣ генерала отъ инфантеріи.

Князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ—питомецъ благороднаго пансіона Царскосельскаго лицея, произведенъ въ прапорщики гвардейскаго генеральнаго штаба 7-го января 1826 г. и первые годы службы состоялъ при войскахъ гвардейскаго корпуса, въ составѣ которыхъ, въ 1828—1829 гг., участвовалъ въ походѣ до крѣпости Варны и при осадѣ оной, а съ января 1831 г. въ походѣ съ гвардіей въ Царство Польское, гдѣ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ штурмѣ Варшавы. Въ 1833 г. кн. Н. С. Голицынъ, въ чинѣ капитана генер. штаба, является въ числѣ сподвижниковъ генер. Киселева при управленіи имъ Молдавіей и Валахіей. Въ сентябрѣ 1834 г. кн. Н. С. Голицынъ, въ чинѣ подполковника, назначенъ адъюнктъ-профессоромъ военной исторіи и стратегіи при императорской военной академіи [1]).

Интересные разсказы изъ Записокъ кн. Н. С. Голицына о службѣ его до 1834 г., знакомящіе со многими сторонами быта военнаго, въ особенности гвардейскаго штаба, были напечатаны въ „Русской Старинѣ" [2]). Настоящая статья служитъ продолженіемъ предъидущихъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 394—396.

[2]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXIX, стр. 599—616; 883—890; изд. 1881 г., томъ XXX, стр. 27—42, 519—526, 839—850; томъ XXXII, стр. 101—110.

Высокоуважаемый авторъ этихъ Записокъ извѣстенъ въ отечественной военно-исторической литературѣ множествомъ монографій, очерковъ и статей; подъ его наблюденіемъ и главною редакціею, въ теченія восьми лѣтъ, печатались историк -статистическія описанія губерній, составленныя офицерами генеральнаго штаба; онъ былъ однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ сотрудниковъ барона Зедделера въ первомъ изданіи „Военно-энциклопедическаго лексикона"; наконецъ, кн. Н. С. Голицыну принадлежитъ многотомный, вполнѣ монументальный, трудъ: „Всеобщая военная исторія древнихъ, среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ до 1815 г.".

Трудъ этотъ, вызвавшій общія похвалы, появился въ свѣтъ въ 1872 и последующихъ годахъ, но, какъ увидятъ читатели изъ настоящихъ воспоминаній, онъ и задуманъ, и начатъ кн. Н. С. Голицынымъ болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ Ред.

I.

Въ началѣ 1832 г., имѣя въ гвардейскомъ штабѣ ежедневныя занятія по службѣ, я только по приказамъ и слухамъ зналъ о томъ, что̀ касалось новоучреждаемой Императорской Военной Академіи, именно: что съ начала 1832 г. приступлено было къ распоряженіямъ по открытію ея, наконецъ, въ августѣ (потомъ 26 ноября) этого года; что 11 января того же года директоромъ ея былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ 1-й, и что ему, по уставу Академіи, былъ предоставленъ выборъ вице-директора и всѣхъ штатныхъ чиновъ ея. Назначеніе Сухозанета директоромъ Академіи было встрѣчено со стороны общественнаго мнѣнія (конечно „негласнаго", ибо „гласнаго" тогда не было и быть не могло) и особенно—гвардейскаго и генеральнаго штаба въ Петербургѣ—съ изумленіемъ, и несочувственно. Всѣ очень хорошо знали, кто и что̀ такое былъ Сухозанетъ, и полагали, что если онъ, потерявъ ногу въ сраженіи, сталъ неспособенъ къ строевой службѣ, то могъ быть назначенъ въ военно-административную, или же — комендантомъ крѣпости (въ какую должность обыкновенно назначали безрукихъ, безногихъ и т. п. ветерановъ-генераловъ „на покой"), но уже вовсе не „первымъ" директоромъ такого новаго, высшаго военно-учебнаго заведенія, какъ „Военная Академія", предназначенная для образованія офицеровъ къ службѣ „генеральнаго штаба" и для

„вящшаго“ (какъ было сказано въ уставѣ Академіи) распространенія военныхъ познаній въ русской арміи. Между этими двумя цѣлями и Сухозанетомъ рѣшительно не было и не могло быть ничего общаго. Но тому же негласному общественному мнѣнію было извѣстно, что выбору Сухозанета въ директоры Академіи немало содѣйствовало представленіе управлявшаго главнымъ штабомъ Е. И. В., генералъ-адъютанта графа Чернышева—по родственнымъ связямъ его съ Сухозанетомъ, женатымъ на княжнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Женившись на ней, Сухозанетъ породнился не только съ Чернышевымъ, но и съ петербургскою знатью, хотя эта знать, тѣмъ не менѣе, все-таки считала Сухозанета „мѣщаниномъ въ дворянствѣ“ (чѣмъ онъ и былъ дѣйствительно). Словомъ—назначеніе Сухозанета было вовсе не по вкусу общества и генеральнаго штаба. Послѣдствія оправдали это.

Отъ старшаго брата моего, бывшаго адъютантомъ Сухозанета, я зналъ о предварительныхъ распоряженіяхъ къ открытію Академіи и прежде всего къ выбору Сухозанетомъ штатныхъ чиновъ ея. Первымъ имѣлъ быть избранъ вице-директоръ, и братъ мой просилъ меня, какъ офицера генеральнаго штаба, указать ему кого-либо изъ генераловъ этого штаба, который, по моему мнѣнію, былъ бы особенно способенъ и достоинъ назначенія вице-директоромъ. Я сразу, ни мало не колеблясь, назвалъ ему генералъ-маіора барона Людвига Ивановича Зедделера. Хотя я не зналъ его лично, но зналъ съ отличной во всѣхъ отношеніяхъ стороны по наслышкѣ отъ моихъ товарищей по гвардейскому генеральному штабу, полковниковъ: Тучкова, Брюммера, Вепцеля, Веймарна (Ивана Ѳедоровича) и др. Всѣ они передъ тѣмъ служили въ главномъ штабѣ 1-й арміи съ барономъ Зедделеромъ, гдѣ онъ завѣдывалъ офицерскою военною школой и былъ на счету отличнаго офицера генеральнаго штаба. Всѣ они единогласно признали его вполнѣ способнымъ и достойнымъ быть вице-директоромъ академіи. Братъ мой передалъ это Сухозанету—и мы вскорѣ имѣли удовольствіе узнать, что 16-го мая баронъ Зедделеръ былъ назначенъ въ эту должность.

Нынѣ я узналъ изъ „Историческаго очерка“ Академіи то, чего не зналъ тогда, именно—что Сухозанетъ представилъ 3-хъ кандидатовъ на эту должность: генеральнаго штаба генералъ-маіора Окунева, состоявшаго по арміи генералъ-маіора Михайлов-

скаго-Данилевскаго и барона Зедделера, и что изъ нихъ Государь избралъ этого послѣдняго.

Лучшаго выбора нельзя было и желать, по уму, характеру, нравственнымъ достоинствамъ, военно-ученому образованію и боевой опытности барона Зедделера, достойно уважаемаго Дибичемъ, Толемъ и всѣмъ генеральнымъ штабомъ. И мы, офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба, считали счастіемъ, что выборъ палъ на него, а не на Окунева и Михайловскаго-Данилевскаго, и общественное мнѣніе было вполнѣ въ пользу барона Зедделера, какъ было не въ пользу Сухозанета.

Затѣмъ до самаго сентября 1834 г. я былъ совершенно въ сторонѣ отъ всего, что̀ дѣлалось до и послѣ открытія Академіи, зная о томъ только изъ приказовъ, слуховъ и отъ брата моего, тѣмъ болѣе, что я цѣлый годъ находился въ Валахіи и Молдавіи, а по возвращеніи оттуда состоялъ въ главномъ штабѣ, былъ въ отпуску и пр.

Но во 2-й половинѣ сентября 1834 г. братъ мой снова обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не согласенъ-ли я буду поступить адъюнктомъ профессора военной исторіи и стратегіи въ академіи, артиллеріи генералъ-маіора барона Медема, страдавшаго глухотой и только читавшаго лекціи, но не имѣвшаго возможности производить экзамены и притомъ очень нуждавшагося въ помощникѣ. Посовѣтовавшись съ бывшими товарищами моими по гвардейскому генеральному штабу и особенно съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Веймарномъ, близкимъ мнѣ по бывшей службѣ его также въ Валахіи и Молдавіи при генералѣ Киселевѣ, а въ это время состоявшимъ въ должности профессора тактики въ академіи, я согласился и познакомился съ барономъ Медемомъ.

Этотъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ принялъ меня самымъ радушнымъ и любезнымъ образомъ, объяснилъ мнѣ въ чемъ должны были состоять мои обязанности и вполнѣ утвердилъ меня въ моемъ согласіи быть помощникомъ его. И съ тѣхъ поръ до самой смерти его мы были постоянно въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ отношеніяхъ между собою: я много былъ обязанъ ему моимъ собственнымъ, высшимъ военнымъ образованіемъ и справедливо могу считать себя его ученикомъ [1]).

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 428—430, помѣщенъ весьма сердечный отзывъ историка М. И. Богдановича о баронѣ Н. В. Медемѣ. Ред.

Когда въ половинѣ сентября 1834 г. уже сдѣлано было оффиціальное представленіе о моемъ назначеніи, я, желая заранѣе ознакомиться съ учебнымъ курсомъ въ академіи, поѣхалъ на публичный выпускной экзаменъ офицеровъ 1-го изъ нея выпуска. Когда я вошелъ въ учебную залу практическаго отдѣленія, гдѣ производился экзаменъ, и сѣлъ во 2-мъ или 3-мъ ряду стульевъ позади Сухозанета и сидѣвшаго возлѣ него барона Зеддлера, передъ ними стоялъ л.-гв. Преображенскаго полка подпоручикъ Непокойчицкій и отвѣчалъ изъ исторіи военнаго искуства, преподававшейся барономъ Зеддлеромъ. Вопросъ шелъ о строѣ древнихъ грековъ и подробностяхъ его. Вдругъ Сухозанетъ обратился, не къ барону Зеддлеру, а назадъ къ присутствовавшимъ, въ томъ числѣ — къ офицерамъ обоихъ отдѣленій академіи, и гнуся, съ язвительною ироніей, сталъ глумиться надъ тѣмъ, что̀ вѣрно и удовлетворительно излагалъ Непокойчицкій, но что̀ онъ, Сухозанетъ, признавалъ совершенно ненужнымъ и безполезнымъ для будущаго офицера генеральнаго штаба! Не могу выразить, какъ я былъ пораженъ и возмущенъ этимъ! Ничего не зная еще о личныхъ отношеніяхъ между Сухозанетомъ и барономъ Зеддлеромъ, я понялъ однако, что глумленіе перваго надъ тѣмъ, что̀ было преподано послѣднимъ, косвенно относилось къ нему и было публичнымъ его оскорбленіемъ, передъ всѣми присутствовавшими, и, что́ всего хуже, передъ подчиненными ему офицерами! И это со стороны самаго директора академіи, столь извѣстнаго дотолѣ (какъ и впослѣдствіи) строжайшимъ до суровости соблюденіемъ военной субординаціи и дисциплины!—при томъ того, который, въ главѣ совѣта академіи, еще до открытія ея, утверждалъ всѣ учебныя программы ея и строго слѣдилъ за точнымъ ихъ соблюденіемъ! Я смутно понялъ, что это было сдѣлано Сухозанетомъ съ явнымъ намѣреніемъ публично оскорбить барона Зеддлера, отличнаго его помощника и вице-директора академіи, съ тѣмъ, чтобы вытѣснить его изъ нея! Почему и для чего? — я не зналъ, но вскорѣ узналъ, что съ самаго назначенія барона Зеддлера Сухозанетъ сталъ относиться къ нему болѣе и болѣе враждебно, потому что, какъ сказано въ „Историческомъ очеркѣ“ академіи, во взглядахъ на отношенія къ обучавшимся офицерамъ господствовала полная рознь между директоромъ и вице-директоромъ: по понятіямъ перваго, личность под-

чиненнаго не признавалась, строгость—единственная основа порядка, мягкость обращенія вела къ распущенности;—совершенно иныхъ взглядовъ придерживался баронъ Зеддѳлеръ, сознававшій, что рѣзкостью никого не исправишь, что уваженіе къ личности подчиненнаго, нисколько не роняя начальника, охраняетъ самолюбіе, этотъ важный рычагъ въ военной службѣ, что наконецъ мягкость обращенія можетъ быть вполнѣ соединяема съ строгою справедливостью". Есть-ли возможность не согласиться съ послѣдними, столь здравыми, понятіями и благородными чувствами?

Но не таковъ былъ Сухозанетъ, да и не таково было тогда время, чтобы согласиться съ такими воззрѣніями и понятіями барона Зеддѳлера.

Слышалъ я, будто послѣдній имѣлъ крупное объясненіе съ Сухозанетомъ, и этотъ, еще болѣе раздраженный, не пощадилъ барона Зеддѳлера, оффиціально представивъ графу Чернышеву, что баронъ Зеддѳлеръ „потрясаетъ основанія службы и подчиненности", и прося „удаленія его отъ должности". Вслѣдствіе того, 3-го октября 1834 г., баронъ Зеддѳлеръ былъ уволенъ отъ службы, безъ всякихъ преимуществъ, на которыя имѣлъ право! [1]).

Это—по милости Сухозанета, какъ и то, что академія, едва черезъ два года послѣ своего открытія, уже успѣла лишиться своего перваго и отличнаго вицедиректора, да еще самымъ оскорбительнымъ для него образомъ. Такой поступокъ Сухозанета былъ встрѣченъ общественнымъ мнѣніемъ, и генеральнымъ штабомъ, и мною съ негодованіемъ. И это при самомъ первомъ посѣщеніи мною академіи, еще до моего въ нее назначенія! Неутѣшительный для меня предвѣстникъ будущей службы моей въ ней, подтвердившійся немалыми печальными опытами моими впослѣдствіи.

13-го октября 1834 г. на мѣсто барона Зеддѳлера былъ назначенъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Рейненкампфъ, ветеранъ 1812, 1813, 1814, 1828 и 1831 гг. А 18-го октября и я былъ

[1]) Уже въ слѣдующемъ 1835 г. я имѣлъ честь и удовольствіе познакомиться и близко сойтись съ почтеннымъ барономъ Зеддѳлеромъ, вскорѣ сталъ сотрудникомъ его въ изданіи, подъ его военною редакціей, „Военнаго Энциклопедическаго Лексикона", и долго пользовался радушными отношеніями ко мнѣ Людовика Ивановича, его супруги и семейства.

Кн. Н. С. Г.

назначенъ адъюнктомъ барона Медема, и такимъ образомъ началъ службу свою въ академіи въ одно время съ г.-м. Ренненкампфомъ и во всѣ 13-ть лѣтъ этой службы былъ съ этимъ достойнѣйшимъ человѣкомъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, служившихъ мнѣ, какъ и отношенія мои къ барону Медему, отраднымъ утѣшеніемъ.

II.

Передъ вступленіемъ моимъ въ новую для меня должность, я, конечно, прежде всего ознакомился съ уставомъ академіи. Въ то время онъ не произвелъ на меня того впечатлѣнія, которое производитъ теперь, почти полвѣка спустя, когда составляетъ уже любопытный историческій документъ. По немъ можно теперь убѣдительно судить, какъ далеко въ 50 лѣтъ ушли впередъ и Николаевская академія генеральнаго штаба, и самый генеральный штабъ нашъ, и военныя: воззрѣнія, понятія, образованіе и самый языкъ, даже оффиціальный. По существу, уставъ этотъ—безспорно драгоцѣнный основной камень нынѣшней академіи, но по формѣ—онъ во многомъ довольно страненъ и неудовлетворителенъ. Не говоря уже о томъ, что въ самыя первыя 15 лѣтъ онъ въ практикѣ весьма много измѣнился противъ первоначальной редакціи своей,—эта послѣдняя въ теперешнее время представляетъ много несообразностей, бросающихся въ глаза и дающихъ не особенно высокое понятіе объ уровнѣ тогдашней военной образованности вообще и даже въ высшихъ военныхъ сферахъ. Редакція и языкъ его до того „канцелярскіе", можно сказать „подьяческіе", испещренные словами и выраженіями, неправильными въ военномъ и литературномъ отношеніи и давно устарѣвшими (въ родѣ вящшее, буде и т. п.), что можно подумать, будто уставъ былъ редактированъ не въ главномъ штабѣ, образованнымъ военнымъ человѣкомъ, а какимъ нибудь не-военнымъ канцелярскимъ чиновникомъ. Я могъ бы привесть много доказательствъ тому, но они были бы неумѣстны въ предѣлахъ настоящаго очерка. Замѣчу только, что въ то время, въ началѣ 1830-хъ гг., книжный и литературный языкъ нашъ, благодаря Карамзину, Жуковскому, Пушкину и многимъ другимъ писателямъ нашимъ, уже зна-

чительно очистился, усовершился и пріобрѣлъ легкость и изящность, которымъ совершенно противурѣчилъ языкъ устава академіи, и въ литературномъ, и въ военномъ отношеніи. Но еще замѣчательнѣе и важнѣе то, что уставъ академіи, значитъ— высшаго военно-учебнаго открытаго заведенія изложенъ, по духу того времени, скорѣе въ видѣ устава закрытаго средняго военно-учебнаго заведенія, въ родѣ кадетскихъ корпусовъ, съ условіями и требованіями: строевыми, дисциплинарными и нравственно-воспитательными. Это особенно свидѣтельствуется § 12-мъ главы 1-й, о „существенной обязанности академическаго начальства", именно всѣхъ чиновъ академіи, особенно же начальствующихъ и преподающихъ науки, которые, имѣя въ виду предначертанную академіи цѣль, должны, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ познаній образуемыхъ офицеровъ, внушать имъ наставленіями и собственнымъ примѣромъ" (Сухозанета?) правила чистѣйшей нравственности (!), точнаго и вѣрнаго исполненія обязанностей службы (!), безусловнаго повиновенія начальству и непоколебимой приверженности къ престолу и отечеству". Все это долженствовало быть внушаемо, какъ будто кадетамъ, офицерамъ, уже прослужившимъ не менѣе двухъ лѣтъ въ строю! Комментаріи къ этому считаю излишними: не мало ихъ представится въ послѣдующемъ моемъ изложеніи.

Затѣмъ считаю нужнымъ назвать тѣхъ начальствовавшихъ и обучавшихся въ академіи, которыхъ я засталъ при поступленіи въ нее на службу.

Директоръ—ген.-ад. Сухозанетъ; — вице-директоръ — ген.-маіоръ Ренненкампфъ; штабъ-офицеры для начальствованія обучающимися офицерами: генеральнаго штаба полковникъ Аполлосъ Алексѣевичъ Ивановъ и подполковникъ Густавъ Ѳедоровичъ Стефанъ (оба—достойнѣйшіе люди); пѣшей артиллеріи полковникъ Сиверсъ и инженеръ-подполковникъ Блау;—обучавшіеся офицеры практическаго отдѣленія (означаю ихъ по порядку выпуска ихъ, 2-го, въ 1835 г.): 1) Гренадерскаго принца Евгенія Виртембергскаго полка штабсъ-капитанъ Филипсонъ;—2) л.-г. коннаго полка корнетъ Вуичъ;—3) л.-г. Московскаго полка поручикъ Горемыкинъ;—4) 13-й артиллерійской бригады поручикъ Богдановичъ;—5) 14-й артиллерійской бригады подпоручикъ Шлегель 2-й;—6) Гренадерскаго принца Оранскаго полка

поручикъ Нѣловъ;—7) Сибирскаго гренадерскаго полка капитанъ князь Гагаринъ;—8) гвардейскій инженеръ-поручикъ баронъ Криденеръ;—9) л.-г. Сапернаго баталіона прапорщикъ Рейхенбергъ;—10) 13-й артиллерійской бригады подпоручикъ Дараганъ;—11) уланскаго в. к. Михаила Павловича полка поручикъ фонъ-Фіантъ;—12) л.-г. Финляндскаго полка подпоручикъ фонъ-Рейхель;—13) Полоцкаго егерскаго полка поручикъ Шлегель 1-й, и 14) пѣхотнаго принца Вильгельма прусскаго полка поручикъ Руктешель.—Поступившихъ въ академію офицеровъ теоретическаго отдѣленія не называю, потому что баронъ Медемъ съ учебнаго 1834—1835 года не преподавалъ болѣе въ этомъ отдѣленіи, а потому и я не имѣлъ никакихъ обязанностей по оному.

Съ открытія академіи, пріемный экзаменъ производился въ 1-й, а переводный во 2-й половинѣ сентября, выпускные же: домашній—въ 1-й половинѣ октября, а публичный—во 2-й или позже, по назначенію военнаго министра графа Чернышева. Новые же учебные курсы начинались во 2-й половинѣ октября, и въ это время 1834 г. начался и новый курсъ военной исторіи и стратегіи, преподаваемый ген.-маіоромъ барономъ Медемомъ въ практическомъ отдѣленіи. Этотъ курсъ былъ для меня „первымъ“, и я, съ 1-й же лекціи его до послѣдней въ маѣ 1835 г., постоянно присутствовалъ на нихъ, и сидя въ заднихъ рядахъ за обучавшимися офицерами, подобно имъ, внимательно слушалъ и записывалъ лекціи барона Медема. Къ тому, что̀ о его преподаваніи сказано въ „Историческомъ очеркѣ“ (стр. 53), долгомъ считаю, съ моей стороны, прибавить слѣдующее: всегда и во всемъ добродушный, радушный, даже веселый, съ улыбкой, баронъ Медемъ, не сидя на каѳедрѣ, но ходя, во время лекцій, передъ обучавшимися офицерами, изъ стороны въ сторону, читалъ свои лекціи изустно, съ такими необыкновѐнными: любовію къ своему предмету, глубокимъ, основательнымъ знаніемъ его, энергіею, силою убѣжденія, увлекательнымъ изложеніемъ и интересомъ, что въ продолженіи цѣлыхъ 2-хъ часовъ его всѣ слушали не только безъ всякаго напряженія вниманія, но съ особеннымъ удовольствіемъ. Для меня, какъ и для офицеровъ, лекціи его были истиннымъ наслажденіемъ, и я имъ былъ обязанъ моимъ первымъ посвященіемъ и просвѣщеніемъ въ столь важномъ, въ военно-ученомъ отношеніи,

предметѣ, какова военная исторія и стратегія. Изъ первой— баронъ Медемъ читалъ съ бо́льшею обстоятельностью лекціи о войнахъ и походахъ великихъ полководцевъ исторіи: Александра В., Аннибала, Юлія Цезаря, Густава-Адольфа, Тюренния, Петра В., Фридриха В., Суворова, и новѣйшія съ 1796 г. до 1815 г. включительно; съ меньшею же подробностью и бо́льшею краткостью—промежуточныя между ними войны. По части стратегіи онъ читалъ краткій обзоръ стратегическихъ системъ, начиная отъ Ллойда, англійскаго военнаго писателя конца 18-го вѣка, до Клаузевица, современнаго прусскаго военнаго писателя, съ общимъ выводомъ изъ этого обзора. Курсъ свой онъ заканчивалъ краткимъ историческимъ обзоромъ военной литературы, съ древнихъ до новѣйшихъ временъ. На этотъ обширный курсъ едва доставало 7½ мѣсяцевъ, съ 15-го октября по 1-е іюня, за вычетомъ изъ нихъ почти 2-хъ мѣсяцевъ на Рождественскія. масляничныя и Пасхальныя вакаціи, и на періодическія передъ ними домашнія испытанія, которыя долженъ былъ производить я, въ присутствіи вице-директора и штабъ-офицеровъ.

Первое такого рода испытаніе передъ Рождественскими вакаціями 1834 г. я долженъ былъ производить уже черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія моего въ должность, съ открытія курса барона Медема. Легко понять, сколько мнѣ необходимо было приложить вниманія къ лекціямъ его, для того, чтобы черезъ 2 мѣсяца впервые экзаменовать офицеровъ изъ пройденнаго до тѣхъ поръ. Не малымъ и пріятнымъ для меня облегченіемъ въ этомъ отношеніи было примѣрное усердіе всѣхъ офицеровъ во внимательномъ слушаніи и записываніи лекцій барона Медема, особенно тѣхъ изъ этихъ офицеровъ, которые во время и по окончаніи курса были въ числѣ первыхъ, а впослѣдствіи—первыми по времени, своими, русскими, а не иностранными, адъюнктъ-профессорами и профессорами академіи. То были: штабсъ-капитанъ Филипсонъ, корнетъ Вуичъ, поручики Горемыкинъ, Богдановичъ и Неѣловъ; изъ нихъ первые четыре сидѣли въ 1-мъ ряду столовъ справа, и записывая лекціи барона Медема, потомъ совмѣстно сводили свои записки, представляли ихъ на просмотръ барону Медему и, по исправленіи имъ, литографировали ихъ на свой общій счетъ.

Вообще я, по всей справедливости, вспоминаю съ искрен-

нимъ удовольствіемъ о примѣрномъ усердіи къ наукамъ обучавшихся въ академіи офицеровъ, какъ этого, 2-го, выпуска, такъ и всѣхъ слѣдующихъ при мнѣ до 1848 г. Съ такими прекрасными молодыми людьми легко и пріятно было заниматься и ихъ усердіе усугубляло и усердіе преподавателей. Это было, среди немалыхъ невзгодъ, исключительно со стороны директора, но въ соединеніи съ прекрасными, взаимными, личными отношеніями между всѣми начальствующими и учащими чинами академіи, истинною отрадой, которая до сихъ поръ составляетъ для меня пріятнѣйшее воспоминаніе о времени, проведенномъ мною на службѣ въ академіи. Не мало было горя на ней, но едва ли не въ примѣръ болѣе радости и утѣшенія.

Я долженъ замѣтить при этомъ, что адъюнктъ-профессорами и профессорами изъ обучавшихся въ академіи офицеровъ она стала пополняться только со 2-го, 3-го и слѣдующихъ выпусковъ; изъ 1-го же никто въ эти должности не поступалъ, хотя изъ 19-ти офицеровъ этого выпуска были отличные (Старкъ, Жуковскій, Индреніусъ и Иванинъ) и немало было весьма хорошихъ и хорошихъ по успѣхамъ, но всѣ они пошли на службу при войскахъ.

Обращаясь собственно къ моимъ занятіямъ, я долженъ сказать, что они въ 1-й учебный при мнѣ 1834—1835 годъ не ограничивались для меня слушаніемъ и записываніемъ лекцій барона Медема и испытаніями офицеровъ. По указанію и подъ руководствомъ барона Медема, я составлялъ, для литографированія и пособія офицерамъ, систематическое изложеніе курса военной исторіи и стратегіи, и сверхъ того карты войнъ и походовъ, въ большомъ масштабѣ, для нагляднаго обозрѣнія во время лекцій. Все это, вмѣстѣ взятое, въ продолженіи всего учебнаго 1834—35 г., въ особенности, и во всѣ слѣдующіе годы до 1848 г., стоило мнѣ усиленныхъ трудовъ и требовало почти всего моего времени. Живя до 1836 г. далеко отъ академіи (въ Колокольномъ переулкѣ), я, для движенія на воздухѣ, ходилъ, во всякую погоду, въ академію и обратно пѣшкомъ, а остальное время, часто за полночь, проводилъ за письменной работой. Признаюсь, тяжела была для меня эта работа, но отрадно было убѣжденіе въ несомнѣнной пользѣ ея для академіи и для самаго меня. Въ первые 4 года (1834—1838) я, еще прежде, чѣмъ учить другихъ, самъ

учился и потому не напрасно и не безъ удовольствія считаю себя также ученикомъ военной академіи.

Экзамены офицеровъ академіи: пріемные, періодическіе, переводные и выпускные производились и успѣхи офицеровъ на нихъ оцѣнивались согласно съ Высочайше утвержденнымъ 8 декабря 1834 г. Положеніемъ о томъ и съ составленными на основаніи его правилами. Къ подробному изложенію ихъ въ „Историческомъ очеркѣ“ я долженъ прибавить слѣдующее:

Положеніе 1834 г., справедливо названное въ „Очеркѣ“—„интереснымъ документомъ“, не было, какъ слѣдовало бы, составлено конференціей, разсмотрѣно и одобрено совѣтомъ и утверждено директоромъ, но было выработано самимъ этимъ послѣднимъ, съ значительнымъ содѣйствіемъ профессора русской словесности въ академіи, Н. И. Бутырскаго, филолога и философа, не въ одномъ этомъ содѣйствовавшаго Сухозанету по академіи. Участіе Бутырскаго въ составленіи Положенія было несомнѣнно для всѣхъ, которые, какъ я, знали этого человѣка. Составивъ съ нимъ этотъ „интересный документъ“, Сухозанетъ представилъ его на Высочайшее утвержденіе. Зачѣмъ? А для того, чтобы онъ имѣлъ обязательную силу „закона“ для начальства и преподавателей академіи и исполнялся ими всегда и вполнѣ, неизмѣнно и въ точности, что̀ и исполнялось, и при мнѣ, и во все время директорства Сухозанета. Оцѣнка же успѣховъ офицеровъ, на основаніи этого положенія, дѣлалась примѣнительно къ 5-ти степенямъ: 1-й—успѣхи слабые, 2-й—посредственные, 3-й—удовлетворительные, 4-й—хорошіе и 5-й—отличные, а выражалось это баллами по 10-ти балльной системѣ, „съ особеннымъ коефиціентомъ (какъ сказано въ „Очеркѣ“) для каждаго предмета порознь и для всѣхъ вмѣстѣ, отъ 10 до 600! Изъ всей этой системы, гораздо болѣе мудреной, чѣмъ мудрой, особеннаго вниманія заслуживаетъ подробное опредѣленіе успѣховъ 5-й степени—отличныхъ. Ими признавались такіе, которые могли быть доступными не только самимъ преподавателямъ, но даже—едва ли не „геніальнымъ“ людямъ! Поэтому Сухозанетъ и не признавалъ возможнымъ удостоивать этою 5-ю степенью и соотвѣтствовавшими ей баллами успѣхи обучающихся офицеровъ—и преподаватели должны были оцѣнивать ихъ не свыше 4-й степени и соотвѣтствовавшихъ ей балловъ. Такія же соображенія служили Сухозанету и для вы-

дачи медалей—лишь по 1 большой и 1 или 2 малыхъ серебряныхъ на выпускъ (а иногда и ни одной), но за исключеніемъ золотой, которая и не выдавалась никогда, какъ достойная, вѣроятно, лишь однихъ геніевъ!

Если къ такого рода оцѣнкѣ успѣховъ офицеровъ академіи въ наукахъ прибавить еще: 1) оцѣнку поведенія офицеровъ начальствующими штабъ-офицерами и 2) чрезвычайно строгія правила соблюденія офицерами суббординаціи, дисциплины, всѣхъ порядковъ и обязанностей службы въ академіи и внѣ оной, съ строгими взысканіями за нарушеніе ихъ, то поистинѣ можно сказать, что „военная академія“ при Сухозанетѣ едва-ли не была скорѣе офицерскимъ кадетскимъ корпусомъ, чѣмъ высшимъ военно-учебнымъ заведеніемъ для образованія офицеровъ къ службѣ генеральнаго штаба!

О порядкѣ и ходѣ классныхъ учебныхъ занятій и лѣтомъ полевыхъ работъ офицеровъ говорить не буду: это было бы повтореніемъ того, что̀ о нихъ изложено въ „Историческомъ очеркѣ“. Упомяну только о томъ, чего въ немъ нѣтъ и не могло быть—не объ оффиціальныхъ, а о частныхъ свѣдѣніяхъ: 1) о практическихъ маневрахъ безъ войскъ, съ одними жалонерами и казаками, на данной мѣстности, — и 2) о публичныхъ выпускныхъ экзаменахъ.

Практическіе маневры производились всѣми выпускными офицерами практическаго отдѣленія, въ присутствіи вицедиректора, всѣхъ профессоровъ и ихъ адъюнктовъ по военнымъ предметамъ, особенно тактики, начальствующихъ штабъ-офицеровъ, и оберъ-офицеровъ теоретическаго отдѣленія, всѣхъ верхомъ на лошадяхъ одного полуэскадрона л. г. казачьяго полка, другой полуэскадронъ котораго, на лошадяхъ, изображалъ кадры конницы, а пѣхотные жалонеры съ значками—кадры пѣхоты и артиллеріи.—Маневры эти производились отъ 2-хъ до 4-хъ дней, между 20-мъ и 25-мъ августа, одинъ годъ—въ окрестностяхъ села Гостилицъ, близъ Ораніенбаума, а другой—въ окрестностяхъ села Кипени, близъ Стрѣльны, по заранѣе задаваемымъ темамъ, на двѣ стороны.—При этомъ съ каждой стороны были назначаемы, изъ числа выпускныхъ офицеровъ, начальники авангардовъ, главныхъ силъ, фланговыхъ отрядовъ и резервовъ, и при нихъ младшіе офицеры,

въ видѣ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ и помощниковъ.—Всѣ они были обязаны предварительно обрекогносцировать назначенную имъ мѣстность и представить снятыя ими отъ руки, на глазъ, и вычерченныя ими же карточки, съ письменными объясненіями и диспозиціями расположенія, движеній и дѣйствій войскъ ихъ отрядовъ. Вице-директоръ г.-м. Ренненкампфъ, съ своею конною свитою профессоровъ и штабъ-офицеровъ, переѣзжая отъ одной дѣйствующей стороны къ другой, принималъ отъ офицеровъ письменныя и чертежныя работы ихъ, съ надлежащими словесными объясненіями и своими замѣчаніями на нихъ, и слѣдилъ за подробностями расположенія, движеній и дѣйствій войскъ, изображаемыхъ жалонерами и казаками. Все это, безспорно, соединяло въ себѣ много полезнаго—въ учебно-практическомъ отношеніи, и пріятнаго—въ движеніи на воздухѣ и верхомъ на лошадяхъ, составляя нѣкоторымъ образомъ „увеселительныя прогулки“ (parties de plaisir) военной академіи. Онѣ были особенно пріятны и тѣмъ, что производились въ присутствіи и подъ руководствомъ добрѣйшаго г.-м. Ренненкампфа, всегда и со всѣми привѣтливаго и радушнаго. Проведя съ ранняго утра нѣсколько часовъ на конѣ, открытомъ воздухѣ и разнообразной мѣстности, всѣ, по окончаніи дневнаго маневра, разъѣзжались по своимъ квартирамъ въ деревняхъ, а генералъ съ своею свитой—или въ барскіе дома Гостилицъ, съ прекраснымъ садомъ Потемкиныхъ, или въ лучшіе дома Кипени. Свита генерала обѣдала и вечеръ проводила у него, самымъ пріятнымъ образомъ, а на другой и третій дни опять тоже. Прибавлю къ этому, что между генераломъ и его свитой всегда было полное единодушіе и веселое настроеніе, а отчасти бывало кое-что и забавное. Такъ, напримѣръ, въ свитѣ всегда усердно участвовалъ также и профессоръ военной географіи, корпуса путей сообщенія полковникъ Языковъ (нынѣ умершій), очень сутуловатый и никогда, я думаю, не ѣздившій верхомъ на лошади, а тутъ принужденный ѣздить, да еще рысью и вскачь, на казачьемъ, тряскомъ конѣ и на казачьемъ сѣдлѣ, и потому представлявшій на нихъ презабавную фигуру „печальнаго рыцаря“.

Но вотъ кончились маневры, всѣ воротились въ Петербургъ по домамъ и къ своимъ занятіямъ: выпускные офицеры къ при-

готовленію своихъ лѣтнихъ, письменныхъ и чертежныхъ, работъ на представленіе начальству, и къ приготовленіямъ къ домашнему и публичному выпускнымъ экзаменамъ въ октябрѣ, а офицеры теоретическаго отдѣленія—къ переводнымъ экзаменамъ во 2-й половинѣ сентября. 25-го же августа вице-директору представлялись всѣ офицеры, желавшіе поступить въ академію, и съ 1-го по 15-е сентября имъ производился пріемный экзаменъ особою коммиссіей подъ предсѣдательствомъ вице-директора.

По окончаніи къ 15-му октября всѣхъ экзаменовъ, начинался новый учебный курсъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мои занятія (еще съ 1-го сентября), о которыхъ я говорилъ выше, за исключеніемъ присутствія моего на лекціяхъ барона Медема.

Наконецъ, въ послѣднихъ дняхъ октября или и въ ноябрѣ, по назначенію военнаго министра, происходилъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, публичный выпускной экзаменъ, въ присутствіи графа Чернышева, Сухозанета, высшихъ чиновъ главнаго штаба и приглашенныхъ военныхъ лицъ. Впослѣдствіи (уже съ 1860-хъ годовъ) эти публичные экзамены были отмѣнены и замѣнены домашними, преимущественно письменными—и слава Богу! Первые были чистою формальностью и служили развѣ только для того, чтобы знакомить военнаго министра, генералъ-квартирмейстера и высшихъ военныхъ чиновъ главнаго штаба и военнаго министерства съ выпускаемыми офицерами, съ пріобрѣтенными ими познаніями и съ состояніемъ преподаванія. И хотя эти экзамены производились со стороны начальства и офицеровъ академіи вполнѣ добросовѣстно, по билетамъ, выбираемымъ на удачу передъ военнымъ министромъ, но при этомъ происходили нѣкоторыя любопытныя обстоятельства. Такъ, напримѣръ, экзаменуемый офицеръ отвѣчалъ передъ военнымъ министромъ, а профессоръ испытуемаго предмета, въ мундирѣ и шарфѣ, долженъ былъ стоять съ боку, на благородной динстанціи, на вытяжкѣ, и поддерживать или поправлять отвѣты офицера. Если же по военной исторіи новѣйшихъ войнъ, особенно 1812—13—1814 гг., офицеру доставалось говорить объ одной изъ этихъ послѣднихъ, то Сухозанетъ, какъ тонкій и ловкій политикъ-дипломатъ, также тонко и ловко наводилъ на пресловутые подвиги Чернышева: партизанскія дѣйствія

въ 1812—13—14 гг. и особенно на взятіе Касселя въ 1813 г. и Суассона въ 1814 г. Эти Кассель и Суассонъ сдѣлались между нами „притчей во языцѣхъ“ [1]), и мы, профессорà, штабъ-офицеры и сами учащіеся знали это и потѣшались этимъ, а Сухозанетъ продолжалъ свою политику кажденія, Чернышевъ же благосклонно обонялъ это благоуханіе кадила Сухозанета. Вотъ и „внушеніе собственнымъ примѣромъ правилъ чистѣйшей нравственности“, по § 12 устава академіи!

Первый при мнѣ публичный экзаменъ, съ Касселемъ и Суассономъ, прошелъ благополучно, ко всеобщему удовольствію, и послѣ того, по обычаю, Сухозанетъ представилъ отчетъ за минувшій учебный годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ представленіе о наградахъ выпускнымъ офицерамъ и чинамъ академіи. Изъ числа первыхъ изъ нихъ получили медали: штабсъ-капитанъ Филипсонъ—большую серебряную, а корнетъ Вуичъ и поручикъ Горемыкинъ—по малой серебряной. Я уже сказалъ выше, что Сухозанетъ наложилъ свое veto на золотыя медали и на баллъ 10, какъ достойные только геніевъ и Наполеоновъ. Въ числѣ чиновъ академіи, получившихъ награды, находился и я, за мои усиленные труды удостоившійся получить 2 т. десятинъ земли, по особенному благоволенію еще тогда (до времени) ко мнѣ Сухозанета и особенно по доброму предстательству барона Медема. Эта награда была очень пріятна и еще болѣе полезна для меня, такъ какъ, кромѣ казеннаго содержанія, я не имѣлъ ничего своего. Желая получить за пожалованную мнѣ землю деньги, но, по моимъ служебнымъ занятіямъ не имѣя времени хлопотать о томъ, я, при содѣйствіи одного вліятельнаго въ военномъ министерствѣ лица, успѣлъ получить, кажется, 2 т. р. асс., можетъ быть и менѣе того, сколько слѣдовало бы, но я и тѣмъ былъ доволенъ.

---

[1]) Да и не между нами одними, а и между всѣми въ Петербургѣ. Вотъ по этому поводу одна изъ остротъ покойнаго князя Меншикова въ тѣ времена, по поводу Касселя. Графиня Чернышева, на балу, въ разговорѣ съ кѣмъ-то, спросила князя: „Prince, rappelez-moi donc le nom de la ville, qu'a pris Alexandre?“—„Babylone, madame!“ отвѣтилъ ей князь, съ насмѣшливой улыбкой. Кн. Н. С. Г.

III.

Второй для меня учебный 1835—36 годъ начался и продолжался въ столь же усиленныхъ трудахъ, сколько и первый, хотя я и не слушалъ болѣе лекцій барона Медема. Но эти усиленные труды такъ повліяли на мои силы и здоровье, что едва не привели къ печальному для меня исходу. Въ апрѣлѣ 1836 г., послѣ Пасхи (29 марта), присутствуя на 1-мъ представленіи „Ревизора" Гоголя, (если не ошибаюсь) въ Александринскомъ театрѣ, въ присутствіи государя, двора и многочисленной публики, я сильно простудился и заболѣлъ нервной горячкой (по теперешнему тифомъ). Цѣлую недѣлю я лежалъ въ бреду, бредя войнами и сраженіями, и былъ между жизнію и смертью. Но Богъ спасъ меня, опасность смерти миновала и я сталъ выздоравливать, но впалъ въ такую слабость, что оправлялся очень долго и только пребываніе лѣтомъ на дачѣ мало по малу возстановило мои силы и здоровье. Поэтому я до экзаменовъ въ сентябрѣ 1836 г. не былъ въ состояніи продолжать моихъ занятій по академіи и даже работать на дому. Къ сентябрю же, чтобы жить ближе къ академіи, я съ дачи переѣхалъ на нанятую мною близь Большаго театра квартиру, откуда и ходилъ уже по близости въ академію. До болѣзни моей я произвелъ, отъ декабря до марта, а послѣ болѣзни въ октябрѣ, обычныя домашнія испытанія 16-ти офицерамъ практическаго отдѣленія (3-го выпуска), изъ числа которыхъ 5-й артил. бригады поручикъ Штюрмеръ и л.-г. 1-й артил. бригады подпоручикъ Милютинъ (впослѣдствіи графъ и военный министръ) получили по малой серебряной медали (хотя заслуживали бы, не только большой, но и золотой, если бы не упомянутое выше veto Сухозанета). Другихъ называть не буду: они означены въ „Историческомъ очеркѣ", но вообще всѣ были болѣе или менѣе хороши по успѣхамъ. Одинъ изъ нихъ, л.-г. преображенскаго полка поручикъ Батюшковъ, съ 1837 г. въ генеральномъ штабѣ, былъ долгое время начальникомъ 2-го ученаго отдѣленія департамента генеральнаго штаба и впослѣдствіи членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба.

Начальствующими штабъ-офицерами въ 1835, 1836, 1837 гг.

были по прежнему полковникъ Ивановъ и подполковники Стефанъ и Блау, а вмѣсто полковника Сиверса, съ 1837 г.—л.-г. 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады полковникъ князь Владиміръ Николаевичъ Голицынъ (однофамилецъ, но не родственникъ мой), достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ.

Слѣдующіе учебные годы: 1836—1837 и 1837—1838 были проведены мною въ такихъ же занятіяхъ по академіи, какъ и предъидущіе два. Но 1838—1839 годъ имѣлъ для меня особенное значеніе. Опытъ, пріобрѣтенный мною въ предшествовавшіе 3 учебные года, привелъ меня къ мысли о замѣнѣ ежегодно литографируемыхъ, на счетъ обучавшихся офицеровъ, записокъ учебнаго курса военной исторіи, стратегіи и военной литературы — систематически составленнымъ по программѣ академіи и напечатаннымъ на счетъ ея, курсомъ, который я предполагалъ составить самъ и, подъ моею редакціей, нѣсколькими изъ лучшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, 2-го 3-го и 4-го выпусковъ академіи. Составленный мною по этому предмету подробный проектъ я представилъ предварительно барону Медему. Одобривъ основную мысль этого проекта, но сознавая трудность исполненія его и особенно необходимость не расширять, а напротивъ сжимать по возможности означенный, весьма обширный, курсъ, баронъ Медемъ, по деликатности-ли своей, или потому, что уже утомился и желалъ въ 1838 г. отказаться отъ преподаванія въ академіи, или же потому, что Сухозанетъ одобрялъ и поддерживалъ мой проектъ, но во всякомъ случаѣ, къ крайнему моему нынѣ сожалѣнію, не отговорилъ меня отъ исполненія его, сказавъ мнѣ только, по дружбѣ, что оно потребуетъ очень много труда и можетъ завлечь меня далѣе, нежели сколько было бы нужно и полезно. Я былъ тогда молодъ и еще недостаточно опытенъ, и увлекшись не по разуму своимъ усердіемъ и убѣжденіемъ въ пользѣ моего проекта, представилъ его по начальству ген.-маіору Ренненкампфу, а онъ—Сухозанету, который, одобривъ мой проектъ, передалъ его въ совѣтъ на разсмотрѣніе. Совѣтъ былъ одного мнѣнія съ барономъ Медемомъ, но мнѣніе Сухозанета взяло верхъ—и проектъ пошелъ въ ходъ къ военному министру. Разсмотрѣнный во всѣхъ инстанціяхъ, съ оговорками, подобными выраженнымъ барономъ Меде-

момъ, но поддерживаемый Сухозанетомъ, проектъ мой былъ окончательно утвержденъ въ 1838 г. и военнымъ министромъ, и государемъ—и я приступилъ въ томъ же году къ составленію курса по моей программѣ, согласной съ программою барона Медема и академіи дотолѣ, съ содѣйствіемъ бывшихъ воспитанниковъ академіи, уже офицеровъ генеральнаго штаба: штабсъ-капитана Горемыкина, поручиковъ: Богдановича, Штюрмера, Милютина, позже Кузминскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Но увы! увлеченный моею предвзятою мыслію и моимъ усердіемъ, я и не предвидѣлъ тогда, сколько мнѣ будетъ предстоять въ будущемъ труда и особенно—непріятностей и огорченій. И это тѣмъ болѣе, что я имѣлъ неосторожность связать себя слишкомъ близкимъ срокомъ составленія и изданія курса и ассигнованными на то и другое, заимообразно изъ запаснаго капитала академіи, деньгами 15,000 р. асс.

Нынѣ, 44 года спустя послѣ того, откровенно сознаюсь, что все это было большою съ моей стороны ошибкой, которая, осложнившись еще послѣдующими обстоятельствами моей жизни и службы, была причиной многихъ для меня непріятностей.

Баронъ Медемъ, въ послѣдній разъ прочитавъ свои лекціи въ учебномъ 1837—1838 году, въ слѣдующемъ уже не читалъ ихъ болѣе и это было предоставлено мнѣ, съ званіемъ профессора съ 1-го сентября 1838 г., и съ содѣйствіемъ адъюнктъ-профессора, генеральнаго штаба капитана Богдановича. А баронъ Медемъ, 8 декабря того же 1838 г., былъ уволенъ отъ званія профессора, съ оставленіемъ въ званіи члена совѣта академіи.

Такимъ образомъ я считаю 1838 годъ началомъ перелома въ моей службѣ въ академіи, до 1841 года—еще благопріятной для меня, но съ этого года и до 1848-го постепенно болѣе и болѣе неблагопріятной.

Въ учебномъ 1838—1839 году лекціи читалъ уже я, производя и всѣ испытанія офицеровъ, и въ то же время составляя, вмѣстѣ съ капитаномъ Богдановичемъ и прочими сотрудниками, предположенный мною для изданія курсъ. По окончаніи же въ маѣ 1839 г. лекцій и испытаній, я, осенью этого года, испросилъ себѣ и получилъ разрѣшеніе съ октября 1839 г. сдать свои обязанности по преподаванію и испытаніямъ капитану Богдано-

вичу и отправиться за границу для поправленія здоровья, на 10 мѣсяцевъ, и въ концѣ января 1840 г. уѣхалъ за границу. До истеченія срока 10-ти мѣсячнаго отпуска, я испросилъ и получилъ отсрочку его до апрѣля 1841 г., когда и возвратился въ Петербургъ.

Князь Ник. Серг. Голицынъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

1783—1852.

Столѣтняя годовщина дня его рожденія [1]).

Продолжая печатаніе писемъ славнаго поэта нашего В. А. Жуковскаго, приводимъ справку, весьма обязательно доставленную намъ академикомъ Я. К. Гротомъ, по вопросу о днѣ рожденія Жуковскаго:

«Справка, доставленная высокопреосвященнымъ Никандромъ, архіепископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, второму Отдѣленію академіи наукъ (см. въ „Новомъ Времени“ отъ 7-го января замѣтку академика Грота) содержитъ въ себѣ слѣдующее:

«По метрической книгѣ Бѣлевскаго уѣзда села Мишенскаго за 1783 годъ, января двадцать шестого (26-го) въ числѣ родившихся записью подъ № 3 значится: Вотчины надворнаго совѣтника Аѳанасія Иванова Бунина у дворовой вдовы Елисаветы Дементьевой родился незаконнорожденный сынъ Василій. Крещенъ 30-го января священникомъ Иваномъ Ивановымъ съ причтомъ. Воспріемники, бывшіе при крещеніи, исключительно при записи сего событія не показаны».

Затѣмъ въ исповѣдныхъ росписяхъ того же уѣзда и села за 1787, 1788, и 1789 годы значатся: „вдова Елисавета Дементьева и сынъ ея Василій“, при чемъ въ каждой показанъ (хотя не совсѣмъ точно) возрастъ какъ ея самой, такъ и сына ея. Послѣ пропуска нѣсколькихъ лѣтъ, подъ 1796 годомъ записано: „вдова Елисавета Дементьева 60-ти лѣтъ и сынъ ея Василій Андреевъ 15-ти лѣтъ“. Въ 1797 опять: вдова Елисавета Дементьева 61 года, сынъ Ва-

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 181—212.

силій Андреевъ 15-ти лѣтъ (вторично). Въ 1798 году сына при ней уже не показано, такъ какъ онъ между тѣмъ выбылъ изъ Тульской губерніи и поступилъ въ Московскій университетскій пансіонъ. «Такъ же писалась», сказано въ справкѣ, «помянутая вдова до 1808 г., въ которомъ ей показано 72 года».

„Для большей достовѣрности почерпнутаго изъ метрическихъ книгъ свѣдѣнія о времени рожденія В. А. Жуковскаго, высокопреосвященный присовокупляетъ, что за 1782, 1783 и 1784 годы, въ числѣ родившихся какъ въ самомъ селѣ Мишенскомъ, такъ и въ приходскихъ его деревняхъ, никто не показанъ незаконнорожденнымъ, кромѣ сына дворовой вдовы Елисаветы Дементьевой Василія; всѣ же другіе новорожденные, записанные за то же время съ именемъ Василія, были законныя дѣти поименованныхъ въ метрикѣ крестьянъ.

Я. Г. [1])

---

[1]) Мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ многоуважаемаго Якова Карловича, чтобы показаніе метрической книги о рожденіи Жуковскаго 26-го января окончательно опредѣляло вопросъ о днѣ рожденія нашего поэта. Небрежность, съ которою совершаются, и въ особенности въ старые годы совершались, помѣтки, извѣстна всѣмъ, и я могъ бы представить цѣлый рядъ фактовъ, гдѣ метрическія помѣтки грѣшили на нѣсколько дней, иногда и мѣсяцы. Жуковскій и его родные слишкомъ опредѣленно указываютъ на 29 число. Еще по поводу крестинъ сына своего Павла, назначенныхъ на 29 января, Жуковскій писалъ Булгакову совершенно положительно о томъ, что родился онъ именно въ этотъ день. Наконецъ, стоитъ взглянуть на показанія исповѣдныхъ росписей, чтобы видѣть какъ небрежно все это велось. Тутъ выходитъ, напримѣръ, что Жуковскому и въ 1797 и въ 1798 годахъ было 15 лѣтъ. П. В.

№ 6 [1]).

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

16-го апрѣля (Муратово. 1814).

«Здравствуйте милая моя сестра, новая знакомка и старой другъ [2]). Вы мнѣ дали на дорогу добрый запасъ размышленій и чувствъ. Мѣсяца за два я бы не вообразилъ, что мнѣ будетъ можно поѣхать съ грустью изъ Долбина въ Муратово—бѣдные мы люди! думаемъ о безсмертіи, о горнемъ, отдаленномъ счастіи, а подъ носомъ не видимъ того, что можетъ насъ утѣшать и дѣлать довольнѣе. Наше путешествіе сдѣлало и моему сердцу большое добро; оно помогло ему найтти находку—довѣренность къ дружбѣ, прежде смѣшанную съ сомнѣніемъ, потомъ почти совсемъ разрушенную, обратить въ вѣру— не есть-ли это находка? И не вездѣ-ли видно доброе Провиденіе? Отымая съ одной стороны, оно всегда замѣняетъ съ другой. Съ полною довѣренностію я сунулся было просить дружбы тамъ, гдѣ было одно притворство и меня встрѣтило предательство со всемъ своимъ отвратительнымъ безобразіемъ—отъ васъ не думалъ ничего требо-

---

[1]) Поправки. Въ „Русской Старинѣ" изд. 1883 г., январь, въ статьяхъ о Жуковскомъ должны быть сдѣланы слѣдующія поправки:

на стр.	строка	напечатано:	читай:
183	1 сверху	27-го	29-го
184	19 сверху	im russischen Dichterleben	ein russisches Dichterleben.
184	10 снизу	вмѣсто напечатаннаго читай: г. Зейдлицъ озаглавилъ свою книгу: „Очеркъ и т. д." (тутъ ошибочно было сказано, что онъ перевелъ ее съ нѣмецкаго. Она писалась прямо по русски и съ русскаго книга была передѣлана на нѣмецкій языкъ).	
186	9 снизу	отправлялся пѣшкомъ	отправлялся онъ пѣшкомъ
187	6 сверху	чувства своего къ Машѣ	чувства своего самой Машѣ
191	1 сверху	въ 1836 году	въ 1847 г.
—	3 снизу	надо прибавить, что Зейдлицъ былъ выбранъ „профессоромъ терапевтической клиники" при медико-хирургической академіи. Вышедши по разстроенному здоровью въ отставку въ 1847 году, онъ поселился въ Дерптѣ.	
191	11 снизу	Ризѣ	Пизѣ.
—	13 »	въ 1828 г.	1829 г.
192	2 сверху	передалъ	комментируя

затѣмъ всюду, гдѣ стоитъ Майеръ, читай: Мойеръ. Ред.

[2]) Эти слова относятся къ тому, что незадолго Авд. Петровна узнала о привязанности его къ М. Анд. Онъ открылся ей и она стала его союзницей въ хлопотахъ о полученіи согласія Екат. Ае. на бракъ съ М. Анд.

П. В.

вать и все само сдѣлалось. Эта мѣна ни чуть не убыточная; а вмѣстѣ съ нею и добрый урокъ.

Вотъ вамъ моя реляція. Поѣхавъ отъ васъ [1]), я думалъ ночевать въ Черни. Но въ Болховѣ узналъ, что Плещеевъ мой добрый негръ, который бѣлыхъ книгъ не страшится, пріѣхалъ одинъ изъ Ельца. Я скорѣй въ Чернь; но его не засталъ—онъ уѣхалъ въ Муратово. Перемѣнивъ лошадей, скачу за нимъ. Ночь и страшная грязь не выпустили меня изъ Козловки и я ночевалъ у Маріи Николаевны. Она сказала мнѣ оффиціальную новость: свадьба назначена 2 іюля а послѣ свадьбы ѣдутъ въ Дерптъ [2]). Я поглядѣлъ на своего спутника—вы его знаете. Больная, одержимая подагрою надежда, которая скрѣпя сердце тащится за мною на костыляхъ и часто отстаетъ. — Что скажешь товарищъ! — Что сказать? Намъ не долго таскаться вмѣстѣ по бѣлу свѣту. Послѣ втораго іюля—что бы ни было—мы разстанемся! Или покину тебя одного и бреди какъ хочешь! или оставлю тебѣ свою сестрицу, которая лучше меня и гораздо лучше (но только для добрыхъ) исполненіе. Съ нею дурной человѣкъ становится хуже, а добрый гораздо добрѣе. Она приготовитъ тебя къ тому обѣтованному краю

Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждѣ
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой! [3])

— А есть-ли останусь одинъ!—Тогда! Готовься, какъ умѣешь самъ къ переселенію въ этотъ край! Но едва-ли удастся получить пропускной билетъ!

Развѣ чудо путь укажетъ
Въ сей прелестный край чудесъ! [4])

— Но ждать чуда? Кто его дождется!—И я тоже думаю!—Что-же дѣлать!—Не знаю! а для меня вѣрно только то что мы разстанемся!—вотъ вамъ слово въ слово весь нашъ разговоръ.

По утру рано пріѣзжаю. Плещеевъ здѣсь по дѣламъ. У нихъ все идетъ лучше: Вадковская [5]) стала поздоровѣе и весною ее переве-

---

[1]) На святую Ав. П. пріѣзжала въ Муратово Жуковскій проводилъ ее на обратномъ пути въ Долбино.

[2]) Рѣчь идетъ о свадьбѣ Александры Андреевны съ Воейковымъ, который тогда былъ назначенъ профессоромъ русской словесности въ Дерптѣ.—Свадьба состоялась позднѣе.

[3]) Стихъ Андрея Иван. Тургенева.

[4]) Это заключительныхъ два стиха изъ перевода Жуковскаго „романса Шиллера“—Желаніе, см. соч. Жук. т. I, стр. 192.

[5]) Сестра жены Плещеева—Катерина Ивановна. П. В.

зутъ въ Орелъ. А сами Плещеевы возвратятся въ Чернь недѣли черезъ двѣ. Я принятъ былъ по обыкновенному; но давая мнѣ руку, смотрѣли на Плещеева. А мой подагрикъ шепнулъ мнѣ на ухо: терпи! тебя будутъ любить, когда получишь свободу быть тѣмъ, какимъ быть хочешь и можешь. И сердце скрѣпилось. Но было-ли оно довольно, такъ какъ бываетъ довольнымъ у человѣка, возвратившагося въ тотъ кругъ, гдѣ его счастіе, гдѣ его настоящая жизнь?.. Нѣтъ! Нѣтъ! сиротство и одиночество ужасно ввиду счастія и счастливыхъ! Гораздо легче быть одинокимъ въ лѣсу съ звѣрями, въ тюрьмѣ съ цѣпями нежели подлѣ той милой семьи въ которую хотѣлъ бы броситься и изъ которой тебя выбрасываютъ. Благодаря моему подагрику это все еще для меня сносно. Но когда онъ отъ меня отковыляетъ въ дальнюю, неизвѣстную сторону—тогда быть совсемъ выброшеннымъ будетъ даже утѣшительно—можно разбиться въ дребезги. Плещеевъ уѣхалъ во второмъ часу. У Воейкова заболѣла голова—его положили въ кабинетѣ; сами подкладывали ему подноги, подъ голову подушки; я сидѣлъ спичкою и на меня поглядывали съ торжествующимъ, радостнымъ видомъ—въ самомъ дѣлѣ торжество и радость [1]). Я посматривалъ изъ подлобья не найду ли

---

[1]) Въ концѣ 1813 года пріѣхалъ въ Муратово къ Жуковскому Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ—тогда уже пользовавшійся нѣкоторою извѣстностью, какъ сочинитель сатирическихъ стиховъ и критикъ на произведенія литературы. Онъ печаталъ ихъ въ журналахъ и между прочимъ и въ „Вѣстникѣ Европы“. Жуковскій ввелъ Воейкова къ Протасовымъ и другимъ роднымъ и знакомымъ. Воейковъ проникъ тайну Жуковскаго и написалъ ему въ дневникѣ, говорятъ тайкомъ, нѣсколько стиховъ, касавшихся отношеній Жуковскаго къ Машѣ. (Сравни Зейдлицъ біогр. Жуковск. въ Журналѣ мин. нар. просв., часть CXLII, отд. 2, стр. 420). Дружба ихъ въ то время была велика и Жуковскій еще 29 янв. 1814 года въ посланіи къ Воейкову (соч. Ж. изд. 1878 г. т I, стр. 327) писалъ:

Да кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предречь осьмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой.

Онъ даже обѣщалъ подарить Воейкову этотъ дневникъ, когда тетрадь будетъ исписана. Но это обѣщаніе осталось неисполненнымъ, ибо спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда Воейковъ попросилъ руки Александры Андреевной Протасовой—сестры Маши—и втерся въ довѣренность къ Екатеринѣ Афанасьевнѣ, то онъ съ надмѣнностью началъ преслѣдовать Жуковскаго. Да и для Екат. Аѳанасьевны, кажется, было удовольствіемъ высказывать любовь и вниманіе къ Воейкову въ присутствіи бѣднаго Жуковскаго, которому не суждено было счастье тѣснаго сближенія съ семьею Протасовыхъ. Мать

гдѣ въ углу христіанской любви, внушающей сожалѣніе, пощаду, кротость. Нѣтъ! одно холодное жестокосердіе въ монашеской расѣ съ кровавою надписью на лбу должность (выправленною весьма не искусно изъ слова суевѣріе) сидѣло противъ меня и страшно сверкало на меня глазами. И мнѣ стало страшно и я ушелъ къ себѣ отвѣдать ничтожества, то есть, какъ нибудь заснуть—и заснулъ, и проснулся, къ утѣшенію, къ вашей запискѣ, которая и всегда бы меня обрадовала, а тутъ утѣшила... голосъ друга послышался въ пустынѣ. Въ ней стоитъ: милой братъ мой! Это слово имѣетъ совсемъ иной смыслъ въ минуту тяжелаго горя. Да это же слово прилетѣло съ родины, гдѣ было много моего, собственнаго! было и нѣтъ.

Опять слова два объ вашей запискѣ! ce voyage a fait tant de bien a mon coeur пишете вы! И моему сердцу это путешествіе большой благодѣтель. Нельзя изъяснить что такое значитъ довѣренность къ искреннему участію, къ дружескому сожалѣнію. Я не вѣрилъ вашей привязанности къ Машѣ, а теперь ей вѣрю. Такъ говорить объ ней какъ мы говорили нельзя, не любивши ее нѣжно. Теперь знаю что вы будете понимать другъ друга не однимъ молчаніемъ, которое иногда можетъ быть и непонятно. А ей такъ часто бываетъ нужно говорить безъ закрышки. Весь вѣкъ таиться въ самой себѣ ужасно. Свобода жизнь души—а тюрьма душевная гораздо страшнѣе той въ которой мы можемъ играть хотя цѣпями.

Возвратимся къ своей реляціи. Еще очень много осталось вамъ сказать. Послѣ обѣда пріѣхала Марья Николаевна, а въ вечеру получены три письма отъ Авд. Ник. [1]) и между ими одно большое, въ которомъ она сказываетъ тетушкѣ о моихъ къ ней письмахъ, о угрозахъ Филарета, объ Ив. Влад. (котораго производитъ въ мартинисты). Я незнаю его содержанія; сказываю вамъ, что слышалъ. Но подивитесь же. Мнѣ объ этомъ письмѣ ни слова, даже я не замѣтилъ почти никакой къ себѣ перемѣны. И по видимому оно ничего слиш-

---

Маши его всячески отталкивала и отстраняла. Обращеніе Воейкова съ Жук. стало столь нестерпимымъ, особенно встрѣчая поощреніе со стороны Екатер. Аѳан., что поэтъ долженъ былъ (въ августѣ) наконецъ покинуть Муратово и поселиться въ Долбинѣ у Авдотьи Петровны. Зейдлицъ, стр. 53. П. В.

[1]) Арбеневой, которую въ началѣ этого письма Ж. упрекаетъ въ предательствѣ, въ чемъ послѣ раскаевался самъ. Арбенева была урожденная Вельяминова. Вторая дочь Бунина, Наталья Петровна, была за Вельяминовымъ, (Ник. Иван.). Такимъ образомъ, Авд. Никол. доводилась двоюродною сестрою Екат. Андреевны, а какъ любимая племянница Екат. Аѳ. Протасовой могла имѣть вліяніе на ходъ дѣла Жуковскаго. Марья Николаевна—сестра Арбеневой. П. В.

комъ дурнаго не произвело. И такъ есть-ли оно не испортило, то поправило потому что приготовило. Былъ послѣ разговоръ объ Иванѣ Владимір. Тетушка сказала, что ей хотѣлось бы съ нимъ познакомиться! Познакомиться тогда когда знаетъ что онъ мое мнѣніе оправдываетъ. Это весьма важно. Милая, можетъ быть онъ подѣйствуетъ на ея мысли. И тутъ Провиденіе! Оно назначило можетъ быть вашему Ваничкѣ [1]) быть моимъ Ангеломъ хранителемъ. Родясь на свѣтъ онъ принесъ можетъ быть мое счастіе; онъ своею жизнью сдѣлалъ между ними связь, которая можетъ сдѣлаться причиною и здѣшняго и будущаго моего счастія—я ихъ не разлучаю! Одно необходимое слѣдствіе другаго. Но подумайте-жъ о поступкѣ Авдотьи Никол. Пока дружба было одно слово, которое стоило только произнести или написать и которое ни къ чему не обязывало, по тѣхъ поръ она ею меня прельщала! Понадобилось сдѣлать опытъ—прощай дружба! Я вѣдь не требовалъ отъ нее нарушенія правилъ — я только себя ей ввѣрилъ! Въ первую минуту показала она живое участіе. Вдругъ все перемѣнилось. И вмѣсто того, чтобы мнѣ прямо сказать свои мысли, она съ какимъ то каменнымъ равнодушіемъ, не отвѣчала ни слова ни на одно изъ писемъ моихъ и прямо все открыла тетушкѣ. Я не могъ требовать отъ нее того, что, по ея образу мыслей, могло казаться ей или непозволеннымъ или невозможнымъ, но имѣлъ право требовать прямодушія, участія, вниманія, потому что меня приманили дружбою на довѣренность. И эти люди называютъ себя христіанами Какое же понятіе имѣютъ опи о самыхъ простыхъ должностяхъ, предписываемыхъ совѣстію и религіею которая есть таже совесть, но только болѣе возвышенная и опредѣленная? Что это за религія, которая учитъ предательству, и вымораживаетъ изъ души всякое сострадапіе! Эти люди, эгоисты подъ святымъ именемъ христіанъ, смотрятъ на людей съ высока: однимъ несчастнымъ болѣе или менѣе въ порядкѣ созданія! Какое дѣло! Рѣжь во имя Бога и будь спокоенъ! Но дѣло не объ томъ! Я презираю ее отъ всей души и съ тою ложною религіею которую она такъ пышно выдаетъ за истинную! Жаль только, что обманулся! Ея чувствительность есть не иное что какъ искра которая таится въ кремнѣ, иногда изъ него выскакиваетъ при сильномъ ударѣ, но всегда оставляетъ его и холоднымъ и жесткимъ. Еще не все испорчено. Вамъ много можно сдѣлать. Поговорите съ М. Алексѣевной. Теперь ея мнѣніе великой сдѣлало бы перевѣсъ. Тетушка знаетъ что И. Вл. со мною согласенъ. Ма-

[1]) Лопухинъ заочно былъ крестнымъ отцомъ Ив. Васильевича Кирѣевскаго. П. В.

шино чувство ей такъ же извѣстно, хотя она и хочетъ себя увѣрить, что оно не существуетъ. Есть-ли можно упросите М. Алексѣевну написать къ ней. Только бы мнѣніе ея было согласно съ нашимъ — писать и сказать его искренно не будетъ стоить для нея никакого усилія. Боже мой! Она за насъ молилась! Неужели человѣку будетъ сказать ей труднѣе то что она говоритъ Богу! Дѣло идетъ о цѣлой жизни двухъ добрыхъ тварей — она можетъ имъ дать на всю жизнь самое нѣжное, благодарное объ ней воспоминаніе! Быть причиною счастія какое святое дѣло для христіанина.

Я думалъ писать къ ней самъ, но считаю это не приличнымъ! Не имѣю на это права. Но посылаю вамъ то письмо, которое я давно приготовилъ тетушкѣ—въ той мысли, что она захочетъ со мною объясниться. Объясненія не было. Но я все отдамъ его ей непремѣнно, когда будетъ надобно. Покажите его М. Алексѣевнѣ. Есть-ли сочтете нужнымъ, покажите и это. Еще посылаю вамъ тотъ листокъ [1]), который я написалъ тотчасъ по возвращеніи моемъ отъ И. Владим., говѣя и хотѣлъ показать вамъ въ Долбинѣ но не нашелъ. Все это вы мнѣ возвратите.

Я увѣренъ, что Марья Ал. [2]) много для насъ сдѣлать можетъ. Скажите ей, что, узнавши о ея участіи, о томъ что она за меня молилась, я привязался къ ней право сыновнею благодарностію. Такую нѣжную доброту въ рѣдкомъ сердцѣ встрѣтишь. Она сама по себѣ уже есть благодѣяніе».

№ 7.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(Въ апрѣлѣ 1814). Писано изъ Муратова или изъ Черни въ Долбино.

«Я успѣю къ вамъ написать только два слова—говорили ли вы съ баронессою? Есть-ли не говорили то не откладывайте, прошу васъ. Письмо ея много подѣйствуетъ. Только не надобно ей отдавать того, что я къ вамъ послалъ. Ничего мною писаннаго ей посылать не должно къ тетушкѣ. Пускай пишетъ отъ себя. Моего же письма, къ вамъ писаннаго не показывайте никому ни баронессѣ, ни сестрамъ. Я написалъ много лишняго. Но чего не напишешь когда на душѣ

---

[1]) Это-то и есть выписка изъ дневника Жук. отъ 25–26-го февраля 1814 года. См. выше.

[2]) Баронесса Черкасова. П. В.

кошки. Я скоро у васъ буду. Теперь пишу для того только, чтобы васъ предувѣдомить. Пускай баронесса пишетъ. Это теперь всего нужнѣе, только ради Бога чтобы не было обо мнѣ ни слова. Все дѣлайте отъ себя. Я поцѣловалъ Нинушку [1]) когда она сказала, что вы просили, чтобы я къ вамъ писалъ. Но мои письма уже были посланы. Получили ли вы ихъ».

№ 8.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(1814, конецъ апрѣля или начало мая. Муратово).

«Воейкова еще нѣтъ! Слѣдовательно судьба велитъ мнѣ ѣхать къ Павлу Ивановичу. Вчера я доѣхалъ сюда здорово но очень поздно. И ужина не засталъ. Возвращаю вамъ ваши дрожки и съ ними еще томъ дѣтокъ Аббатства. Остальныя пришлю скоро. И оду Карамзина возвращаю. У меня сдѣсь есть экземпляръ присланный Вяземскимъ, который говоритъ объ этой одѣ съ восторгомъ. А у него вкусъ вѣрный. Ужъ не ошибся ли я? Еще разъ перечитаю. Увидимъ.

Подробнаго слова писать къ вамъ милая и прелестная душа моя нѣкогда. Сейчасъ ѣдимъ съ Марьею Николаевною въ Орелъ; а оттуда ѣду къ Ив. Владиміровичу. Тамъ напишу къ вамъ поболѣе. Благодарю васъ за безцѣнное письмо. Я возвращусь къ Плещеевымъ 29-го, и оттуда его къ вамъ пришлю. Теперь нечего другаго сказать, какъ дружба за дружбу и навсегда».

№ 9.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

Вторникъ, 5 мая 1814 г. Чернь.

«Милая моя сестра. Какія два письма я отъ васъ получилъ. Не доброе ли дѣло иногда и горе. Оно сильно даетъ чувствовать и нужду въ прямой дружбѣ и дѣйствіе прямой дружбы. Вы въ первомъ письмѣ своемъ говорите, что вамъ грустно что я имѣю нужду въ вашей дружбѣ. Это не имѣло бы никакого смысла естьли бы моя бѣдная судьба не была толкователемъ вашихъ словъ: вамъ грустно что въ

[1]) Дѣвочка-служанка. П. В.

вашей дружбѣ ищу подпоры. Въ хорошее время когда все вокругъ весело, довольно и одной общей мысли, что любимъ и любишь, но когда тонешь или валишься въ ровъ, то хватаешься за соломенку и великое счастіе, когда вмѣсто соломенки встрѣтишь руку друга, которая хотя немного согрѣетъ сердце. Еще вы спрашиваете на что мнѣ ваша дружба? Право не знаю какъ этотъ вопросъ забрелъ въ ваше письмо, и никакъ не могу понять, что могло заставить васъ его сдѣлать. Неужели вы думали въ эту минуту о прошедшемъ. Пропади и самое объ немъ воспоминаніе. Я поѣхалъ съ Воейковымъ въ прошедшую субботу изъ Муратова въ Орелъ, гдѣ встрѣтилъ Плещеевыхъ и первое, что мнѣ попалось въ руки, было ваше письмо - милое, утѣшительное. Я собрался было ѣхать къ вамъ на другой же день. Но лошадей у меня не было; а Плещеевы сами должны были ѣхать въ понедѣльникъ; почему я и рѣшился остаться до ихъ отъѣзда. Вчера то есть въ понедѣльникъ мы отправились изъ Орла и пріѣхали сюда въ Чернь въ вечеру. Я съ тѣмъ намереніемъ чтобы на другой же день отправиться въ Долбино, къ своей доброй сестрѣ, освѣжить подлѣ нее душу, которая жестоко стѣснена и такъ пуста, что едва ли что осталось въ ней на жертву ничтожеству. Но ваше письмо остановило меня и точно эта остановка для меня большая тягость. Я много люблю Анну Ивановну [1]) и знаю что она имѣетъ ко мнѣ дружбу неограниченную но никогда не говорилъ съ нею такимъ языкомъ о себѣ и объ Машѣ какъ въ послѣдній разъ съ вами въ Долбинѣ. Теперь это еще мнѣ нужнѣе. И живое горе все таки есть жизнь. А мертвое страшнѣе смерти. Теперешнее мое бытіе для меня такъ тяжело, какъ самое ужасное бѣдствіе. Для меня было бы величайшимъ наслажденіемъ попасть въ горячку, въ чахотку или что нибудь подобное и увидѣть вдругъ вблизи прелестный край чудесъ. Но этаго вожатаго еще нѣтъ; а самому броситься, безъ лодки, въ ужасный потокъ, который грозно мчится по скаламъ нельзя, не должно—сиди на пустомъ берегу и рвись съ досады глядя на ту сторону, гдѣ все такъ прекрасно или по крайней мѣрѣ такъ тихо. Пускай всякое чувство гніетъ вмѣстѣ съ душою. Это выраженіе вамъ не понравилось. Вы показываете на вѣчность. Но что бы отвѣчалъ вамъ человѣкъ, зараженный неизлѣчимою болѣзнію и которому бы вы сказали, что ему еще долго жить остается. Да на что же жить съ болѣзнію. А здѣшняя жизнь, согнившая въ бездѣйствіи всѣхъ чувствъ, не есть ли зараза, неизлѣчимая и для вѣчности. Здѣшняя жизнь есть

---

[1]) Жена Плещеева, урожд. Чернышева, племянница извѣстнаго московскаго губернатора Захара Григорьевича Чернышева. П. В.

тоже что младенчество. Она также какъ младенчество, готовящее насъ для зрѣлыхъ лѣтъ, готовитъ насъ для вѣчности. Что будемъ мы, тамъ, естьли мы сдѣсь ничто. А мое здѣшнее все въ одномъ. Пропади оно, все пропало.

Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно! Но для чего всѣ эти отступленія? Воейковъ увѣряетъ, что я слишкомъ болтливъ въ своихъ письмахъ и никогда остановиться не умѣю. И такъ стану вамъ отвѣчать по порядку. Васъ ободрило и обрадовало то, что хотятъ знакомиться съ Ив. Владимір. Не слишкомъ ободряйтесь. Это я написалъ вамъ еще прежде нашего объясненія съ тетушкою. Между прочимъ я ей сказалъ и объ Ив. Владиміровичѣ. Вотъ ея отвѣтъ. Естьли мнѣніе Ив. Влад. съ твоимъ согласно то это только перемѣнитъ мое объ немъ мнѣніе. Признаюсь вамъ ея сердце для меня весьма часто есть ужасная загадка. Неужели для нее важнѣе остаться правою въ своихъ мысляхъ, нежели дать намъ счастіе? Въ противномъ случаѣ какъ бы не поколебаться, какъ бы хотя минуту не подумать, что она можетъ ошибаться и что ошибка эта можетъ разрушить счастіе цѣлой моей и Машиной жизни. Да и Машиной. Ибо въ ея привязанности ко мнѣ она болѣе не сомнѣвается. Маша сама съ нею объяснилась, сказала ей все и прибавила тоже что я, то есть, что спокойствію ея готова жертвовать собственнымъ. Но скажите, возможно ли жъ для нее какое нибудь спокойствіе? Что же? Она думаетъ только о томъ, какъ бы это скрыть отъ другихъ. Боже мой! Что пользы когда другіе будутъ воображать насъ счастливыми, есть ли для нее не будемъ мы счастливы! И кто же другіе? Всѣ тѣ которые вокругъ нее знаютъ; а для тѣхъ которые вдали можно ли надевать такую маску которой они и видѣть не будутъ и не захотятъ. Не смотря на то все не теряю надежды на Иван. Владимір. Мы были у него съ Воейковымъ. Онъ обѣщалъ написать письмо отъ себя къ Воейкову въ которомъ хочетъ представить доказательства взятыя изъ самаго Евангелія, что это не есть преступленіе. По крайней мѣрѣ она увидитъ, что жертва эта не Богу а ея спокойствію и пускай приноситъ ее.

Знаете ли что болѣе всего меня тронуло въ томъ что вы говорите о Баронессѣ [1]). Ея мысль что Маша не будетъ счастлива. Эта мысль наполнила сильною горестью мое сердце. Боронесса, добрая, чистая душа, во мнѣ сомнѣвается и въ чемъ же сомнѣвается? въ томъ что я не способенъ (о)счастливить этаго ангела. Это мнѣніе по-

---

[1]) М. Ал. Черкасова. П. В.

селило во мнѣ какую то горькую, унизительную недовѣрчивость къ самому себѣ! Боже мой! есть ли это правда! Есть ли я отнялъ у Маши спокойствіе безъ всякаго права на то чтобы чемъ нибудь за то вознаградить ее? Это значитъ что и тогда когда бы и никакихъ препятствій не было, я бы не долженъ былъ думать о такомъ счастіи! Что же мнѣ останется, когда и на сожалѣніе о потерѣ его не могу имѣть права! Тутъ не нахожу ничего сказать въ свое оправданіе! Объясните, только ли это думала боронесса! и почему она такъ думаетъ! Мнѣ остается только одно, искреннее, непритворное желаніе дать ей счастіе и искать его въ добрѣ, во всемъ что можетъ быть достойно человѣческаго сердца! Найду ли его для нее? Способенъ ли быть ей въ этомъ товарищемъ—какъ сказать рѣшительно? Но развѣ тотъ для кого только нужно чтобы мы стремились [1]), не укажетъ мнѣ прямой дороги? Вѣрно только то, что желаю найтти эту прямую дорогу и что для меня единственное на это средство.

Я самъ думалъ, что она не согласится писать мимо барона. Думаю также что нѣтъ никакой бѣды ему открыться. Но знаете ли какой способъ привлечь его на нашу сторону? Дать ему напередъ почувствовать, что вы уже почитаете его согласнымъ съ нами во мнѣніи. Начните тѣмъ, что скажите ему о мнѣніи Ив. Влад. давно ко мнѣ писанное, которое прилагаю и въ которомъ есть слова два объ насъ. Есть-ли онъ будетъ съ нами согласенъ то баронесса уже не поколеблется и напишетъ гораздо сильнѣе. И такъ все теперь зависитъ отъ вашего краснорѣчія. Но говорите съ нимъ и съ нею отъ себя. Чтобы они и не думали что это все по моей просьбѣ. Мои письма покажите отъ себя же. И найдите сами объяснить, по какой причинѣ эти письма у васъ. Хорошо, когда бы они написали или теперь или въ началѣ будущаго мѣсяца. Вотъ почему. Тетушка 12 числа ѣдитъ къ Павлу Ивановичу [2]); отъ-туда въ Коренную. Эти путешествія ослабятъ или и совершенно уничтожатъ въ ней впечатлѣнія сдѣланныя письмами барона. Въ половинѣ же іюня будетъ Воейковъ—онъ намъ поможетъ. Къ тому же времени поспѣетъ и письмо Ив. Владимір. которое отдадимъ при случаѣ. Между тѣмъ и Досифей [3]) (?) будетъ приготовленъ—есть-ли только можно его приготовить. Я нынче отправилъ къ Тургеневу эстафету и велѣлъ ему приготовить два письма къ Досифею (?). Одно послать теперь же. Другое доставить ко мнѣ, которое отдадимъ ему тогда, когда гово-

[1]) Неразборчиво, можетъ быть, отрекались.
[2]) Протасову, брату ея покойнаго мужа.
[3]) Нельзя разобрать. П. В.

рить рѣшимся. Увѣдомте немедленно, какъ вы обо всемъ этомъ думаете. Есть-ли теперь не станете говорить съ барономъ то мнѣ къ вамъ пріѣхать будетъ можно. Буду у барона и не скажу ему ни слова. А у васъ проживу съ недѣлю.

Я забылъ вамъ сказать, что Ив. Вл. будетъ посаженымъ отцомъ Воейкова, слѣдовательно будетъ на свадьбѣ, слѣдовательно можетъ объясниться и словесно.

Вы спрашиваете, говорить ли вамъ объ Машѣ? Говорите и вѣрьте, что она вмѣстѣ съ вами говорить будетъ. Она уже и говорила. И Саша во всякомъ случаѣ объявляетъ свободно свое мнѣніе. Не бойтесь только того, когда Екат. Аѳ. скажетъ вамъ въ отвѣтъ, что увѣрена въ Машиномъ равнодушіи—она увѣрена въ противномъ.

Васъ огорчило мое выраженіе на счетъ Авд. Ник. Это моя судьба—предаваться первому движенію, открывать его и потомъ раскаяваться. Слово презираю ее есть первое движеніе. Но я имѣю право сказать его только въ отношеніи ея ко мнѣ дружбы. Я имѣлъ право ожидать участія—но мнѣ показана одна холодная нечувствительность. Не было ни одного отвѣта на мои письма и все мимо меня сказано тетушкѣ. Фанатизмъ можетъ управлять мнѣніями; но развѣ онъ можетъ дѣлать предателемъ доброе сердце. Я не имѣю права требовать отъ нее согласія со мною въ образѣ мыслей и ея противорѣчіе не оскорбило бы меня. Но ея поступокъ—предатель мой, а всякое предательство заслуживаетъ ненависть и презрѣніе. Ни на одно изъ дружескихъ писемъ моихъ она не отвѣчала. Недавно получилъ отъ нее большой и дружескій отвѣтъ, но на какое же письмо, на то въ которомъ я дѣлалъ ей упреки. Не смотря на то, и это письмо меня бы тронуло, есть-ли бы въ рукахъ тетушки не было уже того, которымъ она ее противъ всего вооружила. Такая поспѣшность губитъ людей, такое несомнѣніе въ самой себѣ ужасно, за то она и можетъ теперь навсегда хвалиться передъ собою тѣмъ, что единственно ей буду обязанъ уничтоженіемъ всего что могло льстить меня въ жизни. Какъ могла она не подумать, взявшись за перо, что письмо ея можетъ имѣть вліяніе на цѣлую жизнь двухъ друзей? Письмо написать не долго! Но что есть-ли она обманулась. Чѣмъ поправить?

«Слушайте, другъ—пишите вы—всегда ли такъ будетъ? Опять покажутъ вамъ то, чего нѣтъ. Боюсь очень; а черезъ 2 недѣли и болѣе бояться буду». Милая, вѣрьте одному, что нѣтъ человѣка искреннѣе меня. Съ вами сердце открылось и теперь всегда открыто будетъ. Что дурное всползетъ на него, то не будетъ спрятано. И станемъ очищать вмѣстѣ. А опытъ далъ мнѣ вѣрное правило: въ дурномъ вѣрить одному себѣ. Прямодушіе же всегда

заставитъ свѣряться. И такъ на этотъ счетъ будьте спокойны и спокойны не на 2 недѣли, а на всю жизнь. Я имѣю одну добродѣтель— bonnefois. Никто болѣе меня не боится несправедливости и не имѣетъ такой готовности признаваться, когда былъ или есть несправедливъ. Все наружное мнѣ противно. А голосъ прямой дружбы всегда прямо въ душѣ моей отзовется.

Это письмо для всѣхъ трехъ [1]). Отъ нихъ обѣихъ ничего не хочу имѣть скрытаго. Я просилъ васъ не показывать перваго моего письма не отъ недовѣрчивости а потому только, что оно написано въ первомъ движеніи—слѣдовательно и вамъ бы не надобно было его видѣть. Но что же мнѣ дѣлать съ собою. Я всегда буду слишкомъ виденъ. Лучше перестать заботиться о decorum.

Въ заключеніе словечко о себѣ. Я простился съ ними на мѣсяцъ и буду бродить подлѣ воротъ рая, не смѣя въ него заглянуть, до пріѣзду Воейкова. Этотъ карантинъ меня не вылѣчитъ. Больница моя въ которой есть вѣрный лѣкарь стоитъ за рубежемъ—знаете ли этотъ рубежъ? Подагрикъ крѣпко охаетъ. Между тѣмъ сердце бьется смотря на то что вмѣстѣ съ этимъ бѣднымъ страдальцемъ гибнетъ. Что есть-ли мнѣ суждено положить его въ гробъ а вмѣстѣ съ нимъ и все? Ничего пустѣе и гнилѣе не представить той жизни, которую онъ мнѣ послѣ себя оставитъ. А вы еще утѣшаете меня вѣчностью. О вѣчность прекрасная бездна! да только бы поскорѣе! Совсемъ не нужно для того чтобы ею наслаждаться, ползти до нее по навозу и тинѣ.—Поэзія! Но поэзія и счастіе одно и тоже! Можно съ большимъ наслажденіемъ ковать подковы или строгать доски чтобы разсѣять себя усталостію! Но писать стихи—для этого нужно быть въ свѣтѣ, имѣть надежду на жизнь, потому что со всякою хорошею мыслію сливается нечувствительно и земное воспоминаніе о томъ что мило въ жизни! Я былъ бы не то когда бы былъ счастливъ; и ничемъ не буду есть-ли не буду имѣть счастія.

Простите. Дайте поскорѣе съ собою увидѣться. Право это большая для меня необходимость. Дѣтей перецалуйте и увѣдомте о Петушкѣ. Важная просьба: первое подарить красный шалевой платокъ, который вы мнѣ дали на дорогу, отпуская меня изъ Долбина. Онъ что то очень мнѣ милъ съ того времени. Другая, въ которой вы и не подумаете мнѣ отказать, дать мнѣ половину Машиныхъ волосъ, которыя она отдала вамъ прошлаго года въ Орлѣ и которымъ я жестоко завидовалъ. Я тогда не думалъ, что мнѣ можно будетъ ихъ у васъ просить. Милая, ради Бога не откажите».

---

[1]) Т. е. и для Анны и Екатер. Петровенъ, жившихъ тогда въ Мишенскомъ.
П. Б.

№ 10.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

22 мая 1814 г., Чернь.

«Отъ чего вы не написали ко мнѣ ни словечка съ Иваномъ Никифоровичемъ [1]) голубушка Дуняша? Я остался сдѣсь нарочно чтобы дождаться отъ васъ письма и съ нимъ вмѣстѣ письма изъ Муратова я теперь долженъ уѣхать ничего не дождавшись. Вчера мы посылали въ Муратово. Нынче посланный возвратился—тамъ никого нѣтъ. Одна Наталья Андреевна. Она ко мнѣ пишетъ и увѣряетъ, что всѣ здоровы и здоровѣе. Я самъ нынче въ ночь отправляюсь въ Орелъ; но поѣду черезъ Муратово, чтобы увидѣться съ Марьею Николаевною, которая завтра же ѣдитъ на ярмарку. Отъ нее получилъ я записочку сію минуту чрезъ Морленкура, который у насъ съ Мену [2]), но въ этой записочкѣ нѣтъ ни слова въ отвѣтъ на мое письмо. Получила ли она его? Не потеряно ли оно нашимъ посланнымъ? Или дошло ли до нее и не задержала ли его тетушка? все это бунтуетъ въ моей головѣ и не даетъ мнѣ покоя. Впрочемъ чего же ждать? Кажется это для меня на семъ свѣтѣ дѣло рѣшено, а остается ждать только одного: на своей улицѣ праздника. Жду его съ нетерпѣніемъ и съ досадою на неизвѣстность. Никакого желанія живѣе этого не имѣю и никакая другая надежда не имѣетъ для меня такой прелести. Не сердитесь на меня милая и не скучайте моими элегіями: я самъ знаю что лучше всего молчаніе; но иногда право хочется бросить два или три слова въ сердце друга, вѣдь это не на вѣтеръ.—Смотрите! чтобы я непремѣнно нашелъ отъ васъ письмо послѣ своего сюда пріѣзда! А теперь простите! Ѣду нынче въ ночь».

№ 11.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(Чернь, 1814 г., въ концѣ мая или началѣ іюня).

«Вмѣсто себя посылаю вамъ Максима [3]). Вы вѣрно, милая Дуняша и сестры, не разсердитесь что я отложилъ мою къ вамъ поѣздку дни

[1]) Гриневъ, уѣздный учитель въ Бѣлевѣ, дававшій уроки дѣвицамъ Протасовымъ и отлично чинившій перья. Его сдѣлали управителемъ въ Долбинѣ.

[2]) Плѣнные французы, жившіе у Плещеева. Мену—маршалъ.

[3]) Слуга, о коемъ Жуковскій написалъ шуточное стихотвореніе. См. Долбинскія стихотворенія. Соч. т. I, стр. 459. П. В.

на два—причиною этому письмо Марьи Николаевны, которое къ вамъ посылаю. Прочитайте его и вы увидите что мнѣ нельзя было къ ней не поѣхать. Она грустна. Начинаетъ строить свой домъ и не знаетъ съ чего начать. Я предпочелъ лучше ѣхать теперь нежели послѣ—теперь тетушки тамъ нѣтъ и я уѣду до ея возвращенія. Нынче тамъ ночую, а завтра опять возвращусь въ Чернь. Васъ же прошу прислать мнѣ въ Чернь дрожки съ тройкою лошадей; высылайте ихъ завтра, чтобы онѣ могли переночевать въ Черни; а въ Пальну (?) подставу. Здѣсь лошадей нѣтъ. Нанимать же—нѣтъ денегъ. Это роковое нѣтъ дастъ вамъ чувствовать, что вы должны приготовить мнѣ рублей 300 (естьли есть); по возвращеніи Воейкова, который взялъ у меня 300 рублей, отдамъ вамъ эти деньги.

Я получилъ отъ Тургенева письмо—онъ писалъ прежде нежели я этого требовалъ туда, куда надобно. И Ив. Влад. писалъ—и тамъ все слажено. Но все это едва ли не напрасно! Еще кое-что есть у меня въ запасѣ—я все это къ вамъ привезу; мы помечтаемъ вмѣстѣ и.... только.

Но зачемъ же вы себя упрекаете? И въ чемъ? Неужели въ желаніи сдѣлать все для нашего счастія? Какой удачи ждать съ тѣми людьми которые служатъ кровожаднѣйшему изъ всѣхъ идоловъ, Молоху *Я*? Самыя ваши неудачи имѣютъ для меня прекрасную сторону! Онѣ все доказательство вашей безцѣнной дружбы! Прочитавъ письмо Марьи Николаевны вы еще болѣе полюбите ее. Que n'est il riche ce pauvre qui est si genereux! Я писалъ къ ней отъ Ив. Вл. Дай Богъ чтобы то чувство и тѣ мысли, которыя au beau milieu de la lettre родились у меня въ душѣ, навсегда въ ней остались. Онѣ были бы моимъ спокойствіемъ и дали мнѣ много той твердости, которая нужна для того чтобы не умереть заживо, и жить пользуясь жизнію. Теперь поддерживаетъ меня мысль, что я уже ни отъ кого и не отъ чего независимъ. Тетушка ни дать мнѣ ничего, ни отнять у меня ничего не можетъ. Развѣ мы съ Машею не на одной землѣ, и не подъ однимъ отеческимъ правленіемъ? развѣ не можемъ другъ для друга жить и имѣть всегда въ виду другъ друга? Одинъ домъ—одинъ свѣтъ, одна кровля—одно небо не все ли равно? А будущее все еще наше! То чего мы желали, не исполнилось и вѣроятно не исполнится! Желаніе можно перемѣнить—а цѣль останется все одна и та же! Будучи у васъ я объ этомъ къ ней напишу. Отъ нее единственно зависитъ дать мнѣ еще много счастія! Она одна можетъ заставить меня или уважать жизнь или ее презирать. До свиданья, милой другъ! Надобно быть выше судьбы своей! А я еще много имѣю! Могу сохранить всѣ свои чувства—теперь на нихъ никто имѣть

права не можетъ—могу свободно презирать и несправедливости и кровожадныя суевѣріе и эгоизмъ, украшенный маскою добродушія. Напишите мнѣ всѣ свои мысли объ этомъ—я буду ихъ беречь. Такого рода мысли должны быть для меня написаны, дабы въ случаѣ нужды принимать ихъ какъ крѣпительное.

Письмо Марьи Николаевны мнѣ возвратите, то есть оставте у себя до моего пріѣзда чтобы отдать изъ рукъ въ руки».

№ 12.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(1814 г., должно быть въ маѣ. Чернь).

«Здравствуйте, милая сестра. Каковы вы? все ли вы въ добромъ здоровьѣ? Были ли вы здоровы съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь васъ видѣть? и прочее. Что Ангелъ-Маша (я говорю о вашемъ Ангелѣ). Что Ваня и Петя? Однимъ словомъ что все милое Долбинское мое?—А Воейкова еще нѣтъ! и я хорошо бы сдѣлалъ когда бы не такъ отъ васъ спѣшилъ. Теперь не трогаюсь съ мѣста и жду его прибытія. Между тѣмъ скажу вамъ новость. Свѣчинъ пишетъ къ тетушкѣ письмо и въ немъ стоятъ слѣдующія конфекты (Копію съ этаго письма прислалъ онъ къ Марьѣ Алексѣевнѣ [1]), а она его показала Плещеевымъ).

«Ne precipitez rien, voyez, considerez et surtout gagnez du tems: c'est la le creuset ou l'amour vrai s'epure. Le caractere, la conduite, les calités du coeur tout paraitra au grand jour—je ne puis vous en dire d'avantage. Votre chere Alexandrine, qui maintenant ne voit que par vos yeux, n'agit, que par vos conseils et n'aime que par votre coeur, une fois mariée, cette chere enfant ne peut etre ni heureuse, ni souffrir a demi. Gardez vous d'ensevelir dans la même tombe une femme malheureuse, une mere au desespoir, une soeur tendre et sensible, un ami veritable et si digne de l'etre, le seul que vous avez, qui vous sacrifia sa vie, et qui par un elan de son bon coeur malheureusement participe à l'evenement qui vient d'attrister la plupart de ceux qui vous aiment veritablement. Ils pensent comme moi et par une fausse delicatesse ne se hasardent pas a vous dire la verité». Какъ вамъ это кажется? Я написалъ къ нему объ этомъ и письмо мое посылаю къ вамъ незапечатанное; запечатайте его и доставте ему.

О себѣ нечего сказать ни добраго, ни худаго: здорово, скучно, грустно, пусто, глупо. Вотъ и все».

П. В.

[1]) Баронесса Черкасова.

№ 13.

(Черн. Въ іюнѣ 1814 года, писано въ Долбино).

«Милой дружокъ или лучше сказать милые дружки, мои большіе и малые, являйтесь всѣ къ намъ. Воейковъ здѣсь да и Муратовскіе здѣсь. Я поѣхалъ было провожать Воейкова только до Муратова и хотѣлъ его отпустить одного къ Пав. Ив. И худо бы сдѣлалъ. Тамъ меня любятъ и хотятъ. Это словечко объяснитъ вамъ Маша. Только прошу не прыгать и не строить Сурьяновскихъ [1]) плановъ. Ничего нѣтъ. Пріѣзжайте. Я принятъ былъ прекрасно, и сердце было опять начало бушевать. Mais ce beau n'est qu'un beau ideal. Ни на пядь отъ того, что уже довольно твердо сидитъ въ моемъ сердцѣ. Я чувствую въ себѣ какую-то гордую независимость. Только умомъ постигаю возможность лучшаго, но не хочу этой возможности отдавать на аренду своего сердца. Оно все отдано тому сокровищу, которое имѣю, котораго отнять у меня никто не можетъ, которое можетъ только увеличиться и никогда, никогда не можетъ уменьшиться. А увеличитъ его вѣрно тотъ, у кого власть всемогущая и воля прямаго отца. О! ему весело отдавать въ проценты свою сумму. Не успѣетъ оглянуться, какъ она и вдвое. Я чувствую, что душа возвышается отъ одной етой мысли. Напрасно боялись вы капли, которая мою пустоту можетъ переполнить. Ничто не можетъ взволновать въ моей душѣ того что въ ней начало укладываться. Въ ней все тоже, тоже навсегда—захочу ли потерять лучшую свою драгоцѣнность—но это тоже само по себѣ стало лучше. Оно освѣщено прекраснымъ и возвышеннымъ свѣтомъ. Вся жизнь будетъ посвящена тому чтобъ этотъ свѣтъ часъ отъ часу становился ярче и чище.

О прочемъ здѣсь останемся безпечны [2]).

То есть будемъ имѣть безпечность младенца, которому только и думать о игрушкахъ на рукахъ добраго отца. Не правильное ли

---

[1]) Сурьяново—село верстахъ въ 25-ти отъ Муратова, въ то время купленное Ек. А-ою. Молодежь думала, что Ж. съ М. Андр. будутъ тамъ жить все это оказалось мечтою. Ек. Аѳ. въ шутку называла Сурьяново Сурнинамомъ. Souris-(Nous) намъ—плохой каламбуръ. Плещеевъ поэтому говаривалъ:

Sourianino qui dira
Dix копеекъ payera,
Mais qui dira Souri-nam
Fera plaisir à Madame.

[2]) Стихъ изъ Посланія къ Тургеневу. П. В.

это сравненіе? Маша, мой добрый Ангелъ, весела и здорова и на мой счетъ покойна. Она читала мое письмо къ М. Ник. и вѣритъ ему. Это главное! О! для меня много, много еще въ жизни осталось. А будущее? Развѣ не можетъ оно быть прекраснымъ. Будь самъ только лучше. Anatheme au desespoir! Rien de plus bas et de plus criminel que le desespoir.

Мы съ Воейковымъ ѣдемъ къ Павлу Ивановичу [1]). Все что здѣсь объ немъ (т. е. о П. И.) слышалъ заставило меня душевно его любить и уважать.

Теперь слово объ васъ. Прежде нежели сюда отправитесь пошлите непремѣнно нарочныхъ для сдѣланія описей тѣхъ деревень, которыхъ описи еще не поданы къ Опеку, и тотчасъ эти описи въ Опеку. Безъ этаго приступить къ заключенію продажи нельзя и съ Опекою не сладишь. Ту же деревню къ которой принадлежитъ лѣсъ надобно вамъ будетъ взять на седьмую часть (чего безъ описи сдѣлать нельзя) такимъ образомъ и все скорѣе развяжется. Все затрудненіе теперь въ описяхъ. Скорѣе описи. Поговорить объ этомъ съ Алек. Сергѣевичемъ. Да не худо бы и Ивана Никифоровича взять за пупокъ. Не забудьте взять тысячу для Чайковскихъ. Да я еще съ Юшковыми говорилъ объ нѣкоторой тысячѣ—поговорите и вы съ ними: Есть-ли можно то сдѣлайте. Но не иначе какъ мнѣ.

Тетушка показала мнѣ письмо Свѣчина. Совѣтую и вамъ и Юшковымъ съ нею объ немъ поговорить, а мое писанное къ Свѣчину пошлите ибо я сказалъ, что къ нему писалъ; есть-ли же оно у васъ изодрано, то прилагаю новый экземпляръ. Все мое перецѣлуйте и между собою собственноустно поцѣлуйтесь. Да постарайтесь какъ нибудь послать мое почтеніе (мало почтеніе, мою искреннюю, сыновнюю привязанность) Марьѣ Алексѣевнѣ и Еленѣ Ивановнѣ милой братскую. Неправда ли что жизнь была бы прекрасною вещію когда бы половина или хотя утро каждаго дня было такимъ, какое провели мы вмѣстѣ въ Володьковѣ за круглымъ столомъ. Vive les bons coeurs. И съ добрымъ сердцемъ не хотѣть жить на свѣтѣ! Кто приказалъ скажу я съ Варланскою (? [2])! Я самъ капитанъ!

Вася ѣдитъ въ Орелъ съ Сергѣемъ и тамъ все что нужно сдѣлаетъ. Я ему дамъ письмо къ всемогущему Клушину.

Рецептъ отправленъ мною въ Орелъ, и капли тотчасъ пошлются къ Е. И. т. е. къ Катюшѣ. Простите, милые братья.

---

[1]) Павелъ Ивановичъ Протасовъ, родной дядя Марьи Андреевны.

[2]) Можетъ быть Варламскою—неразборчиво. П. В.

Vivat! Азбукинъ нашелся. Растопчинъ видѣлъ его въ Парижѣ. Три ордена.

Не забудьте о томъ что я вамъ говорилъ. Обо мнѣ ни слова; когда будутъ начинать съ вами говорить, отклоняйте матерію».

№ 14.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

31-го іюля. (Чернь. 1814).

«Надобно еще начать маленькою побранкою. Она спокойна! я не буду нарушителемъ ея спокойствія! Что есть-ли бы это было сказано въ томъ смыслѣ, который вы этому дали и съ тою досадою, которую при этомъ вообразили! Какое было бы прелестное чувство въ душѣ моей! Я не буду нарушителемъ ея спокойствія—не значитъ, чтобы воспоминаніе обо мнѣ было для нее несчастіемъ. Это напротивъ представилось мнѣ какъ единственнымъ утѣшеніемъ въ несчастіи быть розно. Жить вмѣстѣ безъ довѣренности, дружбы и уваженія не значитъ ли нарушать ея спокойствіе! Не видать меня—значитъ не огорчаться ни холодностью ко мнѣ ни несправедливостью и свободно вѣрить моему сердцу. Не утѣшаетъ ли это, не заставляетъ ли смотрѣть пріятными глазами на разлуку и не скажешь ли когда съ отрадою: она спокойна! Но позвольте жъ сердцу сжиматься и при этомъ словѣ. Боже мой! о какомъ же счастіи и жалѣть какъ не о счастіи давать спокойствіе самому милому человѣку. Можно ли безъ стѣсненія души это счастіе уступить другому? А все бы довѣренность поправила—но полно ссориться! Имя шептуна принадлежитъ вамъ по праву! Есть-ли бы мой тайной шептунъ могъ быть слышенъ, то я никакого другаго языка не далъ бы ему какъ вашего. Вы, милая, умѣете задѣвать за сердце! Можетъ быть отъ того что не вы съ перомъ спрашиваетесь, а оно съ вами. Подумаемъ же вмѣстѣ, какую бы одну фразу выбрать покороче, но такую, чтобы можно было ее разтянуть на всю жизнь. Да чего долго думать? Perseverance да и только. Я переведу вамъ это словечко на русскій, на свой языкъ и вы тогда ясно увидите, что оно можетъ быть на цѣлую жизнь разтянуто. Что ни есть добраго въ настоящемъ и въ будущемъ, все можно прицѣпить къ этому слову. Ваша правда есть прекрасныя минуты въ жизни, такія которыя оставляютъ прекрасный свѣтъ въ душѣ! Ихъ можно сравнить съ сіяніемъ молніи, которая освѣтитъ мракъ и изчезнетъ—послѣ нее останется прежняя

темнота; но уже эта темнота не страшна: есть-ли не видишь, то по крайней мѣрѣ знаешь гдѣ дорога—все тоже что вѣра! идешь впередъ—до первой молніи, которая возобновитъ ослабшее воспоминаніе и оживитъ бодрость. А есть-ли буря безъ благодѣтельныхъ освѣщающихъ молній? Въ эти прекрасныя минуты, несчастіе, хотя и не перемѣняетъ своего имени, но даетъ душѣ необыкновенную возвышенность! Ни въ какое другое время такъ не можешь себя чувствовать, такъ быть близкимъ къ Творцу и Провиденію! Нѣтъ! не надобно надѣвать маски на лицо несчастія — гораздо лучше смотрѣть ему въ глаза и не робѣть. Иначе отымешь все очарованіе у слова Провиденіе! Избави Богъ только отъ минутъ равнодушія, отъ минутъ душевнаго паралича, когда ничто не трогаетъ и жизнь представляется пустою, ничтожною—тогда и самъ для себя становишься противнымъ. Но такія минуты со мною нынче рѣже и давно меня не посѣщаютъ. Моя жизнь не можетъ быть скучною (скука для пустаго сердца) она не должна быть тяжелою—чувствовать тягость жизни значитъ желать чтобы она кончилась! А какъ позволить такой мысли коснуться души—нѣтъ! Милая, я смерти боюсь не такъ какъ чего то противнаго, но какъ опаснаго обольстителя, который можетъ выгнать изъ души все то что ей дорого. Скажемъ просто: будемъ тянуть жизнь безъ счастія въ надеждѣ что ею дойдемъ до прекрасной, свободной, тихой—Аминь!

Обѣщаніе держать вѣрно!—писать и говорить все что взойдетъ въ мысль, хотя бы попасть и въ Утки! Хорошо бы вы всѣ сдѣлали, когда бы пріѣхали—то есть, я не знаю, хорошо ли бы это было. Не могу рѣшиться ни на нѣтъ, ни на да.

Вы закричали бы отъ всего сердца: возвратись! а между тѣмъ запрещаете мнѣ писать къ тетушкѣ, и вы и Анета, чтобы избавить и себя и ее отъ новаго горя. Друзья! но я для того и пишу, чтобы вырвать изъ сердца это возвратись! Есть ли не откликнется сердце, то я останусь тамъ, гдѣ теперь. Уѣзжать уже нѣтъ нужды—я уѣхалъ. Я желалъ бы чтобы вы прочитали то что я писалъ къ тетушкѣ. Ей легко сдѣлать насъ счастливыми не жертвуя даже ни чемъ—дать волю только сердцу. Но можетъ быть, не уѣхавъ, я этаго ни написать, ни даже чувствовать не былъ бы въ состояніи. Я здѣсь одинъ—сужу обо всемъ по себѣ! Что мнѣ возможно, то кажется мнѣ возможнымъ и ей. Я ничего отъ нее не требую, кромѣ того только, на что имѣю право, (есть-ли она NB искренно сказала, что никто не умѣетъ ее любить такъ какъ я). Вѣрно ни съ кѣмъ изъ васъ я не говорилъ такъ объ Машѣ какъ съ нею въ этомъ письмѣ; и ни съ кѣмъ бы я не былъ такъ искреннимъ какъ съ нею, есть-ли бы

она сама того могла хотѣть; есть-ли бы могла дать свободу нашимъ чувствамъ; есть-ли бы вокругъ нее не были мы всѣ одиноки и не должны были не чувствовать а только примѣняться къ ея чувствамъ. Я требую отъ нее семьи, въ которой бы я былъ уважаемъ, любимъ и могъ свободно любить Машу въ глазахъ ея матери—за такое счастіе чѣмъ не пожертвуешь! Но вѣроятно я требую невозможнаго. Въ двѣ минуты характеръ не перемѣняется. По крайней мѣрѣ, благодаря опыту, я не прилипъ къ надеждѣ и неудача ничего для меня не перемѣнитъ. Но можно ли было не написать, не сказать все то искренно? Можно ли было спокойно отойти отъ того что было главнымъ счастіемъ жизни столько лѣтъ? Но признаюсь вамъ, написавъ это письмо, я началъ бояться, чтобы она не согласилась! Можно ли желать возвратиться на старое? Что есть ли одна минута слабости дастъ это согласіе и ничто имъ не перемѣнится! Избави Богъ! Рай такъ легко сдѣлать. О! я чувствую какъбы это было легко! Но что есть-ли вмѣсто этаго рая опять попаду въ прежній адъ! Однимъ словомъ это одно желаніе лучшаго, но его не исполненіе ничего уже для меня не испортитъ! Хуже быть не можетъ, новаго горя не будетъ—останусь при своемъ! А это мое свято и много, много хорошаго въ жизни есть и безъ счастія! Одна только фраза: persevergence. Милая Анюта ваше благословеніе во всемъ его смыслѣ я принялъ. Только не желайте включить въ этотъ смыслъ: перемѣну! Это не будетъ для меня благословеніемъ. Пускай Провиденіе дастъ мнѣ только силу жить по своимъ чувствамъ—вотъ и вся судьба! Перемѣнять ихъ не нужно; это значило бы отнять у меня лучшее.

Отъ васъ человѣкъ пріѣхалъ, а все не написали мнѣ ни строчки—не стыдно ли? Это кажется такъ легко! А я цѣлой день ждалъ.

Знаете ли? Я жду съ нетерпѣніемъ, когда я буду съ вами вмѣстѣ, на своей родинѣ! Когда-жъ это будетъ! Сдѣсь шумно. Но меня безпокоитъ много одна мысль! Не будете ли вы бояться le qu'en dira-t-on? Скажите искренно».

2 августа

«Я не послалъ этой записочки вчера, для того, что вообразилъ что васъ никого нѣтъ дома. По числамъ можете видѣть, что она писана нѣсколько дней. Мнѣ лѣниться писать къ вамъ не можно; но я давно не имѣю отъ васъ ни слова, то есть было три случая ко мнѣ писать, а я не получилъ ни строки, по крайней мѣрѣ отъ Саши, которая обѣщалась писать много и даже не отвѣчаетъ. Жаль есть-ли вы не будете завтра. Vous voulez faire le poltron révolté ma

chere Eudoxie? Зачѣмъ же быть трусомъ? и къ чему бунтовщикомъ? Будьте тверды въ образѣ мыслей! Не трусте только, обнаруживая во всякомъ случаѣ одно и тоже! Однимъ словомъ не будьте ни трусомъ, ни бунтовщикомъ! Будьте вы и все дѣло кончено! Это ваша лучшая роль. Я очень радуюсь этому шептуну—я отправлюсь вмѣстѣ съ вами или скоро за вами. Отдайте мое письмецо Сашѣ. Милая моя Катя, цѣлую васъ. Пожалоста скажите поискреннѣе o qu'en dira-t-on?

Къ Е. Аѳанасьевнѣ я не пишу отъ того, что нѣтъ отъ нее ни словечка ни на одно изъ моихъ писемъ».

На оборотѣ: «Авдотьѣ Петровнѣ».

Примѣч. «Писано въ Муратово, гдѣ Авд. Петр. съ сестрами оставалась послѣ свадьбы Воейкова (14 іюля). 3 августа въ Черни праздникъ, именины или рожденье Анны Ивановны. 6 августа Авд. П. должна была ѣхать въ Долбино». (Примѣч. переписч.)

№ 15.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(1814) [1].

«Лучше начать бранью нежели ею кончить. Ваше письмо прекрасное и утѣшительное потому, что отъ друга. Но знаете ли что я едва не перемѣнилъ за него вашего названія. Я подумалъ: она шептунъ! но не тотъ добрый шептунъ, котораго весело слушать—а шептунъ селезень, котораго надобно кормить да и только. Неужели всѣ вы разучились въ одну недѣлю читать и понимать то что читаете. Саша бранитъ меня за то что я огорчился Машинымъ спокойствіемъ; вы браните за тоже. Боже мой какіе люди. Можно ли предположить такое чувство? И къ этому случаю говорить мнѣ: прочь низкое! напоминать мнѣ что недовѣрчивость есть низкое и прочее тому подобное. Прошу мнѣ выписать то мѣсто, которое послужило вамъ текстомъ для такой проповѣди. Я его не помню, потому что во мнѣ не было того чувства, которое могло бы заставить написать такой сумбуръ. Заглянувъ въ свое сердце, я увѣряюсь, что не можетъ быть человѣка способнѣе меня на свѣтѣ къ довѣренности—Машино спокойствіе есть мое счастіе. Мысль что у нее на душѣ ясно и тихо вездѣ

[1]) Безъ числа, но кажется связано съ предъидущимъ письмомъ. П. В.

и во всѣхъ обстоятельствахъ будетъ для меня утѣшеніемъ. Я увѣренъ, что это спокойствіе будетъ основано на довѣренности ко мнѣ, что оно, вмѣсто того чтобы быть забвеніемъ, будетъ самымъ лучшимъ обо мнѣ воспоминаніемъ. Ничто такъ для меня не дорого, какъ то чтобы она думая обо мнѣ утѣшалась—а это спокойствіе я долженъ ей дать не одними словами, а всею жизнію. Неужели не вѣрите моей искренности въ этомъ случаѣ и будете воображать, что я только угощаю васъ великолѣпными фразами. Но какъ же мнѣ вырвать изъ сердца сожалѣніе о томъ что, будучи причиною ея спокойствія, я не участникъ въ счастіи тѣхъ, которые даютъ его. Нѣтъ милые эта зависть не унизительна; тутъ нѣтъ недовѣрчивости а только сожалѣніе о самомъ себѣ. Говорить себѣ: она спокойна, а меня тамъ нѣтъ! значитъ ли это роптать противъ ея спокойствія? Нѣтъ это совсемъ иное чувство и какъ его изтребить! и что же въ немъ низкаго? Можно ли запретить Абадонѣ смотрѣть съ сожалѣніемъ на прекрасный рай? Есть ли у четвертаго сердце сжимается, то не отъ того, что тремъ было бы весело въ Сибири, а отъ того, что онъ не можетъ дѣлить съ ними этой Сибири—можно ли запретить ему объ этомъ сожалѣть? И что же низкаго въ этомъ чувствѣ? Нѣтъ этотъ четвертый увѣренъ, что онъ всегда съ тремя будетъ не разлученъ. Но онъ видитъ себя одного, онъ только съ ними мыслями; но милое вмѣстѣ, за которое бы все можно было отдать, не для него. Что замѣнитъ это вмѣстѣ? И когда вообразишь, какъ бы было хорошо быть на дѣлѣ а не въ воображеніи четвертымъ, то какъ не сжаться сердцу! А вы бранитесь! О люди! люди! о мода! мода! [1]) Послушайте! Спокойствіе Маши есть самая лучшая для меня драгоцѣнность—за него я готовъ отдать и то, что для меня всего важнѣе, мое мѣсто въ ея сердцѣ, ея ко мнѣ привязанность; не найдите и въ этомъ къ ней недовѣрчивости. Я здѣсь говорю объ одномъ себѣ, а не объ ней, также какъ и тогда, когда горевалъ о ея спокойствіи, думалъ объ одномъ себѣ. Вы пишете: нѣтъ дурнаго, гдѣ же несчастіе? На что обольщать себя воображеніемъ. Несчастіе есть, когда всемъ сердцемъ желалъ бы перемѣнить то что вокругъ тебя, когда все лучшее только вдали или назади; дѣло не въ томъ чтобы называть прекраснымъ, то что и тяжело и дурно. Какъ ни называй, все сердце не повѣритъ. Да и нуженъ ли такой обманъ? Нужно ли и можно ли другимъ замѣнить то что отнято, что бы объ немъ только не сожалѣть? Избави Богъ отъ такого несожалѣнія! Это все равно чтобы

---

[1]) Слова малютки Марьи Васильевны Кирѣевской.

между здѣшнею и будущею жизнью провести лету и одну для другой уничтожить. Нѣтъ! я знаю что настоящее дурно, что оно могло бы быть лучше и сожалѣніе будетъ не только храниться какъ драгоцѣнность въ сердцѣ, но будетъ и хранителемъ сердца. Скажемъ иначе: Нѣтъ дурнаго! Есть твердость! Есть вѣра! есть уваженіе къ жизни! есть уваженіе къ самому себѣ! При этомъ можно сохранить спокойствіе! Можно смотрѣть на несчастіе, какъ на случай быть лучшимъ, какъ на способъ сдѣлать что нибудь по сердцу Создателя—нужно ли для этаго наряжать его въ маску счастія! Вотъ случай сказать: прочь низкое! Дѣло не въ томъ чтобы забыть и дать себѣ этимъ забвеніемъ спокойствіе или лучше сказать мертвый сонъ, беззаботный параличъ—дѣло въ томъ чтобы сожаленіе не унизило самаго себя и свѣта и жизни передъ твоими глазами. Все то спокойствіе, которое для этаго нужно я имѣю. Оно состоитъ въ довѣренности, въ покорности къ Провиденію, которое дастъ все что намъ нужно, и дастъ непремѣнно. «Воспоминаніе, святая, утѣшительная мысль о моемъ товарищѣ—пусть будутъ они хранителями моего сердца! Гдѣ бы я ни былъ, этотъ ангелъ меня не покинетъ. Съ нимъ моя жизнь не можетъ быть пустою, ничтожною! Нѣтъ! она будетъ доброю жизнію! я чувствую въ душѣ своей стремительное влеченіе къ добру, чувствую за себя и за нее».

№ 16.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(Чернь, 1814, вѣроятно въ сентябрѣ) [1].

«Здравствуйте милая. Вы неошиблись; подставы не было и я долженъ былъ простоять часа полтора въ Пальнѣ (?); бѣседуя съ различными прохожими и хозяйками. Однако не опоздалъ, прiѣхалъ за свѣтло. Здѣсь все нездорово—кашляютъ дѣти; кашляетъ Анна Ивановна и лежитъ. Смотрите чтобъ у васъ ни подъ какимъ видомъ того же не было. Но посудите же какъ можно жить на свѣтѣ. Плещеевъ давно отправилъ ко мнѣ по почтѣ двѣ музыки на рускаго плѣнника и NB прекрасны обѣ и еще списанныя всѣ мои и его романсы для отсылки къ Вяземскому и все это гніетъ на почтѣ. Или

---

[1]) Потому въ сентябрѣ, что здѣсь говорится о посланіи къ Александру I, которое Жуковскій собирается выслать Тургеневу. Высылка же произошла въ октябрѣ. (Зейдлицъ, 56). П. В.

Ѳедоръ Ал. [1]) все зажилилъ или наши молодцы, ходя на почту, ничего не берутъ, или чего Боже упаси все теряютъ. Пошлите прошу васъ на почту къ самому Ѳедору Алекс. и вытребуйте у него все наше. Что же мое, то перешлите по первой почтѣ. Польскія и экоссезы вамъ списываются самимъ Плещеевымъ. Сейчасъ сшилъ для нихъ я тетрадь. Праздникъ будетъ списанъ. Доктору отдалъ почтеніе немножко поизмятое отъ дороги и прочіе конфекты. Посланіе [2]) хочу послать къ Тургеневу непереписанное чтобы онъ самъ переписалъ, какъ разсудитъ, и мое письмо, за которое ныне примусь. Вы же, милая, все перепишите. Хочется мнѣ къ вамъ воротится перваго числа; но едва ли ворочусь. Какъ бы то ни было въ понедѣльникъ буду къ вамъ писать. Чуръ же быть здоровыми. Дѣтенокъ цѣлую. Когда увидите Е. И. то ей дружеской поклонъ и чтобы потрудилась передать мое почтеніе милой, доброй и доброжелательной М. Алекс. Наталія здравствуй. Возвращаю дрожки. Ихъ подобаетъ починить. Я уже объ этомъ рекомендовалъ Василія возницѣ и вы прикажите отъ себя».

№ 17.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(1814. Чернь) въ концѣ сентября или нач. октября [3]).

«Послушайте, милая, первое или пятое разницы не много, а оставшись на семейномъ праздникѣ друзей, я сдѣлаю друзьямъ удовольствіе—это одно изъ важныхъ дѣлъ нашей жизни; и такъ прежде пятаго не буду въ Долбино. Но чтобы пятаго ждала меня подстава въ Пальнѣ. Смотря по погодѣ, сани или дрожки. Я здоровъ и веселъ. Довольно ли съ васъ? Вы будьте здоровы и веселы. Этаго и очень довольно для меня. Благодарствуйте за присылку и за письмо. Въ петербургскомъ пакетѣ письмо отъ моего Тургенева и письмо отъ нашего Батюшкова—предлинное и премилое, которое будете вы читать. За посланіе благодарствую—хотя оно и останется, ибо здѣсь

---

[1]) Кашкинъ, бѣлевскій почтмейстеръ.

[2]) Вѣроятно посланіе къ императору Александру I-му (см. соч. т. I, стр. 391).

[3]) Письмо писано вѣроятно въ концѣ сентября или началѣ октября, потому что рукопись посланія къ Александру I-му (соч. I стр. 391) была отправлена Тургеневу въ октябрѣ (Зейдлицъ біогр. стр. 56); затѣмъ надо предположить что смѣшныя дуры, о коихъ говорится въ письмѣ, и есть три сестры, къ коимъ писано посланіе: «Записочка въ Москву тремъ сестрицамъ» (соч. т. I стр. 432). П. В.

переписалъ его Губаревъ и этотъ списокъ нынче скачетъ къ Тургеневу. Тамъ будетъ оно уже переписано государственнымъ образомъ и подложено подъ стопы монаршія [1]). Прозаическое письмо посылаю вамъ. Прошу оное не потерять!!! Посланіе было здѣсь читано въ общемъ собраніи и произвело свой эффектъ или дѣйствіе. Такъ же и Эолова арфа, на которую Плещеевъ пусть разразится (?) прекрасною музыкою, понеже она вступила въ закраины его сердца назидательною трогательностію. Старушки треть уже положена на нотныя завыванія и очень преизрядно воспѣваетъ ужасныя свои дьявольности. Пѣвецъ начатъ, но здѣсь не Долбино, не мирной уголокъ, гдѣ есть бюро и надъ бюромъ милой ангелъ! Объ васъ бы говорить теперь не слѣдовало; вы въ своемъ письмѣ просите: чтобы я любилъ васъ по прежнему! Такого рода просьбу позволю вамъ повторить мнѣ только въ жолтомъ домѣ, тамъ она будетъ и простительна и понятна! Но въ Долбинскомъ, подлѣ вашихъ дѣтей, подлѣ той шифоньеры, гдѣ лежатъ Машины волосы, глядя на четверолиственникъ вырѣзанной на вашей печати, однимъ словомъ въ полномъ умѣ и сердцѣ просить такихъ аккуратностей—можно ли? впослѣдній разъ прощаю и говорю: здравствуй милая сестра!

Наши Московскія дуры смѣшны и милы [2])! Буду къ нимъ писать, когда возвращусь въ свой уголокъ, къ своему бюру (sic), къ своимъ дѣтямъ, къ своей сестрѣ. Я и еще разъ писалъ къ Тамбовскимъ— Вася послалъ эстафетъ къ Воейкову (по приказанію разсудительнаго Воейкова) дабы увѣдомить, что на Болховской почтѣ нѣтъ къ нему пакета [3]). Къ затылку этаго эстафета я пришпилилъ мое письмо, незабывши выставить №.

---

[1]) Посланіе было читано государынѣ А. И. Тургеневымъ 30-го декабря 1814 г и чтеніе это описано въ письмѣ Тургенева къ Жук., см. Русск. Арх. 1864 г. изд. 2 е стр 884.

[2]) См. примѣч. въ началѣ письма.

[3]) Не къ этому ли относится посланіе Жуковскаго къ Воейкову по поводу отъѣзда его въ Дерптъ?

Воейковъ дай же знать,
Что дерптскіе нѣмчурки?
Пора ужъ перестать
Играть намъ съ ними въ жмурки.
Когда-жъ тебѣ указъ
Въ дорогу снаряжаться,
И для нѣмецкихъ глазъ
Въ обширный наряжаться
Парикъ и епанчу? (намекъ на профессорское званіе)
На почтѣ нѣтъ пакета.... (Соч. т. I, стр. 462). П. В.

На дворѣ снѣгъ, а мороза все нѣтъ! Бывала ли когда нибудь глупѣе зима?

Не забудьте, что пріѣхавши намъ надобно приняться за планъ. Набросайте свои идеи, мы ихъ склеимъ съ моими и выйдетъ фаршъ дружбы на счастіе жизни, извѣстный голодъ, который удовлетворимъ хотя общими планами.

А propos. Едва-ли не грянетъ на васъ новая туча. Губаревъ, мой переписчикъ, вдругъ взбѣленился ѣхать въ Москву. Отпускать съ нимъ своихъ твореній не хочу. Даю ему переписывать однѣ Баллады. Какъ быть съ остальнымъ? Неужели вамъ? А совесть!

Милой другъ Ваня, цѣлую тебя, а ты поцѣлуй за меня сестру и брата. Милой, доброй другъ мой. Дай Богъ говорить это всегда вмѣстѣ, и цѣлую жизнь. Разумѣется сдѣсь счастливая жизнь.

Простите. Милой М. Ал. и Е. Ив. мой самой дружеской поклонъ. Натальѣ Андревнѣ дружески кланяюсь».

ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

1842—1875.

Глава третья [1]).

Герой нашего времени.

«Герой нашего времени» (1839—1840 г., т. I, стр. 257—411), въ три года, съ 1840—1843 годъ, имѣлъ три изданія, что у насъ въ Россіи довольно большая рѣдкость. Оно впрочемъ и неудивительно, такъ какъ подобныхъ твореній, въ нашей изящной литературѣ, не много; но всего любопытнѣе то, что когда романъ вышелъ въ 1840 г., онъ сначала хода не имѣлъ, и нужно было Ѳ. В. Булгарину дать толчокъ и тогда книга быстро разошлась; Булгаринъ, въ тѣ времена, для многихъ—барометръ нашей литературы, рѣшился прочитать «Героя», и то только потому, (какъ онъ самъ объясняетъ), что явилось въ печати нѣсколько совершенно разнорѣчивыхъ рецензій и приговоровъ на сочиненіе Лермонтова; разсказывая о своемъ подвигѣ, въ «Сѣверной Пчелѣ» (1840 г. 30-го октября № 246), Булгаринъ говоритъ, что онъ сталъ читать романъ «на сонъ грядущій», расчитывая прочесть нѣсколько страничекъ и успокоиться, но не тутъ-то было, онъ—въ его годы—читалъ до шести часовъ утра, и даже въ такой часъ сожалѣлъ, что романъ такъ скоро кончился. Послѣдствіемъ этой вольной или невольной рекламы, должной дани великому таланту, первое изданіе быстро разошлось, и затѣмъ точно

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIV, апрѣль, стр. 221—240; май, стр. 483—498; томъ XXXV, августъ, стр. 297—322.

также другія два изданія; въ справедливости этого можно убѣдиться изъ письма Л. Л. (Л. Бранта) къ Ѳ. В. Булгарину, помѣщенному въ «Сѣверной Пчелѣ» (1840 г. 16-го декабря № 284), въ которомъ Л. Л. шапку снимаетъ передъ Ѳ. В., совершившимъ такое волшебство; справедливость всего вышеприведеннаго также подтвердилъ намъ постоянный издатель всѣхъ сочиненій Лермонтова И. И. Глазуновъ [1]).

«Герой нашего времени» точно также понравился и заграницей, что заключить можно изъ множества явившихся переводовъ, и сомнѣваемся, чтобы какая-либо русская книга была бы столько разъ переведена; изъ извѣстныхъ намъ переводовъ вышло: французскихъ шесть (два безъ разсказа «Фаталистъ») и отдѣльно: «Княжна Мери» и «Тамань»; нѣмецкихъ—семь; польскихъ—два; англійскихъ—два; датскихъ—два; шведскихъ—одинъ; но не всѣ переводы цѣлаго романа—но и этого количества достаточно; можетъ быть были и еще переводы, и на другіе языки, но они намъ неизвѣстны.

Какъ выше сказано, французскихъ переводовъ «Героя нашего времени», было шесть, изъ нихъ безъ разсказа: «Фаталистъ»—два, и сверхъ того переведены отдѣльно: Княжна Мери и Тамань.

1) Первый переводъ М. Столыпина (этого перевода мы въ рукахъ не имѣли) въ газетѣ: Dèmocratie pacifique, въ фельетонахъ съ 29-го сентября по 4-е ноября 1843 года, подъ заглавіемъ: Un héros du siécle, ou les Russes dans le Caucase, par M. Stolypine.—Указанъ въ Bibliothèque Belge, t. VI, Bruxelles 1849, статья: Bibliothèque Russe-Française ou la Russie et la France historique et littéraire: Lermontoff (Michel), статья подписана S. P., по свидѣтельству Г. Н. Геннади: Полторацкій.

2) Une saison de bains au Caucase, extrait de Lermontoff, par Léouzon le Duc, Paris 1845, Jules Labitte, въ 8 д. л. стр. XV и 300.—Купальный сезонъ на Кавказѣ, извлечено изъ Лермонтова, Леузонъ ле Дюка и проч.

Странное опредѣленіе содержанія книги: извлеченъ изъ Лермонтова, между тѣмъ какъ это просто на просто исковерканный и

[1]) Всѣ изданія сочиненій Лермонтова, начиная съ тоненькой книжки съ 28 стихотвореніями 1840 года, изготовленной къ печати самимъ М. Ю. Лермонтовымъ, и до послѣдняго изданія 1882 г. включительно, печатались въ типографіи Глазуновыхъ, кромѣ изданія сочиненій 1847 года, Смирдинскаго, къ полному собранію сочиненій русскихъ авторовъ, напечатаннаго въ типографіи Академіи Наукъ, и перваго отдѣльнаго изданія: Пѣсни про Царя Ивана Васильевича и т. д., 1862 г. въ типографіи Рейхельта. В. Ш.

испорченный «Герой нашего времени», настолько, насколько г. Леузонъ ле Дюкъ былъ въ состояніи это сдѣлать. Рѣдко попадалась намъ въ руки такая безсовѣстная компиляція и г. Леузонъ нисколько не отсталъ, въ своемъ обращеніи съ чужими сочиненіями, отъ графа Е. де Порри, такъ называемаго переводчика твореній Пушкина.

Г. Леузонъ ле Дюкъ нѣсколько разъ былъ въ Россіи и между прочимъ былъ посланъ французскимъ правительствомъ принять гранитъ для могилы Наполеона I въ домѣ инвалидовъ; вслѣдствіе этихъ поѣздокъ, онъ призналъ себя знатокомъ сѣвера Европы, а Россіи въ особенности, и издалъ нѣсколько книжонокъ, которыми пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность во Франціи, что не очень трудно, когда пишешь о terra incognita для образованной Франціи; но тѣ изъ его сочиненій, которыя намъ удалось видѣть: Жизнеописаніе императора Александра II, L'ours du Nord (Сѣверный медвѣдь) и т. д., полны лжи и нелѣпыхъ вымысловъ.—Разбираемое, названное имъ извлеченіе изъ Лермонтова, вполнѣ обрисуетъ его литературную манеру.

Въ началѣ книги предисловіе: нѣсколько словъ о русскихъ литераторахъ, о Лермонтовѣ, фантастическій разсказъ о послѣдней дуэли Лермонтова и наконецъ тамъ-же сообщено о томъ, что г. Мерманъ (Meurmann), финляндскій литераторъ, перевелъ на шведскій языкъ «Героя нашего времени», но что предварительно будто бы онъ набросалъ (ébauché) французскій переводъ, сообщенный имъ г. Леузону, который тутъ же объясняетъ, что переводъ этотъ былъ очень полезенъ pour nous mettre en rapport avec l'original, auquel nous avons emprunté le fond du drame et les principaux développements du roman, que nous offrons aujourd'hui à nos lecteurs, т. е. чтобы насъ свести съ подлинникомъ, изъ котораго мы заимствовали основаніе драмы и главное развитіе романа, представляемаго нами нынѣ нашимъ читателямъ.—Изъ этого объясненія выводится прямое заключеніе, что романъ подъ заглавіемъ: Une saison de bains au Caucase—романъ сочиненія г. Леузонъ ле Дюка и что онъ заимствовалъ лишь основную мысль и нѣкоторыя событія изъ сочиненія Лермонтова,—но это совершенно не такъ и сочиненіе г. Леузона—то, что французы называютъ un plagiat, т. е. литературное похищеніе, и въ настоящемъ случаѣ plagiat en grand.

На первый взглядъ, Une saison de bains au Caucase просто переводъ повѣсти: «Княжна Мери», которою книга начинается, но это только такъ кажется и уже съ первой страницы являются дополненія извлекателя, продолжающіяся на стран. 2 и 3; затѣмъ идетъ послѣдовательный переводъ повѣсти, но послѣ отрывка изъ журнала Печорина отъ 16-го мая (у Леузона 31-го мая), оканчивающагося

словами: «Желаю тебѣ проиграться»... Я пошелъ домой (т. I, стр. 343), г. Леузонъ вставляетъ въ журналъ отрывокъ своего изобрѣтенія, подъ числомъ 3-го іюня ночью, въ которомъ Печоринъ разсказываетъ, что, придя домой, онъ не могъ уснуть и для развлеченія сталъ перечитывать свой журналъ и въ немъ одно событіе изъ своей жизни; это событіе—разсказъ «Тамань» (стр. 62—86); пѣсня сирены: «Какъ по вольной волюшкѣ», переведена прозой; съ стр. 87—111, продолженіе «Княжны Мери», и послѣ того со стр. 112—154 вставленъ другой разсказъ, этотъ уже собственнаго измышленія г. Леузона, яко бы случай изъ жизни Печорина, о томъ, какъ онъ разомъ любилъ двухъ женщинъ Луизу и Лючію; разсказъ этотъ такъ нелѣпъ, и такъ не подходитъ къ «Герою нашего времени», что остается только удивляться дерзости извлекателя, который своимъ разсказомъ желалъ довести до nec plus ultra демоническую натуру Печорина.—Послѣ этого разсказа опять идетъ продолженіе «Княжны Мери», до отрывка изъ журнала 27-го іюня (у Леузона—9-го іюля), начинающагося (т. I, стр. 378): «Нынче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ»—и тутъ-то г. Леузонъ прибавляетъ отъ себя (стр. 199): Chacun en parlait à sa manière. Un jeune et beau jeune homme qui longtemps avait voyagé dans leur pays, saisit cette occasion pour raconter quelques-unes de ses aventures, т. е.: всякій говорилъ о томъ по-своему. Молодой и прекрасный молодой человѣкъ, который долго путешествовалъ въ ихъ странѣ (у горцевъ), воспользовался этимъ случаемъ, чтобы разсказать нѣсколько изъ своихъ приключеній,—и эти приключенія, разсказанныя прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, заключались: въ изуродованной повѣсти Бэла (стр. 199—242), съ небольшимъ и неважнымъ, вѣроятно по мнѣнію г. Леузона, измѣненіемъ развязки повѣсти. Главное дѣйствующее лицо—не Печоринъ, а какой-то Марковъ, и весь конецъ повѣсти, со словъ: «И продолжительно было ихъ счастье? спросилъ я» (т. I. стр. 278) и весь эпизодъ: Максимъ Максимовичъ, пропущены; но надобно же было дать какую-нибудь развязку повѣсти, и вотъ что̀ изобрѣлъ извлекатель изъ Лермонтова, въ отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ: «Да, они долго были счастливы. Безъ сомнѣнія грозныя бури избороздили жизнь любви, но въ глубинѣ ихъ сердецъ она никогда не измѣнилась; они любили другъ друга, пока смерть ихъ не разлучила. Бэла первая простилась съ Марковымъ». Затѣмъ еще добавочное разсужденіе Печорина и продолженіе разсказа «Княжна Мери», который благополучно доводится до конца на стр. 286; далѣе, до стр. 290, объясняется, что нѣсколько листовъ вырвано изъ журнала Печорина, вырванныхъ имъ вѣроятно въ минуту мрачнаго гнѣва или сильнаго

отчаянія, и затѣмъ журналъ продолжается; все это вымыселъ г. Леузона, но съ цѣлью; заключеніе слѣдующее: «и пока вертѣлись у меня въ головѣ эти мысли о самоубійствѣ, мнѣ пришлось присутствовать при весьма странной сценѣ, которая бросила меня въ непонятное замѣшательство»—все это служитъ переходомъ къ разсказу «Фаталистъ», которымъ заключается книга, но съ измѣненной же развязкой; со словъ: «я возвращался домой пустыми переулками станицы», (т. I, стр. 405), до конца все пропущено, и замѣнено слѣдующимъ, стр. 299, 300: Печоринъ пошелъ домой, мечты его (сокращенныя) дорогой; онъ легъ спать; его скоро разбудили трое изъ офицеровъ, бывшихъ у маіора Д. (у Лермонтова маіоръ С.), и объявили, что Вуличъ убитъ. Этимъ и кончается винегретъ, состряпанный г. Леузонъ ле Дюкъ изъ чуднаго романа Лермонтова, и всѣ эти измѣненія, пропуски, прибавленія для того, чтобы подтвердить заявленное имъ въ предисловіи: о позаимствованіи только основной мысли и нѣсколькихъ событій изъ романа, и что засимъ все остальное—его, Леузонъ ле-Дюка; но тутъ-то онъ и промахнулся, книга его все таки осталась только искаженнымъ переводомъ, и кромѣ небольшихъ вставокъ въ журналѣ Печорина, да разсказа о любви одновременной къ Луизѣ и Лучіи, принадлежность которыхъ перу г. Леузона никто оспаривать не станетъ, романъ все-таки Лермонтова. Правда, главное основаніе романа, на которомъ онъ зиждется, руководящая нить къ характеру Печорина — все это исковеркано произвольной перестановкой разсказовъ, передѣлкою ихъ, пропускомъ эпизода съ добрымъ Максимъ Максимовичемъ, исключеніемъ изъ жизни Печорина разсказа Бэлы, въ которомъ героемъ является какой-то Марковъ,—а не Печоринъ, олицетворяющій героя нашего времени; наконецъ вмѣсто поэтической развязки Бэлы, полной драматизма и такъ подходящей къ данной мѣстности, какое-то идиллически-обыденное заключеніе, заимствованное изъ комедіи Скриба. Что касается до тѣхъ мѣстъ, гдѣ г. Леузонъ дѣйствительно только переводитъ, т. е. болѣе двухъ третей книги, то переводъ довольно вѣренъ; попадаются ошибки, непониманія мысли, неточности, но все это не имѣетъ особаго значенія; напр. имя Мери передѣлано Mérie, т. е. Мерія; на стр. 24: bientôt nous fumes grands cousins, это переводъ: мы сдѣлались пріятелями; слово родинка переведено verrue, т. е. бородавка, вмѣсто tâche de naissance или envie; числа въ журналѣ Печорина измѣнены; наконецъ въ т. I, стр. 375, говорится о пріѣздѣ фокусника Апфельбаума, и объ афишѣ, извѣщающей о представленіи, содержаніе которой приведено общими мѣстами, но г. Леузонъ нашелъ нужнымъ

потрудиться сочинить афишу и поставилъ ее въ кавычкахъ (стр. 191), и т. д. и т. д.

Въ газетѣ La Presse, 13 іюля 1846 (стр. 3, столб. 4), помѣщенъ маленькій диѳирамбъ въ честь г. Леузонъ ле Дюка, между прочимъ тамъ сказано: dans son roman sur le Caucase il a révélé, sous l'enveloppe d'une traduction, l'oeuvre la plus forte d'originalité de la littérature Russe moderne, т. е. въ своемъ (т. е. Леузона) романѣ, о Кавказѣ, онъ познакомилъ насъ, подъ оболочкой перевода, съ твореніемъ особенно замѣчательнымъ, своею оригинальностію, изъ современной русской литературы. Имя Лермонтова въ этомъ отзывѣ не произносится, но сила его творчества взяла свое; даже въ такомъ извращенномъ видѣ, какъ книга г. Леузона, оно производитъ сильное впечатлѣніе на рецензента газеты La Presse. Есть еще статья, въ журналѣ Revue des deux mondes, по поводу книги г. Леузона ле-Дюка, но такъ какъ въ ней выводится характеристика Лермонтова, то нами она отнесена въ четвертую главу.

3) L'Illustration 1846, t. VIII, сентябрь — декабрь; Nouvelles Russes: Blanche (Бэла), стр. 58, 59, 74, 75, 90, 91; Maxime Maximitch (Максимъ Максимычъ) стр. 106, 107; Taman (Тамань) стр. 122, 123; La princesse Méry (княжна Мери), стр. 138, 139, 154, 155, 170, 171, 186, 187, 202, 203, 214, 215; Le fataliste (Фаталистъ), стр. 266, 267.—Подписи переводчика нѣтъ, но по заявленію С. Полторацкаго (Le Bibliophile Belge 1849, т. VI), переводъ этотъ принадлежитъ г. Луи Віардо. Прежде всего поражаетъ, что г. Віардо перемѣнилъ характерное заглавіе: «Герой нашего времени» на Nouvelles Russes (Русскія повѣсти), но еще страннѣе, что нигдѣ не упомянуто имя Лермонтова, какъ будто г. Віардо хотѣлъ приписать себѣ сочиненіе этихъ повѣстей. Французская Иллюстрація не приложила картинокъ къ переводу г. Віардо, который помѣстилъ въ ней весь романъ кромѣ предисловія; обѣ пѣсни: Казбича (Бѣла) и сирены (Тамань) переведены прозой. Переводъ посредственный, довольно вѣренъ, но въ собственныхъ именахъ много ошибокъ; напр. княгиня Лиговская почти вездѣ princesse Sigovsky (Сиговская); Машукъ—то Mashouk, то Mischouk, Aragra (Арагва), Stravopol (Ставрополь) и т. д.; впрочемъ бо́льшую часть этихъ ошибокъ можно скорѣе приписать къ опечаткамъ и небрежности корректора; попадаются также, но не часто, совершенныя нелѣпости, напр. стр. 57: en Russe, Osset signifie âne, т. е. осетинъ по русски означаетъ—оселъ; правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки, переведено, стр. 123: un beau nez est encore plus rare en Russie qu'un petit pied, т. е. красивый носъ еще рѣже въ Россіи, чѣмъ маленькая ножка

(г. Віардо долженъ былъ лично убѣдиться въ неправильности этого перевода, не согласнаго съ дѣйствительностію); не даромъ Нарзанъ называется богатырскимъ ключемъ, переведено стр. 186: Ce n'est pas pour rien que Marsan l'appelle la source des preux, т. е. Не даромъ Марсанъ называетъ ее источникомъ богатырей, — названіе источника г. Віардо принялъ за фамилію изслѣдователя этого ключа, причемъ перемѣнилъ Н на М; но вотъ слѣдующее уже изъ рукъ вонъ какъ плохо: «Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они бъ еще съ часъ проискали меня въ саду», переведено, стр. 202: (при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что Печоринъ разговариваетъ, съ Грушницкимъ и драгунскимъ капитаномъ, черезъ запертую дверь): Ils s'éloignèrent et se remirent à me chercher pendant encore au moins une heure dans le jardin, т. е. они удалились и стали снова меня искать въ саду, по крайней мѣрѣ въ продолженіи цѣлаго часа. Зачѣмъ же было искать въ саду человѣка, съ которымъ только что говорили черезъ дверь—не вѣрно, а въ особенности не логично. Есть также и пропуски, болѣе значительные въ «Княжнѣ Мери», напр. сокращены приготовленія къ дуэли между Печоринымъ и Грушницкимъ; въ «Фаталистѣ» выпущенъ разсказъ о проигрышѣ Вулича, и т. д.

4) Choix de nouvelles Russes, de Lermontof, Pouchkine, Von Wiesen etc., traduites du Russe, par M. J. N. Chopin и т. д. Paris 1853, chez C. Reinwald, въ 8 д. л. стр. III и 359; изд. 2-е. Paris 1873, C. Reinwald et C-ie, nouvelle édition, въ 8 д. л. стр. III и 359. Избранныя русскія повѣсти Лермонтова, Пушкина, фонъ-Визина и проч., перевелъ съ русскаго г. Шопенъ, Парижъ 1853 г. и т. д. Претензіонно-политическое предисловіе, на двухъ съ небольшимъ страницахъ, рѣчь идетъ ни съ того ни съ сего о восточномъ вопросѣ. Засимъ краткое объясненіе по поводу сдѣланнаго переводчикомъ выбора произведеній русскихъ писателей: Лермонтовъ, какъ намъ казалось, говоритъ г. Шопенъ, заслуживалъ предпочтенія, вслѣдствіе его скептицизма, одновременно порицающаго и остроумнаго, напоминающаго нѣсколько нашего Бальзака. На стр. 1—202, полный переводъ: «Героя нашего времени», но въ началѣ поставлено невѣрное заглавіе: Béla ou un héros de notre époque, nouvelle circassienne par Lermontof, т. е. Бэла или герой нашего времени, черкеская повѣсть Лермонтова, а затѣмъ идутъ по порядку разсказы изъ журнала Печорина—но безъ нумераціи, сдѣланной Лермонтовымъ, такъ что съ вида эти разсказы кажутся какъ бы независящими другъ отъ друга; послѣ Бэлы—«Максимъ Максимовичъ», потомъ предисловіе къ журналу Печорина, озаглавленное Avant-propos и больше ничего; далѣе «Тамань», «Княжна Мери», и вслѣдъ за этимъ заглавіемъ поставлено observa-

tions préliminaires, т. е. предварительныя замѣчанія; эти замѣчанія собственно предисловіе, прибавленное ко 2 части 2-го изданія Гер. н. врем. 1841 г., а у г. Шопена выходитъ, что эти observations préliminaires какъ будто относятся только къ повѣсти: «Княжна Мери»; въ заключеніе—«Фаталистъ». Изъ принятаго переводчикомъ распорядка надо заключить, что онъ издалъ въ 1853 году переводъ со 2-го или 3-го изданія «Героя нашего времени», такъ какъ начиная съ изданія сочиненій Лермонтова 1847 года, предисловіе ставилось передъ началомъ романа. Изъ выше приведеннаго видно, что г. Шопенъ расположилъ свой переводъ нѣсколько безтолково.

Заключительный періодъ повѣсти Княжна Мери выпущенъ (томъ I, стр. 400) со словъ: И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости... до конца. Пѣсня Казбича (Бэла), и сирены (Тамань) переведены стихами.

Nos filles sont les fleurs des montagnes;
Leur oeil noir luit comme un éclair d'été...
Heureux celui qui les prend pour compagnes,
Mais plus prudent qui reste en liberté!

* * *

Avec de l'or on achète une femme:
Elle a son prix.... Mais un cheval pur sang
Qui le paierait? Ardent comme la flamme,
S'il ne triomphe, il meurt en nous sauvant!

А вотъ и пѣсенка изъ «Тамани»:

Lorsqu'à la clarté des étoiles,
Le navire capricieux
Au vent livrant ses blanches voiles,
Vole entre l'abime et les cieux,

* * *

Près de lui ma noire nacelle
Rase la surface de l'eau...
Sa double rame est comme l'aile
Qui soutient et guide l'oiseau.

* * *

Dès qu'on entend gronder l'orage,
Le navire s'éloigne en mer:
Il redoute plus le rivage
Que la foudre et le flot amer.

* * *

Et moi, d'une voix suppliante,
Je dis à la vague en fureur:
Épargne ma nacelle errante!
Voici le bord!.. Je n'ai plus peur!

C'est que ma nacelle fragile,
Qui du labeur porte le fruit,
Est fière du pilote habile
Qui guide son vol dans la nuit.

Г. Шопенъ, по возможности, все умѣщающееся въ французскіе стихи передалъ довольно вѣрно, мысли поэта, о подробностяхъ же говорить нечего. Переводъ романа не дуренъ, большею частью точенъ и написанъ хорошимъ языкомъ, но попадаются промахи и неточности, которыя не имѣютъ особаго вліянія на ходъ дѣйствія въ романѣ и не портятъ общаго впечатлѣнія; упоминать о нихъ не стоило бы, но они имѣютъ значеніе въ отношеніи одного изъ послѣдующихъ переводовъ, а потому мы приведемъ нѣкоторыя, самыя выдающіяся, изъ повѣсти «Княжна Мери»: 1) У него георгіевскій солдатскій крестикъ, (т. I, стр. 322), переведено (стр. 90): où brille une croix de l'armée de Georgie, т. е. на которомъ блеститъ крестъ грузинской арміи, 2) ты пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣзавтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше, (т. I, стр. 359), переведено (стр. 136): pars pour une huitaine pour Kislovodsk... Nous partons aprés-demain... La princesse ne viendra que plus tard. Г. Шопенъ поставилъ pour (на) вмѣсто dans (черезъ) и вышла безсмыслица. 3) Тогда я разсказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви,—разумѣется, прикрывъ все это вымышленными именами (т. I, стр. 360). Здѣсь г. Шопенъ сдѣлалъ непростительную ошибку, вслѣдствіе того, что не сообразилъ послѣдовательности разсказовъ романа, и передалъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: J'entamai ensuite le récit dramatique de toute mon histoire avec Béla (?)... en changeant les noms, bien entendus, (стр. 137), т. е. я началъ затѣмъ драматическій разсказъ всей моей исторіи съ Бэлой... и т. д., значитъ Печоринъ разсказывалъ тутъ то, что случилось съ нимъ позже, да и разсказомъ этимъ не была бы достигнута его цѣль—успокоить Вѣру, а напротивъ онъ возбудилъ бы ея ревность. 4) Гдѣ намъ дуракамъ чай пить! отвѣчалъ я ему, повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ, (т. I, стр. 361); г. Шопенъ все это сократилъ и перевелъ: Il faut bien que les fous prennent le thé quelque part... lui repondis-je en empruntant cette citation à Pouchkin; поговорка въ переводѣ г. Шопенъ не имѣетъ никакого смысла, да она и не переводима, а затѣмъ пишетъ: ему отвѣчалъ я, позаимствовавъ это изрѣченіе у Пушкина, (стр. 138). 5) Я слѣзъ (съ лошади) и подкрался къ окну, (т. I, стр. 372) переведено: j'avançai avec précaution, et me cachai derrière une fenêtre. (стр. 152).

—я подходилъ съ осторожностью и спрятался за окномъ—но о томъ, что Печоринъ слѣзъ съ лошади г. Шопенъ не упоминаетъ. 6) И завѣщая другу клочекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ, (т. I, стр. 385), переведено: où l'on lègue à un ami une mêche de cheveux, (стр. 169), переводъ сокращенъ и сказано: и завѣщаю другу клочекъ волосъ. 7) Оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, (т. I, стр. 388), переведено: Ce point est à deux cents pieds au moins d'élévation (стр. 172); г. Шопенъ перевелъ сажени въ футы и пишетъ: эта площадка имѣетъ, по крайней мѣрѣ, до двухъ сотъ футъ возвышенія. 8). Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень (т. I, стр. 390), переведено: Je me tenais à l'angle désigné, le genou fortement appuyé contre une pierre, (стр. 175), т. е. я стоялъ въ указанномъ углѣ, крѣпко опершись колѣнкомъ о камень.—Мы ограничимся указаніемъ этихъ неточностей, доказывающихъ, что переводъ «Героя нашего времени» г. Шопена, далекъ отъ совершенства, и только не много лучше перевода г. Луи Віардо.

5) Le Mousquetaire, journal de M. A. Dumas 1855. Petchorine, ou un héros d'aujourd'hui, scènes de la vie Russe dans le Caucase, par Michel Lermontoff. Traduction de M. Edouard Scheffter. Мускетеръ, газета г. А. Дюма, 1855 г. Печоринъ, или герой нашего времени, сцены изъ русской жизни на Кавказѣ, Михаила Лермонтова. Переводъ г. Эдуарда Шефтера. Бэла № 23—27, 29, 31; Максимъ Максимовичъ № 31, 32; журналъ героя нашего времени (Journal d'un héros d'aujourd'hui, préface,) № 32; Тамань № 32, 33; княжна Мери № 34, 35, 37—44, 46—49; Фаталистъ не переведенъ, также и предисловіе Лермонтова.

«Я первый,—восклицаетъ А. Дюма, въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ,—я первый познакомилъ Францію съ геніальнымъ человѣкомъ, издавши въ Мускетерѣ переводъ его лучшаго романа: Печоринъ, или герой нашего времени» (ч. 2, стр. 248). И это восклицаніе повторено два или три раза въ путевыхъ впечатлѣніяхъ по Россіи и по Кавказу. Но какое самообольщеніе—переводъ, изданный Дюма, по счету пятый, изъ которыхъ первый явился еще въ 1843 г., притомъ переводъ, явившійся въ Мускетерѣ, не полонъ. Но какъ видно, А. Дюма было пріятно, щекотало самолюбіе, что онъ, именно онъ, отрылъ неизвѣстнаго Европѣ и Франціи—геніальнаго человѣка, а между тѣмъ о Лермонтовѣ уже были напечатаны во французскихъ журналахъ: Revue des deux mondes, Illustration и т. д. характеристики и разборы «Героя нашего времени», независимо отъ нѣмецкихъ и другихъ переводовъ. Неужели А. Дюма всего этого не зналъ?

Переводъ въ Мускетерѣ не дуренъ, мѣстами небольшіе пропуски,

попадаются неточности и кой-какіе курьезы; обѣ пѣсни: Казбича (Бэла) и въ разсказѣ Тамань переведены бѣлыми неправильными стихами; вотъ эти переводы:

Chacun de nos villages est fertile en beautés;
Leurs yeux sont brillants comme les étoiles du ciel;
Il est doux de les aimer, mais la liberté est plus douce,
Et mon cheval est le garant de ma liberté.
L'or peut acheter des femmes, mais non un cheval comme le mien!
Il vole comme le vent par monts et par vaux,
Et ne recèle en son coeur ni perfidie, ni trahison.

Sur les vagues agitées,
Sur la mer d'un vert sombre,
Les navires montent et descendent,
Les navires à voiles blanches.

* * *

Au milieu de ces navires
Danse ma gentille barque,
Barque avec mât et voiles,
Barque garnies de deux rames.

* * *

Et quand la tempête gronde,
Tous ces gros navires-là
Déploient les voiles et s'en vont;
On ne les aperçoit plus.

* * *

Alors j'invoque la mer
Doucement, doucement, doucement:
„Epargne, épargne, méchante mer,
Epargne ma petite barque.

* * *

Car ma petite barque porte
Des trésors beaux et précieux;
Durant la nuit et l'orage
Un hardi marin la conduit.

Перечислять всѣ неточности этого перевода было бы утомительно, а потому ограничимся нѣкоторыми и укажемъ на нѣсколько довольно любопытныхъ выносокъ переводчика, а можетъ быть и самаго А. Дюма.—Мирной князь, переведено: ami de la paix; джигитовка—danse nationale des Djigètes; Карагёзъ—Karaguz (fille noire, nom de cheval, т. е. черная дѣва, имя лошади); Терекъ, вездѣ напечатанъ Ferek; Бэла раздѣлена на пять главъ, чего нѣтъ у Лермонтова; къ портрету Печорина, въ эпизодѣ Максимъ Максимычъ (т. I, стр. 301),

переводчикъ прибавилъ слѣдующее примѣчаніе: Lermontoff a fait içi son propre portrait, т. е. Лермонтовъ сдѣлалъ здѣсь свой собственный портретъ. Въ предисловіи къ журналу Печорина (т. I стр. 307), тамъ, гдѣ Лермонтовъ говоритъ: «хотя я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ (журналѣ) говорится, вѣроятно, себя узнаютъ и, можетъ быть, они найдутъ оправданіе поступкамъ», и т. д., это мѣсто сопровождается слѣдующей выноской переводчика: «Михаилъ Лермонтовъ сказалъ тутъ сущую правду. Г. Мартыновъ узналъ себя въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа и вызвалъ автора. Лермонтовъ принялъ дуэль, и былъ убитъ на узкой площадкѣ крутой скалы Кавказа, съ которой его трупъ скатился въ пропасть». Лермонтовъ заключилъ вышеприведенный періодъ слѣдующими словами: «мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ». Эта фраза въ переводѣ пропущена, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы не уменьшить значенія выноски. Слѣдуетъ прибавить, что «Герой нашего времени» началъ появляться отрывками въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г., и вышелъ отдѣльной книгой въ началѣ второй половины 1840 года, что доказываетъ сомнительность заключенія, сдѣланнаго переводчикомъ въ этой выноскѣ.

Во главѣ разсказа «Княжна Мери» поставленъ слѣдующій англійскій эпиграфъ (съ французскимъ переводомъ):

Dost thou drink tears, that thou provok'st such weeping?
Bois tu des larmes, pour faire ainsi pleurer? (не вполнѣ точный переводъ).
(Shakspeare, Venus and Adonis, stance 156).

т. е. развѣ ты пьешь слезы, что ты вызываешь такой плачъ? Въ переводѣ «Княжна Мери» встрѣчается не мало неточностей; напр. Вѣра вездѣ Wara, причемъ, при первомъ упоминаніи этого имени, любопытная выноска: Wara, Foi; Nadeshda, Espèrance; Lubou, Charité (т. е. Любовь)—des noms de baptême commun en Russie. Узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись (т. I, стр. 320), переведено: et virent que j'étais un officier, elles se détournérent de moi avec dégout, т. е. и увидавъ, что я офицеръ, они отвернулись отъ меня съ отвращеніемъ; гдѣ протекаютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ (т. I, стр. 341),—où des ruisselets coulent à l'ombre de gigantesques géraniums; послѣ вопроса Печорина: любили-ли вы? онъ объясняетъ то, что чувствовалъ отъ перваго прикосновенія руки княжны Мери (т. I, стр. 358), по поводу этого, слѣдующая выноска переводчика: Quelle odieuse philosophie, т. е. что за гнусная философія, а мы прибавимъ, что за цѣломудріе въ журналѣ автора «Антони», и многихъ тому подобныхъ сочиненій. Поговорка: гдѣ намъ дуракамъ

чай пить! передана нельзя сказать остроумно: En quels lieux avons nous gardés les oies ensembles? т. е. въ какихъ мѣстахъ мы вмѣстѣ сторожили гусей?—Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты (т. I, стр. 377),—J'étendis le capitaine par terre d'un vigoureux coup de poing, puis un coup de pied l'envoya dans le fourré devant moi, т. е. я уложилъ капитана на земь здоровымъ ударомъ кулака, потомъ пенькомъ отправилъ его въ кусты, лежащіе передо мной;—Погружаясь въ холодный кипятокъ Нарзана (т. I, стр. 384), переведено: je me plongeais dans une baignoire refroidie de la source chaude de Narsa, т. е. я погрузился въ охлажденную ванну горячаго источника Нарзана, и т. д. и т. д. бездна въ этомъ же родѣ, такъ что А. Дюма не зачѣмъ было особенно хвастать своимъ переводомъ «Героя нашего времени». «Княжна Мери» раздѣлена на 21 главу.

6) Au bord de la Néva, contes Russes traduits par X. Marmier: Un héros de notre temps —Le manteau.—La pharmacienne. Paris, 1856, Michel Lévy frères, въ 8 д. л. стр. 339. На берегу Невы, русскія повѣсти, переведенныя К. Марье; содержаніе: Герой нашего времени, Лермонтова; Шинель, Гоголя; Аптекарша, графа Сологуба. Каждой изъ этихъ повѣстей предпосланъ краткій очеркъ (notice) жизни автора. На четырехъ страницахъ г. Марье сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія о Лермонтовѣ, и взглядъ его на переводимый имъ романъ; для знакомства съ поэзіей Лермонтова, приводитъ переводъ въ стихахъ стихотворенія: Благодарность, (см. главу I); г. Марье переводилъ съ третьяго Глазуновскаго изданія сочиненій Лермонтова 1852 г., т. е. съ пятаго изданія «Героя нашего времени». Пропущены: предисловіе и «Фаталистъ»; изъ предисловія къ журналу Печорина, переведены лишь первый и послѣдній періодъ. Переводъ хорошій и добросовѣстный, особенныхъ промаховъ нѣтъ, встрѣчаются незначительныя неточности, всѣ собственныя имена и названія переданы большею частью совершенно вѣрно, чего мы не находили въ другихъ переводахъ г. Марье и безспорно его переводъ романа «Герой нашего времени» лучшій изъ всѣхъ, но къ сожалѣнію не полонъ. Пѣсня Казбича переведена прозой, а пѣсня: Какъ по вольной волюшкѣ—стихами:

Quand, sur la mer immense,
Sur la mer au flots bleu,
Le navire s'élance,
Solennel et pompeux,

* * *

Je guide ma nacelle,
Ma nacelle sans nom,
Sur la vague eternelle
Avec mon aviron.

Si la tempête gronde,
Les larges bâtiments
Se dispersent sur l'onde
Serrant leur voile aux vents.

* * *

Moi, je dis au tonnerre,
Qui roule au loin sur l'eau:
Malgré toi jusqu'à terre
Voguera mon bateau.

* * *

Il porte sur la plage
Des trésors chaque nuit
Et résiste à l'orage
Quand ma main le conduit.

7) Un duel à mort, Lermentof, Paris 1863, Cournol, въ 16 д. л. стр. 64. Поединокъ на смерть (княжна Мери), Лермонтова и т. д. Переводчикъ или, весьма можетъ быть, такъ называемый переводчикъ, графъ Евгеній де-Лонле, (comte Eugéne de Lonlay). Не указано, что переводъ сдѣланъ съ русскаго языка, и фамилія Лермонтова, на заглавномъ листѣ, напечатана съ ошибкой—Е вмѣсто О—Lermentof; на заглавной страницѣ виньетка, представляющая дуэль, но не въ горахъ, не на площадкѣ скалы и не на пистолетахъ,—а въ лѣсу, дерутся какіе-то два француза безъ верхняго платья на шпагахъ и одинъ изъ нихъ поражаетъ другаго прямо въ сердце, тотъ падаетъ и выпускаетъ шпагу изъ рукъ; секунданты какіе-то два франта; безъ сомнѣнія это картинка со стараго клише. Переводчикъ отъ себя поставилъ эпиграфомъ очень старую истину: Quand deux hommes se battent, presque toujours une femme en est la cause. Max d'Appreval,—т. е. когда двое мущинъ дерутся, почти всегда женщина тому причиной; о самомъ переводѣ можно сказать, что онъ гладенькій, но очень много въ немъ неточностей и мѣстами пропуски, напр., выпущено описаніе личности и характера доктора Вернера (т. I, стр. 327—329). Графъ Евг. де-Лонле издалъ также переводъ повѣсти «Дубровскій», А. С. Пушкина, и въ статьѣ нашей: Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей, мы вывели, что переводъ гр. де-Лонле ничего болѣе, какъ перефразировка перевода г. Шопенъ изъ книги Choix de nouvelles Russes. При началѣ чтенія перевода «Княжны Мери» гр. де-Лонле, складъ рѣчи показался подозрительнымъ, а по сравненіи съ книгою г. Шопенъ, мы вполнѣ убѣдились, что и «Княжна Мери» не переводъ, а перефразировка изъ той же книги г. Шопенъ; съ этою цѣлью, при разборѣ перевода «Героя нашего времени» г. Шопенъ (4) мы привели изъ него, занумеровавъ ихъ, нѣ-

сколько неточностей; приводимъ тѣ же неточности, подъ тѣми же нумерами, изъ книги гр. де-Лонле: 1) Où brillait resplendissante la médaille de l'armée de Georgie (стр. 7), т. е. на которой блистала, лучезарно, медаль грузинской арміи;—та же грузинская армія, но крестъ, замѣненъ медалью; 2) Va passer huit jours a Kislovodsk... Nous te suivront le surlendemain... La princesse ne partira que quelques jours après (стр. 32), т. е. поѣзжай провести восемь дней въ Кисловодскъ... Мы за тобой послѣдуемъ послѣ завтра... Княгиня уѣдетъ лишь нѣсколькими днями послѣ;—та же ошибка, что у Шопенъ; 3) Je racontai en détail mon aventure dramatique avec Blanche, mais en changeant les dates et les noms, (стр. 33) т. е. я разсказалъ подробно мое драматическое происшествіе съ Blanche (Бѣлой), но перемѣнивъ числа и имена; 4) Comme l'observe Pouschekin, il faut bien que les fous prennent le thé quelque part, lui répondis-je (стр. 34);—поговорку гр. де-Лонле написалъ слово въ слово какъ г. Шопенъ, затѣмъ пропускъ изъ подлинника тотъ же, остальное переставлено и нѣсколько измѣнено, для приданія вида самостоятельнаго перевода. Но всего любопытнѣе: г. Шопенъ пишетъ фамилію Пушкина своеобразно: Pouchkin—гр. де-Лонле не нашелъ ничего лучшаго, для отличія, какъ вставить е между ch и к, и вышло совершенно нелѣпо Pouchekin; 5) J'arrivai doucement près de cette demeure et me cachai derrière le volet (стр. 42); здѣсь также, какъ и г. Шопенъ, гр. де-Лонле пропустилъ упомянуть, что Печоринъ слѣзъ съ лошади, затѣмъ онъ измѣнилъ начало фразы, а окошко замѣнилъ ставней; 6) ou l'on aime à lèguer une boucle de cheveux à un ami (стр. 53); тутъ также не переведено именно то, что пропустилъ г. Шопенъ, прибавлены слова: l'on aime и вмѣсто mèche поставлено boucle; 7) et qui semble être a deux cents pieds du sol (стр. 54), точно также какъ у г. Шопенъ, тридцать саженъ, переведены въ футы и именно въ двѣсти футъ; 8) Je m'étais placé au lieu désigné, et j'avais appuyé fortement mon genou contre un quartier de rocher (стр. 56), т. е. я сталъ на указанномъ мѣстѣ, и сильно уперся колѣнкомъ на осколокъ скалы; —г. Шопенъ передалъ совершенную нелѣпость: гдѣ же во время поединка опираться колѣнкомъ о скалу, т. е. скрыть за скалой ноги? гр. де Лонле впалъ въ ту же нелѣпость, и точно также въ № 4, какъ и г. Шопенъ, припуталъ разсказъ о Бэлѣ въ повѣсти «Княжна Мери»,—событіе, которое случилось позже, во время ссылки Печорина въ крѣпость N. Странное стеченіе обстоятельствъ: мы избираемъ восемь промаховъ въ переводѣ г. Шопенъ—и гр. де-Лонле впадаетъ въ тѣ же самыя ошибки; мы выбрали только восемь, самыхъ выдающихся, а ихъ гораздо больше. Выпущенный же періодъ, въ концѣ

повѣсти «Княжны Мери», у г. Шопенъ переведенъ въ книгѣ гр. де-Лонле.

8) Le Figaro, supplément littéraire du Dimanche, Samedi 9 octobre 1880, № 41. Въ этомъ воскресномъ нумерѣ газеты Фигаро помѣщенъ переводъ разсказа «Тамань». Переводъ довольно вѣрный; пѣсня сирены пропущена совсѣмъ, и только упомянуто, что она поетъ. По сравненію съ другими переводами (кромѣ № 1) надо полагать, что это не перепечатка или перефразировка стараго перевода.

В. К. Шульцъ

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

Въ ряду многихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ на страницахъ „Русской Старины“, въ теченіи болѣе тринадцати лѣтъ ея изданія, по отношенію къ жизни и творчеству русскихъ артистовъ и композиторовъ, конечно первое мѣсто занимаетъ весьма обширное собраніе явившихся на ея страницахъ матеріаловъ къ жизнеописанію величайшаго творца русской музыки, Михаила Ивановича Глинки.

Начиная съ 1870-го года, „Русская Старина“, издавши на своихъ страницахъ обширныя, драгоцѣннѣйшія для біографіи М. И. Глинки его собственноручныя записки, ежегодно дополняла ихъ очерками, воспоминаніями, статьями и замѣтками лицъ, близкихъ къ безсмертному композитору, его друзей, его почитателей. Такимъ образомъ, по отношенію къ М. И. Глинкѣ, „Русская Старина“ дала цѣлую библіотеку весьма важныхъ и для его безчисленныхъ почитателей (а таковы всѣ русскіе люди, умѣющіе цѣнить генія) весьма интересныхъ свѣдѣній.

Съ чувствомъ глубокой признательности долгомъ считаемъ повторить сказанное уже не разъ, что главнѣйшею и усерднѣйшею вкладчицею въ это именно собраніе матеріаловъ „Русской Старины“ есть сестра М. И. Глинки— Людмила Ивановна Шестакова.

Неутомимая многолѣтняя, полная энергіи, дѣятельность ея на сохраненіе и воспроизведеніе въ печати—какъ музыкальныхъ произведеній ея великаго брата, такъ и данныхъ для біографіи и оцѣнки его творчества—заслуживаетъ глубокой признательности и уваженія.

Л. И. Шестаковой мы обязаны и сообщаемыми ниже письмами М. И. Глинки. Ред.

I.

М. И. Глинка къ родителямъ.

Помѣщая ниже письмо 18-ти лѣтняго М. И. Глинки къ его родителямъ, свидѣтельствующее о чувствахъ глубокаго къ нимъ уваженія юноши, напомнимъ, что М. Глинка родился 20 мая 1804 г. въ с. Новоспаскомъ, близь города Ельни, Смоленской губ. Въ 1817 г. Глинка былъ помѣщенъ въ благородный пансіонъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ и кончилъ курсъ лѣтомъ 1822 г. Ред.

1822 года, маія 2-го дня.

Дражайшіе Родители! Благодарю васъ за ваше милое письмо отъ 4-го Апрѣля. Деньги за пансіонъ и 200 я получилъ. Реестръ расходовъ я вамъ пришлю съ дядюшкой Аѳанасіемъ Андреовичемъ.

Вы мнѣ пишете чтобы на щетъ круговъ [1]) я посовѣтовался съ хорошимъ докторомъ, я весьма признателенъ вамъ за сіе позволеніе, тѣмъ болѣе что для меня это необходимо. Теперь у насъ прелестное время, оно подѣйствовало ибо съ самой послѣдней недѣли великаго поста я былъ здоровъ. Однако же временемъ круги мои все еще меня безпокоятъ, притомъ же при перемѣнѣ погоды я снова бываю подверженъ опасности быть нездоровымъ.

Вы мнѣ также пишете милые родители! что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы надѣетесь меня видѣть. Ахъ! какъ былъ бы я счастливъ ежели бы это могло случиться! но напрасно я льщу себя сіею сладкою мечтою! Выпускъ судя по всѣмъ вѣроятностямъ будетъ въ Декабрѣ. Послѣ чего мнѣ должно будетъ опредѣлиться въ службу. А тамъ Богъ знаетъ когда я увижу васъ опять, неоцѣненные родители!

Конечно долгъ мой повиноваться вамъ во всемъ безусловно, и кто бы сего не сдѣлалъ имѣя такихъ родителей! Ваше желаніе прошедшаго, милаго прошедшаго лѣта было чтобы я не пріѣзжалъ въ деревню лѣтомъ ежели выпускъ будетъ въ Декабрѣ...... Но такъ какъ вы мнѣ сами позволили во всѣхъ малѣйшихъ намѣреніяхъ относиться къ вамъ и совѣтоваться съ вами какъ съ друзьями, то позвольте мнѣ на сей разъ воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ. И такъ милые родители! я васъ прошу ежели только возможно видѣть васъ это лѣто. Вы сами говорите что мнѣ не должно запускать круговъ; гдѣ же лучше можно ихъ вылѣчить какъ не въ деревнѣ? Воздухъ, пища, свобода и болѣе всего радость быть вмѣстѣ съ милыми сердцу, имѣютъ большее вліяніе на здоровье наше нежели самыя драгоцѣннѣйшія микстуры. Вы желаете чтобы я не сдѣлалъ никакихъ упу-

[1]) Золотушная сыпь или лишаи.

щеній на щетъ наукъ и я вамъ даю слово что проведу время съ пользою. Прошедшее лѣто, конечно, не можетъ за меня поручиться— но милые родители человѣку свойственно ошибаться и сіи ошибки бываютъ извинительны ежели онъ обращая на нихъ вниманіе и разсуждая о послѣдствіяхъ ихъ, пользуется ими чтобы быть впредь благоразумнѣе. Въ пансіонѣ же ученье довольно плохо, и отсрочка на каникулярное время и положимъ нѣсколько болѣе не сдѣлаетъ ни малѣйшаго упущенія. Я не осмѣливаюсь порицать то заведеніе въ которомъ по волѣ вашей милые родители я пріобрѣлъ тѣ малыя свѣденія, кои могутъ проводить мнѣ путь къ большимъ познаніямъ; однако же говоря правду должно признаться, что теперь ученье у насъ въ совершенномъ упадкѣ. Сверхъ всего мнѣ очень нужно говорить съ вами на щетъ службы, это не можетъ имѣть посредника. Я уже просилъ взять на себя трудъ Аѳанасія Андреевича, поговорить съ вами объ этомъ, однако же все самому лучше. Что касается до писемъ то вы знаете, можно ли точно написать все то что чувствуешь! это не возможно! Самые величайшіе писатели, проведя всю жизнь въ чрезвычайныхъ трудахъ не могутъ сказать, что они довольны своими твореніями — и мнѣ ли за ними гнаться! Кашталинскіе же при всей своей ко мнѣ привязанности въ этомъ отношеніи очень мало или лучше сказать ничего не могутъ для меня сдѣлать. И такъ дражайшіе родители, мнѣ непремѣнно должно видѣть васъ въ Іюлѣ. Не откажите мнѣ въ этомъ прошу васъ!

Всѣ наши какъ то Линдквисты, Ивановскій слава Богу здоровы и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Я также прошу васъ всѣмъ отъ меня поклонъ и почтеніе засвидѣтельствовать. Карлъ Ѳедоровичъ конечно извинитъ меня что я ему не отвѣчаю на сей почтѣ, но я сіе вознагражу въ скоромъ времени. Цѣлую ваши ручки и остаюсь покорнымъ и послушнымъ сыномъ Михайла Глинка.

NB. Permettez moi de venir cette été?

II.

М. И. Глинка къ А. Н. Сѣрову [1]).

Парижъ, 3-го сентября (21-го августа) 1852 года.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ! Посланную вамъ книгу: Генералъ-басъ Дена (на нѣмецкомъ діалектѣ), Вы вѣроятно уже получили. Авторъ желалъ бы чтобы эта книга была переведена, хотя бы съ выпускомъ приложеній и объясненій напеча-

---

[1]) Письмо это и слѣдующія сообщены мнѣ вдовою покойнаго А. Н. Сѣрова. Л. Ш.

танныхъ курсивомъ; соглашается также на переводъ написанныхъ имъ для меня тетрадокъ, но, какъ я замѣтилъ, не совсѣмъ охотно.

Вы вѣроятно спросите отъ чего я въ Парижѣ, а не въ Испаніи? Въ концѣ Іюня я собрался въ путь отсюда, видѣлъ средиземное и Пиренеи—но хворалъ во время пути столь часто что мною овладѣлъ сплинъ и ностальгія по своихъ—повернулъ оглобли, и не раскаиваюсь до сихъ поръ. Въ моемъ возрастѣ,—жить въ Парижѣ безспорно удовлетворительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, въ умственномъ въ особенности, нежели въ веселой Испаніи. Славный городъ—хорошій городъ мѣстечко Парижъ. Сообщу главнѣйшее—Лувръ чудо comme toiles et marbres. Изъ первыхъ 3 Веронеза непостижимой красоты—Les noces de Cana по моему перлъ музеума—картина едва ли не большаго размѣра чѣмъ Помпея и змій, которыя обѣ ею уничтожены въ прахъ. Еще съ Берлина я подружился съ Corregio—тамъ, Юпитеръ и Іо просто невыносимо граціозны,—здѣсь онъ же громовержецъ въ образѣ Сатира предъ спящей Антїопой—чудо! Рафаелей, Тиціановъ, Пусиней и проч. однимъ словомъ лучшихъ художниковъ всѣхъ школъ превосходнѣйшіе экземпляры. Можно не выходя изъ Галлереи изучить исторію живописи. Изъ статуй: Venus de Milot и Polymnie, Le tibre весьма примѣчательны. Позабылъ о Conception Мурильо—я очень радъ что Бруни не купилъ ее. Картина большая, но измятая (fatigué) написано въ родѣ рисунковъ на Севрскомъ фарфорѣ. Восторгъ мадонны въ родѣ гримасы après une bonne prise de tabac.

Въ Берлинѣ 2 Тиціана жестокихъ: портретъ его самого въ преклонныхъ лѣтахъ и его дочери Лавиніи во всей роскоши юности—удивительнѣйшіе.

Въ Jardin des Plantes, какъ и Берлинѣ, улучшена участь затворниковъ - кромѣ хищныхъ звѣрей, кои какъ въ Берлинѣ такъ и здѣсь въ томъ же тѣсномъ заключеніи какъ и были прежде. Здѣсь понравились мнѣ Goura—они болѣе нашей дворовой курицы. Самка сидитъ на яицахъ.

Въ Елисеискихъ поляхъ два звѣринца гдѣ необыкновенной красоты экземпляры хищныхъ звѣрей съ которыми нѣкоторые возятся какъ съ кошками. Въ одномъ изъ нихъ какъ и въ Jardin des plantes Риноверогъ удивительнѣйшій.

Музеумы, библіотеки, курсы всѣхъ наукъ—все даромъ. Древностей историческихъ не изучить и въ годъ. Театры не посѣщаю—въ нихъ теперь душно — былъ всего 2 раза, танцовала Испаночка Pepita Oliva весьма мило. Не рѣдко бываемъ на bals champetres въ самомъ Парижѣ, въ садахъ подъ открытымъ небомъ—трафлеюты ми-

ленькія лоретки и канканирують не совсѣмъ дурно. Красавицъ мало, но множество интересныхъ физіономій—а щебечутъ такъ заманчиво что самъ себя не помнишь. Оркестры бальной музыки примѣчательно хороши: Cornet à pistons и мѣдные играютъ большую роль но это кстати—всѣмъ слышно. Теперь всѣ въ разгонѣ c'est la saison de la migration—слѣдовательно музыки нѣтъ—зимой обѣщаютъ отличный квартетъ а посольство требуютъ чтобы еще послушалъ исполненіе въ Conservatoire въ убѣжденіи, что перемѣню о немъ свое мнѣніе.

Старыхъ пріятелей и однокашниковъ находится здѣсь нѣсколько, но теперь всѣ за городомъ или въ путешествіи; я же предпочитаю городъ. Желѣзныя дороги и дилижансы (эти орудія пытки) до того меня измучили что о моемъ путешествіи отъ Варшавы до Парижа и отъ Парижа до Тулузы и обратно во мнѣ осталось какое то тяжкосмутное воспоминаніе за исключеніемъ плаванія по Рейну отъ Кельна до Страсбурга (300 верстъ), отъ Шалона до Ліона по Сонѣ (Saone) и отъ Ліона до Авиньона (около 250 верстъ).

Я объѣхалъ почти всю Францію за исключеніемъ приморскихъ мѣстъ и мое мнѣніе, что въ отношеніи живописномъ Франція не можетъ состязаться съ сосѣдками Испаніей и Италіей. За то города удивительны, историческихъ монументовъ не перечесть. По моему однако же лучше всего Парижъ съ своими пріятными окрестностями.

Педруша нашелъ квартиру со всѣмъ нужнымъ и дешево—въ бельэтажѣ и въ центрѣ, именно à coté du grand opéra—rue Rossini! Завелись кухаркой — онъ же Педро ходитъ ежедневно на рынокъ и устроилъ кухню превосходно. Мы даже роскошествуемъ до такой степени, что по капризу обѣдаемъ то на Испанскій, то на французскій, польскій, Русскій ладъ и пр. асъ!

Ежели вздумаете писать, мой адресъ: M-r Michel Glinka à Paris poste restante.

Что у насъноваго? Что подѣлываете? Что музы? Что наши милые дилетантки, Тиціаны и пр.: потрудитесь сообщить.

Вашему милому семейству прошу искреннѣйше отъ меня поклониться.

Братіи скажите, что имъ бью челомъ, помню и ввѣкъ не забуду ихъ отраднаго, дружескаго общества во время моихъ тяжкихъ скорбей.

Василію Павловичу потрудитесь сообщить, что его прошу не сѣтовать что не пишу къ нему, онъ мнѣ обстоятельнаго не объяснилъ адреса—не знаю какъ писать въ графской, на дачу или на пустынные неизвѣстные мнѣ берега Финскаго залива.

Мемелю, Шуберту, Луфту и пр. мой дружескій поклонъ. Пожелавъ

вамъ всего лучшаго въ мірѣ остаюсь искренно любящій и уважающій васъ Михаилъ Глинка.

NB. Вчера принесли мнѣ десть бумаги длин. болѣе, шириной нѣсколько менѣе аршина. 16 строкъ зело широкихъ. Этимъ же перомъ завтра принимаюсь за Симфонію.

III.

4-го октября 1855 года, вторникъ

Любезнѣйшій баринъ Александръ Николаевичъ! Я и сестра очень безпокойны на вашъ щетъ; все это время мы ожидали васъ но тщетно. Сегодня ожидаю другой рояль, а главное желаемъ порѣшить объ оперѣ Жизнь за Царя, чтобы и работы ваши и переписка шли независимо другъ отъ друга.

Сдѣлайте одолженіе навѣстите насъ хотя на минуту сегодня, чѣмъ несказанно обяжете искренно любящаго и уважающаго васъ М. Глинка.

Надпись: Его Высокоблагородію Александру Николаевичу Сѣрову, отъ Глинки.

IV.

1855 года, суббота.

Любезнѣйшій баринъ, Александръ Николаевичъ! Я вчера былъ на островахъ, возвратился поздно и радъ бы видѣть васъ—есть многое интересное для васъ. Потрудитесь доставить мнѣ Barbier de Seville—онъ мнѣ очень нуженъ. Весь вашъ М. Глинка.

В. Петровъ провелъ вчера большую часть дня со мною.

V.

Н. Булгановъ—М. И. Глинкѣ.

4-го іюля, 1855 г. Москва.

Благодарю тебя премного любезный другъ Михаилъ Ивановичъ за милое письмо и отличную музыку—сирѣчь молитву съ хоромъ—мы её поразсмотрѣли съ Штуцманомъ и онъ въ восхищеніи; я уже не говорю о себѣ, ибо я такъ пропитанъ твоей музыкой, что желалъ бы даже когда нибудь найти что нибудь не хорошее—это мнѣ напоминаетъ два года случившійся со мной подобный сему случай.—У меня была борзая собака извѣстная всему охотничьему міру подъ названіемъ Флой, съ которой я обтравливалъ все и всѣхъ; всѣ эти совершенства довели меня до того, что травя въ степи русака я все ждалъ что онъ уйдетъ и даже желалъ этого, но не тутъ то было,—русакъ оканчивалъ всю свою прыткость и скачку иногда двухъверстную въ щипцѣ Флой.—

Но возвратимся къ музыкѣ—стану отвѣчать пунктуально:—концертъ Штуцмана будетъ вѣроятно въ началѣ поста. 2-е средства у него всѣ какія только можно имѣть въ Москвѣ т. е. до 200 музыкантовъ обоихъ театровъ и еще военный; хоры театральные тоже подъ его рукой. 3-е Цѣль концерта главная, есть разумѣется барышъ и второстепенная есть непремѣнно угодить настоящимъ охотникамъ и знатокамъ выборомъ пьесъ болѣе серьозныхъ—вотъ и все. Теперь обратимся къ Леоновой: Ты можешь быть увѣренъ что для нее будетъ сдѣлано все, что она только пожелаетъ, даже не смотря на то, что Верстовскій не любитъ всего того что происходитъ отъ тебя, ибо всѣ его Аскольдовы могилы—Чортовы долины—Тоски по Оперѣ—все это жиденько, сильно противъ гармоніи находящейся въ твоей музыкѣ. Не смотря на его недоброжелательство (ежели оно будетъ) мы сварганимъ ей концертъ, — а Штуцманъ къ твоимъ услугамъ. Вышереченный Верстовскій на меня сердитъ за то, что я всегда ошибаюсь говоря про его новую оперу, которая слава Богу еще не вышла да может статься и не выйдетъ, это Громобой и я говоря съ нимъ объ оной называю ее черезъ разъ, то Звѣробой, то Геморой.— Надобно видѣть какъ Штуцманъ боится когда что нибудь скажутъ про его начальника—послѣдній разъ онъ схватилъ шляпу и удралъ домой—я ему приготовилъ слѣдующее блюдо: у меня есть мальчикъ подающій хлѣбъ къ водкѣ и трубки—котораго называютъ Турка (ужъ я не знаю почему) котораго я подучилъ отвѣчать когда спросятъ: Что Верстовскій?—онъ во все горло отвѣчаетъ—с...нъ сынъ.

Въ четвергъ утромъ будетъ у меня Петрова Анфиза, контральтъ, я хочу заставить ее попѣть Жизнь за Царя, изъ которой давно уже ничего не слыхалъ

Мих. Юрьев. Вьельгорскій жалокъ—совсѣмъ почти глухъ и у него выросли какія то жабры—былъ у меня какъ то утромъ—сѣлъ за органъ—да плохо и на музыкѣ его тоже поросли жабры.

Скука смертная, не знаешь что дѣлать,—ноги не гуляютъ, глаза не смотрятъ и остается одно—слушать музыку и гулять сидя. Обнимаю тебя отъ души. Да сохранитъ тебя Господь Богъ въ своей святой и достойной гвардіи, (съ французскаго). К. Булгаковъ.

Сообщ. 11-го окт. 1882 г. **Л. И. Шестакова,**
рожденная Глинка.

О ПАМЯТНИКѢ М. И. ГЛИНКѢ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

13-го мая 1870 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи подписки въ Россіи на сооруженіе памятника геніальному русскому композитору М. И. Глинкѣ въ городѣ Смоленскѣ и на учрежденіе конкурса для составленія модели памятника.

Тринадцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ; поднялось и четвертое поколѣніе въ ряду тѣхъ русскихъ людей, которые восторгаются болѣе полувѣка безсмертными произведеніями Глинки, и

только въ 1882 году русское общество свѣдало, что подписка подвинулась достаточно и что мѣсто родины творца „Жизни за Царя“ и „Руслана и Людмилы“ украсится, въ близкомъ будущемъ, памятникомъ.

Но если Смоленскъ воздвигаетъ памятникъ создателю русской оперы, то тѣмъ болѣе не довлѣетъ ли столицѣ русскаго царства воздать дань уваженія М. И. Глинкѣ—памятникомъ, вполнѣ его достойнымъ?

М. И. Глинка воспитался въ Петербургѣ; здѣсь получилъ онъ свое первое музыкальное образованіе; въ Петербургѣ впервые явились его оперы; отсюда разсѣялось по лицу земли русской множество болѣе мелкихъ, но вполнѣ драгоцѣнныхъ перловъ музыкальной творческой фантазіи М. И. Глинки; здѣсь, въ Петербургѣ, лучшіе пѣвцы и пѣвицы услаждали и услаждаютъ слухъ сотенъ тысячъ людей нѣсколькихъ уже поколѣній.

Намъ кажется, если бы во главѣ движенія общества на дѣло сооруженія памятника М. И. Глинкѣ въ С.-Петербургѣ сталъ геніальный исполнитель и даровитый маэстро Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, столь безпредѣльно чтимый всѣми любителями музыки, то дѣло и двинулось бы, и приведено бы было къ совершенію въ весьма близкомъ времени. Можно надѣяться, что къ этому движенію примкнуло бы все общество Петербургское.

Ред.

ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЗАРИНЪ.

† 1854 г.

Въ майской книгѣ «Русской Старины» за 1882-й годъ, декабристъ г. Фроловъ, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «М. А. Бестужевъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ о доносѣ губернатора Пятницкаго на Н. Н. Муравьева-Амурскаго, по случаю дружескихъ его отношеній къ декабристамъ. Пятницкій думалъ ему мстить за то, что Н. Н., по весьма уважительнымъ причинамъ, удалилъ его отъ управленія губерніей, чему подвергся также и Зоринъ (читай Заринъ), котораго для пользы службы не пощадилъ, хотя послѣдній былъ ему товарищемъ по Пажескому Корпусу». Тутъ о Заринѣ сказано всего нѣсколько словъ, но слова эти таковы, что даютъ о немъ совершенно превратное понятіе и всякому, хоть сколько нибудь знакомому съ Сибирью того времени, покажется страннымъ видѣть имя Зарина поставленнымъ на ряду, и такъ сказать въ одинакихъ условіяхъ съ именемъ Пятницкаго, получившаго въ Сибири довольно громкую и печальную извѣстность.

Я прослужилъ въ Восточной Сибири пять лѣтъ, занимая должности: члена Совѣта главнаго управленія, предсѣдателя Иркутскаго губернскаго правленія и иркутскаго губернатора, а впослѣдствіи я былъ преемникомъ Зарина по должности курскаго губернатора. Сверхъ того я лично и близко зналъ Зарина. Все это даетъ мнѣ нѣкоторое право разъяснить недоразумѣніе, которое, вѣроятно, произошло просто отъ недосмотра почтеннаго автора «Воспоминаній», потому что во всемъ другомъ, по моему мнѣнію, «Воспоминанія» г. Фролова отличаются правдивостію.

Заринъ не былъ товарищемъ Николая Николаевича Муравьева по Пажескому корпусу, потому что не воспитывался въ немъ; сблизились же они на Кавказѣ, гдѣ оба состояли при генералѣ Головинѣ и, до самой смерти Зарина, оставались въ самыхъ тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Муравьевъ засталъ въ Сибири такой хаосъ и такія вопіющія злоупотребленія, о которыхъ въ настоящее время трудно даже составить себѣ понятіе. Первымъ долгомъ его было удалить иркутскаго губернатора Пятницкаго, какъ самаго выдающагося представителя тогдашнихъ сибирскихъ порядковъ, и ходатайствовать о назначеніи на его мѣсто Зарина. Въ борьбѣ съ укоренившимся взяточничествомъ, чуть ни грабежомъ, даже Муравьевъ ничего бы не сдѣлалъ одинъ, безъ энергическихъ, умныхъ и честныхъ помощниковъ, а таковымъ именно былъ Заринъ. До чего доходило казнокрадство—покажетъ слѣдующій

примѣръ: до Муравьева пудъ муки покупался въ казну по 2 руб. 50 коп. ассигнаціями, а въ мое управленіе губерніей по 22 коп. серебромъ, хотя базарныя цѣны были выше прежнихъ, и на такую ногу дѣло было поставлено Заринымъ. Если взять въ расчетъ, что годовая поставка по иркутской губерніи была милліонъ [1]) пудъ, то выходитъ, что казна сохранила до полумилліона въ годъ, и это только по одному предмету. Спрашиваю: какая же «польза службы» могла бы оправдать «удаленіе» Зарина? Могутъ сказать, что не о единомъ «хлѣбѣ» бываетъ живъ человѣкъ. На это я отвѣчу, что первые годы генералъ-губернаторства Муравьева, все вниманіе высшей администраціи было обращено на искорененіе сказанныхъ злоупотребленій, а если и были вопросы, такъ сказать, политическаго свойства, въ которыхъ могли не сходиться высшія власти, то они относились до Камчатки и Амура, до которыхъ Зарину, какъ иркутскому губернатору, не было никакого дѣла.

И такъ не «для пользы службы былъ удаленъ» Заринъ, а уѣхалъ изъ Сибири потому, что почувствовалъ возвращеніе признаковъ той болѣзни, которая и прежде заставила его оставить Кавказъ и промѣнять военную службу на гражданскую. Ему нуженъ былъ болѣе мягкій климатъ и возможность имѣть хорошихъ докторовъ,—вотъ почему онъ просилъ о перемѣщеніи его въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи и, съ помощью самаго Муравьева, былъ назначенъ губернаторомъ во Владимірѣ. На новое мѣсто своего назначенія Заринъ пріѣхалъ въ такомъ состояніи, что не рѣшился принять должность и проѣхалъ прямо въ Москву. Послѣ полутора годичнаго леченія, онъ, повидимому, совсѣмъ выздоровѣлъ и въ концѣ 1853 года былъ назначенъ губернаторомъ въ Курскъ, но здѣсь болѣзнь возобновилась съ новой силой, и онъ умеръ въ сентябрѣ 1854 года.

Въ 1863 году, ровно черезъ 9 лѣтъ послѣ смерти Зарина, я пріѣхалъ въ Курскъ губернаторомъ. Помню, что въ это время еще живо сохранялась о немъ память какъ объ отличномъ губернаторѣ. Это былъ человѣкъ серьёзный, даже суровый, и ужъ вовсе не принадлежалъ къ числу «пріятныхъ» губернаторовъ, какихъ особенно любитъ наша провинція, и тѣмъ не менѣе о немъ еще сохранилась черезъ 9 лѣтъ добрая память.

П. А. Извольскій.

1882 г.
Декабря 30 дня.

---

[1]) 800 т. пудъ для Александровскаго винокуреннаго завода и 200 т. для военнаго вѣдомства, но на то и другое торги производились въ гражданскомъ.
П. И.

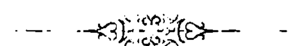
ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

КАКЪ ГРАВЕРЪ НА МѢДИ.

ПИСЬМА ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАВЕРУ УТКИНУ

1820—1836 гг.

ОТТИСКИ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ СТАРИНА", изд. 1883 г. кн. II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, д. № 1.
1883.

Изъ журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1883 г. кн. II-я.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАВЕРУ НИК. ИВ. УТКИНУ.

1820—1836 гг.

Подлинныя сохранились въ бумагахъ П. А. Плетнева. Къ объясненію сношеній Жуковскаго съ Уткинымъ могутъ служить слѣдующія строки изъ одного письма поэта къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ, писаннаго въ началѣ 1823 года, по возвращеніи его изъ заграницы: «Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ: я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ также au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искуствѣ, посылаю мои гравюры Павловскихъ видовъ. Также будутъ сдѣланы и Швейцарскіе; только при нихъ будетъ описаніе». («О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго», соч. П. А. Плетнева, стр. 59). Извѣстно, что Жуковскій дѣйствительно издалъ потомъ виды Павловска. Я. Г.

I.

28-го сентября 1820 года.

Любезнѣйшій Николай Ивановичь, я далъ Проташинскому [1]) двое панталонъ, одни лѣтнія, другія зимнія и синій жилетъ суконный и два шелковыхъ платка. Прикажите ему перешить панталоны; а что на это употребите, разумѣется будетъ мною заплачено. Да еще я велѣлъ ему купить лѣтнюю куртку, жилетъ и сапоги. Прошу васъ позаботиться, чтобы это у него было цѣло, то есть иногда спрашивать у него отчета. Вамъ преданный Жуковскій.

II.

(1822).

Мое гравированіе идетъ порядочно, любезнѣйшій Николай Ивановичь. Скоро доставлю вамъ на травлю множество моего рукодѣлья, а васъ покорнѣйше прошу приготовить мнѣ остальныя доски, то есть загрунтовать, дабы по полученіи моего ящика, взять изъ него готовыя и на мѣсто ихъ положить новыя. Всего на все надобно новыхъ восемь. Прошу васъ меня этимъ одолжить. Надеюсь самъ скоро васъ увидѣть и обнять. Вамъ преданный Жуковскій.

---

[1]) Воспитанникъ Академіи Художествъ, питомецъ В. А. Жуковскаго И. Проташинскій. Я. Г.

III.

Вторникъ [1]. С. Село.

Я буду въ Петербургѣ въ четвергъ по утру и привезу къ вамъ мою огромную доску почтеннѣйшій Николай Ивановичь. Прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе и подождать меня. Тотчасъ изъ дилижанса къ вамъ, слѣдовательно поздно, поздно буду у васъ въ два часа. Вы меня очень бы обязали, есть ли бы къ пріѣзду моему приготовили то есть приказали нагрунтовать доску ровно въ половину менѣе тѣхъ, которыхъ я просилъ сдѣлать васъ три экземпляра: то есть вмѣсто 8 осьмушекъ только 4; она мнѣ нужна тотчасъ: нельзя ли одолжить. А для чего нужна объявлю изустно. И такъ простите до двухъ часовъ по полудни въ четвергъ. Вамъ сердечно преданный Жуковскій.

IV.

Вотъ вашъ обѣщанный экземпляръ, почтеннѣйшій Николай Ивановичь, прошу принять милостиво. А мнѣ пришлите оттиски и доску.

Преданный вамъ Жуковскій.

V.

(1823 ?).

Прошу васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичь, приказать оттиснуть для меня экземпляровъ пять моихъ Швейцарскихъ видовъ; такъ же еще экземпляровъ десять картъ на посылаемой при семъ бумагѣ. Да напишите мнѣ какъ фамилія того офицера, съ которымъ вы ко мнѣ приходили и который весьма мнѣ приглянулся.

Обнимаю васъ. Преданный вамъ Жуковскій.

VI.

Посылаю вамъ двѣ доски моего стряпанья, любезнѣйшій Николай Ивановичь. Вы меня чувствительнѣйше обяжете, естьли поскорѣе съ ними сдѣлаете то что слѣдуетъ. Первое, натурально, вытравить,—потомъ карты прикажите оттиснуть экземпляровъ пятьдесятъ на хорошей толстой веленевой бумагѣ клееной, а линеванную доску экземпляровъ триста на хорошей же клееной голландской толстой или на лучшей веленевой Петергофской и не черными чернилами, а блѣднымъ бистромъ. Все это прошу васъ, хорошенько уложивши, доставить въ Аничковскій дворецъ швейцару для пересылки ко мнѣ.

Обнимаю васъ и желаю вамъ здоровья. Вамъ преданный Жуковскій.

---

[1]) Судя по счету, писанному полустертымъ карандашемъ на оборотѣ этого письма рукою Уткина, оно относится къ 1823 году. Я. Г.

VII.

Дерптъ. Іюля 18-го, 1836 г.

Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, почтеннѣйшій Николай Ивановичь. Послѣ сего письма черезъ десять дней самъ явлюсь въ Петербургъ. А между тѣмъ желалъ бы чтобы вы здѣлали мнѣ милость приказали по приложенной мѣркѣ приготовить четыре мѣдныхъ доски съ ящикомъ такимъ же какой вы мнѣ прежде дѣлали, въ которомъ доски входили въ пазы и могли быть пересылаемы. Меня опять дернуло сдѣлать нѣсколько контуровъ, которыя бы хотѣлось выгравировать. Прошу васъ быть мнѣ помощникомъ. Эту работу хотѣлъ бы я исполнить въ пребываніе мое въ Царскомъ Селѣ, гдѣ буду имѣть свободное время. Прошу при доскахъ снабдить меня и иголками всякой величины и вощаною бумагою величины достокъ и проч. и проч. Извините, что обременяю васъ сими хлопотами, вы всегда были до меня милостивы.—Обнимаю васъ. Преданный вамъ Жуковскій.

VIII.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичь 450 (руб.), изъ коихъ прошу васъ покорнѣйше уплатить что слѣдуетъ по приложенному счету г. Владимірову, а остальное по Вашему. Всего на все кажется 486 руб.; и такъ я останусь у васъ въ долгу на 36 рублей. Прошу васъ всему сдѣлать общій счетъ и подписать, что онъ уплаченъ, ибо деньги теперь посылаю вамъ свои, а надобно будетъ получить ихъ отъ великой княгини.—Прилагаю нѣсколько изъ оттисковъ; тѣ доски на которыхъ выгравированы эти карты прикажите вышлифовать и покрыть грунтомъ, и нельзя-ли хорошенько обвернувъ ко мнѣ доставить или нѣтъ лучше оставте у себя до моего пріѣзда, только вышлифовать и нагрунтовать. Я буду у васъ недѣли чрезъ полторы. Вамъ преданный Жуковскій.

Прошу васъ не замедлить доставленіемъ счета и росписки, черезъ швейцара Аничковскаго дворца.

Сообщ. Я. К. Гротъ.

Примѣчанія: Адресъ на письмахъ: «Его высокоблагородію Николаю Ивановичу Уткину въ Академію Художествъ».

Годъ надъ записочкой № II выставленъ по водяному клейму бумаги, на которой она написана. Впрочемъ за порядокъ, въ которомъ здѣсь расположены письма, ручаться нельзя. Я. Г.

Напечатанныя выше записочки Василія Андреевича Жуковскаго, какъ бы онѣ ни были блѣдны по содержанію, интересны уже потому, что свидѣтельствуютъ о томъ живомъ интересѣ, съ каковымъ славный поэтъ нашъ относился къ одному изъ труднѣйшихъ въ области художествъ, искусству, именно къ гравированію на мѣди. Онъ трудился для него непосредственно и, притомъ, весьма и весьма недурно.

Въ нашей библіотекѣ есть альбомъ изъ шести видовъ Павловска, срисованныхъ съ натуры В. Ж. (Вас. Андр. Жуковскимъ), имъ же и Кларою награвированныхъ въ Дерптѣ. Спб., 1824 г. въ 8 д.

Весьма милыми гравюрками В. А. Жуковскаго украшена, нынѣ довольно рѣдкая, брошюрка: «Путеводитель по саду и городу Павловску», составленный Н. Шторхомъ. Изд. Спб. 1843 г. въ 16 д. л.

Ему-же, Жуковскому, принадлежатъ восемь небольшихъ гравюръ видовъ Царскаго Села и до 23-хъ (на 8 листахъ) видовъ Швейцаріи. Тѣ и другія были выставлены 30-го января 1883 г. на актѣ въ Академіи Наукъ, во время празднованія юбилея въ честь нашего поэта-гравера и рисовальщика.

Едва-ли надо отмѣчать, что и въ приведенныхъ записочкахъ къ Ник. Ив. Уткину не могло не выразиться, какъ и всюду, и всегда прекраснодушіе Жуковскаго: изъ восьми записочекъ,—одна свидѣтельствуетъ объ участіи, какое онъ принималъ въ бѣднякѣ-ученикѣ. Гдѣ В. А. Жуковскій—тамъ добро, тамъ участіе къ ближнему.

Ред.

С.-Петербургская Городская Дума въ вопросѣ о чествованіи памяти В. А. Жуковскаго по поводу столѣтней годовщины дня его рожденія.

ЗАСѢДАНІЕ 21-го ЯНВАРЯ 1883 г.

Въ общемъ собраніи С.-Петербургской Городской Думы—21-го января 1883 г.—внесено и выслушано было слѣдующее:

Предложеніе 29-ти гласныхъ Петербургской Городской Думы, отъ 19 января 1883 г.

„29 и 30 января въ Петербургѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, имѣетъ быть торжественное чествованіе столѣтней годовщины дня рожденія поэта Василія Андреевича Жуковскаго. Предполагается:

29-го января—въ Александро-Невской лаврѣ панихида, въ сослуженіи митрополитовъ, и въ тотъ же день актъ въ залѣ Академіи Наукъ, рѣчь академика Я. К. Грота и другія рѣчи и стихи въ честь Жуковскаго,

и 30-го января, въ воскресенье, въ Большомъ театрѣ—торжественный вечерній спектакль-концертъ изъ пьесъ Жуковскаго.

Въ виду столь торжественнаго празднованія столѣтней годовщины дня рожденія одного изъ славнѣйшихъ отечественныхъ писателей и поэтовъ, память о которомъ соединяется, въ признательномъ воспоминаніи каждаго русскаго, съ тѣмъ, что Жуковскій былъ главный наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II Освободителя, нижеподписавшіеся Гласные представляютъ на благоусмотрѣніе С.-Петербургской Городской Думы слѣдующее предложеніе:

I. Просить г. Городского Голову и нѣсколькихъ депутатовъ, по

избранію Думы, явиться, въ качествѣ представителей отъ общественнаго управленія столицы, на богослуженіе, на актъ и въ торжественный спектакль въ память В. А. Жуковскаго, и

II. Подобно тому, какъ сдѣлано было въ память поэта А. С. Пушкина, открыть къ предстоящему учебному году два новыя городскія училища имени Василія Андреевича Жуковскаго.

Да служатъ эти два новые разсадника образованія для нашихъ согражданъ вѣковѣчнымъ выраженіемъ чувствъ признательности и уваженія населенія Петербурга къ памяти главнаго наставника незабвеннаго Государя Александра Николаевича, талантливаго поэта и писателя, и наидостойнѣйшаго гражданина".

Подлинное предложеніе подписали двадцать девять гласныхъ.

Гласный М. И. Семевскій, въ развитіе настоящаго предложенія, сказалъ слѣдующее:

„Присоединивъ свою подпись къ подписямъ моихъ сочленовъ по Думѣ относительно участія общественнаго управленія столицы въ чествованіи столѣтней годовщины дня рожденія В. А. Жуковскаго, въ нѣсколькихъ словахъ напомню о великихъ заслугахъ этого человѣка для всего русскаго народа въ его настоящихъ и будущихъ судьбахъ. Въ Жуковскомъ мы чтимъ,—и память его будетъ священна для грядущихъ потомковъ, — прежде всего главнаго наставника Императора Александра II Освободителя. Этому просвѣщенному, въ высшей степени „прекраснодушевному" руководителю, Россія обязана тѣмъ, что въ сердцѣ державнаго Отрока, съ самаго нѣжнаго возраста, были насаждены тѣ добрыя чувства, которыя принесли столь безцѣнные дары для всего дорогого нашего отечества.

Какъ поэтъ и писатель, Василій Андреевичъ Жуковскій стоитъ высоко въ отечественной словесности,—это вѣдомо всѣмъ и каждому въ извѣстномъ смыслѣ грамотному русскому. Нашъ великій поэтъ Пушкинъ, въ самый разцвѣтъ своего генія, такъ охарактеризовалъ музу своего предмѣстника Жуковскаго:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Это извѣстно всѣмъ намъ, но вотъ что, быть можетъ, не всѣмъ здѣсь присутствующимъ вѣдомо: Жуковскій, какъ гражданинъ, какъ радѣтель и заботливый другъ отечественныхъ талантовъ, стоитъ вполнѣ на идеальной высотѣ. Наилучшіе представители отечественной словесности, ея гордость, геніи русскаго народа, каковы: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, народный пѣвецъ Кольцовъ и другіе талантливые писатели русскіе, въ Жуковскомъ видѣли наинѣжнѣйшаго, самаго заботливаго друга, защитника въ минуты тяжкихъ невзгодъ, а эти минуты, увы, выпадали для нихъ не рѣдко, и безъ дружеской руки Жуковскаго, безъ его защиты— кто знаетъ — не были ли бы сломлены эти таланты житейскими невзгодами, на нихъ выпадавшими!

Такую же охрану находили въ Жуковскомъ лучшіе представители современныхъ ему русскихъ художниковъ. Въ ряду ихъ довольно напомнить, что свобода изъ крѣпостныхъ узъ художнику и поэту Тарасу Шевченко была куплена по призыву В. А. Жуковскаго къ обществу, устроившему розыгрышъ въ лотерею одного изъ художественныхъ произведеній Шевченки.

Наконецъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ журналовъ нашихъ, съ самаго перваго года своего возникновенія (1839 г.)—я говорю объ „Отечественныхъ Запискахъ",—соединявшій на своихъ страницахъ лучшее, что производили русскіе таланты въ области словесности, науки и критики, находилъ въ Жуковскомъ постояннаго своего оберегателя также отъ тяжкихъ невзгодъ, на долю журнала выпадавшихъ. Достоуважаемому издателю-редактору этого журнала, А. А. Краевскому, котораго мы имѣемъ удовольствіе видѣть здѣсь въ званіи Гласнаго Думы, конечно, хорошо памятно отношеніе Жуковскаго къ „Отечественнымъ Запискамъ" и къ блестящимъ талантамъ тогдашней семьи русскихъ писателей, каковы были: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Шевченко и другіе.

И такъ, Гласные, вносящіе настоящее заявленіе на благоусмотрѣніе Думы, приглашаютъ своихъ почтенныхъ сочленовъ принять участіе въ чествованіи столѣтней годовщины дня рожденія В. А. Жуковскаго и тѣмъ почтить память главнаго наставника незабвеннаго нашего Государя Александра II Освободителя, славнаго поэта, предшественника Пушкина, и, наконецъ, память наидостойнѣйшаго гражданина.

Петербургская Городская Дума, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ выслушавъ предложеніе двадцати девяти гласныхъ и рѣчь М. И. Семевскаго, единогласно постановила:

I. Принять участіе въ торжественномъ чествованіи памяти В. А. Жуковскаго, по поводу столѣтней годовщины дня его рожденія, и для сего просить г. Городского Голову И. И. Глазунова, вмѣстѣ съ избранными въ семъ же засѣданіи Думы депутатами: А. А. Краевскимъ, М. И. Семевскимъ, М. М. Стасюлевичемъ, П. В. Жуковскимъ, Г. В. Лермонтовымъ и Л. Я. Яковлевымъ—быть представителями общественнаго управленія столицы на семъ торжествѣ, при чемъ возложить, по соглашенію съ гг. распорядителями празднества, вѣнокъ отъ города Петербурга на бюстъ В. А. Жуковскаго, и

II. Учредить въ семъ же 1883-мъ году два новыхъ городскихъ училища, въ память и имени Василія Андреевича Жуковскаго.

Въ томъ же засѣданіи, 21-го января, Гласный М. М. Стасюлевичъ довелъ до свѣдѣнія Думы, что профессоръ К. К. Зейдлицъ, бывшій въ теченіе сорока лѣтъ другомъ В. А. Жуковскаго, написалъ полную біографію поэта и желаетъ нынѣ весь чистый доходъ отъ продажи этой книги, (уже купленной отъ автора за 780 р.), обратить въ фондъ для постановки бюста Жуковскаго. М. М. Стасюлевичъ напомнилъ, что такъ какъ Думою уже постановлено украсить парки и улицы столицы, по мѣрѣ средствъ, бюстами лицъ, оказавшихъ извѣстную услугу отечеству, то слѣдовало бы принять на храненіе сумму, уже вырученную отъ продажи упомянутой книги, именно 780 рублей, и хранить ее до того времени, когда возможно будетъ исполнить постановленіе Думы въ отношеніи Жуковскаго.

Собраніе Думы постановило: пожертвованіе и предложеніе профессора К. К. Зейдлица принять и г. профессора благодарить. Вмѣстѣ съ симъ, поручить управѣ о постановкѣ бюста В. А. Жуковскаго въ Петербургѣ въ семъ же 1883 году, объ общей суммѣ, на это потребной, и о выборѣ для бюста мѣста—внести, въ непродолжительномъ времени, докладъ на утвержденіе Думы.

21-го января 1883 г.

Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго 1783—1852. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица, съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами, и съ предисловіемъ П. А. Висковатаго. Изданіе редакціи «Вѣстника Европы», Спб. 1883 г. въ 8 д., стр. I—XIV и 1 — 260. Цѣна 2 руб. (Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. Стасюлевича).

Весь доходъ отъ продажи изданія жертвуется авторомъ на сооруженіе памятника Жуковскому.

Эта изящно отпечатанная книга является вполнѣ своевременно. Отпразднованный русскимъ обществомъ въ нѣсколькихъ городахъ Россіи юбилей столѣтней годовщины дня рожденія поэта, притомъ такого, безъ котораго, по выраженію Бѣлинскаго „мы бы не имѣли Пушкина“, освѣживъ въ памяти многое прекрасное, что содѣлано В. А. Жуковскимъ для русской словесности какъ его оригинальными, такъ и переводными произведеніями, многое доброе, оказанное имъ для поддержки лучшихъ отечественныхъ талантовъ на поприщахъ литературы, художествъ и искусствъ; наконецъ, воскресивъ его заслуги предъ всей Россіей, какъ главнаго наставника Александра II Освободителя,—вызвало значительный интересъ къ жизни, дѣятельности и ко всей нравственной личности этого идеально честнаго и гуманнаго человѣка.

Интересъ, возбужденный къ личности Жуковскаго, найдетъ себѣ значительное удовлетвореніе въ почтенномъ трудѣ престарѣлаго (85 л.) профессора К. К. Зейдлица, одного изъ близкихъ друзей Жуковскаго и дожившаго, къ нашему и своему счастію, до чествованія русскимъ обществомъ первой столѣтней годовщины дня рожденія поэта. Трудъ г. Зейдлица получаетъ особенное значеніе, если вспомнить, что это въ строгомъ смыслѣ лишь первая книга, посвященная изложенію жизни В. А. Жуковскаго въ теченіи тридцати лѣтъ, т. е. со времени выхода въ свѣтъ въ 1853 г. брошюры П. А. Плетнева: „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“; притомъ книга Зейдлица основана на подлинныхъ матеріалахъ.

Въ ряду ихъ почтенный авторъ отводитъ видное мѣсто „перепискѣ Жуковскаго съ его племянницею, Авдотьей Петровной Елагиной... Когда нибудь, замѣчаетъ Зейдлицъ, эти письма будутъ напечатаны вполнѣ,—и русская литература, смѣю думать, получитъ въ нихъ истинное для себя обогащеніе“. Благодаря обязательности К. К. Зейдлица, „Русская Старина“ печатаетъ уже на своихъ страницахъ, начиная съ января мѣсяца 1883 года, помянутую переписку поэта съ А. П. Елагиной и печатаетъ именно безъ малѣйшихъ пропусковъ, въ томъ, надѣемся, вполнѣ вѣрномъ предположеніи, что каждая мелкая черта въ этихъ письмахъ, каждое движеніе чувствъ и сердца В. А. Жуковскаго, выраженное его прелестнымъ языкомъ, рисуетъ его чистый, высоконравственный образъ, его доброе, любящее сердце.

Обращаясь къ книгѣ г. Зейдлица, повторимъ, что она составляетъ драгоцѣнное и вполнѣ своевременное явленіе въ исторіи отечественной литературы и будетъ, конечно, поставлено, при томъ вполнѣ справедливо, въ число настольныхъ книгъ для каждаго преподавателя и профессора русской литературы, для каждаго, наконецъ, образованнаго русскаго, который живо интересуется представителями русской словесности XIX-го вѣка.

Ред.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ

10-го февраля.

Столѣтняя годовщина дня его рожденія

1783—1883.

10-го февраля 1883-го года Императорская Академія Художествъ и всѣ почитатели искусствъ и художествъ въ нашемъ отечествѣ, вѣрояно, вспомнятъ, что въ сей день, ровно сто лѣтъ тому назадъ, родился тотъ графъ-художникъ Толстой, который въ теченіе девяностолѣтней безупречной своей жизни неустанно и со славою трудился, являя необыкновенный талантъ, на разнообразныхъ поприщахъ художества.

Провожая въ могилу этого знаменитаго патріарха русскихъ художниковъ, 13-го апрѣля 1873-го года, мы писали на страницахъ „Русской Старины":

„Четыре поколѣнія русскаго общества чтили въ графѣ Ѳедорѣ Петровичѣ Толстомъ талантъ, просвѣщенный умъ и честнѣйшее благороднѣйшее сердце. Императорская Академія Художествъ справедливо гордилась своимъ почетнымъ членомъ съ 1809 г. гр. Ѳ. П. Толстымъ, бывшимъ впослѣдствіи до своей кончины Товарищемъ Президента этой Академіи. Славнѣйшія академіи искусствъ въ Европѣ издавна предоставили, въ средѣ своихъ сочленовъ, почетное мѣсто русскому графу-художнику".

Незадолго до своей кончины, именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1873 г., гр. Ѳ. П. Толстой передалъ намъ обширное и обстоятельное обо-

зрѣніе всей своей художественной дѣятельности, съ просьбою помѣстить оное на страницахъ „Русской Старины".

— „Быть можетъ, лица, интересующіяся трудами по части русскаго художества,—сказалъ намъ гр. Ѳ. П. Толстой, не безъ интереса прочтутъ мой отчетъ потомству и помянутъ меня добрымъ словомъ".

Мы свято исполнили волю старца художника, и его „Отчетъ" потомству явился въ „Русской Старинѣ" въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ 1873 г., въ каковой, 13-го числа, графъ Ѳ. П. скончался.

Въ томъ же 1873 году явились въ нашемъ же изданіи наиболѣе интересныя главы изъ записокъ гр. Ѳ. П. Толстого [1]).

Такимъ образомъ, самъ художникъ въ сжатой, безъискусственной формѣ, стоя уже одной ногой въ гробу, далъ своимъ согражданамъ отчетъ въ своей жизни—постояннаго, упорнаго, всегда проникнутаго талантомъ и наукой, труда.

„Но что особенно удивляетъ въ этомъ многолѣтнемъ трудѣ,—говорили мы въ 1873 г. и что повторяемъ теперь,—это поразительное разнообразіе таланта опочившаго художника: прекрасный живописецъ—акварелью и масляными красками; дивный скульпторъ; неподражаемый, геніальный граверъ на мѣди; преобразователь, не только у насъ, но и въ Европѣ, медальернаго искусства—графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, въ единомъ лицѣ своемъ, вполнѣ русскаго человѣка, какъ бы соединялъ всю Академію Художествъ".

Явленіе въ высшей степени рѣдкое, почти небывалое—ни до, ни послѣ него! Графу Ѳедору Петровичу Толстому безспорно принадлежитъ мѣсто въ пантеонѣ замѣчательнѣйшихъ мужей нашего отечества; онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, кто составляетъ истинную гордость и славу Россіи, на ряду съ ея величайшими подвижниками на поприщахъ умственной дѣятельности.

Воспоминаніе о такихъ людяхъ должно быть дорого всѣмъ, кому дороги высшіе интересы отечества, а что можетъ быть выше художествъ, искусствъ, наукъ, литературы—которыя собственно и

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, апрѣль, стр. 517—532; январь, 21—51; февраль, 123—145.

составляютъ душу, геній народа и развитіе которыхъ есть залогъ его нравственнаго и умственнаго преуспѣянія.

Привѣтъ тѣмъ, кто помянетъ добрымъ словомъ русскаго многоталантливаго художника, графа Ѳедора Петровича Толстого, въ день столѣтней годовщины дня его рожденія,

10-го ФЕВРАЛЯ

1783—1883 г.

Ред.

Первая библіотека для чтенія въ Москвѣ въ 1783 г.

Первая библіотека для чтенія въ Москвѣ была открыта лишь сто лѣтъ тому назадъ. Учредителемъ ея былъ Любимъ Рамбахъ.

Жилъ онъ противъ опернаго дома, впослѣдствіи Петровскій театръ, на Петровкѣ, немного на правую руку, второй деревянный домъ. Въ этомъ-то домѣ и была открыта Рамбахомъ, въ 1783 г, первая въ Москвѣ библіотека для чтенія.

В. Альфонскій.

Москва.
18-го января 1883 г.

Поправка.

Сообщенная мною статья „Событія въ Варшавѣ въ 1860—1861 годахъ", помѣщенная въ декабрьской книгѣ „Русской Старины" изд. 1882 г., т. XXXVI, по ошибкѣ при наборѣ, названа моими воспоминаніями. Это не воспоминанія, а статья, мною составленная, такъ сказать, по живымъ свидѣтельствамъ и даннымъ, немедля послѣ событій собраннымъ, такъ какъ я, хотя и не находился еще въ Варшавѣ въ 1860—1861 гг., но прибылъ туда съ гвардейскимъ отрядомъ въ октябрѣ 1862 года.

П. П. Карцовъ.

Императоръ Николай въ уѣздномъ городѣ Чембарѣ въ 1836 г.

Прочитавъ въ томѣ XXXVI изд. „Русской Старины", 1882 г., декабрь, статью: „Императоръ Николай Павловичъ въ Чембарѣ въ 1836 году" (стр. 523), я нахожу въ ней нѣкоторыя невѣрности. Предварительно скажу, что по просьбѣ губернатора Панчулидзева я распоряжался приготовленіемъ губернаторскаго дома для пріема Государя.

Извѣстно, что до этого несчастнаго случая Государь изволилъ ѣздить не иначе какъ съ собственнымъ лейбъ-кучеромъ, который и правилъ лошадьми сидя на козлахъ, а на переднихъ лошадяхъ обыкновенно сидѣлъ ямщикъ. Изъ Пензы Государь выѣхалъ въ 4 ч. дня въ коляскѣ, запряженной въ 8 лошадей съ двумя форейторами на козлахъ, правилъ лейбъ-кучеръ; когда стемнѣло, на послѣдней станціи запряжено было 6 лошадей, съ однимъ ямщикомъ на переднихъ лошадяхъ; лейбъ-кучеръ отъ утомленія-ли или излишне выпитаго на станціи вина (что онъ любилъ выпить—это я видѣлъ наканунѣ выѣзда Государя изъ Пензы: онъ до того напился, что лежалъ на полу въ своей комнатѣ безъ сознанья, о чемъ я тогда сказалъ распоряжавшемуся экипажами). Подъѣзжая къ небольшому склону по ровной дорогѣ, онъ уснулъ и возжи вывалились изъ рукъ; а такъ какъ впереди ѣхалъ фельдъегерь съ факелами, то ямщику на передней лошади было видно; онъ, чтобы не давать лошадямъ прибавлять рыси, нѣсколько времени удерживалъ ихъ, хлыставши дышловыхъ кнутомъ по головамъ, и когда лошади почти пріостановились, онъ, полагая ихъ остановить, соскочилъ съ сѣдла и кинулся на дышло, а переднія повернули на откосъ дороги, увлекли за собою дышло. Коляска очень медленно повалилась на бокъ. Графъ Бенкендорфъ сидѣлъ съ правой стороны, упалъ черезъ Государя изъ коляски; это вѣроятно придало силы толчку, который и причинилъ вредъ Государю.

Перевязку дѣлалъ уѣздный врачъ Ельцынскій.

Послѣ перевязки Государь изволилъ написать письмо къ императрицѣ, съ которымъ отправился фельдъегерь Подгорный. Онъ неимовѣрно скоро возвратился съ письмомъ отъ Государыни. Государь, увидѣвъ подъѣхавшую тройку, приказалъ позвать Подгорнаго, который въ дорожной шинелѣ явился и подалъ пакетъ, съ которымъ Государь направился въ кабинетъ, а Подгорный не могъ долѣе держаться на ногахъ, сѣлъ на кресло и заснулъ такъ крѣпко, что его съ креслами вынесли и онъ проспалъ болѣе сутокъ.

А. Селивановъ.

Москва.

I.

ПРЕВОСХОДНАЯ БОЛЬШАЯ ГРАВЮРА НА МѢДИ

Академика **И. П. Пожалостина**

ПТИЦЕЛОВЪ,

воспроизведшая одну изъ наилучшихъ картинъ недавно умершаго профессора Перова, составила извѣстность нашему талантливому гравёру г. Пожалостину и разошлась въ большомъ числѣ экземпляровъ.

Нынѣ осталось непроданными всего лишь 97 экземпляровъ.

Цѣна гравюры, отпечатанной на лучшей китайской бумагѣ, въ магазинахъ Фельтена и друг.—**пять** рублей безъ доставки.

☞ Подписчики „Русской Старины" могутъ получить эту гравюру за **ЧЕТЫРЕ** рубля, съ упаковкою и пересылкою на мѣсто.

II.

РОСКОШНОЕ, ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ, ИЗДАНІЕ

ПАВЛОВСКЪ,

очеркъ его исторіи и описаніе 1777—1877 гг., книга въ большую 8-ю д., 600 стр., украшенное множествомъ превосходныхъ гравюръ и виньетокъ знаменитаго академика-гравера Л. А. Сѣрякова, а также нѣсколькими портретами, было отпечатано въ 1877 году въ количествѣ—1,825 экзем.

Изъ этого количества осталось непроданными только 270 экз. въ изящныхъ переплетахъ, и 48 экз. безъ переплета.

Цѣна книги въ переплетѣ — **пять** руб., безъ переплета — **четыре** руб.

☞ Подписчики „Русской Старины" пользуются на книгу „Павловскъ" уступкою въ **одинъ** рубль, т. е. книга въ переплетѣ стоитъ для нихъ **четыре** руб., безъ переплета **три** руб. съ пересылкою.

многіе изъ послѣднихъ представляютъ извлеченія изъ иностранныхъ архивовъ и потому печатаются въ оригиналахъ и въ переводѣ. Названное сочиненіе также не лишено этого существеннаго недостатка, но онъ искупается тѣмъ, что вся книга написана преимущественно по документамъ, извлеченныхъ изъ французскихъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ пополняетъ наши свѣдѣнія о дипломатическихъ и политическихъ отношеніяхъ Россіи къ Франціи въ царств. Елисаветы, когда французское вліяніе при русскомъ дворѣ пользовалось извѣстнымъ значеніемъ. Впрочемъ въ русской литературѣ уже извѣстно начало этихъ отношеній, на основаніи франц. же источниковъ, прекрасно переданныхъ покойнымъ Пекарскимъ въ книгѣ «Маркизъ Шетарди», съ весьма важными дополненіями и замѣчаніями.

Свой разсказъ Вандаль ведетъ издалека. Вступительная глава его посвящена отношеніямъ къ Франціи при Петрѣ В., во время его пребыванія въ Парижѣ; первая глава излагаетъ проэкты о бракѣ Елисаветы Петровны съ франц. принцами при Петрѣ В. и Екатеринѣ I; вторая и третья главы заняты миссіей Шетарди въ Петербургѣ; въ четвертой главѣ излагаются событія, послѣдовавшія за разрывомъ дружественныхъ отношеній между Франціей и Россіею, и интриги первой противъ послѣдней при иностранныхъ дворахъ, а въ особенности въ Константинополѣ; глава V касается обстоятельствъ, подготовившихъ сближеніе Россіи съ Франціей и семилѣтнюю войну, а также извѣстной миссіи кавалера Д'Еона; наконецъ въ VI и VII главахъ представленъ очеркъ дипломатическихъ отношеній за время семилѣтней войны, до смерти Елисаветы Петровны. Въ заключеніе книги авторъ бросаетъ взглядъ на ходъ европейской дипломатіи до перваго раздѣла Польши и Кучукхайнарджійскаго мира. Заслуживаетъ вниманія, что французскій авторъ дѣлаетъ упрекъ Людовику XV за то, что онъ, ведя постоянную интригу противъ Россіи въ Варшавѣ, жертвовалъ тѣмъ самымъ существенными интересами Франціи, и вообще въ книгѣ проведено благосклонное отношеніе къ личности Елисаветы Петровны. Необходимо еще замѣтить, что въ иностранной литературѣ книга Вандаля, какъ по своему прекрасному изложенію, такъ и по новымъ матеріаламъ, безъ сомнѣнія, представляетъ цѣнный вкладъ по исторіи Россіи XVIII вѣка, но въ русской литературѣ существуетъ не менѣе цѣнное собраніе матеріаловъ по той же эпохѣ, существено дополняющее данныя французскаго источника—это матеріалы, напечатанные въ первыхъ томахъ Архива князя Воронцова.

Одновременно съ книгою Вандаля на франц. же языкѣ появилось сочиненіе, также касающееся исторіи Россіи въ первую половину XVIII вѣка, но посвященное церковному вопросу, это «La Sorbonne et la Russie 1717—47». (Paris, 1882. 178), принадлежащее перу г. Пирлинга, автора книги: «Rome et Démétrius». Въ новомъ своемъ трудѣ, основываясь на русскихъ и иностранныхъ источникахъ, авторъ передаетъ судьбу католическихъ идей и вліянія въ Россіи въ означенный періодъ, касаясь въ связи съ этимъ католической пропаганды и церковной полемики, въ которой такъ или иначе затрогивались ея интересы.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе Дм. Кобеко. Спб. 1882. 380 + XXVII.

Въ дополненіе къ статьѣ Ред., помѣщенной въ XI кн. «Русск. Стар.» изд. 1882 г. о книгѣ г. Кобеко, замѣтимъ здѣсь, что въ 31 небольшихъ главахъ авторъ разсказываетъ по многочисленнымъ, русскимъ и иностраннымъ, печатнымъ источникамъ, преимущественно появившимся въ послѣдніе годы, жизнь великаго князя Павла Петровича. Но авторъ не ограничивается біографическими данными, а сопоставляетъ ихъ съ явленіями и обстоятельствами, соприкасающимися съ главнымъ лицомъ его разсказа. Поэтому его очеркъ не лишенъ значительнаго историческаго интереса, въ особенности по такимъ вопросамъ, какъ вопросъ о престолонаслѣдіи при Екатеринѣ II, политическіе взгляды в. к. Павла Петровича, придворныя отношенія и т. п. Къ книгѣ приложены три портрета: вел. кн. Павла Петровича, вел. кн. Наталіи Алексѣевны и вел. кн. Маріи Θеодоровны.

В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый **МАРТЪ.** 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ войска Донского генералъ-лейтенанта Якова Петровича **Бакланова**. Рисунокъ съ натуры профес. М. О. Микѣшина, гравиров. И. И. Матюшинъ.— II. Видъ памятника въ честь Айгунскаго договора, 1858 г., на Амурѣ. Гравир. А. Даугель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.
1883.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1883 г.

Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи. Изданіе с.-петербургскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Выпускъ 1-й 1869 г., стран. II+399. Вып. 2-й 1871 г. стр. II+239. Вып. 3-й 1873 г. стр. 298. Вып. 4-й 1875 г. стр. 470. Вып. 5-й 1876 г. стр. 464. Вып. 6-й 1878 г. стр. 480. (Цѣна 1-му, 2-му, 4-му, 5-му и 6-му выпускамъ по 2 р., 3-му—1 р. 50 к., за всѣ шесть вып. 11 р. Продается у секретаря комитета свящ. Д. Р. Флоринскаго, на Петербург. сторонѣ, въ малой Дворянской улицѣ, д. Петропавловскаго собора).

Изданіе с-петербургскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета дѣлится на три отдѣла. Первый содержитъ подробную исторію с.-петербургской епархіи (распространеніе христіанства въ предѣлахъ епархіи, учрежденіе епархіальнаго управленія, біографіи с.-петербургскихъ іерарховъ и пр.); второй—описаніе соборовъ и церквей, состоящихъ въ предѣлахъ епархіи; третій—описаніе монастырей, находящихся въ предѣлахъ епархіи. Историческій интересъ изданія обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что бо̀льшая часть свѣдѣній заимствована изъ архивныхъ, доселѣ въ печати неизвѣстныхъ матеріаловъ (документы архивовъ св. синода и с.-петербургской духовной консисторіи). Капитальную часть сборника составляетъ исторія с.-петербургской епархіи, къ сожалѣнію еще далеко не оконченная (въ пятомъ томѣ она доведена лишь до 1761 г.), принадлежащая перу священниковъ о. М. Архангельскаго и о. Ст. Ив. Опатовича. Содержащіяся въ ней свѣдѣнія имѣютъ не одинъ спеціально-церковный, но, во многихъ отдѣлахъ, и общеисторическій интересъ. Не менѣе любопытна исторія православной церкви въ Финляндіи, составленная, между прочими, на основаніи Шведскихъ источниковъ. Почтенный авторъ этого описанія, священникъ Л. П. Петровъ, неограничиваясь спеціально церковными свѣдѣніями, знакомитъ читателя съ Финляндіей въ физическомъ, этнографическомъ, историческомъ и административномъ отношеніяхъ, говоритъ о природѣ страны, ея народонаселеніи, о религіи финновъ до обращенія въ христіанство, о церковномъ управленіи и его устройствѣ у лютеранъ финляндскихъ, о состояніи просвѣщенія, наконецъ сообщаетъ статистику православнаго населенія Финляндіи сравнительно съ населеніемъ лютеранскимъ. Затѣмъ читатель найдетъ въ сборникѣ документальное, и самое подробное, какого только можно пожелать, описаніе такихъ достопримѣчательностей Петербурга, какъ соборы: Петропавловскій, князе-Владимірскій, Исакіевскій, Казанскій, Троицкій — на Петербургской сторонѣ, Андреевскій, Адмиралтейскій, Смольный (всѣхъ учебныхъ заведеній), Большой и Малый Зимняго дворца, Преображенскій всей гвардіи (трудъ протоіерея П. А. Зиновьевскаго), Сергіевскій всей артиллеріи, Морской - Николаевскій (трудъ протоіерея I. К. Яхонтова). Изъ Петербургскихъ церквей въ сборникѣ описаны: Симеоновская, Знаменская, Троицкая (въ Измайловскомъ полку), Вознесенская, Захарьевская (въ кавалергардскомъ полку), Преображенская (въ Колтовской), Скорбященская, Благовѣщенская (въ конномъ полку), Владимірская, Пантелеймоновская. Съ меньшею подробностію описаны восемьдесять церквей столицы, устроенныя въ относительно-недавнее время и не представляющія ничего особенно достопримѣчательнаго (т. VI). Въ нѣкоторыхъ изъ описаній читатель найдетъ не мало новыхъ свѣдѣній изъ первоначальной исторіи и топографіи Петербурга, извлеченныхъ изъ архивныхъ документовъ,—свѣдѣній, восполняющихъ во многомъ извѣстную статью покойнаго академика Пекарскаго «Петербургская Старина». Изъ монастырей петербургской епархіи въ сборникѣ описаны: Валаамскій, Коневскій, Староладожскій-Николаевскій, Староладожскій Успенскій-женскій, Череменецкій, Введенскій—въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Слѣдующіе томы будутъ посвящены описанію сельскихъ церквей епархіи. Программа этого описанія, составленная по порученію комитета, бывшимъ членомъ его, покойнымъ священникомъ Гумилевскимъ (извѣстнымъ основателемъ братства въ Петербургѣ) и одобренная высокопреосвященнымъ митрополитомъ Исидоромъ, весьма интересна: кромѣ собственно церковно-приходскихъ свѣдѣній, по ней въ эти описанія должны войти свѣдѣнія этнографическія (о народныхъ повѣріяхъ, примѣтахъ, заговорахъ, мѣстныхъ особенностяхъ говора, пословицахъ

ВОЙСКА ДОНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ЯКОВЪ ПЕТРОВЪ БАКЛАНОВЪ.

СЪ НАБРОСКА СЪ НАТУРЫ ПРОФЕССОРА М. О. МИКѢШИНА

7-го мая 1873 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1883 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 14 ДЕКАБРЯ 1882 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

КОРОНАЦИИ РУССКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ И ИМПЕРАТРИЦЪ

1724—1856 гг.

Коронованіе императоровъ всероссійскихъ не представляетъ въ себѣ чего нибудь новаго, возникшаго на почвѣ свѣжихъ преданій. Священное вѣнчаніе самодержцевъ нашихъ, по своему происхожденію, восходитъ къ самому отдаленному времени—къ эпохѣ первыхъ христіанскихъ императоровъ православной Византіи. Потомки Св. Владиміра, постепенно возвышаясь въ своемъ могуществѣ, наслѣдовали отъ державы греческой и ея уставы, и ея царственныя отличія.

Первымъ государемъ русскимъ, которому принадлежитъ починъ введенія у насъ коронованія, былъ извѣстный собиратель русской земли Іоаннъ III. Этотъ могущественный самодержецъ, супругъ послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома въ Византіи, съ царскою торжественностію короновалъ своего внука (1498 г.) Димитрія вѣнцемъ и бармами, наслѣдованными отъ византійскихъ императоровъ. Собственно миропомазаніе при коронаціи первый принялъ царь Іоаннъ IV, послѣ котораго миропомазаніе стало неразрывною принадлежностью коронованія каждаго государя. Вмѣстѣ и одновременно съ миропомазаніемъ происходило и причащеніе коронуемаго государя св. тайнами. Іоаннъ IV принималъ св. тайны не внутри алтаря, а внѣ его. Въ томъ же самомъ порядкѣ короновались Ѳеодоръ Іоанновичъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, Василій Іоанновичъ Шуйскій, Михаилъ Ѳеодо-

ровичъ и Алексѣй Михайловичъ. Въ чинѣ коронованія Михаила Θеодоровича любопытна одна характерная подробность: помазаніе царя св. миромъ совершалось не только на челѣ, устахъ и под., но даже на брадѣ и подъ брадою. Въ чиноположеніи вѣнчанія царя Θеодора Алексѣевича замѣчается та особенность, что для причащенія св. даровъ новопомазанный царь введенъ былъ царскими вратами во св. алтарь. По чину вѣнчанія Θеодора Алексѣевича было совершено и коронованіе соцарствующихъ Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича.

Со времени Петра Великаго престолъ русской державы облекся новымъ величіемъ. Повелители Россіи приняли наименованіе императоровъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ чиноположеніе вѣнчанія на царство входятъ нѣкоторыя перемѣны и дополненія, вызванныя новымъ направленіемъ русской жизни и новыми потребностями времени. Мы не имѣемъ въ виду въ нашемъ краткомъ историческомъ очеркѣ дѣлать подробное описаніе коронацій, бывшихъ на Руси въ до-петровское время. До Петра Россія жила замкнутою, изолированною отъ заподно-европейской цивилизаціи, жизнію. Со времени великаго преобразователя Россія вошла въ семью остальныхъ европейскихъ державъ и зажила общею съ ними культурою. Эта переходная эпоха самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяла на всю до мельчайшихъ подробностей жизнь русскаго народа. Это обстоятельство избавляетъ насъ отъ необходимости заходить въ избранномъ нами предметѣ слишкомъ далеко, въ глубь сѣдой малоизвѣданной старины, связь съ которою такъ рѣшительно и безповоротно порвана Великимъ Петромъ. Новая эпоха, созданная на Руси великимъ преобразователемъ, отразилась въ частности и на томъ, что̀ мы избрали предметомъ своего очерка. Дѣйствительно, между чинопослѣдованіемъ вѣнчанія на царство, употреблявшимся въ до и послѣ петровское время, замѣчается нѣкоторая, повидимому, лишь въ подробностяхъ, но немаловажная по своему смыслу и значенію, разница. При вѣнчаніи древнихъ царей русскихъ выдающаяся роль принадлежала всегда церкви, въ лицѣ ея представителя. Митрополитъ или патріархъ во время коронованія возсѣдалъ въ церкви на особо устроенномъ возвышеніи рядомъ съ царемъ; онъ же самъ возлагалъ на него знаки царскаго достоинства, онъ же изъ своихъ рукъ вѣнчалъ его короною. Совершенно другой порядокъ вещей сложился, какъ подробнѣе

увидимъ ниже, при чинѣ коронованія императоровъ. Здѣсь представители церкви играютъ уже чисто служебную роль и являются болѣе помощниками и свидѣтелями коронованія, чѣмъ совершителями его.

Такимъ образомъ мы начнемъ свой очеркъ коронацій со времени Петра Великаго.

I.

Первою въ собственномъ смыслѣ императорскою коронаціею была коронація императрицы Екатерины I.

Петръ I не задолго до своей смерти вознамѣрился короновать свою любимую супругу Екатерину Алексѣевну. 15 ноября 1723 г. онъ издалъ по этому случаю особаго рода манифестъ. Всѣмъ извѣстно, объяснялъ онъ въ своемъ манифестѣ, что во всѣхъ христіанскихъ государствахъ издавна и постоянно существуетъ обычай царствующимъ государямъ короновать своихъ супругъ. Это же самое существовало и у древнихъ православныхъ государей греческихъ-византійскихъ императоровъ. Такъ, напримѣръ, императоръ Василискъ короновалъ супругу свою Зиновію, Юстиніанъ—супругу свою Люпицію, Ираклій—Мартинію, Левъ Премудрый—супругу свою Марію. Точно также всѣмъ подданнымъ хорошо извѣстно и то, что въ прошедшую, только что оконченную, двадцатиоднолѣтнюю войну, имѣвшую такой счастливый для насъ исходъ и завершившуюся выгоднымъ миромъ, государыня императрица Екатерина принимала самое дѣятельное и живое участіе. Она все время была нашею помощницею и съ великимъ самоотверженіемъ участвовала вмѣстѣ съ нами въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, ободряла насъ и всѣ войска мужествомъ и геройствомъ, переносила всѣ трудности и невзгоды боевой солдатской жизни; особенную же услугу и нравственную поддержку и помощь оказала она во время Прутской кампаніи въ войнѣ съ турками, когда наши войска находились въ отчаянномъ положеніи. „Того ради, такъ заключалъ императоръ свой манифестъ, данною намъ отъ Бога самовластіею за такіе супруги нашея труды рѣшились мы короновать ее императорскимъ вѣнцомъ".

Въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ 1723 года, во исполненіе высо-

чайшаго повелѣнія, отправились въ Москву, для приготовленія къ коронаціи, президентъ Св. Синода, Ѳеодосій (Яновскій), архіепископъ Новгородскій, и дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Петръ Андреевичъ Толстой. Для коронаціи императрицы платье заказано было въ Парижѣ, корона также сдѣлана была новая и по новому, подходившему болѣе къ западно-европейскому, образцу. Корона Екатерины сдѣлана была вся крестообразнымъ переплетомъ, вѣнецъ ея былъ сдѣланъ замѣчательный, весь осыпанный драгоцѣнными камнями. Всѣхъ камней въ коронѣ помѣщено было 2,564. Особенно же замѣчателенъ былъ въ этой коронѣ необыкновенной величины, больше голубинаго яйца, лалъ, или, какъ другіе называютъ, рубинъ, вставленный подъ бриллiантовымъ крестомъ, вмѣсто глобуса, на самомъ верху вѣнца, по курсу 1723 года оцѣненный въ 60 тысячъ рублей. Удивительный камень этотъ купленъ былъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, въ Пекинѣ тамошнимъ русскимъ Н. Спафаріемъ. Для украшенія короны своей супруги Петръ I приказалъ вынуть значительное количество алмазовъ изъ своей державы. Корона Екатерины, первая корона, изготовленная по европейскому образцу, соотвѣтствуетъ коронѣ послѣднихъ византійскихъ императоровъ. Она вся изъ чистаго золота и состоитъ изъ двухъ частей, указывающихъ какъ бы на западную и восточную имперію; въ раздѣленіи ея находится дуга, украшенная драгоцѣнными камнями и увѣнчанная бриллiантовымъ крестомъ. Эта корона въ настоящее время находится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1724 года Петръ Великій вмѣстѣ съ императрицею выѣхалъ изъ Петербурга и прибылъ въ Москву 22 марта. Днемъ коронаціи императрицы Екатерины назначено было 7-е мая. Наканунѣ этого дня императоръ и императрица переѣхали изъ лѣтняго своего дворца въ Кремлевскій дворецъ. За два дня до коронаціи происходило на главныхъ площадяхъ Москвы объявленіе объ имѣющей быть коронаціи, которое дѣлали особые герольды въ сопровожденіи трубачей и литаврщиковъ.

Для того, чтобы придать болѣе пышности торжеству коронаціи, Петръ учредилъ особую роту кавалергардовъ, которой и присвоилъ самую богатѣйшую и красивѣйшую обмундировку.

Мы постараемся въ самыхъ общихъ чертахъ передать весь

порядокъ коронаціи императрицы Екатерины для того, между прочимъ, чтобы затѣмъ не возвращаться къ нему при дальнѣйшемъ описаніи коронацій послѣдующихъ русскихъ государей, потому что коронаціонный церемоніалъ, начиная съ Петра и до самаго настоящаго времени, въ общихъ чертахъ, сохранился одинъ и тотъ-же. Разность замѣчается только въ подробностяхъ.

Для торжества коронаціи прежде всего постарались убрать великолѣпнѣйшимъ образомъ Успенскій соборъ. Среди этого многовѣковаго собора возвышался теперь императорскій тронъ о двѣнадцати ступеняхъ, обитый бархатомъ съ золотыми галунами. Надъ трономъ устроенъ былъ великолѣпный обитый бархатомъ балдахинъ, висѣвшій на золотыхъ шнурахъ съ такими же кистями, украшенный вышитыми на немъ золотыми гербами. Вокругъ трона, по краямъ его, утверждены были богатыя перила съ разными іероглифическими фигурами. На тронъ подъ балдахиномъ поставлены были въ размѣрномъ разстояніи между собою два императорскія кресла очень древней работы, украшенныя драгоцѣнными каменьями. Тутъ же, немного вправо отъ креселъ императора, стоялъ длинный, покрытый до самаго пола богатою золотою парчею, столъ, на которомъ положены были императорскія регаліи. Полъ отъ алтаря до трона устланъ былъ персидскими золотыми коврами. По обѣимъ сторонамъ церкви отъ алтаря до трона устроены были богатыя, обитыя сукномъ, скамьи, предназначенныя для высшихъ особъ духовнаго сана. По близости клироса устроены были для императора и императрицы великолѣпнѣйшія мѣста, которыя предстояло занять имъ во время литургіи, непосредственно послѣ коронаціи. Кромѣ того было устроено еще нѣсколько особыхъ мѣстъ въ церкви между колоннами: было особое мѣсто для лицъ женскаго пола, принадлежавшихъ къ членамъ императорскаго дома, также особое мѣсто предназначалось для герцога Голштинскаго. Двѣ особыя галлереи, въ видѣ амфитеатра, устроены были у западныхъ церковныхъ дверей, предназначавшіяся для знатныхъ особъ обоего пола и для иностранныхъ министровъ. Подобныя же галлереи построены были вдоль по обѣимъ сторонамъ церкви для всѣхъ знатныхъ особъ обоего пола, за которыми нѣсколько ниже имѣлись мѣста для депутатовъ отъ разныхъ городовъ.

Отъ Успенскаго собора до Краснаго крыльца устроенъ былъ

помостъ съ перилами по бокамъ, покрытый отличнымъ краснымъ сукномъ. Такой-же помостъ приготовленъ былъ отъ Успенскаго собора по направленію къ Архангельскому собору.

Вечеромъ наканунѣ коронаціи во всѣхъ московскихъ церквахъ отслужено было всенощное бдѣніе со всею торжественностію, свойственною коронаціи.

Въ восемь часовъ утра 7-го мая открылся торжественный благовѣстъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ къ тому времени уже находились въ полномъ сборѣ всѣ духовные сановники. Немедленно отслуженъ былъ молебенъ о здравіи ихъ императорскихъ величествъ, а затѣмъ прочитаны были часы, слѣдующіе предъ литургіею.

Между тѣмъ, по особому пушечному сигналу, утромъ явились въ Кремлевскій дворецъ всѣ лица, назначенныя для присутствованія при коронаціи, и въ началѣ десятаго часа послѣдовалъ торжественный выходъ ихъ императорскихъ величествъ въ большой Успенскій соборъ. Императоръ шелъ позади торжественной процессіи; непосредственно за нимъ слѣдовала подъ балдахиномъ императрица, поддерживаемая герцогомъ Голштинскимъ. При приближеніи процессіи къ Успенскому собору, изъ него вышло въ блестящемъ облаченіи высшее духовенство. Архіепископъ Новгородскій Θеодосій и Θеофанъ, епископъ Псковскій, окадили и окропили св. водою императорскія регаліи, а архіепископъ Θеодосій поднесъ крестъ къ ихъ императорскимъ величествамъ, въ то же самое время архіепископъ Θеофанъ окропилъ ихъ св. водою. Затѣмъ процессія вошла въ соборъ. Императоръ и императрица взошли на тронъ и заняли приготовленныя для нихъ кресла; духовные сановники также сѣли на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Въ церкви водворилась мертвая тишина. Тогда императоръ и императрица поднялись съ своихъ креселъ и императоръ, взявши въ правую руку скипетръ и стоя на тронѣ, громко произнесъ, обращаясь къ духовенству: „понеже намѣреніе наше о коронованіи нашей любезнѣйшей супруги уже всѣмъ извѣстно, того ради извольте оное нынѣ совершить по чину церковному". Немедленно къ трону подошли архіереи, и первенствующій между ними Θеодосій, архіепископъ Новгородскій, поднялся на тронъ и, подойдя къ императрицѣ, говорилъ ей краткую рѣчь, въ которой просилъ ее: „да соблаговолитъ она по обычаю древнихъ христіанскихъ монарховъ въ слухъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ исповѣ-

дать св. православно-каѳолическую вѣру". Императрица въ слухъ прочитала символъ вѣры. По прочтеніи эктеніи, приличныхъ паремій, апостола и евангелія, императрица преклонила колѣна на особо приготовленную подушку, а архіепископъ Ѳеодосій, осѣня крестообразно верхъ главы ея и наложа на нее руку, произнесъ соотвѣтствующую молитву. По прочтеніи молитвы архіепископъ Ѳеодосій, при содѣйствіи архіепископа Псковскаго Ѳеофана, взялъ съ особаго стола императорскую мантію, поднесъ къ императору, который, не выпуская изъ своей руки скипетра, возложилъ ее на императрицу. Затѣмъ императрица снова стала на колѣна и первенствующій архіепископъ Ѳеодосій прочиталъ новую слѣдующую по чину молитву. По окончаніи этой краткой молитвы два архіепископа, Ѳеодосій и Ѳеофанъ, поднесли императору корону, который и возложилъ ее на голову императрицы. Послѣ того архіепископъ Ѳеодосій поднесъ, наконецъ, императору державу, который и вручилъ ее императрицѣ. Нѣкоторые изъ иностранныхъ и русскихъ писателей прибавляютъ къ этому, что императрица, по возложеніи на нее императорской мантіи, до того проникласъ чувствомъ благодарности къ своему супругу и монарху, что пала предъ нимъ на колѣна и хотѣла было облобызать его колѣна, но императоръ удержалъ ее отъ этого.

Тотчасъ же провозглашено было многолѣтіе, въ то же время послѣдовалъ колокольный звонъ, которому вторили залпы изъ пушекъ и мелкій огонь расположенныхъ въ Кремлѣ войскъ. Потомъ императоръ, положа свой скипетръ, а императрица державу, сошли оба съ трона и заняли свои церковныя мѣста у клиросовъ. Тогда началась литургія. Когда по исполненіи каноника отворились царскія врата, императоръ и императрица сошли со своихъ мѣстъ, и императоръ, взявъ за руку свою супругу, подвелъ ее къ самымъ царскимъ дверямъ. Императрица сняла съ себя корону, опустилась на колѣна и архіепископъ Ѳеодосій помазалъ ее на челѣ, на персяхъ и на обѣихъ рукахъ св. миромъ, а архіепископъ Ѳеофанъ помазанныя мѣста отиралъ хлопчатою бумагою. Немедленно затѣмъ слѣдовало на томъ-же самомъ мѣстѣ предъ царскими вратами причащеніе императрицы св. таинъ. По окончаніи литургіи, псковскій архіепископъ Ѳеофанъ, знаменитый проповѣдникъ своего времени, говорилъ поздравительную рѣчь ихъ императорскимъ величествамъ. По завершеніи священнодѣйствія,

въ храмѣ послѣдовалъ обратный высочайшій торжественный выходъ. Императоръ, сославшись на слабость и утомле́ніе, удалился во дворецъ, а во главѣ процессіи находилась одна императрица, шествовавшая при звукѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ изъ Успенскаго собора въ Архангельскій подъ особымъ балдахиномъ. Во время шествія императрицы изъ Успенскаго собора князь Меншиковъ, шедшій позади императрицы, бросалъ въ народъ золотыя и серебряныя, нарочно выбитыя на сей случай, медали; во время шествія было роздано болѣе пятнадцати тысячъ такихъ медалей.

Поклонившись св. мощамъ и почивающимъ въ Архангельскомъ соборѣ русскимъ государямъ, императрица, сѣвши уже въ карету, послѣдовала въ Вознесенскій женскій монастырь для поклоненія почивающимъ въ немъ русскимъ государынямъ.

При возвращеніи императрицы изъ торжественнаго шествія въ Кремлевскій дворецъ, на Красномъ крыльцѣ ее встрѣтилъ герцогъ Голштинскій и отъ кареты проводилъ ее до внутреннихъ аппартаментовъ. Тамъ ее ожидали поздравленія отъ императора и отъ всѣхъ придворныхъ. По случаю коронаціи въ Грановитой палатѣ данъ былъ блестящій обѣдъ. Императоръ и императрица сидѣли за особымъ столомъ подъ богатымъ бархатнымъ балдахиномъ. По правую сторону отъ императорскаго стола находился столъ, предназначенный для знатнѣйшихъ свѣтскихъ особъ, а по лѣвую— столъ для лицъ изъ высшаго духовенства. Трапезу благословлялъ архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій.

Предъ окончаніемъ стола князь Меншиковъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ большія золотыя медали, выбитыя нарочито для коронаціи, на которыхъ съ одной стороны находились портреты ихъ величествъ съ надписью: Петръ императоръ, Екатерина императрица; на оборотѣ изображено: монархъ возлагаетъ корону на голову своей супруги, съ надписью: „коронована въ Москвѣ"; внизу означенъ 1724 годъ.

На другой день послѣ коронаціи, императрица принимала поздравленія отъ членовъ императорскаго дома, отъ иностранныхъ посланниковъ и отъ всѣхъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Коронаціонныя торжества продолжались до 16 числа мая. Было дано нѣсколько баловъ, сожжено нѣсколько фейерверковъ. Болѣе другихъ празднествъ замѣчательно празднество 10 мая,

которое было устроено на Царицыномъ лугу. Въ праздникѣ приняли участіе всѣ чужестранные послы, герцогъ Голштинскій и др. На Царицынъ лугъ императрица пріѣзжала съ такою же точно торжественною, парадною обстановкою, съ какою она выѣзжала въ день своей коронаціи въ Вознесенскій монастырь. Въ заключеніе празднества, среди глубокой ночи, сожгли прекрасный фейерверкъ.

Среди коронаціонныхъ торжествъ не забыли и про средній и низшій классы народа. Въ день коронаціи для простаго народа приготовили подходящее къ его вкусу праздничное угощеніе. Одновременно съ параднымъ обѣдомъ, происходившимъ въ Грановитой палатѣ, на кремлевской площади предъ дворцомъ происходило другого рода празднество. На площади возвышались два рундука, на которыхъ уложены были два жареные быка колоссальныхъ размѣровъ, начиненные внутри разнаго рода птицею. Тутъ-же, рядомъ съ уложенными такъ аппетитно быками, вокругъ рундуковъ устроены были два искуственные фонтана, извергавшіе одинъ бѣлое, другой красное вино. Государь во время обѣда нѣсколько разъ выходилъ изъ-за стола и становился у оконъ дворца съ тѣмъ, чтобы наблюдать за движеніемъ народной толпы.

Какъ ни торжественно отпраздновалась коронація императрицы Екатерины I, она тѣмъ не менѣе не вызвала Петра на проявленіе какихъ-либо особенныхъ милостей—особенно для массы простого русскаго народа. Въ праздникѣ принималъ участіе только дворъ и самая высшая русская знать. Для простого народа коронація осталась незамѣтною, кромѣ развѣ горсти тѣхъ счастливыхъ москвичей, которымъ случай помогъ воспользоваться кусочкомъ отъ двухъ жареныхъ быковъ и глоткомъ—двумя вина, бившаго изъ двухъ фонтановъ. Коронація Екатерины оказалась чувствительною для средняго купеческаго класса народа даже съ своей невыгодной или, по крайней мѣрѣ, не для всякаго пріятной стороны. Предъ коронаціей, какъ извѣстно, Петръ сформировалъ особую роту кавалергардовъ. Для того, чтобы пріобрѣсти для вновь сформированной роты достаточное количество лошадей, Петръ нисколько не задумался надъ средствами. Среди приготовленій къ коронаціи отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ иностранные и русскіе купцы присылали (безъ всякаго вознагражденія) къ князю Меншикову своихъ лошадей. Князю поручено было

выбрать изъ нихъ самыхъ лучшихъ шестьдесятъ лошадей для лейбъ-гвардіи (роты кавалергардовъ) на время коронаціи. Нѣкоторымъ купцамъ, благодаря такому странному распоряженію, пришлось выставить отъ четырехъ до шести лошадей, а у другихъ собственно для себя не осталось ни одной.

Нельзя сказать, чтобы Петръ, намѣреваясь короновать свою любимую супругу, не догадался соединить это празднество съ какими бы то ни было милостями своимъ подданнымъ. Не только онъ самъ могъ подумать о нихъ, но ему даже нѣсколько разъ напоминали объ этомъ его приближенные. Въ ожиданіи коронаціи многіе прямо разсчитывали на высочайшія милости, особенно же тѣ лица, которымъ пришлось подвергнуться какимъ нибудь наказаніямъ, въ родѣ заключенія въ тюрьмѣ, или ссылкѣ, или конфискаціи имущества. Одинъ изъ вліятельныхъ при дворѣ лицъ, камеръ-юнкеръ Виллимъ Ивановичъ Монсъ, по случаю коронаціи докладывалъ государю о прощеніи, снятіи ареста и возвращеніи имѣнія многимъ не политическимъ преступникамъ. Въ дѣлахъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи того времени сохранились списки небольшаго впрочемъ числа лицъ, возвращенныхъ изъ ссылки и проч. по случаю коронованія Екатерины I и по докладамъ весьма приближеннаго къ ней Виллима Ивановича Монса; самъ онъ въ день коронаціи оказался награжденнымъ въ числѣ первыхъ: онъ получилъ званіе камергера. Голиковъ въ своихъ дѣяніяхъ Петра Великаго о милостяхъ, дарованныхъ императоромъ по случаю коронаціи императрицы Екатерины, высказывается очень въ общихъ чертахъ, говоря, что императоръ изливалъ свои монаршія милости на подданныхъ повышеніемъ чиновъ и деревнями, соразмѣрными заслугамъ и усердію каждаго. Само собой понятно, что царскія милости изливались главнымъ образомъ на такихъ лицъ, которыя принимали ближайшее участіе въ дѣлѣ коронаціи. Такъ, главный дѣятель по устройству и подготовленію коронаціонной обстановки, Петръ Андреевичъ Толстой получилъ графское достоинство. О пожалованіяхъ высшихъ духовныхъ лицъ, бывшихъ при коронаціи, мы ничего не знаемъ.

Вообще Петръ оказался скупымъ на милости народу при коронаціи. Разсказываютъ, что на другой день послѣ коронаціи, когда императрица принимала поздравленія, она, думая, что въ

это время Петръ не откажетъ ей ни въ какой просьбѣ, ходатайствовала о помилованіи одного осужденнаго и находившагося въ ссылкѣ въ Новгородѣ (Шафирова). Петръ не только не исполнилъ ея желанія, но сказалъ, чтобы ему не напоминали даже объ этомъ человѣкѣ.

Неизвѣстно находился или не находился въ связи съ событіями коронаціи указъ Петра, данный имъ въ день коронаціи, 7-го мая, о томъ, чтобы повысить чинъ тайныхъ совѣтниковъ въ третій классъ, а на мѣсто этого чина поставить чинъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, а чинъ статскихъ совѣтниковъ отнести въ пятый классъ.

Нельзя сказать, чтобы коронованіе императрицы Екатерины I встрѣчено было, за исключеніемъ придворнаго кружка, сочувственно въ массѣ русскаго народа. Очень много находилось лицъ, втайнѣ недовольныхъ поступкомъ Петра, которыя соблазнялись низкимъ происхожденіемъ Екатерины; но открытаго проявленія неудовольствія, конечно, не могло быть. Застѣнки суроваго преображенскаго приказа въ Москвѣ и казематы тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи въ Петербургѣ слишкомъ наводили большой ужасъ на всѣхъ и всѣ боялись навести даже одно подозрѣніе въ томъ, что они не одобряютъ поступокъ государя. Вѣнчаніе на царство женщины было новымъ необычнымъ явленіемъ, какъ и царствованіе женщины безъ мужа. Предшествовавшая русская исторія могла представить одинъ только случай такой коронаціи — это коронованіе Марины Мнишекъ, устроенное Димитріемъ Самозванцемъ предъ своимъ бракомъ съ нею. Но понятно, примѣръ этотъ не могъ служить образцемъ, такъ какъ ни Марина, ни Димитрій не сочтены были впослѣдствіи имѣвшими право на престолъ.

Какъ бы то ни было, но какъ русскіе, такъ и иностранцы въ коронованіи Петромъ императрицы видѣли прямое намѣреніе дать ей тѣмъ право быть его преемницею на престолѣ. Это довольно распространенное въ русскомъ обществѣ убѣжденіе въ непродолжительномъ времени проложило Екатеринѣ прямой путь къ престолу русской государыни. 28-го января 1725 года Петръ Великій умеръ, не оставивъ себѣ наслѣдника. Естественно само собою возникалъ вопросъ о томъ, кто будетъ его преемникомъ на престолѣ. Главные вельможи государства въ рѣшеніи вопроса о пре-

столонаслѣдіи раздѣлились на двѣ партіи. Одни изъ нихъ тогда же указали на права великаго князя Петра, сына царевича Алексѣя Петровича; таковы были князья Голицыны, Долгорукіе, Рѣпнины. Другіе,—въ числѣ ихъ Меншиковъ, генералъ-адмиралъ Апраксинъ, Толстой, Бутурлинъ и изъ духовныхъ—архіепископъ псковскій Ѳеофанъ,—непремѣнно хотѣли возвести на престолъ Екатерину. Произошелъ жаркій споръ. Къ сожалѣнію, у сторонниковъ великаго князя Петра не доставало единодушія, тогда какъ имъ противостояла дружная могущественная партія. Совѣщаніе о престолонаслѣдіи происходило въ одной изъ залъ дворца въ то самое время, когда Петръ испускалъ послѣдній вздохъ. Сторонники Екатерины всю силу своихъ доводовъ основывали не на чемъ другомъ, а именно на коронованіи Екатерины и утверждали, что это самое коронованіе само по себѣ, безъ всякаго другого документа, давало ей неоспоримое право на престолъ. Противники Екатерины также не менѣе основательно доказывали, что эта коронація одна сама по себѣ еще не давала никакого права на престолъ, потому что и у другихъ народовъ, хотя супруги монарховъ и коронуются вмѣстѣ съ ними, однако такая ихъ коронація нисколько не служитъ доказательствомъ ихъ правъ на престолъ послѣ кончины супруговъ.

31-го января, отъ имени синода, сената и генералитета, вышелъ манифестъ, извѣщавшій всю Россію о смерти императора и обязывавшій всѣхъ подданныхъ присягать на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Въ манифестѣ напоминалось, что въ 1724 г. самъ Петръ въ Москвѣ короновалъ императорскою короною свою супругу и тѣмъ самымъ указалъ въ ней ту особу, которую пожелалъ назначить послѣ себя преемницею.

Нельзя сказать, чтобы одно само по себѣ коронованіе императрицы Екатерины I, помогло ей занять престолъ своего мужа. Дѣло объяснялось тѣмъ, что за нее ратовала самая могущественная въ государствѣ партія вельможъ, которые коронаціей и воспользовались только какъ однимъ изъ внѣшнихъ доводовъ, говорившихъ въ пользу излюбленнаго ими лица. Что касается до массы народной, то въ ея глазахъ коронація Екатерины не имѣла ровно никакого значенія. Въ центрѣ Россіи, въ патріотической Москвѣ, при возшествіи Екатерины на престолъ оказывались такіе ослушники, которые не хотѣли присягать и говорили между прочимъ,

что Екатерина не прямая царица; другіе говорили: „креста цѣловать не буду; если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ женщины“. Нѣкоторые еще разсуждали такъ: „нестаточное дѣло женщинѣ быть на престолѣ; она же иноземка“ [1]).

II.

Императрица Екатерина I царствовала очень не долго. Она скончалась 7-го мая 1727 года. Преемникомъ Екатерины объявили сына царевича Алексѣя Петровича, великаго князя Петра, подъ именемъ Петра II. Новому императору было только одиннадцать лѣтъ. До совершеннолѣтія государя управленіе государствомъ предоставлено было такъ называемому Верховному тайному совѣту, во главѣ котораго сначала находился князь Меншиковъ, а потомъ князь Долгорукій. Несмотря на несовершеннолѣтіе императора Петра II, Верховный тайный совѣтъ рѣшилъ короновать его. 10-го октября 1727 года появился манифестъ объ имѣющей послѣдовать въ началѣ слѣдующаго года коронаціи.

Въ концѣ 1727 года, начались сборы двора въ Москву для коронаціи. Девятаго января слѣдующаго 1728 года, императорскій дворъ при пушечной пальбѣ выѣхалъ изъ Петербурга. На пути въ Москву императоръ заѣхалъ въ Новгородъ. Въ этомъ древнемъ городѣ государю и его свитѣ приготовили торжественную встрѣчу, устроенную въ честь юнаго императора мѣстнымъ архіепископомъ Ѳеофаномъ. И должно отдать честь изобрѣтательности Ѳеофана. Встрѣча вышла во всѣхъ отношеніяхъ блестящею. Въ челѣ встрѣчи шли четыреста мальчиковъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ красными нашивными на груди перевязями, которые за версту отъ города встрѣчали императора и привѣтствовали его по русски и по ла-

---

[1]) См.: Соловьевъ, т. XVIII. Андреевъ: Екатерина Первая. Осьмнадцатый вѣкъ, изд. П. Бартенева, кн. III. Н. И. Костомаровъ: Екатерина Алексѣевна, первая рус. императрица—„Древн. и Нов. Росс.“ 1877 г. № 1. Голиковъ: Дѣянія Петра Великаго, часть IX. Вергольцъ, камеръ юнкеръ—его дневникъ, ч. IV. Записки графа Бассевича въ Русск. Архивѣ за 1865 г. кн. IV. М. И. Семевскій: Семейство Монсовъ. Описаніе коронаціи Екатерины I. Спб. 1724 г. Сентября 5-го. Сенатская типограф. П. Собр. Зак. Росс. Импер., томъ VII, № 4366, 4501, 4500, 4643. Крыловъ. Истор. описаніе коронацій. „Прав. Вѣстн.“ 1882 г. № 268.

тыни. Затѣмъ слѣдовалъ почетный строй дворянъ, перемѣшанныхъ съ цеховыми, тянувшійся по обѣимъ сторонамъ дорогъ, до самаго города. При входѣ въ городъ возвышались тріумфальныя ворота, украшенныя символическими надписями и картинами. Архіепископъ Ѳеофанъ далъ въ честь императора блестящій обѣдъ. Въ заключеніе торжества, ночью зажженъ былъ фейерверкъ изъ 150 пирамидъ.

О пріѣздѣ императора въ Москву для коронаціи объявлено было еще въ 1727 году. 27-го октября этого года Верховный тайный совѣтъ издалъ на имя московскаго генералъ-губернатора, князя Ромодановскаго указъ, которымъ повелѣвалось ему къ имѣющему быть пріѣзду императора въ Москву устроить трое тріумфальныхъ воротъ: однѣ по Земляному городу на счетъ казны, другія въ Бѣломъ городѣ—на счетъ купечества, третьи въ Китаѣ-городѣ—на счетъ св. синода. 31-го октября, вышелъ новый указъ верховнаго тайнаго совѣта объ убранствѣ этихъ воротъ картинами и коврами.

Императоръ остановился на нѣсколько дней подъ Москвою, именно въ селѣ Всесвятскомъ, для того, чтобы приготовиться къ торжественному въѣзду въ древнюю столицу. 4-го февраля императоръ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. Во время торжественнаго шествія, юный государь ѣхалъ въ прекрасной, запряженной цугомъ въ восемь лошадей, каретѣ; рядомъ съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ воспитатель его, баронъ Андрей Остерманъ.

25-го февраля 1728 г. состоялась коронація Петра II совершенно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ происходила коронація императрица Екатерины. Изданный церемоніалъ коронованія Петра II есть не болѣе, какъ простая копія, съ замѣною, конечно, однихъ лицъ другими, съ церемоніала коронованія Екатерины. Первенствующую роль въ духовенствѣ теперь игралъ архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, самымъ предательнымъ образомъ сгубившій своего предшественника, архіепископа Ѳеодосія Яновскаго, съ тѣмъ, чтобы самому занять потомъ его мѣсто. Второе мѣсто въ коронаціи Петра II принадлежало архіепископу Ростовскому. Любопытно то, что императоръ, по примѣру Екатерины, послѣ своего миропомазанія не былъ вводимъ въ св. алтарь для причащенія св. таинъ, какъ это вошло въ обычай впослѣдствіи. Петръ II короновался короною Екатерины I, которая для новой коронаціи была только

поукрашена и дополнена нѣсколькими другими драгоцѣнными каменьями.

Въ день коронаціи, въ Грановитой палатѣ состоялся народный обѣдъ. Предъ окончаніемъ стола, канцлеръ графъ Головкинъ роздалъ всѣмъ присутствовавшимъ при коронованіи знатнымъ особамъ большія золотыя медали, нарочно для этого торжества сдѣланныя.

На другой день коронаціи, 26-го февраля, императоръ принималъ поздравленія отъ иностранныхъ пословъ. На третій день коронаціи, на Царицыномъ лугу, отправленъ былъ балъ съ фейерверкомъ, къ которому получили приглашеніе и иностранные послы. На четвертый день послѣ коронованія, данъ былъ праздникъ собственно для народа, происходившій въ Кремлѣ, на большой дворцовой площади, и состоявшій въ мгновенномъ уничтоженіи фонтановъ вина и жаренныхъ начиненныхъ птицами быковъ. Въ устройствѣ народнаго праздника принимали участіе и послы иностранныхъ державъ. Испанскій посолъ (герцогъ де-Лирія), прекрасно иллюминовалъ весь свой домъ и въ день коронаціи выставилъ для народа два жаренныхъ быка и два фонтана водки. Императоръ во время празднествъ, по вечерамъ, часто разъѣзжалъ по Москвѣ и любовался тѣмъ, какъ его народъ праздновалъ его коронацію.

Коронованіе императора Петра II праздновалось и въ Петербургѣ. Здѣсь, между прочимъ, по случаю коронаціи императора, Академія Наукъ имѣла торжественное собраніе, въ которомъ Байеръ читалъ латинскіе стихи, сочиненные по случаю этого торжества.

Коронація Петра II ознаменовалась разными милостями. Въ день коронаціи, князья Трубецкой и Долгорукій получили званіе генералъ-фельдмаршаловъ, четыре другихъ придворныхъ получили званіе лейтенантовъ. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что среди коронаціонныхъ праздниковъ не забыли и простой народъ. Наканунѣ коронаціи, 24-го февраля, Верховный тайный совѣтъ обнародовалъ высочайшій манифестъ о прощеніи недоимокъ и положенныхъ штрафовъ и объ облегченіи наказаній. Этимъ манифестомъ дарованы были слѣдующія милости:

I. Лица, приговоренныя за какой нибудь проступокъ судомъ къ денежному штрафу, получали полное освобожденіе отъ платежа, точно также получали полную свободу личную и отъ пла-

тежа тѣ лица, которыя подпали штрафу и, кромѣ того, посажены были въ колодки. Свободу отъ караула получали также всѣ тѣ лица, которыя держались въ колодкахъ въ „пошлинныхъ деньгахъ“, если при этомъ становилось достовѣрно извѣстно, что онѣ выплатить эти деньги положительно оказывались не въ состояніи.

II. Въ тюрьмахъ и колодкахъ попадалось не мало такихъ лицъ, которыя, забравши деньги изъ казны на какія-либо покупки или подряды, на срокъ, къ условленному времени объявляли себя неисправными и оказывались въ то же время не въ состояніи уплатить забранную ими сумму денегъ. Всѣ дѣла, касающіяся этого рода преступниковъ, высочайшимъ манифестомъ приказывалось представить въ сенатъ и немедленно подвергнуть разсмотрѣнію въ теченіи не позже, какъ одного мѣсяца, насколько осторожно и съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій давались казенные подряды и не было ли здѣсь какого опущенія со стороны вѣдавшихъ тѣ дѣла чиновниковъ. По разсмотрѣніи этого рода дѣлъ, сенатъ съ своимъ мнѣніемъ обязывался представить въ Тайный совѣтъ особую краткую вѣдомость о лицахъ, которыя предназначались къ полному прощенію въ растратѣ казенныхъ денегъ или же къ смягченію слѣдуемаго за ихъ проступокъ наказанія.

III. Драгуны и солдаты, подвергнутые аресту и суду за растрату казенныхъ денегъ, и приговоренные къ ссылкѣ въ каторжныя работы, на основаніи вышедшаго манифеста, въ качествѣ наказанія, предназначались къ ссылкѣ на службу въ полки, дѣйствовавшіе въ Персидскихъ провинціяхъ. Подобнаго-же рода смягченному наказанію подвергались, на основаніи манифеста, уличенные въ растратахъ казенныхъ суммъ подъячіе и счетчики: ихъ повелѣвалось, записавъ въ писаря или въ солдаты, послать въ тѣ-же полки, дѣйствовавшіе на Персидской границѣ.

IV. Не были обойдены въ милостяхъ и даже самые важные преступники. Виновные въ разныхъ воровствахъ, разбояхъ или убійствахъ, по дѣйствовавшимъ въ то время законамъ, подлежали за свои проступки или смертной казни, или ссылкѣ въ каторжныя работы на вѣчное время. Этого рода преступникамъ смертная казнь или вѣчная каторга замѣнялась, по предварительномъ наказаніи кнутомъ, простою ссылкою въ Сибирь на вѣчное жительство. Преступникамъ, осужденнымъ въ каторжныя работы только вре-

менно—на три года и болѣе, каторжныя работы замѣнялись простою ссылкою въ Сибирь на житье и при томъ безъ всякаго предварительнаго тѣлеснаго наказанія. Этого рода преступники предоставлялись въ полное распоряженіе сибирскихъ губернаторовъ, которые могли по своему личному усмотрѣнію даже опредѣлить ихъ на службу. Что касается до преступниковъ, осужденныхъ на каторгу на непродолжительное время, именно менѣе чѣмъ на три года, то относительно ихъ повелѣвалось подать въ Верховный тайный совѣтъ особыя вѣдомости, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить степень смягченія ихъ наказаній.

Изданный по случаю коронаціи всемилостивѣйшій манифестъ, содержаніе котораго только что мы передали, не распространялся на всѣхъ подданныхъ; онъ вращался исключительно въ области смягченія наказаній для разнаго рода преступниковъ и провинившихся лицъ. Но въ тотъ же день (24-го февраля) былъ изданъ и другой манифестъ, расточавшій милости новокоронованнаго монарха на всѣ десятки милліоновъ подданнаго народа. Этимъ манифестомъ прощалась народу подушная подать, слѣдующая съ крестьянъ и дворовыхъ людей за майскую треть 1728 г.

Среди милостей простому народу, члены верховнаго тайнаго совѣта не забыли и самихъ себя: указомъ отъ 26-го февраля, объявлялось старшинство дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, присутствующихъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, предъ полными генералами и другими сановными лицами въ государствѣ [1]).

III.

Императоръ Петръ II царствовалъ недолго: 19-го января 1730 г. онъ умеръ отъ оспы, будучи отъ роду только четырнадцати лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ. Послѣ него русскій престолъ достался императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. 4-го февраля 1730 г. отъ

[1]) О коронаціи Петра II: Церемоніалъ коронованія императора Петра II. Спб. 1858. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время. Соч. М. Д. Хмырова. Спб. 1867. Записки Дюка Лирійскаго, перев. Языкова. Спб. 1845. Письма о Россіи въ Испанію Дюка-де-Лирія. Осьмнадцатый вѣкъ изд. П. Бартенева, кн. II. Записки генерала Манштейна, изданіе редакціи «Русской Старины», Спб. 1875. Соловьевъ, т. XIX. П. Собран. Зак., т. VII, № 5190 и 5191, т. VIII, № 5243 и 5244.

имени верховнаго тайнаго совѣта появился манифестъ, которымъ извѣщалось, что на русскій императорскій престолъ „общимъ желаніемъ и согласіемъ всего Россійскаго народа“ избрана бывшая герцогиня курляндская, дочь царя Іоанна Алексѣевича, Анна Іоанновна. 11-го февраля императрица Анна пріѣхала къ Москвѣ и остановилась въ селѣ Всесвятскомъ, подъ самою Москвою. 28-го марта появился манифестъ о вступленіи императрицы на престолъ съ правами самодержавной государыни. Менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ того, именно 16-го марта, новая императрица обнародовала другой манифестъ, въ которомъ говорилось о намѣреніи ея короноваться въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же года. Днемъ коронаціи назначено было 28-го апрѣля. За недѣлю до коронаціи, 20-го апрѣля, вновь вышедшимъ указомъ повелѣвалось день коронаціи отпраздновать во всей Россіи торжественнымъ богослуженіемъ, пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ.

Коронація императрицы Анны Іоанновны происходила совершенно въ томъ же порядкѣ и съ соблюденіемъ того же церемоніала, какой дѣйствовалъ при предшествовавшихъ ей двухъ коронаціяхъ.

Отличіе коронаціи императрицы Анны Іоанновны заключалось въ томъ только, что она вышла гораздо роскошнѣе и великолѣпнѣе прежнихъ двухъ. Императрица Анна для своей коронаціи заказала новую корону, по образцу короны Екатерины I, но только нѣсколько больше и драгоцѣннѣе. Съ прежней короны были сняты всѣ бриліанты и другіе драгоцѣнные камни. Въ общемъ, количество алмазовъ и брилліантовъ, украшавшихъ новую корону, простиралось до 2579, кромѣ 28 большихъ самоцвѣтныхъ камней. Изъ духовныхъ на коронаціи первенствовалъ тотъ-же новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ, а вторымъ за нимъ дѣйствовалъ Ѳеофилактъ Лапатинскій, архіепископъ Тверской. Въ нѣкоторыхъ своихъ подробностяхъ коронованіе Анны имѣло свои отличія. При самомъ обрядѣ коронованія императорскія регаліи, какъ-то мантію или порфиру, корону и скипетръ возлагалъ на императрицу первенствующій іерархъ церкви русской, архіепископъ Ѳеофанъ, а не сама коронующаяся, что мы видимъ въ коронованіяхъ послѣдующаго времени. При коронованіи императрицы Анны, въ первый разъ въ чинъ внесена особая умилительная молитва, возглашаемая колѣнопреклоненнымъ въ порфирѣ государемъ. Въ ней порфироносный молитвенникъ благодаритъ Царя царствующихъ за удостоеніе ве-

личайшаго на землѣ званія. При своемъ короновaніи императрица Анна, по возложеніи на нее всѣхъ императорскихъ регалій и по исполненіи многолѣтія, встала съ своего престола и, отдавъ скипетръ и державу другимъ, прочитала по книгѣ ту умилительную молитву, которая составляетъ, такъ сказать, отличительную особенность коронованія собственно императорскаго.

Вслѣдъ за прочитанною государынею молитвою вся церковь преклонила колѣна и первенствующій іерархъ, архіепископъ Ѳеофанъ, также стоя на колѣняхъ, прочиталъ отъ лица всего народа не менѣе умилительную благодарственную молитву о даровaніи царя по сердцу своему. Во время чтенія послѣдней молитвы, императрица только одна стояла на своемъ тронѣ среди колѣнопреклоненнаго народа. Особенностью коронованія императрицы Анны служитъ и то, что она первая изъ русскихъ императоровъ по св. муропомазаніи введена была во св. алтарь и приняла св. тайны по чину царскому, т. е. также, какъ причащаются сами священнослужители—особо тѣла и вина.

При торжественномъ шествіи изъ Успенскаго собора въ Архангельскій, императрица по обѣ стороны пути бросала въ народъ серебряные и золотые жетоны, выбитые нарочно для этого случая. Тогда же отправлены были верхомъ на лошадяхъ два высокаго ранга чиновника съ мѣшками жетоновъ, которые они должны были бросать въ народъ. По возвращеніи изъ соборовъ въ свои аппартаменты, императрица сама роздала знатнѣйшимъ особамъ, бывшимъ при коронаціи, золотые и серебряные большаго формата медали съ изображеніями императрицы. Тутъ же императрица приказала объявить о своихъ пожалованіяхъ въ чины по случаю своего коронованія: здѣсь до семнадцати человѣкъ военныхъ и до двадцати двухъ статскихъ чиновниковъ получили повышенія въ чинахъ. Между прочими наградами, 9-го мая, былъ объявленъ оберъ-камергеромъ двора извѣстный Биронъ. Почти всѣ награжденныя императрицею лица принадлежали къ самымъ знатнымъ фамиліямъ и были близки ко двору.

Торжество коронаціи продолжалось въ теченіи цѣлыхъ семи дней. Въ продолженіи этой недѣли, по ночамъ, вся Москва озарялась иллюминаціями. Въ устройствѣ иллюминацій и фейерверковъ принимали участіе и всѣ послы иностранныхъ дворовъ, а нѣкоторые изъ нихъ устроили тріумфальныя ворота или арки,

которыя по ночамъ иллюминовались. Особенно здѣсь отличался испанскій посолъ. Мѣстоположеніе дома, занимаемаго посломъ, не дало ему возможности иллюминовать самый домъ. Поэтому онъ приказалъ архитектору начертить планъ тріумфальныхъ воротъ или арки, которую бы можно было перекинуть поперекъ улицы. Арка эта была сдѣлана въ дорическомъ стилѣ, поддерживаемая двѣнадцатью колоннами, изъ которыхъ восемь должны были поддерживать ворота, служившіе для проѣзда и прохода, а другія четыре, служа для симметріи, были украшены четырьмя картинами и столькими же медальонами и въ то же время поддерживали четыре статуи, которыя, представляя силу, милосердіе, славу и религію, и помѣщенныя по четыремъ угламъ величественнаго карниза галлереи, производили удивительный эффектъ. По ту и по другую сторону этой арки были помѣщены гербы Испаніи. Подъ первою аркою возвышался родъ другой арки, образовавшей раму, въ которую были вставлены два портрета царицы, которая была нарисована въ естественный ростъ на тонкомъ полотнѣ: эти портреты были хороши и при дневномъ свѣтѣ, но ночью, будучи транспорантными, они были, по отзыву современника, превосходны. Эта вторая арка поддерживалась также осьмью колоннами, которыя служили ей базисомъ, и, давая прекрасный видъ, поддерживали орловъ—гербъ Россіи. Все это было сдѣлано изъ крѣпкаго, разрисованнаго подъ мраморъ дерева, освѣщено семью тысячами свѣчей, имѣло въ вышину до тридцати аршинъ и испещрено разными эмблемами и символическими надписями. Вообще, по словамъ хроникеровъ, во всемъ городѣ устроены были такія великолѣпныя иллюминаціи, подобныхъ которымъ еще не видали въ Россіи. На другой день послѣ коронаціи, императрица принимала поздравленія отъ членовъ своего двора, генералитета, синода, иностранныхъ пословъ и др.

2-го мая 1730 г. императрица устроила праздникъ въ своемъ лѣтнемъ, Головинскомъ, дворцѣ; на праздникѣ присутствовали всѣ послы иностранныхъ державъ. Въ дворцовомъ саду были живописно раскинуты шатры, а подъ ними разставлены столы съ конфектами и съ винами, и различными прохлаждающими изящными напитками. Императрица прогуливалась по саду и окружавшіе ее придворные угощались самыми изысканными винами и закусками кто сколько и что хотѣлъ. Съ началомъ ночи, садъ Головинскаго

дворца, всѣ аллеи, лѣстницы, фонтаны и бесѣдки освѣтились огнями. Горѣло болѣе двадцати тысячъ разноцвѣтныхъ фонарей. Праздникъ закончился танцами и затѣмъ ужиномъ. Изъ Головинскаго дворца императрица возвращалась въ Москву чрезъ Нѣмецкую слободу, гдѣ сосредоточивались квартиры большинства иностранныхъ пословъ. У всѣхъ посольскихъ домовъ горѣли самыя причудливыя иллюминаціи. Самая большая была у австрійскаго посланника. На устроенныхъ испанскимъ посломъ тріумфальныхъ воротахъ играли трубачи въ то время, когда императрица, возвращаясь изъ Головинскаго дворца, проѣзжала по нѣмецкой слободѣ. Послы иностранныхъ державъ, при проѣздѣ мимо ихъ квартиръ императрицы, выходили изъ своихъ аппартаментовъ и, стоя на улицѣ противъ своихъ квартиръ, дѣлали поклонъ проѣзжавшей императрицѣ. Ей очень понравилась иллюминованная арка, сдѣланная испанскимъ посломъ, и она оказала послѣднему особенную честь: велѣла остановиться своей каретѣ при воротахъ дома испанскаго посольства, у которыхъ находился самъ посолъ, дала ему поцѣловать свою руку и очень благодарила его за особенно вышедшую удачно иллюминацію его дома.

3-го мая, при дворѣ императрицы, въ Грановитой палатѣ, данъ былъ блестящій балъ съ танцами, на которомъ въ качествѣ приглашенныхъ находились всѣ послы иностранныхъ державъ. Кромѣ танцевъ балъ состоялъ изъ многихъ другихъ увеселеній, притомъ довольно оригинальныхъ. Напримѣръ, на дворцовой площади отъ Краснаго крыльца на колокольню Ивана Великаго былъ протянутъ канатъ, на которомъ, для удовольствія публики, танцовалъ и выкидывалъ разныя замѣчательныя фигуры виртуозъ—канатный плясунъ-персіанинъ. Балъ закончился изысканнымъ ужиномъ. Столъ для ужина отличался рѣдкимъ убранствомъ. Онъ имѣлъ видъ циркуля, въ срединѣ дуги котораго возвышались два фонтана съ серебряными статуями, извергавшіе изъ себя на значительную высоту воду, падавшую въ тутъ же искусно устроенные бассейны. Послѣдніе въ свою очередь были наполнены значительнымъ количествомъ разныхъ породъ рыбъ. Передавшій эти подробности придворнаго празднества русскій современникъ вообще не находитъ словъ для описанія всѣхъ его красотъ и высказывается въ общихъ чертахъ, что этотъ столъ такъ былъ хорошъ и такой

имѣлъ блестящій видъ, что не поддается никакому описанію. И въ этихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія: испанскій посолъ, свидѣтель всѣхъ придворныхъ празднествъ времени коронаціи Анны Іоанновны, и тотъ высказывалъ такое же точно свое удивленіе и впечатлѣніе. По его словамъ, онъ никогда не видалъ такого блестящаго праздника и такого отличнаго ужина.

Придворныя празднества, вызванныя коронаціей, закончились 5-го мая придворнымъ баломъ, послѣ котораго сожженъ былъ блестящій фейерверкъ, устроенный напротивъ кремлевскаго дворца. Всѣ вообще коронаціонныя празднества императрицы Анны Іоанновны отличались рѣдкою роскошью и потребовали для себя громаднѣйшихъ затратъ. Дворъ Анны славился своею безпредѣльною роскошью на всю Европу. „Вы не можете себѣ вообразить роскошь этого дворца, писалъ испанскій посолъ въ Мадридъ, по случаю коронаціи русской императрицы,—я былъ при многихъ дворахъ, но могу васъ увѣрить, здѣшній дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ даже самые богатѣйшіе, потому что здѣсь все богаче, чѣмъ даже въ Парижѣ".

Среди празднествъ не забыли и простой народъ. Манифестомъ отъ 20-го апрѣля, управлявшему Петербургомъ, графу Миниху, въ день коронаціи повелѣвалось, послѣ торжественнаго богослуженія, „учинить столъ, на который издержать изъ остаточныхъ денегъ военной коллегіи до тысячи рублей".

Коронаціонныя празднества въ Москвѣ, предназначенныя собственно для простаго народа, происходили по одному и тому же шаблону: тѣ же пресловутые жаренные быки, начиненные птицами, на рундукахъ, тѣ же обязательные два искуственные фонтана вина и под. Иностранные послы также угощали народъ: Австрійскій посолъ, первый человѣкъ во всемъ дипломатическомъ корпусѣ, игравшій тогда самую важную роль при нашемъ дворѣ, въ теченіи первыхъ четырехъ дней послѣ коронаціи устраивалъ для народа фонтаны изъ вина. Но испанскій посолъ въ данномъ случаѣ поступилъ благоразумнѣе: изъ опасенія несчастій, которыя обыкновенны въ этихъ случаяхъ (многіе опивались, навалившись на даровщинку), тѣ деньги, которыя назначилъ для вина, онъ роздалъ бѣднымъ и по больницамъ, чрезъ посредство новгородскаго архіепископа.

Коронованіе императрицы Анны не ознаменовалось никакими милостями и облегченіями для простого народа. По крайней мѣрѣ, мы около этого времени не находимъ никакихъ законоположеній подобнаго рода [1]).

IV.

Императрица Анна Іоанновна царствовала около десяти лѣтъ. Она умерла 16 октября 1740 г. Не задолго до своей смерти, она назначила себѣ преемника въ лицѣ внука своего Іоанна VI Антоновича, бывшаго тогда еще ребенкомъ, не много болѣе одного года. Наканунѣ своей смерти императрица Анна подписала указъ о регентствѣ своего любимца Бирона, герцога курляндскаго, получившаго право управлять имперіей впредь до совершеннолѣтія императора. Регентство Бирона продолжалось только съ 17 октября по 9-е ноября 1740 г. Съ 9 ноября 1740 г. и по 25 ноября 1741 г. регентство находилось въ рукахъ Анны Леопольдовны, матери императора, принцессы Брауншвейгской. 25 ноября 1741 г. на русскій императорскій престолъ вступила дочь Петра Великаго, принцесса Елисавета Петровна, и царствовала около двадцати лѣтъ.

1-го января 1742 г. Елисавета Петровна обнародовала манифестъ объ имѣющемъ послѣдовать въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года своемъ коронованіи. Манифестъ этотъ до буквальности тождественъ съ манифестомъ императрицы Анны, изданнымъ по тому же самому поводу. 23 февраля Елисавета выѣхала изъ Петербурга и 26 числа, въ пятомъ часу пополудни, пріѣхала въ село Всесвятское, находящееся въ семи верстахъ отъ Москвы. 28 февраля императрица имѣла торжественный въѣздъ въ древнюю столицу. Для торжественнаго въѣзда государыни сдѣлано было нѣсколько тріумфальныхъ воротъ. Первыя на Тверской улицѣ у Землянаго города—отъ Московской губерніи; вторыя въ Китаѣ-городѣ отъ св.

---

[1]) О коронованіи императрицы Анны: Описаніе коронаціи императрицы Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ Москвѣ 28 апрѣля 1730 г. М. 1730. Письма о Россіи въ Испанію Дука-де-Лирія. Осьмнадцатый Вѣкъ, изд. П. Бартенева, кн. III. П. Собр. законовъ, т. VIII, № 5499, 5509, 5517, 5537. Записки Дука Лирійскаго, перев. Языкова.

Синода, третьи на Мясницкой у Землянаго города—отъ московскаго купечества, и четвертыя на Яузѣ, близь одного изъ дворцовъ императорскихъ. Въ десятомъ часу императрица пріѣхала изъ Всесвятскаго въ Тверскую ямскую слободу, гдѣ пересѣла въ парадную карету и начался въѣздъ въ порядкѣ, мало измѣнившемся даже въ значительно позднѣйшее время.

Въ Успенскомъ соборѣ новгородскій архіепископъ Амвросій (Юшкевичъ) встрѣтилъ императрицу глубоко прочувствованною и патріотическою рѣчью, въ которой ораторъ картинно описывалъ прежнее жестокое могущество нѣмцевъ въ нашемъ отечествѣ и открытіе вмѣстѣ съ Елизаветой новой чисто русской національной эры въ Россіи. Послѣ посѣщенія соборовъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго, императрица опять сѣла въ парадную карету и тѣмъ же порядкомъ отправилась къ зимнему своему дому, что на Яузѣ. Когда она подъѣхала къ тріумфальнымъ синодальнымъ воротамъ, то ее здѣсь встрѣтили сорокъ воспитанниковъ славяно-греко-латинской академіи. Они были одѣты въ бѣлыя платья, съ вѣнцами на головахъ и съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, и пропѣли императрицѣ кантату, восхваляющую ее и наступившее съ нею благодатное время для Россіи. Днемъ коронаціи назначено было 25 апрѣля. Въ коммисію о коронаціи отпущено пятьдесятъ тысячъ рублей, да кромѣ того на фейерверкъ—девятнадцать тысячъ. 23-го апрѣля императрица переѣхала изъ зимняго своего дома въ кремлевскій дворецъ, въ виду скораго наступленія дня коронаціи.

Въ коронаціи первенствующую роль среди священнодѣйствующаго духовенства игралъ Амвросій, архіепископъ новгородскій, и Стефанъ, епископъ псковскій. Во время самой церемоніи императорскую мантію и корону императрица возлагала на себя сама; первенствующій архіерей только подносилъ ей то или другое на подушкахъ, что собственно и составляетъ отличіе коронованія императрицы Елисаветы отъ предшествующей коронаціи. Императрица Елисавета вѣнчалась короною императрицы Анны. Непосредственно послѣ совершенія коронованія, предъ началомъ литургіи, архіепископъ Амвросій привѣтствовалъ новокоронованную государыню длинною рѣчью. Послѣ миропомазанія императрица введена была архіереями во св. алтарь и причастилась св. тайнъ отъ первенствующаго архіерея по чину царскому. Во

время шествія императрицы изъ Успенскаго собора въ Архангельскій сопровождавшій ее канцлеръ, по примѣру предшествовавшихъ коронацій, бросалъ по обѣ стороны пути золотые и серебряные жетоны. Точно также въ то же самое время отправлено было нѣсколько чиновниковъ верхомъ на богато убранныхъ лошадяхъ для того, чтобы бросать въ народъ жетоны. Высокопоставленнымъ лицамъ, собравшимся въ Грановитой палатѣ, императрица раздавала выбитыя по случаю ея коронаціи медали сама изъ своихъ рукъ; другимъ, менѣе знатнымъ, раздавалъ канцлеръ. Тутъ же объявленъ былъ длинный списокъ высочайшихъ пожалованій по случаю коронаціи. Предъ торжественнымъ обѣдомъ въ Грановитой палатѣ, и особенно послѣ него, императрица нѣсколько разъ подходила къ окнамъ палаты и сама бросала въ народъ золотые и серебряные жетоны.

Для ознаменованія дня своей коронаціи императрица Елисавета почему-то предпочтительное вниманіе обратила на распространеніе медалей, выбитыхъ по этому случаю. Было выбито нѣсколько разрядовъ медалей съ различными рисунками и неодинаковой цѣнности. Были золотыя медали въ пятьдесятъ червонныхъ, которыя предназначались для раздачи посламъ иностранныхъ державъ, медали золотыя въ тридцать пять червонныхъ давались придворнымъ особамъ обоего пола перваго класса, золотыя медали въ тридцать червонныхъ давались архіереямъ, членамъ синода, и свѣтскимъ особамъ втораго класса; золотыя медали въ двадцать червонныхъ получали епархіальные архіереи, находившіеся при коронаціи, и свѣтскія особы третьяго класса; медали въ пятнадцать червонныхъ получали епархіальные архіереи, бывшіе въ своихъ епархіяхъ, и первоклассные, бывшіе при коронаціи, архимандриты и свѣтскія особы четвертаго класса. Были еще золотыя медали въ десять червонныхъ, которыя давались свѣтскимъ особамъ пятаго класса и рядовымъ архимандритамъ. Серебряныя медали раздавались лицамъ, имѣющимъ низшіе чины. Онѣ были разныхъ достоинствъ: въ двадцать четыре золотника, въ осьмнадцать и въ двѣнадцать золотниковъ. На коронаціонныхъ медаляхъ на одной сторонѣ находился портретъ государыни, на другой тоже портретъ государыни съ изображеніемъ промысла Божія въ легкомъ облакѣ, возлагающаго на нее корону, а внизу надпись: „коронована въ Москвѣ въ 1742 г.“. У жетоновъ съ одной стороны

была оттиснута корона съ надписью кругомъ: „благодать отъ Вышняго“, на другой надпись: „Елисавета императрица, коронована въ Москвѣ въ 1742 г.“.

26-го апрѣля императрица принимала въ Грановитой палатѣ поздравленія отъ высшаго духовенства, иностранныхъ пословъ и др. высшихъ лицъ.

Празднованіе коронаціи продолжалось въ теченіе цѣлой недѣли, при чемъ весь городъ, особенно кремль, по ночамъ всегда иллюминовался самымъ роскошнымъ образомъ.

Двадцать девятаго числа апрѣля императрица переѣхала, при торжественной и парадной обстановкѣ, изъ кремлевскаго дворца въ зимній свой домъ, что на Яузѣ. На пути изъ кремля, у синодальныхъ воротъ, императрицу привѣтствовали всѣ синодальные члены, окруженные толпою въ двадцать человѣкъ студентовъ славяно-греко-латинской академіи, которые на этотъ разъ нарочно одѣты были въ бѣлыя одѣянія, держали въ рукѣ вѣтви и на головѣ лавровые вѣнки. 1-го, 3 и 4-го мая въ императорскомъ зимнемъ домѣ на Яузѣ давались блестящіе балы для высшихъ придворныхъ особъ. Особеннымъ украшеніемъ этихъ баловъ служила итальянская музыка. Въ столовой залѣ дворца, на время баловъ, устроенъ былъ по срединѣ изящный бассейнъ, извергавшій нѣсколько фонтановъ. Столы отличались также рѣдкимъ убранствомъ. На нихъ ставились искуственныя пирамиды изъ конфектъ и разныя оранжерейныя съ фруктами растенія. Съ осьмаго числа мая открылся при дворѣ цѣлый рядъ маскарадовъ, которые продолжались до двадцать пятаго числа. 29-го мая при дворѣ былъ особый балъ, на которомъ играла итальянская оперная труппа. Коронаціонныя празднества закончились только седьмаго іюня. Тогда же, въ знакъ окончанія торжества, весь городъ былъ иллюминованъ.

Что касается до чисто народныхъ празднествъ, то онѣ происходили совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ были при коронаціи императрицы Анны.

По случаю коронаціи послѣдовала раздача многимъ чиновъ и орденовъ. Андреевскій орденъ получили: генералъ-фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, генералъ Салтыковъ, князь Никита Трубецкой, сенаторъ Александръ Нарышкинъ и др. Воронцовъ и Шуваловъ получили орденъ Александра Невскаго. Другимъ пожалованъ графскій титулъ, каковы: Григорій Черны-

шевъ, Петръ Бестужевъ-Рюминъ. Мы только для примѣра нѣсколько указали на тѣ высочайше пожалованныя повышенія и награды, которыхъ удостоился кружокъ придворныхъ чиновъ и царедворцевъ. Какъ бы ни былъ самъ по себѣ многочисленъ этотъ кружокъ, онъ все-таки представлялъ изъ себя не болѣе какъ ничтожную горсть предъ массою народа и потому обнаруженныя къ этому кружку милости имѣютъ частный, личный, а уже ни какъ не общегосударственный характеръ. Но императрица не позабыла и про остальныхъ своихъ подданныхъ. По случаю коронаціи всѣ болѣе или менѣе знатнѣйшіе опальные прошлыхъ царствованій были возвращены изъ ссылки и изъ разнаго рода заключеній. Императрица знала хорошо и то, что прежде очень много людей разнаго званія и состоянія ссылалось невинно, и потому она вскорѣ послѣ своей коронаціи, 27 сентября 1742 г., обнародовала слѣдующій указъ: „Ея императорскому величеству сдѣлалось извѣстно, что въ бывшія правленія нѣкоторыя лица посланы въ ссылки въ разныя отдаленныя мѣста государства, и объ нихъ когда, откуда и съ какимъ опредѣленіемъ посланы ни въ сенатѣ, ни въ тайной канцеляріи извѣстія нѣтъ, и именъ ихъ тамъ, гдѣ обрѣтаются, невѣдомо: потому ея императорское величество изволила послать указы во все государство, чтобы гдѣ есть такіе невѣдомо содержащіеся люди, оныхъ изъ всѣхъ мѣстъ велѣть прислать туда, гдѣ будетъ находиться ея императорское величество и съ вѣдомостями когда, откуда и съ какимъ указомъ присланы“.

Еще нѣсколько раньше своей коронаціи, именно при вступленіи на престолъ, императрица даровала своимъ подданнымъ рядъ самыхъ широкихъ милостей. Въ числѣ этихъ милостей должно указать на безсмертное распоряженіе императрицы Елисаветы Петровны объ отмѣнѣ смертной казни.

15 декабря 1741 г. появился манифестъ императрицы о всемилостивѣйшемъ прощеніи преступниковъ и о сложеніи штрафовъ и начетовъ съ 1719 г. по 1730 г., которымъ объявлялись народу слѣдующія милости:

I. Лица всякаго званія и состоянія, оказавшіяся виновными въ неисправности по должности, и во многихъ другихъ проступкахъ и преступленіяхъ, за которыя онѣ по приговору судовъ осуждены были или на смертную казнь, или въ каторжную ра-

боту, или въ ссылку, или приговорены къ тѣлесному наказанію, или къ лишенію чиновъ, тѣ всѣ получали полное прощеніе и избавлялись отъ всякаго штрафа и наказанія. Точно такое же прощеніе получили и тѣ преступники, относительно которыхъ хотя еще и не были поставлены судомъ опредѣленные приговоры, но слѣдствіе по ихъ дѣламъ было уже окончено. Что же касается до тѣхъ лицъ, относительно преступленій которыхъ не происходило еще судебнаго разслѣдованія, то дѣла ихъ повелѣвалось разслѣдовать немедленно и по окончаніи слѣдствія представить о нихъ подробную вѣдомость; штрафа же или какого-нибудь другого наказанія такимъ лицамъ не позволялось дѣлать впредь до полученія на то особаго высочайшаго указа.

II. Милости новой государыни простирались и на тѣхъ лицъ, которыя уже страдали подъ бременемъ наказаній. Преступники, осужденные за выше указанные проступки и преступленія, а также за начеты и недоимки, за утрату казенныхъ денегъ и за неисправность по подрядамъ и откупамъ и подвергнутые уже за то каторжной работѣ или ссылкѣ, также получали прощеніе и освобождались отъ всякаго наказанія. Мало того, лица, получившія свободу отъ наказаній, получали вмѣстѣ съ тѣмъ право и возможность снова поступить на государственную службу, если только онѣ оказывались годными къ тому. А тѣмъ изъ освобожденныхъ отъ наказаній лицъ, которыя за старостію и за болѣзнью не могли поступить на службу, предоставлялось право возвратиться въ свои дома; если же эти лица принадлежали къ крестьянскому сословію, то имъ повелѣвалось возвратиться къ ихъ вотчинамъ.

III. Получили прощеніе и освобожденіе отъ всякаго взысканія лица, состоявшія на всякаго рода государственной службѣ и растратившія казенныя деньги не свыше 500 рублей и оказавшіяся, по достовѣрному разслѣдованію дѣла, не въ состояніи уплатить ихъ. Что же касается до лицъ, причинившихъ какимъ-нибудь образомъ убытокъ казнѣ свыше, чѣмъ на 500 р. и заявившихъ свою полную несостоятельность, то онѣ освобождались отъ тѣлеснаго наказанія и вмѣстѣ съ своими семьями ссылались на вѣчное житье въ сибирскіе города, гдѣ имъ представлялась полная свобода жить какъ имъ вздумается.

IV. Всякія казенныя недоимки, недоборы и начеты, какого

бы званія людей они не касались, слагались всѣ безъ изъятія, начиная съ 1719 и по 1730 г.

V. Крестьяне и вообще всѣ лица, положенныя въ подушный окладъ, также получали нѣкоторыя льготы: приказано было въ теченіи двухъ лѣтъ вмѣсто подушныхъ семи гривенъ брать шесть гривенъ. Изъ этой льготы, впрочемъ, исключались всѣ иновѣрцы.

VI. Прощались всѣ недочеты по таможеннымъ и кабацкимъ дѣламъ, накопившіеся съ 1719 по 1730 г.

VII. Лица, взявшія и растратившія казенныя деньги или вещи, обязывались возвратить ихъ и, по уплатѣ ихъ, не подлежали уже никакому наказанію. Впрочемъ, это распоряженіе касалось только тѣхъ присвоителей казенныхъ денегъ, проступки которыхъ стали извѣстны до 1730 г. А лица, растратившія казенныя деньги послѣ 1730 г., получали полную свободу отъ взысканія съ нихъ казенныхъ денегъ.

VIII. Всякаго рода штрафы и проценты, назначенные ко взысканію, но еще невзысканные, слагались окончательно со счетовъ [1]).

V.

Императрица Елизавета Петровна умерла 25 декабря 1761 г., оставивъ русскій престолъ племяннику своему, голштинскому герцогу Петру Θеодоровичу, вступившему на престолъ подъ именемъ Петра III.

Большинство русскихъ людей встрѣтили мрачно новое царствованіе и ихъ нисколько не поразилъ извѣстный государственный переворотъ 28 іюня 1762 г., послѣдствіемъ котораго было восшествіе на престолъ супруги Петра, Екатерины Алексѣевны, и отреченіе его самаго отъ престола. Императоръ Петръ III представляетъ изъ себя единственнаго человѣка изъ русскихъ императоровъ (за исключеніемъ еще малолѣтняго Іоанна Антоновича), который не былъ коронованъ. Нельзя сказать, чтобы это зависѣло отъ кратковременности его царствованія; въ теченіе

[1]) О коронованіи императрицы Елизаветы: Соловьевъ, томъ XXI. Обстоятельное описаніе коронованія императрицы Елизаветы Петровны. Спб. 1744. Полн. Собр. зак., томъ XI, № 8473, 8481, 8495. Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны М. И. Семевскаго: 1742 г., въ журналѣ «Русское Слово», 1860 г.

полугода можно было легко приготовиться и устроить это торжество. Тутъ играли роль другія причины. Дѣло въ томъ, что Петръ III, воспитанный сначала въ лютеранствѣ и затѣмъ, по настойчивому желанію своей тетки, императрицы Елизаветы, принявшій, больше для формы, православіе, съ видимымъ пренебреженіемъ относился къ православной церкви и ко всѣмъ ея обрядамъ. Такъ-же въ частности онъ могъ легко смотрѣть и на обрядъ церковнаго коронованія, не придавая ему никакого серьезнаго политическаго и государственнаго значенія. Но въ данномъ случаѣ Петръ жестоко ошибался. Мысль о короновании, какъ средствѣ болѣе упрочить себя на престолѣ, подавали ему не только его не особенно многочисленные приверженцы въ Россіи, но даже о томъ же писали ему изъ заграницы. Король прусскій Фридрихъ II, предъ которымъ преклонялся и благоговѣлъ Петръ, писалъ между прочимъ послѣднему: „признаюсь вамъ, я сильно желалъ бы, чтобы ваше императорское величество короновали бы уже себя. Эта церемонія заставляетъ народъ благоговѣть, а онъ привыкъ уже видѣть своихъ государей коронованными. Всякая другая нація благословляла бы небо, даровавшее ей государя съ такими превосходными и удивительными достоинствами, какими одарены ваше императорское величество. Но эти русскіе чувствуютъ ли они свое счастіе? А проклятая кровожадность кого нибудь не дастъ ли ему случай найти свои выгоды въ образованіи заговора или возмущенія въ странѣ въ пользу принцевъ Брауншвейгскихъ? Припомните, ваше императорское величество, что̀ случилось въ первое отсутствіе Петра I, какъ его родная сестра составила противъ него заговоръ! Предположите, что какой нибудь негодяй съ безпокойною головою начнетъ въ ваше отсутствіе (въ походѣ) интриговать для возведенія на престолъ этого Ивана, составитъ заговоръ съ помощію иностранныхъ денегъ, чтобы вывести Ивана изъ темницы, подговоритъ войско и другихъ негодяевъ, которые и присоединятся къ нему: не должны ли вы будете тогда покинуть войну съ Датчанами и поспѣшно возвратиться, чтобы тушить пожаръ собственнаго дома“.

Петръ отвѣчалъ Фридриху на это письмо довольно самоувѣренно: „Ваше величество пишете то, что, по вашему мнѣнію, я долженъ короноваться прежде выступленія въ походъ, именно по отношенію къ народу. Но я долженъ вамъ сказать, что такъ

какъ война почти начата, то я не вижу возможности прежде короноваться точно также по отношенію къ народу; коронація должна быть великолѣпна по обычаю, и я не могу сдѣлать великолѣпной коронаціи, не имѣя возможности ничего въ скорости здѣсь найти. Что касается Ивана, то я держу его подъ крѣпкою стражею и если бы русскіе хотѣли мнѣ сдѣлать зло, то могли бы уже давно его сдѣлать, видя, что я не принимаю никакихъ предосторожностей, ходя пѣшкомъ по улицамъ. Могу васъ увѣрить, что когда умѣешь обходиться съ ними, то можно быть покойнымъ на ихъ счетъ".

Послѣдующія событія показали, что Петръ заблуждался.

Почести коронованнаго лица Петръ III получилъ уже послѣ своей смерти.

По смерти Екатерины II, императоръ Павелъ I тотчасъ же приказалъ вырыть тѣло своего отца, тридцать пять лѣтъ тому назадъ погребеннаго въ Александро-Невской лаврѣ. Павелъ желалъ воздать останкамъ своего отца тѣ-же почести, что и Екатеринѣ. Прахъ Петра положили въ новый, приличный его сану гробъ, и на нѣкоторое время выставили на парадное ложе въ Лаврской церкви, гдѣ ему воздавались тѣ-же почести, какія воздавались его матери, при ея гробѣ въ Зимнемъ дворцѣ. На гробъ Петра императоръ Павелъ возложилъ корону. Останки Петра затѣмъ торжественно перевезли изъ Невскаго монастыря въ Зимній дворецъ и поставили возлѣ гроба Екатерины. Дня за два до церемоніи перенесенія тѣла Петра III въ Зимній дворецъ происходила церемонія перевезенія въ Невскій монастырь императорскихъ регалій. Процессія началась въ семь часовъ вечера, въ декабрѣ, при 20° мороза; шло въ процессіи болѣе тридцати траурныхъ каретъ и въ каждой каретѣ сидѣлъ кавалеръ въ глубокомъ траурѣ и держалъ что нибудь, относящееся къ императорскимъ регаліямъ. Графъ Алексѣй Орловъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ сверженія Петра III, по повелѣнію Павла, дежурилъ у его гроба и во время погребальной церемоніи несъ за гробомъ императора корону. При перенесеніи гробовъ императора и императрицы изъ Зимняго дворца въ Петропавловскую крѣпость, гробъ Петра III несли первымъ [1]).

---

[1]) „Русская Старина" 1882 г. дек., Записки Якова де-Санглена. Древн. и Нов. Росс. 1877 г. № 11, 304. Г-жа Виже Лебренъ. Воспоминанія Лубяновскаго въ „Русск. Архивѣ" 1872 г. стр. 158.

VI.

28 іюня 1762 г. императрица Екатерина II издала первый свой манифестъ, въ которомъ говорилось о причинахъ, побудившихъ ее занять престолъ своего мужа. Этими причинами она называетъ ревность къ православной вѣрѣ, которая при Петрѣ III подвергалась нарушенію, и стараніе поднять могущество Россіи, потрясенное ея мужемъ. Въ заключеніе манифеста императрица заявляла, что она вступила на престолъ по явному и нелицемѣрному желанію своихъ всѣхъ подданныхъ. Для того, чтобы закрѣпить дѣло, 28 іюня императрица поторопилась назначеніемъ времени для своей коронаціи и не далѣе какъ чрезъ недѣлю по восшествіи своемъ на престолъ, именно 7 іюля, обнародовала манифестъ объ имѣющемъ совершиться въ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же года коронованіи. Этотъ манифестъ вышелъ въ одинъ день съ манифестомъ о кончинѣ Петра III. Очень вѣроятно, что на ускореніе назначенія времени для коронаціи повліяли найденныя Екатериною въ бумагахъ Петра письма къ послѣднему Фридриха II, содержаніе которыхъ намъ уже извѣстно.

Императрица чрезвычайно торопилась коронаціей. 1-го сентября она выѣхала изъ Петербурга совершенно незамѣтно. Въ Петербургѣ не знали о цѣли отъѣзда государыни. Распоряженія по торжеству коронаціи были поручены князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. Приготовленіемъ короны занятъ былъ И. И. Бецкій. Сдѣланная корона поражала своимъ богатствомъ: въ ней находилось пятьдесятъ восемь однихъ бриллiантовъ, большаго жемчуга семьдесятъ пять штукъ; вообще, корона тогда оцѣнивалась знатоками въ два милліона рублей.

9 сентября императрица пріѣхала въ подмосковское село Петровское, а 13 сентября происходилъ ея торжественный въѣздъ въ древнюю столицу. По улицамъ убрано было ельникомъ, на подобіе садовыхъ шпалеръ, обрѣзаннымъ разными фигурами. Дома, балконы украшены были коврами и разными матеріями. Для торжественнаго въѣзда императрицы устроено было четверо тріумфальныхъ воротъ; на Тверской улицѣ въ Земляномъ городѣ, на Тверской улицѣ въ Бѣломъ-городѣ, въ Китай-городѣ—Воскресенскія и Никольскія въ Кремлѣ. У Никольскихъ воротъ императрицу

встрѣтилъ московскій митрополитъ Тимоѳей съ прочимъ духовенствомъ и говорилъ ей краткую поздравительную рѣчь.

Коронація императрицы происходила съ обычными церемоніями 22-го сентября. Первенствующимъ архіереемъ при коронаціи былъ архіепископъ новгородскій Димитрій Сѣченовъ, возведенный въ день коронаціи въ санъ митрополита, а слѣдующимъ за нимъ былъ митрополитъ московскій Тимоѳей Щербатскій. Церемонія коронаціи происходила въ совершенно томъ же видѣ, какъ при коронованіи императрицы Елизаветы. По торопливости не успѣли отпечатать особаго чина коронаціи. Напечатаннымъ онъ явился въ недавнее время, именно въ 1854 г. Существуетъ также въ печати сборникъ съ рисунками, передающими главнѣйшіе моменты изъ коронаціоннаго церемоніала, но эти рисунки такого достоинства, которое говоритъ не въ пользу ихъ исторической достовѣрности. Всѣ придворныя празднества, раздача медалей и жетоновъ происходили точно въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ это дѣлалось при коронаціи Елизаветы. Тутъ невозможно подмѣтить ни одной новой черты.—На медаляхъ, выбитыхъ въ честь коронаціи Екатерины, на лицевой сторонѣ былъ изображенъ бюстъ императрицы, на другой сторонѣ были надписи:—вверху: „за спасеніе вѣры и отечества“,—внизу: „коронована въ Москвѣ, сентября 22 дня 1762 года“.

По случаю коронаціи императрица многихъ изъ своихъ приближенныхъ осыпала своими милостями, выразившимися въ повышеніи чиновъ, въ пожалованіи шпагъ съ бриллiантами, въ награжденіи орденами.

28-го сентября 1762 г. императрица давала праздникъ собственно для народа. Къ празднику заказаны были особаго рода экипажи, украшенные рѣзьбою и позолотою; на нихъ устанавливались жаренные быки съ многочисленною живностью и хлѣбами. Эти экипажи въ день народнаго праздника разъѣзжали по улицамъ города и служили источникомъ для народнаго угощенія. За этими экипажами тянулись другаго рода экипажи-роспуски съ установленными на нихъ бочками пива и меда. Какъ роспуски, такъ и самыя бочки съ пивомъ, какъ устроенныя съ особою исключительною цѣлью, отличались оригинальностью своего убранства: бочки, напримѣръ, по краямъ и инымъ мѣстамъ раскрашены были подъ цвѣтъ серебра. На многихъ открытыхъ мѣстахъ города по-

ставлены были столы для нищихъ съ большимъ запасомъ всевозможнаго рода закусокъ. Кромѣ того нищимъ раздавали и деньги. Главный центръ народнаго празднества находился на Красной площади и на Лобномъ мѣстѣ. Здѣсь установлено было множество столовъ съ различными закусками. На праздникѣ бросались въ глаза горы пироговъ, лежавшихъ на столахъ пирамидальными возвышеніями; на другихъ столахъ сидѣли цѣлыя стада жаренныхъ птицъ, какъ живыя, а близь нихъ большіе фонтаны выметывали изъ себя въ огромные чаны красное и бѣлое вино. На ближайшихъ къ Кремлю перекресткахъ стояли красивые балаганы и шатры съ цвѣтными флагами, перевитыми лентами. Здѣсь находились также лакомые даровые припасы—груды золоченныхъ пряниковъ, маковыя избойни. Въ иномъ мѣстѣ возвышались качели, въ другомъ высилась камедь съ акробатическими представленіями, или толкались куклы на помостѣ; въ иномъ мѣстѣ слышался голосъ импровизатора-разскащика, объясняющаго затѣйливыя картины. Государыня, въ сопровожденіи большой свиты, съ пышною обстановкою разъѣзжала по Москвѣ и любовалась картинами народнаго празднества; между тѣмъ окружавшіе ее герольды бросали въ народъ жетоны. Во время коронаціонныхъ празднествъ государыня предпринимала прогулки и катанья въ подмосковныя села, гдѣ царскій поѣздъ обыкновенно встрѣчали крестьянскія дѣвушки въ праздничныхъ сарафанахъ и съ веселыми хороводными пѣснями.

Празднества въ Москвѣ по случаю коронаціи продолжались цѣлую недѣлю.

Въ день коронаціи императрица Екатерина, по примѣру своихъ предшественниковъ, обнародовала всемилостивѣйшій манифестъ о прощеніи винъ впадшимъ въ преступленія и о сложеніи начетовъ и казенныхъ взысканій. Народу объявлены были слѣдующія милости:

I. Разнаго рода преступники, за исключеніемъ богохульниковъ, воровъ, разбойниковъ и убійцъ, присужденные къ смертной казни, или съ публичнымъ наказаніемъ къ вѣчной ссылкѣ, освобождались отъ заключенія, но лишались чиновъ и права вторичнаго вступленія на государственную службу. Здѣсь имѣлись въ виду дворяне и чиновники; что-же касается до преступниковъ изъ другихъ сословій, въ томъ числѣ и изъ духовенства, то такихъ повелѣвалось ссылать въ отдаленнѣйшія мѣста на поселеніе, но безъ наказанія.

II. Преступниковъ, подлежавшихъ лишенію всѣхъ чиновъ, отъ

солдата до штабскагѡ чина, повелѣвалось лишать по одному чину, а находившихся въ штабскихъ и выше чинахъ—по два чина. Если бы кому либо изъ преступниковъ этого рода назначено было тѣлесное наказаніе, то вмѣсто него они лишались всѣхъ чиновъ. А если между ними находились такіе, которые дѣлали преступленія уже не въ первый разъ, то эти лица подлежали ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста.

III. Приговоренные къ лишенію одного чина, на основаніи манифеста, вмѣсто того наказывались только вычетомъ годичнаго жалованья, а приговоренные къ вычету годоваго жалованья—лишались жалованья только за треть года.

IV. Прощались казенныя растраты и другія матеріальныя упущенія, если онѣ были неумышлены и не простирались свыше пяти сотъ рублей; лица, истратившія казенныя суммы свыше этого числа, обязывались уплатить только треть изъ растраченнаго ими.

V. Получали свободу и право возвращенія на мѣсто своего прежняго жительства всѣ сосланные на каторжныя работы; изъ этого числа исключались впрочемъ убійцы и сосланные въ каторгу на вѣчно.

VI. Точно также получали прощеніе и освобождались отъ тюремнаго заключенія и тѣ лица, которыя заключены были туда по дѣламъ раскольническимъ (кромѣ открытыхъ богохульниковъ), корчемнымъ и солянымъ. Мало того, составленные по такого рода дѣламъ судебные приговоры не должны были приводиться въ исполненіе, равнымъ образомъ не должно было возбуждаться по подобнаго рода дѣламъ и самое слѣдствіе.

Одновременно съ вышеозначеннымъ манифестомъ, также въ день коронаціи, вышелъ другой манифестъ о подтвержденіи русскому войску правъ и преимуществъ, дарованныхъ императрицею Елизаветою. Въ немъ Екатерина восхваляла военныя доблести и испытанную, всему міру извѣстную, храбрость и мужество русскаго войска и приказывала возстановить въ войскахъ ту дисциплину, которая дѣйствовала при императрицѣ Елизаветѣ. Потомъ, императрица высказывала въ своемъ манифестѣ крайнее сожалѣніе по поводу того, что въ предшествующее ей царствованіе (Петра III) въ войскѣ многіе совершенно несправедливо были исключены со службы, совершенно противъ ихъ воли и желанія, не смотря на то, что они со всѣмъ усердіемъ исполняли свои

обязанности; другіе же обойдены и обижены при награжденіи чинами, что, конечно, взятое вмѣстѣ, сопровождалось разстройствомъ и непорядками въ войскахъ. Для разбора и приведенія войскъ въ лучшій порядокъ, императрица повелѣвала учредить особую коммисію, по окончаніи разбирательства которой Екатерина давала обѣщаніе „учинить справедливое рѣшеніе и обиженнымъ показать свое удовольствіе". Заслуженнымъ унтеръ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ сраженіяхъ Пальцигскомъ и Франкфуртскомъ, императрица, по случаю вожделѣннаго дня своего коронованія, приказывала выдать въ награду, не взачетъ, полугодичное жалованье. А тѣ изъ военныхъ чиновъ, бывшихъ въ указанныхъ выше сраженіяхъ, которые получили раны или понесли тяжелые труды, по указу императрицы, навсегда избавлялись, по возвращеніи ихъ въ Россію, отъ всякихъ работъ, не соотвѣтствующихъ военному званію [1]).

VII.

Императрицѣ Екатеринѣ II, умершей 6 ноября 1796 года, наслѣдовалъ сынъ ея, императоръ Павелъ I Петровичъ. Онъ короновался 5-го апрѣля 1797 г., въ самый первый день св. Пасхи. Императоръ Павелъ—первый изъ государей, до торжественнаго въѣзда въ Москву, остановился въ Петровскомъ дворцѣ, построенномъ Екатериною II. Послѣ пріѣзда императора въ Петровскій дворецъ, былъ назначенъ особый день для принесенія поздравленій. Митрополитъ Платонъ, когда ихъ величества вышли принимать поздравленія, сказалъ краткую рѣчь, съ лицомъ, по тогдашнему его болѣзненному состоянію, блѣднымъ и страждущимъ, но свѣтлымъ и сильнымъ голосомъ и съ особеннымъ чувствомъ. Императоръ до того растрогался, что закрылъ лицо платкомъ и заплакалъ, за нимъ заплакала императрица и во всемъ собраніи развѣ десятый человѣкъ не плакалъ. „Преосвященный, громко сказалъ ему государь, отирая слезы, не забылъ я сколько я обязанъ вамъ, и

---

[1]) О коронованіи Екатерины II: обстоятельное описаніе коронованія императрицы Екатерины II. Спб. 1854. Соловьевъ, томъ XXV. Любецкій. Отголоски старины. М. 1867. Полн. Сбор. зак., томъ XVI № 11,582, 11,598, 11,666, 11,667, 11,668.

признательность свою покажу передъ свѣтомъ". Въ тотъ же день императоръ прислалъ митрополиту Платону андреевскій орденъ.

Торжественный въѣздъ императора Павла въ Москву (29 марта, въ вербное воскресенье), кромѣ присущей ему обыкновенной пышности, имѣлъ, по отзыву нѣкоторыхъ очевидцевъ, и нѣкоторыя курьезныя стороны, соотвѣтствовавшія, вѣроятно, оригинальному характеру этого государя. Въ церемонію торжественнаго въѣзда наряжены были всѣ придворные чины—камергеры и камеръ-юнкеры. Во время самой церемоніи въѣзда ничего не было смѣшнѣе видѣть этихъ, привыкшихъ только разгуливать по гладкому паркету, придворныхъ верхомъ на лошадяхъ и не умѣющихъ держаться и управлять ими; многихъ лошади завозили куда хотѣли, и оттого эти изящные царедворцы теряли свои ряды и производили большую путаницу во время шествія. Притомъ въ день торжественнаго въѣзда стоялъ большой морозъ; это случайное явленіе много повредило парадности и стройности шествія. Многіе изъ придворныхъ оказались въ пресмѣшномъ и въ то же время жалкомъ положеніи: нѣкоторыхъ изъ нихъ положительно приходилось снимать съ лошадей окоченѣвшими отъ холода. Отличительную особенность торжественнаго въѣзда императора Павла составляло и то, что во время въѣзда выстроены были всѣ чиновники, военные и статскіе, которые, будучи одѣты въ оригинальные мундиры того времени, ѣхали по два въ рядъ, что̀ составляло длинную-предлинную линію. Императоръ самъ ѣхалъ одинъ, а нѣсколько позади его ѣхали два великіе князя.

Церемонія коронованія происходила извѣстнымъ порядкомъ Кромѣ другихъ императорскихъ регалій, Павелъ при своемъ коронованіи возложилъ на себя еще далматикъ, одежду, которую древніе цари надѣвали на себя сверхъ кафтановъ при вѣнчаніи на царство. Уже послѣ далматика императоръ возложилъ на себя порфиру. Какъ на одну изъ особенностей этой коронаціи слѣдуетъ указать на то, что теперь короновалось не одно лицо, какъ это было до сихъ поръ, а два: императоръ и императрица—супруги. По совершеніи обряда коронованія, императоръ сѣлъ на своемъ престолѣ и, положивъ регаліи на подушки, подозвалъ къ себѣ императрицу. Императрица, приблизившись къ императору, стала на колѣна; тогда императоръ, снявъ съ себя корону, прикоснулся ею къ головѣ императрицы и корону опять возложилъ

на себя. Немедленно подана была меньшая корона, которую императоръ и возложилъ на голову императрицы. Затѣмъ на нее возложенъ былъ орденъ св. Андрея и императорская мантія. По разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, императоръ Павелъ самъ вошелъ въ св. алтарь для причащенія св. таинъ и, какъ глава церкви, самъ взялъ съ св. престола сосудъ и такимъ образомъ причастился. Трудно опредѣлить степень вѣроятія этого разсказа. По крайней мѣрѣ, въ печатномъ чинѣ коронованія Павла сказано, что императоръ принялъ св. тайны отъ московскаго митрополита. Современники самое коронованіе Павла обставляютъ нѣкоторыми любопытными подробностями. При коронованіи императора Павла въ Успенскомъ соборѣ присутствовало немало членовъ императорской фамиліи женскаго пола, которые всѣ были въ цвѣтущихъ лѣтахъ и замѣчательной красоты. Кромѣ императрицы Маріи Өеодоровны, тутъ присутствовали великія княгини: Елизавета Алексѣевна, Елена Павловна, Марья Павловна и Екатерина Павловна. Всѣ онѣ были одѣты въ бѣлое платье, что̀, конечно, производило еще болѣе сильный эффектъ. Разсказываютъ, что митрополитъ Платонъ, когда растворились царскія врата и государю нужно было идти къ муропомазанію, и когда онъ вышелъ изъ алтаря и, какъ будто пораженный блескомъ сихъ августѣйшихъ красавицъ, отступилъ назадъ; потомъ, обращаясь къ императору, сказалъ: „всемилостивѣйшій государь, воззри на вертоградъ сей"—и повелъ рукою, показывая на предстоящихъ. У императора были замѣтны слезы на глазахъ. А вотъ разсказъ другого лица, не совсѣмъ гармонирующій съ первымъ. Во время своего коронованія государь хотѣлъ было войти въ царскія врата для принятія св. Евхаристіи, препоясанный мечемъ. Митрополитъ Платонъ обратилъ на это вниманіе государя и сказалъ ему: „въ этомъ святилищѣ мы приносимъ безкровную жертву, всемилостивѣйшій государь; сними мечъ, который ты теперь имѣешь при себѣ". Императоръ тотчасъ снялъ мечъ.

По совершеніи чина коронованія, императоръ Павелъ, стоя на престолѣ, во всеуслышаніе прочиталъ фамильный актъ о престолонаслѣдіи, гдѣ онъ, между прочимъ, первый изъ русскихъ государей оффиціально называетъ себя главою церкви. По прочтеніи акта, императоръ черезъ царскія врата вошелъ въ алтарь и положилъ его на св. престолъ въ нарочно устроенный се-

ребрянный ковчегъ и повелѣлъ хранить его тамъ на всѣ будущія времена.

Въ чинѣ коронованія изъ духовныхъ лицъ первенствовали новгородскій митрополитъ Гавріилъ и московскій митрополитъ Платонъ. Роль первенствующаго не всегда принадлежала одному митрополиту Гавріилу; въ этой роли онъ мѣнялся, въ разное время церемоніи, съ митрополитомъ Платономъ.

Въ торжественный день своей коронаціи императоръ Павелъ издалъ три замѣчательнѣйшихъ узаконенія: учрежденіе объ императорской фамиліи, установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ и актъ о престолонаслѣдіи.

Павелъ день своего коронованія ознаменовалъ большими пожалованіями чиновъ, орденовъ и крестьянъ. Графъ Салтыковъ получилъ крестъ и звѣзду ордена св. Андрея Первозваннаго, фельдмаршалъ Рѣпнинъ—шесть тысячъ душъ крестьянъ, графъ Безбородко—княжеское достоинство, тридцать тысячъ десятинъ земли и шесть тысячъ крестьянъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ—четыре тысячи крестьянъ, генералъ Архаровъ, графъ Воронцовъ пожалованы орденомъ св. Андрея, тайный совѣтникъ Волковъ—получилъ орденъ св. Александра Невскаго и тысячу душъ крестьянъ, статсъ-дама княжна Ливенъ получила полторы тысячи душъ крестьянъ. Другія менѣе знатныя придворныя и высокопоставленныя лица пожалованы были повышеніями въ чинахъ: одни возведены во флигель-адъютанты, другіе—въ дѣйствительные тайные совѣтники, третьи въ камергеры и под. При коронованіи Павла, многія изъ дамъ удостоились сопричисленія къ разнымъ женскимъ орденамъ. При этой коронаціи, мы въ первый разъ встрѣчаемся съ пожалованіями орденовъ духовенству. Орденомъ Александра Невскаго пожалованы были: Арсеній, архіепископъ Ростовскій, и архіепископъ Евгеній; орденомъ Анны 1-го класса: Никифоръ, архіепископъ Словенскій, Викторъ, епископъ Суздальскій, Аѳанасій, епископъ Коломенскій, протоіерей большого Московскаго Успенскаго собора Александръ, Благовѣщенскаго собора протоіерей и императорскій духовникъ Исидоръ. Вмѣстѣ съ пожалованіемъ орденовъ обыкновенно соединялось пожалованіе извѣстнымъ количествомъ крестьянъ; исключеніе въ данномъ случаѣ составляли только духовныя лица. Нѣкоторые изъ современ-

никовъ Павла сообщаютъ, что въ свою коронацію имъ роздано было болѣе 82,000 крестьянъ.

День свой коронаціи Павелъ ознаменовалъ однимъ добрымъ и благочестивымъ дѣломъ, направленнымъ ко благу многочисленнѣйшаго крестьянскаго сословія. 5-го апрѣля 1797 г. появился высочайшій манифестъ „о трехъ-дневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни". Въ этомъ манифестѣ повелѣвалось всѣмъ и каждому наблюдать, чтобы никто ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни.

Угощеніе народа, по случаю коронаціи Павла, происходило на Лобномъ мѣстѣ и на Никольской улицѣ.

Императоръ Павелъ ѣздилъ вскорѣ послѣ своей коронаціи въ Троицкую лавру, гдѣ между прочимъ встрѣченъ былъ митрополитомъ Платономъ, облеченнымъ въ ризу преп. Сергія и съ его посохомъ. Императоръ облобызалъ ветхую одежду преп. Сергія.

Павлу очень понравилась Москва и онъ при своей коронаціи высказалъ свое намѣреніе всегда извѣстную часть года проводить въ Москвѣ [1]).

В. И. Жмакинъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

---

[1]) О коронаціи императора Павла: Чинъ дѣйствія какимъ образомъ совершиться имѣетъ коронованіе императора Павла I; чинъ дѣйствія какимъ образомъ совершилось коронованіе императора Павла I. Полн собр. зак., т. XXIV, № 17,906, 17,907; 17,903; 17,909; 17,910. Русск. Архивъ 1877 г., кн. II. Канцлеръ князь Безбородко; Чтен. въ общ. ист. и древн. 1867 г. кн. I: Списокъ о всѣхъ милостяхъ императора Павла, пожалованныхъ въ день своей коронаціи, сообщ. М. И. Семевскій; Записки графа Комаровскаго въ Русск. Архивѣ 1867 г., 2—4. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, т. I. Воспоминанія Лубяновскаго въ Русск. Архивѣ за 1872 г., стр. 158. Крыловъ. Ист. описаніе коронацій.

ЗАПИСКИ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1831 гг.

АЛЕКСАНДРЪ I.

XVIII [1]).

14 апрѣля 1812 г. явился я къ военному министру Барклаю де-Толли, который принялъ меня ласково, и приказалъ заняться устройствомъ будущей моей должности директора военной полиціи 1-й арміи, при военномъ министрѣ.

Пока я этимъ занимался, старался я оглядѣться и ознакомиться какъ съ начальствомъ, такъ и съ окружающими его, такъ называемыми **дѣловыми**. Барклай де-Толли былъ, въ совершенномъ смыслѣ слова, стариннаго покроя честный нѣмецъ, не возвышеннаго образованія, но съ чистымъ разсудкомъ и не имѣющій фундаментальной основы для поддержанія своего званія; былъ въ рукахъ и хитраго, и дурака, которые, изъ выгодъ своихъ, не пренебрегали овладѣть слабостью его. Во время служенія моего при немъ, и когда онъ узналъ меня покороче, жаловался онъ мнѣ на нихъ, но не имѣлъ духу, или не смѣлъ ни смѣнить ихъ, ни дать имъ почувствовать силу начальника; даже подписывалъ ча-

---

[1]) См. первыя двѣ части Записокъ де-Санглена въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г. томъ XXXVI, декабрь, стр. 443—498; третьей части семнадцать главъ см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г. т. XXXVII, январь, стр. 1—46, и февраль, стр. 375—394.

сто то, чего бы не хотѣлъ, и противъ чего внутренно сопротивлялся. Могучій слонъ боится мыши. Барклай боялся жены своей и всѣхъ нѣмцевъ-адъютантовъ, а отчасти и русскихъ, ею выведенныхъ и подъ ея покровительствомъ находящихся, помѣщалъ при себѣ. Изъ благодарности къ покойному графу Каменскому, вывелъ и возвысилъ Закревскаго, сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи, и, не умѣя самъ писать по русски и не знавши порядочно языка, долженъ былъ (ему) ввѣриться, и даже боялся его, какъ человѣка, одареннаго женскою хитростью, съ которой Барклай де-Толли, какъ честный и слабый человѣкъ, сладить не могъ.

Начальникомъ штаба былъ спера отличный, умный человѣкъ, давнишній служака, но чрезъ чуръ старый, Лавровъ, котораго я давно зналъ; начальникомъ артилеріи—графъ Кутайсовъ, человѣкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ; дежурнымъ генераломъ—Кикинъ; генералъ-интендантомъ Канкринъ, человѣкъ умный, образованный, ученый; съ послѣдними ладить было не мудрено. Но въ канцеляріи министра, кромѣ Чуйкевича, благороднаго, умнѣйшаго человѣка, стѣсненнаго Закревскимъ, все было ниже обыкновеннаго; слѣдовательно тутъ, кромѣ интригъ, ничего ожидать было нельзя. Вскорѣ догадались они, что я ихъ понялъ, и за то смотрѣли на меня, какъ на весьма непріятнаго пришлеца.

До пріѣзда государя, старался я учредить свою канцелярію, нахватать писарей; не зная никого, могъ ли я дѣлать выборъ? Кое-какъ все это учредилось, и я занялся особенно городскою полиціею, которая поступала тоже подъ мое начальство. Сдѣланъ былъ списокъ всѣмъ жителямъ; обозначены тѣ, которымъ не слишкомъ можно было довѣряться. Наконецъ, пріѣхалъ государь.

Хотя я призванъ былъ къ его величеству, но не могъ не замѣтить большую перемѣну какъ въ пріемѣ, такъ и въ обращеніи со мною. Отъ него самаго догадался я, что, вѣроятно, причиною тому былъ Балашовъ, который, по словамъ его величества, поднялъ противъ меня всю бывшую мою при министерствѣ полиціи канцелярію, и самъ вездѣ клеветалъ на меня, будто я всѣхъ очернилъ предъ Государемъ, и будто не онъ, а я былъ причиною ссылки Хитрово, Сперанскаго и друг.

— „Но ты видишь, прибавилъ Государь, что я не измѣненъ, и не взирая на все это, попрежнему тебя призвалъ“.

Я осмѣлился Государю сказать, что всякое оправданіе про-

тивъ клеветы ни къ чему не послужитъ: это было-бы только ее раздувать; но надѣюсь моими поступками въ будущемъ заставить ее умолкнуть, а сочинителей сплетней пристыдить.

Симъ кончилась моя первая аудіенція, которая не слишкомъ меня ободрила. Правъ гр. Армфельтъ, говоря: . . . . (il) fait lui même tous les clabodages".

Прибылъ и Балашовъ; остановился у гражданскаго губернатора Лавинскаго. Мы тутъ увидѣлись, и онъ обошелся со мною очень ласково. Чтобы тутъ не предполагать какой-либо хитрости, онъ приглашалъ меня къ себѣ; и я притворился, будто ничего не подозрѣваю. Но какъ удивился я, когда вдругъ призвалъ меня Барклай и объявилъ мнѣ:

— „Государь очень не доволенъ, что вы часто бываете у Балашова, и приказалъ вамъ сказать, чтобы вы никакого сношенія съ нимъ не имѣли, подъ опасеніемъ гнѣва его".

Я такъ и ахнулъ, ибо тутъ раскрылась вся картина.

Государь не хотѣлъ, чтобы мы съ Балашовымъ объяснились относительно прошедшаго; это-бы насъ примирило, и желая скрыть какъ и Балашовъ былъ обманутъ, запретилъ мнѣ свиданіе съ нимъ. Дѣлать было нечего; я повиновался, и слѣдовательно еще болѣе обратилъ на себя вражду Балашова; но съ тѣмъ вмѣстѣ, рѣшился я быть осторожнѣе, не довѣряя ничему и никому; даже не хотѣлъ, попрежнему, докладывать государю, а чрезъ военнаго министра, дабы какъ можно болѣе себя отстранить отъ новыхъ интригъ и не заставить во мнѣ сомнѣваться министра.

Чрезъ нѣсколько дней, Государь, призвавъ меня, сказалъ:

—„Я получилъ отъ Берлинскаго оберъ-полиціймейстера Грунера увѣдомленіе, что здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ скрываются французскіе офицеры, шпіоны; ихъ должно отыскать".

Я спросилъ Государя неизвѣстны-ли имена ихъ, или не означены-ли какія-либо ихъ примѣты.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ государь; но ихъ отыскать должно; ты знаешь, я тебѣ одному вѣрю; веди дѣло такъ, чтобы никто объ немъ не зналъ".

Я поручилъ тремъ моимъ чиновникамъ ходить каждый день по разнымъ трактирамъ, тамъ обѣдать, все разсматривать, выглядывать и мнѣ о томъ докладывать; виленскому-же полиціймейстеру Вейсу поручилъ строгое должное наблюденіе за пріѣз-

жими изъ Польши. Здѣсь узнали мои отряженные, что и у Балашова чиновникъ о томъ же хлопочетъ; слѣдовательно не одному мнѣ довѣрено дѣло. Я разсердился и сталъ самъ ходить въ знаменитѣйшій тогда трактиръ Кришкевича. Здѣсь я замѣтилъ одного крайне развязнаго поляка, со всею наружностію фронтовика, который не щадилъ шампанскаго, и бранилъ Наполеона напропалую. Возвратясь домой, я приказалъ полиціймейстеру Вейсу попросить его ко мнѣ. Я подчивалъ его чаемъ; узналъ, что ему хотѣлось бы возвратиться съ двумя товарищами въ Варшаву, но что, вѣроятно, теперь никого не выпустятъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, предложилъ ему мои услуги, призвалъ начальника моей канцеляріи Протопопова, чтобы записать ихъ имена и заготовить имъ паспорты. Между тѣмъ, приказалъ полиціймейстеру Вейсу обыскать его квартиру, выломать полы; въ случаѣ нужды трубы и печи; а гостя своего задержалъ разными разговорами; онъ назвалъ себя шляхтичемъ Дранжевскимъ, никогда не служившимъ въ военной службѣ.

Является полиціймейстеръ, вызываетъ меня; я вышелъ, приказавъ караулу гостя не выпускать. Вейсомъ были привезены, найденныя въ трубѣ печи и подъ поломъ, слѣдующія бумаги: 1) Инструкція генерала Рожнецкаго, данная поручику Дранженевскому; 2) Патентъ на чинъ поручика, подписанный Наполеономъ; 3) Замшевый поясъ, со вложенными въ немъ червонцами 5 т. 4) Записки самаго Дранженевскаго о нашей арміи, и нашихъ генералахъ. Дѣло было ясно; недолго продолжался его допросъ; онъ вынужденъ былъ къ сознанію. Пока я посылалъ за двумя его товарищами, потребовалъ меня къ себѣ Государь.

— „Ты не отыскалъ, сказалъ онъ мнѣ; а Балашовъ уже представилъ мнѣ трехъ шпіоновъ, французскихъ офицеровъ, имъ открытыхъ, которыхъ я велѣлъ остановить".

„Документы о французскихъ шпіонахъ представлены-ли вашему величеству?"

— „Нѣтъ! Вѣроятно, все сдѣлано въ порядкѣ".

„Такъ позвольте мнѣ, завтра утромъ, представить вашему величеству трехъ французскихъ шпіоновъ съ документами: одного поручика и двухъ статскихъ чиновниковъ".

— „Какъ же это?" – сказалъ императоръ.

„Государь! это обыкновенная полицейская штука: схватить

первыхъ бродягъ, выдать ихъ за шпіоновъ и отправить подалѣе, чтобы молчали; такъ поступалъ и графъ Паленъ при императорѣ Павлѣ I".

— „Быть не можетъ!"—отвѣчалъ государь.

„Мои шпіоны съ документами; ибо я безъ ясныхъ доказательствъ никого, а еще менѣе невинныхъ, представить не осмѣлюсь".

— „Я велю къ тебѣ прислать Балашовскихъ, допроси ихъ, и скажи мнѣ: что это за люди?"

Я до второго часу бился съ моими двумя шпіонами, за исключеніемъ уже признавшагося Дранжевскаго. Остальные эти два, статскіе чиновники, были отправлены въ Вильну французскимъ резидентомъ Бильономъ изъ Варшавы, тоже съ инструкціями; всѣ трое содержались у меня подъ карауломъ.

На другое утро, представилъ я всѣ эти документы Барклаю для представленія его величеству,—чтобы имѣть посредника между императоромъ и мною. Я (никому) болѣе не довѣрялъ. Шпіоновъ велѣно было отправить въ Шлиссельбургъ, за исключеніемъ одного статскаго, раскаявшагося, котораго оставилъ при себѣ.

По моему представленію, полиціймейстеру данъ былъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, мой правитель канцеляріи былъ произведенъ; я одинъ остался ни съ чѣмъ и довольствовался тѣмъ, что достались награды за мои труды и за исполненіе моихъ приказаній.

— „Васъ обошли, сказалъ Барклай-де-Толли, чтобы Балашовъ не обидѣлся".

Между тѣмъ, присланные ко мнѣ его шпіоны были бѣдные шляхтичи, не имѣвшіе пропитанія, ходящіе по домамъ просить милостыню. Я отпустилъ ихъ на свободу; Государь приказалъ имъ выдать по сту рублей ассигн. Можно себѣ представить злобу Балашова, когда онъ узналъ все отъ Лавинскаго.

Я свелъ связи съ кагаломъ виленскихъ евреевъ, и за ихъ ручательствомъ отправилъ жида въ Варшаву, который ѣхалъ съ товаромъ; онъ первый извѣстилъ меня о будущемъ пріѣздѣ Нарбона въ Вильну, и прислалъ прокламацію Наполеона къ его солдатамъ, которую я представилъ Барклаю, не желая пользоваться позволеніемъ являться самому къ Государю, опасаясь новыхъ (недоумѣній).

Министръ доложилъ императору, и я получилъ благодарность.

Въ сіе же время удалось мнѣ отыскать украденные у нашего коммисіонера 27 т. р. ас. казенныхъ денегъ, которыя найдены у шляхтичей въ уѣздахъ зарытыми въ землю.

Въ то же время открыта была связь герцогства Варшавскаго съ виленскимъ купцомъ Менцелемъ.

Нарбонъ отъ императора Наполеона присланъ былъ къ императору россійскому съ поздравленіемъ съ счастливымъ его пріѣздомъ въ Вильну. Отъ поставленнаго мною полиціймейстера въ Ковнѣ, маіора Бистрома, получилъ я чрезъ эстафету увѣдомленіе о пріѣздѣ Нарбона проселками, дабы онъ не видѣлъ нашихъ артиллерійскихъ парковъ и проч., что̀ и было исполнено.

По пріѣздѣ Нарбона въ Вильну, приказано мнѣ было Государемъ имѣть за нимъ бдительный надзоръ.

Я поручилъ Вейсу дать ему кучеровъ и лакеевъ изъ служащихъ въ полиціи офицеровъ. Когда Нарбонъ, по приглашенію императора, былъ въ театрѣ въ его ложѣ, перепоили пріѣхавшихъ съ нимъ французовъ, увезли его шкатулку, открыли ее въ присутствіи императора, списали инструкцію, данную самимъ Наполеономъ, и представили Государю. Инструкція содержала вкратцѣ слѣдующее: узнать число войскъ, артиллеріи и пр., кто командующіе генералы? каковы они? каковъ духъ въ войскѣ, и каково расположеніе жителей? Кто при Государѣ пользуется большою довѣренностью? Нѣтъ-ли кого-либо изъ женщинъ въ особенномъ кредитѣ у императора? Въ особенности, узнать о расположеніи духа самаго императора, и нельзя-ли будетъ свести знакомство съ окружающими его?

Государь такъ этимъ былъ доволенъ, что спросилъ меня: не имѣю ли я какого-либо желанія?

Я отвѣчалъ, что: „я такъ облагодѣтельствованъ милостями вашего императорскаго величества, что ничего просить не осмѣлюсь“.

Государь не отставалъ, напомнилъ мнѣ, что у меня жена и дѣти, и требовалъ, чтобы я чего-нибудь пожелалъ.

Вынужденный говорить, сказалъ я:—„прикажите, Государь, возвратить мнѣ двѣсти руб. ассигн., издержанные мною на покупку книги: Походы принца Карла“.

— „Я было и забылъ, отвѣчалъ Государь, прикажу Толстому тебѣ ихъ отдать“,—отъ котораго я ихъ и получилъ.

Вдругъ позванъ я былъ къ Государю. Когда я вошелъ къ нему, онъ ходилъ быстрыми шагами по комнатѣ и, замѣтивъ меня, сказалъ:

— „Мои генералъ- и флигель-адъютанты просили у меня позволенія дать мнѣ балъ на дачѣ Бенигсена, и для того выстроили тамъ большую залу со сводами, украшенными зеленью. Съ полчаса тому назадъ, получилъ я отъ неизвѣстнаго записку, въ которой меня предостерегаютъ, что зала эта не надежная и должна рушиться во время танцевъ. Поѣзжай, осмотри подробно".

Я немедленно приказалъ осѣдлать лошадь, и тотчасъ поскакалъ на дачу.

У подъѣзда дома встрѣтилъ я Бенигсена, который, вѣроятно полагалъ, что я посланъ Государемъ съ какимъ-либо къ нему приказаніемъ, ибо спросилъ: „что вы мнѣ привезли?"

„Я пріѣхалъ засвидѣтельствовать вашему высокопревосходительству мое почтеніе и посмотрѣть на строющуюся залу".

—„Пойдемте ко мнѣ; жена наливаетъ чай; напьемся, а потомъ пойдемъ вмѣстѣ". Отказаться было неловко. Супруга его налила мнѣ чаю; но едва я взялъ чашку въ руки, какъ что-то рухнулось съ ужаснымъ трескомъ.

Я поставилъ чашку на столъ, и вмѣстѣ съ Бенигсеномъ побѣжали въ садъ.

Здѣсь увидѣли мы разрушившуюся до срока залу. Всѣ арки, обвитыя зеленью, лежали на полу. По разсмотрѣніи причинъ сего разрушенія, увидѣли мы, что всѣ арки между собою и къ полу прикрѣплены были штукатурными гвоздями.

„Гдѣ архитекторъ"? спросилъ я.

— Онъ недавно здѣсь былъ,—отвѣчали мнѣ.

„Отыскать его!" сказалъ я.

Черезъ нѣсколько времени, посланные возвратились и принесли выловленный изъ воды фракъ и шляпу архитектора.

— Видно утопился,—сказали посланные.

Я сѣлъ на лошадь, и во весь галопъ поскакалъ къ государю.

— „Что?" спросилъ онъ.

— Зданіе рушилось, отвѣчалъ я, одинъ полъ остался.

Государь потребовалъ подробностей.

Я разсказалъ, и что̀ по осмотру оказалось.

— „Такъ это правда!", сказалъ государь, „поѣзжайте и при-

кажите полъ немедленно очистить; мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ“.

Я зашелъ домой, приказалъ заложить коляску, а меня ожидала эстафета изъ Ковно, съ извѣщеніемъ, что Наполеонъ въ этомъ мѣстѣ началъ переправляться съ своею арміею.

Я воротился съ докладомъ къ государю.

— „Я этого ожидалъ, отвѣчалъ государь; но балъ все-таки будетъ“.

Я поскакалъ съ этимъ извѣстіемъ къ Бенигсену.

Дѣйствительно, когда всѣ танцовали, Наполеонъ переправлялся и вступалъ въ наши владѣнія.

XIX.

Описывать войну 1812 года не мое дѣло; сверхъ того, она уже описана многими, и по императорскому повелѣнію; это было бы только повтореніе.

Я ограничусь тѣмъ, что относится до моей части—военной полиціи.

Здѣсь нахожу нужнымъ разсказать разговоръ мой съ Барклаемъ. Еще до бала онъ сказалъ мнѣ:

— „Государь предлагалъ Бенигсену командовать арміей; но онъ отказался. Государь требуетъ непремѣнно, чтобы я командовалъ войскомъ; какъ вы думаете?“

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ я, Бенигсенъ поступилъ благоразумно. Командовать русскими войсками на отечественномъ языкѣ и съ иностраннымъ именемъ—не выгодно. Бенигсенъ это испыталъ; я думалъ-бы, и вашему высокопревосходительству не худо послѣдовать его примѣру.

— „Но государь того требуетъ; какъ отказаться?“—отвѣчалъ Барклай.

„Бенигсенъ то сдѣлалъ, слѣдовательно и вашему высокопревосходительству можно тоже сдѣлать; впрочемъ это воля ваша“.

Не знаю, угодилъ-ли я этою откровенностью; хотя Барклай повидимому колебался, но всѣ окружающіе его мудрецы, которые ожидали отъ него великихъ благъ, поощряли его на этотъ подвигъ.

Съ 14-го іюня 1812 г. окрестности Вильны принимали видъ

воинственный: со всѣхъ сторонъ стекались войска, и высочайшимъ манифестомъ объявлена война съ Наполеономъ. Манифестъ этотъ всѣмъ извѣстенъ; онъ сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, и не мудрено [1]). Онъ возвышенностію чувствъ нашего императора превозвышалъ надменный и нахальный манифестъ императора французовъ къ своимъ солдатамъ.

16-го іюня, съ разсвѣтомъ, тронулись наши войска, оставя въ Вильнѣ нѣсколько экземпляровъ Россійскаго манифеста на французскомъ языкѣ, и мы начали отступать, хотя въ маленькомъ уныніи, ибо всѣ желали сразиться съ непріятелемъ. Симъ расположеніемъ духа объяты были всѣ генералы и солдаты. „Слово „ретирада“, говаривалъ Суворовъ, не сродно русскому солдату“.

Армія ретировалась по проселочной, неровной дорогѣ, но въ совершенномъ порядкѣ. 20-го іюня, пришли мы въ Свенцяны, гдѣ была главная квартира государя императора. Присутствіе государя среди войска всѣхъ обрадовало. Сколько помнится, здѣсь маркизъ Паулуччи сдѣланъ былъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Я хотѣлъ воспользоваться хорошимъ расположеніемъ государя ко мнѣ, и, имѣя кучу непріятностей, осмѣлился просить его о позволеніи выѣхать изъ арміи.

— „Этого не будетъ, сказалъ государь, ты мнѣ нуженъ здѣсь“.

Я получилъ извѣстіе, что итальянская армія, подъ командою вице-короля, на пути своемъ до Трокъ, потерпѣла большіе недостатки въ провіантѣ и фуражѣ: лошади падали, фуры оставались на дорогѣ, и число больныхъ чрезмѣрно умножилось. Король Вестфальскій, послѣ ссоры съ братомъ своимъ Наполеономъ, отправился въ свое королевство; и прислана была мнѣ прокламація Наполеона къ полякамъ, въ которой онъ поощрялъ ихъ къ возстанію противъ Россіи. Государь былъ очень доволенъ этими извѣстіями, и оставилъ ихъ у себя, сказавъ:

— „Этого всѣмъ знать не нужно; а о недостаткахъ французской арміи объявить словесно. Началась ихъ бѣда, увидимъ чѣмъ это все кончится“.

---

[1]) Не манифестъ, а приказъ 13-го іюня по арміи и рескриптъ Н. И. Салтыкову. Проектъ манифеста, приготовленный въ рукописи, не былъ обнародованъ предъ войною въ 1812 г. и впервые явился въ печати лишь въ 1870 г., именно въ „Русской Старинѣ“ 1870 г. изд. первое, томъ I, стр. 49 и 405; изд. второе, т. I, стр. 407; изд. третье, томъ I, стр. 454—462. Ред.

Здѣсь явился странный случай. Привели ко мнѣ взятаго въ плѣнъ казаками французскаго штабъ-офицера, къ допросу, съ планами, снятыми имъ во время марша. Онъ отвѣчалъ на мои вопросы довольно откровенно, и наконецъ спросилъ: „долго ли вы будете играть эту комедію?“

— Какую комедію?—спросилъ я.

— „Будто вы не знаете? Такъ я вамъ скажу по секрету: вся эта война съ Россіею притворная, скрывается отъ англичанъ. Мы вмѣстѣ съ Россіею идемъ въ Индію, выгнать оттуда англичанъ“.

Я разсказалъ это Барклаю, который отвѣчалъ: „еще новая выдумка Наполеона“.

Однако, другіе плѣнные тоже подтверждали это до самаго Смоленска. Здѣсь мы остановились, выжидая соединенія со второю арміею подъ командой князя Багратіона.

Барклай-де-Толли далъ мнѣ новую должность генералъ-гевальдигера арміи, а начальникомъ штаба сдѣланъ былъ еще прежде генералъ-маіоръ Ермоловъ. Барклай приказалъ мнѣ разстрѣлять на Облоньѣ двѣнадцать человѣкъ мародеровъ. Я осмѣлился представить ему, что ихъ мародерами считать нельзя: это усталые, пришедшіе позже къ своимъ командамъ. Сверхъ того, въ первый разъ въ Россійской арміи растрѣляны будутъ солдаты, по приказанію главнокомандующаго съ иностраннымъ именемъ, а исполнено будетъ таковымъ-же. Барклай не отставалъ; я рапортовался больнымъ. Наряженъ былъ генералъ-маіоръ Фокъ и солдаты были разстрѣляны.

Ночью будятъ меня и объявляютъ, что генералъ Фокъ умеръ апоплексическимъ ударомъ. Я выздоровѣлъ, являюсь къ Барклаю и доношу ему о томъ.

— „Не думаете-ли вы, что Богъ его убилъ за то, что онъ разстрѣлялъ солдатъ?“

— Не знаю, отвѣчалъ я; въ дѣла Божіи не мѣшаюсь; знаю только, что по утру Фокъ разстрѣлялъ солдатъ, а къ вечеру умеръ.

Послѣ соединенія двухъ армій, генералъ-отъ-кавалеріи Раевскій оставленъ былъ въ Смоленскѣ, для защиты города отъ непріятелей; а первая армія перешла за Днѣпръ, и основала главную свою квартиру въ недальнемъ разстояніи отъ Смоленска, гдѣ Барклай остановился въ домѣ священника. Генералъ Раевскій

сражался цѣлый день съ французами, и когда онъ отступилъ, повелѣно было, на смѣну его, нарядить тоже корпуснаго генерала Коновницына, а мнѣ съ эскадрономъ Ингерманландскаго драгунскаго полка содержать полицію во время бомбардированія Смоленска французами, и когда отступитъ Коновницынъ, слѣдовать за нимъ, вынести Смоленскую Божію Матерь, сжечь мостъ и явиться къ главнокомандующему. Коновницынъ дрался въ Малаховскихъ воротахъ цѣлый день. Здѣсь я долженъ упомянуть о случившемся обстоятельствѣ, которое характеризуетъ нашего солдата.

Коновницынъ сказалъ мнѣ: „Задніе ряды опустѣли; видно солдаты въ городъ пошли; прикажите ихъ отыскать и привести ко мнѣ".

Я поѣхалъ въ городъ и узналъ, что они слышали о заготовленіи для арміи сухарей и пошли за ними. Я—въ ратушу, и нашелъ ихъ наполнявшими карманы свои сухарями.

— „Не стыдно-ли вамъ, ребята! идите къ своимъ мѣстамъ".

— Помилуйте, отвѣчали они: вѣдь это досталось-бы все голоднымъ французамъ.

Я собралъ ихъ на дворѣ ратуши и, подъ прикрытіемъ эскадрона, представилъ къ Коновницыну; это произошло во время самаго сильнаго бомбардированія города. Къ вечеру французы прекратили огонь; Коновницынъ отретировался къ арміи; я за нимъ вынесъ Смоленскую Божію Матерь, зажегъ мостъ, и явился въ главную квартиру.

Въ сѣняхъ лежали на соломѣ Ермоловъ и Закревскій.

— Какой на завтрашній день приказъ? спросилъ я ихъ.

—„Поди къ нему, отвѣчалъ Ермоловъ, онъ намъ сказалъ по русски: „я спать хочу"; ты не счастливѣе-ли будешь? Спроси его по нѣмецки".

Я взошелъ къ Барклаю. Онъ былъ уже въ шлафрокѣ и колпакъ на головѣ. Онъ снялъ его; я отрапортовалъ ему, что все исполнено, и что Смоленскую Божію Матерь не могъ иначе вынесть, какъ подъ предлогомъ отслужить молебенъ въ главной квартирѣ, потому что отстояли Смоленскъ, и сжегъ мостъ.

Онъ очень благодарилъ меня. Я, видя его въ хорошемъ расположеніи духа, спросилъ по нѣмецки о приказѣ на завтрашній день. Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— „Ach, mein lieber, guter Freund, ich will schlafen“ [1];— надѣлъ колпакъ, а я вышелъ.

— „Ну что?“ спросилъ Ермоловъ.

— Не велѣлъ вамъ говорить—отвѣчалъ я.

— „Ну, полно, продолжалъ онъ, ложись съ нами и разскажи“.

— Мнѣ не до разсказовъ, пойдемте отслужить молебенъ; я не иначе вынесъ Смоленскую Божію Матерь, какъ подъ этимъ предлогомъ. Народу пропасть вышло изъ Смоленска, не хотѣли разстаться съ образомъ.

— „А мы спать хотимъ“, отвѣчалъ Ермоловъ, и я одинъ, съ вышедшими изъ Смоленска жителями, отслужилъ молебствіе.

На другое утро, въ сѣняхъ, гдѣ мы лежали на соломѣ, произошелъ шумъ; люди бѣгали; понесли Барклаю кофе. Наконецъ, вышелъ и самъ Барклай, прошелъ, молча, мимо нась, сталъ на крыльцѣ и закричалъ: „лошадь!“

Когда сѣлъ на нее, тогда и мы сѣли на своихъ коней, и поѣхали за нимъ къ Смоленску, въ который вступали съ музыкой французы.

Доѣхавъ до возвышенія на берегу Днѣпра, Барклай спросилъ: „а гдѣ графъ Кутайсовъ?“ Когда онъ прибылъ, Барклай сказалъ ему: „Прикажите подвезти двадцать пять орудій, пошлите имъ нѣсколько шутихъ, чтобы поразстроить ихъ радость“.

Начали стрѣлять по Смоленску. Для чего это было? — неизвѣстно. Барклай, обратясь ко мнѣ, спросилъ: „есть-ли у васъ телѣга?“ Я велѣлъ подать ему оную, въ которую положили соломы, и Барклай сѣлъ въ нее, спросивъ: гдѣ Толь?

„Подайте мнѣ карету“, сказалъ онъ ему. Назначилъ каждому корпусу маршрутъ и поѣхалъ; армія тронулась за нимъ и направилась къ имѣнію гг. Чашниковыхъ, гдѣ и былъ отдыхъ.

Интриги противъ Барклая доходили до высочайшей степени. Неизвѣстно, по какимъ фальшивымъ извѣтамъ, заставили Барклая отыскивать непріятеля на мызѣ Реада, гдѣ непріятеля и не бывало. Далѣе, внушили Барклаю, подъ предлогомъ ненадежности, отправить значительныхъ поляковъ, флигель-адъютантовъ государя:

---

[1]) Переводъ: Ахъ, дорогой другъ мой, я хочу спать.

графа Потоцкаго, князя Любомірскаго и другихъ, въ Петербургъ, и снабдили ихъ доносами на Барклая. Наконецъ, довели послѣдняго до того, что онъ отправилъ туда-же и самаго великаго князя Константина Павловича. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ интригъ, Барклай получилъ повелѣніе, до пріѣзда новаго главнокомандующаго, князя Кутузова, сраженія, кромѣ авангарднаго, не давать. Я предупреждалъ Барклая, старался открыть ему глаза; но все было тщетно.

Подъ деревней Пневой, когда два французскіе корпуса напали на нашъ одинъ, Барклай доказалъ, что на полѣ битвы онъ былъ у насъ единственный генералъ. Французы были отбиты, и во время ихъ отступленія, Барклай сказалъ мнѣ:

— „Was wolten die Narren haben?"

Мы форсированнымъ маршемъ ретировались до Царево-Займища, гдѣ къ намъ прибылъ князь Кутузовъ. Для пріема его былъ выстроенъ лейбъ-гренадерскій батальонъ. Когда князь вышелъ изъ коляски и увидѣлъ этихъ щеголей, сказалъ: „и съ этими солдатами ретируются!" Слова эти произвели всеобщую радость; всѣ думали: наконецъ-то мы пойдемъ впередъ, а въ полночь получили приказаніе идти 30 верстъ назадъ. Суматоха была страшная; войско шло уже не въ старомъ порядкѣ; такъ что Ермоловъ вынужденъ былъ сказать мнѣ: „при Барклаѣ порядка было больше". Интригантъ этотъ задумывалъ уже новыя интриги. Про него государь говаривалъ:

— „Noir comme le diable, mais tout autant de moyens".

Въ этомъ безпорядкѣ дошли до Колоцкаго монастыря. Кутузовъ приказалъ здѣсь отыскать крѣпкую позицію, чтобы дать тутъ отпоръ непріятелю. Посланные нашли военную позицію подъ Бородинымъ. Барклай противился этому, и находилъ Колоцкій монастырь для этого удобнѣе, потому что здѣсь французы были бы отрѣзаны отъ воды; но благой совѣтъ этотъ не былъ принятъ, потому что поданъ былъ Барклаемъ. По той же ненависти, поставлена была первая армія подъ Бородинымъ на правомъ крылѣ, гдѣ она защищена была рѣкою Колочей; а вторая, слабѣе первой, поставлена на лѣвомъ крылѣ. Когда Барклай представилъ это Кутузову, утверждая, что Наполеонъ нападетъ на опасный пунктъ лѣваго фланга, Кутузовъ и слышать не хотѣлъ; но когда генералъ Раевскій былъ сбитъ съ батареи лѣваго фланга, Бар-

клай, безъ команды, повелъ корпусъ Остермана на лѣвый флангъ и взялъ батарею обратно. Еще до сраженія, сказалъ мнѣ Барклай:

— Къ чему даетъ онъ (Кутузовъ) это сраженіе? Оно Москвы не спасетъ; а мы лишимся значительнаго числа солдатъ, которыхъ беречь должно.

Чтобы ни говорили фальшивыя реляціи,—Россія обязана Барклаю: остальная армія спасена имъ; и если мы въ пухъ не разбиты непріятелемъ, то обязаны этимъ единственно ему.

Здѣсь должно упомянуть объ обстоятельствѣ, касающемся до меня.

25-го августа 1812 г., наканунѣ Бородинскаго сраженія, призвалъ меня Кутузовъ и приказалъ сжечь всѣ офицерскія телѣги. Я осмѣлился представить, что 7 и 8 офицеровъ сложились вмѣстѣ и завели телѣгу и лошадку, чтобы везти провіантъ и аммуницію свою; не позволитъ-ли его сіятельство отправить эти телѣги съ вагенбургомъ въ Можайскъ?

— „Я васъ призвалъ не для совѣта, а для исполненія моихъ приказаній; я возложу это на другого".

Я поклонился, въ знакъ благодарности, и вышелъ. Назначенъ былъ на эту славную экспедицію уланскій полковникъ Александръ Шульгинъ, который это приказаніе и исполнилъ. Мы послѣ Бородинскаго сраженія отправились въ Можайскъ, гдѣ уже былъ нашъ вагенбургъ. Я, какъ причисленный къ военному министерству, просилъ Барклая сдать всѣ армейскія должности, которыя, съ соизволенія его, немедленно и были сданы; ибо отъ интригъ противъ Барклая и мнѣ житья не было.

Это было сдѣлано во-время; ибо когда полученъ былъ указъ о назначеніи кн. Горчакова военнымъ министромъ, я опоздалъ бы исполнить свое намѣреніе.

Въ Можайскѣ призвалъ меня Барклай и, со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: „Я просилъ Закревскаго, Каменскаго и другихъ, облагодѣтельствованныхъ мною, ѣхать въ Петербургъ, дабы отвезти отъ меня депеши государю; и всѣ отказались; въ незаслуженномъ несчастіи всѣ меня оставили".

Мнѣ жаль стало старика, и я отвѣчалъ ему: „Я вашему высокопревосходительству, по службѣ, ни чѣмъ не обязанъ; но, предполагая, сколь нужно вамъ, чтобы ваши депеши вручены были императору, готовъ исполнить ваше желаніе".

Барклай обнялъ меня, сказавъ: „Зачѣмъ я прежде васъ не зналъ“?..

Скоро послѣ этого призванъ я былъ къ Кутузову. „Я слышу, что вы хотите выѣхать изъ арміи; именемъ императора, приказываю вамъ оставаться, ибо пріѣздъ вашъ будетъ его величеству весьма непріятенъ“.

— Я не смѣю, ваше сіятельство, ослушаться начальника, къ которому я причисленъ. Если вашему сіятельству угодно дать мнѣ письменное приказаніе, то я останусь.

— „Довольно того, что приказываю вамъ не выѣзжать изъ арміи“.

Я поклонился и вышелъ; разсказалъ все Барклаю: „Боже мой! сказалъ онъ, что я сдѣлалъ, что хотятъ лишить меня и послѣдняго средства оправдаться предъ государемъ? И такъ, вы не ѣдете?“

— Я далъ слово вашему высокопревосходительству, и ему не измѣню.

— „Мы отложимъ это до Москвы“, сказалъ онъ.

Пришедши въ Москву, получилъ я предписаніе содержать полицію въ Москвѣ, ибо московская полиція вся съ пожарными инструментами отправлена была гр. Ростопчинымъ.

Наканунѣ выступленія нашего, собранъ былъ совѣтъ о выступленіи нашемъ изъ Москвы, гдѣ Барклай сказалъ Кутузову:

— „Вамъ угодно было поставить армію на Филяхъ; здѣсь мѣстоположеніе не позволяетъ давать сраженія; слѣдовательно, сдача Москвы необходима“.

Мы съ утра тянулись по московскимъ улицамъ; я получилъ приказаніе проводить 1-ю и 2-ю арміи и слѣдовать за ними по Рязанской дорогѣ. Въ полночь пришли мы въ Люберцы и Панки, сдѣлавъ 15 верстъ отъ Москвы, ибо безпрестанно задерживаемы были фурами, примыкающими къ арміи, и московцами, оставляющими съ нами древнюю столицу. Въ Панкахъ далъ мнѣ Барклай лестный аттестатъ, и на первой стоянкѣ, въ деревнѣ Кулаковѣ, вручилъ мнѣ депеши къ государю, письма къ князю Горчакову и женѣ своей, сказавъ: „Я вскорѣ за вами послѣдую“.

XX.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановился въ домѣ семейства моего и здѣсь узналъ, что государь проживаетъ на Каменномъ островѣ. Я переодѣлся съ дороги, и, въ мундирномъ сюртукѣ, поѣхалъ на извощикѣ на Каменный островъ. Войдя въ дежурную залу гг. генералъ-адъютантовъ, здѣсь стояли князь Зубовъ, графъ Шуваловъ, Павелъ В. Кутузовъ и маркизъ Паулучи, которые съ удивленіемъ смотрѣли на меня, не показывая и виду прежняго знакомства.

Я спросилъ: „кто дежурный генералъ-адъютантъ?“ Камеръ-лакей назвалъ маркиза Паулучи. Подошедши къ нему, я сказалъ:

— „Прошу ваше превосходительство доложить государю, что я пріѣхалъ изъ арміи съ депешами отъ Барклая“.

— Pour rein au monde, mon chèr ami. L' Empereur, d'après le rapport de maréchal, veut vous envoyer en Siberie. Pourquoi n'êtes-vous pas resté à l'armée?

— „Barclay m'a envoyé, M-r le Marquis! Quel que soit mon sort, je saurais me defendre. Daignez seulement m'annoncer à sa Majesté“.

— Non! je dirai au valet de chambre de le faire, car je ne veux pas être l'instrument de votre malheur.

(Переводъ). Ни за что въ мірѣ, любезный другъ. Императоръ, по донесенію фельдмаршала, хочетъ отправить васъ въ Сибирь. Почему вы не остались при арміи?—«Меня послалъ Барклай, г. маркизъ. Какова бы ни была моя участь, я съумѣю защититься. Соблаговолите только доложить обо мнѣ его величеству“.—Нѣтъ, я прикажу сдѣлать это камеръ-лакею, такъ какъ я не хочу быть орудіемъ вашего несчастія.

Неутѣшительно, подумалъ я.

Вскорѣ камердинеръ подошелъ ко мнѣ. „Государь приказалъ вамъ сказать, что, по новому положенію, никто изъ пріѣзжающихъ изъ арміи не является къ государю, а долженъ явиться къ графу Аракчееву“.

— Доложите государю, что я этого приказанія не зналъ.

Явился проводникъ фельдъегерь, и мы пошли къ графу Аракчееву.

Первое его слово было: „Зачѣмъ васъ ко мнѣ прислали? Вы сами довѣренная особа у государя“?

— Видно, это не такъ, ваше сіятельство! Меня послали къ вамъ.

— „Ну, такъ отдайте мнѣ ваши депеши. Я представлю ихъ къ государю".

— Если бы ваше сіятельство отправляли меня, какъ нынѣ Барклай, съ тѣмъ, чтобы я депеши вручилъ единственно государю, то я бы никому кромѣ его не вручилъ. Сверхъ того, имѣю отъ Барклая словесное порученіе къ государю.

— „А! Такъ пойдемте къ нему".

Дорогой сказалъ мнѣ графъ: „Государь очень огорченъ сдачею Москвы; неужели нельзя было остановить непріятеля?"

— Армія не менѣе огорчена, отвѣчалъ я; но когда Кутузовъ поставилъ насъ на Филяхъ, то дѣлать было нечего, какъ сдать Москву.

Мы пришли опять въ генералъ-адъютантскую.—Аракчеевъ сказалъ мнѣ: „Подождите здѣсь", но вскорѣ возвратился и, отворяя дверь, сказалъ мнѣ: „Пожалуйте къ государю".

Я вошелъ.

Государь стоялъ посреди комнаты, прислонясь къ своему письменному столу; увидя меня, сказалъ:

— „Вы полагаете, для васъ Сибири нѣтъ?"

„Для невиннаго Сибири нѣтъ, государь!"

Императоръ, наморщивъ брови, сказалъ: „Хороши вы, господа"!

„Виновато, быть можетъ, начальство, а мы, государь! подставляли лобъ, какъ послѣдній солдатъ".

— „Реляція Кутузова о Бородинскомъ сраженіи мнѣ не очень понятна; не можете ли вы мнѣ кое-что объяснить?"

Я началъ разсказъ и, по окончаніи онаго, прибавилъ:—Барклай поручилъ мнѣ донести вашему величеству, что если онъ не убитъ, то онъ не виноватъ: онъ вездѣ былъ впереди.

— „Напишите мнѣ, что разсказывали о Бородинскомъ сраженіи, но черновой у себя не оставляйте... Зачѣмъ вы не остались въ арміи, когда Кутузовъ два раза увѣщевалъ васъ остаться"?

„Одинъ разъ, государь!"—и пересказалъ ему мой отвѣтъ.—Мнѣ жалокъ былъ Барклай въ его несчастіи и оставленный всѣми, имъ облагодѣтельствованными.

Государь потрепалъ меня по плечу, сказавъ: „Ты все старый". Позвонивъ, приказалъ позвать графа Шувалова и ска-

залъ ему: „Отвези его къ князю Горчакову; скажи, что онъ останется при немъ“.

Мы поѣхали въ придворной каретѣ. Князь Горчаковъ разсказывалъ мнѣ послѣ, что онъ испугался, думая, что меня привезли къ нему, дабы отправить въ Сибирь.

XXI.

При князѣ Горчаковѣ—по 1816 годъ.

Въ началѣ сего, т. е. 1816-го года, пригласилъ меня, по высочайшему повелѣнію, гр. Аракчеевъ. Доложили графу. Онъ встрѣтилъ меня въ адъютантской и повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

Графъ: Я думаю, вы знаете, что, по высочайшему повелѣнію, я вытребовалъ изъ Вологды Магницкаго въ Грузино?

Я: Слышалъ, ваше сіятельство; весь Петербургъ объ этомъ зналъ.

Графъ: Мнѣ нужно нѣкоторое объясненіе по нѣкоторымъ дѣламъ. Между разговорами, пришлось мнѣ спросить его: „Правда ли это, самъ государь и всѣ въ Петербургѣ говорятъ, будто де-Сангленъ былъ причиною вашей ссылки?“ Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Нѣтъ, если-бы мы не пренебрегли его знакомствомъ, то вѣроятно ссылки бы не было“. Я сказалъ: „Самъ государь намекнулъ мнѣ на de-Sanglin“. Магницкій отвѣчалъ мнѣ: „это у насъ въ обыкновеніи“. Сколько я ни старался вывѣдать причину ихъ отправленія и заставить сказать откровенно: „не де-Сангленъ-ли?“ онъ подтвердилъ мнѣ то же и прибавилъ: „мы имъ одолжены“. Я спросилъ его: „въ чемъ же это одолженіе состояло?“ онъ отвѣчалъ: „Благодарность заставляетъ о томъ умолчать, чтобы де-Санглена не подвергнуть еще бо́льшимъ непріятностямъ“. Теперь спрашиваю я васъ; государь желаетъ знать, въ чемъ это состояло?

Графъ посадилъ меня подлѣ себя на диванъ, и съ необыкновенною ласкою подтвердилъ свое требованіе.

Я: Полагаю, что Магницкій намекалъ на слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ генваря 1812 года, пріѣхалъ ко мнѣ Бологовской, знакомый мнѣ по Москвѣ, и, сказавъ мнѣ, что Балашовъ проситъ его свести поближе со Сперанскимъ и Магницкимъ, просилъ у меня совѣта: „Приступить ли ему къ этому дѣлу?“

Охота тебѣ вязаться въ такія темненькія дѣла, сказалъ я ему. Неужели ты думаешь, что министръ полиціи не знакомъ со Сперанскимъ и Магницкимъ; берегись, какъ бы вы всѣ вмѣстѣ куда нибудь не прокатились; впрочемъ, вѣдь это тебѣ въ привычку. „Ты меня пугаешь", сказалъ онъ мнѣ. Отнюдь нѣтъ, но ужели ты думаешь, что, если только нужно будетъ, не Балашовъ, а министръ полиціи, выдастъ тебя?" Бологовской уѣхалъ, но на другой день возвратился и сказалъ: „Магницкій и Сперанскій объявляютъ тебѣ, что если ты будешь такъ дурно отзываться о Балашовѣ и впредь, то они доведутъ это до его свѣдѣнія и тебѣ будетъ не хорошо". Спасибо, отвѣчалъ я Бологовскому, впредь наука. Теперь поѣзжайте хоть всѣ къ чорту, заговоришь объ нихъ—я буду молчать.

Графъ: Вы поступили противъ пріятеля благородно; къ несчастію, имѣли дѣло съ подлецами, каковы Бологовской и Балашовъ. Да вы неужели не знали, что вы сами окружены были шпіонами? На что же упрекнули вы Магницкаго?

Я объяснилъ графу извѣстное уже въ сихъ запискахъ.

Графъ: И эта вспышка была благородна, но не осторожна; зачѣмъ пустили вы Магницкаго въ другую комнату?

Я: Могъ-ли я ему запретить это?

Графъ: Онъ, между тѣмъ, отправилъ записку къ Сперанскому, и, вѣроятно, во зло употребилъ слова ваши.

Я: Не понимаю, какъ въ такое время онъ могъ писать, развѣ словесно велѣлъ пересказать?

Дворъ — это омутъ, въ которомъ развѣ только одинъ чортъ спастись можетъ, и просилъ графа исходатайствовать мнѣ отставку.

Графъ уговаривалъ меня остаться на службѣ.

—„Вы знаете его, нынче я, завтра вы, а послѣ опять я".

— Это-то и заставляетъ меня просить ваше сіятельство объ отставкѣ.

Графъ: А чѣмъ же вы жить будете? Я знаю, у васъ кромѣ жалованья ничего нѣтъ?

Я: Лучше съ голоду умереть, чѣмъ жить въ подобной передрягѣ; брошу 12 т. жалованья и поѣду въ наслѣдственную свою деревушку, состоящую изъ 84 душъ, и буду покоенъ.

Графъ: Вы давно служите; можете получить хорошее мѣсто.

Я: Благодарю ваше сіятельство, но осмѣливаюсь вторично просить исходатайствовать мнѣ отставку.

Графъ: Я уважаю васъ, Яковъ Ивановичъ, и поддержу васъ; и мнѣ давно такъ поступить надо было, но..... и онъ пожалъ плечами.

Мы разстались. Графъ сдержалъ слово; государь на отставку не соглашался, но графъ выхлопоталъ мнѣ указъ отъ 23 марта 1816 года, причислить меня къ героьдіи, съ производствомъ по 4 т. р. ежегодно.

Когда я откланивался государю, его величество сказалъ мнѣ:

—„Я тебя не отставилъ, ты на службѣ, и съ жалованьемъ; отдохни; понадобишься—опять призову". Государь милостиво отпустилъ меня, даже прибавилъ: „до свиданія".

Я немедленно отправился въ Москву, гдѣ жилъ спокойно въ маленькомъ имѣніи, бывшемъ матери моей. Здѣсь долженъ я отдать справедливость сестрамъ моимъ: при видѣ писемъ покойной матери ко мнѣ, онѣ освободили меня отъ хлопотъ и отдали мнѣ добровольно, что по закону мнѣ слѣдовало.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

XXII.

Послѣ смерти въ Бозѣ почившаго императора Александра I и восшествія на престолъ Николая I, начали распространяться въ Москвѣ на мой счетъ разныя клеветы, и всѣ изъ дому московскаго генералъ-губернатора князя Голицына.

Когда дошли до меня эти слухи, явился я къ князю Голицыну и просилъ его разсмотрѣть дѣла, которыя возложены были на меня императоромъ Александромъ, изъ коихъ усмотрѣть можетъ, что все разглашаемое на мой счетъ просто клевета.

Онъ отвѣчалъ мнѣ: „до меня это не касается, и мнѣ нѣтъ времени".

— Вы московскій военный генералъ-губернаторъ; я московскій дворянинъ и прибѣгаю къ вамъ, какъ къ начальнику съ просьбой.

—„Я говорю вамъ: мнѣ некогда".

— Такъ я докажу, ваше сіятельство, что самъ императоръ меня выслушаетъ;—поклонился и вышелъ вонъ.

Слѣдствіемъ сего было слѣдующее мое письмо императору Николаю I, писанное во время возстанія:

„Москва, 6-го января 1831 года.

—„Всемилостивѣйшій Государь! Натискъ времени, обстоятельствъ и духъ современный возлагаютъ нынѣ на каждаго вѣрноподданнаго священную обязанность не таить въ душѣ своей ни единаго скрытнаго слова, ни единой мысли, и изъясненіемъ ихъ предъ престоломъ вашимъ, предупреждать всякое желаніе откровенности, какъ предъ престоломъ Бога.

„Не внемлите, государь! клеветѣ, очернившей служеніе мое и характеръ. Она не сообразна ни съ собственнымъ моимъ желаніемъ оставить службу, когда въ 1816 году все поступило подъ начальство графа Аракчеева, ни съ значительностію дѣлъ, кои сдалъ, по высочайшему повелѣнію, господину начальнику главнаго штаба, ни съ указомъ марта 23 дня 1816 г., причислить меня къ геральдіи съ произвожденіемъ жалованья по 4,000 р. Предъ августѣйшимъ лицомъ вашего императорскаго величества готовъ, съ несомнѣнными, драгоцѣннѣйшими для меня, документами, доказать истинну словъ моихъ и опровергнуть возставшую на меня злобу за незапятнанную преданность; зависть за доброжелательство императора; за презрѣніе, оказываемое мною пороку. Государь! я вручаю участь мою въ руки вашего свыше земнаго величія. Справедливость ваша, государь, не отвергнетъ усердія вѣрноподданнаго, готоваго доказать на опытѣ, что трудно превзойти въ вѣрности и преданности того, который ложью никогда не осквернилъ ни устъ, ни пера, и который въ полнотѣ сердца есть и будетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный Яковъ де-Сангленъ“.

Послѣ отправленія сего письма, 27 января въ 6 часовъ утра, входитъ мой человѣкъ и докладываетъ мнѣ, проживающему въ деревнѣ, что офицеръ, давнишній мой знакомый, желаетъ меня видѣть. „Какъ его фамилія?“—„Я спрашивалъ; онъ не сказалъ“.— „Проси его“. Входитъ человѣкъ въ мундирномъ сюртукѣ, съ эполетами; подходитъ прямо ко мнѣ и протягиваетъ руку.

—„Я узналъ васъ; вы фельдъегерь“, сказалъ я, не давая ему руки. „Мы съ вами не знакомы; исполняйте данное вамъ порученіе“.

— Я докажу, что мы съ вами знакомы, отвѣчалъ онъ съ поспѣшностію, и, выхвативъ изъ-за пазухи письмо, вручилъ мнѣ.

Я распечаталъ. Это было собственноручное письмо князя Дмитрія Владимировича Голицына.

Вотъ оно:

„Милостивый государь, Яковъ Ивановичъ! Государь императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго письма вашего къ его императорскому величеству, приказать соизволилъ, объявить вашему высокородію, чтобы вы собрали, въ присутствіи фельдъегерскаго корпуса поручика Виммерна, всѣ документы и акты, которые нужны вамъ для объясненія и доказательства того, что вы желаете объяснить государю. Въ сопровожденіи же поручика Виммерна, отправляйтесь немедленно въ С.-Петербургъ. Государь императоръ приказать соизволилъ, внушить вамъ, что поелику предоставлены вамъ средства, взять съ собою всѣ акты и документы, у васъ имѣющіеся, то уже никакія отговорки по сему предмету приняты быть не могутъ. Имѣю честь быть, милостивый государь! вашъ покорный слуга князь Дмитрій Голицынъ".

Прочитавъ письмо, сказалъ я фельдъегерю:

— Мы все-таки съ вами незнакомы, а развѣ познакомимся дорогою. Могу-ли я взять съ собою человѣка?

— „Мнѣ не приказано, а велѣно самому вамъ служить".

— Садитесь, сказалъ я; пойду собирать нужныя бумаги.

— „Намъ нужно скорѣе ѣхать".

— Это уже извините; я человѣкъ семейный; мнѣ нужно успокоить свое семейство. Мы отобѣдаемъ здѣсь, и тотчасъ послѣ обѣда поѣдемъ. Вамъ велѣно мнѣ служить; такъ служите. Я здѣсь помѣщикъ, вы мой гость; дорогой буду я вашимъ гостемъ.

— „Какъ вамъ угодно".

Мы отобѣдали, уложили вещи; все семейство мое успѣлъ я успокоить, кромѣ незабвенной дочери моей Варвары, которая, при прощаньи, упала въ обморокъ.

Мы выѣхали въ саняхъ фельдъегеря. Доѣхавъ до моей мельницы, сказалъ я ему: „что я дѣлаю? Я здѣсь помѣщикъ, а ѣду какъ какой преступникъ. Воротимся, я велю заложить кибитку, и мы спокойно доѣдемъ до станціи. Тамъ ужъ везите, какъ хотите".

Нечего было дѣлать; и мы воротились. Я хотѣлъ этимъ поступкомъ доказать семейству моему и собравшимся крестьянамъ, что имѣю право поступать, какъ хочу. Въ Солнечной горѣ

лошади были готовы, и мы стремглавъ, по фельдъегерски, пустились въ путь.

Здѣсь долженъ я отдать полную справедливость г. Виммерну: онъ успокоилъ меня, какъ родного сына; угождалъ моимъ капризамъ, которые я нарочно выказывалъ, чтобы не пасть духомъ. Я обязанъ много его человѣколюбію и снисходительности. Мы сблизились дорогой. Онъ сообщилъ мнѣ, что графъ Чернышевъ призывалъ его, и именемъ государя приказалъ обращаться со мною съ крайнею вѣжливостію, прибавя: „де-Санглень — человѣкъ достойный уваженія". Это ободрило меня, и я смягчился въ обращеніи моемъ съ Виммерномъ.

Меня везли чрезъ Ярославль, потому что Закревскій содержался въ карантинѣ, по случаю холеры, въ Вышнемъ Волочкѣ. Въ Ярославлѣ былъ странный случай: трактирщикъ отказалъ намъ въ обѣдѣ, потому что Виммернъ не хотѣлъ меня назвать ему, для доклада Полторацкому. Виммернъ закупилъ разной провизіи и мы обѣдали на первой станціи отъ Ярославля.

На третій день пріѣхали мы въ Рыбацкую, около полудня. Здѣсь обѣдали. По окончаніи стола, сказалъ я Виммерну: „пора, кажется, ѣхать".

— Мнѣ велѣно привезти васъ въ Петербургъ ночью.

Я задумался. Ночью,—для чего это?—спросилъ я самаго себя, и легъ на диванъ. „Я усну пока", сказалъ я, обернувшись къ спинѣ дивана, и предался моимъ мечтаньямъ и догадкамъ, какъ будто это къ чему повести могло. Однако это укрѣпило духъ мой. „Будетъ, что Богу угодно", сказалъ я, и попросилъ чаю съ ромомъ. Я думаю, если бы я попросилъ шампанскаго, и то бы мнѣ отказано не было.

Смерклось уже, когда мы выѣхали изъ Рыбацкой и въ половинѣ осьмаго часа подъѣхали къ зданію главнаго штаба. Виммернъ ввелъ меня въ комнату, гдѣ стоялъ часовой, который караулилъ бездну ящиковъ, готовыхъ къ отправленію въ разныя мѣста Россіи, съ военными снарядами, и просилъ меня подождать, пока доложитъ о пріѣздѣ моемъ дежурному генералу Потапову. Чрезъ ½ часа явился Виммернъ, и сказалъ мнѣ:

— „Потаповъ въ эрмитажѣ, гдѣ дается піэса; я доложилъ ему о пріѣздѣ вашемъ; онъ поспѣшилъ къ Чернышеву, а этотъ къ государю, который приказалъ Потапову немедленно ѣхать домой, чтобы васъ принять".

Вдругъ услышалъ я, что въ коридорѣ запираютъ двери. Виммернъ побѣжалъ одинъ и, возвратясь, сказалъ мнѣ: „пожалуйте къ генералу; но закутайтесь въ шубу и нахлобучьте шапку, чтобы никто васъ не видалъ въ лицо".

— Это что такое? — сказалъ я.

Виммернъ закуталъ меня, надвинулъ фуражку на глаза, — и повелъ, какъ слѣпого. Долго вели меня; наконецъ остановили, сняли шубу, фуражку, и я очутился въ большой комнатѣ, похожей на столовую. Виммернъ отворилъ находящуюся предъ нами дверь, и я вошелъ въ голубую комнату, родъ гостиной, гдѣ меня встрѣтилъ Потановъ, и сказалъ мнѣ:

— „Мнѣ очень жаль, что мы возобновляемъ знакомство въ столь непріятное время".

— Я отнюдь не жалѣю, отвѣчалъ я; ибо честный человѣкъ выше всѣхъ жизненныхъ обстоятельствъ, каковы бы они не были.

— „Я этого отъ васъ и ожидалъ, сказалъ онъ мнѣ. Сядемте; вы, я думаю, устали. Я велю подать чаю".

Онъ подошелъ къ снурку и позвонилъ. Въ сосѣдней комнатѣ сбирали чашки и все утихло. Потаповъ вышелъ, принесъ чайный приборъ, и все къ нему принадлежащее. Сдѣлалъ чай, подчивалъ меня, и сказалъ: „мы можемъ говорить свободно; никто насъ не услышитъ".

Начался разговоръ слѣдующій: „что васъ понудило написать такое странное письмо къ императору?"

Я разсказалъ ему все вышеприведенное. „Голицынъ скверный человѣкъ; сдѣлалъ императору десять доносовъ, самыхъ нелѣпыхъ, на васъ. Императоръ хохоталъ; но вы двора не узнаете. Все то, что было при васъ, того уже нѣтъ".

Такимъ образомъ разговоръ продолжался до ужина. Здѣсь произошло то же, что и во время чаю. Потаповъ самъ принесъ ужинъ, тарелки и прочее; выпили шампанскаго за добрый успѣхъ. Послѣ ужина, явился, по звонку, офицеръ въ гарнизонномъ сюртукѣ съ эполетами. „Онъ отведетъ вамъ квартиру, прислугу и все, что вамъ нужно будетъ; приказывайте ему, и все исполнится".

Мы простились.—C'est apparemment geôlier [1])?—сказалъ я Потапову, по французски.

---

[1]) „Вѣроятно это мой тюремщикъ".

— „Non, отвѣчалъ Потаповъ, il doit remplir tout ce que vous lui ordonnerez“ [1]).

Окутали меня опять, чтобы никто меня не узналъ; повели чрезъ дворъ по лѣстницѣ и ввели въ довольно большую комнату,— родъ прихожей, гдѣ стояли три человѣка въ писарскихъ сюртукахъ, съ узкимъ галуномъ по воротнику.

— Эти люди къ вашимъ услугамъ,—сказалъ тотъ же офицеръ.

Два часовыхъ стояли у дверей, которыя офицеръ растворилъ.

Мы вошли; среди комнаты стоялъ большой столъ, на которомъ лежали стопа бумаги, чернила и перья.

„Эта комната для вашихъ занятій“, сказалъ офицеръ; потомъ, отворивъ другую дверь, сказалъ: „а это ваша спальна“.

— Какъ, отвѣчалъ я, эта зеленая кровать съ госпитальными одѣялами должна быть моею постелью?

Офицеръ стоялъ, какъ будто пораженный.—„Прикажете ее вынести? Какъ же будете вы почивать“.

— На моей шубѣ; у меня есть и кожаная подушка, а эту прикажите вынесть.

Когда это было исполнено, спросилъ я офицера: „что значатъ эти часовые? Что я подъ арестомъ, что-ли?“

— Такъ приказано,—отвѣчалъ онъ.—Я вышелъ въ первую комнату, взялъ бумаги и написалъ Потапову слѣдующее:

„По письму моему къ императору, я просилъ добровольно предстать предъ лицомъ его величества. Меня привезли. Со мной бумаги, писанныя рукой императора Александра I-го. Часовые стоятъ у дверей, какъ будто сторожатъ арестанта; слѣдовательно и бумаги Александра подъ арестомъ. Прошу насъ избавить отъ ареста и часовыхъ удалить. Бѣжать, или выскочить изъ окна, мнѣ не возможно; слишкомъ высоко, и я ни къ тому, ни къ другому не способенъ. Часовыхъ не нужно меня стеречь! Яковъ де-Сангленъ“.

Я простился съ офицеромъ, сказавъ: „отдайте эту записку генералу Потапову,“—легъ, не раздѣваясь, на свою шубу, и отъ усталости крѣпко заснулъ.

На другое утро, явился офицеръ съ коробомъ, въ которомъ

---

[1]) „Нѣтъ, отвѣчалъ Потаповъ, онъ обязанъ исполнять все, что вы ему прикажете“.

лежали: чайный приборъ, фунтъ чаю, бутылка рому и булки. Разставивъ все, сказалъ мой офицеръ: „по приказанію императора, караула болѣе нѣтъ“.

— Какъ это случилось? спросилъ я.

— „Вашу записку отправилъ генералъ Потаповъ къ графу Чернышеву, а этотъ къ императору, и велѣно снять караулъ“.

Это все идетъ изрядно, сказалъ я про себя; что-то будетъ далѣе? Къ обѣду принесъ мой офицеръ, въ мѣдномъ судкѣ, подозрительнаго содержанія кушанье. Опять пошла записка къ Потапову:

„По милости въ Бозѣ почивающаго императора я имѣю 4 т. р. жалованья, и сверхъ того я не совсѣмъ нищій, чтобы глотать подобный обѣдъ. Я прошу позволенія, послать въ лучшую гостиницу за приличнымъ обѣдомъ“.

Чрезъ часъ получилъ я отъ Потапова: accordé [1]). Но до этого не дошло; явились приставленные ко мнѣ люди, накрыли на столъ и подали славный обѣдъ.

— „Отъ кого?“ спросилъ я.

— Не знаемъ,—былъ отвѣтъ.

Провелъ дня два въ скучномъ одиночествѣ. На третій день явился ко мнѣ Потаповъ.

— „Наряжена коммисія для допроса; будьте готовы къ 11-ти часамъ“;—сказалъ онъ мнѣ.

— Я готовъ,—отвѣчалъ я; а что? и вы членъ коммисіи? спросилъ я.

— „Не удостоенъ,—отвѣчалъ Потаповъ. Приходите ко мнѣ, васъ проведутъ съ задняго крыльца; я введу васъ въ этотъ ареопагъ, и самъ уйду“.

Къ 11 часамъ пришелъ я къ Потапову.

„Мы въ мелочахъ очень аккуратны,—сказалъ онъ, посмотрѣвъ на часы; еще десяти минутъ нѣтъ, лишь ударило одинадцать“;—онъ отворилъ дверь, ввелъ въ ту же голубую комнату, гдѣ вокругъ стола сидѣли трое генераловъ, а четвертый стулъ былъ порожній.

Потаповъ ушелъ, и я сдѣлалъ три шага впередъ. Никто не трогался съ мѣста, и я тоже. Наконецъ всталъ гр. Чернышевъ

[1]) Разрѣшено.

и сказалъ мнѣ: „Какъ мы давно съ вами не видались, Яковъ Ивановичъ!“

— Съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ я, какъ вы послѣ Бородинскаго привезли Кутузову орденъ Св. Георгія I-й степени.

— „А меня узнали-ли вы?“ спросилъ гр. Орловъ.

— Вы такъ выросли, что трудно было бы узнать того поручика, который, послѣ Бородинскаго сраженія, лежалъ въ моей бричкѣ.

— „А это молодой генералъ, котораго вы знать не можете— это Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ“.

— Не сынъ ли того подполковника Адлерберга, который убитъ въ Шведскую кампанію?—сказалъ я.

— „Такъ точно“,—отвѣчалъ онъ.

— Je suis donc en pays de connaissance; tant mieux!

Гр. Чернышевъ просилъ меня сѣсть на четвертый стулъ, и вотъ мы всѣ усѣлись. Гр. Чернышевъ открылъ лежащій передъ нимъ портфель, вынулъ изъ него бумаги и, подавъ мнѣ, спросилъ: „вы это писали“?

Я посмотрѣлъ и сказалъ: это мое письмо къ императору.

— „По приказанію императора, растолкуйте намъ его“.

— Оно написано, кажется, по русски и если непонятно иностранцамъ, я не виноватъ.

— „Начало вашего письма странно: какія это обстоятельства?“

— Просто, польская война.

— „Да, мы этого не поняли“.

— А кажется было близко.

— „Государь приказалъ, чтобы вы намъ представили всѣ акты и документы, которые у васъ въ рукахъ“.

— Крайне сожалѣю, что не могу исполнить этого приказанія; оно противурѣчило бы письму моему, въ которомъ я изъяснилъ, что готовъ одному царю ихъ представить; царь не умираетъ, а придворные смѣняются.

— „Мы довѣренныя особы у государя“.

— Вѣрю и радуюсь; а все-таки бумагъ не отдамъ. Что касается до приказанія государя, то я уже объяснилъ; теперь прибавлю только: можетъ быть находится въ нихъ что-либо о васъ, графъ, чего вамъ знать не нужно.

— „Такъ мы требуемъ отъ васъ“.

— Доложите государю, что у меня ихъ отнять можно только у мертваго. Я пребуду вѣренъ императору Александру, который запретилъ мнѣ кому-либо показывать; и я приказаніе его исполню, хотя и улыбки отъ покойнаго императора получить болѣе не могу. Царь другое дѣло, отъ него ничего не должно быть скрыто.

— „Что же? сказалъ графъ Орловъ; Яковъ Ивановичъ правъ; мы это доложимъ государю; увидимъ, что онъ прикажетъ".

Адлербергъ присталъ къ нему и гр. Чернышевъ, немного съ гнѣвомъ, сказалъ: „такъ засѣданіе наше кончилось."

Тутъ вошелъ Потаповъ. Графъ Чернышевъ взялъ его подъ руку и началъ о чемъ-то съ нимъ говорить; а я разговаривалъ съ Орловымъ и Адлербергомъ.

По окончаніи секретнаго разговора съ Потаповымъ, всѣ разъѣхались; остались мы двое.

— „Votre premier début à Pétersbourg est magnifique" [1]); сказалъ мнѣ Потаповъ.

— Хорошо!—отвѣчалъ я; да что-то будетъ далѣе.

— „Чернышевъ объявилъ мнѣ, сказалъ Потаповъ: государь желаетъ, чтобы вы отвели де-Санглену комнату у себя, и чтобы онъ имѣлъ столъ и все прочее у васъ".

Вслѣдствіе чего, меня вытащили изъ заточенія. Часа чрезъ два пріѣхалъ графъ Чернышевъ и объявилъ мнѣ, что государь приказалъ мнѣ запечатать всѣ документы тремя печатями, и чтобы я былъ увѣренъ, что никто, кромѣ его, ихъ не увидитъ.

Я спросилъ: могу-ли ихъ препроводить при письмѣ къ государю?

— „Онъ того ожидаетъ".

Поселясь въ новой моей чистой квартирѣ, собралъ всѣ бумаги и отправилъ ихъ за тремя печатями къ государю при слѣдующемъ письмѣ:

„Всемилостивѣйшій государь! Вѣрноподданническое мое письмо изъ Москвы, писанное въ убѣжденіи, что лично удостоюсь счастія изложить предъ августѣйшимъ лицомъ вашимъ то, чѣмъ былъ, есть и чѣмъ быть готовъ,—желаннаго для меня успѣха не имѣло. Я получилъ сію минуту, отъ гр. Чернышева, высочайшее повелѣніе, представить всѣ бумаги въ запечатанномъ тремя пе-

---

[1]) „Вашъ первый дебютъ въ Петербургѣ превосходенъ".

чатями канвертѣ къ вашему императорскому величеству. Повинуясь священной волѣ вашей, повергаю оныя къ стопамъ моего монарха; но не могу, имѣя многихъ враговъ, враговъ истины святой, утаить предъ вашимъ величествомъ, что желалъ-бы укрыть оныхъ отъ зависти и злобы. Вамъ довѣрялъ я, Государь! въ письмѣ моемъ, по собственному добровольному побужденію, участь мою. Вамъ, справедливости вашей единственно довѣряю я оную и теперь. Дерзаю изложить краткое описаніе бумагъ".

Во второмъ отдѣленіи письма говорилъ я о службѣ и характерѣ моемъ. Бумаги, сюда принадлежащія, суть: сдача дѣлъ начальнику главнаго штаба, отданныхъ подъ росписку директора канцеляріи главнаго штаба, кн. Меншикова; засимъ, инструкція бывшаго настоящаго моего мѣста директора центральной канцеляріи, всѣ прочія мои должности были для открытія (сокрытія?) сей настоящей, которая раздѣлялась на двѣ части: 1) скрытая отъ министра принадлежала государю; 2) военнаго министра передана въ оригиналѣ начальнику главнаго штаба; копія съ послѣдняго обо мнѣ указа. Всѣ аттестаты о службахъ моихъ. Краткое мое мнѣніе о высшей полиціи, коимъ государь повелѣлъ мнѣ руководствоваться; къ сему дерзнулъ я присовокупить двѣ бумаги, кои докажутъ попеченіе мое и въ деревнѣ о благѣ ближняго. Наконецъ, благодарность комитета за труды мои во время ожиданія въ уѣздѣ холеры, отъ которой онъ избавился. Всѣ сіи бумаги свидѣтельствуютъ о моемъ служеніи и характерѣ. Фельдъегерскаго корпуса поручикъ Виммернъ можетъ засвидѣтельствовать о плачѣ моихъ людей, безутѣшныхъ, когда страшились лишиться своего благодѣтеля, видя меня отъѣзжающимъ съ фельдъегеремъ.

Въ третьемъ отдѣленіи моего письма дерзнулъ изъявить желаніе, представить августѣйшему лицу моего монарха мою правоту, драгоцѣнными для меня документами, писанными рукою моего императора. Это нѣсколько записокъ императора, оставленныхъ имъ у меня, за исключеніемъ тѣхъ, кои угодно было ему удержать у себя,—записокъ, драгоцѣнныхъ для меня, ибо доказываютъ отчасти тѣ отношенія, въ кои я императоромъ поставленъ былъ.— Къ симъ присовокуплено мнѣніе мое о министерствахъ, сочиненное по волѣ императорской, воспослѣдовавшей послѣ продолжительнаго разговора о несвязности всего зданія сего. Всѣ замѣтки карандашемъ сдѣланы рукою императора. Вслѣдствіе сего уни-

чтожено только министерство полиціи, а передача дѣлъ гр. Аракчееву остановила извѣстныя мнѣ преднамѣренія императора. Первое отдѣленіе и заключеніе вѣрноподданническаго письма моего содержатъ вкратцѣ, что въ нынѣшнія времена, каждый человѣкъ, чувствуя себя, по справедливости, способнымъ на истинную службу, долженъ, хотя и былъ бы отринутъ, предложить свои способности на пользу общую, и съ откровенностію указать на то, что впослѣдствіи времени вреднымъ быть можетъ. Здѣсь я останавливаюсь: „Есть, государь, предметы, кои суть собственность царей; объ нихъ съ другими говорить, о нихъ писать не должно. Тайное глубокомысленное взвѣшиваніе предметовъ и твердое исполненіе суть единственныя средства къ достиженію государственной безопасности. Повергая, по волѣ вашей, все къ стопамъ вашего императорскаго величества, скорблю, что бумаги лишены истолкованія причинъ, производившихъ оныя на свѣтъ. Это мертвыя буквы. Душа, жизнь оныхъ, были сужденія государя. Исполняя священную волю вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь со слезами умолять васъ, государь, приказать возвратить меня семейству, оставленному мною въ горестнѣйшемъ объ участи моей страданіи. Добрый гражданинъ и вѣрный сынъ отечества узнается по тому, хорошій ли онъ семьянинъ. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшій государь! вашего императорскаго величества вѣрноподданный Яковъ де-Сангленъ".

Два дня провелъ я у Потапова весело и пріятно. На третій день вошелъ онъ ко мнѣ съ запискою въ рукахъ отъ императора, писанною карандашемъ, слѣдующаго содержанія:

— „Пришлите мнѣ вашего гостя сегодня, въ 7 часовъ вечера. За нимъ пріѣдетъ фельдъегерь".

— Приготовьтесь, сказалъ мнѣ Потаповъ; въ половинѣ 7-го часа, пожалуйте ко мнѣ.

Онъ вышелъ; хотя желаніе мое исполнилось, но какъ-то мнѣ было не ловко. Въ чемъ мнѣ ѣхать?—думалъ я; напялить мундиръ, ордена? Гадко! Мундиромъ, орденами не удивишь; и стянутый, менѣе свободенъ буду. Поѣду въ моемъ черномъ сюртукѣ. Спросятъ; я не безъ языка. Рѣшено; и я такъ пошелъ къ Потапову.

— „Что же вы безъ мундира?" спросилъ онъ.

— На что онъ? Привезли съ фельдъегеремъ; прячутъ отъ людей; а я расфрантись. Такъ лучше, гражданинъ вселенной...

— „Ну, какъ хотите; какъ бы это не взыскалось? Любитъ форму, вытяжку".

— Такъ и быть; пусть спроситъ, отвѣчалъ я.

— „Этого не будетъ; а арестовать можно".

Я засмѣялся: „что-жъ? и это не дурно! это только все усовершенствуетъ. Привезли будущимъ съ фельдъегеремъ, прятали и арестовали".

— „А это что у васъ?"

— Портфейль съ бумагами.

— „Этотъ не въ модѣ".

— Я съ нимъ ходилъ къ императору Александру.

— „Возьмите мой; онъ легче, и форменный".

Я переложилъ бумаги, и мы вышли въ залу, гдѣ уже стоялъ чистенькій, гладенькій, напудренный фельдъегерь, готовый принять меня подъ свое покровительство. Онъ безпрерывно смотрѣлъ на часы; еще они не ударили 7 часовъ, какъ фельдъегерь сказалъ Потапову: „Пора, ваше превосходительство!" Съ Богомъ! сказалъ Потаповъ; мы простились, и я сѣлъ съ фельдъегеремъ въ сани. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, и мы помчались во всю прыть по дворцовой площади. Я полагалъ по направленію: не остановимся-ли мы у маленькаго подъѣзда императора Александра? Нѣтъ! обогнули дворецъ и полетѣли по набережной.

— Ага! думалъ я; не въ крѣпость-ли?

Вдругъ лошади остановились не подалеку отъ бывшаго Салтыковскаго подъѣзда. Фельдъегерь выскочилъ изъ саней и помогъ мнѣ выйти. Мы вошли въ обширныя теплыя сѣни; предъ нами была стеклянная дверь, у которой стоялъ часовой. Фельдъегерь положилъ подлѣ него мою и свою шубы, фуражки, и отворилъ дверь. Мы входили по прекрасной мраморной лѣстницѣ, съ позолоченными перилами, окончившейся маленькою площадкой. Фельдъегерь постучался въ дверь, тремя магическими ударами, что меня крайне удивило. Зазвенѣлъ ключь, и высунулъ изъ дверей голову человѣкъ въ зеленомъ кафтанѣ, съ краснымъ воротникомъ и бѣлой опушкой; онъ посмотрѣлъ и немедленно заперъ дверь на ключъ. Чрезъ нѣсколько времени, дверь отворилась, и въ дверяхъ стоялъ самъ императоръ. Онъ указалъ пальцемъ фельдъегерю идти внизъ, а мнѣ махнулъ рукой войдти.

Лишь я вошелъ, императоръ заперъ дверь и скорымъ боль-

шимъ шагомъ пошелъ впередъ; я за нимъ бѣжалъ съ поспѣшностію. Мы прошли нѣсколько комнатъ; наконецъ, государь остановился въ небольшой зеленой комнатѣ, гдѣ вся мебель была обита зеленымъ атласомъ, а между двумя окнами стояло большое зеркало, у рамокъ котораго стояли два канделябра, въ каждомъ по 6 свѣчъ. Императоръ остановился посреди комнаты, и рукой показалъ мнѣ стать поближе, сказавъ:

— „Вы хотѣли меня видѣть; вотъ я“.

Я поклонился.

— „Я читалъ ваши бумаги, и жалѣю, что вы мнѣ прежде не написали“.

— Я имѣлъ счастіе два раза писать къ вашему императорскому величеству и получилъ отвѣтъ отъ гр. Бенкендорфа.

— „Я ничего не получалъ“.

Я взялъ изъ портфейля два письма гр. Бенкендорфа и подалъ государю.

— „Это за этими господами бываетъ; они содержатъ все въ тайнѣ, и отвѣчаютъ за меня. Я прочелъ ваше мнѣніе о жандармахъ; видѣлъ и рѣшеніе брата; это его рука; по какому случаю это было?“

— Маркизъ Пиньятели изъ Вѣны прислалъ покойному государю планъ учрежденія жандармовъ въ Россіи. Государь передалъ мнѣ оный съ тѣмъ, чтобы я подалъ о томъ свое мнѣніе, которое ваше величество прочесть изволили.

— „Да, вы не охотники до этой команды. Что вы о нашихъ жандармахъ думаете?“

— Я не знаю подробностей этого учрежденія, и судить о немъ не могу.

— „Вы избѣгаете отвѣта; можете говорить прямо“.

— Если прикажете, то я, какъ вѣрноподданный, долженъ вашему величеству признаться, что мнѣ, какъ и всей Россіи, эта команда не по нутру.

— „Отчего это?“

— Оттого-ли, что вѣрноподданническая преданность подданныхъ вашего величества тѣмъ оскорбляется, когда къ ней выказывается какъ будто недовѣріе, или что вообще доносы, дѣлаемые по необходимости этого учрежденія, вынудить могутъ царскій гнѣвъ, и тѣмъ разрушаютъ тѣсную связь между любовію народа и царя.

— „Мнѣ ваша откровенность нравится. Я самъ готовъ за правду умереть“.

— Помилуйте, государь, это можетъ быть необходимо въ нашемъ положеніи, но не въ вашемъ. Всѣ мы молимся о сохраненіи дней вашихъ.

— „Это умно и ловко“, сказалъ государь улыбаясь. „Я испытаю вашу откровенность; у меня есть доносъ на всю Россію кн. А. Б. Голицына; онъ ужаснулъ меня. Нѣтъ пощады никому; по мнѣнію его, я окруженъ измѣнниками, даже не пощаженъ кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ, котораго я люблю. Ему довѣряю я жену, дѣтей, во время моихъ отъѣздовъ; enfin nous nous convenons, прибавилъ государь, и я долженъ въ немъ сомнѣваться. Вы были тогда сами дѣйствующимъ лицомъ; и объ васъ упомянуто. Вы можете мнѣ объяснить всѣ обстоятельства этого времени. Я вамъ отдамъ эти бумаги, объясните ихъ, и не затрудняйтесь моими замѣтками, сдѣланными карандашемъ. Когда вы это окончите, пришлите мнѣ все въ запечатанномъ тремя печатями пакетѣ“.

Съ сими словами, государь вышелъ, но скоро возвратился съ огромнымъ фоліантомъ, съ большимъ оберточнымъ листомъ, сургучемъ и печатью. Онъ приказалъ мнѣ фоліантъ завернуть въ бумагу и запечатать тремя печатями. Это была маленькая государственная печать. Когда я исполнилъ приказаніе, государь отдалъ мнѣ пакетъ, сказавъ:

— „Я буду ожидать вашего отвѣта на эту громаду. A propos [1]), прибавилъ онъ; за что Московскій Голицынъ такъ на васъ сердитъ?“

— Не понимаю, государь! Вѣроятно, былъ обнесенъ, оклеветанъ окружающими его.

— „А съ Давыдовымъ [2]) что у васъ было?“

— Тоже ничего, государь! Мы оба были выбраны начальниками надъ округами, учрежденными для охраненія отъ холеры. Кн. Голицынъ объявилъ въ вѣдомостяхъ о славномъ учрежденіи Давыдова относительно холеры, и приказалъ всѣмъ руководствоваться его учрежденіями. Я поѣхалъ къ Давыдову; онъ оставилъ

---

[1]) Кстати.

[2]) Денисъ Васильевичъ Давыдовъ—извѣстный партизанъ въ 1812 г., военный писатель и поэтъ. Ред.

меня ночевать; учрежденій я никакихъ не нашелъ; а на другое утро просилъ онъ меня выслушать сочиненіе: біографію генерала отъ кавалеріи Раевскаго. Я откровенно замѣтилъ ему, что много либеральныхъ, не умѣстныхъ идей, печатаніе которыхъ опасно. Онъ донесъ кн. Голицыну, что я долженъ быть шпіонъ; а кн. Голицынъ довелъ это до свѣдѣнія вашего императорскаго величества. Это было причиною моего всеподданнѣйшаго письма къ вамъ, государь!

— „Какъ могли вы подумать, чтобы я повѣрилъ Давыдову, котораго выгналъ Паскевичъ изъ арміи; а этого я уважаю, какъ только сынъ можетъ уважать отца; и тому Давыдову вѣрить, который у театра дрался съ простымъ жандармомъ".

Я всего этого, государь, не зналъ.

— „Я читалъ и письма брата къ вамъ, я желалъ-бы ихъ оставить у себя".

— Противиться волѣ государя я не смѣю, но не могу скрыть моего прискорбія разлучиться съ ними. Это лучшія доказательства, для дѣтей моихъ, лестныхъ отношеній императора.

— „Это похвально, если вы ими такъ дорожите". Я удержу только тѣ, которыхъ въ партикулярныхъ рукахъ оставлять не должно, а прочія возвращу".

— Какъ вамъ угодно, государь!

Послѣ этого, государь махнулъ мнѣ рукою въ знакъ прощанья.

Я подошелъ къ государю и сказалъ: осмѣливаюсь просить ваше императорское величество позволить мнѣ увѣдомить жену и дѣтей о счастливомъ прибытіи, и что я свободенъ въ Петербургѣ.

— „Скажите Потапову, послать фельдъегеря".

— Ради Бога, государь, не фельдъегеря! это опять всѣхъ перепугаетъ; позвольте писать по почтѣ.

— „Пишите, что вы были у меня, что я вами доволенъ".

Я поклонился.

Государь проводилъ меня, отворилъ дверь, закричалъ: „фельдъегеря!" Я опять поклонился. Государь кивнулъ головою и заперъ дверь. Возвратясь къ Потапову, нашелъ я тутъ гр. Чернышева и гр. Орлова.

— „Гдѣ вы такъ долго были?" спросилъ Чернышевъ.

— У государя, отвѣчалъ я.

— „А это что?“ спросили всѣ.

— Пакетъ, полученный отъ государя; посмотрите на печати.

— „Что такое?“

— Третьяго дня хотѣли вы взять меня къ допросу; нынѣ, вы всѣ въ этомъ пакетѣ; и мнѣ приказано подать мое мнѣніе.

— „Коли вамъ нуженъ хорошій писецъ, сказалъ Чернышевъ, то я его вамъ пришлю“.

— Понимаю, ваше сіятельство; и писарь вамъ перескажетъ, что онъ переписывалъ, а мнѣ велѣно содержать все въ тайнѣ. Покорно благодарю; самъ кое-какъ перепишу.

Обратясь къ Потапову, сказалъ я: „Покойный государь по вечерамъ поилъ меня чаемъ; нынѣшній государь этой courtoisie не имѣетъ; не угодно-ли вамъ вознаградить это лишеніе? Языкъ изсохъ“.

Подали чаю; начались разспросы, гдѣ государь меня принялъ. Я имъ разсказалъ. Хотѣли узнать, что государь говорилъ. „Это спросите у самаго царя, а мнѣ повелѣно молчать“.

Гр. Чернышевъ взялъ меня подъ руку, сказавъ: „Я объявилъ Потапову, что государь приказалъ каждый день, послѣ обѣда, возить васъ по городу въ каретѣ и показать вамъ всѣ постройки“.

Пришедши въ мою комнату, я тотчасъ принялся читать порученный мнѣ фоліантъ, и на каждый пунктъ писалъ мои опроверженія.

Прописывать здѣсь огромный этотъ доносъ и почти не менѣе обширное данное мною опроверженіе было бы не у мѣста [1]). Скажу вкратцѣ: доносъ былъ едва-ли не на всѣхъ, окружавшихъ покойнаго государя и оставшихся при Николаѣ I. Всѣ были объявлены иллюминатами: кн. Александръ Ник. Голицынъ, Кочубей, Сперанскій и прочіе; самъ императоръ Александръ, даже митрополитъ Филаретъ, безъ малѣйшихъ доказательствъ.

Я все опровергалъ, съ надлежащими доводами, и объявилъ доносителя фанатикомъ.

Слѣдствіемъ того было освобожденіе кн. Андрея Борисовича

---

[1]) Отъ Ред. „Русской Старины“: Историіографъ „Царствованія и войнъ эпохи Александра I“, генералъ-лейтенантъ М. И. Богдановичъ, передалъ намъ, предъ своею кончиною, именно 7-го іюля 1882 г., два списка Записокъ Я. И де-Санглена. Въ одномъ изъ нихъ, и именно въ спискѣ позднѣйшемъ, есть двѣ неоконченныя копіи тѣхъ всеподданнѣйшихъ записокъ, какія де-

Голицына изъ Шлиссельбургской крѣпости, а съ нимъ вмѣстѣ и купца Варгина.

Окончивъ огромный этотъ трудъ, я отправилъ его къ императору, какъ приказано было, за тремя печатями. Государь былъ имъ доволенъ, сказавъ:

— „Я вашей бумагой доволенъ; у васъ лица въ сторонѣ. Вы доказываете и опровергаете все самими происшествіями и духомъ того времени; но я вамъ приказываю, когда выпущу кн. Голицына, съ нимъ не знакомиться и никакой переписки не имѣть“.

На другой день получилъ я отъ гр. Чернышева слѣдующее письмо:

Санглень представилъ въ февралѣ 1831 г. императору Николаю Павловичу, во исполненіе высочайшаго повелѣнія.

Помѣщаемъ эти неоконченныя страницы, дающія однако понятіе о всемъ трудѣ де-Санглена, вызвавшемъ благодарность государя Николая Павловича. Вотъ онѣ:

Письма къ императору Николаю I по окончаніи разбора бумагъ князя А. Б. Голицына,

представленныя его императорскому величеству Яковомъ Ивановичемъ де-Сангленъ.

I.

С.-Петербургъ. 1831 года февраля 20-го дня.

Во всѣхъ бумагахъ сихъ, намековъ, удареній на лицъ—пропасть; доносовъ—гибель; лжи—неисчетно,—и едва ли можно доселѣ еще принять что либо въ доказательство. Не менѣе того, если и обратить вниманіе на это зданіе сплетней, и приступить къ дѣйствію,—съ другой стороны, нельзя окончательно предположить, чтобы въ сихъ бумагахъ чего нибудь не крылось; но что такое? отъ кого? На что поставилъ меня, котораго не зналъ? Если, государь! не желаете дѣло предать забвенію, такъ какъ оно не имѣетъ никакихъ основательныхъ доказательствъ, или на время его оставить, приказавъ слѣдить за нимъ, не откроется ли что впослѣдствіи; то вотъ чѣмъ надо пополнять. Удостоенный разсмотрѣніемъ сихъ бумагъ, по долгу присяги, совѣсти и чести, осмѣливаюсь повергнуть планъ дѣйствій. Усердіе чистое мое примите, Государь!

Нужно избрать человѣка вѣрнаго. знающаго, безпристрастнаго, ловкаго, облеченнаго вашею довѣренностію, чтобы стараться получить оправданіе всѣхъ лицъ, въ бумагахъ сихъ поименованныхъ, объявя цѣль уличенія клеветы.

Никто ни въ чемъ обидѣться не можетъ, особенно, когда дадутъ каждому на волю писать, что угодно, не нарушая должнаго уваженія къ симъ особамъ. Когда всѣ отвѣты собраны будутъ, представить ихъ на воззрѣніе вашего императорскаго величества. Не блеснуть умомъ—желаніе мое, а еще менѣе завесть инквизицію; нѣтъ! но со всею откровенностію представить то, что только можетъ служить для пользы общей.

Повергая все съ вѣрноподданническою преданностію, прошу ваше императорское величество, какъ милость, отпустить меня къ моему семейству.

„С.-Петербургъ, 12 февраля 1831 г., № 83 й.

„Милостивый государь Яковъ Ивановичъ! Государь императоръ былъ весьма доволенъ лично представленными вами его императорскому величеству свѣдѣніями и объясненіями по дѣламъ, до прежней вашей службы относящимся. Высочайше поручить мнѣ соизволилъ изъявить вашему высокородію его величества благоволеніе, въ знакъ коего государь императоръ жалуетъ вамъ подарокъ, который въ слѣдъ за симъ, по полученіи изъ кабинета, мною къ вамъ доставленъ будетъ.

II.

Я читалъ съ достодолжною примѣчательностію бумаги кн. А. Б. Голицына. Прежде нежели перейду къ постепенному разбору оныхъ, необходимымъ считаю кинуть общій взоръ на сію «chambre obscure», гдѣ каждый, все и всякое проходитъ мимо очей какъ тѣнь, но тѣла не дощупаешься. Кажется, что кн. Голицынъ, видя упущенія по нѣкоторымъ частямъ государственнаго управленія, искалъ причину, корень оныхъ, и попавъ кое на что, обнаружившееся нѣкогда по иллюминатству, на людей, которые въ то время о томъ знать долженствовали, подвелъ все подъ одну единицу и мысль. Обманщикъ, обманутый, всѣ безъ разбору, по его мнѣнію, вредные иллюминаты. Увлеченный фанатизмомъ вѣковъ протекшихъ, пристрастіемъ, иногда, кажется, ненавистью къ нѣкоторымъ лицамъ, перешагнувъ за законъ нравственности, который позволяетъ разбирать дѣла людскія, а не намѣренія, отъ насъ, человѣковъ, сокрытыя, извѣстныя одному Богу сердцевѣдцу, въ запальчивости своей, забываетъ всѣ приличія, ссылается на людей, которыхъ едва въ лицо знаетъ, никогда съ ними не говаривалъ, а правила ихъ еще менѣе ему извѣстны, какъ напримѣръ я.

Однакожъ нельзя не отдать и той справедливости князю Андрею Голицыну, что фанатическое усердіе водило перомъ его, и что, среди пестрыхъ произведеній его испуганнаго за государство воображенія, грядетъ что-то, какъ будто основанное, ему темно понятное, похожее на карательную Немезиду, угрожающую въ будущемъ какимъ-то бѣдствіемъ, и что кое-гдѣ изъ развалинъ протекшаго онъ попадалъ на истину.

Приступаю къ разбору тѣхъ мѣстъ, кои въ листкахъ его до меня касаются, или, лучше, до тѣхъ временъ, въ которыхъ, близкій къ государю, я былъ свидѣтелемъ многаго и дѣйствующимъ лицомъ во многомъ.

Постигая во всей полнотѣ волю его императорскаго величества, возложившаго на меня поясненія сихъ бумагъ, скажу я, какъ предъ Богомъ сердцевѣдцемъ, карающимъ рано или поздно всякую неправду, то, что знаю. Ложь всегда была мнѣ чужда!

Первая значительная бумага—письмо на высочайшее имя отъ 15-го генваря 1831 г. Я Вейсгаупта не иначе читалъ, какъ отрывками. Никакъ утверждать не могу, чтобы Сперанскій получилъ званіе регента; и принять-ли даже онъ въ иллюминаты? Ибо чѣмъ докажу это? Слышалъ отъ многихъ, но это

„Засимъ его величество, не находя болѣе нужнымъ пребываніе ваше въ С.-Петербургѣ, дозволилъ вамъ возвратиться къ семейству вашему, повелѣвъ мнѣ доставить къ вамъ прилагаемыя при семъ 3,000 р. Сообщая вашему высокородію о такомъ всемилостивѣйшемъ соизволеніи его императорскаго величества и покорно прося увѣдомить меня о полученіи препровождаемой суммы, имѣю честь быть съ достодолжнымъ почтеніемъ вашимъ покорнымъ слугою Графъ А. Чернышевъ“.

Едва успѣлъ я прибыть въ деревню къ своему семейству, получилъ я отъ князя Андрея Борисовича Голицына письмо, въ которомъ приглашаетъ меня пріѣхать къ нему въ деревню его, кн. Голицына, для поясненія ему по сдѣланному мною опроверженію его бумагъ. Я не отвѣчалъ ему, а по высочайшему повелѣнію отправилъ его письмо къ государю; но откуда могъ князь получить о семъ свѣдѣнія—не понимаю! Я получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ графа Чернышева:

„9 іюня 1831 года, № 310-й.

„Милостивый государь Яковъ Ивановичъ! Государь императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшее письмо ваше отъ 28 мая, высочайше поручить мнѣ соизволилъ васъ увѣдомить, что его вели-

---

ничего... Слѣдовательно, не знаю. Какая логика въ этой статьѣ, можно-ли упрекнуть иллюминатовъ въ цѣли, которая ведетъ къ мечтательному водворенію всеобщей морали? Какъ? Водвореніе всеобщей морали—мечта? Чего же требуетъ Евангеліе, какъ не водворенія морали, объяснимъ слово—нравственности? И какимъ образомъ мораль, нравственность, трудятся надъ низверженіемъ царей и престоловъ: Кто когда либо и гдѣ назвалъ подобные пустяки—нравственностью, моралью? Это—рѣшительно не знать, о чемъ говоришь, и этого подтвердить не могу, ибо ни о какомъ порученіи Вейсгаупта Сперанскому не знаю. Я не смѣю спросить, почему полагаютъ, будто я способенъ на подобную подлость, когда осмѣливаются такое повелѣніе влагать въ уста императора Александра. Отвергаю совершенно сію низкую и подлую клевету и готовъ утвердить присягою, для меня дѣломъ не шуточнымъ, истину словъ моихъ. Что Фесслеръ почти высланъ былъ въ Саратовъ, это я можетъ быть лучше кого либо другаго знаю, но чтобы Сперанскій всѣ проекты новыхъ постановленій посылалъ къ Фесслеру и проч.—ни утверждать, ни отрицать не могу: ибо не знаю; но сомнѣваюсь; кажется, это не ускользнуло бы. Фесслеръ былъ тогда, какъ извѣстный иллюминатъ, подъ......

(Продолженія этого письма нѣтъ въ нашихъ рукописяхъ Записокъ Я. И. де Санглена). Ред.

чество съ удовольствіемъ усмотрѣлъ изъ онаго новое доказательство вѣрности и усердія въ выполненіи обязанности вѣрноподданнаго, и изъявляетъ вамъ за сіе монаршее свое благоволеніе и увѣренность его величества, что похвальныя правила, на коихъ всѣ дѣйствія ваши основаны, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что вы всегда въ подобныхъ случаяхъ поступите совершенно такъ, какъ теперь съ письмомъ князя Голицына.

„Сообщая вамъ о таковомъ отзывѣ его величества, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою, графъ А. Чернышевъ“.

Я. И. де-Сангленъ.

Сообщ. 7-го іюля 1882 г. Модестъ Ив. Богдановичъ.

Примѣчаніе отъ ред. „Русской Старины“: По напечатаніи уже нами „Записокъ Я. И. де-Санглена“ по двумъ рукописямъ, полученнымъ отъ М. И. Богдановича, мы получили еще одинъ списокъ отъ другаго лица, но только списокъ первой части, именно объ императрицѣ Екатеринѣ II и ея эпохѣ. Здѣсь, кромѣ нѣкоторыхъ анекдотовъ, не попавшихъ въ наши списки, помѣщено предисловіе автора ко всѣмъ его запискамъ, съ эпиграфомъ.

Вотъ оно:

Je vais écrire l'histoire des affaires de mon temps, tâche délicate et périlleuse.

„По просьбѣ многихъ друзей, пріятелей, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, рѣшился я привести въ порядокъ Записки, собранныя мною въ теченіи моей жизни. Рѣшившись писать о многихъ происшествіяхъ, въ которыхъ участвовалъ я самъ, иногда какъ дѣйствующее лицо, иногда какъ зритель, другія передать хочу по дошедшимъ до меня вѣрнымъ слухамъ; я избралъ истину единственною моею руководительницею; слѣдовательно, за одно достоинство моихъ записокъ я ручаюсь смѣло—правдивость. Я не щадилъ никакого лица, ни самаго себя. Угождать самолюбію своему и другихъ можетъ полезнымъ быть для жизни, но на краю гроба, по моему мнѣнію, было бы преступно выказывать себя или другихъ лучше или хуже, чѣмъ они дѣйствительно были. Я пишу не для современниковъ, пишу, какъ будто уже меня

нѣтъ; слѣдовательно, безъ зависти, безъ злобы. Хвалить, щадить некого; лживо порицать—порицать подло. Suum cuique! Земныхъ интересовъ для меня уже быть не можетъ. И такъ пусть водитъ перомъ моимъ строгая истина: я могъ ошибаться—я человѣкъ,—но отвѣчаю за то, что умысла, злаго намѣренія не было".

Я. де-Сангленъ.

Примѣчаніе. Я. И. де-Сангленъ не лгалъ, заявляя въ своемъ „предисловіи", что онъ оставляетъ записки свои только для потомства и пишетъ не для современниковъ. Доказательства на лицо. Мих. Петр. Погодинъ, при всѣхъ заботахъ и усиліяхъ, не могъ получить отъ своего пріятеля Я. И. де-Санглена ничего, кромѣ разсказа до 1796 года. Баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ также не былъ счастливѣе. Сообщивъ неважныя замѣтки о событіяхъ 1812 г. М. П. Погодину, Я. И. де-Сангленъ писалъ ему 18 ноября 1861 г.: „Вотъ все, что я могъ вамъ сказать; на остальное наложилъ императоръ Александръ I вѣчное молчаніе, и я исполню его волю до конца жизни моей". („Русскій Архивъ", 1871 г., стр. 1165).

Ред.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ [1]).

Предварительныя дѣйствія по разсмотрѣнію губернскихъ проектовъ положеній о крестьянахъ.

V.

Новая опека надъ министромъ внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу, также обратившаяся въ пользу дѣла. — Коллегіальное присутствіе земскаго отдѣла.—Назначеніе членовъ отдѣла: Н. В. Исакова и графа А. П. Бобринскаго и приглашеніе въ засѣданія Н. А. Милютина.

Ростовцовъ, заключая союзъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не хотѣлъ вполнѣ положиться на него, тѣмъ болѣе, что онъ присвоивалъ себѣ то, что принадлежало министерству, и потому, съ перваго же шага, хотѣлъ устранить всякій поводъ къ оспариванію того преобладающаго положенія, которое онъ занялъ. Въ то же время прежніе союзники Якова Ивановича — князь Орловъ, князь Долгоруковъ, графъ Панинъ и, въ особенности, (Мих. Ник.) Муравьевъ и Бутковъ не могли простить С. С. Ланскому его самостоятельныхъ дѣйствій: по нижегородскому комитету, по дѣлу Кошанскаго, по данному имъ циркуляру въ опроверженіе слуховъ, которые распустили въ губерніяхъ Бутковъ и Муравьевъ, и по нѣкоторымъ другимъ предметамъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г., т. XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., т. XXXIII, январь, стр. 227—258; мартъ, стр. 561—596; т. XXXIV, апрѣль, стр. 105—154; май, стр. 389—426; т. XXXVI, октябрь, стр. 131—154; ноябрь, стр. 221—252; изд. 1883 г, т. XXXVII, февраль, стр. 259—290.

Поэтому представители ретрограднаго движенія, точно также какъ и Ростовцовъ, хотя по разнымъ причинамъ, желали положить предѣлъ всякой самостоятельной дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ.

Первая мысль объ этомъ, безъ сомнѣнія, принадлежала Буткову; но такъ какъ такое намѣреніе совпадало съ цѣлями Якова Ивановича, то потому оно не встрѣтило никакого препятствія къ ея осуществленію. Какъ бы то ни было, въ началѣ законодательнаго сезона 1858—1859 года, состоялось объявленное государственнымъ секретаремъ высочайшее повелѣніе, по которому на министерство внутреннихъ дѣлъ возлагалась обязанность давать разрѣшенія по возникшимъ въ губернскихъ комитетахъ вопросамъ не иначе, какъ по предварительномъ о томъ представленіи въ Главный Комитетъ.

Отъ этого распоряженія могло пострадать только самолюбіе министра, но дѣло отъ этого выиграло. Принятыя министромъ формальности, по которымъ въ главный комитетъ представлялись проекты отношеній и циркуляровъ губернаторамъ, безъ изложенія мотивовъ въ особыхъ представленіяхъ, нисколько не увеличивали работы. Особеннаго замедленія во времени также не было, потому что комитетъ въ то время собирался каждую недѣлю. Самыя же распоряженія министерства, которыя, вслѣдствіе новаго направленія главнаго комитета, энергически поддерживаго Ростовцовымъ и Чевкинымъ, одобрялись главнымъ комитетомъ безпрекословно— получали бо́льшую силу и прочность. При этомъ прежнія разрѣшенія, данныя властью министра, по возникшимъ вновь вопросамъ въ другихъ комитетахъ были представлены на утвержденіе главнаго комитета и были имъ одобрены. Наконецъ постоянное одобреніе главнымъ комитетомъ распоряженій министерства не могло не поднять въ мнѣніи членовъ комитета вновь образованнаго земскаго отдѣла. Никогда въ жизни до меня не доходило съ разныхъ сторонъ столько похвалъ, сколько въ это время. Похвалы эти шли не только отъ Ростовцова, но отъ Буткова, Муравьева, Панина и даже князя Орлова. Нѣкоторыя изъ этихъ похвалъ, въ видѣ комплиментовъ, адресовались ко мнѣ лично, въ особенности щедръ былъ комплиментами Яковъ Ивановичъ; о другихъ узнавалъ я черезъ знакомыхъ, какъ, напримѣръ, Н. А. Милютина и князя Д. А. Оболенскаго.

Для разсмотрѣнія начавшихъ поступать въ министерство проектовъ губернскихъ комитетовъ и для исполненія той роли, которая назначалась въ этомъ дѣлѣ министерству внутреннихъ дѣлъ. утвержденнымъ 26 октября (1858 г.) журналомъ главнаго комитета, представилась необходимость въ образованіи по утвержденному штату коллегіальнаго присутствія земскаго отдѣла. Два раза было уже упомянуто мною о штатѣ земскаго отдѣла; между прочимъ я сказалъ, что составъ этотъ „былъ приведенъ въ исполненіе настолько, насколько онъ касался канцеляріи, а не коллегіальнаго присутствія“. При такомъ неполномъ приведеніи въ исполненіе штата, дѣятельность земскаго отдѣла совершалась въ формѣ остальныхъ департаментовъ министерства, т. е. я докладывалъ министру дѣла и бумаги и исполнялъ ихъ заготовленіемъ проектовъ: представленій въ главный комитетъ, предложеній губернаторамъ и другихъ исходящихъ бумагъ, которыя всѣ шли за подписью министра и моей скрѣпой. Для образованія же коллегіальнаго присутствія земскаго отдѣла, кромѣ предсѣдателя (Алексѣя Ираклієвича Левшина) и непремѣннаго члена (меня), которые были уже на лицо, надо было назначить двухъ особыхъ членовъ.

Исторія назначенія этихъ членовъ слѣдующая: какъ-то я прихожу съ докладомъ къ министру; онъ поздравляетъ меня съ новыми моими товарищами и называетъ ихъ по фамиліямъ. Къ счастію для дѣла, я зналъ обоихъ ихъ лично. Одинъ изъ нихъ былъ нѣмецъ изъ прибалтійскихъ губерній, дослужившійся гдѣ-то до члена дѣйствительнаго статскаго совѣтника, писавшій что-то по крестьянскому дѣлу съ остзейскимъ взглядомъ на этотъ предметъ. Кромѣ того о немъ ходили слухи, что онъ когда-то, гдѣ-то и кѣмъ-то былъ „оскорбленъ дѣйствіемъ“. Другой, также получившій генеральскій чинъ на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, занимался адвокатурой въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ, со всѣми пріемами мелкаго ходатая по дѣламъ. Я ни сколько ни обинуясь, сказалъ министру, что я не желаю быть товарищемъ такихъ людей, и что если они будутъ назначены, то я буду просить о моемъ увольненіи. Оказалось, что объ ихъ назначеніи представилъ министру А. И. Левшинъ, не предупредивъ меня ни однимъ словомъ. Предполагавшееся назначеніе было остановлено министромъ, но тутъ же Сергѣй Степановичъ потре-

бовалъ отъ меня, чтобы я назвалъ ему лицъ, которыя могутъ занять эти мѣста.

Я назвалъ Николая Алексѣевича Милютина.

— „Этого нельзя,—онъ красный“, сказалъ мнѣ Ланской улыбаясь.

На мой отвѣтъ, что я также „красный“, получилъ въ отвѣтъ: „васъ еще не такъ знаютъ, какъ Милютина“.

Но надо было пріискать людей и при томъ какъ можно скорѣе. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ очень помогъ Н. А. Милютинъ; безъ его совѣтовъ для меня, новаго человѣка въ Петербургѣ, выборъ лицъ въ члены земскаго отдѣла былъ бы труденъ. Послѣ совѣщанія съ нимъ, я рѣшился указать министру на двухъ флигель-адъютантовъ: графа Бобринскаго (недавно бывшаго министромъ путей сообщенія) и Ник. В. Исакова (нынѣ, въ 1876 г., главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній). Первый изъ нихъ, хлопотавши по своему выкупному проекту, познакомился со мной за нѣсколько мѣсяцевъ прежде; втораго я зналъ по наслышкѣ. Надо было выбрать людей, которые сочувствовали бы крестьянскому дѣлу, но не причислялись бы противною партіей къ числу „красныхъ“. Весьма полезно было также имѣть членами земскаго отдѣла людей, извѣстныхъ при дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Этимъ условіямъ, по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ, удовлетворяли оба названные кандидата. Съ проектомъ графа Бобринскаго о вознагражденіи помѣщиковъ за предоставляемую крестьянамъ землю хотя мы и не соглашались, но изъ него никакъ нельзя было вывести заключенія, что авторъ его сдѣлается такимъ врагомъ (?) правительственнаго направленія въ крестьянскомъ дѣлѣ, какимъ онъ оказался на самомъ дѣлѣ, въ особенности впослѣдствіи, когда онъ убѣдился въ неудачѣ своихъ предположеній и личныхъ честолюбивыхъ (?) разсчетовъ. Кромѣ своего проекта, графъ Бобринскій былъ извѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ командировкой въ нижегородскую губернію по извѣстному въ свое время дѣлу о злоупотребленіяхъ власти бывшимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Шереметьевымъ. По опредѣленію дворянства, имѣніе его было взято въ опеку. Что касается до Николая Вас. Исакова, то онъ вообще пользовался очень хорошей репутаціей, а по крестьянскому дѣлу онъ сдѣлался извѣстенъ своимъ правдивымъ отчетомъ о положеніи крестьянъ въ эстляндской губерніи, куда онъ былъ коман-

дированъ по случаю довольно значительныхъ, лѣтомъ 1858 года, крестьянскихъ волненій въ этой губерніи. Оба они посѣщали высшее петербургское общество, къ которому графъ Бобринскій принадлежалъ по рожденію, а Н. В. Исаковъ былъ любимымъ кавалеромъ нѣкоторыхъ дамъ высшаго общества. Бобринскій въ то время былъ въ особенномъ ходу при дворѣ, бывая очень часто на вечерахъ у императрицы, которые состояли изъ небольшаго круга самыхъ приближенныхъ къ императрицѣ лицъ. Исаковъ начиналъ тогда уже обращать на себя вниманіе своимъ умомъ и особенно тактомъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ казалось, что болѣе удачнаго выбора въ члены земскаго отдѣла сдѣлать было невозможно. Я доложилъ Сергѣю Степановичу о графѣ Бобринскомъ и Исаковѣ, и они были назначены. Для бо̀льшаго еще обезпеченія правильнаго хода крестьянскаго дѣла въ земскомъ отдѣлѣ, я, пользуясь примѣчаніемъ къ штату, въ которомъ было сказано, что въ засѣданія, въ случаѣ надобности, (приглашаются) директоры департаментовъ, я устраивалъ дѣло такъ, что Н. А. Милютинъ почти всегда присутствовалъ въ нашихъ засѣданіяхъ. Это было время самыхъ лучшихъ, смѣло могу сказать, дружескихъ отношеній моихъ съ Н. А. Милютинымъ. Онъ не былъ коротко знакомъ съ крестьянскимъ дѣломъ, а потому слушалъ мои разсказы съ любопытствомъ, одобрялъ мои предположенія, выражалъ сочувствіе къ моей дѣятельности и всегда при случаѣ горячо поддерживалъ меня.

VI.

Засѣданія земскаго отдѣла и разсмотрѣніе проектовъ первыхъ трехъ комитетовъ, окончившихъ свои занятія. — Проекты Нижегородскаго комитета и приложенія начала сохраненія „настоящаго надѣла“.

Немедленно, послѣ своего сформированія, присутствію земскаго отдѣла предстояло разсмотрѣть два проекта положеній о крестьянахъ, представленные большинствомъ и меньшинствомъ нижегородскаго комитета. Первое засѣданіе земскаго отдѣла было подъ предсѣдательствомъ министра въ его кабинетѣ; изъ приглашенныхъ въ засѣданіе постороннихъ лицъ былъ одинъ Н. А. Милютинъ. Послѣдующее засѣданіе происходило подъ предсѣдатель-

ствомъ А. И. Левшина. Изъ постороннихъ лицъ, кромѣ Н. А. Милютина, приглашались въ эти засѣданія нѣкоторые изъ наличныхъ губернаторовъ, губернскихъ предводителей дворянства и членовъ губернскихъ комитетовъ по устройству быта крестьянъ. Всѣхъ лицъ, которыя были приглашаемы, я не помню; но очень хорошо помню, въ засѣданіяхъ земскаго отдѣла присутствовали въ разное время: Г. П. Галаганъ и князь С. П. Голицынъ, оба впослѣдствіи сдѣлались членами редакціонныхъ коммисій, а также петербургскіе: губернаторъ, Н. М. Смирновъ, и губернскій предводитель, графъ П. П. Шуваловъ.

Въ первое засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ министра, докладывалъ я самъ; предметомъ засѣданія или, лучше сказать, совѣщанія, было установленіе взгляда министерства на губернскіе проекты; поводомъ къ тому послужили составленныя, подъ моимъ руководствомъ, въ канцеляріи земскаго отдѣла замѣчанія на два нижегородскія проекта. Въ послѣдующія засѣданія подобныя замѣчанія на другіе проекты обыкновенно читались однимъ изъ дѣлопроизводителей отдѣла. Замѣчанія эти составлялись въ видѣ отвѣтовъ на три вопроса, на которые министерство, согласно журналу главнаго комитета 26-го октября (1858 г.), должно было отвѣтить, при разсмотрѣніи каждаго проекта:

„а) Нѣтъ-ли въ немъ какихъ либо отступленій отъ началъ и указаній, высочайше утвержденныхъ собственно для крестьянскаго вопроса?“

„б) Нѣтъ-ли въ немъ вообще отступленій отъ духа государственныхъ узаконеній?“

„в) Дѣйствительно-ли улучшается имъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ чемъ именно?“

По разсмотрѣніи нижегородскихъ проектовъ на всѣ эти вопросы должны были послѣдовать отрицательные отвѣты, въ особенности на первый и послѣдній. Оба проекта оказались весьма неудовлетворительными. Правительство желало постепеннаго уничтоженія прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, для чего и назначалось переходное время. Оба проекта требовали ничѣмъ неограниченное согласіе помѣщика на выходъ крестьянъ изъ общества въ продолженіи всего срочно-обязаннаго времени, слѣдовательно они дѣлали это время не переходнымъ, а продолженіемъ крѣпостного состоянія. Срокъ этого времени по одному проекту

полагался 12, а по другому 6 лѣтъ. Собственно для крестьянъ. по обоимъ проектамъ предполагалось устроить мірскіе суды, установить очередной порядокъ отправленія рекрутской повинности. Дворовые люди и этого были лишены: вся расправа надъ ними оставалась въ рукахъ помѣщиковъ, которые могли также отдавать своихъ дворовыхъ людей въ рекруты и ссылать въ Сибирь, не испрашивая на то разрѣшенія. По высочайшимъ рескриптамъ: „крестьянамъ оставалась ихъ усадебная осѣдлость, которую они. въ теченіе опредѣленнаго времени, должны были „пріобрѣсти въ свою собственность посредствомъ выкупа". Въ обоихъ проектахъ поставлены были такія условія, которыя дѣлали выкупъ этотъ для большинства крестьянъ совершенно невозможнымъ.

По первому проекту, цѣна усадебной земли (въ 480 руб. за десятину) была назначена неимовѣрно высокая, тѣмъ болѣе, что оцѣнка эта относилась исключительно къ земледѣльческимъ имѣніямъ, гдѣ усадьбы не представляютъ крестьянамъ особыхъ выгодъ, а помѣщику не приносили никакого дохода. Въ прочихъ же имѣніяхъ, хотя и земледѣльческихъ, но имѣвшихъ какія-либо мѣстныя выгоды, помѣщику предоставлялось право возвысить эту оцѣнку, по своему усмотрѣнію. Наконецъ, вовсе не допускалась разсрочка платежа, а требовалась единовременная уплата всѣмъ обществомъ.

По второму—усадебная земля, съ прибавкой части полевыхъ угодій, цѣнилась въ 64 руб. десятина, слѣдовательно, хотя гораздо ниже противъ проэкта большинства, но все-таки высоко сравнительно съ существовавшими тогда въ Нижегородской губерніи цѣнами на зéмли. Разсрочка также не допускалась. Крестьяне, за надѣломъ ихъ, вмѣстѣ съ усадьбами, по $1^1/_4$ десятины, лишались остальныхъ земель, которыми они пользовались. На основаніи высочайшихъ рескриптовъ: „предоставлялось въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ, количество земли". Вопреки этимъ указаніямъ, дѣйствительный надѣлъ крестьянъ уменьшался: по первому проекту на одну треть, а по второму давалось крестьянамъ по $1^1/_4$ десятины вмѣстѣ съ усадебной землей; притомъ, по проекту большинства, не въ постоянное пользованіе, а лишь на переходное время.

По обоимъ проектамъ, настоящій въ то же время размѣръ надѣла сохранялся лишь въ промышленныхъ и торговыхъ имѣніяхъ, въ которыхъ земля менѣе имѣетъ для крестьянъ значенія, чѣмъ въ земледѣльческихъ, гдѣ она составляетъ для крестьянъ почти единственное средство къ содержанію. Что же касается до повинностей, то по первому проекту, въ земледѣльческихъ имѣніяхъ, при уменьшеніи надѣла на одну треть, на одну же треть уменьшалась и барщина, т. е. предполагалась двухдневная барщина, которая при круговой порукѣ и тяжеломъ урочномъ положеніи едва-ли была бы легче трехдневной. Сверхъ того, крестьяне обязывались денежнымъ платежемъ въ размѣрѣ одного процента съ оцѣночной суммы усадебныхъ земель. Такое устройство предполагалось только на переходное время, по истеченіи котораго пользованіе усадьбами прекращалось, а платежи за усадьбы продолжались.

По второму проекту надѣлъ крестьянъ землей былъ крайне недостаточенъ; выкупъ также невозможенъ, а оброкъ въ 12 р. (за $3^1/_8$ дес. на тягло) весьма нелегокъ. Единственно одно только предположеніе нижегородскаго комитета, общее большинству и меньшинству, которое согласно было съ правительственнымъ направленіемъ,—это предположеніе объ устройствѣ быта крестьянъ въ промышленныхъ и торговыхъ или, точнѣе, въ оброчныхъ имѣніяхъ, хотя и оно требовало существенныхъ исправленій. Въ этихъ имѣніяхъ предполагалось оставить и надѣлы, и оброки прежніе, предоставляя крестьянамъ выкупить землю посредствомъ капитализаціи изъ шести процентовъ. Но во всякомъ случаѣ платимый при крѣпостномъ правѣ оброкъ не могъ оставаться безъ повѣрки и соображенія съ предоставленными крестьянамъ средствами. Въ проектѣ большинства находились по сему предмету неопредѣленныя правила; а въ проектѣ меньшинства вовсе ничего не говорилось объ этомъ. Относительно общественнаго устройства крестьянъ, земскій отдѣлъ замѣчалъ, что съ устройствомъ волостнаго управленія, сельскія общества должны быть крупнѣе и каждый помѣщикъ не можетъ уже быть начальникомъ общества. Посему невозможно допустить образованіе отдѣльныхъ обществъ изъ каждаго помѣщичьяго имѣнія, хотя бы населеніе его не превышало 21 души. Ни въ какомъ случаѣ нельзя также допустить соединенія въ одно общество одновотчинныхъ имѣній, не смотря на разстояніе между ними.

Я изложилъ сущность моихъ замѣчаній на нижегородскіе проекты; но они были доложены во всей ихъ подробности. При этомъ въ первый разъ, въ качествѣ члена коллегіальнаго присутствія, я защищалъ начало сохраненія за крестьянами того надѣла, которымъ они пользовались. Особенно горячо возражалъ мнѣ графъ Бобринскій, но мнѣ пришлось защищать изложенныя мной замѣчанія и противъ самаго министра, который возражалъ мнѣ по особымъ соображеніямъ, о которыхъ я сейчасъ скажу. Но мнѣ удалось убѣдить министра и одержать верхъ надъ графомъ Бобринскимъ [1]). Замѣчанія мои были приняты и обращены были въ журналъ земскаго отдѣла, который потомъ и былъ подписанъ предсѣдателемъ (А. И. Левшинымъ) и всѣми присутствующими. Кромѣ этого надо было приготовить записку въ главный комитетъ отъ самаго министра, съ представленіемъ проектовъ и заключеній земскаго отдѣла.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ я упомянулъ о старинныхъ дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между С. С. Ланскимъ и тогдашнимъ нижегородскимъ губернаторомъ, Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ. Этотъ послѣдній, въ своемъ отзывѣ о нижегородскихъ проектахъ, рѣзко говорилъ противъ проекта большинства. Этимъ объясняется какъ возраженіе Сергѣя Степановича во время доклада, такъ и записка его, которую онъ прислалъ мнѣ на другой день. Въ этой запискѣ онъ писалъ:

„Не надобно на первыхъ порахъ слишкомъ огорошить [2]) первую попытку дворянскихъ комитетовъ, а потому я полагаю въ запискѣ моей въ главный комитетъ, при коей представлены будутъ нижегородскія положенія, начать съ того, что выхвалить ихъ первые два параграфа [3]), а потомъ уже показать несообразность прочихъ (статей) съ этимъ началомъ, какъ будто вкравшіяся по неполному развитію ихъ, оставляя подробныя объясненія въ коллективной запискѣ противъ каждой статьи и не слишкомъ рѣзко выставляя отзывы губернатора. Надобно его поберечь;

[1]) По выходѣ изъ кабинета министра, Н. А. Милютинъ поздравилъ меня съ побѣдой, прибавивъ, что чѣмъ болѣе онъ меня узнаетъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ ко мнѣ уваженія.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Я. С.

ибо мнѣ очень хорошо извѣстны многочисленные противники его въ главномъ комитетѣ. Однимъ словомъ, при составленіи записки требуется много хитрости, которую слѣдуетъ покрыть простодушіемъ выраженій".

Я уже не помню, въ какой степени я удовлетворилъ этому требованію уважаемаго и любимаго мной Сергѣя Степановича, но что мной сейчасъ приведено было о нижегородскихъ положеніяхъ—выписано изъ проекта представленія министра въ главный комитетъ. Во всякомъ случаѣ дѣло было только въ формѣ; а въ сущности Сергѣй Степановичъ былъ со мной согласенъ и подписалъ представленіе въ смыслѣ соображеній, выше мной приведенныхъ.

Главнѣйшимъ послѣдствіемъ разсмотрѣнія въ земскомъ отдѣлѣ нижегородскихъ проектовъ было окончательное установленіе понятія о надѣлѣ крестьянъ землей. Заключеніе земскаго отдѣла по этому предмету состояло въ слѣдующемъ:

„Уменьшенные надѣлы не достигаютъ цѣли обезпеченія крестьянскаго быта и не представляютъ достаточныхъ средствъ къ исполненію обязанностей, не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ обстоятельствамъ и не согласны съ обычаями. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что не настоитъ надобности входить въ соображеніе: сколько нужно надѣлить крестьянамъ земли для обезпеченія ихъ быта когда есть уже готовый надѣлъ,—нынѣ существующій. Его опредѣлилъ самъ помѣщикъ, когда, съ одной стороны, власть его была неограничена, а съ другой—у него не могло быть побужденій уменьшить его. Измѣнить этотъ надѣлъ, вслѣдствіе новаго устройства крестьянъ, нѣтъ основанія. Измѣненіе надѣла неизбѣжно разстроитъ хозяйство не только крестьянъ, но и самихъ помѣщиковъ, что прямо противно видамъ высочайшихъ рескриптовъ. Вообще при опредѣленіи количества земли, отведенной крестьянамъ въ пользованіе, надлежало бы принять въ руководство отрицательное опредѣленіе, т. е. въ какихъ именно случаяхъ и на сколько можетъ быть уменьшенъ надѣлъ".

Въ замѣчаніяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ на нижегородскіе проекты, по поводу повинностей и выкупа надѣла въ промышленныхъ имѣніяхъ, въ первый разъ также со стороны центральныхъ учрежденій была высказана мысль о пользѣ соединенія выкупа усадебъ съ выкупомъ всей земли.

VII.

Петербургскій проектъ и вотчинныя права.—Проекты Симбирскаго комитета и два изъ нихъ, принадлежавшіе двумъ меньшинствамъ съ либеральнымъ направленіемъ, соотвѣтствующимъ видамъ правительства.

Второй проектъ, который подлежалъ разсмотрѣнію земскаго отдѣла, былъ представленный Петербургскимъ комитетомъ. Хотя въ этомъ проектѣ не было замѣтно того тщательнаго преслѣдованія помѣщичьихъ интересовъ, какое замѣчалось въ проектѣ нижегородскаго большинства; хотя надѣлы уменьшались не во всѣхъ селеніяхъ, между тѣмъ какъ барщинныя повинности повсемѣстно сокращались на одинъ рабочій день въ недѣлю; хотя нѣкоторыя мѣста проекта и объяснительной записки свидѣтельствовали, что дворянство охотно отказывается отъ крѣпостнаго права; но тѣмъ не менѣе проектъ былъ весьма не удовлетворителенъ. Неудовлетворительность петербургскаго проекта имѣла другой оттѣнокъ въ сравненіи съ проектомъ нижегородскаго большинства. Нижегородскій комитетъ отстаивалъ, если можно такъ выразиться, дѣйствительное существованіе тогда помѣщичьяго права и матеріальныя выгоды помѣщиковъ; петербургскій комитетъ домогался создать новыя, до тѣхъ поръ у насъ неизвѣстныя дворянскія преимущества, подъ названіемъ „вотчинныхъ правъ", къ которымъ онъ, между прочимъ, относилъ право вотчиннаго начальства надъ всѣми въ имѣніи людьми.

(Хотя) именитое дворянство отказывалось (впрочемъ точно также какъ и нижегородскій комитетъ) на вѣчныя времена отъ принадлежащаго ему крѣпостнаго личнаго права на крестьянъ, но комитетъ петербургской губерніи стѣснилъ „исчисленныя по „своду законовъ" права свободнаго состоянія, даруемыя крестьянамъ, требованіемъ ничѣмъ неограниченнаго согласія помѣщика на выходъ крестьянина изъ общества въ продолженіи всего срочнообязаннаго времени". Поэтому земскій отдѣлъ и министръ внутреннихъ дѣлъ отозвались (также какъ и по нижегородскому проекту), что такое ограниченіе дѣлало время срочно-обязаннаго положенія „не переходнымъ, а продолженіемъ крѣпостнаго состоянія".

Для дворовыхъ людей сила крѣпостнаго права, по петербург-

скому проекту, оставалась во всей силѣ на все срочно-обязанное время. Допускаемый проектомъ личный выкупъ дворовыхъ не опровергаетъ, а подтверждаетъ мнѣніе объ этомъ земскаго отдѣла.

Хотя проектированный петербургскимъ комитетомъ размѣръ надѣла довольно значительный, но тѣмъ не менѣе во многихъ селеніяхъ должны были произойти отрѣзки; посему земскій отдѣлъ высказалъ тѣ же соображенія о сохраненіи существовавшаго тогда надѣла, какія выражены были имъ по поводу нижегородскихъ проектовъ. Относительно повинностей, земскій отдѣлъ замѣчалъ, „что съ перваго взгляда повинности крестьянъ кажутся значительно уменьшенными назначеніемъ 2-хъ дневной барщины вмѣсто 3-хъ дневной; но если принять въ соображеніе особую плату за усадьбу, установленіе вотчинныхъ правъ, особыя повинности за пользованіе лѣсомъ, круговое ручательство, тягость урочнаго положенія и наконецъ вспомогательные дни, то едва-ли не вновь опредѣленныя повинности не превзойдутъ настоящаго, 3-хъ дневнаго, размѣра. Если-же принять въ разсчетъ уменьшеніе настоящихъ крестьянскихъ надѣловъ, то можно предполагать, что тогда новыя повинности будутъ тяжелѣе старыхъ“.

Но замѣчанія земскаго отдѣла были направлены особенно противъ „вотчинныхъ правъ“. Петербургскій комитетъ затрогиваетъ вотчинныя права не только на земли, отданныя въ пользованіе крестьянъ, но и на выкупленныя крестьянами усадьбы, если права эти не подлежали особому выкупу. Провести внесенныя мной замѣчанія на петербургскій проектъ стоило не маловажныхъ усилій. Вотчинныя права горячо отстаивали не только графъ Шуваловъ, какъ предсѣдатель петербургскаго комитета, но и Смирновъ, который, не смотря на свое губернаторское званіе, постоянно смотрѣлъ на крестьянскій вопросъ односторонне; графъ Бобринскій, защищая эти права, горячился едва-ли не болѣе ихъ. Однако большинство осталось на моей сторонѣ: съ замѣчаніями согласились Исаковъ, Милютинъ и предсѣдатель Левшинъ; графъ Бобринскій, хотя и остался при своемъ убѣжденіи, но подписалъ журналъ, безъ особаго мнѣнія.

Петербургскій комитетъ постановилъ, что выкупленныя усадьбы въ такомъ только случаѣ могутъ быть освобождены отъ вотчинныхъ правъ, если права эти, съ согласія помѣщика, подлежали, по особой оцѣнкѣ, отдѣльному выкупу. Земскій отдѣлъ,

отклонивъ такое притязаніе петербургскаго комитета, отозвался, „что ни въ высочайшемъ рескриптѣ 5-го декабря 1857 года (объ открытіи петербургскаго комитета), ни въ отношеніи министра къ с.-петербургскому генералъ-губернатору не встрѣчается, чтобы на крестьянъ возлагалась обязанность выкупать пользованіе вотчинными правами, или чтобы сіи права введены были въ оцѣнку усадьбъ".

Что же касается до правъ помѣщика на минеральныя богатства, заключающіяся въ нѣдрахъ земли, а также на лѣса и воды, составляющіе принадлежность подлежавшихъ къ отводу въ пользованіе крестьянъ угодій, то земскій отдѣлъ въ этомъ отношеніи требовалъ подробнаго опредѣленія правъ помѣщика, а въ подтвержденіе своего мнѣнія сослался на § 80-й эстляндскаго крестьянскаго положенія, по силѣ котораго помѣщикъ можетъ пользоваться „правомъ берега, водами и другими уже разработанными угодьями не иначе какъ по обоюдному соглашенію съ крестьянами, въ мѣрѣ, всякій разъ оговариваемой въ контрактахъ".

Затѣмъ относительно другихъ правъ, которыя петербургскій проектъ, подъ названіемъ „вотчинныхъ", оставлялъ за помѣщикомъ и признавалъ подлежащими, съ согласія помѣщика, особому выкупу, земскій отдѣлъ замѣчалъ, что за исключеніемъ права пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, потомственному дворянству предоставлены дѣйствующими законами слѣдующія преимущества, неприсвоенныя другимъ свободнымъ сословіямъ:

„1) право на земляхъ своихъ заводить мѣстечки и въ мѣстечкахъ этихъ, согласно съ существующимъ порядкомъ, учреждать торги и ярмарки";

„2) право по прозваніи своемъ писаться помѣщикомъ и вотчинникомъ своихъ помѣстій, и

„3) право ктиторства и патронства надъ находящимися въ имѣніяхъ его церквами евангелическаго исповѣданія".

Вотъ все, что законъ признаетъ принадлежностію владѣльца поземельной собственности изъ потомственныхъ дворянъ, и притомъ принадлежностію неотчуждаемой; но и этимъ правамъ законъ не присвоиваетъ названіе „вотчинныхъ". Изъ остальныхъ правъ, которыя петербургскій комитетъ называетъ вотчинными:

1) право винокуренія принадлежитъ не однимъ потомственнымъ, но и личнымъ дворянамъ, и составляетъ привилегіи дво-

рянскаго сословія, которое (также) не можетъ быть отчуждаемо (ст. 207, т. IX).

2) Право устройства питейныхъ домовъ не можетъ быть предоставлено помѣщику безъ согласія крестьянъ, потому что, доставляя выгоду, можетъ имѣть дурное вліяніе на нравственность крестьянъ. Въ казенныхъ селеніяхъ казна, сохраняя за собой права собственности на земли, открываетъ питейные дома съ разрѣшенія палаты государственныхъ имуществъ, которая требуетъ согласія крестьянъ.

3) Право учрежденія ярмарокъ и торговъ (на основаніи 463 ст. II т. общ. губ. учр.) зависитъ отъ губернатора и вслѣдствіе просьбъ дозволяется не однимъ помѣщикамъ, но и сельскимъ и городскимъ обществамъ. Право же на устройство пристаней и плотинъ дается главнымъ управленіемъ путей сообщенія частнымъ лицамъ и обществамъ... Поэтому нѣтъ основанія ограничивать право крестьянъ подавать просьбы объ устройствѣ: ярмарокъ, торговъ, плотинъ и пристаней на землѣ, имъ принадлежащей. Базары же и пристани, нынѣ существующіе, могутъ быть оставлены въ собственности помѣщика, когда они находятся не на мѣстахъ, которыя будутъ выкуплены крестьянами [1]...

Третій комитетъ, котораго проекты разсматривались въ земскомъ отдѣлѣ, былъ симбирскій.

Проектъ большинства симбирскаго комитета соединялъ въ себѣ недостатки проектовъ нижегородскаго большинства и петербургскаго комитета, съ тѣмъ только оттѣнкомъ, что онъ шелъ еще далѣе по пути преслѣдованія сословныхъ и матеріальныхъ интересовъ помѣщиковъ. Симбирскій комитетъ ходатайствовалъ даже о вознагражденіи помѣщиковъ за уничтоженіе личнаго крѣпостнаго права; между тѣмъ, какъ право это почти оставалось во всей силѣ, такъ что „помѣщику предоставлялось, по собственному усмотрѣнію, налагать на крестьянъ исправительныя наказанія“. Нижего-

[1]) Такъ какъ въ моихъ бумагахъ не сохранилось: ни черновыхъ, ни копій съ замѣчаній земскаго отдѣла на проекты губернскихъ комитетовъ, кромѣ нижегородскаго, то я пользовался въ настоящемъ случаѣ, относительно петербургскаго и другихъ комитетовъ, изложеніемъ этихъ замѣчаній въ докладахъ отдѣленій редакціонныхъ коммисій; поэтому вводные знаки означаютъ подлинныя слова не журнала земскаго отдѣла, а того изложенія, которое сдѣлано въ докладахъ редакціонныхъ коммисій. Я. С.

родское большинство уменьшало надѣлъ на одну треть и на одну треть сокращало повинности; большинство симбирскаго комитета оставляло у крестьянъ менѣе половины надѣла, а облегчало въ повинностяхъ только на одну треть. Оцѣнка усадебъ для выкупа такая же высокая, какая была принята нижегородскимъ большинствомъ. Симбирскій комитетъ говорилъ о „вотчинныхъ правахъ", хотя бо̀льшую часть изъ нихъ удерживалъ за помѣщикомъ; но взамѣнъ этого, съ полной ясностію, подобно нижегородскому комитету, говорилъ, что эта обязательность надѣла крестьянъ для помѣщиковъ оканчивается съ окончаніемъ срочно-обязаннаго времени. Съ этимъ вмѣстѣ, при высокой оцѣнкѣ усадебъ и чрезмѣрно обременительныхъ повинностяхъ, совершенное обезземеленіе крестьянъ было неизбѣжно. Симбирскій комитетъ не скрывалъ этого послѣдствія, и обнаружилъ особую заботливость объ устройствѣ, вмѣсто крестьянскаго, фермернаго хозяйства. Отъ Петербургскаго комитета онъ отличался тѣмъ, что болѣе заботился о матеріальныхъ выгодахъ помѣщиковъ, чѣмъ о сословныхъ преимуществахъ дворянства. Въ этихъ видахъ онъ предполагалъ предоставить дворянамъ право продавать и отдавать въ аренду свои имѣнія даже лицамъ всѣхъ сословій.

Указавъ на всѣ недостатки симбирскаго большинства, земскій отдѣлъ обратилъ особенное вниманіе на проектированную симбирскимъ комитетомъ срочность поземельнаго надѣла крестьянъ, находя такое постановленіе противнымъ смыслу высочайшихъ рескриптовъ и отношеній министра внутреннихъ дѣлъ отъ 5-го декабря 1857 года, въ 5-мъ пунктѣ коего сказано, что „земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра".

Но рядомъ съ проектомъ большинства, въ симбирскомъ комитетѣ были составлены проекты двумя меньшинствами, каждымъ особо [1]. Это были первые благопріятные отзывы дворянства на призывъ правительства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Въ то же время это были благія послѣдствія той энергической поддержки, которую оказывало министерство внутреннихъ дѣлъ либеральному

---

[1]) Первое меньшинство состояло изъ 5-ти членовъ: двухъ братьевъ Татариновыхъ, Ахматова, Пазухина и Полтусова; второе изъ 2-хъ членовъ: Ланского (сына министра) и Соловьева (моего брата). Я. С.

меньшинству въ тѣхъ губернскихъ комитетахъ, гдѣ оно оказывалось. Безъ этой поддержки едва ли могли бы появиться проекты меньшинства, которое такъ упорно преслѣдовалось со стороны большинства, какъ это было видно изъ моего разсказа въ одной изъ предъидущихъ главъ.

Члены комитетовъ, которые не желали подчиниться большинству, безъ поддержки министерства не могли бы продолжать своихъ занятій: они должны были бы или выдти изъ комитетовъ, или подчиниться большинству.

Я. И. Ростовцовъ въ своемъ мнѣніи отозвался объ этихъ двухъ проектахъ, что они „представляютъ первое отрадное явленіе между всѣми доселѣ вошедшими въ главный комитетъ проектами положеній". Какія-то чисто личныя соображенія помѣшали соединиться упомянутымъ двумъ меньшинствамъ симбирскаго комитета въ одно и представить, вмѣсто двухъ, одинъ проектъ. Въ сущности оба проекта заключали въ себѣ однѣ и тѣ же коренныя начала освобожденія крестьянъ.

Въ основаніе надѣла крестьянъ землей, по одному проекту, положено было начало сохраненія существовавшаго надѣла; по другому, хотя это начало не было упомянуто, но проектированные надѣлы близко подходили къ тѣмъ, которыми пользовались крестьяне. Повинности крестьянъ устанавливались довольно умѣренныя; а оцѣнка земли для выкупа, какъ усадебной, такъ и полевой, была принята умѣренная, сообразно существовавшимъ въ симбирской губерніи продажнымъ цѣнамъ на земли. По одному проекту выкупъ былъ обязателенъ для помѣщика; по другому, требовалось его согласіе. Въ своихъ замѣчаніяхъ, земскій отдѣлъ выставилъ всѣ достоинства обоихъ проектовъ, сдѣлавъ только указаніе на нѣкоторые несущественные недостатки.

Разсмотрѣніемъ проектовъ положеній трехъ первыхъ комитетовъ окончились продолжавшіяся два или три мѣсяца занятія коллегіальнаго присутствія земскаго отдѣла, хотя составъ 1858 года не былъ измѣненъ до 27-го іюля 1861 года, т. е. до времени утвержденія новаго, доселѣ (1876 г.) дѣйствующаго, штата. До этого времени два особые члена земскаго отдѣла (Н. В. Исаковъ и графъ А. П. Бобринскій) числились по спискамъ служащими въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но не имѣли никакихъ занятій. Не смотря на это, замѣчанія на проекты остальныхъ 18 комитетовъ, труды

которыхъ, вмѣстѣ съ тремя первыми, были разсмотрѣны въ первый періодъ занятій редакціонныхъ коммисій, продолжались составляться въ земскомъ отдѣлѣ. Замѣчанія эти, по примѣру первыхъ трехъ проектовъ, составляли дѣлопроизводители отдѣла, и, послѣ моего просмотра, онѣ подписывались мною и скрѣплялись тѣмъ дѣлопроизводителемъ, который разсматривалъ проектъ. Затѣмъ, при отношеніи министра, препровождались къ предсѣдателю вскорѣ потомъ открывшихся редакціонныхъ коммисій.

Въ этихъ замѣчаніяхъ, кромѣ трехъ началъ, принадлежавшихъ къ кореннымъ основаніямъ освобожденія крестьянъ: сохраненія существовавшаго надѣла, устраненія вотчинныхъ правъ помѣщиковъ на крестьянскія земли и установленія постояннаго пользованія крестьянами землею, земскій отдѣлъ касался многихъ другихъ предметовъ, которые всѣ были приняты въ соображеніе редакціонными коммисіями. Изъ этихъ замѣчаній наиболѣе существенныя относились къ установленію правила, чтобы съ оброка на барщину крестьяне ни въ какомъ случаѣ не могли быть переведены, чтобы крестьянамъ въ извѣстныхъ случаяхъ было предоставлено право требовать перевода съ барщины на оброкъ. Кромѣ того земскій отдѣлъ: указывалъ на справедливость безвозмезднаго предоставленія крестьянамъ усадебныхъ строеній; допускалъ въ своихъ замѣчаніяхъ перенесеніе усадебъ—въ самыхъ крайнихъ только случаяхъ и излагалъ основанія, которыя при этомъ слѣдовало принять; дѣлалъ предположенія объ установленіи постепенности мѣръ взысканія недоимокъ, устраняя при этомъ произволъ помѣщиковъ и вообще мѣры, несогласныя съ понятіями объ уничтоженіи крѣпостной зависимости. Касаясь другихъ второстепенныхъ вопросовъ, относящихся къ хозяйственному устройству крестьянъ, земскій отдѣлъ высказалъ свое мнѣніе о пользованіи общими выгонами и лѣсами, о разграниченіи угодій, и многихъ другихъ вопросовъ, направляя ихъ къ безобидному разрѣшенію. Высказывая мнѣніе о повинностяхъ, земскій отдѣлъ, указывая на бо̀льшую или меньшую степень обременительности повинностей по всѣмъ вообще разсмотрѣннымъ имъ проектамъ, выражалъ мысль о необходимости пониженія барщинной повинности съ трехъ на два дня въ недѣлю. Что же касается до денежнаго оброка, то земскій отдѣлъ, согласно составленной имъ, но не-

принятой главнымъ комитетомъ программѣ занятій губернскихъ комитетовъ, склонялся къ опредѣленію размѣра оброка, сообразно капитальной и наемной цѣнности предоставленныхъ крестьянамъ земель. Съ этою цѣлію собирались и печатались въ видѣ особыхъ брошюръ свѣдѣнія о цѣнахъ на земли. При этомъ земскій отдѣлъ полагалъ допускать брать въ видѣ оброка не свыше 6% съ капитальной стоимости земли. Но эта система была возможна къ осуществленію въ черноземныхъ мѣстностяхъ, потому что она была бы справедлива относительно крестьянъ и вознаграждала бы помѣщика. Что же касается до нечерноземныхъ мѣстностей, то продажныя и наемныя цѣны на землю въ этихъ мѣстностяхъ вообще такъ низки, что такой способъ могъ раззорить помѣщиковъ. Для избѣжанія этого, земскій отдѣлъ предполагалъ, при составленіи своей программы, ввести въ оцѣнку, кромѣ земли, „промышленныя выгоды и мѣстныя удобства". При разсмотрѣніи проектовъ губернскихъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній, нельзя было не убѣдиться, что такой способъ повелъ бы за собой самые сложные разсчеты, которые имѣли бы въ своемъ основаніи болѣе или менѣе произвольныя данныя.

Въ виду этихъ соображеній, земскій отдѣлъ, оставаясь при мысли о возможности въ черноземныхъ мѣстностяхъ опредѣленія денежной повинности по дѣйствительной стоимости предоставленныхъ крестьянамъ земель (2-й проектъ меньшинства симбирскаго комитета), признавалъ необходимымъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ допустить опредѣленіе оброка посредствомъ перевода цѣнности барщинныхъ дней на деньги (проекты петербургскаго комитета и большинства витебскаго).

Относительно административнаго устройства сельскихъ обществъ, земскій отдѣлъ, при разсмотрѣніи первыхъ нижегородскихъ проектовъ, повторилъ мысль, выраженную въ представленной Государю запискѣ „о порядкѣ разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ", въ которой сказано, „что административное устройство... должно составить предметъ особаго законоположенія, общаго для всѣхъ губерній". Частныя замѣчанія отдѣла были направлены противъ вмѣшательства помѣщика въ общественное управленіе.

VIII.

Особые отзывы Я. И. Ростовцова о проектахъ трехъ первыхъ комитетовъ.— Признаніе проектовъ меньшинства подлежащими разсмотрѣнію наравнѣ съ предположеніями большинства и распоряженія о присылкѣ въ Петербургъ по одному депутату отъ составителей каждаго проекта, т. е. какъ отъ большинства, такъ и отъ меньшинства, гдѣ оно было. — Засѣданія коммиссіи при главномъ комитетѣ и разсмотрѣніе въ ней первыхъ проектовъ.—Проектъ устройства Карловскаго имѣнія великой княгини Елены Павловны.

Я. И. Ростовцовъ, съ своей стороны, подвергнулъ разсмотрѣнію проекты первыхъ трехъ комитетовъ. Онъ писалъ „для соображенія коммисіи главнаго комитета" свои записки о проектахъ положеній комитетовъ губерній: Нижегородской, Петербургской и Симбирской, послѣ замѣчаній земскаго отдѣла; въ первой своей запискѣ онъ ссылался на эти замѣчанія и на мнѣнія министра внутреннихъ дѣлъ по нижегородскимъ проектамъ. Въ этихъ запискахъ онъ обнаруживаетъ гораздо болѣе зрѣлости, чѣмъ во „всеподданнѣйшихъ письмахъ". Съ этого времени поворотъ его съ той дороги, на которую онъ вступилъ и которая привела его къ роковому для него шагу, дѣлается все болѣе и болѣе невозможнымъ.

Въ своемъ мнѣніи по нижегородскимъ проектамъ, Ростовцовъ: или дѣлаетъ тѣ же замѣчанія, какія сдѣланы были министромъ внутреннихъ дѣлъ, или прямо указываетъ на нихъ, соглашаясь съ нашимъ мнѣніемъ. Такъ, напримѣръ, онъ, также какъ и мы, признавалъ срочно-обязанное положеніе по нижегородскимъ проектамъ не переходнымъ временемъ, а продолженіемъ крѣпостнаго состоянія; онъ также отозвался, что дворовые люди вовсе не воспользуются свободой. Говоря о невозможной для выкупа оцѣнки усадебной земли по проекту большинства, онъ совѣтуетъ (принять) заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ,—относительно проектированныхъ для оброчныхъ (промысловыхъ) имѣній нижегородскимъ комитетомъ соединеніе оцѣнкою усадебной земли съ полевыми угодьями и предоставленіе крестьянамъ права выкупить и то, и другое вмѣстѣ, — распространить и на земледѣльческія (барщинскія) имѣнія. Яковъ Ивановичъ защищалъ также „настоящій надѣлъ", хотя и допускалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія при выкупѣ. Относительно повинностей въ за-

пискѣ было упомянуто: „совершенно соглашаюсь съ мнѣніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ и нижегородскаго военнаго губернатора, что принятыя нижегородскимъ комитетомъ основанія обязательнаго труда и составленное имъ урочное положеніе не представляютъ желаннаго и ожидаемаго улучшенія быта крестьянъ, въ особенности при предполагаемомъ комитетомъ непосредственномъ установленіи существующаго надѣла. Я. И. Ростовцевъ, точно также, какъ и министерство внутреннихъ дѣлъ, находилъ, что наименьшій размѣръ сельскихъ обществъ, опредѣленный нижегородскимъ комитетомъ въ 21 душу, „слишкомъ мелокъ", и затѣмъ по поводу мірского устройства сельскихъ обществъ, присовокуплялъ, что „оно должно составить предметъ особаго законоположенія"... и что предположенія по этому предмету „всѣхъ губернскихъ комитетовъ вообще могутъ быть приняты правительствомъ только къ свѣдѣнію, при соображеніи и составленіи такого законоположенія".

Но что особенно дорогимъ вкладомъ въ крестьянское дѣло слѣдуетъ признать, такъ это выводы, сдѣланные Яковомъ Ивановичемъ изъ соображеній нижегородскихъ проектовъ съ замѣчаніями министра внутреннихъ дѣлъ.

По поводу невозможнаго выкупа усадьбъ и замѣчанія министра внутреннихъ дѣлъ о соединеніи выкупа усадьбъ съ выкупомъ полевыхъ угодій въ промышленныхъ имѣніяхъ, онъ пришелъ къ слѣдующему заключенію:

„1) Дабы устроить будущее положеніе крестьянина надобно дать ему средства выкупить одновременно и усадьбу, и достаточный надѣлъ пахатной и луговой земли".

„2) Продажу усадьбы отдѣльно отъ земли не дѣлать для помѣщика обязательной, но предоставить крестьянину усадьбу въ постоянное пользованіе, до выкупа ея одновременно съ надѣломъ".

„3) Взамѣнъ сего облегченія для помѣщика, сдѣлать соотвѣтствующее облегченіе и крестьянину, т. е. не обязывать его платить извѣстный процентъ за пользованіе усадьбой...".

Соглашаясь съ отзывами министра внутреннихъ дѣлъ о послѣдствіяхъ установленія обременительныхъ повинностей съ одновременнымъ уменьшеніемъ надѣла, Яковъ Ивановичъ прибавляетъ: „но, съ другой стороны, не могу не замѣтить, что чрезвычайно

трудно придумать такія условія обязательнаго труда, которыя, въ одно и то же время, дѣйствительно улучшали (бы) бытъ крестьянъ и обезпечивали бы помѣщиковъ отъ убытковъ. А потому полагаю, что въ видахъ улучшенія быта крестьянъ":

1. „Должно всѣми мѣрами заботиться о скорѣйшемъ переходѣ отъ обязательнаго труда къ свободному".

2. „До совершенія такого перехода, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ допускать уменьшенія существующихъ надѣловъ".

3. „Тогда при нѣкоторомъ измѣненіи условій обязательнаго труда, положенныхъ нижегородскимъ комитетомъ, сообразно съ высочайшими для крестьянъ положеніями другихъ комитетовъ, бытъ крестьянъ и въ переходное время можетъ улучшиться".

При разсмотрѣніи петербургскаго проекта, Я. И. Ростовцовъ не увлекся либеральными и щедрыми повидимому постановленіями сего комитета; онъ понялъ, что всѣ эти постановленія направлены къ безземельному освобожденію крестьянъ. Въ своемъ мнѣніи о проектѣ этого комитета, онъ отозвался, что проектъ этотъ „улучшаетъ бытъ крестьянъ и относительно личныхъ правъ ихъ, и относительно количества обязательныхъ работъ, но далеко не разрѣшаетъ вопроса о пріобрѣтеніи ими необходимой для обезпеченія ихъ быта собственности... Другими словами: положеніе петербургскаго комитета не соотвѣтствуетъ стремленію правительства о переходѣ крѣпостнаго сословія въ свободное, обезпеченное отъ бродяжничества и пролетаріата... поземельною собственностію".

По поводу стремленія петербургскаго комитета установить такъ названныя имъ „вотчинныя права", Яковъ Ивановичъ отозвался весьма справедливо и притомъ особенно энергически; вотъ его мнѣніе объ этомъ:

„По моему мнѣнію, стремленія удержать различіе дворянской собственности отъ собственности другихъ сословій; положить предѣлы дробности дворянскихъ имѣній; оставить выкупленныя уже крестьянами земли въ ихъ нераздѣльномъ составѣ; наконецъ сохранить навсегда надъ этими землями вотчинное право помѣщика—положительно вредны и не могутъ быть утверждены правительствомъ, заботящимся объ улучшеніи экономическаго быта цѣлой Россіи. Съ одной стороны такія мѣры

затрудняли бы всякую подвижность перехода поземельной собственности изъ рукъ въ руки и тѣмъ лишили бы землевладѣльческій классъ именно тѣхъ выгодъ, которыя сопряжены для него съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, т. е. увеличеніе цѣнности поземельной собственности, вслѣдствіе увеличенія спроса на нее.

„Съ другой стороны, такія мѣры продолжаютъ срочно-обязанный періодъ на неопредѣленное время и завязываютъ навсегда узелъ полукрѣпостныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками. Самая вредная и опасная сторона крѣпостнаго права заключалась именно въ безвыходности положенія крестьянина. Сохранить этотъ характеръ безвыходности относительно выкупленной уже крестьяниномъ поземельной собственности... было бы большой правительственной ошибкой".

Говоря о дворовыхъ людяхъ, которыхъ петербургскій комитетъ оставилъ въ крѣпостномъ состояніи, съ установленіемъ личнаго выкупа на все срочно-обязанное время, Яковъ Ивановичъ указывалъ на противорѣчіе, заключающееся въ проектированномъ комитетомъ устройствѣ этого класса людей съ основаніями, изложенными въ объяснительной запискѣ, гдѣ комитетъ говорилъ, что „права, проистекающія изъ личнаго крѣпостнаго права, ничѣмъ опредѣлены быть не могутъ... Дворянство, какъ сословіе, тяготилось ими. Упраздненіе сихъ правъ будетъ принято и во всякое время было бы принято дворянствомъ съ благодарностію. Въ семъ случаѣ не можетъ быть рѣчи ни о постепенности, ни о вознагражденіи".

Я. И. Ростовцовъ, указавъ на всѣ недостатки проекта большинства симбирскаго комитета, въ заключеніи своего мнѣнія выразилъ, что „бо̀льшая часть предположеній симбирскаго комитета безусловно не можетъ быть утверждена правительствомъ. Изъ частныхъ замѣчаній слѣдуетъ упомянуть, что Я. И. отвергалъ мысль о соединеніи сельскихъ обществъ въ волости, которыя, по его тогдашнему мнѣнію, были бы „излишни, а потому и вредной административной инстанціей". Онъ обратилъ также вниманіе, что, въ противоположность петербургскому комитету, „симбирскій—уничтожаетъ разомъ все отличіе своей дворянской собственности, предоставляя... покупать ее лицамъ всѣхъ сословій, даже не отдѣляя крестьянъ отъ земли, лишь бы барщина

замѣнена была оброкомъ. Въ этомъ, прибавлялъ Я. И., проявляется практическое направленіе комитета, заботящагося гораздо менѣе о сословныхъ стремленіяхъ, чѣмъ о сохраненіи дѣйствительныхъ, имущественныхъ своихъ интересовъ". Упомянувъ о предположеніяхъ симбирскаго комитета объ устройствѣ фермернаго хозяйства, Я. И. присовокупилъ, что „мѣры эти обезпечиваютъ только сословіе дворянское".

Какъ по проекту симбирскаго большинства, такъ и по проекту петербургскаго комитета, Ростовцовъ въ своихъ мнѣніяхъ повторяетъ мысль, которая имъ была выражена при разсмотрѣніи нижегородскаго проекта: „о соединеніи выкупа усадьбъ съ выкупомъ полевой земли и съ гарантіей правительства при выкупѣ".

При чемъ онъ выразилъ мысль, что разрѣшеніе вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ „можно будетъ почитать оконченнымъ только тогда, когда крестьянское общество будетъ собственникомъ-владѣльцемъ своей надѣленной земли".

Посвятивъ особую записку разбору двухъ проектовъ меньшинства симбирскаго комитета, Я. И. отозвался, что проекты двухъ меньшинствъ симбирской губерніи (одинъ подписанъ 5-тью, а другой 2-мя членами) представляютъ первое отрадное явленіе между всѣми доселѣ вошедшими въ главный комитетъ проектами положеній, какъ потому что вышеозначенные проекты составлены очень добросовѣстно, такъ и потому, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ стремленію правительства сдѣлать изъ крестьянъ не пролетаріевъ, а поземельныхъ собственниковъ, безъ нарушенія имущественныхъ интересовъ помѣщиковъ. „Въ особенности,—прибавлялъ Я. И.,—я отдаю преимущество проекту, подписанному 5-ю членами". Послѣ обстоятельнаго изложенія сущности обоихъ проектовъ и сравненія съ проектомъ большинства, Я. И. дѣлалъ замѣчаніе относительно одного, по его убѣжденію, недостатка въ проектѣ пяти членовъ, именно, что проектъ этотъ желаетъ непремѣнно замѣнитъ общинное владѣніе землей частнымъ. „Вѣроятно, въ частномъ владѣніи землей, при которомъ земля неисправнаго плательщика могла бы быть тотчасъ же продана на удовлетвореніе его долга, проектъ 5-ти членовъ искалъ себѣ гарантіи въ уплатѣ тѣхъ умѣренныхъ повинностей или выкуповъ, которыя соотвѣтствуютъ стоимости уступаемой имъ крестья-

намъ земли. Но правительство, имѣя въ виду нерѣшенный еще вопросъ о преимуществахъ того или другого способа владѣнія землей (т. е. общиннаго или частнаго) должно предоставить это дѣло историческому исходу, а не замѣнять насильственно существующаго въ Россіи способа владѣнія землей другимъ".

Я. И. Ростовцовъ, вмѣстѣ съ указаніемъ на несовершенство проектовъ трехъ первыхъ комитетовъ, счелъ своей обязанностію упомянуть о тѣхъ сторонахъ этихъ проектовъ, которыя, по его мнѣнію, были болѣе или менѣе удовлетворительны". Такъ, по проекту нижегородскаго большинства, онъ отозвался, что „нѣкоторые вопросы разрѣшены комитетомъ удовлетворительно". По петербургской губерніи, онъ высказалъ мнѣніе, что „если смотрѣть на положенія петербургскаго комитета, какъ на временныя для срочно-обязаннаго періода, то онѣ имѣютъ многія достоинства..."

О проектѣ симбирскаго большинства онъ выразился, что „вообще предположеніе комитета обличаетъ знаніе дѣла и мѣстныхъ условій и интересовъ" ..

Послѣдствіями разсмотрѣнія проектовъ трехъ губернскихъ комитетовъ и соображеніями ихъ съ замѣчаніями министерства внутреннихъ дѣлъ, было для Якова Ивановича убѣжденіе въ необходимости: во первыхъ, дать меньшинствамъ губернскихъ комитетовъ право равнаго съ большинствами представительства при окончательномъ разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ; во вторыхъ, образовать особыя коммиссіи для составленія положеній о крестьянахъ.

Нижегородскій комитетъ, подобно симбирскому, раздѣлился на большинство и меньшинство; но Я. И. какъ бы колебался признать право меньшинства на особое разсмотрѣніе составленнаго ими проекта. Онъ въ своей запискѣ „о проектѣ" нижегородскаго комитета въ одномъ только мѣстѣ мимоходомъ упомянулъ о другомъ проектѣ, который былъ составленъ меньшинствомъ. Такимъ образомъ проектамъ меньшинства грозила та участь, которая достается на долю особымъ мнѣніямъ членовъ нашихъ коллегіальныхъ присутствій, несогласившихся съ большинствомъ. Бо́льшая часть подобныхъ отзывовъ подшивается къ дѣламъ и сдается, вмѣстѣ съ дѣлами, въ архивъ. Но два проекта меньшинства симбирскаго комитета, съ одной стороны, до того близко подходили къ тѣмъ понятіямъ объ освобожденіи крестьянъ, ко-

торыя началъ усвоивать себѣ Я. И., а съ другой такъ очевидно свидѣтельствовали о возможности подобнаго освобожденія, что онъ рѣшился изложить свое мнѣніе объ этихъ проектахъ въ особой запискѣ. Записка эта, содержаніе которой было приведено выше, заканчивалась слѣдующими словами: „въ заключеніе, я нахожу, что такъ какъ, судя по образцу проекта 5-ти членовъ симбирскаго комитета, можно ожидать многаго отъ проектовъ меньшинства и въ другихъ губерніяхъ, то необходимо положить непремѣннымъ правиломъ, чтобы при избраніи двухъ депутатовъ отъ каждаго изъ губернскихъ комитетовъ, одинъ былъ избранъ отъ большинства, а другой отъ меньшинства, если въ комитетѣ были бы составлены два различные проекта“.

Такъ какъ исходомъ этимъ увеличивались старанія министерства внутреннихъ дѣлъ поддержать меньшинство во всѣхъ комитетахъ, гдѣ оно было, и дать ходъ предположеніямъ, составленнымъ членами, несогласившимися съ большинствомъ, то министерство не оставило воспользоваться мнѣніемъ Якова Ивановича. Оно вошло съ представленіемъ въ главный комитетъ и получило разрѣшеніе: „сдѣлать распоряженіе, дабы отъ тѣхъ губернскихъ комитетовъ, гдѣ мнѣнія раздѣлялись и гдѣ составлены два проекта, одинъ по большинству голосовъ членовъ, а другой по меньшинству, были назначены, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній, одинъ членъ отъ большинства, а другой отъ меньшинства комитета“. Впослѣдствіи было разъяснено, что если меньшинство само расходилось на двѣ части, то отъ каждой изъ этихъ частей присылается въ Петербургъ особый членъ, такъ что изъ пяти губерній [1]), откуда было получено по три проекта, было вызвано въ Петербургъ по три члена: одинъ отъ большинства и по одному отъ каждаго меньшинства. Этими распоряженіями правительство достигало того, что депутаты, которыхъ оно вызывало изъ губерній, не могли уже представлять той сплошной оппозиціи, какую они проявляли бы, если бы были выбраны однимъ большинствомъ.

Замѣчанія на проекты трехъ первыхъ комитетовъ какъ министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и Я. И. Ростовцова (послѣ-

---

[1]) Симбирской, Владимірской, Рязанской, Курской и Витябской

Я. С.

денія въ литографированномъ видѣ) были разосланы для прочтенія членовъ учрежденной при главномъ комитетѣ коммиссіи.

Графъ Панинъ, съ своей стороны, сдѣлалъ краткія отрывочныя замѣчанія на упомянутые проекты; замѣчанія эти, подобно всѣмъ мнѣніямъ Панина, противорѣчили одно другому, обнаруживая въ немъ: то либеральные, то консервативные взгляды, скорѣе впрочемъ первые, чѣмъ послѣдніе. Графъ Панинъ видѣлъ, что направленіе измѣняется, и потому не желалъ становиться въ явную оппозицію тому направленію, которое видимо поддерживалъ Государь.

Муравьевъ счелъ за лучшее не дѣлать никакихъ замѣчаній; примкнуть къ Ростовцову онъ не хотѣлъ, признавая также не своевременнымъ открыто поддерживать ту оппозицію, которой онъ считался руководителемъ.

Если память меня не обманываетъ, то разсмотрѣніемъ проектовъ петербургскаго и симбирскаго комитетовъ начались засѣданія учрежденной при главномъ камитетѣ коммиссіи. Засѣданія эти обыкновенно бывали въ квартирѣ министра внутреннихъ дѣлъ; одно только засѣданіе было у М. Н. Муравьева, по случаю его болѣзни. Засѣданія коммисіи имѣли видъ совершенно частныхъ засѣданій. Ланской обыкновенно бывалъ въ пиджакѣ, два военные члена въ сюртукахъ безъ эполетъ, только графъ Панинъ, Жуковскій и я были въ мундирныхъ фракахъ. Собранія коммиссіи всегда были по утрамъ; онѣ обыкновенно начинались завтракомъ,— по требованію Я. И. Ростовцова. Послѣ того, члены закуривали сигары и папиросы; Яковъ Ивановичъ предлагалъ папиросы Жуковскому и мнѣ, но мы, сколько я помню, отказывались отъ этой чести. Шутки Я. И., не всегда впрочемъ удачныя, предшествовали и сопровождали засѣданія коммиссіи. Изъ этихъ шутокъ особенно сохранилась въ моей памяти одна. Во время засѣданія коммиссіи въ квартирѣ Муравьева, Я. И. сидѣлъ на угловомъ диванѣ вмѣстѣ съ гр. Панинымъ; вдругъ Ростовцовъ вынимаетъ изъ кармана свой пестрый фуляровый носовой платокъ, разстилаетъ его на колѣняхъ Панина и ложится на диванъ, обращая Панинскіе колѣни въ изголовье для себя. Гомерическій смѣхъ потомственнаго аристократа встрѣтилъ такую демократическую продѣлку своего сочлена. Муравьевъ также радушно и привѣтливо смѣялся. Одинъ только С. С. Ланской не могъ скрыть презрительной улыбки.

Первыя засѣданія по разсмотрѣнію губернскихъ проектовъ, ка-

жется, ограничились только чтеніемъ самимъ Яковомъ Ивановичемъ его замѣчаній на проекты. Въ эти же засѣданія былъ разсмотрѣнъ внесенный въ коммиссію, по высочайшему повелѣнію, проектъ устройства Карловскаго имѣнія великой княгини Елены Павловны, о чемъ я упомянулъ выше. Въ этихъ засѣданіяхъ Я. И. очень часто обращался ко мнѣ, вызывая меня на одобреніе высказанныхъ имъ мнѣній или требуя моего отзыва по тому или другому предмету. Муравьевъ, поддѣлываясь подъ тонъ Я. Ив., также неоднократно ссылался на меня, какъ на человѣка, вполнѣ знакомаго съ сельскимъ бытомъ.

Проектъ устройства Карловскаго имѣнія былъ утвержденъ, съ оговоркой, что Карловскіе крестьяне чрезъ введеніе этого устройства не могутъ лишаться тѣхъ правъ, которыя будутъ предоставлены вообще всѣмъ крестьянамъ общими положеніями объ устройствѣ ихъ быта. При разсмотрѣніи этого проекта, по моему докладу, была сдѣлана, незначительная впрочемъ, поправка въ пользу крестьянъ. Это было принято за желаніе уменьшить значеніе гуманныхъ видовъ великой княгини Елены Павловны. Въ числѣ недовольныхъ этою поправкою былъ и Н. А. Милютинъ, который участвовалъ въ проведеніи этого проекта. Онъ не скрылъ своего неудовольствія лично противъ меня, намекнувъ, что я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вмѣстѣ съ Муравьевымъ. Очевидно, что все дѣло состояло въ самолюбіи, и потому для меня тѣмъ непріятнѣе былъ незаслуженный упрекъ. Это было первое мое столкновеніе съ Милютинымъ, послѣдствія котораго впрочемъ черезъ нѣсколько дней совершенно разсѣялись какъ съ его, такъ и съ моей стороны.

IX.

Предположенія Я. И. Ростовцова объ учрежденіи редакціонныхъ коммиссій.

Особенно важнымъ послѣдствіемъ разсмотрѣнія первыхъ проектовъ губернскихъ комитетовъ была внесенная Я. И. Ростовцовымъ, для соображенія коммисіи главнаго комитета, „записка“ объ учрежденіи особыхъ коммисій для составленія сводовъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ [1]). Въ началѣ настоящей главы

[1]) Записка эта была помѣчена 26-го января 1859 г. Я. С.

я изложилъ, представленный[1]) Государю болѣе чѣмъ за три мѣсяца передъ тѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, „Планъ разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ крестьянскихъ положеній“, и упомянулъ, что всеподданнѣйшій докладъ по этому предмету не былъ возвращенъ въ министерство. Планъ нашъ состоялъ въ образованіи, для разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ, особыхъ коммисій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: одной „для разсмотрѣнія первой, общей для всѣхъ губерній, части крестьянскихъ положеній“ и другой—для „второй, по разнымъ мѣстностямъ или полосамъ“. Эта послѣдняя, въ случаѣ надобности, должна была образоваться, по разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ, въ отдѣльныхъ, предполагавшихся открыться также при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коммисіяхъ по мѣстностямъ.

Послѣ внесенія своей записки въ коммисію при главномъ комитетѣ, Яковъ Ивановичъ какъ-то мнѣ сказалъ: „мы съ вами сошлись въ мысли о необходимости учрежденія особыхъ коммисій для составленія положеній о крестьянахъ“. Изъ этихъ словъ его можно заключить, что наша записка была у него въ рукахъ. Какъ и когда она дошла до него: прямо-ли отъ Государя и немедленно послѣ ея представленія, или потомъ изъ Главнаго Комитета, куда она была передана Государемъ,—мнѣ не извѣстно.

Предположенія Ростовцова „объ учрежденіи коммисіи для составленія сводовъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ“, состояли въ послѣдующемъ:

„При предстоящемъ высочайше учрежденной (при главномъ комитетѣ) коммисіи составленія сводовъ проектированныхъ комитетами положеній трудѣ, я полагаю (писалъ Я. И.) необходимымъ раздѣлить трудъ этотъ на два отдѣла“:

„1) Отдѣлъ общихъ законоположеній для всей имперіи; туда должны войти положенія: а) о личныхъ правахъ крестьянъ, какъ срочно-обязанныхъ, такъ и свободныхъ; б) о поземельныхъ правахъ помѣщиковъ; в) о дворовыхъ людяхъ, и г) объ образованіи крестьянскихъ обществъ“.

„2) Отдѣлъ законоположеній, примѣняющихся къ различію мѣстныхъ условій, въ который войдутъ положенія: а) объ усадьбахъ, б) о надѣлѣ и вообще о полевыхъ участкахъ; в) о повин-

[1]) Въ октябрѣ 1858 г. Я. С.

ностяхъ крестьянъ, и г) о переходѣ крестьянъ изъ срочно-обязаннаго въ свободное сельское сословіе посредствомъ выкупа или иными способами“.

„Такому раздѣленію должны соотвѣтствовать и двѣ коммисіи“:

„1) Коммисія общихъ законоположеній, которая можетъ состоять изъ чиновниковъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи“.

„2) Коммисія частныхъ законоположеній, изъ экспертовъ, избранныхъ главнымъ комитетомъ, изъ представителей отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи и изъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ“.

„Къ этимъ двумъ коммисіямъ должно присовокупить еще“:

„3) Финансовую, въ вѣдѣніи министерства финансовъ, изъ лицъ, спеціально изучившихъ финансовыя науки, практически знающихъ Россію; лица сіи назначаются по особому высочайшему повелѣнію“.

„Первымъ двумъ коммисіямъ, для сбереженія времени, должно быть вмѣнено въ обязанность, вмѣстѣ съ отчетливымъ и систематическимъ составленіемъ свода, представлять и свои окончательныя заключенія“.

Такъ какъ мнѣ неизвѣстно время, когда нашъ планъ дошелъ до Я. И., то я не могу утверждать, что онъ заимствовалъ нашу мысль объ образованіи особыхъ коммисій; можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, онъ сошелся съ нами въ мысляхъ и узналъ о нашемъ планѣ послѣ составленія своей записки. Какъ бы то ни было, сходство его и нашихъ предположеній весьма большое.

У него нѣтъ предварительныхъ коммисій по мѣстностямъ: ихъ не было бы и у насъ, если бы нашъ планъ составился въ концѣ января 1859 г., а не въ октябрѣ 1858 года. Въ октябрѣ 1858 г. бóльшая часть (губерн. комитетовъ): или только лишь приступили къ своимъ занятіямъ, или вовсе не были открыты; въ концѣ января не были открыты только два комитета (пермскій и олонецкій). Это обстоятельство существенно измѣнило свойство предположеній. Точно также и по той же причинѣ было несвоевременно другое наше предположеніе облегчить комитеты въ ихъ занятіяхъ, избавивъ отъ напраснаго труда

составленія общей части положенія, тогда какъ оно должно было быть одно и то же для всѣхъ губерній, потребовавъ отъ нихъ только заключеніе по этой части. Затѣмъ составъ коммисій, по предположеніямъ какъ нашимъ, такъ и Я. И., по общему характеру, былъ одинъ и тотъ же, т. е. они должны были состоять изъ чиновниковъ и изъ дворянъ помѣщиковъ.

Но въ чемъ состояло значительное преимущество предположеній Я. И. передъ нашими,—это въ томъ, чтобы къ двумъ коммисіямъ, объ учрежденіяхъ которыхъ „мы сходились въ мысли", онъ присоединялъ третью: „финансовую", говорить о которой, несмотря на все наше сочувствіе къ выкупу, мы не считали себя достаточно сильными. Оставивши въ сторонѣ всякое авторское самолюбіе и имѣвши въ виду одну пользу дѣла, ни я въ докладахъ Сергѣю Степановичу Ланскому, ни онъ самъ при моихъ докладахъ, ни въ коммисіи не возбуждали вопроса о совокупномъ разсмотрѣніи предположеній Я. И. и нашихъ. Такое требованіе съ нашей стороны не могло бы принести пользу для дѣла. Одно же подобное заявленіе было бы непріятно Я. И. Ростовцову; а удовлетвореніе его, если бы оно послѣдовало, поставило бы насъ въ щекотливое положеніе къ Я. И. Если бы не произошло полнаго разрыва, то непремѣнно послѣдовало бы охлажденіе и нарушилось бы то полное согласіе, которое установилось между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Я. И., со времени измѣненія его взгляда на разрѣшеніе крестьянскаго дѣла. Поэтому, въ этомъ вопросѣ, также какъ и во всѣхъ остальныхъ, которые разсматривались въ коммисіи при главномъ комитетѣ, съ моей стороны, употреблялись всѣ усилія, чтобы поддержать доброе согласіе между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Я. И., который становился главнымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу.

Полное сочувствіе какъ къ дѣлу, такъ и къ установившемуся согласію между С. С. Ланскимъ и Я. И. Ростовцовымъ со стороны управляющаго дѣлами коммисіи С. М. Жуковскаго, и мои хорошія отношенія къ нимъ—давали мнѣ возможность устранить ту вражду къ министерству, которую питалъ къ нему государственный секретарь В. П. Бутковъ. Впрочемъ, не трудно было понять, что прекращеніе или пріостановленіе проявленія этой вражды основывалось преимущественно на томъ, что мы жили въ дружбѣ съ Яковомъ Ивановичемъ. При такомъ только полномъ согласіи воз-

моженъ былъ правильный и безостановочный ходъ дѣла; безъ этого враги крестьянскаго дѣла воспользовались бы нашими пререканіями, чтобы вновь затемнить и запутать крестьянскій вопросъ, только лишь начавшійся разъясняться и становиться на хорошую дорогу.

Съ своей стороны, Я. И. Ростовцовъ велъ вопросъ объ учрежденіи особыхъ коммисій чрезвычайно осторожно. Когда при разсмотрѣніи его предположеній въ коммисіи при главномъ комитетѣ, рѣчь зашла о предсѣдательствѣ въ особыхъ коммисіяхъ, тогда онъ не подалъ ни малѣйшаго повода думать, что предсѣдателемъ этихъ коммисій будетъ онъ. Напротивъ, предполагая, что эти коммисіи будутъ заниматься составленіемъ систематическихъ сводовъ предположеній губернскихъ комитетовъ, для разсмотрѣнія ихъ въ коммисіи при главномъ комитетѣ, онъ предложилъ назначить предсѣдателями: въ первой изъ этихъ коммисій С. М. Жуковскаго, а во второй меня. Я энергически и положительно отклонилъ предложеніе о моемъ предсѣдательствѣ, указавъ, что при моемъ служебномъ по рангу должности (V-го класса) и по чину (коллежскаго совѣтника) скромномъ положеніи я гораздо буду полезнѣе для дѣла, если въ обѣихъ редакціонныхъ коммисіяхъ буду членомъ подъ предсѣдательствомъ С. М. Жуковскаго. Послѣдстіемъ этого состоялось предположеніе назначить въ обѣихъ коммисіяхъ: Жуковскаго—предсѣдателемъ, а меня—непремѣннымъ членомъ.

Была-ли между Государемъ и Я. И. Ростовцовымъ предварительно рѣчь о предсѣдательствѣ послѣдняго въ редакціонныхъ коммисіяхъ—едва-ли кому либо извѣстно. Можетъ быть Я. И. дѣйствительно полагалъ возможнымъ остановиться на скромномъ составѣ редакціонныхъ коммисій, въ виду представленныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сводовъ губернаторскихъ отзывовъ, которые сопровождались особыми соображеніями чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, о которыхъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ. Работа эта осыпана была похвалами со стороны Я. И. Не смотря на мое дѣятельное участіе въ этихъ сводахъ и соображеніяхъ, я не увлекался надеждами на такой успѣхъ по составленію „сводовъ положеній губернскихъ комитетовъ“ и окончательныхъ заключеній по этимъ положеніямъ. Выходя изъ засѣданія, я сказалъ Жуковскому: „дай Богъ, чтобы мы съ вами не погибли безъ всякой пользы для дѣла; едва-ли нашихъ силъ достанетъ,

чтобы справиться съ такимъ труднымъ дѣломъ". Онъ былъ того же мнѣнія.

Журналъ объ учрежденіи редакціонныхъ коммиссій, подписанный Ланскимъ, графомъ Панинымъ, Муравьевымъ и Ростовцовымъ, не былъ внесенъ въ главный комитетъ, а былъ отправленъ прямо къ государю, который въ это время былъ на охотѣ въ Новгородской губерніи. Журналъ этотъ былъ возвращенъ отъ государя съ собственноручной надписью: „исполнить, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ редакціонныхъ коммисіяхъ было поручено г.-а. Ростовцову, если онъ согласится принять эту обязанность на себя".

Князь Орловъ, особымъ письмомъ, увѣдомилъ объ этомъ Ростовцова. Согласіе со стороны Я. И. послѣдовало съ выраженіемъ страха передъ Россіей и передъ потомствомъ за ту отвѣтственность, которую онъ принимаетъ на себя.

Жуковскій, дѣлавшійся съ этимъ назначеніемъ, также какъ и я, непремѣннымъ членомъ, и я едва ли не болѣе всѣхъ радовались этому назначенію и совершенно искренно поздравляли Якова Ивановича: ходъ дѣла обезпечивался вполнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчалось наше положеніе. Не совсѣмъ былъ пріятенъ такой неожиданный исходъ дѣла для С. С. Ланского; черезъ это онъ видимо отодвигался въ крестьянскомъ дѣлѣ на второй планъ; а для А. И. Левшина образованіе редакціонныхъ коммиссій послужило окончательнымъ поводомъ къ оставленію занимаемаго имъ мѣста товарища министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя земскаго отдѣла.

Заимствовалъ-ли (Ростовцовъ) у насъ или нѣтъ планъ разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ, зналъ-ли предварительно о своемъ предсѣдательствѣ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ громадная заслуга Якова Ивановича передъ государемъ, современниками и потомствомъ несомнѣнна. Онъ понялъ въ чемъ состояла тогда потребность крестьянскаго дѣла и съумѣлъ осуществить то, безъ чего разрѣшеніе крестьянскаго вопроса далѣе идти не могло. Онъ понялъ также, что освобожденіе крестьянъ безъ земли могло обратиться на пагубу народа и государства, и въ то время дошелъ уже до убѣжденія о возможности выкупа. Нельзя не упомянуть также о томъ искусствѣ, съ которымъ онъ провелъ и обставилъ учрежденіе редакціонныхъ коммисій. Сначала онъ связалъ министерство

внутреннихъ дѣлъ съ коммиссіей при главномъ комитетѣ, потомъ посредствомъ предполагавшихся предсѣдателя и непремѣннаго члена, связывалъ государственную канцелярію и министерство съ проектированными коммиссіями. Всего этого онъ могъ бы не достигнуть, если бы далъ ходъ нашему предположенію или прежде учрежденія коммиссій выставилъ бы себя предсѣдателемъ. Назначеніемъ Жуковскаго и меня въ число будущихъ своихъ сотрудниковъ, въ одно и то же время онъ достигалъ двухъ цѣлей: пріобрѣталъ помощниковъ, которыхъ онъ считалъ полезными, особенно по ихъ служебному положенію, и отнималъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ менѣе вреднымъ оружіемъ оппозицію, которая могла бы образоваться противъ него, какъ въ государственной канцеляріи, такъ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Для успѣха дѣла, съ обоими этими учрежденіями онъ долженъ былъ жить въ мирѣ; а между тѣмъ столкновенія могли быть такъ возможны, въ особенности съ министромъ, у котораго отнималось веденіе дѣла, имъ начатаго и ему принадлежащаго по праву.

X.

Записки Я. И. Ростовцова: „Ходъ и исходъ крестьянскаго дѣла“ и „Дополненія къ этой запискѣ“.—Прекращеніе существованія коммиссіи при главномъ комитетѣ и коллегіальнаго присутствія земскаго отдѣла.

Двумя недѣлями позже [1]) предположенія объ учрежденіи редакціонныхъ коммиссій, Я. И. представилъ въ коммиссію при главномъ комитетѣ новую свою записку (по обыкновенію въ литографированныхъ экземплярахъ): „ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“. Въ этой запискѣ Я. И., точно также какъ и мы въ своей запискѣ „о порядкѣ разсмотрѣнія (проектовъ) губернскихъ комитетовъ“, исчислялъ сроки работъ по составленію положеній о крестьянахъ, съ указаніемъ на время введенія ихъ въ дѣйствіе, и, точно также какъ и мы, на цѣлый годъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Затѣмъ послѣ введенія въ дѣйствіе положеній, онъ полагалъ три года для срочно-обязаннаго періода, по истеченіи которыхъ „обязательный трудъ навсегда уничтожается и замѣняется вездѣ трудомъ

---

[1]) Именно 14 февраля 1859 г. Я. С.

свободнымъ", а крестьяне, не успѣвшіе выкупить своихъ земель, переводятся на оброкъ. Въ этой запискѣ онъ выражалъ сочувствіе обязательному выкупу, но, за невозможностію, останавливался на выкупѣ по добровольному соглашенію. „Главная идея выкупа, писалъ Я. И., должна, по моему убѣжденію, состоять въ томъ, чтобы крестьяне по полюбовномъ соглашеніи съ помѣщикомъ о выкупѣ земли, заплатили за нее оброкомъ, не превосходящимъ ихъ повинностей". Далѣе говорилось, что „норма выкупа можетъ быть опредѣлена: или 1) стоимостію отведенной крестьянамъ земли (въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ), или 2) капитализаціей обезпеченнаго оброка (въ промышленныхъ мѣстностяхъ). Во всякомъ случаѣ, съ выкупной суммы крестьяне выплачиваютъ ежегодно 6% правительству; 5% правительство выдаетъ помѣщику, и 1% удерживается для погашенія". Въ заключеніи, Я. И. доказывалъ съ той наивной своеобразностію, которой отличалась вся его записка, что, при такомъ исходѣ дѣла, „никто... не потеряетъ".

Изъ этихъ короткихъ изложеній содержанія записки: „ходъ и исходъ крестьянскаго дѣла" видно, какъ Я. И. Ростовцовъ далеко ушелъ въ понятіи крестьянскаго дѣла со времени выхода его „всеподданнѣйшихъ писемъ". Но что особенно важно—это то, что по мѣрѣ того, какъ въ головѣ его прояснялись понятія о крестьянскомъ дѣлѣ, онъ передавалъ ихъ государю въ простой удобопонятной формѣ человѣка свѣжаго, не страдавшаго ни ученой, ни бюрократической формалистикой; такимъ образомъ убѣжденія Я. И. постепенно дѣлались убѣжденіями самаго государя. Эта записка имѣла главною цѣлію доказать возможность выкупа. Послѣдствія ея обнаружились нѣсколько спустя въ учрежденіи при редакціонныхъ коммиссіяхъ „финансовой коммисіи".

Черезъ три недѣли послѣ упомянутой записки, Я. И. написалъ дополненія къ ней подъ названіемъ: „Дополненіе къ статьѣ: ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса" [1]). Хотя эта послѣдняя записка показалась послѣ учрежденія редакціонныхъ коммиссій, но она была написана, также какъ и предъидущая, „для соображенія коммиссіи при главномъ комитетѣ". Поэтому и по связи ея съ статьей, которой она служила дополненіемъ, я упомяну о

[1]) Эта послѣдняя записка напечатана 8 апрѣля 1859 г. Я. С.

ней здѣсь, тѣмъ болѣе, что она не заключала въ себѣ ничего новаго, а заключала въ себѣ развитіе той же мысли о неудобствѣ срочно-обязаннаго періода и необходимости скорѣйшаго прекращенія его посредствомъ выкупа. Изъ этой дополнительной статьи видно, что нѣкоторыя стороны вопроса сдѣлались для Я. И. еще яснѣе; такъ, напримѣръ, не смотря на то значеніе, которое онъ придавалъ выкупу, онъ положительно высказывалъ, что крестьянамъ, при самомъ обнародованіи положенія, должно „даровать права свободнаго сельскаго состоянія", что̀ не было договорено въ первой статьѣ. Въ первой статьѣ онъ полагалъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, всѣхъ крестьянъ, не приступившихъ къ выкупу, перевести на оброкъ; въ дополнительной прибавлялъ: „за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ". Вообще въ этой второй статьѣ яснѣе то представленіе о ходѣ крестьянскаго дѣла, которое рисовалось тогда въ воображеніи автора обѣихъ статей. Ходъ этотъ представился ему въ слѣдующемъ видѣ: крестьянамъ дадутъ свободу, уменьшатъ нѣсколько повинности, безъ уменьшенія надѣла, затѣмъ назначатъ три года для взаимныхъ соглашеній о выкупѣ; всѣмъ тѣмъ барщиннымъ крестьянамъ, которые не приступятъ къ выкупу, будетъ даровано право перейти на оброкъ. Если по истеченіи 12-ти лѣтъ выкупъ не окончится, то правительство приступитъ къ изысканію новыхъ мѣръ для прекращенія срочно-обязаннаго положенія для крестьянъ, не приступившихъ къ выкупу.

Для того, чтобы окончить обозрѣніе дѣятельности коммиссіи при главномъ комитетѣ собственно по крестьянскому дѣлу остается только упомянуть, что, послѣ первыхъ засѣданій редакціонныхъ коммиссій, Я. И. Ростовцовъ началъ было доводить до ея свѣдѣнія журналы упомянутыхъ коммиссій; но со стороны Муравьева или Панина, или обоихъ вмѣстѣ, сдѣланы были какія-то замѣчанія, которыя разсердили Ростовцова. Затѣмъ онъ ничего уже не представлялъ въ коммиссію при главномъ комитетѣ. Послѣднимъ актомъ его дѣятельности было разсмотрѣніе представленій министерства внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ уѣздныхъ учрежденій, что составитъ предметъ послѣдующей и послѣдней главы первой части моихъ записокъ.

Краткое существованіе коммиссіи при главномъ комитетѣ было весьма плодотворно. Изъ настоящей главы было видно, что ее

слѣдуетъ считать родоначальницей редакціонныхъ коммиссій; а изъ послѣдующей главы будетъ видно, что она же породила коммиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Послѣдствіемъ образованія редакціонныхъ коммиссій были положенія о крестьянахъ, а коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій: мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, установленіе должностей судебныхъ слѣдователей и наконецъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Послѣ этого, коммиссія при главномъ комитетѣ, точно также какъ и коллегіальное присутствіе земскаго отдѣла, умерла собственною смертью: она не была отмѣнена никакимъ высочайшимъ повелѣніемъ. Фактично какъ коммиссія при главномъ комитетѣ, такъ и коллегіальное присутствіе земскаго отдѣла прекратили свое существованіе за два года до того времени; поэтому о закрытіи ихъ даже не было упомянуто: ни въ указѣ 19 февраля 1861 года объ учрежденіи главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, ни въ высочайшемъ повелѣніи 27 іюля того же (1861-го) года объ учрежденіи и штатѣ земскаго отдѣла.

Я. А. Соловьевъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХ. НИКОЛ. МУРАВЬЕВА-ВИЛЕНСКАГО [1].

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Осужденные и наказанные

въ 1863—1866 г.

Въ ряду нѣсколькихъ приложеній къ одному изъ трехъ списковъ бывшихъ въ нашемъ распоряженіи Записокъ гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго, обращаютъ на себя вниманіе копіи съ пяти тетрадей списковъ и прочихъ бумагъ о политическихъ преступникахъ западной Россіи и Царства Польскаго, прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ въ разныя мѣста съ 1863 по 1866 г.

Одна изъ такихъ тетрадей заключаетъ въ себѣ перечень преступниковъ, высланныхъ съ начала возстанія, т. е. съ 20-го марта 1863 г., и останавливается на 25-мъ числѣ сентября 1865 г. Она озаглавлена такъ: «списокъ политическимъ преступникамъ, содержавшимся въ с.-петербургской тюрьмѣ пересыльныхъ арестантовъ въ 1863, 1864 и 1865 годахъ». Списокъ этотъ не оконченъ или, лучше сказать, окончаніе его утрачено, что доказывается какъ остальными четырьмя списками, изъ коихъ въ послѣднихъ двухъ перечень преступниковъ продолжается до 1866 г., такъ и тѣмъ еще, что послѣ № 1620, на которомъ останавливается перечень преступниковъ Царства Польскаго въ 1865 г., нѣтъ итога.

---

[1]) См. „Записки гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г. томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г. томъ XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304.

Кромѣ раздѣла преступниковъ по годамъ на двѣ категоріи, т. е. на преступниковъ Западной Россіи и Царства Польскаго, списокъ этотъ заключаетъ въ себѣ еще указанія на время прибытія арестантовъ въ Петербургъ, на время отправленія къ мѣсту ссылки и на родъ наказанія. Мѣстами встрѣчаются въ немъ и другія отмѣтки: о смерти арестанта, освобожденіи, передачѣ въ другое мѣсто, возвращеніи на родину и проч.

Остальные четыре списка, озаглавленные подобно первому, не дѣлятъ преступниковъ на приведенныя нами категоріи: здѣсь осужденные въ западныхъ губерніяхъ слѣдуютъ за арестантами Царства Польскаго и наоборотъ. Перечень въ нихъ преступниковъ начинается 1-мъ январемъ 1864 г. и оканчивается 1866 г. Мы полагаемъ, что этотъ перечень вполнѣ законченъ.

Въ этихъ четырехъ спискахъ, и особенно въ двухъ послѣднихъ, за 1865 и 1866 гг., показано время прибытія арестантовъ въ Петербургъ, указано мѣсто или лице, ихъ приславшее, мѣстами приводятся довольно подробные мотивы преступленія, указывается на распоряженіе о высылкѣ, конфирмаціи и рѣшеніе военныхъ судовъ, опредѣленное арестанту наказаніе, соединенное часто съ показаніемъ сроковъ каторжныхъ работъ или арестантскихъ ротъ и время отбытія изъ Петербурга къ мѣсту назначенія. Необходимо замѣтить, что если мѣстами свѣдѣнія о преступникахъ щеголяютъ относительными подробностями, то мѣстами онѣ очень кратки, а противъ нѣкоторыхъ арестантовъ нѣтъ никакихъ указаній. Несмотря однако на сравнительную неполноту свѣдѣній, мы постараемся извлечь изъ списковъ все, что можетъ дополнить Записки графа М. Н. Муравьева.

Виновные въ мятежѣ и безпорядкахъ и заподозрѣнные въ политической неблагонадежности высылались изъ мѣста жительства или по распоряженію главныхъ начальниковъ края, или по суду. Такъ мы видимъ противъ нѣкоторыхъ высланныхъ отмѣтки, что они направлены на житье въ разныя мѣста по распоряженію: главнаго начальника сѣверо-западнаго края или командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, помощника его, командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, намѣстника Царства Польскаго и министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ большинствѣ случаевъ, участники мятежа приговаривались къ наказаніямъ по конфирмаціямъ приведенныхъ нами начальствъ, исключая послѣдняго, и по рѣшеніямъ:

Временнаго полеваго аудиторіата, Гродненскаго полеваго аудиторіата, полевого суда при Виленскомъ ордонансъ-гаузѣ, военнаго суда при командующемъ войсками въ Могилевской губерніи, при управ-

леніи Минскаго губернскаго воинскаго начальника и при штабѣ нѣкоторыхъ полковъ, Динабургскаго полевого военнаго суда, военнаго суда при Кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ, полевого суда при крѣпости Новогеоргіевскѣ, начальниковъ военныхъ отдѣловъ: Радомскаго, Плоцкаго, Ломжинскаго, Августовскаго и Сѣдлецкаго, военныхъ судовъ: Люблинскаго, Калишскаго, Плоцкаго, Ломжинскаго, Варшавскаго и Сѣдлецкаго, Варшавскаго полевого аудиторіата и слѣдственной коммисіи при намѣстникѣ Царства [1]).

Прослѣдовавшіе чрезъ Петербургъ арестанты (объ этихъ только мы и будемъ говорить въ настоящемъ сводѣ и выборкѣ изъ копій со списковъ, находящихся при одномъ изъ нашихъ экземпляровъ записокъ гр. М. Н. Муравьева) направлялись: въ каторжныя работы и къ содержанію въ крѣпостяхъ, на поселеніе, житье и водвореніе въ Сибири, на службу въ Амурскіе, Сибирскіе и Оренбургскіе линейные батальоны, въ арестантскія роты и на житье въ разныя губерніи европейской Россіи подъ надзоръ полиціи.

Эти наказанія карали слѣдующія преступленія:

Принятіе непосредственнаго участія въ мятежѣ, бандахъ и политическихъ безпорядкахъ, принадлежность къ мятежнической организаціи, сношеніе съ лицами, принимавшими участіе въ мятежѣ и безпорядкахъ; знаніе объ этомъ и недонесеніе; посѣщеніе шаекъ и бандъ, знаніе о расположеніи ихъ и недонесеніе, подговоръ въ шайки и банды, вербованіе; снабженіе мятежниковъ оружіемъ и продовольствіемъ, сборъ податей для цѣлей мятежа, снабженіе участниковъ мятежа бѣльемъ и мытье бѣлья для нихъ; пріемъ мятежниковъ и укрывательство ихъ; исполненіе ихъ порученій; вымогательство, при исполненіи обязанности лазутчика, угрозами ареста у мирныхъ жи-

---

[1]) Въ вѣдомости осужденныхъ и наказанныхъ, составленной по повелѣнію самаго гр. М. Н. Муравьева, за все время его управленія:

1) казнено	128	челов.
2) Сослано въ каторжныя работы	972	„
3) На поселеніе въ Сибирь	1,427	„
4) Отдано въ солдаты	345	„
5) Сослано въ арестантскія роты	864	„
6) Выслано во внутреннія губерній	1,529	„
7) Переселено на казенныя земли внутри имперіи	4,096	„
	9,361	челов.
8) Осталось причастныхъ мятежу прощенныхъ и освобожденныхъ	9,229	„

Эта вѣдомость явилась впервые въ печати въ „Новомъ Времени“ 1882 г., ноябрь.

телей денегъ, бродяжничество съ разбойниками, ложныя показанія при слѣдствіи; наименованіе себя другимъ лицемъ; способствованіе пересылкѣ мятежнической корреспонденціи, принятіе и передача багажа и бумагъ повстанцевъ; исполненіе интендантскихъ обязанностей; произнесеніе возмутительныхъ рѣчей; храненіе сочиненій возмутительнаго содержанія; заведеніе тайной типографіи, печатаніе противуправительственныхъ воззваній и подбрасываніе ихъ; самовольную отлучку отъ мѣста служенія съ намѣреніемъ поступить въ банду; политическую неблагонадежность; позволеніе собираться молодымъ людямъ для занятій военнымъ искуствомъ для мятежническихъ цѣлей.

Присужденные къ арестантскимъ ротамъ направлялись въ города: Архангельскъ, Петрозаводскъ, Вятку, Пензу, Оренбургъ, Тамбовъ, Курскъ, Кострому, Владиміръ, Нижній Новгородъ, Казань, Ярославль, Тверь, Рязань, Тулу, Калугу, Воронежъ, Орелъ, Полтаву и Псковъ, въ мѣстныя арестантскія роты; что же касается до ссылаемыхъ на житье подъ надзоръ полиціи, то этого сорта люди высылались какъ въ сѣверныя, сѣверо- и юго-восточныя, такъ и во внутреннія губерніи. По количеству поднадзорныхъ, Пермская губернія занимаетъ первое мѣсто; туда было направлено до 200 человѣкъ.

За нею, постепенно уменьшая число сосланныхъ, слѣдуютъ другія губерніи въ такомъ порядкѣ: Архангельскъ, Пенза, Оренбургъ, Петрозаводскъ, Уфа, Кострома, Вологда, Самара, Воронежъ, Нижній Новгородъ, Казань, Новгородъ, Тамбовъ, Астрахань, Вятка, Лифляндская губернія, Симбирскъ, Владиміръ, Ярославль, Калуга, Курскъ и Херсонъ. Въ Новгородъ направлено до 30-ти человѣкъ и преимущественно изъ чиновнаго люда, врачей и офицеровъ; число всѣхъ водворенныхъ въ семи послѣднихъ губерніяхъ, начиная съ Лифляндской и кончая Херсонью, не превышаетъ 15 человѣкъ.

По одному изъ списковъ видно, что чрезъ Петербургъ прослѣдовало съ 20-го марта 1863 г. по 25-е сентября 1865 г. слѣдующее количество политическихъ арестантовъ:

	Изъ Западнаго края:	Изъ Царства Польскаго:		
Въ 1863 году . .	863 челов.	206	итого	1,069 челов.
» 1864 » . .	731 ›	722	›	1,453 ›
› 1865 › . .	710 ›	906	»	1,616 ›
Итого. . . .	2,304 челов.	1,834	всего	4,138 челов.

Если къ этому итогу мы прибавимъ тѣхъ арестантовъ, перечень которыхъ продолжается въ двухъ другихъ спискахъ, именно съ 25-го сентября по 1-е декабря 1865 г.—439 человѣкъ и въ 1866 г.—

1,545 чел., то и опредѣлится все количество прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ арестантовъ въ 6,124 человѣка. При этомъ нужно, однако, оговорить, что не всѣ вошедшіе въ перечень были осужденные за преступленія арестанты: много было и такихъ лицъ, которыя слѣдовали за мужьями, родителями и родственниками или добровольно, или вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ. Укажемъ на слѣдующіе примѣры:

Дворянинъ Вицентій Свинко направленъ на жительство подъ надзоръ полиціи въ Самару; съ нимъ отправились жена его Розалія и дѣти: Владиславъ, Юзефъ, Текла, Адольфъ, Титусъ и Наталія.

Одинъ изъ дворянъ Урбановичей, высланный на водвореніе въ Самарскую губернію, сопровождался женою Іоганною и дѣтьми: Вицентіемъ 6 лѣтъ, Юзефомъ 3 л. и Маріею 5 лѣтъ.

Съ крестьянами Иваномъ и Лаврентіемъ Сергейчиками отправились въ Астраханскую губернію и семейства ихъ съ женами и дѣтьми: Августиномъ, Екатериною 18 л., Агафьею 14 л., Маріею 12 л., Еввою 7 л., Вареоломеемъ 15 л., Иваномъ 9 л., Эдуардомъ 3 л. и Петрунелей 8 лѣтъ.

Дворянинъ Казиміръ Яцевичъ отправился въ Оренбургъ съ женою Эммою и дѣтьми Брониславомъ 6 л., Валеріемъ 5 л. и Чеславомъ $1^1/_2$ года.

Вдова помѣщика Людвига Завадская сослана на жительство въ Пензу съ дѣтьми Михаиломъ 11 л., Стефаніей 12 л. и Юліей 9 л.

Съ крестьяниномъ Симономъ Люля послѣдовали въ Тобольскую губернію жена его Агата и дѣти: Михаилъ 17 л., Зенохъ 14 л., Эдуардъ 10 л., Кириллъ 8 л., Петръ 6 л., Лонгинъ 2 л., Петрунель 20 л., Вероника 11 л. и Елена 8 лѣтъ.

Помѣщика цезаря Роговскаго сопровождали жена Эрнестина и дочери Софья 4 л. и Ванда 5 лѣтъ.

Очевидно самый возрастъ большинства этихъ дѣтей гарантировалъ ихъ отъ всякой возможности участвовать въ бандахъ или какихъ либо противуправительственныхъ безпорядкахъ, за которые они могли бы подлежать наказанію. Между тѣмъ 350 подобныхъ лицъ вошли въ перечень прошедшихъ чрезъ пересыльную тюрьму въ Петербургѣ и прослѣдовавшихъ затѣмъ въ мѣста отдаленныя или не столь отдаленныя по этапу или другимъ способомъ.

Съ другой стороны, съ 1865 г. начинается обратное движеніе выселенцевъ. Прежде нѣкоторые изъ нихъ заносились въ списокъ какъ слѣдующіе въ разныя арестантскія роты, послѣ же не миновали его какъ возвращающіеся на прежнія мѣста своего жительства. Количество ихъ постоянно увеличивается, фамиліи занимаютъ собою

цѣлыя страницы списка и доходятъ въ одномъ 1865 г. до 430 человѣкъ. Если къ этой цифрѣ мы прибавимъ 350 женъ и дѣтей осужденныхъ, прослѣдовавшихъ съ мужьями, отцами и родственниками на житье, поселеніе и водвореніе въ Сибирь и разныя губерніи Европейской Россіи; если мы примемъ во вниманіе возвращенныхъ обратно въ Царство и западныя губерніи по другимъ двумъ спискамъ въ періодъ времени съ 25 сент. 1865 г. по 23 октября 1866 г., всего до 600 человѣкъ, то все количество собственно политическихъ преступниковъ, направленныхъ изъ западныхъ губерній и Царства Польскаго чрезъ Петербургъ не будетъ достигать 5,000 человѣкъ.

Изъ числа 4,138 ч., прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ съ 20-го марта 1863 г. по 25 сентября 1865 г., направлены:

Изъ западныхъ губерній:

Въ каторжныя работы	342
» крѣпости	4
» Сибирь на поселеніе, житье и водвореніе	582
На житье и водвореніе въ разныя губ. Европ. Россіи	745
Въ арестантскія роты	219
» Амурскіе, Сибирскіе и Оренбургскіе батальоны	87
Женъ и дѣтей осужденныхъ	158
Умерло, передано, освобождено и проч.	11
Направлено въ западн. губ. и Царство изъ губерній	123
Направлено въ Москву для дальнѣйшей отсылки	33
Итого	2,034

Изъ Царства Польскаго:

		всего
Въ каторжныя работы	164	506
» крѣпости	1	5
» Сибирь на поселеніе и проч.	167	749
На житье и проч. въ губерніяхъ	162	907
Въ арестант. роты	828	1,047
» батальоны	16	103
Женъ и дѣтей осужденныхъ	56	214
Умерло, передано и проч.	4	15
Направлено въ западн. губ. и Царство	430	553
Направлено въ Москву	6	39
Итого	1,834	4,138

Цифры эти измѣнятся, если мы прибавимъ изъ двухъ другихъ списковъ всѣхъ прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ съ 25 сентября

1865 по 23 октября 1866 г. въ каторжныя работы, въ Сибирь на поселеніе, въ арестантскія роты, на житье въ разныя губерніи и проч. Онѣ выразятся въ такомъ видѣ:

Въ каторжныя работы и крѣпости	836
» Сибирь на поселеніе, на житье и водвореніе .	1,341
На житье и водвореніе въ разн. города	936
Въ арестантскія роты	1,371
› батальоны	103
Женъ и дѣтей осужденныхъ прослѣдовало . . .	350
Умерло, передано и проч.	15
Направлено въ западныя губерніи и Царство . .	1,128
Направлено въ Москву	43
Всего . .	**6,124**

Изъ всего количества политическихъ арестантовъ, прослѣдовавшихъ чрезъ Петербургъ съ 20 марта 1863 г. по 25 сентября 1865 г. приходится:

	Изъ западн. губ.	Изъ Царства Польск.		
На интеллигенцію . .	1,340	189	итого	1,529
› простыя сословія .	964	1,645	›	2,609
Итого . .	2,304	1,834	всего	**4,138**

Если мы прибавимъ къ цифрѣ 4,138 тѣхъ, которые прослѣдовали съ 25 сент. 1865 г. по 23 окт. 1866 г., то цифра всей интеллигенціи будетъ равняться 1,915 чел. Слѣдовательно въ Западныхъ губерніяхъ повстанье поддерживалось благородными классами, тогда какъ въ Царствѣ послѣдніе составляли меньшинство. Въ западныхъ губерніяхъ участниковъ мятежа изъ простыхъ сословій 964 ч., въ числѣ коихъ были торговцы, мѣщане, шляхта, однодворцы, ремесленники, нижніе воинскіе чины, крестьяне, иностранцы, евреи, разночинцы (колонисты, лакеи и проч.) и люди неизвѣстнаго званія. Послѣдніе, а также иностранцы и крестьяне фигурировали въ Царствѣ Польскомъ.

Въ числѣ 1,915 человѣкъ благороднаго званія находилось:

Предводителей дворянства	6	чел.
Мировыхъ посредниковъ и кандидатовъ къ нимъ. . .	17	›
Дворянъ и помѣщиковъ	1,350	›
Чиновниковъ	221	›
Ксендзовъ и проч. духовенства	158	›

Лицъ военнаго сословія	71 чел..
Ученаго и учебн. сословія	42 »
Докторовъ, врачей, медиковъ, лекарей и аптекарей.	50 »
Всего . .	1,915 чел.

Въ числѣ предводителей дворянства мы видимъ: минскаго губернскаго—Александра Лаппа, высланнаго изъ Петербурга въ Пермь 13 іюня 1863 г. Туда же направлены вслѣдъ за нимъ предводитель дворянства Виленскаго у.—Вячеславъ Тукалло, Брестскаго у.—Александръ Вильчевскій, Трокскаго уѣзда—Людвигъ Еленскій. Предводитель дворянства Пинскаго у., Иванъ Лемешевскій, отправленъ въ Тамбовъ, Казиміръ Пильсудскій—въ Пензу.

Ксендзовъ и проч. замѣшаннаго въ мятежъ и прослѣдовавшаго чрезъ Петербургъ духовенства—158 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ видно изъ замѣтокъ по спискамъ, принимали самое живое участіе въ бандахъ.

Изъ числа 158 ч. римско-католич. священниковъ къ каторжнымъ работамъ присуждено—22.

На поселеніе и житье въ Сибири 62, и

На житье въ разныя города подъ надзоромъ полиціи 74 человѣка.

Въ каторжныя работы приговорены: Фридрихъ Влоцкій, Онуфрій Сырвидъ, Александръ Шепиновскій, Іосифъ Розга, Онуфрій Шредерсъ, Онуфрій Ясевичъ, Викентій Мугаревичъ, Ипполитъ Савицкій, Яковъ Яковичъ, Константин. Песлякъ, Фердинандъ Стульчинскій, Станиславъ Домбровскій, Антонъ Ковецкій, Августинъ Лаппа, Андрей Барташевичъ, Константинъ Верниковскій, Степанъ Рудскій, Зеферинъ Русецкій, Адамъ Мацкевичъ, Юзефъ Червинскій, Θедоръ Рогозинскій (монахъ) и Антонъ Вержбицкій. Ксендзъ Казиміръ Гедроицъ, «за поношеніе предъ крестьянами оскорбительными въ высшей степени словами православной церкви и неупотребленіе установленныхъ при богослуженіи въ костелахъ молитвъ о здравіи государя императора», лишенъ священническаго сана и всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири. Онъ высланъ изъ Петербурга 17 марта 1865 г.

Въ спискѣ, противъ ксендзовъ: Лаврентія Яроша, Граціана Мархвицкаго, Северина Ковальскаго, Адама Завадскаго и Игнатія Ракоцинскаго, означено: посланы на водвореніе въ Архангельскую и Вологодскую губернію съ производствомъ каждому по 150 р. ежегоднаго содержанія изъ суммъ Царства Польскаго.

Монахъ ордена Доминикановъ Мартынъ Ольшинскій, по приказанію намѣстника Царства Польскаго, отправленъ, 18 ноября 1865 г., въ Малмыжъ Вятской губерніи, съ учрежденіемъ за нимъ полицейскаго надзора и съ производствомъ ему пожизненной пенсіи по 150 р. въ годъ изъ суммъ Царства. Между разными ксендзами какъ-то замѣшался Адамъ Габеркаптъ, пасторъ Ломжинскаго у., отправленный на житье въ Пензу, 24 февраля 1864 г.

Въ своихъ Запискахъ гр. М. Н. Муравьевъ упоминаетъ объ уничтоженіи околицъ.

Одна изъ такихъ околицъ была заселена Сергейчиками, другая, находившаяся въ Гродненскомъ уѣздѣ и населенная вся шляхтою Щуками, носила названіе Щуки. Всѣ эти Матеуши, Игнатіи, Ѳаддеи, Станиславы и проч. члены фамиліи Щуки, съ ихъ женами и дѣтьми, въ количествѣ 73 душъ, отправлены въ августѣ 1863 г. въ Сибирь на поселеніе.

Ученое и учебное сословіе замѣшано въ мятежѣ, начиная отъ директора гимназіи и до гимназиста. Директоръ Ломжинской гимназіи, Карлъ Витте, и инспекторъ Ковенской гимназіи, Антонъ Кошко, высланы: первый—въ Воронежъ, второй—въ Пермь. Гимназисты: Мозырской гимназіи—Витольдъ Бородичъ, Виленской—Станиславъ Станевичъ, отправлены въ сибирскіе и оренбургскіе линейные батальоны, Ѳома Яновскій—въ Вологду, ученикъ Сокольскаго училища Антонъ Бура—въ Новгородъ.

Участники мятежа изъ учителей и студентовъ разосланы частію въ Сибирь на поселеніе, частію по разнымъ городамъ.

Между иностранцами обращаютъ на себя вниманіе: Болеславъ Наркевичъ; противъ него въ спискѣ отмѣчено: «французъ». Наркевичъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ и отправленъ въ Сибирь 13 мая 1864 г. Эммануилъ Ясекъ, персидскій подданный, по возвращеніи изъ Архангельска, отосланъ въ распоряженіе Варшавскаго генералъ-полиціймейстера, 1 окт. 1865 г. Станиславъ Польза показалъ себя «дворяниномъ изъ Парижа», отправленъ въ архангельскую арестантскую роту, 9 дек. 1864 г.

Среди помѣщиковъ и дворянъ, сосланныхъ за принятіе участія въ мятежѣ, находятся: графъ Станиславъ Замойскій, высланный подъ надзоръ полиціи въ Пермь, баронъ Илья Унгернъ-Штернбергъ—въ Вологду, баронъ Мантейфель—въ Пензу. Дворянка Устина Савицкая, за сношеніе съ мятежниками и за мытье для нихъ бѣлья, водворена на постоянное жительство въ Тобольской губерніи, безъ лишенія однако правъ состоянія. Туда же направленъ графъ

Станиславъ Солтанъ. Помѣщица Констанція Гажичъ, съ дочерьми Анною и Еленою, выслана въ Пермь; Константинъ Конаржевскій, дворянинъ и бывшій офицеръ польскихъ войскъ— въ Олонецкъ; двое Лопацинскихъ, фамилія которыхъ упоминается въ Запискахъ гр. Муравьева, именно Вячеславъ и Яковъ, отправлены, первый въ Нижній Новгородъ, второй въ Пензу, а Михаилъ Бучинскій— въ Тобольскъ. Князь Фердинандъ Святополкъ-Мирскій пошелъ на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири; баронъ Романъ Роникеръ—въ Томскъ. Другіе, какъ-то: Владиславъ и Ипполитъ фонъ-Зигернъ-Корнъ, графы Михаилъ и Мечеславъ Вильегорскіе, графъ Эдуардъ Чапскій, князь Адольфъ Михальскій и кн. Николай Гедроицъ присуждены къ каторжнымъ работамъ.

Военное сословіе выдѣлило изъ себя для мятежа, между прочими: подполковника Ромуальда Кулаковскаго, отправленнаго на житье въ Пермь, подполковника Цезарія Орвида—въ Казань, ротмистра гвардіи Станислава Моля—въ Уфу, маіоровъ: Іеронима Воловича—въ Нижній-Новгородъ и Александра Сушинскаго—въ Тобольскъ, полковника Андрея Орду — въ Пензу. Штабъ-ротмистръ гвардіи Ричардъ фонъ-Мантейфель-Зеге отосланъ въ Тобольскъ. Подполковникъ генеральнаго штаба Станиславъ Стан. Олепдскій приговоренъ къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ на 15 лѣтъ.

Изъ медицинскаго персонала докторъ Владиславъ Сутлевскій, лекарь Мечеславъ Чапвицкій присуждены къ каторжнымъ работамъ; Александръ Воловичъ и Антонъ Мурзаковичъ, содержатели аптекъ, и провизоръ Владиславъ Хромицкій разосланы по разнымъ городамъ.

Между освобожденными по распоряженію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора мы видимъ: Александра Ниппе, художника, Франциска Біена, сына доктора изъ Австріи, Теофила фонъ-Фалькена, иностранца, и Францишку Радзивановичъ, отданную на попеченіе доктора Радзивановича.

Изъ чиновниковъ-мятежниковъ встрѣчаются: предсѣдатели и совѣтники палатъ, мировые посредники, судьи, землемѣры, засѣдатели, судебные слѣдователи, журналисты, экзекуторы, стряпчіе, секретари, становые пристава, столоначальники и писцы. Изъ числа этихъ лицъ противъ предсѣдателя палаты, стат. сов. Александра Хмилевскаго, въ спискѣ отмѣчено: «по подозрѣнію въ бытности въ революціонной организаціи и бытности начальникомъ ковенскаго воеводства». Хмилевскій, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сосланъ на житье (6-го мая 1865 г.) въ Томскую губернію. Предсѣдатель палаты, Никодимъ

Кереновскій, высланъ въ Тамбовъ; Осипъ Сошникъ, совѣтникъ казенной палаты, въ Пермь; экспедиторъ почтъ, Александръ Попель, присужденъ къ каторжнымъ работамъ, а другой экспедиторъ, Антонъ Садовникъ—на житье въ Олонецкъ; статскій совѣтникъ Николай Терлецкій отправленъ въ Вятку; статскій совѣтникъ Александръ Хмѣлевскій въ Уфу — 13-го іюня 1863 г.; Викентій Войцеховичъ, Антоній Одынецъ, Ѳома Шукевичъ, Іосифъ Киска,—все судьи; Викентій Расцишевскій — президентъ гор. Сувалокъ, вдова стат. совѣт. Жозефина Олендская, вдова полковника Пелагея Малиновская, акцизный надзиратель Александръ Высоцкій, чиновникъ особыхъ порученій при варшавскомъ гражданскомъ губернаторѣ, Оскаръ Флятъ, разосланы по разнымъ городамъ; частію отдаленнымъ, какъ Вятка, Пермь, Оренбургъ, Уфа, Олонецкъ, Воронежъ; частію, какъ Флятъ и Шукевичъ, въ Новгородъ. Становой приставъ Александръ Гарковичъ сосланъ на житье въ Тобольскую губернію. Мировой посредникъ Сервирій Святополкъ-Мирскій направленъ въ Оренбургъ; другой мировой посредникъ, Иванъ Каменскій, сосланъ въ каторжную работу 14-го апрѣля 1865 г. Секретарь минскаго дворянскаго депутатскаго собранія, Михаилъ Гаусманъ, высланъ на жительство въ гор. Тотьму, Вологодской губерніи, 24-го марта 1866 г.

Въ числѣ отправленныхъ въ крѣпости находятся: Михаилъ Вейде, дворянинъ Витебской губерніи, въ Петропавловскую; Левъ Сынекъ, дворянинъ австрійской имперіи—въ Шлиссельбургскую; Іосифъ Бирандтъ, дворянинъ—въ Свеаборгскую, мѣщанинъ Юзефъ Каупе—въ Замостье.

Изъ русскихъ въ спискахъ значатся: поручикъ О., высланный по требованію въ слѣдственную тюрьму гор. Варшавы, 28-го февраля 1865 г.; Михаилъ Марковъ, волостной старшина, прослѣдовавшій въ 1865 г. во Владимірскія арестантскія роты; Николай Войтковъ, крестьянинъ, направленный въ крѣпость Свеаборгъ; Константинъ Никитинъ, воспитанникъ Сокольскаго училища, высланный на жительство подъ надзоръ полиціи въ Вятку, 3-го сентября 1863 г.; Илья Жуковъ, штабсъ-капитанъ, сосланный въ каторжныя работы, 1-го апрѣля 1864 г.; Яковъ Дмитріевъ, рядовой стрѣлковаго баталіона, — въ каторжныя работыя въ крѣпостяхъ, и Логинъ Ѳедоровъ Пантелѣевъ, чиновникъ 12-го класса и дворянинъ Вятской губерніи, приговоренный въ каторжныя работы на заводахъ на 6 лѣтъ. Онъ отправленъ 5-го февраля 1866 г.

II [1]).

Политическіе ссыльные западныхъ губерній и Царства Польскаго направлялись въ Петербургъ или съ этапами въ губернское правленіе, или съ жандармами въ распоряженіе петербурскаго оберъ-полиціймейстера. Здѣсь они размѣщались преимущественно въ пересыльной тюрьмѣ, а частью въ исправительномъ заведеніи (нынѣ больница св. Николая Чудотворца) и даже по нѣкоторымъ полицейскимъ частямъ, за неимѣніемъ въ тюрьмѣ свободныхъ мѣстъ. Въ послѣдней они занимали верхній этажъ, въ одной изъ комнатъ котораго была устроена временная каплица. Время это для нижнихъ тюремныхъ служителей было очень выгодно, потому что среди ссыльныхъ находились богатые люди, щедро расплачивавшіеся за разныя услуги. Простой классъ Царства Польскаго и особенно высланные оттуда въ большомъ количествѣ люди, отмѣченные въ спискахъ принадлежащими къ неизвѣстному званію, носили въ тюрьмѣ кличку рокамболей. Рокамболи присылались сюда скованными такимъ способомъ, что одна пара ножныхъ кандаловъ служила двоимъ, т. е. правая нога одного арестанта сковывалась съ лѣвою другого, что, вѣроятно, дѣлалось по случаю огромнаго движенія арестантовъ и недостатка кандаловъ. Въ Петербургѣ, при отправленіи ихъ въ дальнѣйшее слѣдованіе, этотъ сортъ арестантовъ заковывался по здѣшнему, т. е. каждый въ отдѣльные ножные кандалы. Больные ссыльные и принадлежавшіе къ таковымъ пользовались въ больницѣ исправительнаго заведенія.

Генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ принималъ самое живое, сердечное участіе въ положеніи осужденныхъ и ссылаемыхъ.

Нерасположеніе князя Суворова къ графу М. Н. Муравьеву было до того велико, что выходило даже иногда за предѣлы той сдержанности, которою долженъ бы былъ отличаться генералъ-губернаторъ столицы.

Вотъ одно изъ доказательствъ сего: случай, записанный въ свое время со словъ разскащика [2]) и надлежаще провѣренный.

Михаилъ Алексѣевичъ Евреиновъ, бывшій исправникомъ въ гор. Гдовѣ, предъ началомъ повстанья въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, перепросился туда на службу, пробылъ тамъ не долго и въ концѣ

---

[1]) Здѣсь помѣщаемъ сообщенныя намъ замѣтки одного изъ чиновниковъ, служившихъ въ то время при тюрьмахъ города С.-Петербурга.

[2]) Разскащикомъ былъ Михаилъ Алексѣевичъ Евреиновъ; разсказъ его былъ въ свое время подтвержденъ П. Я. Ш.

1864 г., вопреки своему желанію, возвратился въ Петербургъ съ цѣлію пріискать себѣ мѣсто. Въ декабрѣ 1864 г. Евреиновъ находился въ числѣ просителей въ пріемной комнатѣ у князя Суворова, и обратился къ нему съ просьбой о мѣстѣ въ губернскомъ управленіи.

— «А гдѣ вы служили раньше?» спросилъ князь.

— При М. Н. Муравьевѣ, былъ отвѣтъ.

— «Служившій съ Муравьевымъ—отвѣчалъ князь громогласно при просителяхъ и служебномъ синклитѣ,—не можетъ служить у меня. Я не могу сочувствовать Муравьеву, и если мы оба умремъ и на томъ свѣтѣ сдѣлаютъ распоряженіе о помѣщеніи насъ обоихъ въ одно мѣсто—рай или адъ, то я почту своимъ долгомъ просить о помѣщеніи меня туда, гдѣ Муравьева не будетъ, хотя бы и въ адъ, лишь бы не быть съ нимъ вмѣстѣ».

На послѣднія слова князя Суворова, Евреиновъ отвѣтилъ, что онъ не самъ пошелъ служить къ Муравьеву, а его послало министерство внутреннихъ дѣлъ, (хотя первое было не вѣрно), и что онъ, Евреиновъ, потому и оставилъ службу въ Западномъ краѣ, что не могъ сочувствовать дѣйствіямъ генералъ-губернатора.

— «Ну это другого рода дѣло; дать ему мѣсто», закончилъ князь.

При содѣйствіи Ив. Як. Четыркина, бывшаго тогда правителемъ канцеляріи и знавшаго Евреинова, послѣдній былъ опредѣленъ помощникомъ исправника въ г. Лугу, 5-го января 1865 г.

Выше упомянуто о политическомъ преступникѣ Пантелѣевѣ. Въ одномъ съ нимъ этапѣ прибылъ изъ Вильны, 4-го января 1866 г., Михаилъ Ад. Коссовскій; долженъ былъ прибыть и Іосафатъ Огрызко, но вотъ что случилось: предъ отправленіемъ изъ Вильны, завѣдывавшему пересылкою арестантовъ между Вильною и Петербургомъ и обратно, конвойному офицеру Егору Ивановичу Ногаеву, былъ данъ приказъ, исходившій отъ князя Суворова: телеграфировать ему изъ Пскова о прибытіи этапа съ Огрызко на Псковскую станцію въ такихъ выраженіяхъ: «прибылъ во Псковъ съ такимъ-то числомъ арестантовъ и еще однимъ». Это слово однимъ должно было относиться къ Огрызко, и сдѣлано было это для того, чтобъ не называть преступника по фамиліи. По прибытіи партіи изъ Вильны во Псковъ на станцію, Ногаевъ исполнилъ приказаніе, но вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно по распоряженію виленскаго начальства, явились и нарочно присланные въ догонку этапа жандармы, отобрали Огрызко и повезли его на почтовыхъ, минуя Петербургъ, по тракту на Нов-

городъ и Чудово, откуда прослѣдовали далѣе по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Этимъ эпизодомъ заканчивается обозрѣніе вышеупомянутыхъ списковъ осужденныхъ гр. М. Н. Муравьевымъ лицъ и прослѣдовавшихъ въ ссылку чрезъ Петербургъ.

III.

Списокъ ксендзовъ и прочихъ лицъ духовнаго званія, присужденныхъ за участіе въ смутахъ 1863 — 1866 гг. въ Западныхъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ къ каторжнымъ работамъ, на житье и поселеніе въ Сибири и на жительство подъ надзоръ полиціи въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи и прослѣдовавшихъ къ мѣстамъ назначенія чрезъ Петербургъ [1]).

1. Фридрихъ Влоцкій—кат.
Иванъ Корженевскій—пос.
Францъ Сидоровичъ—жит.
Игнатій Жаба—жит.
Тадеушъ Годлевскій—жит.
Станиславъ Мятрисъ—пос.
Михаилъ Грековичъ—жит.
Онуфрій Сырвидъ—кат.
Янъ Бальцевичъ—жит.
10. Александръ Шепиновскій—кат.
Іосифъ Розга—кат.
Антонъ Юзумовичъ—жит.
Онуфрій Шредерсъ—кат.
Онуфрій Ясевичъ—кат.
Клементій Кайро—жит.
Доминикъ Тржецякъ—жит.
Матвѣй Вейтъ—жит.
Викентій Мугаревичъ—кат.
Ипполитъ Савицкій—кат.
20 Яковъ Яковичъ—кат.
Томашъ Сеньковскій—жит.
Викентій Водловичъ—жит.
Петръ Мачинскій—жит.
Андріянъ Новицкій—жит.
Георгій Новицкій—жит.
Людвигъ Погосскій—жит.
Игнатій Мацевичъ—жит.
Антоній Піотровичъ—жит.
Фердинандъ Стульчинскій—кат.
30. Николай Морозъ—жит.
Касперъ Сикорскій—жит.
Леонъ Качинскій—жит.
Станиславъ Домбровскій—кат.
Викторъ Малевичъ—жит.
Францискъ Абрампольскій—жит.
Станиславъ Веспанскій—жит.
Леонъ Колаковскій—жит.
Леонъ Вашкевичъ—жит.
Люціанъ Гембицкій—жит.
40. Іосифъ Вольскій—жит.
Адамъ Габеркантъ—жит.
Якубовичъ—жит.
Янъ Якшевичъ—жит.
Владиславъ Жеголовскій—жит.
Степанъ Олехновичъ—жит.
Валентинъ Яблоновскій—жит.
Яковъ Кучикъ—жит.
Станиславъ Владковскій—жит.
Феликсъ Лисицкій—жит.
50. Николай Касперовичъ—жит.

[1]) Въ каторжную работу—22 чел., на поселеніе и на житье въ Сибири—62 чел., на жительство подъ надзоръ полиціи—74 чел.

Антонъ Ковецкій—кат.
Августинъ Лаппа—кат.
Діонисій Сташкевичъ—пос.
Андрей Крижановскій—пос.
Иванъ Войткевичъ—жит.
Фелиціанъ Горбачевскій—жит.
Андрей Барташевичъ—кат.
Иванъ Витковскій—пос.
Александръ Сидоровичъ—жит.
60. Александръ Монюшко—пос.
Винцеславъ Вишневскій—жит.
Купріанъ Бѣликовичъ—жит.
Константинъ Верниковскій—кат.
Викторъ Байковскій—жит.
Казиміръ Гедройцъ—пос.
Михаилъ Свенцкскій—пос.
Антонъ Мацкевичъ—пос.
Болеславъ Александровичъ—пос.
Михаилъ Скорубскій—пос.
70. Степанъ Рудскій—кат.
Альбрехтъ Греголюневичъ—пос.
Гилярій Бичулевичъ—пос.
Лаврентій Вялицкій—жит.
Мельхіоръ Посниковскій—жит.
Юліанъ Кельпшъ—пос.
Іосифъ Овсяный—пос.
Зеферинъ Русецкій—кат.
Адамъ Мацкевичъ—кат.
Томашъ Ленчевскій—пос.
80. Феликсъ Крынскій—пос.
Адамъ Шеметилло—пос.
Александръ Гриневицкій—пос.
Викентій Улинскій—пос.
Иванъ Виткевичъ—пос.
Габріэль Волошинскій—пос.
Янъ Валентиновичъ—пос.
Людвигъ Лебедзинскій—пос.
Амвросій Коссаржевскій—пос.
Иванъ Разводовскій—пос.
90. Августинъ Богушъ—пос.
Викентій Мосій—пос.
Карлъ Рукойжа—пос.
Иванъ Плевака—пос.
Михаилъ Олехновичъ—пос.
Іосифъ Давыдовичъ—пос.
Доминикъ Малѣевскій—пос.
Леонъ Годлевскій—пос.
Іоганъ Вершилло—пос.
Адамъ Колендо—пос.
100. Амвросій Шульцъ—пос.
Игнатій Сташкевичъ—пос.
Урбанъ Таргонскій—пос.
Доминикъ Жукъ—пос.
Георгій Бокевичъ—пос.
Казиміръ Хорошанскій—пос.
Эдуардъ Котовичъ—пос.
Антонъ Вержбицкій—кат.
Симонъ Яниковичъ—пос.
Андрей Петровичъ—пос.
110. Павелъ Лукашевичъ—пос.
Константинъ Стефановичъ—пос.
Леопольдъ Урбановичъ—пос.
Иванъ Бржестовичъ—жит.
Михаилъ Грековичъ—жит.
Іосифъ Кожуховскій—пос.
Константинъ Песлякъ—кат.
Александръ Милевскій—жит.
Казиміръ Мачульскій—жит.
Габріэль Лазаревичъ—жит.
120. Казиміръ Парафинскій—жит.
Адамъ Девельскій—жит.
Станиславъ Фіалковскій—жит.
Валентинъ Касперскій—жит.
Гавріилъ Оржешковскій—жит.
Эмашъ Осинскій—жит.
Францискъ Храпкевичъ—жит.
Бернардъ Танскій—жит.
Григорій Гутковскій—жит.
Эдуардъ Гаевскій—жит.
130. Іосифъ Жукъ—жит.
Владиславъ Шабронскій—жит.
Юліанъ Нагродскій—жит.
Израилъ Слатвинскій—жит.
Цуріанъ Слатвинскій—жит.
Игнатій Бартлинскій—пос.
Өедоръ Рогозинскій—кат.
Юзефъ Червинскій—кат.
Игнатій Ракоцинскій—жит.
Адамъ Завадскій—жит.
140. Северинъ Ковальскій—жит.
Граціанъ Мархвицкій—жит.
Лаврентій Ярошъ—жит.
Игнатій Красусскій—пос.
Теофилъ Домбровскій—пос.
Юзефъ Залевскій—пос.
Мартынъ Ольгинскій—жит.

Янъ Крживицкій—жит.
Антонъ Олай—пос.
Анастасій Ягодовскій—пос.
150. Валентій Навроцкій—жит.
Викентій Серемента—пос.
Янъ Русецкій—пос.
Викентій Юркевичъ—пос.
Рафаилъ Томашевскій—пос.
Бонифацій Писанко—пос.
Юзефъ Щепанскій—пос.
Ѳома Смачинскій—жит.
158. Петръ Лукомскій—пос.

Примѣчаніе. Сокращенное кат. означаетъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, пос.—на поселеніе и на житье въ Сибири, жит.—на жительство въ Европейской Россіи.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА

ПО ПЕРЕПИСКѢ СЪ 14-ГО ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ПО 15-Е ІЮНЯ 1862 Г.

V [1]).

Изъ Варшавы въ Николаевъ.

12-го октября (1861 г.), 8 ч. 50 м. утра.

Къ депешѣ графа Ламберта № 270: не имѣю надежды, чтобы высочайшее предложеніе Віелопольскому оставаться на службѣ имѣло успѣхъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Николаева въ Варшаву.

12-го октября, 10 часовъ утра.

Объявите Віелопольскому, что я желаю, чтобы онъ оставался на службѣ, и что онъ этимъ докажетъ истинную свою преданность Отечеству и Мнѣ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Николаевъ.

12-го октября.

Вчера въ городѣ все было спокойно. Графъ Ламбертъ выѣхалъ въ 11 часовъ. Герштенцвейгъ въ томъ же положеніи. Жена его сего вечера пріѣзжаетъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

13-го октября.

По городу все спокойно; осмотрѣнныя мною войска, расположенныя на площадяхъ, примѣрно сбережены. Ген.-ад. Сухозанетъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, декабрь, стр. 553—584; изд. 1883 г., томъ XXXVII, февраль, стр. 323—350.

13-го октября.

Віелопольскій отвѣчалъ уклончиво, хочетъ съ курьеромъ писать къ Вашему Величеству; причина желанія удалиться есть убѣжденіе, что я съ усиленною строгостію буду исполнять военное положеніе, на которое онъ согласился въ надеждѣ смягченія графомъ Ламбертомъ, ибо объясненіе по сему имѣлъ съ нимъ Платоновъ. Мое убѣжденіе въ необходимости увольненія или по крайней мѣрѣ оставленія его при одной только юстиціи; въ просвѣщеніи и въ особенности въ духовной коммисіи, онъ положительно вреденъ. Мнѣніе сіе раздѣляютъ: графъ Ламбертъ и Платоновъ. Подробныя по сему донесенія съ курьеромъ къ пріѣзду Вашего Величества. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Николаева въ Варшаву.

13-го октября, 10 часовъ вечера.

Письмо графа Ламберта отъ 6-го (18-го) ч. получилъ. Радуюсь, что съ 11-го (23-го) все спокойно. О Віелопольскомъ рѣшу по полученіи слѣдующаго курьера. Ген.-ад. Лидерсъ надѣется быть въ Варшавѣ 23-го (4-го) ч. Александръ.

Изъ Варшавы въ Харьковъ.

15-го октября.

Въ городѣ все спокойно.

Арестованіе руководителей пропаганды дѣятельно производится. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Орелъ.

15-го октября.

По случаю назначенія мною члена совѣта Крузенштерна временно управляющимъ коммисіей внутреннихъ дѣлъ, испрашиваю высочайшаго разрѣшенія Вашего Величества присутствовать ему въ совѣтѣ управленія. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Тулу.

16-го октября.

Ген.-маіоръ Потаповъ выѣхалъ сегодня въ Петербургъ; прибудетъ 18-го числа утромъ; войска въ превосходномъ состояніи. Курьеръ прибылъ сюда въ полдень. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Серпуховъ.

17-го октября.

Въ городѣ все спокойно.

Маркизъ Віелопольскій сумазбродно продолжаетъ ослушаніе; затрудняюсь въ рѣшительныхъ противъ него мѣрахъ, но терпѣть его поступки опасно. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Варшавы въ Москву.

17-го октября.

Сейчасъ получена депеша графа Ламберта сего числа изъ Ротердама: «Santé même état. Embarque aujourd'hui pour Madère. Ecris hier».

Испрашиваю повелѣнія: какъ поступить съ письмомъ Вашего Величества графу Ламберту, полученнымъ съ вчерашнимъ курьеромъ изъ Ливадіи. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

18-го октября.

Письмо ваше отъ 14-го (26-го) получилъ. Прошу до пріѣзда ген.-ад. Лидерса продолжать дѣйствовать безъ всякаго послабленія.

Віелопольскому объявите приказаніе мое ѣхать немедленно въ Петербургъ, гдѣ я желаю лично выслушать его объясненія.

Здѣсь все спокойно. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

18-го октября.

Повелѣніе маркизу объявлю только завтра, по полученіи подтвержденія Вашего Величества, по выслушаніи личнаго доклада генерала Потапова, имѣющаго прибыть 19-го (31-го) утромъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

19-го октября.

Въ городѣ все спокойно.

Надѣюсь костелы будутъ къ завтрашнему дню открыты. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

19-го октября.

№ 22. Потаповъ прибылъ. Письмо ваше и его объясненія вполнѣ убѣдили меня, что Віелопольскій не можетъ быть долѣе терпимъ въ Варшавѣ и потому объявите ему мое приказаніе о немедленномъ отправленіи сюда. Если онъ осмѣлится ослушаться, то арестовать въ цитадель и донести. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

19-го октября.

№ 288. Маркизъ въ день отъѣзда Потапова, не смотря на мое предписаніе, не подчинилъ Дзенника цензурѣ Массона, опубликовалъ въономъ проектъ просвѣщенія, за что мною арестованъ главный редакторъ Совѣ-

щанскій, а ему далъ знать, что признавая его дѣйствія противными моимъ указаніямъ, я, удерживаясь въ мѣрахъ, отъ власти моей зависящихъ, довелъ о всемъ до свѣдѣнія Вашего Величества.

Онъ явно бравируетъ намѣстника. Я его ни разу не видѣлъ, онъ вездѣ бываетъ, гдѣ меня не встрѣтитъ; все сіе для выигранія популярности въ оппозиціонной правительству партіи, въ чемъ отчасти и успѣлъ; съ сохраніемъ его, положеніе намѣстника и всего русскаго элемента невозможно.

Въ случаѣ его отсутствія поручу временно коммисію духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія Губе; юстиціи—Дембовскому.

Непокойчицкій въ званіи генералъ-губернатора признаетъ себя самъ невозможнымъ, въ чемъ я согласенъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

20-го октября.

№ 291. Въ городѣ все спокойно.

Въ капитулѣ споры, распри, безначаліе. Закрытіе костеловъ правительству не опасно, народнаго сочувствія не имѣетъ и духовенство депопуляризируетъ. Никакой негоціаціи съ бунтующимися не допускаю. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

20-го октября, 2½ по пд.

Телеграмы ваши № 288 и 291 получилъ. Удивляюсь, что вы не отвѣчаете о немедленной высылкѣ сюда Віелопольскаго. Прошу руководствоваться смысломъ телеграма моего отъ вчерашняго утра № 22. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

20-го октября.

Депеша Вашего Величества № 22, поданная въ С.-Петербургѣ 19-го въ 1 часъ по полудни, передана мнѣ въ Варшавѣ только 20-го въ 5 часовъ утра. По истребованіи объясненія оказалось, что (передача) телеграфистами депешъ, по настоящей погодѣ, требуетъ весьма продолжительнаго времени; депеша моя № 288, поданная вчера въ 12 часовъ, (передавалась) ими 14 часовъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

20-го октября.

Предписалъ вступить во временное управленіе коммисіями: духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія сенатору Губе; юстиціи члену совѣта Дембовскому. Испрашиваю Высочайшаго разрѣшенія присутствовать имъ уже завтра въ Совѣтѣ управленія.

О времени отъѣзда маркиза еще положительнаго отвѣта не имѣю. Скорѣе допущу замедленіе, чѣмъ эскландру, могущую увеличить популярность. Ген.-ад. Сухозанетъ.

20-го октября.

Умоляю нѣсколько словъ участія Герштенцвейгу и милостиваго разрѣшенія по письму моему отъ 14-го. Онъ въ полной памяти, жаждетъ милостиваго отъ васъ слова. Ген.-ад. Сухозанетъ.

20-го октября.

Въ городѣ все спокойно. Тотлебенъ прибылъ въ Брестъ; 22-го октября съѣдемся въ Иванъ-городѣ и отправимся далѣе въ Замосць. Я выѣду завтра ночью; возвращусь 24-го поздно вечеромъ. Всѣ мѣры для спокойствія приняты. Віелопольскій только сію минуту донесъ, что онъ выѣдетъ не позже понедѣльника утромъ 23-го октября и ранѣе, если приготовленія къ пути прежде могутъ быть окончены, что я признаю справедливымъ, ибо у него не было ни дорожнаго экипажа, ни шубы. Завтра передъ отъѣздомъ отправлю фельдъегеря съ донесеніемъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

21-го октября.

Ген.-ад. Лидерсъ телеграфировалъ изъ Житоміра, что онъ пріѣзжаетъ въ Брестъ 22-го и будетъ въ Варшаву 23-го, вслѣдствіе чего я въ Замосць не поѣду и возвращусь изъ Ивангорода 23-го сюда. Ген.-ад. Сухозанетъ.

21-го октября.

Въ городѣ все спокойно и въ оба дни праздниковъ ни тѣни безпорядковъ не было. Уѣзжаю въ Ивангородъ и Люблинъ; возвращусь 23-го вечеромъ до пріѣзда ген.-ад. Лидерса, на встрѣчу коего отправляю нынѣ же въ Брестъ начальника штаба арміи. Фельдъегерь отправленъ къ Вашему Величеству сего вечера въ 7 часовъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

24-го октября.

Въ Варшавѣ и Люблинѣ спокойно; войска превосходны, я возвратился вчера въ полночь. Г.-а. Лидерсъ прибылъ въ 2 часа утра. Маркизъ уѣхалъ вчера утромъ. Герштенцвейгъ умираетъ. Ген.-ад. Сухозанетъ.

VI.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

24-го октября.

Прибылъ 24-го утромъ въ 2 часа. Съ вступленіемъ въ управленіе краемъ и арміею пріостановился до 27 октября (8 ноября). Необходимо предварительно ознакомиться съ лицами и положеніемъ дѣлъ. Испрашиваю дабы военный министръ по сдачѣ должностей присутствовалъ въ Совѣтѣ управленія до отъѣзда. Генер.-ад. Лидерсъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

24-го октября, ген.-ад. Сухозанету.

Письмо ваше отъ 21 (2) получилъ.

Открыты ли церкви? О Карницкомъ буду ожидать формальнаго представленія. О пособіи Дембовскому представить чрезъ Тымковскаго. Александръ.

24-го октября, ген.-ад. Лидерсу.

Радъ вашему прибытію. Дай Богъ въ добрый часъ. На присутствіе г.-а. Сухозанета въ Совѣтѣ управленія, до отъѣзда, согласенъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

25-го октября.

Костелы Прагскій и Повонзковскій закрыты не были; прочіе еще закрыты, ибо предложенія негоціацій отвергнуты. Закрытіе церквей не имѣетъ сочувствія въ народѣ, и дискредитивою духовенства полезно правительству. Вслѣдствіе предстоящаго уничтоженія выбора администратора Бялобржескаго ожидаю безусловнаго открытія церквей. Ген.-ад. Сухозанетъ.

25-го октября.

Въ городѣ все спокойно. Съ горестью доношу, что Герштенцвейгъ скончался вчера въ 2 часа по полудни; тѣло его повезутъ въ Петербургъ жена и сестра съ мужемъ. Курьеръ съ письмомъ В. В. отъ 21-го октября, прибылъ сію минуту. Ген.-ад. Сухозанетъ.

25-го октября.

Засѣданіе общаго собранія совѣта было отсрочено на 3 недѣли, завтра кончается срокъ, предполагается открыть для разсмотрѣнія сюжета проэктовъ Віелопольскаго и другихъ приготовленныхъ дѣлъ. Благоугодно ли на сіе соизволить?

Выраженія письма вашего: «теперь не время вводить какія либо преобразованія», побуждаютъ насъ изъ предосторожности просить разрѣшенія, хотя признаемъ полезнымъ собрать. Ген.-ад. Сухозанетъ.

25-го октября.

Председателемъ экстренной слѣдственной коммисіи въ цитадели былъ избранъ г.-м. Рожновъ, онъ сломалъ себѣ руку. На это мѣсто выборъ крайне труденъ; мы потребовали принятія этой должности отъ д. к. тайнаго совѣтника Казачковскаго, на что испрашиваемъ изъявленіе воли Вашей по телеграфу. Ген.-ад. Сухозанетъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

25-го октября, ген.-ад. Сухозанету.

На назначеніе Казачковскаго согласенъ. Требую, чтобы при открытіи общаго собранія совѣта никакія политическія сужденія не были допускаемы. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

26-го октября.

Въ городѣ все спокойно.

Неоштрафованіе по нынѣ Бялобржескаго имѣетъ основаніе; строгость и законность будутъ исполнены, хотя замедлилось нѣсколько дней. Ген.-ад. Сухозанетъ.

27-го октября.

По случаю отъѣзда вице-предсѣдателя государственнаго совѣта Царства, маркиза Віелопольскаго, и въ предупрежденіе могущихъ впредь случиться затрудненій, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія: дабы въ случаѣ препятствія намѣстнику присутствовать въ Совѣтѣ и отсутствія вице-предсѣдателя предсѣдательствовать въ государственномъ совѣтѣ старшему изъ членовъ совѣта управленія. Теперь старшій изъ членовъ тайный совѣтникъ Ленскій. Ген.-ад. Лидерсъ.

28-го октября.

Въ городѣ все благополучно; я вчера вступилъ въ управленіе краемъ и арміею. Ген.-ад. Лидерсъ.

29-го октября.

Въ городѣ все спокойно. Вчера осмотрѣны мною 12 баталіоновъ и 2 батареи варшавскаго гарнизона, найдены въ отличномъ состояніи. Курьеръ отправленъ къ Вашему Величеству въ 7 часовъ вечера. Ген.-ад. Лидерсъ.

29-го октября.

Прошлою ночью арестованы по участію въ закрытіи синагогъ: проповѣдники Крамштюкъ и Ястравъ; старшій раввинъ Мейзельсъ и предсѣдатель божничаго дозора Фейкингъ. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву. Ген.-ад. Лидерсу.

31-го октября.

Письмо ваше и ген.-ад. Сухозанета отъ 28 (9) ч. получилъ. Буду отвѣчать черезъ нѣсколько дней.

Тимашевъ рѣшительно отказался, выбора другаго еще не дѣлалъ. Со-

жалѣю весьма, что церкви еще не открыты. Требую, чтобы Бялобржескій былъ арестованъ и преданъ суду. Надѣюсь, что выборъ на его мѣсто будетъ сдѣланъ съ должною осторожностью. Віелопольскаго увижу послѣ завтра. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

30-го октября.

Въ городѣ все спокойно. Церкви заперты, кромѣ Прагской, гдѣ при богослуженіи вчера было до 5,000 народу. Пѣнія возмутительныхъ гимновъ не было. Въ лютеранской церкви при значительномъ стеченіи народа богослуженіе совершено также прилично. Ген.-ад. Лидерсъ.

31-го октября.

Въ городѣ все спокойно. Костелы продолжаютъ быть закрыты.

Осмотрѣнные мною вчера 6 баталіоновъ, полубатарея и гимнастическая команда въ отличномъ положеніи. Генералъ Сухозанетъ уѣхалъ въ Брестъ-Литовскъ для осмотра крѣпости. Ген.-ад. Лидерсъ.

1-го ноября.

Бялобржескій арестованъ прошлою ночью.

Въ городѣ все спокойно. Церкви еще не открыты. Вчера осмотрѣны мною: 3 баталіона, 7 эскадроновъ, 12 сотенъ и 6 орудій; войска превосходны. Открытіе засѣданій общаго собранія совѣта произошло вчера чтеніемъ проекта преобразованія народнаго просвѣщенія. Ген.-ад. Лидерсъ.

2-го ноября.

Въ городѣ все спокойно; осмотрѣнная мною вчера остальная часть войскъ Варшавскаго гарнизона въ отличномъ состояніи.

Военный министръ выѣзжаетъ сегодня въ 8 часовъ утра. Ген.-ад. Лидерсъ.

6-го ноября.

Спокойствіе въ городѣ продолжается. Вчера осмотрѣны мною въ Александровской цитадели: военный госпиталь и помѣщеніе политическихъ арестантовъ; госпиталь въ порядкѣ; помѣщеніе арестантовъ удобно, насколько это позволяютъ обстоятельства. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

7-го ноября.

Вчера утромъ прибылъ ген.-ад. Сухозанетъ, а вечеромъ получилъ письмо ваше отъ 3 (15) ч.

На окончательное назначеніе Крыжановскаго и Крузенштерна согласенъ, а прочихъ напишу съ курьеромъ. Александръ.

Изъ Варшавы въ Царское Село.

7-го ноября.

Въ 12 часовъ ночи умеръ суфраганъ здѣшней діоцезіи—Декеръ.

Приняты мѣры, чтобы, при погребеніи его въ пятницу 10-го числа, было только духовенство и присутствующіе по билетамъ. Ген.-ад. Лидерсъ.

11-го ноября.

Въ городѣ все благополучно. Выносъ тѣла суфрагана Декерта въ Повонзковскій костелъ произведенъ въ совершенномъ порядкѣ, при стеченіи болѣе 2,000 народа. Ген.-ад. Лидерсъ.

17-го ноября.

Въ городѣ все благополучно.

Не замѣтны приготовленія къ празднованію годовщины Польскаго возстанія 1830 года. Ген.-ад. Лидерсъ.

18-го ноября.

Вчерашній день прошелъ совершенно спокойно, никакихъ попытокъ праздновать его не было. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

3-го декабря.

Когда Платоновъ можетъ выѣхать со всѣми разсмотрѣнными пректами? Оригинальный проектъ Віелопольскаго объ очиншеваніи доставить тоже сюда. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

3-го декабря.

Проектъ объ устройствѣ учебныхъ заведеній уже отправленъ, а проектъ о евреяхъ и оригинальный проектъ Віелопольскаго объ очиншеваніи будутъ отосланы съ первымъ курьеромъ.

Всеподданнѣйше прошу оставить здѣсь Платонова, для разсмотрѣнія въ Совѣтѣ управленія замѣчаній коммисіи внутреннихъ дѣлъ, по проекту очиншеванія, которыя будутъ представлены на сихъ дняхъ. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

4-го декабря.

Я вамъ уже писалъ, что ожидаю Платонова, когда всѣ проекты будутъ у васъ разсмотрѣны. Александръ.

5-го декабря.

Телеграфируйте, чѣмъ вы рѣшили дѣло Бялобржескаго? Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

5-го декабря.

Дѣло Бялобржескаго будетъ рѣшено окончательно 7-го декабря. По суду онъ приговоренъ къ смертной казни, которую предполагаю, во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ и болѣзненному положенію, замѣнить лишеніемъ сана и всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ Сибирь на поселеніе. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

6-го декабря.

Благодарю за поздравленіе.

Конфирмацію о Бялобржескомъ не приводить въ исполненіе, а дѣло прислать сюда. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

7-го декабря.

Обѣдню и молебствіе служили вчера во вновь отдѣланномъ соборѣ.

Безъ предваренія отъ полиціи большая половина города была иллюминована самими жителями.

Въ городѣ все спокойно. Ген.-ад. Лидерсъ.

7-го декабря.

Курьеръ отправляется къ вашему величеству въ 5 часовъ, съ нимъ посылается дѣло Бялобржескаго. Ген.-ад. Лидерсъ.

12-го декабря.

Не благоугодно ли вашему величеству пожаловать изъ вашей суммы къ празднику, для раздачи бѣднымъ, 20,000 руб. въ замѣнъ того, чего бѣдные лишились отъ непосѣщенія Вашего въ нынѣшнемъ году Варшавы. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

12-го декабря.

На выдачу 20,000 р. бѣднымъ изъ моихъ суммъ согласенъ. Александръ.

17-го декабря.

Курьеръ вашъ прибылъ вчера вечеромъ. Буду отвѣчать чрезъ нѣсколько дней. Платонову прибыть сюда немедленно по разсмотрѣніи проекта очинисванія въ Совѣтѣ управленія. Александръ.

23-го декабря 1861 г.

Учебныя заведенія разрѣшаю открыть на основаніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ вашей.

Когда Платоновъ выѣдетъ изъ Варшавы?

Курьера отправлю завтра. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

24-го декабря 1861 г.

Въ городѣ все спокойно.

Платоновъ прибудетъ въ Петербургъ 6-го января. Ген.-ад. Лидерсъ.

5-го января 1862 года.

По встрѣтившимся занятіямъ Платоновъ не можетъ выѣхать ранѣе 7-го числа, и предполагаетъ быть въ Петербургѣ 10-го. Ген.-ад. Лидерсъ.

14-го января (1862 г.).

Иностранныя газеты утверждаютъ, что въ напечатанной нами сентенціи Бялобржескаго показанія его и обращеніе къ милосердію Вашего Величества вымышлены. Испрашиваю разрѣшенія Вашего: напечатать въ здѣшнихъ газетахъ подробно подлинныя его показанія, изъ военно-суднаго дѣла. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

14-го января 1862 г.

Подлинныя показанія Бялобржескаго напечатать можно. Фелинскаго принималъ вчера и далъ ему личныя наставленія. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

1-го февраля.

Въ 9 часовъ церкви: кафедральная, св. Яна и бернардиновъ открыты по окропленіи св. водою. Священнодѣйствовали: у св. Яна архіепископъ Фелинскій; у бернардиновъ — епископъ Платеръ. По окончаніи служенія архіепископъ сказалъ поученіе въ смыслѣ наставленія, даннаго Вашимъ Величествомъ.

Все произошло чинно и спокойно, при многочисленномъ собраніи народа. Ген.-ад. Лидерсъ.

5-го февраля.

Въ городѣ все спокойно; вчера богослуженіе производилось во всѣхъ костелахъ при многочисленномъ стеченіи народа. Ген.-ад. Лидерсъ.

7-го февраля 1862 г.

Въ городѣ все спокойно.

Вчера отправленъ курьеръ къ Вашему Величеству—адъютантъ мой, поручикъ Мухановъ. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

10-го февраля 1862 г.

На назначеніе Кретковскаго согласенъ. Кн. Горчаковъ сообщаетъ Фелинскому мою волю на счетъ публикаціи его посланія въ томъ видѣ, какъ оно было окончательно мнѣ представлено. Курьера отправлю дня черезъ три. Александръ.

13-го февраля.

Отвѣтъ на письмо отъ 6 (18) числа отложилъ до пріѣзда слѣдующаго курьера. Мѣры снисхожденія, вами принятыя, одобряю. Желаю знать какимъ образомъ пастырское посланіе Фелинскаго, не публикованное въ Варшавѣ, могло появиться въ заграничныхъ газетахъ? Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

13-го февраля.

Пастырское посланіе Фелинскаго передано за границу вѣроятно изъ Петербурга. Здѣсь, сколько мнѣ извѣстно, никто кромѣ Фелинскаго его не имѣлъ. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

16-го февраля.

Курьеръ вашъ прибылъ вчера.

До полученія моего отвѣта никакой публикаціи отъ имени Фелинскаго не дѣлать. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

24-го февраля.

Имѣю счастіе испрашивать разрѣшенія завтра простить и облегчить наказанія нѣкоторымъ по суду наказаннымъ, не исключая и отправленныхъ въ имперію. Списки будутъ представлены. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

24-го февраля.

Разрѣшаю вамъ дѣйствовать въ смыслѣ вашего телеграмма. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

26-го февраля 1862 г.

Въ городѣ все спокойно. Вчера по окончаніи богослуженія въ костелахъ, было мною принимаемо поздравленіе по случаю празднованія дня возшествія на престолъ Вашего Императорскаго Величества отъ начальствующихъ лицъ войскъ и всѣхъ вообще управленій, находящихся въ Варшавѣ. Собраніе было весьма многочисленно, причемъ приносили поздравленія и главныя лица католическаго духовенства. Потомъ, по совершеніи молебствія

въ соборѣ, былъ произведенъ парадъ сводному баталіону отъ войскъ, расположенныхъ въ Варшавѣ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; въ театрѣ было безплатное представленіе, на которое собралась многочисленная публика, преимущественно средняго и низшаго классовъ. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

27 го февраля.

№ 5. Курьеръ вашъ прибылъ вчера вечеромъ.

Мысли, изложенныя въ письмѣ вашемъ, совершенно одобряю. Сообщите кого полагаете назначить членами предполагаемаго комитета. Объ учрежденіи при васъ гражданскаго управленія работа здѣсь изготовляется и будетъ вамъ сообщена. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

5-го марта.

Донесеніе по предмету телеграма Вашего Величества 27-го февраля № 5 будетъ представлено съ курьеромъ, отправляемымъ 7 (19) марта, съ тѣмъ, чтобы онъ прибылъ до отъѣзда Платонова, которому Ваше Величество быть можетъ пожелаете передать Вашу волю. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву.

10-го марта.

Курьера отправилъ къ вамъ четвергъ.

Віелопольскій, по его собственному желанію и съ моего разрѣшенія, возвращается въ Варшаву, для участвованія въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, послѣ чего онъ долженъ вновь явиться сюда. Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

30-го марта.

Вчера въ костелѣ св. Яна молодежь шумно выходила изъ церкви въ минуту, когда Фелинскій началъ проповѣдь, толкала и громко уговаривала другихъ выходить.

Намѣреніе сдѣлать демонстрацію было заранѣе извѣстно, полиція была готова, и 14 зачинщиковъ арестованы. Ген.-ад. Лидерсъ.

14-го апрѣля.

Въ городѣ совершенно спокойно.

Вчера назначены были церковныя процессіи по городу, но не состоялись вслѣдствіе сдѣланнаго распоряженія. Ген.-лейт. Крыжановскій.

21-го апрѣля.

Съ 19 апрѣля (1 сего мая) начались въ церквахъ майскія молитвы. Вчера поздно вечеромъ въ одномъ костелѣ священникъ запѣлъ обычную молитву на голосъ запрещеннаго гимна; въ другомъ одна женщина запѣла

запрещенный гимнъ, но ксендзъ остановилъ; въ третьемъ публика пропѣла одну строфу. Въ послѣднемъ одинъ студентъ арестованъ. Ксендза перваго костела я приказалъ арестовать до прибытія Фелинскаго. Ген.-лейт. Крыжановскій.

22-го апрѣля.

Вчера утромъ ученики гимназіи и женщины пропѣли запрещенный гимнъ въ церкви св. Креста; по выходѣ изъ церкви арестовано пятеро молодыхъ людей и двѣ женщины. Толпа хотѣла отбить арестантовъ, но не успѣла въ томъ. Никакой драки впрочемъ не было. Въ 10 часовъ ученики реальной и губернской гимназій, стоя за рѣшеткой заведеній, бранили полицію и войско и бросали камни. Вечеромъ собирались вновь большою массою у церкви Св. Креста и въ ботаническомъ саду, но присутствіе полиціи и сильныхъ патрулей остановило всякаго рода безпорядки. Ген.-лейт. Крыжановскій.

Военному министру.

24-го апрѣля 1862 г.

Подпоручики Арнгольдъ и Сливицкій, 4-го стрѣлковаго баталіона, арестованы мною въ 10-мъ павильонѣ, за подученіе солдатъ къ бунту. За то же поручикъ Непенинъ и подпоручикъ Плѣшковъ посажены на гаубтвахту; то же нѣсколько солдатъ.

Сегодня хоронятъ графиню Валевскую, кавалерственную даму.

Въ 4-мъ баталіонѣ я наряжу особую коммисію. Это плоды воззваній. Его Величеству не доношу.

4-го Стрѣлковаго баталіона.

1) Штабсъ-капитанъ Непенинъ. Псковской губерніи, православнаго исповѣданія, произведенъ въ офицеры, по выпускѣ изъ Павловскаго кадетскаго корпуса, 6 іюня 1857 года.

2) Поручикъ Арнгольдъ. С.-Петербургской губерніи, православнаго исповѣданія. Произведенъ въ офицеры, по выпускѣ изъ Павловскаго кадетскаго корпуса, 16-го іюня 1859 года.

3) Подпоручикъ Сливицкій 2. Харьковской губерніи, православнаго исповѣданія. Произведенъ, по выпускѣ изъ Павловскаго кадетскаго корпуса, 16-го іюня 1859 года.

4) Подпоручикъ Плѣшковъ. Черниговской губерніи, православнаго исповѣданія. Произведенъ въ офицеры, по выпускѣ изъ Павловскаго кадетскаго корпуса, 6-го іюня 1857 года.

Отъ военнаго министра изъ Спб.—начальнику главнаго штаба въ Варшаву.

«По высочайшему повелѣнію. Виновныхъ офицеровъ судить по полевому уголовному уложенію и приговоры приводить немедля въ исполненіе, по всей строгости законовъ».

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

26-го апрѣля.

Вчера поздно вечеромъ въ костелѣ кармелитовъ женщины однѣ запѣли запрещенныя строфы; три изъ нихъ арестованы. Впрочемъ въ городѣ спокойно. Ген.-лейт. Крыжановскій.

27-го апрѣля.

Вчера по случаю дня св. Станислава массы народа въ церквахъ и на улицахъ; были сильные патрули по всему городу и спокойствіе ничѣмъ не нарушено. Ген.-лейт. Крыжановскій.

3-го мая.

Въ городѣ все спокойно. Курьеръ къ Вашему Величеству отправленъ въ 5 часовъ утра. Ген.-ад. Лидерсъ.

4-го мая.

Вчера вечеромъ въ костелѣ кармелитовъ пѣли на голосъ запрещеннаго гимна церковную пѣснь съ прибавленіями. Арестовано 8 женщинъ и 2 мужчинъ.

Впрочемъ въ городѣ спокойно. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

11-го мая.

Дѣйствія ваши относительно Фелинскаго и духовенства одобряю. Александръ.

16-го мая.

Отправляю къ вамъ послѣ завтра утромъ ген.-ад. гр. Адлерберга 2 го съ письмомъ и особымъ словеснымъ порученіемъ. Александръ.

17-го мая.

Чѣмъ кончилось слѣдствіе надъ арестованными офицерами 4-го стрѣлковаго баталіона? Александръ.

Изъ Варшавы въ Петербургъ.

20 го мая.

Приношу Вашимъ Величествамъ поздравленіе со днемъ тезоименитства Великаго Князя Алексѣя Александровича. Ген.-ад. Лидерсъ.

Изъ Ц. Села ген.-ад. гр. Адлербергу 2-му въ Варшаву.

21-го мая.

Свѣдѣнія, тобою сообщенныя, меня очень обрадовали. Искренно благодарю ген.-ад. Лидерса за всегдашнее его усердіе и готовность исполнять мою волю. Александръ.

Ген.-ад. Лидерсу, въ Варшаву.

25-го мая.

Искренно благодарю васъ за письмо, привезенное ген.-ад. гр. Адлербергомъ. Назначенія Великаго Князя Константина Николаевича и маркиза Віелопольскаго послѣдуютъ безотлагательно. О времени отъѣзда будетъ также рѣшено въ самомъ непродолжительномъ времени.

На просьбу тайнаго совѣтника Крузенштерна объ увольненіи его отъ должности главнаго директора коммисіи внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, я согласенъ. Александръ.

Ген.-ад. графу Лидерсу въ Варшаву.

27-го мая.

Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ назначенъ сегодня намѣстникомъ моимъ въ Царствѣ, а маркизъ Віелопольскій начальникомъ гражданскаго управленія. Впредь до прибытія Его Высочества въ Варшаву, всѣ возложенныя на васъ обязанности исправлять вамъ по прежнему. Въ ознаменованіе особой моей признательности за услуги, оказанныя вами по управленію, какъ Царствомъ, такъ и 1-ю арміею, возвожу васъ въ графское достоинство.

Великій князь прежде 6 недѣль въ Варшаву прибыть не можетъ. Віелопольскій отправляется въ будущую среду. Предположенія ваши объ упраздненіи званія варшавскаго военнаго генералъ-губернатора въ главныхъ основаніяхъ одобряю. Буду ожидать окончательнаго представленія, съ указаніемъ лицъ, которымъ вы полагали бы поручить разныя должности. Александръ.

4-го іюня.

Курьеръ вашъ прибылъ.

На присылку Крыжановскаго съ опытными чиновниками согласенъ. Надѣюсь, что скрывшіеся 2 офицера 6-го стрѣлковаго баталіона будутъ отысканы и немедленно преданы суду.

Когда кончится дѣло офицеровъ 4-го стрѣлковаго баталіона? Александръ.

Ген.-ад. Мерхилевичу въ Варшаву.

15 го іюня.

Донести немедленно что случилось съ графомъ Лидерсомъ и что дѣлается въ городѣ и въ Царствѣ? Александръ.

Ген.-ад. графу Лидерсу въ Варшаву.

16-го іюня.

Крайне огорченъ вашею раною. Дай Богъ вамъ скорѣе поправиться. Извѣщайте ежедневно о вашемъ здоровьѣ. Пойманъ-ли злодѣй и кто такой? Крыжановскаго отправлю въ воскресенье, для вступленія въ командованіе арміею, впредь до пріѣзда брата, который выѣдетъ во вторникъ. Генералъ-адъютанту Рамзаю приказано немедленно явиться въ Варшаву. Александръ.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

1787—1855.

Письмо Помпея Николаевича Батюшкова къ редактору журнала «Русская Старина».

Спб. 22-го января 1883 г.

«Милостивый государь Михаилъ Ивановичъ! Сочиненія покойнаго брата моего, Константина Николаевича Батюшкова, давно сдѣлались библіографическою рѣдкостію. Простая перепечатка произведеній писателя, который, вмѣстѣ съ своимъ временемъ, принадлежитъ исторіи литературы, не удовлетворила бы требованіямъ современныхъ читателей. Давно тяготѣла на мнѣ забота приступить къ такому изданію его твореній, которое соотвѣтствовало бы этимъ требованіямъ. Только въ концѣ прошлаго года, къ счастію моему, удалось мнѣ, въ средѣ нашихъ спеціалистовъ, найти лицъ, которыя съ просвѣщеннымъ сочувствіемъ отнеслись къ моей мысли. Сами вы, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, порадовали меня разрѣшеніемъ воспользоваться матеріалами, которые войдутъ и вошли въ ваше почтенное изданіе, о моемъ братѣ. Кромѣ того, кн. П. П. Вяземскій, гр. А. С. Уваровъ, А. Ѳ. Бычковъ, Л. Н. Майковъ и нѣкоторые другіе знатоки и почитатели литературы, съ самою предупредительною готовностію, предложили мнѣ раскрыть ихъ портфели и печатно воспользоваться всѣмъ, что сколько нибудь касается памяти о моемъ братѣ. Сынъ знаменитаго поэта нашего В. А. Жуковскаго, Павелъ Васильевичъ, обѣщалъ мнѣ всю переписку отца его съ моимъ братомъ, а Н. И. Стояновскій—переписку моего брата съ Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ. За возможность получить подробныя свѣдѣнія о братѣ во время его службы при бывшей Неаполитанской миссіи и скорбныхъ дней его пребыванія въ Крыму,—гдѣ, въ цвѣтѣ

лѣтъ, застигъ его страшный недугъ, положившій предѣлъ его творчеству,—обязанъ я глубочайшею признательностію просвѣщенному содѣйствію г. товарища министра иностранныхъ дѣлъ, А. Г. Влангали, и гг. директорамъ архивовъ, бар. Ѳ. А. Бюлеру и бар. Д. Ѳ. Стюарту.

«Такія счастливыя для предпринимаемаго изданія условія не снимаютъ съ меня обязанности сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы, въ помощь ученымъ редактору и біографу, собрать, по возможности, всѣ свѣдѣнія, которыя, гдѣ либо и у кого либо, сохранились о моемъ братѣ,—въ автографахъ, спискахъ, замѣткахъ о немъ,—у библіографовъ и любителей просвѣщенія, которымъ мой братъ былъ лично, или библіографически извѣстенъ.

«Съ этою цѣлію покорнѣйше прошу васъ дозволить мнѣ, чрезъ посредство вашего столь заслуженнаго историческаго изданія, обратиться къ любителямъ родного слова, литературнымъ обществамъ и ученымъ, съ просьбою сообщить мнѣ, въ подлинникахъ или копіяхъ, все, что, прямо или косвенно, можетъ имѣть отношеніе къ моему предпріятію.

«Всякую присылку по изданію имѣю честь покорнѣйше просить адресовать на имя мое: Петербургъ, Гагаринская набережная, 4.

«Въ увѣренности, что, со стороны лица, столь блистательно радѣющаго собиранію, сохраненію и разработкѣ памятниковъ старины нашей великой родины не послѣдуетъ отказа въ опубликованія моей усердной просьбы, съ отличнымъ уваженіемъ и проч. Помпей Батюшковъ».

Отъ Ред. «Русской Старины». Глубоко сочувствуя прекрасной мысли Помпея Николаевича Батюшкова, относительно изданія сочиненій его незабвеннаго брата, одного изъ замѣчательнѣйшихъ отечественныхъ писателей XIX-го столѣтія, и вполнѣ будучи увѣрены, что П. Н. Батюшковъ употребитъ всѣ усилія, дабы это изданіе было вполнѣ достойно памяти Константина Николаевича, какъ по внутреннему расположенію сочиненій, также біографіи автора и библіографич. примѣчаніямъ, такъ и по внѣшней роскоши тисненія, ред. «Русской Старины» съ своей стороны готовъ посильно служить въ интересахъ задуманнаго П. Н. Батюшковымъ литературнаго предпріятія.

Въ этихъ видахъ мы обращаемся къ архиву матеріаловъ «Русской Старины», еще не изданныхъ на ея страницахъ, и извлекаемъ оттуда обширное собраніе писемъ Константина Николаевича Батюшкова къ знаменитому переводчику Илліады, другу его—Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

Это собраніе писемъ пріобрѣтено нами еще въ первый годъ основанія «Русской Старины», въ 1870 г., и объемлетъ значительный и при томъ самый блестящій періодъ въ жизни поэта, именно съ 1807-го по 1821-й годъ.

Изъ этого періода письма только за 1807 — 1809 гг. и часть 1810 г. помѣщены нами въ «Русской Старинѣ» (изд. 1870—1874 гг.).

Нынѣ, желая доставить возможность достопочтенному издателю сочиненій Константина Батюшкова воспользоваться для біографіи поэта намъ принадлежащимъ матеріаломъ, мы возобновляемъ печатаніе помянутой серіи его писемъ,—но такъ какъ перерывъ продлился болѣе восьми лѣтъ, то считаемъ полезнымъ возобновить въ памяти, какъ главнѣйшія черты изъ жизни К. Н. Батюшкова, такъ и сообщить нѣсколько замѣтокъ о напечатанныхъ нами письмахъ его къ Гнѣдичу. Ред.

7-го іюля 1855 года, въ Вологдѣ, тихо угасла жизнь одного изъ замѣчательныхъ поэтовъ эпохи императора Александра I; угасла — черезъ тридцать два года послѣ того, какъ въ несчастномъ страдальцѣ померкъ божественный свѣточъ разсудка.

Этотъ поэтъ-страдалецъ былъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.

Смерть его, давно забытаго еще при жизни, тѣмъ менѣе могла обратить на себя вниманія русскаго общества, что послѣдовала въ тяжелые, скорбные дни, которые переживала Россія, прислушиваясь къ грохоту пушекъ подъ колебавшимися уже стѣнами Севастополя. Кому было тогда вспомнить о бывшемъ ратникѣ временъ нашей первой войны съ Наполеономъ Первымъ; о поэтѣ, воспѣвавшемъ красоты Финляндіи, оплакивавшемъ развалины Москвы; о добромъ, благородномъ другѣ Жуковскаго, Гнѣдича, А. И. Тургенева.

Послѣ севастопольскаго разгрома, для Россіи началась новая жизнь, обильная преобразованіями, ознаменованная появленіемъ новыхъ, свѣжихъ силъ и на поприщахъ дѣятельности административной, и въ литературѣ. Подъ обаяніемъ новыхъ, отрадныхъ впечатлѣній настоящаго и свѣтлыхъ надеждъ на будущее, мы вспоминали о прошедшемъ и его дѣятеляхъ только для невыгоднаго для нихъ сравненія съ новыми людьми, которыхъ вѣнчали лаврами, сорванными съ ихъ предшественниковъ. Имя Батюшкова въ исторіи русской литературы отодвинулось наконецъ на далекій планъ, почти на ряду съ именами Мерзлякова, Каменева, Теплякова и друг.

Но, отдавая съ своей стороны должную справедливость заслугамъ Батюшкова родному слову, „Русская Старина“ съ перваго же года своего изданія приступила къ печатанію собранія его писемъ къ Н. И. Гнѣдичу, сообщеннаго редакціи уважаемымъ Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ.

Эти письма, помимо ихъ важнаго автобіографическаго значенія, имѣютъ еще то неоспоримое достоинство, что Батюшковъ писалъ ихъ къ человѣку не дюжинному, не къ малоизвѣстному товарищу дѣтства, а къ честному жрецу науки и искуства, свѣтилу той плеяды, въ которой ярко блистали Карамзинъ, Жуковскій и другіе предшественники Пушкина, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Батюшковъ.

Изъ этихъ писемъ до нынѣ напечатанныя въ „Русской Старинѣ" (см. изд. 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 559—564; 1871 г., томъ III, стр. 208—236, 394; 1874 г, томъ X, стр. 383—398) занимаютъ періодъ двухъ съ половиною лѣтъ, съ 1807 до половины 1810 года. Изящная легкость слога, масса остроумія, блестки поэзіи и, мѣстами, учености, чуждой педантизма--вотъ тѣ достоинства писемъ Батюшкова, которыя, конечно, были поняты и оцѣнены читателями. Но письма Батюшкова, напечатанныя въ нашемъ изданіи, составляютъ лишь четверть всего собранія его переписки, въ нашемъ распоряженіи находящейся. Остальную, наибольшую часть этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ для исторіи отечественной словесности, подобно множеству другихъ матеріаловъ, мы хранили до селѣ, откладывая ихъ напечатаніе въ виду наплыва значительнаго числа статей и разнообразныхъ данныхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе, всегда конечно только какъ историческій матеріалъ, къ переживаемымъ или недавно еще пережитымъ событіямъ.

Приступаемъ къ продолженію печатанія помянутыхъ писемъ поэта въ виду предпринимаемаго его братомъ, Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ, монументальнаго изданія полнаго собранія его сочиненій.. Письма поэта Батюшкова къ Гнѣдичу послужатъ весьма важнымъ матеріаломъ, настолько важнымъ, что безъ нихъ и трудъ біографа не можетъ быть законченъ.

Помпей Николаевичъ, младшій братъ поэта, отъ втораго брака ихъ отца, извѣстенъ какъ дѣятельный защитникъ русскихъ народныхъ началъ въ Западной Россіи и какъ издатель уцѣлѣвшихъ въ немъ памятниковъ русской старины; между возрастомъ обоихъ братьевъ громадная разность—на тридцать лѣтъ; сестра его—Юлія Николаевна († 1869 г.) въ супружествѣ была за скончавшимся въ прошедшемъ, 1882 году, генералъ-адъютантомъ Николаемъ Васильевичемъ Зиновьевымъ (род. въ 1801 г.), который былъ воспитателемъ въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича съ шестилѣтняго его возраста до совершеннолѣтія.

Приводимъ главнѣйшія данныя изъ жизни К. Н. Батюшкова.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ Вологдѣ 18 мая 1787 года. Считаемъ необходимымъ помѣтить важный физіологическій фактъ. Первая супруга отца его, вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей, была удалена отъ дѣтей, и младшій сынъ почти не зналъ ея; младшая передъ нимъ дочь — Александра Николаевна, точно также умерла въ умопомѣшательствѣ. Очевидно, что страшный недугъ, которымъ страдалъ Батюш-

ковъ въ теченіе послѣднихъ тридцати двухъ лѣтъ мученической своей жизни, былъ недугомъ наслѣдственнымъ. Могъ ли кто изъ друзей и почитателей поэта, наслаждавшихся его произведеніями, подозрѣвать, что этому свѣтлому разуму и нѣжнѣйшимъ чувствамъ—суждено померкнуть безвозвратно и что злая судьба готовитъ поэту въ близкомъ будущемъ существованіе автоматическое, безсмысленное, въ тягость и ему самому, и окружающимъ! Однакоже въ самомъ будущемъ страдальцѣ смутное опасеніе лишиться разсудка проявлялось и въ самую свѣтлую эпоху его поэтической дѣятельности; онъ высказывалъ его даже въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ. „Если я проживу еще десять лѣтъ, то сойду съ ума", писалъ онъ еще въ 1809 году Гнѣдичу [1]), почти безошибочно назначая срокъ своего помѣшательства. Въ письмѣ къ нему же изъ Москвы (1810), относясь къ себѣ совершенно объективно, какъ врачъ къ паціенту, онъ писалъ: „я живу въ Москвѣ, живу... нѣтъ; дышу... нѣтъ—веществую, т. е. ни то, ни се, умираю отъ скуки! Занимайся... легко сказать! Дѣло дѣлай... да какое? Словомъ, если это состояніе продолжится, то я сойду съ ума" [2]). Кромѣ того, во многихъ письмахъ встрѣчаются не совсѣмъ понятныя, отрывистыя фразы; мѣстами попадаются описанія истинно болѣзненныхъ припадковъ безотчетной тоски и апатіи, съ которыми борется здравомысліе и высокое дарованіе поэта.

Батюшковъ по своему образованію, по развитости эстетическаго чувства, не смотря на свою молодость, могъ смѣло стать на ряду съ Жуковскимъ, своимъ учителемъ. Зная итальянскій языкъ въ томъ совершенствѣ, въ какомъ Жуковскій зналъ нѣмецкій, онъ не безуспѣшно старался пересадить на почву родной поэзіи роскошные цвѣты родины Тасса, котораго онъ такъ прекрасно воспѣлъ, съ участью котораго у него было что-то общее. Пылкая его душа съ живостью воспринимая впечатлѣнія, находила вдохновеніе тамъ, гдѣ уроженецъ юга видѣлъ бы смерть и разрушеніе. „Описаніе Финляндіи"—картина, поэтическія красоты которой, равно и живыя краски донынѣ не утратили ни блеска, ни свѣжести. Непреодолимая сила влекла поэта на югъ, въ Италію... и онъ ее увидѣлъ, но уже тогда, когда его покинуло вдохновеніе.

Въ виду несомнѣнно полной біографіи Батюшкова, мы ограничимся только напоминаніемъ читателю о его общественной и литературной дѣятельности.

Получивъ воспитаніе въ двухъ лучшихъ пансіонахъ Петербурга—Жакино и Триполи, Батюшковъ, за отсутствіемъ своего отца, проживавшаго въ Вологдѣ, находился подъ бдительнымъ надзоромъ своего дяди, Михаила Никитича Муравьева, который, состоя кавалеромъ при императорѣ Александрѣ I, былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ московскаго университета. Карамзинъ сказалъ о Михаилѣ Никитичѣ: „страсть его къ ученію равнялась въ немъ со страстью къ добродѣтели". Му-

[1]) «Русская Старина» изд. 1871 г., томъ III, стр. 224.

[2]) То-же, изд. 1874, томъ X, стр. 395—396.

равьевъ былъ истиннымъ воспитателемъ Батюшкова, въ которомъ онъ развилъ умъ, сердце и поэтическое дарованіе. Первые его опыты относятся къ 1805 году („Элегія" изъ Парни, „Сѣверный Вѣстникъ", мартъ, часть V(№ 3).

Начавъ службу по гражданскому вѣдомству, юный поэтъ въ 1806 году поступилъ въ милицію; участвовалъ въ походахъ въ Германію: 29 мая 1807 года подъ Гейльсбергомъ былъ раненъ въ ногу пулею на вылетъ. Эта рана, по отзыву докторовъ, гибельно подѣйствовавъ на физическое развитіе юноши, имѣла вліяніе и на его психическое разстройство (они не приняли въ соображеніе наслѣдственности). Въ этомъ же роковомъ 1807 году Батюшковъ лишился М. Н. Муравьева (29 іюля) и своей матери. Эти тяжкія утраты способствовали дружбѣ и сердечному сближенію Батюшкова съ талантливымъ, прекрасно образованнымъ, благороднѣйшимъ Петинымъ, черезъ шесть лѣтъ павшимъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ. Память объ этомъ другѣ пережила разсудокъ въ Батюшковѣ: въ послѣдніе годы жизни, въ Вологдѣ, онъ часто рисовалъ видъ его могилы, въ мѣстечкѣ Ротъ, близъ Лейпцига. Въ томъ же 1807 году Батюшковъ подружился съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Вьельгорскимъ.

По выздоровленіи, въ 1808 году, Батюшковъ былъ переведенъ въ гвардейскій егерскій полкъ и съ нимъ участвовалъ въ Финляндской кампаніи 1808—1809 гг. Затѣмъ, по выходѣ въ отставку, онъ посвятилъ себя исключительно поэзіи и къ этому времени относится начало его тѣсной пріязни съ Жуковскимъ, Д. В. Дашковымъ и княземъ П. А. Вяземскимъ; его ласкаютъ и поощряютъ Карамзинъ и И. И. Дмитріевъ. Весною 1810 года онъ поступилъ библіотекаремъ въ императорскую публичную библіотеку, что особенно сблизило его съ А. Н. Оленинымъ. Въ исходѣ 1812 года онъ снова поступилъ въ военную службу, въ чинѣ штабсъ-капитана, въ Рыльскій пѣхотный полкъ; въ 1813 г. участвовалъ въ битвахъ подъ Кульмомъ (14 августа) и подъ Лейпцигомъ (5 октября), гдѣ палъ его другъ Петинъ! Надобно читать письма Батюшкова къ друзьямъ, писанныя слезами, чтобы имѣть понятіе о томъ, что̀ онъ перенесъ и выстрадалъ. Затѣмъ въ 1814 году онъ видѣлъ Парижъ, павшій къ ногамъ Александра I, посѣтилъ Англію, Швецію, откуда съ семействомъ графа Д. Н. Блудова возвратился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ іюля. Въ 1816 году, оставивъ окончательно военную службу, онъ, до 1818 года, занимался исключительно поэзіею; въ 1818, причисленный въ чинѣ надворнаго совѣтника къ нашему посольству, онъ, по 1822 годъ, проживалъ въ Неаполѣ и Римѣ. Но эта жизнь была рядомъ непрерывныхъ страданій, разрѣшившихся помѣшательствомъ. Въ 1820 году Батюшковъ окончилъ свое литературное поприще; въ 1823 — угасла его умственная дѣятельность; въ 1855 — и самая жизнь.

Да обновится-же и воскреснетъ память поэта и человѣка-страдальца, нынѣ и въ отдаленномъ потомствѣ, въ наивозможно лучшемъ, вполнѣ достойномъ его таланта и значенія, изданіи его безцѣнныхъ для русской словесности произведеній.

Ред.

К. Н. БАТЮШКОВЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НИК. ИВ. ГНѢДИЧУ

1810 — 1821.

1810 годъ.

XXXII [1]).

30-го сентября 1810 г. Въ Череповецъ адресуй [2]).

Праздность и бездѣйствіе есть мать всего и между тѣмъ и прочимъ болѣзней. Вотъ что ты мнѣ пишешь, трудолюбивая пчела! Но здѣсь тьма ошибокъ противъ грамматики. Надобно было сказать: праздность и бездѣйствіе суть и проч. Ошибка вторая: бездѣйствіе рода средняго, а родъ средній, по правиламъ всѣхъ возможныхъ грамматикъ ближе къ мужскому, нежели къ женскому, то и надобно было написать: бездѣйствіе есть отецъ, и проч., но какъ тутъ предыдущее слово праздность, второе бездѣйствіе, то я и не знаю какимъ образомъ согласовать отца и мать вмѣстѣ (праздность — мать, бездѣйствіе — отецъ) надобно всю фразу передѣлать. А поелику я докажу ниже, что и самый смыслъ грѣшитъ противъ истины, то и не нахожу за нужное приступить къ сей операціи. Смыслъ грѣшитъ противъ истины, первое потому, что я пребываю не празденъ.

Въ суткахъ двадцать четыре часа.

Изъ оныхъ 10 или 12 пребываю въ постели и занятъ сномъ и снами.

ibid... 1 часъ курю табакъ.

1 — одѣваюсь.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1870 г. т. I, изд. первое, стр. 65—71; изд. второе, стр. 549—554; 1871 г. т. III, стр. 208—236; 394; 1874 г. т. X, стр. 383-398.

[2]) Начало этого письма см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г. томъ X, стр. 397—398. Ред.

3 часа упражняюсь въ искусствѣ убивать время, называемое il dolce far niente.

1 — обѣдаю.

1 — варитъ желудокъ.

$^{1}/_{4}$ часа смотрю на закатъ солнечный. «Это время, скажешь ты, потерянное»,—неправда. Озеровъ всегда провожалъ солнце за горизонтъ, а онъ лучше моего пишетъ стихи, а онъ дѣятельнѣе и меня. и тебя.

$^{3}/_{4}$ часа въ суткахъ должно вычесть на нѣкоторыя естественныя нужды, которыя г-жа природа, какъ-будто въ наказаніе за излишнюю дѣятельность героямъ, врагамъ человѣчества, бездѣльникамъ, судьямъ и дурнымъ писателямъ—для блага человѣчества присудила провождать въ прогулкѣ взадъ и въ назадъ по лѣстницѣ, въ гардеробѣ, и проч., и проч., и проч. (o humanité!).

1 часъ употребляю на воспоминаніе друзей, изъ котораго $^{1}/_{2}$ часа помышляю объ тебѣ.

1 часъ занимаюсь собаками, а онѣ суть живая практическая дружба, а ихъ у меня, по милости небесъ, три: двѣ бѣлыхъ, одна черная. P. A. у одной болятъ уши и очень бѣдняжка трясетъ головой.

$^{1}/_{2}$ часа читаю «Тасса».

$^{1}/_{2}$ — раскаяваюсь, что его переводилъ.

3 часа зѣваю въ ожиданіи ночи.

Замѣть, о мой другъ, что всѣ люди ожидаютъ ночи, какъ блага вообще, а я—человѣкъ!

Итого 24 часа.

Изъ сего слѣдуетъ, что я не праздень;†что ты разсѣянность почитаешь дѣятельностію, ибо ты во градѣ святаго Петра не имѣешь времени помыслить о томъ, что ты ежедневно дѣлаешь; что для меня и для тебя, и для всѣхъ равно приходитъ и проходитъ время. Eheu fugaces, Postume, Postume; что болѣзни мои не отъ лѣни, нѣтъ, а лѣнь отъ болѣзней, ибо ревматизмъ лишаетъ силы не только размышлять, но даже мыслить и проч.

† Замѣчаніе. Ласъ Казасъ, другъ человѣчества, надѣлалъ много глупостей и зла, потому что онъ былъ слишкомъ дѣятеленъ. Смотри Робертсонову исторію. (К. Б.).

Ergo—ты написалъ: вздоръ!

Шутки въ сторону, ты правъ, любезный другъ, мнѣ надобно ѣхать въ Петербургъ, но обстоятельства вовсе препятствуютъ. Ты самъ знаешь, легко-ли ѣхать съ малыми деньгами; что значитъ по нынѣшней дороговизнѣ и тысяча, и двѣ рублей, особливо мнѣ, намѣреваясь прожить долго. А если ѣхать такъ, для удовольствія, на короткое время,

то не лучше-ли въ Москву, гдѣ, благодаря Кат. Ѳед., я имѣю все, даже экипажъ. Впрочемъ, скажу тебѣ откровенно, что мнѣ здѣсь очень скучно, что я желаю вступить въ службу, что мнѣ нужно перемѣнить образъ жизни — и что же? Я, подобно одному восточному мудрецу, ожидаю какой-то богини, отъ какой-то звѣзды,—богини, летающей на розовомъ листкѣ; т.-е. во ожиданіи будущихъ благъ, я вижу сны. Если я буду въ Питерѣ, то могу-ли остановиться у тебя на долго, не причиняя чрезъ то тебѣ разстройки? Отпиши мнѣ откровенно, потому что дружество не любитъ чиновъ, и лучше впередъ сказать, нежели впослѣдствіи имѣть неудовольствіе молчать.—Ты меня спрашиваешь, что я дѣлаю и, между прочимъ, боишься, чтобы я не написалъ Гиневры,—ложный страхъ: я почти ничего не пишу, а если и пишу, то бездѣлки, кромѣ «Пѣсни Пѣсней», которую я кончилъ и тебѣ предлагаю. Я радъ, что ты теперь на мѣстѣ, что я могу наконецъ съ тобой совѣтоваться, особливо въ тѣхъ пьесахъ, которыя я почитаю поважнѣе. Я избралъ для «Пѣсни Пѣсней» драматическую форму, правъ или нѣтъ — не знаю, разсуди самъ. Однимъ словомъ, я сдѣлалъ Эклогу, затѣмъ, что могъ совладать съ этимъ слогомъ, затѣмъ что слогъ лирическій мнѣ неприличенъ, за тѣмъ что я прочиталъ (вчера во снѣ) Пиѳагорову надпись на храмѣ: познай себя, и примѣнилъ ее къ способности писать стихи.

Вотъ вступленіе [1]).

XXXIII.

(Осенью или зимою 1810).

Сегодня я хочу тебя удивить; а въ доказательство тому, посылаю «Мечту» [2]), которую ты отдашь, если захочешь, А. П., съ тѣмъ только, чтобъ она ее никому не показывала, ибо я не хочу прослыть метроманомъ. Храни меня Богъ отъ этого! Отдай и скажи ей, что это стоило мнѣ великаго усилія, что еслибъ я ее не почиталъ отъ всего моего сердца, никогда бы этого не сдѣлалъ; скажи наконецъ, что если стихи дурны, то это вина боговъ, которые мнѣ не дали большаго дарованія; что усердіе мое, пишучи или писавъ ихъ (какъ

---

[1]) Продолженіе письма утрачено. Переводъ „Пѣсни Пѣсней“ неизвѣстенъ ни въ печати, ни по рукописямъ.

[2]) Это стихотвореніе Батюшкова совершенно передѣлывалось имъ и печаталось нѣсколько разъ. Ср. „Любитель Словесности“ 1806, № 9; „Вѣстникъ Европы“ 1810, ч. 49, № 3 и 1-е изд. „Сочиненій Батюшкова“.

П. Б.

лучше?), достойно не только похвалъ, но и подражанія. Я въ награду за мое прилежаніе желаю одного только: первое, чтобъ она знала, что есть человѣкъ, который поставляетъ себѣ за счастіе удостоиться ея вниманія, а второе — фунтъ турецкаго табаку, ибо ты мнѣ нижѐ пишешь, нижѐ посылаешь табакъ.

Я писалъ къ Оленину, но что писалъ—и самъ не понимаю. Я просилъ его сказать мнѣ, можно-ли надѣяться быть помѣщену при миссіи. Безъ всякихъ дальнихъ предлоговъ; ты чувствуешь, мой другъ, что тутъ нѣтъ ни мало здраваго разсудка. Что будетъ онъ отвѣчать? Пріѣзжай въ Петербургъ! или, ты бредишь!... и то, и другое справедливо, но я ничего не сдѣлаю: въ Петербургъ на вѣтеръ или на обѣщанія не поѣду, и такъ опять останусь сиднемъ. На долго-ли?

Я ни слова тебѣ о моихъ горестяхъ. Повѣрь мнѣ, у меня сердце не на мѣстѣ. Ахъ, жизнь! жизнь! Но я не стану тебя огорчать безъ пользы... Конечно, и я это знаю на опытѣ, что всѣ горести проходятъ, что время все лечитъ. Вѣрю, мой другъ, а пока все страдаю!

Рѣдко, очень рѣдко могу писать. Но вчерашній день я былъ довольно счастливъ: вчера я могъ, я имѣлъ духъ побесѣдовать съ музами, и, повѣришь ли, я имѣлъ два-три часа счастливѣйшіе въ моей жизни. Я перевелъ изъ Парни одинъ большой отрывокъ,—онъ тебѣ понравится; но сегодня я его не посылаю, не все вдругъ, при томъ же

Mediocribus esse poëtis
Non di, non homines, non concessere columnae,

сказалъ Горацій Флаковичъ, а я не хочу быть похожъ на его карикатуру. Кстати о стихахъ, а особливо о моихъ: пришли мнѣ «Одиссею» и «Плутарха», если у тебя есть деньги, а если нѣтъ, то отпиши мнѣ, что они стоятъ. Мнѣ ихъ неотмѣнно прочитать нужно. Не забудь моей просьбы.

Ты такъ пишешь лаконически о петербургскихъ новостяхъ касательно литературы, которою, какъ тебѣ извѣстно, я имѣю честь заниматься съ довольнымъ успѣхомъ и пользою для потомства,—для потомства, которое, конечно, поставитъ мнѣ монументъ на ряду съ дѣятельными геніями, что... (какъ выпутаться изъ этого періода?) на конецъ, что я ничего не знаю? Отпиши попространнѣе обо всемъ, и что ты самъ дѣлаешь?

Я давно не имѣю писемъ изъ Москвы, а потому не знаю, гдѣ Иванъ М. М.[1]) и какъ идутъ его дѣла. Отпиши и объ этомъ.

Въ прошедшемъ письмѣ я навралъ много дичи Львову, и теперь

---

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ. П. Е.

раскаяваюсь. Попроси его, чтобъ онъ не показывалъ и не сдѣлалъ того, что съ прежнимъ письмомъ, всѣму есть мѣра. Увѣдомь меня, понравится-ли тебѣ «Мечта» [1]). Она вовсе передѣлана, въ ней Горацій, кажется, не дуренъ. Да что я тебя спрашиваю? Ты мнѣ ни слова не сказалъ о «Пѣсни Пѣсней»! Злодѣй! съ кѣмъ мнѣ здѣсь совѣтоваться, или съ моимъ Фиделемъ, который меня сегодня съ ума свелъ, потому что бѣгаетъ безъ отдыха за сукою.

Я думаю, что буду опять въ Москвѣ, если это будетъ угодно Провидѣнію, и тамъ останусь на-долго. Сперва проживу деньги, а тамъ возьму на откупъ типографію!

Примѣчаешь-ли, что я пишу сегодня безъ мыслей? Такъ вяло, такъ холодно!... перо падаетъ изъ рукъ, глаза смыкаются, я зѣваю отъ скуки и теперь же лягу въ постелю, до 12 часовъ утра пролежу, проваляюсь.... и тебѣ желаю того же.... прощай. К. Б.

Я сдержалъ слово и проснулся довольно поздно. Не лучше-ли будетъ напечатать эту бездѣлку гдѣ-нибудь въ глухой типографіи,— и напечатать не болѣе десяти экземпляровъ. Одинъ—А. П., [2]) два—тебѣ и семь остальныхъ—мнѣ. Это, кажется, прочнѣе, нежели рукопись, а стоить будетъ бездѣлку. Я думаю не болѣе 25 р. Если такъ, то начни печатать, я вышлю тебѣ деньги; и экземпляръ А. П. вели переплесть въ сафьянъ. Пожалуйста, сдѣлай это. Поди, приближься, еще поближе, ну, такъ! Хорошо! Теперь обними меня.... и прощай!

XXXIV.

(Декабрь 1810. Вологда).

Я не удивляюсь И. М. М—ву: онъ совершенный Алкивіадъ, и готовъ въ Аѳинахъ, въ Спартѣ и у Даковъ жить весело, но не могу надивиться другимъ!

Я насилу пишу тебѣ; лихорадка меня замучила. Кстати, я совѣтовался здѣсь съ искуснымъ лекаремъ, который недавно пріѣхалъ изъ Германіи, съ человѣкомъ весьма неглупымъ. Онъ пощупалъ пульсъ, разспросилъ о болѣзни и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза: «вы конечно огорчаетесь много; я вамъ совѣтую жить весело—это лучшее лекарство».—Я ему засмѣялся въ глаза! Это лекарство конечно не выписывается въ аптекѣ; а если оное есть въ Петербургѣ, то пришли мнѣ его на рубль.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1810, ч 49, № 4.

[2]) Анна Петровна Фурманъ (?). П. Н.

Не забудь адресовать въ Вологду и пиши, мой другъ. Твои письма цѣлебнѣе хины. Vale. Конст. Б.

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и желаю тебѣ того, чего себѣ не желаю, то-есть здраваго разсудка, которымъ я преисполненъ отъ ногъ до головы и котораго у тебя нѣтъ ни крошки. Гельвецій сказалъ, что разумъ, или лучше сказать умъ, начинается тамъ, гдѣ кончится здравый разсудокъ; а у тебя промежутокъ: здраваго разсудка нѣтъ—на мѣсто его запустѣніе и позвизданіе,—жаль, очень жаль! а пособить не чѣмъ. Это болѣзнь неизлечимая, прилипчивая, de mauvaise nature, какъ говорятъ медики, однимъ словомъ—болѣзнь! Понимаешь?

Я писалъ тебѣ о Плутархѣ и Одиссеѣ, но впередъ писать не буду. Прощай.

1811 годъ.

XXXV.

23-го Генваря 1811 г. (Вологда).

Насилу воскресаю! Я былъ очень болѣнъ горячкою или лихорадкою или Богъ знаетъ чѣмъ, да и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. На рукахъ у меня фонтанели, вещь самая мучительная: однимъ словомъ я весь не свой. Молчаніе мое теперь не загадка! Недѣли три назадъ тому я писалъ къ тебѣ, но ты конечно не получилъ моего письма. Я ѣду въ Москву на сихъ дняхъ, а теперь въ Вологдѣ, въ совершенной скукѣ и бездѣйствіи, съ пустой головою, и почти съ пустымъ карманомъ. Я писалъ къ Алек. Ник. (Оленину) объ иностранной коллегіи, но не получалъ отвѣта; само собй разумѣется, что просить съ этихъ поръ никого, и ни о чемъ не буду. Твои восклицанія и вопросительные знаки вовсе не у мѣста. По крайней мѣрѣ въ Москвѣ я найду людей меня любящихъ, что найду въ Петербургѣ кромѣ тебя? Повѣрь мнѣ, любезный Николай, что я знаю цѣну твоей дружбѣ, которая есть и будетъ единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни, исполненной горести. Я вовсе переродился, и ты на меня бы взглянулъ съ сожалѣніемъ: вотъ слѣдствіе чувствительности, которая, можетъ быть, обѣщаетъ мнѣ конецъ подобный Беницкому. Но на что огорчать тебя? Надежда меня не оставила — можетъ быть я выздоровѣю и все перемѣнится. Молчаніе Анны Петр. не столько обидно моему самолюбію, какъ собственному сердцу, ибо я ее истинно почитаю. Ты увидишь Филипа въ Петербургѣ, не оставь его. Если

не получишь отъ меня извѣстій въ теченіи трехъ недѣль, то пиши въ Москву. Пришли 9-ю пѣснь, я давно, очень давно не читалъ твоихъ стиховъ. Цѣлую тебя и прощай. К. Б.

Хочешь-ли новостей? Межиковъ [1]) женится на племянницѣ Брянчанинова! Я видѣлъ твою Софью, толстую Софью!!! или ты, или она зело перемѣнилась. Впрочемъ здѣсь нѣтъ людей, и я умираю отъ скуки и говорю тихонько самъ себѣ: не приведи Богъ честному человѣку жить въ провинціи; да еще говорю гораздо тише: не приведи Богъ честному человѣку воображать, что женщины богини. Пиши почаще, и поклонись Львову, онъ право добрый малой.

XXXVI.

(1811 г. Москва).

Что взяли? Я пишу къ вамъ изъ Москвы! — ??? <> — a + b — c = d + x = xxx.

Можешь удивляться, пожимать плечами, а я буду всегда тебя любить, потому что ты каналья для меня милѣе всей Москвы и съ золотыми маковками, потому что ты никогда столь ясно и живо мнѣ своей дружбы не доказывалъ, потому что ты Гнѣдичъ, а я Константинъ. Понимай, мотай на усъ! Хохолъ! Я получилъ отъ Оленина письмо, весьма дружественное, а отвѣчать на него буду черезъ два или три мѣсяца, затѣмъ чтобъ не уронить мнѣ своего достоинства, а его не избаловать. Кстати, скажи Самариной, что я, никогда, и никому, и ничего, и не для чего посвящать не буду. Чтобъ она утѣшилась: мое посвященіе было первое и — послѣднее [2]).

Поговоримъ о дѣлѣ. Я ѣду въ Петербургъ! и къ праздникамъ у васъ на вѣрное. Авось! — Но если и въ этотъ пріѣздъ будетъ неудача, то клянусь Стиксомъ и чернилами, что тебя слушать не буду, да и ты, я думаю, перестанешь умничать.

Пришли 9-ю пѣснь [3]), я ее прочитаю и сдѣлаю мои замѣчанія, если хочешь съ Жуковскимъ, который тебя любитъ и почитаетъ, а

---

[1]) Павелъ Александровичъ, посредственный стихотворецъ того времени, издавшій впослѣдствіи книжку своихъ твореній. Непрямое его поколѣніе отъ П. А. В. существуетъ и нынѣ, съ нѣсколько измѣненной фамиліей.

[2]) Извѣстно только два посвященія Б—мъ стиховъ: басни — Влад. Алек. Озерову (1808), да въ 1817 г. Гезіода — А. Н. О.

[3]) Иліады. П. Ш.

между тѣмъ и бранитъ, за то, что ты ему не высылаешь Перуанца [1]) съ поправками.

Пришли этого дикаря.

Каченовскій нынѣ ударился въ славянщину—не любитъ галломановъ, и меня считаетъ за Галла (???!!!!!!) меня!

Здѣсь Барановъ, я о тебѣ у него спрашивалъ. В. Л, Пушкинъ забавляетъ насъ еженедѣльно. Жуковскій написалъ балладу, въ которой стихи прекрасны, а стихъ взятъ на Спасскомъ мосту [2]). Правда-ли, что Гаг. женится на Мур??? К. Х.... (я не могу назвать ее безъ содраганія) вышла замужъ!!! ты молчалъ!!! дай тебя за это поцѣловать. Шишковъ написалъ говорятъ разговоръ. Петинъ очень болѣнъ. Если это правда, то не будучи съ нимъ знакомъ, Бога ради, съѣзди къ нему, посмотри на него, и скажи каковъ онъ? Это я назову истиннымъ одолженіемъ. Поклонись Львову, котораго я люблю. Прощай. Константинъ Батюшковъ на Никитской.

Числа не знаю.

Я работаю сердцемъ, т. е. стараюсь влюбляться. Въ кого? Еще и самъ не знаю. А твоя Софья..... ж...!—Прощай.

XXXVII.

13-го марта (1811 г.) Москва.

Вчера я получилъ медленное письмо твое. Ниловы были здѣсь, и какъ пріятные призраки..... изчезли. Самарину я проводилъ до заставы, она вчера ночью уѣхала въ Орелъ. Конечно, любезные люди, особливо Самарина,—она же тебя любитъ и почитаетъ; впрочемъ и она со мной согласна въ томъ, что ты слишкомъ ославянился; если мнѣ нуженъ Петербургъ, то тебѣ другъ мой нужна Москва.

Голицына я не видѣлъ, можетъ быть и не увижу. Судить о тебѣ заочно не смѣю, но, повидимому, кажется, что ты виноватъ. Чѣмъ?—тѣмъ, что выписался: тебѣ сдѣлали честь? [3]) Какъ честь? А вотъ какъ: въ Ликеѣ есть Штаневичъ [4]), но есть и Шишковъ, есть Шихматовъ, но есть и Державинъ, есть Хвостовъ, но и Дмитріевъ тамъ же! Чего же

---

[1]) Стихотвореніе Гнѣдича.

[2]) Двѣнадцать спящихъ дѣвъ.

[3]) Вѣроятно, относится къ отказу Гнѣдича отъ участія въ изданіи Росс. Академія: „Ликей, или кругъ словесности древней и новой". Спб. 1810—1814.

[4]) Станевичъ—плохой писатель, которому Б—въ въ своемъ стихотвореніи: „Пѣвецъ въ бесѣдѣ Л. Р. Сл." придалъ эпизодъ „обруганнаго".

П. Е.

болѣе?—Нѣтъ!—Я не хочу быть на одной доскѣ съ такимъ-то вралемъ!—Тѣмъ болѣе, что я буду трудиться, по предписанію устава! Прекрасный отвѣтъ! Но развѣ нельзя ничего не дѣлать и быть членомъ всѣхъ академій? Что же касается до поступка нашего Лирика, то я это считаю за пифійское изступленіе; ему все простительно, затѣмъ что онъ написалъ Ирода и Фелицу, (двѣ піесы, которыя даютъ право дурачиться), затѣмъ что ему 60 лѣтъ, затѣмъ что онъ истинный геній и.... не смѣю сказать—враль!

Ты меня спрашиваешь, что тебѣ дѣлать? Право, не знаю!... и боюсь совѣтовать, затѣмъ чтобъ не дать дурнаго. Лучше молчать!—Тебя назвали гордецомъ, но не бездѣльникомъ. Кажется, обида не великая! И вся эта обида падаетъ не на тебя, ниже на хозяина, а на самаго Творца. Оставь эти глупости, мой другъ, истинное слѣдствіе обхожденія съ людьми, которое и таланту и собственне себѣ бываетъ пагубно. Я тебѣ говорю отъ сердца, чувствую самъ, что частые выѣзды и разсѣяніе было и есть—ножъ для поэта. Отпиши мнѣ, чѣмъ это кончится. Я о тебѣ не жалѣю, у тебя есть Гомеръ, но меня кто утѣшитъ?—Я отдалъ Перувіанца Жуковскому, который тебя истинно любитъ. Добрый, любезный и притомъ рѣдкаго ума человѣкъ! онъ хотѣлъ тебѣ прислать поправки. Мнѣ же начало показалось растянуто, нечисто и сухо, но послѣдніе 30 стиховъ докажутъ всякому, что ты могъ бы написать трагедію. Вотъ мое сужденіе.

Я вчера обѣдалъ у Нелединскаго [1]) (истинный Анакреонъ, самый острый и умный человѣкъ, добродушный въ разговорахъ и любезный въ своемъ быту, вопреки и звѣздѣ и сенаторскому званію, которое онъ заставляетъ забывать) и тамъ слышалъ, что у васъ въ Питерѣ написана новая сатира, весьма колкая на Карамзина, Пушкина и—твоего друга, то есть меня!

Пушкинъ (Василій Львовичъ) горитъ отъ нетерпѣнія ее слушать, и насъ вчера очень, очень смѣшилъ своимъ добродушіемъ. Пришли мнѣ ее непремѣнно, я хочу надъ собой сдѣлать моральный опытъ, т. е. увѣриться, могу ли я быть хладнокровенъ къ насмѣшкѣ. Называютъ двухъ авторовъ, Горчакова и Шаховскаго. Ожидаю ее нетерпѣливо.

Теперь приступаю къ твоей критикѣ. На моей сторонѣ Самарина. Защищайся!—

Парни признанъ лучшимъ писателемъ въ родѣ легкомъ (этотъ родъ сочиненій весьма труденъ). Его поэма «Les Scandinaves» пре-

---

[1]) Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. П. Б.

красна, стихи мною переведенные [1]), были внесены профессоромъ Ноэлемъ, членомъ парижскаго института, въ примѣры прекраснаго, и живописной поэзіи. Теперь мой переводъ дуренъ? Подлинникъ хорошъ? Такъ-ли?

Посмотримъ, чѣмъ онъ дуренъ?

Les feux mourans décroissent et pâlissent
Et de la nuit les voiles s'epaississent.....
Viens doux sommeil descends sur les heros
Des songes vains agitent leur repos.

Но вскорѣ пламень потухаетъ
И гаснетъ пепелъ черныхъ пней,
И томный сонъ отягощаетъ
Лежащихъ воевъ средь полей.

Кажется, переводъ мой не хуже подлинника. Гаснетъ пепелъ черныхъ пней—взято съ натуры, живописно и очень нравится Жуковскому и всѣмъ, у кого есть вкусъ.

L'autre des mers affronte le courant
Et son esquif est brisé par l'orage.

Иной на лодкѣ утлой рѣетъ
Среди кипящихъ въ морѣ волнъ.

Переводъ близкій, выраженіе рѣетъ у мѣста; и я не виноватъ, что г. Бобровъ [2]) употреблялъ его. (Но меня сравнивать съ Бобровымъ, et d'un ton de persiflage!—Гнѣдичъ!—Гнѣдичъ!—O Coridon, Coridon!.. ты съ ума сошелъ!)

Иной мѣста узрѣлъ знакомы
Мѣста отчизны, милый край.
Ужъ слышитъ псовъ домашнихъ лай,
Ужь зритъ отцовъ поля и домы...

Этого нѣтъ въ оригиналѣ, но напоминаетъ о Виргиліевомъ dulces patria. Далѣе: выраженія

Махнулъ мечемъ—его рука
Поднята вверхъ... окостѣнѣла
Бѣжать хотѣлъ—его нога
Дрожитъ, недвижима, замлѣла.

---

[1]) Переводъ Батюшкова подъ заглавіемъ: „Сонъ ратниковъ (изъ поэмы Амель и Авлега)" напеч. въ В. Евр. 1811 № 3. Въ собраніи сочиненій перепеч. съ измѣненіями и пропускомъ 24 заключительныхъ стиховъ

[2]) Высокопарный стихотворецъ, ум. въ 1810 г. Его некрологъ и списокъ сочиненій въ В. Евр. 1810 г. 51, № 11. П. Е.

Истинно выражаетъ мысль стихотворца.

Но вѣтръ шумитъ и въ рощѣ свищетъ
И волны мутнаго ручья
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Клубятся, пѣнятся и воютъ
Средь дебрей снѣжныхъ и холмовъ...

Это все въ тонѣ сѣверной поэзіи, которую, конечно, отличать должно отъ греческой; это все у мѣста и, кажется, нѣтъ ничего надутаго, ложнаго; притомъ же и языкъ чистъ и благороденъ.

Le sombre Eric murmure avec dépit
Ce chant sinistre et l'Echo le prolonge:
Je suis assis au bord du torrent
Au tour de moi tout dort, et seul je veille.
Je veille... en proie au soupçon devorant.
Les vents du nord sifflent à mon oreille,
Et mon épée effleure le torrent...

Мой мечь скользилъ по влагѣ водъ!

Вотъ мое оправданіе. Что же касается до твоихъ насмѣшекъ, то они забавны, этакъ можно и Перуанца выворотить на изнанку. Изможцая, тигры, варвары, пей кровь, грызи зубами, и прочее конечно очень смѣшно.—Признайся (я въ томъ увѣренъ), что ты былъ увлеченъ сужденіемъ какого нибудь пристрастнаго человѣка или невѣжды—и Богъ съ тобой. Я бранилъ Перуанца и теперь каюсь.

Я въ Петербургѣ, конечно, буду. Если ты увидишь Алексѣя Николаевича, то скажи ему, что я его боюсь безпокоить моими письмами, что Барановъ сказывалъ мнѣ, сколько онъ меня любитъ, и что пока у меня будетъ память и сердце, то я его буду почитать, любить, и, даже бояться, потому что я горжусь его ко мнѣ благорасположеніемъ и боюсь сдѣлаться недостойнымъ онаго. Скажи ему—только кстатѣ,—что буду его просить о мѣстѣ, и отпиши мнѣ, думаетъ ли что нибудь для меня сдѣлать.Я бы попросился въ библіотеку, но боюсь..... вотъ чего. Тамъ должно работать, а я.... sainte paresse ne m'abandonnez pas!—

Жуковскаго изданіе продается, я думаю, въ Петербургѣ и стоитъ 15 (руб.) Муравьева [1]) сочиненія доказываютъ, что онъ былъ великаго ума, рѣдкихъ познаній и самой лучшей души человѣкъ. Ихъ нельзя читать безъ удовольствія. Они заставляютъ размышлять. Я

[1]) Михаила Никитича. П. Б.

ихъ тебѣ достану, у меня теперь только одинъ экземпляръ и тотъ подаренъ Катер. Ѳедор.

Хочешь-ли новостей? Карамзинъ опять въ Твери, говорятъ по приказанію государя. Я недавно слышалъ чтеніе его исторіи, и увѣряю тебя, что такой чистой, плавной, сильной прозы никогда и нигдѣ не слыхалъ. Онъ не годится въ Ликей!—

Сообщ. 4-го янв. 1870 г. П. А. Ефремовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

Второй періодъ.

Поэту приходится отказаться отъ надежды жениться на Марьѣ Андреевнѣ.— Протасовы уѣзжаютъ въ Дерптъ съ Воейковымъ, женившимся на Александрѣ Андреевнѣ.—Жуковскій тщетно пытается зажить съ семьею въ Дерптѣ, какъ братъ Екатерины Афанасьевны, какъ ближайшій родственникъ Маши.

П. В.

№ 18 [1]).

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

Вѣроятно изъ „Черни" или Болхова въ концѣ 1814 г. [2]).

«Милая, шептунъ [3]) откликнулся и очень меня утѣшилъ. Но отъ чего же онъ такъ не многосложенъ? Неужели нужно вамъ, чтобы я своимъ письмомъ отъ васъ вытребовалъ то что вы мнѣ сказать можете и что вѣрно вы про себя мнѣ говорите. Чтобы успокоить васъ на мой счетъ однимъ словомъ, скажу вамъ, что я хочу приниматься за работу. Вчерашнее милое письмо ваше много дало мнѣ души. Да и шептунъ много сказалъ хорошаго, чего я повторить не умѣю, потому что онъ выражается не словами и говоритъ не ушамъ. Я чувствую необходимость писать и почитаю это за должность.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль, стр. 429—456.

[2]) Отрывокъ письма находится въ очеркѣ біографіи Жуковскаго, помѣщенной Зейдлицомъ въ Ж. Мин. Нар. Пр., ч. CXLII, стр. 421. П. В.

[3]) Такъ Жуковскій называлъ въ шутку Авдотью Петровну.

Прим. К. Зейдл.

Слáва для меня имя теперь святое. Хочу писать къ царю [1]) — предметъ высокой, и я чувствую что теперь моя душа ближе къ всему высокому. Въ ней живѣе всѣ прекрасныя мысли о провидѣніи, о добрѣ, о настоящей славѣ. Кому я всѣмъ этимъ обязанъ? Право не знаю, что сильнѣе въ моемъ сердцѣ—любовь или благодарность? Не безпокойтесь обо мнѣ; не представляйте себѣ моего состоянія низкимъ уныніемъ? Жизнь и безъ счастія кажется мнѣ теперь чѣмъ-то священнымъ и величественнымъ. Я могу теперь ее цѣнить—и какъ пророкъ знаю свое будущее. А провидѣніе, которое во всемъ для меня видимо и слышно—какое величіе даетъ оно и свѣту и жизни. Простите мой милый шептунъ. Поцѣлуйте за меня обѣихъ вашихъ сестеръ и вашихъ дѣтенковъ. Дружба да—и только. Чего мнѣ болѣе? Прошу, напишите ко мнѣ по болѣе».

№ 19.

Къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой.

Весною 1815 г. въ Муратовѣ [2]).

«Милая Маша, намъ надобно объясниться. Какъ прежде отъ тебя одной я требовалъ и утѣшенія, и твердости, такъ и теперь требую твердости въ добрѣ. Намъ надобно знать и исполнить то, на что мы рѣшились. Дѣло идетъ не о томъ только, чтобы быть вмѣстѣ, но и о томъ, чтобы этаго стоить. Слѣдовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а въ сердцѣ быть ему вѣрными. Иначе не будетъ покоя, иначе никакого согласія въ чувствахъ между мною и маменькой быть не можетъ. Сказавъ ей рѣшительно, что я ей братъ, мнѣ должно быть имъ не на однихъ словахъ, не для того единственно, чтобы получить этимъ именемъ право быть вмѣстѣ. Есть ли я ей говорилъ искренно о моей къ тебѣ привязанности, есть ли объ этомъ и писалъ, то для того, чтобы не носить маски— я хотѣлъ только свободы и довѣренности. Это насъ рознило съ нею. Теперь, когда все, и самое чувство пожертвовано, когда оно перемѣнилось въ другое лучшее и нѣжнѣйшее, насъ съ нею ничто не бу-

---

[1]) Посланіе къ импер. Александру. Соч. I, стр. 391.

[2]) Небольшой отрывокъ этого письма помѣщенъ въ біогр. очеркѣ Жуковскаго (Ж. Мин. Нар. Пр. 1869 г., ч. CXLII, отд. II, стр. 429). Жуковскій, уѣзжая, хотѣлъ еще разъ переговорить съ Ек. Афан. и увѣдомилъ объ этомъ Машу. П. В.

детъ рознить. Но, милой другъ, я хочу, чтобы и ты была совершенно со мною согласна, чтобы была въ этомъ мнѣ и примѣромъ и подпорою; хочу знать и слышать твои мысли. Какъ прежде ты давала мнѣ однимъ словомъ и бодрость, и подпору; такъ и теперь ты же мнѣ дашь и всю нужную мнѣ добродѣтель. Чего я желалъ? Быть счастливымъ съ тобою! Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ тобою! Право для меня все равно твое счастіе или наше счастіе. Поставь себѣ за правило все ограничить одной собою, повѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси собственнаго и отъ этого она живѣе и лучше. Ужъ я это испыталъ на дѣлѣ—смотря на тебя, я уже не то думаю, что прежде; есть ли же на минуту и завернется старая мысль, то всегда съ своимъ дурнымъ старымъ товарищемъ, грустью; стоитъ уйтти къ себѣ, чтобы опять себя отыскать такимъ, какимъ надобно; а это еще теперь, когда я отъ маменьки ничего не имѣю, когда я еще ей не братъ—чтожъ тогда, когда и она съ своей стороны все для меня сдѣлаетъ. Я увѣренъ, что грустныя минуты пропадутъ и мѣсто ихъ заступятъ ясныя, тихія, полныя чистою къ тебѣ привязанностію. Вчера за ужиномъ прежнее немножко что то зацѣпило меня за сердце—но воротясь къ себѣ, я началъ думать о твоемъ счастіи, какъ о моей теперешней заботѣ. Боже мой, какъ это меня утѣшило! Какъ еще много мнѣ осталось! Не лиши же меня этого счастія! Передѣлай себя совершенно и будь этимъ мнѣ обязана! Думай беззаботно о себѣ, все дѣлай для себя—чего для меня болѣе? Я буду знать, что я участникъ въ этомъ миломъ счастіи! Какъ жизнь будетъ для меня дорога! Между тѣмъ я имѣю собственную цѣль—работа для пользы и славы! Не легко ли будетъ работать? Все пойдетъ изъ сердца и все будетъ понятно для добрыхъ! Напиши объ этомъ твои мысли—я увѣренъ, что онѣ и возвысятъ, и утвердятъ всѣ мои чувства и намѣренія.

Я сейчасъ отдалъ письмо маменькѣ. Не знаю, что будетъ. Въ обоихъ случаяхъ, Perseverence! Меня зовутъ! чудо—сердце не очень бьется. Это значитъ, что я рѣшился твердо»...

(Продолженіе того же письма, прерваннаго разговоромъ съ Екат. Афан.).

...«Мы говорили—этотъ разговоръ можно назвать холоднымъ толкованіемъ въ прозѣ, того, что написано съ жаромъ въ стихахъ. Смыслъ тотъ же, да чувства нѣтъ. Она мнѣ сказала, чтобъ я до іюля остался въ Петербургѣ—потомъ увидитъ. Однимъ словомъ той сестры нѣтъ для меня, которой я желаю и которая бы сдѣлала мое

счастіе. Еще она сказала: дай время мнѣ опять сблизиться съ Машею; ты насъ совсемъ разлучилъ. Признаюсь, противъ этаго нѣтъ возраженія, и есть ли это такъ, то мнѣ нѣтъ оправданія; и я поступаю, какъ эгоистъ, желая съ вами остаться! Въ самомъ дѣлѣ! Чего я хочу? Опять только своего счастія? Надобно совсемъ забыть объ немъ! Словами и объясненіями его не сдѣлаешь! Маша, чтобы имѣть полное спокойствіе, не должно ли тебѣ возвратить мнѣ всѣхъ писемъ моихъ? Ты знаешь теперь нашу общую цѣль. Твое счастіе! Быть довольнымъ собою! У тебя есть Фенелонъ и твое сердце. Довольно! Твердость и спокойствіе, а все прочее Промыслу».

№ 20.

Къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой.

(Въ Дерптѣ, весною, должно быть въ мартѣ 1815) [1].

«Расположеніе, въ какомъ къ тебѣ пишу, увѣряетъ меня, что я не нарушаю своего слова, тѣмъ, что къ тебѣ пишу. Надобно сказать все своему другу. Я долженъ непремѣнно тебѣ открыть настоящій образъ своихъ мыслей. Маша моя (теперь моя болѣе нежели когда нибудь) поняла-ли ты то, что заставило меня рѣшительно отъ тебя отказаться? Ангелъ мой, совсемъ не мысль, что я желаю беззаконнаго—нѣтъ! Я никогда не перемѣню на этотъ счетъ своего мнѣнія и вѣрю что я былъ бы счастливъ, и что Богъ благословилъ бы нашу жизнь! Совсемъ другое и гораздо лучшее побужденіе произвело во мнѣ эту перемѣну! твое собственное счастіе и спокойствіе! Рѣшившись на эту жертву, я входилъ во всѣ права твоего отца. Другая, нѣжнѣйшая связь! Право эта минута была для меня божественная; есть-ли можно слышать на землѣ голосъ Божій, то конечно въ эту минуту онъ мнѣ послышался! Съ этимъ чувствомъ все для меня перемѣнилось, всѣ отношенія къ тебѣ сдѣлались другія, я почувствовалъ въ душѣ необыкновенную ясность; то, чего я никогда не имѣлъ въ жизни, вдругъ сдѣлалось моимъ; я увидѣлъ подлѣ себя сестру и сдѣлался другомъ, покровителемъ, товарищемъ ея дѣтей; я готовъ былъ глядѣть на маменьку другими глазами и право восхищался тѣмъ чувствомъ, съ какимъ бы называлъ ее сестрою—ничего еще подобнаго не бывало у меня въ жизни! Имя сестры въ первый разъ въ жизни меня тронуло до глубины сердца! Я готовъ былъ ее обожать; ни въ комъ, ни въ

---

[1]) Отрывокъ находится въ томъ же очеркѣ на стр. 430. П. В.

комъ (даже и въ васъ) [1]) не имѣла бы она такого неизмѣннаго друга какъ во мнѣ; до сихъ поръ имя сестры только меня пугало, оно казалось мнѣ разрушителемъ моего счастія; послѣ совершеннаго пожертвованія собою, оно показалось мнѣ самымъ лучшимъ утѣшеніемъ, совершенною всего замѣною; Боже мой, какая прекрасная жизнь мнѣ представилась! Самое дѣятельное, самое ясное усовершенствованіе себя во всемъ добромъ! Можно-ли, милой другъ, измѣнить великому чувству, которое насъ вознесло выше самихъ себя! Жизнь, освященная этимъ великимъ чувствомъ казалась мнѣ прелестною! Есть-ли прежде, когда моя привязанность къ тебѣ была непозволенною я имѣлъ въ иныя минуты счастіе; что же теперь, когда душа отъ всякаго бремени облегчилась и когда я имѣю право быть довольнымъ собою! Разъ испытавъ прелесть пожертвованія можно ли разрушить самому эту прелесть! Съ этимъ великимъ чувствомъ, какъ бы счастливы шли мои минуты! Вмѣсто своего частнаго счастія имѣть ввиду общее, жить для него и находить все оправданіе въ своемъ сердцѣ и въ вашемъ уваженіи; быть вашимъ отцомъ (братъ вашей матери имѣетъ на это имя право), называть васъ своими и заботиться объ вашемъ счастіи—чѣмъ для этаго не пожертвуешь! И для этаго я всѣмъ пожертвовалъ! Такъ, что и слѣду бы не осталось скоро въ душѣ моей! Даже въ первую минуту я почувствовалъ, что надъ собою работать нечего—стоило только понять меня; подать мнѣ руку сестры! стоило ей только вообразить что братъ ея всталъ изъ гроба и просится опять въ ея домъ или лучше вообразить, что вашъ отецъ живъ и что онъ съ полною къ вамъ любовью, хочетъ съ вами быть опять на свѣтѣ. Съ этими счастливыми, скажу смѣло добродѣтельными чувствами, соединялась и надежда вести самой прекрасной образъ жизни. Осмотрѣвшись въ Дерптѣ, я увѣренъ, что сдѣсь работалъ бы я такъ, какъ нигдѣ нельзя работать—никакого разсѣянія, тьма пособій и ни малѣйшей заботы о томъ, чѣмъ бы прожить день и при всемъ этомъ первое, единственное мое счастіе семья. Съ такимъ чувствомъ пошелъ я къ ней, къ моей сестрѣ. Что же въ отвѣтъ? Разстаться! Она увѣряетъ меня, что не отъ недовѣрчивости—а для сохраненія твоей и ея репутаціи! Милая, эта послѣдняя причина должна бы удержать ее еще въ Муратовѣ. Тамъ можно было того же бояться, чего и здѣсь. Но въ Муратовѣ она рѣшилась возвратить меня, не смотря на то, что въ своихъ письмахъ я говорилъ совсемъ противное тому что теперь говорю и чувствую. Нѣтъ! эта причина не справедливая! или должно было меня

---

[1]) Жук. говоритъ тутъ о Мар. Андр. и сестрѣ ея, Александрѣ Андр.
П. В.

еще остановить въ Москвѣ! И теперь въ ту самую минуту, когда я только думалъ начать жить прекраснѣйшимъ образомъ, все для меня разрушено! Я не раскаяваюсь въ своемъ пожертвованіи—можно ли раскаяться когда нибудь, въ томъ, что возвышаетъ душу! Но я надѣялся имъ заплатить за счастіе, и я былъ бы истинно счастливъ, есть ли бы она только этаго захотѣла! есть ли бы она прямо мнѣ повѣрила; есть-ли бы поняла, какъ чисто и свято то чувство, которымъ я былъ наполненъ. Что же даютъ мнѣ за то счастіе котораго я требовалъ? Самую печальную жизнь безъ цѣли и прелести! Служить —спрашиваю для какихъ выгодъ? отказаться отъ всякаго занятія? Въ Петербургѣ я не могъ бы заниматься, есть-ли бы и имѣлъ состояніе! Убійственное разсѣяніе утомило бы душу!»

(Здѣсь въ подлинникѣ одна строка совершенно зачеркнута, такъ что прочесть нельзя);—«гдѣ тутъ имѣть понятіе»?

(Еще строка зачеркнута).

«Трудиться для денегъ! Прощай энтузіазмъ! единственное, что оставалось! Ремесленничество не сходно ни съ какимъ энтузіазмомъ; но и безъ него разсѣяніе погубило бы энтузіазмъ! все разомъ въ дребезги и счастіе, которое вдругъ представилось бы мнѣ столь яснымъ, и трудъ свободный, замѣна за счастіе! Нѣтъ, милая! Голосъ брата не дошелъ до ея сердца! Чтобы тронуть его я видно не имѣю никакого языка! Я здѣлаюсь дорогъ тогда развѣ, когда меня не будетъ на свѣтѣ! Этотъ страхъ разстроить репутацію есть только придирка! Почему же онъ теперь именно когда всѣ причины къ недовѣрчивости совершенно разрушились, пришелъ въ голову! Для чего вырвать меня изъ Долбино? Само по себѣ разумѣется, что противъ этой причины я не могъ ничего сказать! Я готовъ во всякомъ случаѣ быть за тебя жертвою—но надобно чтобы жертва была необходима! Здѣсь, какихъ толковъ бояться? Кто подастъ къ нимъ поводъ? А прежніе толки пропадутъ сами собою! Да я первый всѣ усилія употреблю, чтобы все привести въ порядокъ! Между тѣмъ мы были бы счастливы, счастливы въ своей семьѣ, и свидѣтель былъ бы у насъ Богъ! О! какъ бы весело было помогать другъ другу вести жизнь добродѣтельную! Я чувствую, я увѣренъ, что было бы легко и что мнѣ даже и усилій никакихъ не было бы нужно дѣлать надъ собою! Теперь что мнѣ осталось? Начинать новую жизнь безъ цѣли, безъ бодрости и за какимъ счастіемъ гнаться? Такъ и быть! все въ жизни къ прекрасному средство! Но сердце ноетъ когда подумаешь, чего и для чего меня лишили».

№ 21.

29 марта (1815 г. Дерптъ) [1]).

«Милой другъ, надобно сказать тебѣ что нибудь въ послѣдній разъ. У тебя много останется утѣшенія; у тебя есть добрый товарищъ: твоя смирная покорность Провидѣнію. Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ. Что могу сказать тебѣ утѣшительнѣе того, что скажетъ тебѣ лучшая душа, какая только была на свѣтѣ, твой Фенелонъ, котораго ты понимать можешь. Я благодарю тебя за то, что ты его мнѣ вчера присылала. Теперь знаю что у тебя есть неразлучный товарищъ и такой, который всегда умѣетъ дать твердость, надежду и ясность. Я знаю теперь, что каждый день доставитъ тебѣ прекрасную минуту. Стоитъ только войти въ себя, поговорить съ добрымъ, нельстивымъ другомъ и все что вокругъ тебя приметъ другой видъ. Читай же эту книгу безпрестанно. Въ дополненіе къ Фенелону пришлю тебѣ Массильона. Теперь чтеніе для тебя не занятіе, а жизнь и усовершенствованіе сердца и мыслей. Пусть это чтеніе напоминаетъ тебѣ обо мнѣ, о человѣкѣ, который желалъ быть твоимъ товарищемъ во всемъ добромъ. Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастіемъ какое имѣю въ жизни обязанъ тебѣ, что ты мнѣ давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностію къ тебѣ, что наконецъ тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою—опытъ самый благодѣтельный на всю жизнь; онъ увѣряетъ меня, что лучшія минуты въ жизни тѣ, въ которыя человѣкъ забываетъ себя для добра и забываетъ не на одну минуту. Сама можешь судить, что въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ всѣ мои должности. Пропади оно—я все потеряю. Я сохраню его какъ свою лучшую драгоцѣнность. Я ввѣряю себя этому воспоминанію и право не боюсь будущаго. Что можетъ теперь въ жизни сдѣлаться ужаснаго для меня собственно? во всѣхъ обстоятельствахъ я буду стараться быть такимъ же каковъ теперь. Обстоятельства дѣло Провидѣнія. Мысли и чувства въ этихъ обстоятельствахъ—вотъ все что мы можемъ. И въ этомъ то постараюсь быть тебя достойнымъ. Впрочемъ останемся беззаботны. Все въ жизни къ прекрасному средство! Я прошу отъ тебя только одного, не позволяй тобою жертвовать и заботься о своемъ счастіи. Этимъ ты мнѣ обязана. Я желалъ

[1]) Отрывокъ напеч. тамъ же стр. 431. П. В.

бы чтобы ты болѣе имѣла свободы заниматься собственнымъ. Выпроси у маменьки нѣсколько часовъ въ дни для чтенія—въ этомъ чтеніи прямая твоя жизнь. Но не читай ничего, чтобы было только для пустаго развлеченія. Малое, но питательное для такого сердца, какъ твое. Меня утѣшаетъ теперь мысль, что маменька будетъ должна теперь къ тебѣ болѣе прежняго привязаться. Противъ остальнаго терпѣніе и твердость. Мои тетрадки сбереги. Въ нихъ нечего перемѣнять кромѣ развѣ одного—вездѣ сестра. Помни же своего брата, своего истиннаго друга. Но помни такъ какъ онъ того требуетъ, то есть знай что онъ, во всѣ минуты жизни, есть ли не живетъ, то по крайней мѣрѣ желаетъ жить, такъ какъ велитъ ему его привязанность къ тебѣ, теперь вѣчная и болѣе нежели когда нибудь чистая и сильная.

Объ Воейковѣ скажу только одно слово. Мнѣ ему прощать нечего. Слѣпому человѣку нужно ли прощать его слѣпоту. Но какимъ же убѣжденіемъ можно заставить себя вѣрить, что онъ зрячій. Человѣкъ который имѣетъ полную власть счастливить тебя и который не только этаго не дѣлаетъ, но еще дѣлаетъ противное, можетъ ли носить названіе человѣка? Этаго простить нельзя. Даже трудно удержаться отъ ненависти. Я не могу и не хочу притворяться. Между имъ и мною нѣтъ ничего общаго. Я»

(Двѣ строки зачеркнуты).

«Ты мнѣ напомнишь: все въ жизни къ великому средство! Дай мнѣ способъ сдѣлать ему добро: я его сдѣлаю. Но называть бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ и уважать и показывать уваженіе къ тому что» (нѣсколько словъ зачеркнуто) «въ этомъ нѣтъ величія; это притворство передъ собою и другими.

Въ этомъ письмѣ мнѣ не должно бы было говорить о Воейковѣ. Но должно было отвѣчать на твое письмо. Я никакъ не ожидалъ, чтобы мое пожертвованіе было такъ принято. Нѣтъ! меня хотятъ лишить всякаго счастія! Но ты не бойся! Жизнь моя будетъ тебя стоить! Выключая напередъ изъ нее минуты унылости и сомнѣнія все прочее будетъ такъ, какъ тебѣ надобно. Тургеневъ зоветъ меня къ себѣ, мы будемъ жить вмѣстѣ. У меня есть семья друзей и твое уваженіе. Я богатъ. Остальное Провидѣнію. Дурнаго быть не можетъ, если самъ не будешь дуренъ. А у меня есть вѣрная защита отъ всего: воспоминаніе и perseverence!

Я бы желалъ, чтобы ты написала мнѣ поболѣе.

Это было написано вчера по утру. Маша откликнись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ».

№ 22.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской въ Долбино.

12-го мая, Петербургъ (1815).

Я отъ васъ уже получилъ два письма здѣсь въ Петербургѣ. Одно грустное и досадное, которое доказываетъ мнѣ, что моя сестра, къ которой моя дружба ничемъ и ни кѣмъ перемѣнена быть не можетъ совсемъ не поняла меня и на которое отвѣчать буду подробно; другое милое, писанное перваго мая и точно майское, потому что оно наполнено весною жизни, говоритъ о веснѣ вѣчной и даетъ на нее надежду—теперь пишу для того только, чтобы сказать что я получилъ эти письма; отвѣчать некогда потому что меня затаскали, что голова идетъ кругомъ, что я не хочу писать со спѣхомъ, хочу сказать все и обо всемъ. Буду отвѣчать и на безцѣнное, ободрительное письмо нашихъ милыхъ друзей, которые здѣсь еще мнѣ дорожѣ. Теперь я попалъ въ кипящій свѣтъ и самъ какъ въ кипяткѣ. Тьма новыхъ знакомствъ и тьма старыхъ; много прекраснаго. Напишу обо всемъ подробно на слѣдующей почтѣ, есть ли однако успѣю. О главномъ единственномъ не говорю теперь ни слова—знайте только одно, что на свѣтѣ много для меня прекраснаго и безъ всякой надежды! Вы должны уже теперь имѣть мои два послѣднія письма [1]), писанныя изъ Дерпта. И къ нимъ будетъ дополненіе. Дайте только приняться за порядочную жизнь. Прошу васъ сказать отъ меня Карлу Яковлевичу, къ которому буду самъ отвѣчать, что все, зависящее отъ меня и Тургенева, будетъ сдѣлано непремѣнно и что для меня было бы великимъ счастіемъ здѣлать что нибудь полезное для такого почтеннаго и милаго мнѣ человѣка, какъ онъ. Простите. Voila m-e Drousjinine qui arrive. Анету и Катюшу обнимаю и Азбукина и моихъ ангеловъ дѣтокъ и Наталью Андреевну. Жуковскій».

№ 23.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

24-го мая, Петербургъ, (1815).

«Передо мною три вашихъ письма, милая моя сестра, и всѣ они написаны разнымъ слогомъ, но по счастію въ нихъ одно и тоже сердце и одинакая дружба. Въ одномъ говоритъ со мной мой другъ,

---

[1]) Эти два письма касаются вопроса о принятіи Жуковскимъ опеки надъ имуществомъ дѣтей Авд. Петровны. П. В.

который не понялъ меня, огорчился тѣмъ что худо понялъ и мнѣ пѣняетъ. Думаю что вы теперь сами собою разувѣрились. Напримѣръ въ немъ есть вопросъ: «что могли говорить вамъ обо мнѣ, чего бы вы не знали и какимъ образомъ произвольно можно мѣнять въ вашихъ глазахъ и характеръ человѣка и даже все что есть добраго и хорошаго въ жизни? Дружбу, любовь, твердость, довѣренность!» Все письмо, длинное, есть не иное что какъ слѣдствіе этаго жестокаго вопроса, и того горькаго чувства, которое заставило васъ его мнѣ сдѣлать. Мнѣ надобно было бы на него отвѣчать тотчасъ — и вотъ настоящая моя вина передъ дружбою! Я далъ надъ собою волю Петербургской разсѣянности, которая грянула на меня какъ бомба и раздробила все мое время—такъ что едва ли и теперь я очнулся. Слушайте жъ, Милостивая Государыня Авдотья Петровна Киреевская. Не будьте и вы несправедливы! Я помнится писалъ къ вамъ что у меня былъ разговоръ объ васъ съ Е. Аѳанасьевною. Признаюсь я никогда не люблю объ васъ говорить съ нею. Она васъ любитъ, но смотритъ на васъ совсемъ не моими глазами. Для нее все что дѣлаетъ отличительное въ вашемъ характерѣ какъ будто не существуетъ. Ту живость души, которую вы имѣете, она смѣшиваетъ съ экзальтаціею и вѣтренностію. Я никогда ихъ не смѣшивалъ, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ съ этой стороны не былъ къ вамъ несправедливъ, какъ съ вами объяснился. Могу увѣрить, что съ этой минуты ничье мнѣніе на меня не дѣйствовало и ни малѣйшей перемѣны во мнѣніи на счетъ вашъ во мнѣ не производило. Есть ли я ссорился съ вами, то всегда по собственному побужденію; чужое же побужденіе вооружало меня только за васъ. Вы сами подали поводъ къ этому разговору. Вы написали къ нимъ объ ссорѣ нашей за С. М.... С......на [1]). Тетушка между прочимъ говоря объ васъ сказала что вы мало заботитесь о дѣтяхъ. Это поразило меня потому что я тоже часто думалъ живучи въ Долбинѣ и въ Москвѣ, потому что я это хотѣлъ вамъ сказать! и Богъ знаетъ отъ чего не сказалъ! Я нѣсколько испугался подумавъ, что говорю съ другими о такомъ предметѣ, о которомъ долженъ бы былъ говорить съ вами; хотѣлъ объ этомъ написать особенно и поболѣе; но не написалъ потому, что былъ во все это время въ большихъ и горькихъ треволненіяхъ. Но объ этомъ писать много не надобно; стоитъ только просто замѣтить это и попросить васъ подумать справедливо ли такое замѣчаніе, и есть ли справедливо, то сдѣлать его неспра-

[1]) Кажется „Соковнина“. Онъ искалъ руки Авдотьи Петровны, а Жуковскій былъ противъ. К. З.

ведливымъ. Теперь прошу жъ мнѣ сказать: имѣете ли вы право писать ко мнѣ такую дичь, какою наполнено первое ваше письмо, полученное мною въ Петербургѣ и пишутъ ли такія письма изъ за 1000 верстъ: «вѣрьте чему хотите, отталкиваете меня какъ хотите! Je peux me passer de votre amitié, je sais bien que je la merite» [1]). Милая могли ли вы это написать ко мнѣ? Право, какъ ни любите вы меня (въ этомъ я увѣренъ) но у васъ есть какое то весьма дурное мнѣніе на счетъ моего характера—вы кажется не предполагаете во мнѣ никакого постоянства въ чувствахъ. Passe pour opinion! Я думаю что мое мнѣніе на счетъ людей довольно шатко — я ихъ не знаю! Но съ вами, но съ немногими друзьями моими связываетъ меня чувство. И можно ли вообразить чтобы одно слово Воейкова могло выбить изъ сердца не говорю уже дружбу, но самую нѣжную благодарность за раздѣлъ всего что свято въ душѣ и жизни. Прошу уже одинъ разъ навсегда думать, что я привязанъ къ вамъ на всю жизнь самыми неразрывными узами—которыя по крайней мѣрѣ устоятъ противъ словъ, сходящихъ съ языка, безъ вѣдома сердца. Я про себя думаю что онѣ и всѣ другіе опыты выдержать способны. И такъ на прочія сладости, находящіяся въ этомъ письмѣ я отвѣчать не имѣю нужды. Вы вѣрно и безъ моей просьбы раскаялись. Впрочемъ въ этомъ письмѣ есть и утѣшительное. О святая связь родства! Такъ милая мы родные во всей силѣ этаго слова! Что мое, то ваше и наоборотъ! Что же къ этому прибавишь. Развѣ только то что у насъ есть общія, милыя сокровища, любовь къ нашимъ дѣтямъ, для которыхъ я радъ бы все на свѣтѣ сдѣлать—а онѣ плачутъ обо мнѣ въ день радости! Меня же онѣ радуютъ въ день горя.

Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, что было со мною въ Дерптѣ, посылаю вамъ нѣкоторые документы; нѣсколько страницъ изъ Машинаго журнала, писаннаго для васъ; она отдала ихъ мнѣ съ тѣмъ чтобы переслать къ вамъ, но я ихъ позадержалъ, теперь посылаю съ тѣмъ однако, чтобы возвратить мнѣ опять и безъ замедленія—они мнѣ нужны. При этихъ страницахъ есть и нѣкоторыя мои къ ней письма. То что въ нихъ вы найдете, извинитъ насъ предъ вами. Вы увидите, что все писанное, можно бы было говорить вслухъ, когда бы позволили намъ быть свободно добрыми, когда бы намъ вѣрили, когда бы маску не предпочитали лицу. Но для этихъ документовъ нужно объясненіе. Въ Дерптѣ былъ генералъ Красовскій—

[1]) „Я могу обойтись безъ вашей дружбы, я хорошо знаю, что ее заслуживаю“.

къ счастію былъ онъ до меня, и до меня ушелъ въ походъ. Надежды ему данныя испугали меня и онѣ то произвели было во мнѣ такую перемѣну, какой я и ожидать не могъ. Я подумалъ, что по тѣхъ поръ пока будутъ знать, какое чувство привязываетъ меня къ Машѣ, мнѣ запрещено будетъ всякое участіе въ ея судьбѣ, что передъ моими глазами будутъ ею располагать и что наконецъ она будетъ жертвою и жертвою кого же? чтобы получить право на это участіе, на это родство съ нею, на возможность все дѣлать для ея счастія, надобно было отказаться не только отъ надежды, но отъ самаго чувства, которое даетъ привязанность къ такой надеждѣ! Рѣшиться на это была одна минута— но минута восхитительная! Прежде нежели говорить съ Е. Аѳ. я написалъ объ этомъ два слова къ Машѣ — она сама согласилась. И знаете ли на что я рѣшался—искренно, не для виду, а передъ Богомъ и съ тѣмъ чтобы исполнить? Принять весь характеръ и всѣ обязанности Машина отца! Истребить не только въ себѣ, но и въ ней всякое чувство несогласное съ этимъ характеромъ! И это для того, чтобы впередъ уже Воейковъ не могъ мимо меня располагать ея участію, а чтобы ея счастіе и спокойствіе были подъ моею защитою. Съ начала тетушка приняла это холодно. Это меня оскорбило. Я увидѣлъ, что дѣлать было нечего и рѣшился было уѣхать. Но подумавъ, написалъ ей все обстоятельно. И въ письмѣ своемъ сказалъ ясно: что только въ ея семьѣ могу быть братомъ и не однимъ только именемъ, а на дѣлѣ, то есть отцомъ ея дѣтей! И это было бы возможно! Много бы счастія спаслось для меня. Это письмо произвело свое дѣйствіе, но на короткое время! Воейковъ при всей наружности дружбы, почувствовалъ что я братъ его матери, отъ него совершенно независимъ! Не могу рѣшительно сказать—но думаю, что это было для него тяжело. Между тѣмъ старая принужденность осталась. Брата боялись и братъ, чтобы сказать Машѣ, то, что могъ бы онъ ей говорить вслухъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, долженъ былъ потихоньку съ нею переписываться! Съ Воейковымъ, по своему обыкновенному глупому простодушію, сдѣлался было онъ совершенно искренненъ, а Воейковъ его слова пересказывалъ. Однимъ словомъ чтобы избѣжать всѣхъ подробностей, которыя со временемъ вы узнаете, я взялъ на себя всѣ тяжкія обязанности пожертвованія, которыя были бы легки и даже сладки при полной довѣренности, а онѣ не дали ничего въ замѣну, кромѣ одной наружности и между тѣмъ получили право всего требовать и во всемъ обвинять. При такихъ обстоятельствахъ можно ли было за себя ручаться—назвавшись братомъ, надобно было имъ быть въ сердцѣ, а не по одной наружности! А могъ ли я имъ быть одинъ! особливо тогда, когда надобно еще было много

съ собою бороться. Это было невозможно безъ поддержанія съ ихъ стороны, безъ помощи Машиной, съ которой я былъ разлученъ по старому. И такъ, чтобы не потерять къ себѣ уваженія, я долженъ былъ уѣхать! Но теперь все мое мнѣ возвращено. Я ничемъ не пожертвовалъ. Я сказалъ Е. А. что братомъ ея могу быть только съ нею, но что розно она никакого права на мои чувства не имѣетъ — и что я жертвовалъ ей всѣмъ не потому что наконецъ догадался, что желаю непозволеннаго, а для общаго счастія и спокойствія. Вотъ время въ которое былъ я крайне несчастливъ, но въ которое мысль о моихъ друзьяхъ меня радовала. Передъ вами могу сказать безъ всякаго самохвальства: что я готовъ былъ на жизнь добродѣтельную! Виноватъ ли я что меня лишили способовъ и бодрости исполнить то на дѣлѣ, что сказало мнѣ сердце въ лучшую минуту жизни! Такъ точно въ лучшую! Хотя въ эту минуту, я отказывался отъ всего совершенно! Чтобы понять это слово отъ всего, надобно вамъ знать, что я хотѣлъ не только перемѣнить свою привязанность къ Машѣ на другую, родственную, безкорыстную, но я былъ даже готовъ заботиться о томъ чтобы она могла наконецъ другому повѣрить свое счастіе — и въ этой заботѣ было для меня что то прелестное! не смотря на то что въ иныя минуты и возвращалось въ душу уныніе! я не давалъ ему воли—ждалъ шептуна, и шептунъ мой возвращался съ обыкновеннымъ своимъ лозунгомъ: все въ жизни къ великому средство! Что жъ дѣлать! И это не удалось! Я уѣхалъ необъяснившись—и къ чему объясненія! Меня считаютъ и не справедливымъ и не благодарнымъ (неблагодарнымъ потому, что я не знаю цѣны Воейкова дружбы и плачу ему за нее холодностью). Я оставилъ ихъ въ этомъ мнѣніи — на что его перемѣнять? Маша знаетъ, что было у меня въ душѣ! Они сами все разрушили. Теперь ни меня, ни Маши перемѣнить не можетъ ничто! Чтобы быть вмѣстѣ душою безъ упрека совѣсти, намъ должно разстаться. — Есть ли мысль что мы живемъ другъ для друга не дастъ счастія, то дастъ уваженіе къ жизни и твердость. Безъ меня она будетъ спокойнѣе. Никто теперь не будетъ въ ея глазахъ мнѣ дѣлать оскорбительныхъ несправедливостей; а теперь и я и она избавлены отъ опасности нарушить обѣщанное: насъ бы довели непримѣтно до этаго ужаснаго нарушенія, но обвинены были бы одни мы. Тогда бы и последнее уваженіе къ себѣ Маши, должно бы погибнуть. Однимъ словомъ вотъ я въ Петербургѣ — съ совершеннымъ, беззаботнымъ невниманіемъ къ будущему. Не хочу объ немъ думать. Для меня въ жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, есть ли можно — зажигать свой фонарь, не заботясь о тѣхъ которые удастся

зажечь послѣ. Такъ нечувствительно дойдешь до той границы, на которой все неизвѣстное изчезнетъ. Оглянешся назадъ и увидишь свѣтлую дорогу. Но что же вамъ сказать о моей Петербургской жизни? Она была бы весьма интересна не для меня! Много обольстительнаго для самолюбія; но мое самолюбіе разочаровано—не скажу, опытомъ, но тою привязанностію, которая ничему другому не даетъ мѣста. Здѣсь имѣютъ обо мнѣ какъ бы сказать, большое мнѣніе. И по сію пору я таскался съ обыкновенною лѣнью своею по знатностямъ и величіямъ. Тому ужъ съ недѣлю какъ былъ я представленъ Императрицѣ и великимъ князьямъ. Объ этомъ я сдѣлаю подробное описаніе на будущей почтѣ Плещеевымъ, отъ которыхъ возьмите мое письмо. Теперь это описаніе совсѣмъ не лѣзитъ въ голову. Послѣ буду писать вамъ съ большими историческими подробностями. Но послушайте, милые друзья—мнѣ писать часто невозможно. Одинъ разъ въ двѣ недѣли и довольно. Въ Дерптъ я пишу каждую почту; къ Плещеевымъ писать надобно; къ Вяземскому такъ же — вообразите сколько писемъ; это займетъ почти всю недѣлю, то есть каждое утро въ недѣли — а мнѣ надобно работать много. И переводить, и сочинять и читать. Къ этому прибавте огромный Петербургской свѣтъ. Словомъ сказать, временемъ должно экономить и по сію пору я еще этого экономическаго разсчета сдѣлать не успѣлъ. Вообще скажу что буду отъ 8 утра до 9 часовъ всегда дома. Остатокъ дня на разсѣяніе (убійственное и крѣпко осушающее душу). Теперь хочется кончить начатаго Пѣвца; потомъ сдѣлаю изданіе Муравьева сочиненій; между тѣмъ готовъ планъ Журнала, который надобно будетъ выдавать съ будущаго года; послѣ Муравьева изданіе своихъ сочиненій — все это, то есть учредить изданіе Журнала; напечатать свои сочиненія, выдать Муравьева надобно сдѣсь! Потомъ (ибо я не забылъ о томъ что писалъ къ вамъ объ Опекунствѣ хотя теперь кажется мнѣ, что берусь за невозможное) думаю перетащиться къ вамъ— на родину, въ семью; но объ этомъ рѣшительно скажу въ концѣ нынешняго года, котораго остатокъ необходимо надобно провести въ Петербургѣ» [1]).

Сообщ. К. К. Зейдлицъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Здѣсь Жуковскій былъ представленъ Императрицѣ, о чемъ пишетъ въ письмѣ къ роднымъ (вѣрнѣе къ Плещееву) отъ 11-го іюня 1815 г. (См. «Русск. Арх.» 1865 г. стр. 1297). Въ іюлѣ онъ опять ѣдетъ въ Дерптъ

П. В.

В. А. ЖУКОВСКІЙ ВЪ ПАВЛОВСКѢ

1820 г.

Въ послѣднемъ (1878 г.), седьмомъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошо изданномъ собраніи сочиненій В. А. Жуковскаго, подъ редакціей П. А. Ефремова—во II томѣ, въ примѣчаніяхъ, помѣщено стихотвореніе В. А. Жуковскаго по случаю похоронъ бѣлки, съ слѣдующею замѣткою почтеннаго редактора изданія:

«Можетъ быть ко времени 1818—1820 гг., когда Жуковскій лѣтомъ жилъ въ Павловскѣ, относится приписываемое ему шуточное стихотвореніе по случаю похоронъ бѣлки, сообщенное намъ съ рукописи съ именемъ Жуковскаго. Не имѣя никакихъ свѣдѣній объ этомъ стихотвореніи и положительно отрицая, что переданный намъ листокъ писанъ будто бы рукою самаго Жуковскаго, мы не рѣшились внести этихъ стиховъ въ текстъ книги, а помѣщаемъ ихъ въ примѣчаніяхъ (см. томъ II, стр. 496—498)».

Помянутое стихотвореніе дѣйствительно принадлежитъ В. А. Жуковскому, написано имъ въ 1820 г. и въ послѣдующемъ изданіи его сочиненій должно быть помѣщено въ подлежащемъ мѣстѣ.

Вотъ объясненіе происхожденія этой милой шутки незабвеннаго поэта.

В. А. Жуковскій былъ прекрасно принятъ и весьма любимъ въ домѣ дѣда моего, Ѳ. П. Аделунга, бывшаго наставникомъ императора Николая I и великаго князя Михаила Павловича. Происхожденіе сообщаемаго стихотворенія обязано именно близкимъ отношеніямъ Жуковскаго къ семьѣ Аделунга, гдѣ въ 1820 году было трое молодыхъ людей, сыновей Ѳедора Павловича.

Старый слуга дѣда моего, проходя по Павловскому парку и завидѣвъ бѣлку, бросилъ въ нее камнемъ и, поймавъ раненное имъ животное, пожелалъ принести его домой на утѣху молодежи. Но увы! звѣрекъ, положенный въ карманъ, задохся. Столь грустная смерть бѣлки вызвала блестящія ея похороны и назначенъ былъ конкурсъ для составленія надгроб-

ной надписи. Всѣхъ надписей, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, было шесть и въ составленіи ихъ принимали участіе какъ Ѳ. П. Аделунгъ и дѣти его, такъ равно отецъ мой, академикъ П. И. Кеппенъ, и академикъ Кругъ. Судьею былъ избранъ Жуковскій,—и вотъ какимъ образомъ явилось на свѣтъ произведеніе знаменитаго нашего поэта, сохранившееся въ бумагахъ моего отца, которое считаемъ однако лишнимъ помѣщать здѣсь, въ виду того, что списокъ его уже помѣщенъ въ примѣчаніяхъ изд. 1878 г.

Избранная Жуковскимъ надпись, увѣковѣченная его переводомъ, принадлежала Ѳ. П. Аделунгу.

А. П. Кеппенъ.

С.-Петербургъ.
3-го января, 1883 г.

Замѣтка къ статьямъ: „В. А. Жуковскій".

Мужъ Маши Протасовой—Мойеръ (Moier)—былъ сынъ генералъ-суперинтендента въ Ревелѣ и священника при тамошней Domkirche.

Сообщ. Павелъ Гагенъ.

28-го іюня 1762 г.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

28-го іюня

Реэстръ на сколко суммою у директора Івана Іродионова Чир кабакахъ і погребахъ сего 1762 году іюня отъ 28 дня по нынеш роспито питей и растащено денегъ и посу

	Рубли.	Коп.
По истиннымъ ценамъ:		
В Санктъ Петербурге питей на.	2,730	67½
» денегъ і посуды	310	67
По Ингермоландіи:		
В Петергофской дистанціи питей на	3,379	93½
» » денегъ и посуды.	1,671	14¼
В Красноселской питей на.	986	91
» денегъ і посуды на.	65	90
В Влижней что по Петергофской дорогѣ питей на . .	1,523	35½
» » » » » денегъ і посуды.	436	84
В Смоленской вверхъ по Невѣ рекѣ питей на	2,097	48
» » » » » денегъ і посуды. .	102	22
В Сестерецкой дистанціи питей на	170	71½
» » денегъ и посуды	26	60
Итого		
В Санктъ Петербурге и вынгермоландіи питеи на. . .	10,889	7
» » денегв и посуды.	2,613	37¼
Всего	13,502	44¼

1762 г.

кина по описанию в Санктъ Петербурге і по ингермоландіи в нему случаю салдатами і всякого звания людми безденежно ды о томъ значитъ подсимъ, а имянно:

	Рубли.	Коп.
По продажнымъ ценамъ:		
В Санктъ Петербургѣ питей на	5,031	70¼
» денегъ і посуды на	310	67
По Ингермоландіи:		
В Петергофской дистанціи питей на	6,242	76¼
» » денегъ і посуды. . . .	1,671	14¼
В Красноселской питей на	1,775	31¼
» денегъ і посуды.	65	90
В Ближнеи что по Петергофскои дорогѣ питей на. . .	2,872	34¼
» » » » » денегъ і посуды.	436	84
В Смоленской вверхъ по Невѣ рекѣ питей на. . . .	3,861	¼
» » » » » денегъ і посуды. .	102	22
В Сестерецкой дистанціи питей на	300	69¾
» » денегъ и посуды.	26	60
Итого		
В Санктъ Петербургѣ и выгермоландіи питей на . . .	20,083	81
» » денегъ і посуды.	2,613	37¼
Всего . .	22,697	18¼

Реэстръ коликое число слѣдуетъ получить директору Ивану Чиркину за распитыя въ 1762-мъ году Іюня 28-го числа въ ево части по Санктпетербургу и Ингермаландіи питья, по истиннымъ, а не по продажнымъ цѣнамъ; и что слѣдуетъ по положенію Государственной Камеръ-Коллегіи канторы на ево Чиркина часть за простойныя безъ продажи десять дней:

	Рубли.	Коп.
Въ Санктпетербургѣ:		
Подлежитъ за распитыя питья	2,984	77¾
За простойныя десять дней	1,222	87¾
Въ Ингермаландіи:		
За распитыя питья	10,416	46¾
За простойныя десять дней, только за одно вино и водку кромѣ пива и меду	465	73¼
Итого . .	15,089	85½
Въ то число во ономъ 1762-мъ году за іюль и августъ мѣсяцы зачтено на ево Чиркина часть въ откупную сумму десять тысячъ рублевъ. .	10,000	—
Затѣмъ слѣдуетъ получить пять тысячъ восемдесятъ девять рублевъ восемдесятъ пять копѣекъ съ половиною	5,089	85½

Сообщилъ Ѳ. А. Вычковъ-Ростовскій.

СОБЫТІЕ ВЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ

въ 1820 г.

Съ перваго-же года изданія „Русской Старины", редакція приняла за непреложное правило—печатать разсказы объ однѣхъ и тѣхъ-же историческихъ событіяхъ новѣйшихъ временъ въ изложеніи нѣсколькихъ лицъ, со свойственной каждому разсказщику его собственной точки зрѣнія, съ выводами, основанными на личномъ его убѣжденіи. Только при подобномъ всестороннемъ обсужденіи факта возможна его оцѣнка съ точки зрѣнія исторической критики. Къ числу таковыхъ событій принадлежитъ, между прочими, событіе 17-го октября 1820 года въ Семеновскомъ полку, столь преувеличенно названное „возмущеніемъ". Удѣливъ разсказамъ о немъ многія страницы нашего изданія [1]), редакція считаетъ долгомъ помѣстить нынѣ описаніе событія 17 октября 1820 года, составленное П. П. Карцевымъ на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ, давшихъ достоуважаемому составителю возможность выставить угомянутый случай, прискорбный въ лѣтописи одного изъ славнѣйшихъ полковъ русской гвардіи, выставить въ томъ свѣтѣ, въ которомъ онъ выказался послѣ военно-судебнаго слѣдствія. Ред.

I.

Послѣднее время командованія ген.-ад. Потемкина.- Упадокъ управленія.

Съ 1821 года измѣнился прежній составъ Семеновскаго полка; чины, его составлявшіе, разсѣялись и исчезли въ общей массѣ русской арміи; вмѣсто ихъ явились новые, которые приняли отъ прежнихъ знаки отличія, купленные ими кровію подъ стѣнами Нарвы и на поляхъ Кульмскихъ, и въ то же время наслѣдовали драгоцѣнныя

---

[1]) См. «Русская Старина» 1870 г. Томъ I: письмо императора Александра I къ графу Аракчееву (изд. первое стр. 63—65). Изд. 1871 г. Томъ IV: возмущеніе Семеновскаго полка въ 1820 г. (стр. 533—545) и переписка И. В. Васильчикова съ кн. П. М. Волконскимъ (стр. 646—666). Изд. 1873 г. Томъ VII: Записки полковника Вадковскаго (стр. 635—652) и друг.

историческія воспоминанія своихъ предмѣстниковъ. Минутное нарушеніе старинной, вѣковой покорности дисциплинѣ, измѣнивъ составъ полка, не могло разстроить узы того нравственнаго единства, которое было создано въ полку Петромъ Великимъ и окончательно утверждено безчисленными милостями Александра Благословеннаго... Что произвело измѣненіе состава? что было причиною переворота? Отвѣты на эти вопросы составляютъ предметъ этой статьи, въ которой описывается время съ апрѣля 1820 года по январь 1821. Въ теченіе этого краткаго періода, именно 16 и 17 октября, произошли безпорядки, имѣвшіе важное вліяніе на дальнѣйшую жизнь полка. Какъ событія, совершенно измѣнившія составъ его, безпорядки эти не могутъ быть пройдены молчаніемъ въ его исторіи, тѣмъ болѣе, что долго они извѣстны были только въ общихъ чертахъ и, нигдѣ подробно необъясненные, какъ-бы оставались тайною. Все доселѣ изданное о такъ называемой «Семеновской Исторіи» представляетъ отрывочныя свѣдѣнія, частные выводы, или споры о взглядахъ на дѣло той или другой современной событію личности. Все это только породило множество превратныхъ сужденій, множество несправедливыхъ толковъ, которые частію уменьшая, частію увеличивая вину полка, произвели подробности, доселѣ передаваемыя молвою въ совершенно превратномъ видѣ.

Не смотря на всю трудность описанія этого минутнаго заблужденія, мы, по мѣрѣ силъ и средствъ, старались собрать все, относящееся до этого событія, съ тѣмъ чтобы представить его по возможности полно и въ настоящемъ свѣтѣ. При этомъ считаемъ обязанностію, не скрывая ни одного факта, служившаго поводомъ къ происшествію, указать, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, на степень виновности участвовавшихъ въ немъ лицъ.

Дабы читатели не думали, что предлагаемая ихъ вниманію статья основана на однихъ частныхъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ отъ участниковъ событія, считаемъ необходимымъ заявить, что въ рукахъ автора были всѣ документы секретнаго архива III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и оба военно-судныя дѣла, какъ надъ офицерами, такъ и надъ нижними чинами. Документы эти получены были при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Утромъ 6-го января 1852 года Императору Николаю Павловичу представлена была, чрезъ военнаго министра, только что вышедшая изъ печати 2-я часть исторіи Семеновскаго полка. Передъ выходомъ къ Крещенскому параду, у Государя былъ князь А. Ѳ. Орловъ; Государь, показывая ему книгу, вспомнилъ, что князь былъ предсѣдателемъ суда надъ офицерами и изволилъ сказать ему:

— «У тебя должны быть интересные документы о несчастной Семеновской исторіи 1820 года. Она должна войти въ слѣдующій томъ исторіи полка; передай ихъ Карцову».

Князь Орловъ, слѣдуя на Высочайшемъ выходѣ за Государемъ, остановился передъ офицерами Семеновскаго полка и, подозвавъ меня, повторя слова Государя, прибавилъ: «Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, я передамъ вамъ документы».

На слѣдующій день, утромъ, я не засталъ князя; но, уѣзжая, онъ передалъ дѣла и документы своему сыну, тогда флигель-адъютанту и теперь нашему послу въ Парижѣ, изъ рукъ котораго они и были мною приняты.

Дабы событіе 1820 года изобразить совершенно ясно, мы должны обратиться назадъ и начать разсказъ съ послѣднихъ дней командованія полкомъ генерала Потемкина. Назначенный въ 1819 году командующимъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и оставаясь въ то же время командиромъ полка, Потемкинъ не имѣлъ времени заниматься имъ въ той степени, какъ дѣлалъ это прежде; поэтому, въ началѣ 1820 года, вся наружная часть полковаго управленія была поручена полковнику Яфимовичу, внутренняя же, или хозяйство, лежало на полковомъ казначеѣ. Тотъ и другой, хотя дѣйствовали именемъ полковаго командира, но дѣйствія ихъ не могли имѣть той связи, которая необходима во всякомъ управленіи.

Главною причиною такой перемѣны было слѣдующее: въ 1818 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о запрещеніи ходить въ питейные дома нижнимъ чинамъ, которые вмѣсто того должны были посылать за виномъ изъ ротъ и получали на это отъ ротныхъ командировъ особые билеты. Сначала брали вино ведрами, по мѣрѣ надобности; потомъ, нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ, во избѣжаніе частыхъ посылокъ, приказали брать куфами и выручать деньги продажею вина въ ротахъ, что поручалось людямъ испытаннаго поведенія. Получаемая прибыль шла на улучшеніе пищи и потому служила къ значительному сбереженію артельныхъ денегъ. Такого рода оборотъ не былъ скрытъ отъ начальства. Но узнавъ о немъ, оно лишь указывало ротнымъ командирамъ на вкравшійся безпорядокъ, не принимая никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ пресѣченію зла. Съ одной стороны Потемкинъ мало слѣдилъ за исполненіемъ своихъ приказаній, съ другой—общество молодыхъ офицеровъ, не взирая на неотъемлемыя свои достоинства, не было уже, какъ прежде, руководимо командиромъ полка, занятаго управленіемъ дивизіею.

Въ началѣ апрѣля генералъ Потемкинъ просилъ государя объ увольненіи его отъ командованія полкомъ. Снисходя на это, но не

назначая еще преемника Потемкину, его величество повелѣлъ перевести въ полкъ, изъ л.-гв. гренадерскаго полка, полковника Шварца. Когда дошло это до свѣдѣнія офицеровъ, то всѣ они, въ полной формѣ, собрались въ квартиру генерала. Въ это же время прибылъ и полковникъ Шварцъ, для того чтобы представиться по случаю перевода; но онъ не подошелъ ни къ одному изъ офицеровъ, ни съ кѣмъ не познакомился. Между тѣмъ Потемкинъ вышелъ изъ кабинета, благодарилъ офицеровъ за службу и любовь къ нему, потомъ высказалъ всю степень милостей къ полку государя, пожелалъ офицерамъ сохранить ихъ навсегда и простился, не обративъ вниманія на стоявшаго въ сторонѣ полковника Шварца.

Такъ при первой встрѣчѣ съ новымъ полковымъ командиромъ положено было Потемкинымъ начало замѣтнаго къ нему равнодушія.

II.

Назначеніе полковника Шварца.—Сдача и пріемъ полка.—Личный характеръ полковника.—Первыя преобразованія Шварца.

11-го апрѣля 1820 г. полковникъ Шварцъ былъ назначенъ командиромъ полка. Въ три дня нужно было все приготовить, сдать и представить квитанцію государю, какъ шефу полка. Оба полковые командира лично другъ съ другомъ не объяснялись, а потому казначею предстояло являться то къ одному, то къ другому. Такое нежеланіе генерала Потемкина сблизиться съ полковникомъ Шварцемъ не могло укрыться отъ офицеровъ. Не смотря на все это, полкъ былъ принятъ къ законному сроку, послѣ чего, приказомъ отъ 13 апрѣля, Потемкинъ предписалъ всѣмъ чинамъ обращаться къ полковнику Шварцу, какъ къ новому командиру полка.

Полковникъ Шварцъ, съ самаго начала службы своей, состоялъ въ полку графа Аракчеева, гдѣ пріобрѣлъ репутацію храбраго офицера, и, командуя впослѣдствіи полками екатеринославскимъ и л.-гв. гренадерскимъ, считался отличнымъ полковымъ командиромъ, хотя уже слылъ за человѣка крайне строптиваго. Имѣя характеръ постоянно тревожный и недовольно настойчивый, онъ не обладалъ необходимымъ начальнику тактомъ, и отъ того, когда занялъ мѣсто Потемкина, человѣка въ сказанныхъ отношеніяхъ ему совершенно противуположнаго, разница между новымъ и старымъ полковымъ командиромъ была разительна.

Общая холодность къ новому командиру, отчасти возбужденная прежнимъ, обнаружилась въ самомъ началѣ; она не могла скрыться

отъ нижнихъ чиновъ и была замѣчена имъ самимъ, потому что онъ, оставшись, иногда, доволенъ ученьемъ, говорилъ: «я не достоенъ командовать Семеновскимъ полкомъ; полкъ отличный, мнѣ нечего исправлять въ немъ». Въ другое-же время, когда ученье, какъ говорится, не задавалось, онъ выходилъ изъ границъ приличія [1]), вызывалъ офицеровъ изъ фронта, и говорилъ солдатамъ, что они недостойны, чтобы ими командовали такіе офицеры. Къ этому надобно прибавить, что при объясненіяхъ съ подчиненными, полковникъ Шварцъ, трудно выражая мысль свою, часто безъ особенныхъ причинъ смущался, и обнаруживалъ неувѣренность свою долго командовать полкомъ. Мысль эта мало помалу укоренилась и въ офицерахъ.

Не оправдывая нисколько бывшихъ въ полку неисправностей, нельзя было однакоже согласиться съ полковникомъ Шварцемъ въ томъ, что все было дурно, какъ онъ объявлялъ объ этомъ официально, черезъ двѣ недѣли по принятіи полка [2]). Такое объявленіе не могло не обижать всѣхъ чиновъ полка, явно противорѣчило собственнымъ словамъ Шварца и обнаруживало недостатокъ такта. Вмѣсто того, чтобы поддержать хорошее, исправить дурное, исподволь вводить новое, полковникъ Шварцъ началъ круто измѣнять прежніе порядки. Никто не видѣлъ отъ него вниманія, ни одинъ солдатъ не слыхалъ привѣтливаго слова начальника, которымъ онъ часто дорожитъ больше награды; всѣ видѣли командира строптиваго и всегда угрюмаго. Недовольный полкомъ за парадъ 1-го мая, онъ объявилъ въ приказѣ, что баталіонные командиры не исполняютъ просьбъ его. Просить, а не приказывать, было сначала его обыкновеніемъ, которое часто ставило частныхъ начальниковъ въ величайшее затрудненіе, особенно когда обстоятельства, упущенныя командиромъ полка изъ виду, препятствовали исполненію просьбъ его [3]). Неудовольствіе за майскій парадъ, рѣзко имъ выраженное, объявлено было въ тотъ-же день, когда полкъ удостоился самой лестной похвалы отъ его высочества командира бригады [4]). Приказъ по 1-й бригадѣ былъ слѣдующаго содержанія: «Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю себѣ объявить совершенную мою признательность командирамъ полковъ ввѣренной мнѣ бригады, а также и всѣмъ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ, за устройство, чистоту и примѣрную плавность и тишину во фронтѣ, при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ, во время бывшаго па-

---

[1]) Военно судное дѣло. Отдѣленіе 3, вопросъ 11.
[2]) Приказъ по полку 1 мая, книга № 126.
[3]) См. прилож. № 1.
[4]) В. кн. Михаилъ Павловичъ.

рада; я увѣренъ, что съ такими помощниками и при такомъ усердіи и ревности, полки сіи и впредь обратятъ на себя благосклонное вниманіе всемилостивѣйшаго государя нашего, а тѣмъ болѣе усугубятъ еще мою къ нимъ признательность.»

Вообще многіе приказы полковника Шварца явно противорѣчили одинъ другому. Измѣняя новыми распоряженіями прежній порядокъ, онъ черезъ нѣсколько дней отмѣнялъ свое приказаніе, отдавалъ другое, потомъ разрѣшалъ поступать какъ было при его предмѣстникѣ, и наконецъ опять придумывалъ что-либо совершенно противоположное первому [1]). Затрудняемые этимъ, частные начальники не знали чего держаться и терялись при неясныхъ требованіяхъ командира.

III.

Отстраненіе частныхъ начальниковъ, и начало неудовольствій.—Смотры одиночные и по десяткамъ.—Мѣры взысканій.—Вольныя работы.—Приготовленія къ полковому празднику.

Желая все измѣнить вдругъ, полковникъ Шварцъ прежде всего началъ вводить особенную методу въ служебныхъ сношеніяхъ съ своими помощниками. 1) Всѣ приказанія и распоряженія свои дѣлалъ онъ черезъ фельдфебелей, которыхъ имѣлъ обыкновеніе созывать къ себѣ по три и четыре раза въ день; бесѣдовалъ съ ними, а часто даже, полагаясь на слова этихъ, не всегда толковыхъ, людей болѣе, нежели на ихъ непосредственныхъ начальниковъ, дѣлалъ замѣчанія ротнымъ командирамъ. Это заставило каждаго изъ послѣднихъ приказать своему фельдфебелю давать знать каждый разъ, когда его потребуютъ къ полковнику. Тогда вмѣстѣ съ фельдфебелемъ сталъ являться и ротный его командиръ. Это не нравилось полковнику Шварцу и пораждало непріятныя столкновенія между начальникомъ и подчиненными. 2) Награды и взысканія перешли въ непосредственное распоряженіе Шварца [2]); всѣ сношенія, долженствующія быть между полковымъ и ротными командирами, пресѣклись; а съ упадкомъ власти послѣднихъ уменьшилось взаимное уваженіе и вниманіе [3]). Отстранивъ ротныхъ командировъ, полковникъ Шварцъ уменьшилъ власть ихъ. Отъ этого, когда пришлось примѣнить потомъ власть эту къ дѣлу, ротные командиры остались безъ всякаго вліянія на свои части.

---

[1]) Приказы по полку за 1820 г.

[2]) Военно-судное дѣло, отдѣленіе 3, вопросъ 3.

[3]) Переписка генерала Дибича, 17-го іюня 1825 г., и приказъ по полку, книга 126.

Вспыльчивость полковаго командира была первымъ поводомъ къ обнаруженію явнаго неудовольствія. Во время весеннихъ ученій, полковникъ показалъ, что дѣлая замѣчанія офицерамъ, онъ не удерживаетъ себя въ предѣлахъ приличія. Послѣ одного изъ такихъ ученій, всѣ офицеры полка собрались на квартиру полковника Яфимовича и просили его объяснить полковому командиру, что не умѣстныя и часто колкія выраженія его передъ фронтомъ оскорбляютъ ихъ. При этомъ были всѣ баталіонные командиры, рѣшившіеся въ тотъ же вечеръ объясниться съ Шварцомъ[1]). Но полковникъ Обрезковъ, имѣя случай ранѣе вечера видѣть начальника штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанта Бенкендорфа, передалъ ему неудовольствіе офицеровъ на командира полка, предупредивъ его однакоже о томъ, что сообщаетъ ему объ этомъ не какъ начальнику штаба, а частнымъ образомъ.

Генералъ Бенкендорфъ спросилъ Обрезкова: равное-ли неудовольствіе происходитъ и въ другихъ двухъ баталіонахъ, и, получивъ отвѣтъ, что и другіе полковники подтвердятъ сказанное, поручилъ Обрезкову пригласить къ нему всѣхъ баталіонныхъ командировъ, обѣщаясь принять ихъ не въ качествѣ начальника штаба, а какъ лицо, желающее подать имъ совѣтъ. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы идти, какъ было предположено, къ командиру полка, баталіонные командиры собрались вечеромъ у генерала Бенкендорфа и объяснили ему о неосторожномъ обращеніи полковника Шварца съ офицерами и о болѣе нежели строгомъ съ нижними чинами. Выслушавъ все это, начальникъ штаба обѣщалъ частнымъ образомъ передать все командующему корпусомъ, прибавивъ, что послѣдній конечно дастъ Шварцу наставленіе, вслѣдствіе котораго тотъ перемѣнитъ обращеніе.

При этомъ баталіонные командиры присовокупляли, что видя общее неудовольствіе, они опасаются непріятныхъ столкновеній. Тогда генералъ Бенкендорфъ поставилъ имъ на видъ, что по званію баталіонныхъ командировъ они обязаны не только предупреждать всякое личное столкновеніе, но даже давать направленіе образу мыслей молодыхъ офицеровъ, внушая имъ держать себя такъ, чтобы командиръ полка не имѣлъ повода дѣлать имъ замѣчанія. Начальникъ штаба прибавилъ, что этимъ только они покажутъ себя достойными милостей государя и чести служить въ Семеновскомъ полку. Наконецъ, поблагодаривъ полковниковъ за довѣріе ихъ къ нему, генералъ Бенкендорфъ просилъ ихъ и впредь сообщать ему все, что можетъ заслуживать вниманіе высшаго начальства.

---

[1]) Письмо къ генералу Дибичу отъ 2-го сентября 1824 г.

Все это случилось въ концѣ мая. Передъ лагеремъ нѣкоторые изъ штабъ-офицеровъ искали случая лично объясниться съ полковникомъ Шварцомъ [1]). Онъ принималъ ихъ безъ затрудненій и при этомъ оказывалъ особенное довѣріе Вадковскому, который откровенно представлялъ ему положеніе полка и указывалъ на дѣлаемыя ошибки.

Къ чести полковника Шварца нужно сказать, что онъ охотно сознавалъ свои недостатки, но самое сознаніе это обнаруживало въ немъ недостатокъ такта и въ сущности ни къ чему не вело: какъ только являлся Шварцъ передъ фронтъ или входилъ въ дѣла управленія, онъ забывалъ и сознаніе, и всѣ свои обѣщанія. Напротивъ того, въ минуты новаго гнѣва, онъ смотрѣлъ на всѣ представленія, какъ на непозволительное противодѣйствіе подчиненнаго начальнику, что и давалъ замѣтить тѣмъ, кто рѣшался высказывать ему свое мнѣніе. Это окончательно прервало всякое сношеніе офицеровъ съ командиромъ полка, и уменьшало рвеніе ихъ къ общему дѣлу. Всѣ упали духомъ, сходились только на ученьяхъ, послѣ которыхъ каждый возвращался къ своимъ занятіямъ; единодушія и соревнованія болѣе не существовало.

По возвращеніи изъ лагеря, желая усовершенствовать фронтовое образованіе, полковникъ Шварцъ, независимо отъ общихъ занятій въ ротахъ, производилъ въ тѣ же дни одиночные смотры. Система эта принята была имъ съ самаго вступленія въ командованіе полкомъ. До лагеря ежедневно приводили для этой цѣли отъ каждой роты по 4 или по 5 человѣкъ въ квартиру полковника или на дворъ командирскаго дома; по возвращеніи же изъ лагеря, когда всѣмъ войскамъ данъ былъ полный отдыхъ, начались смотры еще другаго рода—по десяткамъ. Командиръ полка лично отдавалъ приказанія фельдфебелямъ, какіе приводить къ нему десятки и какихъ капральствъ. Главное вниманіе полковника обращено было на чистоту одежды. Въ последнемъ отношеніи требованія его доходили до крайнихъ предѣловъ взыскательности. Людей, замѣченныхъ въ малѣйшей неисправности, въ тотъ же день,—весьма рѣдко на другой—приводили на вторичный смотръ.

По возвращеніи со смотровъ, требовавшихъ тщательныхъ приготовленій наканунѣ и производимыхъ обыкновенно въ 6 и 7 часовъ утра, люди поспѣвали въ роты къ началу ученій. Полковникъ Шварцъ утверждалъ впослѣдствіи будто-бы онъ не зналъ объ этомъ и полагалъ, что бывшіе на смотру увольнялись отъ ученій. Но какъ

---

[1]) См. прилож. № 3.

видно изъ сохранившихся бумагъ, это оправданіе неосновательно, потому что баталіонные командиры, для облегченія нижнихъ чиновъ, нѣсколько разъ просили объ отмѣнѣ десяточныхъ смотровъ, на что Шварцъ иногда и соглашался [1]. Производя десяточные смотры безъ присутствія баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, онъ нисколько не улучшалъ фронта, потому что частные начальники не знали требованій полковника, знакомились съ ними черезъ фельдфебелей и, обиженные этимъ, не охотно исполняли ихъ. Все это не должно-бы имѣть особеннаго вліянія, если-бы ротные командиры пожертвовали личными неудовольствіями на командира, не долженствующими имѣть мѣста въ дѣлахъ службы.

При описаніи дальнѣйшихъ происшествій, все сказанное нами оправдается фактами и приведетъ къ тому заключенію, что цѣлью всѣхъ дѣйствій полкового командира было дѣйствительно желаніе принести полку пользу и довести его до совершенства, но мы также увидимъ, что путь, для этого избранный, удалялъ отъ цѣли.

Изъ приказовъ по полку видно, что въ теченіе 7-ми мѣсячнаго командованія полкомъ полковника Шварца, по представленію его, выписано въ армію 46 человѣкъ. Это не могло укрыться отъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, уже въ то время съ отеческою заботливостію пекшагося о благосостояніи полка. Въ концѣ сентября его высочество писалъ командиру полка:

«Изъ доставленной ко мнѣ вѣдомости о выписанныхъ въ армію усматривается не соразмѣрность въ числѣ выписанныхъ изъ командуемаго вами полка противъ прочихъ, особенно въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ: въ 17 дней выписано изъ него 10 человѣкъ. По причинѣ столь значительной убыли въ полку, въ который даются лучшіе люди, предписываю обратить на сей предметъ особенное вниманіе».

Вотъ лучшее доказательство того, какъ мало мѣры полковника Шварца вели къ предположенной имъ цѣли.

Надобно сказать, что строгость полковника Шварца не была такъ велика, какъ о ней говорили. При всемъ томъ строгость справедливая, сообразная съ проступками и всегда относительно равная, какъ-бы она велика не была, никогда не могла-бы произвести того негодованія, которое было слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ Шварцемъ для наказанія виновныхъ. Иногда, въ минуту гнѣва, онъ взыскивалъ за маловажный проступокъ наравнѣ съ преступленіемъ; въ другое же время ограничивался мѣрами легкими тамъ, гдѣ слѣдовало произвести при-

---

[1]) Военно-судное дѣло, отдѣленіе 3, показанія полковника Шварца и баталіонныхъ командировъ.

мѣрное наказаніе. Впослѣдствіи военно-судная коммисія раскрыла всю степень неумѣренности его взысканій. Не входя въ подробности по этому предмету, скажемъ только то, что Шварцъ, въ минуту запальчивости, никогда не могъ удержать своихъ порывовъ и обыкновенно, вмѣсто того, чтобы приказать взыскать съ виновнаго, производилъ наказаніе самъ, на мѣстѣ проступка. Тогда гнѣвъ его упадалъ равно на рядовыхъ и на унтеръ-офицеровъ, и нерадивый солдатъ за вину свою получалъ одинакое возмездіе съ человѣкомъ отличнаго поведенія, прослужившимъ много лѣтъ, а иногда даже украшеннаго знакомъ военнаго ордена. Впрочемъ не столько мѣра, сколько форма его наказаній была предосудительна; она-то и была главною причиною общаго въ полку негодованія, день ото дня возраставшаго [1]). Относительно офицеровъ полковникъ Шварцъ былъ не только не строгъ, но даже слабъ.

Вникая въ приказы, отдававшіеся по полку, видимъ, что при Потемкинѣ взысканія за упущенія были несравненно серьезнѣе. При Шварцѣ они ограничивались одними лишь выговорами, произносимыми во время гнѣва и облеченными въ самыя странныя формы. Все это служило къ ущербу не только собственнаго авторитета начальника, но вмѣстѣ уменьшало и уваженіе нижнихъ чиновъ къ командирамъ отдѣльныхъ частей. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда служба требовала неослабнаго соблюденія офицерами установленныхъ правилъ, командиръ полка не только не слѣдилъ за ихъ исполненіемъ, но самъ еще допускалъ отступленія отъ порядка. Выводя въ церковные парады по ротѣ съ баталіона, или по 20-ти человѣкъ съ каждой роты полка, (что составляло въ первомъ случаѣ около 650, во второмъ — около 250 человѣкъ), онъ не назначалъ присутствовать на нихъ ни одному особому штабъ-или оберъ-офицеру, и производилъ парадъ при трехъ только дежурныхъ офицерахъ [2]). За часъ до начала обѣдни, люди выводились на площадь; командиръ полка, осмотрѣвъ одежду, производилъ церемоніальный маршъ, который начинался пошереножно, съ тихаго шага. Если шеренга проходила дурно, ее останавливали и показывали правила маршировки учебными шагами. Когда, такимъ образомъ, весь парадъ проходилъ тихимъ шагомъ, то сводили взводы и повторяли это самое по нѣсколько разъ; потомъ ходили колонною, отдѣленіями и рядами [3]). Отъ этихъ многослож-

---

[1]) См. прилож. № 5.

[2]) Приказъ по полку отъ 22-го мая, книга № 126.

[3]) Военно-судное дѣло, отдѣлъ 3 й. Возраженіе баталіонныхъ командировъ.

ныхъ эволюцій, люди поспѣвали въ церковь лишь къ херувимской, или передъ самымъ концомъ обѣдни [1]).

Въ описываемый нами періодъ времени вольныя работы имѣли важное значеніе для хозяйства и внутренняго быта солдатъ. Во время полныхъ отдыховъ, нижнимъ чинамъ разрѣшалось брать работы гуртовыя; кромѣ того, каждый солдатъ, въ свободное отъ службы время, съ разрѣшенія ротнаго командира, могъ искать себѣ работы одиночной, лишь-бы она происходила въ чертѣ города. Послѣднее не нравилось полковнику Шварцу, и онъ запретилъ одиночныя работы во все то время, когда не было общихъ отдыховъ. Когда же они наступали, то онъ для осмотра одежды и аммуниціи распоряжался своимъ временемъ такимъ образомъ, что люди не могли уже ходить на работы въ такомъ числѣ, какъ прежде, и чрезъ это не могли заработать столько, сколько было необходимо для ихъ нуждъ, такъ что многіе не вносили въ съѣстную артель и складочной суммы [2]). Послѣднее обстоятельство не могло не обратить на себя вниманіе командира полка. Видя малое приращеніе суммъ, онъ думалъ поправить это тѣмъ, что приказалъ всѣ ротныя экономическія деньги присоединить къ артелямъ. Извѣстно, что экономическія деньги, какъ плодъ заботливости и прилежанія нижнихъ чиновъ, занимающихъ хозяйственныя должности, должны быть неотъемлемою собственностію цѣлой роты. Ясно, что нельзя было трогать и части этихъ денегъ, не нарушая упроченнаго временемъ обычая и не возбуждая толковъ [3]).

Та же самая неосновательность въ распоряженіяхъ обнаруживается и въ общемъ хозяйствѣ полка. Будучи, можно сказать, образцомъ безкорыстія, полковникъ Шварцъ, повидимому, дѣлалъ все, что могло представить цѣли его корыстными.

При самомъ вступленіи въ командованіе полкомъ онъ строго предписалъ, чтобы нижніе чины не смѣли покупать на собственный счетъ ни аммуниціи, ни предметовъ обмундированія. Впослѣдствіи, осматривая то и другое и не находя ничего сообразнымъ съ своими желаніями, Шварцъ далъ въ роты образцы для разныхъ вещей, и требовалъ, чтобы все было пригнато и передѣлано по этимъ образцамъ. Но какъ многіе предметы были уже довольно поношены и даже выслуживали свои сроки, то такая передѣлка, по тщательно и красиво сдѣланному образцу, была невозможна, безъ значительнаго употребленія собственныхъ солдатскихъ денегъ.

---

[1]) Показанія предъ судомъ полковыхъ священниковъ.

[2]) Приказъ по полку 20-го октября, № 126.

[3]) Приказъ полковника Шварца отъ 30-го августа,—книга № 126.

Это ясно видно изъ того, что по розысканію военно-судной коммисіи, въ теченіе 7-ми мѣсячнаго командованія полковника Шварца, употреблено нижними чинами 1-го баталіона, на покупку вещей, собственныхъ денегъ 3,622 рубля; а по показанію нижнихъ чиновъ— до 9,975 руб. Нынѣ такія цифры могутъ показаться преувеличенными, но въ то время онѣ были дѣйствительны. При долголѣтней службѣ солдатъ, артели нижнихъ чиновъ были весьма велики, а увольненіе на частныя работы безпрерывно ихъ увеличивало. Были солдаты, представившіе доказательства, что при арестованіи они оставляли въ Петербургѣ, кромѣ артели, по 500 и болѣе рублей, розданныхъ въ долгъ [1]). Полковникъ Шварцъ, впослѣдствіи доносилъ, что нижніе чины поставлены были въ необходимость пріобрѣтать сказанные предметы на свой счетъ безъ его вѣдома и вопреки его приказа, и что частные начальники не доносили ему о добровольныхъ издержкахъ солдатъ. Но эти доводы мало основательны, въ особенности если вспомнить въ какое отношеніе поставлены были частные начальники къ полковому командиру. Сверхъ того, нельзя допустить, чтобъ онъ не замѣчалъ самъ, какъ вещи, бывшія въ употребленіи два года и не образцовыя въ началѣ его командованія, постепенно дѣлались новыми и такими, какъ онъ желалъ.

Къ концу сентября 1820 г. весь полкъ пришелъ въ ропотъ, безпрестанно возраставшій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастала и раздражительность Шварца. Не взирая однако же на эти неудовольствія, осенніе инспекторскіе смотры прошли тихо. Впослѣдствіи времени, нижніе чины показали предъ судомъ, что они не объявляли претензіи: 1) потому, что каждый боялся жаловаться отдѣльно, страшась наказанія; 2) надѣясь видѣть перемѣну въ полковникѣ, не хотѣли навлечь на полкъ негодованія объявленіемъ своихъ претензій, чего никогда въ немъ не бывало; 3) наконецъ, они полагали, что начальство само увидитъ ихъ положеніе по значительному числу отлучившихся и выписанныхъ въ армію [2]).

Хотя эти причины нисколько и не оправдываютъ позднѣйшихъ дѣйствій нижнихъ чиновъ, но указываютъ на общее негодованіе, которое, при единодушныхъ дѣйствіяхъ командира полка съ его помощниками, не могло бы скрыться отъ послѣднихъ, а слѣдовательно и отъ него самаго. Но полковникъ Шварцъ самъ повредилъ этому единодушію, и оттого въ полку все быстро шло къ упадку.

Въ началѣ октября начались приготовленія къ полковому праз

---

[1]) Предписаніе его высочества великаго князя Михаила Павловича № 1,685

[2]) Военно-судное дѣло, отдѣлъ 2-й, статья 2-я, пунктъ 3-й.

днику. Весьма естественно, что занятія въ полку усилились. Такъ какъ въ это время ожидали возвращенія государя изъ заграницы, то полковникъ Шварцъ на первый разъ хотѣлъ представить полкъ свой возможно въ блестящемъ видѣ. Между тѣмъ, какъ бы нарочно, скопилось много новыхъ занятій, а именно: производилась постройка мундировъ, кончался трехгодичный срокъ шинелей, принимали новую аммуницію и кивера, и проч.,—такъ что люди, дорожа всякою свободною отъ ученій минутою, постоянно, иногда до поздней ночи, заняты были срочною и спѣшною работою. Нижніе чины, исполняя всѣ свои обязанности, желали найти облегченіе въ отмѣнѣ десяточныхъ смотровъ и приготовленій къ нимъ. Но полковой командиръ не обратилъ на это вниманія и ежедневно производилъ десяточные смотры. При всемъ этомъ люди всячески скрывали запавшее въ нихъ негодованіе, которое вскорѣ сдѣлалось общимъ. Поводъ къ тому не замедлилъ представиться. Онъ состоялъ въ случаѣ на ученьи, описанномъ нами въ приложеніи (№ 5) и происшедшемъ 16-го октября. Вечеромъ того же дня начались безпорядки, которые, не бывъ прекращены въ самомъ началѣ, дали на другой день вспыхнуть искрѣ и развиться безпорядкамъ.

IV.

Начало безпорядковъ.—Утро 17-го октября 1820 г.

Случай, происшедшій утромъ 16-го октября во время ученья, побудилъ нижнихъ чиновъ роты Его Величества въ тотъ же день просить ротнаго командира, капитана Кошкарова, для облегченія ихъ положенія, довести до свѣдѣнія высшаго начальства о томъ, что они находятъ себя отягощенными отъ полкового командира. Временемъ для принесенія этой просьбы избрана была вечерняя перекличка [1]). Но какъ на другой день 4 десятка этой роты должны были итти на смотръ полковника Шварца, а 18-го числа полкъ вступалъ въ караулъ, то, желая дать людямъ отдыхъ, фельдфебель отдалъ приказаніе, что переклички не будетъ. Узнавъ объ этомъ, нижніе чины самопроизвольно вышли изъ комнатъ и собрались въ среднемъ коридорѣ казармы. Дежурный по ротѣ, слыша вверху крикъ: «выходи на перекличку», и видя сборъ людей, объявилъ имъ, что переклички не будетъ, о чемъ и донесъ фельдфебелю Брагину. Послѣдній послалъ

[1]) Приложеніе № 6.

дежурнаго объявить вторично объ отмѣнѣ переклички; но люди не расходились. Тогда Брагинъ приказалъ собравшимся итти въ комнаты; на что они единогласно отвѣчали, что имѣютъ просьбу къ своему ротному командиру и просятъ послать за нимъ. Брагинъ полагалъ, что нижніе чины хотятъ жаловаться на него, и потому спросилъ: «ктó имѣетъ на него претензію?» Когда онъ узналъ, что рота довольна всѣми начальниками, а намѣрена только просить ходатайства объ отмѣнѣ предстоявшаго на другое утро десяточнаго смотра, то послалъ къ капитану Кошкарову. Первый посланный не засталъ его дома, когда же послѣ того былъ отправленъ унтеръ-офицеръ, то Кашкаровъ въ слѣдъ за нимъ прибылъ [1].

Найдя всю роту въ сборѣ, Кошкаровъ спросилъ о причинѣ самовольнаго выхода. Тогда вся рота начала говорить вдругъ, но что̀ именно—за множествомъ голосовъ разобрать было трудно. Крикнувъ: «смирно», и тѣмъ совершенно возстановивъ тишину, капитанъ приказалъ людямъ говорить по одиночкѣ и тогда оказалось, что всѣ просятъ объ отмѣнѣ десяточныхъ смотровъ и облегченіи ихъ положенія. При этомъ нужно замѣтить, что когда Кошкаровъ подходилъ къ лѣвому флангу, говоръ начинался на правомъ и обратно. Не обративъ на это должнаго вниманія, онъ началъ давать совѣты и дѣлать увѣщанія, тогда какъ въ подобномъ случаѣ слѣдовало не говорить, а дѣйствовать, и дѣйствовать рѣшительно. «Вы выбранные гренадеры», говорилъ онъ ротѣ, «должны быть примѣромъ, а вы тяготитесь службою». Люди отвѣчали, что они готовы служить съ полнымъ усердіемъ, но просятъ только объ отмѣнѣ смотровъ. Капитанъ началъ убѣждать ихъ и доказывать дерзость такого поступка, представляя всю строгость законовъ и припоминая имъ нѣкоторые примѣры подобнаго своеволія, съ послѣдовавшими за то наказаніями. Пока онъ говорилъ, рота молчала, но едва онъ кончилъ, общая просьба снова была повторена сотнею голосовъ. Полагая, что нѣтъ уже средствъ помочь упорству и прекратить начавшійся безпорядокъ, Кошкаровъ обѣщалъ довести обо всемъ до свѣдѣнія начальства, и приказалъ людямъ разойтись, что и было немедленно исполнено [2]). Это успокоило кап. Кошкарова, который прямо изъ роты отправился сначала сообщить о случившемся баталіонному, а потомъ полковому командиру. Перваго онъ не засталъ дома, что же касается до второго, то полковникъ Шварцъ ограничился подтвержденіемъ общей фразы: «наблю-

---

[1]) Докладъ аудиторіатскаго департамента Его Императорскому Величеству.

[2]) Показанія капитана Кошкарова предъ судомъ.

дать за порядкомъ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній по утру». Но по утру, принимая десятки отъ роты его величества, онъ ни кому не далъ замѣтить, что зналъ о происходившемъ наканунѣ [1]).

Между тѣмъ полковникъ Вадковскій, поздно возвратясь домой и узнавъ изъ письменнаго объясненія Кошкарова, что нижніе чины розошлись по комнатамъ и легли спать, не счелъ нужнымъ ѣхать въ роту его величества, полагая при этомъ, что внезапный пріѣздъ его, въ тотъ же вечеръ, вновь встревожитъ людей.

На слѣдующій день, 17 октября, въ 7 часовъ утра, Вадковскій, прибывъ въ Государеву роту, приказалъ ей собраться; но вмѣсто строгаго разбора дѣла въ самомъ его началѣ, онъ, подобно Кошкарову, началъ доказывать людямъ дерзость ихъ поступка [2]). Поступокъ былъ уже совершенъ и слѣдовательно нужно было немедленно искупить его наказаніемъ, дабы разомъ прекратить безпорядки и ропотъ. Въ то время (т. е. утромъ 17-го числа) это было еще весьма возможно, потому что главные объявители претензій могли быть извѣстны [3]). Въ отвѣтъ на увѣщанія полковника Вадковскаго, люди просили довести до свѣдѣнія начальства, что «безпрестанная чистка и бѣленье аммуниціи не только лишили ихъ собственныхъ достатковъ, но часто даже и въ воскресные дни не позволяли имъ исполнять христіанскаго долга». Получивъ такой отвѣтъ, Вадковскій приказалъ ротѣ разойтись и донесъ о всемъ полковому командиру. Выслушавъ словесный рапортъ Вадковскаго, полковникъ Шварцъ объявилъ, что поспѣшитъ извѣстить объ этомъ высшее начальство и въ то же время приказалъ полковому адъютанту донести о случившемся великому князю Михаилу Павловичу.

Не ранѣе, какъ на разводѣ, бывшемъ въ 10 часовъ утра того же дня, Шварцъ доложилъ о происшедшемъ въ Государевой ротѣ начальнику корпуснаго штаба, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, который немедленно донесъ обо всемъ командующему корпусомъ. Гене-

---

[1]) Военно судное дѣло, часть 2, статья 9.

[2]) Выписка изъ военно-суднаго дѣла, произведеннаго при 1-й кирасирской дивизіи.

[3]) Наканунѣ, когда Кошкаровъ уходилъ изъ роты, фельдфебель, провожая его, докладывалъ, что люди, яснѣе другихъ обнаружившіе неудовольствіе и громче прочихъ объяснявшіе свои претензіи, были преимущественно изъ стрѣлковаго взвода. Капитанъ отвѣчалъ на это, что онъ самъ замѣтилъ тоже, и приказалъ доставить ему по утру списокъ. На этой запискѣ, поданной ему на другое утро при рапортѣ, было помѣщено человѣкъ 12, но онъ не обратилъ на нее вниманіе и даже не представилъ баталіонному командиру. Впослѣдствіи записка эта затерялась. П. К.

ралъ Васильчиковъ приказалъ начальнику штаба безъ замедленія произвести изслѣдованіе, въ особенности же открыть зачинщиковъ, вызывавшихъ роту на перекличку. Но въ этомъ-ли состояла общая вина роты? Она заключалась въ неповиновеніи фельдфебелю, приказывавшему людямъ разойтись, чего они не исполнили; равно какъ и въ томъ, что жалоба принесена была въ совершенно неумѣстную пору.

Первое обстоятельство могло бы быть изслѣдовано домашнимъ образомъ, второе же не могло произойти безъ предварительнаго соглашенія между солдатами. Узнать же кто приготовлялъ это соглашеніе было не трудно, потому что, какъ выше замѣчено, при самомъ объявленіи претензіи ротному командиру, люди, желавшіе быть представителями прочихъ, выставились сами собою и были всѣ извѣстны. За нихъ-то и слѣдовало взяться: тогда дѣло, по всей вѣроятности, обошлось бы нѣсколькими строгими наказаніями и не пошло бы такъ далеко.

Вмѣсто этого баталіонный командиръ велѣлъ построиться всей ротѣ. Тоже самое сдѣлалъ и начальникъ штаба, приказавъ построить стрѣлковый взводъ въ верхнемъ, а гренадерскій въ среднемъ корридорѣ. Когда же баталіонный командиръ, замѣтивъ неудовольствіе людей отъ раздѣленія ихъ на части [1]), доложилъ объ этомъ генералу Бенкендорфу, то вся рота была сведена въ среднемъ корридорѣ. Начальникъ штаба началъ изслѣдованіе съ того, что сдѣлалъ ротѣ тѣ же вопросы, какіе дѣлалъ ей полковникъ Вадковскій, т. е. спрашивалъ, что составляетъ предметъ ея жалобъ? по какой причинѣ собрались люди на перекличку безъ приказанія и не разошлись, когда имъ было приказано? и наконецъ подговаривалъ-ли ихъ кто либо къ объявленію претензіи или нѣтъ?

Люди отвѣчали: 1) что довольны всѣми начальниками, кромѣ полкового командира; 2) что собрались на перекличку для объявленія претензіи безъ приказанія и дѣйствительно не расходились, въ чемъ приносятъ сердечное раскаяніе, и 3) что къ жалобѣ они ни кѣмъ не были подговариваемы, а дѣлали это по общему желанію.

Эти отвѣты ни сколько не разъяснили дѣла, да можно-ли было и ожидать другихъ отвѣтовъ отъ 200 человѣкъ, спрошенныхъ вмѣстѣ?

Если бы замѣченные фельдфебелемъ наканунѣ были спрошены отдѣльно, если бы даже пришлось пожертвовать однимъ изъ нихъ для показанія примѣра, то порядокъ былъ бы возстановленъ мгновенно. Не подлежавшую никакому сомнѣнію мысль эту раздѣлялъ самъ го-

---

[1]) Слова изъ военно-суднаго дѣла.

сударь императоръ, писавшій по этому предмету Аракчееву: «я почти увѣренъ, что еслибъ съ первою гренадерскою ротою поступлено было приличнѣе, при самомъ началѣ, ничего другого важнаго не было бы» [1]).

По полученіи отвѣтовъ, начальникъ штаба распустилъ людей, приказавъ ротному и баталіонному командирамъ доставить къ вечеру письменные рапорты о случившемся. Между тѣмъ во всѣхъ ротахъ узнали, что въ государеву роту пріѣзжалъ начальникъ штаба и разбиралъ ихъ жалобу.

Начались толки, и нѣкоторые изъ людей неодобрительнаго поведенія говорили: «надо поддержать 1-ю гренадерскую роту, если и насъ будутъ спрашивать».

Совершенно другое заговорили бы они, если бы узнали, что баталіонный командиръ, а тѣмъ болѣе начальникъ штаба, взыскалъ съ тѣхъ, которые были указаны фельдфебелемъ, и что слѣдовательно нельзя приносить жалобы, когда кому вздумается [2]).

Въ 3 часа полковникъ Вадковскій и капитанъ Кошкаровъ сошлись вмѣстѣ, для составленія донесеній. Въ это время присланный изъ дворца ѣздовой передалъ приказаніе его высочества, чтобы полковникъ Вадковскій немедленно явился къ нему.

Великій князь спросилъ его: что дѣлается въ полку и не замѣтилъ-ли онъ въ немъ какого безпорядка? Вадковскій пишетъ: «смѣло отвѣчалъ я его высочеству, что вездѣ, сколько могъ замѣтить, существуетъ порядокъ и тишина. Хотя и не моя была обязанность, но я просилъ его высочество прекратить несчастное происшествіе домашнимъ наказаніемъ и не доводить до свѣдѣнія высшаго начальства».

Великій князь согласился на это, съ тѣмъ только, чтобы я ѣхалъ въ роту его величества и привезъ бы раскаяніе нижнихъ чиновъ въ ихъ проступкѣ. Прибывъ въ роту, баталіонный командиръ опять приказалъ собрать ее. Объ успѣхѣ своего порученія Вадковскій продолжалъ такъ: «я употреблялъ всѣ способы, чтобы доказать людямъ важность ихъ поступка и вразумить ихъ, что одно признаніе можетъ возвратить къ нимъ прежнее благорасположеніе начальства, но тщетно» [3]).

Возвратясь къ его высочеству, полковникъ засталъ тамъ генерала Бенкендорфа, который приказалъ ему въ тотъ же вечеръ, въ 8 ча-

---

[1]) Письмо его величества изъ Троппау, 5-го ноября 1820 года. См. „Русскую Старину“ изд. 1870 г.

[2]) См. приложенія № 7.

[3]) Показаніе полковника Вадковскаго предъ судомъ.

совъ, привести 1-ю гренадерскую роту въ штабъ гвардейскаго корпуса, рядовыхъ въ шинеляхъ и фуражкахъ, унтеръ-офицеровъ въ киверахъ съ тесаками: «это дѣлается для того», говорилъ начальникъ штаба, «что командующій корпусомъ не можетъ по болѣзни пріѣхать въ полкъ, и желаетъ сдѣлать допросъ въ штабѣ».

Приказаніе это было исполнено въ точности.

П. П. Карцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поправка.

Въ февральской книгѣ „Русской Старины", изд. 1883 г., на стр. 496, помѣщена поправка, которая, чрезъ измѣненіе нѣкоторыхъ моихъ словъ, выразила не то, что было моею цѣлью. Поэтому, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, заявляю, что статья: „События въ Варшавѣ въ 1860 и 1861 гг." была только сообщена мною для напечатанія, но составлена и написана лицомъ, не желающимъ быть названнымъ. Мнѣ же лично принадлежитъ статья „Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ", напечатанная въ февральской книгѣ „Русской Старины" изд. 1883 г.

П. П. Карцовъ.

10 февраля 1883 г

Гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ.

П. П. Карцовъ въ статьѣ своей въ февральской книгѣ „Русской Старины": „Гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ", ошибочно показалъ годъ смерти графа (6-го янв. 1875 г). Извѣстно, что 15-го февраля 1874 г. пріѣхалъ и вступилъ въ управленіе краемъ гр. П. Е. Коцебу, слѣдовательно гр. Бергъ умеръ въ томъ-же 1874 году, 6-го января,—что совершенно вѣрно.

А. Ч.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМІЯ

въ 1834—1848 гг.

Воспоминанія князя Н. С. Голицына о его службѣ въ Академіи.

II [1]).

По возвращеніи моемъ, въ апрѣлѣ 1841 г., изъ заграничнаго отпуска въ Петербургъ, я, уже съ перваго представленія моего Сухозанету и Чернышеву, тотчасъ убѣдился, что попутный для меня дотолѣ вѣтеръ обратился въ противный. Я видѣлъ ясно, что онъ происходилъ отъ Сухозанета, совершенно измѣнившагося въ отношеніи ко мнѣ, но по какимъ именно причинамъ? — никакъ не могъ ни узнать, ни даже догадаться. Догадокъ было много, но ни въ одной я не могъ удостовѣриться. Во всякомъ случаѣ я думалъ во 1-хъ, что надо мной исполнилась французская пословица „les absents ont tort“, — во 2-хъ, что въ моемъ отсутствіи, меня, можетъ быть, „обнесли“ передъ Сухозанетомъ, очень воспріимчивымъ къ навѣтамъ, — и въ 3-хъ, особенно — что онъ вознегодовалъ на меня за неисполненіе и даже невозможность исполненія къ сроку моего проекта и „скомпрометированіе“ его, Сухозанета, такимъ образомъ, передъ Чернышевымъ и государемъ, что̀ для Сухозанета было, конечно, кровною обидой. Ни отъ него, ни отъ Ренненкампфа, ни отъ кого бы то ни было въ академіи, я не могъ узнать этой разгадки. Какъ бы то ни было,

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1883 г., томъ XXXVII, февраль, стр. 409—428.

обхожденіе Сухозанета со мною съ тѣхъ поръ приняло тотъ свойственный ему характеръ, не прямого и явнаго, но косвеннаго и скрытнаго недоброжелательства, очень хорошо извѣстнаго мнѣ изъ примѣровъ съ барономъ Зедделеромъ, съ барономъ Медемомъ и др., не имѣвшими счастія или, лучше сказать, имѣвшими несчастіе не поладить съ Сухозанетомъ или обратить противъ себя его неудовольствіе. Въ такихъ случаяхъ онъ начиналъ, что называется, „жечь медленнымъ огнемъ“ косвенныхъ и обидныхъ намековъ передъ товарищами и даже подчиненными жертвы его. И Боже сохрани тогда не переносить молча такихъ намековъ его, а хотя бы почтительно выражать свои объясненія. Какъ онъ не пощадилъ барона Зедделера, такъ, и еще болѣе, не пощадилъ бы меньшаго чиномъ и званіемъ. Подобную пытку медленнымъ огнемъ испыталъ и я на себѣ по возвращеніи моемъ изъ-за границы. Не разъ приходило мнѣ на умъ, что въ такихъ случаяхъ всего лучше было своевременно „уходить“ изъ-подъ власти и вліянія Сухозанета. Но куда и съ чѣмъ было бы уходить мнѣ и вмѣсто академическаго содержанія спуститься на болѣе скудное сравнительно жалованье полковника?—Задача не легкая, и благо мнѣ еще было то, что единственною для меня была поддержка передъ Сухозанетомъ брата моего, бывшаго прежде его адъютантомъ, а въ это время—Вел. Кн. Михаила Павловича, и пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ ихъ обоихъ.

И такъ, скрѣпясь сердцемъ и покорясь своей судьбѣ, я продолжалъ свою службу въ академіи, трудясь неутомимо по цѣлымъ днямъ и находя отраду и утѣшеніе только въ добрыхъ отношеніяхъ и сочувствіи ко мнѣ генерала Ренненкампфа и чиновъ академіи. Богдановичъ въ это время былъ уже подполковникомъ и 2-мъ профессоромъ и преподавателемъ военной исторіи и стратегіи, а на меня, оставленнаго также въ званіи профессора этихъ предметовъ, было возложено, вмѣстѣ съ составленіемъ курса оныхъ, и преподаваніе необширнаго курса обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба.

Главнымъ занятіемъ моимъ было составленіе курса военной исторіи и стратегіи. Сотрудники мои, означенные выше, и потомъ нѣсколько другихъ, представили мнѣ составленныя ими, въ теченіе 1840—1841 гг., по программѣ и наставленіямъ моимъ, части курса, съ 30-ти-лѣтней войны до 1814 г. включительно.

Но на мнѣ лежалъ трудъ главной редакціи этихъ частей: разсмотрѣнія, исправленія, пополненія и согласованія ихъ и, особенно, составленія мною самимъ, совершенно вновь, военной исторіи древнихъ и среднихъ временъ до 30-ти-лѣтней войны, въ различномъ объемѣ, именно: войнъ Александра В., Аннибала и Юлія Цезаря—болѣе подробно, а прочихъ—болѣе или менѣе кратко. Ими-то я и занимался прежде всего, дабы вести все дѣло въ историческомъ порядкѣ и представить весь курсъ начальству въ цѣлости, какъ мнѣ было приказано. Но составленіе описанія войнъ 3-хъ великихъ полководцовъ древности требовало тщательнаго изученія ихъ по источникамъ и достойнаго ихъ изложенія, въ видѣ не краткаго учебника, а академическаго труда. Понятно, что это потребовало отъ меня много работы и времени, и я только въ 1845 г. успѣлъ составить 1-ю часть, до смерти Александра В., и попытался представить ее начальству совсѣмъ готовою къ изданію. Но въ этомъ мнѣ было отказано и повторено, чтобы я представилъ весь курсъ сполна разомъ и въ скорѣйшемъ времени. Нечего было дѣлать, нужно было продолжать начатое, и я едва къ концу 1847 года успѣлъ довести военную исторію древнихъ временъ до 4-го похода Юлія Цезаря въ Галліи (на чемъ составленіе мною курса и остановилось, какъ будетъ объяснено ниже).—Нынѣ, по прошествіи стольких лѣтъ, сознаюсь откровенно, что мнѣ съ самаго начала слѣдовало бы поступить иначе, а именно: изложить курсъ въ тѣхъ самыхъ видѣ и объемѣ, въ какихъ онъ преподавался въ академіи барономъ Медемомъ и послѣ него мною и подполковникомъ Богдановичемъ, въ продолженіи лишь 7-ми и даже 6-ти мѣсяцовъ учебнаго года, и въ какихъ первоначально я и офицеры 2-го и слѣдующихъ выпусковъ вели и литографировали записки этого курса. Но я никакъ не могъ дѣйствовать противъ моего убѣжденія, что достаточное для литографированныхъ записокъ было далеко недостаточно для печатнаго академическаго курса, а это и завлекло меня въ продолжительную работу безъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ, годъ за годомъ, работа моя шла тѣмъ медленнѣе, чѣмъ добросовѣстнѣе, а соразмѣрно съ тѣмъ росли нетерпѣніе и неудовольствіе Сухозанета и давали себя чувствовать мнѣ. Пособить мнѣ себѣ въ этомъ было уже невозможно: нельзя же было передѣлывать широко начатую работу въ сжатую вдвое

или и болѣе, на что потребовалось бы также много времени. И тяжело, и горько было мнѣ, но дѣлать нечего, нужно было продолжать, какъ начато, и въ этомъ трудѣ протянулись для меня цѣлыхъ 6 лѣтъ. Утѣшеніемъ мнѣ въ этомъ теперь служитъ только то, что труды мои и сотрудниковъ моихъ не пропали даромъ: 30 лѣтъ спустя я издалъ (1872—1878 гг.) 17 частей военной исторіи: всеобщей и русской и великихъ полководцевъ древнихъ и новыхъ временъ до конца 18-го вѣка, въ 17-ти толстыхъ томахъ in-8°.

Что касается преподаванія мною курса обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба, то я долженъ сказать, что курсъ этотъ преподавался съ самаго начала академіи полковникомъ Ивановымъ и послѣ него адъюнктъ-профессоромъ подполковникомъ Вольфомъ (4-го выпуска) до 6-го декабря 1844 г., когда былъ возложенъ на меня, сверхъ обязанности составленія курса военной исторіи. Первоначально составленный полковникомъ Ивановымъ и передѣланный потомъ подполковникомъ Вольфомъ и окончательно мною, съ присоединеніемъ мною же краткаго очерка исторіи генеральнаго штаба въ Западной Европѣ и Россіи, курсъ этотъ былъ нѣсколько разъ литографируемъ и имѣлъ тотъ недостатокъ, что болѣе, чѣмъ на половину, былъ повтореніемъ курса тактики, почему впослѣдствіи и былъ слитъ съ курсомъ военной администраціи. Онъ былъ необширный и на него назначено не болѣе 2-хъ лекцій въ недѣлю, что однако отнимало у меня время отъ составленія курса военной исторіи, тѣмъ болѣе, что съ первымъ изъ нихъ были соединены практическія занятія офицеровъ по составленію квартирныхъ росписаній и картъ, которыя мнѣ нужно было разсматривать, исправлять и объяснять офицерамъ. Отъ преподаванія же курса военной исторіи и составленія по немъ записокъ и картъ я былъ освобожденъ и онѣ лежали уже, съ 1-го сентября 1838 г., на адъюнктъ-профессорѣ и потомъ 2-мъ профессорѣ военной исторіи и стратегіи, подполковникѣ Богдановичѣ. Но, вмѣстѣ съ нимъ, и я продолжалъ производить всѣ испытанія обучавшихся офицеровъ, какъ домашнія, такъ и публичныя, и сверхъ того я ежегодно, въ августѣ, присутствовалъ и на практическихъ маневрахъ, о которыхъ говорилъ выше. Изъ этого видно, какъ часто и много я былъ отвлекаемъ отъ составленія курса военной исторіи, требовавшаго, напротивъ, не-

отвлеченныхъ отъ него вниманія и труда. Между тѣмъ Сухозанетъ не упускалъ при случаѣ выражать мнѣ, по своему, неудовольствіе, все по поводу несчастнаго для меня составленія курса военной исторіи. Никакихъ объясненій отъ меня по предмету его онъ не требовалъ, да и не понялъ бы и не принялъ бы ихъ, и вѣроятно считалъ и то благодѣяніемъ, что „терпѣлъ“ меня въ академіи до поры до времени, когда ему представился удобный случай устроить мнѣ „золотой мостъ“ для выхода изъ нея.

А пока я долженъ упомянуть о начальствовавшихъ штабъ-офицерахъ и обучавшихся оберъ-офицерахъ, бывшихъ при мнѣ съ 1841 г. до 1848 г.

Штабъ-офицерами въ это время были: полковники: Стефанъ, князь Голицынъ (до смерти его въ апрѣлѣ 1844 г.), вмѣсто него инженеръ-полковникъ Дитерихсъ и съ 1842 г. маіоръ К. Ѳ. Багговутъ [1]).

Обучавшимися же въ академіи офицерами и вышедшими изъ нея были: въ 1837 г. (4-го выпуска)—15, изъ нихъ первыми, съ малыми серебряными медалями—л.-гв. Измайловскаго полка поручикъ Вольфъ и 3-й гвард. и гренад. артил. бригады подпоручикъ Кузьминскій; въ 1838 г. (5-го выпуска)—15, изъ нихъ первыми съ медалями: л.-гв. Павловскаго полка подпоручикъ Бруннеръ и л.-гв. гренадерскаго полка поручикъ Броневскій; въ 1839 г. (6-го выпуска)—19, изъ нихъ первыми съ медалями: л.-гв. егерскаго полка поручикъ Лермантовъ и 4-й артиллерійской бригады поручикъ Залеманъ; въ 1841 г. (8-го выпуска)—11, изъ нихъ первымъ съ медалью—л.-гв. Семеновскаго полка поручикъ Карцовъ;—въ 1842 г. (9-го выпуска)—15, изъ нихъ первымъ съ медалью—л.-гв. Волынскаго полка поручикъ Талы-

[1]) Въ 50-лѣтіе академіи, оставшимися въ живыхъ были: изъ профессоровъ военной академіи—одинъ я, нынѣ уже генералъ отъ инфантеріи въ отставкѣ, а изъ штабъ-офицеровъ—одинъ К. Ѳ. Багговутъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ на службѣ, въ званіи управляющаго гатчинскимъ дворцовымъ правленіемъ. Послѣдній, за 17 лѣтъ (1842—1858 гг.) службы своей въ академіи, могъ бы сообщить очень много любопытныхъ о ней свѣдѣній.

Кн. Н. С. Г.

О сообщеніи таковыхъ свѣдѣній усерднѣйше просимъ достоуважаемаго К. Ѳ. Багговута. Ред.

зинъ;—въ 1843 году (10-го выпуска)—18, изъ нихъ первымъ съ медалью—18-й артил. бригады подпоручикъ Свѣчинъ;—въ 1844 г. (11-го выпуска)—16, изъ нихъ первымъ съ медалью—л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка поручикъ Кисловскій;—въ 1845 г. (11-го выпуска)—16, изъ нихъ первыми 5-й артил. бригады прапорщикъ Раздеришинъ и гусарскаго короля Нидерландскаго полка штабсъ-ротмистръ Черницкій;—въ 1846 г. (13-го выпуска) –16, изъ нихъ первыми—18-й артил. бригады прапорщикъ Мезенцовъ и драгунскаго В. К. Михаила Павловича полка штабсъ-капитанъ баронъ Николаи, и въ 1847 г. (14-го выпуска)—16, изъ нихъ первыми—л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Казнаковъ, съ большою серебряною медалью, и л.-гв. конно-гренадерскаго полка поручикъ Лашкаревъ и л.-гв. Литовскаго полка подпоручикъ Батезатулъ, оба съ малыми серебряными медалями. Всего же при мнѣ съ 1835 г. до 1839 г. включительно вышло 80 офицеровъ, а съ 1841 г. до 1847 включительно—108, всѣхъ вмѣстѣ 188; изъ нихъ нѣкоторые живы и достигли высшихъ чиновъ и званій, а другіе либо умерли, либо въ отставкѣ. О всѣхъ нихъ, что касается моего преподаванія имъ и занятій моихъ съ ними по курсу обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба, я долженъ отозваться съ большою похвалою и признательною памятью.

Вообще, еще разъ повторяю, въ 13-ти-лѣтнюю службу мою въ академіи, взаимныя отношенія между вице-директоромъ, штабъ- и оберъ-офицерами академіи и мною всегда были самыя лучшія и пріятныя для меня, служили мнѣ отрадой и утѣшеніемъ въ моихъ трудахъ и я до сихъ поръ храню благодарное о нихъ воспоминаніе.

Единственнымъ исключеніемъ изъ этого былъ директоръ академіи. Но отношенія его ко мнѣ лично не составляли впрочемъ ничего исключительнаго, а были болѣе или менѣе общими для всѣхъ въ академіи. Каковы были эти отношенія—достаточно и вѣрно сказано было въ рѣчи, произнесенной на актѣ академіи, 28-го ноября 1882 г., начальникомъ ея, г.-а. Драгомировымъ. Прибавлю къ этому только то, что отношенія эти всего ближе и лучше могли быть и были извѣстны самимъ этимъ чинамъ академіи. Изъ оставшихся въ живыхъ: обучавшихся въ академіи офи-

церовъ, нѣкоторые и сообщили въ печати свои воспоминанія; изъ начальствовавшихъ же чиновъ первыхъ 15-ти лѣтъ академіи, всѣ уже умерли, исключая одного—генералъ-лейтенанта К. Ѳ. Багговута, который, какъ я уже сказалъ выше и какъ мнѣ хорошо извѣстно, могъ бы сообщить очень много любопытнаго за 17 лѣтъ службы своей въ академіи.

Что касается меня, то я, какъ единственный изъ профессоровъ того времени, оставшійся въ живыхъ, могу сообщить лишь нѣкоторыя частныя подробности объ отношеніяхъ Сухозанета къ профессорамъ и прочимъ преподавателямъ академіи. Дѣйствительно, какъ сказано было въ рѣчи ген.-ад. Драгомирова, Сухозанетъ „совѣщался съ преподавателями, обсуждалъ съ ними программы курсовъ и методы преподаванія, обязывалъ ихъ представлять ему не только конспекты, но даже самыя записки ихъ лекцій, по вечерамъ бесѣдовалъ съ ними у себя на дому, выслушивалъ ихъ мнѣнія и даже возраженія и пр.“ Все это такъ, но, по собственному моему опыту, могу удостовѣрить, что тутъ были со стороны Сухозанета двѣ тонко скрытыя цѣли, ни для кого изъ преподавателей, впрочемъ, не составлявшія тайны. Первою было—испытывать, такъ сказать, „благонадежность“ испытуемаго и насколько онъ былъ „способенъ и достоинъ“ преподавать свой предметъ. Второю же—самому научиться отъ испытуемаго тому, что этому послѣднему было хорошо извѣстно, а испытующему не было и не могло быть извѣстнымъ, такъ какъ онъ въ молодости не получилъ не только высшаго, но и никакого образованія, и былъ свѣдущъ только въ строевой артиллерійской службѣ и имѣлъ боевую опытность. Какъ-же ему, внезапно призванному послѣ того къ званію „перваго“ директора вновь учрежденной „Военной Академіи“, не было заручиться всѣмъ тѣмъ, что̀ въ этомъ высокомъ званіи было существенно необходимымъ для того, чтобы съ должною честью удовлетворить ему, поддержать его и не оказаться ни „неспособнымъ“, ни „недостойнымъ“ его? Все это было очень естественно, ничего дурного въ себѣ не заключало, и было бы даже хорошо, еслибы къ этому не примѣшивались двѣ черты, свойственныя характеру Сухозанета—подозрительность и недовѣрчивость. Испытывая испытуемаго, онъ, такъ сказать, „инквизиторски пыталъ“ его, стараясь и уловить его въ чемъ-нибудь, и самому вывѣдать отъ

46*

него то, чтò ему было нужно узнать, дабы такимъ образомъ не „компрометировать“ себя. А это все вело, какъ справедливо было сказано въ той же рѣчи ген.-ад. Драгомирова, къ „обезличенію“ и вицедиректора, и преподавателей, и конференціи. Да иначе и быть не могло: всегда и во всемъ въ академіи Сухозанетъ хотѣлъ быть единственнымъ „оракуломъ“ и „властнымъ владыкой“, чѣмъ и былъ дѣйствительно; всякія-же, даже малѣйшія препоны, встрѣчаемыя имъ на этомъ пути, были явно или тайно, но всегда властно и нерѣдко очень круто устраняемы имъ. Не въ судъ и не въ осужденіе ему, уже умершему, говорю это: если разсудить по справедливости, можно-ли даже строго осуждать его? Вѣдь не онъ же назначилъ себя директоромъ академіи, а будучи назначенъ въ это званіе, занялъ его такимъ, какимъ былъ въ свои, уже преклонныя лѣта, со всѣми своими достоинствами—по духу и понятіямъ того времени, и недостатками—по понятіямъ теперешняго. Могъ-ли онъ быть лично отвѣтственнымъ за такія же или подобныя требованія отъ высшаго военно-учебнаго заведенія, „Военной Академіи“, какъ и отъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ? Принявъ это и многое другое въ необходимое соображеніе, по справедливости нельзя будетъ слишкомъ строго относиться къ Сухозанету и не признать, что и онъ, такъ или иначе, дурно или хорошо, по своему, все таки въ 22 года своего управленія академіей не мало потрудился для нея—насколько допускали это способности, познанія и особенно характеръ его.

Въ заключеніе мнѣ остается только разсказать, какимъ образомъ я, послѣ изображенной мною 13-ти лѣтней службы моей въ академіи, „ушелъ“ изъ нея—не по своей волѣ.

Кончился 1847-й годъ—въ изображенныхъ мною выше занятіяхъ въ академіи, и наступилъ 1848-й. Въ 4-й день января мѣсяца его, въ воскресеніе, по утру, получаю я отъ ген.-м. Ренненкампфа предложеніе—немедленно явиться къ ген.-ад. Сухозанету. Недоумѣваю—чтò-бы это значило въ такое неурочное время? Являюсь, и что же слышу?

— „Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій предлагаетъ вамъ быть директоромъ училища правовѣдѣнія, на мѣсто только-что умершаго директора д. с. с. Пошмана“.

Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе!—и первымъ дѣ-

ломъ моимъ было заявить Сухозанету, что это предложеніе произведетъ совершенный переворотъ въ моей военной службѣ вообще и по военной академіи въ особенности, такъ какъ я вовсе не желалъ бы совершенно прервать ни первой, ни второй.

На это Сухозанетъ сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ: „Такъ-то всѣ вы, господа, всегда всѣмъ недовольны, даже тѣмъ, что для васъ выгодно, лестно и почетно. Во всякомъ случаѣ извольте сейчасъ явиться принцу въ мундирѣ и шарфѣ“.

Возражать было невозможно и я явился принцу, который, распросивъ меня подробно о прежней службѣ моей, выразилъ желаніе свое, чтобы я принялъ званіе директора училища правовѣдѣнія, въ скорѣйшемъ времени и притомъ въ гражданскомъ чинѣ. Возражать на это было еще менѣе возможности—и я согласился.

Все это устроилось такъ поспѣшно, что уже 15-го января 1848 г. я былъ уволенъ изъ военной службы съ чиномъ д. с. с. и назначенъ директоромъ училища правовѣдѣнія, а 25 января торжественно введенъ принцомъ въ училище. И такимъ образомъ, не болѣе какъ въ 3 недѣли времени, я изъ полковника и „стратега“, какъ по мановенію волшебнаго жезла, преобразился въ д. с. с. и „юриста“! Сущее „Овидіево превращеніе“, возможное, кажется, только въ тѣ времена и только у насъ въ Россіи!

Лишь позже, въ 1851 г., когда я былъ снова въ генераль-ральномъ штабѣ и произведенъ въ генералъ-маіоры, узналъ я, какимъ образомъ попалъ въ директоры училища правовѣдѣнія. Это объяснилъ мнѣ тогдашній директоръ инспекторскаго департамента главнаго штаба е. и. в., генералъ-адъютантъ Павелъ Ник. Игнатьевъ (впослѣдствіи графъ). Бывши сначала попечителемъ принца Ольденбургскаго, а потомъ директоромъ пажескаго корпуса, онъ желалъ имѣть меня инспекторомъ классовъ этого заведенія, но ни Чернышевъ, ни окончательно государь не согласились на это, дабы не отнимать меня отъ академіи. По смерти же Пошмана, Игнатьевъ, уговорясь съ Сухозанетомъ, указалъ принцу на меня, а принцъ испросилъ и получилъ согласіе государя—и такимъ образомъ Сухозанетъ, какъ полагаю, устроилъ мнѣ тотъ „золотой мостъ“, который послужилъ для перехода моего изъ военной академіи въ училище правовѣдѣнія, по убѣжденію Сухозанета—съ великими для меня „выгодой и почетомъ“ и съ

дѣйствительнымъ, можетъ быть, желаніемъ сдѣлать мнѣ добро—и доставить возможность выхода съ честью изъ моего труднаго положенія въ академіи.

Къ сожалѣнію—не на радость былъ мнѣ переходъ изъ дорогой для меня военной академіи въ совершенно чуждое мнѣ училище правовѣдѣнія...

Кн. Н. С. Голицынъ.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ БАКЛАНОВЪ.

† 1873 г.

Войска Донского генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ Бакл а н о въ—вполнѣ боевой казакъ,—славенъ въ лѣтописи Кавказа. Имя его перейдетъ къ потомству въ легендахъ и пѣсняхъ богатырей Кавказскихъ, доколѣ будетъ живо воспоминаніе о подвигахъ русскаго воина.

Ред. «Русской Старины» весьма дружески былъ знакомъ съ знаменитымъ воиномъ, когда уже онъ жилъ на полномъ покоѣ, въ С.-Петербургѣ,—охотно разсказывая въ пріятельскомъ кружку о видѣнномъ и испытанномъ.

Разсказы эти, хотя, къ сожалѣнію, далеко не всѣ,—были записаны частью со словъ Якова Петровича, частью его собственной рукой и напечатаны на страницахъ нашего изданія. Такимъ образомъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. томъ III напечатанъ весьма интересный его разсказъ: «Моя боевая жизнь»—изъ Записокъ Я. П. Бакланова. Изъ этого разсказа видно, что Яковъ Петровичъ—сынъ простого казака, дослужившагося до полковничьяго чина, род. въ 1809 г. отъ простой и бѣдной казачки. Почти не грамотный, онъ въ 1825 г. поступилъ на службу и уже состоя въ полку обучился «всей премудрости» въ уѣздномъ училищѣ въ Ѳеодосіи. Въ 1828—1829 гг. Яковъ Баклановъ съ отличіемъ участвуетъ въ турецкой кампаніи; первая удаль—въ штурмѣ подъ Браиловымъ, первыя раны получены тамъ же. Очень характеренъ разсказъ Бакланова о личномъ участіи его въ этой войнѣ (см. «Русскую Старину» изд. 1871 г. т. III, стр. 3 и 4). Весной 1834 г. Баклановъ съ донцами на Кавказѣ и съ этого-то времени начинается его боевая слава.

Напомнимъ одинъ изъ его собственныхъ разсказовъ («Русская Старина» изд. 1871 г. томъ III, стр. 5—6):

— „Въ бытность на Кавказѣ, я участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами; особыхъ отличій съ моей стороны, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ казацкихъ, не было, кромѣ развѣ слѣдующаго: полкъ былъ расположенъ по рѣкѣ Кубани; весной 1836 г., по распоряженію начальника кубанской линіи генералъ-маіора Засса, полкъ двинутъ въ полномъ составѣ за Кубань, на рѣку Чамлыкъ. Придя на мѣсто, начали строить укрѣпленіе; чрезъ мѣсяцъ оно было готово. Полкъ расположился въ немъ. Во время постройки его лошади паслись надъ рѣкой, подъ прикрытіемъ одной сотни; горцы видѣли эту оплошность и вознамѣрились, во что бы то ни стало, отбить весь табунъ у прикрывающей сотни; для того собралось горцевъ болѣе 360 человѣкъ, самыхъ отборныхъ наѣздниковъ изъ князей и узденей. Въ ночь подъ

4 іюля, эта ватага, переправившись чрезъ рѣку Лабу, скрытно перейдя на Чамлыкъ, остановилась ниже крѣпости въ полуторѣ верстѣ въ лѣсу, съ такимъ намѣреніемъ, когда выпустятся на пастьбу лошади, гикнуть изъ засады и угнать всю добычу безнаказанно, потому что преслѣдовать ихъ было не кому. Полкъ оставался, по ихъ разсчету, весь пѣшій, кромѣ прикрывающей конной сотни; но они горько ошиблись: вмѣстѣ со вступленіемъ полка въ крѣпость, лошади болѣе на пастьбу не выпускались.

По заведенному порядку, дежурные по полку сотенные командиры съ восходомъ солнца должны были высылать разъѣзды вверхъ и внизъ рѣки версты на три, и если, по осмотрѣ мѣстности, ничего сомнительнаго не окажется, начальники разъѣздовъ оставляли на условленныхъ мѣстахъ пикеты, а съ остальными людьми возвращались въ крѣпость. 4-го числа я былъ дежурнымъ; сотня моя имѣла лошадей осѣдланныхъ, люди въ амуниціи. Солнце взошло. Разъѣзды посланы. Выйдя на батарею, я слѣдилъ за ними; посланный внизъ, перейдя ручей Грязнушку, поднялся на высоты, спустился къ Чамлыку; за лѣсомъ мнѣ нельзя было видѣть, какая катастрофа происходитъ съ разъѣздомъ; чрезъ четверть часа показался скачущій всадникъ, оставшійся въ живыхъ изъ пятнадцати разъѣздныхъ: остальные 14 побиты. За нимъ громадная вереница кавалеріи. Я тотчасъ приказалъ моей сотнѣ сѣсть на коней и выступилъ на встрѣчу горцамъ; за полъ-версты отъ крѣпости встрѣтился съ ними, но въ бой не вступилъ. считая себя слишкомъ слабымъ, по численности людей: въ сотнѣ было не болѣе ста человѣкъ, а потому я отступилъ къ стѣнамъ крѣпости, ожидая выступленія полка. Горцы, видя свою неудачу, повернулись и шагомъ пошли обратно. Въ крѣпости была страшная неурядица, всѣ бѣгали взадъ и впередъ, не находя что дѣлать.—Является ко мнѣ полковой адъютантъ, передаетъ приказаніе идти за партіею; я двинулся по слѣдамъ ея, но на благородной дистанціи, выбирая на каждомъ шагу выгодную позицію, чтобъ въ случаѣ нападенія спѣшиться, стать въ оборонительное положеніе,—эта спасительная метода принята на всемъ Кавказѣ. Горцы перешли Чамлыкъ, двинулись къ Лабѣ:—между этими рѣками, верстъ на 25, лѣсу нѣтъ, чистое поле,—и въ виду крѣпости бросились на меня въ шашки; бывши готовою къ такому случаю. сотня спѣшилась, встрѣтила горцевъ батальнымъ огнемъ; болѣе полу-часа я выдерживалъ атаку: убитыхъ и раненыхъ у меня не было; люди сохранили духъ твердости, горцы-жъ оставили 20 тѣлъ. Партія отступила. Пошелъ и я за ней на почтительной дистанціи. Прошелъ версту; крѣпости мнѣ болѣе не было видно. На пространствѣ десяти верстъ я выдержалъ двѣнадцать атакъ: у меня выбыло изъ строя до 20 человѣкъ.

Послѣ седьмой атаки я послалъ урядника Никредина къ командиру полка просить подкрѣпленія и сказать, что въ сотнѣ нѣтъ патроновъ.

Послѣ десятой атаки является Никрединъ, передаетъ въ полголоса отвѣтъ командира: „скажи головорѣзу, если у него нѣтъ патроновъ, то есть пики, а на меня пусть не надѣется“.

На вопросъ мой далеко-ли полкъ отъ насъ?—отвѣтъ: „еще, ваше благородіе, изъ крѣпости не выступалъ“.

Я былъ пораженъ такою вѣстью. Дождь насталъ проливной. Послѣдовала одиннадцатая атака. Послѣ первыхъ выстрѣловъ ружья замокли, минута настала критическая; къ счастію атака продолжалась минутъ пять. Партія отступила. Послѣдовалъ и я за ней. Подозвавъ къ себѣ субалтернъ-офицера

Полякова [1]), высказалъ ему наше положеніе, прибавивъ, что какъ у меня, такъ и у него кони добрые и мы могли бы ускакать, но въ такомъ случаѣ на жертву останутся меньшіе братья, а потому: даетъ ли онъ мнѣ честное слово умереть совмѣстно съ братіею со славою, не видя сраму?

Отвѣтъ: „хочу умереть честно, а сраму не желаю пережить".

Поблагодаривши его, я передалъ ему слѣдующее мое распоряженіе: горцы еще атакуютъ насъ и, если встрѣтятъ нашу стойкость, тотчасъ отступятъ; нужно пользоваться моментомъ: „слушай, вторая полусотня остается въ твоемъ распоряженіи, съ первою—я брошусь въ пики и, если ты увидишь, что горцы будутъ хоть немного потѣснены, ту-жъ минуту подкрѣпи своими пиками; но если перевернутъ меня, успѣвай, въ пѣшемъ строю, стать въ оборонительное положеніе; примкну и я къ тебѣ, и будемъ рубиться на мѣстѣ пока живы". Я не ошибся. Послѣдовала двѣнадцатая атака. Встрѣтивъ непоколебимое сопротивленіе, горцы повернули отъ насъ, пошли шагомъ. Сотня сѣла на коней. Вдали гремѣлъ громъ и звукъ его много походилъ на гулъ орудійныхъ колесъ. Я обратился къ сотнѣ съ слѣдующими словами: „товарищи! слышите гулъ орудійныхъ колесъ? Это полкъ спѣшитъ къ намъ; горцы безсильны; ружья и пистолеты ихъ также замокшіе, какъ и ваши; нагрянетъ полкъ и передушитъ ихъ какъ цыплятъ; но это бы ничего, а всю славу припишетъ себѣ. Вы-жъ цѣлый день выставляли вашу могучую грудь и останетесь не причемъ! Станичники! не допустимъ ихъ воспользоваться нашими трудами. Пики на перевѣсъ! съ Богомъ! впередъ!"

Первая полусотня врѣзалась въ средину; каждый казакъ пронзилъ пикой свою жертву. Эта неожиданная наша смѣлая выходка—поразила горцевъ; вмѣсто того, чтобы отразить насъ, никто не схватился за шашку. Поляковъ не потерялъ момента: съ своею полусотнею подкрѣпилъ меня. Опрокинутые горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать; на пространствѣ 15 верстъ, мы преслѣдовали ихъ до рѣки Лабы. Осталось до 300 тѣлъ, ушло не болѣе 60 человѣкъ [2]).

Возвращаясь къ полку, я забралъ разсыпанныхъ въ полѣ лошадей, а съ убитыхъ снялъ оружіе; въ плѣнъ никто изъ горцевъ не былъ взятъ потому, что трудно было требовать отъ казаковъ, людей разъяренныхъ, какъ львы, пощады врагамъ.

Подойдя къ крѣпости, верстъ за-пять, встрѣтилъ идущій къ намъ полкъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Что за причина была со стороны командира полка бросить меня съ сотнею на погибель—разъяснить не умѣю.

За это дѣло я получилъ Владиміра 4-й степени; Поляковъ—Анну 3-й степени.

Съ 1845 года Баклановъ, еще въ чинѣ маіора, настолько былъ уже славенъ на Кавказѣ, что князь М. С. Воронцовъ ввѣряетъ ему командованіе полкомъ Донскихъ казаковъ и не отпуская его на Донъ, при смѣнѣ полковъ, передаетъ ему слѣдующіе полки. Въ 1853 г. мы его видимъ начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга Кавказа.

---

[1]) Впослѣдствіи умеръ.

[2]) Дѣло это до сихъ поръ памятно на правомъ флангѣ кавказской линіи въ линейныхъ казачьихъ станицахъ. Я. Б.

Въ апрѣлѣ 1855 г. онъ вытребованъ Н. Н. Муравьевымъ подъ Карсъ. Въ высшей степени интересныя Записки Бакланова объ осадѣ и штурмѣ Карса, въ 1855 г., переданы г. Потто въ «Русской Старинѣ» 1870 г. — три изданія, и кромѣ того выпущены особою книгою, кажется, въ 1877 году.

Въ 1857 году Баклановъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, при кавказской арміи находившихся. Всѣ награды, каковы ордена Владиміра 4 и 3 степ., золотая сабля, Георгій 4 степ., Станиславъ 1 степ., получены имъ за боевыя отличія.

Въ 1859 году Баклановъ вернулся на Донъ, гдѣ вскорѣ былъ выбранъ окружнымъ генераломъ. Въ маѣ 1863 г. его вызвалъ къ себѣ въ Вильну М. Н. Муравьевъ.

Еще въ памяти у всѣхъ—какое сильное впечатлѣніе произвело въ русскомъ обществѣ приглашеніе Бакланова на борьбу съ повстанцами.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., въ томѣ IV-мъ (книга августъ), напечатанъ весьма характерный разсказъ Якова Петровича Бакланова о времени его пребыванія въ Западной Россіи (1863-1865 гг.).

Судя по этому разсказу, (а въ правдивости его мы, лично знавшіе донского витязя, не имѣемъ повода сомнѣваться), Баклановъ вовсе не отличался тою жестокостью, о какой протрубили въ тѣ годы иностранныя газеты. Впрочемъ надо и то сказать, что одно имя Бакланова наводило страхъ. Августовская губернія въ Царствѣ Польскомъ, куда назначенъ былъ этотъ генералъ военнымъ начальникомъ отдѣла, скоро была умиротворена совершенно. И этимъ умиротвореніемъ она была обязана Бакланову. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ М. Н. Муравьевъ въ слѣдующемъ къ нему письмѣ:

№ 184. 9-го апрѣля 1865 г.

«Милостивый государь Яковъ Петровичъ. Принося вамъ мою искреннюю благодарность за поздравленіе меня съ праздниками Свѣтлаго Воскресенія и за ваши благія пожеланія, прошу принять сердечное привѣтствіе и поздравленіе отъ меня. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ заявить вашему превосходительству мою душевную благодарность за вашу полезную и усердную службу. Вашей неутомимой и благоразумной дѣятельности, при исполненіи возложенныхъ мною на васъ порученій, по званію военнаго начальника отдѣла, обязана Августовская губернія своимъ столь быстрымъ умиротвореніемъ. Еще разъ отъ души благодарю васъ.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и истинной преданности. Михаилъ Муравьевъ».

Впрочемъ, типичная наружность Бакланова, сильно смахивавшаго на свирѣпаго кабана, способствовала этой славѣ. Наружность его была дѣйствительно такая, что встрѣча съ нимъ никогда не забывалась. Нашъ знаменитый художникъ-профессоръ М. О. Микѣшинъ своимъ мастерскимъ карандашомъ, при насъ-же, превосходно набросалъ съ натуры портретъ Якова Петровича, 7-го мая 1873 г., не задолго до его кончины.

Интересный рисунокъ этотъ подаренъ въ нашъ альбомъ артистомъ И. Ѳ. Горбуновымъ и нынѣ приложенъ при «Русской Старинѣ» въ гравюрѣ, тщательно воспроизведенной И. И. Матюшинымъ (ученикъ и сотрудникъ акад. Л. А. Сѣрякова) по фотографіи.

Ред.

РУССКІЙ КОСТЮМИРОВАННЫЙ БАЛЪ

въ Москвѣ въ 1849 г.

По поводу баловъ-праздниковъ, столь оживившихъ Петерб. общество зимою 1883 г., напомнимъ интересный костюмированный балъ 1849 г., данный московскимъ дворянствомъ въ честь императора Николая и всей августѣйшей фамиліи. Вотъ статья о семъ балѣ профессора С. П. Шевырева [1].

А. С. Наставинъ.

Русскій праздникъ, данный въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ

9-го и 11-го апрѣля 1849 г.

Въ субботу Свѣтлой недѣли, 9-го апрѣля, въ домѣ московскаго градоначальника, въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ и всего августѣйшаго ихъ семейства, совершился вполнѣ русскій праздникъ. Ровно два мѣсяца тому назадъ, 9-го февраля, московское общество видѣло одинъ прекрасный эскизъ той картины, которая, теперь, вполнѣ доконченная, во всемъ блескѣ и великолѣпіи, предстала наконецъ взорамъ державныхъ гостей Москвы, и праздникъ достигъ своей цѣли.

Англичане XVI столѣтія, пышный дворъ Елисаветы и сама королева, съ своими приближенными, открыли шествіе. Англіи уступила шагъ смиренная Россія, сознавая, что на пути всемірнаго образованія Англія шла впереди.

За нею развернулось, какъ великолѣпный, безконечный свитокъ, Русское царство. Мы поклонились красотѣ златоверхаго Кіева и славнаго города Владиміра Въ скромномъ величіи прошли передъ нами сѣдовласая Москва и уже степенный Петербургъ. Многіе города, громкіе памятью исторіи, прислали своихъ представителей на праздникъ: Бѣлозерскъ, Черниговъ, Ростовъ, Угличь, древнія княженія, Вязьма, извѣстная битвой, сокрушившей силу непріятеля, Галичь, блиставшій вѣрнымъ, жемчужнымъ нарядомъ женъ своихъ, Вологда, Пермь, Екатеринодаръ, Петрозаводскъ. Уфа дала живописнаго башкирца съ мѣткими стрѣлами. Подолія—прекрасную малороссіянку. Вильно—такую же литвинку, стройную и русокудрую, съ задумчивыми очами сѣвера. Грузія—новую грузинку, не уступившую первой. Гостья Невы изъ Петербурга перелетѣла въ горный Дагестанъ и вышла своенравной черкешенкой. Екатеринославъ прислалъ юную чету переселенцевъ сербовъ. Бѣлостокъ красовался видной парою. Черноокая Бессарабія напоминала нѣгу Азіи, и при ней великолѣпенъ былъ молдаванинъ, въ чалмѣ и парчахъ во-

[1] «Московскія Вѣдомости» 1849 г. четвергъ, 21 апрѣля, № 48.

стока. Снова кланялись мы и прежнимъ знакомымъ, и плѣнительному Воронежу, и пышной калужанкѣ, которую велъ царскій сокольничій, Рязани и Тамбову, которые остались вѣрны мѣстнымъ народнымъ одеждамъ, и восточнымъ глазамъ Дербента.

Историческія лица по временамъ перерывали шествіе. Среди этой пышности, въ величавой простотѣ явился русскій мужикъ села Домнина, Иванъ Сусанинъ, въ смуромъ кафтанѣ, въ черныхъ рукавицахъ, съ дубиной въ рукѣ, весь занесенный снѣгомъ. Тутъ, подъ Нижнимъ Новгородомъ шелъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, въ ратной одеждѣ древняго воеводы, съ своимъ вѣрнымъ Кузьмою. За Архангельскомъ, бѣжалъ въ Москву учиться рыбацкой сынъ съ Холмогоръ, 16-ти лѣтъ, въ нагольномъ тулупѣ, накинутомъ на плечо, съ сѣтью въ одной рукѣ, съ ариеметикой Магницкаго въ другой. Добрыня, открывавшій шествіе, ливонскій рыцарь по серединѣ, Ермакъ въ заключеніи, еще умножившій свои сибирскія племена, были по прежнему величавы.

Передъ каждымъ городомъ или областію боярскій отрокъ несъ гербъ. Дѣти—лучшій цвѣтъ московскаго дворянства—миловидной прелестью возраста и русской одежды, украшали это шествіе и придавали его степенной важности что-то милое, кроткое и веселое.

Пятьдесятъ шесть паръ стали въ ряды. По обычаю русскаго народа, какъ бы одна рука сняла шляпу съ мущинъ и однимъ поклономъ привѣтствовали всѣ державныхъ посѣтителей праздника.

И вотъ раздались русскія пѣсни. И подъ ихъ родные напѣвы начали свиваться и развиваться хороводы, и скромныя жены и дѣвы клали руку на плечо величавымъ боярамъ и добрымъ молодцамъ.

При видѣ этого зрѣлища, при звукахъ родныхъ пѣсенъ, не одно плечо подъ тяжкимъ генеральскимъ эполетомъ подымалось отъ знакомаго русскаго чувства, и конечно, не одно сердце билось русскимъ трепетомъ.

Когда разступился хороводъ на двѣ стороны, дѣти прошли строемъ съ своими значками и преклонили ихъ передъ императорскими величествами.

Строгія и многодумныя очи нашего государя обвеселились на этомъ русскомъ праздникѣ, и свѣтлая улыбка выражала радость его русскаго сердца.

И шествіе и хороводъ повторились по желанію ихъ величествъ. Государь императоръ и государыня императрица благоволили дарить ласковое слово всѣмъ, участвовавшимъ въ этомъ праздникѣ. Дѣти были осыпаны ласками ихъ и всего августѣйшаго семейства.

По желанію ихъ величествъ, праздникъ повторился 11-го апрѣля въ залѣ россійскаго благороднаго собранія. Державные гости праздника, для которыхъ онъ былъ учрежденъ, пожелали раздѣлить свое удовольствіе и съ тѣмъ московскимъ обществомъ, которое въ первый разъ не могло его видѣть. Зала собранія, растворенная настежь его старшинами для всѣхъ желавшихъ, едва могла вмѣщать посѣтителей. И здѣсь было тѣсно развернуться всему русскому царству во всемъ его великолѣпіи, но прекрасны были два круга полнаго хоровода, женскій и мужскій, первый во второмъ, для которыхъ зала не смотря на множество, дала пространство.

Между тѣмъ какъ шумѣлъ, тѣснился и толпился балъ собранія,—въ комнатахъ, приготовленныхъ для государыни императрицы, произошло событіе, котораго не забудутъ конечно ни дѣти наши, принявшія въ немъ участіе, ни дѣти дѣтей нашихъ. Ихъ угощала царская ласка и милость. Какъ цвѣты, раз-

сыпались они по коврамъ, и какъ мотыльки рѣзвились на нихъ около государыни императрицы и великихъ княгинь. Державный властелинъ милліоновъ и нѣжный отецъ благословеннаго семейства, который, какъ всѣмъ еще памятно, любилъ, отдыхая отъ заботъ государственныхъ, играть съ своими дѣтьми, игралъ также и съ нашими. Не одно живое и искреннее слово вылетало изъ устъ невинныхъ малютокъ, не привыкшихъ сковывать чувство и языкъ осторожностью и свѣтскимъ приличіемъ. Открытый младенческій лепетъ находилъ прямой доступъ къ чадолюбивому сердцу государя и государыни. И вотъ ихъ царственной милостью, съ дѣтскаго пира, вышли отроки пажами двора ихъ императорскихъ величествъ. И счастливая вѣсть изъ дѣтскихъ устъ понеслась по залѣ собранія, а потомъ и по всей Москвѣ, и дѣти передавали родителямъ свою сердечную радость о томъ, какъ государыня ихъ ласкала и угощала, какъ государь игралъ съ ними, и какъ вышли они пажами съ царскаго угощенія.

Не забудется, конечно, никогда въ Москвѣ этотъ праздникъ, котораго мысль принадлежитъ супругѣ московскаго градоначальника, а успѣхъ исполненія единодушному желанію московскихъ дворянъ представить взорамъ державныхъ гостей внѣшній видъ богатства и разнообразія одеждъ древней и новой Россіи. Конецъ же праздника, счастливый для столь многихъ семействъ, есть движеніе сердечной радости ихъ величествъ при взглядѣ на внѣшнюю красоту нашего отечества и на стремленіе всѣхъ насъ въ мысли о немъ соединиться съ ними.

О! да соединимся мы съ ними въ этой великой мысли, не на одномъ только праднпкѣ, не въ блескѣ минутнаго веселья, но во всей нашей жизни, во всѣхъ нашихъ желаніяхъ, помышленіяхъ, чувствахъ, дѣйствіяхъ, словахъ. Мысль о нашемъ возлюбленномъ отечествѣ, о его несокрушимыхъ силахъ, о его славѣ, могуществѣ, добрѣ, правдѣ, просвѣщеніи и особенно вѣрѣ, какъ главномъ источникѣ всѣхъ другихъ благъ, должна болѣе чѣмъ когда-нибудь проникнуть всѣ основы нашего бытія, одушевлять насъ и въ храмѣ Божіемъ, и въ царскомъ дворцѣ, и въ палатѣ закона, и на полѣ брани, на сушѣ и на морѣ, и въ храминѣ суда, и на каѳедрѣ ученаго, и въ словѣ писателя, и въ быту семейномъ, и въ занятіяхъ и досугахъ общественныхъ, и на биржѣ купеческой, и въ трудахъ земледѣльца. Мы счастливы тѣмъ, что эта мысль, выраженная прекраснымъ праздникомъ отъ лица просвѣщеннѣйшаго круга Москвы въ домѣ ея градоначальника, нашла глубокое сочувствіе въ самомъ хозяинѣ Россіи, которому Богъ ввѣрилъ ея величіе, добро и правду для счастія его народа, и который, въ теченіи 24-хъ лѣтъ своего царствованія, не переставалъ, какимъ-то отъ Бога даннымъ ему внушеніемъ, призывать насъ къ тому, чтобъ мы возвращались въ свое отечество. Пришла пора: не однимъ наружнымъ образомъ намъ въ него возвратиться, но и внутреннимъ! Отъ образованія западныхъ народовъ мы не откажемся, какъ свидѣтельствовала Англія, которой данъ шагъ впередъ на московскомъ праздникѣ. Но мы уже не будемъ рабολѣпно слѣдовать ему, а сознаемъ, что въ насъ есть свои особенныя, наши, завѣтныя силы, которыя далъ намъ Богъ, исторія, земля наша и которыхъ мы не должны ни сокрушать, ни искажать въ себѣ никакимъ раболѣпнымъ подражаніемъ!

С. П. Шевыревъ.

Порядокъ, въ которомъ слѣдовали лица, представлявшія дворъ королевы Елисаветы.

ДВОРЪ КОРОЛЕВЫ.

1. Княгиня Л. И. Волконская.	Князь А. Д. Абамеликъ.
2. Л. Н. Ховрина.	Д. Н. Батюшковъ.
3. Е. Д. Хрущова.	Н. А. Денисьевъ.
4. А. П. Мартынова.	Н. С. Римскій-Корсаковъ.
5. М. А. Ребиндеръ.	Кн. М. Б. Черкаскій.
6. Кн. Ек. Н. Абамеликъ.	Н. Н. Волковъ.
7. С. А. Олсуфьева.	В. А. Олсуфьевъ.
8. Н. Н. Пушкина.	Б. М. Маркевичъ.
9. Ек. А. Хлопова.	П. А. Хлоповъ.
10. Бар. А. П. Боде.	Ѳ. М. Сухотинъ.
11. Н. И. Писарева.	Н. Д. Масловъ.
12. Н. Н. Васильчикова.	А. Л. Верещагинъ.
13. Кн. А. В. Голицына.	Н. А. Бахметьевъ.
14. Гр. В. П. Толстая.	П. А. Коробьинъ.
15. А. Я. Теплова.	А. Д. Столыпинъ.
16. Н. С. Хитрова.	Ѳ. Н. Хитровъ.
17. С. В. Ладомірская.	В. Ѳ. Самаринъ.
18. К. П. Ермолова.	М. П. Демидовъ.
19. Н. А. Ивинская.	А. А. Дурновъ.
20. М. А. Хлопова.	А. Н. Тиньковъ.
21. Т. Г. Орфано.	П. А. Скуратовъ.
22. П. А. Козлова.	А. А. Турчаниновъ.
23. А. И. Аникѣева.	П. А. Жихаревъ.
24. В. А. Богдановская.	В. В. Зубковъ.
25. Кн. М. А. Львова.	Г. А. Чертковъ.
26. Ек. А. Акинѳова.	Н. Н. Бабарыкинъ.
27. С. А. Богдановская.	Д. Д Благово.
28. П. В. Зубкова.	Кн. М. М. Долгорукій.
29. Кн. А. А. Долгорукая.	И. С. Пашковъ.
30. Кн. Е. С. Мещерская.	П. И Базилевскій.
31. А. П. Неболсина.	В. А. Ларской.

ПАЖИ.

В. Лужинъ, Л. Лужинъ, А. Мельгуновъ, Кн. П. Грузинскій, М. Талызинъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА И ГРАФЪ ЛЕЙЧЕСТЕРЪ { Графиня Н. А. Орлова-Денисова и Баронъ Л. Л. Боде.

СВИТА КОРОЛЕВЫ:

С. М. Сухотинъ (Сюссексъ).	Н. П. Ермоловъ (Ралей).
Н. С. Римская-Корсакова.	Л. Н. Волкова.
Е. К. Сафонова.	С. С. Мельгунова.
М. А. Могилевская.	О. А. Могилевская.
М. А. Талызина.	Н. К. Аверкіева.

Порядокъ, въ какомъ слѣдовали лица, представлявшія столицы, города, области и народы русской имперіи, равно и отроки, несшіе гербы.

Двое рындъ—А. С. Кирѣевскій и П. А. Кутузовъ.

Русскій витязь (Добрыня)—Н. М. Дашковъ.

Княжескіе отроки { А. Ѳ. Панютинъ кн. П. О. Грузинскій, Н. С. Киселевъ, кн. Е. О. Грузинскій и П. С. Киселевъ.

Кіевъ. Отрокъ.—Кн. А. Голицынъ.
1. С. Н. Казакова и М. А. Писаревъ.

Владиміръ. Отрокъ.—В. Лопухинъ.
2. Княгиня Н. В. Оболенская и М. А. Волковъ.

Москва. Отрокъ.—Гр. В. Ростопчинъ.
3. Кн. С. В. Мещерская и графъ Н. П. Апраксинъ.

С.-Петербургъ. Отрокъ.—Кн. М. Голицынъ.
4. Кн. В. А. Черкаская и кн. А. С. Долгорукій.

Новгородъ. Отрокъ.—В. Пашковъ.
5. Гр. С. В. Толстая и В. В. Рѣшетовъ.

Бѣлозерскъ. Отрокъ.—С. Перфильевъ
6. Е. А. Васильчикова и Е. П. Новиковъ.

Псковъ. Отрокъ.—Э. Кирѣевскій.
7. Е. Д. Хрущова и С. Ѳ. Сафоновъ.

Смоленскъ. Отрокъ.—Кн. М. Долгорукій.
8. М. А. Лачинова и Н. А. Мамоновъ.

Вязьма. Отрокъ —В. Хлоповъ.
9. Княгиня Е. В. Гагарина и В. А. Дашковъ.

Черниговъ. Отрокъ.—А. Базилевскій
10. Княгиня Н. В. Оболенская и Д. А. Наумовъ

Ярославль. Отрокъ.—Ѳ. Рюминъ.
11. Е. Ф. Денисьева и И. М. Мацневъ

Ростовъ. Отрокъ.—М. Талызинъ.
12. Н. А. Нарышкина и Н. А. Деревицкій.

Угличъ. Отрокъ.—А. Супоневъ.
13. С. А. Пономарева и кн. Р. А. Оболенскій.

Рязань. Отрокъ.—П. Ладомірской.
14. Баронесса П. Г. Розенъ и кн. А. Б. Черкаскій.

Курскъ. Отрокъ.—А. Нащокинъ.
15. Е. П. Хитрово и К. Н. Хитрово.

Тверь. Отрокъ.—Кн. А. Львовъ.
16. В. Н. Берингъ и Н. Н. Гордѣевъ.

Кострома. Отрокъ.—Кн. А. Хилковъ.
Иванъ Сусанинъ.—М. Г. Высотскій.
17. М. Д. Черевина и А. Ѳ. Ладыженскій.

Галичъ. Отрокъ.—А. Пономаревъ.
18. Н. А. Пономарева и П. П. Засѣцкой.

Нижній-Новгородъ. Отрокъ.—И. Бартоломей.
Князь Д. М. Пожарскій и Козма Миничъ Сухорукій { В. Г. Коробьинъ. / Кн. Ю. А. Оболенскій.
19. Княжна Е. С. Горчакова и П. А. Талызинъ.

Вологда. Отрокъ.—Н. Львовъ.
20. С. Н. Львова и А. С. Мельгуновъ.

Архангельскъ. Отрокъ.—С. Лярской.
21. П. Н. Рахманова и Ѳ. П. Корниловъ.

Холмогоры. М. В. Ломоносовъ, рыбацкой сынъ 16 лѣтъ.—А. А. Лярской (сынъ).

Пермь. Отрокъ.—Н. Яковлевъ.
22. М. А. Колокольцова и Н. Л. Верещагинъ.

Казанское царство. Отрокъ.—Кн. П. Гагаринъ.
23. Княжна Л. Н. Гагарина и Л. И. Горсткинъ.

Астраханское царство. Отрокъ.—Кн. Н. Гагаринъ.
24. Княжна А. Н. Гагарина и кн. Д. В. Гагаринъ.

Тула. Отрокъ.—Н. Пономаревъ.
25. Н. К. Сафонова и князь С. В. Вадбольскій.

Калуга. Отрокъ.—Ю. Панинъ.
26. М. А. Новосильцова и В. Г. Высотскій.

Орелъ. Отрокъ.—В. Брандорфъ.
27. Е. С. Стрекалова и Н. Ѳ. Крузе.

Воронежъ. Отрокъ.—С. Толстой.
28. Е. В. Толстая и С. С. Смирной.

Симбирскъ. Отрокъ.—П. Мельгуновъ.
29. Княжна Е. Н. Голицына и кн. И. В. Гагаринъ.

Саратовъ. Отрокъ.—Б. Шевыревъ.
30. С. П. Бестужева и Д. О. Шеппингъ.

Уфа. Отрокъ.—А. Назимовъ [1]).
31. А. А. Назимова и кн. С. П. Голицынъ.

Пенза. Отрокъ.—А. Линдфорсъ.
32. А. П. Демидова и Д. И. Лужинъ.

---

[1]) 11-го апрѣля, по болѣзни, замѣненъ былъ княземъ П. Кропоткинымъ.

Тамбовъ. Отрокъ.—Кн. В. Долгорукій.
33. Княгиня А. Д. Оболенская и В. Б. Казаковъ.

Новочеркаскъ. Отрокъ.—А. Прибытковъ.
34 Княжна В. И. Грузинская и кн. В. Н. Гагаринъ (Донскіе казаки).

Екатеринодаръ. Отрокъ.—Кн. П. Мещерскій.
35. С. А. Черткова и С. Г. Высотскій (Черноморскіе казаки).

Полтава. Отрокъ.—П. Горсткинъ.
36. Княжна П. Д. Хилкова и С. И. Деспотъ-Зеновичъ

Харьковъ. Отрокъ.—В. Чашниковъ.
37. Е. А. Дюклу и А. М. Салтыковъ.

Сообщ. **А. С. Наставинъ.**

АЙГУНСКІЙ ТРАКТАТЪ

16-го мая 1858 г.

М. г. Михаилъ Ивановичъ. Полагая, что напоминаніе о славномъ присоединеніи къ Россіи Амурскаго края вполнѣ умѣстно на страницахъ вашего уважаемаго изданія, я сообщаю вамъ прилагаемый видъ скромнаго памятника закрѣпленія за Россіей этого края.

Изображенный на рисункѣ памятникъ воздвигнутъ, въ шести верстахъ отъ города Благовѣщенска, на мѣстѣ заключенія—16 мая 1858 г.—Айгунскаго договора. Текстъ этого договора, съ слѣдующимъ къ нему дополненіемъ изъ Пекинскаго трактата (1860 г.)—на случай, что у васъ подъ рукой не имѣется—также прилагаю.

Виновникъ пріобрѣтенія Амурскаго края, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, отошелъ нынѣ въ вѣчность. Такимъ образомъ голосъ его въ пользу присоединеннаго имъ обширнаго края смолкъ, но память о немъ жива въ краѣ, какъ крѣпнетъ тамъ все сильнѣе и крѣпче убѣжденіе, что краю этому предстоитъ подобающее будущее и что не далеко тò время, когда будетъ обращено на него должное вниманіе.

По возвращеніи моемъ изъ этихъ далекихъ странъ Сибири, я узналъ изъ февральской книги „Русской Старины" изд. 1882 г. неизвѣстное мнѣ до того обстоятельство, что поводомъ къ оставленію графомъ Николаемъ Николаевичемъ службы въ Восточной Сибири послужило, будто-бы, неудовлетвореніе его ходатайства объ отдѣленіи Амурскаго края отъ восточно-сибирскаго генералъ-губернаторства, съ образованіемъ отдѣльнаго генералъ-губернаторства на Амурѣ. Самая же мысль о пользѣ такого отдѣленія, включая въ оное забайкальскую область и весь Амурскій край съ Владивостокомъ,—раздѣляется тамъ всѣми. Пользу этой мѣры врядъ ли и можно отрицать какъ въ административномъ, такъ и въ военномъ и въ политическомъ отношеніяхъ,—

и потому если прилагаемый видъ поможетъ, въ свою очередь, навести на эту мысль, то помѣщеніемъ его въ вашемъ изданіи вы окажете немалую услугу.

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи моемъ и проч. Михаилъ Галкинъ-Враскій.

28-го октября 1882 г.
С.-Петербургъ.

„Великаго Россійскаго государства главноначальствующій надъ всѣми губерніями Восточной Сибири, Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Николай Муравьевъ и великаго Дайцинскаго государства генералъ-адъютантъ, придворный вельможа, амурскій главнокомандующій князь И-Шань, по общему согласію, ради бо̀льшей вѣчной взаимной дружбы двухъ государствъ, для пользы ихъ подданныхъ, постановили“:

„1) Лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морскаго устья рѣки Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, считая внизъ по теченію до рѣки Усури, владѣніемъ Дайцинскаго государства; отъ рѣки Усури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцинскаго и Россійскаго государствъ. По рѣкамъ Амуру, Сунгари и Усури могутъ плавать только суда Дайцинскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ-же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно. Находящихся по лѣвому берегу рѣки Амура отъ рѣки Зеи на югъ, до деревни Хормолдзинъ, маньчжурскихъ жителей оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, подъ вѣдѣніемъ манчжурскаго правительства, съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидъ и притѣсненіи имъ не дѣлали“.

„2) Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля, проживающимъ по рѣкамъ Усури, Амуру и Сунгари подданнымъ обоихъ государствъ, а начальствующіе должны взаимно покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ“.

„3) Что уполномоченный Россійскаго государства генералъ-губернаторъ Муравьевъ и уполномоченный Дайцинскаго государства амурскій главнокомандующій И-Шань, по общему согласію, постановили—да будетъ исполняемо въ точности и ненарушимо на вѣчныя времена; для чего Россійскаго государства генералъ-губернаторъ Муравьевъ, написавши на русскомъ и манчжурскомъ языкахъ, передалъ Дайцинскаго государства главнокомандующему И-Шань, а Дайцинскаго государства главнокомандующій И-Шань, написавши на маньчжурскомъ и монгольскомъ языкахъ, передалъ Россійскаго государства генералъ-губернатору Муравьеву. Все здѣсь написанное распубликовать во извѣстіе пограничнымъ людямъ двухъ государствъ. Городъ Айхунь, мая 16-го дня 1858 года“.

„Подписали: всемилостивѣйшаго государя моего императора и самодержца всея Россіи генералъ-адъютантъ, генералъ-губернаторъ восточной сибири, генералъ-лейтенантъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Николай Муравьевъ; службы его императорскаго величества, государя и самодержца всея Россіи, по министерству иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ Петръ Перовскій; Амурскій главнокомандующій И-Шань, помощникъ дивизіоннаго начальника Дзираминга. Скрѣпили: состоящій при генералъ-губернаторѣ восточной сибири переводчикъ губернскій секретарь Яковъ Шишмаревъ, ротный командиръ Айжиндай“.

Дѣятельныя распоряженія въ Амурскомъ краѣ и заключеніе Айгунскаго трактата были вознаграждены всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ Н. Н. Муравьеву титула графа Амурскаго.

Затѣмъ, въ 1860 году, при заключеніи графомъ Н. П. Игнатьевымъ 2-го ноября того же года Пекинскаго трактата, въ подтвержденіе и поясненіе первой статьи вышеприведеннаго Айгунскаго договора,—было опредѣлено: „съ сихъ поръ восточная граница между двумя государствами, начиная отъ сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни, пойдетъ внизъ по теченію рѣки Амура до мѣста сліянія сей послѣдней рѣки съ рѣкою Усури. Земли, лежащія по лѣвому берегу (на сѣверъ) рѣки Амура, принадлежатъ Россійскому государству, а земли лежащіе на правомъ берегу (на югъ), до устья рѣки Усури, принадлежатъ китайскому государству. Далѣе отъ устья рѣки Усури до озера Ханкай, границ-

ная линія идетъ по рѣкамъ Усури и Сун'гача. Земли, лежащія по восточному (правому) берегу сихъ рѣкъ, принадлежатъ Россійскому государству, а по западному (лѣвому), китайскому государству. Затѣмъ, граничная между двумя государствами линія, отъ истока рѣки Сун'гача, пересѣкаетъ озеро Ханкай и идетъ къ рѣкѣ Бэлэнъ-хэ (Туръ), отъ устья же сей послѣдней, по горному хребту, къ устью рѣки Хубиту (Хубту), а отсюда по горамъ, лежащимъ между рѣкою Хунь-чунь и моремъ до рѣки Ту-мынь-дзянъ. Здѣсь также, земли лежащія на востокъ, принадлежатъ Россійскому государству, а на западъ китайскому. Граничная линія упирается въ рѣку Ту-мынь-дзянъ на двадцать китайскихъ верстъ (ли), выше впаденія ея въ море".

Сообщ. **М. Н. Галкинъ-Враскій.**

ВИДЪ ПАМЯТНИКА АЙГУНСКАГО ДОГОВОРА
16-го мая 1858 г.

Императоръ Николай въ городѣ Чембарѣ

въ 1836 году.

Въ февральской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1883 г., т. XXXVII, стр. 497, помѣщена замѣтка А. Селиванова на мою статью: „Императоръ Николай Павловичъ въ Чембарѣ въ 1836 году“, помѣщенную въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г. т. XXXVI (декабрь), причемъ авторъ замѣтки указываетъ на неправильную будто-бы передачу мною нѣкоторыхъ фактовъ описаннаго происшествія. Въ основѣ всякаго историческаго сообщенія, хотя бы оно и не представляло особенной важности, должна быть прежде всего истина. Во имя этой истины я и не счелъ возможнымъ оставить замѣтку г. Селиванова безъ возраженія, и вполнѣ увѣренъ, что редакція уважаемаго изд. „Русской Старины“, всегда съ полною готовностью открывающая страницы своего журнала всѣмъ поясненіямъ и опроверженіямъ на всякаго рода историческія статьи, въ „Русской Старинѣ“ появляющіяся, дастъ мѣсто и настоящему моему объясненію.

Статья моя составлена была со словъ живыхъ свидѣтелей и по оффиціальнымъ даннымъ. Если свидѣтельство первыхъ можно иногда заподозрить въ достовѣрности, по свойственной всякому человѣку забывчивости, то едва ли это возможно допустить по отношенію къ письменнымъ документамъ, да еще оффиціальнымъ. На основаніи этихъ-то документовъ и свидѣтельства живыхъ современниковъ описаннаго событія, я утверждаю, что первую перевязку императору Николаю Павловичу сдѣлалъ чембарскій уѣздный врачъ Цвернеръ, а не Ельцинскій. Чембарскій предводитель дворянства, Подладчиковъ, въ письмѣ своемъ пензенскому губернатору Панчулидзеву, отъ 26 августа, называетъ именно Цвернера, а не кого-либо другаго. Далѣе, гр. Бенкендорфъ въ оффиціальномъ письмѣ Панчулидзеву (8 сент. № 179), извѣщая его о всемилостивѣйшемъ пожалованіи подарковъ и денежныхъ наградъ разнымъ лицамъ, называетъ въ числѣ ихъ и Цвернера: „уѣздному врачу Цвернеру государь императоръ соизволилъ пожаловать подарокъ въ 2000 р. и деньгами 3000 р.“.

Если вниманіе государя простиралась до того, что онъ не оставилъ безъ награды даже почтальоновъ, доставлявшихъ для высочайшаго стола провизію изъ Пензы, то какимъ образомъ можно объяснить, что былъ забытъ имъ человѣкъ, подавшій ему первую медицинскую помощь? Этого, конечно, быть не могло, поэтому и въ спискѣ лицъ, удостоенныхъ всемилостивѣйшей награды, нѣтъ Ельцинскаго, а есть Цвернеръ, получившій, въ числѣ прочихъ, наибольшую награду, какъ и слѣдуетъ человѣку, оказавшему наибольшую услугу государю.

Въ Чембарѣ въ 1836 году было всего только два врача: уѣздный Цвернеръ, тогда еще молодой человѣкъ, и городовой Бѣлинскій—отецъ нашего литературнаго критика, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Не смѣшалъ ли г. Селивановъ Ельцинскаго съ Бѣлинскимъ?

Ничего нѣтъ удивительнаго, что государь послѣ перевязки написалъ письмо къ императрицѣ: правая рука у него была здорова; онъ чувствовалъ себя еще на столько бодрымъ, что могъ пройти пятиверстное разстояніе отъ мѣста

катастрофы до города пѣшкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ страдалъ, но сильная воля его позволяла ему скрывать свои страданія до такой степени, что онъ дорогою разговаривалъ съ начальникомъ внутренней стражи Грачевымъ, а войдя въ приготовленное для него помѣщеніе, еще запѣлъ: „Спаси, Господи, люди Твоя".

Съ письмомъ къ императрицѣ посланъ былъ въ 5 часовъ утра (значитъ часа черезъ 3 или 4 послѣ катастрофы) фельдъегерь Вейсмаръ, а не Подгорный. Объ этомъ предводитель дворянства упоминаетъ и въ письмѣ своемъ къ губернатору. Скоро-ли вернулся онъ изъ Петербурга, гдѣ въ то время находилась императрица, и дѣйствительно-ли онъ отъ усталости не могъ долѣе держаться на ногахъ, сѣлъ на кресло и заснулъ такъ крѣпко, что его съ креслами вынесли и онъ проспалъ болѣе сутокъ—объ этомъ я ничего не скажу, хотя замѣчу кстати, что такой случай не укрылся бы отъ современниковъ описаннаго происшествія, но объ немъ они умалчиваютъ.

Трудно допустить, что причиною несчастія, случившагося съ государемъ, былъ пьяный лейбъ-кучеръ, который заснулъ на козлахъ и выпустилъ возжи изъ рукъ, какъ увѣряетъ г. А. Селивановъ. Обстоятельство это само по себѣ такъ важно, что его нельзя было бы скрыть отъ слѣдователей, производившихъ строгое дознаніе о причинѣ несчастія, между тѣмъ объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ ни слова. Скорѣе всего слѣдуетъ объяснить случившуюся катастрофу, вопервыхъ, слишкомъ шибкой ѣздой, которая не была сдержана и при спускѣ съ горы, хотя и отлогой, тяжелаго экипажа, который къ тому же не былъ заторможенъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что форейторъ свалился съ лошади; не случись послѣдняго, выносныя лошади, никѣмъ неуправляемыя, не наскочили бы на тротуаръ дороги. Паденіе форейтора съ лошади обнаружено слѣдствіемъ и не подлежитъ сомнѣнію. Объясненіе г. А. Селиванова, что форейторъ, при спускѣ съ горы, желая задержать дышловыхъ лошадей, сначала хлесталъ ихъ кнутомъ, а потомъ повисъ на дышлѣ—едва ли можно допустить. Какъ онъ могъ очутиться вдругъ на дышлѣ, когда лошади неслись съ горы? Этого не могъ бы сдѣлать, я полагаю, и лучшій изъ волтижеровъ.

Д. В. Ильченко.

г. Пенза.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1883 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

Изслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

Переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Николая I.

Царствованія Александра II и Александра III.

Исторія русской литературы.

Исторія художествъ и искусствъ.

Портреты и рисунки.

V. Рисунокъ памятника Айгунскаго договора, 1858 г., близъ г. Благовѣщенска. Рисов. П. Ѳ. Борель, гравир. А. Даугель.

(См. стр. 728).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по оффиціальнымъ документамъ Н. Гиббенетъ. Ч. I. Спб. 1882. (На оберткѣ 1-й кн. „Русской Старины“ 1883 г.).
2. Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Изслѣд. Г. Перетятковича. Одесса. 1882. (Тамъ-же).
3. Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ проф. Брикнера. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1882. (Тамъ-же).
4. Историческій очеркъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Составилъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Н. П. Глиноецкій. Спб. 1882. (На оберткѣ 2-й книги „Русской Старины“ 1883 г.).
5. Louis XV et Elisabeth de Russie. Etude sur les relations de la France et de la Russie au XVIII-me siècle. Par Albert Vandal. Paris. 1882. (Тамъ же).
6. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе Дм. Кобеко. Спб. 1882. (Тамъ-же).
7. Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи. Изданіе с.-петербургскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Выпускъ 1-й 1869 г. Вып. 2-й 1871 г. Вып. 3-й 1873 г. Вып. 4-й 1875 г. Вып. 5-й 1876 г. Вып. 6-й 1878 г. (На оберткѣ 3-й книги „Русской Старины“ 1883 г.).
8. Меттернихъ и европейская реакція. В. К. Надлера. Харьковъ. 1882. (Тамъ-же).
9. Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Прилож. къ XXI т. Записокъ Акад. Наукъ. Спб. 1882. (Тамъ-же).

Замѣтки: № 3—Ред.; № 4—кн. Н. С. Голицына; № 7—профес. Н. И. Барсова; прочія—профес. В. С. Иконникова.

Алфавитный Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ томѣ XXXVII-мъ «Русской Старины» изд. 1883 г., выйдетъ въ декабрѣ сего года отдѣльною книгою вмѣстѣ съ указателями къ XXXVIII—XL томамъ.

Примѣчаніе для переплетчика. Алфавитный Указатель личныхъ именъ къ XXXV—XXXVI томамъ „Русской Старины“ изд. 1882 г., пришитый къ январьской книгѣ 1883 г., долженъ быть отдѣленъ и переплетенъ при декабрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1882 г.

ОТЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ октябрѣ 1879 года русская наука понесла великую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора московскаго университета, автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Сергѣя Михайловича Соловьева. Съ тѣхъ поръ какъ изъ среды самаго университета, такъ и со стороны многочисленныхъ почитателей покойнаго, разсыпанныхъ по всей Россіи, не прекращались заявленія о необходимости выразить уваженіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности наиболѣе соотвѣтствующимъ ея характеру способомъ. Заявленія о томъ поступали не только отъ ученыхъ учрежденій и обществъ, изъ которыхъ во многихъ покойный Соловьевъ былъ почетнымъ членомъ, но и отъ людей, посвятившихъ себя болѣе широкой общественной дѣятельности. Память покойнаго, какъ ученаго, такъ много и съ такою славою трудившагося для науки и Россіи; его заслуги, какъ писателя, всѣми признанныя и высоко цѣнимыя; его благородный образъ мыслей и дѣйствій и его просвѣщенный взглядъ на современные вопросы русской жизни; его благотворное участіе въ воспитаніи многихъ поколѣній (съ 1845 по 1879 г.) русскихъ студентовъ; высокій примѣръ самоотверженной преданности и безграничной любви къ наукѣ и отечественному просвѣщенію,—все это побуждало людей, питавшихъ уваженіе къ памяти покойнаго, ходатайствовать объ учрежденіи при московскомъ университетѣ, какъ мѣстѣ его постояннаго служенія, стипендіи и преміи за лучшія историческія сочиненія, имѣющихъ раздаваться отъ его имени.

Нынѣ Государь Императоръ высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора добровольныхъ пожертвованій на составленіе капитала для учрежденія при московскомъ университетѣ стипендіи и преміи имени С. М. Соловьева.

Объявляя о семъ во всеобщее свѣдѣніе, московскій университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей покойнаго доставлять свои пожертвованія въ правленіе университета съ обозначеніемъ: назначаются ли предлагаемыя ими пожертвованія на стипендію и премію вмѣстѣ, или только на которую нибудь изъ нихъ. Такъ какъ дѣятельность покойнаго обращена была на пользу русскихъ людей многихъ поколѣній и не останется безъ благотворнаго вліянія на людей поколѣній будущихъ, то московскій университетъ съ равною признательностію приметъ и посильное приношеніе отъ учащихся, и пожертвованіе отъ людей, какъ воспитавшихся на сочиненіяхъ С. М. Соловьева, такъ и бывшихъ свидѣтелями первыхъ успѣховъ его на литературномъ и педагогическомъ поприщѣ.

---

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1882 г.

При „Русской Старинѣ“ 1882 года приложены портреты: императрица **Анна Іоанновна**; **Петръ III**; **Екатерина II** (въ день 28-го іюня 1762 г.);—императрица **Марія Θеодоровна** (1801 г.); в. кн. **Михаилъ Павловичъ**; в. к-ня **Елена Павловна**; Д. П. **Трощинскій**; Е. П. **Кашкинъ**; М. А. **Бестужевъ**; кн. А. И. **Одоевскій**; Натальи Ник. **Гончарова** (невѣста великаго поэта Пушкина); графъ М. Т. **Лорисъ-Меликовъ**.

Въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., между прочимъ, напечатаны: статьи профес.: И. Е. Андреевскаго, Н. И. Барсова, Д. И. Иловайскаго, Н. И. Костомарова; барона А. П. Николаи; кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго; Ад. П. Берже; М. И. Венюкова; В. А. Гольцева; П. А. Ефремова, А. Е. Егорова; В. И. Жмакина, И. И. Ореуса, магистра рус. ист. В. И. Семевскаго; В. Е. Якушкина, И. С. Ремезова, А. А. Чумикова, Н. К. Шильдера, В. К. Шульца, Д. В. Ильченко, и друг. Записки и воспоминанія: Несчастнаго, содержащія въ себѣ путешествіе въ Сибирь по канату; Штрандмана; Я. И. Санглена; профес. Ростиславова (о духовенствѣ); И. В. Селиванова (старый сенатъ); сенатора Я. А. Соловьева; графа М. Н. Муравьева-Виленскаго (1863—1865 гг.); Кудрявцевой—дочери короля Польскаго Станислава Понятовскаго; Т. Пассекъ; Записки Сельскаго Священника; Г. К. Градовскаго (Цензура и печать при Лонгиновѣ и В. В. Григорьевѣ, 1872—1879 гг.); А. А. Вязмитинова (Севастополь въ 1854—1855 г.); П. В. Алабина (Русскіе въ Венгріи, 1849 г.); Воспоминанія С. С. Порошина; Петербургъ въ 1710—1711 гг. по разсказу очевидца; „Судъ надъ русскимъ писателемъ А. Н. Радищевымъ въ 1790 г.“; — „Петербургъ 28-го іюня 1762 г.“; — Очерки: „Амвросій Протасовъ, архіепископъ“; — „Архіепископъ Ириней Нестеровичъ“; — „Священникъ Θеодосій Левицкій“; — „Масоны“. — Собраніе матеріаловъ къ исторіи царствованія имп. Павла и къ его характеристикѣ, сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій и друг.; — Императрица Марія Θеодоровна † 1828 г. (ея духов. завѣщаніе и ея труды по женск. образов.);—Костюшко и Александръ I;—Николай I (его переписка съ ген. Дибичемъ); — „Междуцарствіе въ Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г.“ (обширное собраніе неизданныхъ матеріаловъ, ярко освѣщающихъ событія и дѣятелей того времени);—„Пугачевъ и Пугачевцы въ селѣ Тресвятскомъ“ (разсказы очевидцевъ);—Кн. А. Н. Голицынъ и архим. Фотій (переписка);—Сперанскій въ воспоминаніяхъ Остзейца; —„Въ Прибалтійскомъ краѣ“—изъ записокъ одного чиновника;—Александръ II и кн. М. Д. Горчаковъ въ 1861 г. (мятежъ въ Варшавѣ); „С.-Петербургское интендантство въ 1864—1866 гг.“—записки генер.-лейт. В. Д. Кренке;—Военно-политическая записка М. Д. Скобелева, 1878 г.;—Переписка А. С. Пушкина съ Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ;—Лермонтовъ и неизд. его поэмы;—„Князь А. А. Суворовъ въ воспоминаніяхъ профес. И. Е. Андреевскаго“;—„Князь Василько“—поэма въ стихахъ кн. А. И. Одоевскаго;—„Сонъ Попова“ поэма-шутка графа А. К. Толстого; — Акварелистъ П. Θ. Соколовъ († 1848 г.);—Профессоръ живописи Келеръ (его автобіографія); — Къ исторіи искусствъ въ Россіи, очерки И. Н. Божерянова;—Великая княгиня Елена Павловна († 1873 г.) — очеркъ къ ея біографіи;—А. И. Тургеневъ, 1830—1845 гг.; О. А. Петровъ;—Императоръ Николай въ Чембарѣ и Харьковѣ;—Іосифъ Семашко и проч. и проч.

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

(Имѣется «Русской Старины» изд. 1882 г.—89 экземп.).

и т. п.). Кстати исправимъ здѣсь небольшую неточность въ біографіи знаменитаго с.-петербургскаго архіепископа Сильвестра, допущенную въ VI томѣ. Сильвестръ былъ посвященъ въ монахи не «въ академіи», какъ сказано въ VI т. «свѣдѣній», и не въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, какъ утверждаетъ М. Ѳ. Архангельскій въ біографіи Сильвестра («Странникъ» 1875 г. т. I, стр. 4), а въ монастырѣ Кіево-Межигорскомъ (см. дѣло архива св. синода за 1726 г. № 242 (114), по прошенію архимандрита Межигорскаго монастыря Арсенія, по указу св. синода отъ 23 сентября 1726 г.

Н. И. Варсовъ.

Меттернихъ и европейская реакція. В. К. Надлера. Харьковъ. 1882. 286 стр. Ц. 2 р.

Въ шести главахъ небольшаго тома авторъ обозрѣваетъ одну изъ интереснѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальнѣйшихъ эпохъ новой европейской исторіи, отъ образованія священнаго союза по 1829 годъ. Книга эта написана, главнымъ образомъ, на основаніи мемуаровъ и корреспонденцій князя Меттерниха, вышедшихъ недавно въ Парижѣ (Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich etc. I—IV, 1880—1881); но при этомъ приняты во вниманіе и другіе, важнѣйшіе матеріалы и труды по настоящей эпохѣ (Толля, Мендельсонъ-Бартольди, Шпрингера, Гервинуса, Рейхлина, Баумгартена, Прокешъ-Остена, Мертенса). Къ нимъ можно было бы присоединить еще матеріалы собственно русскіе, относящіеся къ тѣмъ же событіямъ; но это не входило очевидно въ планъ автора, писавшаго свою монографію съ общеисторической точки зрѣнія; хотя въ своемъ предисловіи онъ поучительно обращается къ современнымъ событіямъ въ Россіи и указываетъ на примѣръ Запада, не нашедшаго успокоенія въ «бумажно-конституціонной свободѣ»... «Необходимо, чтобы свободныя учрежденія создались самою историческою жизнію народа, говоритъ авторъ, чтобы они выросли на народной почвѣ, какъ выросли они въ Англіи... Обаяніе либерализма утратилось повсемѣстно съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилась его неразрывная связь съ господствомъ капитала, съ эксплуатаціей. Потокъ европейской жизни видимо поворачиваетъ въ другую сторону. Стремленіе либерализма упразднить государство, превратить его въ полицеймейстера, обязаннаго охранять интересы либеральной плутократіи, встрѣчаетъ съ различныхъ сторонъ живой, энергическій отпоръ. Дѣло идетъ о возможно бо̀льшемъ усиленіи государства, о расширеніи самой сферы его значенія и дѣятельности. Одно государство можетъ взять на себя починъ соціальной реформы, одно оно можетъ спасти человѣчество отъ новыхъ ужасныхъ потрясеній и переворотовъ».

Такова основная точка зрѣнія автора на современный политическій міръ. Обращаясь къ нашей современности, онъ говоритъ: «Значительная часть нашей интеллигенціи утратила даже всякій историческій смыслъ, всякую способность вѣрнаго пониманія историческихъ явленій. Мы до сихъ поръ еще не уяснили себѣ значенія личности Петра В. и его дѣла; гигантъ, повернувшій нашъ народъ на новый путь, остается еще для насъ пока неразъяснимою загадкою. Если мы такъ обходились съ исторіей, что же послѣ этого удивительнаго, что мы ожидаемъ спасенія отъ новыхъ измышленій собственныхъ и привозныхъ... Мы жаждемъ конституціи. Исписанный листъ бумаги долженъ излѣчить всѣ наши недуги... Исторія давно уже произнесла свой приговоръ надъ этими обманчивыми и пагубными иллюзіями».

Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Прилож. къ XXI т. Записокъ Акад. Наукъ. Спб. 1882. Ц. 2 р.

Трудъ покойнаго археографа есть одинъ изъ результатовъ археографической экспедиціи, снаряженной полвѣка назадъ Академіей Наукъ по Россіи. Будучи обработанъ вполнѣ, онъ составилъ бы въ свое время почтенный вкладъ въ русскую литературу; но и въ настоящее время книга эта не лишняя въ ряду нашихъ библіологическихъ сочиненій. Редакція словаря принадлежитъ А. Ѳ. Бычкову и состояла въ сличеніи его съ другими изданіями подобнаго рода (пр. Евгенія Филарета), отношеніе къ которымъ и отмѣчается редакторомъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Въ концѣ же книги приложенъ алфавитный указатель именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ Словарѣ.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1883 г.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **двѣнадцать** книгъ, **четыре** большіе тома, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Большая Садовая, подлѣ Публичной Библіотеки, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 12.** Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, обзоры, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., **двѣнадцать** книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина 8 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 книгъ, съ 12-тью портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**